

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

*QCA

1845
Sept. - Oct.

Stromboli

*QCA

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

*Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscullant veritatem docentem.
Gersonus.*

ТОМЪ XLII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И К°.

1845.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810576
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1918 L

NOV 21 1875

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 31 августа 1845.

Цензоры: *И. Иваноскій* и *А. Мехелинъ*.

принадлежит Св. Синоду.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

І.

СЛОВЕСНОСТЬ.

М А Й К О В У.

Богъ въ помощь тебѣ, нашъ Юсифъ! ты младшій
Въ семьѣ сиротѣющей русскихъ пѣвцовъ;
Одинъ изъ немногихъ, въ награду за падшихъ,
За двухъ, жертвой вѣка погибшихъ сыновъ!

Богъ въ помощь, поэтъ, на стезѣ благородной;
Во брани и въ мирѣ,—молю небеса, —

Слѣсность:

**Иди не робѣя на подвигъ свободный:
Любовь и отвага творять чудеса!**

**Тотъ многое можетъ, кто голубь душою,
Душою младенецъ, а духомъ орелъ!
Приванію вѣришь?... Господь же съ тобою —
Великъ и прекрасенъ давидовъ символъ!**

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

7-го июля 1845.

КОРОЛЕВА МАРГО.

Романъ Александра Дюма.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

—

1.

Гороскопъ.

Катерина, возвратясь изъ образной, гдѣ разсказала своему сыну-любимцу все случившееся, застала у себя Рене.

Королева и астрологъ не видались съ-тѣхъ-поръ, какъ она была у него въ лавкѣ на Мосту-Сен-Мишель. Рене пришелъ лично отвѣчать на записку, полученную имъ вчера отъ королевы.

— Ну что? Вы видѣли его? спросила Катерина.

— Да.

— Что жъ онъ?

— Оправляется.

— Можетъ говорить?

— Нѣтъ; горло перерѣзано.

— Я вамъ сказала, чтобъ вы заставили его въ такомъ случаѣ писать.

— Пробовалъ; онъ самъ старался всѣми силами, но едва могъ написать только двѣ буквы, и то почти такъ, что разобрать нельзя; потомъ лишился чувствъ; шейная вѣна повреждена, и кровотечение отняло у него всѣ силы.

— Видѣли вы эти буквы?

— Вотъ онъ.

Ренé досталъ изъ кармана лоскутокъ бумага и подалъ Катеринѣ. Она поспѣшно его развернула.

— М и О, сказала она... Не-уже-ли это въ-самомъ-дѣлѣ былъ ла-Моль, и Маргерита разыграла комедію для того только, чтобъ отвратить подозрѣніе?

— Ваше величество, сказалъ Ренé:—если мнѣ позволено высказать свое мнѣніе на счетъ обстоятельства, о которомъ вы сами не знаете что думать, — я замѣчу, что ла-Моль слишкомъ влюбленъ и не станетъ серьезно заниматься политикой.

— Вы думаете?

— Да; и притомъ онъ влюбленъ въ королеву наваррскую, — следовательно, не можетъ быть чистосердечно преданъ королю. Истинная любовь не бываетъ безъ ревности.

— Такъ вы думаете, что онъ рѣшительно влюбленъ?

— Увѣренъ.

— Ужь не прибѣгалъ ли онъ къ вамъ?

— Да.

— И просилъ васъ дать ему какое-нибудь приворотное зелье?

— Нѣтъ, мы ворожили надъ восковой фигурой.

— Кольнули ее въ сердце?

— Да.

— И эта фигура цѣла?

— Она у васъ.

— У меня?

— Странно, сказала Катерина:—не-уже-ли эти кабалистическія приготовленія въ-самомъ-дѣлѣ производятъ дѣйствіе, которое имъ приписываютъ?

— Ваше величество въ состояніи судить объ этомъ лучше меня.

— Королева наваррская любитъ ла-Моля?

— Такъ, что готова погубить себя изъ-за него. Вчера она спасла его отъ смерти, рискуя собственною жизнью и честью. Вы знаете это, ваше величество, — и еще сомнѣваетесь.

— Въ чемъ?

— Въ наукѣ.

— Да, потому-что наука измѣнила мнѣ, отвѣчала Катерина, пристально посмотрѣвъ на Ренé.

Ренé какъ-нельзя-лучше выдержалъ этотъ взглядъ и спросилъ: когда?

— О! вы очень-хорошо знаете, что я хочу сказать; впрочемъ, можетъ-быть, измѣнила не наука, а ученый.

— Не знаю, что угодно сказать вашему величеству, отвѣчалъ Флорентинецъ.

— Ренé, не-уже-ли ваши духи потеряли запахъ?

— Нѣтъ, если я самъ ихъ употребляю; но легко можетъ быть, что, переходя черезъ чужія руки...

Катерина улыбнулась и покачала головою.

— Вангъ оиатъ надѣлалъ чудесъ, Ренé. У г-жи де-Совъ губы теперь свѣжѣе, нежели были когда-нибудь.

— Этимиъ она обязана не моему оиату; баронесса де-Совъ, пользуясь правомъ всякой хорошенькой женщины имѣть свои капризы, не упоминала болѣе объ оиатѣ; я же, съ своей стороны, послѣ того, что ваше величество изволили говорить мнѣ, счелъ за лучшее не посылать ей мази. Баночки еще у меня, исключая одной, которая пропала неизвѣстно куда...

— Хорошо; мы, можетъ-быть, еще поговоримъ объ этомъ. Теперь о другомъ.

— Я слушаю.

— Что надобно знать, чтобы опредѣлить приблизительно, сколько проживетъ человекъ?

— День рожденія, возрастъ и созвздіе, подѣ влияніемъ котораго онъ родился.

— Потомъ?

— Надобно достать его крови и волосы.

— И если я вамъ принесу его волосы и кровь, если скажу вамъ сколько ему лѣтъ, когда и подѣ какимъ созвздіемъ онъ родился, опредѣлите ли вы вѣроятную эпоху его смерти?

— Дá; ошибка можетъ быть только въ нѣсколькихъ дняхъ.

— Хорошо. Волосы его у меня есть, я достану и крови.

— Онъ родился днемъ или ночью?

— Шестаго 23 минуты ввечеру.

— Приходите ко мнѣ завтра въ пять часовъ; опытъ долженъ быть произведенъ въ самую минуту рожденія.

— Хорошо; мы прійдемъ.

Ренé поклонился и вышелъ, не замѣтивъ по-видимому словечка мн, которое, однакожъ, давало знать, что Катерина, противъ своего обыкновенія, прійдетъ не одна.

На другой день, на разсвѣтѣ, Катерина зашла къ сыну. Въ полночь она посылала узнать о его здоровьи, и ей сказали, что Парé собирается пустить ему кровь, если нервное раздраженіе не прекратится.

Онъ дрожалъ еще и во снѣ; блѣдный отъ потери крови, спалъ онъ, прислонившись къ плечу своей кормилицы; она цѣлые три часа не мѣняла своего положенія, опасаясь нарушить покой больного.

Легкая пѣна выступала по-временамъ на губахъ его, и корми-

лица отирала ее чистымъ батистовымъ платкомъ. На выголовъ лежалъ другой платокъ, весь въ крови.

Катерина пришло-было въ голову завладѣть этимъ платкомъ, но она вспомнила, что кровь тутъ смѣшана съ слюною, и не дастъ, можетъ-быть, настоящаго результата при опытѣ; она спросила у кормилицы, пускалъ ли докторъ кровь? кормилица отвѣчала, что пускалъ, и даже такъ много, что Карлъ два раза падалъ въ обморокъ.

Катерина, нѣсколько свѣдущая въ медицинѣ, какъ всѣ принцессы того времени, просила взглянуть на кровь; Парѣ, кетати, не велѣлъ выбрасывать ее, желая сдѣлать свои наблюденія.

Кровь въ тарелкѣ стояла въ ближайшей комнатѣ. Катерина пошла туда и налила красной жидкости въ флаконъ, который нарочно принесла съ собою; потомъ спокойно возвратилась въ кабинетъ, заложивъ руки въ карманы, чтобъ обогрѣнные пальцы не выдали ее.

Въ ту минуту, когда она ступила на порогъ, Карлъ открылъ глаза. Видъ матери поразилъ его. Приемная, какъ сквозь сонъ, прошедшее, онъ сказалъ:

— А! это вы? Дѣ, такъ объявите же вашему возлюбленному д'Анжу, что аудіенція будетъ завтра.

— Когда тебѣ угодно, любезный Карлъ. Успокойся только и засни.

Карлъ, какъ-будто исполняя ея просьбу, дѣйствительно закрылъ глаза; Катерина, давъ этотъ советъ, какъ обыкновенно даютъ его въ утѣшеніе больному или ребенку, вышла. Но вслѣдъ за ея уходомъ, едва затворилась дверь, Карлъ вдругъ вскочилъ, и гонимый, дрожащимъ еще отъ гнѣва, провозгласилъ: «Канцлера! печать! дворъ! созвать ихъ сейчасъ же!»

Кормилица нѣжно прижала голову его къ своему плечу, и начала убаюкивать его какъ дитя.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ онъ: — я ужь не засну. Позови дежурныхъ; я займусь сегодня утромъ.

Когда Карлъ говорилъ такимъ тономъ, надѣ было позвониться; сама кормилица, не смотря на исключительныя права, предоставленныя ей ея дитящемъ, не смѣла ослушаться. Позванные явились, и заседание было назначено, не на завтра — это было невозможно, а черезъ пять дней.

Между-тѣмъ, королева-мать и герцогъ д'Анжу отправились въ условленный часъ къ Ренѣ. Флорентинецъ, зная, что они прійдутъ, приготовилъ все для таинственнаго опыта.

Въ комнатѣ на право, то-есть въ комнатѣ жертвоприношеній, красныя на жаровнѣ полосы стали; по являвшимся на ней чуд-

цать арабескамъ отгадывалась судьба лица, о которомъ ворожили; на алтарь лежала книга судьбы. Ночь была очень-свѣтла, и Рене свободно могъ наблюдать движеніе и положеніе созвѣздій.

Герцогъ д'Анжу вошелъ первый; на немъ были накладные волосы: маска закрывала лицо, и широкій ночной плащъ окутывалъ станъ. За нимъ вошла мать его, и еслибъ она не знала, что здѣсь ждетъ ее сынъ, она ни за что бы не узнала его. Катерина сняла свою маску; герцогъ, напротивъ, не снялъ.

— Дѣлалъ ты наблюденія сегодня ночью? спросила Катерина.

— Дѣлалъ, ваше величество, отвѣчалъ онъ:—и звѣзды раскрыли уже мнѣ прошедшее. Тотъ, о которомъ вы меня спрашиваете, одаренъ, какъ все, рожденные подъ созвѣздіемъ Рака, сердцемъ пламеннымъ и непомерно-гордымъ. Онъ могущественъ и прожилъ уже съ четверть вѣка; до-сихъ-поръ небо ниспосылало ему славу и богатство. Не такъ ли?

— Можетъ-быть, отвѣчала Катерина.

— Принесли ли вы кровь и волосы?

— Вотъ они.

Катерина подала гадателю локонъ бѣлокурыхъ волосъ и стеклянку съ кровью.

Рене взялъ ее, встряхнулъ, чтобъ хорошенько смѣшать фибрину съ сывороткою, и съдѣлалъ большую каплю этого жидкаго тѣла на раскаленную полосу стали; капля въ одно мгновеніе зашипѣла и разбѣжалась фантастическими узорами.

— О! воскликнулъ Рене:—я вижу: онъ корчится отъ ужасной боли. Слышите ли, какъ онъ стонетъ и зоветъ на помощь? Видите ли какъ вся превращается вокругъ него въ кровь? Видите ли, какъ вокругъ его смертнаго одра готовится жестокая битва? Вотъ и копы и шпаги...

— Долго это продлится? спросила Катерина съ невыразимымъ волненіемъ, останавливая руку д'Анжу, который съ жаднымъ любопытствомъ наклонился къ пылающей жаровнѣ.

Рене подошелъ къ алтарю и повторилъ кабалистическую молитву съ такимъ жаромъ и убѣжденіемъ, что жилы на вискахъ его налились кровью и по тѣлу его пробѣжали конвульси, какъ у древней царицы на треножникѣ.

Наконецъ онъ всталъ и сказалъ, что все готово; въ одну руку взялъ онъ флаконъ съ кровью, въ которомъ оставалось еще три четверти жидкости, другою локонъ волосъ. Потомъ приказалъ Катеринѣ раскрыть на удачу книгу судьбы и взглянуть куда придетъ. Самъ онъ вылилъ на стальную полосу всю кровь и бросилъ на жаровню всѣ волосы, произнося какую-то кабалистическую

фразу, составленную изъ еврейскихъ словъ, значенія которыхъ самъ не понималъ.

Въ ту же минуту Катерина и д'Анжу увидѣли на полосѣ длинную бѣлую фигуру, похожую на трупъ, завернутый въ саванъ.

Другая фигура, какъ-будто женская, стояла склонившись надъ первой.

Волосы вспыхнули высокимъ, пламеннымъ языкомъ.

— Годъ! воскликнулъ Ренé. Едва пройдетъ годъ, какъ его уже не станетъ, и надъ нимъ будетъ плакать только одна женщина. Нѣтъ, однакоже, — вонъ, вонъ, на концѣ полосы еще женщина, и какъ-будто съ ребенкомъ на рукахъ.

Катерина посматрѣла на сына, какъ-будто спрашивая его, кто эти двѣ женщины?

Не успѣвъ еще Ренé договорить, какъ полоса сдѣлалась опять совершенно-бѣлою; все на ней исчезло.

Тогда Катерина открыла книгу и прочла голосомъ, который, не смотря на всѣ ея усилія, измѣнился, слѣдующее двустипіе:

Ains a peri cil que l'on redoutait,
Plutôt, trop tôt, si prudence n'était.

То-есть:

«Такъ безвременно погибъ отъ неосторожности тотъ, котораго всѣ боялись.»

Нѣсколько минутъ царствовало вокругъ жаровни глубокое молчаніе.

— А на-счетъ того,—знаешь, спросила Катерина:—что говорятъ гаданія на этотъ мѣсяць?

— Благополучіе, какъ и всегда. Будущность улыбается этому человеку. Однакожь...

— Однакожь, что?

— Одна изъ звездъ, составляющихъ его плеяду, была во время моихъ наблюденій закрыта мрачнымъ облакомъ.

— А! мрачнымъ облакомъ...Значить, есть какая-нибудь надежда?

— О комъ вы говорите? спросилъ д'Анжу.

Катерина отвела сына далеко отъ жаровни и сказала ему что-то въ-полголоса.

Въ это время, Ренé сталъ на колѣни и, приблизившись къ свѣту, вынулъ себѣ на ладонъ послѣднюю каплю крови, остававшуюся въ стеклянкѣ.

— Странное противорѣчіе! сказалъ онъ.—Оно доказываетъ, какъ непрочно свидѣтельства простой науки, простыхъ людей! Для всякаго, кроме меня, для всякаго медика, ученаго, для самого Амбруаза Парé ясно,—что эта кровь чиста и такъ животворна, что

общаетъ долгую жизнь тѣлу, изъ котораго вытекла. А между-тѣмъ, вся эта мощь должна скоро исчезнуть, эта жизнь должна угаснуть раньше года!

Катерина и д'Анжу взглянули другъ на друга и слушали. Глаза герцога сверкали сквозь маску.

— Да, продолжалъ Ренé: — для простыхъ ученыхъ открыто только настоящее, и только намъ доступно прошедшее и будущее.

— Такъ вы все-таки думаете, что онъ умретъ раньше года? спросила Катерина.

— Это такъ же вѣрно, какъ то, что насъ здѣсь трое живыхъ людей, и что мы нѣкогда также будемъ покониться въ могилѣ.

— Но вы сказали, что эта кровь чиста и плодотворна, что она общаетъ долгую жизнь?

— Да, еслибъ все шло естественнымъ порядкомъ. Но развѣ не возможно, чтобъ какой-нибудь случай...

— Слышишь? сказала Катерина Генриху.— Случай...

— Тѣмъ болѣе должно бы мнѣ остаться здѣсь.

— Объ этомъ нѣчего болѣе думать; это дѣло невозможное.

Молодой человекъ, обратившись къ Ренé, сказалъ, стараясь измѣнить свой голосъ:

— Благодарю! возьми этотъ кошелекъ.

— Пойдемте, графъ, сказала Катерина, давая своему сыну титулъ, который спуталъ бы предположенія Ренé.

Они ушли.

— Вы видите, матушка, сказалъ Генрихъ:—случай!.. И если, что случится, а меня не здѣсь будетъ! 'За четыреста льё отъ васъ...

— Четыреста льё можно проѣхать въ восемь дней.

— Да, позволять ли мнѣ возвратиться? О, еслибъ я могъ подождать!

— Кто знаетъ! Случай, о которомъ говорилъ Ренé, можетъ быть именно тотъ самый, отъ котораго король слегъ со вчерашняго дня въ постель. Ступай своею дорогой; я пройду въ калитку августинскаго монастыря; свита ждетъ меня тамъ. Ступай, Генрихъ, да смотри, не раздражай брата, если его увидишь.

II.

Довѣренность.

Первое, что узналъ д'Анжу, возвратившись въ Лувръ, было назначеніе торжественнаго приема пословъ черезъ пять дней. Портные и брильянтички ждали принца съ великолѣпными платьями и украшениями, заказанными для него королемъ.

Между-тѣмъ, какъ онъ, съ досадою, вызывавшею слезы на глаза его, примѣрялъ эти одежды, Генрихъ-Наваррскій любовался изумруднымъ колье, шпагою съ золотымъ ефесомъ и драгоценнымъ перстнемъ, присланнымъ ему поутру въ подарокъ отъ Карла.

Д'Алансонъ получилъ письмо, и заперся у себя въ комнату, чтобъ прочесть его на свободѣ.

Коконна бѣгалъ по Лувру и искалъ своего друга.

Очень-попятно, онъ нисколько не удивился, узнавъ, что ла-Моль ночевалъ не дома. Но съ утромъ пробудилось въ немъ безпокойство. Онъ пошелъ искать ла-Моля и прежде всего отправился въ гостиницу à la Belle Étoile; оттуда въ улицу Клош-Персэ, потомъ въ улицу Тазонъ, потомъ на Мостъ-Сен-Мишель; наконецъ, возвратился въ Лувръ.

Коконна допрашивалъ всѣхъ встрѣчныхъ такъ оригинально, иногда даже такъ навязчиво, что съ тремя придворными пришлось ему кончить объявленіе по тогдашнему обычаю, т. е. со шпагою въ рукахъ. Коконна поступилъ въ этомъ случаѣ совѣстливо и аккуратно, какъ всегда поступалъ въ такихъ дѣлахъ, то-есть, онъ убилъ перваго и ранилъ двухъ другихъ, повторяя:

— Бѣдный ла-Моль! Онъ такъ хорошо зналъ по-латинь!

Это до того надобно его противникамъ, что послѣдній, баронъ де-Боассей, сказала, падая:

— Да будьте же наконецъ не такъ однообразны: скажите, что онъ зналъ по-гречески!

Вѣсть о происшествіи въ корридоръ, наконецъ, разнеслась. Коконна былъ пораженъ скорбью: онъ думалъ, что всѣ эти короли и принцы сговорились убить его друга, что они бросили его въ какой-нибудь подвалъ, или зарыли въ какой-нибудь погребъ.

Онъ узналъ, что и д'Алансонъ участвовалъ въ дѣлѣ; забывъ, что онъ принцъ крови, Коконна отправился требовать у него объясненія, какъ у простаго дворянина.

Д'Алансону въ первую минуту пришла сильная охота вытолкать вонъ дерзкаго, который осмѣлился требовать у него отчета въ его поступкахъ. Но Коконна говорилъ такъ отрывисто, глаза его сверкали съ такою яростью, и исторія о трехъ дуэляхъ въ двадцать-четыре часа поставила его такъ-высоко, что герцогъ одумался, и, подавивъ первое движеніе негодованія, отвѣчалъ ему съ любезною улыбкою:

— Правда, мосьё Коконна, что король, разгнѣванный ударомъ серебряной кружки, д'Авижу, недовольный тѣмъ, что его обдали апельсиновымъ компотомъ, и Гизъ, раненный окорокомъ, сговорились убить ла-Моля. Но какой-то другъ вашего друга отвелъ ударъ. Экспедиція не удалась, повѣрьте моему частаему слову.

Коконна́ вдохнулъ, какъ кузнечный мѣхъ.

— Mordi! Это недурно, сказалъ онъ.— Я желалъ бы знать, кто этотъ другъ, чтобъ поблагодарить его.

Д'Алансонъ не отвѣчалъ ничего, но улыбнулся еще пріятнѣе. Коконна́ воображалъ себѣ, что этотъ другъ не кто иной, какъ самъ герцогъ.

— Ваше высочество! сказалъ онъ:— вы были такъ добры, рассказали мнѣ начало исторіи,—сдѣлайте же милость, расскажите и конецъ. Его хотѣли убить, но не убили, говорите вы? Что жъ съ нимъ стало? Я не трусъ; говорите,—я вынесу непріятное извѣстіе. Его упрятали куда-нибудь въ яму, не правда ли? Тѣмъ лучше,—веревъ онъ будетъ осмотрительнѣе. Онъ никогда не хочетъ слушаться моихъ совѣтовъ. Да, впрочемъ, не вѣкъ же ему тамъ сидѣть, mordi!

Д'Алансонъ покачалъ головою.

— Хуже всего, мой храбрый Коконна́, то, что другъ твой исчезъ послѣ этого приключенія неизвѣстно куда.

— Mordi! воскликнулъ Коконна́, снова блѣднѣя:— будь онъ хоть въ аду, я дознаюсь истины!

— Послушай, сказалъ герцогъ, которому не меньше Коконна́, только по другимъ причинамъ, хотѣлось узнать, гдѣ ла-Моль:— я дамъ тебѣ дружескій совѣтъ.

— Говорите, ваше высочество, говорите.

— Сходи къ королеви Маргеритѣ; она должна знать, что случилось съ человѣкомъ, котораго ты оплакиваешь.

— Если признаться вашему высочеству, такъ я уже объ этомъ думалъ; да я не смѣлъ исполнить своего намѣренія; самъ не знаю отъ-чего, только боюсь ея величества, да и не хотѣлъ бы застать ея въ слезахъ. Но такъ—какъ вы увѣрите, что ла-Моль живъ и что королева должна знать, гдѣ онъ,— я запасусь храбростью и схожу къ ней.

— Сходи, другъ мой, сходи. Если узнаешь что-нибудь, сообщи мнѣ; я, право, беспокоюсь не меньше твоего. Только не забудь, Коконна́...

— Что такое?

— Не говори, что ты пришелъ отъ меня; а не то, пожалуй, ты ничего не узнаешь.

— Если ваше высочество совѣтуете мнѣ не говорить объ этомъ, я буду нѣмъ какъ рыба, или какъ королева-мать.

— Славный принцъ! Великодушный принцъ! шепталъ Коконна́, иля къ Маргеритѣ.

Маргерита ждала Коконна́. До нея дошли уже слухи о его отчаяніи; узнавъ, какими подвигами ознаменовалъ онъ это отчаяніе,

она почти простила ему грубоватое обращеніе съ герцогинею де-Неверь, съ которой онъ не говорилъ уже дня два или три въ-слѣдствіе какой-то размолвки. Его тотчасъ впустили къ королевѣ.

Коконна вошелъ съ невольнымъ чувствомъ робости, о которомъ говорилъ герцогу; надо замѣтить, что эту робость внушало ему превосходство ума Маргериты, а не санъ ея. Королева встрѣтила его съ ласковою улыбкою, которая тотчасъ же возвратила ему всю бодрость.

— Ваше величество! Умоляю васъ, возвратите мнѣ моего друга, или скажите по-крайней-мѣрѣ, что съ нимъ сдѣлалось? Я не могу жить безъ него. Вообразите себѣ Эвріала безъ Низа, Дамона безъ Пивіаса, Ореста безъ Пилада, и сжальтесь надъ моимъ горемъ хоть ради одного изъ названныхъ мною героевъ, сердце которыхъ было не нѣживе моего.

Маргерита улыбнулась, и, взявъ съ Коконна слово молчать, рассказала ему, какъ ла-Моль спасся въ окно. Что касается до мѣста его убѣжища, какъ неотступно ни просилъ Пьемонтецъ открыть его, она сохранила глубочайшее молчаніе. Коконна былъ удовлетворенъ только въ-половину; онъ пустился даже въ дипломатическіе намеки самаго высокаго полета. Изъ нихъ Маргерита ясно увидѣла, что герцогу д'Алансону не меньше Коконна хотѣлось узнать, что сдѣлалось съ ла-Модемъ.

— Если вы уже непременно хотите узнать что-нибудь положительное на счетъ вашего друга, сказала она: — спросите у короля наваррскаго: онъ одишь имѣеть право говорить. Что касается до меня, я только могу вамъ сказать, что тотъ, кого вы ищете, живъ. Повѣрьте моему слову.

— Я имѣю на это еще сильнѣйшее доказательство: ваши прекрасные глаза не плакали.

Съ этими словами, думая, что уже нечего прибавить къ фразѣ, которая имѣла двойное достоинство: выразила его мысль и высокое мнѣніе его о ла-Молѣ, — Коконна вышелъ, раздумывая, какъ бы помириться съ герцогинею, не для нея собственно, а чтобы узнать отъ нея то, чего не могъ узнать отъ Маргериты.

Глубокая скорбь — положеніе аномальное, и душа сбрасываетъ съ себя это иго при первой возможности. Мысль — разстаться съ Маргеритой, сначала сжала сердце ла-Моля. Онъ согласился бѣжать не столько для сохраненія своей жизни, сколько для спасенія репутаціи Маргериты.

На другой же день вечеромъ, онъ возвратился, чтобы увидѣть Маргериту на балконѣ. Маргерита, — какъ-будто какой-то тайный голосъ извѣстилъ ее о возвращеніи друга, — провела весь вечеръ у окна. Они увидѣлись съ невыразимымъ блаженствомъ запрещенна

го удовольствія. Опасность имѣла даже свою привлекательность для меланхолической и романтической души ла-Моля. Такъ-какъ истинно-влюбленный счастливъ только въ тѣ минуты, когда видитъ или обладаетъ, и страдаетъ во все остальное время, ла-Моль горячо принялся улаживать дѣло, которое должно было возвратитъ ему Маргериту, то-есть бѣгство короля наваррскаго.

Маргерита, съ своей стороны, вполне предалась наслажденію быть любимой такъ чистосердечно. Иногда она сердилась на себя за эту слабость; мужественный духъ ея презиралъ жалкую простую любовь. Нечувствительная къ мелочамъ, которыя для нѣжныхъ душъ составляютъ самое сладкое, самое завидное блаженство, она была довольна днемъ, по-крайней-мѣрѣ довольна окончаніемъ его, если вышедъ, часовъ въ девять вечера, на балконъ, она замѣчала на набережной, въ тѣни, мужчину, приложившаго руку къ сердцу или губамъ. Иногда изъ маленькой ручки летѣла къ ногамъ его записка съ завернутою въ ней бездѣлкою—не столько для него драгоценною по своему золоту, сколько потому, что она принадлежала ей. Ла-Моль, какъ коршунъ, бросался на добычу, прижималъ ее къ сердцу, и Маргерита уходила съ балкона только тогда, когда замолкалъ вдали топотъ его лошади, прыскававшей во весь опоръ и удаляющейся медленнымъ, лѣнливимъ шагомъ, какъ-будто она была слѣзана изъ дерева, подобно коню, погубившему Трою.

Вотъ почему Маргерита была спокойна на-счетъ участи ла-Моля, которому, впрочемъ, опасаясь шпионовъ, отказывала въ просьбѣ видѣться иначе. Эти свиданія продолжались ежедневно со времени его бѣгства. Между-тѣмъ, день, назначенный для приѣма пословъ, приближался.

Наканунъ этого дня, часовъ въ девять вечера, когда всѣ въ Лувръ были заняты приготовленіями, Маргерита отворила окно и вышла на балконъ. Едва только показалась она, какъ ла-Моль, не дожидаясь записки Маргериты, бросилъ ей свою, которая и упала къ ногамъ ея. Маргерита догадалась, что въ этомъ посланіи заключается что-нибудь особенное, и вошла въ комнату, чтобъ прочесть его.

На первой страницѣ было написано:

«Я долженъ поговорить съ королемъ наваррскимъ. Дѣло не терпитъ замедленія. Я жду.»

На другой половинѣ листка, которую можно было оторвать отъ первой, было написано:

«Устройте такъ, чтобъ я могъ поцаловать вашу ручку, которую цалую теперь мысленно. Я жду.»

Маргерита еще дочитывала эти строки, когда услышала голосъ

Генриха-Наварресскаго. Онъ, съ всегдашнюю своею скромностію, постучался въ дверь, и спрашивалъ у Гильионны, можно ли войти.

Королева быстро раздвинула записку пепеламъ, спрятала одну страничку за корсетъ и подбѣжала къ окну, затворила его и потомъ поспѣшила къ двери.

— Войдите, сказала она.

Какъ ни тихо и впрямую затворила Маргерита окно, шумъ достигъ до слуха Генриха. Чувства его, постоянно напряженными среди общества, которому онъ такъ сильно не довѣрялъ, приобрѣли почти тонкость органовъ дикаря. Но король наваррскій былъ не изъ числа тѣхъ тирановъ, которые запрещаютъ своимъ женамъ дышать чистымъ воздухомъ и любоваться на звѣзды.

Генрихъ былъ веселъ и ласковъ, какъ всегда.

— Вся примѣряютъ теперь свои торжественные костюмы, сказалъ онъ. — А мнѣ пришло въ голову зайти къ вамъ поговорить о моихъ дѣлахъ, которыя вы все еще, надѣюсь, считаете и своими?

— Конечно, отвѣчала Маргерита:—развѣ у насъ не одни съ вами интересы?

— Да; потому-то я и хотѣлъ васъ спросить, что вы думаете насчетъ того, что д'Алансонъ вотъ уже нѣсколько дней ордау убѣгаетъ меня? Третьяго-дня онъ даже удалился въ Сен-Жерменъ. Не думаетъ ли онъ бѣжать одинъ, потому-что за нимъ слабо присматриваютъ? или и вовсе не думаетъ бѣжать? Скажите, пожалуйста, что вы объ этомъ думаете? Это, признаюсь вамъ, сильно подѣйствуетъ на мои догадки.

— Вы правы; молчаніе брата должно васъ беспокоить. Я думала объ этомъ сегодня цѣлый день, и кажется, д'Алансонъ измѣнился потому, что измѣнились обстоятельства.

— То-есть, такъ-какъ Карлъ боленъ, а герцогъ д'Анжу увязаетъ въ Польшу, такъ онъ не прочь остаться въ Парижѣ и не упустить изъ вида французской короны?

— Именно.

— Пусть такъ. Но мнѣ все равно; только если онъ останется, такъ отъ этого измѣняется весь планъ. Увязая одинъ, я долженъ обезпечить себя втрое противъ того, какъ еслибъ уѣхалъ съ вашимъ братомъ, яма и присутствіе котораго были бы мнѣ защитой. Удивляетъ меня только, что ничего не слышно о де-Муи, — а онъ не любитъ сидѣть сложа руки. Вы ничего о немъ не знаете?

— Я? спросила съ удивленіемъ Маргерита; — какимъ же образомъ...

— Очень-естественно; вы вѣдь сдѣлали мнѣ удовольствіе, спасли жизнь ла-Молю... Онъ долженъ былъ отправиться въ Нантъ... ну, а оттуда можно и возвратиться.

— А! Теперь я понимаю загадку, которую напрасно старалась разгадать. Окно было раскрыто, и, вошедъ въ комнату, я нашла на коврѣ что-то въ родѣ записки.

— Вотъ видите!

— Я ничего не поняла изъ этой записки, да и не обратила на нее особеннаго вниманія. Можетъ-быть, я ошиблась, и записка отъ де-Муи.

— Очень можетъ-быть; даже вѣроятно. Можно взглянуть на нее.

— Конечно, отвѣчала Маргерита, подавая королю листокъ, который спрятала въ карманъ.

Король взглянулъ на записку.

— Это, кажется, почеркъ де-ла-Моля? спросилъ онъ.

— Не знаю; вохоже на поддѣлку.

— Все равно; прочтемъ.

И онъ прочелъ:

«Я долженъ поговорить съ королемъ наваррскимъ. Дѣло не терпитъ замедленія. Я жду.»

— Такъ и есть! продолжалъ король:—видите ли, онъ говорить, что ждетъ.

— Конечно, вижу; но что же вы хотите?

— *Ventre-saint-gris*, чтобъ онъ пришелъ!

— Чтобъ онъ пришелъ! повторила Маргерита, съ изумленіемъ взглянувъ на Генриха. — Какъ вы можете сказать это? Человѣкъ, котораго король хотѣлъ убить... котораго все знаютъ... Чтобъ онъ пришелъ, говорите вы! Возможно ли это? Развѣ двери сдѣланы въ Лувръ для тѣхъ, которые...

— Принуждены были бѣжать въ окно, хотите вы сказать?

— Именно. Вы досказали мою мысль.

— Прекрасно. Но если они уже знакомы съ дорогою въ окно, пусть идутъ въ окно, потому-что въ двери имъ войти рѣшительно невозможно. Это очень-просто.

— Вы думаете? спросила Маргерита, краснѣя отъ удовольствія при мысли о свиданіи съ ла-Модемъ.

— Разумѣется.

— Но какъ же ему взобраться?

— Не-уже-ли вы не спрятали веревочной лѣстницы, которую я имъ прислалъ? Это не похоже на вашу всегдашнюю предусмотрительность.

— Лѣстница у меня, отвѣчала Маргерита.

— Прекрасно, сказалъ Генрихъ.

— Итакъ, что же прикажете дѣлать?

— Бѣже мой! Привяжите ее къ балкону и спустите. Если де-

Мун ждетъ внизу, — а я готовъ этому вѣрить, — если это де-Мун, онъ выберется.

Не теряя своего хладнокровія, Генрихъ взялъ свѣчу, чтобъ помочь Маргеритѣ отыскать лѣстницу. Ее искали недолго: она была спрятана въ шкафъ, стоящемъ въ знаменитомъ кабинетѣ.

— Прекрасно, вотъ она! сказалъ Генрихъ. — Теперь, смѣю ли просить васъ привязать ее къ балкону.

— Почему же должна привязать я, а не вы?

— Потому-что хорошіе заговорщики очень осторожны. Видѣ мужнины испугаетъ, можетъ-быть, нашего друга, — вы понимаете...

Маргерита улыбулась и привязала лѣстницу.

— Покажитесь хорошенько, выйдите на балконъ дальше, говорилъ Генрихъ, спрятавшись въ уголъ комнаты. — Теперь покажите лѣстницу; прекрасно! Де-Мун, я увѣренъ, влѣзетъ.

Дѣйствительно, минутъ черезъ десять, кто-то, дрожа отъ восторга, стаѣ на балконъ и, видя, что королева не идетъ къ нему на встрѣчу, остановился въ недоумѣніи. Но, вмѣсто Маргериты, подошелъ къ нему Генрихъ.

— Ба! сказалъ онъ ласково: — да это не де-Мун, это ла-Моль! Здравствуйте, г. де-ла-Моль. Войдите, пожалуйста.

Ла-Моль былъ ошеломленъ. Еслибъ онъ стоялъ не на балконѣ, а еще на лѣстницѣ, онъ, можетъ-быть, опрокинулся бы назадъ.

— Вы хотѣли поговорить съ королемъ наваррскимъ о важномъ дѣлѣ, сказала Маргерита. — Я извѣстила его, и онъ пришелъ.

Генрихъ пошелъ затворить окно.

— Я люблю тебя, сказала Маргерита, сжимая руку молодого человека.

— Ну, что скажете? сказалъ Генрихъ, подавая ему стулъ.

— Я оставилъ де-Мун у заставы. Онъ желаетъ знать, заговорилъ ли Морвель, и извѣстно ли, что онъ былъ въ комнатѣ вашего величества?

— Нѣтъ еще; но скоро откроется: мы должны поспѣшить.

— Онъ то же думаетъ. Если д'Алансонъ готовъ бѣжать завтра вечеромъ, де-Мун будетъ у Сен-Марсельскихъ-Воротъ съ 150 человѣками; 500 ждутъ васъ въ Фонтенблô; оттуда вы поспѣшите въ Блуа, Ангулемъ и Бордô.

— Я, сказалъ Генрихъ, обращаясь къ женѣ: — буду готовъ завтра вечеромъ; а вы?

Ла-Моль съ безпокойствомъ устремилъ глаза на Маргериту.

— Я дала вамъ слово слѣдовать за вами повсюду; но вы знаете, д'Алансонъ долженъ ѣхать съ нами. Съ нимъ нельзя держать-

са середины: онъ или услужить намъ, или измѣнить. Если онъ залуется, не тронемъ съ мѣста.

— Знаетъ онъ что-нибудь объ этомъ планѣ? спросилъ Генрихъ у Ла-Моля.

— Онъ долженъ былъ на-дняхъ получить письмо отъ де-Муи.

— А! И ничего не говорилъ мнѣ!

— Не доверяйте ему, сказала Маргерита: — не доверяйте!

— Будьте спокойны, я остороженъ. Какъ доставить отвѣтъ де-Муи?

— Объ этомъ не беспокойтесь, ваше величество. Завтра, во время приема пословъ, справа или слева, видимый или невидимый, онъ будетъ въ залѣ: пусть ея величество вставитъ въ свою рѣчь словечко, по которому онъ могъ бы узнать, готовы вы или нѣтъ, ждать ему или бѣжать. Если герцогъ д'Алансонъ отказывается, онъ проситъ только пятнадцать дней, чтобъ все устроить отъ вашего имени.

— Право, сказалъ Генрихъ: — де-Муи неопытный человекъ! Можете ли вы вставить въ вашу рѣчь такую фразу?

— Нѣтъ ничего легче, сказала Маргерита.

— Такъ завтра я повидаюсь съ д'Алансономъ, сказалъ Генрихъ.

— Пусть де-Муи будетъ на своемъ мѣстѣ и пойметъ отвѣтъ по полуслову.

— Онъ будетъ, ваше величество.

— Такъ передайте ему мой отвѣтъ. У васъ, конечно, есть тутъ близко лошадь и слуга?

— Ортонъ ждетъ меня на набережной.

— Спѣшите же... Постоите! не туда, не въ окно. Это хорошо только въ крайности. Васъ могутъ замѣтить, и не всѣмъ же известно, что вы предпринимали такое путешествіе ко мнѣ: это можетъ повредить королеву.

— Но куда же выйдти, ваше величество?

— Выйдти вы не можете одни въ Лувръ, а со мною выйдти не трудно. Я знаю пароль. Вы въ плащѣ, я тоже; мы хорошенько завернемся и легко выйдемъ въ ворота. Къ-тому же, я хочу дать Ортону кое-какія приказанія. Подождите здѣсь; я посмотрю, нѣтъ ли кого въ корридорѣ.

Генрихъ вышелъ осмотрѣть дорогу. Ла-Моль остался наединѣ съ королевой.

— О! когда я васъ опять увижу? сказалъ онъ.

— Завтра вечеромъ, если мы убѣжимъ; если останемся, такъ на-дняхъ, въ Улицѣ-Клош-Персе.

— Пойдемте, Ла-Моль, сказалъ Генрихъ, возвращаясь: — никого нѣтъ.

Ла-Моль почтительно поклонился королеви.

— Дайте ему поцеловать вашу руку, сказала Генрихъ: — Ла-Моль не изъ простыхъ друзей.

Маргерита повиновалась.

— Кстати, сказалъ Генрихъ: — пожалуйста, припрячьте хорошенько лѣвстницу: это драгоценная вещь для заговорщиковъ. Она можетъ понадобиться, когда и не ждешь. Пойдемте, г. Ла-Моль, найдемте.

III.

Послы.

На другой день, все народонаселеніе Парижа стеклось въ Сент-Жерменское-Предмѣстье. Здѣсь польскіе послы должны были въѣзжать въ городъ. Строй Швейцарцевъ удерживалъ толпу въ порядкѣ, и конные отряды очищали дорогу вельможамъ и придворнымъ дамамъ, вѣхавшимъ на встрѣчу поѣзда.

Вскорѣ на высотѣ Сент-Антуанскаго-Аббатства показалось нѣсколько всадниковъ въ красныхъ съ желтымъ одеждахъ, въ шапкахъ и плащахъ на мѣху, съ широкими кривыми саблями въ рукахъ.

На флангахъ линіи шли офицеры.

За этимъ первымъ отрядомъ слѣдовалъ другой, одѣтый съ воистинную роскошью. За нимъ вѣхали четыре посла, великолѣпные представители самаго мнѳологическаго изъ рыцарскихъ государствъ XVI столѣтія.

Одинъ изъ этихъ пословъ былъ епископъ краковскій. На немъ былъ полудуховный, полувойенный костюмъ, сверкающій золотомъ и драгоценными каменьями. Бѣлый ковъ съ волнистою длинною гривой, дышалъ, казалось, огнемъ; никто бы не могъ подумать, что благородное животное тридцать дней сряду дѣлало по пятнадцати лѣ по дорогамъ почти-непроходимымъ отъ дурнаго времени года.

Рядомъ съ епископомъ вѣхалъ палатинъ Ласко, сильный вѣлѣмъ жа, приближенный къ престолу, богатый и гордый какъ король. За двумя главными послами и сопровождавшими ихъ двумя другими знатными палатинами, вѣхало множество польскихъ дворянъ. шелковая сбруя коней ихъ, украшенная золотомъ и каменьями возбуждала удивленіе зрителей. Дѣйствительно, эти чужеземцы, которыхъ Французы презрительно называли варварами, совершенно затмѣвали ихъ своимъ великолѣпіемъ.

Катерина до последней минуты надеялась, что приемъ будетъ еще отложенъ, и что рѣшительность короля уступить мѣсто его обычной слабости. Но когда настала назначенный день, когда она увидѣла, что Карлъ, блѣдный какъ смерть, надѣлъ великозвонную королевскую мантию, она поняла, что надо хоть наружно покориться его желѣзной волѣ и начала вѣрить, что Генриху д'Анжу мѣгъ лучше согласиться на свое почетное изгнаніе.

Карлъ, исключая нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ имъ, когда онъ увидѣлъ у себя въ кабинетѣ мать, ни слова не упоминалъ о Катеринѣ со времени роковой сцены, заставившей его лечь въ постель. Въ Луврѣ знали, что у нихъ былъ крупный разговоръ; но содержаніе никому не было извѣстно. Самые смѣлые трепетали передъ этимъ холоднымъ безмолвіемъ, какъ птицы трепещутъ передъ тишиною, предвѣстницею грозы.

Впрочемъ, всѣ готовились въ Луврѣ къ аудіенціи — не какъ къ празднику, а какъ къ печальной церемоніи. Каждый повиновался молча и безъ увлеченія. Знали, что Катерина чуть не дрожала, — и всѣ дрожали.

Торжественная приемная зала была приготовлена; и такъ-какъ въ подобныхъ аудіенціи совершались обыкновенно всенародно, то частыиъ отдавъ былъ приказъ впускать съ посланниками столько, сколько могло помѣститься въ залъ и на дворѣ.

Парижъ представлялъ собою зрѣлище, какое всегда представляють въ подобныхъ случаяхъ большіе города. Массы народа съ любопытствомъ тѣснились по улицамъ. Но внимательный наблюдатель замѣтилъ бы между честными фигурами горожанъ, стоявшихъ съ протодушно-разинутыми ртами, не малое количество людей, окутанныхъ въ широкіе плащи, дѣлающихъ другъ другу знаки руками и глазами издали, и на-скоро перешептывающихся вблизи. Эти люди были, впрочемъ, по-видимому, очень-заняты повѣдомъ пословъ, слѣдовали за нимъ очень-близко и какъ-будто получали приказанія отъ почтеннаго старца, котораго черные и живые глаза, не смотря на свѣлую бороду, сверкали свѣжею молодостью. Дѣйствительно, этотъ старикъ, самъ ли, съ помощію ли своихъ товарищей, одинъ въ первыхъ проскользнулъ въ Луврѣ, и, благодаря снисходительности начальника Швейцарцевъ, почтеннаго гугенота и плохаго католика, не смотря на свое отреченіе, сталъ какъ-разъ за посланика, прямо противъ Маргериты и Генриха-Наваррскаго.

Генрихъ, знавшій, что де-Мун, переряженный, будетъ здѣсь, присматривалъ во всѣ стороны. Наконецъ, глаза его встрѣтили старика — и остановились на немъ окончательно: знакъ, сдѣланный де-Муномъ, разсвѣталъ всѣ его сомнѣнія. Де-Мунъ былъ переодѣтъ такъ искусно, что самъ Генрихъ не могъ вообразить, чтобъ этотъ ста-

рикъ былъ безстрашный предводитель гугенотовъ, такъ отчаянно оборонявшійся дней пять тому назадъ.

Генрихъ шепнулъ словечко Маргеритѣ, и она тоже устремила взоръ свой на де-Мув. Потомъ прекрасные глаза ея начали блуждать по залѣ: она искала де-Моля, но напрасно,—его не было.

Аудиенція началась. Первую рѣчь произнесъ Ласко. Онъ просилъ отъ имени народнаго собранія согласія Карда на принятіе польской короны французскимъ правителемъ.

Карлъ изъявилъ согласіе коротко и ясно и представилъ брата своего, д'Анжу, благосклонно отозвавшись о его храбрости. Онъ говорилъ по-французски; толмачъ переводилъ рѣчь его фразу за фразой. Когда говорилъ переводчикъ, Карлъ подносилъ къ губамъ своимъ платокъ, и каждый разъ на демъ появлялось новое кровавое пятно.

Когда Карлъ кончилъ отвѣтъ, Ласко обратился къ д'Анжу, поклонился и началъ латинскую рѣчь, въ которой предложилъ ему престолъ отъ имени польскаго народа.

Герцогъ отвѣчалъ на томъ же языкѣ, но нетвердымъ голосомъ, что онъ съ признательностью принимаетъ оказываемую ему честь. Въ-продолженіи его рѣчи, Карлъ стоялъ съ стиснутыми губами, вонзивъ въ него взоръ свой, неподвижный и угрожающій, какъ взоръ орла.

Когда д'Анжу окончилъ рѣчь свою, Ласко взялъ корону Ягеллоновъ, лежавшую на красной бархатной подушкѣ, и между-тѣмъ, какъ двое польскихъ вельможъ надѣвали на герцога королевскую мантию, онъ вручилъ корону Карлу.

Карлъ сдѣлалъ знакъ своему брату. Герцогъ сталъ передъ нимъ на колѣно и Карлъ собственноручно возложилъ на него корону. Вслѣдъ за тѣмъ братья поцаловались. Ненавистнѣ этого поцалуи исторія не знаетъ...

Герольдъ провозгласилъ:

«Александръ-Эдуардъ-Генрихъ, герцогъ д'Анжу, коронованъ на царство польское. Да здравствуетъ король польскій!»

Все собраніе повторило въ одинъ голосъ: «да здравствуетъ король польскій!»

Тогда Ласко обратился къ Маргеритѣ. Рѣчь прекрасной королевы была прибережена къ концу. Такъ-какъ ей назначили произнести рѣчь только изъ учтивости, желая доставить ей случай блеснуть своимъ знаніемъ, всѣ обратили величайшее вниманіе на отвѣтъ ея произнесенный по-латинѣ. Мы видѣли, что Маргерита сама сочинила его.

Рѣчь Ласко была не что иное, какъ панегирикъ. Не смотря на свое сарматское происхожденіе, онъ увлекся красотой королевы

языкомъ Овидія, но слогомъ Ронсара, онъ сказалъ, что, выѣхавъ изъ Варшавы среди глубокой ночи, онъ и товарищи его не знали бы, какъ найти дорогу, еслибъ имъ, какъ волхвамъ востока, не свѣтили на пути двѣ звѣзды; что эти звѣзды свѣтили ярче и ярче по мѣрѣ приближенія пословъ къ Франціи, и теперь онъ видитъ, что это были прекрасные глаза королевы наваррской. Наконецъ, обратившись отъ Евангелія къ корану, отъ Сиріи къ Аравіи, отъ Назарета къ Меккѣ, онъ заключилъ рѣчь свою, говоря, что готовъ сдѣлать то же, что дѣлаютъ поклонники пророка, которые, сподобившись счастья взглянуть на его гробницу, выкалываютъ себѣ глаза, потому-что больше уже нѣчему удивляться въ мірѣ.

Знавшіе по-латинѣ одобрили рѣчь его рукоплесканіями, потому-что раздѣляли его мнѣніе; непонявшіе ни слова тоже апплодировали, чтобъ дать знать, что и они что-нибудь понимаютъ.

Маргерита граціозно поклонилась любезному Сармату, потомъ, въ отвѣтъ на рѣчь его, она сказала, устремивъ глаза на де-Муи:

— *Quod nunc hac in aula insperati adestis exultaremus ego et rex conjux, nisi ideo immineret calamitas, scilicet non solum fratris sed etiam amici orbitas.*

То-есть: «Ваше неожиданное присутствіе въ этой залѣ исполнило бы радостью меня и короля, моего мужа, еслибъ не влекло за собою несчастія потерять не только брата, но и друга.»

Въ этихъ словахъ заключался двойной смыслъ: они были сказаны для де-Муи, но могли относиться и къ д'Анжу. Герцогъ поклонился въ знакъ благодарности.

Карлъ не помнилъ, чтобъ эта фраза была въ рѣчи, представленной ему нѣсколько дней тому назадъ. Но онъ не приписывалъ большой важности словамъ Маргериты, потому-что рѣчь ея была не политическая. Да и кромѣ того, онъ плохо понималъ по-латинѣ.

Маргерита продолжала:

«*Adeo dolemur a te dividi, ut tecum proficisci maluissemus, sed idem fatum quo nunc sine ulla mora Lutetia, cedere juberis hac in urbe detinet. Proficiscere ergo, frater; proficiscere, amice; proficiscere sine nobis; proficiscentem sequuntur spes et desideria nostra.*»

То-есть: «Намъ больно разстаться съ тобою, когда мы желали бы сопутствовать тебѣ. Но судьба, зовущая тебя немедленно изъ Парижа, удерживаетъ насъ здѣсь. И такъ, отправляйся, братъ нашъ; отправляйся, другъ, отправляйся безъ насъ. Тебѣ сопутствуютъ наши надежды и желанія счастья.»

Легко догадаться, что де-Муи слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ; слова, сказанныя посланникамъ, относились единственно къ нему. Генрихъ уже раза два отрицательно покачивалъ головою, давая тѣмъ знать молодому гугеноту, что д'Алансонъ отказался. Но это

могло быть и случайное движеніе: де-Мун не удовольствовался бы этимъ, еслибъ слова Маргериты не подтвердили его. Между-тѣмъ, какъ онъ смотрѣлъ на Маргериту и слушалъ ее всею душою, черные глаза его, сверкающіе изъ-подъ съдыхъ бровей, поразили Катерину; она вздрогнула какъ отъ электрическаго удара и не сводила уже глазъ съ этой точки залы.

— Страшная фигура! проговорила она, не измѣняя выраженія лица, приличнаго торжеству. — Кто бы это такъ пристально смотрѣлъ на Маргериту? Да и она и Генрихъ не сводятъ съ него глазъ.

Королева наваррская продолжала свою рѣчь, остальное содержаніе которой относилось исключительно къ послу, Катерина, между-тѣмъ, дѣлала себѣ голову, догадываясь, кто бы былъ этотъ видный старикъ? Вдругъ церемоніймейстеръ, подошедъ къ ней, вручилъ ей тихонько записочку, завернутую въ шелковую матерію. Она развернула ее и прочла слѣдующее:

«Мерведъ, которому я далъ подкрѣпляющее средство, прицѣль наконецъ въ силу и написалъ имя человека, бывшаго въ кабинетѣ короля наваррскаго. Это де-Мун.»

— Де-Мун! подумала королева. — Я это предчувствовала. Но этотъ старикъ... А! *cospetto!*... этотъ старикъ...

Катерина остановилась.

Потомъ, наклонясь къ уху капитана гвардіи, стоявшаго возле нея, шепнула ему:

— Смотрите, только незамѣтите, смотрите на Ласко, на того, что говоритъ теперь. За нимъ стоитъ съдой старикъ въ черномъ бархатномъ платьѣ.

— Вижу, ваше величество, отвѣчалъ капитанъ,

— Не упускайте его изъ вида.

— Тотъ, которому король наваррскій дѣлаетъ знакъ?

— Именно. Станьте у воротъ Лувра съ десятью человекѣми, и когда онъ будетъ выходить, пригласите его отъ имени короля обѣдать. Если онъ пойдетъ за вами, отведите его куда-нибудь въ комнату и задержите подъ стражею. Если онъ станетъ сопротивляться, схватите его живаго или мертваго. Ступайте.

Къ-счастью, Генрихъ, очень-мало интересуясь рѣчью Маргериты, смотрѣлъ на Катерину и не пропустилъ ни малѣйшаго выраженія на ея лицѣ. Видя, что она такъ пристально смотритъ на де-Муна, онъ началъ беспокоиться; но когда она дала приказаніе капитану, онъ все понялъ.

Въ эту-то минуту онъ сдѣлалъ де-Муна знакъ, замѣченный де-Надсеємъ. Генрихъ хотѣлъ сказать ему: вы открыты; спасайтесь не теряя ни минуты.

Де-Муи понялъ знакъ, такъ-хорошо завершавшій слова Маргериты. Въ ту же минуту онъ скрылся въ толпѣ.

Но Генрихъ успокоился не прежде, какъ когда Нансей возвратился къ Катеринѣ: судорожное движеніе на лицѣ ея дало ему знать, что капитанъ опоздалъ.

Аудіенція кончилась. Маргерита разговаривала еще съ Ласко. Король всталъ, раскланялся, и вышелъ, опираясь на руку Амбруаза Парэ, неоставлявшаго его ни на минуту со времени его болѣзни.

Катерина, блѣдная отъ гнѣва, и Генрихъ, нѣмой отъ скорби, вышли за нимъ.

Что касается до д'Алансона, его какъ-будто не было при торжествѣ. Карлъ, постоянно наблюдавшій за д'Анжу, не взглянулъ на него ни разу.

Новый король польскій считалъ себя человѣкомъ погибшимъ. Влази отъ матери, похищенный сѣверными варварами, онъ похотилъ изъ Антея, сына Земли, потерявшаго все свои силы, когда Гяркудесъ приподнялъ его на воздухъ. Переступивъ за границу, герцогъ д'Анжу думалъ, что навсегда будетъ отрѣшенъ отъ престола Франціи.

Възвѣтъ того, чтобъ послѣдовать за королемъ, онъ пошелъ къ матери.

Катерина была мрачна не меньше его. Она думала о насмѣшливой фигурѣ Беарнца, котораго не теряла изъ вида въ-продолженіе всей церемоніи. Судьба, казалось, очищала ему дорогу, сметая прочь королей, принцевъ, убійцъ, враговъ и всякаго рода препятствія.

При видѣ блѣднаго лица коронованнаго сына, страждущаго подѣ королевскою мантиею, Катерина пошла къ нему на встрѣчу.

— И такъ, я осужденъ умереть въ изгнаніи! сказалъ онъ.

— Не-уже-ли ты такъ скоро забылъ предсказанія Ренэ? отвѣчала она. — Успокойся; тебѣ не долго оставаться въ Польшѣ.

— Заклинаю васъ, сказалъ герцогъ: — при первой вѣроятности, что престолъ Франціи упразднится, извѣстите меня...

— Будь покоенъ. До дня, котораго ждемъ мы оба, въ моей конюшнѣ постоянно будетъ готова осѣдланная лошадь и въ передней курьеръ, готовый скакать въ Польшу.

IV.

Орестъ и Пиладъ.

Послѣ отъезда д'Анжу, миръ и счастье какъ-будто возвратились въ Лувръ, подѣ кровъ Атридовъ.

Карлъ забылъ свою меланхолію и здоровѣлъ съ каждымъ днемъ.

Онъ охотился съ Генрихомъ, или говорилъ съ нимъ объ охотѣ, когда нельзя было охотиться. Онъ упрекалъ его только въ одномъ— въ нелюбви къ соколиной охотѣ; говорилъ, что онъ былъ бы чудо-принцъ, еслибъ умѣлъ дрессировать соколовъ, какъ гончихъ и борзыхъ.

Катерина по-прежнему сдѣлалась нѣжною матерью: она была кротка съ Карломъ и д'Алансономъ, ласкова съ Генрихомъ и Маргеритою, внимательна къ герцогинѣ де-Неверъ и г-жѣ де-Совъ. Подъ предлогомъ, что Морвель раненъ при исполненіи ея порученія, она даже посетила его два раза во время его болѣзни, въ его квартирѣ въ Улицѣ-де-ла-Серизѣ.

Маргерита продолжала свои свиданія а *l'espagnole*.

Каждый вечеръ она отворяла окно, мѣнялась съ ла-Модемъ знаками и записками. Въ каждомъ письмѣ молодой человекъ напоминалъ ей, что она обѣщала наградить его за изгнаніе нѣсколькими блаженными минутами въ Улицѣ-Клош-Персѣ.

Только одинъ человекъ чувствовалъ въ мирномъ Луврѣ, что онъ одинокъ. Этотъ человекъ былъ нашъ пріятель графъ Аннибалъ де-Коконна.

Конечно, знать, что ла-Моль живъ, что-нибудь да значило; пріятно также было быть любимцемъ герцогини де-Неверъ. Но всѣ свиданія наединѣ съ прекрасною герцогинею не стояли въ глазахъ Пьемонтца одного часа, проведеннаго съ ла-Модемъ у ла-Гюрьера, за бутылкою вина, или путешествія съ нимъ по разнымъ заведеніямъ Парижа, гдѣ честный дворянинъ могъ получить равну въ грудь или въ кошелекъ.

Къ стыду человѣчества, должно признаться, что герцогиня де-Неверъ не равнодушно терпѣла соперничество ла-Моля. Не то, чтобъ она ненавидѣла Провансальца, — напротивъ, увлеченная непобѣдимымъ инстинктомъ, который заставляетъ всякую женщину кокетничать съ любовникомъ другой, особенно если эта другая другъ и пріятельница, она не скупилась въ-отношеніи къ ла-Молю молціями своихъ изумрудныхъ глазъ, и Коконна могъ бы завидовать дружескимъ пожатіямъ руки и тому подобнымъ знакамъ пріязни, щедро оказываемымъ ла-Молю въ дни каприза герцогини, когда звезда Коконна блѣднѣла на ея небосклонѣ. Но Коконна, который всегда готовъ былъ зарѣзать кого-угодно за одинъ взоръ избранной своего сердца, такъ мало ревновалъ къ ла-Молю, что даже нашептывалъ ему на ухо, по случаю этихъ выходовъ герцогини, такія вещи, что ла-Моль краснѣлъ невольно.

Слѣдствіемъ этого было, что Анріэтта, лишенная съ бѣгствомъ ла-Моля удовольствія быть въ обществѣ Коконна и наслаждаться его неисчерпаемою веселостью, пришла однажды къ Маргеритѣ съ

просьбою возвратить ей неизбежнаго посредника, безъ котораго Коконна терять и умъ и сердце.

Маргерита, изъ состраданія, а больше по желанію собственнаго сердца, пазначила Анріэттѣ свиданіе на другой день, въ извѣстномъ домицкѣ съ двумя выходами. Здѣсь онѣ должны были переговорить на свободѣ и обстоятельно.

Коконна почти съ неудовольствіемъ прочелъ записку герцогини, приглашавшей его въ девять часовъ съ половиною въ Улицу-Тизонъ. Однакожь, онъ пошелъ въ условленное мѣсто и засталъ Анріэтту въ гнѣвѣ, что ее заставляютъ ждать.

— Какъ это неучтиво, сказала она: — заставлять ждать, не говорю уже принцессу, — а женщину.

— Ждать! Ну да; это на васъ похоже. А я такъ готовъ биться объ закладъ, что мы явились еще слишкомъ-рано.

— Да, я.

— Ба! И я. Я думаю, теперь не позже десяти.

— А я васъ звала въ половинѣ десятаго.

— Да я и вышелъ изъ Лувра ровно въ девять. Не мѣшаетъ замѣтить, что я сегодня дежурный, и, слѣдовательно, черезъ часъ долженъ буду васъ оставить.

— Чему вы очень-рады?

— Нѣтъ! Д'Алансонъ не въ духѣ и ворчитъ; а ужъ если слушать брань, такъ лучше изъ вашихъ прекрасныхъ губокъ, чѣмъ изъ его криваго рта.

— Вы исправляетесь, какъ я вижу... Такъ вы вышли, вы говорите, въ девять часовъ?

— Да; и думалъ пойдти прямо сюда. Но вдругъ, на поворотѣ въ Гренельскую-Улицу, увидѣлъ человѣка, очень похожаго на ла-Моля.

— Опять ла-Моль!

— Опять, съ вашего позволенія или безъ онаго.

— Грубиянъ!

— Прекрасно. Вы хотите снова начать свои любезности?

— Нѣтъ. Доканчивайте вашъ рассказъ.

— Не я вздумалъ начать его; вы спрашиваете, отъ-чего я опоздалъ.

— Конечно. Не-уже-ли я должна являться на мѣсто первая?

— Ба! вамъ некого искать.

— Вы невыносимы; впрочемъ, продолжайте. И такъ, при поворотѣ въ Гренельскую-Улицу вы увидѣли человѣка, похожаго на ла-Моля... Что у васъ на платьѣ? кровь?

— Такъ и есть! Эти мерзавцы не могутъ падать не пачкая.

— Вы дрались?

— Дрался.

— За вашего ла-Моля?

— Да за кого же мнѣ драться? Не за женщину же?

— Покорно благодарю.

— Я побѣждалъ за дерзкимъ, который имѣлъ безстыдство подражать манерамъ моего друга. Я догоняю его въ улицѣ Кокильеръ, забѣгаю впередъ, гляжу ему подъ носъ, пользаюсь свѣтомъ изъ лавки. Гляжу — не ла-Моль!

— Вы прекрасно распорядились.

— Да ему-то отъ этого не поздоровилось. Милостивый государь! сказалъ я ему: — вы шутъ, — вы позволяете себѣ походить на ла-Моля; а вблизи вы просто дракъ. Онъ, разумѣется, за шпагу, я тоже. По третьему удару онъ упалъ, и, какъ видите, запачкалъ мнѣ платье.

— Что жъ, вы ему подали по-крайней-мѣрѣ помощь?

— Хотѣлъ-было, да въ это время провѣжалъ другой. На этотъ разъ я увѣренъ, что то былъ ла-Моль. Къ-несчастью, онъ вхалъ вскачь. Я бросаюся за лошадей; звѣзды, смотрѣвшіе на нашу дуэль, побѣжали за мною. Меня могли принять за цора, — бѣжить человекъ, а за нимъ цѣлая ватага негодяевъ.., что дѣлать! я остановился разогнать ихъ, и потерялъ драгоценное время: всадникъ исчезъ. Я опять бросаюся отыскивать его, спрашивалъ всѣхъ, кто попадался на встрѣчу, — напрасно: никто его не замѣтилъ. Наконецъ, уставши, я пришелъ сюда.

— Устарши! какъ это мило!

— Послушайте, *chère amie*, сказалъ Коконца, небрежно разва- жившись въ креслахъ: — вы опять хотите преслѣдовать меня за бѣд- наго ла-Моля; вы неправы въ этомъ случаѣ; дружба... какъ-бы это сказать... жаль, что я не такъ уменъ и не такъ ученъ, какъ мой бѣдный другъ; я нашелъ бы сравненіе, которое передало бы вамъ мою мысль цѣлкомъ.. Дружба, такъ-сказать, звѣзда, тогда-какъ любовь... любовь... а! прекрасно!.. любовь свѣчка. Вы снажете на это, что есть разные сорта...

— Любви?

— Нѣтъ, сажь, — и что одинъ сортъ лучше другаго, на-при- мѣръ розовыя свѣчи; согласенъ — это лучшія. Но какъ онъ не красивы, а все-таки сгораютъ, — звѣзда же горитъ вѣчно. Вы воз- разите, что когда свѣча сгоритъ, ставятъ другую...

— Вы шутъ, мосье де-Коконца.

— Вотъ еще!

— Вы дерзки.

— Полно-те!

— Вы смѣшны.

— Вы заставите меня втрое больше жаждать о ла-Моль,

— Вы не любите меня.

— Напротивъ, герцогиня; вы не понимаете этихъ вещей — я васъ обожаю. Но могу васъ любить, обожать, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ потерянное время, прославлять моего друга.

— Вы называете потеряннымъ то время, которое проводите со мною?

— Чтѣ дѣлать? этотъ бѣдняжка ла-Моль не выходитъ у меня изъ ума.

— Вы предпочитаете его мнѣ,—это низко! Послушайте, Аннибалъ, я васъ ненавижу. Осмѣльтесь быть откровеннымъ, скажите, что вы его мнѣ предпочитаете... Аннибалъ! Предостерегаю васъ, что если вы предпочитаете мнѣ что бы то ни было...

— Анриэтта! прекраснѣйшая изъ герцогинь! Ради собственнаго спокойствія, послушайте: не дѣлайте мнѣ нескромныхъ вопросовъ. Я люблю васъ больше всѣхъ женщинъ.

— Славно сказано! пронаешь вужей годось.

Взвѣся, раздѣляющая дѣв комнаты, приподнялась, и ла-Моль явился на порогѣ, оправленный въ раму дверей, какъ прекрасный портретъ Тициана!

— Ла-Моль! вскричалъ Кокенна, не обращая вниманія на Маргериту и не принимая на себя труда поблагодарить ее за доставленное ему удовольствіе. — Ла-Моль! Другъ мой! милый ла-Моль! Съ этими словами, онъ бросился обнимать его, опрокинувъ кресло, на которомъ сидѣлъ, и стоявшій на дорогѣ столъ.

Ла-Моль отвѣчалъ ласкою на ласку, но вмѣстѣ съ тѣмъ не забылъ обратиться къ герцогинѣ.

— Извините, сказалъ онъ:—если имя мое нарушало иногда ясность вашихъ бесѣдъ съ моимъ другомъ. Конечно, не я виноватъ, прибавилъ онъ, глядя съ невыразимою нужностью на Маргериту:— что не могъ явиться къ вамъ раньше.

— Ты видишь, Анриэтта, сказала Маргерита:— я сдержала слово: вотъ онъ.

— Такъ я обязанъ этимъ счастьемъ только просьбамъ герцогини? спросилъ ла-Моль.

— Только ея просьбамъ, отвѣчала Маргерита.

Потомъ, обратившись къ ла-Молью, она прибавила:

— Ла-Моль! Я позволяю вамъ рѣшительно не верить тому, что говорю.

Кокенна, между-тѣмъ, успѣвъ уже разъ десять прижать ла-Моль къ своему сердцу, вертѣлся безпрестанно около него, поднесъ къ лицу его свѣчу, желая насмотрѣться на друга,—и наконецъ сталъ передъ Маргеритою на коленяхъ и поцаловалъ край ея платья.

— Слава Богу, сказала герцогиня:—теперь вы найдете меня по крайней-мѣрѣ сносною.

— Mordil! отвѣчалъ Коконна. — Я нахожу, что вы прелестны, какъ и всегда. Скажу вамъ откровенно: жаль, что нѣтъ здѣсь на лицо челоуѣкъ тридцати Поляковъ, Сарматовъ, или другихъ гиперборейскихъ варваровъ: я заставилъ бы ихъ признать васъ парицею красоты.

— Тихе, Коконна, тихе! замѣтилъ ла-Моль. — А Маргерита?

— Я не противорѣчу! воскликнулъ Коконна полусерьезнымъ, полушуточнымъ тономъ:—Анриэтта царица изъ красавицъ, Маргерита красавица изъ царицъ.

— Но что ни говорилъ и что ни дѣлалъ Пьемонтець, онъ видѣлъ, въ радости, только своего друга.

— Пойдемте, сказала герцогиня Маргеритѣ: — оставимъ друзей поговорить наединѣ; имъ есть что поразсказать другъ другу. Это для насъ не совсѣмъ-приятно, но нѣтъ другаго средства возвратить Коконна его здоровье. Сдѣлай же для меня это одолженіе, потому-что я имѣю глупость любить эту пустую голову — какъ говоритъ ла-Моль.

Маргерита шепнула нѣсколько словъ на ухо ла-Молю, который, какъ ни желалъ увидѣться съ своимъ другомъ, а былъ бы радъ избавиться отъ его нѣжностей. Коконна, между-тѣмъ, старался вызвать на уста Анриэтты улыбку и ласковое слово, — что ему и удалось очень-легко.

Женщины вышли въ другую комнату, гдѣ былъ приготовленъ ужинъ.

Друзья остались наединѣ.

Коконна прежде всего началъ разспрашивать своего друга о подробностяхъ вечера, въ который онъ чуть не лишился жизни. Пьемонтець, котораго, какъ извѣстно, не легко было тронуть разговоромъ о подобныхъ происшествіяхъ, не разъ, однакожъ, вздрогнулъ, слушая ла-Моля.

— Почему же, спросилъ онъ:— вмѣсто того, чтобъ бѣжать Богъ-знаетъ куда и оставить меня въ страшномъ безпокойствѣ, не прибѣгнулъ ты къ покровительству д'Алансона? Онъ защитилъ бы тебя, и конечно бы спряталъ. Я былъ бы съ тобою, и, все-равно, притворился бы грустнымъ и провелъ бы за носъ весь дворъ.

— Къ д'Алансону? повторилъ ла-Моль въ полголоса.

— Да. Послѣ того, что онъ мнѣ говорилъ, я долженъ думать, что ты ему обязанъ жизнью.

— Я обязанъ ею королю наваррскому, отвѣчалъ ла-Моль.

— А! И ты увѣренъ въ этомъ?

— Совершенно.

— Вотъ король, такъ король! А д'Алансонъ? какую же роль онъ тутъ игралъ?

— Онъ держалъ снурокъ, которымъ хотѣли меня удушить.

— Morgi! ты это знаешь навѣрно, ла-Моль? какъ! этотъ безкровный принцъ вздумалъ-было задушить моего друга?.. А! Morgi! Завтра же скажу ему, что я думаю о такомъ поступкѣ.

— Съ ума ты сошелъ?

— Правда, онъ опять прійметса за старое... Да все-равно! Это ему такъ не пройдетъ.

— Полно, Коконна, успокойся; не забывай лучше, что ужъ половина двѣнадцатаго, а ты сегодня дежурный.

— Большая мнѣ надобность, что я дежурный! пусть-себѣ ждетъ! Дежурный? Чтобъ я служилъ человѣку, который держалъ петлю?.. Шутить!.. Нѣтъ!—Тутъ видѣнъ перстъ Провидѣнія. Я долженъ былъ увидѣть тебя, чтобъ никогда съ тобою не разставаться. Я остаюсь здѣсь.

— Одумайся, несчастный. Вѣдь ты не пьянъ.

— Къ-счастію. Иначе, я зажегъ бы Лувръ.

— Послушай, Аннибаль, будь благоразуменъ. Возвратись во дворецъ. Служба — дѣло священное.

— А ты пойдешь со мною?

— Невозможно.

— Ты думаешь, что они опять затѣютъ убить тебя?

— Не думаю. Я слишкомъ-незначительное лицо, и протявъ меня не можетъ быть постояннаго заговора. Разъ какъ-то пришла мнѣ фантазія убить меня, вотъ и все: они изволили тогда тѣшиться.

— Что жъ ты думаешь дѣлать?

— Ничего: гуляю, странствую.

— Такъ я буду гулять и странствовать съ тобою. Это прекрасное занятіе. Если на тебя нападутъ, насъ будетъ двое, и мы ихъ отдылаемъ на-славу. Пусть только явится твой червякъ-герцогъ, я пришилю его къ стѣнѣ какъ бабочку.

— Попросись по-крайней-мѣрѣ въ отставку.

— Непремѣнно.

— Предвари его, что ты его оставляешь.

— Разумѣется. Я согласенъ. Сейчасъ напишу ему.

— Напишешь? Принцу крови? Вотъ забавно!

— Дá, принцу крови, топ cher!

— Впрочемъ, подумалъ ла-Моль: — черезъ нѣсколько дней ему не будетъ никакого дѣла ни до принца, ни до кого другаго, если только захочетъ пристать къ намъ.

Коконна взялся за перо и разомъ написалъ слѣдующее красно-рѣчивое посланіе:

«Ваше высочество!

«Вы очень-хорошо знакомы съ древними писателями и не можете не знать трогательной исторіи Ореста и Пиллада, двухъ героевъ, прославившихся своею дружбою и несчастіями. Другъ мой ла-Моль несчастенъ не меньше Ореста, а я нѣженъ не меньше Пиллада. Онъ занятъ теперь важными дѣлами, которыя требуютъ моей помощи. По-этому, мнѣ невозможно оставить его. И такъ, съ позволенія вашего высочества, я прошу у васъ увольненія, рѣшившись соединить судьбу свою съ судьбою моего друга; важныя причины заставляютъ меня оставить службу вашего высочества, спочему и надѣюсь, что ваше высочество не будете ко мнѣ свѣзискательны. Смѣю именоваться

«Вашего высочества покорнѣйшій слуга
«графъ Анниваль де-Коконна,
«неразлучный другъ г. де-ла-Моля.»

Окончивъ это образцовое посланіе, Коконна прочелъ его вслухъ ла-Молю, который только пожалъ плечами.

— Ну что? Каково? спросилъ Коконна, не замѣтивъ этого движенія.

— Д'Алансонъ будетъ надъ нами смѣяться.

— Надъ нами?

— Да, надъ обими вмѣстѣ.

— Все же это лучше, нежели задуть насъ порознь.

— Одно другому можетъ и не помѣшать, сказалъ ла-Моль.

— Тѣмъ хуже! Будь, что будетъ, а я отошлю письмо завтра же утромъ. Куда мы отсюда?

— Къ ла-Гюрьеру. Помнишь, въ ту комнату, гдѣ ты хотѣлъ меня зарезать, когда мы не были еще Орестомъ и Пилладомъ?

— Хорошо; я отошлю письмо съ козлинномъ.

Въ это время, зававѣска приподнялась.

— Ну что, Орестъ и Пилладъ? спросили дамы.

— Morgdi! отвѣчалъ Коконна.— Орестъ и Пилладъ умираютъ отъ голода и любви.

На другой день поутру, часовъ въ девять, ла-Гюрьеръ отнесъ почтительное письмо Коконна въ Муаръ.

V.

ОРТОНЪ.

Генрихъ, даже послѣ отказа д'Алансона, который разстроилъ всѣ его планы, сдѣлался, если это было возможно, еще болѣе близкимъ его другомъ.

Катерина заключила изъ этого, что они что-то затѣваютъ вмѣстѣ. Она допросила объ этомъ Маргериту; но Маргерита была достойною ея дочерью, и главное искусство ея состояло въ отклоненіи опасныхъ объясненій; она такъ осторожно отвѣчала на всѣ вопросы Катерины, что та еще больше запуталась въ своихъ предположеніяхъ.

Единственнымъ путеводителемъ Флорентинки среди этихъ интригъ былъ инстинктъ, дарованный ей Тосканью, и чувство ненависти, запавшее въ ея душу при французскомъ дворѣ.

Во-первыхъ, она поняла, что Беарнецъ силенъ отчасти своимъ союзомъ съ герцогомъ д'Алансономъ, и рѣшилась разорвать этотъ союзъ.

Рѣшившись, она начала опутывать своего сына съ терпѣніемъ и ловкостью рыбака, который, забросивъ неводъ далеко отъ рыбы, нечувствительно окружаетъ имъ добычу со всѣхъ сторонъ.

Герцогъ замѣтилъ, что мать ласкаетъ его болѣе прежняго, и самъ пошелъ на встречу ея планамъ. Генрихъ притворился, что ничего не замѣчаетъ, и наблюдалъ за своимъ союзникомъ внимательнѣе прежняго.

Каждый ждалъ событія...

И между-тѣмъ, какъ всѣ ждали событія, вѣрнаго въ глазахъ однихъ, и вѣроятнаго для другихъ, однажды утромъ, едва только взошло солнце, предвѣщая прекрасный день, кто-то блѣдный, опираясь на палку и съ трудомъ передвигая ноги, вышелъ изъ дома за арсеналомъ и пошелъ по Улицѣ-Шти-Мюскъ.

Прошедъ болотистый лугъ, окружавшій рвы Бастилія, онъ оставилъ близъ Сент-Антуанскихъ-Воротъ бульваръ влѣвъ и вышелъ въ садъ де л'Арбалетъ, встрѣченный низкими поклонами сторожа.

Въ саду, принадлежавшемъ, какъ показывается его названіе, обществу стрѣлковъ, никого не было. Иначе, этотъ блѣдный странникъ, конечно, возбудилъ бы участіе прогуливающихся; по его длиннымъ усамъ, военной поступи, невѣрной еще отъ страданія, легко было узнать офицера, недавно раненнаго и вышедшаго укрѣпить свои силы прогулкою на солнцѣ.

Странно, однакожь, было, что когда раскрывался плащъ, который, не смотря на теплую погоду, былъ окутанъ этотъ мирный прохожій, за поясомъ его можно было замѣтить пару пистолетовъ, висящихъ на серебряныхъ аграфахъ, широкій кинжалъ и шпагу, такую колоссальную, что, кажется, онъ былъ не въ состояніи владѣть ею. Путникъ, не смотря на пустынность мѣста, оглядывался на каждомъ шагу, засматривая въ каждый кустъ, въ каждый поворотъ аллеи.

Такъ дошелъ онъ до маленькой бесѣдки, выходящей надъ бульваромъ, отъ котораго она была отдѣлена только густымъ плетнемъ и небольшимъ рвомъ. Здѣсь онъ сѣлъ на дерновую скамью передъ столикомъ; сторожъ, онъ же и содержатель гостиницы, принесъ ему завтракъ.

Больной сидѣлъ тутъ уже минутъ десять, медленно прихлебывая что-то изъ фаянсовой чашки, какъ вдругъ лицо его приняло ужасное выраженіе. Онъ увидѣлъ, что отъ Круа-Фобенъ, по тропинкѣ, которая теперь превратилась въ Улицу-де-Наплъ, идетъ человекъ въ широкомъ плащѣ. Незнакомецъ остановился возлѣ бастиона и ждалъ чего-то.

Прошло минутъ пять. Больной, въ которомъ читатель, можетъ быть, узналъ уже Морвеля, едва успѣлъ оправиться отъ волненія, произведеннаго въ немъ появленіемъ этого человека, какъ другой, юноша, въ костюмѣ, похожемъ на пажескій, появился по дорогѣ, гдѣ теперь идетъ Улица-Фоссе-Сен-Никола, и подошелъ къ ждавшему у бастиона.

Укрытый въ тѣни бесѣдки, Морвель безъ труда могъ все видѣть и даже слышать разговоръ; читатель пойметъ, какъ важенъ былъ для него этотъ случай, когда мы скажемъ ему, что незнакомцы были де-Муи и Ортонъ:

Оба они осматрѣлись съ величайшимъ вниманіемъ. Морвель притавилъ дыханіе.

— Вы можете говорить, сказалъ младшій и болѣе-довѣрчивый изъ нихъ, Ортонъ:—насъ никто не видитъ и не слышитъ.

— Хорошо, отвѣчалъ де-Муи.—Ступай къ г-жѣ де-Совъ, отдай ей эту записку въ собственныя руки, если застанешь ее дома; если ея не будетъ, положи ее за зеркало, куда король обыкновенно кладетъ свои записки. Потомъ подожди въ Луврѣ. Если получишь отвѣтъ, принеси его въ извѣстное мѣсто; если нѣтъ, возвратись ко мнѣ ввечеру съ ружьемъ туда, куда я тебѣ говорилъ.

— Хорошо; знаю.

— Я тебя оставляю теперь; у меня сегодня много дѣла. Не спиши,—нѣ къ-чему; тебѣ нѣ для чего явиться въ Лувръ раньше *ею*, а *онъ*, кажется, беретъ сегодня утромъ урокъ въ птичьей охо-

ть. Сдѣлае! Ты выздоровѣлъ и пришелъ благодарить г-жу де-Совъ за ея милости и попеченія. Съ Богомъ!

Морвель слушалъ съ неподвижнымъ взоромъ. Потъ выступилъ у него на лбу. Первымъ движеніемъ его было — взять пистолетъ и прицѣлиться въ де-Муи. Но де-Муи сдѣлалъ въ это время движеніе, плащъ его распахнулся, и Морвель замѣтилъ на немъ превосходную кирассу. Онъ сейчасъ разсчелъ, что пуля или расплющится о кирассу, или ранитъ его гдѣ-нибудь не смертельно. Сверхъ того, де-Муи былъ силенъ и хорошо вооруженъ; ему легко было сладить съ раненымъ. Морвель вздохнулъ и спряталъ пистолетъ назадъ.

— Какое несчастіе, подумалъ онъ: — что я не могу убить его здѣсь, безъ свидѣтелей, исключая этого мальчишки! А его можно бы отправить вторымъ выстрѣломъ.

Морвелю пришло на мысль, что записка, данная Ортону къ г-жѣ де-Совъ, можетъ быть важнѣе самой жизни предводителя гугенотовъ.

— А! ты опять ускользнулъ отъ меня, подумалъ онъ. — Пусть такъ. Иди-себѣ здоровъ и невредимъ; но завтра настанетъ моя очередь. Я отыщу тебя хоть въ аду, изъ котораго ты, кажется, вышелъ на мою погибель, если я не погублю тебя прежде.

Въ эту минуту, де-Муи закрылъ лицо свое плащомъ и пошелъ по направленію къ Тамплю. Ортонъ направился къ рѣкѣ.

Тогда Морвель, вставъ съ такою легкостью и силою, какой нельзя было ожидать отъ больного, посѣдшиль въ Улицу-Серизе, зашелъ домой, велѣлъ осѣдлатъ лошадь и, не смотря на свою слабость, поскакалъ въ Улицу-Сент-Антуанъ по набережной и наконецъ пріѣхалъ въ Лувръ.

Черезъ пять минутъ, Катерина знала обо всемъ случившемся, и Морвель получилъ тысячу экю, обѣщанные ему за арестованіе короля наваррскаго.

— Или я жестоко ошибаюсь, подумала Катерина: — или этотъ де-Муи то черное пятно, которое Рене открылъ въ гороскопѣ Генриха.

Черезъ четверть часа послѣ Морвеля, вошелъ въ Лувръ Ортонъ и отправился въ отдѣленіе г-жи де-Совъ, поговоривъ на дорогѣ съ нѣсколькими изъ своихъ луврскихъ знакомыхъ.

Онъ засталъ одну Дариолу. Г-жа де-Совъ ушла, по требованію Катерины, переписать какія-то важныя письма, и уже минутъ пять, какъ ея не было дома.

— Я подожду, сказалъ Ортонъ.

Ортонъ былъ тутъ какъ свой; пользуясь этимъ преимуществомъ,

онъ прошелъ въ спальню баронессы и, увидя, что былъ одинъ, положилъ записку за зеркало.

Не успѣлъ онъ еще почти принять руки, какъ вошла Катерина Ортономъ поблагодарить. Ему показалось, что острый взглядъ корлевы былъ устремленъ прямо на зеркало.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? спросила она.— Ты къ г-жѣ де-Совъ?

— Такъ точно, ваше величество. Я ее давно не видѣлъ и пришелъ поблагодарить за вниманіе.

— А ты ее любишь, мою милую Шарлотту?

— Отъ всей души.

— И ты, говорятъ, вѣрный слуга?

— Это очень-естественно, ваше величество: г-жа де-Совъ окрала мнѣ такое вниманіе, какого я не заслуживалъ.

— По какому же это случаю? спросила Катерина, какъ-будто не знаетъ, что случилось съ Ортономъ.

— Когда я былъ раненъ.

— Бѣдняжка! Ты былъ раненъ?

— Да.

— Когда же?

— Въ тотъ вечеръ, когда хотѣли арестовать короля наваррскаго. Я испугался при видѣ солдатъ и закричалъ; одинъ изъ нихъ ударилъ меня по головѣ, и я упалъ безъ памяти.

— Бѣдняжка! Что жь? ты теперь совсѣмъ-здоровъ?

— Здоровъ, ваше величество.

— И ты ищешь короля наваррскаго, чтобъ опять поступить к нему?

— Нѣтъ, ваше величество. Король узналъ, что я осмѣлился противиться приказу вашего величества, и прогналъ меня безъ милосердія.

— Право? Ну, я беру на себя твое дѣло. Если жь ты думаешь дожидаться г-жи де-Совъ, она не скоро прійдетъ. Она занята теперь у меня въ кабинетъ.

Катерина, думая, что Ортономъ не успѣлъ еще, можетъ-быть, положить записку на мѣсто, вышла въ другую комнату, чтобъ дать ему время исполнить свое порученіе.

Ортономъ, встревоженный неожиданнымъ появленіемъ Катерины Ортономъ, не скрывается ли тутъ какого-нибудь умысла противъ Генриха, какъ вдругъ услышалъ три легкіе удара въ потолокъ. Это былъ условленный знакъ, который самъ онъ подавалъ своему господину въ случаѣ опасности, когда тотъ бывалъ у г-жи де-Совъ.

Онъ вздрогнулъ, услышавъ этотъ стукъ; ему показалось ясно, что его предостерегаютъ; онъ подошелъ къ зеркалу и взялъ записку назадъ.

Катерина подсматривала за всѣми его движеніями сквозь отверстие въ занавѣскѣ; она видѣла, какъ онъ бросился къ зеркалу, но не рассмотрѣла, взялъ онъ оттуда или положилъ туда записку.

— Чего же онъ еще ждетъ? проговорила нетерпѣливая Флорентинка.

Она вошла въ комнату съ улыбкою на устахъ.

— Ты еще здѣсь? сказала она. — Чего же ты ждешь? Видѣ я тебѣ сказала, что сама позабочусь о тебѣ. Или ты сомнѣваешься?

— Боже сохрани! отвѣчалъ Ортонъ.

Онъ сталъ на колено, поцаловалъ край ея платья и поспѣшно вышелъ.

При выходѣ, онъ замѣтилъ въ передней капитана гвардіи Катерины. Это удвоило его подозрѣнія.

Катерина, съ своей стороны, едва-только занавѣска опустилась за Ортономъ, бросилась къ зеркалу. Но дрожащая отъ нетерпѣнія рука ея напрасно искала записки: записки не было.

А она ясно видѣла, что Ортонъ подходилъ къ зеркалу. Следовательно, онъ взялъ записку назадъ. Судьба была на сторонѣ ея противниковъ. Ребенокъ дѣлался взрослымъ человекомъ, лишь-только начиналъ дѣйствовать противъ нея.

Она искала, смотрѣла, рылась, — нѣтъ ничего!

— Несчастный! сказала она. — Я не хотѣла сдѣлать ему зла, а онъ взялъ записку назадъ и самъ идетъ на встрѣчу судьбѣ своей... Нансей!

Нансей вошелъ.

— Что прикажете, ваше величество?

— Вы были въ передней?

— Да.

— Вы видѣли, какъ вышелъ отсюда молодой человекъ, ребенокъ?

— Онъ сейчасъ прошелъ.

— Онъ не можетъ быть еще далеко?

— На половинѣ лѣстницы, не дальше.

— Позовите его назадъ.

— Какъ его зовутъ?

— Ортонъ. Если онъ не захочетъ воротиться, приведите его силою. Только не пугайте его, если онъ не станетъ противиться. Мнѣ надо съ нимъ сейчасъ же поговорить.

Капитанъ поспѣшилъ исполнить приказаніе королевы.

Ортонъ дѣйствительно былъ еще на лѣстницѣ; онъ сходилъ медленно, надѣясь встрѣтить или увидѣть гдѣ-нибудь въ корридорѣ короля наваррскаго или г-жу де-Совъ.

Онъ вздрогнулъ, услышавъ, что его зовутъ.

Сначала онъ хотѣлъ-было бѣжать; но сейчасъ же разсудилъ, что это все погубить.

Онъ остановился.

— Кто меня зоветъ?

— Я, Нансей, отвѣчалъ капитанъ, шагая за нимъ по ступенямъ.

— Мнѣ некогда, отвѣчалъ Ортонъ.

— Я отъ ея величества королевы-матери, сказалъ Нансей, подходя къ нему.

Юноша отеръ выступившій на лицѣ его потъ и пошелъ назадъ. Капитанъ шелъ за нимъ.

Катерина хотѣла овладѣть Ортономъ, велѣть его обыскать и взять спрятанную у него записку. Для этого, она придумала обвинить его въ кражѣ и уже взяла съ туалета брильянтовый аграфъ, пропажу котораго готовилась приписать Ортону. Но она разсудила, что это средство опасно, потому-что можетъ возбудить его подозрѣнiе, что онъ уведомитъ обо всемъ своего господина, и испортить тѣмъ дѣло.

Конечно, она могла велѣть отвести его куда-нибудь въ тюрьму; но слухъ объ этомъ непременно разнесется по Лувру, и Генрихъ сдѣлается осторожнѣе.

Записку, однакожь, надо было достать; въ запискѣ отъ де-Мунъ къ Генриху долженъ былъ заключаться цѣлый заговоръ.

Она положила аграфъ на прежнее мѣсто.

— Нѣтъ, нѣтъ, это не годится! сказала она. — Но за записку, которая можетъ быть, впрочѣмъ, ничтожна, продолжала она нахмуривъ брови, и говоря такъ тихо, что едва сама могла разслушать слова свои:—что жь! не моя въ томъ вина! Зачѣмъ этотъ звенышъ не положилъ ея куда слѣдуетъ. Я должна прочесть ее.

Въ эту минуту вошелъ Ортонъ.

Лицо Катерины, должно быть, было ужасно: юноша, поблѣдивъ, остановился на порогѣ. Онъ былъ еще такъ молодъ, что не умѣлъ вполне владѣть собою.

— Вы изволили меня требовать, ваше величество, сказалъ онъ.

— Что прикажете?

Лицо Катерины прояснилось, какъ-будто внезапно-озаренное солнцемъ.

— Я позвала тебя потому, что ты мнѣ понравился. Я обѣщала позаботиться о тебѣ, и хочу немедленно этимъ заняться. Насъ, королеву, обвиняютъ въ забывчивости. Не сердце наше забывчиво, а умъ, занятый тысячами дѣлъ. Я вспомнила, что людское счастье въ рукъ королей, и потому позвала тебя назадъ. Ступай за мною.

Нансей съ удивленіемъ смотрѣлъ на Катерину; онъ думалъ, что на нее въ-самомъ-дѣлѣ нашелъ припадокъ нѣжности.

— Умѣешь ты вздѣть верхомъ?

— Умѣю.

— Такъ пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ. Я дамъ тебѣ порученіе въ Сен-Жерменъ.

— Слушаю, ваше величество.

— Прикажите осѣдлать ему лошадь, г. де-Нансей.

Нансей вышелъ.

— Пойдемъ, сказала Катерина.

Ортонъ пошелъ вслѣдъ за нею.

Катерина сошла въ слѣдующій этажъ, вышла въ корридоръ, ведшій въ отдѣленія короля и д'Алансона, спустилась еще на одинъ этажъ, отворила дверь въ круглую галерею, ключъ отъ которой былъ только у нея и у короля, велѣла войти Ортону, потомъ вошла сама и замкнула за собою входъ. Эта галерея окружала часть комнатъ короля и королевы-матери. Эта галерея, подобно корридору въ Замкѣ Святаго-Ангела въ Римѣ, или во дворцѣ Питти во Флоренціи, была убѣжищемъ, прибереженнымъ на случай опасности.

Катерина и молодой человѣкъ были заперты въ темномъ переходѣ. Они прошли шаговъ двадцать, Катерина впереди, Ортонъ за нею.

Вдругъ она обернулась; Ортонъ увидѣлъ на лицѣ ея то же мрачное выраженіе, которое замѣтилъ минутъ десять назадъ. Ея глаза, круглые какъ у тигра, казались, сверкали въ темнотѣ.

— Остановись, сказала она.

Дрожь пробѣжала по тѣлу Ортона. Отъ этихъ сводовъ вѣяло холодомъ. Полъ былъ мраченъ, какъ гробовая крышка. Взоры Катерины пронзали грудь юноши.

Онъ отступилъ на шагъ и прислонился къ стѣнѣ.

— Гдѣ записка, которую тебѣ поручили отдать королю наваррскому?

— Записка? пробормоталъ Ортонъ.

— Да; которую ты долженъ былъ положить за зеркало?

— Я?... Я не понимаю, что вы изволите говорить.

— Записку, которую вручилъ тебѣ де-Мув, часъ тому назадъ, за садомъ д'Арбалетъ.

— У меня нѣтъ никакой записки. Ваше величество изволите вѣроятно ошибаться.

— Лжешь! Отдай записку, и я исполню свое обѣщаніе.

— Какое?

— Я сдѣлаю тебя богатымъ.

— Но у меня нѣтъ никакой записки, ваше величество!
Катерина начала скрипеть зубами, но завершила улыбкой.

— Отдай, сказала она:—и я дарю тебѣ тысячу экю.

— Мнѣ нѣчего отдавать.

— Дев тысяч.

— Невозможно. У меня ничего нѣтъ.

— Десять тысяч, Ортонъ!

Ортонъ видѣлъ, что гнѣвъ, подобно морскому приливу, выстучаетъ изъ сердца на лицо королевы. Онъ подумалъ, что остается только одно средство спасти своего господина: съѣсть эту записку. Онъ опустилъ руку въ карманъ. Катерина разгадала его намѣреніе и остановила его руку.

— Полно, дитя! сказала она смѣясь.—Хорошо; ты вѣрный слуга. Выбирая слугу, королямъ не худо увѣриться, предано ли его сердце. Теперь я знаю, какъ съ тобою поступить. Вотъ тебѣ мой кошелекъ, — это первая награда. Отнеси записку королю наваррскому и объяви, что съ сегодняшняго дня ты у меня въ службѣ. Ступай, ты можешь одинъ выйти въ эту дверь; она отворяется изнутри. Не молодой человекъ стоить въ нерышности. Онъ не могъ повѣрить, что опасность миновалась.

— Полно дрожать! сказала Катерина. Вѣдь я тебѣ говорю, что ты можешь идти.

— Благодарю, ваше величество, отвѣчалъ Ортонъ. — И такъ, вы мѣня прощаете?

— Больше: я награждаю тебя. Ты превосходный развонщикъ любовныхъ записокъ,—только ты забываешь, что тебя ждутъ.

— Это правда, сказалъ юноша и поспѣшилъ выйти.

Но едва сдѣлалъ онъ шага три, какъ полъ подъ нимъ опустился. Онъ пошатнулся, распротеръ руки, вскрикнулъ, и исчезъ въ пропасти, которая раскрылась подъ его ногами, когда Катерина подавила пружину.

— Теперь, по милости этого упрямца, мнѣ придется сойти сто-пятьдесятъ ступеней внизъ, сказала Катерина.

Она возвратилась въ свою комнату, зажгла потайной фонарь, пошла опять въ корридоръ, задвинула пружину и отворила дверь на винтообразную лѣстницу, спускавшуюся въ пѣдра земли.

Мучимая неутолимою жаждою любопытства, она дошла до желѣзной двери на днѣ подвала.

Здѣсь, окровавленный, изувѣченный паденіемъ съ вышины во сто футовъ, лежалъ Ортонъ. Онъ еще дышалъ; за стѣною слышенъ былъ шумъ Сены, проведенной къ подножію лѣстницы посредствомъ подземнаго канала.

Катерина спустилась въ эту сырую яму, бывшую, вѣроятно, сви-

дательницею не одного подобнаго наденія, обыскала трупъ, нашла записку, увѣрилась, что это точно та, которую она искала, отделила тѣло ногою и придавила пружину; дно подалось и тѣло, уличенное собственною тяжестью, исчезло по направленію къ рѣкѣ.

Потомъ Катерина затворила дверь, взшла на верхъ, замкнулась у себя въ кабинетъ, и прочла записку. Вотъ что было въ ней написано:

«Сегодня, въ десять часовъ вечера, въ улицѣ д'Арбр-Секъ, въ гостиницѣ à la Belle-Etoile. Если придете, не отвѣчайте ничего; если не придете, скажите подателю записки: нѣтъ.

«Дк-Мун Свн-Фаль.»

На лицѣ Катерины играла улыбка. Она думала о будущей побѣдѣ, забывая, какою цѣною купила ее.

Да и что значить Ортои? Вѣрный слуга, преданный всѣмъ сердцемъ, дитя, — и только.

Это, конечно, не могло имѣть цѣны на всахъ, на которыхъ взвѣшивалась участь цѣлыхъ государствъ.

Прочитавъ записку, Катерина немедленно пошла къ г-жѣ де-Совъ, и положила записку за зеркало.

Возвращаясь, она встрѣтила при входѣ въ корридоръ капитана.

— Лошадь осѣдлана, ваше величество, сказалъ онъ.

— Любезный баронъ, отвѣчала Катерина: — лошадь теперь не нужна: я поговорила съ этимъ мальчикомъ, и онъ оказался слышкомъ—глухъ для порученія, которое я хотѣла ему дать. Я дала ему денегъ и выслала по черному холу.

— Но порученіе?

— Порученіе? повторила Катерина.

— Да, которое ваше величество хотѣли дать ему въ Сен-Жермень. Прикажете мнѣ заняться этимъ, или приказать кому-нибудь?

— Нѣтъ, нѣтъ; вамъ и вашей командѣ будетъ сегодня вечеромъ другое занятіе.

И Катерина вошла въ свой кабинетъ, въ полной надеждѣ порывить вечеромъ участь короля наваррснаго.

VI.

Гостиница à la Belle-Etoile.

Часа черезъ два послѣ рассказаннаго нами происшествія, неоставившаго по себѣ никакихъ слѣдовъ, ни даже на лицѣ Катерины, г-жа де-Совъ, окончивъ свое занятіе у королевы, возврати-

лась домой. За нею вошелъ Генрихъ, и, узнавъ отъ Дариолы, что приходилъ Ортонъ, пошелъ прямо къ зеркалу и взялъ записку.

Записка, какъ мы уже сказали, содержала въ себѣ слѣдующее:

«Сегодня, въ десять часовъ вечера, въ улицѣ д'Арбр-Секъ, въ гостинницѣ à la Belle-Etoile. Если прійдете, не отвѣчайте ничего; «если не прійдете, скажите подателю записки: «нѣтъ».

«Де-Муи Сен-Фаль.»

— Генрихъ непременно пойдетъ, думала Катерина:—еслибъ онъ и не хотѣлъ идти, такъ ему некому теперь сказать: «нѣтъ».

Въ этомъ она не ошиблась. Генрихъ разспросилъ объ Ортонѣ. Дариола сказала, что онъ вышелъ съ королевой-матерью; но такъ-какъ записка была на своемъ мѣстѣ, а Ортона невозможно было подозрѣвать въ измѣнѣ, то Генрихъ остался совершенно-покоенъ.

Онъ отобѣдалъ, по обыкновенію, у короля, который много подшучивалъ надъ неловкостью его во время птичьей охоты поутру. Генрихъ оправдывался тѣмъ, что онъ горецъ, а не житель долины, но обѣщалъ Карлу заняться изученіемъ и этого рода охоты.

Катерина была очень-любезна, и, вставая изъ-за стола, просила Маргериту остаться у ней на весь вечеръ.

Въ восемь часовъ, Генрихъ взялъ съ собою двухъ провожатыхъ и вышелъ въ ворота Сент-Онорé. Онъ сдѣлалъ большой крюкъ, переправился черезъ Сену на вельскомъ паромѣ, прошелъ до Улицы-Сен-Жакъ, и здѣсь отпустилъ своихъ спутниковъ, какъ-будто отправляясь на любовное свиданіе. При поворотѣ въ Улицу-Матюрень, ждалъ его челоуѣкъ въ плащѣ и верхомъ. Король подошелъ къ нему.

— Мантъ, сказалъ незнакомецъ.

— По, отвѣчалъ король.

Незвѣстный тотчасъ сошелъ съ лошади. Генрихъ надѣлъ запачканный плащъ, сѣлъ на взмысленнаго коня, поѣхалъ по Улицѣ-ла-Гарпъ, черезъ Мостъ-Сен-Мишель, по Улицѣ-Бартеlemi, перѣхалъ Сену по Мосту-Мённе, и добжалъ по набережной и Улицѣ-Арбр-Секъ до гостинницы ла-Гюрёра.

Ла-Моль сидѣлъ въ залѣ и писалъ длинное любовное письмо,— вы знаете къ кому.

Коконна былъ въ кухнѣ съ ла-Гюрёромъ. Онъ присутствовалъ при изготовленіи шести куропатокъ, и разсуждалъ съ хозяиномъ о времени, когда ихъ снять съ вертела.

Въ эту минуту, постучался Генрихъ. Грегуаръ пошелъ отворить дверь и отвести лошадь въ конюшню; Генрихъ, между-тѣмъ, вошелъ, постукивая сапогами и звеня шпорами, какъ-будто стараясь оживить отекиа ноги.

— Ла-Гюрьёръ! закричалъ ла-Моль, продолжая писать:—привѣжій васъ спрашиваетъ.

Ла-Гюрьёръ подошелъ, нзмѣрилъ Генриха глазами съ головы до ногъ, и не чувствуя особеннаго уваженія къ плащу изъ того стаго сукна, спросилъ:

— Кто вы?

— Sang-dieu! отвѣчалъ Генрихъ: — я гасконскій дворянинъ,— прѣѣхалъ ко двору.

— Что вамъ угодно?

— Комнату и ужинъ.

— Гм! А есть у васъ лакей?

Это былъ, какъ известно, неизбѣжный вопросъ.

— Нѣтъ, но я непременно найму, какъ-только поправятся мои обстоятельства.

— Я господской комнаты не отдаю безъ лакейской, сказалъ ла-Гюрьёръ.

— Даже, если я заплачу вамъ за комнату и ужинъ нобль, — расчесть завтра?

— О! вы, конечно, очень-великодушны, отвѣчалъ трактирщикъ, недоувѣрчиво поглядывая на Генриха.

— Надѣюсь провести ночь въ вашей гостинницѣ, которую рекомендовалъ мнѣ одинъ изъ моихъ земляковъ; я пригласилъ сюда на ужинъ пріятели. Есть у васъ хорошее арбузское вино?

— Такое, что и самъ Беарнецъ не пьетъ лучшаго.

— Хорошо; за это я заплачу особо. Да вотъ и гость мой!

Дѣйствительно, дверь отворилась, и вошелъ другой человекъ, нѣсколько-старше перваго, и вооруженный огромною шпагою.

— А! Вы аккуратны, молодой человекъ, сказалъ онъ. — Кто ѣдетъ изъ-за двѣсти лѣ, тому мудрено потрафить въ мнуту.

— Это вашъ гость? спросилъ ла-Гюрьёръ.

— Да, отвѣчалъ Генрихъ, пожимая руку пришедшему. — Прикажите подать ужинъ.

— Здѣсь, или у васъ въ комнатѣ?

— Гдѣ хотите.

— Ла-Гюрьёръ! сказалъ ла-Моль, подозвавъ его къ себѣ.—Избавьте насъ, пожалуйста, отъ этихъ гугенотскихъ фигуръ. При нихъ намъ нельзя будетъ съ Коконна ни слова переговорить о дѣлѣ.

— Приготовить ужинъ во второмъ номерѣ, въ третьемъ этажѣ! провознесъ ла-Гюрьёръ.—Милости просимъ наверхъ, господа.

Привѣжіе пошли за Грегуаромъ, освѣщавшимъ дорогу.

Ла-Моль слѣдилъ за ними глазами, пока они не скрылись изъ вида. Потомъ онъ оборотился въ другую сторону, и увидѣлъ Ко-

— Это ничего; онъ сметливъ. Хоть королева и знаетъ его долж-
ность, онъ ее проведетъ, я увѣренъ.

— А вы, де-Муи, видѣли его послѣ?

— Нѣтъ еще; но я долженъ увидѣть его сегодня ввечеру. Въ
полночь онъ долженъ явиться сюда за мною съ карабиномъ. До-
рогою онъ все расскажетъ.

— А человекъ, который стоялъ на поворотѣ въ улицу Матюрень?

— Какой человекъ?

— Который далъ мнѣ плащъ и лошадь,—увѣрены вы въ немъ?

— Это одинъ изъ самыхъ преданныхъ. Впрочемъ, онъ не знаетъ
вашего величества, и ему неизвѣстно, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло.

— И такъ, мы спокойно можемъ переговорить о дѣлахъ.

— Безъ сомнѣнія. Къ-тому же, ла-Моль сторожитъ.

— Прекрасно.

— И такъ, что говорить д'Алансонъ?

— Д'Алансонъ не хочетъ бѣжать. Онъ объявилъ это прямо.
Избраніе герцога д'Анжу въ короли польскіе и болѣзнь короля
измѣнили весь его намѣренія.

— Такъ онъ причиною, что нашъ планъ не удался?

— Да.

— Следовательно, онъ намъ измѣняетъ.

— Нѣтъ еще, но измѣнить при первомъ удобномъ случаѣ.

— Малодушный! Вѣроломный! Почему онъ не отвѣчалъ на мои
письма?

— Чтобы имѣть въ своихъ рукахъ улики и не быть уличеннымъ
другими. А между-тѣмъ, все погибло, не такъ ли, де-Муи?

— Напротивъ, ваше величество, все спасено. Вы знаете, что всѣ,
за исключеніемъ партіи Кондэ, были за васъ и вступили въ сноше-
нія съ герцогомъ только за тѣмъ, чтобы воспользоваться его защи-
тою. Съ-тѣхъ-поръ, то-есть со времени приѣма польскихъ пословъ, я
все связалъ во-едино, и все вамъ предано. Для бѣгства еъ д'Алан-
сономъ довольно было ста человекъ. Я собралъ полторы тысячи.
Черезъ недѣлю они будутъ въ готовности на дорогъ въ По. Это
будетъ уже не бѣгство, а отступленіе. Довольно, ли для васъ, ва-
ше величество, полуторы тысячи человекъ, и будете ли въ без-
опасности среди арміи?

Генрихъ улыбулся и, ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Ты знаешь, де-Муи,—и ты знаешь это одинъ,—король на-
варрскій не такой трусъ, какъ думаютъ.

— Знаю, ваше величество, и думаю, что скоро узнаетъ это не
хуже меня и вся Франція. Но, замышляя дѣло, надо заботиться
объ удачѣ. Первое условіе успѣха—рѣшимость; а чтобы рѣшимость

была быстрою и неподдѣльною, надо быть убѣждену въ успѣхѣхъ. И такъ, ваше величество, когда назначена будетъ охота...

— Охота, то псовая, то соколиная, бываетъ черезъ каждыя во семь или десять дней.

— Когда охотились въ послѣдній разъ?

— Сегодня.

— Слѣдовательно, дней черезъ восемь или десять опять будутъ охотиться?

— Безъ всякаго сомнѣннѣя.

— Послушайте! все, кажется, очень-спокойно: герцога д'Анжу ухалъ; о немъ больше не думаютъ. Король направляется съ каждыя днемъ. Насъ почти перестали преслѣдовать. Дѣлайте глазки королевы-матери и д'Алансону; повторяйте ему, что вы не можете ѣхать безъ него; постарайтесь, чтобъ онъ повѣрилъ вамъ, — это труднѣе.

— Будь спокоенъ, онъ повѣритъ.

— Вы думаете, что онъ вамъ такъ сильно довѣрять?

— Нѣтъ, сохрани Богъ! Но онъ вѣритъ всему, что ни скажетъ ему королева.

— А она служитъ намъ добросовѣстно?

— Да, я имѣю на это доказательства. Кромѣ того, она честолюбива, и мысль о наваррской коронѣ жжетъ ей голову.

— И такъ, за три дня до охоты, дайте мнѣ знать, гдѣ она назначена. Если въ Бовдѣ, въ Сен-Жерменѣ, или въ Рамбульѣ, прибавьте, что вы готовы, и когда увидите передъ собою ла-Молля, скачите за нимъ. А когда вы будете внѣ лѣса, такъ королевы-матери придется гнаться за вами, если ей угодно; нормандскія лошади ея не увидятъ, надѣюсь, и подковъ нашихъ арабскихъ коней.

— Хорошо.

— Есть у васъ деньги?

Генрихъ сдѣлалъ гримасу, которую во всю жизнь свою дѣлалъ на этотъ вопросъ:

— Немного; впрочемъ, у Марго, я думаю, есть.

— Все равно. Возьмите съ собою какъ-можно-больше.

— А ты, между-тѣмъ, что будешь дѣлать?

— Я занимался дѣлами вашего величества довольно-дѣлательно: позволите ли мнѣ заняться теперь моими собственными?

— Изволь, де-Муи, изволь; какія же это дѣла?

— Послушайте, ваше величество. Ортонъ сказалъ мнѣ (онъ очень-смышленный мальчикъ; рекомендую вамъ его)—Ортонъ сказалъ, что вчера встрѣтилъ возлѣ арсенала этого разбойника Мор-

вля. Онъ выздоровѣлъ, благодаря заботливости Ренѣ, и отогрѣвается на солнцѣ, какъ змѣя.

— Понимаю.

— Вы понимаете? прекрасно... Вы будете когда-нибудь королемъ, и если вамъ надо отмстить кому-нибудь, вы отместите по-королевски. Я солдатъ, и долженъ отмстить по-солдатски. Когда изъ наши дѣла будутъ устроены, — а на это надо дней пять или шесть, и убійца въ это время совсѣмъ оправится, я тоже пойду прогуляться мимо арсенала и пригвозжу его къ землѣ шпагой. Тогда мнѣ легче будетъ разстаться съ Парижемъ.

— Распожайся какъ знаешь. Кстати: ты доволенъ ла-Модемъ, не правда ли?

— Да; прекрасный молодой человекъ; онъ преданъ вамъ душою и тѣломъ; вы можете на него положиться, какъ на меня... онъ храбръ...

— И, главное, умѣетъ хранить тайну; я возьму его съ собою въ Наварру: тамъ подумаемъ какъ наградить его.

Генрихъ договаривалъ еще эти слова съ ѣдкою улыбкой, какъ вдругъ двери распахнулись настежь, и ла-Моль, блѣдный и встревоженный, появился на порогъ.

— Живѣ! сказалъ онъ. — Домъ окруженъ.

— Окруженъ! воскликнулъ Генрихъ. — Къмъ?

— Королевской гвардіей.

— О! сказалъ де-Мун, доставая изъ за-пояса пистолеть. — На бой!

— Чтò и говорить! сказалъ ла-Моль. — Очень-много поможетъ мнѣ пистолеть противъ пятидесяти человекъ!

— Онъ правъ, замѣтилъ король: — еслибъ было какое-нибудь средство уйдти...

— Есть; я однажды ужъ воспользовался имъ, и если вашему величеству угодно за мною послѣдовать...

— А де-Мун?

— И онъ можетъ идти съ нами, если захочетъ; только надо поспѣшить.

На лѣстницѣ послышались шаги.

— Теперь ужъ поздно, сказалъ Генрихъ.

— Еслибъ удержать ихъ хоть пять минутъ, воскликнулъ ла-Моль: — я отвѣчалъ бы за безопасность короля.

— Я задержу ихъ, сказалъ де-Мун. — Спасайте короля. Бѣгите, ваше величество!

— А ты?

— Не заботьтесь обо мнѣ, бѣгите!

Де-Мун прибралъ тарелку, салфетку и стаканъ короля, чтобъ подумали, что онъ ужиналъ одинъ.

— Пойдемте! сказалъ Ла-Моль, схвативъ Генриха за руку и увлекая его на лѣстницу.

— Де-Мун! Храбрый де-Мун! сказалъ Генрихъ, протыгивая ему руку.

Де-Мун поцаловалъ ее, проводилъ короля изъ комнаты и заперъ за нимъ дверь.

— Понимаю, сказалъ Генрихъ:— онъ отдается въ руки враговъ тогда-какъ мы спасаемся бѣгствомъ. — Но кой-чортъ могъ насъ выдать?

— Пойдемте, ваше величество! Они идутъ.

Взвѣскъ факеловъ начиналъ уже скользить по стѣнамъ, а внизу лѣстницы слышался уже стукъ оружія.

— Скорѣе! повторилъ Ла-Моль.

Онъ провелъ его въ темнотѣ два этажа выше и, вышедъ въ какую-то комнату, задвинулъ за собою дверь и подвелъ его къ огню.

— Бойтесь вы путешествовать по крышамъ? спросилъ онъ.

— Я? отвѣчалъ король. — Полно! Изарскому охотнику бояться крышъ!

— Такъ слѣдуйте за мною. Я знаю дорогу и проведу васъ.

— Идите; я за вами.

Ла-Моль выскочилъ изъ окна и прешелъ по широкому жолобу до ложбины, образовавшейся изъ двухъ крышъ. Здѣсь было слуховое окно, выходившее изъ необитаемаго чердака.

— Вотъ мы и у пристани, сказалъ Ла-Моль.

— Тѣмъ лучше, отвѣчалъ Генрихъ.

Онъ отеръ потъ, крупными каплями выступившій у него на лбу.

— Дѣло теперь пойдетъ само собою на ладъ, сказалъ Ла-Моль.

— Съ чердака ведетъ лѣстница въ корридоръ, а корридоръ на улицу. Я уже прешелъ однажды по этой дорогѣ, въ ужасную ночь.

— Впередъ! сказалъ Генрихъ.

Ла-Моль первый пролѣзъ въ окно, добрался до плохо-притворенной двери, отворилъ ее, и, подавая королю веревку, служившую путеводную нитью по лѣстницѣ, сказалъ:

— Пойдемте, ваше величество.

На половинѣ лѣстницы Генрихъ остановился; тутъ было окно во дворъ гостиницы. Отсюда видно было, какъ на противоположной лѣстницѣ толпились солдаты со шпагами и факелами въ рукахъ.

Вдругъ, посреди группы, Генрихъ узналъ де-Муна, который отдалъ свою шпагу и сходилъ спокойно.

— Бѣдняжка! сказалъ король. — Вѣрное сердце!

— Замѣтьте, ваше величество! онъ совершенно-спокоенъ, и даже смѣется. Онъ вѣрно выдумалъ что-нибудь хорошее, онъ рѣдко смѣется.

— А тотъ, что былъ съ вами?

— Коконна?

— Да, Коконна. Что съ нимъ?

— О! за него я совершенно-спокоенъ. Увидѣвъ солдатъ, онъ только спросилъ: что? мы рискуемъ чѣмъ-нибудь? — Головою, отвѣчалъ я. — Ты спасешься? — Надѣюсь.

— Хорошо, такъ и я спасусь. И кланусь вамъ, что онъ спасется. Если его возьмутъ, такъ значить, что ему угодно было позволить взять себя.

— И такъ все благополучно, сказалъ Генрихъ. — Теперь лишь бы добраться въ Лувръ.

— Нѣтъ ничего легче. Завернемся въ плащи и выйдемъ. Улица полна народа, и насъ примутъ за простыхъ зрителей.

Дѣйствительно, тѣснота была единственное препятствіе, которое они встрѣтили на дорогѣ.

Оба они проскользнули въ Улицу-д'Аверонъ; проходя по Улицѣ-де-Пулі, они увидѣли вдали де-Муи и стражу, подъ предводительствомъ де-Нансея, проходящихъ по Площади-Сен-Жерменъ-л'Оксерруа.

— А-га! Его ведутъ, кажется, въ Лувръ, сказалъ Генрихъ. — Чортъ возьми! Ворота заперты; будутъ спрашивать имена всѣхъ входящихъ; если я войду вслѣдъ за нимъ, могутъ заключить, что мы были вмѣстѣ.

— Войдите въ Лувръ не черезъ ворота.

— Да какъ же иначе?

— А окно королевы наваррской?

— Ventre saint-gris! Вы правы, ла-Моль! Какъ это мнѣ не пришло въ голову? Но какъ ей дать знать?

— Вы такъ мѣтко бросаете камни! замѣтилъ ла-Моль, почтительно кланяясь.

VII.

Де-Муи де-Сен-Фаль.

На этотъ разъ, Катерина взяла всѣ возможные предосторожности и не сомнѣвалась въ успѣхъ.

Въ-слѣдствіе этого, часовъ въ десять вечера, она отпустила Маргериту, будучи убѣждена, въ чемъ, впрочемъ, и не ошибалась, что королева наваррская ничего не знаетъ о замыслахъ противъ своего мужа. Катерина зашла къ королю, проси его помедлать ложиться спать.

Торжествующій видъ Катерины возбудилъ его любопытство. Онъ началъ ее разспрашивать, но она отвѣчала только:

— Могу сказать одно вашему величеству: сегодня вечеромъ вы будете освобождены отъ двухъ вашихъ злѣйшихъ враговъ.

Карлъ мигнулъ бровями, какъ-будто хотѣлъ сказать: «хорошо, посмотримъ», свиснулъ большой борзой собакой, и послушное животное, какъ змѣя, приползло къ нему на брюхъ и начало ласкаться.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ-продолженіи которыхъ Катерина приглядывалась и прислушивалась, на дворъ въ Лувръ раздался выстрѣлъ.

— Что это за шумъ? спросилъ Карлъ, нахмуривъ брови. Борзая вскочила и наострила уши.

— Ничего, отвѣчала Катерина.—Сигналь, и только.

— Что же значить этотъ сигналь?

— Онъ значить, что съ этой минуты вашъ единственный, вашъ истинный врагъ не можетъ уже вредить вамъ.

— Убили кого-нибудь? спросилъ Карлъ, повелительно глядя на мать, какъ-будто желая сказать ей, что смерть и помилованіе только во власти короля.

— Нѣтъ, только арестовали двухъ.

— Вѣчно тайныя продѣлки, вѣчно заговоры, о которыхъ король ничего не знаетъ! сказалъ Карлъ. — Mort-diable! Я уже не дитя, матушка; могу заботиться самъ о себѣ, и мнѣ не къ чему ходить на помочахъ. Побѣжайте въ Польшу къ вашему д'Анжу, если хотите царствовать. Здѣсь, повторяю вамъ, вамъ не удастся.

— Въ послѣдній разъ мѣшаюсь я въ ваши дѣла, отвѣчала Катерина.—Но это дѣло затѣяно уже давно; вы всегда утверждали, что я ошибаюсь, и я непремѣнно хотѣла доказать вашему величеству, что я права.

Нѣсколько человекъ остановились въ это время въ передней, и раздался стукъ опущенныхъ на полъ ружейныхъ прикладовъ.

Нансей попросилъ позволенія войти къ королю.

— Пусть войдетъ, живо сказалъ Карлъ.

Нансей вошелъ, поклонился королю, и сказалъ, обращаясь къ Катеринѣ:

— Я исполнилъ приказаніе вашего величества: онъ взятъ.

— Какъ онъ? спросила Катерина встревожившись. — Вы взяли только одного?

— Онъ былъ одинъ.

— И оборонялся?

— Нѣтъ; онъ спокойно ужиналъ въ своей комнатѣ и отдалъ ишагу по первому требованію.

— Кто такой? спросилъ король.

— Сейчас увидите, сказала Катерина. — Введите его, г. де-Навсей.

Черезъ пять минутъ вошелъ де-Муи.

— Де-Муи! воскликнулъ король. — Что скажете?

— Ваше величество, отвѣчалъ де-Муи совершенно-спокойно: — я готовъ, съ вашего позволенія, сдѣлать вамъ тотъ же вопросъ.

— Вмѣсто того, чтобъ дѣлать подобные вопросы королю, сказала Катерина: — не угодно ли вамъ, г. де-Муи, сказать моему сыну, кто былъ въ комнатѣ короля наваррскаго въ извѣстную ночь, в, противясь приказанію его величества, убилъ двухъ солдатъ и ранилъ Морвеля?

— Да, сказалъ Карлъ, нахмуривъ брови: — не знаете ли вы, г. де-Муи, какъ зовутъ этого человѣка?

— Знаю, ваше величество. Вамъ угодно, чтобъ я назвалъ его?

— Признаюсь, желалъ бы.

— Его зовутъ де-Муи де-Сен-Фаль.

— Такъ это были вы?

— Я.

Катерина, пораженная его смѣлостью, отступила на шагъ.

— Какъ же вы осмѣлились противиться королевскому приказу? спросилъ Карлъ.

— Во-первыхъ, ваше величество, мнѣ вовсе неизвѣстно было, что приказъ данъ; кромѣ-того, я видѣлъ только одно, то-есть только одного человѣка, Морвеля, убійцу моего отца и адмирала. Я вспомнилъ, что, полтора года назадъ, здѣсь, въ этой самой комнатѣ, вечеромъ 24 августа, ваше величество обѣщали мнѣ наказать убійцу; съ-тѣхъ-поръ, случилось много важныхъ событій, и я подумалъ, что, конечно, король не по доброй волѣ не сдержалъ своего слова. Я думалъ, что само небо послало мнѣ встрѣчу съ Морвелемъ... Остальное извѣстно вашему величеству. Я дрался съ нимъ и его помощниками какъ съ убійцею и бандитами.

Карлъ ничего не отвѣчалъ; дружба съ Генрихомъ заставляла его теперь смотреть на многія вещи совѣмъ съ другой точки.

Королева-мать помнила нѣсколько выражений Карла на-счетъ вароломеевской ночи, въ которыхъ какъ-будто высказывалось угроженіе совѣсти.

— Какое же дѣло привело васъ къ королю наваррскому въ такое время? спросила она.

— Это длинная исторія, отвѣчалъ де-Муи. — Если его величество будетъ имѣть терпѣніе выслушать ее...

— Да, сказалъ Карлъ: — говорите; я хочу слышать.

— Слушаю, отвѣчалъ, кланаясь, де-Муи.

Т. XIII. — Отд. I.

4

Катерина съела, устремивъ безпокойный взоръ на молодого предводителя партіи.

— Мы слушаемъ, сказалъ Карлъ. — Сюда, Актеонъ!

Собака легла на прежнее мѣсто.

— Я приходилъ къ королю наваррскому депутатомъ отъ нашихъ братій, гугенотовъ, вѣрноподданныхъ вашего величества.

Катерина сдѣлала знакъ Карлу.

— Будьте спокойны, сказалъ онъ. — Я не пропушу ни слова. Продолжайте, г. де-Мун.

— Я хотѣлъ извѣстить короля наваррскаго, что отреченіе лишило его довѣрчивости гугенотовъ; но что, въ память отца его, Антуана Бурбона, и въ-особенности въ память матери его, мужественной Жанны д'Альбрё, глубоко нами уважаемой, гугеноты просятъ его отречься отъ своихъ правъ на наваррскую корону.

— Чтò онъ говоритъ? воскликнула Катерина, которая, не смотря на все свое умънѣе владѣть собою, не могла равнодушно выслушать это неожиданное извѣстіе.

— А, кажется, эта наваррская корона, замѣтилъ Карлъ:—которую переставляютъ безъ моего позволенія съ головы на голову, принадлежить отчасти и мнѣ?

— Гугеноты болѣе нежели кто-нибудь признаютъ эту истину, отвѣчалъ де-Мун.—Они и надѣялись упробить ваше величество возложить ее на драгоценную для васъ голову.

— На драгоценную для меня голову! Mort-diable! про какую же голову вы говорите? Я васъ не понимаю.

— На голову герцога д'Алансона.

Катерина поблѣднѣла какъ смерть, и хотѣла, казалось, уничтожить де-Мун своимъ взглядомъ.

— И братъ д'Алансонъ зналъ объ этомъ?

— Зналъ.

— И соглашался принять корону?

— Съ дозволенія вашего величества.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! сказалъ Карлъ.—Эта корона чудо-какъ пристала д'Алансону! А я и не подумалъ объ этомъ! Благодарю васъ, де-Мун, благодарю! Съ такими мыслями васъ ласково примутъ во дворцѣ.

— Ваше величество уже давно узнали бы обо всемъ, еслибъ не это несчастное происшествіе въ Луврѣ. Я боялся вашего гнѣва.

— Дá; но что же говорилъ на это король наваррскій? спросила Катерина.

— Онъ соглашался на наше желаніе; и отреченіе было готово.

— Въ такомъ случаѣ, оно должно быть у васъ; сказала она.

— Точно; оно со мною, подлинное; какъ видите.

— И подписано прежде этого происшествія? спросила Катерина.

— Кажется, наканунѣ.

Де-Муи досталъ изъ кармана отреченіе въ пользу герцога д'Алансона, написанное и подписанное собственною рукою Генриха.

— Дѣйствительно, сказалъ Карлъ. — Тутъ все, какъ слѣдуетъ.

— Чего же требовалъ Генрихъ въ замѣнъ короны?

— Ничего. «Дружба короля Карла», сказалъ онъ: «вполнѣ вознаградитъ меня за потерю.»

Катерина со злости укусила себя губу.

— Все это очень-точно, де-Муи, сказалъ король.

— Если все было рѣшено между вами и королемъ наваррскимъ, была же надобность была вамъ видѣться съ нимъ сегодня вечеромъ? спросила королева.

— Мнѣ, съ королемъ наваррскимъ? Ссылаюсь на того, который арестовалъ меня, что я былъ одинъ. Позовите его, ваше величество.

— Г. де-Нансей! сказалъ король.

Капитанъ вошелъ.

— Г. де-Нансей! поспѣшно сказала Катерина.—Г. де-Муи былъ совершенно одинъ въ гостиницѣ à la Belle-Etoile?

— Въ своей комнатѣ, одинъ; но въ гостиницѣ были и другіе.

— А! сказала Катерина.—Кто же это его товарищъ?

— Не знаю, ваше величество, товарищъ ли это де-Муи, или нѣтъ; знаю только, что онъ выбѣжалъ въ заднюю дверь, цокаясь двухъ солдатъ.

— И вы, конечно, его узнали?

— Я, нѣтъ; но солдаты узнали.

— Кто же это? спросилъ Карлъ.

— Графъ Аннибалъ де-Коконна.

— Аннибалъ де-Коконна! повторилъ король въ раздумьи.—Тотъ, который такъ ужасно свирѣпствовалъ въ вареоломеевскую ночь?

— Графъ Коконна, изъ свиты его высочества герцога д'Алансона, отвѣчалъ Нансей.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Карлъ.—Идите, Нансей, и въ другой разъ не забудьте одного...

— Что прикажете?

— Что вы служите мнѣ, и должны слушаться *только* меня.

Нансей вышелъ съ почтительнымъ поклономъ.

Де-Муи иронически улыбнулся Катеринѣ.

Наступила минута молчанія. Катерина щипала кисти пояса.

Карлъ ласкалъ собаку.

— Но какую же вы имѣли цѣль? продолжалъ Карлъ. — Вы ~~использовали~~ насильно?

— Противъ кого?

— Противъ Генриха, противъ Франсуа, или противъ меня?

— Ваше величество, мы имѣли отреченіе вашего зятя, согласіе вашего брата, и, какъ я уже имѣлъ честь доложить вамъ, были готовы просить разрѣшенія вашего величества, — когда случилось это несчастное происшествіе съ Морвелемъ.

— Что жь, матушка? сказалъ Карлъ. — Я не вижу тутъ ничего худаго. Вы, г. де-Муи, имѣли полное право требовать себя короля. Дá, Наварра можетъ и должна быть отдѣльнымъ королевствомъ. Она даже какъ-будто парочно создана для д'Алансона, которому всегда такъ хотѣлось короны, что онъ не можетъ свести глазъ съ моей, когда я ее надѣну. Единственнымъ препятствіемъ было право Генриха; но такъ-какъ онъ отказывается добровольно...

— Добровольно, ваше величество.

— То вѣрно такъ угодно Богу! Господинъ де-Муи, вы можете возвратиться къ вашимъ, которыхъ я наказалъ... нѣсколько-жестокко, можетъ-быть, — но въ этомъ я дамъ отвѣтъ Богу. Скажите имъ, что если они желаютъ, чтобъ д'Алансонъ былъ королемъ наваррскимъ, я согласенъ. Съ этой минуты Наварра — королевство, и король ея называется Франсуа. Я требую только восемь дней, чтобъ братъ могъ оставить Парижъ съ блескомъ, достойнымъ его сана. — Идите, г. де-Муи, идите! — Господинъ де-Нансей! пропустите де-Муи: онъ свободенъ.

— Позвольте ли, ваше величество? сказалъ де-Муи, дѣлая шагъ впередъ.

— Дá, сказалъ король.

И онъ протянулъ руку молодому гугеноту.

Де-Муи сталъ на колено и почтительно поцаловалъ ее.

— Кстати, прибавилъ Карлъ, удерживая его, когда онъ хотѣлъ встать: — вы, кажется, просили расправы съ этимъ разбойникомъ Морвелемъ?

— Дá, ваше величество.

— Я не знаю, гдѣ онъ; онъ скрывается. Но если вы съ нимъ встрѣтитесь, рассчитайтесь съ нимъ сами; я даю вамъ на это полное право, отъ всего сердца.

— Благодарю, ваше величество! Я тоже не знаю, гдѣ онъ; но будьте покойны, я отыщу его.

Де-Муи почтительно поклонился королю и королевѣ и вышелъ, не будучи задержанъ солдатами, которые привели его. Онъ прошелъ корридоры, быстро выбѣжалъ въ ворота, и чуть не въ одинъ скачокъ очутился съ площади Сен-Жермен-л'Оксерруа въ гостиницу à la Belle-Etoile. Тамъ онъ нашелъ свою лошадь, благодаря которой черезъ три часа вздохнулъ свободнѣе за стѣнами Манты.

Катерина, затаивъ злобу въ душѣ, возвратилась домой и вслѣдъ за тѣмъ пошла къ Маргеритѣ.

Тамъ она застала Генриха въ спальномъ платьѣ. Онъ, повидимому, собирался ложиться спать.

— Сатана! подумала она:—помоги бѣдной королевы, за которую Богъ не хочетъ заступиться!

УШ.

Двѣ головы для одной короны.

— Попросить ко мнѣ д'Алансона! сказалъ Карлъ, отпуская мать.

Нансей, получивъ приказаніе впредь повиноваться только королю, поспѣшилъ къ герцогу и буквально передалъ ему приказаніе.

Герцогъ вздрогнулъ; онъ всегда дрожалъ передъ Карломъ, тѣмъ болѣе теперь, вступивъ въ заговоръ и имѣя причины бояться.

Онъ поспѣшилъ къ брату. Карлъ стоялъ, насвистывая сквозь зубы охотничью пѣсню.

д'Алансонъ, при входѣ, замѣтилъ, что стеклянный взоръ Карла исполненъ ненависти.

— Ваше величество изволили меня требовать. Чтò прикажете?

— Я хотѣлъ сказать вамъ, любезный братъ, что въ награду вашей всегдашней любви, я рѣшился исполнить ваше жарчайшее желаніе.

— Мое желаніе?

— Дá, ваше. Вспомните, о чемъ вы мечтаете съ нѣкотораго времени всего больше, не смѣя обратиться ко мнѣ съ просьбою; я согласенъ.

— Ваше величество! клянусь вамъ, единственное желаніе мое, чтобъ король былъ здоровъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы должны радоваться, д'Алансонъ. — Болѣзнь, которою я страдалъ во время прїѣзда польскихъ пословъ, миновалась. Благодаря Генриху, я спасенъ отъ клыковъ разъяреннаго вепря, и теперь здоровъ какъ-нельзя-больше. Итакъ, не переставая быть добрымъ братомъ, вы можете желать чего-нибудь и кромѣ моего здоровья.

— Я ничего не желаю, ваше величество.

— Нѣтъ, нѣтъ, Франсуа, сказалъ Карлъ съ нетерпѣніемъ.—Вы желаете наваррской короны,—вы уладили уже дѣло съ Генрихомъ в де-Муи. Первый отказался, а второй старается доставить ее вамъ.

Прекрасно! Ганрию отказывается? Де-Мун передалъ мнѣ ваше желаніе, и эта корона...

— Что? спросилъ д'Адаксонъ дрожащимъ голосомъ.

— Mort diable! Она принадлежитъ вамъ.

Д'Адаксонъ ужасно поблѣднѣлъ. Потомъ кровь, стѣснившая его сердце, вдругъ отхлынула назадъ, и яркій румянецъ покрылъ его щеки. Милость короля въ эту минуту приводила его въ отчаяніе.

— Но, ваше величество, сказалъ онъ въ волненіи, и напрасно стараясь оправиться:—я не желалъ и не требовалъ ничего подобнаго.

— Можетъ-быть, потому-что вы очень-скромны; но другіе просили за васъ.

— Ваше величество! Клянусь вамъ, никогда...

— Не клянитесь.

— Вы меня изгоняете?

— Вы называете это изгнаніемъ? Чортъ возьми! Вамъ трудно угодить... Чего же вы желали лучше этого?

Д'Адаксонъ закусилъ губы отъ отчаянія.

— Я не думалъ, чтобъ вы приобрѣли столько народности, особенно у гугенотовъ, сказалъ Карлъ съ притворнымъ простодушіемъ:—но они желаютъ васъ, и я долженъ сознаться, что ошибался. Впрочемъ, я не могъ желать ничего лучшаго: сдѣлать главю партіи, которая уже тридцать лѣтъ ведетъ съ нами войну, человека вернаго, брата, который меня любитъ и неспособенъ изменить мнѣ. Это все успокоитъ какъ волшебною силою, не говоря уже о томъ, что все наше семейство будетъ состоять изъ королей. Только бѣдняжка Ганрию останется просто моимъ другомъ. Но онъ не честолюбивъ и удовольствуется этимъ званіемъ, котораго никто не ищетъ.

— Вы ошибаетесь, ваше величество! Я желаю этого званія... и кто же имѣетъ на него правъ больше меня? Генрихъ вамъ только зять; я—братъ вашъ по крови и по сердцу... Умоляю васъ, оставьте меня при себѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Франсуа; это значило бы разрушить твое счастье.

— Какъ?

— По тысячѣ причинъ.

— Но обдумайте, ваше величество, найдете ли вы такого вернаго друга? Съ самаго дѣтства, я никогда не оставлялъ васъ.

— Знаю, знаю; случалось даже, что я желалъ, чтобъ вы были подалше.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего, ничего... А сколько прекраснаго ждетъ васъ тамъ! Какъ я вамъ завидую, Франсуа! Знаете ли, что тамъ въ горахъ охотятся за медвѣдемъ, какъ у насъ за кабаномъ? Вы будете снаб-

затъ насъ превосходными мѣхами. Вы знаете, на медвѣдей охотятся съ кнжмаломъ; охотникъ поджидаетъ звѣря, дразнить, сердить его; мѣръ идетъ на него и за четыре шага встаетъ на заднія лапы. Въ это-то мгновеніе ему вонзаютъ въ сердце пожъ, какъ сдѣлалъ Генрихъ на послѣдней охотѣ. Это опасно; но вы храбры, Франсуа, и такая опасность будетъ для васъ истиннымъ наслажденіемъ.

— Вы удивляете мое горе! Я уже не буду охотиться съ вами!

— Corbouse! тѣмъ лучше; намъ что-то несчастливится охотиться вместе.

— Чѣмъ вы хотите сказать, ваше величество?

— Что, охотясь вмѣстѣ со мною, вы бываете въ такомъ восторгѣ и въ такомъ волненіи, что когда мы охотились въ послѣдній разъ, вы, олицетворенная ловность, вы, стрѣлокъ, убивающій изъ лабаге ружья сорочку во стѣ шагахъ, вы, изъ прекрасной, знаковой пищали, дали въ двадцати шагахъ промахъ по кабану и разбили ногу моему лучшему коню. Mort-diable! Знаете ли, Франсуа, тутъ невольно призадумаетесь?...

— Простите моему волненію, сказалъ Франсуа.

— Да! волненіе, знаю; и по причинѣ этого-то волненія, которое, погѣрате, я очень-хорошо умѣю цѣнить, говорю вамъ: Франсуа, лучше намъ охотиться подалѣе одному отъ другаго, особенно съ такимъ волненіемъ. Обдумайте это—не при мнѣ: мое присутствіе, я вижу, васъ смущаетъ, а наединѣ,—и вы сознаетесь, что я имѣю причины опасаться, чтобъ на другой охотѣ вы опять не пришли въ волненіе и не попали въ короля, вмѣсто звѣря. Чортъ возьми! Пуля, попавшая немного-ниже или немного-выше, значительно измѣняетъ видъ правительства, — да у насъ былъ и примѣръ въ нашей фамиліи. Когда Монгомери нечаянно убилъ отца нашего, Генриха II-го, — можетъ-быть, также отъ волненія, — этотъ промахъ возвелъ на престолъ нашего брата Франциска II-го, а Генриха отправилъ въ Сен-Дені. Для Бога нужно очень-немного, чтобъ совершать великія дѣла!

Герпогъ чувствовалъ, какъ потъ выступалъ у него на лицѣ во время этой неожиданной и колкой выходки. Яснѣе король не могъ сказать, что онъ все понялъ. Карлъ, скрывая свой гнѣвъ шуткою, былъ, можетъ-быть, еще ужаснѣе, нежели еслибъ лава ненависти открыто лилась изъ его сердца. Мшленіе его, казалось, было соразмерно съ затѣннымъ чувствомъ вражды. То и другое росло вмѣстѣ, и въ первый разъ д'Алансонъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти или раскаяніе, что затѣвалъ дѣло, которое не удалось.

Онъ боролся сколько могъ; но послѣдній ударъ заставлялъ его склонить голову.

Карлъ устремилъ на него свой ястребиный взоръ, и впивалъ въ

себя, такъ-сказать, каждое ощущеніе, смѣнявшееся въ сердцѣ молодого челоуька. Благодаря глубокому знанію своего семейства, пріобрѣтенному постояннымъ изученіемъ, всѣ эти ощущенія были для него такъ ясны, какъ-будто сердце герцога было открытою книгою.

Онъ промолчалъ съ минутою, глядя на Франсуа, нѣмаго и уничтоженнаго; потомъ, голосомъ, исполненнымъ ненавистной твердости, произнесъ:

— Мы сказали вамъ наше рѣшеніе, и оно неизмѣнно: вы уѣдете.

Д'Алансонъ сдѣлалъ движеніе. Карлъ какъ-будто его не замѣтилъ и продолжалъ:—Я хочу, чтобъ Наварра гордилась тѣмъ, что король ея—братъ короля французскаго. Власть, почести... у васъ будетъ все, что прилично вашему происхожденію, какъ у брата вашего, Генриха, и, какъ онъ, прибавилъ онъ улыбаясь:—вы будете благословлять меня вдали. Это не бѣда: для благословеній не существуетъ пространства.

— Ваше величество...

— Пріймите корону, дѣлать нечего. Когда вы будете королемъ, вамъ сѣшутъ супругу, достойную французскаго принца. Кто знаетъ, она доставитъ вамъ, можетъ-быть, и другой престолъ.

— Но ваше величество забываете Генриха...

— Генриха! Говорю вамъ, что онъ не хочетъ этой наваррской короны. Говорю вамъ, онъ отдаетъ ее вамъ. Генрихъ веселый малой, а не такое безкровное лицо, какъ вы. Онъ хочетъ посмѣяться и повеселиться на свободѣ, а не сохнутъ подъ короной, подобно намъ.

Д'Алансонъ вздохнулъ.

— Итакъ, ваше величество приказываете мнѣ заняться...

— Нѣтъ, нѣтъ. Не безпокойтесь ни о чемъ, я самъ всѣмъ распоряджусь. Положитесь на меня, какъ на добраго брата. Теперь все рѣшено, ступайте. Говорите или не говорите вашимъ друзьямъ, о чемъ мы бесѣдовали, какъ хотите: я прійму надлежащія мѣры, чтобъ это дѣло поскорѣ сдѣлалось гласнымъ. Ступайте, Франсуа.

Отвѣчать было нечего. Герцогъ поклонился и вышелъ съ яростью въ сердцѣ.

Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣться съ Генрихомъ и рассказать ему все происшедшее. Но онъ нашелъ только Катерину: Генрихъ избѣгалъ объясненій, а королева-мать искала ихъ.

Герцогъ, увидѣвъ мать, подавилъ свою скорбь и старался улыбаться. Онъ былъ не такъ счастливъ, какъ д'Анжу, и искалъ въ Катеринѣ не мать, а просто союзницу. Онъ началъ съ притвор-

ства, потому-что, для заключенія выгоднаго союза, надобно немножко другъ друга обманывать.

Онъ подошелъ къ Катеринѣ съ лицомъ, на которомъ оставался только легкій слѣдъ безпокойства.

— Слышали вы важную новость? спросилъ онъ.

— Знаю. Васъ хотятъ сдѣлать королемъ.

— Братъ очень-милостивъ...

— Не правда ли?

— И я почти-готовъ думать, что отчасти долженъ благодарить васъ; если вы посовѣтовали ему подарить мнѣ престолъ, такъ я обязанъ этимъ подаркомъ вамъ. Впрочемъ, признаюсь, мнѣ жаль ограбить Генриха.

— Вы, кажется, очень его любите?

— Дѣ; съ нѣкотораго времени мы сошлись очень-близко.

— И вы думаете, что онъ васъ любитъ такъ же, какъ вы его?

— Надѣюсь.

— Знаете ли: такая дружба поучительна, особенно между принцами. Придворная дружба считается обыкновенно очень-непрочною.

— Вспомните, что мы не только друзья, но почти братья.

Катерина странно улыбнулась.

— А короли бывають братьями?

— О! Мы не были еще королями, когда сдѣлались друзьями. Даже и не думали быть ими. Вотъ почему мы и полюбили другъ друга.

— Дѣ; но теперь обстоятельства очень измѣнились.

— Какъ?

— Да почему вы знаете, что не будете королями оба?

По первой дрожи, пробѣжавшей по тѣлу Франсуа, по румянцу, выступившему у него на лбу, Катерина увидѣла, что попала въ цѣль.

— Онъ? сказалъ герцогъ:—король? Какого же государства?

— Одного изъ лучшихъ въ христіанскомъ мѣрѣ.

— Чтѣ вы говорите? провнесь д'Алансонъ, блѣднѣя.

— То, чтѣ добрая мать должна сказать своему сыну; то, о чемъ вы думали уже не разъ, Франсуа.

— Я?... Клянусь вамъ, я ни о чемъ не думалъ.

— Готова вѣрить; вашъ другъ, вашъ братъ Генрихъ, какъ вы его называете, очень-ловкій и хитрый человекъ; подъ видомъ притворнаго, онъ умѣетъ скрывать свои тайны лучше васъ. На-примѣръ, говорилъ ли онъ вамъ когда-нибудь, что де-Муи его повзранный?

Съ этими словами, Катерина вонзала своей взоръ, какъ иппизаль, въ душу Франсуа.

Но у Франсуа было одно достоинство, или, лучше сказать, одинъ великій порокъ,—притворство. Онъ выдержалъ этотъ взглядъ какъ-нельзя-лучше.

— Де-Мун! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ, какъ-будто это имя произнесено въ его присутствіи въ первый разъ при подобныхъ обстоятельствахъ.

— Да, гугенотъ де-Мун де-Сен-Фаль, тотъ самый, который едва не зарылъ Морвеля и который тайно рыщетъ по Франціи и Паризу, въ разныхъ мѣстахъ, собирая для Генриха армію противъ вашей фамиліи.

Катерина не знала, что герцогу было извѣстно объ этомъ столько же, или даже и больше, нежели ей. Она встала и хотѣла выйти съ этими словами какъ-можно-величественнѣе.

Франсуа остановилъ ее.

— Еще слово, матушка, сказалъ онъ. — Такъ-какъ вы сообщили мнѣ политическое извѣстіе, скажите, какъ Генрихъ, мало-извѣстный и съ такими слабыми средствами, можетъ объявить серьезную войну нашему дому?

— Дитя! сказала королева улыбаясь;—знай, что у него можетъ быть больше тридцати тысячъ человекъ, что ему стоитъ только сказать слово, и эти тридцать тысячъ человекъ явятся какъ изъ земли; не забудь, что эти тридцать тысячъ—гугеноты, то-есть, храбрѣйшіе солдаты въ мірѣ. Кромѣ того, у него есть покровитель, котораго вы не знаете, или дружбу котораго не позабыли пріобрѣсти для себя.

— Кто же это?

— Король; онъ его любитъ и поддерживаетъ. Король, который въ зависти къ д'Анжу и не любви къ вамъ, ищетъ, кого бы сдѣлать своимъ наследникомъ. Слѣпы вы, если не видите, что онъ ищетъ его не въ своемъ семействѣ.

— Король... вы думаете?

— Не-уже-ли вы не замѣтили, какъ онъ любитъ Генриха, своего Ганрію?

— Замѣтилъ.

— И что на любовь ему отвѣчаютъ любовью. Этотъ Ганрію, забывая, что Карлъ хотѣлъ застрѣлить его въ ночь св. Варволомея, пресмыкается и какъ собака лижетъ руку, которая била его.

— Да, я замѣтилъ это. Генрихъ очень смиряется передъ Карломъ.

— Онъ увидѣть угодить ему во всемъ...

— Такъ-что даже хотѣть заняться изученіемъ соколиной охо-

ты, потому-что король безпрестанно свѣтаетъ надъ его незваніемъ въ этомъ дѣлѣ. Вчера еще... да, не дальше, какъ вчера, онъ спрашивалъ, нѣтъ ли у меня какой-нибудь хорошей книги по этому предмету.

— Постоите, сказала Катерина, и глаза ея сверкнули, какъ-будто внезапная мысль охватила ея голову.—Что вы ему отвѣчали?

— Что посмотрю у себя въ библіотекѣ.

— Прекрасно. Надо достать ему книгу.

— Но я искалъ и не нашелъ.

— Я найду, я найду... а вы отдадите ее ему отъ себя.

— Что жъ изъ этого выйдетъ?

— Довѣряете ли вы мнѣ?

— Да.

— Хотите ли слѣпо повиноваться мнѣ въ-отношеніи къ Генриху, котораго вы не любите, что бы ни говорили?

Д'Алансонъ улыбнулся.

— И котораго я ненавижу, прибавила Катерина.

— Буду слушаться.

— Поутру, въ день слѣдующей охоты, придите сюда за книгою; я отдамъ вамъ ее, и вы отнесете ее Генриху... и...

— И что?

— Предоставьте остальное Богу, провидѣнію, или случаю.

Франсуа очень-хорошо зналъ, что мать его не имѣетъ привычки предоставлять Богу, провидѣнію, или случаю заботиться о ея дружескихъ или враждебныхъ отношеніяхъ; но онъ поостерегся и не возразилъ ни слова. Поклонясь въ знакъ готовности исполнить данное ему порученіе, онъ ушелъ къ себѣ.

— Что она хочетъ сказать? думалъ онъ, всходя по лѣстницѣ.— Не понимаю. Ясно только, что она дѣйствуетъ противъ общаго врага. Не будемъ же ей мышать.

Между-тѣмъ, Маргерита получила черезъ ла-Моля письмо отъ де-Муи, адресованное на имя Генриха. Такъ-какъ у супруговъ не было тайнъ относительно политики, то она распечатала и прочла письмо.

Въроятно, содержаніе его показалось ей интересно, потому-что она въ ту же минутѣ, пользуясь сумерками, скользнула въ потайной ходъ, взшла по лѣстницѣ, и, внимательно оглянувшись во всѣ стороны, быстро скрылась въ передней короля наваррскаго.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ исчезъ Ортонъ, передняя оставалась пуста.

Проважа Ортона сильно беспокоила Генриха. Онъ сказалъ объ этомъ г-жѣ де-Совъ и ея горничной, но ни та, ни другая ничего не знали. Г-жа де-Совъ сообщила ему только нѣкоторыя подробности, въ которыхъ онъ мено заключилъ, что бѣднѣйка сдѣлалась

жертвою какого-нибудь замысла Катерины, и что, въ-слѣдствіе того же обстоятельства, его чуть не арестовали съ де-Мунъ въ гостиницѣ ла-Гюрьера.

Другой, на мѣстѣ Генриха, молчалъ бы, не смѣя сказать ни слова; но Генрихъ рассчитывалъ все: онъ понималъ, что молчаніе выдастъ его. Не теряютъ слугу или повѣреннаго, не разспрашиваютъ объ немъ! Генрихъ спрашивалъ и искалъ въ присутствіи самого короля и королевы-матери; онъ освѣдомлялся объ Ортонѣ у всѣхъ, отъ часоваго у воротъ Лувра до капитана гвардіи въ прихожей короля. Но всѣ его поиски были безуспѣшны. Генрихъ былъ, казалось такъ опечаленъ этимъ происшествіемъ и такъ привязанъ къ пронашему слугѣ, что объявилъ, что никѣмъ не замѣнить его до-тѣхъ поръ, пока не узнаетъ навѣрное, что Ортонъ исчезъ безвозвратно.

Прихожая была пуста, когда вошла въ нее Маргерита.

Какъ ни тихо вошла она, Генрихъ услышалъ шаги и оглянулся — Вы! сказалъ онъ.

— Дѣ, отвѣчала Маргерита.—Прочтите скорѣе.

Она подала ему раскрытую записку.

Вотъ что было въ ней написано:

«Ваше величество! настала пора исполнить намѣреніе бѣжати. Дней черезъ пять или шесть назначена соколиная охота вдоль береговъ Сены, отъ Сен-Жермена до Мезона, то-есть во всю длину лѣса.

«Повѣжайте на охоту, хоть это и птичья охота. Надѣньте поднизь добрую кольчугу. Возьмите съ собою лучшую шпагу, съядьте на лучшаго скакуна.

«Около полудня, во время самага разгара охоты, когда король будетъ гнаться за своимъ соколомъ, ускользните одни, если будете одни, или съ королевой, если она слѣдуетъ за вами.

«Пятьдесятъ человекъ нашихъ будутъ спрятаны въ павильонъ Франсиска I-го, ключъ отъ котораго у насъ; никто не будетъ знать, что они тамъ, потому-что они заберутся туда ночью и жемчуги будутъ опущены.

«Провѣжайте по аллеѣ де-Віолеттъ; въ концѣ ея я буду ждать васъ. Направо отъ этой аллеи, въ небольшомъ пролѣскѣ, будутъ ла-Моль и Коконна съ двумя подставными лошадьми, въ случай, если ваши устанутъ.

«Прощайте, ваше величество; будьте готовы; мы ждемъ васъ.

И Маргерита черезъ 1600 лѣтъ произнесла тѣ же слова, которыя произнесъ Цезарь на берегу Рубикона.

— Согласенъ, сказалъ Генрихъ.

— Будьте героемъ, продолжала Маргерита. — Это не трудно

Вамъ стóитъ только идти своею дорогой. Приготовьте мнѣ порядочный престолъ.

Легкая улыбка мелькнула на губахъ Беарница. Онъ поцаловалъ руку Маргериты и вышелъ впередъ осмотрѣть корридоръ, вапывая старую пѣсню:

Cil qui mieux battit la muraille,
N'entra poins dedans le chateau.

Осторожность не помѣшала: въ ту самую минуту, когда Генрихъ отворилъ свою дверь, герцогъ д'Алансонъ выглянулъ изъ своей комнаты. Генрихъ сдѣлалъ рукою знакъ Маргеритѣ, и сказалъ громко:

— А! Это вы, братецъ! Милости просимъ!

По знаку мужа, королева все поняла и бросилась въ уборную комнату, дверь которой была завѣшена ковромъ.

Д'Алансонъ вошелъ, боязливо оглядываясь во всѣ стороны.

— Что, мы одни? спросилъ онъ въ-полголоса.

— Совершенно одни. Что тамъ? вы какъ-будто разстроены...

— Мы открыты, сказалъ герцогъ.

— Какъ открыты?

— Да; де-Муи былъ арестованъ.

— Знаю.

— Онъ все рассказалъ королю.

— Что онъ рассказалъ?

— Что я добиваюсь наваррской короны и составилъ заговоръ.

— Такъ вы попались! Какъ же вы не арестованы?

— Самъ не знаю; король осмѣялъ меня, предлагая мнѣ наваррскую корону. Онъ, вѣроятно, надѣялся выманить у меня признаніе, но я ничего не сказалъ.

— И хорошо сдѣлали, ventre-saint-gris! Не робейте; отъ этого зависитъ ваша жизнь.

— Да, случай шекотливый; я пришелъ съ вами посоветоваться. Какъ вы думаете, что мнѣ дѣлать? Оставаться или бѣжать?

— Вы видали корбля? Вѣдь онъ съ вами говоритъ?

— Да, конечно.

— И такъ, вы должны были узнать его мысли! Поступайте какъ знаете.

— По-моему, лучше остаться.

Генрихъ, при всемъ умѣньи владѣть собою, неволью сдѣлалъ движеніе радости. И какъ оно ни было мимолетно, Франсуа заметилъ его.

— Такъ оставайтесь, сказалъ Генрихъ.

— А вы?

— Если вы остаетесь, такъ мнѣ нѣтъ никакой причины ъезжать. Я хотѣлъ ѣхать съ вами изъ дружбы, чтобъ не разстаться съ братомъ, котораго люблю.

— И такъ все наши планы погибли; вы безъ борьбы покоряетесь первой неудачѣ.

— Я не считаю неудачей остаться здѣсь; благодаря безопасности моего характера, мнѣ вездѣ хорошо.

— Положимъ и такъ, и перестанемъ объ этомъ говорить. Только если рѣшитесь на что-нибудь новое, скажите.

— *Congratulations!* Конечно, скажу. Вѣдь мы условились ничего не таить другъ отъ друга?

Д'Алансонъ прекратилъ разговоръ и ушелъ въ раздумѣ домой: ему показалось, во время разговора, что коверъ у дверей пошевелился.

Едва только вышелъ д'Алансонъ, какъ Маргерита явилась изъ уборной.

— Что вы думаете объ этомъ посѣщеніи? спросилъ Генрихъ.

— случилось что-нибудь новое и важное.

— А что именно, какъ вы полагаете?

— Не знаю; но узнаю.

— А между-тѣмъ...

— Между-тѣмъ, не забудьте зайти ко мнѣ завтра вечеромъ.

— Зайду, отвѣчалъ Генрихъ, цалуя руку жены.

Маргерита возвратилась домой съ тѣми же предосторожностями, съ которыми и вышла.

IX.

Охотничья книга.

Прошло пять дней. Пробыло четыре часа, но въ Лувръ все уже было на ногахъ, какъ всегда въ дни охоты. Д'Алансонъ пришелъ, по условію, къ матери.

Королевы не было въ спальнѣ; но она велѣла просить его обождать, если онъ прійдетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, она вышла изъ кабинета, въ который никто не имѣлъ права входить, кромѣ ея, и въ которомъ она производила свои химическія операціи.

Изъ растворенной ли двери, или отъ платяна королевы, съ ея приходомъ распространился въ комнату какой-то острый запахъ.

Сквозь дверь д'Алансонъ разсмотрѣлъ въ кабинетѣ густое облако дыма.

Герцогъ невольно заглянулъ туда съ любопытствомъ.

— Да, сказала Катерина; — я сжегла кой-какіе старые пергаменты и отъ нихъ пошелъ такой дурной запахъ, что я принуждена была набросать въ огонь можжевеловую шишку.

Д'Алансонъ поклонился.

— Что новаго? спросила Катерина, пряча въ карманъ руки, запачканныя чѣмъ-то желтовато-краснымъ.

— Ничего.

— Вы видѣли Генриха?

— Да.

— Онъ не хочетъ ѣхать?

— Рѣшительно.

— Лицемѣръ!

— Что вы говорите?

— Я говорю, что онъ уйдетъ.

— Вы думаете?

— Увѣрена.

— Такъ онъ думаетъ ускользнуть?

— Да.

— И вы позволите ему уѣхать?

— Не только позволю, но даже говорю вамъ, что это необходимо.

— Я васъ не понимаю.

— Выслушайте меня хорошенько. Одинъ очень-искусный мексикъ, тотъ самый, который досталъ мнѣ охотничью книгу, обещавшую вамъ Генриху, сказалъ, что Генрихъ, по всемъ дрямлягамъ, скоро долженъ заболѣть изнурительною болѣзнью, которая не шадитъ человека и противъ которой наука бессильна. Вы понимаете, что если ему суждено пасть жертвою такого ужаснаго недуга, такъ пусть лучше умираетъ подальше отъ насъ.

— Да; это насъ очень огорчитъ.

— Особенно вашего брата Карла; если же онъ умретъ, вѣнчанъ ему, король почтетъ его смерть варою небесною.

— Вы правы, онъ долженъ уѣхать. Но увѣрены ли вы, что онъ уйдетъ?

— Онъ уже всемъ распорядился. Сборное мѣсто назначено въ Сан-Жерманъ. Пятьдесятъ гугенотовъ будутъ провожать его до Фонтенблô,—а тамъ ждутъ его еще пятьсотъ.

— А Марго ѣдетъ съ нимъ? спросила герцогъ съ легкимъ волнениемъ.

— Да; такъ они условились. Но Генрихъ умереть, и она возвратится свободной вдовой.

— А онъ умереть? Вы въ этомъ увѣрены?

— Такъ по-крайней-мѣрѣ утверждалъ докторъ, доставившій мнѣ книгу.

— Гдѣ же эта книга?

Катерина медленно вошла въ таинственный кабинетъ, и черезъ минуту возвратилась съ книгою въ рукахъ.

— Вотъ она, сказала она.

Д'Алансонъ посмотрѣлъ на книгу, которую Катерина подавала ему, съ какимъ-то ужасомъ.

— Что это за книга? спросилъ онъ.

— Я уже говорила вамъ: «Теорія воспитанія и обученія соколовъ и кречетовъ», написанная ученымъ Кастручіо Кастракани, тираномъ Луккскимъ.

— Что жь мнѣ съ нею дѣлать?

— Отнеси ее къ Генриху... Онъ вѣдь просилъ у тебя, говоришь ты, такой книги. Сегодня онъ ѣдетъ на соколиную охоту съ королемъ и непременно прочтетъ хоть нѣсколько страницъ, чтобы доказать Карлу, что съѣдетъ его совѣтамъ и учитя. Главное, надо отдать книгу ему-самому.

— Я не посмѣю, отвѣчалъ д'Алансонъ дрожа.

— Почему? Это книга, какъ всѣ книги; только она стояла такъ долго, что листки слиплись. Не читай ея, Франсуа; тебѣ непременно придется слюнуть палецъ, чтобы перевернуть страницу, а это отниметъ много времени и будетъ стоить большаго труда.

— Такъ, что терять надъ этимъ время и трудъ можетъ только страстный охотникъ?

— Именно; вы поняли.

— О! вотъ и Ганріо на дворъ. Дайте, дайте. Я воспользуюсь его отсутствіемъ и отнесу книгу; возвратясь домой, онъ найдетъ ее.

— Мнѣ кажется, лучше отдать ему лично; это вѣрнѣе.

— Я уже сказалъ вамъ, что не посмѣю...

— Полно; по-крайней-мѣрѣ положи ее на видномъ мѣстѣ.

— Да, и на вскрышу... Ничего, если она будетъ открыта?

— Ничего.

— Такъ дайте.

Франсуа дрожащею рукою взялъ книгу, поданную ему твердою рукою Катерины.

— Возьми, возьми, сказала она: — если я ее трогаю, значитъ не опасно; впрочемъ, ты въ перчаткахъ.

Но д'Алансонъ не удовольствовался этою предосторожностью. — Онъ завернулъ книгу въ плащъ.

— Спѣши, сказала Катерина. — Генрихъ каждую минуту можетъ возвратиться.

— Вы правы; я иду.

Герцогъ вышелъ, шатаясь отъ душевнаго волненія.

Мы уже не разъ вводили читателя въ комнату короля наваррскаго, рассказывая ужасныя или веселыя сцены, происходившія здѣсь, смотря по тому, улыбался или грозилъ геній-покровитель будущаго короля Франціи.

Но никогда, можетъ-быть, въ этихъ стѣнахъ, обрызганныхъ кровью, омоченныхъ виномъ среди пиршествъ, раздушенныхъ ароматами любви, — никогда, можетъ-быть, въ этомъ уголку Лувра не появлялось лицо до такой степени блѣдное, какъ лицо д'Алансова, когда онъ, съ книгою въ рукахъ, отворилъ дверь въ спальню Генриха.

Въ комнату, однакожъ, никого не было, и никто не могъ наблюдать за герцогомъ. Первые лучи солнца освѣщали пустую комнату.

На стѣнѣ висѣла въ готовности шпага, которую де-Муи советовалъ Генриху взять съ собою. На полу валялось нѣсколько колець отъ кольчуги; на столѣ лежали туго-набитый кошелекъ и маленькій кинжалъ; въ каминѣ трепеталъ еще пепелъ сожженныхъ бумагъ. Все ясно говорило герцогу, что Генрихъ падълъ кольчугу, запасся деньгами и сжегъ важныя бумаги.

— Матушка не ошиблась, подумалъ онъ: — лицемѣръ измѣнилъ мнѣ.

Эта мысль придавала ему силы. Оглянувъ весь уголки комнаты, заглянувъ за завѣсъ дверей, увѣрившись по шуму на дворѣ и безмолвію въ комнатѣ, что никто за нимъ не слѣдитъ, онъ досталъ книгу изъ-подъ плаща и поспѣшно положилъ ее на столъ, гдѣ лежалъ кошелекъ; потомъ, отступивъ подальше, протянулъ руку въ перчаткѣ, и съ робостью, свидѣтельствовавшей о подозрѣніи, развернулъ книгу на какой-то картинкѣ.

Онъ быстро отошелъ на три шага и, снявъ перчатку, бросилъ ее въ пылающій каминъ; онъ дождался, пока огонь совершенно истребилъ перчатку, свернулъ плащъ, въ которомъ принесъ книгу и поспѣшно ушелъ домой. Входя къ себѣ, онъ услышалъ въ корридорѣ шаги и, будучи совершенно убѣжденъ, что это Генрихъ, проворно заперъ за собою дверь.

Д'Алансонъ бросился къ окну; но изъ окна видна была только часть луврскаго двора. Генриха тутъ не было, и герцогъ еще болѣе утвердился въ своемъ предположеніи, что онъ возвратился въ свою комнату.

Герцогъ сълъ и взялъ книгу. Это была исторія Франціи отъ Фарамонда до Генриха II, которой Карлъ, черезъ нѣсколько днъ послѣ своего вступленія на престоль, далъ привилегію.

Но умъ герцога былъ занятъ вовсе не тѣмъ. Лихорадка оживленія тревожила его. Біеніе артерій въ вискахъ отдавалось въ губы его мозга; ему чудилось, что онъ видитъ сквозь стѣны; все его, не смотря на тройную преграду, былъ устремленъ на комнату Генриха.

Чтобъ удалить изъ мыслей ужасный предметъ, герцогъ старался думать о другомъ; но онъ напрасно бралъ въ руки то оружіе, то драгоценныя вещи; напрасно принимался нѣсколько разъ ходить по комнатамъ: всѣ подробности картинки, на которой герцогъ раскрылъ роковую книгу, и которую видѣлъ только вскользь неотступно представлялись его воображенію. На картинкѣ былъ изображенъ господинъ, который, самъ исполняя должность слуги охотника, бросалъ чучело, призывая назадъ сокола, и во всю скаку стремился въ болото. Воспоминаніе торжествовало надъ волею герцога.

И онъ видѣлъ не одну книгу: онъ видѣлъ, какъ подходитъ къ ней Генрихъ, какъ смотритъ онъ на картинку, пробуетъ перевернуть страницу, страница не переворачивается, онъ сжимаетъ палецъ и начинаетъ перелистывать книгу.

Эта сцена была просто мечта; но д'Алансонъ принужденъ былъ схватиться рукою за столъ, чтобъ не упасть; онъ закрылъ глаза, забывая, что отъ этого картина воображенія сдѣлается еще яснѣе.

Вдругъ Франсуа увидѣлъ на дворѣ Генриха; Беарнецъ остановился на нѣсколько минутъ возлѣ людей, навьючивавшихъ на муловъ охотничьи припасы, — это были: серебро и дорожныя вещи. Отдавъ приказанія, онъ прошелъ поперегъ двора и вошелъ во дворецъ.

Д'Алансонъ былъ прикованъ къ мѣсту. Слѣдовательно, не Генрихъ шелъ по корридору, — и всѣ терзанія герцога въ продолженіи четверти часа были напрасны. Конченное дѣло надо было начать снова.

Д'Алансонъ отворилъ дверь своей комнаты и подошелъ къ спящей, прислушиваясь, что происходитъ въ корридорѣ. На этотъ разъ, нельзя было ошибиться: герцогъ узналъ походку Генриха и даже особенный звонъ его шпоръ.

Дверь въ комнату Генриха отворилась и затворилась.

Д'Алансонъ возвратился домой и упалъ въ кресла.

— Хорошо, сказалъ онъ. Вотъ что происходитъ въ эту минуту: онъ прошелъ переднюю, первую комнату, потомъ вошелъ въ спальню; взглянулъ на пшату, на кошелекъ, на кнѣзжалъ, — наконецъ замѣтилъ на столѣ книгу.

— Что это за книга? подумалъ онъ. — Кто принесъ ее?

Онъ, конечно, подошелъ, увидѣлъ картинку, захотѣлъ читать, попробовалъ перевернуть листокъ...

Комедный вѣтъ выступилъ на лицъ Франсуа. — Не позоветь ли онъ на помощь? подумалъ онъ. — Этотъ ядъ не дѣйствуетъ ли внезапно? Нѣтъ, вѣдь матушка говорила, что онъ умретъ медленно, отъ извуренія.

Эта мысль успокоила его немного.

Такъ прошло десять минутъ — цѣлый вѣкъ душевной пытки. Д'Алансонъ не могъ выдержать дольше; онъ всталъ и прошелъ переднюю, въ которой собралось уже много придворныхъ.

— Здравствуйте, госнода, сказалъ онъ: — я къ королю.

Чтобъ затушить свое тревожное состояніе; можетъ-быть, чтобъ имѣть послѣ доказательство, что онъ былъ въ это время не у Генриха, онъ дѣйствительно пошелъ къ королю. Зачѣмъ? Онъ смѣя не зналъ... Что могъ онъ сказать ему? ничего! Онъ не искалъ Карла, а убѣгалъ Генриха.

Часовые пропустили герцога безпрепятственно: въ дни охоты доступъ всюду былъ свободенъ.

Франсуа прошелъ переднюю, салонъ и спальню, никого не встрѣтивъ; тутъ онъ вспомнилъ, что Карлъ, вѣроятно, въ своемъ оружейномъ кабинетѣ, — и онъ отворилъ дверь въ эту комнату.

Карлъ сидѣлъ передъ столомъ въ большихъ креслахъ съ высокою рѣзною спинкою, спинною къ двери, въ которую вошелъ герцогъ.

Казалось, король былъ чѣмъ-то очень занятъ.

Герцогъ тихо подошелъ; Карлъ читалъ.

— *Rapide!* воскликнулъ онъ. — Вотъ чудесная книга. Я объ ней слышалъ, но не думалъ, чтобъ ее можно было найти во Франціи.

Д'Алансонъ наострилъ уши и сдѣлалъ еще шагъ впередъ.

— Проклятые листы! сказалъ Карлъ, похлопавъ палецъ и съ усиленіемъ переворачивая страницу. Какъ-будто нарочно ихъ склеили, чтобъ скрыть отъ глазъ самыя интересныя вещи!

Д'Алансонъ сдѣлалъ скачокъ впередъ.

Книга, которую читалъ Карлъ, была та самая, которую онъ отнесъ Генриху.

Глухой стонъ вырвался изъ груди герцога!

— А! это вы, д'Алансонъ? сказалъ Карлъ. — Милости просимъ! посмотрите: вотъ книга о союдинной охотѣ; такого превосходнаго сочиненія я еще не читывалъ.

Первою мыслью герцога было вырвать книгу изъ рукъ Карла; но другая, адская мысль приковала его къ мѣсту, и страшная улыбка оживила его блѣдныя губы. Онъ повелъ рукою по глазамъ, какъ человѣкъ, пораженный византинскимъ зельемъ.

Пришедши немного въ себя, но не двигаясь съ мѣста, онъ сказалъ :

— Какимъ-образомъ попала эта книга вамъ въ руки?

— Очень-просто. Я сейчасъ заходилъ къ Ганрію посмотреть, готовъ ли онъ; его уже не было: онъ вѣрно былъ на псарнѣ или въ конюшнѣ. У него я нашелъ это сокровище и взялъ его, чтобъ прочесть здѣсь на досугъ.

И король снова послунилъ палецъ и перевернулъ непослушную страницу.

Волоса встали дыбомъ на герцога. — Я пришелъ сказать вамъ... проговорилъ онъ.

— Дайте мнѣ дочитать главу, Франсуа; потомъ говорите, что угодно. Я прочелъ уже пятьдесятъ страницъ.

— Онъ уже двадцать-пять разъ отвѣдалъ яда, подумалъ Франсуа. — Онъ погибъ!

Въ эту минуту, герцогъ подумалъ, что на небесахъ есть Богъ, который, можетъ-быть, и не случай.

Франсуа дрожащею рукою отеръ на лбу холодный потъ и молча дождался, по приказанію брата, пока глава будетъ дочитана.

Х.

Соколинная охота.

Карлъ все читалъ. Увлеченный любопытствомъ, онъ пожиралъ страницы, а каждая изъ нихъ, какъ мы уже сказали, плотно приставала къ другой.

Д'Алансонъ дикимъ взоромъ слѣдилъ за зрѣлищемъ, котораго послѣдствія постигали только онъ одинъ.

— Что это будетъ? думалъ онъ.— Какъ! я уѣду вскакъ какой-то воображаемый престолъ, между-тѣмъ, какъ Генрихъ, при первомъ извѣстіи о болѣзни Карла, возвратится въ какую-нибудь крѣпость за двадцать лѣтъ отъ столицы, сторожа добычу, брошенную намъ судьбою. Онъ въ одинъ скачокъ очутится въ Парижѣ, такъ-что король польскій еще не успѣетъ узнать о смерти брата, какъ уже новая династія взойдетъ на престолъ. Это невозможно!

Вотъ какія мысли мелькнули въ головѣ Франсуа, когда онъ, въ первую минуту ужаса, хотѣлъ отнять у Карла книгу. Судьба, казалось, защищала Генриха и преслѣдовала домъ Валуа; и противъ этой-то судьбы герцогъ хотѣлъ возстать еще разъ!

Въ одну минуту весь плачъ его въ-отношеніи къ Генриху измѣ-

ныся. Отравленную книгу читалъ не Генрихъ, а Карлъ; Генрихъ долженъ былъ ухватъ, но ухватъ осужденнымъ на смерть; судьба спасла его еще разъ,—онъ долженъ остаться. Плънникъ въ Венсенъ или въ Бастили, онъ не такъ страшень, какъ будучи королемъ наваррскимъ, предводительствующимъ тридцати-тысячною арміею.

Герцогъ далъ Карлу дочитать главу, и когда тотъ оглянулся, сказалъ ему:

— Я ждалъ, потому-что ваше величество такъ приказали; но ждалъ съ нетерпѣніемъ, потому-что имѣю сообщить вамъ чрезвычайно-важныя вещи.

— А! къ чорту! отвѣчалъ Карлъ, на блѣдныхъ щекахъ котораго началъ по-немногу выступать румянецъ, отъ-того ли, что онъ читалъ съ жаромъ, или отъ-того, что ядъ началъ уже дѣйствовать. —Къ чорту, если ты пришелъ говорить опять о томъ же. Ты отпавишься, какъ отправился король польскій. Я избавился отъ него, избавлюсь и отъ тебя. Объ этомъ ни слова!

— Я хочу говорить не о моемъ отъѣздѣ. Ваше величество тронули самую чувствительную струну моего сердца; вы усомнились въ моей вѣрности, какъ подданнаго и брата, и я хочу доказать вамъ, что я не измѣнникъ.

— Ну, что такое? спросилъ Карлъ, облокотившись на книгу, положивъ ногу на ногу и глядя на Франсуа, какъ человекъ, который, противъ своего обыкновенія, вооружается терпѣніемъ. —Вѣрно какія-нибудь новыя сплетни? Новое обвиненіе?

— Нѣтъ, ваше величество—заговоръ, который только смѣшная деликатность не позволяла мнѣ открыть вамъ.

— Заговоръ? Послушаемъ, что за заговоръ.

— Въ то время, когда ваше величество будете охотиться вдоль рѣки и въ долину Везине, король наваррскій уѣдетъ въ Сен-Жерменскій-Лѣсъ. Отрядъ приверженцевъ ждетъ его въ лѣсу, и онъ убѣжитъ съ ними.

— Ну да! Я это зналъ. Опять ничтожная клевета на бѣднаго Гаврію. Кончите ли вы когда-нибудь?

— Ваше величество по-крайней-мѣрѣ скоро увѣритесь, клевета это, или нѣтъ.

— Какъ такъ?

— Сегодня вечеромъ его уже не будетъ здѣсь.

Карлъ всталъ.

— Послушайте! сказалъ онъ.—Еще разъ я готовъ притвориться, что вѣрю вашимъ выдумкамъ; но предваряю васъ, тебя и твою мать, это въ послѣдній разъ.

Потомъ, возвысивъ голосъ, онъ прибавилъ:

— Позвать короля наваррскаго!

Офицеръ тронулся-было съ мѣста, но Франсуа остановилъ его знакомъ.

— Дурное средство, сказалъ онъ:—такъ вы ничего не узнаете. Генрихъ отперется, дастъ знакъ; соучастниковъ его предостерегутъ, и они исчезнутъ. А меня и матушку обвинять въ клеветѣ.

— Чего же вы хотите?

— Именемъ нашего братства, выслушайте! Сдѣлайте такъ, чтобъ истинно-виновный, тотъ, который два года уже измѣняетъ вамъ мысленно, пока не измѣнитъ на дѣлѣ, былъ наконецъ уличенъ и наказанъ.

Карлъ не отвѣчалъ; онъ подошелъ къ окну и отворилъ его. Кровь тѣснила ему мозгъ.

Наконецъ, онъ быстро обернулся.

— Ну, сказалъ онъ:—что бы вы сдѣлали? Говорите.

— Я, отвѣчалъ д'Алансонъ:—приказалъ бы окружить Сен-Жерменскій-Лѣсъ тремя отрядами легкой конницы. Въ назначенный часъ, на-примѣръ въ одиннадцать, они двинулись бы съ мѣста и согнали бы все, что ни встрѣтятъ въ лѣсу, къ павильону Франциска I-го, гдѣ я, какъ-будто случайно, назначу мѣсто обѣда. Я спущу своего сокола, и когда замѣчу, что Генрихъ удаляется, поспѣшу въ назначенное мѣсто, гдѣ его задержать со всеми заговорщиками.

— Мысль недурна, сказалъ король:—позвать капитана гвардіи.

Д'Алансонъ досталъ изъ кармана серебряный свистокъ, всвѣщій на золотой цѣпочкѣ, и свистнулъ.

Вошелъ Нансей.

Карлъ подошелъ къ нему и въ-полголоса далъ ему приказанія.

Между-тѣмъ, его любимая борзая, Актеонъ, схватила и терзала что-то съ большимъ удовольствіемъ.

Карлъ оглянулся и вскрикнулъ. Актеонъ терзалъ драгоценное сочиненіе о соколиной охотѣ, книгу, которой въ цѣломъ мірѣ было только три экземпляра.

Жестокое наказаніе послѣдовало немедленно за проступкомъ. Карлъ схватилъ кнутъ и стегнулъ Актеона со всего плеча. Собака взвизгнула и убѣжала подъ столъ.

Карлъ поднялъ книгу и съ радостью увидѣлъ, что не достаетъ только одного листка, и то не текста, а картинки.

Онъ бережно спряталъ ее въ шкафъ. Д'Алансонъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за его движеніями. Теперь, когда дѣло было сдѣлано, ему очень хотѣлось, чтобъ книга какъ-нибудь вышла изъ рукъ Карла.

Прошло шесть часовъ, время выхода короля. На дворъ ждали его множество дамъ и мужчинъ въ богатыхъ одеждахъ, лошадей

из драгоценныхъ сбруяхъ. Охотники держали на рукахъ соколовъ въ шапочкахъ; у иныхъ висѣли на перевязи рога, на случай, что король устанетъ, можетъ-быть, отъ сокольной охоты и захочетъ травить лань или дикую козу.

Король сошелъ внизъ, замкнувъ дверь оружейнаго кабинета. Д'Алансонъ жадно слѣдилъ за всѣми его движеніями и видѣлъ, какъ спрятать онъ ключъ къ себѣ въ карманъ.

Сходя съ лѣстницы, король остановился и повелъ рукою по лбу.

— Не знаю, что это значитъ, сказалъ онъ:—только я чувствую слабость.

Ноги герцога дрожали не меньше ногъ короля.

— Дѣйствительно, отвѣчалъ онъ:—что-то похоже на грозу.

— Гроза—въ мартъ? Ты съ ума сошелъ. У меня просто голова кружится; я усталъ, и только.

Потомъ онъ прибавилъ въ-полголоса:

— Они меня убьютъ своею враждой и заговорами.

Когда онъ вышелъ на дворъ, свѣжій утренній воздухъ, крики охотниковъ, шумныя привѣтствія сотни собравшихся особъ произвели на него свое обыкновенное впечатлѣніе.

Онъ вздохнулъ вольнѣе.

Прежде всего онъ отыскалъ глазами Генриха. Генрихъ былъ возлѣ Маргериты. Добрые супруги не могли, казалось, разстаться: такъ горячо любили другъ друга.

Увидя Карла, Генрихъ далъ шпоры своему коню, и въ три скачка былъ возлѣ него.

— А! сказалъ Карлъ.—У тебя лихой скакунъ. А вѣдь мы сегодня охотимся не за зайцами.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ продолжалъ:

— Ъѣдьте, господа, ѡдѣйте. Въ девять часовъ надо быть на охотѣ.

Катерина смотрѣла на эту сцену изъ окна Лувра. Блѣдное лицо ея выглядывало изъ-за приподнятой шторы, и черное платье терялось въ полусвѣтѣ.

По знаку Карла, раззолоченная и раздушенная толпа вытянулась, пробѣжала въ ворота Лувра, и какъ лавина покатила по сен-жерменской дорогѣ, среди криковъ народа, привѣтствовавшаго молодого короля, задумчиво ѡхавшаго на бѣлой какъ снѣгъ лошади.

— Что онъ вамъ говорилъ? спросила Маргерита Генриха.

— Хвалилъ легкость моей лошади.

— Только?

— Только.

— Такъ ему что-нибудь известно.

— Чуть-ли не такъ.

— Будемъ осторожны.

На лицѣ Генриха блеснула тонкая улыбка, какъ-будто онъ хотѣлъ сказать: будь спокойна, другъ мой.

Едва-только поѣздъ выѣхалъ со двора, Катерина опустила стору.

Она замѣтила, что Генрихъ былъ блѣденъ, что онъ вздрагивалъ и перешептывался съ Маргеритой.

Генрихъ былъ блѣденъ, потому-что не былъ одаренъ храбростью сангвиника. Всегда, когда дѣло шло о его жизни, кровь его прилиwała къ сердцу, а не къ мозгу, какъ бываетъ съ людьми пылкими.

Онъ вздрагивалъ отъ-того, что пріемъ Карла, совершенно-отличный отъ его всегдашняго съ нимъ обращенія, сдѣлалъ на него глубокое впечатлѣніе.

Наконецъ, онъ перешептывался съ Маргеритою, потому-что они заключили между собою оборонительный и наступательный политическій союзъ.

Но Катерина изъясняла все это совершенно-иначе.

— На этотъ разъ, сказала она съ флорентинскою улыбкой:— кажется, онъ попался.

Она переждала, пока весь поѣздъ имѣлъ время выѣхать изъ Парижа, и потомъ, чтобъ увѣриться въ фактъ, вышла изъ своей комнаты, прошла корридоръ, взшла по лѣстницѣ и поддѣльнымъ ключомъ отворила дверь въ комнату Генриха.

Но напрасно она искала здѣсь книги. Глаза ея напрасно перебѣгали со стола на стулья, съ стульевъ на полки, съ полокъ на шкафы—она нигдѣ не нашла того, чего искала.

— Онъ вѣрно замкнулъ ее въ какой-нибудь шкафъ, сказала она:— и если не читалъ еще, такъ прочтеть.

Она ушла, съ увѣренностью, что на этотъ разъ замыселъ ея удастся.

Послѣ полутора часа быстрой ѣзды, Карлъ прибылъ къ Сен-Жермену. Въ старый замокъ, мрачно и величественно возвышавшійся на горѣ посреди разбросанныхъ домовъ, не заходили, а проѣхали прямо черезъ деревянный мостъ, бывшій противъ дерева, которое и теперь еще называется «дубомъ Сюлли». Баркамъ дали знакъ тронуться, чтобъ королю и его свитѣ удобнѣе было переправиться черезъ рѣку.

Въ ту же минуту, веселая молодежь, одушевленная столь различными интересами, выѣхала за королемъ на богатый лугъ, скатывавшійся съ лѣсистой вершины Сен-Жермена. Лугъ мгновенно превратился, казалось, въ большой коверъ, съ разбросанными по немъ пестрыми изображеніями людей, окаймленный серебряною полою рѣки.

Передъ королемъ, державшимъ на рукъ своего любимаго сокола, ѣхали охотники въ зеленыхъ курткахъ и большихъ сапогахъ, слерживая съ полдюжины собакъ.

Солнце, скрывавшееся до-сихъ-поръ за тучами, вдругъ вышло изъ за-мрачной завѣсы. Лучи его сверкнули по золоту, по драгоценнымъ камнямъ, по свѣтлымъ взорамъ,—и все какъ-будто превратилось въ огненный потокъ.

Въ это время, съ жалобнымъ крикомъ поднялась изъ камыша цапля.

— Го! го! закричалъ Карлъ, снимая шапочку съ своего сокола и пуская его въ погоню за бѣглянкою.

— Го! го! закричали всѣ вслѣдъ соколу.

Соколы, ослѣпленный на минуту свѣтомъ, описалъ горизонтальный кругъ; потомъ, замѣтивъ цаплю, быстро бросился за нею.

Цапля, однакожъ, поднявшись, какъ птица смышленная, шаговъ за сто отъ охотниковъ, успѣла выиграть пространство, пока король снималъ съ сокола шапочку и пока самъ соколъ приглядывался къ внезапному свѣту. Когда врагъ замѣтилъ ее, она была уже за пятьдесятъ футовъ и быстро поднималась на своихъ сильныхъ крыльяхъ.

— Го! го! Бекъ-де-Феръ! кричалъ Каркъ:—докажи, что ты хорошей породы. Го! го!

Благородная птица, какъ-будто внимая этимъ восклицаніямъ, взялась стрѣлою по діагонали, на перерѣзъ прямой линии, по которой поднималась цапля, какъ-будто хотѣвшая исчезнуть въ эфиръ.

— Трусиха! воскликнулъ Карлъ, какъ-будто цапля могла его слышать; онъ пустился вскачь, слѣдя за охотой, сколько могъ, и закинувъ голову, чтобъ ни на минуту не потерять изъ вида птицъ. —Трусиха! ты бѣжишь. Но Бекъ-де-Феръ хорошей породы. Пстой! го-го, Бекъ-де-Феръ! го-го!

Борьба была интересна. Птицы приближались одна къ другой, или, вернѣе, соколъ настигалъ цаплю. Вопросъ былъ въ томъ, кто заберется выше.

У страха крылья оказались лучше, нежели у храбрости. Соколъ, умеченный своимъ полетомъ, промелькнулъ подъ брюхомъ цапли, которую долженъ былъ перелетѣть. Цапля воспользовалась преимуществомъ своего положенія и сильно ударила его клювомъ.

Соколъ, пораженный какъ кинжаломъ, перевернулся три раза, и думалъ, что онъ пойдетъ внизъ. Но онъ, какъ раненный воинъ, испустилъ пронзительный, угрожающій крикъ, и снова бросился за цаплею.

Цапля воспользовалась своею удачею; она переизменила направленіе полета, и повернула къ лѣсу, надѣясь ускользнуть въ сторону.

Но соколъ былъ хорошей породы. Онъ ринулся за цаплею по диагонали: цапля крикнула раза два или три и бросилась опять вверхъ. Секундъ черезъ десять обѣ птицы исчезли въ облакахъ. Цапля казалась не больше жаворонка, а соколъ виднѣлся черною точкой, исчезающей все больше и больше.

Карлъ и дворъ его сѣднали за ними только взоромъ. Каждый остановился на своемъ мѣстѣ, устремивъ глаза на сокола и цаплю.

— Bravo, bravo, Бекъ-де-Ферь! закричалъ вдругъ Карлъ.—Смотрите! Онъ перелетѣлъ ее! Го! го!

— Признаюсь, я не вижу ни того, ни другаго, сказалъ Генрихъ.

— Я тоже, прибавила Маргерита.

— Если ты ихъ не видишь, Ганрио, ты можешь ихъ слышать, сказалъ Карлъ: — по-крайней-мѣрѣ цаплю. Слышишь? слышишь? Она проситъ пощады.

Дѣйствительно, съ неба доносился жалобный вопль; но только привычное ухо могло разслушать его.

— Смотри, смотри! сказалъ Карлъ.—Они спустятся скорѣе, нежели подымались.

Дѣйствительно, птицы въ ту же минуту начали дѣлаться видныя. Это были только двѣ точки, но на разности величины ихъ можно было рассмотреть, что соколъ сверху.

— Смотрите! смотрите! говорилъ Карлъ. — Соколъ сверху!

Дѣйствительно, цапля не думала уже и защищаться. Она быстро спускалась, отвѣчая только жалобными криками на удары сокола. Вдругъ она сложила крылья и начала падать какъ камень. Но соколъ сдѣлалъ то же, и когда она хотѣла опять распушить крылья и полетѣть, послѣдній ударъ оглушилъ ее. Она продолжала падать кружась, и въ ту минуту, когда коснулась земли, соколъ придушилъ ее съ крикомъ победы, заглушившимъ смертный вопль жертвы.

— За соколомъ! за соколомъ! вскричалъ Карлъ, пускаясь вскачь къ тому мѣсту, гдѣ опустылись птицы.

Но вдругъ онъ остановилъ лошадь, вскрикнувъ, выпустилъ поводья, схватился рукою за гриву, а другою за животь, какъ-будто хотѣлъ растерзать его.

Всѣ столпились на его крикъ.

— Ничего, ничего! сказалъ Карлъ, съ багровымъ румянцемъ на лицѣ.—Мнѣ какъ-будто повели раскаленнымъ желѣзомъ по желудку. Поѣдте; это ничего.

И онъ поскакалъ дальше.

Д'Алансонъ побѣднѣлъ.

— Опять что-то новое? спросилъ Генрихъ Маргериту.

— Не знаю, отвѣчала она. — Замѣтили вы? братъ совершенно побагровѣлъ.

— Онъ всегда бываетъ блѣденъ.

Придворные переглянулись съ удивленіемъ и поѣхали за королемъ. Доѣхали до мѣста, гдѣ спустились на землю птицы. Соколъ месалъ уже мозгъ цапли.

Карлъ соскочилъ съ лошади, чтобъ ближе посмотрѣть на битву. Но, ставъ на землю, онъ принужденъ былъ придержать за сѣдло. Голова у него кружилась, его тошнило.

— Что съ вами, братецъ? спросила Маргерита.

— Я чувствую то же, что чувствовала Порція, проглотивъ раскаленные уголья, отвѣчалъ онъ. — Я горю, я, кажется, дышу огнемъ.

Карлъдохнулъ, и, казалось, удивился, что на губахъ его не показалось огня.

Между-тѣмъ, сокола взяли, и опять надѣли на него шапочку. Всѣ собрались вонругъ Карла.

— Ну! что это значитъ? Corps du Christ! Это пустяки; просто, солнце наекло мнѣ голову. На охоту, господа! Вотъ кстати дѣлая стая дичихъ утокъ. Спускайте соколовъ! Corboeu! Повеселимся!

Въ ту же минуту спустили пять или шесть соколовъ, полетѣвшихъ за дичью, и вся охота двинулась къ берегу рѣки.

— Ну! что скажете? спросилъ Генрихъ Маргериту.

— Минута удобна, отвѣчала она: — если король не оборотится, вамъ легко будетъ отсюда ухватить въ лѣсъ.

Генрихъ подозвалъ охотника, державшаго сокола, и между-тѣмъ, какъ блестящій поѣздъ тянулся по берегу, онъ отсталъ отъ него, притворяясь, что разсматриваетъ тѣло цапли.

Въ эту минуту, какъ нарочно, поднялся фазанъ.

Генрихъ спустилъ своего сокола; онъ имѣлъ теперь предлогъ отстать отъ общей охоты, охотясь за фазаномъ.

Часть шестая и последняя.

I.

Павильонъ Франциска I-го.

Королевская соколиная охота была прекрасная вещь, когда охота была не только удовольствіемъ, но и искусствомъ.

Ты не менѣе, однакожъ, мы должны оставить это царское зрѣлище и удалиться въ лѣсъ, куда скоро присоединятся къ намъ и всѣ дѣйствующія лица разсказанной нами сцены.

Направо отъ аллеи де-Вioletтъ, этой длинной аркады изъ листьевъ, гдѣ робкій заяцъ выставляетъ иногда свои уши изъ травы, и прислушивается блуждающая лань, есть пролѣсокъ, удаленный отъ дороги на столько, что съ дороги его не видно, но изъ него видна дорога.

Посреди этого пролѣска лежали на травѣ два человѣка, подотставъ подъ себя дорожные плащи. Возлѣ нихъ были длинныя шпаги и два мушкетона съ раструбчатымъ дуломъ.

Одинъ изъ нихъ, облокотившись на руку и ногу, прислушивался какъ заяцъ.

— Мнѣ казалось, сказалъ онъ: — что охота приблизилась къ намъ. Я слышалъ даже крики охотниковъ.

— А теперь, отвѣчалъ другой, оживавшій гораздо-равнодушнѣе: — теперь я не слышу ничего. Должно быть, они удалились. Я тебѣ говорилъ, что это мѣсто не годится для наблюденія. Насъ, правда, не видно, да и мы ничего не видимъ.

— Да что же дѣлать, Аннибаль? возразилъ первый. — Надобно же куда-нибудь спрятать и нашихъ лошадей, и подставныхъ, и этихъ двухъ муловъ, которые такъ навьючены, что я, право, не достигаю, какъ они за нами поспѣютъ. Гдѣ же укрыть ихъ, если не подъ этими въковыми дубами? Ты осуждаешь де-Мун, а я во всѣхъ его распоряженіяхъ вижу глубокой тактъ заговорщика.

— Прекрасно! Наконецъ высказалъ словечко; я только этого и ждалъ. Стало-быть, мы въ разговоръ?

— Нѣтъ; мы просто служимъ королю и королевы.

— А! и они въ разговоръ; не все ли равно это для насъ?

— Коконна! я говорилъ тебѣ, что нисколько не принуждаю тебя пускаться со мною въ это предпріятіе: къ нему побуждаетъ меня чувство, котораго ты не раздѣляешь и не можешь раздѣлять.

— Mordil! Кто же говоритъ, что ты меня принуждаешь? Во-первыхъ, я не знаю, кто бы могъ заставить Коконна дѣлать то, чего онъ не хочетъ; не-уже-ли ты думаешь, что я пушу тебя одного, особенно когда вижу, что ты лезешь въ когти къ чорту?

— Посмотри, Аннибаль: чуть-ли это не ея бѣлый виходецъ. Странно, какъ подумаешь, что сердце бьется при ея приближеніи.

— Да, странно, отвѣчалъ Коконна, зная: — у меня вовсе сердце не бьется.

— Это не она, сказалъ ла-Моль. — Что бы могло случиться? Въдѣ условились въ полдень.

— Случилось то, что нѣтъ еще двѣнадцати часовъ, вотъ и все; я мы, кажется, можемъ еще вздремнуть.

Коконна растянулся на своемъ плащѣ, рѣшившись подкрѣпить слова дѣломъ. Но едва онъ коснулся ухомъ земли, какъ поднялъ руку и сдѣлалъ ла-Молю знакъ молчать.

— Что такое? спросилъ ла-Моль.

— Тсс! Я слышу что-то, и на этотъ разъ не ошибаюсь.

— Странно! Я ничего не слышу.

— Ты ничего не слышишь?

— Нѣтъ.

— Такъ посмотри, вотъ на эту лань, сказалъ онъ, вставая и схвативъ ла-Моля за руку.

— Гдѣ?

— Вонъ тамъ.

Коконна указалъ на лань.

— Ну, что же?

— А вотъ увидишь.

Лань стояла неподвижно и наклонивъ голову, какъ-будто соби-
ралась щипать траву. Вдругъ она подняла голову и наострила
уши; потомъ, безъ всякой видимой причины, бросилась бѣжать.

— Я думаю, что ты правъ, сказалъ ла-Моль:—она бѣжитъ.

— Значитъ, она слышитъ, чего ты не слышишь.

Дѣйствительно, легкий, едва-замѣтный шорокъ слышался въ тра-
вѣ; непривычный слухъ принялъ бы его за шумъ вѣтра; ѣдожь
распозналъ далекий топотъ лошадей.

Ла-Моль вскочилъ.

— Вотъ они! сказалъ онъ. — Живе!

Коконна всталъ тоже, но спокойно; нѣжность Пьеронта пере-
шла, казалось, въ сердце ла-Моля, а его безпечность въ душу
Коконна. Это отъ-того, что одинъ дѣйствовалъ въ настоящемъ
случаѣ по умеченію, а другой мѣхота.

Скоро друзья услышали жарный топотъ коней. Лошади ихъ
наострили уши, услышавъ ржаніе, и по аллеѣ пронеслась, какъ
бѣлая тѣнь, женщина, оглянувшись на скаку въ ихъ сторону и
сдѣлавъ странный знакъ.

— Королева! воскликнули они вместе.

— Что бы это значило? спросилъ Коконна.

— Она сдѣлала рукою вотъ такъ, отвѣчалъ ла-Моль. — Это зна-
чить «сейчасъ».

— Она сдѣлала такъ, возразилъ Коконна: — и это значитъ «бѣ-
гите».

— Она хотѣла сказать: «дождитесь меня».

— Она хотѣла сказать: «спасайтесь».

— Такъ будемъ дѣйствовать каждый по своему усмотрѣнію: бѣ-
ги, а я останусь, сказалъ ла-Моль.

Коконна пожалъ плечами и снова легъ на землю.

Въ ту же минуту, по той же аллеѣ, гдѣ проехала королева, по
съ другой стороны, пронесся во весь опоръ отрядъ всадниковъ,
въ которыхъ друзья узнали протестантовъ. Лошади ихъ дѣлали
скачки, какъ сараяча, о которой говорятъ Іовы: «она лашіеъ и
исчезла».

— Чортъ возьми! Видно, дѣло серьезное, сказалъ Коконна, вста-
вая. — Поведемъ къ Павильйону-Франциска.

— Напротивъ, туда-то и не надо ѣхать. Если мы открыты,
король прежде всего обратитъ вниманіе на этотъ павильйонъ, по-
тому-что онъ назначенъ сборнымъ мѣстомъ.

— На этотъ разъ ты, можетъ-быть, и правъ, проворчалъ Ко-
конна.

Не успѣвъ еще Коконна произнести эти слова, какъ во мѣсу

козней мелькнулъ всадиникъ; онъ несея черезъ рвы, кусты, колоды и очутился передъ Коконна и ла-Модемъ. Въ обѣихъ рукахъ онъ держалъ по пистолету и правилъ лошадью только козьями.

— Де-Муи! воскликнулъ Коконна, мгновенно сдѣлавшись расторопнѣе ла-Моля. — Муи бѣжить! Итакъ, они спасаются?

— Скорѣе! закричалъ гугенотъ: — бѣгите! Все погибло! Я нарочно сдѣлалъ крѣпокъ, чтобъ увѣдомить васъ. Въ дорогу!

Онъ произнесъ эти слова на скаку и былъ уже далеко, когда договаривалъ ихъ и когда ла-Моль и Коконна поняли ихъ смыслъ.

— А королева? закричалъ ему въ-слѣдъ ла-Моль.

Но голосъ его исчезъ въ пространство; Муи не могъ уже его слышать и еще менѣе отвѣчать ему.

Коконна не долго думалъ, что ему дѣлать; но ла-Моль стоялъ неподвижно, слѣдя глазами за Муи, исчезавшимъ въ вѣтвяхъ. Коконна побѣжалъ за лошадьми, привелъ ихъ, свѣлъ самъ и бросилъ новодѣя ла-Молю.

— Садись! сказалъ онъ. — Я повторю слова де-Муи: въ дорогу! А Муи говорить хорошо. Въ дорогу, въ дорогу, ла-Моль!

— Одну минуту, отвѣчалъ ла-Моль: — мы сюда вѣдь за тѣмъ-нибудь да пришли же?

— Только не за тѣмъ, чтобъ насъ повѣсили. Советую не терять времени. Я знаю, ты собираешься ораторствовать, паразировать слово «бѣжать». Ты укажешь на Горація, бросающаго свой щитъ, и на Эпаминонда, вынесеннаго изъ битвы на щитѣ. Я отвѣчу тебѣ только одно: если бѣжить Муи-де-Сен-Фаль, всѣмъ позволено бѣжать.

— Муи-де-Сен-Фаль не взялся увезти Маргериту; Муи-де-Сен-Фаль не любитъ королевы.

— *Mordri!* Онъ поступаетъ очень-умно, если любовь заставила бы его дѣлать такія же глупости, какъ тебя. Пусть пятьсотъ тысячъ чертей возьмутъ любовь, за которую два молодца могутъ поплатиться головою! *Cogne de boeni!* какъ говорятъ король Карлъ, мы въ заговоръ, *mon chère*; кому заговоръ не удался, тотъ долженъ спастись. На коня, ла Моль, на коня!

— Спасайся! Я тебѣ не мѣшаю, и даже прошу тебя. Твоя жизнь дороже моей. Защищай же ее.

— Говори мнѣ: «Коконна! пусть насъ повѣсятъ вмѣстѣ», — а не: «спасайся одинъ».

— И! веревки вьютъ не для дворянъ.

— Я начинаю думать, сказалъ Коконна: — что я не худо сдѣлалъ, взявъ свои предосторожности.

— Какія?

— Подружившись съ далачомъ.

— Ты въ мрачномъ расположеніи духа.

— Да! однакожь, что-нибудь да надо дѣлать, возразилъ Коконна съ нетерпѣніемъ.

— Отъищемъ королеву.

— Гдѣ?

— Не знаю... Отъищемъ короля.

— Гдѣ?

— Не знаю... но мы отъищемъ ихъ, и сдѣлаемъ вдвоемъ то, чего не могли или не посмѣли сдѣлать пятьдесятъ человекъ.

— Ты хватаешься за мое самолюбіе, — дурной знакъ!

— Ну, такъ на коней, и ѣдемъ!

— Наконецъ-то.

Ла-Моль оборотился, и хотѣлъ взяться за луку; но въ то самое время, когда заносилъ ногу въ стремя, повелительный голосъ произнесъ:

— Стой! Сдѣйтесь.

Изъ-за дуба показался человекъ, потомъ другой, потомъ тридцать; это были солдаты легкой конницы; они сбѣжались и полкомъ обшкуривали лѣсъ.

— Что я тебѣ говорилъ? сказалъ Коконна.

Глухой звукъ былъ отвѣтомъ ла-Моля.

Солдаты были еще шаговъ за тридцать.

— Что вамъ угодно? громко спросилъ Коконна, обращаясь къ начальнику отряда.

Начальникъ приказалъ приложиться въ нихъ.

Коконна тихо шепнулъ ла-Молю:

— На коня, ла-Моль! Еще есть время. На коня, и ускачемъ.

Потомъ онъ обратился опять къ солдатамъ:

— Не стрѣляйте, чортъ возьми! Этакъ вы, пожалуй, убьете двухъ друзей.

Потомъ шепнулъ ла-Молю:

— Между деревьями стрѣлять плохо; они дадутъ промахъ.

— Невозможно, отвѣчалъ ла-Моль. — Мы не можемъ увести съ собою лошадь Маргериты и двухъ муловъ. Они изобличатъ ее, а отвѣтами я удалю подозрѣніе. Ступай, другъ мой! Ступай!

— Господа! сказалъ Коконна, подавая свою шпагу: — мы сдаемся. Солдаты опустили ружья.

— Но скажите, пожалуйста, зачѣмъ мы должны сдаться?

— Объ этомъ вы спросите короля наваррскаго.

— Въ чемъ мы провинились?

— Это скажетъ вамъ герцогъ д'Алансонъ.

Коконна и ла-Моль обмѣнялись взглядомъ; имя врага ихъ, произнесенное въ такую минуту, было неутѣшительно.

Они не противились. Коконна попросили сойти съ лошади: онъ повиновался безпрекословно. Потомъ обонхъ помѣстили въ центръ отряда, и пошли къ Павильйону-Франциска.

— Ты хотѣлъ видѣть Павильйонъ-Франциска, сказалъ Коконна ла-Молю, увидѣвъ сквозь деревья стѣны прекраснаго готическаго зданія:—ну, вотъ, кажется, ты увидишь его.

Ла-Моль не отвѣчалъ ни слова и протянулъ ему только руку.

Возлѣ этого прелестнаго павильйона, построеннаго при Лудовикѣ XII, и прозваннаго Павильйономъ-Франциска I-го, потому-что онъ всегда назначалъ его сборнымъ мѣстомъ во время охоты, было нечто въ родѣ хижины для охотниковъ, укрытой ружьями, аллебардами и шпагами, какъ укрывается кротовая нора травою.

Въ эту хижину привели плѣнниковъ.

Объяснимъ непріятное положеніе двухъ друзей, рассказавъ, что случилось.

Протестанты сошлись, какъ было условлено, въ Павильйонъ-Франциска, отъ котораго ключъ былъ у де-Муи.

Овладевъ лѣсомъ,—такъ, по-крайней-мѣрѣ, они думали,—разстали они кое-гдѣ часовыхъ; легкая конница, перемѣнивъ, по приказанію догадливаго Панселя, бѣлые шарфы на красные, перехватила ихъ разомъ, безъ выстрѣла.

Конница продолжала идти, окружая павильйонъ; но де-Муи, ждавшій короля въ концѣ аллеи де-Вioletтъ, замѣтилъ, что эти красивые шарфы не идутъ, а крадутся, и съ той минуты они стали для него подозрительны. Онъ постороился, чтобъ его не замѣтили, и увидѣлъ, что обширный кругъ ихъ постоянно стуживается, окружая сборное мѣсто.

Въ то же время, въ глубинѣ главной аллеи блеснули бѣлыя перья и ружья королевской гвардіи. Наконецъ, онъ увидѣлъ и самого короля, а въ противоположной сторонѣ—Генриха.

Тогда онъ махнулъ шляпою въ воздухъ: это былъ условленный знакъ, что все пропало.

Генрихъ, при этомъ знакѣ, въ ту же минуту повернулся назадъ и исчезъ.

Муи, вонзивъ шпоры въ бока своей лошади, поскакалъ и мимолетомъ предостерегъ ла-Моля и Коконна.

Король замѣтилъ отсутствіе Генриха и Маргериты и подѣвжалъ къ павильйону съ д'Алансономъ, надѣясь застать ихъ въ хижинѣ, гдѣ приказалъ запереть всѣхъ, не только тѣхъ, кого найдутъ въ павильйонѣ, но и въ лѣсу.

Д'Алансонъ въ увѣренности галоппировалъ возлѣ короля, еще болѣе-сердитаго отъ физической боли. Раза два или три онъ едва не лишился чувствъ, и однажды его вырвало до крови.

—Скорѣе! сказалъ король, подѣвжая къ мѣсту:—мнѣ надо возвратиться въ Лувръ; вытаскивайте этихъ гугенотовъ! Сегодня день св. Блеза, брата Вареоломея.

При этихъ словахъ короля, муравейникъ копій и пикалей зашевелился, и гугенотовъ, захваченныхъ въ лѣсу или въ павиль-йонѣ, заставили по-одиначкѣ выходить изъ хижины.

Но не являлся ни король наваррскій, ни Маргерита, ни де-Муа.

— Ну! сказалъ король.—Гдѣ же Генрихъ? Гдѣ Маргò? Ты обещалъ мнѣ ихъ, д'Алансонъ, и, согвоеuf! чтобъ они были отысканы!

— Король и королева наваррскія? спросилъ Нансей. — Мы ихъ и не видѣли, ваше величество.

— Да вотъ они, сказала герцогиня де-Неверъ.

Дѣйствительно, въ концѣ аллеи, ведущей къ рѣкѣ, показались Генрихъ и Маргò; они ѣхали очень-спокойно, какъ-будто ничего не случилось, держали своихъ соколовъ, и приближались рядомъ, какъ неразлучные любовники.

Тогда-то д'Алансонъ, въ ярости, велѣлъ обыскать окрестности, и тогда-то нашли на полянѣ ла-Моля и Коконна.

Они тоже рядомъ, какъ братья, вошли въ кружокъ. Только, не будучи королями, они не были по наружности такъ спокойны, какъ Генрихъ и Маргерита. Ла-Моль былъ слишкомъ блѣденъ, Коконна слишкомъ-красенъ.

II.

Допросы.

Зрѣлище, поразившее пришедшихъ друзей, было изъ числа тѣхъ, которыя не забываются.

Мы уже сказали, что гугеноты, запертые въ хижинѣ, одинъ за другимъ проходили мимо Карла.

Онъ и д'Алансонъ жадно слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ, ожидая появленія короля наваррскаго.

Они обманулись въ своемъ ожиданіи.

Но этого было мало: надо было узнать, что съ ними случилось.

Когда молодые супруги показались въ концѣ аллеи, д'Алансонъ поблѣднѣлъ, а у Карла стало легче на сердцѣ, потому-что онъ внутренно желалъ, чтобъ все это пало на герцога.

— Онъ опять ускользнетъ! проговорилъ Франсуа блѣднѣя.

Король почувствовалъ въ эту минуту такую боль въ животѣ,

что выпустилъ поводья, схватился руками за бока и вскрикнулъ, как бѣшеный.

Генрихъ успѣвши узнать, что съ нимъ; но пока онъ проѣхалъ двѣсти шаговъ, отдѣлявшіе его отъ короля, боля Карла уже миновалась.

— Откуда вы? спросилъ его Карлъ такъ сурово, что это тропило Маргериту.

— Откуда?.. съ охоты, отвѣчала она.

— Охота была на берегу, а не въ лѣсу.

— Мой соколъ поднялся за фазаномъ, когда мы остановились посмотреть на цаплю.

— Гдѣ же фазанъ?

— Вотъ онъ. Посмотрите, какой красивый.

И Генрихъ съ самымъ невиннымъ выраженіемъ лица подаль королю золотисто-пурпуровую птицу.

— Да! А взявъ фазана, почему вы не присоединились ко мнѣ?

— Потому-что онъ полетѣлъ къ парку,—и когда мы возвратились къ берегу, вы были уже за полѣе впереди и ѣхали къ лѣсу. Мы поскакали за вами, чтобъ вмѣстѣ продолжать охоту.

— А эти господа? продолжалъ Карлъ.— Они тоже приглашены на охоту?

— Какіе господа? спросилъ Генрихъ, вопросительно поглядѣвъ вокругъ.

— Pardieu! ваши гугеноты! сказалъ Карлъ.— Во всякомъ случаѣ, если кто-нибудь пригласилъ ихъ, такъ не я.

— Нѣтъ, ваше величество, можетъ-быть, герцогъ д'Алансонъ.

— Д'Алансонъ! Какъ?

— Я? спросилъ герцогъ.

— Да! продолжалъ Генрихъ. — Въя вы вчера объявили, что вы король наваррскій. Чтѣ жь! Гугеноты, желавшіе имѣть васъ королемъ, явились поблагодарить васъ за принятіе короны, а короля за то, что онъ позволилъ вамъ принять ее. Не такъ ли, господа?

— Да! да! закричали двадцать голосовъ.— Да здравствуетъ герцогъ д'Алансонъ! Да здравствуетъ король Карлъ!

— Я не король гугенотовъ, сказалъ д'Алансонъ, блѣднѣя отъ мести; потомъ взглянувъ искоса на Карла, прибавилъ: — и надѣюсь, что никогда имъ не буду.

— Все равно! сказалъ Карлъ.— Знайте, Генрихъ, что я нахожу все это очень-страннымъ.

— Ваше величество! твердо сказалъ Генрихъ. — Можно подумать, что мнѣ дѣлаютъ допросъ.

— А если я скажу вамъ, что допрашиваю васъ, что вы отвѣтите?

— Что я такой же король, какъ и вы, гордо отвѣчалъ Генрихъ: — королевскій санъ даетъ не корона, а рожденіе. Я готовъ отвѣчать брату и другу; судьба — никогда.

— Хотѣлось бы мнѣ, однакожь, наконецъ, знать, что должно думать? проговорилъ Карлъ.

— Пусть приведутъ де-Муи, и вы узнаете, сказалъ д'Алансонъ. — Муи долженъ быть взятъ.

— Де-Муи здѣсь? спросилъ король.

Генрихъ началъ беспокоиться и обмѣнялся взглядомъ съ Маргеритой. Но это продолжалось недолго.

Никто не отвѣчалъ.

— Де-Муи нѣтъ между плѣнными, сказалъ де-Нансей. — Иные думаютъ, что видѣли его, впрочемъ, не увѣрены.

Ла-Моль и Коконна слышали весь разговоръ; Маргерита разочла, что можетъ положиться на ихъ сметливость, и сказала:

— Да вотъ, кстати, двое придворныхъ герцога д'Алансона, спросите ихъ.

— Я велѣлъ арестовать ихъ именно за тѣмъ, чтобъ доказать, что они не изъ числа моихъ, сказалъ герцогъ.

Король посмотрѣлъ на друзей и вздрогнулъ, увидѣвъ ла-Моля.

— Опять этотъ Провансалецъ! сказалъ онъ.

Коконна ловко поклонился.

— Что вы дѣлали, когда васъ арестовали? спросилъ король.

— Мы раздѣляли подвиги на поприщѣ войны и любви.

— Верхомъ! вооруженные съ ногъ до головы? готовые бѣжать?

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ Коконна. — Мы поклонились въ тѣни бука, *sub tegmine fagi*.

— А! вы поклонились въ тѣни бука.

— И могли бы бѣжать, еслибъ предполагали, что виноваты передъ вашимъ величествомъ. — Господи! продолжалъ Коконна, обращаясь къ всадникамъ: — скажите, какъ честные воины: могли мы спастись бѣгствомъ, еслибъ хотѣли?

— Дѣло въ томъ, сказалъ начальникъ отряда: — что они не сдѣлали ни малѣйшаго движенія.

— Потому что лошади ихъ были далеко, замѣтилъ д'Алансонъ.

— Извините великодушно, ваше высочество, отвѣчалъ Коконна: — я былъ верхомъ, а ла-Моль держалъ свою лошадь за поводья.

— Правда ли это? спросилъ король.

— Правда, отвѣчалъ капитанъ: — увидѣвъ насъ, г. Коконна даже сошелъ съ лошади.

Коконна улыбнулся съ гримасою, которая означала: — видите ли, ваше величество?

— А что жь эти подставныя лошади, эти мулы, эта клажа на нихъ? спросилъ Франсуа.

— Мы не конюхи; спросите у кучера, который за ними смотрѣлъ, отвѣчалъ Коконна́.

— Его нѣтъ, сказалъ герцогъ въ ярости.

— Вѣрно онъ испугался и убѣжалъ, сказалъ Коконна́. — Слуга не можетъ имѣть храбрости дворянина.

— Все та же система, сказалъ герцогъ, скрежеща зубами. — Къ-счастію, я предупредилъ ваше величество, что эти господа уже нѣсколько дней какъ оставили мою службу.

— Какъ? сказалъ Коконна́. — Не-уже-ли я такъ несчастливъ, что уже не состою на службѣ вашего высочества?

— *Morbleu!* вы знаете это лучше всѣхъ, потому-что сами извѣстия меня объ этомъ довольно-дерзкимъ письмомъ; оно, къ-счастію, кажется, со мною.

— О! я думалъ, что ваше высочество простите меня за строки, написанныя въ минуту вспышки. — Я узналъ, что ваше высочество хотѣли, въ корридоръ Лувра, давить моего друга Ла-Моля.

— Чтò такое? сказалъ Карлъ.

— Я думалъ, что ваше высочество были одни. — Но узнавъ, что еще трое другихъ...

— Молчите! сказалъ Карлъ. — Мы узнали довольно. Генрихъ! сказалъ онъ, обращаясь къ королю наваррскому: — дайте слово не бѣжать.

— Даю.

— Возвратитесь въ Парижъ съ г. Нансеємъ. Вы подъ арестомъ въ вашей комнатѣ. — Вы, господá, продолжалъ онъ, обращаясь къ друзьямъ: — отдайте свои шпаги.

Ла-Моль взглянулъ на Маргериту. Она улыбнулась. — Ла-Моль тотчасъ же отдалъ свою шпагу стоявшему возлѣ него капитану.

Коконна́ сдѣлалъ то же.

— А де-Мув отыскали? спросилъ король.

— Нѣтъ, ваше величество, отвѣчалъ де-Нансей: — его или не было въ дѣсу, или онъ спасся.

— Тѣмъ хуже! сказалъ король. — Возвратимся домой. Мнѣ холодно, и нездоровится.

— Это, можетъ-быть, отъ-того, что вы потревожились, замѣтилъ Франсуа.

— Да, можетъ-быть. Въ глазахъ у меня темнѣеть. — Гдѣ же цѣнныя? Я ничего не вижу. Развѣ ужь ночь? Охъ, Боже мой! Я горю!

Несчастный король выпустилъ поводья, протянулъ руки и упалъ

навзничь, поддержанный придворными, испуганными вторичнымъ припадкомъ.

Франсуа, стоя поодаль, отвралъ потъ съ своего лица; онъ одинъ зналъ причину болѣзни брата.

Генрихъ, подъ стражею Нансея, смотрѣлъ на эту сцену съ возрастающимъ удивленіемъ.

— Чтò, проговорилъ онъ, какъ-будто вдохновленный:—чтò если бѣгство не удалось къ моему счастью?

Онъ посмотрѣлъ на Маргериту, большіе глаза которой обращались то на него, то на короля.

Король былъ безъ чувствъ.—Его положили на носилки, покрыли плащомъ, и всѣ тихо двинулись къ Парижу, откуда поутру выѣхали смѣлые заговорщики и веселый король, и куда возвращался теперь умирающій король и мятежные пльвиники.

Маргерита, не утративъ ни тѣлесной, ни душевной свободы, сдѣлала еще знакъ мужу и пробѣжала такъ близко мимо ла-Моля, что онъ могъ разслушать цару греческихъ словъ:

— Мѣ déidé.

То-есть:

«Не бойся ничего.»

— Чтò она тебѣ сказала? спросилъ Коконнѣ.

— Чтòбъ я ничего не боялся, отвѣчалъ онъ.

— Тѣмъ хуже, сказалъ Пьемонтець:—тѣмъ хуже. Это значить, что намъ тутъ плохо. Всякій разъ, когда меня ободрили этимъ словомъ, я сейчасъ бывалъ раненъ или пулей, или шпагой, или горшкомъ съ цвѣтами. Не бойся ничего, по-еврейски ли, по-гречески ли, по-латинѣ ли, по-французски ли, это всегда значило для меня: «берегись!»

— Въ дорогу, господѣ! сказалъ начальникъ отряда.

— Куда насъ ведутъ, если смѣю спросить?—сказалъ Коконнѣ.

— Я думаю, въ Венсеннъ, отвѣчалъ капитанъ.

— Лучше бы куда-нибудь въ другое мѣсто, замѣтилъ Коконнѣ.— Ну, да чтò толковать! Не всегда идешь, куда хочешь.

Дорогою, король очнулся, и силы его отчасти возвратились. — Въ Нантеррѣ онъ хотѣлъ даже сѣсть на лошадь, но его не допустили до этого.

— Пошлите за Парѣ, сказалъ Карлъ, прибывъ въ Лувръ.

Онъ вышелъ изъ носилокъ, взошелъ на лѣстницу, опираясь на руку Таванна, и удалился въ свой кабинетъ, не велѣвъ никому входить туда.

Всѣ замѣтили, что онъ дорогой былъ очень-задумчивъ, ни съ кѣмъ не говорилъ, и не занимался ни заговоромъ, ни заговорщиками. Очевидно его занимала только его болѣзнь.

Болезнь его была внезапна, странна, жестока; нѣкоторые симптомы ея походили на симптомы, замѣченные у брата его, Франциска II-го, незадолго до его смерти.

Никого не удивило, что онъ запретилъ входить къ себѣ рѣшительно всѣмъ, кромѣ Парэ. Мизантропія, какъ всѣмъ было извѣстно, составляла основу характера этого государя.

Карлъ вошелъ въ спальню, сѣлъ на кресло, приложилъ голову къ подушкѣ и, подумавъ, что Парэ, можетъ-быть, нѣтъ дома и онъ придетъ еще не скоро, хотѣлъ съ пользою употребить это время.

Онъ ударилъ въ ладони; вошелъ дежурный.

— Скажите королю наваррскому, что я хочу поговорить съ нимъ.

Дежурный поклонился и вышелъ.

Карлъ закинулъ голову назадъ; тяжесть давила мозгъ его до такой степени, что онъ едва могъ связать двѣ мысли; передъ глазами его носилось какъ-будто кровавое облако; уста его горѣли; онъ выцидъ уже цѣлый графинъ воды, и не могъ утолить жажды.

Дверь растворилась и вошелъ Генрихъ.—Нацсей шелъ за нимъ, но остановился въ передней.

Король наваррскій дождался, пока дверь за нимъ затворилась.

Тогда онъ подошелъ.

— Вы спрашивали меня, сказалъ онъ. — Я здѣсь.

Король вздрогнулъ при этомъ голосѣ, и машинально протянулъ руку.

— Ваше величество забываете, что я уже не братъ вашъ, а пѣтъникъ, сказалъ Генрихъ, не принимая руки.

— Да! дѣйствительно. Благодарю, что напомнилъ. — Кажется, вы обѣщали мнѣ отвѣчать наединѣ откровенно.

— И готовъ исполнить это обѣщаніе.—Спрашивайте.

Король налилъ въ руку холодной воды и приложилъ ее ко лбу.

— Что истиннаго въ обвиненіи д'Алансона?—Отвѣчайте.

— Только половина: — д'Алансонъ долженъ былъ бѣжать, а я сопутствовать ему.

— А зачѣмъ вы должны были ему сопутствовать? — Развѣ вы мною не довольны, Генрихъ?

— Напротивъ; Богъ, читающій въ сердцахъ нашихъ, видитъ, какъ глубоко люблю я моего брата и короля.

— Кажется, однако, не бѣгаютъ отъ людей, которыхъ любятъ и которые насъ любятъ?

— И я бѣжалъ не отъ тѣхъ, которые любятъ меня, а отъ тѣхъ, которые ненавидятъ.—Позвольте ли говорить вамъ откровенно?

— Говорите.

— Ненавидятъ меня здѣсь: д'Алансонъ и королева-мать.

— О д'Алансонъ не говорю, отвѣчалъ Карлъ:—но королева-мать осыпаетъ васъ ласками.

— Потому-то я ей и не доверяю... И слава Богу, что не доверяю.

— Ей?

— Ей, или тѣмъ, кто ее окружаетъ. — Вы знаете, ваше величество, что несчастіе королевъ состоитъ иногда не въ томъ, что ихъ угощаютъ плохо, а въ томъ, что угощаютъ слишкомъ-хорошо.

— Изъяснитесь; вы дали слово высказать все.

— Я исполняю слово.

— Продолжайте.

— Вы любите меня, сказали вы?

— То-есть, любилъ васъ до измѣны, Ганрію.

— Предположите, что вы меня еще любите.

— Положимъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы, конечно, желаете, чтобъ я жилъ?

— Я былъ бы въ отчаяніи, еслибъ съ тобою случилось несчастіе.

— Два раза оно едва не случилось.

— Какъ?

— Два раза только Провидѣніе спасло мнѣ жизнь. Правда, второй разъ Провидѣніе явилось въ образѣ вашего величества.

— А въ первый?

— Въ первый — въ образѣ человека, который былъ бы крайне удивленъ этому сближенію, — въ образѣ Ренé. Вы спасли меня отъ желѣза...

Карлъ нахмурилъ брови; онъ вспомнилъ ночь, въ которую увелъ Генриха въ Улицу-де-Барръ.

— А Ренé? спросилъ онъ.

— Ренé спасъ меня отъ яда.

— Peste! Ты счастливъ, Ганрію, сказалъ король, стараясь улыбнуться; но боль превратила улыбку въ судороги.—Это не его ремесло.

— Меня спасли два чуда. — Чудо раскаянья въ душѣ Флорентинца, и чудо любви вашего величества. Признаюсь, я боюсь, не наскучило бы небу дѣлать чудеса. Я хотѣлъ бѣжать въ-слѣдствіе правила: на Бога надѣйся, а самъ не плошай.

— Зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ объ этомъ раньше?

— Еслибъ я сказалъ вамъ это вчера, я былъ бы доносчикомъ.

— А сегодня?

— Сегодня другое дѣло. Я обвиненъ и защищаюсь.

— Увѣренъ ты въ этомъ первомъ покушеніи, Ганрію?

— Такъ же, какъ и во второмъ.

— И тебя хотѣли отравить?

— Хотѣли.

— Чѣмъ?

— Опіатомъ.

— Какъ это отравляютъ опіатомъ?

— Спросите у Ренé:—отравляютъ же перчатками...

Карлъ нахмурилъ брови; но мало-по-малу лицо его опять прояснилось.

— Да, да, сказалъ онъ, какъ-будто говоря съ самимъ-собою:— все живое естественно избѣгаетъ смерти: почему же разсудку не дѣлать того, что дѣлаетъ инстинктъ?

— Довольны ли вы моею откровенностью, и думаете ли вы, что я сказалъ вамъ все?

— Да, Ганрію, да; ты славный-малый.—Такъ ты думаешь, что мнѣ не надобно, что они сдѣлаютъ невыя покушенія?

— Каждый вечеръ я удивляюсь, что еще живъ.

— Они знаютъ, что я тебя люблю, Ганрію, и вотъ почему хотѣть твоей жизни.—Но будь спокоенъ: они будутъ наказаны. Ты, между-тѣмъ, свободенъ.

— И могу оставить Парижъ?

— Нѣтъ! Ты знаешь, что я не могу обойтись безъ тебя. *Mille fois d'un diable!* Надобно же, чтобъ кто-нибудь изъ окружающихъ любилъ меня.

— Если вы оставляете меня при себѣ, окажите мнѣ милость...

— Какую?

— Оставьте меня здѣсь не какъ друга, а какъ пѣвника.

— Какъ?

— Развѣ вы не видите, что ваша дружба губить меня?

— И ты желаешь лучше, чтобъ я ненавидѣлъ тебя?

— Наружно. Эта ненависть будетъ моимъ счастьемъ, пока я буду считаться въ немилости; они не такъ будутъ спѣшить умертвить меня.

— Не знаю, чего ты хочешь, Ганрію; не знаю, какая у тебя дѣль, но если ты не исполнишь своихъ желаній и не достигнешь цѣли, это меня очень удивить.

— И такъ, я могу разсчитывать на строгость короля?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ, я спокоинѣе. — Теперь, что прикажете, ваше величество?

— Ступай домой, Ганрію.—Я боленъ; зайду посмотрѣть своихъ собакъ, и лягу.

— Вы позвали бы доктора, ваше величество; вы, можетъ-быть, больнѣе, нежели думаете.

— Я послалъ за Парé.

— Это меня успокаиваетъ.

— Клянусь душою! Изъ всего моего семейства, кажется, только ты меня любишь!

— Вы думаете?

— Честное слово.

— Такъ передайте же меня Нансею, какъ чловѣка, которому гнѣвъ вашъ не позволить прожить дольше мѣсяца. Этимъ вы дадите мнѣ возможность любить васъ дольше.

— Г. Нансей! закричалъ Карлъ.

Капитанъ вошелъ.

— Я вѣрю вамъ величайшаго преступника въ государствѣ; — вы отвѣчаете за него головою.

Генрихъ, съ видомъ величайшаго отчаянiя, вышелъ за Нансеемъ.

III.

АКТЕОНЪ.

Карлъ, оставшись наединѣ, удивился, что до-сихъ-поръ не являлся къ нему ни одинъ изъ вѣрныхъ друзей его. — Вѣрные друзья были: кормилица Мадлена и борзая Актеонъ.

— Кормилица вѣрно пошла къ какому-нибудь знакомому гугеноту пѣть псалмы, сказалъ онъ: — а Актеонъ дуется на меня за ударъ, которымъ я поподчивалъ его поутру.

Карлъ взявъ свѣчу и пошелъ къ кормилицѣ. — Ея не было дома. Изъ комнаты ея дверь вела, какъ, вѣроятно, помнитъ читатель, въ оружейный кабинетъ. Онъ подошелъ къ этой двери.

Но во время перехода, онъ опять почувствовалъ боль, появляющуюся мгновенно. — Король страдалъ, какъ-будто раскаленное жѣлѣзо проникло въ его кишки; его пожирала неутолимая жажда. На столѣ стояла чашка молока, онъ выпилъ ее въ одинъ глотокъ и почувствовалъ облегченiе.

Онъ опять взявъ поставленный въ сторону подсвѣчникъ и вышелъ въ кабинетъ.

Къ великому удивленiю его, Актеонъ не бросился ему навстрѣчу. — Заперли его? Но въ такомъ случаѣ онъ почуялъ бы, что Карлъ возвратился съ охоты, и завылъ бы.

Карлъ крикнулъ, свиснулъ, — никто не являлся.

Онъ сдѣлалъ шага четыре впередъ; свѣтъ доходилъ до угла комнаты, и онъ замѣтилъ, что тамъ лежитъ какая-то неподвижная масса.

— Эй! Актеонъ! крикнулъ Карлъ.

Онъ свиснулъ еще разъ.

Собака не трогалась съ мѣста.

Карлъ подбѣжалъ къ ней, тронулъ ее: бѣдное животное было мертво и холодно... Изъ пасти упало нѣсколько капель желчи, смѣшанной съ пѣнистою, кровавою слюною. Собака отыскала въ комнатѣ шапку своего господина и издохла, склонивъ голову на этотъ предметъ, напоминавшій ей друга.

Это зрѣлище заставило Карла забыть свои собственные страданія и возвратило ему всю его энергію. — Гнѣвъ закипѣлъ въ душѣ его; онъ хотѣлъ кликнуть; по величіе королей заколдовано: они не властны поддаваться первому движенію, естественно пробужденному страстью. Карлъ разсудилъ, что тутъ кроется, можетъ быть, измѣна, и промолчалъ.

Онъ сталъ передъ собакою на колѣни и опытнымъ глазомъ началъ разсматривать трупъ. Глаза ея были стекловидны, языкъ красенъ и покрытъ прыщами; болѣзнь была странная, — она заставила Карла вздрогнуть.

Король надѣлъ перчатки, которыя было-снялъ и заткнулъ за поясъ, приподнялъ посинѣвшую губу собаки и началъ разсматривать зубы; въ промежуткахъ и на самыхъ зубахъ онъ замѣтилъ бѣловатые кусочки чего-то.

Онъ снялъ ихъ и увидѣлъ, что это бумага.

Возлѣ бумаги опухоль была сильнѣе, дѣсны раздулись, и кожа покраснѣла, какъ отъ сѣрной кислоты.

Карлъ внимательно поглядѣлъ вокругъ. На коврѣ валялись два-три кусочка бумаги, похожіе на найденную имъ въ зубахъ животного; на томъ, который былъ побольше, виднѣлись слѣды гравюры.

Волосы встали дыбомъ на головѣ Карла; онъ узналъ отрывокъ картинки, изображавшей охотника, которую Актеонъ вырвалъ изъ книги.

— А! сказалъ онъ блѣднѣя: — книга была отравлена...

Потомъ, припоминая всѣ обстоятельства, онъ вскрикнулъ:

— Тысячу чертей! Я каждой страницы касался пальцемъ, и каждый разъ слюнилъ палецъ!.. Эти обмороки, эта боль, эта рвота... я погибъ!

Карлъ съ минутою оставался недвижимъ подъ гнетомъ этой ужасной мысли. — Потомъ онъ поднялся съ глухимъ стономъ и бросился къ двери кабинета.

— Ревé! закричалъ онъ. — Ренé! скорѣе! Позвать мнѣ Флорентивца! Чтобъ черезъ десять минутъ онъ былъ здѣсь. На коня! Взять съ собою подручную! Если прійдетъ Парé, пусть обождетъ.

Дежурный побѣждалъ исполнить повелѣніе.

— Хоть всѣхъ на пытку, сказалъ Карлъ:—а дозволяю, кто далъ эту книгу Ганрію.

Съ потомъ на лбу, съ судорожно-скорченными руками, съ стѣсненнымъ дыханіемъ, Карлъ остановился и устремилъ глаза на собаку.

Черезъ десять минутъ, Флорентинецъ робко и не безъ страха постучалъ въ дверь... Есть совѣсти, для которыхъ небо никогда не ясно.

— Войдите, сказалъ Карлъ.

Парфюмёръ вошелъ.—Карлъ подошелъ къ нему съ повелительнымъ видомъ.

— Ваше величество спрашивали меня, сказалъ дрожа Ренé.

— Да. Вы искусный химикъ, не правда ли?

— Ваше величество...

— И знаете все, что знаютъ ученѣйшіе медики?

— Вы преувеличиваете, ваше величество.

— Нѣтъ! Магущка говорила мнѣ это. Кромѣ того, я вамъ доверяю, и хотѣлъ лучше посоветоваться съ вами, нежели съ кѣмъ-нибудь другимъ. Вотъ, продолжалъ онъ, раскрывая трупъ собаки:— посмотрите, пожалуйста, что у нея въ зубахъ и скажите, отъ-чего она вздохла.

Ренé взялъ свѣчу и склонился къ землѣ, повинувшись королю и вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь скрыть свое смущеніе. — Карлъ стоялъ устремивъ на него взоры, и съ весьма-понятнымъ нетерпѣніемъ ждалъ слова, которое должно было быть его смертнымъ приговоромъ или залогомъ спасенія.

Ренé вынулъ изъ кармана родъ скальпеля, раскрылъ и снялъ кончикомъ его кусочки бумаги, приставшей къ дѣснамъ собаки. Онъ долго и внимательно смотрѣлъ на желчь и кровь, выступавшую изъ каждой язвы.

— Печальные признаки, сказалъ онъ.

Холодъ пробѣжалъ по жиламъ Карла и проникъ въ самое сердце.

— Да, сказалъ онъ: — собака отравлена, не такъ ли?

— Кажется.

— А какимъ ядомъ?

— Я думаю, минеральнымъ.

— Можете вы узнать навѣрное, отравлена ли она?

— Конечно. Только надо ее вскрыть и рассмотретьъ желудокъ.

— Вскройте. Я хочу узнать истину.

— Надобно позвать кого-нибудь помочь мнѣ.

— Я помогу вамъ.

— Вы, ваше величество!

— Да, я. Если она отравлена, какіе признаки найдемъ мы?

— Красноту и разветвленія въ желудкѣ.

— Къ дѣлу! сказалъ Карлъ.

Ренé однимъ взмахомъ скальпеля вскрылъ грудь и сильно ее раздвинулъ, между-тѣмъ какъ Карлъ, стоя на колѣняхъ, свѣтилъ ему дрожащею рукою.

— Посмотрите, ваше величество, сказалъ Ренé: — посмотрите, вотъ явные слѣды. Вотъ краснота, о которой я говорилъ вамъ; вотъ и вены, налитыя кровью и похожія на корни растенія: это то, что я называлъ разветвленіями. Здѣсь все, чего я искалъ.

— И такъ, собака отравлена?

— Отравлена, ваше величество.

— Минеральнымъ ядомъ?

— По всей вѣроятности.

— А что почувствовалъ бы человекъ, еслибъ нечаянно отвѣдалъ того же яда.

— Сильную головную боль, внутренній жаръ, какъ-будто проглотилъ горячіе угли, рвѣзъ въ кишкахъ, рвоту.

— И страдалъ бы отъ жажды?

— Жажда была бы неутолима.

— Такъ, такъ! проговорилъ Карлъ.

— Тщетно стараюсь я отгадать цѣль этихъ вопросовъ, ваше величество... сказалъ Ренé.

— И къ-чему? Вамъ нѣ для чего знать ее... Отвѣчайте на мои вопросы, и только.

— Что угодно спросить вашему величеству?

— Какое противоядіе долженъ бы употребить человекъ, принявшій того же яда, который данъ моею собакѣ?

Ренé подумалъ съ минуту.

— Есть разные минеральные яды, сказалъ онъ: — прежде, нежели буду отвѣчать, я желалъ бы знать, какой именно это ядъ. Извѣстно ли вашему величеству, какъ собака была отравлена?

— Извѣстно; она грызла листокъ изъ книги.

— Листокъ изъ книги?

— Дá.

— Эта книга у васъ?

— Вотъ она, сказалъ Карлъ, доставая книгу съ полки, куда поставилъ ее, и подавая Ренé.

Ренé былъ пораженъ, и легкое движеніе его не ускользнуло отъ вниманія Карла.

— Она изжевала листокъ изъ этой книги? проговорилъ, запинаясь, Ренé.

— Вотъ этотъ.

И Карлъ указалъ на оторванную страницу.

— Позвольте оторвать еще одинъ!

— Оторвите.

Ренé вырвалъ листокъ и поднесъ его къ свѣчкѣ: бумага вспыхнула, и по комнатѣ распространился сильный чесночный запахъ.

— Она отравлена мышьякомъ, сказалъ онъ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Такъ же увѣренъ, какъ еслибъ я самъ приготовилъ его.

— А противоядіе?

Ренé покачалъ головою.

— Какъ? проговорилъ Карлъ глухимъ голосомъ: — не-уже-ли вы не знаете лекарства?

— Лучшее и дѣйствительнѣйшее — яичные бѣлки, сбитые въ молоко; но...

— Но... что?

— Но ихъ должно принять немедленно; иначе...

— Иначе?

— Это ужасный ядъ, ваше величество! сказалъ Ренé.

— Однакожъ, онъ убиваетъ не тотчасъ.

— Нѣтъ; но онъ убиваетъ навѣрно, черезъ сколько бы времени ни умеръ человекъ; иногда это бываетъ даже слѣдствіемъ расчета.

Карлъ прислонился къ мраморному столу.

— Теперь, продолжалъ Карлъ, положивъ руку на плечо Ренé: — скажите, вы знаете эту книгу?

— Я, ваше величество? проговорилъ Ренé, блѣднѣя.

— Дá, вы; увидѣвъ ее, вы измѣнили себя.

— Клянусь вамъ, ваше величество...

— Послушайте, Ренé. Вы отравили королеву наваррскую перчатками; отравили принца де-Порсіана испареніями лампы; покушались отравить принца Кондэ яблокомъ... Ренé! Я велю содрать съ васъ кожу вершокъ за вершкомъ раскаленными щипцами, если вы не скажете, кому принадлежала эта книга.

Флорентинецъ увидѣлъ, что нельзя шутить съ гнѣвомъ Карла и рѣшился на смѣлый отвѣтъ.

— А если я скажу правду, ваше величество, кто поручится, что я не буду наказанъ еще ужаснѣе, нежели за утайку?

— Я.

— Даете ли вы мнѣ свое королевское слово?

— Честное слово, васъ не тронутъ!

— Въ такомъ случаѣ, эта книга принадлежитъ мнѣ, сказалъ онъ.

— Вамъ? воскликнулъ Карлъ, отступивъ на шагъ и дико глядя на отравителя.

— Дá, мнѣ.

— Какъ же она вышла изъ вашихъ рукъ?

— Ее взяла у меня ея величество королева-мать.

— Королева-мать?

— Точно-такъ.

— Зачѣмъ?

— Кажется, чтобъ отослать ее королю наваррскому, который просилъ герцога д'Алансона достать ему подобное сочиненіе, потому-что онъ хочетъ учиться соколиной охотѣ.

— Да, такъ!.. сказалъ Карль:—теперь я все понимаю. Эта книга действительно была у Гапріо. Есть судьба, и она караетъ меня! Карль закашлялъ сухимъ и сильнымъ кашлемъ и въ-слѣдъ за тѣмъ почувствовалъ новый припадокъ боли въ кишкахъ. Онъ глухо вскрикнулъ раза два или три и упалъ на кресло.

— Чтò съ вами, ваше величество? спросилъ Ренѣ съ ужасомъ.

— Ничего, отвѣчалъ Карль: — мнѣ только хочется пить; дай мнѣ воды.

Ренѣ налилъ въ стаканъ воды и дрожащею рукою поднесъ его Карлу; Карль выпилъ его въ одинъ глотокъ.

— Теперь, сказалъ король, взявъ перо и омочивъ его въ чернила:—надпиши на этой книгѣ...

— Чтò прикажете?

— То, чтò я тебѣ продактую: «Это руководство къ соколиной охотѣ дано мною королевѣ-матери, Катеринѣ Медичи».

Ренѣ взялъ перо и написалъ.

— Теперь подпишись.

Флорентинецъ подписался.

— Вы обѣщали мнѣ безопасность, сказалъ парфюмеръ.

— Чтò касается до меня, сдержу свое слово.

— Но чтò касается до королевы-матери...

— О, на счетъ ея, это не мое дѣло. Если на тебя нападутъ, защищайся.

— Ваше величество! могу ли я оставить Францію, если увижу, что жизнь моя въ опасности?

— На это я отвѣчу тебѣ черезъ двѣ недѣли. Между-тѣмъ...

Карль, нахмуривъ брови, приложилъ палецъ къ блѣднымъ губамъ своимъ.

— О! будьте спокойны, ваше величество.

Флорентинецъ былъ очень-радъ, что отдѣлался такъ дешево. Онъ поклонился и вышелъ.

За нимъ явилась кормилица на порогѣ своей комнаты.

— Чтò съ тобою, Шарло? сказала она.

— Я промочилъ ноги на росъ, и мнѣ не здоровится.

— Ты блѣденъ, Шарло.

— Это отъ слабости. Дай мнѣ руку, доведи меня до постѣли.

Кормилица поспѣшно подошла. Карлъ, при ея помощи, дѣшегъ до спальни.

— Теперь, сказалъ онъ: — я лягу одинъ.

— А если прійдетъ Парѣ?

— Скажи ему, что мнѣ лучше, и что его не нужно.

— Но между-тѣмъ, что же ты пріймешь?

— О! самое простое лекарство, сказалъ Карлъ. — Сбей мнѣ бѣлковъ въ молоко... Кстати: вѣдь бѣдняжка Актеопъ околѣлъ. Завтра надо приказать похоронить его гдѣ-нибудь въ саду, въ Луврѣ. Онъ былъ однимъ изъ лучшихъ друзей моихъ. Я поставлю ему памятникъ... если успѣю.

IV.

Венсенскій-Лѣсъ.

Согласно приказанію Карла, Генрихъ былъ отведенъ въ Венсенскій-Лѣсъ. Такъ назывался въ то время знаменитый замокъ, отъ котораго теперь остались однѣ развалины, — колоссальная руина, достаточно свидѣтельствующая о его минувшемъ величій.

Генриха принесли въ носилкахъ. Съ каждой стороны вѣхали четыре солдата, а впереди Нансей съ предписаніемъ, которое должно было отворить Генриху двери тюрьмы-защитницы.

У дверей башни они остановились. Нансей сошелъ съ лошади, отомкнулъ дверь, запертую висячимъ замкомъ, и почтительно попросилъ короля выйти.

Генрихъ повиновался безъ малѣйшаго возраженія. Всякое жилище показалось ему безопаснѣе Лувра, и десять дверей, за которыми его замкнутъ, отдаляли его въ то же время отъ Екатерины Медичи.

Царственный плѣнникъ прошелъ между двухъ солдатъ черезъ подъемный мостъ, черезъ трое дверей вверху башни и столько же дверей внизу лѣстницы. Нансей ввелъ его въ первый этажъ. Здѣсь капитанъ, замѣтивъ, что Генрихъ хочетъ идти дальше, сказалъ:

— Остановитесь, ваше величество.

— А! сказалъ Генрихъ: — меня, кажется, чествуютъ первымъ этажемъ.

— Васъ чествуютъ какъ коронованную главу, ваше величество.

— Чортъ возьми! Два-три этажа выше не унизили бы меня. Здѣсь мнѣ будетъ слишкомъ-хорошо; стану подозрѣвать...

— Угодно вашему величеству за мною слѣдовать? сказалъ Нансей.

— *Vous le saint-gtis!* Какъ-будто вы не знаете, что здѣсь нечего спрашивать, угодно мнѣ или нѣтъ,—когда Карлъ приказываетъ. Приказываетъ онъ, чтобъ я за вами слѣдовалъ?

— Да, ваше величество.

— Такъ я слѣдую.

Пошли по корридору. Конецъ его выходилъ въ довольно-большую залу, мрачную, съ темными стѣнами.

Генрихъ посматривалъ вокругъ не совсемъ-спокойно.

— Гдѣ мы? спросилъ онъ.

— Мы идемъ черезъ залу пытки, ваше величество.

— А-га! сказалъ король.

Онъ посматривалъ еще съ бѣльшимъ вниманіемъ.

Въ этой залѣ было всего по-немногу: козлы и чанъ для испытанія горячею водою; кланья и молоты для тисковъ на ноги; сверхъ-того, каменные скамьи для несчастныхъ жертвъ, ожидающихъ пытки, тянулись почти вокругъ всей залы; надъ скамьями, въ самыя скамьи, и у ногъ, были вдѣланы желѣзные кольца.

Генрихъ продолжалъ идти, не говоря ни слова, но не упуская изъ вида ни одной мелочи этихъ ужасныхъ снарядовъ, начертанныхъ, такъ-сказать, на стѣнахъ исторію страданій.

Глядя вокругъ, Генрихъ не смотрѣлъ подъ ноги и споткнулся.

— Что это? сказалъ онъ.

Онъ указалъ на жолобъ, проведенный по каменному сырому полу.

— Это стокъ, ваше величество.

— Развѣ здѣсь идетъ дождь?

— Дѣ, кровью.

— А! хорошо. Скоро мы дойдемъ до моей комнаты?

— Мы уже дошли, отвѣчалъ человѣческой образъ, виднѣвшійся въ темнотѣ и становившійся яснѣе по мѣрѣ приближенія къ нему.

Генриху показалось, что голосъ этотъ ему знакомъ; онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и узналъ говорившаго.

— Ба! Это вы, Болѣе? что вы здѣсь дѣлаете?

— Я только-что назначенъ губернаторомъ венсенской крѣпости, ваше величество.

— Вы дебутируете прекрасно; на первый разъ у васъ въ плечу король,—это не дурно.

— Извините, ваше величество, я передъ вами принималъ уже двухъ дворянъ.

— Кого это?.. Ахъ, извините, я дѣлаю, можетъ-быть, нескромный вопросъ. Въ такомъ случаѣ, положимъ, что я ничего не сказалъ.

— Это не тайна, ваше величество. Арестанты: ла-Моль и Ко-конна.

— Правда; ихъ при мнѣ и арестовали. Бядишкин! Что? какъ они перенесутъ свое несчастіе?

— Очень-неровно: одинъ веселъ, другой печаленъ. Одинъ жостъ, другой вздыхаетъ.

— Который вздыхаетъ?

— Ла-Моль.

— Это для меня понятнѣе, нежели пѣть пѣсни. Сколько я вижу, въ тюрьмѣ невесело. Въ которомъ они егдажъ?

— На самомъ верху, въ четвертомъ.

Генрихъ вздохнулъ. Ему хотѣлось бы быть тамъ.

— Сдѣлайте одолженіе, г. Больё, сказалъ онъ: — укажите мнѣ мою комнату; я очень усталъ отъ сегодняшняго дня.

— Вотъ, ваше величество, отвѣчалъ Больё, указывая Генриху на отворенную комнату.

— Номеръ второй, сказалъ Генрихъ. — Почему же не первый?

— Онъ уже назначенъ другой особѣ.

— А! значить, вы ждете арестанта поважнѣе меня.

— Я не говорилъ вамъ, ваше величество, что это арестантъ.

— Кто же?

— Не спрашивайте, ваше величество; я принужденъ буду нарушить должное вамъ почтеніе и молчать.

— А! это другое дѣло.

Онъ сдѣлался еще задумчивѣе: номеръ первый видимо тревожилъ его.

Губернаторъ не измѣнилъ своей учтивости: разсыпаясь въ краснорѣчивыхъ оговоркахъ ввелъ онъ Генриха въ его комнату, извинился въ недостаткѣ удобнаго помѣщенія, поставилъ у дверей двухъ солдатъ и вышелъ.

— Теперь, сказалъ губернаторъ сторожу: — пойдѣмъ къ другимъ.

Сторожъ пошелъ впередъ. Они отправились той же дорогой, которой пришли, черезъ залу пытки, корридоръ и лѣстницу; Больё, идя за сторожемъ, поднялся на три этажа выше.

Въ четвертомъ, то-есть послѣднемъ этажѣ, сторожъ отворилъ, одну за другою, три двери, изъ которыхъ каждая была заперта двумя замками и тремя огромными засовами.

Едва-только коснулся онъ третьей двери, какъ послышался веселый голосъ:

— Отворайте, *mondi!* Хоть впусните свѣжаго воздуха. Тутъ такъ жарко, что можно задохнуться.

Комоннѣ, котораго читатель, конечно, узналъ по его любимой поговоркѣ, въ одинъ скачокъ очутился у двери.

— Потерпите, отвѣчалъ сторожъ: — я пришелъ не освободить васъ, а ввести къ вамъ господина губернатора.

— А что губернатору тутъ дѣлать?

— Онъ пришелъ просить васъ.

— Много чести; милости просимъ.

Губернаторъ вошелъ, и тотчасъ же подавилъ улыбку Коконна ледяною учтивостью, свойственною губернаторамъ крѣпостей, тюремщикамъ и палачамъ.

— Есть у васъ деньги? спросилъ онъ арестанта.

— У меня? Ни одного эку.

— А драгоценности?

— Есть перстень.

— Позвольте обрисовать васъ?

— Morgdi! воскликнулъ Коконна, краснѣя отъ гнѣва: — счастье ваше, что вы съ нами въ тюрьмѣ.

— Надо все переносить на королевской службѣ.

— А честные молодцы, которые объясниваютъ прохожихъ на Ней-Невъ, тоже въ королевской службѣ? Morgdi! я былъ ужасно несправедливъ! До-сихъ-поръ, я считалъ ихъ за разбойниковъ.

— Прощайте, милостивый государь, сказалъ Больё.— Сторожь, закрой его.

Губернаторъ ушелъ и унесъ съ собою перстень Коконна, прекрасный изумрудъ, подаренный ему герцогинею де-Неверъ въ память цѣвта глазъ ея.

— Къ другому, сказалъ онъ, выходя.

Прошли пустую комнату; снова раздался шумъ отворяемыхъ дверей, скрипъ шести замковъ и девяти засововъ.

Отворилась послѣдняя дверь, и первый звукъ, дошедшій до слуха губернатора, былъ вздохъ.

Комната была еще мрачнѣе той, изъ которой только-что вышелъ Больё. Четыре узенькия, стрельчатыя окна, уменьшавшіяся къ наружи, слабо освѣщали это печальное узбище. Желѣзная рѣшетка была устроена въ окнахъ такъ, что арестантъ не могъ даже видѣть неба.

Потолокъ былъ выведенъ угловатымъ сводомъ, сходившимся въ центръ въ розетку.

Ла-Моль сидѣлъ въ углу, и, не смотря на вошедшихъ, остался на своемъ мѣстѣ, какъ-будто ничего не слышалъ.

Губернаторъ остановился на порогѣ и съ минуту смотрѣлъ на арестанта, неподвижнаго и склонившаго голову на руки.

— Здравствуйте, господинъ ла-Моль, сказалъ Больё.

Молодой человекъ медленно поднялъ голову.

— Здравствуйте, сказалъ онъ.

— Я пришелъ объяснить вамъ, сказалъ губернаторъ.

— Не въ силахъ; и самъ отдамъ вамъ все, что у меня есть.

— Что у васъ есть?

— Около трехъ-сотъ экию, да вотъ эти перстни.

— Дайте, сказалъ губернаторъ.

— Извольте.

Ла-Моль выворотилъ свои карманы, снялъ съ рукъ перстни и сорвалъ со шляпы пряжку.

— Больше у васъ ничего нѣтъ?

— Сколько мнѣ извѣстно, ничего.

— А что это у васъ на шеѣ, на шелковомъ снуркѣ?

— Это не золото,—это реликвія.

— Дайте сюда...

— Какъ? вы требуете...

— Мнѣ приказано оставить вамъ только платье,—а реликвія не платье.

Ла-Моль сдѣлалъ движеніе гнѣва, которое, среди скорбнаго и благороднаго его спокойствія, показалось еще ужаснѣе людямъ, привыкшимъ видѣть сильныя ощущенія.

Но онъ тотчасъ же пришелъ въ себя.

— Хорошо, сказалъ онъ:—я отдамъ вамъ, что вы требуете.

Съ этими словами, онъ оборотился, какъ-будто подходя къ свѣту, и снялъ мнимую реликвію: это былъ медальйонъ съ портретомъ; вынулъ портретъ, поцаловалъ его нѣсколько разъ, уронилъ его, какъ-будто нечаянно, и сильно наступилъ на него пяткою такъ-что раздавилъ на тысячу кусковъ.

— Милостивый государь!.. сказалъ губернаторъ.

Онъ наклонился и посмотрѣлъ, нельзя ли спасти вещь, которую Ла-Моль хотѣлъ скрыть отъ него; но портретъ въ буквальномъ смыслѣ превратился въ пыль.

— Королю угодно было имѣть оправу, сказалъ Ла-Моль: — и онъ не имѣлъ никакого права на заключавшійся въ ней портретъ. Вотъ медальйонъ, вы можете взять его.

— Я пожелаю королю, сказалъ Болѣ.

И, не простившись съ арестантомъ ни единымъ словомъ, онъ шелъ въ такомъ гнѣвѣ, что не дождался даже, чтобъ сторожъ у немъ заперъ двери.

Сторожъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобъ выйдти, и видя, что Болѣ сходитъ уже съ лѣстницы, оборотился и сказалъ Ла-Молю:

— Хорошо, что я догадался тотчасъ же взять съ васъ сто экию за которые доставлю вамъ свиданіе съ вашимъ товарищемъ. Если бы вы ихъ не отдали, такъ все-равно губернаторъ взялъ бы ихъ съ остальными тремя стами, и тогда совѣсть уже не позволила бы мнѣ услужить вамъ; но вы мнѣ заплатили впередъ, я обещалъ, что и увидите... пойдете... честный человекъ умѣетъ держать сн

слово. Только, если можно, пожалуйста, ради себя и меня, не говорите о политикѣ.

Ла-Моль вышелъ изъ своей комнаты и очутился лицомъ-къ-лицу съ Коконна, ходившимъ по средней залѣ.

Друзья бросились другъ другу въ объятія.

Сторожъ притворился, что отираетъ слезу и вышелъ, чтобъ ихъ не застали въ-расплохъ, то-есть, чтобъ не попасться самому.

— Ну, что? спросилъ Коконна. — Былъ у тебя этотъ ужасный губернаторъ?

— Такъ же, какъ и у тебя, я полагаю.

— И взялъ у тебя все?

— Какъ и у тебя же.

— О! у меня было немного. Кольцо Анриетты, и только.

— А денегъ?

— Я отдалъ все вотъ этому молодцу, чтобъ онъ доставилъ намъ свиданіе.

— А! По-видимому, онъ получаетъ изъ двухъ рукъ.

— Такъ и ты ему заплатилъ?

— Я далъ ему сто экю.

— Тѣмъ лучше.

— Это негодяй.

— Разумѣется; за деньги можно изъ него сдѣлать все, что угодно, а въ деньгахъ, надѣюсь, у насъ не будетъ недостатка.

— Теперь понимаешь ты, какъ шли дѣла?

— Совершенно. Намъ выдали.

— Кто?

— Д'Алансонъ. Не даромъ мнѣ хотѣлось свернуть ему шею.

— Какъ ты думаешь, дѣло наше серьезное?

— Кажется.

— Стало-быть, можно ожидать н... пытки?

— Не скрою: я уже думалъ объ этомъ.

— Что ты скажешь, если дѣло дойдетъ до этого?

— А ты?

— Я буду молчать, отвѣчалъ ла-Моль съ лихорадочнымъ румянцемъ.

— Ты будешь молчать? спросилъ Коконна.

— Да, если у меня достанетъ силъ.

— Ну, а я, если они сдѣлаютъ со мною такую подлость, даю тебѣ мое слово, что поразкажу многое.

— Что ты скажешь? живо спросилъ ла-Моль.

— О, будь спокоенъ! я расскажу такія вещи, что д'Алансону не заснуть нѣсколько ночей сряду.

Ла-Моль хотѣлъ отвѣчать, но въ это время сторожъ, вѣроятно

услышавъ какой-нибудь шумъ, прибѣжалъ, втолкнулъ каждаго изъ нихъ въ его комнату и заперъ за собою двери.

V.

ВОСКОВАЯ ФИГУРА.

Карлъ уже восемь дней не сходилъ съ постели. Онъ страдалъ изнурительною лихорадкою, прерываемою жестокими припадками, похожими на эпилепсію. Во время этихъ припадковъ, онъ испускалъ ужасныя стоны, которымъ со страхомъ внимали часовые въ прихожей и которымъ вторило древнее эхо Лувра, пробужденное такими мрачными звуками. Потомъ, когда эти припадки проходили, онъ, изнеможенный, съ потухшимъ взоромъ, падалъ на руки кормилицы.

Мать и сынъ скрывали другъ отъ друга свои чувства и убѣгали другъ друга. Разсказать, какія мрачныя мысли шевелились въ головѣ Катерины и д'Алансона, значило бы изобразить нѣдра змѣйнаго гнѣзда.

Генрихъ былъ запертъ въ своей комнатѣ; въ-слѣдствіе собственной его просьбы, Карлъ запрещалъ посѣщать его рѣшительно вѣжъ, даже Маргеритѣ. Въ глазахъ вѣжъ, опала была совершенная. Катерина и д'Алансонъ вздохнули вольнѣе, считая его погибшимъ, — а Генрихъ вѣжъ и пилъ спокойнѣе прежняго, думая, что о немъ забыли.

Никто при дворѣ не подозревалъ причины болѣзни короля. Царѣ и товарищъ его, Мазилль, сочли ее за воспаленіе желудка, принимая результатъ за причину. Они предлагали ему прохладительную діету, которая помогала нѣтъю Рене; король принималъ молоко три раза въ день изъ рукъ кормилицы: оно составляло его единственную пищу.

Де-Моль и Коконна содержались въ Венсеннѣ подъ строжайшимъ присмотромъ. Маргерита и герцогиня де-Неверъ разъ десять пытались добратъся до нихъ, или по-крайней-мѣрѣ переслать имъ по записочкѣ, но имъ не удалось.

Однажды утромъ, Карлъ почувствовалъ себя лучше и велѣлъ впустить весь дворъ, который, по-обыкновенію, каждое утро являлся къ туалету, хотя туалета давно уже не было. Двери растворились, и по блѣдности щекъ, по желтизнѣ лба, лихорадочному сверканію впалыхъ глазъ, можно было догадаться, какъ сильно потрясла эта ценностижимая болѣзнь здоровье короля.

Комната Карла скоро наполнилась любопытными придворными. Катерину, д'Алансона и Маргериту извѣстили, что король приващаетъ.

Всѣ трое вошли въскорѣ одинъ за другимъ. Катерина была спокойна, Маргерита грустна, д'Алансонъ улыбался.

Катерина съѣла у изголовья своего сына, не замѣчая, какими глазами смотритъ Карлъ на ея приближеніе.

д'Алансонъ сталъ у ногъ и не сѣдился.

Маргерита прислонилась къ столу, и, видя блѣдное, исхудавшее лицо и впалые глаза брата, невольно вздохнула и выронила слезу.

Карлъ, отъ котораго ничто не ускользнуло, замѣтилъ эту слезу, слышалъ вздохъ и сдѣлалъ головою Маргеритѣ незамѣтный знакъ.

И, однакожь, этотъ знакъ прояснилъ лицо королевы наваррской, которой Генрихъ не успѣлъ, а можетъ-быть и не хотѣлъ ничего сказать. Она боялась за мужа, трепетала за любовника.

За себя она не боялась: она слишкомъ-хорошо знала, что можетъ положиться на скромность ла-Моля.

— Каково ты себя чувствуешь, Карлъ? спросила Катерина.

— Лучше, матушка, лучше.

— А что говорятъ твои медики?

— Мои медики? А, это великіе врачи! отвѣчалъ Карлъ захохотавъ.—Признаюсь, я съ большимъ удовольствіемъ слушаю ихъ разсужденія о моей болѣзни. Кормилица! дай мнѣ нить.

Кормилица поднесла ему чашку съ его обыкновеннымъ нитьемъ.

— Что они тебѣ даютъ?

— Кто разгадаетъ ихъ лекарства? отвѣчалъ король, жадно выпивъ молоко.

— Брату надобно бы вѣтать и подышать свѣжимъ воздухомъ, сказалъ д'Алансонъ.—Охота принесла бы ему пользу.

— Да, отвѣчалъ Карлъ съ улыбкою, значенія которой гърногу невозможно было понять:— послѣдняя охота, однажды, не пошла мнѣ въ прокъ.

Карлъ произнесъ эти слова такъ странно, что разговоръ, въ который дверь не вмѣнивалась, прекратился. Карлъ сдѣлалъ знакъ головою. Придворные поняли, что пріемъ конченъ, и вышли одинъ за другимъ.

д'Алансонъ хотѣлъ-было подойти къ брату, но его удержало внутреннее чувство. Онъ поклонился и вышелъ.

Маргерита бросилась къ изсохшей, протянутой ей рукѣ брата, приняла ее, подала воды, и вышла въ свѣю очередь.

— Добрая Марго! проговорилъ Карлъ.

Осталась одна Катерина у изголовья постели. Карлъ, увидѣвъ

себя съ нею наединѣ, отодвинулся подальше, съ тѣмъ же чувствомъ ужаса, какъ отступаютъ отъ змѣи.

Послѣ объясненія Ренé и, можетъ-быть, еще болѣе въ-слѣдствіе собственныхъ размышленій, онъ даже лишился былаго счастья сомнѣваться.

Онъ совершенно зналъ кому и чему обязанъ смертию.

Когда Катерина приблизилась къ кровати и протянула руку, холодную какъ ея сердце, онъ вздрогнулъ... ему стало страшно.

— Вы остаетесь? сказалъ онъ.

— Да, отвѣчала Катерина: — я должна поговорить съ тобою о важныхъ дѣлахъ.

— Говорите, сказалъ Карлъ, отодвигаясь еще дальше.

— Ты только-что сказалъ, что твои медики искусные врачи...

— И повторяю это.

— А что они сдѣлали съ-тѣхъ-поръ, какъ ты болѣнь?

— Ничего, правда... но еслибъ вы слышали, сколько они наговорили... Право, можно согласиться быть больнымъ, чтобъ только слушать такіа глубокія разсужденія.

— Гм! Хочешь ли, я скажу тебѣ...?

— Какъ не хотѣть,—говорите.

— Я подозреваю, что всѣ эти великіе врачи ничего не смыслятъ въ твоей болѣзни.

— Право?

— Они, можетъ-быть, видятъ слѣдствія, но причина имъ недоступна.

— Дѣло возможное, отвѣчалъ Карлъ, не понимая, къ чему ведетъ Катерина.

— Они лечатъ только симптомы, а не самую болѣзнь.

— Клянусь жизнью! воскликнулъ удивленный Карлъ:—я думаю, что вы правы!

— Продолжительная болѣзнь твоя вредитъ государственнымъ дѣламъ и терзаетъ мое сердце; ты можешь заболѣть наконецъ и душевно. Это побудило меня собрать самыхъ свѣдущихъ докторовъ.

— То-есть, свѣдущихъ въ медицину?

— Нѣтъ, въ искусствѣ болѣе-глубокомъ, въ искусствѣ, которое учить читать не только въ тѣлѣ, но и въ душѣ.

— Прекрасное искусство! Напрасно не учатъ ему королей! Чтожь, достигли вы какого-нибудь результата?

— Да.

— Какого же?

— Какого надѣялась. Я принесла тебѣ лекарство, которое исцѣлитъ твое тѣло и душу.

Карлъ вздрогнулъ. Онъ подумалъ, что мать находитъ его агон-

нѣю слышкомъ-долгою и рѣшилась съ сознаниемъ докончить то, что начала не зная.

— Гдѣ же это лекарство? спросилъ онъ, приподнявшись на локоть и глядя на мать.

— Оно въ самой болѣзни.

— Ну, такъ гдѣ же болѣзнь?

— Выслушай меня. Слыхалъ ли ты когда-нибудь, что бываютъ тайные враги, мстительность которыхъ убиваетъ человѣка на далекомъ разстоянїи?

— Желвземъ или ядомъ? спросилъ Карлъ, ни на минуту не спуская глазъ съ безстрастной физиономїи Катерины.

— Нѣтъ, другими средствами,—повѣрьте и поужаситѣ.

— Изъяснитесь.

— Взрѣшь ли ты въ силу заклинанїй и магїи? спросила Флорентинка.

Карлъ подавилъ улыбку презрѣнїя и невѣрїя.

— Я очень, отвѣчалъ онъ.

— Они причиною твоихъ страданїй, живо сказала мать.—Врагъ, неосмыслившійся напасть на тебя явно, въ тайнѣ покусился на твою жизнь. Умысль его тѣмъ ужаснѣе, что у него нѣтъ сообщниковъ, и что нити этого заговора были неувидимы.

— О! о! сказалъ Карлъ, возмущенный такимъ коварствомъ.

— Подумай хорошенько, продолжала Катерина: — вспомни о предположенномъ бѣгствѣ, которое должно было обезпечить убійцѣ безнаказанность.

— Убійцѣ! убійцѣ, говорите вы? Значитъ, меня покушались убить?

— Дѣ; ты, можетъ-быть, въ этомъ сомнѣваешься, но я знаю это навѣрное.

— Я никогда не сомнѣваюсь въ томъ, что вы мнѣ говорите, горько отвѣчалъ король. — Какъ же это хотѣли убить меня? Любопытство бы узнать.

— Магїей.

— Изъяснитесь.

— Еслибъ преступнику, котораго я хочу открыть тебѣ,—и котораго сердце твое уже открыло,—удалось бѣжать, устроивъ все свои козни и увѣрившись въ успѣхѣ, никто, можетъ-быть, не проиникъ бы причины твоихъ страданїй; къ-счастїю, братъ твой не дремалъ.

— Какой братъ?

— Д'Алавеонъ.

— Дѣ, дѣ, это правда. Я вѣчно забываю, что у меня есть братъ, проговорилъ онъ, горько улыбаясь.—Итакъ, вы говорите...

— Что, къ-счастію, онъ открылъ матеріальную сторону заговора. Но тамъ, гдѣ онъ, неопытное дитя, искалъ только слѣдовъ обыкновеннаго заговора, доказательствъ шалости молодого человека, я искала улыбки въ дѣлѣ гораздо-важнѣйшемъ, потому-что хорошо знаю душу преступника.

— Право, можно подумать, что вы говорите о королѣ наваррскомъ, сказалъ Карлъ, желая видѣть, до чего дойдетъ это смарендическое притворство.

Катерина лицемѣрно потупила глаза.

— Кажется, я арестовалъ его и велѣлъ посадить въ Венсенскій-Замокъ за эту шалость, продолжалъ король: — не-уже-ли онъ еще виновнѣе, нежели я предполагалъ?

— Чувствуешь ты снѣдающую тебя лихорадку? спросила Катерина,

— Конечно, чувствую, отвѣчалъ Карлъ, нахмуривъ брови.

— Чувствуешь ты жаръ, который сжигаетъ твое сердце и внутренности?

— Да, отвѣчалъ Карлъ, становясь еще мрачнѣе.

— И острую боль въ головѣ, стрѣлою проникающую сквозь глаза въ мозгъ?

— Да, да, я чувствую все это. — О! вы прекрасно умѣете описывать мою болѣзнь.

— Это очень-просто; посмотри...

Она достала изъ-подъ мантильи какую-то вещь и подала ее Карлу.

Это была фигурка изъ желтоватаго воска, величиною дюймовъ въ шесть. Фигура была одѣта въ золотое звѣздчатое платье, также изъ воска; сверху на ней была царская мантия изъ того же матеріала.

— Ну-съ! Что же это за статуйка? спросилъ Карлъ.

— Посмотри, что у нея на головѣ.

— Корона.

— А въ сердцахъ?

— Булавка. Что жь дальше?

— Что? Узнаешь ты себя?

— Себя?

— Да; съ короной и мантией.

— Кто же сдѣлалъ эту фигурку? спросилъ Карлъ, котораго эта комедія начинала уже утомлять. Конечно, король наваррскій?

— Нѣтъ, не онъ.

— Не онъ!.. Такъ я васъ не понимаю.

— Я говорю: не онъ, потому-что ты могъ бы принять отвѣтъ въ буквальный смыслъ. Я сказала бы: онъ, еслибъ ты спросилъ иначе.

Карль не отвѣчалъ. Онъ старался проникнуть мыслями этой темной души, которая постоянно закрывалась передъ нимъ въ ту самую минуту, когда онъ думалъ, что сейчасъ все узнаеть.

— Эту статуйку, продолжала Катерина: — отыскалъ генерал-прокуроръ въ квартирѣ челевѣка, который, въ день сокольной охоты, держалъ на-готовѣ лошадь для короля наваррскаго.

— У ла-Моля?

— У него; посмотри, какъ эта булавка вонзалась въ сердце, и какая буква написана на прищипленномъ къ ней ярлычкѣ.

— Вижу: буква М.

— То-есть: «Mors», смерть; это магическая формула; убійца пишетъ свое желаніе на ранѣ, которую дѣлаетъ. Еслибъ онъ хотѣлъ поразить тебя безумствомъ, какъ сдѣлалъ бретапскій герцогъ съ Карломъ VI, онъ вонзилъ бы булавку въ голову и написалъ бы вмѣсто М, Б.

— Такъ, по вашему мнѣнію, ла-Моль ищетъ моей смерти?

— Да, какъ кинжалъ ищетъ сердца; но кинжалъ повинуется рукѣ...

— И въ этомъ-то вся причина моей болѣзни? Какъ же этому помочь? Вы это знаете, вы занимались этимъ всю свою жизнь; я, напротивъ, совершенный невѣжда въ магіи.

— Смерть заклинателя уничтожаетъ заклинаніе, — вотъ и все.

Когда исчезнетъ заклинаніе, исчезнетъ и болѣзнь.

— Право? съ изумленіемъ сказалъ Карль.

— Не-уже-ли ты этого не знаешь?

— Я не обладаю.

— Теперь ты убѣдился, не правда ли?

— Конечно.

— И это убѣжденіе прогонитъ безпокойство.

— Вполнѣ.

— Ты это говоришь не изъ учтивости?

— Нѣтъ, отъ глубины сердца.

Лицо Катерины прѣснилось.

— Слава Богу! воскликнула она, — какъ-будто она верила въ Бога.

— Да, слава Богу! иронически повторилъ Карль. — Теперь я не хуже васъ знаю, кому приписать свое положеніе и кого наказать.

— И ты накажешь...

— Ла-Моль; вѣдь онъ, говорили вы, виновный?

— Я сказала, что онъ былъ въ этомъ случаѣ инструментомъ.

— Ну, такъ ла-Моль прежде; это самое важное. Всѣ эти ироніи, которыми я страдаю, могутъ породить вокругъ насъ опасныя подозрѣнія. Надо освѣтить дѣло и дознаться истины.

— И такъ, ла-Моль?..

— Да, онъ мнѣ очень съ-руки въ этомъ случаѣ; его я принимаю за виновнаго; начнемъ съ него; если у него былъ сообщникъ, онъ назоветъ его.

— Да, проговорила Катерина: — если онъ не захочетъ говорить по доброй волѣ, его заставить; у насъ есть для этого вѣрнѣйшя средства.

Потомъ, вставая, она прибавила громко:

— Такъ можно начать слѣдствіе?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Катерина пожала руку сына, не постигая нервнаго трепетанія ея руки; потомъ вышла, не слыша сардоническаго его смѣха и глухого, ужаснаго проклятія, послѣдовавшаго за этимъ смѣхомъ.

Король спрашивалъ у себя-самого, не опасно ли дать волю этой женщинѣ, которая въ нѣсколько часовъ надѣлаетъ, можетъ быть, столько, что нельзя уже будетъ и поправить?

Когда онъ глядѣлъ еще вслѣдъ за уходящей матерью, — онъ услышалъ за собою легкій шумъ, и, оглянувшись, увидѣлъ Маргериту, приподнимавшую завѣсу изъ коридора, со стороны комнаты кормилицы.

Блѣдность лица, блуждающіе взоры и стѣсненное дыханіе выказывали въ ней сильное душевное волненіе.

— Братецъ! братецъ! воскликнула она, бросаясь къ его постели. — Вы знаете, что она лжетъ!

— Кто она? спросилъ Карлъ.

— Послушайте, Карлъ; конечно, ужасно обвинять мать; но я догадывалась, что она останется съ вами, чтобъ снова ихъ преслѣдовать... Клянусь вамъ жизнью, клянусь вамъ душою, она лжетъ!

— Преслѣдовать ихъ! — Кого же она преслѣдуетъ?

Оба по инстинкту говорили тихо: имъ какъ-будто было страшно слушать другъ друга.

— Во-первыхъ, Генриха, вашего Гаврію, который васъ любитъ, который преданъ вамъ больше всѣхъ въ мірѣ.

— Ты думаешь?

— О! я въ этомъ увѣрена.

— Я тоже.

— Если вы въ этомъ увѣрены, сказала удивленная Маргерита: — зачѣмъ же вы его арестовали и посадили въ Вемсенъ?

— Потому-что онъ самъ просилъ меня объ этомъ.

— Онъ васъ просилъ?..

— Да; у него странныя идеи. Можетъ-быть, онъ ошибается, можетъ-быть, и правъ; только онъ думаетъ, что въ опалѣ ему без-

опаснее, нежели въ милости, — безопасно въ Весеннѣ, нежели въ Луврѣ, — вдали отъ меня, нежели вблизи.

— А! понимаю, сказала Маргерита. — Слѣдовательно, онъ въ безопасности?

— Надѣюсь, потому-что Больё отвѣчаетъ мнѣ за него головою.

— Благодарю васъ, братецъ, за Генриха; но...

— Но что?

— Есть еще одинъ человекъ, въ которомъ я и не долженъ бы, можетъ-быть, принимать такого участія, но... принимаю его нѣволью...

— Кто же это?

— Избавьте меня... я съ трудомъ назвала бы его брату, не смѣю назвать королю.

— Ла-Моль, не правда ли? сказалъ Карлъ.

— Увы! сказала Маргерита: — вы хотели уже однажды убить его, и онъ только чудомъ спасся отъ вашего мщенія.

— И это тогда, когда онъ былъ виновенъ только въ одномъ преступленіи; теперь, когда онъ совершалъ другое...

— Онъ невиновенъ во второмъ.

— Развѣ ты не слышала, что говорила мать твоя, Марго?

— О! я уже сказала вамъ, Карлъ, отвѣчала Маргерита понимая голосъ: — я уже сказала вамъ, что она лжетъ.

— Ты, можетъ-быть, не знаешь, что у ла-Моля нашли восковую фигурку?

— Знаю, братецъ.

— Что эта фигурка пронзена въ сердце булавкой, и что на булавкѣ есть ярлычокъ съ буквою М?

— И это знаю.

— Что эта фигурка одѣта въ королевскую мантию, и на головѣ ея корона?

— Знаю все.

— Ну, что же ты на это скажешь?

— Тѣ, что эта фигурка въ мантии и коронѣ изображаетъ не мужчину, а женщину.

— А буква М?

— Не значить: шөгъ, какъ сказала вамъ матушка.

— Такъ что же она значить?

— Она значить... имя женщины, которую ла-Моль любилъ.

— Какъ же ее зовутъ?

— Ее зовутъ *Маргеритой*, сказала королева, падая на колѣни передъ постелью брата. — Она сжала руку его въ своихъ рукахъ и прижала къ ней лицомъ, обливаясь слезами.

— Тихо, сестра! сказалъ Карлъ, оглядываясь сверкающими глазами: — ты слышала другихъ, — тебя тоже могутъ подслушать.

— Что за дѣло! отвѣчала Маргерита, поднявая голову. — Жалко, что весь міръ не можетъ слышать меня! Я объявила бы народу дѣламъ мірепъ, какъ podle воспользоваться любовью благороднаго челоуька, чтобъ замарать его подозрѣніемъ въ убійствѣ.

— Марго! Если я скажу, что знаю не хуже тебя, что правда и что нѣтъ...

— Бравецъ!

— Если скажу, что да-Моль невиненъ...

— Вы это знаете...

— Если скажу, что знаю настоящаго преступника...

— Настоящаго! Стало-быть, преступленіе совершено?

— Да. Умышленно, нѣтъ ли, а преступленіе совершено.

— Противъ васъ?

— Противъ меня.

— Невозможно!

— Невозможно?.. Посмотри на меня, Марго.

Она взглянула на брата и ужаснулась его блѣдности.

— Марго! Мнѣ не остается прожить и трехъ мѣсяцевъ.

— Вамъ, братецъ?... Тебѣ, Карлъ!...

— Марго! я отравленъ.

Королева вскрикнула.

— Молчи, сказалъ Карлъ. — Надо, чтобъ думали, будто я умираю отъ колдовства.

— И вы видите виновнаго?

— Знаю.

— Вы сказали, что это не да-Моль?

— Нѣтъ.

— Конечно и не Генрихъ...

— Нѣтъ.

— Боже! Не-уже-ли же...

— Кто?

— Братъ... д'Алансонъ... проговорила Маргерита.

— Можетъ-быть.

— Или... или... Маргерита подняла голову, какъ-будто ужасаясь собственныхъ словъ: — или... наша мать?

Карлъ молчалъ.

Маргерита посмотрѣла на него, прочла въ его глазахъ все, и, стоя на коленяхъ, упала на престо.

— Боже! Боже! сказала она: — это невозможно!

— Невозможно?.. повторилъ Карлъ съ своимъ смѣхотвореніемъ, что нѣтъ здѣсь Рене: онъ разсказалъ бы тебѣ мою исторію.

— Говорю?

— Да. Онъ разсказалъ бы тебѣ, на-примѣръ, какъ женщина, которой онъ не смѣетъ ни въ чемъ отказать, потребовала отъ него охотничью книгу, бывшую въ его библиотекѣ; какъ всѣ листки этой книги были отравлены тонкимъ ядомъ; какъ этотъ ядъ, назначенный... не знаю для кого, сразилъ, по капризу случая, или по суду небесъ, другаго. Но если хочешь, за отсутствіемъ Рене, посмотреть на эту книгу — она тамъ, въ моемъ кабинетѣ; на ней ты увидишь собственноручную надпись Флорентинца, что эта книга, въ которой скрывается смерть еще двадцати человѣкъ, дана мнѣ своею соотечественницею.

— Молчи, Карлъ, молчи въ свою очередь!

— Теперь ты видишь, почему должны думать, что я умеръ отъ колдовства.

— Но это ужасно! Пощадите! Вы знаете, что онъ невиненъ!

— Знаю; но должны думать, что онъ виновенъ... Вытерпи смерть твоего любовника; это немного для спасенія чести нашего дома. Я умираю же, чтобъ тайна умерла со мною.

Маргерита склонила голову, видя, что черезъ короля невозможно спасти ла-Моля, и ушла въ слезахъ, надѣясь только на собственные средства.

Катерина, между-тѣмъ, какъ и предвидѣлъ Карлъ, не теряла ни минуты. Она написала генерал-прокурору Лагелю письмо, сохраненное исторіею отъ-слова-до-слова, и освѣщающее все это происшествіе кровавымъ свѣтомъ. Вотъ его содержаніе:

«Господинъ прокуроръ! сегодня вечеромъ я навѣрное узнала, что преступленіе совершилъ ла-Моль. Въ Парижѣ, въ его квартирѣ, нашли много подозрительныхъ вещей, книгъ и бумагъ. Прошу васъ обратиться къ президенту и какъ-можно-скорѣе сдѣлать слѣдствіе на-счетъ восковой фигуры, раценой въ сердце, — во вредъ королю.»

«КАТЕРИНА.»

VI.

Невидимыя щиты.

На другой день послѣ полученія этого письма, губернаторъ велъ къ Кокоинѣ съ значительною свитой; она состояла изъ двухъ солдатъ и четырехъ приназныхъ.

Кокоинѣ пригласили войти въ залу, гдѣ ждали его прокуроръ Лагель и двое судей, чтобъ сдѣлать ему допросъ, по приказанію Катерины.

Коконна многое передумалъ въ эти восемь дней, проведенныя имъ въ тюрьмѣ. Онъ каждый день на нѣсколько минутъ сходился съ ла-Молею; сторожъ, не говоря ни слова, дѣлалъ имъ эти сюрпризы, конечно не изъ чистой филантропіи. Ла-Моль и Коконна условились на-счетъ своего поведения: они рѣшались упрямиться, и Коконна былъ увѣренъ, что при небольшой ловкости его приметъ хорошій оборотъ. Онъ и ла-Моль не были виновны больше другихъ. Генрихъ и Маргерита не сдѣлали ни одного покушенія къ бѣгству; слѣдовательно, имъ нечего было опасаться обвиненій по этому дѣлу, когда главные преступники будутъ свободны. Коконна не зналъ, что Генрихъ живетъ съ нимъ въ томъ замкѣ, а сторожъ милостиво объявилъ ему, что надъ его ловкою витаетъ покровительство, — *невидимые щиты*.

До-сихъ-поръ, допросы ограничивались бѣгствомъ короля навазскаго и участіемъ, которое принимали въ немъ друзья. Коконна постоянно отвѣчалъ больше нежели неопредѣленно и чрезвычайно ловко; онъ и теперь собирался отвѣчать на тотъ же ладъ, и уже заранѣе подготовилъ разныя ловкія фразы, какъ вдругъ замѣтилъ, что предметъ допросовъ измѣнился.

Дѣло шло о нѣсколькихъ визитахъ къ Ренѣ, объ одной изъ нѣсколькихъ восковыхъ фигурахъ, сдѣланныхъ по желанію ла-Моля.

Коконна подумалъ, что обвиненіе приняло болѣе-легкій оборотъ, потому-что теперь вопросъ былъ не о измѣнѣ королю, но о статулкѣ, изображавшей королеву, — да еще и небольшой: всего дюймовъ въ шесть.

Онъ очень-весело отвѣчалъ, что ни онъ, ни другъ его ла-Моль уже давно не играютъ въ куклы, и съ удовольствіемъ замѣтилъ, что отвѣты его не разъ заставили судей смѣяться.

Въ стихахъ еще нигдѣ не сказано: я смѣюсь, слѣдовательно обезоруженъ, — но это тысячу разъ повторяли въ прозѣ. Коконна думалъ, что въ-половину обезоружилъ судей своихъ, потому-что они улыбались.

По окончаніи допроса, онъ пошелъ въ свою комнату съ пѣснями и шумомъ, такъ-что ла-Моль, для котораго собственно все это и дѣлалось, вывелъ изъ этого самыя благопріятныя заключенія.

Ла-Моля привели въ залу. Онъ, подобно Коконнѣ, съ удивленіемъ замѣтилъ, что допросъ обратился къ другому предмету. Его спрашивали о его визитахъ къ Ренѣ. Онъ отвѣчалъ, что былъ у Флорентинца только разъ. Его спросили, не заказывалъ ли онъ ему въ этотъ разъ восковой фигурки? Ла-Моль отвѣчалъ, что Ренѣ показавъ ему фигуру уже совершенно-готовую; спросилъ: не мужчину ли представляетъ эта статулька? онъ отвѣчалъ, что женщину. Его спросили, не смерть ли изображеннаго человека бы

ла-Молью заклинаний? Онъ отвѣчалъ, что цѣль заклинаний была — заставить эту женщину любить.

Эти вопросы были повторены и предложены на тысячу ладовъ. Но ла-Моль постоянно, какъ бы ихъ ни изворачивали, отвѣчалъ одно и то же.

Судьи посмотрѣли другъ на друга въ недоумѣніи, не зная, что имъ дѣлать съ такою простотою; въ это время, генерал-прокурору подали записку, и она разрѣшила ихъ затрудненіе.

Вотъ ея содержаніе:

«Если обвиненный будетъ запертаться, подвергните его пыткѣ.»

К.

Прокуроръ спряталъ записку въ карманъ, улыбнулся ла-Молью и отпустилъ его очень-учтиво. Ла-Моль возвратился въ свою комнату столько же успокоенный, хотя и не столько веселый, какъ Коконнѣ.

— Кажется, все идетъ хорошо, подумалъ онъ.

Черезъ часъ, онъ услышалъ шаги и замѣтилъ изъ-подъ двери записку, не видя, кто ее принесъ. Онъ взялъ ее, думалъ, что она, по всей вѣроятности, принесена сторожемъ.

При видѣ этой записки, въ сердцахъ его пробудилась надежда, но грустная, какъ обманутое ожиданіе; онъ подумалъ, не отъ Маргериты ли... онъ не получалъ отъ нея никакого извѣстія съ-тѣхъ-поръ, какъ былъ въ тюрьмѣ,—схватилъ бумажку дрожащею рукою, и чуть не умеръ отъ радости, узнавъ почеркъ.

«Надѣйтесь», писали ему: «я бодрствую».

— А! если она бодрствуетъ, воскликнулъ ла-Моль, осыпая поцелуями листокъ, котораго касалась драгоценная рука:— если она бодрствуетъ, я спасенъ!

Чтобъ ла-Моль понялъ смыслъ этой записки и вмѣстѣ съ Коконнѣмъ взригъ въ то, что Пьемонтецъ называлъ ихъ *невидимыми* читателями, мы должны повести читателя въ маленькій домикъ, въ ту комнату, гдѣ столько сладкихъ воспоминаній, превратившихся въ болячивыя ожиданія, терзали сердце женщины, приникшей къ бархатнымъ подушкамъ.

— Быть королевой, быть молодой, богатой, прекрасной, и страдать, какъ я страдаю, говорила эта женщина:— о! это невозможно!

Въ душевномъ волненіи, она вставала, ходила, вдругъ останавливалась, приникала горящимъ лбомъ къ холодному мрамору, потомъ вставала блѣдная, въ слезахъ, ломала руки, и въ изнеможеніи падала на ближнее кресло.

Вдругъ занавѣска, отдѣлявшая комнату Улицы-Клош-Персѣ отъ

комнаты Улицы-Тизонъ, приподнялась, послышался шелестъ шелкового платья, и вошла герцогиня де-Неверъ.

— Это ты! воскликнула Маргерита. — Съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала тебя! что новаго?

— Плохія новости, бѣдный другъ мой.— Материна сама взяла за допросъ, и теперь она еще въ Венсеннъ.

— А Ренé?

— Взять подъ стражу.

— И ты не успѣла поговорить съ нимъ?

— Нѣтъ.

— А пльнники?

— Отъ нихъ есть вѣсти.

— Черезъ сторожа?

— Какъ и всегда.

— Ну, что?

— Они видятся каждый день. Третьяго-дня ихъ обвѣсывали Ла-Моль, не желая отдать твой портретъ, раздавилъ его.

— Милый ла-Моль!

— Аннибаль смѣялся въ лицо инквизитора.

— Честный Аннибаль! Что дальше?

— Сегодня поутру допрашивали ихъ касательно бѣгства короля и о проектѣ возмущенія въ Наваррѣ: они ничего не сказали.

— О! я знала, что они будутъ молчать; но это погубить ихъ не хуже словъ.

— Да; но мы ихъ спасемъ.

— Такъ ты думала о нашемъ предпріятіи?

— Со вчерашняго дня я только этимъ и занята.

— Что же?

— Я сошлась съ Больё... Что за тяжелый, что за жадный человекъ! Это будетъ стоить жизни одного человекъ и триста тысячъ экю.

— Ты говоришь, что онъ жаденъ... однакожь, онъ требуетъ только жизни человекъ и триста тысячъ экю... Да это даромъ!

— Даромъ... триста тысячъ!.. Вся наши алмазы не составятъ этой суммы!

— О! за этимъ дѣло не станетъ. Король наваррскій заплатитъ; заплатитъ д'Алансонъ, заплатитъ Карлъ, или...

— Полно! Ты говоришь какъ сумасшедшая. Триста тысячъ у меня на лицо.

— У тебя?

— Да; у меня.

— Какъ ты ихъ достала?

— Вотъ еще!

- Это тайна?
- Для всѣхъ, кромѣ тебя.
- Боже мой! сказала Маргерита, улыбаясь сквозь слезы:—ужь не украли ли ты?
- Разсуди сама.
- Послушаемъ.
- Помнишь ты этого ужаснаго Нантульё?
- Богача-ростовщика?
- Да, если хочешь.
- Такъ что же?
- Однажды мимо его проходила блѣкоурая женщина съ зелеными глазами. Въ волоса ея были вплетены три изумруда, — одинъ на лбу, два на вискахъ. Не зная, что то была герцогиня, этотъ богачъ, этотъ ростовщикъ воскликнулъ: «За три поцалуя на мѣстѣ этихъ изумрудовъ, я далъ бы три брильянта, каждый во сто тысячь экю!»
- Что же, Авриэтта?..
- Что! брильянты получены и проданы.
- О! Авриэтта! Авриэтта! проговорила Маргерита.
- Полно! отвѣчала герцогиня навнымъ и благороднымъ тономъ, выразившимъ и женщину, и вѣкъ, въ которомъ жила она,
- Я люблю Аннибала!
- Это правда, сказала Маргерита, улыбаясь и краснѣя. — Ты любишь его сильно, даже слишкомъ-сильно.
- И она пожала ей руку.
- Итакъ, продолжала Авриэтта: — благодаря алмазамъ, триста тысячь экю и человекъ готовы.
- Человекъ?.. Какой человекъ?
- Котораго надо убить... Ты забыла, что необходимо убить человека.
- И ты нашла его?
- Нашла.
- За ту же цѣну?
- За ту же цѣну я нашла бы ихъ десять. Нѣтъ, нѣтъ, всего пять сотъ экю.
- За пять сотъ экю ты нашла человека, который соглашается, чтобъ его убили?
- Что дѣлать? Надо же чѣмъ-нибудь жить.
- Я тебя не понимаю... Говори яснѣе; въ нашемъ положеніи некогда тратить время на разгадки.
- Такъ слушай. Сторожъ, который смотритъ за ла-Модемъ и оконна, старый солдатъ, который знаетъ, что значитъ рана. Онъ готовъ помочь намъ, но не хочетъ потерять своего мѣста. Довѣри

ударъ кинжаломъ уладить все какъ—нельзя—лучше; мы дадимъ ему награду, а казна назначить пенсіонъ. Такимъ-образомъ, молодецъ получить деньги изъ двухъ рукъ, и возобновитъ басню о пеликанѣ.

— Но, сказала Маргерита:—ударъ кинжаломъ...

— Успокойся; его ударитъ Аннибаль.

— Это правда! Онъ три раза ранилъ ла-Моля, то шпагой, то кинжаломъ, и ла-Моль не умеръ же! Стало быть, можно надѣяться!

— Злая! Ты стоишь, чтобъ я не сказала тебѣ ни слова больше.

— О! Нѣтъ, нѣтъ; говори, умоляю тебя: какъ мы ихъ спасемъ?

— Вотъ какъ: церковь единственное мѣсто въ замкѣ, куда могутъ входить женщины не-пльницы. Мы спрячемся за алтарь; ла-Моль и Коконна найдутъ подъ покровомъ два кинжала. Дверь ризницы будетъ отворена заранее. Коконна ранитъ сторожа: сторожъ падетъ за мертво. Мы выходимъ, набрасываемъ по плащу на плечи нашихъ друзей, бѣжимъ съ ними въ маленькую дверь ризницы, и, зная пароль, выходимъ свободно.

— А потомъ?

— У воротъ будутъ ждать двѣ лошади; они съдутъ и ускачутъ въ Лоррень, откуда будутъ прѣзжать по-временамъ никогда.

— Ты возвращаешь мнѣ жизни! сказала Маргерита. — Такъ мы спасемъ ихъ?

— Я почти готова ручаться.

— И скоро?

— Дня черезъ три, черезъ четыре. Большѣ извѣститъ насъ.

— А если тебя увидать въ окрестностяхъ Венсенна? Это можетъ повредить нашему плану.

— Какъ узнать имя меня? Я выхожу въ костюмъ монахини, подъ покрываломъ, такъ-что рѣшительно ничего невидно.

— Надо быть какъ—можно—осторожнѣе.

— Очень знаю, *mordi!* какъ говаривалъ бѣдный Аннибаль.

— А король наваррскій? О немъ ты осведомлялась?

— Разумется.

— Ну, что?

— Онъ, кажется, никогда не былъ такъ веселъ; смѣется, поетъ, ѣстъ съ аппетитомъ и проситъ только объ одномъ—чтобъ его стерегли хорошенько.

— Онъ правъ. А матушка?

— Я уже тебѣ сказала: она дѣтельно ведетъ процессъ.

— Но она ничего не подозреваетъ съ нашей стороны?

— Какъ ей подозревать что-нибудь? Вся, кому тайна извѣстна сохраняютъ ее себя же ради... А! Я знала, что она велѣла парижскимъ судьямъ быть наготовѣ.

— Не будемъ терять времени, Авриэтта. Если плѣнниковъ переведутъ въ другую тюрьму, придется начинать сначала.

— Успокойся; я не меньше тебя желаю видѣть ихъ на свободѣ.

— Знаю и тысячу разъ благодарю тебя за твои старанія.

— Прощай, Маргерита! Я опять въ походъ.

— Ты увѣрена въ Болѣ?

— Надѣюсь.

— А въ сторожъ?

— Онъ обѣщаль.

— А лошади?

— Я велю взять лучшихъ изъ конюшни герцога неверскаго.

— Я обожаю тебя, Авриэтта!

Маргерита бросилась на шею своей подругѣ, и онъ расстались, условившись сойтись завтра, и каждый день сходить въ тотъ же мѣстъ и въ тотъ же часъ.

Эти-то два мѣля, преданныя творенія называлъ Коконна *медвѣжьи цытатами*.

VII.

С у д ѣ и.

— Чтò, братецъ? сказалъ Коконна, увидѣвшись съ ла-Модемъ послѣ допроса, при которомъ въ первый разъ было упомянуто о восковой фигурѣ:—кажется, все идетъ какъ-нельзя-лучше, и судьи, должно быть, скоро отъ насъ откажутся, а это вовсе не то, что когда отказываются отъ кого-нибудь врачи. Если медвѣжь отказывается отъ больного, значитъ, онъ не можетъ спасти его; а если судья отказывается отъ обвиненнаго, значитъ—онъ потерялъ надежду задушить его.

— Да, отвѣчалъ ла-Моль: — мнѣ даже кажется, что въ этой учтивости, въ сговорчивости сторожей, я узнаю благородныхъ нашихъ пріятельницъ; но я не узнаю Болѣ, по-крайней-мѣрѣ, какъ его мнѣ описывали.

— А я такъ очень узнаю его, сказалъ Коконна. — Только это дорого будетъ стоить. Да, что! одна герцогиня, другая королева; обѣ богаты, и имъ никогда не представится лучшаго случая употребить свои деньги. Теперь повторимъ нашъ урокъ: насъ ведутъ въ церковь, насъ оставляютъ тамъ подъ присмотромъ сторожа; въ известномъ мѣстѣ мы находимъ по кивжалу; я сдѣлаю въ животѣ нашего сторожа дыру...

— Нѣтъ! не въ животѣ! Это значитъ украсть у него пять сотъ эю. Въ руку!

— Въ руку? Это значитъ погубить его: сейчасъ смекнуть, что это условленное дѣло. Нѣтъ, въ правый бокъ, такъ, чтобъ кинжалъ ловко скользнулъ по ребрамъ: оно правдоподобно и безопасно.

— Пожалуй; потомъ...

— Потомъ ты загородишь главный входъ скамьями, а дамы выйдутъ въ это время изъ-за алтара, и Авриэтта отвертитъ боковую дверь.

— А тамъ—мы и въ лѣсу. Попалуй каждому, — и мы веселы и сильны. Видишь ли ты, Аннибалъ, какъ мы несемъ на быстрыхъ коняхъ, съ тревожнымъ чувствомъ въ сердцахъ? Славная вещь страхъ! страхъ въ чистомъ полѣ, со шпагою въ рукахъ, когда мчишься на добромъ конѣ!

— Да; но страхъ среди четырехъ стѣнъ, — что ты объ этомъ думаешь? Я знаю его по опыту. Когда блѣдное лицо Боллѣ въ первый разъ явилось ко мнѣ въ комнату, за нимъ сверкали въ темнотѣ бердыши и слышался мрачный звукъ желѣза о желѣзо... клянусь тебѣ, я сейчасъ подумалъ о д'Алансонѣ, и того и ждалъ, что его противная физиономія покажется между солдатскими лицами. Я ошибся въ ожиданіи, и это было единственнымъ моимъ утѣшеніемъ. Впрочемъ, ночью я его видѣлъ во снѣ.

— Итакъ, сказалъ ла-Моль: — слѣдуя за своею собственною мыслью:—онѣ все предвидѣли, даже куда намъ скрыться. Мы ѣдемъ въ Морранъ. По-моему, лучше бы въ Наварру; въ Наваррѣ я былъ бы у нея... но Наварра слишкомъ-далеко, Нанси лучше; кромѣ того, тамъ мы только въ пятидесяти льѣ отъ Парижа. Знаешь ли, о чемъ я жалѣю, выходя отсюда?

— Нѣтъ, не знаю. Что касается до меня, я ни о чемъ не сожалѣю.

— Мнѣ жаль, что я не могу взять съ собою этого сторожа.

— Да онъ и самъ не захотѣлъ бы; много потеряетъ. Разсуди: пять сотъ эю отъ насъ, пансіонъ отъ правительства, можетъ-быть и чинъ; онъ заживетъ-собя припѣваючи, когда я его убью... Что съ тобой?

— Ничего! такъ, мнѣ пришло на-что въ голову.

— Видно невеселое, ты блѣденъ.

— Я думаю: вѣдь насъ поведутъ въ церковь?

— Вѣдьмы! говѣть... Теперь, кажется, такое время.

— Не въ церковь вѣдутъ, кажется, только осужденныхъ на смерть, или надвергнутыхъ пыткѣ.

— О! сказала Коконнѣ, слегка блѣднѣя въ свою очередь.—Это заслуживаетъ вниманія. Разспросимъ—ка мою жертву. Эй! сторожъ! пріятель!

— Вы знали? сказалъ сторожъ, стоявшій на первыхъ ступеняхъ гѣстицы.

— Да! поди-ка сюда.

— Чего изволите?

— Вѣдь мы условились, что спасемся изъ церкви, не такъ ли?

— Тсс! сказалъ сторожъ, съ ужасомъ оглядываясь вокругъ.

— Будь спокоенъ. Насъ никто не слышитъ.

— Да, изъ церкви.

— Значитъ, насъ отведутъ туда?

— Конечно; такъ ужь водится.

— Такъ водится?

— Да; послѣ всякаго смертнаго приговора, осужденному дозволяется провести ночь въ церкви.

Коконна и ла-Моль вздрогнули и посмотрѣли другъ-на-друга.

— Такъ ты думаешь, что насъ осудятъ на смерть?

— Конечно... да вы сами это знаете.

— Какъ, мы сами? сказалъ ла-Моль.

— Разумѣется... еслибъ вы этого не знали, такъ не приготовили бы всего къ бѣгству.

— Знаешь ли, онъ разсуждаетъ очень-вѣрно? сказалъ Коконна.

— Да... знаю также, но-крайней-мѣрѣ теперь, что наше дѣло не шутка.

— А я? сказалъ сторожъ:—думаете вы, что я ничѣмъ не рискую?

—Если они сгоряча хватятъ насъ въ тотъ бокъ?

— Молчи! Я нехотѣлъ бы быть на твоемъ мѣстѣ, сказалъ Коконна:—и имѣть дѣло съ такою рукою, какъ эта, и съ тѣмъ жельзомъ, которымъ она будетъ управлять.

— Осужденны на смерть! проговорилъ ла-Моль.—Это невозможно!

— Почему невозможно? наивно спросилъ сторожъ.

— Тсс! сказалъ Коконна.—Кажется, внизу отворяютъ дверь.

— Тсс! живо подхватилъ сторожъ.—По мѣстамъ, господа, по мѣстамъ!

— А когда будетъ судъ, какъ ты думаешь? спросилъ ла-Моль.

— Не знаю, какъ завтра. Но будьте спокойны, все будетъ улажено.

— Такъ обнимаемъ же и простаемъ съ этими стѣнами.

Друзья бросились другъ другу въ объятія и разошлись по своимъ комнатамъ, ла-Моль вздыхая, Коконна насвистывая пѣсню.

До семи часовъ вечера не произошло ничего особеннаго. Мрачная, дождливая ночь свисталась на башни Венсенскаго-Замка,—ночь для бѣгства какъ-неудача-лучше. Коконна принесли ужинъ; онъ ужиналъ съ аппетитомъ, думая объ удовольствіи махнуть на джель, стучащемъ теперь въ стѣны его тюрьмы, и готовился уми за-

снуть подъ глухой и однообразный вой вѣтра, какъ вдругъ ему почудилось, что вѣтеръ, которому онъ внималъ съ чувствомъ грусти, незнакомой ему, пока онъ еще не былъ въ тюрьмѣ, свиститъ страшнѣе обыкновеннаго, и что труба въ печкѣ реветъ съ какими-то неистовствомъ. Это явленіе повторялось всякой разъ, какъ въ верхнемъ этажѣ отворяли чью-нибудь тюрьму, особенно комнату насупротивъ. По этому шуму Аннибалъ всегда узнавалъ, что скоро прійдетъ сторожъ, ибо этотъ шумъ означалъ, что онъ выходитъ отъ ла-Моля.

Но на этотъ разъ Коконна напрасно вытягивалъ шею и прислушивался.

Время шло—никто не являлся.

— Странно! сказалъ онъ: — у ла-Моля отворили двери, а ко мнѣ никто не идетъ. Развѣ ла-Моль звалъ? Ужъ не боленъ ли онъ? Что бы это значило?

Для плѣнника все страхъ и подозрѣніе, все радость и надежда.

Прошло полчаса, прошелъ часъ, прошло полтора.

Коконна уже началъ засыпать съ досады, какъ вдругъ шумъ замка заставилъ его вскочить.

— Не-уже-ли уже пора бѣжать, и насъ ведутъ въ церковь несужденныхъ? Mordi! Приятно бѣжать въ такую ночь; хоть глазъ выколи! Лишь бы лошади были не слѣпыя...

Онъ хотѣлъ весело разспросить сторожа, но сторожъ прилежнилъ палецъ къ губамъ и значительно поводитъ глазами.

За сторожемъ слышался шумъ и виднѣлись какія-то тѣни.

Вдругъ, среди темноты, онъ замѣтилъ отблескъ свѣчи на двухъ каскахъ.

— Что это за мрачный конвой? спросилъ онъ въ-полголоса. — Куда мы?

Сторожъ отвѣчалъ только вздохомъ, похожимъ на стонъ.

— Mordi! сказалъ Коконна:—что за собачья жизнь! Изъ крайности въ крайность! То болтаешься на сто футовъ въ водѣ, то летишь надъ облаками! Куда мы идемъ?

— Слѣдуйте за стражей, сказалъ ему хриповатый голосъ, давшій въ то же время знать, что при солдатахъ есть еще кто-то.

— А гдѣ ла-Моль? спросилъ Коконна.—Что съ нимъ?

— Слѣдуйте за стражей, повторилъ тотъ же голосъ и тѣмъ же тономъ.

Надо было повиноваться. Коконна вышелъ изъ комнаты и увидѣлъ приказнаго, голосъ котораго поразилъ его такъ непріятно. Это былъ маленькій, горбатый человѣчекъ, который вѣроятно нарочно вступилъ въ приказные, чтобъ длинное платье прикрывало его кривыя ноги.

Онъ медленно сошелъ по спиральной лѣстницѣ. Въ первомъ этажѣ стража остановилась.

Дверь растворилась. У Коконна́ было зрѣніе кошки и чутье дичи: онъ почувалъ судей и замѣтилъ въ тѣни очерки людей съ голыми руками. Потъ выступилъ у него на лбу. Тѣмъ не менѣе, однакоже, онъ принялъ веселую мину, склонилъ голову налѣво, во тогдашней модѣ, и подбочась вошелъ въ залу.

Подняли завѣсу, и Коконна́ дѣйствительно увидѣлъ судей и писцовъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, на скамьѣ сидѣлъ ла-Молю.

Коконна́ подвели. Остановясь прямо передъ судьями, Коконна́ кинулъ головою ла-Молю, улыбнулся, и ждалъ, что будетъ.

— Какъ васъ зовутъ? спросилъ президентъ.

— Маркъ-Аннибалъ де-Коконна́, графъ Монпантье, Шено и другихъ мѣсть... да я думаю наши званія извѣстны.

— Гдѣ вы родились?

— Въ Сен-Коломбанъ, близъ Сузы.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Двадцать-семь лѣтъ и три мѣсяца.

— Хорошо, сказалъ президентъ.

— Кажется, это ему доставляетъ удовольствіе, проговорилъ Коконна́ тихо.

— Теперь, продолжалъ президентъ послѣ минутнаго молчанія, во время котораго писецъ записывалъ отвѣты подсудимаго: — съ какою цѣлью оставили вы домъ д'Алансона?

— Чтобъ присоединиться къ другу моему ла-Молю, который ютъ здѣсь на-лицо и который оставилъ д'Алансона за нѣсколько дней передо мною.

— Что вы дѣлали на охотѣ, гдѣ васъ арестовали?

— Что? охотился.

— Король былъ также на этой охотѣ и тамъ почувствовалъ первые припадки болѣзни, которою страдаетъ до-снхъ-поръ.

— Что касается до этого, я былъ не при немъ и ничего не могу сказать. Мнѣ даже неизвѣстно, что онъ боленъ.

Судьи переглянулись съ недоувѣрчивою улыбкою.

— А! Вамъ это неизвѣстно? сказалъ президентъ.

— Да; но мнѣ очень-жаль. Хотя французскій король не мой король, но я очень люблю его.

— Право?

— Честное слово! Это не то, что д'Алансонъ. Герцогъ, признаюсь вамъ....

— Дѣло идетъ не о герцогъ, а о его величествѣ.

— Я уже сказалъ вамъ, что я его покорный слуга, отвѣчалъ Коконна, покачиваясь съ удивительною бездечностью.

— Если вы дѣйствительно ему слуга, какъ говорите, то не угодно ли вамъ сказать, что вы знаете касательно известной магической статуйки?

— А! прекрасно! Мы опять, кажется, обращаемся къ исторіи о статуйкѣ?

— Да; что же? это вамъ не нравится?

— Напротивъ, это мнѣ гораздо-пріятнѣе.

— Зачѣмъ эта статуйка была у г. ла-Моля?

— У ла-Моля? Вы хотите сказать: у Ренé?

— Итакъ, вы сознаёте, что она существуетъ?

— Если мнѣ ее покажутъ.

— Вотъ она. Та ли эта, которую вы знаете?

— Та.

— Г. секретарь! запишите, что обвиненный признается, что видѣлъ статуйку у ла-Моля.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Коконна:— не смѣшивайте; я видѣлъ ее у Ренé.

— У Ренé? пусть такъ. Когда?

— Мы были у него съ ла-Модемъ только разъ.

— Такъ вы сознаётесь, что были съ ла-Модемъ у Ренé?

— Да развѣ я когда-нибудь скрывалъ это?

— Г. секретарь! запишите, что подсудимый сознается, что былъ у Ренé для совершенія заклинаній.

— Осторожнѣе, г. президентъ! Умѣрьте, пожалуйста, вашу энтузіазму. Я объ этомъ не говорилъ ни слова.

— Вы отрицаете, что приходили къ Ренé совершать заклинанія?

— Отрицаю. Заклинаніе было сдѣлано случайно.

— Запишите: подсудимый признаётся, что у Ренé было совершено заклинаніе противъ жизни короля.

— Какъ противъ жизни короля? Это подлая ложь! Такого заклинанія никогда не дѣлалось.

— Вы видите, господа, сказалъ ла-Моль.

— Молчите! сказалъ президентъ. Потомъ, обращаясь къ секретарю, продолжалъ:— Противъ жизни короля. Написали?

— Да нѣтъ, говорю я вамъ, не терпѣлъ Коконна. — Притомъ же, статуя представляеть не мужчину, а женщину.

— Что я вамъ говорилъ? отозвался ла-Моль.

— Г. де-ла-Моль! сказалъ президентъ:— отвѣчайте, когда васъ спрашиваютъ; но не мѣшайте вопросу другихъ.

— Такъ вы говорите, что это женщина?

— Конечно, говорю.

— Зачѣмъ же она въ корону и царской мантии?

— Pardieu! сказалъ Коконна́:—это очень-просто: потому-что она...

Ла-Моль всталъ и приложилъ къ губамъ палецъ.

— Правда, сказалъ Коконна́: — что я было-разболтался; точно какъ-будто этимъ господамъ есть до этого какое-нибудь дѣло!

— Вы все еще утверждаете, что это статуя женщины?

— Да, утверждаю.

— И вы не хотите сказать, кто эта женщина?

— Моя соотечественница, сказалъ Ла-Моль:—которую я любилъ и хотѣлъ быть любимымъ ею.

— Не васъ спрашиваютъ, сказалъ президентъ. — Молчите, или анъ завяжутъ ротъ.

— Завяжутъ ротъ? произнесъ Коконна́. — Какъ вы сказали, г. уды? Завяжутъ ротъ? дворянину? Полно-те!

— Введите Рене́, сказалъ генерал-прокуроръ Лагель.

— Да, введите Рене́, введите! сказалъ Коконна́: — посметрѣть, то изъ насъ правъ: вы трое, или мы двое.

Рене́ вошелъ; онъ былъ блѣденъ и какъ-будто истерѣлъ; дру- и съ трудомъ могли узнать его. Тяжесть преступленія, которое нъ собирался совершить, давила его больше всѣхъ уже совершен- ныхъ.

— Г. Рене́! сказалъ президентъ:—узнаете ли вы подсудимыхъ?

— Да, отвѣчалъ Рене́ невѣрнымъ голосомъ.

— Гдѣ вы ихъ видѣли?

— Во многихъ мѣстахъ; въ томъ числѣ у себя.

— Сколько разъ были они у васъ?

— Одинъ разъ.

По-мѣрѣ-того, какъ говорилъ Рене́, лицо Коконна́ прояснялось, а-Моль оставался мраченъ, какъ-будто предчувствуя что-то не- оброе.

— По какому случаю были они у васъ?

Рене́ замолчалъ.

— Чтобъ заказать мнѣ восковую фигуру.

— Извините, Рене́, прервалъ его Коконна́:—вы ошибаетесь.

— Молчите! сказалъ президентъ. Потомъ, обращаясь къ Рене́:

— Эта фигурка изображаетъ мужчину или женщину?

— Мужчину, отвѣчалъ Рене́.

Коконна́ вскочилъ, какъ отъ электрическаго удара.

— Мужчину! воскликнулъ онъ.

— Мужчину, повторилъ Рене́, но такъ слабо, что президентъ на могъ его разслушать.

— Зачѣмъ на статуѣ корона и королевская мантия?

— Потому-что она изображаетъ короля, сказалъ Рене́.

— Подлый лжецъ! воскликнулъ Коконна́.

— Молчи, Коконна́, молчи! прервалъ его ла-Моля:— пусть говоритъ: всякій воленъ губить свою душу.

— Но не чужое тѣло, mordii!

— А что значить стальная булавка, воткнутая въ сердце, и буква М на ярлычкѣ?

— Булавка изображаетъ шпагу или кинжалъ, а буква М означаетъ слово «Могъ».

Коконна́ бросился—было на Ренé; солдаты удержали его.

— Хорошо! сказалъ генерал-прокуроръ. — Теперь судъ знаетъ довольно. Отведите арестантовъ въ другую комнату.

— Но такіа обвиненія невозможно слушать не протестуя! оти́чалъ Коконна́.

— Протестуйте; никто вамъ не мѣшаетъ. Стражи! вы слышали?

Стражи вывели арестантовъ, ла-Моля въ одну дверь, Коконна́ въ другую.

Потомъ прокуроръ сдѣлалъ знакъ чело́вѣку, котораго Коконна́ замѣтилъ въ темнотѣ, и сказалъ ему:

— Не уходи; сегодня ночью будетъ тебѣ дѣло.

— Съ котораго прикажете начать? спросилъ онъ, почтительно снявъ шапку.

— Съ этого, сказалъ президентъ, указывая на ла-Моля, выходящаго въ это время въ дверь. Потомъ, подойдя къ Ренé, который стоялъ и дрожалъ, ожидая, что его опять отведутъ въ Шателё, куда онъ былъ посаженъ, сказалъ ему:

— Будьте спокойны. Король и королева знаютъ, что вамъ обещаны открытіемъ истины.

Но это обещаніе не возвратило силъ Ренé: оно, напротивъ какъ-будто подавило его, и онъ отвѣчалъ только вздохомъ.

VIII.

Пытка.

Коконна́ отвели въ новую тюрьму; только здѣсь, когда замкнули за нимъ дверь, когда онъ очутился одинъ, неподдерживаемый уже борьбою съ судьями и гнѣвомъ противъ Ренé, — зашевелились въ немъ печальныя размышленія.

— Кажется, сказалъ онъ: — дѣло принимаетъ дурной оборотъ и пора бы въ церковь. Не люблю я смертныхъ приговоровъ,

тут вѣтъ сомнѣнія — насъ хотятъ приговорить къ смерти. Не люблю я смертныхъ приговоровъ, особенно среди четырехъ стѣнъ замка, въ присутствіи такихъ непріятныхъ физиономій, какія окружаютъ меня сегодня. Намъ не шутя хотятъ снять головы. Гм! пора бы въ церковь.

За этими словами, произнесенными въ-полголоса, послѣдовало молчаніе; вдругъ это молчаніе было прервано глухимъ, мрачнымъ крикомъ, — крикомъ, въ которомъ не было ничего человѣческаго. Этотъ стонъ какъ-будто проникъ сквозь толстую стѣну и зазвучалъ о желѣзо рѣшетки.

Коконна невольно вздрогнулъ, — а онъ былъ человѣкъ храбрый; смѣлость походила въ немъ на инстинктъ хищнаго звѣря. Коконна остался неподвиженъ, услышавъ стонъ; онъ не вѣрилъ, чтобъ это были звуки человѣческаго голоса и почелъ ихъ за вой вѣтра между деревъ, или за одинъ изъ тысячи звуковъ, вылетающихъ изъ двухъ міровъ, между которыми вертится нашъ міръ. Раздался второй стонъ, еще болѣзненнѣе, пронзительнѣе перваго, и на этотъ разъ Коконна различилъ не только человѣческій вопль, но ему почудилось даже, что онъ узнаётъ голосъ ла-Моля.

При звукахъ этого голоса, Пьемонтецъ забылъ, что онъ замкнутъ за двумя дверьми, тремя рѣшетками, и стѣною въ двѣнадцать футовъ толщины; онъ всѣмъ тѣломъ бросился въ стѣну, какъ-будто намѣреваясь свалить ее и летѣть на помощь жертвы.

— Кого-то душатъ! воскликнулъ онъ, — но отвѣтомъ ему былъ ударъ стѣны, о существованіи которой онъ забылъ. Ушибленный, онъ опустился на каменную скамью.

— Они убили его, шепталъ онъ: — это низко; здѣсь защитить его невозможно... ни оружія, ничего!

Онъ щупалъ руками вокругъ себя.

— А! вотъ желѣзное кольцо, воскликнулъ онъ: — вырву его... и горе тому, кто подойдетъ ко мнѣ.

Коконна всталъ, схватился за кольцо, и рванулъ; кольцо зашаталось въ стѣнѣ такъ сильно, что при второмъ усилии конечно было бы вырвано.

Но въ это время дверь съ шумомъ отворилась, и свѣтъ двухъ факеловъ разлился по комнатѣ.

— Пожалуйте, сказалъ хриплый голосъ, разъ уже поразившій его такъ непріятно: — пожалуйста; судъ васъ ждетъ.

— Хорошо, сказалъ Коконна, выпуская изъ рукъ кольцо: — меня ведутъ выслушать приговоръ, не такъ ли?

— Такъ точно.

— Слава Богу! Идемъ!

И онъ пошелъ за приказнымъ, который мѣрно шелъ впередъ съ черною тростью въ рукѣ.

Не смотря на удовольствіе, высказанное Коконна въ первую минуту, онъ безпокойно оглядывался направо и нѣлво, впередъ и назадъ.

— Я не вижу моего почтеннаго сторожа, сказалъ онъ: — признаюсь, нѣ это очень-жаль.

Вошли въ залу; судей уже не было; Коконна увидѣлъ только генерал-прокурора, который не разъ вмѣшивался въ допросъ стѣнными пристрастіемъ и злостью.

Ему Катерина, на словахъ и на письмѣ, особенно поручила заняться этимъ процессомъ.

Завѣса въ залѣ была поднята; глубина залы терялась во мракѣ, но освѣщенные части ея были такъ ужасны на видъ, что ноги подогнулись у Коконна, и онъ воскликнулъ:

— О, Боже!

У Коконна не безъ причины вырвалось это восклицаніе.

Зрѣлище въ-самомъ-дѣлѣ было самое мрачное. Зала была закрыта въ-продолженіе допроса занавѣсомъ; теперь, когда этотъ занавѣсъ былъ поднятъ, она пеходила на преддверіе ада.

На первомъ планѣ стояли деревянные козлы съ веревками, блоками и прочими принадлежностями пытки. Дальше свѣтилась жаровня, разливая вокругъ себя красные лучи и рѣзко обозначая черныи силуеты людей, стоявшихъ между нею и Коконна. Человѣкъ, неподвижный какъ статуя, съ веревкою въ рукахъ, стоялъ прислонившись къ колоннѣ. Можно было подумать, что онъ столбъ, высѣченный изъ камня. На стѣнахъ, надъ скамьями изъ песчаника, висѣли между желѣзными кольцами цѣпи и клепки.

— О! проговорилъ Коконна тихо:—зала пытки готова и ждетъ только жертвы. Чтѣ это значить?

— На колѣни, Маркъ-Аннибалъ Коконна! произнесъ голосъ, заставившій его поднять голову. — На колѣни! Выслушайте свой приговоръ.

Это было одно изъ тѣхъ приказаній, противъ которыхъ натура Аннибала возставала инстинктивно.

Онъ и не думалъ повиноваться; но два человѣка такъ неожиданно и сильно дагнули его въ плечи, что онъ упалъ на колѣни.

Голосъ продолжалъ:

«Приговоръ суда въ Венсенскомъ-Замкѣ, противъ Марка-Аннибала де-Коконна, обвиненнаго и уличеннаго въ оскорбленіи королевскаго величества, въ покушеніи отравленія, въ заклинаніяхъ и чарахъ противъ особы короля, въ заговорѣ противъ блага государ-

ства, равно и въ томъ, что онъ увлекъ принца крови изъ воссезанію пагубными совѣтами.»

При каждомъ изъ этихъ обвиненій, Коконна качалъ головою.

Судья продолжалъ:

«Въ-слѣдствіе всего вышесказаннаго, Маркъ-Аннибаль де-Коконна будетъ отведенъ изъ тюрьмы на Гревскую-Площадь, гдѣ ему будетъ отсѣчена голова; имѣнія его будутъ конфискованы, паркъ срубленъ на шесть футовъ отъ земли, замки разрушены, и выстамень столбъ съ мѣдною доскою, на которой будетъ обозначено преступленіе его и казнь.»

— Что касается до головы, сказалъ Коконна: — вѣрю, что ее отрубятъ, потому-что она во Франціи. Но что до моихъ лѣвъ и замковъ, я смѣюсь надъ всѣми пилами и ломами вашего государства.

— Молчите! произнесъ судья, и продолжалъ:

«Кромѣ того, оный Коконна...»

— Какъ? И послѣ казни еще что-нибудь? О, это ужъ черезчуръ строго.

— Нѣтъ, сказалъ судья:—не послѣ, а прежде...

И онъ продолжалъ:

«Кромѣ того, оный Коконна, предъ исполненіемъ приговора, будетъ подвергнутъ пыткамъ десяти клинцевъ.»

Коконна бросилъ на судью убійственный взглядъ.

— Зачѣмъ же? воскликнулъ онъ, не находя другихъ словъ для выраженія тысячи мыслей, возникшихъ у него въ головѣ.

Эта пытка уничтожила все надежды Коконна. Его поведутъ въ церковь послѣ пытки, а отъ этой пытки нерѣдко умираютъ,— умираютъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ мужественнѣе и сильнѣе мученикъ, потому-что пока онъ не признается, пытка продолжается и увеличивается.

Судья не отвѣчалъ Коконна; окончаніе приговора отвѣчало за него. Онъ дочиталъ его:

«Чтобъ вынудить у него имена сообщниковъ и подробности заговора.»

—Mordis! воскликнулъ Коконна.—Вотъ что называется низоостью! Нѣтъ, хуже, — подлостью!

Судья, привыкшій къ гнѣву жертвъ,—гнѣву, который страданія превращаютъ въ слезы, отвѣчалъ только жестомъ.

Коконна схватили за руки и за ноги, повалили и положили на камень; все это сдѣлалось такъ проворно, что онъ не успѣлъ даже рассмотреть, кто схватилъ его.

— Мерзавцы! кричалъ Коконна, тряхнувъ станомъ такъ сильно, что палачи невольно отступили.—Негодня! Пытайте меня, мучь-

те, разорвите на части, — вы ничего не узнаете, клянусь вамъ! Вы думаете, что кусокъ жельза или дерева можетъ заставитьъ говорить дворянина? Лжете!

— Приготовьтесь писать, г. секретарь, сказалъ судья.

— Да, приготовься! заревѣлъ Коконна: — и если ты запишешь все, что я скажу вамъ, подлые палачи, — тебѣ будетъ что писать. Пиши! Пиши!

— Хотите вы сдѣлать признанія? спросилъ судья тѣмъ же безстрастнымъ голосомъ.

— Ни слова. Убирайтесь къ чорту!

— Вы подумаете; покаместъ приготовить все нужное. Надѣть на него колодки!

При этихъ словахъ, человекъ, неподвижно стоявшій съ веревками въ рукахъ, отдался отъ колонны и медленно подошелъ къ Коконна, который встрѣтилъ его гримасою.

Это былъ Кабошъ, палачъ парижскаго округа.

Болѣзненное изумленіе выразилось въ чертахъ Коконна. — Визгъ того, чтобъ кричать и шумѣть, онъ сдѣлался неподвиженъ и не могъ свести глазъ съ лица забытаго пріятели, явившагося передъ нимъ въ такую минуту.

Кабошъ, съ совершенно-спокойнымъ лицомъ, какъ-будто отъ рода не видѣлъ Коконна, приладилъ къ его ногамъ доски, двѣ между ногъ и двѣ снаружи; потомъ онъ спуталъ ихъ бывшею у него въ рукахъ веревкою.

Этотъ приборъ назывался «сапожкі».

При обыкновенной пыткѣ, между досокъ вбивали шесть клинѣвъ; доски раздавались и давили ноги.

При необыкновенной, вбивали десять клинѣвъ, и тогда доски не только раздавливали мускулы, но и ломали кости.

Окончивъ предварительныя распоряженія, Кабошъ поставилъ между досокъ клинъ; потомъ, взявъ молотокъ и стоя на одномъ колѣнѣ, посмотрѣлъ на судью.

— Хотите вы говорить? спросилъ судья.

— Нѣтъ! рѣшительно отвѣчалъ Коконна, хотя и чувствовалъ что волосы у него встаютъ дыбомъ и потъ выступаетъ на лбу.

— Въ такомъ случаѣ—начинай, сказалъ судья. Первый клинъ Кабошъ занесъ руку съ тяжелымъ молотомъ, и страшно ударилъ въ клинъ, глухо зазвучавшій.

Станокъ пошатнулся.

Коконна даже не поморщился при этомъ первомъ ударѣ, отъ котораго самые упорные стонали.

На лицѣ его выразилось даже необыкновенное удивленіе. Он

странно посмотрѣлъ на Кабоша, который, поднявъ руку, опять оборотился лицомъ къ судья и готовъ былъ повторить ударъ.

— Съ какимъ намѣреніемъ скрывались вы въ лѣсу? спросилъ судья.

— Отдохнуть въ тѣни, отвѣчалъ Коконна.

— Продолжайте, сказалъ судья.

Кабошъ повторилъ ударъ.

Но Коконна и при этомъ ударѣ даже не мигнулъ и продолжалъ смотреть на палача съ тѣмъ же выраженіемъ.

Судья нахмурилъ брови.

— Несговорчивъ, проворчалъ онъ.—Клинь вошелъ совсѣмъ?

Кабошъ наклонился, какъ-будто затѣмъ, чтобъ лучше рассмотреть, и шепнулъ Коконна:

— Да кричите же, несчастный!

Потомъ, вставъ, отвѣчалъ судья:

— Вошелъ.

— Второй клинь! равнодушно произнесъ судья.

Четыре слова Кабоша объяснили Коконна все. Достойный палачъ оказывалъ своему другу величайшую услугу, какую только можетъ оказать палачъ дворянину.

Онъ избавлялъ его не только отъ страданія, но и отъ стыда признаній; клинья были изъ эластической кожи, сверху только выложенной деревомъ. Кроме того, это давало Коконна возможность съ слабыми силами взойти на эшафотъ.

— Благородный Кабошъ, подумалъ Коконна: — будь спокоенъ. Бей, я буду кричать, если ты этого требуешь; если я не угожу тебѣ крикомъ, такъ тебѣ трудно угодить.

Кабошъ, между-тѣмъ, вставилъ между досокъ другой еще большій клинь.

— Бей! сказалъ судья.

Кабошъ ударилъ, какъ-будто хотѣлъ однимъ ударомъ разрушить Венсенскій-Замокъ.

— О! ай! ой! закричалъ Коконна на разные голоса. Тысяча громовъ, вы изломаете мнѣ кости! Осторожиже!

— А-га! сказалъ судья улыбаясь. — Второй донимается. А мнѣ ужъ было странно.

Коконна вздохнулъ, какъ кузнечный мѣхъ.

— Итакъ, что вы дѣлали въ лѣсу? спросилъ судья.

— Mord! Я уже сказалъ вамъ: отдыхать въ тѣни.

— Продолжай, сказалъ судья палачу.

— Признавайтесь, шепнулъ Кабошъ.

— Въ чемъ?

— Въ чемъ хотите, только признавайтесь.

Т. XII. — Отд. I.

Онъ ударилъ второй разъ не хуже перваго.

Коконна чуть не охрипъ отъ крика.

— Что вамъ угодно знать? спросилъ онъ. — По чьему приказанію я былъ въ лѣсу?

— Да.

— По приказанію герцога д'Алансона.

— Пишите, сказалъ судья.

— Если я совершилъ преступленіе, разставляя сѣти королю наваррскому, продолжалъ Коконна:—я былъ только исполнителемъ, я повиновался моему начальнику.

Пищецъ принялся писать.

— А! ты донесъ на меня, ворчалъ Коконна: — постой же!

Онъ рассказалъ, какъ герцогъ посѣщалъ короля наваррскаго, рассказалъ свиданія его съ де-Муи, исторію вишневаго плаща, — все это пополамъ съ криками и стопами, потому-что удары молота повторялись отъ времени до времени.

Наконецъ, онъ рассказалъ столько правдоподобнаго, неопровержимаго, ужаснаго противъ д'Алансона, — такъ ловко притворился, что боль вынудила у него признанія, морщился и стоналъ такъ естественно, что самому судья стало досадно, что онъ долженъ записывать такія вещи о французскомъ принцѣ.

— Вотъ человекъ, которому нѣ для чего повторять вопросъ два раза, подумалъ Кабошъ.—Задастъ же онъ писцу работы! Что жъ, еслибъ клинья были не кожаные, а деревянные?

Коконна избавили отъ десятаго клина; но и девяти было довольно, чтобъ превратить ноги его въ кашу.

Судья замѣтилъ Коконна, что шадить его во вниманіе къ его откровенности, и вышелъ.

Коконна остался наединѣ съ Кабошемъ.

— Ну что? каково поживаете? спросилъ Кабошъ.

— А! любезный Кабошъ! Я останусь тебѣ благодаренъ за эту услугу на всю жизнь.

— Вы правы; еслибъ узнали, какую услугу я оказалъ вамъ, мнѣ пришлось бы занять ваше мѣсто на этомъ станкѣ, и меня бы не пощадили, какъ я пощадилъ васъ.

— Какъ пришла тебѣ въ голову счастливая мысль...

— Какъ? отвѣчалъ Кабошъ, обертывая ноги Коконна въ обрванное полотно:—я зналъ, что вы взяты подъ стражу и судитесь; зналъ, что королева Катерина хочетъ вашей смерти; я догадался, что васъ будутъ пытать и вьять свои предосторожности.

— Рискуя чѣмъ?

— Вы единственный дворянинъ, который подалъ мнѣ руку, сказалъ Кабошъ:—у меня есть и память и сердце, хоть я и цацка,

а можетъ-быть именно потому и есть, что я палачъ. Увидите, какъ ловко исполню я завтра свое дѣло.

— Завтра?

— Конечно, завтра.

— Какое дѣло?

Кабошъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Коконна.

— Какъ какое дѣло? А развѣ вы забыли приговоръ?

— Да, правда; я забылъ.

Коконна не забылъ его, но вовсе о немъ не думалъ.

Онъ думалъ о церкви, о кинжалѣ, спрятанномъ подъ покрываломъ, о Анриэттѣ и королеви, о боковой двери въ ризницѣ и двухъ лошадей на опушкѣ лѣса; онъ думалъ о свободѣ, о скачкѣ на вольномъ воздухѣ, о безопасности за границей Франціи.

— Теперь, сказалъ Кабошъ,—васъ надо половче переложить съ станка на носилки. Не забывайте, что для всѣхъ въ мірѣ, даже для моихъ помощниковъ, ноги у васъ разбиты, и что при каждомъ движеніи вы должны вскрикивать.

— Ой! закричалъ Коконна, видя, что несутъ носилки.

— Ободритесь, сказалъ Кабошъ:—если вы уже теперь кричите, что жъ будетъ потомъ?

— Любезный Кабошъ, сказалъ Коконна:—нельзя ли, чтобъ ваши помощники меня не трогали; — у нихъ, можетъ-быть, рука не такъ легка.

— Поставьте носилки возлѣ станка, сказалъ Кабошъ.

Служители исполнили его приказаніе. Кабошъ взялъ на руки Коконна, какъ ребенка, и положилъ его на носилки; но, не смотря на все это, Коконна ужасно ревѣлъ.

Сторожъ явился съ фонаремъ.

— Въ церковь, сказалъ онъ.

Коконна еще разъ пожалъ руку Кабоша, и носильщики тронулись.

IX.

Часовня.

Мрачное шестивѣ въ глубочайшемъ молчаніи прошло два подъѣзды моста башни и большой дворъ замка, ведущій къ церкви или часовнѣ, на окнахъ которой блѣдный свѣтъ освѣщалъ изображенія апостоловъ въ красныхъ одеждахъ.

Коконна жадно вдыхалъ ночной воздухъ, хотя шелъ густой

дождь. Ночь была очень-темна, и онъ радовался, что всѣ обстоятельства благоприятствуютъ ихъ бѣгству.

Онъ долженъ былъ вооружиться всею силою своей воли и благоразумія, чтобъ не спрыгнуть съ носилокъ, когда его внесли въ часовню, и въ трехъ шагахъ отъ алтаря онъ увидѣлъ кого-то въ бѣломъ плащѣ. Это былъ ла-Моль.

Двое солдатъ, провожавшихъ носилки, остались за дверьми.

— Такъ-какъ намъ оказываютъ великодушное снисхожденіе, позволивъ провести нѣсколько времени вмѣстѣ, сказалъ онъ слабымъ голосомъ: — то поднесите меня къ моему другу.

Носильщики не получали протѣивнаго приказанія и исполнили его желаніе.

Ла-Моль былъ мраченъ и блѣденъ; онъ прислонилъ голову къ мрамору стѣны; черные волосы его, влажные отъ пота, какъ-будто окаменѣли, вставъ дыбомъ.

По знаку сторожа, носильщики ушли за священникомъ, котораго потребовалъ Коконна́.

Это былъ условленный знакъ.

Коконна́ съ безпокойствомъ провожалъ ихъ глазами; но онъ слѣдилъ за ними не одинъ. — Едва только они скрылись, какъ изъ за алтаря выбѣжали двѣ женщины съ шумомъ радости.

Маргерита бросилась къ ла-Молю и сжала его въ своихъ объятіяхъ.

Ла-Моль ужасно вскрикнулъ; этотъ крикъ походилъ на тѣ, которые Коконна́ слышалъ въ своей тюрьмѣ.

— Боже мой! Что такое? спросила Маргерита, отступая отъ ужаса.

Ла-Моль простоналъ и поднесъ къ глазамъ руку, какъ-будто въ тѣмъ, чтобъ не видѣть Маргериты.

Это молчаніе и этотъ жестъ ужаснули ее еще больше крика ла-Моля.

— О! воскликнула она:—что съ тобою? Ты весь въ крови.

Коконна́, бросившійся къ алтарю, держалъ уже въ одной рукѣ кинжалъ, въ другой Анріетту. Онъ обернулся.

— Вставай же, вставай, сказала Маргерита:—умоляю тебя! пора настала!

Печальная улыбка мелькнула на устахъ ла-Моля.

— Милая королева! сказалъ онъ:—вы не рассчитывали на Катерину, то-есть, не рассчитывали на преступленіе. Я перенесъ пытку, кости мои изломаны, все мое тѣло—одна рана, и движеніе, которое я теперь дѣлаю, чтобъ поцаловать лобъ вашъ, причиняетъ мнѣ боль ужаснѣе самой смерти.

Онъ, дѣйствительно, блѣднѣя и съ усиліемъ, коснулся губамъ ея лба.

— Пытку! сказалъ Коконна.—Я тоже выдержалъ ее. Значить, палачъ не сдѣлалъ для тебя того же, что для меня?

И Коконна разсказалъ все.

— Это понятно, сказалъ ла-Моль:—ты подалъ ему руку, когда мы его посетили; я забылъ, что все люди братья: я былъ гордъ. Богъ наказалъ меня за мою гордость; благодареніе Богу!

И ла-Моль сложилъ руки.

Коконна и обѣ женщины переглянулись съ невыразимымъ ужасомъ.

— Скорѣе! сказалъ сторожъ, слушавшій до-сихъ-поръ у дверей:—не теряйте времени, г. Коконна, извольте меня ранить, только какъ слѣдуетъ честному дворянину. Они скоро прійдутъ.

Маргерита стала на колѣни возлѣ ла-Моля, какъ мраморное изваяніе на гробницѣ.

— Ну, смѣлѣе, другъ мой! сказалъ Коконна. — Я силенъ, я унесу тебя, посажу на лошадь, даже передъ собою, если ты не можешь держаться въ сѣдлѣ, только поспѣшимъ. Ты слышишь, что онъ говоритъ; дѣло идетъ о жизни и смерти.

Ла-Моль сдѣлалъ нечеловѣческое усиліе.

— Правда, сказалъ онъ:—дѣло идетъ о *твоей* жизни.

Онъ попробовалъ приподняться.

Аннибалъ взялъ его подъ руку и поставилъ на ноги. Ла-Моль только глухо стоналъ; но когда Коконна оставилъ его и пошелъ къ сторожу, и когда онъ остался только на рукахъ женщинъ, ноги его подогнулись, и, не смотря на усилія плачущей Маргериты, онъ упалъ, и раздирающій вопль его огласилъ своды часовни.

— Вы видите, сказалъ онъ съ отчаяніемъ:—вы видите, Маргерита! Оставьте меня, простимся въ послѣдній разъ. Я не открылъ ничего; ваша тайна умереть со мною. Прощайте, Маргерита, прощайте...

Маргерита, сама почти-бездыханная, обняла его голову и поцаловала ее.

— А ты, Аннибалъ, сказалъ ла-Моль:—ты, который избѣгалъ страданій, ты еще молодъ и можешь жить: бѣги, другъ мой, бѣги, утѣшь меня своимъ спасеніемъ.

— Время уходитъ, сказалъ сторожъ:—поспѣшите!

Анриетта пробовала увлечь Аннибала, между-тѣмъ, какъ Маргерита стояла на колѣняхъ передъ ла-Модемъ, со слезами на глазахъ.

— Бѣги, Аннибалъ, бѣги! продолжалъ ла-Моль:—не порадуя враговъ смертью двухъ невинныхъ.

Коконна кротко оттокнулъ Анриетту, увлекавшую его къ двери, и сказалъ:

— Отдайте прежде пятьсотъ экую, обещанные этому молодцу
 — Вотъ они, сказала Анриэтта.

Потомъ, обратясь къ ла-Молю, и печально покачавъ головку прибавилъ:

— Что касается до тебя, ла-Моль:—ты оскорбляешь меня, думая, что я могу тебя оставить. Я поклялся жить и умереть съ тобою; но ты такъ страдаешь, что я прощаю тебѣ.

И онъ рывительно легъ возлѣ своего друга, склонивъ къ нему голову.

Потомъ вѣжно, вѣжно, какъ мать дитя свое, прижалъ онъ къ себѣ его голову, упавшую на его грудь.

Маргерита была мрачна. Она подняла кинжалъ, брошенный Коковнѣ.

— Маргерита! сказалъ ла-Моль, отгадавъ ея мысль и протягивая къ ней руки: — Маргерита! не забывайте: я умираю, чтобы погасить послѣднюю искру подозрѣнія въ нашей любви.

— Но что же могу я сдѣлать для тебя? воскликнула она въ отчаяніи.—Не-уже-ли я не могу даже умереть съ тобою?

— Ты можешь сдѣлать мнѣ смерть сладкою, отвѣчалъ ла-Моль:—она встрѣтитъ меня улыбаясь.

Маргерита подошла къ нему и сложила руки, какъ-будто прося его говорить.

— Помнишь ли ты тотъ вечеръ, Маргерита, когда, въ замѣнъ жизни, тебѣ обреченной, ты дала мнѣ священное обещаніе?

Маргерита вздрогнула.

— Ты помнишь его, сказалъ ла-Моль:— ты вздрогнула.

— Помню, помню, отвѣчала Маргерита: — и, клянусь тебѣ душою, сдержу свое слово!

Маргерита протянула руку къ алтарю, какъ-будто вторично призывая Бога въ свидѣтели своей клятвы.

Лицо ла-Моля прояснилось, какъ-будто распались своды часовни и небесный лучъ палъ на него.

— Идутъ, идутъ! сказалъ сторожъ.

Маргерита вскрикнула и бросилась къ ла-Молю; но, опасаясь усилить его страданія, дрожа остановилась передъ нимъ.

Анриэтта приложила губы ко лбу Коковнѣ и сказала:

— Я понимаю тебя, Аннибаль, и горжусь тобою. Знаю, что геронзимъ ведетъ тебя къ смерти, но я люблю тебя за твой героизмъ. Предъ лицомъ Бога я вѣчно буду любить тебя больше всѣхъ, и что Маргерита поклялась сдѣлать для ла-Моля, то я клянусь сдѣлать для тебя, хотя и не знаю, въ чемъ состоитъ эта клятва.

Она протянула руку Маргеритѣ.

— Хорошо; благодарю! сказалъ Коковнѣ.

— Прежде, нежели разстанемся, скажите ла-Моль: — сделайте мне последнюю милость: дайте мне что-нибудь на память, что я могъ бы поцаловать, всходя на эшафотъ,

— Изволь! сказала Маргерита.

Она сняла съ шеи реликвию, оправленную въ золото и висѣвшую на золотой цѣпочкѣ.

— Вотъ святая реликвия, сказала она:— я ношу ее съ дѣтства. Мать надела мнѣ ее, когда я была еще ребенкомъ и когда она еще любила деда. Это подарокъ деда нашего, папы Клементя. Возьми ее.

Ла-Моль взялъ реликвию и пламенно поцаловалъ ее,

— Отворяютъ двери, сказалъ сторожъ.— Бѣгите, бѣгите!

Женщины бросились за алтарь; вошелъ священникъ.

Х.

Гревская-Площадь.

Было семь часовъ утра; толпа народа въ ожиданіи шумѣла на площадяхъ, улицахъ и набережныхъ.

Въ шесть часовъ тележка, та самая, въ которой отвезли когда-то друзей въ Лувръ послѣ ихъ дуэли, вышла теперь изъ Венсенна, и медленно двигалась по Улицѣ-Сент-Антуанъ; зрители среди ужасной давки казались статуями съ неподвижными взорами и окаменѣлыми губами.

Королева-мать угощала въ этотъ день парижскую чернь кровавыми зрѣлищемъ...

Въ тележкѣ, выехавшей изъ Венсенна, лежали на соломѣ двое молодыхъ людей, съ обнаженною головою, одѣтые въ черное; Коконнъ держалъ у себя на колѣняхъ ла-Моля, голова котораго возвышалась надъ краемъ тележки, и взоры неопредѣленно блуждали въ пространство.

Толпа, желая заглянуть въ самую глубь экипажа, тѣснилась, приподымалась, всходила на столбики, лѣзла на стѣны, и, казалось, была очень-довольна, разглядѣвъ всѣ точки тѣла, готоваго перейти отъ страданія къ смерти.

Говорили, что ла-Моль умералъ не признавшись ни въ одномъ изъ извѣстныхъ на него преступленій, но что Коконнъ не вынесъ пытки и открылъ все.

Со всѣхъ сторонъ кричали:

— Смотрите! Вонъ рыжій-то! Онъ признался, онъ все расказа-

заль. Никакій человекъ! Онъ виноватъ въ смерти своего товарища. Другой — молодець! ни въ чемъ не сознался.

Молодые люди слышали очень-хорошо похвалы и брань народа. Ла-Моль пожималъ руку своего друга, и высокое презрѣніе изображалось на лицѣ Пьемонтца. Онъ смотрѣлъ на глупую толпу съ высоты позорной тележки, какъ смотрѣлъ бы на нее съ торжественной колесницы.

Несчастіе совершило свое небесное дѣло: оно облагородило лицо Коконна, какъ смерть готова была освятить его душу.

— Скоро мы приѣдемъ? спросилъ ла-Моль.—Мнѣ тяжело; я, кажется, упаду въ обморокъ.

— Постой, ла-Моль. Мы сейчасъ пройдемъ мимо Улицы-Тизонъ и Клош - Персѣ; посмотри.

— О! Приподыми меня! Дай еще разъ взглянуть на этотъ домъ блаженства!

Коконна протянулъ руку и коснулся плеча палача. Кабошъ сдвѣлъ на передкѣ и правилъ лошадыю.

— Сдвлай милость, сказалъ онъ:—остановись на минуту передъ Улицею-Тизонъ.

Кабошъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и, доѣхавъ до улицы, остановился.

Ла-Моль приподнялся съ помощью Коконна, посмотрѣлъ, со слезами, на маленькій безмолвный какъ могилы домикъ. Вздохъ вырвался изъ его груди, и онъ сказалъ тихо:

— Прощай! прощай, молодость, любовь, жизнь!

Голова его упала на грудь.

— Ободришь, сказалъ Коконна:—мы, можетъ-быть, найдемъ все это тамъ, выше.

— Ты думаешь?

— Думаю, потому-что такъ говорилъ священникъ, и такъ я надѣюсь. Не падай въ обморокъ; эти мерзавцы станутъ смѣяться.

Кабошъ услышалъ это замѣчаніе, приударилъ лошадь и подалъ Коконна, такъ-что никто не видѣлъ, губку, омоченную въ такой сильный спиртъ, что ла-Моль, понюхавъ его и потерявши себѣ вѣски, ободрился и ожилъ.

— А! сказалъ онъ:—я оживаю.

Съ этими словами, онъ поцаловалъ реликвию, висѣвшую у него на шеѣ на золотой цѣпочкѣ.

На углу набережной, поворачивая около прелестнаго небольшого зданія, выстроеннаго Генрихомъ II-мъ, видѣлся вдали эшафотъ, возвышавшійся голою, кровавою платформою.

— Другъ мой, сказалъ ла-Моль:—я желаю бы умереть первымъ.

Коконна опять тронулъ палача за плечо.

— Хочешь ли ты сдѣлать мнѣ удовольствіе? сказалъ онъ. — Ты говоришь, по-крайней-мѣрѣ, что хочешь.

— Да, хочу.

— Товарищъ мой страдалъ больше меня и онъ слабѣе.

— Ну?

— Онъ говоритъ, что ему тяжело будетъ смотрѣть на мою смерть. Къ-тому же, если я умру прежде, нѣкому будетъ взнести его на эшафотъ.

— Хорошо, сказалъ Кабошъ, отирая кулакомъ слезу: — будьте спокойны; я сдѣлаю все, что вамъ угодно.

— И въ одинъ ударъ, не правда ли? шепнулъ ему Пьемонтецъ.

— Въ одинъ.

— Хорошо... Если надо въ два, такъ ужъ лучше меня въ два. Тележка остановилась; они пріѣхали на мѣсто. Коконна надѣлъ шляпу.

Говоръ, подобный шуму моря, коснулся слуха ла-Моля. Онъ хотѣлъ встать, но силы измѣнили ему. Коконна и Кабошъ должны были поддержать его подъ руки.

Площадь была какъ-будто вымощена головами; ступени ратуши служили амфитеатромъ для зрителей. Изъ cadaго окна выглядывали одушевленные лица.

Когда красивый молодой человекъ, немогшій стоять на изломанныхъ ногахъ своихъ, сдѣлалъ жестокое усиліе, желая самъ взойти на эшафотъ, страшный шумъ поднялся въ толпѣ. Женскій вопль сливался съ криками мужчинъ.

— Это былъ одинъ изъ первыхъ придворныхъ щеголей, говорили мужчины: — ему бы умереть не на Гревской-Площади, а въ Пре-о-Клеркъ.

— Какъ онъ хорошъ собою! Какъ онъ блѣденъ! замѣчали женщины:—это тотъ, что не сказалъ ни слова.

— Другъ! сказалъ ла-Моль. — Я не могу держаться на ногахъ. Взнеси меня.

— Постой, отвѣчалъ Коконна.

Онъ сдѣлалъ знакъ палачу, который отошелъ; потомъ наклонился и поднялъ ла-Моля какъ ребенка; твердо, не шатаясь, взошелъ онъ съ своею ношею по лѣстницѣ на эшафотъ и спустилъ ла-Моля съ рукъ при невстовыхъ крикахъ толпы.

Коконна снялъ шляпу и поклонился. Потомъ бросилъ ее на эшафотъ.

— Посмотри вокругъ, сказалъ ла-Моль:— не видишь ли ты ихъ гдѣ-нибудь?

Коконна медленно оглянулъ всю площадь; вдругъ онъ остановился, и, не сводя глазъ съ одной точки, тронулъ своего друга за плечо.

— Смотри, сказалъ онъ:— въ обнѣ этой башенки.

И онъ указалъ другою рукою на памятникъ, существующій еще и теперь между Улицею-ла-Ваннери и Улицею-Мутоцъ.

Двѣ женщины, одѣтыя въ черное платье, стояли, поддерживая другъ друга, не у самаго окна, а немного поодаль.

— А! сказалъ ла-Моль: — я боялся только одного: умереть, не увидявъ ея еще разъ. Теперь я увидялъ ее и умираю спокойно.

Жадно устремивъ взоры на окно, онъ поднесъ рѣзавице къ губамъ своимъ и началъ осыпать ее поцалуями.

Коконнѣ поклонился мещанамъ такъ же ловко, какъ-будто встрѣтилъ ихъ въ салонѣ.

Въ отвѣтъ на эти знаки, онѣ замахали платками, омоченными ихъ слезами.

Кабошъ въ свою очередь тронулъ за плечо Коконнѣ и сдѣлалъ ему глазами значительный знакъ.

— Да, да, сказалъ Пьемонтець.

Потомъ, обратясь къ ла-Молю, онъ прибавилъ:

— Обними меня и умри. Это не трудно: ты храбръ.

— А! Миѣ немудрено умереть смѣло: я такъ страдаю!

Священникъ приблизился и подалъ ла-Молю распятіе. Ла-Моль съ улыбкою указалъ ему на реликвию.

— Все равно, сказалъ священникъ: — молитесь о помощи Того, Кто страдалъ подобно вамъ.

Ла-Моль поцаловалъ распятіе.

— Поспѣшай, ла-Моль, сказалъ Коконнѣ; — мнѣ такъ тяжело на тебя смотрѣть, что я самъ слабѣю,

— Я готовъ, сказалъ ла-Моль.

— Можете вы держать голову прямо? спросилъ Кабошъ, приготавливая мечъ за спиною ла-Моля, ставшаго на колѣни.

— Надѣюсь, отвѣчалъ онъ.

— Такъ все будетъ ладно.

— Но ты не забудешь, о чемъ я просилъ? Эта реликвия откроетъ тебѣ двери.

— Будьте спокойны. Попробуйте держать голову прямо.

Ла-Моль вытянулъ шею и, обративъ взоръ на башенку, сказалъ:

— Прощай, Маргерита; будь бла...

Онъ не докончилъ; мечъ блеснулъ какъ молнія, и голова ла-Моля покатиалась къ ногамъ Коконнѣ.

Тѣло медленно и тихо склонилось къ землѣ.

Тысяча голосовъ закричали въ толпѣ; посреди женскихъ голосовъ, Коконнѣ думалъ, что различилъ одинъ, пронзительнѣе и болѣе громкѣе прочихъ.

— Благодарю, другъ мой! сказалъ Коконна, въ третій разъ протягивая руку палачу.

— Сытъ мой! сказалъ священникъ Коконна: — не имѣете ли вы покаяться въ чемъ передъ Богомъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Коконна: — я во всемъ покался передъ вами вчера.

Потомъ онъ обратился къ Кабощу:

— Палачъ! Последний другъ мой! Еще одну услугу!

Не становясь еще на колѣни, онъ посмотрѣлъ на толпу такъ спокойно и свѣтло, что клики удивленія поласкали еще разъ его сапожбѣе. Прижавъ къ груди голову своего друга и поцаловавъ ее въ губы, онъ бросилъ послѣдній взглядъ на башенку, сталъ на колѣни, и, держа голову ла-Моля въ своихъ рукахъ, сказалъ:

— За дѣло!

Какъ успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ голова его уже отдѣлилась отъ туловища.

Кабощъ вздрогнулъ.

— Пора было покончить, сказалъ онъ: — бѣдняжка!

Онъ съ трудомъ вынулъ изъ оцѣпенѣвшихъ рукъ ла-Моля ремень и набросилъ плащъ на остатки, которые та же тележка казненна была отвезти къ нему.

Зрѣлище кончилось, толпа разошлась...

XL.

Башня позорнаго столба.

Ночь спустилась на городъ, тревожимый еще толками о казни, подробности которой переходили изъ устъ въ уста, омрачая въ ожиданіи домъ веселый часъ семейнаго ужина.

Лувръ, напротивъ того, былъ иллюминированъ, шумѣлъ и веселился. Во дворецъ былъ праздникъ, праздникъ по приказанію Карла. Онъ въ одно время назначилъ поутру казнь, а ввечеру балъ.

Королева наваррская еще наканунѣ съ вечера получила приказаніе явиться на этотъ балъ, и, въ надеждѣ, что ла-Моль и Коконна спасутся ночью, въ увѣренности, что приняты всѣ мѣры для ихъ бѣгства, отвѣчала брату, что исполнить его желаніе.

Но, потерявъ всякую надежду послѣ сдены въ часовнѣ, видѣвъ казнь, она дала себѣ слово не слушаться ни просьбъ, ни угрозъ, и не явиться на веселый балъ въ Лувръ въ тотъ самый день, когда на Гревской-Площади отпраздновано такое страшное торжество.

Въ этотъ день, Карлъ представилъ новое доказательство силы воли которая ни въ комъ, можетъ-быть, не доходила до такой степени: пролежавъ двѣ недѣли, слабый, почти-полумертвый, блѣдный, какъ мертвецъ, онъ всталъ въ 5 часовъ и надѣлъ самое нарядное платье. Впрочемъ, во время туалета онъ три раза упалъ въ обморокъ.

Въ 8 часовъ онъ освѣдомился о сестрѣ и спросилъ, не выдала ли, что она дѣлаетъ? Никто не отвѣчалъ: королева возвратилась домой въ 11 часовъ, замкнулась и не велѣла никого принимать.

Но для Карла не существовало запертыхъ дверей. Опершись на руку Нансея, онъ побрелъ къ комнатѣ Маргериты и неожиданно вошелъ въ потайную дверь изъ корридора.

Онъ приготовился увидѣть печальную сцену, но дѣйствительность превзошла его ожиданія.

Маргерита, полумертвая, лежала въ длинномъ креслѣ, зарывъ голову въ подушки; она не плакала и не молилась, но хрипѣла какъ умирающая.

Въ другомъ углу комнаты, герцогиня де-Неверъ, эта безстрашная женщина, безъ чувствъ лежала на коврѣ. Возвратясь съ Гренской-Площади, она, подобно Маргеритѣ, лишилась силъ, и блѣдная Гильйонна перебѣгала отъ одной къ другой, не смѣя ни слова сказать имъ въ утѣшеніе.

Во время кризиса, который слѣдуетъ за великими катастрофами человѣкъ бережетъ свою скорбь какъ сокровище, и считаетъ врагомъ всякаго, кто хоть немного старается уменьшить ее.

Карлъ отворилъ дверь, и, оставивъ Нансея за порогомъ, вошелъ блѣдный и трепещущій.

Никто не замѣтилъ его. Только Гильйонна, помогавшая въ эту минуту Генріэттѣ, приподнялась на колено и съ ужасомъ посмотрѣла на короля.

Король сдѣлалъ знакъ рукою; она встала, поклонилась и вышла.

Тогда Карлъ подошелъ къ Маргеритѣ, молча поглядѣлъ на нее съ минуту, и сказалъ тономъ, какого нельзя было ожидать отъ его грубаго голоса:

— Марр! Сестра!

Маргерита вздрогнула и приподнялась.

— Ваше величество! сказала она.

— Ободрись!

Маргерита подняла глаза къ небу.

— Знаю, сказалъ Карлъ: — но выслушай меня.

Маргерита сдѣлала знакъ, что слушаетъ.

— Ты общала явиться на балъ.

— Я! воскликнула Маргерита.

— Да; и въ-слѣдствіе этого обещанія тебя ждутъ; если ты не прійдешь, это удивитъ всѣхъ.

— Извините меня, братецъ; вы видите, я очень-нездорова.

— Съдай усніе.

Маргерита какъ-будто хотѣла призвать на помощь все свое мужество; потомъ, опять припавъ головою къ подушкамъ, сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ... не пойду.

Карлъ взялъ ее за руку, присѣлъ къ ней на кресло, и сказалъ:

— Ты потеряла друга, Марго, я это знаю; но взгляни на меня, — не потерялъ ли я всѣхъ друзей своихъ? и еще больше — не потерялъ ли я матери! Ты всегда могла плакать, какъ плачешь теперь; я, среди жесточайшихъ страданій, я всегда долженъ былъ улыбаться; ты страдаешь, — взгляни на меня, я умираю... Ободришь же, Марго! Прошу тебя именемъ моей славы! Честь нашего дома — крестъ нашъ; будемъ нести его, какъ несъ его Спаситель; если, подобно ему, споткнемся на дорогѣ, встанемъ и бодро пойдемъ дальше.

— О, Боже мой! Боже мой! воскликнула Маргерита.

— Да, сказалъ Карлъ, отвѣчая на ея мысль: — да, эта жертва сурова, сестра; но каждый долженъ жертвовать своимъ: одинъ — честью, другой жизнью. Не-уже-ли ты думаешь, что двадцатипяти лѣтъ отъ роду, на лучшемъ престолѣ въ мірѣ, я умираю охотно? Посмотри на меня: глаза мои, цвѣтъ лица, губы, все говоритъ, что я умираю; но улыбка... не заставляетъ ли она думать, что я надѣюсь еще жить? А между-тѣмъ, черезъ недѣлю, черезъ двѣ, много черезъ мѣсяцъ ты будешь оплакивать меня, какъ оплакиваешь того, кто умеръ сегодня.

— Братецъ! воскликнула Марго, обвивая руками шею Карла.

— Одьвайся, милая Маргерита, сказалъ король: — прогони эту блѣдность и приходи на балъ. Я приказалъ принести тебѣ новые брильянты и платье, достойное твоей красоты.

— Брильянты! платье! Что мнѣ до нихъ теперь?

— Жизнь долга, Маргерита, сказалъ Карлъ улыбаясь. — По-крайней-мѣрѣ, для тебя...

— Нѣтъ!

— Вспомни только одно, сестра: часто мы не можемъ лучше почтить память усопшаго, какъ подавляя или скрывая скорбь свою.

— Хорошо, сказала Маргерита дрожа: — я прійду.

Слеза, мгновенно испарившаяся на горячей рѣсницѣ, блеснула въ глазахъ Карла.

Онъ наклонился къ сестрѣ, поцаловалъ ее въ лобъ, остановился на минуту передъ Анрияттой, которая не видѣла и не слышала его, и проговорилъ:

— Бѣдняжка!

Потомъ молча вышелъ.

Въ-слѣдъ за королемъ вошли нѣсколько пажей съ ящичками и коробками.

Маргерита дала знакъ, чтобъ все это поставили на полъ.

Пажи вышли. Осталась одна Гильйонна.

— Приготовь мнѣ одѣться, сказала Маргерита.

Дѣвушка съ изумленіемъ поглядѣла на королеву.

— Да, повторила Маргерита голосомъ, всей горечи котораго невозможно передать. — Да, я одѣнусь, пойду на балъ... меня ждутъ.

— А герцогиня? спросила Гильйонна.

— О, она счастливица! она можетъ остаться здѣсь, можетъ плакать, можетъ страдать на свободѣ. Она не дочь короля, не жена короля, не сестра короля. Она не королева... Помоги мнѣ одѣться, Гильйонна.

Гильйонна повиновалась; уборы были великолѣпны, платье блестящее. Никогда Маргерита не была такъ прекрасна.

Она посмотрѣлась въ зеркало.

— Братъ правъ, сказала она: — человекъ жалкое созданіе.

Въ это время вошла Гильйонна.

— Васъ кто-то спрашиваетъ, сказала она.

— Меня?

— Да, васъ.

— Кто такой?

— Не знаю, но съ виду онъ ужасенъ; я вздрогнула, встрѣтивъ его.

— Спроси, какъ его зовутъ, сказала Маргерита блѣднѣя.

Гильйонна вышла и черезъ нѣсколько секундъ возвратилась.

— Онъ не хочетъ объявить своего имени, ваше величество; но просилъ отдать вамъ вотъ это.

Гильйонна подала реликвию, данную наканунѣ Маргеритою ладолю.

— О! введи, введи его! живо сказала королева.

Она сдѣлалась еще блѣднѣе.

Тяжелые шаги раздались по паркету. Эхо, какъ-будто въ негодованіи, повторяло эти звуки; кто-то появился на порогѣ.

— Вы...? проговорила Маргерита.

— Я тотъ, котораго вы встрѣтили однажды близъ Монфокона, ваше величество, и который отвезъ въ Лувръ на своей тележкѣ двухъ раненныхъ.

— Я узнаю тебя; ты Кабошъ.

— Палачъ парижскаго округа, ваше величество.

Изъ всѣхъ словъ, произнесенныхъ въ-продолженіи часа вокругъ

Анриетта, — эти она услышала первая. Она приподняла руки отъ блѣднѣвшаго лица своего и посмотрѣла на палача своими изумрудными глазами, сверкавшими, казалось, двойнымъ свѣтомъ.

— И ты пришелъ?.. продолжала Маргерита дрожа.

— Напомнить вамъ обещаніе, данное младшему изъ двухъ, тому, который поручилъ мнѣ вручить вамъ эту реликвию. Помните вы, ваше величество?

— Да! воскликнула королева: — никто не почтитъ памяти вѣкодушнаго человека благороднѣе! Но гдѣ она?

— Она у меня, вмѣстѣ съ тѣломъ.

— У васъ? Почему же вы не принесли ея?

— Меня могли остановить у воротъ Лувра; меня могли заставить раскрыть плащъ; что сказали бы, еслибъ увидѣли голову?

— Хорошо; пусть она у васъ; я приѣду за нею завтра.

— Завтра, ваше величество? Завтра, можетъ-быть, будетъ поздно!

— Отъ-чего?

— Отъ-того, что королева-мать приказала отложить ей для казнистическихъ опытовъ головы первыхъ двухъ осужденныхъ, которые будутъ въ моихъ рукахъ.

— О, святотатство! Ихъ головы! Анриетта! воскликнула она, сбѣгая къ герцогинѣ, которая безсознательно вскочила на ноги:

— Анриетта! Слышишь, что онъ говоритъ?

— Слышу. Что же дѣлать?

— Надо идти за нимъ.

И гдѣ-сдѣвъ за тѣмъ, у ней вырвалось восклицаніе скорби, какое обращаетъ несчастныхъ къ жизни:

— А мнѣ было такъ хорошо! Я была почти мертва!

Маргерита набросила на голыя плечи бархатную мантилью.

— Пойдемъ, пойдемъ, сказала она. — Мы увидимъ ихъ еще.

Маргерита велѣла замкнуть всѣ двери, принести носилки къ послѣднему выходу, и, взявъ Анриетту подъ руку, сошла внизъ, сдѣлавъ Кабосу знакъ слѣдовать за ними.

У дверей внизу ждали носилки, у воротъ слуга Кабоса съ фонаремъ.

Носильщики Маргериты были люди вѣрные, нѣмые и глухіе; на ихъ скромность можно было положиться больше, нежели на скромность животныхъ.

Кабосъ, слуга его съ фонаремъ и за ними носилки шли минутъ пять. Потомъ остановились.

Палачъ отворилъ дверицы, слуга пошелъ впередъ.

Маргерита вышла и помогла выйти Анриеттѣ. Среди подвѣдлившей ихъ скорби, первая организація ея оказалась сильнѣйшею.

Башня-Позорнаго-Столба возвышалась передъ ними мрачнымъ безобразнымъ великаномъ, проливая багровый свѣтъ изъ двухъ отверстій на своей вершинѣ.

Слуга опять появился у дверей.

— Вы можете войти, ваше величество, сказалъ Кабошъ.— Въ башнѣ спать.

Въ ту же минуту, огонь погасъ наверху.

Женщины прижались одна къ другой, вошли въ низенькую дверь и ступили въ темноту на сырую каменную плиту. Въ глубинѣ криваго корридора онѣ замѣтили свѣтъ, и пошли въ ту сторону, вслѣдъ за страшнымъ хозяиномъ. Дверь за ними затворилась.

Кабошъ, съ факеломъ въ рукахъ, ввелъ ихъ въ низкую, заколоченую залу. Посреди стоялъ столъ съ остатками ужина и тремя приборами. Конечно, они были накрыты для палача, жены с и его главнаго помощника.

На самомъ видномъ мѣстѣ, висѣлъ на стѣнѣ пергаментъ съ королевскою печатью. Это былъ патентъ на званіе палача.

Въ углу стояла большая шпага съ длинною рукояткою: это былъ мечъ правосудія.

Кое-гдѣ виднѣлись еще грубыя картины: изображенія святыхъ мучимыхъ разными казнями.

Здѣсь Кабошъ низко поклонился.

— Извините, ваше величество, что я осмѣлился явиться въ Лувръ и привелъ васъ сюда. Но такая была его послѣдняя воля, и долженъ былъ...

— Вы хорошо сдѣлали, хорошо! сказала Маргерита: — и вотъ награда за ваше усердіе.

Кабошъ печально посмотрѣлъ на кошелекъ, набитый золотомъ, который Маргерита положила на столъ.

— Золото, и вѣчно золото! проговорилъ онъ. — Увы! затѣмъ самъ, ваше величество, не могу выкупить цѣною золота кровъ которую долженъ былъ пролить сегодня...

— Послушай, сказала Маргерита, оглядываясь вокругъ: — намъ идти дальше? Я не вижу...

— Нѣтъ, ваше величество: они здѣсь! Но это грустное зрѣлище... я могу избавить васъ отъ него и принести вамъ закрытый гробъ, за чѣмъ вы пришли.

Маргерита и Анриэтта посмотрѣли другъ на друга.

— Нѣтъ! сказала Маргерита, прочитавъ въ глазахъ Анриэтты ту же мысль, которая была и у нея въ годоу: — нѣтъ, покажи намъ дорогу, мы пойдемъ за вами.

Кабошъ взявъ факелъ, открылъ дубовую дверь на лѣстницу и

посквозь ступеней, опускавшуюся подъ землю. Подулъ сквозной вѣтеръ, разнося отъ факела искры и распространяя запахъ крови и гнили.

Авріэтта, блѣдная какъ алебастровая статуя, оперлась на руку подруги, шедшей тверже. Но на первой ступени она зашаталась.

— Нѣтъ, не могу! сказала она.

— Кто любитъ истинно, отвѣчала королева:— тотъ долженъ любить и послѣ смерти.

Страшно и трогательно было это зрѣлище: двѣ женщины въ цвѣтущей юности, въ богатомъ убранствѣ, согнулись подъ этимъ позорнымъ сводомъ, слабѣйшая опираясь на руку сильнѣйшей, а сильнѣйшая на руку палача.

Отъ дошли до послѣдней ступени.

Въ глубинѣ подвала лежали двѣ человѣческія фигуры подъ чернымъ покрываломъ.

Кабошъ приподнялъ край покрывала, поднесъ факель и сказалъ: — Посмотрите, ваше величество.

Ла-Моль и Коконна, въ черномъ платѣ, лежали рядомъ, въ страшной симметріи смерти. Головы, приложенныя къ туловищамъ, казалось, были только отдѣлены посрединѣ шемъ ярко-красною чертою. Смерть не разъединила рукъ ихъ; случайно ли, или благодаря благочестивому вниманію палача, правая рука ла-Моля лежала въ лѣвой рукѣ Коконна.

Подъ ресницами ла-Моля скрывался, казалось, взглядъ любви. Презрѣніе какъ-будто выражалось на лицѣ Коконна.

Маргерита стала на колѣни и руками, сверкающими отъ драгоценныхъ камней, нѣжно приподняла голову, которую любила такъ пламенно.

Герцогиня, прислонившись къ стѣнѣ, не могла свести глазъ съ блѣднаго лица, на которомъ такъ часто искала радости и любви.

— Ла-Моль! Милый ла-Моль! говорила Маргерита.

— Аннибаль! Аннибаль! сказала герцогиня: — прекрасный, гордый, храбрый,—ты не отвѣчаешь уже!

И слезы ручьемъ полились изъ глазъ ея.

Эта женщина, столь гордая и смѣлая въ счастьи, доходившая до скептицизмъ до послѣднихъ крайностей, въ страсти до жестокости, — никогда не думала о смерти...

Маргерита подала ей первый примѣръ.

Она положила голову ла-Моля въ мѣшокъ, вышитый жемчугомъ и раздушенный самыми тонкими духами; голова должна была сохранить всю красоту свою отъ особаго рода бальзамировки, употреблявшагося въ то время при бальзамированіи царскихъ тѣлъ.

Анриетта подошла тоже и завернула голову Коконна въ полу мантильи.

Сгибаясь отъ тяжести скорби больше, нежели отъ ноши, онѣ бросили послѣдній взглядъ на останки, преданные во власть палача, и вышли.

— Не бойтесь ничего, ваше величество, сказалъ Кабошъ, поймавъ этотъ взглядъ. — Ихъ похоронять, какъ слѣдуетъ, кланусь вамъ.

— А вотъ за это ты велишь отслужить по нимъ панихиды, сказала Анриетта, срывая съ шеи рубиновое ожерелье и отдавая его палачу.

Онѣ возвратились въ Лувръ. Королева сказала при входѣ, вышла изъ носилокъ у своей лѣстницы, возвратилась домой, положила скорбную ношу свою въ кабинетъ, назначенный съ этой минуты быть образною, оставила Анриетту стеречь комнату, и, блѣдая, но прекрасная, часовъ въ десять вошла въ бальную залу, гдѣ, года два съ половиною назадъ, началась наша повѣсть.

Глаза всѣхъ обратились къ ней, и она встрѣтила ихъ гордо, почти съ веселымъ выраженіемъ лица. Она свято выполнила послѣднюю волю своего друга.

Увидѣвъ ее, Карлъ, шатаясь, прошелъ къ ней сквозь золотую теллу, и сказалъ громко:

— Благодарю васъ, сестрица.

Потомъ прибавилъ тихо:

— Берегись! У тебя на рукѣ кровавое пятно...

— Чтѣ нужды! сказала Маргерита: — лишь бы на губахъ была улыбка.

хп.

Крѣпавый потъ.

Нѣсколько дней послѣ этой ужасной сцены, то-есть 30-го мая 1574 года, дворъ былъ въ Венсенвѣ. Вдругъ въ комнату короля послышался большой шумъ; во время бала, даннаго въ самый день смерти ла-Моля и Коконна, король заболѣлъ сильное, и медики посовѣтовали ему переѣхать за городъ подышать чистымъ воздухомъ.

Было восемь часовъ утра. Нѣсколько придворныхъ были въ передней, какъ вдругъ послышался крикъ, и на порогъ подвинулась кормилица въ слезахъ и кричавшая въ отчаяннѣ:

— Помогите королю! Помогите!

— Его величеству хуже? спросил Нансей, котораго король, как мы видели, освободилъ отъ обязанности исполнять приказанія Катерины.

— О! сколько крови! сколько крови! сказала кормилица... Помогите медиковъ.

Мазиль и Парé очередовались при больномъ. Парé, бывшій въ это время дежурнымъ, замѣтилъ, что король заснулъ, и воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ удалиться на нѣсколько времени.

Въ это время, обильный потъ выступилъ на больномъ; Карлъ страдалъ разслабленіемъ волосныхъ сосудовъ, и слѣдствіемъ этого разслабленія было подкожное истеченіе крови; кровавый потъ перепугалъ кормилицу, которая не могла привыкнуть къ этому явленію и, какъ настоящая протестантка, безпрестанно твердила Карлу, что это кровь гугенотовъ, убитыхъ въ варооломеевскую ночь, вызываетъ его собственную кровь.

Бросились во всѣ стороны; докторъ не могъ быть далеко, и его скоро надѣялись найти. Передняя опустѣла, потому-что каждый хотѣлъ выказать свое усердіе, бросившись искать медика.

Въ это время отвернулась дверь, и появилась Катерина. Она быстро прошла черезъ прихожую и вошла въ комнату сына.

Карлъ лежалъ съ угасшимъ взоромъ и трудно дышалъ; изъ всего его тела сочился красноватый потъ; рука его свисла съ постели, и на оконечностяхъ пальцевъ висѣло по розовой капль.

Зрѣлище было ужасно...

Однакоже, при шумѣ шаговъ, Карлъ очнулся, какъ-будто узналъ походку матери.

— Извините, матушка, сказалъ онъ, глядя на нее.— Миѣ хотѣлось бы умереть съ миромъ.

— Умереть! отвѣчала Катерина: — это не больше, какъ припадокъ. Не отчаивайся!

— Говорю вамъ, я чувствую, что душа отдѣляется отъ тела. Говорю вамъ, что смерть близка, *mort de tous les diables!*.. Я чувствую что чувствую, и знаю что говорю.

— Ваше воображеніе жесточайшій врагъ вашъ, возразила королева.— Съ-тѣхъ-поръ, какъ убійцы, которыхъ звали ла-Мелемъ и оконна, казнены по справедливости, тѣлесныя страданія ваши должны были уменьшиться. Только иррациональная бользнь продолжается; еслибъ я могла поговорить съ вами десять минутъ, не больше, я доказала бы вамъ...

— Кормилица! сказалъ Карлъ:— посторожи у дверей и не впускай никого. Королева Катерина Медичи хочетъ бесѣдовать съ любимымъ сыномъ своимъ, Карломъ IX.

Кормилица повиновалась.

— Дѣйствительно, продолжалъ онъ:—не сегодня, такъ завтра пришелъ бы часъ этого разговора; лучше же сегодня, чѣмъ завтра. Завтра будетъ, можетъ-быть, поздно. Только надо, чтобъ при нашемъ разговорѣ присутствовалъ третій.

— Зачѣмъ?

— Потому-что, повторяю вамъ, смерть близка, возразилъ Карлъ съ ужасающей торжественностью.—Потому-что она черезъ нѣсколько минутъ войдетъ въ эту комнату, какъ вы, блѣдная и нѣмая, не спросивъ ничего позволенія. Ночью я привелъ въ порядокъ свои дѣла; теперь пора привести въ порядокъ дѣла государства.

— Кого же вы желаете видѣть?

— Брата. Велите его позвать.

— Я съ удовольствіемъ вижу, сказала Катерина:—что клеветы изглаживаются изъ вашего ума и скоро исчезнутъ изъ вашего сердца.—Кормилица! кормилица!

Кормилица отворила двери.

— Когда прійдетъ де-Нансей, скажи ему отъ имени моего сына, чтобъ онъ позвалъ сюда герцога д'Алансона.

Карлъ сдвинулъ знакъ, по которому кормилица остановилась на порогѣ.

— Я сказалъ: «брата», замѣтилъ король.

Глаза Катерины расширились, какъ глаза разъяренной тигрицы. Но Карлъ повелительно поднялъ руку.

— Я хочу говорить съ братомъ Генрихомъ, сказалъ онъ:—одинъ Генрихъ братъ мнѣ,—не тотъ, что тамъ на престолѣ, а тотъ, что здѣсь въ тюрьмѣ. Генрихъ узнаетъ мою послѣднюю волю.

— А я, воскликнула Флорентинка съ смѣлостью, которой не было еще примѣра,—до такой степени ненависть къ Беарнцу переселила въ ней ея обычное притворство:—если вы такъ близко къ гробу, какъ говорите, не-уже-ли вы думаете, что я уступлю кому-нибудь, особенно чужому, мое право присутствовать при вашихъ послѣднихъ минутахъ, право королевы и право матери?

— Я еще король, сказалъ Карлъ:— я еще повѣлваю; говорю вамъ, что я хочу говорить съ братомъ Генрихомъ, а вы не зовете моего капитана... Тысячу чертей! Предваряю васъ: у меня еще достанетъ силъ позвать его самому.

Карлъ хотѣлъ спрыгнуть съ постели.

— Ваше величество! сказала, удерживая его, Катерина:— вы насъ всѣхъ оскорбляете; вы забываете обиды, нанесенныя вашей фамиліи, отрекаетесь отъ нашей крови; только французскій принцъ крови долженъ преклонить колѣни свои у смертнаго одра короля

французскаго. Чтò до меня, мнѣ указалъ здѣсь мѣсто законъ природы и приличія; я остаюсь здѣсь.

— А по какому праву остаетесь вы?

— По праву матери.

— Вы столько же мнѣ мать, какъ д'Алансонъ братъ.

— Вы въ бреду; давно ли давшая жизнь не мать получившему жизнь?

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ мать взяла назадъ то, чтò дала ему, отъчалъ Карлъ, отирая кровавую пѣну съ губъ.

— Чтò вы хотите сказать, Карлъ? Я не понимаю васъ, сказала Катерина, съ изумленіемъ глядя на сына.

— Вы сейчасъ меня поймете.

Карлъ досталъ изъ-подъ подушки маленькій серебряный ключикъ.

— Возьмите этотъ ключъ и откройте мой дорожный ящикъ; въ немъ есть кой-какія бумаги; онѣ отвѣтятъ вамъ за меня.

Карлъ протянулъ руку къ превосходно-вырѣзанному ящику съ серебрянымъ замкомъ, стоявшему на самомъ видномъ мѣстѣ комнаты.

Катерина невольно повиновалась, медленно подошла къ ящику, открыла его, заглянула въ его внутренность и вдругъ отступила, какъ-будто тамъ лежала спящая змѣя.

— Чего вы испугались? спросилъ Карлъ, неспускавшій съ нея глазъ.

— Ничего.

— Въ такомъ случаѣ, опустите туда руку и достаньте оттуда книгу... тамъ должна быть книга, не правда ли? прибавилъ онъ съ улыбкою, которая на его губахъ была ужаснѣе всякой угрозы на языкъ другаго.

— Дá... проговорила Катерина.

— Охотничья? продолжалъ Карлъ.

— Дá.

— Возьмите ее и принесите сюда.

Катерина, не смотря на свою самоувѣренность, поблѣднѣла, задрожала всѣмъ тѣломъ и, опустивъ руку въ ящикъ, сказала сама себѣ:

— О, судьба!

— Хорошо, сказалъ Карлъ. — Теперь выслушайте: эта охотничья книга... я былъ сумасшедшій... я любилъ охоту выше всего... эта охотничья книга... я читалъ ее слишкомъ-прилежно... Понимаете вы теперь?

Катерина глухо простонала.

— Это была съ моей стороны слабость, продолжалъ Карлъ. — Сожгите ее! Слабости короля не должны быть никому извѣстны.

Катерина подошла къ камину, бросила книгу въ огонь и оставилась неподвижная и безмолвная, безжизненно глядя, какъ синеватое пламя пожирало отравленные листы.

Сильный чесночный запахъ распространился по комнатѣ.

Книга скоро сгорѣла до тла.

— Теперь позовите моего брата, сказалъ Карлъ съ величіемъ.

Катерина, подавленная разпорядными чувствами, которыхъ не могла даже разобрать и съ которыми не могла совладѣть, не смотря на всѣ свои усилія, сдѣлала шагъ впередъ и хотѣла говорить.

Мать чувствовала угрызенія совѣсти; королева боязнь; отравительница ненависть.

Это послѣднее чувство взяло верхъ надъ прочими.

— Будь онъ проклятъ! сказала она, выходя изъ комнаты. — Онъ торжествуетъ, онъ близокъ къ тлѣ! Будь онъ проклятъ!

— Слышите: брата, брата Генриха! кричалъ Карлъ, преслѣдуя ее голосомъ. — Брата Генриха, съ которымъ я сейчасъ же хочу поговорить на-счетъ регентства!

Почти въ ту же минуту вошелъ Карлъ и остановился у дверей, нюхая воздухъ.

— Кто жегъ здѣсь мышьякъ? спросилъ онъ.

— Я, отвѣчалъ Карлъ.

XIII.

Платформа Венскаго-Замка.

Генрихъ-Наваррскій одинъ въ раздумьѣ прогуливался по террасѣ башни. Онъ зналъ, что дворъ въ замкѣ, и сквозь толстыя стѣны замка онъ видѣлъ умирающаго Карла.

Погода была превосходная: солнце изумрудами рассыпалось по равнинѣ и золотило верхушки лѣса, недавно убравшагося лѣствяжи: казалось, даже сирія стѣны башни проитаны иѣжною теплотою неба; фіалки, запесенныя восточнымъ вѣтромъ въ разсѣяныя стѣны, блестяли желтымъ и краснымъ бархатомъ.

Но взоръ Генриха не останавливался ни на зеленыхъ долинахъ, ни на золотыхъ вершинахъ деревьевъ: онъ переносился, полный честолюбія, къ столицѣ Франціи, которой суждено было сдѣлаться нѣкогда столицею міра.

— Парижъ, говорилъ Генрихъ:— вотъ Парижъ, то-есть радость, торжество, слава, могущество и счастье; Парижъ, гдѣ есть Лувръ, и Лувръ, въ которомъ есть престолъ! И быть отдаленнымъ отъ

этого Парижа только одними этими укрѣпленіями, которыя тянутся у моихъ ногъ, окружая вѣсть со мною и врага моего!

Обративъ взоръ отъ Парижа къ Венсенну, онъ замѣтилъ вѣтвь, за цвѣтущими миндальными деревьями, человѣка, на кирасѣ котораго упрямѣе отражалось солнце, — замѣтилъ свѣтящуюся точку, порхавшую въ пространствѣ согласно движеніямъ этого человѣка.

Неизвестный сидѣлъ на горячей лошади и держалъ за поводъ другую лошадь, по-видимому, такую же пылкую.

Король остановилъ взоръ свой на всадникѣ; вздохъ обнажилъ шпагу, надѣлъ на конѣцъ ея бѣлый платокъ и замахалъ имъ, какъ-будто подавая сигналъ.

Въ ту же минуту, съ противоположной возвышенности отвѣчали такимъ же сигналомъ, и вскорѣ вокругъ всего замка завѣяли платки.

Это были де-Муи и его гугеноты. Зная, что король при смерти и опасаясь покушенія противъ Генриха, они собрались и были готовы защищать или нападать.

Генрихъ опять взглянулъ на перваго всадника, склонился черезъ перила, обѣнилъ глаза рукою и узналъ молодаго гугенота.

— Де-Муи! воскликнулъ онъ, какъ-будто тотъ могъ его слышать.

Въ радости, что его окружаютъ друзья, онъ самъ бросилъ свою шляпу вверхъ и замахалъ шарфомъ.

Всѣ бѣлые платки завѣяли снова съ живостью, свидѣтельствовавшюю о ихъ радости.

— Увы! они ждуть меня, сказалъ онъ: — а я не могу къ нимъ присоединиться. Почему не попытался я, когда еще было можно? Теперь поздно!

Онъ сдѣлалъ имъ знакъ, что нѣтъ надежды; но де-Муи отвѣчалъ другимъ, означавшимъ: «я подожду».

Въ эту минуту, Генрихъ услышалъ, что кто-то идетъ по каменной лѣстницѣ. Онъ быстро отошелъ отъ перилъ. Гугеноты отгадали причину этого движенія; шпаги возвратились въ ножны и платки исчезли.

Генрихъ увидѣлъ на лѣстницѣ женщину, запыхавшуюся отъ скорой ходьбы, и не безъ ужаса узналъ въ ней Катерину Медичи.

За нею два солдата остановились на лѣстницѣ.

— О! подумалъ Генрихъ: — должно быть, случилось что-нибудь важное, что она пришла ко мнѣ на платформу.

Катерина сѣла на каменную скамью близъ зубцовъ и перевела дыханіе.

Генрихъ подошелъ къ ней и съ ласковою улыбкою сказалъ:

— Не меня ли вы ищете?

— Да; я хотѣла дать вамъ послѣднее доказательство моей при-

взвѣности. Настала важная минута: король умираетъ и хочетъ говорить съ вами.

— Со мною? сказалъ Генрихъ, дрожа отъ радости.

— Дá, съ вами. Ему сказали, я въ этомъ увѣрена, что вы не только жалуете о наваррскомъ престолѣ, но домогаетесь даже престола Франціи.

— О! отвѣчалъ Генрихъ.

— Это неправда, знаю; но онъ этому вѣритъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ послѣдній разговоръ не что иное съ его стороны, какъ сътъ, въ которую онъ хочетъ поймать васъ.

— Меня?

— Дá. Карлъ, умирая, хочетъ знать, чего отъ васъ можно надѣяться или опасаться, и отъ вашего отвѣта на его предложенія,—не забудьте,—будутъ зависѣть его послѣднія приказанія, то-есть, ваша жизнь или смерть.

— Но что же онъ мнѣ предложить?

— Почему я знаю! Вѣроятно, что-нибудь невозможное...

— Однако, не-уже-ли вы не догадываетесь?

— Нѣтъ, но предполагаю; на-примѣръ...

Катерина остановилась.

— Чтò?

— Я думаю, что, вѣря въ ваши честолюбивые планы, онъ хочетъ изъ вашихъ собственныхъ устъ услышать подтвержденіе ихъ. Предположите, что онъ будетъ искушать васъ, какъ прежде искушали преступниковъ, чтобъ вырвать признаніе безъ пытки; предположите, продолжала Катерина, пристально глядя на Генриха:— что онъ предложитъ вамъ управленіе, даже регентство.

Въ стѣсненномъ сердцѣ Генриха пробудилась невыразимая радость. Но онъ разгадалъ уловку, и гибкая душа его не поддавалась умышленію чувства.

— Мнѣ? отвѣчалъ онъ: — нѣтъ, эта хитрость слишкомъ-груба; мнѣ предложить регентство, когда есть вы и братъ д'Алансонъ!

Катерина укусила губу, чтобъ скрыть свое удовольствіе.

— И такъ, вы откажетесь отъ регентства?

— Король умеръ, подумалъ Генрихъ:—и свѣи разставляетъ мнѣ она.

Онъ отвѣчалъ:

— Во-первыхъ, я долженъ слышать, чтò скажетъ мнѣ король, потому-что, какъ вы сами согласитесь, все, что мы говорили, одно только предположеніе.

— Конечно, но вы всегда можете отвѣчать за свои намѣренія.

— И, Боже мой! отвѣчалъ Генрихъ простодушно: — я не имѣю никакихъ притязаній: какія же могутъ быть у меня намѣренія!

— Это не отвѣтъ, сказала Катерина, чувствуя, что время уходитъ, и, увлекаясь гнѣвомъ, прибавила:—такъ или иначе, скажите что-нибудь опредѣлительно.

— Я не могу сказать ничего опредѣлительнаго на-счетъ предположеній; рѣшиться на что-нибудь окончательно такъ трудно, и для этого должно ждать дѣйствительныхъ событій.

— Послушайте! Времени терять некогда, а мы терлемъ его въ пустомъ спорѣ и тонкостяхъ. Разыграемъ игру по-королевски. Если вы примете регенство—вы погибли.

— Король живъ, подумалъ Генрихъ, и отвѣчалъ:

— Жизнь людей и королей въ рукъ Бога: Онъ вдохновитъ меня. Доложите его величеству, что я готовъ явиться къ нему.

— Обдумайте.

— Два года я въ изгнаніи, мѣсяцъ въ тюрьмѣ, важно отвѣчалъ Генрихъ:—я имѣлъ время обдумать и обдумалъ. Сдѣлайте же одолженіе, скажите королю, что я явлюсь вслѣдъ за вами. Вотъ эти два молодца, прибавилъ онъ, указывая на солдатъ:—присмотрать, чтобъ я не убѣжалъ. Впрочемъ, я и не думаю бѣжать.

Въ образѣ выраженія его было столько твердости, что Катерина увидѣла, что всѣ ея попытки не поведутъ ни къ чему. Она быстро ушла.

Едва только она скрылась, какъ Генрихъ подбѣжалъ къ периламъ и сдѣлалъ де-Мунъ знакъ, говорившій: приблизьтесь и будьте готовы на все.

Де-Мунъ, сошедшій съ лошади, немедленно опять сѣлъ и съ подручною лошадью подскакалъ къ башнѣ на два ружейные выстрѣла.

Генрихъ поблагодарилъ его жестомъ и сошелъ внизъ.

На первомъ поворотѣ лѣстницы, онъ встрѣтилъ двухъ ждавшихъ его солдатъ.

Двойная стража Швейцарцевъ и легкой конницы охраняла входъ во дворецъ, и надо было пройти сквозь двойной рядъ бердышей. Здѣсь ждала его Катерина.

Она сдѣлала знакъ солдатамъ, сопровождавшимъ Генриха, чтобъ они удалились, и, положивъ свою руку на его, сказала:

— У здѣшняго двора два выхода; у этого, за комнатою короля, ждетъ вѣсть добрый конь и свобода, если вы откажетесь отъ регентства; а у этого, откуда вы вышли, ждетъ, если вы послушаетесь голоса честолюбія... Что вы скажете?

— То, что если король сдѣлаетъ меня регентомъ, солдатамъ буду я отдавать приказанія, а не вы. Если я ночью выйду изъ замка, всѣ эти копья, алебарды и ружья преклонятся передо мною.

— Безумный! воскликнула Катерина.— Повѣрь мнѣ, не играй съ Катериной въ страшную игру жизни и смерти!

— Почему же нѣтъ? отвѣчалъ онъ, глядя на нее прямо: — почему съ вами не играть, какъ съ другими? До-сихъ-поръ, я выигрывалъ же.

— Такъ идите къ королю, если вы не хотите ничему вѣрить, не хотите ничего слышать! сказала Катерина, указывая на лѣстницу и играя двумя отравленными ножами, которые послала на своей исторической черной перьяви.

— Не угодно ли вамъ идти впередъ? сказалъ Генрихъ. — Пока я еще не регентъ, вамъ первое мѣсто.

Катерина, разгадавшая во всемъ, не спорила и вошла первая.

ЖИВ.

РЕГЕНТСТВО.

Король начиналъ выходить изъ терція. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ Хансея и приказалъ ему привести Генриха; но Генрихъ самъ явился въ эту минуту.

Увидя своего отца на порогѣ, Карлъ радостно вскрикнулъ. Генрихъ остановился въ испугъ, какъ-будто оутѣлся передъ мертвецомъ.

Два врача и священникъ, праготовлявшій несчастнаго государя къ христіанской кончинѣ, удалились.

Карлъ IX не былъ любимъ, но при всемъ томъ въ ближайшихъ комнатахъ плакали многіе. При смерти королей, каковы бы они ни были, всегда есть люди, которые теряютъ что-нибудь и опасаются не найти при наследникѣ и того, что имѣли.

Этотъ трауръ, эти рыданія, слова Катерины, мрачныя и величественныя сцены послѣднихъ минутъ короля, самый видъ его, страждущаго болезнью, которая была до-тѣхъ-поръ неизвѣстна наукѣ, произвели на молодой и, слѣдственно, воспримчивый умъ Генриха такое ужасное дѣйствіе, что, не смотря на свое намѣреніе не давать Карлу новаго повода безпокоиться о своемъ положеніи, онъ не могъ, какъ мы видали, подавить чувства ужаса, выражавшагося на его лицѣ при видѣ умирающаго, истекающаго кровью короля.

Карлъ грустно улыбнулся; отъ умирающаго не ускользнетъ ни одно выраженіе на лицѣ людей его окружающихъ.

— Подойди сюда, Генрихъ, сказалъ онъ, протягивая руку зятю,

такимъ кроткимъ голосомъ, какого Генрихъ не замѣчалъ въ немъ до-сихъ-поръ: — подойди; я страдаю, не видя тебя. Я тебя много мучилъ въ продолженіи моей жизни, бѣдный другъ мой, и теперь иногда въ томъ раскаиваюсь, повѣрь мнѣ. Я часто помогалъ тѣмъ, которые тебя мучили; но событія не зависятъ отъ короля; и кромѣ моей матери Катерины, кромѣ брата д'Анжу, кромѣ брата д'Алансона, надо мною тяготѣло еще что-то въ продолженіи всей моей жизни и уничтожится только со днемъ моей кончины: это—требованія политики.

— Ваше величество! сказалъ Генрихъ.—Я обо всемъ позабылъ, кромѣ любви, которую всегда питалъ къ брату, кромѣ почтенія, которое всегда имѣлъ къ моему королю.

— Да, да, ты правъ, сказалъ Карлъ:— и я благодарю тебя за твои слова, Генрию, потому-что, въ-самомъ-дѣлѣ, ты много страдалъ въ мое царствованіе, не говоря уже о смерти бѣдной твоей матери. Но ты не могъ не видѣть, что часто и дѣйствовалъ не въ своей волю. Иногда я сопротивлялся; но иногда уступалъ отъ стыдливости. Ты самъ сказалъ: не будемъ говорить о прошедшемъ; теперь меня занимаетъ настоящее и пугаетъ будущее.

Произнеши эти слова, король закрылъ свое несчастливое лицо скудальными руками.

Потомъ, побѣдъ минутнаго молчанія, тряхнувъ головою, какъ-будто желая прогнать мрачныя мысли, онъ окропалъ эти двѣ сенины все около себя кровью.

— Надо спасти государство, продолжалъ онъ тихимъ голосомъ, склонившись къ Генриху: — надо вырвать его изъ рукъ санатюговъ, или женщинъ.

Карлъ, какъ мы сказали, произнесъ эти слова шепотомъ; но смотря на то, Генриху какъ-будто послышалось за шпальей прерывающее глухое восклицаніе влобы. Можетъ-быть, какое-нибудь отчаяніе, продолжанное въ стѣнъ безъ ведома самого Карла, позволило Катеринѣ подслушать предсмертнѣй разговоръ.

— Женщинъ? повторилъ король наваррскій, ожидая объясненія.

— Да, Генрихъ, произнесъ Карлъ: — мать моя хочетъ регентства въ ожиданіи возвращенія моего брата изъ Польши. Но послушай, что я тебѣ скажу: онъ не возвратится.

— Какъ! онъ не возвратится? воскликнулъ Генрихъ, сердце котораго глухо забилося отъ радости.

— Нѣтъ, не возвратится, продолжалъ Карлъ:—подданные его должны отпустить.

— Но, сказалъ Генрихъ:—развѣ вы думаете, что королева-мать должна извѣстить его заранее?

— Извѣстила. Но Нансей перехватилъ курьера въ Шато-Тьерри

и привезъ письмо ко мнѣ; въ этомъ письмѣ — я, по ея словамъ долженъ умереть. Но я также написалъ въ Варшаву: письмо мое дойдетъ, я увѣренъ, и за братомъ моимъ будутъ присматривать. И такъ, Генрихъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, престолъ останется свободнымъ.

Второе восклицаніе, сильнѣе прежняго, послышалось въ альковѣ.

— Это вѣрно, подумалъ Генрихъ: — она тамъ, она подслушиваетъ, она ждетъ!

Карлъ ничего не слышалъ.

— Я, продолжалъ онъ: — умираю безъ наследника мужескаго пола.

Тутъ онъ остановился. Сладостная мысль, казалось, освѣтила его лицо. Положивъ руку свою на плечо короля наваррскаго, онъ продолжалъ:

— Увы! Помнишь ли ты, Ганрію, помнишь ли это бѣдное маленькое дитя, которое я тебѣ показалъ однажды вечеромъ? оно спало въ шелковой колыбелькѣ, подъ присмотромъ ангела... Увы, Ганрію, они убьютъ его!..

— Нѣтъ, государь! воскликнулъ Генрихъ со слезами на глазахъ: — клянусь вамъ передъ Богомъ, что дни мои и ночи будутъ посвящены охраненію этого ребенка. Приказывайте!

— Благодарю, Ганрію, благодарю! произнесъ король съ увлеченіемъ, чуждымъ его характеру, но понятнымъ въ такую минуту.

— Я принимаю твое слово. Не дѣлай изъ него короля... къ счастью, онъ не рожденъ для трона; но сдѣлай его счастливымъ. Я оставляю ему независимое состояніе: пусть онъ обладаетъ благомъ, радостнымъ матери, благородствомъ сердца. Можетъ-быть, для него будетъ лучше, если онъ поступитъ въ духовное званіе: его менѣе будутъ бояться... О! мнѣ кажется, что я умеръ бы, если бы я былъ счастливымъ, то, по крайней-мѣрѣ, спокойнымъ, еслибъ меня могли утѣшить теперь ласки ребенка и милое лицо его матери.

— Государь, развѣ вы не можете ихъ призвать?

— Несчастный! они не вышли бы отсюда. Вотъ положеніе королей, Ганрію: они не могутъ ни жить, ни умирать какъ имъ хочется. Но послѣ твоего обещанія — я спокойнѣе.

Генрихъ погрузился въ размышленіе.

— Да, конечно, государь, я обещалъ; но буду ли въ состояніи исполнить?

— Чтò ты хочешь сказать?

— Я самъ не буду ли изгнанъ? не буду ли въ опасности больше его? Я — человекъ, а онъ только дитя.

— Ты ошибаешься, отвѣчалъ Карлъ: — послѣ моей смерти, ты

удешь силенъ и могущественъ, и вотъ что дастъ тебѣ и силу и могущество.

Съ этими словами, умирающій вынулъ изъ-подъ подушки пергаментъ.

— Возьми, сказалъ онъ ему.

Генрихъ пробѣжалъ листъ, скрѣпленный королевскою печатью.

— Мнѣ, государь, регентство! сказалъ онъ, блѣднѣя отъ радости.

— Да, тебѣ регентство, въ ожиданіи возвращенія герцога д'Анжу; а такъ-какъ, по всемъ вѣроятностямъ, герцогъ д'Анжу не явится, то эта бумага даетъ тебѣ не регентство—а тронъ.

— Мнѣ... тронъ! бормоталъ Генрихъ.

— Да, сказалъ Карлъ:—тебѣ,—одному, кто достоинъ и способенъ управлять этими развратными волокитами, этими потерявшими женщины, живущими кровью и слезами. Братъ д'Алансонъ измѣнникъ, — онъ будетъ измѣнникомъ для всѣхъ. Оставь его въ шпш, куда я его засадилъ. Мать моя захочетъ твоей смерти— вышди ее изъ государства. Братъ д'Анжу, мѣсяца черезъ три-четыре, можетъ-быть черезъ годъ, оставитъ Варшаву и прѣдетъ испоривать у тебя власть— отвѣтъ ему папскою грамотою. Я уже бѣжалъ это черезъ моего посланника, герцога неверскаго, и ты скоро получишь грамоту.

— О! государь!

— Бойся только одного, Генрихъ: гражданской войны. Но, оставаясь католикомъ, ты избѣгнешь ея; гугенотская партія можетъ быть сильна только тогда, когда ты будешь ея главою, а Кондэ не въ силахъ бороться съ тобою. Франція страна *разныхъ*; слѣдственно, страна католическая. Король французскій долженъ быть королемъ католиковъ, а не гугенотовъ, потому-что французскій король долженъ быть королемъ большинства. Говорятъ, что я чувствую угрызенія совѣсти за вероломевскую ночь; сомнѣнія—да; угрызенія совѣсти — нѣтъ. Говорятъ, что изъ всѣхъ поръ моихъ выступаетъ гугенотская кровь. Я знаю, что изъ меня выступаетъ: это мышьякъ, а не кровь.

— О! государь, что вы говорите?

— Ничего. Если моя смерть должна быть отмщена, Гаврию, одинъ Богъ отмститъ за нее. Будемъ говорить о ней только затѣмъ, чтобъ предусмотрѣть ея послѣдствія. Завѣщаю тебѣ хорошій парламентъ, испытанную армію. Опирайся на парламентъ и на армію въ борьбѣ съ твоими двумя единственными врагами: моею матерью и герцогомъ д'Алансономъ.

Въ эту минуту, въ передней послышался глухой звукъ оружія и военной команды.

— Я погибъ! прошепталъ Генрихъ.

— Ты боишься, ты колеблешься, сказалъ Карлъ съ безпокойствомъ.

— Я! ваше величество! возразилъ Генрихъ:—нѣтъ, я не боюсь, нѣтъ, я не колеблюсь: я принимаю регентство.

Карлъ пожалъ ему руку. Кормилица приблизилась въ это время къ нему съ лекарствомъ, приготовленнымъ ею въ сосѣдней комнатѣ. Она нисколько не догадывалась, что въ трехъ шагахъ отъ нея рѣшалась въ это время судьба Франціи. Король сказалъ ей:

— Позови мою мать, добрая кормилица, и прикажи позвать г. д'Алансона.

XV.

Король умеръ: да здравствуетъ король!

Дрожащіе отъ ярости и въ то же время посинѣвшіе отъ ужаса, Катерина и герцогъ д'Алансонъ вошли черезъ нѣсколько минутъ. Какъ Генрихъ уже догадывался, Катерина знала все и передала все, въ нѣсколькихъ словахъ, Франсуа. Они сдѣлали нѣсколько шаговъ и остановились въ ожиданіи.

Генрихъ стоялъ возлѣ изголовья Карла.

Король, не зная происшедшаго, объявилъ имъ свою волю.

— Еслибъ у меня былъ сынъ, сказалъ онъ матери:—вы были бы регентшею, или, еслибъ не было васъ, регентомъ былъ бы король польскій, а за неимѣніемъ его, наконецъ, братъ Франсуа; но у меня нѣтъ сына, и престолъ мой принадлежитъ послѣ меня моему брату, герцогу анжуйскому, который въ отсутствіи. Такъ-какъ, когда-нибудь, онъ явится требовать этого престола, то я не хочу, чтобъ онъ нашелъ на немъ челоуѣка, который, по своимъ почти-равнымъ правамъ, могъ бы оспаривать его права, и который, слѣдственно, предалъ бы государство междуусобіямъ претендентовъ. Вотъ почему я не дѣлаю васъ регентшею; вамъ пришлось бы выбирать между двумя сыновьями, а это было бы тяжело для материнскаго сердца. Вотъ почему не выбираю я и брата моего Франсуа, потому-что братъ мой Франсуа могъ бы сказать старшему брату: «у васъ былъ престолъ, зачѣмъ вы его оставили?» Нѣтъ, я выбираю регента, который могъ бы взять корону на сохраненіе и хранить ее подъ рукою, а не на головѣ. Этотъ регентъ... помнитесь ему, матушка! поклонись ему, братъ! этотъ регентъ—король наваррскій.

И жестомъ, полнымъ величія, онъ привѣтствовалъ Генриха рукою.

Катерина и д'Алансонъ сдѣлали движеніе, которое было чѣмъ-то среднимъ между нервическимъ содроганіемъ и поклономъ.

— Возьмите, господинъ-регентъ, сказалъ Карлъ наваррскому королю:— вотъ пергаментъ, который, до возвращенія польскаго короля, даетъ вамъ командованіе арміями, ключи отъ казны, право и власть королевскую.

Катерина пожирала Генриха взглядомъ; Франсуа былъ такъ разстроенъ, что насилу держался на ногахъ; но слабость одного и твердость другой, вмѣсто того, чтобъ успокоить Генриха, напротивъ, показывали ему настоящую, близкую опасность.

Генрихъ, тѣмъ не менѣе, сдѣлалъ надъ собою чрезвычайное усиліе, и превозмогши все опасенія, взялъ свертокъ изъ рукъ короля и, вытянувшись во весь ростъ, обратилъ на Катерину и Франсуа взоръ, которымъ, кажется, хотѣлъ сказать:

— Берегитесь, я вашъ повелитель!

Катерина поняла этотъ взглядъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда, сказала она: — никогда родъ мой не преклонитъ головы передъ чужимъ родомъ; никогда Вурбопъ не будетъ царствовать во Франціи, пока живъ еще хоть одинъ Валуа.

— Матушка! вскричалъ Карлъ IX, приподнявшись на окровавленной постели и сдѣлавшись ужаснѣе, чѣмъ бывалъ когда-нибудь: — берегитесь, я еще король — не надолго, знаю — но немного времени нужно, чтобъ отдать приказъ; недолго наказать убійцъ и отравителей.

— Что жь! Дайте этотъ приказъ, если смѣете. А я пойду отдавать свои приказанія. Пойдемъ, Франсуа, пойдемъ.

И она быстро вышла, увлекая за собою герцога д'Алансона.

— Нансей! закричалъ Карлъ: — Нансей, ко мнѣ, ко мнѣ! Я приказываю, я хочу этого, Нансей! арестовать мать мою, арестовать брата моего, арестовать...

Кровь хлынула и прервала слова Карла въ то самое время, какъ капитанъ гвардіи отворилъ дверь, и король, задыхаясь, захрипѣлъ на своей кровати.

Нансей слышалъ только свое имя; прочія приказанія, произнесенныя менѣе-явственнымъ голосомъ, исчезли въ пространство.

— Оберегайте дверь, сказалъ Генрихъ: — и не выпускайте никого.

Нансей поклонился и вышелъ. Генрихъ обратилъ свой взоръ на это неподвижное тѣло, которое можно было принять за трупъ, еслибъ легкое дыханіе не шевелило по-временамъ дѣсны, закрытавшей губы.

Онъ смотрѣлъ долго, потомъ, говоря съ самимъ-собою, произнесъ:

— Вотъ рѣшительная минута... царствовать ли, жить ли?

Въ это мгновеніе, завѣса алькова приподнялась, блѣдная голова показалась изъ-за нея, и посреди мертваго молчанія, царствовавшаго въ комнатѣ короля, раздался голосъ:

— Живите!

— Ренé! вскрикнулъ Генрихъ.

— Да, ваше величество.

— Итакъ, твое предсказаніе ложно:—я не буду королемъ? сказалъ Генрихъ.

— Вы будете имъ, государь; но не пришелъ еще часъ.

— Какъ ты это знаешь? говори; я хочу знать, вѣрить ли тебѣ.

— Слушайте.

— Слушаю.

— Наклонитесь.

Генрихъ наклонился надъ тѣломъ Карла. Ренé нагнулся съ своей стороны. Ихъ разделяла только ширина кровати, и это расстояние было уменьшено обоюднымъ ихъ движеніемъ.

Между ними лежало, безмолвно и недвижимо, тѣло умирающаго короля.

— Послушайте, сказалъ Ренé. — Я здѣсь спрятанъ королевою-матерью, чтобы погубить васъ; но я охотнѣе готовъ служить вамъ, потому-что вѣрю въ вашъ гороскопъ, и потому еще, что, служа вамъ, я соблюдаю для себя двойную выгоду — какъ для тѣла, такъ и для души.

— И это также приказала тебѣ сказать мнѣ королева? спросилъ Генрихъ, полный сомнѣнія и безпокойства.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ренé:—но выслушайте тайну.

Онъ наклонился еще болѣе. Генрихъ послѣдовалъ его примѣру, такъ-что головы ихъ почти касались.

Въ этомъ совѣщаніи двухъ людей, наклонившихся надъ тѣломъ умирающаго короля, было что-то до-того мрачное, что волосы суетнаго Флорентинца стали дыбомъ на головѣ его, и крупный потъ выступилъ на лицѣ Генриха.

— Слушайте, продолжалъ Ренé:—узнайте тайну, мнѣ одному извѣстную; я вамъ открою ее, если вы поклянетесь надъ тѣломъ этого умирающаго простить мнѣ смерть вашей матери.

— Я уже обѣщалъ тебѣ однажды, сказалъ Генрихъ, лицо котораго помрачилось.

— Обѣщали, но не клядись, сказалъ Ренé, подаваясь назадъ.

— Клянусь тебѣ, сказалъ Генрихъ, простирая правую руку надъ головой короля.

— Итакъ, государь, поспѣшно сказалъ Флорентинецъ:—польскій король скоро будетъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Генрихъ:— курьеръ былъ остановленъ королемъ Карломъ.

Король Карлъ остановилъ только одного, но дорогъ въ Шатопери; но королева-мать, въ своей предусмотрительности, послала ихъ во трѣхъ дорогамъ.

— О! горе! сказалъ Генрихъ.

— Нынче утромъ прибылъ гонецъ изъ Варшавы. Король выслѣдъ за нимъ, и никто не думалъ останавливать его, потому что въ Варшавѣ еще не знали о болѣзни короля. Д'Анжу дѣтъ черезъ нѣсколько часовъ.

— О! еслибъ мнѣ только недѣлю! произнесъ Генрихъ.

— Да; но у васъ нѣтъ и восьми часовъ. Слышали вы звукъ готовяемаго оружія?

— Слышалъ.

— Это оружіе готовилось противъ васъ. — Они прійдутъ къ вамъ даже сюда, даже въ комнату короля.

— Король еще не умеръ.

Ренѣ внимательно посмотрѣлъ на Карла.

— Черезъ десять минутъ онъ будетъ мертвъ. — Следовательно, мнѣ остается жить десять минутъ, можетъ-быть и меньше.

— Чтѣ жъ дѣлать?

— Бѣжать, не теряя ни минуты, ни секунды.

— Но куда? Если они ждуть въ передней, они убьютъ меня, когда я выйду.

— Послушайте: я на все рѣшаюсь для васъ,—только не забывайте этого никогда!

— Будь спокоенъ.

— Слѣдуйте за мною въ потаенный ходъ; я провожу васъ до воротъ. Потомъ, чтобъ дать вамъ время, пойду скажу королевѣ-матери, что вы сейчасъ сойдете; подумаютъ, что вы сами открыли этотъ тайный ходъ и воспользовались имъ для бѣгства; поймите, пойдемте.

Генрихъ наклонился къ Карлу и поцаловалъ его въ лобъ.

— Прощай, братъ мой, произнесъ онъ: — не забуду я, что послѣднимъ твоимъ желаніемъ было—видѣть меня своимъ наслѣдникомъ; не забуду, что послѣдняя твоя воля была — сдѣлать меня королемъ. Умираю съ миромъ! Во имя нашихъ братьевъ, я прощаю твою преступную кровь.

— Скорѣе! скорѣе! воскликнулъ Ренѣ: — онъ приходитъ въ садъ. Бѣгите, пока онъ не открывалъ еще глазъ, бѣгите!

— Кормилица! пробормоталъ Карлъ:—кормилица!

Генрихъ взявъ у наголовья Карла шпагу, бесполезную для умирающаго, спряталъ пергаментъ, дѣлавшій его регентомъ, за наду-

ху, въ послѣдній разъ поцаловалъ въ лобъ Карла, обшегъ к вать, и быстро бросился въ отверстие, затворившееся за нимъ.

— Кормилица! вскрикнулъ король грохче: — кормилица!

Добрая женщина приближала.

— Что съ тобою, Шарло? спросила она.

— Кормилица, сказалъ король: — должно-быть, что-нибудь случилось пока я спалъ: я вижу ослѣпительный свѣтъ; я вижу Бога Создателя нашего; я вижу Иисуса, вижу благословенную Дѣву-Марию. Они просятъ, молятъ Его за меня: Господь милосердный прощаетъ меня... Онъ зоветъ меня... Боже мой! Боже! прійми меня въ твоёмъ милосердіи, забудь, что я былъ королемъ; я являю передъ Тобою безъ скипетра и короны. Господи, забудь преступленія короля и помни только страданія человека... Боже мой... передъ тобою...

И Карлъ, который, произнося эти слова, приподымался все больше-и-больше, какъ-будто идя на встрѣчу голосу, его зовущему, и пустилъ вздохъ и упалъ неподвижный, оцпенѣлый на руки кормилицы.

Въ продолженіи этого времени, пока солдаты, подѣ командо Катерины, занимали весь известный выходъ, откуда долженъ былъ выйти Генрихъ, онъ, въ сопровожденіи Рене, прошелъ по таинный корридоръ, достигъ калитки, вскочилъ на лошадь, поспѣвая къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ найти де-Муи.

Вдругъ, на шумъ его лошади по звонкой мостовой, нѣсколько часовыхъ обернулись, крича:

— Онъ бѣжить, бѣжить!

— Кто? спросила королева-мать, приближаясь къ окншку.

— Король Генрихъ, король наваррскій, кричали часовые.

— Стрѣлять! сказала Катерина: — стрѣлять въ него.

— Часовые прицѣлились, но Генрихъ былъ уже слишкомъ-далекъ.

— Онъ бѣжить, вскричала Катерина: — слѣдовательно, онъ по бѣжденъ!

— Онъ бѣжить, прошепталъ герцога д'Алансонъ: — слѣдовательно, я король.

Но въ эту минуту, когда Франсуа и мать его были еще у окна подѣбный мостъ зашумѣлъ подѣ ногами лошадей; раздался звукъ оружія и громкій говоръ; молодой человекъ, со шляпою въ руке, вскачь взѣхалъ на дворъ, восклицая: *Франція!* За нимъ слѣдовали четверо всадниковъ, покрытыхъ, подобно ему, потоми, пыною пылью.

— Сынъ мой! вскрикнула Катерина, простирая свои руки къ окншка:

— Маленька! отвѣчалъ молодой человекъ, соскакивая съ лошади

— Братъ д'Анжу! съ ужасомъ вскрикнулъ Франсуа, отскочнувъ назадъ.

— Не поздно ли? спросилъ д'Анжу у своей матери.

— Напротивъ: самъ Богъ не могъ бы привести тебя болѣе къста; смотри и слушай.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Нансей, капитанъ гвардіи, выходилъ на балконъ королевской комнаты.

Всѣ взоры обратились на него. Онъ переломилъ трость, и, размахнувъ руки, держа въ каждой изъ нихъ по обломку, произнесъ:

— Король Карлъ IX умеръ! король Карлъ IX умеръ! король Карлъ IX умеръ!

И бросающъ оба нуска трости.

— Да здравствуетъ король Генрихъ III, воскликнула тогда Катерина, крестясь съ набожною благодарностью. — Да здравствуетъ король Генрихъ III!

Всѣ повторили этотъ крикъ, включая герцога Франсуа.

— А! она насмѣялась надо мною, произнесъ онъ, раздирая рудъ свою ногтями.

— Я побѣдила, воскликнула Катерина: — и этотъ ненавистный герцогъ не будетъ царствовать.

ХVI.

ЭПИЛОГЪ.

Прошелъ годъ со смерти Карла IX и вступленія на престолъ его преемника.

Генрихъ III, благополучно царствующій милостію Бога и матери своей Катерины, отправился на торжественный ходъ, совершаемый въ честь клерикской Божіей-Матери.

Онъ вышелъ пѣшкомъ съ супругою и всѣмъ своимъ дворомъ.

Генриху III очень можно было предаваться этимъ маленькимъ развлеченіямъ: никакая важная забота не тяготѣла надъ нимъ въ это время. Король наваррскій былъ въ Наваррѣ, гдѣ ему такъ давно хотѣлось быть, и очень занимался, какъ говорили, одною прекрасною дѣвушкою изъ рода Монморанси, которую онъ называлъ la Fosseuse. Маргерита была при немъ, печальная и мрачная, и находила въ своихъ прекрасныхъ горахъ если не уничтоженіе, то по-крайней-мѣрѣ уменьшеніе двухъ главнѣйшихъ золъ плена: отсутствія и смерти.

Парижъ былъ очень-спокоенъ, и королева-мать, бывшая вполне довольна со-тѣхъ-мѣрѣ, какъ сынъ ея Генрихъ былъ королемъ,

жила то въ Луврѣ, то въ суассонскомъ отелѣ; находившеяся на томъ мѣстѣ, гдѣ теперъ хлѣбный базаръ. Теперъ отъ этого отела осталась только прекрасная колонна, которую можно видѣть противъ улицы.

Однажды вечеромъ, когда королева занималась изученіемъ свѣдѣній вмѣстѣ съ Ренѣ, маленькихъ измѣнъ котораго она и не подозревала, и который опять вошелъ къ ней въ милость, благодаря ложному свидѣтельству въ дѣлѣ Коконна и ла-Моля, — вдругъ пришли доложить ей, что кто-то имѣетъ сообщить ей важное дѣло и ждетъ ее въ молеельнѣ.

Она поспѣшно вышла и очутилась передъ Морвелемъ.

— Онъ здѣсь, сказалъ отставной капитанъ петардщиковъ, вопреки придворному этикету не давъ Катеринѣ времени обратиться къ нему съ вопросомъ.

— Кто онъ? спросила Катерина.

— Да кто же, ваше величество, если не король наваррскій?

— Здѣсь! произнесла Катерина:—здѣсь... онъ... Генрихъ... а зачѣмъ бы онъ пришелъ сюда, безразсудный?

— По-видимому, повидаться съ госпожею де-Совъ, только. Но вѣроятно въ-слѣдствіе заговора противъ короля.

— А какъ вы узнали, что онъ здѣсь?

— Вчера я видѣлъ, какъ онъ входилъ въ одинъ домъ: черезъ минуту пріѣхала и госпожа де-Совъ.

— Увѣрены ли вы, что это онъ?

— Я дожидался его выхода, т. е. порядочную часть ночи. Въ три часа, любовники вышли. Король проводилъ ее до воротъ Лувра; тамъ, благодаря сторожу, который, вѣроятно, на ихъ сторону, она вошла очень-спокойно, а король, напѣвая какую-то пѣсеньку, пошелъ назадъ такъ непринужденно, какъ-будто былъ посреди своихъ горъ.

— Куда же онъ возвратился?

— Въ Улицу-д'Арбр-Секъ, въ гостинницу à la Belle Étoile, къ тому самому трактирщику, у котораго стояли два колдуна, казненные по волѣ вашего величества въ прошломъ году.

— Отъ-чего вы мнѣ сейчасъ же не донесли объ этомъ?

— Потому-что я еще не вполне былъ увѣренъ.

— А теперъ?

— Теперъ я увѣренъ.

— Ты видѣлъ его?

— Совершенно. Я спрятался у виннаго торговца напротивъ. Сначала, онъ вошелъ въ тотъ же домъ, что и наканунѣ; потомъ, такъ-какъ она долго не являлась, онъ неосторожно показан-

ся въ окнѣ перваго этажа: тутъ всѣ мои сомнѣнія разсѣялись, тѣмъ болѣе, что черезъ минуту госпожа де-Совъ опять пріѣхала.

— И ты думаешь, что они, какъ и въ прошлую ночь, останутся до трехъ часовъ утра?

— Очень-вѣроятно.

— Гдѣ этотъ домъ?

— Близъ Круа-де-Пти-Шанъ, къ Сент-Онорѣ.

— Хорошо, сказала Катерина. — Господинъ де-Совъ не знаетъ нашего почерка?

— Нѣтъ.

— Садитесь сюда и пишите.

Морвель повиновался и взялъ перо.

— Я готовъ, ваше величество, сказалъ онъ.

Катерина продиктовала:

«Въ то время, какъ г. баронъ де-Совъ исполняетъ свою обязанность въ Луврѣ, баронесса съ однимъ щеголемъ, его пріятелемъ, находится въ домѣ близъ Круа-де-Пти-Шанъ, около Сент-Онорѣ. Г. баронъ де-Совъ узнаетъ домъ по красному кресту на стѣнѣ.»

— Что дальше? спросилъ Морвель.

— Сдѣлайте копию съ этого письма, сказала Катерина.

Морвель машинально повиновался.

— Теперь, сказала королева:—прикажите какому-нибудь ловкому чело­вѣку передать одно изъ этихъ писемъ господину де-Совъ, а другое пусть онъ обронитъ въ корридорахъ Лувра.

— Я не понимаю... сказалъ Морвель.

Катерина пожала плечами.

— Вы не понимаете, что мужъ, получившій подобную записку, рассердится?..

— Но мнѣ кажется, ваше величество, что онъ не сердился прежде на короля наваррскаго.

— Тотъ, кто спускаетъ нѣкоторыя вещи королю, не проститъ ихъ, быть-можетъ, простому волокитѣ. Впрочемъ, если онъ не рассердится, вы за него должны будете рассердиться.

— Я?

— Безъ всякаго сомнѣнія. Вы возьмете четырехъ, шестерыхъ чело­вѣкъ, если нужно, замаскируетесь, выломите двери, какъ-будто вы посланы барономъ, застанете любовниковъ на свиданіи и поразите ихъ во имя мужа; а на другой день, брошенное письмо, найденное какою-нибудь благодѣтельною душою и быстро пущенное въ ходъ, засвидѣтельствуетъ, что это было мщеніе мужа. Только по несчастному стеченію обстоятельствъ окажется, что любовникъ былъ

король наваррскій; но кто могъ себя вообразить это, когда всѣ думали, что онъ въ По?

Морвель съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Катерину, поклонился и вышелъ.

Въ то самое время, какъ онъ выходилъ изъ суассонскаго отеля, г-жа де-Совъ входила въ маленькій домикъ у Круа-де-Пти-Шанъ. Генрихъ ждалъ ее у полуотворенной двери.

Увидѣвъ ее, онъ тотчасъ же спросилъ:

— За вами никто не слѣдовалъ?

— Сколько мнѣ кажется, нѣтъ, сказала Шарлотта.

— А меня такъ, кажется, преслѣдовали, не только кто позвалъ, но даже нынѣшнимъ вечеромъ, сказалъ Генрихъ.

— Боже мой! вы меня пугаете, ваше величество! Если вниманіе къ старинной дружбѣ будетъ причиною вашего несчастія, я никогда не утѣшусь.

— Будьте спокойны, другъ мой, сказалъ Бонапартъ: — насъ угрожаютъ три шпaga.

— Три? это немного, ваше величество.

— Этому слишкомъ-довольно, если шпaги эти принадлежатъ де-Муи, Сокуру и Бартелеми.

— Такъ де-Муи съ вами въ Парижъ?

— Безъ сомнѣнія.

— Онъ осмѣялся возвратиться въ столицу! У него, слѣдовательно, какъ и у васъ, есть какая-нибудь бѣдная, влюбленная къ нему женщина?

— Нѣтъ. Но у него есть врагъ, котораго онъ нечаялся убить. Ненависть, моя милая, можетъ увлечать въ такія же дурачества, какъ и любовь.

— Благодарю, ваше величество...

— О! сказалъ Генрихъ: — я не говорю о настоящемъ; я говорю о прошедшихъ и будущихъ дурачествахъ. Но не будемъ спорить объ этомъ; намъ некогда терять время.

— Вы, значить, все-таки ѣдете?

— Нынѣче ночью.

— Слѣдовательно, вы окончили дѣла, для которыхъ возвратились въ Парижъ?

— Я возвращался только для васъ.

— Гасконецъ!

— *Ventre-saint-gris!* другъ мой, я говорю правду; но отстранить эти воспоминанія; мнѣ еще остается два или три часа быть счастливымъ, а потомъ — вѣчная разлука.

— О, ваше величество! одна моя любовь вѣчна.

Генрихъ только-что сказалъ, что ему некогда спорить оцъ и не спорить: оцъ повѣрилъ, или, не вѣра, притворился вѣрящимъ.

Между-тѣмъ, де-Мунъ съ двумя своими товарищами, какъ говорили король наваррскій, скрывался по сосѣдству дома. Они условились, что Генрихъ выйдетъ изъ маленькаго дома въ часъ зми-сто рѣки: что, такъ же, какъ и наканунѣ, они проведать г-жу де-Соръ до Лувра, и оттуда пойдутъ въ улицу Серизэ, гдѣ живетъ Морвель.

Де-Мунъ вчера только узналъ навѣрное, гдѣ живетъ драгъ его.

Они ждали уже около часа, какъ увидѣли, что къ маленькому домику приближился человекъ въ сопровожденіи другихъ пяти: переловой началъ примѣрять къ двери, одинъ за другимъ, нѣсколько ключей. Де-Мунъ, скрывавшійся во впадинѣ сосѣдней двери, однимъ скачкомъ очутился додъ этого человека, и схватилъ его за руку—

— Постойте, сказалъ оцъ:—сюда нельзя войти.

Незнакомецъ отскочилъ назадъ и при этомъ движеніи уронилъ шпагу.

— Де-Мунъ де-Сен-Фаль! вскричалъ оцъ.

— Морвель! заревелъ гугенотъ, обнажая свою шпагу.—Я тебѣ искалъ; ты самъ явился,—благодарю!

Но впадающая мнѣ злоба не встанила его позабыть о Генрихѣ: обратившись къ окошку, оцъ свиснулъ на манеръ баварскихъ па-стуховъ.

— Этого достаточно, сказалъ оцъ Сокуру.—Теперь ко мнѣ, убійца! ко мнѣ!

И оцъ бросился на Морвеля.

Морвель успѣлъ выдернуть изъ-за пояса пистолетъ.

— На этотъ разъ, сказалъ оцъ, прицѣлывался въ молодого человека:—я надѣюсь, что ты убитъ.

И оцъ выстрѣлилъ. Но де-Мунъ отпрыгнулъ вправо, и пуля про-летѣла мимо.

— Теперь моя очередь, вскрикнулъ молодой человекъ. Оцъ нанесъ Морвелью такой сильный ударъ, что хотя шпага попала въ кожаный поясъ, но прорубила его и вошла въ тѣло.

Убійца испустилъ лютый крикъ, свидѣтельствовавшій такое глу-бокое страданіе, что бывшіе съ нимъ, почитая его убитымъ, бро-сились въ испугъ къ Улицѣ-Сент-Онорэ.

Морвель былъ не изъ храбрыхъ: видя себя оставленнымъ своимъ долымъ передъ такимъ противникомъ, какъ де-Мунъ, оцъ забла-горасудилъ послѣдовать ихъ примѣру, и въ свою очередь бро-сился по той же дорогѣ, крича: помогите!

Де-Мунъ, Сокуръ и Бартеlemi сгоряча бросились ихъ преслѣ-довать.

Когда они въбѣжали въ Улицу-де-Гренель, чтобъ отрезать бѣглецамъ дорогу, вдругъ отверглась окно, и человекъ изъ перваго этажа выскочилъ на землю, только-что смоченную дождемъ.

Это былъ Генрихъ.

Свистъ де-Муи уведомилъ его объ опасности, а пистолетный выстрѣлъ, давъ ему знать, что опасность велика, заставилъ его броситься на площадь къ друзьямъ своимъ. Пылкій и сильный, онъ ринулся по ихъ слѣдамъ со шпагою въ рукъ.

Крикъ, раздавшійся въ сторонѣ Сен-Жерменской-Заставы, навелъ его на слѣдъ. Это кричалъ Морвель, который, чувствуя, что де-Муи его догоняетъ, снова звалъ на помощь разбѣжавшихся отъ ужаса людей своихъ.

Ему оставалось или обернуться, или быть проколотымъ сзади. Морвель обернулся и встрѣтилъ жельзо своего противника, который нанесъ ему такой сильный ударъ, что прокололъ насквозъ поясъ. Въ мгновеніе ока, де-Муи повторилъ ударъ; сталь снова вошла въ тѣло, и кровь двойною струею брызнула изъ двойной раны.

— Попадется! воскликнулъ подоспѣвшій Генрихъ. — Коли его, де-Муи.

Де-Муи не нуждался въ одобреніи; онъ опять бросился на Морвеля, но Морвель не дожидаясь его: закрывъ лѣвою рукою свою рану, онъ пустился въ отчаянное бѣгство.

— Бей его! бей! кричалъ король. — Его солдаты остановились!

Съ стѣсненнымъ дыханіемъ, покрытый потомъ, Морвель вдругъ упалъ отъ изнеможенія; но онъ сейчасъ же привсталъ, и, стоя на колѣнѣхъ, встрѣтилъ де-Муи остриемъ своей шпаги.

— Друзья! друзья! кричалъ Морвель: — ихъ только двое! Стрѣляйте! стрѣляйте въ нихъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, Сокуръ и Бартелеми, преслѣдуя двухъ солдатъ, забѣжавшихъ въ улицу де-Пуль, удалились въ сторону, такъ-что въ настоящую минуту король и де-Муи находились только вдвоемъ противъ четырехъ человекъ.

— Стрѣляйте! продолжалъ реветъ Морвель, между-тѣмъ, какъ одинъ изъ солдатъ уже оканчивалъ нужныя для этого приготовленія.

— Да, но прежде умри, — извѣстникъ; умри и будь проклятъ какъ убійца!

Схвативъ одною рукою шпагу Морвеля, де-Муи другою возмилъ ему въ грудь свой клинокъ до самой рукоятки съ такою силою, что пригвоздилъ его къ землѣ.

— Берегись, берегись! кричалъ Генрихъ.

Де-Муи отскочилъ назадъ, оставя свою шпагу въ груди Мор-

ли; солдатъ уже прицѣлился въ него и убилъ бы его на-поваль; но въ это самое время Генрихъ прокололъ солдата насквозь. Онъ упалъ вонъ Морвеля, а другіе разбѣжались.

— Идемъ, де-Мун, идемъ! сказалъ Генрихъ: — если насъ узнать, всему конецъ.

— Подождите, ваше величество. А моя шпага? сказалъ де-Мун: — не думаете ли вы, что я ее оставляю въ тѣлѣ этого подлеца?

И онъ подошелъ къ Морвелю, лежавшему, по-видимому, безъ движенія; но только-что де-Мун наложилъ руку на эфесъ своей шпаги, какъ Морвель привсталъ, вооруженный ружьемъ, которое солдатъ уронилъ при своемъ паденіи, и въ-упоръ выстрѣлилъ въ грудь де-Муна. Молодой человѣкъ упалъ, даже не вскрикнувъ: онъ былъ убитъ на-поваль.

Генрихъ бросился на Морвеля, но тотъ упалъ въ свою очередь, и шпага Генриха приколола уже трупъ.

Цѣра было бѣжать; шумъ стычки привлекъ многихъ свидѣтелей. Могла прійти ночная стража. Генрихъ искалъ въ любопытной толпѣ знакомаго лица, и вдругъ вскрикнулъ отъ радости.

Онъ узналъ ла-Гюрьера.

Такъ-какъ вся описанная нами сцена происходила близъ креста дю-Трагуаръ, то-есть, претивъ Улицы-д'Арбр-Секъ, то старый нашъ законный, котораго природное суровое расположеніе духа еще болѣе помрачилось со смерти ла-Моля и Коконна, его любимыхъ поствальцевъ, — услышавъ шумъ, бросилъ свои кастрюли и сковороды, въ которыхъ приготовлялъ ужинъ наваррскому королю, и прибѣжалъ на мѣсто дѣйствія.

— Любезный ла-Гюрьеръ, отдаю на твое попеченіе де-Муна, хотя и боюсь, что уже поздно. Отнеси его къ себѣ, и если онъ еще живъ—не жалѣй ничего: вотъ мой кошелекъ; что жъ касается до другаго, пусть онъ остается на мѣстѣ и гниѣть какъ собака.

— Но вы? сказалъ ла-Гюрьеръ.

— Я? мнѣ еще нужно проститься. Я бѣгу и черезъ десять минутъ буду у тебя; чтобъ лошади мои были готовы.

И Генрихъ дѣйствительно побѣжалъ въ направленіи къ маленькому домику; но достигнувъ Улицы-Гренелль, онъ остановился въ ужасѣ.

Многочисленная толпа собралась у дверей дома.

— Что тутъ? спросилъ Генрихъ: — что случилось?

— О! отвѣчалъ тотъ, къ кому онъ обратился:—большое несчастіе, сударь. Тутъ сейчасъ только поразилъ кинжаломъ прекрасную молодую женщину мужъ ея, котораго извѣстили запискою, что жена его здѣсь съ любовникомъ.

— А мужъ? спросилъ Генрихъ.

- Спасся.
 — А жена?
 — Она здѣсь.
 — Мертва?
 — Нѣтъ еще; но, благодаря Бога, не уйдетъ отъ смерти.
 — О! вскричалъ Генрихъ:— я проклятъ!

И онъ бросился въ домъ,

Комната была полна народа; все толпилось около постели, на которой лежала несчастная Шарлотта, пораженная двумя ударами кинжала.

Мужъ ея, въ продолженіи двухъ дѣтъ скрывавшій ревность свою къ Генриху, воспользовался этимъ случаемъ для мщенія.

— Шарлотта! Шарлотта! кричалъ Генрихъ, расталкивая толпу и падая на колѣни возле ея кровати.

Шарлотта открыла свои прекрасные глаза, уже подернувшіеся тѣнью смерти, испустила крикъ, вызвавшій кровь изъ ея ранъ, и, дѣлая усиліе, чтобы приподняться, сказала:

— Я знала, что не могу умереть, не увидѣвъ его.

И въ-самомъ-дѣль, какъ-будто она ждала только этой минуты, чтобы вручить Генриху душу, которая его такъ любила, она приложила свои губы ко лбу короля паварскаго, процедила еще въ послѣдній разъ «люблю тебя» и упала бездыханная.

Генрихъ не могъ долго оставаться, не подвергаясь гибели. Онъ вынулъ кинжалъ, отрезалъ локоны прекрасныхъ волосъ, которые такъ часто расчесываетъ, любуясь ихъ длиною, и, рыдая, вышелъ сквозь рыдающую толпу, которая и не догадывалась, какія глубокія несчастія она оплакивала.

— Друзья, любовь, воскликнулъ Генрихъ въ отчаяніи:— все меня покидаетъ, все меня оставляетъ, всего лишая я въ одно время!

— Да, ваше величество, сказалъ ему тихо человекъ, отдѣлившійся отъ толпы любопытныхъ, окружавшихъ домъ и следовавшій за Генрихомъ:— но вамъ остается престолъ.

— Рене! вскрикнулъ Генрихъ.

— Тождо-какъ, ваше величество, Рене, вась охраняющій: этотъ подлець, умирая, назвалъ вась по имени; теперь знаютъ, что вы въ Парижъ; вась ищутъ; бѣгите, бѣгите!

— И ты говоришь, что я буду королемъ, Рене? Я, бѣглець?

— Взгляните, государь, сказалъ Флорентинець, указывая королю на звезду, которая, сверкая, отдѣлялась отъ чернаго облака:— не я это говорю, а она.

Генрихъ глубоко вздохнулъ и исчезъ во мракъ.

С Т А Р У Ш К Ъ

Когда еще твой локонъ длинный
Вился надъ розовой щекой,
И я былъ юноша чистый,
Чистосердечный и пустой, —
Ты помнишь: кой-о-чемъ мечтали
Съ тобою мы по вечерамъ.
И — не забыла ты — давали
Свободу полную глазамъ.
И много высказалось взоромъ
Желаній тайныхъ, тайныхъ думъ,
Но побѣдилъ моральнымъ вздоромъ
Въ насъ сердце искаженный умъ.
И разошлись мы полюбово,
И страсть разсѣялась какъ дымъ...
И чрезъ пол-жизни хладнокровно
Опять сошлись мы — и хранимъ
Молчанье чистое... Такъ-то!
Когда бъ изъ забытку смилъ младцы
Побольше разума да такта —
Не такъ бы былъ и горько-тихъ,
Былъ часъ случайной поздней встрѣчи,
Не такъ бы ждала насъ печаль,
Иной тоной звучали бъ рѣчи,
Иначе было бъ жизни жаль...

Н. Н — вѣ,

18-го мая 1865.

СТАРОЕ ЗЕРКАЛО.

Послѣдъ.

(В. Н. П—овъ).

Буйная мятель разъигралась въ полѣ; узоры, вытканные морозомъ, заволокли окна моего ветхаго дома, и скоро ночь ляжетъ на пустынный окрестности села. Березы, прохладною тѣнью освѣжившія деревенскій пріютъ, теперь, при каждомъ порывѣ неравнаго вѣтра, упрямо склоняютъ свои вершины и жесткими, обнаженными вѣтвями бьютъ въ стѣну. По-временамъ собака вторитъ завываніямъ бури...

Какъ печально однообразіе нашихъ деревень въ зимнее время! Я сидѣлъ у окна, которое выходило въ садъ, и слѣдилъ за отходящимъ днемъ. Предметы быстро тонули въ сумеркахъ. Вотъ исчезла свѣтлая полоса рѣки, отдѣляющей нашу деревню отъ соседней; деревья сада приняли неясныя формы; въ окрестныхъ избахъ замелькали огни. Черезъ минуту все утихло, кромѣ бури и моей мысли.

Въ комнатѣ моей еще не было огня — да и зачѣмъ онъ мнѣ! Свѣтъ и шумъ пугаютъ воображеніе, настроенное на печальный ладъ. Они выводятъ изъ забвѣнныя мысли, которая такъ привольно и радостно устремляется порою въ туманную даль прошедшаго — эту обѣтованную землю всѣхъ недовольныхъ жизнью, обманутой настоящимъ.

Я не засталъ въ живыхъ ни отца, ни матери. Старость свела ихъ въ могилу прежде, чѣмъ успѣлъ я оторваться отъ городскихъ заботъ и служебныхъ обязанностей. Вокругъ меня, по разнымъ угламъ комнаты, разбросано скудное наслѣдство — завѣтъ родительской любви. Я внимательно перебиралъ каждую мелочь, думая найти указаніе прежней жизни, слышать голосъ старины.

На голосовъ не было, кромѣ кашля старой няни, которая зажимала чужой вѣкъ,—и память моя напрасно искала слѣдовъ отжитаго. Впечатлѣнія дѣтства не выходили изъ глубокаго тумана. Новая жизнь, какъ суровая парка, отрѣзываетъ первыя нити нашей жизни, и только сильный толчокъ особенно-важныхъ случаевъ обрапашаетъ наши взоры въ ту сторону, изъ которой мы вышли навсегда. Смерть отца или матери, неожиданное счастье или несчастье ижеальнаго товарища, видъ луга, на которомъ играли, сновидѣніе, мгновенно и ярко воскресившее передъ нами прежній бытъ,—вотъ что заставляетъ насъ быть снова дѣтьми или юношами, вадыхать или смѣяться, думать, что унесло время, и спрашивать, что принесло оно съ собою.

Блуждая по угламъ залы, неукрашенной фамильными портретами, глаза мои остановились на старомъ, почернѣвшемъ отъ времени зеркалѣ. Не знаю, какая-то особенная сила влечетъ меня къ остаткамъ позолоты на его рамѣ, къ темнымъ пятнамъ на стеклѣ. Мнѣ любо всматриваться въ туманную даль, которая разстилается передо мною, замѣчать сліяніе свѣта и сумрака на его поверхности, слѣдить за трепетомъ тѣней, мелькающихъ тамъ, въ зеркальной сторонѣ.

Это зеркало, какъ старый знакомецъ, напомнило мнѣ давнишніе случаи. Во тѣмъ минушаго я начинаю различать семейныя эпохи, образы лицъ, когда-то очень-знакомыхъ, не отъ времени ставшихъ чуждыми. Я радостно хватаюсь за найденную нить, иду осторожно по открытымъ слѣдамъ... Вотъ полустертые слова и буквы на ветхой рамѣ, выведенныя булавкой, — кто написалъ ихъ, не помню: можетъ-быть, мои сестры въ прекрасную пору сердечныхъ движеній; можетъ-быть, я самъ, въ тѣ безпечные годы, когда не хочешь знать ни того, что пишетъ рука, ни того, что говоритъ сердце...

Бывало, сестры и братья шумной толпой прибѣгутъ въ ту комнату, гдѣ висѣло зеркало, поспорятъ не зная о чемъ, и потомъ уйдутъ, оставивъ меня одного. Тогда я подходилъ къ зеркалу и любилъ смотрѣть на солнце, которое отражалось въ немъ изъ противоположнаго окна. Невыносимый блескъ рзалъ глаза, слезы текли ручьями, а я все стоялъ и смотрѣлъ, желая пересилить себя: мнѣ это нравилось, какъ ребенку.

Но поздно вечеромъ я боялся зеркала. Иногда батюшка посылалъ меня въ темную комнату за расходной книгой или счетами. Затаявъ дыханіе, не смѣя взглянуть въ сторону, поспѣшно проходилъ я мимо зеркала. Мнѣ чудились какіе-то образы въ тусклой глубинѣ его; казалось, кто-то неслышимый шелъ за мною, кто-то невидимый смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Часто я слышалъ свое имя, слышалъ-то промажосимое, но никогда не оглядывался.

Мне жила тогда весело. Раза два въ неделю съѣзжались въ мнѣ гости, больше для карты, рѣдко для танцевъ. Сестры недурно играли на фортепьяно. Но вдругъ эта веселая жизнь пришла совершенно-иное направление. Можно было подумать, что все семейство наше надъево трауръ, или грозная оспа поразила батюшку. Тихо отворялись и затворялись двери, раньше запирались верета, посвященія знакомыхъ почти прекратились; ни пѣсень въ двичьей, ни хохота свестеръ. Слуги ходили робко, не смѣялись взглядами. Я мало заботился о причинахъ переменъ въ образъ жизни, но самая перемена была неприятна девятилѣтнему мальчику. Я побуждалъ къ своему дядкѣ. «Послушай» спросилъ я: «вѣрно у насъ кто-нибудь боленъ?» — «Нѣтъ» отвѣчалъ онъ стурмысто: «никто не боленъ.»

Разъ, послѣ долгаго бѣганья въ саду, я пришелъ въ комнату и бросился въ большія кресла передъ зеркаломъ. Солнце уже садилось, шторы были опущены. Усталость одолевала неутомимнато жадина, чинина и полусвѣтъ навели на меня сладкое забытье: я задремалъ. Сначала мнѣ грѣзилось, что чей-то невыразимо-приятный голосъ напѣваетъ колыбельную пѣсню, отъ которой мнѣ хотѣлось и плакать и смѣяться; потомъ закружились передо мной мальчнни, цѣтны, стрелы и сердитое лицо дядки.

Вдругъ скрипнула дверь. Я очнулся и вижу: матушка осторожно вступила въ комнату. На ней было богато платье, которое возвышало ея красоту, и безъ того рѣдкую. Она тихо подошла къ креслу, печально наклонилась надъ моей головой, взяла обидла моя и горько заплакала — о чемъ? не знаю.

Мнѣ стало жаль ея. Я обнялъ руками ея шею и громко спросилъ: «что ты, мамонька? что съ тобой?..» Но она зажала мнѣ ротъ и послѣдшне оставила комнату.

Какъ только она ушла — вошелъ отецъ, суровый отецъ мой, который строго смотрѣлъ въ глаза дѣтямъ. Я притворился спящимъ, полускрывъ глаза. Онъ тоже подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на шею въ зеркало, потомъ поцѣлывалъ меня въ голову и вдохнулъ — о чемъ? также не знаю.

Съ-тѣхъ-поръ прошло много времени. Отецъ и мать умерли; съ ними вмѣстѣ умерла для меня тайна слезъ и вздоха. Я выросъ, выросъ въ свѣтъ. Потокъ новой жизни отбилъ меня отъ рѣдкихъ береговъ; которые больше и больше скрываются въ отдаленія. Но теперь, когда собственный опытъ показалъ мнѣ тѣмноту величезашной тайны или силу нераздѣленной скорби; я прихожу въ раздумье и часто себя спрашиваю: о чемъ она такъ горько плакала? отъ-чего она-такъ глубоко вздыхала?

Напрасные вопросы! никто не отвѣчалъ на нихъ. Я пересталъ

вызвать воспоминаніе старушки-няни; оно было безчувственно, какъ тѣ могилы, въ которыхъ покоились мои родители. Урокъ родительской жизни — можетъ-быть спасительный урокъ — погибъ невозвратно.

О, родители... любезные, но легкомысленные родители! Пускай бы вы приносили насъ въ жертву грозной необходимости настоящаго, или высокаимъ надеждамъ будущаго: безъ трепета и проклятій вскопали бы мы на костеръ, во имя человечества. Но вы безопасно предавали дѣламъ вашей жизни, забывая жизнь потомства: не понимая дѣтей, вы лишаете ихъ возможности понимать васъ. Въ духовной вашей не исповѣдь жизни, а право на домашнюю рухлядь, и сынъ, вступая въ отцовскія владѣнія, увидитъ покорныя головы, но никто не скажетъ ему, что думали и чувствовали его родители!..

Лишь-только я кончила эту ораторскую выходку, какъ заступали въ ворота. «Кого это Богъ несетъ?» проговорила няня и пошла открыть неожиданому гостю. Я приготовился къ встрѣчѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, вошелъ низенькій, сѣдой какъ дубъ, но еще бодрый старичокъ. Румяныя, полныя щеки его показывали, что, не смотря на сѣдые волосы, онъ сберегъ свое здоровье, какъ только могутъ сберегать его постоянные деревенскіе жители, которые строго соблюдаютъ условія растительной жизни, т. е. питаются и растутъ, или питаются и не растутъ уже. Онъ откомендовался мнѣ сосѣдомъ по деревнѣ, Иваномъ Никитичемъ Тюрицкимъ, прибавивъ:

— Ахъ ты, Господи, какой сибирякъ! Такъ всего и занесло. Вотъ уля погодка!.. Вы не застали въ живыхъ наеньки и маменьки?.. Скажите, какое несчастіе! Они болело горевали о васъ. Вы были ихъ любимыи сынокъ и лицомъ все въ маменьку, какъ дѣвочки въ воду! А пословица говоритъ: «счастливыи сынъ, который уродился въ матушку». Вѣдь я, позвольте вамъ сказать, еще помню васъ маленькаго, вотъ какого; я васъ на рукахъ носилъ.

Я поблагодарилъ его за память, хотя самъ не могъ припомнить, когда и какъ онъ меня нянчилъ.

— Ну что? продолжалъ онъ, смѣло входя въ разговоръ: — какъ вы распорядитесь устроить своей дѣлѣ? И напередъ знаю, вы захотите жить съ наинимъ-братомъ деревенщиной. Въ деревнѣ будешь жить скучно, столичному человеку. Вѣдь вы, чай, одного жалованья хотите получать тысячу до пяти?

Я кивнулъ головою въ знакъ согласія.

— Ну, вотъ видите ли? Кто же вамъ велитъ покинуть Москву? Завѣсь вамъ двѣдцать нечего. У васъ двѣдцать тяглы; по нынѣшнимъ неурожаямъ всего-то съ нихъ придется получить рублей

тысячу, а хлопотъ подождать ротъ... Я по себѣ это знаю, похвалите мнѣ, Алексѣй Петровичъ.

Тутъ онъ остановился и началъ кашлять. Я молчалъ.

— Знаете ли что, Алексѣй Петровичъ? Продайте мнѣ имѣніе. Мнѣ оно, конечно, не очень-нужно... ну, да вамъ надобно же будетъ продать его.

Мнѣ понравилось, что сосѣдъ мой безъ дальнихъ обходовъ приступалъ къ дѣлу. Имѣніе, дѣйствительно, следовало продать; я согласился на предложеніе.

— И домъ? прибавилъ онъ.

— Все, что вамъ угодно, кромѣ вотъ этого зеркала.

Старикъ посмотрѣлъ на меня въ оба.

— Вы удивляетесь, Иванъ Никитичъ?.. Такъ, это моя прихоть, маленькій капризъ. — Надежда узнать что-нибудь о моихъ родителяхъ заставила меня оставить ложную скромность.— Видите ли что, Иванъ Никитичъ: это зеркало дорого мнѣ по одному воспоминанію изъ дѣтской жизни, — и я рассказалъ ему памятный мнѣ случай.

Иванъ Никитичъ задумался и уставилъ глаза въ землю. Потомъ, не смотря на меня, проговорилъ въ-полголоса: папенька вашъ былъ умный... почтенный человекъ.

Пульсъ мой забился сильнѣе; я весь превратился въ слухъ.

— Дѣ, продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ: — и маменька ваша была такая добрая... почтенная.

У проклятаго старика какъ-будто зашло въ горло, тогда-какъ я готовъ былъ платить по рублю за каждое его слово. Свиданіе могло кончиться ничѣмъ, еслибъ не взаимныя выгоды наши. Я сталъ ласковѣе, старикъ разговорчивѣе. Слово-за-слово, и онъ рассказалъ мнѣ, *по-своему*, исторію загадочнаго случая, которую передаю моимъ читателямъ, тоже *по-своему*.

I.

Самоваръ давно уже кипѣлъ, какъ-бы ворча на медленность Варвары Алексѣевны Горькиной, которая сидѣла на канане и занималась раскладкою гран-насынаса. Противъ нея, въ большихъ креслахъ, Ольга Ивановна (фамилія ея никто не зналъ; даже на письмахъ къ ней писали просто: Ольга Ивановнѣ) съ удивительнымъ вниманіемъ наблюдала за каждой выходящей картой. Ея неподвижность, холодное, ничего-невыражающее лицо, а главное — бѣлыя, довольно-длинные рѣсницы и черные глаза, что очень-рѣдко соединяется въ одномъ лицѣ, но что однакожъ было у Ольги Ивановны, отталкивали отъ нея всякаго, по-крайней-мѣрѣ на первый

ратъ. Она имѣла особенный даръ не смотреть прямо въ лицо тому, съ кѣмъ говоритъ: знакъ нечистой совѣсти, или чрезвычайной хитрости. Варвара Алексѣевна любила ее по многимъ причинамъ: обѣ онѣ принадлежали къ числу старыхъ дѣвъ, обѣ были однолѣтки, то-есть вдовоемъ имѣли около столѣтія, обѣ воспитывались... виноваты, обѣ нигдѣ не воспитывались. Притомъ же Ольга Ивановна охотно слушала рассказы своей пріятельницы о частыхъ ссорахъ ея съ родными и знакомыми, смачивала ей табакъ, указывала ошибки въ грам-пашьянсахъ и мастерски гадала на картахъ. Кромѣ этихъ двухъ почтенныхъ особъ, въ небольшихъ комнатахъ, занимаемыхъ Варварой Алексѣевной, помѣщались Соничка и Митя, дальнѣйшіе ея родственники, сиротки. Въ этотъ вечеръ они дѣлали то же, что дѣлали почти каждый вечеръ: возили маленькую колясочку и шумели. На диванѣ, подлѣ хозяйки, храпѣла жирная моська Сильфида.

— Нѣтъ, не выходите! сказала Варвара Алексѣевна, потерявъ терпѣніе и бросивъ карты. — Ольга Ивановна, налейте, пожалуйста, чаю. Вотъ, говорятъ, смѣшно вѣрить картамъ, а я по себѣ знаю, что нельзя имъ не вѣрить. Грѣшно, можетъ-быть, а смѣху нѣтъ никакого. Третьяго-дня вышла мнѣ непріятность: пиковый тузъ легъ на сердце. Что жъ? вѣдь такъ и случилось: вчера я поссорилась съ Говорковой, и теперь ужъ полно уважать эту старую дуру.

— Да кто жъ это, матушка, говоритъ, что карты врутъ? спросила Ольга Ивановна, не подымая глазъ.

— Какъ кто? философъ нашъ, Платонъ...

Съ этимъ словомъ Платонъ Петровичъ Глобовъ вошелъ въ комнату.

— Смотрите, какъ онъ легокъ на поминъ, закричала Варвара Алексѣевна. — Не успѣли мы выговорить его имени, а онъ ужъ передъ нами, какъ листъ передъ травой.

— Я только на поминъ легокъ, а во всемъ прочемъ солиденъ, сказалъ Глобовъ, подходя къ рукъ хозяйки и смѣясь своей остроумной, впрочемъ, никто, кромѣ его, не замѣтилъ. — Здравствуйте, Варвара Алексѣевна; мое почтеніе, Ольга Ивановна; здорово, Митя.

Приходъ Глобова, часто посѣщавшаго Горькину, оживилъ небольшую компанію. Варвара Алексѣевна засыпала его вопросами, Митя карабкался къ нему на колѣни, горничная Палашка выглядывала изъ своей конурки, даже Сильфида, отъ жира едва-перевѣсившая ноги, кой-какъ свалилась съ дивана и радостно замахаивала хвостомъ.

— Чтò это, батюшка, пропалъ совѣтъ? ровно двѣ недѣли глазъ показывалъ! Я ужъ собиралась служить по тебѣ паннихиду.

— Нельзя было, Варвара Алексѣевна: дѣла...

— И, полно врать: какія у тебя дѣла! Чай, волочился на-палую?

— Нѣтъ, Варвара Алексѣевна, я пересталъ волочиться. Прежде нечего грѣха таить, водились за мной шалости, а теперь не до го. Я къ вамъ зашелъ на минутку, проститься.

— Какъ проститься?

— Завтра я ѣду.

— Куда?

— Къ себѣ въ деревню.

Извѣстіе, видно, было неожиданное. Рука Варвары Алексѣевны отправилась-было въ табакерку, но на полдорогѣ остановилась; Ольга Ивановна вполонину подняла рѣсницы; Соничка и Митя змолкли; Сильфида перестала махать хвостомъ.

— Вы знаете, началъ Платонъ Петровичъ:—послѣ батюшки осталось маленькое наследство, которое до-сихъ-поръ еще не раздѣлено. Братья и сестры вызывали меня разъ двадцать; я столько разъ собирался къ нимъ и все откладывалъ поѣздку. Скоро ли вы беретесь изъ Москвы! то то, то другое останавливаетъ на каждомъ шагу. А тамъ, глядишь, два года проходятъ, какъ два дня. И послѣднемъ нисемъ, родные настоятельно просятъ меня покончить дѣло; я взялъ отпускъ, нанялъ лошадей, и завтра ѣду.

— Вотъ что... ну, это дѣло нужное, надо поспѣшать. Поѣзжай батюшка, съ Богомъ. Только слушай, уговоръ лучше денегъ: какъ-только воротиться, тотчасъ приходи къ намъ и все расскажи; а не то рассорюсь съ тобой навѣкъ.

— Исполню ваше приказаніе.

— То-то же, смотри.— Не угодно ли чаю? Палашка! что жъ ты разинула ротъ? подай Платону Петровичу трубку; ты знаешь, онъ кушаетъ чай съ трубкой.—Счастливой дороги, батюшка, благополучнаго пути; устройвай свои дѣла, да возвращайся скорѣе въ Москву. Кстати, Ольга Ивановна, вы мастерица гадать: погадайте-ка нашему гостю.

Глобовъ засмѣялся.— Къ-чему это, Варвара Алексѣевна? Вы знаете, я плохо вѣрю картамъ.

— Ахъ, батюшка, по-чѣмъ знать, что съ тобой тамъ случится? Можетъ-быть, ты влюбиться и женишься; на это немного нужно времени.

— Чтобъ жениться? ваша правда; но довольно-трудно мнѣ влюбиться. Я вышелъ изъ числа селадоновъ. Вся эти романтическія бредни, которыя такъ долго кружили мнѣ голову, наконецъ, благодаря Бога, оставили меня въ покоѣ; сердце мое свободно отъ постоя. Мнѣ такъ хорошо въ новомъ моемъ положеніи, что я

не думаю съ нимъ разстаться. Нѣтъ, полно мнѣ страдать, т. е. влюбляться. Теперь мое скромное желаніе — *хозяйка, да шей горюшки, да сажь-большой.*

— Прежде вы, вѣрно, не такъ думали, замѣтила Ольга Ивановна, тасуя карты.

Глобовъ вздрогнулъ.

— Прежде? подумалъ онъ.— А что тебѣ за дѣло, кievская вѣдьма, до моего прежняго? Я знаю, каково оно было, и больше меня никому не знать его.

Между-тѣмъ, Ольга Ивановна, пошептавъ что-то на треновомъ король, начала его обкладывать картами справа и слева, сверху и снизу. Какъ нарочно, изъ колоды лѣзли все одни пики, Варвара Алексѣевна сомнительно качала головой, Платонъ Петровичъ болталъ съ Соничкой. Онъ точно не вѣрилъ картамъ, но, какъ всѣ люди слабого характера, боялся гаданья. Его пугали глупыя предсказанія бабъ и юродивыхъ, хотя тѣ же несчастія онъ имѣлъ возможность предполагать самъ каждый день, каждый часъ.

— Дорога! начала Ольга Ивановна.

— Вы угадали: я сейчасъ сказалъ, что завтра ѣду.

— Дорога, повторила Ольга Ивановна: — потомъ неожиданная остановка.

— Дѣло возможное: сломается ось, захромаетъ лошадь, собьются съ дороги.

— Въ какомъ-то домѣ вы найдете приятную компанію.

— Я думаю, на постояломъ дворѣ. — Дорога большая, народу съѣзжается такъ много, что я легко могу встрѣтить знакомыхъ батюшки, или моихъ бывшихъ товарищей по университету.

— Бубновая дама плѣнитъ ваше сердце.

— А! вотъ гдѣ завязка!

— Вы горячо ее полюбите, и она къ вамъ будетъ неравнодушна.

— Давай-то Богъ!

— Любовь ваша кончится марьяжемъ.

— Быть не можетъ! любовь и марьяжъ развѣ сходятся вмѣстѣ!

— Послѣ марьяжа... Тутъ Ольга Ивановна остановилась, выкладывая послѣднія карты.

— Ну, что жь послѣ марьяжа? спросила Варвара Алексѣевна.

Ольга Ивановна молчала, осматривая положеніе картъ. Потомъ вдругъ смѣшала ихъ, не сказавъ ни слова.

— Ты съ ума сошла, матушка, закричала Варвара Алексѣевна: — не кончивъ гаданья, бросаешь карты.

— Такъ, Варвара Алексѣевна, я все сказала; мало ли что говорить глупыя карты!..

Глобовъ призадумался. Ему и безъ того не нравилась Ольга Ивановна, а теперь онъ просто почувствовалъ къ ней отвращеніе, неполамъ съ боязнію. Ольга Ивановна была въ глазахъ его чуть не колдунья. Онъ хотѣлъ обратить въ шутку послѣднія слова ея, но шутка выходила плоскою, слова какъ-то не клеились. Тревожное раздумье невольно выступало на лицѣ, просвѣчивало въ глазахъ, отзывалось въ несвязной рѣчи. Желая поскорѣй выйти изъ непріятнаго положенія, онъ взялъ шляпу и простился съ Варварой Алексѣевной на цѣлый мѣсяць.

Больше всѣхъ сердилась и не могла утѣшиться Варвара Алексѣевна. — Я въ первый разъ вижу такое глупое гаданье, повторала она: — половина картъ еще въ рукахъ, а вы ихъ мѣшаете.

Когда Глобовъ вышелъ на улицу, звѣзды уже усыпали небо. Теплая июльская ночь призывала къ раздумью и любви. По бульварамъ, которыми Москва такъ справедливо гордится передъ Петербургомъ, бродили толпы гуляющихъ, очень-довольныхъ тѣмъ, что стихотворцы могутъ воспѣвать прелести лѣта, не дрожа отъ холода и не прячась отъ дождя. Кой-гдѣ запоздалыя шарманки вымѣщали на галопѣ бѣдный сборъ дневнаго странствія; по-временамъ, изъ открытыхъ оконъ дальняго домика, окруженнаго садомъ, неслась пѣснь флейты, унылая какъ жалоба на измѣну счастья въ прошломъ, на недовѣрчивость сердца къ счастью въ будущемъ... Глобовъ избѣгалъ многолюдства и встрѣчь съ знакомыми. Забота ль объ отъѣздѣ, или выходка гадалщицы настроили его на меланхолическій тонъ, но только тяжелое чувство шемило его сердце. Онъ выбиралъ уединенные переулки, предпочитая дѣлкій обходъ невыносимому для него шуму и движенію. Тамъ все было тихо, въ этихъ скромныхъ переулкахъ, которые, не во гнѣть столицѣ, позволено назвать проселочными дорогами города, и всего тише невымощенная улица. И до-тѣхъ-поръ, пока дворняшка не тявкнетъ изъ подворотни или не предложитъ услугъ своихъ извозчикъ, который подѣдетъ къ вамъ на почтовыхъ, а повезетъ на долгихъ, вы можете свободно предаться мечтамъ своимъ. Глобовъ то и сдѣлалъ. Онъ былъ далеко. Онъ мысленно осмотрѣлъ путь своей жизни, измѣряя то, что пройдено, и строя предположенія о томъ, что надобно еще пройти. Безъ привязанностей болѣе или менѣе сильныхъ, жить нельзя: онъ были у Глобова. Съ одной стороны, университетскіе товарищи, которыхъ онъ почему-то называлъ друзьями, съ другой — любовь, которая никогда не восходила до истинной страсти. Легко разрываются такія цѣпи; но Глобовъ жалѣлъ ихъ, безсильный и бросить непрочное и завязать крѣпкое. Въ этотъ вечеръ, когда семейныя обстоятельства вызывали его изъ Москвы въ деревню, передъ нимъ, больше чѣмъ

когда-нибудь, ложился вопрос: что ожидает тебя там? что оставалось ты здѣсь? Смутное чувство горести завладѣло имъ мгновенно и, я думаю, на мгновеніе. Быстрой воспріимчивостью надѣлены всѣ слабодушные, но также быстро исчезаютъ въ нихъ принятые впечатлѣнія. Чтобъ разстроить ихъ, довольно небольшаго писма, котораго они ждали, или глухихъ словъ гадальщицы, которой они не вѣрятъ. Имъ страшно измѣнить обычное теченіе своей жизни, хотя они внутренне ею недовольны. Они не могутъ создать себѣ заслуженное счастье; не могутъ и противиться несчастью, которое постигло ихъ беззаконно.

— Что ожидаетъ тебя там? думалъ Глобовъ. Родныя объятія?.. Дѣ, они крѣпко сожмутъ тебя послѣ многихъ лѣтъ разлуки; но здѣь надобно будетъ снова и скоро разлучиться: тебѣ нельзя жить въ деревнѣ. Зачѣмъ же испытывать на время давно-забытое упоеніе семейственной любви, единственно-вѣрной? Эта сладость кровныхъ узъ, эти пріятные образы родныхъ, простота деревенскихъ обычаевъ, яркое воспоминаніе дѣтства... для того они воскреснутъ предъ тобою, чтобъ снова отойти въ гробъ. И самое воспоминаніе о нихъ, такъ пріятное посреди заботливыхъ обязанностей, обратится мыслію о невозможности пользоваться ими долго, навсегда... А между-тѣмъ, здѣсь, крылатое время употребить во зло твое отсутствіе: оно научитъ думать о тебѣ безъ сожалѣнія, встрѣчать тебя безъ радости. Что бы ни говорили, а земля должна же взять свое. Отними руку, которую такъ горячо сжимаетъ рука твоей любовницы, разбей портретъ, на который ты не можешь насмотрѣться вдоволь, сожги кудри волосъ, отрѣзанныхъ ея рукою, орошенныхъ ея слезами — и потомъ спроси свое сердце: такъ же ли ярко горитъ въ немъ пламя любви? по-прежнему ль ея прекрасный образъ носится передъ тобою? и тѣ же ли слезы выступаютъ на глазахъ, когда припоминаешь прощальный поцалуй?... Теперь добрая память о вчерашнемъ свиданіи даетъ надежду на свиданіе завтра, а тогда?.. можетъ-быть, не узнаютъ меня при встрѣчѣ и разсѣянно спросятъ себя: кто идетъ?

— Кто идетъ? заревѣлъ будочникъ, сердитый Богъ-знаетъ за что. Глобовъ молчалъ, выведенный изъ мечтаній самымъ прозаическимъ образомъ. — Что жъ ты не даешь отвѣта? продолжалъ будочникъ: — поздно не вѣльно ходить, слышь ты; ступай домой.

Смѣшно было сердиться, еще смѣшнѣе извиняться, и нашъ мечтатель послушался будочника.

Надѣли черезъ полторы, Глобовъ приближался къ цѣли своей поездки, которая была ему полезна во многихъ отношеніяхъ — и благотворнымъ вліяніемъ на здоровье, и вѣрнымъ указаніемъ дѣятельности, знакомой ему по слухамъ да книгамъ. Надѣлъ по-

вѣряются мечтанія юности. Глобовъ любилъ деревню, какъ любить ее всѣ недалновидные поэты: онъ даже самъ когда-то воспѣвалъ серебряныя волны рѣкъ, свирѣль невинныхъ пастуховъ, теплыя молитвы благодарныхъ поселянъ, злато полей, волнуемыя дыханіемъ зефира,—все, что нужно для идеаліи, но безъ чего путешественникъ принужденъ иногда обходиться. Теперь ужъ онъ не пѣлъ, сидя въ тряской кибиткѣ и смотря на черную землю, выжженную сохой крестьянина. Солнце стояло прямо на небѣ, обливая землю полдневнымъ жаромъ. И стрекозы присмирѣли. Скутанныя лошади щипали траву на придорожьи. Короткій отдыхъ пахарей представлялъ мало живописнаго: тотъ свернувшись въ комокъ, спалъ близъ сохи, другой, раскинувъ руки и разинувъ ротъ, облепленный мухами, лежалъ подлѣ куштина съ дождю и краюхи хлѣба, который обнюхивала собачонка... Взоръ, утомленный однообразіемъ поэтической картины, отыскивалъ пріютъ въ лѣсу, лугахъ, на колосистой нивѣ. И точно: не вдалекѣ отырилась нива, на краю горизонта выступилъ лѣсокъ. Бабы жали рожь. Глобовъ, вспомнивъ стихотвореніе Державина: «Зрѣшь ли ты пшеницу тѣдскій?», внимательно слѣдилъ за ихъ ловкой работой, какъ онъ, нагнувшись до земли, срѣзывали подножье, высомѣ колоса. На жнивѣ, лицомъ къ солнцу, лежалъ завернутый въ тряпки грязной ребенокъ, крича во все горло. Но мать, кажется, не слышала этого крика; она продолжала усердно работать и только однажды, выпрямившись и показавъ загорѣлое, облитое потомъ лицо свое, прикрикнула на ребенка: «Да перестанешь ли ты ревети, окаянный? ты видишь, мнѣ некогда. Вотъ постой, а скажу бабину (она указала на повозку Глобова); вотъ онъ-те ластъ!»

Скоро дорога побѣжала внизъ, направляясь къ лѣсочку, отъ котораго, въ недалнемъ разстояніи, на полугоръ, видѣлась скромная сельская церковь. Глобовъ то обгонялъ повозки съ снопами, тянувшіяся въ деревню, то встрѣчалъ пустыя телеги, вѣхавшія въ поле за хлѣбомъ. Между-тѣмъ, отъ сильнаго жара, скопчившея густыя облака, которыя ждали только попутнаго вѣтра, чтобы съ далекаго небосклона двинуться въ путь. Путешественникъ нашъ забормиво осмотрѣлся кругомъ. Возница его плѣхо зналъ проселочныя дороги, а кони были еще плѣше. Куда дѣваться отъ дожда вѣчно? На всякій случай, онъ хотѣлъ поразспросити объ окрестныхъ селахъ. Эй, любезный, закричалъ онъ доразившемуся съ нимъ мужику: —остановись-ка на минуточку.

Мужикъ провѣдѣвъ лошади обычное междометіе, котораго нельзя изобразить на бумагѣ, и снялъ шляпу.

— Знаешь ли ты ту церковь... вонъ, что подлѣ лѣса?

— Знаю, знаю... какъ не знать... которая церковь?

— Вотъ, рядомъ съ лѣсомъ, на-право, красная крышка: видишь?

— Видю, вижу,.. какъ же видеть: у лѣса, на лѣвой рукѣ?

— Нѣтъ, на правой.

— Да, на правой, такъ. Ну, такъ что жь тебѣ?

— Какъ прозывается это село и чья оица?

— Село, гдѣ церковь-та?

— Да.

— А Богъ его знаетъ... Ну, сѣрко, трогайся!

— Ахъ ты дуракъ! да какъ же ты скажешь...

— Что жь ты, баринъ, ругаешься?.. За что ругаешься-то, баринъ? Ты же! Ну, почему я знаю, какъ прозывается село? разве я всё село знаю?

Глобовъ махнулъ рукой и велѣлъ ѣхать далѣе, а мужикъ все стоялъ на одномъ мѣстѣ, говоря ему велѣлъ: «вотъ ругатель какой вышелъ, скажи да скажи ему; почему я знаю всё село? разве ихъ кто знаетъ? Охъ на забылъ своей обиды даже въ то время, какъ приближился къ мужчинамъ, работавшимъ въ поле, которыми тутъ же рассказывалъ всю историю: «Присталъ къ герлу: скажи да скажи, какъ тамъ село, какая тамъ церковь, какъ прозываются помещики... да почему я знаю? вѣдь я мѣсяцъ только перевеленъ сюда изъ Бартава.» Мужики начали головой и смѣялись: «Вотъ братъ Герлу, не знаешь гдѣ положеши, гдѣ найдешь; насладъ Богъ обидчича.»

Взрывъ ихъ былъ прерванъ оглашеннымъ ударомъ грома, въ стигию длушей грозы. Прохладный вѣтеръ потянулъ въ лицо свистомъ. Лѣтъ, какъ-бы готовясь къ битвѣ, зашумѣлъ вѣтвями. Возвращаемыя галки съ крикомъ пронесли надъ лугомъ. А тамъ, вѣдь самой тучей, широкими кругами гулялъ коршунъ, презирая бѣшеное шибанье полуживыхъ ласточекъ. Столбы желтой пыли, поднявшися вдоль дороги, заслонили чистую лазурь неба; водни не спрятались въ облака, и велѣлъ за моліей, амѣю разрывающей тучу, громъ съ трескомъ разыпался по лѣсу и звучнымъ эхомъ покатился въ окрестности. Глобовъ хоть и зналъ, что деревья при-таиваютъ электричество, но двать было мѣного: за невниміемъ дружка-пристаиваща, онъ велѣлъ извещнику остановиться при вѣздѣ въ лѣтъ. Скорѣ крупныя капли какъ свинецъ упали на выходящія листья; потомъ дождь сталъ напращивать сильнее и сильнее, и вдругъ разразился проливнемъ. Распаленная земля жадно впитала водные потоки, отъ которыхъ не было спасенія подъ рогожнымъ павсомъ полуживой кибитки. Вдали горѣла какая-то деревца, заж-жало небеснымъ огнемъ. Пока Глобовъ смотрѣлъ, какъ пламенная стихія спорила съ силами человека, дождь сталъ утихать, су-

ча, гремя и блистая, удалась на другую половину небесного стода, а съ той стороны, откуда она шла, небо прочистилось. Въ 9 часовъ, Глобовъ выѣхалъ изъ лѣса, рѣшился почевать въ бл жайшей деревнѣ, о которой мужикъ сообщилъ ему такое вѣрное извѣстiе. И въ-самомъ-дѣлѣ, невозможно было думать о продолженiи пути: лошади выбились изъ силъ, колеса тонули по ступицу въ вязкомъ черноземѣ. Усталые, голодные, мокрые, извозчикъ и баринъ шли у повозки, понукая измученныхъ коней. При вѣздѣ въ околицу, Глобовъ увидѣлъ протоптанную, довольно-широкую дорожку, которая чрезъ гумно и садъ вела къ господскому домику, выстроенному на горѣ. Онъ приказалъ извозчику ѣхать въ село, къ барскому дому, а самъ отправился по дорожкѣ, кратчайшимъ путемъ, просить гостепрiимства у незнакомыхъ людей.

Какъ ни желалъ онъ покойнаго ночлега, но красоты сельской природы заставили его нѣсколько разъ остановиться на полпути. Вечеръ, послѣ грозы, дышалъ тепломъ и ароматами. Было что-то нѣжно-печальное въ дыханiи воздуха, въ неподвижности деревь, въ наклоненныхъ стебелькахъ цвѣтовъ. По-временамъ капли дождя падали съ листьевъ на землю. Кузнечикъ, прерванный бурей, защекоталъ снова на влажной травѣ. Въ полупрозрачномъ сумракѣ слышалась однотонная пѣсня жука, летящаго на изумрудныхъ крыльяхъ. За лугомъ, примыкавшимъ къ саду, тянулась роща. Сквозь темныя деревья свѣтилась небольшая рѣчка; на водахъ ея качались полусонные гуси, а надъ окномъ дома кричалъ неугомонный перепелъ, нарушая своимъ звонкимъ крикомъ тайны ночи. Лучи мѣсяца ударили въ церковный крестъ и въ стекла бесѣдки, построенной въ среднѣ сада, подъ тѣнью акацiй, прямо противъ дома. Черной волосою окаймила туча дальнiй небосклонъ, прощалась молниями съ успокоенной землей. И когда яркiй огонь ихъ, разрывая густую массу облаковъ, мгновеннымъ свѣтомъ обливалъ и садъ, и рощу, и рощу, тогда изъ ночной темноты выходилъ невзлѣкiй домъ вѣнчикъ, и легко было различить стоявшую у окна фигуру женщины; въ бѣломъ платьѣ. Любовалась ли она послѣдними остатками грозы, или вдыхала ароматъ цвѣтовъ, растущихъ подъ окнами въ цвѣтении, этого нельзя было видѣть. Только въ то время, какъ нѣсколько сажень отдѣляли домъ отъ Глобова, раздались звуки фортепьяно, и нѣжный, тихiй контрабль заплѣлъ печальную пѣсню. Глобовъ не могъ упомнить точныхъ словъ пѣсни, но содержанiе ея было почти-такое:

• Солнце закатилось въ тучу: завтра быть грозы. Сердце погрузилось въ думу: не миновать ему бѣды.

• Не жди меня: я не прийду... не прийду ни сегодня, ни завтра. Хочу конешко приучать себя къ разлукѣ.

«О, не влечь!.. Въ разлуку мы будемъ несчастны; но гдѣ, мы не были бы счастливы и влюбены».

«У счастья есть время, какъ у времени есть крылья. Для насъ, я чувствую, оно прошло: чувство никогда меня не обманывало».

«Оглянись, мой другъ: такъ ли смотришь ты на жизнь, какъ прежде, въ первые годы знакомства? Сомнѣніе и горе задали намъ трудные вопросы: не рѣшить ли вамъ ни порознь, ни вмѣстѣ».

«Мы устарѣли, не замѣчая того... На головѣ нѣтъ еще сѣдыхъ волосъ; но ранніе морщины на лицѣ, но печальные взоры, но вѣчная забота ума говорятъ, что прежде случай лишилъ насъ возможнаго счастья, а теперь счастье невозможно».

«Богатство не дается даромъ; каждое пріобрѣтеніе требуетъ жертвы. Мы знали многое — и за радость знанія платимъ печалью сердца».

«Если бы можно было воротить то время, когда позволено не только думать о счастьи, но и владѣть счастьемъ, когда испытываютъ наслажденія прежде, чѣмъ узнаютъ нѣтъ дѣлу, — я радостно пошелъ бы съ тобою въ путь жизни, бодрый и вѣрующій, безъ страха при встрѣчѣ съ бѣдами, съ благодарнымъ чувствомъ за малѣйшее удовольствіе».

«Но теперь я одинъ пришелъ къ тому, къ чему приходять вдвоемъ, въ полнотѣ любящаго сердца. Любовь не возвыситъ насъ болѣе, не снизверитъ намъ ничего новаго. Путь конченъ: надобно разстаться...»

II.

Глобовъ внимательно слушалъ, забывъ, что находится въ чужомъ саду; подавившись словамъ пѣсни и голосу, онъ не сходилъ съ мѣста, когда голосъ уже замолкъ, и рука пѣвицы лѣниво перебирала клавиши разстроеннаго фортепьяно. Такъ прошло минутъ пять. Между-тѣмъ, особа, пропѣвшая романсъ, подошла къ окну, чтобъ еще разъ взглянуть на красоту лѣтней ночи. Видъ пейзажа, освѣщеннаго луною, поразилъ ее; она съ крикомъ бросилась отъ окна. На крикъ сбѣжались домашніе; поднялась суматоха прежде въ домѣ, потомъ на дворѣ. Собаки громко залаяли; нѣсколько дворовыхъ людей бѣжало прямо къ саду. Глобовъ увидѣлъ, что оставаться долѣе въ бездѣйствіи значило затруднить свое положеніе и безъ того непріятное и странное, и смѣло направилъ шагъ къ садовой калиткѣ.

— Дома баринъ? спросилъ онъ у сѣнной дѣвушки, которая поворачивая на него поглядывала.

— Баринъ? какой баринъ?

— Ну, тотъ, который живетъ въ этомъ домѣ... вашъ господинъ?

— Дома; позвольте, я доложу.

Но докладывать было нечего. Иванъ Анисимычъ Ягодкинъ уже стоялъ на крыльцѣ, въ изорванномъ халатѣ, ожидая вора и встрѣчая гостя.

— Не жалуйте сюда, батюшка, кричалъ онъ съ крыльца, открывъ дверь:— милости просимъ!

Глобовъ, извинившись въ суматохъ, которую онъ такъ глумился надъ баломъ, просидѣвъ полчаса.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Я Платонъ Петровичъ Глобовъ.

— Возможно ли? Сынъ Петра Ивановича?

— Точно такъ.

— Моего сослуживца при Императорѣ Павлѣ Петровичѣ въ полку Миллера-Закамельскаго?— И съ этимъ словомъ онъ бросился на шею къ Глобову, душая его въ своихъ объятіяхъ, цаловалъ, обнималъ, обнималъ и цаловалъ.— Ахъ, любезнѣйшій мой, родной мой! повторялъ онъ, осыпая поцалуями прѣвзгаго:— да знаете ли, что батюшка вашъ не только былъ мнѣ другъ, но и благодѣтель. Онъ при одномъ случаѣ избавилъ меня отъ такой бѣды, что я забуду этого до втораго пришествія... Но объ этомъ послѣ. Теперь вамъ надобно покушать и отдохнуть. Эй, дуракъ! (босой мальчикъ, стоявшій у притоки, выпрямился) что жъ ты разинулъ ротъ Вели подавать свѣчи, да готовить ужинъ... Да какъ это вы зашли къ намъ въ садъ?.. А! понимаю: вы вѣрно ѣхали изъ Барковъ, тутъ прямо мое гумно, и вы увидали дорожку. Это моя любимая дорожка: я хожу по ней на гумно, когда тамъ работаютъ. Прежде не было той налиточки, черезъ которую вы вошли въ гумно въ садъ; въ прежнее время, я молодцомъ махалъ черезъ плечо а-топора ужъ не та пора, батюшка: одряхлѣлъ; годъ и работы особенно съ тѣхъ поръ, какъ умерла жена Прасковья Петровна, дай Богъ ей царство небесное! Вдовцу плохо жить; женитесь скорѣй, Платонъ Петровичъ... Вы еще не женаты, смѣю спросить. Въ это время, не вѣдала, а влетѣла въ комнату молоденькая дѣвушка, расстроенная и загарававшая, въ пестромъ платьѣ.

— Посмотрите-ка, кричала она весело:— какого я славнаго мужика!— Но, увидѣвъ незнакомое лицо, ахнула и сарометью бросилась вонъ изъ комнаты, не затворивъ двери.

...Иванъ Анисимовъ залился звонкимъ смѣхомъ.

— Ай, славно! вотъ одолжила! Молодецъ, нечего сказать! вострой, куда же ты? Возьми хоть жужа-то; ачѣвъ ты его бросила на полъ?.. Извините, Платонъ Петровичъ: это младшая моя, Маша, страшная вертушка; она не знала, что вы здѣсь. Вотъ, рекомендую вамъ старшую, Лизу.

Глобовъ тутъ только замѣтилъ, что въ комнату было еще три или четыре дѣвушки, одѣтая въ бѣлое платье. Она присѣла гостямъ держась за ручку кресла и не поднимая глазъ.

— Подойди ближе, Лиза; полно прятаться въ уголъ: она т

слезы. Это у меня, Платонъ Петровичъ, дикарка; несчастель-
ша; вы не скоро съ ней сойдетесь; а вотъ ту, напередъ знаю,
любите, и она васъ подлюбитъ.

— Очень-радъ познакомиться, хоть и не могу долго пользо-
ваться такимъ приятнымъ знакомствомъ.

— Какъ не могу? Вы вѣрно думаете завтра уехать? И не ду-
айте: не пушу! Вы погостите у насъ. Съезъ моего друга и бла-
годѣтеля—въ моемъ домѣ, какъ въ своемъ собственномъ.

Платонъ Петровичъ началъ-было объяснять необходимость по-
ѣздки сѣмданія съ родными.

— Цустики! прервалъ его Иванъ Анисимычъ: — рзительные
стак! Вы два года собирались изъ Москвы, не говорили, что
добно спѣшить, а теперь двѣ недѣли пожить у добраго пріятеля
жется вамъ большою праволочкой? Я отправлю васъ на своихъ
шадая, а извоицыхъ велю накоринить. Эй, мальчижъ! снажи
ѣжкѣ дать пашоцину пудъ овса и четверикъ сѣна... Охъ, что это
говоритъ., четверикъ овса, пудъ сѣна. И къ-чему вамъ торо-
ться? прибавилъ онъ послѣ короткаго молчанія. — Отъ этого ни
убудетъ, ни убудетъ вашего имения. Братцы и сестрицы подо-
дутъ васъ: раздѣлить безъ васъ наследства они не могутъ, а
любъ они и учинили неправильный раздѣлъ, вы послѣ поправте
мо.., подадите на нихъ просьбу. Ну, полноте упрямитесь: вы
ставитесь у меня, честное слово? Вспомните, что мы были съ ва-
шимъ батюшкой, царство ему небесное! большіе друзья,

Иванъ Анисимычъ такъ крѣпко держалъ руку Глобова, смо-
релъ на него такими умоляющими глазами, что Глобовъ, послѣ
вухъ-трехъ перѣшительныхъ фразъ, наконецъ согласился. Иванъ
Анисимычъ бросился обнимать его.

Между-тѣмъ, накрывали столъ. Великорослый слуга и босой маль-
къ ужасно гремѣли тарелками и ложками, какъ-будто бы двло
ле объ угощеніи цѣлаго экадрона. Изъ двери, когда она отво-
лилась, выглядывалъ кто-то. Иванъ Анисимычъ, подкравшись на
ивочкахъ, схватилъ за руку Машу.—Вотъ она, Платонъ Петро-
вичъ! ей свѣстно, что она давеча отрекомендовала себя стреко-
ей. Теперь она хочетъ присѣсть вамъ, какъ слѣдуетъ.—Платонъ
Петровичъ началъ приличные случаю комплименты, въ которыхъ
ворилось о простотѣ деревенскихъ обычаевъ, о невинности, свой-
ственной добрымъ дѣтямъ природы. Приветствіе вышло длинно-
то, но шло и хорошую сторону: гость разглядывалъ Машу, ко-
рая была очень-недурна. Миловидное, хотя загорѣлое и покры-
ое веснушками личико, свѣжій румянецъ, признаки дѣтскаго
дородья, стройная талія, нестѣсняемая корсетомъ, застычивость,
мелочная забавная встрѣчей, простота наряда, молододная къ

добрежности, ставили ее въ разрядъ хорошенькихъ деревенскихъ барышень, за которыми съ такимъ усердіемъ волочатся урядные новники, отставные армейскіе офицеры и прѣзжающіе на вакан студенты.

— Слушай, Маша! докажи, что ты у меня большая хозяйка: иди, позаботься объ ужинѣ и принеси коляски. Да умойся прежде, видишь какъ ты разгорѣлась и запрѣла...

Глобовъ почувствовалъ давно-забытое имъ удовольствіе, когда сѣлъ за деревенскую трапезу, въ маленькой комнатѣ, подлѣ радшиаго хозяина. Луна кроткимъ свѣтомъ обливала спящій сад, ароматы цвѣтовъ неслись въ поднятыя окна, и пламя свѣчей горѣло ровно и тихо, не страшась безпокойнаго вѣтра. Съ другой стороны отъ Ивана Анисимыча помѣстилась Маша, а подлѣ нея Лиза пятый приборъ, между Лизой и Глобовымъ, оставался незанятымъ. Ужинъ начался комическимъ образомъ: Иванъ Анисимычъ досмѣялся надъ усами Маши, которые она вывела себѣ сажей, къ почѣ въ кухню. Самъ Глобовъ не могъ скрыть улыбки, видя, какъ судьба безжалостно играетъ милонидной дочкою хозяина. Онъ бѣгло сличилъ сестеръ и нашелъ между ними большое различіе. Старшая, худая и блѣдная, почти ничего не ѣла; глаза ея выражали тихую, тайную печаль и какую-то робость; черныя волосы просто-зачесанные подлѣ гребень, рѣзко оттѣняли нѣжную, въ скольку-болѣзненную бѣлизну лица; на ней было бѣлое платье съ длинными рукавами и бѣлая пелерица, закрывавшая всю грудь вмѣсто всѣхъ украшеній, на груди висѣла черная, крестообразная повязанная ленточка. Между-тѣмъ, Маша, хотя и оконфужена смѣшнымъ «пассажемъ», кушала очень аппетитно; открытая грудь дышала полнотою деревенскаго здоровья; загорѣлыя, пухленькія ручки не прятались въ широкіе рукава; бѣлокурые волосы висѣли по плечамъ легкими колечками. Обѣ онѣ молчали, но одна потому, что занята была своей печалью, или боялась, можетъ-быть, строгой выскательности столичныхъ жителей; другая просто отъ дѣвичьей застычивости, или отъ неумѣнья завязать разговоръ. Глобовъ разсѣянно глядѣлъ на старшую дочь, но Маша была постояннымъ предметомъ его вниманія: онъ любовался наивными манерами степной барышни, простодушнымъ взглядомъ ея свѣтлоглазыхъ глазъ, даже ея чистосердечнымъ аппетитомъ. Въ городахъ думалъ онъ, особенно въ столицѣ, такія дѣвушки давно вымерли: это рѣдкость, достойная занять умъ, если не сердце, просвѣщеннаго горожанина.

Черезъ нѣсколько минутъ, явилось новое лицо: молодой человекъ вошелъ въ комнату; не обративъ ни малѣйшаго вниманія на присутствующихъ, какъ-будто бы ихъ вовсе не было, онъ всталъ со

стала какую-то книжку и молча сѣлъ у окна. Иванъ Анисимычъ толкнулъ Глобова.

— Цыганъ, сказалъ онъ вошедшему:— что жь ты не ѣдешь ужинать?

— Сегодня среда: я не ѣмъ скоромнаго, отвѣчать тотъ, къ кому относился вопросъ.

Иванъ Анисимычъ и Глобовъ обмѣнялись взглядами.

— Если я не ошибаюсь, замѣтилъ послѣдній:— сегодня не среда, а понедельникъ.

— Понедѣльникъ... несчастный день, проговорилъ вполголоса Цыганъ.

— Не удивляйтесь, любезный другъ, тихо сказалъ Глобову Иванъ Анисимычъ.— Петя не совсѣмъ здоровъ: у него болитъ вотъ здесь (Иванъ Анисимычъ указалъ пальцемъ на свой лобъ). Зачѣмъ ты взял мой календарь? продолжалъ онъ:— ты вѣрно ищешь въ немъ вчерашняго дня.

— Нѣтъ, я смотрю, скоро ли спрячется мѣсяцъ: онъ падоулашь ужасно.

— А, тебѣ завидно, что онъ такой бѣленькій, чистенькій, а ты ермомазый?

Старшая дочь взглянула на отца, который долго смѣялся своею стротъ. Веселость его сообщалась гостю и Машѣ. Когда подали поданку, Иванъ Анисимычъ выпилъ за здоровье Глобова, заставилъ дочерей сдѣлать то же; потомъ подозвалъ Цыгана, представилъ такимъ-образомъ Глобову случай окинуть его взглядомъ. Это былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати, сухощавый, смугложелтый, съ черными блестящими глазами, съ коротко-стриженными волосами.

— Пей за здоровье дорогаго гостя! сказалъ ему Иванъ Анисимычъ.

Цыганъ поднесъ-было рюмку къ губамъ, но при послѣднихъ словахъ отошелъ отъ стола и вылилъ вино за окошко.

— Что ты дѣлаешь, дуракъ?

— Ничего, я полилъ одинъ нездоровый цвѣтокъ, который назвалъ вануть.

— Вы думаете, Платонъ Петровичъ, что я шучу, называя его цыганомъ? Нѣтъ, это настоящій, коренной Цыганъ, какъ вы, чай, шметили по его кожѣ, волосамъ и глазамъ. Онъ живетъ у меня коло восьми лѣтъ. Мать его забрела какъ-то въ мою деревню, мѣлая. Черезъ два дня она умерла, а я по христіанству взял на нее попеченіе помышаннаго сироту. Онъ былъ дикъ и золь, какъ шпеная собака; со всѣми ссорился, никого не слушался, ничего хотѣлъ дѣлать. Мы его окрестили и выучили читать; теперь

онъ скотиникъ до книгъ, хоть ничего, я думаю, въ нихъ не смогъ слить: вотъ его учительница (Иванъ Анисимычъ показалъ на Лизу, которая слегка покраснѣла). Мы зовемъ его Цыганомъ, иногдѣ Петромъ, Петрушей, Петей, какъ прійдется. Онъ говоритъ, что Лиза ему родная сестра; меня величаетъ Анисимычемъ, а для Машеньки у него другаго имени, какъ дѣвочка. Такой чудакъ, просто Господи!

Глобовъ желалъ узнать, гдѣ воспитывались Лизавета Ивановна и Марья Ивановна.

— Ахъ, и не напоминайте! сказалъ Иванъ Анисимычъ, махнувъ рукою.—Много жило всякихъ мадамовъ и мамзелей, а толку, какъ жилось, вышло мало. Последняя была изъ одного московскаго института...

— Анна Сергѣевна, подхватила Лиза, хранившая во весь вечеръ молчаніе.

— Да, Анна Сергѣевна, продолжалъ Иванъ Анисимычъ.—Конечно, она была лучше прежнихъ, но Богъ-знаетъ, что въ послѣднее время съ ней сдѣлалось: болѣзнь не болѣзнь, а все, бывало, ходитъ такая печальная, блѣдная. По смерти жены, она плохо занималась дѣтьми. Никогда не видалъ я, чтобъ онѣ списывали съ прописки или повторяли грамматику; а грамматика, вы сами знаете, такая наука, которая требуетъ особеннаго повторенія. Не правда ли, Платонъ Петровичъ?

— Конечно... въ некоторомъ отношеніи вы правы... если разсудить...

Цыганъ захохоталъ.

— Чему ты радъ, дурачина? Ты видишь, говорятъ о дѣлѣ. Лиза была ея фаворитка: съ ней она все читала какія-то книги и гуляла, а Машу бросила безъ всякаго попеченія. Я хотѣлъ уже отказать ей, да она сама однимъ утромъ пришла ко мнѣ и объявила, что принуждена оставить меня по некоторымъ обстоятельствамъ. Лиза горько плакала... Она ужъ и теперь готова плакать: смотрите, на глазахъ слезы... Еслибъ вы видѣли ихъ прощаніе, вы бы просто покачали головой. Мама меньше тосковала, и, по моему, умно сдѣлала: вѣдь мамзель не отецъ и не мать. Впрочемъ, дѣти болтаютъ по-французски; если угодно, проэкзаменируйте ихъ; а Лиза даже бречитъ на фортепьянахъ. Жаль только, что они ужасно расстроены. Ихъ настроиваетъ два раза въ годъ дворовый человѣкъ поименника Свисткова.

Цыганъ (мы будемъ такъ называть его) все время сидѣлъ молча, облокотясь на руку и смотря въ садъ. По окончаніи ужина, онъ подошелъ къ Лизѣ.—Я иду спать, сестра, сказалъ онъ:—перестрелите меня.

Лиза въ замѣнательствѣ не знала, что дѣлать. Иванъ Анисимычъ поддерживалъ ее:—Ничего, перекрести его; ты знаешь, какъ онъ упрямъ.

Лиза ободрилась: краска исчезла съ ея лица, уступивъ мѣсто задумчиво-серьезному выраженію. Она перекрестила Цыгана съ какою же благоговѣйнымъ чувствомъ, съ какимъ мать благословляетъ свое дитя на сонъ грядущій.

Цыганъ обратился потомъ къ хозяину дома и Машѣ:

— Прощай, Анисимычъ, сказалъ онъ:—прощай, дѣвочка! и вышелъ изъ комнаты.

— Это ужъ такъ заведено у насъ, говорилъ Иванъ Анисимычъ:—Цыганъ не ляжетъ спать безъ родительскаго благословія Лизы. Та и вамъ, кажется, пора отдохнуть. Я вижу, Маша ужъ дремлетъ. Лизу не такъ скоро угомочишь: она у насъ полуночница. Мы ей приготовили постель на антресоляхъ въ новомъ флигелѣ; я самъ провожу васъ туда. Когда проснетесь по-утру и выйдете на балконъ, передъ вами откроются такіе виды, что чудо: въ Москвѣ такихъ нѣтъ...

III.

Иванъ Анисимычъ Ягоднинъ, помѣщикъ С... губерніи, слылъ отъ окрестныхъ дворянъ добрымъ человѣкомъ. Они часто навѣщали его, не боясь обременить хлѣбосольнаго хозяина многочисленною стаей собакъ и прислужниковъ. «Люблю сосѣда за его веселый бычачай», говаривалъ отставной ротмистръ Жбановъ: «онъ всегда говоровъ ѣсть, болтать и хохотать. Прошлымъ годомъ хлѣбъ пропалъ отъ засухи: мы всѣ повѣсили носъ, а онъ-себѣ и въ усъ не дуетъ, какъ-будто у него сотни тысячъ въ Опекунскомъ-Советѣ!»

Дѣйствительно, природа надѣлила Ивана Анисимыча мягкимъ, живчивымъ характеромъ, готовностью оказать услугу своему братью-дворянину, большимъ запасомъ веселости на весь времена года. Часта дня, но вдесятеро больше того она дала ему лени и безпечности, готовой смотреть на все равнодушно. Безпечность была его стихіей, вторымъ воздухомъ: се свидетельствовали и бесстыдный взорванный халатъ, и стоптанные сапоги, и борода, ежегодно бритая не свыше тридцати разъ; она казалась бы и нечесаными волосами, еслибъ можно было чесать плѣшивѣйшую голову. Безпечно смотрѣлъ Иванъ Анисимычъ на болѣзнь своей жены, на ея постоянно-грустную задумчивость и преждевременную смѣрть; безпечно потомъ смотрѣлъ онъ на воспитаніе дочерей-сиротъ, представлявъ имъ полную свободу жить какъ угодно, и мгновенный

принять раздумья охотно смѣняя пустымъ смѣхомъ, вызваннъ пустымъ случаемъ. Здоровье, такъ часто намѣняющее трудомъ цамъ—тѣмъ, кому оно особенно нужно—живетъ въ дѣду съ заботными: Иванъ Анисимычъ пользовался имъ въ добрую, а Апветитъ никогда еще не измѣнялъ ему; никогда не жаловалъ онъ на бессонницу или тревожные сны, хотя любилъ толковать сны чужіе. И послѣ ранняго деревенскаго обѣда, онъ сидѣлъ еще часа два или три, слѣдуя обычаю предковъ и завѣту Владимира-Мономаха, котораго не зналъ даже имени.

Цѣлый день сидѣлъ онъ подъ окномъ, смотря на движеніе ровныхъ людей. Рѣдко, бывало, отправится на конюшню пострѣть лошадей, спокойно стоявшихъ въ стойлахъ, или заглянетъ на скотный дворъ, когда пастухъ пригонитъ стадо. Вступать въ разговоры объ улучшеніи различныхъ отраслей хозяйства не имѣлъ онъ никакой охоты, а такъ развѣ побалабасничаетъ съ ключникомъ или скотницей, здоровой бабой, о предметахъ, не принадлежащихъ къ хозяйству. Поле видѣло его раза четыре въ годъ: время сѣнокоса, при всходѣ озимаго хлѣба, въ первый день жатвы и въ первый день посява. Время не тяготило его своимъ медленнымъ теченіемъ: онъ даже долгіе лѣтніе дни умѣлъ сокращать усердной службой Морфею, долгимъ сидѣніемъ за чаемъ, обѣдомъ и ужиномъ, насмѣшками надъ Цыганомъ, бесѣдою съ Машей, шутками съ трехлѣтнимъ сыномъ повара, приходившимъ въ конюшню за подачкой. — «Захарка! скажи: баринъ дуракъ.» И когда Захарка исполнитъ, бывало, приказаніе барина, Иванъ Анисимычъ захохочетъ, потомъ притворно осердится и затопаетъ ногами: «какъ же это ты смѣешь? ахъ, ты глупой! развѣ барина можно называть дуракомъ? развѣ баринъ дуракъ?..» И въ такихъ-то занятіяхъ проходили дни, мѣсяцы, жизнь Ивана Анисимыча. Удѣлъ его, вѣроятно, безъ правильного надзора шло такъ-себѣ—разумѣется, хорошо, но и не совсѣмъ-дурно, благодаря издавна принятымъ распоряженіямъ, которыя рѣдко намѣняются. Прежде тягость и заботливыхъ заботъ лежала на супругѣ Ивана Анисимыча; послѣ смерти ея, онъ перешелъ къ старости, который то-и-дѣло потешалъ себя затѣлокъ, къ ключнику, цѣлый день шатавшемуся по двору, и къ Машѣ, которая ходила въ кладовыя и заказывала у мясника, за что особенно любилъ ее отецъ.

Вся дѣятельность лѣниваго Ивана Анисимыча ограничивалась чтеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей» и просматриваніемъ календаря, который онъ покупалъ ежегодно. Полныя затѣвныя солида въ книжкахъ интересовали его преимущественно; онъ аккуратно ставилъ свои часы по захожденію солнца (восхода не случалось ему видѣть), хотя они аккуратно отставали на полчаса въ сутки. Замѣ-

его на бѣлыхъ листахъ календаря относились болѣе къ обыкновеннымъ предметамъ домашняго управленія или къ состоянію года: снѣгого-то числа выпалъ первый снѣгъ, такого-то посонно три пуда солонины, въ четверкъ почали первую кадку касты, въ пятницу отпавить кучера Тимоху къ исправнику для казни». Вы могли бы подумать, что у рачительнаго хозяина е на виду и счетъ: ничего не бывало! Онъ маралъ бѣлые листы или единственно потому, что такъ дѣлалъ его отецъ, и еще, ить-можетъ, отъ нечего дѣлать, для наполненія тѣмъ-нибудь идущаго времени. Иногда, просматривая свои календарныя затки, онъ вдругъ вспоминалъ забытое.—Э, я и забылъ: позовите сюда Тимоху. Староста, отвези его въ городъ къ исправнику попроси отъ моего имени хорошенько проучить пьяницу. Ступай, ступай, говорилъ онъ валявшемуся въ ногахъ кучеру:—тамъ токъ Федосыичъ тебя взбутетенить. — Помилуйте, Иванъ Анисимычъ, да этому ужъ недѣль шесть прошло.—Все равно, любезный, у меня записано... я люблю порядокъ, ступай.—И бѣдный шохъ отпралялся въ городъ, а Иванъ Анисимычъ въ комнату пить чай, гдѣ ожидала его Маша, свидѣтельница происходившей сцены.

Пробытіе газетъ считалось дѣломъ серьезнымъ, котрое тревожило обычную безпечность помѣщика. А такъ-какъ «Московскія вѣдомости» издавались тогда два раза въ недѣлю, то Иванъ Анисимычъ былъ два раза въ недѣлю серьезнѣе, не въ примѣръ другимъ днямъ. Онъ читалъ каждый номеръ отъ доски до доски, начиналъ съ указовъ и оканчивая метеорологическими наблюденіями. Разнообразіе статей производило въ немъ разнообразныя душевныя мысли. Внѣшняя политика и внутреннія событія служили главнымъ предметомъ для разговоровъ съ соседними помѣщиками. Изъ частыхъ публикацій о банкротствахъ, о недѣланіи довѣрія сыну супругу, Иванъ Анисимычъ выводилъ крайнюю безправность вѣка, а иногда и близкую кончину міра. Даже сонное московское погоды заставляло его покачивать печально головой.—Посмотрите-ка, говорилъ онъ:—тамъ сильный дождь, а у насъ, я помню, была смертная жара; тамъ сухо, а у насъ шелъ жаль. Какъ все измѣнилось! то ли было въ наше время!..

Но объявленія Овекунскаго Совѣта читалъ онъ съ стѣсненнымъ раденьемъ: онъ боялся за свое просроченное и поступившее въ нѣтъ вѣнчѣ, ожидая съ часа на часъ публикацій о продажѣ его аукціоннаго торга. Какъ всѣ безпечные помѣщики, Иванъ Анисимычъ печально смотрѣлъ на накопленіе процентовъ, не принявъ законныхъ мѣръ къ уплатѣ, — и потому чтеніе газетъ служило источникомъ тревожныхъ ощущеній. Когда же буря прот.

везлаась мимо, те-есть негда его иныше не поступало сто и разрядъ продающихся, помощникъ нашъ окливалъ спота и, въ знакъ благодарности судьбѣ, начиналъ жалѣть дворянъ, которыхъ иныя назначались въ продажу. Тѣмъ искреннѣе жалѣлъ онъ, тѣмъ сильнѣе прежде страшился, хотя справедливость требуетъ замѣтить, что къ этому живому участию въ горь ближняго привнесла валаась всегда тайная, дьявольская мысль: слава Богу, что это не я.

Я забылъ сказать, что, съ годъ тому назадъ, Иванъ Анисимычъ лишился сужруги, Прасковьи Петровны. Она умерла чахоткой, послѣ долгихъ страданій. Впрочемъ, вся жизнь ея была мѣлкимъ страданіемъ, если исключить шесть лѣтъ воспитанія въ одномъ изъ московскихъ институтовъ. Оставшиесъ секретною третьему году, она испытала всѣ возможныя неудовольствія въ домѣ своенравной мачихи, а по выходѣ изъ института выдала ея за перваго встрѣчнаго, за Ивана Анисимыча, который слышалъ, что Евва сотворена изъ ребра адамова, что жена есть помощникъ мужу и должна его бояться. Ему и въ голову не приходило думать въ женѣ равнаго себѣ челоука, съ одинаковыми правами и съ одинаково-высокими обязанностями. Жена его, помявъ, что братъ заключенный по расчету и волѣ дражайшихъ родителей, вздрагиваетъ двери всякому благородному стремленію, всякому свободному развитію духа, некорно предалась тяжелой судьбѣ. Время ея дѣлилось между хозяйствомъ и воспитаніемъ дѣтей. Но жертва по силамъ быстро истощала здоровье слабой женщины, которая увидѣла наконецъ необходимость сторонней помощи. Сначала, выборъ гувернантокъ не соответствовалъ ея желаніямъ; но послѣдняя бывшая ея подруга по институту, успокоила заботливую мать. Недѣлю до кончины, Прасковья Петровна призвала къ себѣ гувернантку. «Катя!» сказала она ей: «дай мнѣ клятву, что ты не оставишь мнѣ сиротъ. Ты знаешь все; ты знаешь Ивана Анисимыча. Будь имъ второй матерью. Ваймись особенно Лизой: ей нужна больше ласкъ: она привязывается сильнѣе и смотритъ какъ-то сиротливѣе... Не-уже-ли и ей придется также страдать?.. О, сохрани Боже!.. Катя, у тебя будетъ много неприяностей: переноси ихъ, пренебреги ими изъ дружбы ко мнѣ, изъ жалости къ сиротамъ, изъ любви христіанской... самъ Христосъ страдалъ... Богъ тебѣ за это заплатитъ...» Горькія слезы прервали слова отходящей въ вянному покою. Она схватила руку друга и судорожно прижала ее къ губамъ своимъ... Катерина Михайловна (такъ звали гувернантку) исполнила свято желаніе умершей, окруживъ дѣтей непрерывнымъ надзоромъ, добросовѣтнымъ ученіемъ, нравственнымъ примѣромъ. Правду сказать, Маша поверхностно извлекала уроками наставницы, увлекалась своими склонностями въ дру-

ю сторону; но за то какъ хорошо было Лизѣ имѣть при себѣ опечительнаго друга! Между ними завязалось родство духа, известное равенство отношеній, не смотря на различіе лѣтъ. Судите жъ о ея горѣ, когда нѣкоторыя обстоятельства круто оторвали Катерину Михайловну отъ новаго ея семейства! Она уехала скоро рѣшительно не зная, воротится ли къ Ивану Анисимычу...

Но вы выпустили изъ вида нашего героя: пора имъ заняться. Онъ вашелъ пріятнымъ свое новое положеніе. Каждый день сбиваясь въ дорогу, онъ каждый день откладывалъ отъѣздъ свой. Въ спорахъ, что шей горшокъ да самъ большой — необходимое словіе свободно-счастливой жизни; однакожъ, временное пребываніе у помѣщика-хлѣбосола имѣетъ много выгодныхъ сторонъ. Въ семь углу вы не избѣжите заботъ: къ вамъ, домовладыкѣ, принаюгутъ всѣ требованія и вопросы, досадные враги покоя, тогдажъ въ домѣ радушнаго хозяина васъ накормятъ, напоютъ, уложатъ спать — даже, если хотите, прибьютъ за васъ, безъ малѣйшаго съ вашей стороны труда. Вы не замѣчаете, какъ все это дѣлается; вы только видите, что это сдѣлано. — Платонъ Петровичъ, въ другой же дець своего пріѣзда, за сытнымъ завтракомъ, сошлся съ Иваномъ Анисимычемъ и Машей. Первому похвалилъ мѣстоположеніе дома, живописные виды съ балкона; второй напомнилъ вчерашнее ихъ знакомство и просилъ дозволенія познаться короче. Черезъ нѣсколько дней, Платонъ Петровичъ былъ повѣсть какъ дома. Онъ вмѣстѣ съ Машей бѣгалъ по садовымъ дорожкамъ, садился подлѣ нея на дерновыхъ скамейкахъ, или просто на травѣ, плелъ ей вѣнки изъ непышныхъ цвѣтовъ того края. Маша нѣсколько разъ чувствовала, какъ рука гостя тихонько жала ея пухленькую ручку; она замѣчала, что его глаза въ нѣжномъ раздумьѣ останавливаются на ея лицѣ или груди — обычный манеръ селадоновъ, которымъ иногда успѣшно закидывается прищипка. Но Марья Ивановна, еще непривыкшая къ любовнымъ намекамъ, разрушала подлѣ-часъ поэзію мечтаній самыми прозаическими вопросами: — Что вы на меня такъ смотрите? хотите ли, я скорилю васъ малиной? — И, схвативъ руку селадона, тащила его къ своему плетню, гдѣ росъ густой малинникъ. Иванъ Анисимычъ добивался на ихъ такъ-называемую имъ дружбу, и самъ перѣдко зывалъ ихъ на дѣтскія рѣзвости. — Побѣгите-ка, Платонъ Петровичъ: я посмотрю, кто изъ васъ рѣзвѣй бѣгаетъ. Вы думаете обо мнѣ? Машу: нѣтъ, не на такую напали. Она у меня козырь-дѣвчонка! Смотри, Маша, будь молодець, не ударь себя лицомъ въ грязь! — По данному знаку, Маша опрометью бросалась изъ комнаты — Платонъ Петровичъ за ней на самый конецъ длинной дорожки. Тамъ сядились они подъ березой, едва переводя духъ отъ усталости.

— Признаюсь, Марья Ивановна, мнѣ большаго труда стоило опередить васъ.

— Извините, мы прибѣжали вмѣстѣ.

— Нѣтъ, позвольте; я первый ухватился за эту березу. Но какъ бы то ни было — вы легче Ахиллеса быстрогого.

— Кто это такой Ахиллесъ?

— Греческій царь, который находился при осадѣ Трои.

— Ахъ, да! я и забыла.

— Вы читали «Иліаду»?

— Нѣтъ, не читала. Теперь побѣжимте назадъ, къ папенькѣ.

И ученый нашъ, читавшій «Иліаду», долженъ былъ слѣдовать за неутомимой дѣвочкой.

Однажды, взявъ ее подъ руку, Платонъ Петровичъ обошелъ углы и закоулки сада. Онъ наговорилъ тысячу любезностей своей дамѣ, которая, впрочемъ, разсѣянно его слушала, то срывая кисточку смородины, то наклоняясь поднять упавшее яблоко.

— Червивыя яблоки вкуснее. Вы не верите, Платонъ Петровичъ? Попробуйте.

— Это очень-натурально: яблоко падаетъ тогда, какъ уже совсемъ созрѣло... О чемъ вы вздохнули, Марья Ивановна?

— Такъ, отъ усталости. Я ужасъ-какъ устала. Мы больше не гуляли. Пора чай пить. Папенька, вѣрно, ждетъ насъ.

Дѣла Платона Петровича, какъ видите, двигались плохо. Нечѣмъ упорнѣе казалось навязное равнодушіе Маши, тѣмъ сильнѣе росло чувственное раздраженіе ея поклонника... Другаго имени подобной влюбчивости я до-сихъ-поръ еще не прибавлялъ. По крайней-мѣрѣ, отказываюсь объяснять иначе привязанность его къ простой дѣвочкѣ, надъ которой онъ въ иное время готовъ былъ поспорить смѣяться. Платонъ Петровичъ заплатилъ богатую дань глупому платонизму любви, и потому охотно вымѣщалъ свою глупость на противоположномъ чувствѣ. Эфирныя дѣвы, передъ которыми горѣлъ холодный огонь фантастическаго обожанія, вышли изъ памяти: теперь его манили красоты менѣе-безплодныя, болѣе доступныя. Таинственное соединеніе душъ и сердець уступило место снисходительному сближенію... Онъ и самъ сдѣлался снисходительнѣе, убавивъ цѣну чувства, которое называлъ неопредѣленнымъ. Ему, неизбалованному видимыми ласками женщянъ, очень льстила свобода обращенія съ миловидной барышней, полной силъ и жестости. Не было здѣсь помѣхи ни отъ строгихъ взглядовъ подозрительнаго отца, ни черезъ-чуръ заботливой матери, ни отъ глупыхъ остротъ товарищей, ни отъ намековъ самой дѣвушки, отъ которыхъ такъ и несеть свадебнымъ контрактомъ, и которые себѣ сами потушить самую пылкую страсть, омрачить живѣйшее и

ледице. Могло бы потревожить влюбленного присутствіе Лизы; но Лиза оставалась въ комнатѣ подъ предлогомъ нездоровья, или вышивала въ пальцахъ, или писала письма къ Катеринѣ Михайловнѣ. О Цыганѣ не говорили ничего: онъ цѣлый день не показывался на глаза, какъ-будто жилъ особнякомъ. Одни только дворовые лукаво улыбались, когда ихъ барышня рука-въ-руку гуляла въ гостемъ. Но дворовые любили Машу, хотя и боялись ее, зная, какъ сильно жалуется ее папенька. — Марья Ивановна, говорили они, голодецъ: она умѣетъ обращаться съ нашимъ братомъ; она и въ кухню зайдетъ, и на скотный дворъ прибѣжитъ, и окрикъ дастъ. Вотъ Лизавета Ивановна другое дѣло. Добра, ничего сказать, а тая, право, чудная: живетъ вовсе не по-нашему—никогда не помянетъ, не поговоритъ съ нами: все читаетъ книги или молчитъ въ ригорюнившись. Знать, что-нибудь болитъ у сердечной!

Однажды Иванъ Анисимычъ находился въ особенно-веселомъ расположеніи духа. Онъ только-что кончилъ «Московскія-Вѣдомости», въ которыхъ не было публикаціи о его имѣніи. Звнувъ разъ есть и столько же разъ потянувшись, онъ обратился къ Платону Петровичу: — Любезный другъ, пойдемте гулять. Платонъ Петровичъ и Маша вытаращили глаза: желаніе Ивана Анисимыча выйти изъ комнаты было такою рѣдкостью, которую слѣдовало зарубить на стѣнкѣ.

— Куда жь мы пойдемъ? спросила Маша.

— Прежде въ садъ, а потомъ лугомъ проберемся въ рощу. Я не помню, когда тамъ былъ. Надо осмотрѣть деревья. Промышлыиъ годомъ мошенники-однодворцы вздумали рубить ихъ по очамъ. Да позовите Лизу: гдѣ она?

— Барышня нѣтъ въ ихъ комнатѣ, возвратился съ отвѣтомъ осой мальчикъ.

— Она вѣчно таскается, и дѣлаетъ не такъ, какъ люди, проговорилъ съ досадою Иванъ Анисимычъ. — А Цыганъ гдѣ?

— Цыгана тоже нѣтъ.

— Гдѣ жь онъ, желаю я знать?

— На что онъ вамъ, папенька? Мы и одинъ знаемъ дорогу. Пойдемте скорѣй.

Садъ Ивана Анисимыча оканчивался огородомъ, за которымъ жаль лугъ, подходившій къ рощѣ. При входѣ въ нее, прохладный сумракъ охватилъ гуляющихъ. Дорожки, прежде расчищенные, поросли густой и сочною травою. Узкія тропинки въ разныхъ направленіяхъ перерѣзывали лѣсокъ. Одна изъ нихъ, болѣе робитая, бѣжала отъ закраины въ средину и приводила къ глухой тиши оброшеннаго пруда. Безоблачное небо и формы деревьевъ ясно отражались въ мутной влагѣ. Близъ одного берега, надъ

поверхностью воды, возвышался островокъ, покрытый купою и лодыжь березъ. Полусгнившая лодка мирно доканчивала вѣкъ сво на тинистомъ мелководьѣ. Дощечка, кинутая съ берега на островъ, тряслась подъ невѣрной ногой боязливаго. Розовый просвѣтъ заходящаго солнца осыпалъ своимъ блескомъ листья деревъ и зеленую плесень пруда. Все было тихо въ этомъ уединеніи, какъ тиха поэзія мирной жизни; но тѣмъ слышнѣе раздавался каждый звукъ, нарушающій спокойствіе: тамъ грачь, несаясь надъ рошею, обронить вѣщій крикъ; тамъ стадо журавлей дастъ голосъ о своемъ пролетѣ, или дятель глухо застучитъ въ толстую кору дуба.

— Какъ здѣсь хорошо! сказалъ Платонъ Петровичъ, возложивъ руку Маши.

— Нѣтъ, здѣсь страшно, замѣтила Маша, тѣмъ же къ своему валеру, что было очень ему пріятно.

— Но что я тамъ вижу? продолжалъ пераый, врищуритъ глаза, обращенные на островъ.

— Гдѣ, гдѣ? подхватилъ Иванъ Анисимычъ, думая побѣдить односторонца съ полчищамъ.

— Вотъ тамъ, на островку; въ березахъ, сидитъ какой-то человекъ.

— Вотъ обратилась къ тому вѣсту, на которое указалъ Платонъ Петровичъ, и стали молча всматриваться. Черезъ минуту, Иванъ Анисимычъ покачалъ головою:— Да это проказница наша Лиза; что она тамъ дѣлаетъ? Отойдите подальше; я поговорю съ ней одними.

Въ самомъ дѣлѣ, на лужайкѣ, окруженной березами, сидѣла Лиза; лицомъ къ отдаленному берегу пруда. Раскрытая книжка лежала у нея на колѣняхъ. Прислонясь спиной къ дереву и сложивъ руки на груди, она погружена была въ печальное раздумье, а можетъ-быть и въ сладкую дремоту.

— Лиза! произнесъ громко Иванъ Анисимычъ.

Лиза встрепенулась.

— Это вы, батюшка? съ кѣмъ вы пришли?

— Я одинъ здѣсь. Что ты тамъ дѣлаешь?

— Ничего. Я читала книжку.

— Полно глупости дѣлать, Лиза! Пора домой. Скоро смеркнется.

— Чего вы боитесь, батюшка? Здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ воды, деревьевъ, неба, Бога...

— И меня... сказалъ кто-то шопотомъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, послышалось Ивану Анисимычу; но въ это же самое время струя вѣтра пробѣжала по деревьямъ, и легко было принять трепетанье листьевъ за голосъ человека.

— Мамъ къ вамъ... ко мнѣ! повторила настойчиво Иванъ Анисимычъ.

— Сейчасъ, батюшка. Ступайте впередъ; я въ-минуту догоню васъ...

Успокоенный отецъ отправился къ своимъ спутникамъ. Платонъ Петровичъ же слышалъ ничего изъ этого разговора: онъ былъ занятъ Машей.

IV.

— Охота ей туда таскаться! ворчала Иванъ Анисимычъ, возвращаясь домой съ Платономъ Петровичемъ и Машей:— Тамъ должно быть ужасно-сыро и лягушекъ тьма, а главное—опасно: забредеть какой-нибудь мужикъ и напугаетъ. Вы вѣрно удивляетесь, Платонъ Петровичъ, странностямъ моей Мизы? Что дѣлать! она у насъ была съ малолѣтства. Виде восемь лѣтъ, она проспала однажды чаю въ первомъ ночн: Весь домъ успокоившаяся — а она преспокойно гонитъ-себя; въ одной рубашонкѣ, на садовомъ балконѣ и смотритъ на звезды, какъ дурочка. Мамъ думала, что это пройдетъ съ временемъ— анъ вышло напротивъ: она все чаще задумывалась, все становилась печальнѣе да печальнѣе. Сколько разъ, бывало, мы беремся ужимать—она нѣтъ. Пойдутъ за ней и найдутъ въ саду на рожѣ: садитъ-себя подъ деревомъ, вотъ какъ теперь вы видите, сложивъ руки и о чемъ-то думая; иногда, говорятъ, даже шепчетъ.

— Вы бы чѣмъ-нибудь ее заняли, Иванъ Анисимычъ!

— Занималъ, батюшка! занималъ: дарилъ конфеты и наряды, посылалъ въ гости къ знакомымъ помѣщикамъ, и самъ приглашалъ разныхъ барышень. Возилъ и въ городъ, гдѣ давали фейерверкъ: ничто не помогло.

— Странно! замѣтилъ Платонъ Петровичъ.

— У насъ была лодка, въ которой мы иногда катались по рѣкѣ. Она задумала разгуливать воздушнымъ вечеромъ, когда совсемъ жъ зайдетъ солнце: садеть въ лодку, одна, безъ дѣвки, велитъ лытану оттолкнуть ее отъ берега, потомъ наклонится надъ водой и пристально смотреть въ нее, какъ-будто саратанъ тамъ кладъ. Долго ей до бѣды!

— Что жъ Прасковья Петровна?

— Прасковья Петровна сама была такая жъ, дай Богъ ей парство небесное! Всего больше напугались мы, когда ѣздили на пчельникъ подрзывать медъ. Пчельникъ нашъ за четыре версты отъ

деревни, въ дубовомъ лѣску. Вечеръ былъ славный, теплый, какъ теперь помню. На полдорогѣ, Лиза побѣжала впередъ... Ну, дуракомъ ты, ничего, дѣтское дѣло, пускай-себѣ бѣгаетъ. Только вотъ что дурно: глядимъ во все стороны—ея нѣтъ; смотримъ назадъ и впередъ, смотримъ направо и налево — нѣтъ какъ нѣтъ, егнула да пропала. Но лишь стали равняться съ церковью, какъ видимъ, что она сходитъ съ паперги.—Лиза, гдѣ ты была?—«Н колокольня.»—Зачѣмъ?—«Такъ, смотрѣла оттуда на поле, на деревню; видѣла, какъ вы идете.» Еслибъ вы знали, Платонъ Петровичъ, что это за колокольня! просто такая, что, кажись, раздалите отъ порядочнаго толчка: лѣсенка холемъ ходить, пыли не оберешься, пауковъ тьма-тмушая. Досталось же отъ меня плачому немарю за то, что не запираетъ двери на колокольню.

— А помните, папенька, когда мы рубили капусту...

— И когда ты объѣлась кочерыжекъ?

— Ахъ, что это вы...

— Ничего, я говорю правду. Видите ли что, Платонъ Петровичъ. Маша по хозяйству хлопотала о капустѣ, даже сама помогала рубить ее дворовымъ людямъ, но во время рубки такъ много кушала кочерыжекъ, что два дня прохворала. Теперь говори что ты хотѣла сказать. Ну, полно сердиться, я пошутить, раскизывай.

— Это было въ октябрь, когда листья пожелтели и падали на землю. Изъ оконъ было видно все, что дѣлалось въ роцѣ, и мы часто видѣли, какъ сестрица рано утромъ прохаживалась въ роцѣ въ своемъ бѣломъ платьѣ.

— Помню, помню. Я еще бранилъ ее за это. По утрамъ было холодно: она могла простудиться.

— Изъ всего этого, сказалъ Платонъ Петровичъ:—я заключаю что Лизавета Ивановна любитъ природу.

— А я такъ думаю, что это просто глупость!.. Но вотъ мы пришли домой. Ухъ, батюшки, какъ я усталъ. Маша, вели жить собирать ужинать.

Въ другой разъ, Иванъ Анисимычъ былъ не такъ веселъ. Онъ получилъ письмо отъ своего знакомаго, проживавшаго въ Москвѣ, который совѣтовалъ ему позаботиться какъ-можно-скорѣе объ отъскѣ процентовъ за имѣніе. Въ подобномъ расположеніи духа, многое намъ не нравится, и ничтожный случай вызываетъ гнѣвъ. Къ десяти часамъ Лиза еще не возвращалась съ прогулки. Наконецъ, когда совсѣмъ уже смерклось, она вошла въ комнату.

— Вы заждались меня, папенька? сказала она, цалуя его руку.

— Послушай, Лиза: ты, кажется, такая жъ помѣшанная, какъ покойница мать твоя.

Лиза вспыхнула и быстро отняла руку.

— Ватюшка! прошу васъ, умоляю оставить въ цокоръ мертвыхъ.

— Да какъ же можно гулять такъ долго? проговорилъ Иванъ Анисимычъ ласковымъ прежнимъ.

— Я одна виновата: гнѣвайтесь на меня, браните меня; а за умершихъ лучше станемъ молиться.

Иванъ Анисимычъ былъ видимо взволнованъ. Неудачная попытка злить гнѣвъ свой заставила его отыскать кого-нибудь изъ дошншихъ; хотя вовсе безвиннаго, но легче обвиняемаго. Подобно гнѣвъ вознищамъ, которые, не сладивъ съ лошадыю, бьютъ по оглеблимъ, онъ обратился къ Цыгану, вскорѣ послѣ Лизы вошедшему въ комнату.

— Ты гдѣ, дуракъ, былъ?

— Гдѣ я былъ, тамъ меня теперь нѣтъ.

— Тамъ меня теперь нѣтъ! подхватилъ Иванъ Анисимычъ, карикатурно передразнивая Цыгана, отъ-чего Маша улыбулась. — У дурака дурацкій и отвѣтъ. Я безъ шутокъ спрашиваю тебя, гдѣ ты рыскалъ съ пяти часовъ?

— Спроси лучше у нихъ, гдѣ они были? И рука его указала на Глобова и Машу, сидѣвшихъ рядомъ.

— Во-первыхъ, Платонъ Петровичъ мой гость; следовательно, можетъ гулять, гдѣ ему вздумается и двѣать... что ему угодно; во-вторыхъ, Маша хлопочетъ по хозяйству, а вѣдь оно не въ комнату спрятано. Ея глазъ вездѣ нуженъ. Хозяикъ придется побывать на одной минутѣ мѣстахъ въ двадцати; я это по себѣ знаю...

Потому ли, что въ послѣднихъ словахъ не было ни на волосъ правды, или по какой-нибудь другой причинѣ, Иванъ Анисимычъ остановился въ своихъ доводахъ, которые любилъ сертифицировать по пунктамъ. Кашлянувъ раза два, онъ продолжалъ свою рѣчь, обращая се къ гостю:

— Вотъ, батюшка Платонъ Петровичъ, будьте добры, снискожительны, великодушны, если хотите нажать тѣму неприятностей. Я принялъ къ себѣ этого цыганѣнка, какъ роднаго...

Здѣсь Цыганъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе на стулѣ.

— Петя! сказала ему Лиза поспѣшно, голосомъ упрека.

Цыганъ ушелъ изъ комнаты.

— Я принялъ его какъ роднаго, обулъ, одѣлъ, накормилъ. Безъ нея мать его умерла бы съ голода на большой дорогѣ, а онъ не достоинъ своего благодѣтеля даже отвѣтомъ!

— Онъ гулялъ, папенька, прежде со мною, а потомъ одинъ. Я завела его въ саду и на лугу. Престите ему. Вы знаете его глупость...

Успокоенный немногими словами Лизы, Иванъ Анисимычъ сълѣ

ужинать; однакожь, противъ обыкновенія, кушала мало и не шутила съ Заварной.

На утро, которое мудренѣе вечера, возстало прежнее перодокъ дѣлъ. Иванъ Анисимычъ забывъ письмо пріятеля и по-прежнему владѣя безопасностію; но-прежнему, Платонъ Петровичъ не отходилъ отъ Маши. Последніе обмѣнялись въ-шутку именами брата и сестры. «Сестрица!» говорилъ одинъ, ударяя съ особенной нахлѣвностью на этомъ словѣ. «Братецъ!» отвѣчала другая, но ими еще удѣрившись отъ смѣха. Случилось даже, что герой нашъ въ присутствіи всего семейства, назвавъ Марью Ивановну просто Машей, надъ нами долго трунилъ Иванъ Анисимычъ. Но наслѣдъ, безъ свидѣтелей, гость, признаться, давно промѣнялъ длинное почетное прозвище на уменьшительное имя, которымъ такъ коротко и ясно выражается ласка.

Въ разговорѣ своемъ; Платонъ Петровичъ жарко пыталъ чувства деревенской барышни.

— Скажи, Марья Ивановна... нѣтъ, Маша: кого вы больше всѣхъ любите?

— Разумѣется, Бога.

— Я это знаю... объ этомъ нечего и говорить... ну, а гдѣ Богъ?

— Послѣ Бога, папеньку.

— А потомъ?

— Потомъ сестрицу.

— А потомъ?

— Кого же потомъ?.. Всѣхъ моихъ знакомыхъ... да, я и забыла... несли сестрицы... вѣдь вы мой братецъ.

— Ты-то же, милая сестрица! смотрите, не забывайте.

Видно Платонъ Петровичъ находилъ случай отлѣчить Машу какимъ-нибудь подаркомъ: букетомъ цвѣтовъ, вѣнкомъ изъ васильковъ. Однажды принесть ему ей русава; застрѣленного собственными его руками. Онъ втащилъ его въ комнату, гдѣ сидѣлъ одинъ Иванъ Анисимычъ.

— Гдѣ Марья Ивановна? былъ первый вопросъ его.

— Говори просто: гдѣ Маша? Полно деликатничать. А Богъ ее знаетъ! Чай, въ саду, или на погребѣ, по хозяйству. Да вонъ она: увиживаетъ красную смородину, любимое ея кушанье. Эй, стрелокъ, поди-ка сюда! Спрячьтесь, Платонъ Петровичъ: мы напугаемъ дурачку.

Маша вошла въ комнату, добрая смородину.

— Что вамъ, папенька? Зачѣмъ вы меня звали?

— Полно тебѣ печься на солнцѣ. Смотри, какъ ты загорѣла и замякалась. Поди, умейся; скоро Платонъ Петровичъ ворочится.

— Что жь за важность! Онъ не гость!

— Кто же я? закричалъ басомъ Платонъ Петровичъ.

Маша вскрикнула. — Ахъ, какъ вы меня испугали! Можно ли такъ пугать?

— Нѣтъ, скажите: кто же я? повторилъ Платонъ Петровичъ, уставивъ на нее глаза свои.

— Право, я никакъ не воображала... я не думала о васъ.

— А за то, что вы не думали, вотъ вамъ залицъ.

Одно изъ другаго, конечно, не слѣдовало; но Платонъ Петровичъ на ту пору забылъ правила силлогизмовъ. Онъ растерялся отъ восторга. *Не гость!*.. Какъ это приятно слышать изъ устъ милой дѣвушки! Какъ это хорошо звучитъ въ ушахъ! Гораздо лучше, чѣмъ *гость!*.. Милая невинность! думалъ онъ, пожимая вѣтромъ Машу, которая, отъ испуга или неожиданнаго подарка, начала выпирать о платье запачканныя руки:—милая невинность! Въ простотѣ сердечной, ты не знаешь еще всѣхъ своихъ достоинствъ!

Читатель видитъ, что въ числѣ достоинствъ такъ-называемой невинности Платонъ Петровичъ разумѣлъ и право марать бисесъ платье красной смородиной.

Обращеніе его съ Лизой было совершенно-другое свойство, или, лучше сказать, онъ обращался къ ней съ одними обычными приемами учтиваго кавалера. Его пугалъ странный характеръ дѣвушки, которая вела себя особеннымъ образомъ, печальная въ самой изысканности, серьезная даже въ любви къ отцу, въ ласкахъ сестръ. Только тогда, какъ разговоръ выходилъ изъ круга ежедневныхъ мелочей, и затѣжій гость разсказывалъ что-нибудь о произведеніяхъ искусства, или о важныхъ событіяхъ общественной жизни (а онъ разсказывалъ недурно), черные, задумчивые глаза Лизы внимательно останавливались на разсказчикѣ, и жаднымъ слухомъ ловила она каждое его слово. Утверждали, что Платонъ Петровичъ давалъ иной смыслъ этому интересу, возбужденному предметомъ разговора, отбѣся его къ себѣ; себя одного ставя нумиромъ любезности и вниманія... Но это ужь его, а не наше дѣло. Замѣчательно, что въ подобныя минуты Цыганъ становился еще молчаливѣе и угрюмѣе, какъ-бы внутренно негодуя на таинственную связь, которая возникала между образованностью гостя и любознательностью дѣвушки.

Съ Цыганомъ же не заводилъ онъ вовсе рѣчи, изъ презрѣнія или изъ жалости къ помѣшанному. Помѣшанный не только платилъ ему тою же монетою, но даже пошелъ дальше въ своей интимаціи, радясь малѣйшему случаю сдѣлать или сказать ему грубость, похвалить его рвѣнимъ намекомъ, посмѣяться надъ его претензіями, которыми такъ много у неглубокой образованности. Онъ не садился

за обѣдъ и ужинъ съ самаго его прѣзда, избѣгалъ съ нимъ встрѣчи и никогда не оставался съ нимъ одинъ-на-одинъ, боясь, какъ видно, услышать отъ него что-нибудь неприятное или сказать ему что-нибудь слишкомъ дерзкое. Впрочемъ, Цыганъ рѣдко присоединялся къ компаніи гостя и цѣлый почти день жилъ внѣ дома, входя въ него обыкновенно или чрезъ нѣсколько минутъ послѣ, или за нѣсколько минутъ прежде Лизы. Однажды, перевертывая страницы календаря, онъ вдругъ обратился къ Ивану Анисимычу:

— Анисимычъ, что жъ ты не заметишь въ своей книжкѣ, что въ несчастный день, въ понедѣльникъ, прѣхалъ вотъ этотъ человѣчекъ?

— Я запишу это вмѣстѣ съ днемъ отъѣзда дорогаго гостя.

— А развѣ онъ уѣдетъ? зачѣмъ? Ему и здѣсь хорошо; дѣвочки также.

— Какой дѣвочки?

— Машъ, твоей любимой дочкѣ.

Въ другой разъ, когда отъ раздушеннаго гостя несло ароматами по всей комнатѣ, Цыганъ сидѣлъ закрывъ носъ платкомъ и безпрестанно морщась.

— Что ты сидишь по-дурачки? закричалъ на него Иванъ Анисимычъ.

— Нельзя, Анисимычъ: ужасно какъ пахнетъ отъ двухъ цвѣтничковъ.

— У меня одинъ цвѣтникъ: гдѣ жъ другой?

— А вотъ на головѣ у этого человѣчка. Я самъ видѣлъ, какъ онъ поливалъ его изъ маленькой крошечной бутылочки.

Но пора мнѣ короче познакомить читателей съ Платономъ Петровичемъ.

Платонъ Петровичъ былъ воспитанъ такъ же, какъ воспитывались почти всѣ люди нашего поколѣнія. Правила для жизни шли у него отдѣльно отъ жизни, знанія не прилагались къ дѣйствительности. Школа говорила ему одно, свѣтъ представлялъ другое. Гибельное разногласіе между голосомъ науки и требованіями общества произвело въ немъ тотъ внутренній раздоръ, отъ котораго одинъ и тотъ же человѣкъ распадается на два противоположныхъ существа. Что значитъ образъ мыслей, несогласенный съ образомъ поведенія? Парадное платье, взятое на-прокатъ, сшитое не по насъ, — мертвый капиталъ, бесполезный владѣльцу, еще меньше полезный другимъ. Человѣкъ въ этомъ платьѣ — *скелетъ, укутанный розами*. Мы часто говоримъ о выгодахъ образованія, о необходимости просвѣщенія; однакожь, припомнимъ случаи жизни, увидимъ, что десятки лѣтъ проходятъ безъ малѣйшей надобности въ латинскомъ языкѣ или алгебрѣ, которыми учили насъ трудно и долго, и возража-

не Простаковой гораздо-умище доказательства Павлина, защитника географіи. Но, кромѣ исключительной пользы каждой науки, есть общая польза наукъ: масса пріобрѣтенныхъ свидѣній просвѣщаетъ челоѵка. Въ итогъ его образованія выходитъ благородство мыслей и нравственность дѣяній — предметы, обязанные жить въ строгомъ между собою согласіи: дѣло должно покоряться мысли, мысль должна переходить въ дѣло. Этого-то и не было въ героѣ нашего разсказа. Послѣ всѣхъ курсовъ, низшихъ и высшихъ, онъ те пришелъ къ единству ума и воли, образованности и жизни, — единству, безъ котораго жизнь мертва, образованность бесплодна. Безъ этого единства, каждый поступокъ служить живымъ упрямомъ наукъ: онъ указываетъ на ея безсиліе. И лукавые свидѣтели нравственнаго разрыва имѣютъ право сказать намъ: «у вашего учителя и корень горекъ и плоды несладки».

Не знаю, кого винить за такое направленіе науки и жизни; но знаю, что Платонъ Петровичъ имѣлъ дурныхъ учителей въ окружающихъ его примѣрахъ, сначала въ семействѣ и школахъ, потомъ въ обществѣ. Отецъ его толковалъ о чистотѣ нравовъ, хвалилъ скромность и цѣломудріе, а самъ въ-присутствіи дѣтей оказывалъ незагопрстойныя ласки женѣ своей. Его мать безпрерывно говорила дѣтямъ: «это не ваше дѣло», а сама цѣлый вѣкъ дѣлала не свое дѣло: рѣзала косы дѣвкамъ, давала пощечины лакеямъ, да бранилась съ мужемъ. Начальникъ учебнаго заведенія, въ которомъ Глобовъ воспитывался, повторялъ ученикамъ: «дѣти, будьте честны и благородны, поступайте всегда прямо», и тотъ же начальникъ держалъ наушниковъ, отличая ихъ особенными ласками, подсматривалъ у двери, чѣмъ занимаются въ классѣ, писалъ сверхкомплектныя донесенія въ столицу. Отъ учителя его въ десять часовъ утра куратно несло водкой, хотя онъ на публичномъ экзаменѣ и произнесъ рѣчь о воздержаніи. Другой, доказывая святость справедливости, прибавлялъ лишнее число балловъ за пятирублевою ассигнацію. Напрасно гогорили при немъ: «ученый вездѣ принятъ въ общество, образованному вездѣ даютъ почетъ»; онъ видѣлъ не то: въ видѣлъ, какъ хозяинъ тяготился ученымъ гостемъ, который не игралъ въ карты, какъ бесполезенъ былъ на вечерничкахъ бѣдный, хотя и образованный. Книги и люди увѣряли его, что женская расота, которая такъ скоро увядаетъ, ничтожна въ сравненіи съ увядаемою добродѣтью; однакожъ, мужчины увивались около разливныхъ личикъ, обходя безъ вниманія добрыхъ, умныхъ, но упрямыхъ собою дѣвушекъ. Въ его глазахъ, торжествовала капризная красота, вздыхала нравственная некрасота. Разсказывать лишь, что встрѣтилъ Глобовъ, по выходѣ изъ школы, въ общество, а службѣ? Та жизнь, о которой говорю я, жизнь, сотканная изъ

происшествій, гдѣ сегодня думаютъ не такъ, какъ завтра будутъ думать, и завтра будутъ думать не такъ, какъ вчера дѣлали, — есть жизнь моя, ваша, ихъ, всѣхъ... Она слишкомъ известна.

Человѣкъ сильной природы могъ бы твердою ногою ступить на иной путь и принять новыя правила, если прежнія были ложны, и устроить жизнь по правиламъ, если они вѣрны. Но гдѣ взять силу, чтобъ стряхнуть съ себя ветхаго человѣка? Только бодрые духомъ видятъ необходимость борьбы и отваживаются на борьбу. Есть два сорта людей: одни погружаются на дно, другіе расходятся по поверхности, довольные тѣмъ, что видятъ много пріятныхъ видовъ и безопасно живутъ въ безопасномъ пространствѣ. Глобовъ находился въ числѣ послѣднихъ. Все, чему онъ учился, все, что читалъ онъ, все, о чемъ думалъ, скользя на поверхности души его, не проникая въ составы нравственнаго тѣла, не претворяясь въ плоть и кровь. Суровая важность долга, непрерывное шествіе впередъ, скромная доля достойныхъ людей, глубина истинно-человѣческихъ чувствъ тяготили его своимъ величіемъ. Какъ умный малой, онъ не могъ не цѣнить ихъ; но, какъ малой только-что умный, онъ не выдерживалъ ихъ долгаго присутствія. Этими объясняются его уживчивость съ людьми пустыми, его сплеходительность къ какому-нибудь Анисимычу, его жалкая способность свободно переходить, въ бесѣдѣ и жизни, отъ серьезнаго къ забавному, отъ важнаго къ смѣшному. Для остраго слова не жалѣлъ онъ самыхъ священныхъ предметовъ. Но у шутки есть предѣлы: она не должна простираť своей власти на идеалы счастья, на виды жизни.

Онъ любилъ чтеніе, но слова мудреца находили въ немъ оглашеннаго. Иначе онъ вносилъ бы мудрое слово въ жизнь, не довольствуясь, какъ дитя игрушкой, простымъ пересказомъ читаннаго. Тогда знакомство съ авторомъ не было бы статьей прибавочной, занятіемъ отдѣльнымъ: оно было бы заслугой, дѣломъ, самою жизнію. Онъ жилъ бы иначе... но онъ жилъ не иначе.

Изъ пустаго тщеславія онъ рѣшался на такія дѣла, которыя у другихъ людей имѣютъ источникомъ великодушіе или, по-крайней-мѣрѣ, отважное презрѣніе опасностей. Среди бѣлаго дня, онъ вступалъ въ открытый бой съ сильнымъ лицомъ, если надвѣялся на хвалебный говоръ толпы: самолюбіе замѣняло ему недостатокъ внутренняго одобренія, людская молва служила наградой поступка, вышедшаго не изъ чистой правды. Но истинное прямодушіе было чуждо душѣ его. Наединѣ съ вельможей онъ, можетъ-быть, позволялъ бы себѣ низость, какъ позволялъ себѣ обходить дѣла безъ шума и блеска, гдѣ вся награда заключается въ молчаливомъ признательномъ ѣдника, въ свидѣтельствѣ долга. Онъ легко умелъ

какая поточеснннхъ обманомъ, но не умѣлъ смотрѣть въ лицо действительной жизни; которая есть столько же истинная, сколько и высокая поэзія. При минутномъ обольщеніи чувствъ, произведенномъ искусною игрою артистовъ, онъ то плакалъ надъ бѣдною участію притѣсненныхъ, то негодовалъ на вопіющую несправедливость притѣснителей; но посмотрѣли бы вы на восторженнаго крикнувъ въ тотъ же вечеръ, въ тотъ же часъ, когда, возвратясь изъ театра, находилъ онъ дремавшаго слугу, или нагорѣвшую свѣчку!..

Что бы ни дѣлалъ онъ, о чемъ бы онъ ни думалъ, его мысль и дѣло не предавались вполнѣ настоящему, но или забѣгали впередъ, или возвращались назадъ. Воспоминаніе и надежда являлись безъ нужды товарищами труда: одно — показывалъ прошедшіе годы, другая устремляя сердце къ будущему. Но безъ твердой преданности какому предмету и одному времени не бываетъ великаго на землѣ, и только тотъ дѣйствуетъ хорошо, кто свое вниманіе сосредоточиваетъ на дѣлѣ текущемъ. И потому мысль Глобова была лиана глубины, работа — зиждительной силы. Онъ не пользовался свинью, какъ слѣдуетъ: онъ раздроблялъ ее на отдаленные пункты, какъ разведиваетъ свое войско безразсудный полководецъ.

Оглушенный шумомъ публичной жизни, въ досадѣ на безотвязное многолюдство, онъ искалъ уединенія, и, надобно признаться, первые дни добровольнаго отшельничества проливали кроткій свѣтъ въ его душу. Волненіе уходило, безъ цѣли бролившія мысли собирались внутрь, грудь дышала свободнѣе, свободнѣй глаза любовались природою, не боясь глупыхъ вопросовъ и глупыхъ поклоновъ. Но созерцаніе души, поставленной лицомъ-къ-лицу съ собою, долговременный бываетъ, чѣмъ независимѣй ея богатство. Тогда же она видитъ, какъ легко ей исчерпать собственные силы, какъ трудно замѣнить стороннюю помощь, она съ ужасомъ бѣжитъ въ прака льсовъ къ уличному говору, отъ одиночества пустыни къ стуку мостовыхъ. Глобовъ подлѣшно оставлялъ уединеніе, возвращался къ людямъ за тѣмъ самымъ, отъ чего думалъ освободиться. Мелочь жизни была ему необходима.

Не зная настоящей цѣны ни жизни, ни науки, онъ часто мѣнялъ общество людей на чтеніе книгъ. Одинокое удовольствіе казалось ему выше живаго общенія съ живымъ. Онъ забывалъ, что есть что лучше хорошей книги — хорошій человекъ, и есть нѣчто лучше чтенія хорошей книги — жизнь съ хорошимъ человекомъ. Тѣ-того и прекрасная душа ближняго, и умныя рѣчи автора проносились мимо его безъ слѣда, затаивъ свое серебро и золото отъ зари, недостойныхъ смотрѣть на умное и прекрасное. Дѣтей любили онъ, какъ любить ихъ близорукіе мечтатели, восхищаясь

ихъ невинной глупостью, или вдушею провинностью (что одно и же), но не видя въ нихъ царства будущаго блага, когда действительная душа найдетъ въ каждомъ семействѣ то самое, что ходитъ въ себѣ, а въ прекрасно-устроенномъ обществѣ то же, въ вѣдрахъ прекрасно-устроеннаго семейства.

Его отношенія къ женщинамъ кажутся мнѣ всегда странными. Въ періодъ мечтаній, онъ вѣрилъ платонической любви — любви безъ поцалуевъ и объятій, безъ мыслей о жизни вдвоемъ. Что жды, говорилъ онъ гордо, что она вышла за-жужъ его за него. Она моя, хоть я и не касался къ ней краемъ своей одежды; моя, потому-что душа наша... Но вы смѣетесь, читатель, вспомните давнопрошедшія глупости!.. Самъ Глобовъ, можетъ-быть, смѣлся надъ собою, когда его понятія приняла другое направленіе. И время, иные нравы! Теперь онъ думалъ иначе: «присутствующая некрасота лучше красоты отсутствующей; первую могу объять крайней-мѣрѣ: что дѣлать со второю? Ненавижу такъ женщины которыя держатъ насъ въ почтительномъ отъ себя разстояніи, и да не хватаютъ руки»... Вы видите, второй періодъ его любви былъ немногимъ лучше перваго, по своей грубой односторонности. Процессъ ея совершался обыкновенно въ такомъ порядкѣ: вначалѣ онъ не сводилъ глазъ съ дѣвушки, которая ему нравилась; потомъ жалъ ей руку, потомъ требовалъ поцалуевъ, потомъ... бойтесь: дѣло всегда почти оканчивалось пожатіемъ руки, рѣдко поцалуями. Я бы простилъ ему охотно любовныя шашни, если бы онъ имѣлъ цѣлю приготовить себѣ наложницу, но въ томъ-то бѣда, что виды его были другіе: законный бракъ, формальная жинитьба... какъ-будто можно согласить подобныя продѣлки съ благоразуміемъ супружества! Онъ развращалъ сердце дѣвушки прежде, чѣмъ она могла бы назваться его невестою. Но, благодаря своей нерѣшительности или сметкѣ, Глобовъ умѣлъ оставаться тамъ, гдѣ нѣтъ еще невесты, а есть только дѣвушка. Огонь страсти, лишенный поддержки, угасалъ быстро. За охлажденіемъ шел неминуемый разрывъ съ его сладостями: дѣвушка не уважала его, онъ сердился на нее.

За что же?.. честный человекъ сохраняетъ благодарное воспоминаніе о неудачахъ и побѣдахъ; онъ добродушно выпиваетъ кубокъ и за здоровье тѣхъ, кого, по волю судьбы, не могъ любить и за здоровье тѣхъ, которые разлюбили его. Ревность, зависть, злопамятство — признаки мелкаго эгоизма. Кто сердится, тотъ и правъ. А если хочешь быть правымъ — оставься другомъ женщины, съ которой былъ въ какихъ-нибудь отношеніяхъ. Какое горькое чувство невольно подступаетъ къ сердцу, когда мы слышимъ, что предметъ любви нашей любитъ другого; но горькій

уста, не исключаютъ справедливости. Пусть будетъ она счастлива — а мы... мы будемъ справедливы.

Истратитъ благоуханіе любви на мелкія чувства, не освятивъ я ни глубокой печалью, ни возвышенной радостью, дорожа однимъ числомъ пріятныхъ случаевъ, и при одной, болѣе-сильной преданности, запасался другими, менѣе-сильными, Глобовъ избавлялъ себя до того, что мысль объ иномъ образѣ любви смущала его. Онъ боялся промѣнять разнообразіе ничтожныхъ ощущеній на форму живую вдвоемъ, гдѣ исчезаетъ мишура и утихаетъ веселье. На балу, на пестрыхъ гуляньяхъ, вездѣ, гдѣ разсѣянность подталкиваетъ прочное чувство, онъ былъ искренно-веселъ, непринорно-веселъ. Это легко понять: здѣсь нѣтъ серьезныхъ требованій, здѣсь нельзя дать лишнихъ надеждъ. Но когда онъ таялся вдали съ чистой голубицей, умѣющей понимать и истиновать, — онъ впадалъ въ задумчивость, погружался въ печаль. Здѣсь уже не то: здѣсь требовалась жертва, которой страсти бесцельно, наступала перемѣна, съ которой измѣняется путь счастья недостойнаго человѣка.

Любовь его никогда не восходила до великихъ жертвъ, до истиннаго самоотверженія. Онъ любилъ въ полной памяти. И дѣтска, на которую обращалъ онъ взоры и сердце, немного собралъ бы отъ него омиама и даровъ. Написать стихи въ альбомъ, просить для нея послѣднія деньги, задуматься, вздохнуть... вотъ съ признаки непрочной привязанности, отъ которой далеко еще до глубокой страсти. Все это ничего не стоило Платону Петровицу, или было ему-самому пріятно. Гдѣ же тутъ жертва, забвеніе собственныхъ выгодъ, отсутствіе себялюбія?.. Дѣ, виноватъ: онъ начиналъ ей дюжинныя повѣсти. Въ посвященіи, скромный авръ выставлялъ начальныя буквы дорогаго имени; но онъ осердился бы нешути, еслибъ эти буквы остались тайною. Ему нравилась гласность любви.

Рънительное доказательство тому, что Глобовъ никогда не превалился полнотѣ душевныхъ стремленій, я вижу въ склонности о описывать эти стремленія. Поэтическіе моменты его жизни ходили въ немъ всегда готоваго судію-автора. Перо послушно ялялось на призывъ, по заказу. Но истинная глубина восторга отворачиваетъ анализу мысли. До бумаги ли тогда, когда чувство бытія сказывается ясно и сильно? Охота писать приходитъ менно въ то время, когда нѣтъ охоты дѣлать, или нечего чувствовать.

«Пустой человѣкъ!» восклицаютъ презрительно читатели, познавая съ Глобовымъ... Гм, гм... нелезя ль потяпше, мой добрый, благосклонный читатель? Оглянитесь, посмотрите кругомъ. Мы всѣ

Глобовы, больше или меньше. И тотъ, кто не видитъ его въ снѣ, или себя въ немъ — пусть первый броситъ въ него камень.

У.

Письмо Лизы къ Катеринѣ Михайловнѣ.

«Что за сны я вижу, другъ мой!.. Какіе странные, непонятныя сны!.. Предчувствіе необманчиво назначаетъ ихъ: мнѣ вдругъ становится грустно безъ всякой причины. Я здорова, но смутная трепеть сердца пророчитъ мнѣ что-то особенное, ведетъ мнѣ къ чему-то готовиться.

«Вчера, послѣ обѣда, батюшка легъ отдыхать, по обыкновенію Маша отбирала ягоды на варенье; а я, плохая хозяйка, отправилась въ рощу, любимое мѣсто моихъ прогулокъ. На перепутьи я шла въ садовую бесѣдку, которую Петя называлъ моею ставлею. Какъ хорошо здѣсь, другъ мой! Я села подъ окномъ, на старомъ диванѣ. Душистая липа, протянувъ вѣтви въ комнату, наполняла ароматомъ. Все утихло подъ знойными лучами лѣта; но эта тишина — благодать роскошной жизни, избытокъ даровъ Божьихъ. Одна неутомимая стрекоза пѣла въ цвѣтникѣ, да здѣсь, вверху кружилась пестрая бабочка, не зная какъ вылетѣть изъ своей огромной темницы и обивая золотую пыль крыльями о бумажную оклейку потолка.

«Изъ бесѣдки спѣшу въ рощу, къ заглохшему пруду, на знакомый тебѣ островокъ. Вхожу: сухія вѣтви и листья хрустятъ подъ ногами, малиновка выводитъ печальную дѣсьню, вечерній звонъ чуть-чуть доносится по вѣтру. Мнѣ привольно и сладостно! Я безъ вычужденныхъ молитвъ молюсь Тому, Кого я не знаю, но кто мнѣ киваетъ изъ сумрака деревъ, дышетъ въ вечерней прохладѣ, и жится туманомъ надъ рѣчкой. Я вездѣ Его вижу, вездѣ Его слышу. Но больше всего, и громче всего сказывается Онъ въ любви моей къ бѣднымъ людямъ...

«Окончивъ молитву, пробираюсь на островокъ, подъ тѣнь березы. Петя выложилъ поляну дерномъ, усыпалъ тропинку пескомъ и поставилъ скамеечку. Здѣсь, прислонившись къ дереву, читаю книгу или предаюсь моимъ мыслямъ... Вчера день былъ особенно жаркій; невольная дремота овладѣла мною. Вдругъ слышу: знакомые голоса несутся съ противоположнаго берега; то были голоса моихъ подружекъ, давно-умершихъ. Онѣ группой сидѣли на травѣ, но, увидѣвъ меня, пошла ко мнѣ на встрѣчу. Я безъ страха приближаюсь къ нимъ. Такъ, это онѣ, все такія же, какъ бывали тогда; че

ты лица сохранили прежній видъ, смерть не исказила ихъ. Нѣтъ только улыбки, не видно веселыхъ движеній. Спокойныя и задумчивыя, какъ-будто узнавшія многое, чего мы не знаемъ, онѣ окружаютъ меня. Я обнимаю каждую, каждую спрашиваю, но съ горестію вижу, какъ онѣ, говоря мнѣ: «Лиза, люби людей!» исчезаютъ одна за другой. Тоска подступаетъ къ сердцу; я бросаюсь за ними, но встрѣчаю матушку, въ бѣломъ платьѣ, въ томъ самомъ, въ которомъ я любила ее видѣть и въ которомъ ее похоронили. Матушка! какъ ты здѣсь? ты пришла ко мнѣ!.. Она тихонько ко мнѣ подходитъ, обнимаетъ меня и пристально посматриваетъ мнѣ въ глаза, какъ-бы желая вывѣдать тайны моего сердца, говоритъ: «Лиза, люби людей! помни слова Спасителя: всѣ люди—наши братья, всѣ безъ исключенія».

«Здѣсь я проснулась. Легкая дрожь пробѣжала по всему тѣлу: въ глазахъ слезы, сердце бьется, губы шепчутъ невнятные слова, руки обнимаютъ прохладный воздухъ. Тишина кругомъ: тишина въ рощѣ, на берегахъ пруда, на водѣ... О, какъ я грущу въ это время! какъ бы я желала продать очарованіе сна! Напрасное желаніе: снѣ не повторится по заказу. На зву, воспоминаніе воскрешаетъ образы знакомыхъ и милыхъ лицъ, но большею частью не тѣ, какими я знавала ихъ прежде, а тѣ, какими знаю теперь—умершія, въ пробавши

«Послѣ такого сна, я всегда замѣчаю въ себѣ что-то особенное, лучшее. Мои чувства и поступки какъ-будто очищены покаяніемъ, обременены таинствомъ. Я чаще люблю природу; при первомъ ударѣ колокола спѣшу въ церковь, отдаю бѣднымъ все, что имѣю. Во мнѣ рождается некоторое сходство съ тѣмъ, кого предстарикъ мнѣ съя: я становлюсь покойнѣе и задумчивѣе, готова обнять каждаго человѣка такъ же искренно, какъ искренно люблю его. Но тѣмъ неурядитѣе душѣ моей празднословіе родныхъ, гдѣ надѣются готовы смѣяться, гдѣ нѣтъ уваженія къ жизни, гдѣ забываются ближніе.»

Письмо второе.

«Не одинъ вечеръ провожу я въ прогулкахъ: иногда я позволяю себѣ цѣлую ночь бродить въ поле, недалеко отъ дома... Ты качаешь головой и заочно грозишь мнѣ... что дѣлать, другъ мой! Я страстная поклонница природы; въ комнатахъ мнѣ душно; только на открытомъ воздухѣ, подъ небеснымъ сводомъ, могу дышать свободно.

«И чего бояться? Сестра и батюшка снятъ еще крѣпкимъ сномъ; все покойно въ окрестностяхъ мирнаго села; обидѣть меня никому. Притомъ же у меня, на всякій случай, есть вѣрный сторожъ.»

братъ Петя. Я долго не знала, что онъ тайно слѣдуетъ за мною, готовый охранять сестру (такъ онъ меня называетъ) отъ неприятныхъ встрѣчъ. Случай открылъ мнѣ его заботливость. Однажды бѣшеная собака, выбѣжавъ изъ села, бросилась прямо къ тому мѣсту, гдѣ я гуляла. Можешь вообразить мой испугъ! Не зная, что дѣлать и куда спастись, я закричала отчаяннымъ крикомъ, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, Петя въ нѣсколько прыжковъ очутился между мною и собакой, и тутъ же убилъ ее ловкимъ ударомъ дубовой палки. Онъ признался мнѣ, что не въ первый уже разъ выходитъ изъ дома и возвращается домой въ одно время со мною, и съ тѣхъ-поръ, гдѣ бы я ни гуляла, я знаю, что по близости меня есть вѣрный надзоръ, дружеское охраненіе. Случается, что мы гуляемъ вмѣстѣ, но по-большой-части онъ оставляетъ меня одну, но желая, можетъ-быть, нарушить свободы моего уединенія.

«Я покидаю комнату послѣ ужина, когда луна уже высоко стоитъ на небѣ. Жизнь добрыхъ, но бѣдныхъ крестьянъ особенно занимаетъ мои мысли. Люблю прислушиваться къ печальному стечену воротъ, смотреть въ тусклое окно избы на горящую луну. Тамъ больная старуха тяжело охаетъ на печкѣ, мать и дочь торопливо прядутъ шерсть, подъ напѣвъ заунывной пѣсни... Другъ мой! чему больше удивляться въ ихъ жизни: трудолюбію или преданности, скромнымъ желаніямъ или отсутствію надеждъ? Я мысленно посылаю имъ дружескій привѣтъ и съ печалью въ сердцѣ отхожу прочь.

«Тамъ, гдѣ кончится село, начинается пажить. Мнѣ жаль посѣбней, крайней избы въ деревенскомъ порядкѣ дворовъ: осенью она безъ защиты отъ вѣтра, зимой заноситъ ее снѣгомъ; къ ней первой прибѣгаетъ голодный волкъ за добычей; но за-то сторожитъ церковь, построенная на концѣ луга. Кладбище вокругъ церкви—желанный пріютъ мовъ мечтаній. Тамъ лежитъ матушка. Я обложу кругомъ ограды и безъ боязни вступаю въ отверенную калитку. Огромная тѣнь колокольна угромо покрываетъ насыпь. Могильные кресты утѣшительно говорятъ: миръ тебѣ! Я не плачу... мѣть: тишину гробовъ приличнѣе почитать тишиною духа.

«Отъ кладбища къ полю дорога лежитъ черезъ мелкій кустарникъ. Въ срединѣ его смиренно бѣжитъ ручей, вливая скудную воду свою въ небольшую рѣчку. Я сажусь на берегу его. Однообразное плесканье струй прерывается разными голосами природы: то камень скатится въ воду, то прокричитъ разбуженный журавль, то встрепенется на гнѣздѣ птица. Не даромъ все это я слышу. Земля и небо сочувствуютъ любящему ихъ человѣку. И томнымъ лучъ вечерней звезды можно говорить моему сердцу: надѣйся!

«На краю дороги—тамъ, гдѣ прошелъ сохой земледѣлецъ—растутъ двѣ березы, безсмынные стражи поля. Приходь мой какъ-будто пробудилъ ихъ отъ чуткаго сна, и онѣ сердито спрашиваютъ держку: зачѣмъ ты здѣсь?.. Но вотъ и поле: перерывшая ива покорно клонится къ землѣ, словно человекъ подъ бременемъ тайнаго горя. Утренній вѣтерокъ обошелъ дозоромъ окрестность и хватилъ меня холодомъ. Пѣтухи прокричали въ деревнѣ. Здѣсь конецъ моей прогулкѣ: я возвращаюсь домой и сладко засыпаю.

Эти прогулки производятъ сильное на меня впечатлѣніе. Я открываю въ нихъ таинственный образъ тѣхъ дней, къ которымъ всегда стремилась желаніемъ. Поэзія мирной жизни—вотъ единственно-вѣрная, предоставленная мнѣ поэзія жизни—жизни съ любимыми особами, гдѣ нужно немного людей, но много человѣческаго чувства. После наслажденія природою, я искренно-довольна, что никто не замѣтилъ бы во мнѣ веселости шумной. Шумъ противрѣчитъ согласному строю душевныхъ ощущеній: мнѣ приличье молчаливѣ счастья, прочности покоя, нечуждаго, впрочемъ, той печали, которая знаетъ цѣну утраченнаго, но умѣетъ беречь ставшееся.

Но чтѣ же я утратила, и чтѣ мнѣ осталось?.. Многое, мой другъ, чѣмъ-никого. Въ тебѣ и матери лишилась я друзей... Потому, такая невозможность жить одинаково съ тѣми, которые всегда прикасаются, и думать такъ, какъ они думаютъ, и дѣлать то, что они дѣлаютъ—развѣ не та же утрата? Остались же мнѣ—святость долга и одобреніе совѣсти. Я иду къ этой цѣли иногда съ улыбкой амодовольнаго лица, иногда съ болью стѣсненнаго сердца... Чтѣ чудны! Страданіе имѣетъ часто значеніе высокой заслуги. Оно, какъ истинный другъ человека, приводитъ его къ занятіямъ ума, можетъ-быть тревожнаго, но всегда дѣятельнаго, дружить его съ обрывами дѣлами жизни, можетъ-быть печальной, но вѣрной Божіей радью.

«Или въ самомъ характерѣ моемъ источникъ этой печали? Няня называла мнѣ, что, еще ребенкомъ, я часто просыпалась ночью и, встав на кровати, плакала. Восемилѣтняя дѣвочка, я уходила поздно вечеромъ въ садъ, гдѣ подъ высокимъ деревомъ слушала жалобный всхлипъ птенцовъ или смотрѣла за отлетомъ ихъ матери изъ гнѣзда... О чѣмъ я тогда думала? какая была причина слезъ моихъ?.. Сама не помню. Помню только, что послѣ я выучилась уважать счастье въ печальныхъ глазахъ моей матери, въ исторіи твоей жизни, въ участи бѣдныхъ людей, которыхъ вижу каждый день. Природа ли склоняетъ меня къ огорченнымъ, или это—предчувствіе собственныхъ горестей, едва ли Богъ знаетъ! Я живу такъ, такъ мнѣ живется, сохраняя достоинство передъ собою и другими.

Знаю, что въ настоящую минуту могу не только уснуть, но и умереть покойно.»

Третье письмо.

«Я ничего не понимаю, что дѣлается около меня. Здѣсь живу не такъ, какъ бы надобно жить. Все здѣсь напертивъ. Въ этомъ увѣрютъ меня и природа, и внутренній голосъ чувства, и слово Спасителя. Смотрю ли на звѣздное небо, спрашиваюсь ли моего сердца, читаю ли Евангеліе—всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: человекъ забываетъ нравственный, высочайшій законъ, который велитъ ему находиться въ мирѣ съ ближними, любить ихъ, какъ самого-себя. Но гдѣ же этотъ миръ и любовь? гдѣ братскія между нами отношенія? Я не вижу ихъ въ нашемъ домѣ, не вижу въ вѣшемъ селѣ, не вижу и въ другихъ селахъ и деревняхъ.

«Одинъ случай дѣтской жизни приходитъ мнѣ теперь на память. Я сидѣла на колыбѣхъ у няни, которую любила немногимъ меньше матушки. «Голубчикъ мой, сказала мнѣ няня: теперь ты любишь меня, а вотъ какъ вырастешь, такъ разлюбишь, станешь бранить меня, бить». Это меня такъ огорчило, что я начала плакать. Одна мысль о переизмѣнѣ моихъ чувствъ ужасала меня; возможность исполнить предположенія няни казалась мнѣ нелѣпостью. Она и теперь для меня нелѣпость; слава Богу. Столько преданности чужому ребенку, столько истиннаго самоотверженія безъ надежды соразмѣрныхъ наградъ, иногда безъ всякой надежды, долгія ночи безъ сна, цѣлые дни, мѣсяцы, годы ухаживанья... долгие же насъ облизывать на всю жизнь; и еслибъ имъ потому и нужно было наше вниманіе, то оно нужно, по-крайней-мѣрѣ, дѣлать благодарной. Но что же? тысячи примѣровъ показываютъ противное: любящее дитя становится нелюбящимъ человекомъ. Онъ забываетъ все услуги бѣдныхъ людей; голосъ природы замолчалъ въ немъ, а рассужденія, видно, нѣтъ!

«Въ семействѣ нашемъ, состоящемъ изъ трехъ человекъ, все любитъ друга друга: я въ этомъ увѣрена. Батюшка любитъ насъ, мы любимъ батюшку, сестра любитъ сестру. Отъ-чего же примѣръ семьи не перенести на дворъ и деревню? Здѣсь нѣтъ голоса крови, но тѣмъ похвальнѣе безпристрастіе любви. Благодарность, достоинство человека, христіанское братство, развѣ хуже родства не шло бы? Отецъ воспитываетъ дѣтей и тѣмъ возвышаетъ ихъ: почему же не возвыситъ ему другихъ дѣтей или братьевъ своимъ снисхожденіемъ, любовью? Ахъ, какъ бы тогда намъ было хорошо! какъ бы мы жили счастливо, охраняя другъ друга взаимною правдивостью!.. Посмотри: батюшка принимаетъ къ сердцу каждую обидѣ

ду, нанесенную его дочерямъ, и между-тѣмъ тотъ же батюшка (да проститъ ему Богъ!) строго наказываетъ чужихъ дѣтей за неважные проступки. Въ добавокъ, отецъ и мать должны быть свидѣтелями наказанія. Онъ сердится на меня, когда я на колѣняхъ вымаливаю прощеніе виноватому, какъ-будто я помышала ему исполнить священную обязанность; сердится на себя, что склонился на мою просьбу, какъ-будто оказалъ преступную слабость характера или криводушіе судьи... Вотъ почему я спѣшу въ садъ или рощу събродовать съ природою и Богомъ, который любитъ всѣхъ дѣтей своихъ.

«Вчера былъ у насъ храмовой праздникъ. Сосѣди съѣхались къ намъ. Въ числѣ ихъ пріѣхала богатая, знатная госпожа. Она со вниманіемъ слушала проповѣдь священника, и даже прослезилась, когда онъ изобразилъ участь бѣдныхъ людей. Но, по окончаніи пужбы, знатная госпожа гордо прошла мимо бѣдныхъ людей, не удостоивъ ихъ ни поклономъ, ни взглядомъ. Она морщилась и дѣлала гримасы, какъ-будто попала въ неприличную ей атмосферу. Иной, идя впередъ, грубо толкалъ крестьянскихъ ребятишекъ. И то въ церкви! что же по выходѣ изъ церкви? Такъ ли любятъ бѣдныхъ!.. Не понимаю, право не понимаю!»

Четвертое письмо.

«Ровное теченіе нашей жизни нарушено пріездомъ неожиданнаго гостя, Платона Петровича Глобова. Онъ живетъ въ Москвѣ, а теперь ѣдетъ въ деревню къ братьямъ раздѣлить наслѣдство. Уже нѣтъ недѣли, какъ онъ живетъ у насъ; пріездъ его напугалъ насъ порядкомъ, хотя сопровождался самыми комическими обстоятельствами. Надобно тебѣ узнать это. Въ тотъ день, какъ ему пріѣхать, я не выходя изъ комнаты, по причинѣ сильнаго жара. Вечеромъ, часовъ въ семь скопились тучи. Сильный дождь съ грозою очистилъ воздухъ. Я открыла окно, чтобъ подышать ароматами цвѣтника и полюбоваться блескомъ отдаленной молніи. Гроза, жара, солнце, зашедшее въ тучу, напомнили мнѣ твою судьбу. Я перыца зарыженное фортепьяно и пропѣла романсъ, который онъ написалъ для тебя. Въ это время луна осветила бесѣдку; садъ и рощу. Я опять подошла къ окну—гляжу: незнакомый человекъ стоитъ почти у самаго цвѣтника. Невольный крикъ боязни вырвался изъ моей груди. Батюшка бросился ко мнѣ, потомъ къ людямъ. Они думали схватить вора, который похищалъ у насъ арбузы и дыни; но вмѣсто вора явился порядочно, хотя по-дорожному одетый человекъ. Это былъ Глобовъ. Дождь засталъ его на дорогѣ; онъ отправилъ экипажъ седомъ, а самъ, чтобъ избѣжать

ужасной грязи и тряски, пробрался через сад просить у нас ночлега. Хотѣлъ ѣхать на другой день, но до-сихъ-поръ живѣть насъ. Батюшка очень полюбилъ его. Онъ не дурунъ собой и долженъ быть очень-образованъ и начитанъ. Больше пока вѣчего сказать о немъ. Маша, которая все время была на смотномъ дворѣ и ничего не знала о случившемся, вбѣжала въ комнату растрепанная и запачканная. Я думаю, гость считалъ ее за дурочку. Но всего больше поразилъ меня Петья своими причудами. Я никогда не видалъ его такимъ страннымъ. Съ перваго раза онъ обнаружилъ какую-то антипатию къ пріѣзжему: не сѣлъ ужинать, потому-что ему пришлое бы сидѣть съ нимъ рядомъ, не хотѣлъ вынуть водички за его здоровье, а вылилъ ее за окно, сказавъ, что поливаетъ уличный цвѣтокъ. Можетъ-быть, намекалъ онъ на меланхолическое расположение души моей, объясняя его нездоровьемъ. Другой намекъ его я поняла очень-хорошо. Петья взял календарь. На вопросъ батюшки, чего онъ тамъ ищетъ, онъ отвѣчалъ: смотрю, скоро ли спрячется мѣсяць. Это значить: скоро ли наступятъ бѣлуныны ночи въ которыя прекращаются мои прогулки. Добрый Петья охотно слѣдуетъ за мною при каждомъ выхожд въ рошу или поле, и онъ ужасно боится неприятностей, которыя могутъ мнѣ встрѣтиться: простуды, утомленія, испуга, недобрыхъ людей. На гостя онъ смотрѣть не хочетъ, да и гость, кажется, не санщикомъ его жалуетъ. Можно подумать, что два старинные непріятеля сошлись случайно, послѣ долговременной разлуки, которая не охладила ихъ вражды... Отъ-чего это? Не-уже-ли природа поселить въ сердцахъ людей взаимное отращеніе, основанное на противоположностяхъ свойствъ, или кроется здѣсь что-нибудь другое? Сколько я вижу, Петья видитъ въ Глобовѣ какую-то себѣ пеняху, а Глобовъ въ Петью — человѣка, который не уважаетъ его, не смотритъ на его образованность и видимое превосходство, и откровенно выкашиваетъ свое недоброежелательство, даже презрѣніе. Но какая это пеняха за что одному презирать другаго—остается для меня загадкой.

Пятое письмо.

«Исторія Пети проста, но трогательна. Она еще тѣмъ для меня интересна, что я играю въ ней значительную роль. Шестъ лѣтъ назадъ (я была тогда по двѣнадцатому году), ужасная засуха грѣвила голодомъ. Частые пожары не давали покоя народу. Кажу ночь стояло гдѣ-нибудь зарево, и крестьяне боязливо смотрѣли на пылающее вдали небо. Наконецъ, дошла очередь и до нашего села: оно принималось горѣть три дня сряду. Огонь истребилъ тридцать дворовъ. Пожаръ въ деревнѣ—ужасное бѣдствіе. Мы до тог

были науганы, что вынесли всё пожитки изъ домовъ на дворы, и свали на открытомъ воздухѣ. Село обратилось въ лагерь. Очередной караулъ обходилъ дозоромъ нашъ домъ, избы, церковь, строго спрашивая каждаго встрѣчнаго. Носились слухи о поджигателяхъ—вѣрные или вымышленные, неизвѣстно. Крестьяне, тѣмъ больше легкомысленные, тѣмъ больше испытали бѣды, въ каждомъ знакомомъ путникѣ, въ каждомъ незнакомомъ лицѣ видѣли опаснаго человѣка, подосланнаго съ огнемъ.

«Въ это-то время, гуляя однажды въ саду, я была поражена противительнымъ дѣтскимъ крикомъ. Гляжу: толпа крестьянъ тащить какую-то женщину, избитую до полусмерти. Десятки голосятъ вселящають: «бей ее! вотъ такъ! хорошенько! а-га, попалась! нехреть, поджигательница!» Впереди, оборванный и запачканный мальчикъ бѣжитъ отъ крестьянскихъ ребятишекъ, которые гонятъ за нимъ съ палками. Въ отчаянномъ страхѣ, бросается онъ черезъ садовый плетень и прямо летитъ ко мнѣ, крича благимъ матомъ. Прибѣжалъ, уцѣпившись за мое платье такъ крѣпко, что трудно было бы освободиться изъ его рукъ, и кричитъ изо всѣхъ силъ: «она меня убьютъ!» Я сама ужасно испугалась, однакожь взяла бѣднаго подъ свое покровительство и отвела домой, куда въ скоромъ времени принесли полумертвую мать его, Цыганку. Дѣло объяснилось: Цыганка шла изъ города съ сыномъ, побираясь, какъ говорятъ, милостыней. При входѣ въ деревню, они свали у крайней избы, подъ плетень, отдохнуть. Науганные, подозрительные крестьяне приняли ихъ за поджигателей, тѣмъ болѣе, что какъ мать, такъ и сынъ очень-нечисто выговаривали русскія слова. Черезъ два дня мать умерла. Смерть ея—а можетъ-быть, и страхъ—такъ поразили сироту, что онъ тронулся въ умъ. Я горько плакала, смотря на бѣднаго мальчика. Маменька взяла его въ комнату. Сначала онъ дичился и не отходилъ отъ меня, какъ отъ своей спасительницы, потомъ по привычкѣ къ своему положенію. Дворовые дразнили его, выводя изъ терпѣнія своими толчками и шипками, за что я сердилась. Я стала учить его грамотѣ, которую онъ хорошо понималъ, такъ-что въ два года выучился читать и писать. Благодарность его ко мнѣ и матушкѣ не имѣла предѣловъ; Маша в батюшка не правались ему, можетъ-быть, отъ-того, что часто сибався надъ нимъ. Онъ всюду слѣдовалъ за мною, угадывалъ мои желанія и тотчасъ же исполнялъ ихъ, если то было въ его власти; въ прогулкахъ переносилъ меня черезъ грязныя мѣста и овраги,—короче: былъ моимъ вѣрнымъ сторожемъ. Я смѣюсь—и онъ веселъ, я задумаюсь—онъ печаленъ. Въ болѣзни моей, онъ страдалъ болѣе меня: не спалъ цѣлыя ночи и худѣлъ замѣтно. Такая благодарность доставляла мнѣ прежде большое удовольствіе;

но теперь сильная привязанность Пети меня пугаетъ. Съ каждымъ годомъ она возрастаетъ. Онъ же не въ силахъ скрыть ее. Я стараюсь занять его книгами, которыя онъ читаетъ съ жадностью, и объясняю ему все, что сама знаю, то-есть, очень-мало. Временное помѣшательство его кончилось—это мнѣ извѣстно; но для другихъ онъ все еще помѣшанный. И точно: наединѣ со мной онъ здоровъ, разсудителенъ, уменъ; при людяхъ начинаетъ говорить и дѣлать вздоръ. Я браню его за это и спрашиваю, для чего онъ притворяется сумасшедшимъ, но у него одинъ отвѣтъ: «такъ надо, они не стоятъ тебя.»

Шестое письмо.

«Недавно я посетила то мѣсто, которое тебѣ особенно пріятно. Помнишь: большая дорога круто поворачиваетъ вправо; широкая аллея ведетъ къ барскому дому, стоящему на горѣ... Тамъ жилъ онъ... Строгий отецъ держалъ его въ неволяхъ... бѣдность разлучила насъ...»

«Другъ мой! можетъ-быть, слова мои пробуждаютъ душевное волненіе, раскрываютъ старую боль—прости мнѣ. У каждого изъ насъ есть своя неволя и бѣдность: неволя сердца, бѣдность счастья. Какъ часто мы смѣшиваемъ разсудокъ съ чувствомъ, принимаемъ ясный голосъ одного за непонятное влеченіе другаго, и слишкомъ поздно узнаемъ свою ошибку. Мы забываемъ, странные люди, что уму предписаны законы дѣйствія, а сердце есть не что иное, какъ сосудъ, наполненный горячей кровью...»

«Но предоставимъ будущее будущему. Если возможное намъ счастье, минуя одного, никогда неизмѣнявшаго правды, выкапаетъ другаго, менѣе-достоиннаго... правъ ли недостойный, виноватъ ли правдивый?»

«Я сама не знаю, что пишу. Извини меня, Я чувствую себя нездоровой. Вотъ ужъ нѣсколько ночей сряду мучитъ меня бессонница, аппетитъ пропалъ, пульсъ бьется неровно. Новостей у насъ нѣтъ... можетъ-быть, скоро будутъ. О Глобовѣ сказать также ничего: онъ всегда почти съ Машей. Петья за что-то сердится на меня и на Глобова.»

vi.

На сцену повѣсти нашей выступаетъ новое лицо—Анисимъ Ивановичъ Барбосовъ, мелодій помѣщикъ, живущій въ двадцати верстахъ отъ Ягодина. Онъ забѣжалъ къ Ивану Анисимычу мимо...

домъ, пробираясь въ узелный городъ на ярмарку, гдѣ предстояла богатая жатва его любезности. Въ костюмъ его отличалась ухарская лентерка, подосатые панталоны и шапка съ бѣлымъ околышемъ, которая дьявольски лежала на правомъ ухѣ. Усами онъ дорожилъ столько же, сколько своимъ пуделемъ, Нептуномъ, въчлымъ его товарищемъ въ домашней и разъездной жизни. Прибавьте къ этому басистый голосъ, грубую развязность движений, что называютъ молодечествомъ, нѣсколько выученныхъ стиховъ, которые переначивалъ онъ по-своему, уничтожая въ нихъ мѣру, и иногда и смыслъ, десятка три доморощенныхъ остроумь, да длинный хлыстъ, чтобъ наказывать упрямаго пуделя — и вы будете иметь довольно-вѣрный портретъ Анисима Ивановича, помѣщика двадцати-восьми лѣтъ.

Онъ подкатилъ къ крыльцу на лхрой тройкѣ, съ бубенчиками, вистомъ и визгомъ.

— Здравствуйте, тѣзка! заревѣлъ онъ, въбжавъ въ комнату и блапая Ивана Анисимыча.

— Ну, не совсѣмъ еще тѣзка, отвѣчалъ Иванъ Анисимычъ, давая гостя. — Я Иванъ, а ты Иванычъ; ты Анисимъ, а я—Анисимычъ.

— Правда, сушая правда. Вотъ еслибъ васъ или меня перевернуть вверхъ ногами, тогда мы были бы полныя тѣзки. Ха, ха, ха!

— Полно баляндрачить-то, полно! Вѣдь у меня дочери-невѣсты — какъ-разъ услышатъ.

— А, кстати: здоровы ли онѣ? Что Марья Ивановна? хороша о-прежнему? наливное яблочко, малана со слезками! Цыганъ такъ же глушь?

Мама и Глобовъ вошли въ комнату.

— Вотъ она сама на-лицо. Можешь адресоваться къ ней съ любымъ вопросомъ. Рекомендую тебѣ Платона Петровича Глобова, моего дорогаго гостя и друга.

— Здравствуйте, Марья Ивановна. Позвольте поцаловать вашу.. шпензкую, прекрасную ручку.

Мама зардѣлась какъ маковъ цвѣтъ.

— Честъ имѣю рекомендоваться, продолжалъ Барбосовъ, обратясь къ Платону Петровичу. — Милости прошу ко мнѣ. У меня есть и билиардикъ поиграть, и библиотечка почитать, и ружьеца стрѣлять. Я все это люблю. Нѣтъ только молодой жены (здѣсь Барбосовъ искоса взглянулъ на Машу), но Богъ милостивъ: какъ-нибудь добудемъ, и вѣчно ее любить будемъ.

— О-го, да ты ужъ началъ говорить стихами! Каковъ молодецъ!

— Какъ турецкій огурецъ. Могу прибрать любую рифму. Какъ

поживаете, Марья Ивановна? Все хорошиете! Нептунъ, кланяй Марья Ивановнѣ; цалуй у ней ножки. Цалуй, говорю тебѣ; на то...

Нептунъ, увидя поднятый хлысть, поползъ на четверенькахъ къ Машѣ и началъ лизать ей ноги.

— Вотъ такъ. Это я нарочно выучилъ его для васъ, Марья Ивановна.

Платону Петровичу ужасно не нравились манеры усатаго помщика, особенно его фамильярность съ Машей. Онъ съѣлъ въ угол и началъ кусать ногти. Марья же Ивановна стала веселѣй и развязнѣй. Ей были пріятны частыя обращенія къ ней Барбосова, который уже не въ первый разъ говорилъ ей подобныя комплименты.

— Здорова ли ваша Діанка? спросила она.

— Діанка? Здорова. Что ей дѣлается? Я хотѣлъ и ее взять съ собой, да матушка отсоветовала. Говоритъ: на ярмаркѣ купишь что-нибудь—нѣкуда будетъ положить.

Барбосовъ запалилъ дорожную трубку и мастерски началъ пу-скать колечки дыма. Марья Ивановна любовалась его искусствомъ даже рукой подгоняла къ себѣ дымъ, говоря, что любить табакъ.

— Какія у меня лошади, Марья Ивановна, то-есть рекомендую. Хотите, прокачу васъ? Или нѣтъ: лучше какъ возвращусь изъ города. Помните ли, какъ мы катались зимой, въ саночкахъ, по одну лошадку... Гм?

Марья Ивановна молча и краснѣя потупила глаза въ землю.

Между-тѣмъ, подали самоваръ. Барбосовъ разъ нѣтъ выбѣжалъ въ сѣни, гдѣ успѣлъ получить нѣсколько ударовъ въ спину отъ горничныхъ дѣвекъ и заставлялъ хохотать дворню своими остро-тани и рѣчами. Во время чая босой мальчишка не опускалъ съ него глазъ.

— Съ чѣмъ вамъ угодно? спросила его Маша, наливая чашку.

— Первые нѣтъ чашекъ вью съ ремонтъ; остальные съ чѣмъ угодно вамъ. Ха, ха, ха!

— Люблю за откровенность, сказалъ Иванъ Анисимычъ, поми-рая со смѣха.—Мальчикъ, вели принести ромъ... Мальчикъ! оглохъ что ли ты? выпучилъ глаза на Анисима Ивановича, какъ на ли-каго звѣря... Ромъ вели подать... Скотина!.. Платонъ Петровичъ милости просимъ къ намъ поближе. Что вы тамъ затихли?

— Я не очень-здоровъ.

— Ахти, что такое?

— Ничего: это прейдетъ, не безпокойтесь.

Барбосовъ далъ мѣсто Платону Петровичу, а самъ такъ влѣтно подсылъ къ Машѣ, что она вся всдыхнула,—однакожь не отдала-вудась.

— Что прикажете купить вамъ на ярмаркѣ, Марья Ивановна?
 — Пожалуйте: развѣ я смѣю приказывать?
 — Стало бытъ, вы полагаетесь на мой вкусъ? Очень-хорошо. Я докажу, что у меня губа не дура, и что моя — отличная натура. Ха, ха, ха!

Барбосовъ такъ завладалъ разговоромъ, что другимъ пришлось говорить очень-мало. Иванъ Анисимычъ те-и-дѣло смѣялся. Маша чувствовала что-то особенно-приятное. Всѣхъ жалче и смѣшнѣе былъ Глобовъ; онъ смѣялся сохранять равнодушнѣе, а въ-самомъ-дѣлѣ уждачно ревновалъ.

— Однакожь пора ѣхать, сказалъ Барбосовъ, допить седьмую чашку и загремѣть студомъ. — Нептунъ, вамъ подавать лошадей... Ха, ха, ха! Одолжи мнѣ, любезный, стаканъ воды.

Воды, воды, но я въраспек
 Страдальцу соды подавалъ...

а, ха, ха! Прощайте, тѣзка. Марья Ивановна, пожалуйста вашу оленьскую, прекрасную ручку.

Когда уехалъ Барбосовъ, Маша задумалась и раза два вздохнула.

— Добрый малой, замѣтилъ Иванъ Анисимычъ: — по только нѣтъ голоза.

— Какъ онъ хорошо задитъ верхомъ! сказала Маша, относясь къ Платону Петровичу.

— О, я вѣрю вамъ, что онъ имѣетъ всѣ возможныя и невозможныя достоинства. Съ этимъ словомъ Глобовъ вышелъ изъ комнаты.

Маша значительно взглянула на отца. Иванъ Анисимычъ значительно улыбнулся.

На другой день, рано утромъ, Платонъ Петровичъ отправился въ садъ. Безсонница покрыла лицо его блѣдностью. Мелкія страсти раздраженнаго самолюбія — досада, зависть, ревность видимо мѣшали его душу. Утомленный волненіемъ и быстрой ходьбой, онъ вошелъ въ бесѣдку, сѣлъ на диванъ и — употребилъ его любимое выраженіе — погрузился въ задумчивость.

Черезъ полчаса, явилась Маша. Она тихо подошла къ Глобову.

— Какъ ваше здоровье, Платонъ Петровичъ? Вы все еще бѣдны.

— Покорно благодарю васъ за участіе. Но какая вамъ надобность до моего здоровья?

— Большая надобность: здѣ я ваша сестрица, сказала Маша, положивъ ему на плечо руку.

И она хорошо это сдѣлала. Барбосовъ не даромъ называлъ ея

руку полденькою и прекрасною. Черезъ минуту, эта пухленькая ручка очутилась какъ-то въ рукѣ Глобова.

— Извините, отвѣчалъ онъ, все еще не смотря на Машу, и внутренно уже довольный ею: — я думалъ, что вы забыли это.

— Почему жь вы такъ думали?

— Потому-что я не мастеръ вздѣть верхомъ... у меня нѣтъ усовъ и пуделей... обращеніе мое не такъ дорко...

— Какая важность! Я не знаю, что вы нашли страннаго въ ихъ словахъ. Я вчера сказала такъ, просто, безъ всякой мысли.

Въ это время, къ счастью Маши и къ несчастью Барбосова, шелъ дождь сначала мелкій, потомъ крупный, потомъ проливной. Изъ бесѣдки нельзя было выйти цѣлый часъ.

Цѣлый часъ! шестьдесятъ минутъ! три тысячи шестьсотъ секундъ! Какая бездна времени! Въ это безконечное время, легли десять разъ поссориться и столько же разъ помириться, надлежали сотню обещаній и не сдержать ихъ. А сколько поводовъ оставили рѣшительность влюбленнаго, или побѣдить его нерѣшительность! Всего не перечтешь... Намъ нужно знать только, что въ это время Глобовъ позволилъ себѣ обнять Машу, а Мама не запретила ему поцалуевъ.

Когда затихъ дождикъ, Мама вѣхота отправилась въ комнату Глобовъ вскорѣ послѣдовалъ за нею. Подходя къ крыльцу, онъ наткнулся на старую горничную дѣву, бойкую и опытную.

— Вотъ, баринъ! вы ужь и людей не видите. Уткнули глаза въ землю, словно сто рублѣвъ потеряли. А что, баринъ, какой наша барышня-то? Не бось почище вашихъ московскихъ испитыхъ бѣдныхъ, желтыхъ.

— Какая барышня?

— Ужъ будто и не знаете? Марья Ивановна. Ну, что вы, баринъ, зываете? Вѣдь вырвать у васъ изъ рукъ, и не замѣтите. Она на жениховъ у насъ счастлива. Найдѣмъ, пожалуй, и полковничковъ и снарабой.

Глобовъ засмѣялся—притворно или искренно, Богъ знает. Только тутъ же отправился онъ къ Ивану Анисимычу, съ которымъ имѣлъ продолжительный разговоръ. Иванъ Анисимычъ позвалъ Машу и, снявъ со стѣны образъ, благословилъ ее и Глобова, какъ нареченныхъ жениха и невесту. Отецъ и дочь много плакали. Глобовъ также былъ тронутъ; онъ просилъ Ивана Анисимыча дожидаться пока въ секретъ его предложеніе.

Послѣ такого важнаго шага, Глобовъ, какъ вся слабодушная люди, сдѣлался задумчивъ и какъ-будто печаленъ. Но Мама, для которой предложеніе мужчины было вмѣстѣ и законной свободой чувства, стала гораздо-ласковѣе, живѣе, веселѣе. Такъ однажды

вая причина производить на людей не одинаковыя слѣдствія, по различію характеровъ, общественныхъ условій и нравственной настроенности: что для однихъ задача, то для другихъ рѣшеніе задачи.

VII.

Въ торжественный день рожденія Ивана Анисимыча нахалю къ нему множество гостей. Дворъ былъ заставленъ экипажами, комнаты—биткомъ набиты. Служащіе и неслужащіе, изъ деревень и изъ города, люди различныхъ лицъ и фамилій—Васильковы, Ланьшеры, Брусничкины, Клюквины... разговаривали, шутили, смѣялись, пили и ѣли, ѣли и пили. Трехлѣтній сынъ Брусничкина особенно занималъ компанію раннимъ развитіемъ своихъ умственныхъ способностей.

— Что за ангельчикъ! томно восклицала Клюквина. — Какой милый и забавный! Дайте мнѣ его расцаловать. Не всякому такое счастье: вотъ мнѣ Богъ не даетъ утѣшенія.

Чайничный мужъ ея, засѣдатель уѣзднаго суда, началъ нюхать табакъ, а потомъ барабанить по столу пальцами.

— Дѣ, замѣтилъ Брусничкинъ, поправляя свой галстухъ, который то-и-дѣло уходилъ въ сторону:—онъ у меня молодецъ. Онъ теперь уже все знаетъ. Мы сейчасъ произведемъ ему экзаменъ. Миша, поди сюда. Представь, какъ мужика идуть на свою работу.

Миша взялъ въ руки тросточку и скорымъ шагомъ пошелъ на компать. Всѣ захохотали.

— Ну, теперь покажи, какъ крестьяне идуть на барыню.

Миша сторбился, наморщился, и пошелъ медленнымъ шагомъ, хая и прихрамывая. Всѣ еще больше захохотали.

Нянюшка трехлѣтняго ребенка, съ удивленіемъ смотрѣла на удиваго помѣщика, подошла къ нему. — Покажи еще гостямъ оловной мой, какъ цапелька наказываетъ Игнашку. Миша взялъ алку и началъ колотить ея по плечу, а самъ въ это время кричалъ: «помилуйте! впередъ не буду!» Гости просто прищипали въ восторгъ. Поцалуемъ и похваламъ конца не было.

Счастливыи отецъ взялъ сына на руки.—Онъ въ мекя, говоряте въ гудо, бросая взгляды на свою жену.—Онъ не будетъ набивать заморскихъ правдъ. Онъ будетъ мойи насладникомъ.

— Дѣ, вѣдь у васъ есть другой, старшій сынъ, кончившій журавъ и университетъ? замѣтилъ кто-то изъ гостей.

Брусничникъ молчалъ, какъ-бы не слыжавъ замѣчанія; но зы, навернувшіяся на глазахъ его жены, ея блѣдное, печальное лицо показывали всякому и поведеніе мужа-тирана, и душой разединеніе отца съ сыномъ, и любовь матери къ отчужденному сыну.

Разговоръ прекратился ненадолго. Бубенчики, свистъ и визгъ ложили о возвращеніи Барбосова съ ярмарки. Онъ по-прежнему ждалъ въ комнату съ хлыстомъ и Нептуномъ.

— Здравствуйте Иванъ Анисимычъ! Мое почтеніе всей командѣ. Марья Ивановна! вашу поленькую, прекрасную ручку.

Бѣдная Маша кшала передъ тѣмъ вишни, собирая косточки въ правую руку. Въ замѣшательствѣ отъ быстрого приступа любезника, она не знала что дѣлать.

— Ручку вашу, повторилъ настойчиво и нетерпѣливо Барбосовъ подступивъ къ самому носу Маши.

Маша протянула ручку... вишневья косточки посыпались на подставленную руку Барбосова.

Онъ не смѣшался, впрочемъ, отъ общаго хохота, и самъ смѣялся больше всѣхъ.

— Нептунъ, закричалъ онъ:—сюда. Кланяйся Марья Ивановна! цалуй ея пожки... цалуй, говорю я тебѣ.

Но Нептуну вздумалось на этотъ разъ поупрямиться. Какъ и кричалъ на него Барбосовъ, онъ ни съ мѣста.

— А! ты кобеннишься, жегодий! Пстой же, я проучу тебя.

Нептунъ завизжалъ, увидя поднятый надъ нимъ хлыстъ, началъ бѣгать вокругъ комнаты, прятаться подъ ногами гостей, наконецъ выскочилъ въ окно.

— А-га, ушелъ! закричалъ вслѣдъ ему Барбосовъ, высунувши въ окно на двѣ трети всего своего корпуса.—Вотъ я тебя! Воротишься только! Марья Ивановна, сейчасъ явлюсь къ вамъ съ подарками.

— Добрый малой, но дикая голова! замѣтилъ Иванъ Анисимычъ, когда Барбосовъ ушелъ показывать своимъ лошадей привѣжнимъ кучерамъ и любезничать съ сѣнными дѣвушками.

— Этотъ проклятый Нептунъ взялъ у меня все платье, проговорила Гвоздичкина, имѣвшая виды на Барбосова для своей дочери, румяной и здоровой барышни, которая безпрестанно повраждала на себя пелернику.

Огромный подносъ, уставленный вареньями, насылу проглыть въ двери. За лакеемъ, который съ важностію несъ его, слѣдовалъ мальчишкѣ, уже одѣтый въ сапоги: онъ держалъ въ рукахъ двѣ тарелки.

— Позвольте узнать, кто это варить у васъ варенье? спросила Гводичкина.

— Все Маша: она у меня славная хозяйка. Умѣетъ и варить, и солить, и стряпать.

— Мастерница, вѣчего сказать: Честь вамъ и слава, Марья Ивановна. Дай-Богъ вамъ за это хорошаго женишка.

— Богъ ужъ исполняетъ ваше и мое Желаніе, Антолина Петровна, сказалъ торжественно Иванъ Анисимычъ.

Всѣ гости уставили глаза на говорящаго. Маша вспыхнула.

— До нынѣшняго дня я держала въ секретѣ мою радость, которую теперь съ удовольствіемъ объявляю вамъ, дорогіе мои гости. Платонъ Петровичъ Глобовъ...

Глобовъ всталъ съ своего мѣста.

— Сдѣлалъ честь Машѣ: предложилъ ей свою руку.

Въ это самое время, Нептунъ, раскаявшись, видно, въ своемъ проступкѣ, вскочилъ въ окно, у котораго сидѣла Лиза. Цыганъ просился къ Глобову, и, схвативъ его за грудь, произнесъ сильнымъ голосомъ: — ты хуже этой собаки! Потомъ поспѣшилъ къ Лизѣ, которая лишилась чувствъ.

— Ахъ, Боже мой! что съ ней сдѣлалось? закричалъ Иванъ Анисимычъ. Гости засуетились, поднялась тревога.

— Ничего, папенька, ничего, Нептунъ испугалъ меня. Это сейчасъ пройдетъ. Позвольте мнѣ уйти въ мою комнату. Не ходите, оставайтесь съ гостями, сказала она отцу и Машѣ, которые пошли было за нею.

— Этотъ Барбосовъ вѣчно надѣдаетъ хлопотъ. Какъ можно развязать съ собаками? говорили одни гости. — Не принять ли ей голландскихъ капель? Нѣтъ, лучше потереть виски одеколономъ или понюхать спирту, говорили другіе. — Проклятый Цыганъ, зачѣмъ ты держишь у себя сумасшедшаго? говорили третьи.

Вскорѣ порядокъ восстановился. Иванъ Анисимычъ продолжалъ перешагнувъ рѣчь: — Справедлива русская пословица: не знаешь гдѣ положишь, гдѣ найдешь. Думалъ ли я, что Богъ пошлетъ мнѣ ятя въ Платонъ Петровичъ, сынъ моего добраго друга? Надобно мнѣ знать, дорогіе гости, что я и батюшка его служили въ одномъ полку. Я былъ казначеемъ, онъ адъютантомъ. По молодости, имѣлъ страстишку къ картамъ и однажды проигралъ казенныя деньги. Батюшка его, дай-Богъ ему царство небесное, выручилъ оваранца, внеся свои собственныя. Вѣкъ не забуду этого благодеянія. На все судьба: Платонъ Петровичъ случайно захватилъ ко въ, на одинъ день какой-нибудь, — а теперь родня!

Гости начали поздравлять жениха и невесту: цаловались, жали

руки, утирали слезы, говорили нравственные правила и добрыя советы. Иванъ Анисимычъ велѣлъ подать домашней шпучки.

— Отъ души поздравляю, кричала Гвоздичкина. — Платонъ Петровичъ! вы будете имѣть вѣрнаго друга; Марья Ивановна не пручается къ хозяйству и домашней жизни.

— Да, подхватилъ Иванъ Анисимычъ: — хоть я и отецъ, а могу похвалиться. Маша сама и на кухню пойдетъ, сама и на погребъ отправится. Если случится надобность — пожалуй, и на рынку сама сходить.

Въ сѣняхъ послышался голосъ Барбосова и какой-то шумъ, похожій на удары по спинѣ рукою.

— Вотъ и подарки, говорилъ онъ, вошедъ въ комнату. — Марья Ивановна! позвольте предложить вамъ отъ чистаго сердца, отъ искренней души... Можетъ-быть, они и не хороши...

— Хороши, хороши, любезный! сказалъ весело Иванъ Анисимычъ. — Давай ихъ сюда; теперь они кстати. Маша — невѣста.

— Какъ невѣста?.. Какая невѣста?..

— Такая же, какъ и другія. Вотъ ея женихъ.

— Да какъ же это?.. стало-быть...

— Что стало-быть?

— Ахъ, Боже мой, какой я дуракъ!..

Здѣсь Барбосовъ засвисталъ, какъ человѣкъ потерявшій надежду. Нептунъ съ пованной головою и поджатымъ хвостомъ подползъ къ его ногамъ.

— Ну, дѣлать нечего: его счастье. Признательно сказать, Иванъ Анисимычъ, вѣдь я самъ металъ на Марью Ивановну. Да прозвалъ: не задить бы на ярмарку. Теперь онъ въ выигрышѣ, а что то осталось?

— Вишневыя косточки — не прогивайся, любезный.

Гости засмѣялись.

— Однакожь, пора домой. Матушка, чай, заждалась меня. Прощайте, Иванъ Анисимычъ! Всей компаніи мое почтеніе. Марья Ивановна, вашу полненькую, прекрасную ручку... только безъ косточекъ.

VIII.

Съ отъездомъ Платона Петровича и Марьи Ивановны Глобовой улетѣла веселость Ивана Анисимыча. Даже аппетитъ, рѣдко ему нѣмнявшій, пострадалъ значительно. Бразды домашняго правленія приняла Лиза, плохая хозяйка въ томъ смыслѣ, въ какомъ

козьяство обыкновенно разумеется. Иванъ Анисимычъ былъ недоволенъ ея распоряженіями: кушанье находилъ онъ то перевареннымъ, то недовареннымъ, чай слишкомъ-крѣпкимъ или слишкомъ-слабымъ. Какъ ни старалась Лиза угодить отцу — отецъ всегда находилъ случай вспоминать младшую дочь: «вотъ и видно, что нѣтъ Машн: она не позволила бы этого», или: «порядочно, а все не то, какъ бывало при Машѣ». Хотя Лиза и огорчалась такими отзывами, но никогда не позволяла себѣ отступать отъ своихъ нравственныхъ правилъ, отъ понятій очищенныхъ. Она очень-хорошо знала, что угожденіе людямъ вообще и самымъ близкимъ въ-особенности, идетъ часто наперекоръ угожденію совѣсти, и при тяжеломъ столкновеніи противныхъ обязанностей выбирала ту сторону, гдѣ, можетъ-быть, насъ ожидаетъ прихотливое неудовольствіе лица, но гдѣ сохраняется достоинство человѣка.

Новое, хотя и предвидѣнное, обстоятельство усилило дурное расположеніе Ивана Анисимыча. Имѣніе его было описано и поступило въ опеку. Мысль потерять родовое наслѣдство, лишиться главы слугъ, на старости лѣтъ пойдти по міру, или собственными трудами обезпечивать свое существованіе, — поразила барина, привыкшаго къ барству. Онъ занемогъ и слегъ въ постелю. Болѣзнь, сначала неважная, приняла въ-послѣдствіи серьезный характеръ. Оказались признаки водяной. Цыганъ и Лиза не отходили отъ постели Ивана Анисимыча, который все охалъ по Машѣ. Лиза извѣстила сестру о семейномъ горѣ, заклиная ее поспѣшить пріѣздомъ, который, быть-можетъ, возвратилъ бы веселость и здоровье отцу. Но Глобовы, неизвѣстно по какой причинѣ, молчали: письма Лизы оставались безъ отвѣта.

Однажды Иванъ Анисимычъ такъ дурно провелъ ночь, что Лиза отправила гонца за узднымъ лекаремъ — добрымъ Нѣмцемъ, но плохимъ знатокомъ своего дѣла, который всѣ болѣзни объяснялъ разстройствомъ желудка и отъ всѣхъ болѣзней лечилъ бузиной, — даже отъ порыва пальцевъ. Онъ пріѣхалъ въ пятомъ часу послѣ обѣда. Что съ вами, Иванъ Анисимычъ? вы вѣрно чего-нибудь обкушались? спросилъ онъ исковерканнымъ русскимъ языкомъ.

— Помилуйте, перервалъ его Цыганъ: — онъ пятый день ничего ротъ не беретъ.

— Да, да, продолжалъ лекарь, не слушая возраженія: — вы вѣрно чего-нибудь покушали плотно. Всѣ наши болѣзни происходятъ отъ невоздержности, разстройства желудка. Умѣренная жизнь есть первое условіе здоровья. Лучше быть всегда голоднымъ, нежели очень-сытымъ. Въ обѣдѣ надобно кушать немного потому,

что вы еще будете кушать за ужиномъ, и въ ужинъ мадемуазель кушать немного потому, что вы уже кушали за обѣдомъ.

— Что же теперь съ нимъ дѣлать? нетерпѣливо спросилъ Цыганъ.

— Ничего; это пройдетъ. Напейтесь бузины.

Иванъ Анисимычъ напился бузины, но болѣзнь не прошла. Черезъ недѣлю онъ умеръ—разумѣется, не отъ той болѣзни, которую находилъ въ немъ лекаръ. Отказываюсь изобразить гербъ Лизы и процессъ погребенія: первое трудное, второе—искусно. Но читатель долженъ знать, что, въ самый день похоронъ деревня Ивана Анисимыча была продана съ молотка.

Купилъ ее молодой человекъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые убиваются, что бѣдные сотворены для прихотей богача. Крайность положенія, голосъ стѣсненныхъ обстоятельствъ считалъ онъ выше голоса разсудка и нравственнаго долга; отказъ безсильнаго—казался ему химерой, мечтою несбыточной. Приѣхавъ осмотрѣть свою покупку и увидя Лизу, которая все еще жила въ домъ, ей непринадлежащемъ, и ожидала приѣзда сестры, онъ послалъ къ ней какую-то кумушку, готовую хлопотать о чемъ угодно за полуимперіаль. Лиза удивилась предложеніямъ богача и дала ему такой отвѣтъ, который показалъ всю гнусность ея поступка. Богачъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва. Въ первый разъ отказываютъ ему — и кто жь? добро бы важная особа; а то деревенская дѣвочка, которая не видала даже губернскаго города. Желаніе мести заставило его дѣйствовать рѣшительно. Онъ вошелъ въ комнату, гдѣ сидѣли Цыганъ и Лиза, и, не снимая шапки, закричалъ во все горло: — Трифонъ!

Трифонъ явился на клочку.

— Вели приѣхать сюда подводамъ.

— Слушаю-сь, ваше высокоблагородіе.

— И уложи на нихъ всю мѣбель.

— Слушаю-сь, ваше высокоблагородіе.

— Всю рѣшительно, ничего не оставляя.

— Слушаю-сь.

— Потомъ, какъ уложишь, отвези въ городъ.

— Слушаю-сь.

— Да сходи...

— Слушаю-сь.

— Ты прежде выслушай, болванъ, а потомъ отвѣчай.

— Слушаю-сь.

— Сходи въ городъ къ Авдѣть Александровнѣ — передай ей отъ моея... и скажи, что я дарю ей эту мѣбель и завтра вечеръ буду у ней чай пить.

— Слушаю-съ.

Отдавъ приказаніе, молодой человекъ (имя котораго не нужно знать вѣроятно людямъ) презрительно обвелъ глазами комнату. Какой дрянной фангелишка! сказалъ онъ: — какъ тяжело здѣсь пахнетъ! — Тутъ онъ засвисталъ и выбѣжалъ изъ комнаты, не затворивъ двери.

Цыганъ вздохнулъ свободно. Онъ держалъ въ рукахъ отломленную столовую ложку, готовый разожжить голову богатому мѣждѣ при первой его дерзости. Глаза его наполнились кровью, сердце стучало, всѣ составы тѣла трясаются лихорадочной дрожью.

Трифонъ, достойный слуга барина, началъ выносить мебель, стулья, греться, плавалъ и, мурлыча какую-то пѣсню, перасыпалъ ее замѣчаніями о неумѣстной гордости такихъ людей, у которыхъ нѣтъ ни кола, ни двора. Очистивъ комнату, онъ обратился къ Лизѣ, сидѣвшей на остальномъ, невывнесенномъ еще стулѣ. Ну-ка, сказалъ онъ ей грубо: — ну-ка, голубу...

Последняго слова не удалось ему окончить. Цыганъ схватилъ его впоперекъ тѣла и легкимъ кубаремъ выкатилъ изъ сѣней; потомъ возвратился въ комнату.

Лиза, внешнемогшая отъ душевныхъ потрясеній, горько плакала. Слезы, долго-удерживаемыя, облегчили грудь ея. Цыганъ, давъ волю благодѣтельному изліянію скорби, потомъ робко подошелъ къ Лизѣ.

— Сестрица! сказалъ онъ ей тихимъ, но вѣжнымъ голосомъ...—

Сестрица, полно плакать. Подумаемъ вмѣстѣ, что намъ дѣлать!

— Мне ничего не остается дѣлать, отвѣчала Лиза, продолжая плакать. — У меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей.

— Не правда, сестрица, у тебя есть другъ, готовый пожертвовать для тебя жизнью.

— Но что ты можешь, добрый Петя? У тебя нѣтъ ничего.

— У меня есть любовь и воля. Благодаря тебѣ, я кой-что знаю; ты знаешь несравненно-больше. Мы станемъ трудиться съобща; Богъ и добрые люди помогутъ намъ. Ты снова начнешь свои любимыя прогулки, я снова стану охранять тебя. Я буду счастливъ. Будешь ли ты счастлива... это ужъ твоѣ дѣло.

— Еслибъ пріѣхали Маша и Платонъ Петровичъ...

— Не говори мнѣ о нихъ. Пустые, ничтожные они люди! Особенно этотъ высокопарный болтушъ, съ своими претензіями на ученость. Къ-чему послужила ему образованность, которую вы такъ хвалите? Что вышло изъ его просвѣщенія, которымъ онъ такъ гордится? Все у него противъ природы и чувства. Онъ молчитъ, когда надобно дѣйствовать; говоритъ, когда надобно молчать. Стоя высоко надъ людьми безграмотными или мало-образо-

важными, онъ уподобляется имъ въ жизни, сводитъ съ ними дружбу, предаетъ имъ себя въ жертву. Онъ не видитъ въ слѣпотѣ своей, что достойно жертвы. О, въ тысячу разъ лучше, благороднѣе, полезнѣе остаться простымъ человѣкомъ, не мудрствуя лукаво, но покорно доверяясь влеченію природы! Здѣсь, по-крайней-мѣрѣ, есть прекрасная искренность.

Лиза молчала.

— Послушай, сестрица. Я не требую отъ тебя ничего, но, не жечь-быть, со-временемъ... ты согласишься быть моею...

— Боже мой, сказала Лиза, закрывъ лицо руками. — Я это предвидѣла, я это знала.

— Что ты знала? чего ты боишься?.. Ты *любишь* его — хуже этого ужъ не будетъ. Обо мнѣ не безпокойся. Съ переменною жизнью не мѣняются чувства: что теперь между вами, то останется и тогда, ни больше, ни меньше. Но видишь ли, свѣтъ требуетъ отъ васъ многого, и я прошу тебя объ одномъ: дай мнѣ только формальное право указывать на тебя свѣту, какъ на доверившуюся мнѣ особу, — чтобы я могъ съ каждымъ обидчикомъ поступить такъ же, какъ поступилъ съ дерзкимъ холопомъ. Клятва не свяжетъ тебя. Если хочешь, будемъ жить какъ братья съ сестрой... я не коснусь тебя.

Неизвестно, что отвѣчала ему Лиза, но въ ту же ночь видѣла двухъ людей, вышедшихъ изъ пустаго господскаго дома и направлявшихъ путь свой подъ кровомъ темноты и Божьяго промысла.

IX.

И сдѣлалась Лиза женою Цыгана. И живутъ они теперь, какъ жили съ перваго дня свадьбы; она — желая полюбить его, онъ — по имѣя силъ разлюбить ее.

Никто не слышалъ отъ нихъ ропота на судьбу или жалобы на людей: они спокойно признавали то, что выпадало имъ на долю. Никто также не могъ бы упрекнуть ихъ въ пренебреженіи долга, который лежитъ на всякомъ человѣкѣ: они строго исполняли гражданскія и семейныя обязанности, дѣйствуя во всякомъ случаѣ и въ крайнемъ разумнѣю и чистой совѣсти.

Но покорность судьбъ не есть счастье. Оно не есть также и речистое исполненіе долга, утѣшающее въ несчастіи. Прекрасныя стремленія, благородныя заслуги, возвышенныя мысли сами-по-себѣ, а счастье само-по-себѣ.

Гдѣ жъ оно, это счастье? Недостойные супруги находятъ его и

презестяхъ разврата: онъ—заводить гаремъ, она—окружаетъ себя толпою поклонниковъ. Но какъ найти его достойнымъ? Гдѣ спасенію любящему, но не любимому, страдающему отъ любви, но безыльному не страдать? Мы знаемъ философію, которая забывается при первомъ взглядѣ обожаемой женщины: покажите другую философію, которая бы указывала больному сердцу выходъ изъ болѣзни.

Такъ думали Цыганъ и Лиза. Прошло много лѣтъ съ того времени, какъ они оставили деревню и жили въ губернскомъ городѣ. У нихъ уже были дѣти. Воспитаніе ихъ заняло родителей, которые, не получая писемъ отъ Машы и Платона Петровича, не знали, гдѣ они находятся, какъ однажды, вовсе неожиданно, Глобовы пріѣхали къ нимъ погостить. Чтò чувствовала въ это время Лиза, я не знаю, но только черезъ нѣсколько дней по отъѣздъ сестры, собравшись на балъ къ губернатору, она вошла въ ту комнату, гдѣ висѣло зеркало, и гдѣ я заснулъ на креслѣ... Надобно же, наконецъ, узнать читателю, что я — младшій сынъ Лизы.

X.

Барвара Алексѣевна, знакомая читателю, кушала чай. Въ ногахъ у ней лежала Сильфидка. По сторонамъ сидѣли Соничка и Митя.

— А! милости просимъ! кричала она вошедшей Ольгѣ Ивановнѣ.—Садись сюда чай пить. Пусти-ка, Соничка. Скажу тебѣ, матушка, новость... или нѣтъ: угадай сама, кого я вчера видѣла.

— Почему мнѣ знать, Барвара Алексѣевна? Мало ли у васъ бываетъ народа?

— Платона Петровича съ супругой, Марьей Ивановной, уроженной Ягодиной.

— Не-ужь-то? какъ бы я желала взглянуть на него!

— Авось взглянешь: онъ обѣщался на-дняхъ захватить ко мнѣ.

— Ну, чтò, матушка, каковъ онъ?

— Ты не узнаешь его: худой, блѣдный, задумчивый; мнѣ кажется, у него вотъ тутъ... на сердцѣ... горе... понимаешь?

— Какъ не понимать. Вотъ моя и вышла правда. Помните ли мое гаданье, передъ отъѣздомъ Платона Петровича? Вы еще сердились, а мнѣ нельзя же было прямо въ глаза сказать ему: вамъ нынѣ злополучный марьяжъ и несчастная жизнь. — Ну, а она что?

— Фу, какая пышная, краснощекая, здоровая! Я ужь успѣла съ ней поссориться. Вообрази, какая дерзкая: разговоръ зашелъ о томъ, кто какъ проводитъ время. Она вдругъ, ни съ перваго сло-

ва, и говорить: «удивляюсь, какъ можно заниматься гаданьемъ карты: по-моему это глупо.» Такъ меня и взорвало! Что жь тѣ глупаго, матушка? сказала я. Все это лучше, нежели перемигива-
ся съ мужланщи.

— Что жь она на это?

— Ничего, только еще больше покраснѣла. А мнѣ тѣ и владѣ Нѣтъ, терпѣть не могу гордыбакъ. По-нашему, чѣмъ скромнѣе тѣмъ лучше.

Съ этими словами, Варвара Алексѣевна нюхнула значительную порцію табаку и принялась раскладывать гран-пасьянсъ.

СТО ОДИНЪ.

ДВУЛИЦЫЙ ЯНУСЬ.

(Отрывок из «Дневника в Риме».)

Мнѣ снилось, взошелъ я на холмъ, отъ вершины до низу
Покрытый обломками вѣснгда славнаго храма:
Разрушенный мраморъ, низвергнуты своды, аркады,
Священные урны, алтарь, испещренный ваяньемъ
Жрецовъ, закаляющихъ тучныя жертвы, статуи,
Обрубленный горсть, голые, раздробленные члены, —
Какъ надшихъ вонтелей трупы на полѣ сраженья...
Люблю любоваться, какъ чудомъ, изящной рѣзьбою
Печальныхъ обломковъ: люблю я коринтской колонны
Лазурныя листья, живымъ обитые акантоомъ,
Она завитые рога, увѣчанные хвѣлемъ получимъ.
Надъ грудой развалинъ, въ пыли и поросшихъ травой,
Опять возвышался изъ мрамора Янусъ двулицый:
Одно обращалъ онъ лицо къ заходящему солнцу,
На западъ, гдѣ въ тенистой, глубокой долинѣ, густые
Верхи кипарисовъ на пламенномъ небѣ черѣлись;
Другое глядѣло на темный востокъ; созерцая
Грядущаго кннгу, хранило угрюмую тайну.
Проникнутый вымысломъ дивнымъ, въ священномъ восторгѣ,
Стоялъ я и думалъ, какъ много въ открылось тайны,
Когда бы изрекъ онъ, что въ будущемъ видать.
« Скажи мнѣ, таинственный богъ, проникающій взоромъ
Въ грядущее вѣки; молю, просвѣти наши очи,
И живыми баснями раскѣй нашихъ бѣдныхъ гаданій!
Что ждать намъ? отвѣстуй! куда мы стремимся?
Зачѣмъ здѣсь на холмѣ громады каменной громады,
И кто онъ, откуда, сей внидающій духъ, въ насъ живущій,
Который въ насъ мыслью нылаеть и движеть могучею дланью,
И жаждеть, и внидетъ.... чтобъ послѣ разрушить; разрушивъ,
Изъ праха опять созидаетъ? » Безмолствовалъ идолъ,
Угрюмый, какъ жрецъ, погруженный въ глубокое чтенъе
Таинственной кннги, невѣдомой черни. Внезапно
Послѣднее вспышкой вечерняго блеска другое

У. ХШ. — Отд. I.

Лицо просіяло и рѣчь уста разомкнулись.
 — Ты хочешь проникнуть въ грядущія тайны; но вѣдай,
 Мы связаны оба таинственной силой, и прежде
 Прощедшаго голосъ внемли — а потомъ ужь подѣли
 Завѣсу съ того, что въ чертѣ грядущаго зрѣть.
 Во мракѣ гробницъ обитаетъ мой взоръ: тамъ почіютъ
 Народы, какъ спать у васъ въ памяти мысли и думы —
 Спокойно и тихо: я властенъ ихъ вызвать изъ вѣчной темницы,
 Какъ можешь въ душѣ пробудить ты прошедшія мысли...
 Какъ образы ихъ, предо мною въ тѣни кипарисовъ,
 Накрывшихъ могилы, встаютъ исполнскія тѣни
 Людей и народовъ и царствъ, — все умчало всесильное время!..
 Я вижу великую рѣку... всечасно я слышу паденье,
 Удары низверженныхъ волвъ съ высоты величавой...
 Пространство міровъ ей русло, и межъ нихъ низвергаея,
 Свергая, свося, обрывая утесы и камни,
 Она все несетя, подобная вѣчно-живому,
 Падущему грозно изъ урны вѣковъ океану...
 И гдѣ ей начало? и гдѣ ей конецъ?.. я не знаю...
 Но съ бѣгомъ, быстрѣй и полнѣе, шумнѣе и шире
 Свирѣпыя воды, и мнѣтся, съ паденьемъ ихъ въ бездну,
 Обрушится все, что встрѣчалось мнѣ въ бѣгѣ,
 Что мчалось съ ними, противясь ихъ смѣхъ —
 Все рухнетъ — и сущіе нынѣ народы и царства
 Туда же обрушатся въ омутъ, куда уже шли
 И Римъ колоссальный, съ всемірными вѣнцомъ и рабами,
 Со златомъ вала, колесницъ и кровавыхъ ристалищъ,
 И Фивъ пирамиды и Мемфиса мраморны стѣны —
 И оны — Вавилонъ, съ своей небесною башней...
 Я вижу, блѣднѣя, взираешь ты на эту рѣку;
 (И смертнымъ, безплотной душой отрѣшившись отъ тѣла,
 Обнявъ ее взоромъ способнымъ) И ужасъ колеблетъ
 Твой духъ: оглушенный неустовымъ гуломъ паденья
 Влекомыхъ, низверженныхъ ею громадныхъ обломковъ,
 Ты мыслишь, что значишь ты самъ въ семъ безвѣрномъ,
 Бездонномъ горнилѣ, средь царствъ и имперій?
 И страшно исчезнуть тебѣ въ немъ, какъ легкому волу
 Подъ крыльями вѣтра, свой путь не означивъ, гдѣ шелъ ты,
 Не бросивши трудъ исполненій въ всеобщую бездну...
 Смѣшное мечтанье!... Мстечинъ отчаянья горькій!
 Вагляни вкругъ себя на роскошную матеръ-природу
 Какъ съ каждой весной она новыя силы являетъ,
 Богатства свои мѣняетъ, какъ новую ризу;
 Все такъ же она, какъ и прежде, въ величій стройномъ
 Раждаетъ деревья и травы и льетъ голубью
 Ручьи, оглажая ихъ пѣвиемъ пернатого царства.
 Но это одежда — не болѣ, она нѣ неизмѣнна...
 Подобно природѣ живетъ человѣчество: часто
 Слѣняются, шумно чередуясь, идуть поколѣнья:
 Они — лишь одежда безсмертнаго, вѣчнаго духа...
 Какъ тополь и ландышъ прекрасны въ убранствѣ природы —
 Такъ каждому мѣсто свое въ поколѣньѣ; — какъ роза,

Какъ терній, въ природѣ, — въ гармоніи общей всѣ люди
 Въ дѣни челоѵчества—всѣ непремѣнныя звѣнья...
 Такъ, тамъ, посреди преходящихъ явленій юдолюбнаго міра
 Однажды-рожденныя высятся горы, — такъ вѣчно
 Останется ясенъ въ потомствѣ негаснущій геній,
 И мысль не погибнетъ въ томъ омутѣ мрачномъ,
 Самъ геній не мыслить о славѣ,—и зрѣть въ трудѣ онъ...
 Ты хочешь, чтобы предъ твоей триумфальной статуей
 Потомокъ съ главою проходилъ обнаженной... Послушай,
 Не бѣгай, какъ юноша пылкій за гордою дѣвой,
 За славою: трудися. Сама придетъ гордая дѣва,
 Отлещетъ чело ей любовное, лавромъ накроетъ;
 Въ живыхъ не застанетъ — отлещетъ гробницу, украситъ
 Вѣнцомъ и триумфомъ, и если бы кости и прахъ твой
 Разсыпались вѣтромъ, и въ черепѣ пѣтопырь дикій
 Гнѣздо свое вилъ, — освятитъ она пепелъ бездушный,
 Вкругъ сторожемъ станетъ и путника вдругъ преисполнитъ
 Восторгомъ, и слезы и думу тебѣ посвятитъ онъ...
 Такъ жертвуютъ Гвѣбры могучему Фебу не въ храмѣ —
 На снѣжныхъ горахъ, подъ шатромъ безконечнаго неба.

А. МАЙКОВЪ.

О Ш И Б К А.

Драматическій анекдотъ.

(Н. В. А.)

—
...Такъ ненавижу ятъ
Въ душѣ твоей небесной, донна-Анна!
А. Пушкинъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

М-ше Ленцъ, молодая вдова.

Жоржъ, художникъ.

Лида.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Теплый лѣтній вечеръ. Густой садъ, освѣщенный косвенно-падающими лучами солнца. На скамьѣ, подъ тѣнью ливъ, М-ше Ленцъ и Жоржъ. Лида проходитъ въ отдаленіи.

М-ше Ленцъ. — Мы не кончили нашего разговора...

Жоржъ. — Я не знаю, стоитъ ли труда возобновлять его.

М-ше Ленцъ. — Потому-что вы упрямо остановились на одной мысли, и хоть чувствуете сами, что въ ней есть зародышъ большаго, однако отрекаетесь даже отъ желанія искать средствъ противъ нея.

Жоржъ. — Отъ-того, что я много вѣрю въ силу природы, которая сильнѣе теорій. Каждый изъ насъ долженъ остаться въ своихъ склонностяхъ тѣмъ, чѣмъ создала его природа. Я точно такъ

не могу убить въ себѣ моего эгоизма, какъ вы не можете за-
ушить въ себѣ нашей горячности въ сочувствіи къ другимъ. Да
къ-чему?

М-ше Ляницъ.—Если вы говорите о себѣ, то — къ тому, чтобъ
быть меншого-больше человекомъ...

Жоржъ.—Но я ужь давно уступилъ вамъ это преимущество.

М-ше Ляницъ.—Безъ ироніи, Жоржъ. Я тутъ не дѣлаю ника-
кихъ притязаній ни въ пользу свою, ни въ пользу нашего пола во-
обще. Я хочу только вашего признанія, что вамъ не достаетъ, мо-
жетъ-быть, наиболѣе человѣческой стороны.

Жоржъ.—Если угодно, я сдѣлаю вамъ въ сотый разъ это при-
знаніе.

М-ше Ляницъ.—И не пойдете далѣе?

Жоржъ.—Къ-сожалѣнію, природа не дала мнѣ никакихъ средствъ.

М-ше Ляницъ.—Вотъ ужь тотчасъ жалоба и на природу! Забудьте-
е, однако: на свой счетъ, можетъ-быть, спорѣе всего можно оши-
ваться.

Жоржъ.—Что же прикажете дѣлать?

М-ше Ляницъ.—Попробуйте дѣйствовать съ другой точки зрѣнія,
испытайте хоть разъ свою способность самопожертвованія...

Жоржъ.—Испытайте свою способность, которой вы не нѣже-
те!.. Вы хотите, чтобъ я смѣлся? Не продолжайте: я люблю васъ
слушать. Право, у меня такъ много въ памяти вашихъ словъ.

М-ше Ляницъ.—Благодарю за честь. Вы, однако, даете совсѣмъ
не тотъ толкъ словамъ моимъ. Я хочу, чтобъ вы испытали спо-
собность, которой вы въ себѣ только не подозреваете. У меня есть
то предубжденіе въ пользу художнической натуры: я никакъ не
могу предположить въ ней того недостатка, который вы себѣ на-
зываете; словомъ, я предчувствую въ васъ то, чего вы сами въ
себѣ не видите.

Жоржъ.—Значитъ, въ васъ много вѣры; но это еще несколько
е помогаетъ моему невѣрію. Когда я васъ слушаю, я вѣрю вамъ;
о себѣ... себѣ я не вѣрю еще болѣе.

М-ше Ляницъ.—Какъ невѣрующій, вы требуете доказательствъ?
Попробую говорить примѣрами... Надобно, впрочемъ, признаться,
оказывать я умѣю всего менѣе.

Жоржъ.—Вы думаете и говорите по вдохновенію?

М-ше Ляницъ.—Если угодно. Однако, я хочу сдѣлать опытъ... Въ
природѣ есть силы, которыхъ существованія не подозревали цѣ-
ныя тысячелѣтія, и которыя, однако, всегда были въ ней дѣятель-
ны. Если не подозревали, значитъ и не признавали. Но предста-
вился случай—существовавшіе силы замѣтили, и вотъ ужь мы рас-

полагаемъ ими для нашей собственной пользы. Какъ вамъ кажется мой примѣръ?

Жоржъ.—Стало-быть, надобно ожидать случая?

М-ше Ленцъ.—Можетъ-быть, достаточно быть внимательнѣе къ самому-себѣ.

(Лида молча проходитъ мимо.)

Жоржъ *(слѣдуя за ней глазами)*.—Что за чудный профиль!

М-ше Ленцъ.—Вся головка удивительно-изящна. Вы, какъ художникъ, должны были замѣтить это.

Жоржъ.—По-моему, это одинъ изъ самыхъ рѣдкихъ экземпляровъ. Есть какая-то невыразимая грація во всѣхъ линияхъ, и потому эта прелесть выраженія, которой я ни съ чѣмъ не умю сравнить. Я нѣсколько разъ пробовалъ схватить ея черты на бумагѣ; и никогда не былъ доволенъ своей работой.

М-ше Ленцъ.—И вы знаете, что это выраженіе не обманъ!

Жоржъ.—Было бы очень-странно сомнѣваться въ этомъ. И потому, это тайное наслажденіе, которое чувствуете, смотря на нее... да, думаю, чтобъ оно происходило лишь отъ вліянія одной внешней красоты.

М-ше Ленцъ.—Я всегда была уверена въ вашей способности ценить вещи по справедливости, и очень-рада, что не ошиблась на этотъ разъ. Лида—чудесная девушка. Я люблю ее музеемъ и любовью. Невозможно не привязаться къ ней сильно и страстно.

Жоржъ.—Что вы хотите сказать?

М-ше Ленцъ.—Что я люблю ее не какъ сестра, не какъ подруга, а—какъ любовникъ, можетъ-быть... По-крайней-мѣрѣ, я не умю вамъ иначе объяснить. Вы сказали, что чувствуете излалженіе!.. Позвольте замѣтить, что вы возбуждаете во мнѣ ревность.

Жоржъ.—Въ такомъ случаѣ, вы нехорошо меня поняли.

М-ше Ленцъ.—Можетъ-быть, я бы должна понимать только наслажденіе художника?..

Жоржъ.—Никакъ не болѣе.

М-ше Ленцъ.—И вы ужь задавали себѣ этотъ вопросъ и рѣшили его?

Жоржъ.—Говоря правду, до-сихъ-поръ онъ не приходилъ мнѣ въ голову,—доказательство, что не было къ нему никакого повода.

М-ше Ленцъ.—Доказательство, что вы очень-слѣпы къ себѣ.

Жоржъ *(смотря ей въ глаза)*.—Вы думаете?

М-ше Ленцъ.—Не теперь только—я думаю объ этомъ давно. Хотите ли, чтобъ я была съ вами откровенна?

Жоржъ.—Иначе я не буду слушать васъ.

М-ше Ленцъ.—Я наблюдаю за вами давно, то-есть за вами

и Лидою; и дивлюсь... дивлюсь, какъ вы до-сихъ-поръ столько любите къ себѣ.

(Жоржъ задумывается.)

М-ше Ленцъ.—Думаете ли-вы, что мы всегда, т. е. во всякую минуту нашей жизни; знаемъ себя больше, чѣмъ другіе знаютъ насъ? думаете ли, что не бываетъ такихъ минутъ, когда мы изъясняемъ себя передъ другими, вовсе и не подозревая, чтобъ въ насъ были тайны отъ другихъ? Вы живой примѣръ, какъ это можетъ быть.

Жоржъ (выходя изъ задумчивости).—Можетъ-быть, вы имѣете некоторое право говорить такъ; однако я имѣю больше права думать на-оборотъ.

М-ше Ленцъ.—То-есть, вы остаетесь при своей обыкновенной *tière-pensée*? О, она вашъ всегдашній и самый опасный врагъ, врагъ, который подтачиваетъ ваши лучшія чувства!

Жоржъ (подумать съ минутой).—Но не-уже-ли вы не шутя видите тутъ признаки любви?

М-ше Ленцъ.—Я удивляюсь только, какъ можно не видеть ихъ? лишь вопросъ, но прошу отвѣчать искренно: скажите, что привлекло васъ къ этому дому, къ этому семейству? Отецъ, мать иды, или ея братья?

Жоржъ.—Но такъ отвѣчать невозможно: вы раздробляете мою привязанность на отдѣльные предметы и такимъ-образомъ привносите ее къ нулю.

М-ше Ленцъ.—Я бы желала знать, какъ сохранится ваша привязанность, раздѣленная одинаково между всеми, какъ сохранится она, когда не будетъ здѣсь Лиды...

Жоржъ.—Очень-вѣроятно, что она останется въ прежнемъ видѣ. А развѣ Лиды...?

М-ше Ленцъ.—Это ужь почти рѣшено. Искательства этого господина, въ которомъ вы видите самого Ноздрева подъ формою индюка, — хоть я и не понимаю, какъ могутъ соединиться въ одномъ лицѣ такіа противоположности, — искательства этого господина наконецъ достигаютъ своей цѣли: на-дняхъ будетъ помолвка съ Лидою...

Жоржъ (встрѣвѣженнѣй).—Это было бы одно изъ самыхъ возгительныхъ дѣлъ... Но—вы только шутите? Вы хотите, можетъ-быть, на минуту взять роль дѣмона-искусителя? Эта роль къ вамъ къ малю идетъ.

М-ше Ленцъ.— Я была бы рада, еслибъ могла подать себѣ и вамъ какую-нибудь надежду... Но я знаю отъ Лиды, что судьба рѣшена... Бѣдная, какая судьба! Я удивляюсь, видя, что она можетъ говорить объ этомъ безъ слезъ; но она мнѣ сказала, что

у нея ужъ нѣтъ больше слезъ... О, вы не знаете, что за мучительное состояніе начинается для женщины, когда она выказала всѣ свои слезы!.. Сколько изнурительно-горькихъ ночей должна она провести напередъ, чтобъ прійти наконецъ къ этому послѣднему состоянію, въ которомъ ужъ нѣтъ больше никакой отрады!.. И въ такомъ возрастѣ, какъ Лидя!.. Взгляните на лицо ея, если не вѣрите мнѣ.

Жоржъ.—Я давно видѣлъ въ немъ перемѣну; но... у меня свой взглядъ на вещи: мнѣ кажется, что оно получило именно тотъ отъенокъ, котораго ему не доставало. Я не любилъ бы лица, на которомъ можно читать одно здоровье, одну веселость...

М-ше Ленцъ.—Безжалостный! Вы, однако, не говорили бы такъ, еслибъ знали, какъ она любитъ васъ...

Жоржъ (*съ худо-скрытымъ любопытствомъ*).—Будте вы такъ увѣрены въ этомъ?..

М-ше Ленцъ.—Если хотите, она никогда не говорила мнѣ прямо: «я люблю Жоржа»...

Жоржъ.—Какъ?.. повторите, ради Бога...

М-ше Ленцъ.—Она никогда...

Жоржъ (*перерывая*).—Послѣднія слова...

М-ше Ленцъ (*улыбалась*).—«Я люблю Жоржа» — этихъ словъ никогда отъ нея не слыхала, и, можетъ-быть, никогда не услышу, если не... Договорите сами.

Жоржъ.—Въ такомъ случаѣ, вы очень можете ошибаться!

М-ше Ленцъ.—Да, еслибъ я была въ такомъ же возрастѣ, какъ она. Но если, на-примѣръ, берегутъ каждую вещь, которая можетъ напомнить о васъ, если спѣшатъ исполнить ваше малѣйшее желаніе, которое вы высказали какъ-то случайно, мимоходомъ, если среди самой глубокой, ничѣмъ-неразвлекаемой задумчивости быстро, въ одно мгновеніе отзываются на ваше имя, если слушаютъ съ жадностію, что говорятъ о васъ, если, наконецъ, не умиютъ скрыть своего волненія, ни своей задушевной радости, когда вы только входите... Жоржъ, не-уже-ли и тутъ еще есть іероглифы?

Жоржъ.—И вы не думаете, что это лишь шалость молоденькой дѣвушки? Вы увѣрены, что тутъ есть любовь, какъ, на-примѣръ, вы ее понимаете?

М-ше Ленцъ.—Жоржъ, вы оскорбляете ее, вы оскорбляете самую любовь въ лицѣ ея, говоря эти праздные слова. Будете говорить такъ искренно, какъ только вы можете. Я начинаю верить только потому, что я глубоко уважаю васъ и отъ всей моей души хочу вамъ полноты счастья, какъ и Лидя, только потому рѣшилась я сказать вамъ любовь ея. Я горячо люблю Лидю, и ея чувства для меня—святыня, которой бы я никогда не позволила себѣ

выдать вамъ, еслибъ не знала васъ, еслибъ не была уверена, что вы точно такъ же можете составить ея счастье, какъ свое собственное. Что скажете вы еще, несносный человекъ?

Жоржъ (*цалу ея руку*).—Благодарю васъ. Въ лицъ васъ я научался больше, чѣмъ когда-нибудь, дѣлать и уважать женщину.

М-ше Ленцъ.—Не о томъ рѣчь, Жоржъ. Въ вашей признательности ко мнѣ вы объяснитесь когда-нибудь послѣ: такое объясненіе я прийму охотно. Но теперь рѣчь о Лидѣ, о любви ея къ вамъ. Знаете вы, почему такъ долго носить она эту прическу? Потому-что смъ разъ похвалили ее. Знаете вы, почему она любить долго сидѣть здѣсь по вечерамъ? Потому-что это *ваше* любимое мѣсто. Знаете вы также, что фіалка, которою вы такъ часто любовались въ этомъ саду, стоитъ ужъ на окнѣ ея комнаты? Знаете вы наконецъ, что у нея есть локоны вашихъ волосъ?..

Жоржъ (*съ изумленіемъ*).—Какъ это? Развѣ я могу бросать свои волосы, какъ бросаю перчатки?

М-ше Ленцъ.—Я не знаю: это ея тайна, и только случай открылъ мнѣ, что эти волосы — ваши.

Жоржъ.—Странно, если это правда!

М-ше Ленцъ.—Вы забываете, что любовь творить чудеса, если только она истинная любовь. Жоржъ, отвѣчайте же мнѣ что-нибудь!

Жоржъ.— Но вѣдь есть же какое-нибудь средство спасти ее отъ этой бѣды...

М-ше Ленцъ.—Которой?..

Жоржъ.—Я хочу сказать — спасти ее отъ рукъ этого негодяя. Если я могу тутъ что-нибудь сдѣлать, располагайте мною.

М-ше Ленцъ.—Значить—если не любви, вы доступны по-крайней-мѣрѣ состраданію? Признакъ добраго сердца, въ чемъ, впрочемъ, я никогда и не сомнѣвалась. Но вотъ бѣда, Жоржъ, наша общая съ вами бѣда: передъ этимъ человекомъ, котораго вы такъ бѣзпечно называете негодяемъ, мы съ вами ровно ничего не значимъ; отецъ и мать Лиды влюблены въ него; все, что они значатъ въ намъ, по ихъ мнѣнію, есть предметъ для уваженія, образецъ для подражанія...

Жоржъ.—И можно быть до такой степени слѣпу?..

М-ше Ленцъ.— Можно, очень-можно: вы можете судить по своему собственному примѣру. Съ своей точки зрѣнія, они, можетъ-быть, даже и болѣе правы, чѣмъ вы.

Жоржъ.—Однако, вѣдь есть же какое-нибудь средство; вѣдь не можетъ же быть, чтобъ совершилось это постыдное дѣло?

М-ше Ленцъ.— Если хотите, есть одно, и довольно-вѣрное: но, впрочемъ, все въ вашей волѣ.

Жоржъ.—Вы хотите сказать...

М-ше Ленцъ (*перерывая*). — Я еще ничего не сказала, Жоржъ. Отвѣчайте мнѣ искренно, положивъ руку на сердце: это сердце не запыто?.. вы—свободны?

(Жоржъ *хочетъ отвѣчать и останавливается на первомъ словѣ*).

М-ше Ленцъ.—Вы колеблетесь?.. Или вы совершенно-свободны, или вы не хотите сказать мнѣ, что любите Лиду?..

Жоржъ.— Но... вы знаете, на подобные вопросы только въ восемнадцать лѣтъ отвѣчаютъ такъ скоро... Притомъ же, во всякомъ случаѣ...

М-ше Ленцъ.— Никакихъ случаевъ, мой другъ. Случай только одинъ, и притомъ такого рода, что, опустивъ его, можно многого лишиться навсегда; замѣйте это—*навсегда*, а это многое, можетъ-быть, само счастье.

Жоржъ.— Но... если вы требуете отъ меня жертвы?..

М-ше Ленцъ.— А! въ такомъ случаѣ, я молчу, Жоржъ. Вы человекъ свободный, и я не имѣю никакого права требовать отъ васъ пожертвований. Мы можемъ перемѣнить разговоръ. Скажите, какъ идетъ ваша работа? Надѣюсь, она близка къ концу?

Жоржъ.— Если вы разумеваете «Лучію», то въ эту минуту, по-правдѣй-шья, я очень сомнѣваюсь, чтобъ она когда-нибудь пришла къ концу...

М-ше Ленцъ.— Стыдитесь, Жоржъ! Это было бы жалко, безконечно жалко! Не уверяли ли васъ всѣ, не говорили ли вы сами десять разъ, что вамъ еще не удавалась столько на одна изъ вашихъ картинъ? Помните ли—вы пришли сюда съ такимъ самоудовольствомъ, съ такимъ бодрымъ духомъ, принесли намъ такъ много веселости, счастья какого-то, и все отъ-того, что художническая ваша совесть была вполне удовлетворена успѣхомъ работы. Скажите, куда дѣвали вы этотъ прекрасный духъ? что привело васъ въ отчаяніе? А я—было такъ радовалась за васъ...

Жоржъ.— Что привело меня въ отчаяніе? Минута... Въ художнической жизни бываютъ такіа несчастныя минуты, что одинъ взглядъ губитъ иногда въ нашихъ глазахъ плодъ работы долговременной, а можетъ-быть даже и плодъ вдохновенія... Разъ взглянувъ на свое произведеніе этимъ демонически-враждебнымъ взглядомъ, вы уже потомъ не помиритеcь съ нимъ никогда. И быдѣ, если такая несчастная минута застигнетъ васъ еще до окончания вашей картины: въ такомъ случаѣ можете быть увѣрены, она никогда не будетъ окончена: тотъ же бѣсъ будетъ оставаться надъ вами всякій разъ, какъ только вы, вооружившись всею волею, рѣшитесь снова обратиться къ своему труду. Любо

къ нему убита, и чѣмъ больше вы всматриваетесь въ него, тѣмъ больше губите его въ вашемъ сознаниіи...

М-ше Ленцъ. — Жоржъ, хотите ли вы, чтобъ я назвала вамъ это состояніе его собственнымъ именемъ? Это — художническая хандра. Хандримъ мы все по-немногу, и каждый изъ насъ носитъ съ собою хандру, которая въ насъ же и задыхается; но вы, художники, вы — одно съ вашими произведеніями; они предметъ всей любви вашей, всей привязанности души и сердца, и свою хандру вы переводите и на нихъ—ихъ заставляете страдать столько же, сколько и себя. Въ такія несчастныя минуты, прячьте отъ себя вашихъ любимцевъ, не заражайте ихъ своимъ на-время большимъ дыханіемъ: болѣзнь переживетъ свой срокъ, тогда прояснится и взоръ вашъ; тогда вы опять пріймитесь за неконченный трудъ, и вернется прежняя любовь ваша къ нему. Такъ ли?..

Жоржъ. — Продолжайте, ради Бога, продолжайте. Ваши слова всегда дѣйствуютъ на меня съ удивительною успокоивающею силою. Вы одна изъ тѣхъ сказочныхъ женщинъ, которыя владѣютъ чудесными талисманами: вашъ талисманъ—въ самомъ вашемъ голосѣ, котораго я не могу безъ того слышать, чтобъ не желать послушаться его...

М-ше Ленцъ. — Хорошо, Жоржъ. Есть надежда, что вы можете исправиться. И знаете ли, почему я съ такимъ участіемъ говорю о послѣней вашей работѣ? Она имѣетъ для меня интересъ особый...

Жоржъ. — Знаю: васъ всегда поражала своимъ драматизмомъ эта минута, которую я выбралъ — Лучія, подписывающая свой брачный договоръ; но вы знаете также, что я выбралъ ее по вашему же совѣту, и что удачный выборъ никогда не есть еще результатъ за удачное исполненіе.

М-ше Ленцъ. — Видите ли? Вы ужь опять заговорили свое. О можетъ теперь ни слова; мы много говорили о немъ прежде. Теперь только объ исполненіи. Разрѣшите мнѣ одно недоумѣніе: скажите, кого напоминаетъ ваша «Лучія»? Есть черты такъ по-настоящему-сходныя, такъ вѣрно-схватенныя, что непременно хочется назвать это лицо по имени; но я никакъ не могу догадаться... Можетъ-быть, этому мѣшаетъ, что я вижу въ немъ въ то же время и Лучію.

Жоржъ. — Что жь изъ этого? Какое-нибудь случайное сходство... что бываетъ временемъ.

М-ше Ленцъ. — Согласна. Однако, вмѣсто того, чтобъ прибѣгать къ случайности, не лучше ли объяснять это явленіе изъ вліянія какого лица?.. Мнѣ кажется, на моей сторонѣ больше вѣроятности?.. Говоря откровенно, Жоржъ, я плохо вѣрую въ идеалы ху-

дожинковъ : держу пари, что девять изъ десяти этихъ экземпляровъ легко подойдутъ подъ живые экземпляры, въ томъ числѣ вашъ .. не правда ли?

Жоржъ. — Кого вы разумѣете?

М-ше Ленцъ. — Что за странный человекъ! Я должна вытлать изъ васъ каждое признаніе. Никакъ не могу приучить васъ къ откровенности... Вы всегда хотите, чтобъ я говорила за васъ. Уступаю еще разъ вашему несносному упрямству: въ вашей Лучіи я узнала Лиду... Не-ужо-ли вы и теперь будете зашираться?..

Жоржъ (*вспоминая и помолчавъ*). — Въ-самомъ-дѣлѣ, есть черты.

М-ше Ленцъ. — Будто съ моихъ словъ только вы начинаете догадываться?

Жоржъ. — Есть—ваша правда. Это, впрочемъ, понятно: типъ лица одинъ изъ самыхъ счастливыхъ, а въ послѣднее время имѣлъ такъ много случаевъ любоваться имъ.

М-ше Ленцъ. — Если таково ваше объясненіе, то я не хочу еще разъ повторять вамъ: вы, сударь, рѣшительно слѣпы—не видите даже того, что дѣлаетъ ваша рука. Или это какое-то мимолетное упрямство?.. Не вы ли сами сейчасъ говорили мнѣ, что дама на перемѣну въ ея лицѣ вы смотрѣли съ художнической точки зрѣнія? Теперь я понимаю вашу художническую точку зрѣнія (*Лиды подходитъ*). Пойдите, раскройте на минуту свои глаза: если вы не хотите узнать въ вашей Лучіи мою Лиду, то узнайте хотя въ Лидѣ вашу Лучію... (*Къ Лидѣ*) Лиды, ты устала: отдохни здѣсь. Мы хотимъ говорить съ тобою.

Лиды (*садясь подлѣ М-ше Ленцъ*). — Только, ради Бога, что-нибудь будь веселое...

М-ше Ленцъ (*посмотрѣвъ ей въ глаза*). — Откуда такой геройскій духъ? (*На ухо*.) Не притворяйся, Лиды: обмануть меня трудно. Скажи намъ, какъ начала ты нынче день? Вѣдь ты со мной еще не говорила сегодня. Какъ же?

Лиды. — Ахъ, очень-весело: въ танцевальномъ классѣ... Мы проработали цѣлый часъ... Учитель похвалилъ меня, сказалъ, что я шего не забыла, что я танцую такъ же легко, какъ и прежде...

М-ше Ленцъ (*еще пристальнѣе смотря ей въ глаза*). — Я бы желала видѣть... Ты, однако, не сбилась ли въ счетъ? Не случилось ли это годъ тому назадъ въ этотъ же самый день?

Лиды. — Спросите Лёню, Сашу, Надю... Мосёй Санё сказалъ, что я дѣлаю антраша даже лучше Лёни...

М-ше Ленцъ. — Не хочешь ли ты повторить передъ нами?

Лиды. — Много чести!.. Мосёй Жоржъ, вы такъ пристально смотрите на меня? Что вамъ кажется во мнѣ страннымъ?

Жоржъ. — О странностяхъ спрашивайте у мадамъ Ленцъ. Я смотрю на васъ съ другой точки зрѣнія, Лида, и думаю, что имѣю и это важное право. Вы вѣрно не забыли своего позволенія?

М-ше Ленцъ. — Оставьте его, Лида: онъ нынче не въ своей тарелкѣ... Ни на что не можете смотреть просто — все «съ точки зрѣнія» — разумѣется, съ точки зрѣнія идеала, какъ и прилично художнику. Но объ этомъ когда-нибудь послѣ. Скажи же мнѣ, откуда взялась у тебя такая веселость? Видѣла ты хорошій сонъ?

Лида. — Какъ-будто только во снѣ можно видѣть хорошее. Я проснулась очень рано; солнце смотрѣло прямо въ мою комнату; лодъ окномъ пѣли птицы; я растворила окно — небо чистое, голубое! потянулъ свѣжій вѣтерокъ; вишня, вся покрытая бѣлыми цвѣтками, стала проситься ко мнѣ въ окно — я сорвала одинъ цвѣтокъ, и вообразите — что за счастье! онъ былъ о пяти листочкахъ!.. А я во всю жизнь свою не находила больше четырехъ — какъ же это не счастье?

М-ше Ленцъ. — Какое дѣтство! И ты не смѣешься надъ собою?

Лида. — Какія же вы строгія! Не хотите позволить ни одной глупости.. Но я еще не все рассказала вамъ. Я вышла въ садъ, только лишь остановилась передъ моимъ любимымъ розовымъ кустомъ, бабочка, бѣлая, какъ снѣгъ, съѣла мнѣ прямо на руку... какъ же вы хотите, чтобъ я сегодня не прыгала?

М-ше Ленцъ. — Глупости, глупости — не хочу больше слушать. Прежде, кажется, у тебя не было такого вкуса къ идилліямъ.

Жоржъ. — Вы еще не кончили, Лида?

Лида. — Цѣлый часъ потомъ я сидѣла одна въ саду, передъ большимъ цвѣтникомъ... Вокругъ меня никакого шума, ни одного звука; свѣжій воздухъ чуть шевелилъ листья; въ моихъ глазахъ эвертивались сонные цвѣты — тѣ, которые закутываются на ночь, — исчезали капли росы, струился воздухъ...

М-ше Ленцъ. — Лида, Лида! куда занеслась ты? къ чему такая поэзія?

Лида. — Сейчасъ договорю... Все, что было вокругъ меня, жилось, дышало, можетъ-быть, чувствовало... Я сама какъ-будто слилась съ этою жизнью, какъ-будто дышала однимъ дыханіемъ съ цвѣтами. Я прислушивалась — не заговорятъ ли они со мною, и вдругъ кто-то подлѣ меня произнесъ мое имя. Я оглянулась, просѣла ближайшія дорожки, заглянула въ кусты — нѣтъ никого!

М-ше Ленцъ. — Ты замечталась.

Лида. — Но лишь-только съѣла я на прежнее мѣсто, опять такъ учиво раздалось въ воздухѣ: «Лида!» Мнѣ стало страшно; ни за что не хотѣла я оставить своего мѣста, и все ждала, чтобъ меня звали, хоть разъ еще, по имени...

Жоржъ. — Странно! со мною было то же самое...

М-ше Ленцъ. — Когда вамъ было пятнадцать лѣтъ?

Жоржъ. — Сегодня утромъ...

М-ше Ленцъ. — И вы туда же, Жоржъ? Дети! что съ вами? Или вы прогнали вашъ умъ, или зашли въ очарованный кругъ? Оставимъ глупости, не будемъ больше говорить объ этомъ — пусть все было точно такъ, какъ вы рассказываете, то-есть въ одно прекрасное утро одинъ чистый ангелъ, среди глубокой тишины, вдругъ провозгласилъ ваши имена... ваше счастье! (*Молчаніе*).

М-ше Ленцъ. — А впрочемъ, Жоржъ, вы, можетъ-быть, правы... Влеченія тайныхъ силъ, или, скажу лучше, какого-то непонятнаго вмѣшательства таинственной, чуждой намъ силы въ наши дѣла — отвергать никакъ нельзя... Я сама помню въ своей жизни нѣсколько случаевъ... Какъ, однако, объясняете вы себѣ такое явленіе?

Жоржъ. — Еще никакъ. Я бы забылъ о немъ въ однѣ сутки, еслибъ съ вами, Лида — какъ вы говорите — не случилось того же. Что за странный случай!... Для меня просто загадка... Скажите, по-крайней-мѣрѣ, о чемъ вы думали въ эту минуту?

Лида (*съ легкою краскою въ лицѣ*). — Ничего особеннаго.

М-ше Ленцъ. — Жоржъ, вы могли бы пошадить Лиду отъ такихъ нескромныхъ вопросовъ... Какъ можно спрашивать, о чемъ думаетъ молодая дѣвушка въ то время, когда она одна, когда она мечтаетъ? Въдь это почти то же, что спрашивать, о комъ вы встанете въздыхаете...

Лида (*краснѣя еще болѣе*). — Madame!..

М-ше Ленцъ. — Зачѣмъ же краснѣть, мой другъ? Ты обличаешь себя еще болѣе... Жоржъ, вы дождались себѣ очень-выразительнаго отвѣта — поздравляю васъ!.. Надеюсь, вы поняли наконецъ, о комъ думаютъ всякое утро...

Лида (*растерявшись*). — Вы заставляете меня уйдти отсюда...

М-ше Ленцъ. — Не-уже-ли я сказала такую правду?..

Лида (*вставая*). — Какъ вы иногда бываете злы!..

Жоржъ (*удерживая ее*). — Лида, оставайтесь съ нами... Разъ вы не видите, что все это одна шутка?

Лида. — Но такъ шутить!..

М-ше Ленцъ. — Я, впрочемъ, протестую, Жоржъ. Зачѣмъ вы напрямки хотите обращать все въ шутку? Вотъ этакъ вы, госпожа, профанируете всякое чувство, и потомъ — сами жалуетесь на себя, на свою натуру, будто-бы не находя въ ней ни малѣйшей способности къ симпатіи. Я говорю — симпатіи, потому-что вы боитесь настоящаго слова, потому-что, какъ дѣтей, васъ часто думаютъ слова, изъ которыхъ вы же сами дѣлаете какихъ-то чу

довнищъ, растягивая ихъ простое значеніе и въ длину и въ ширину.

Жоржъ. — Что вы хотите этимъ сказать?

М-ше Ленцъ. — Ничего, кромѣ того, что вы такъ-называемыя точки зрѣнія дѣлаютъ васъ или близорукими, или вовсе-слѣпыми... Я сказала вамъ, что тутъ нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ шуткѣ: по-крайней-мѣрѣ, симпатіи вы не можете отвергать въ томъ, что было съ вами нынѣшнимъ утромъ, то-есть съ вами и съ Лидой...

Жоржъ (*смѣясь*). — Симпатія — то-есть тайное сочувствіе...

М-ше Ленцъ. — Да разстаньтесь хоть на минуту съ вашимъ глупымъ смѣхомъ... Что за несносные люди! Такъ изволятъ они потѣшаться надъ беззащитными словами: изъ однихъ сдѣлаютъ себя канихъ-то пугалищъ, изъ другихъ — нравственныхъ уродцевъ, надъ которыми считаютъ долгомъ смѣяться и кстатѣ и не-кстатѣ! И все это обыкновенно продолжается до-тѣхъ-перъ; ценя лишь умный человекъ не возьмется за опозоренныя слова и, устранивъ всѣ кривыя толки, возвратитъ имъ настоящее значеніе:

Жоржъ. — Вы непременно хотите заставить насъ вѣрить въ инвизію?

М-ше Ленцъ. — Заставить?.. Это было бы очень-забавно. На что вамъ — я беру ваше мнѣніе и рѣшительно хочу, чтобы все обратилось въ шутку... Оставьте здѣсь: я сейчасъ иду въ комнату, беру нашъ календарь или сонникъ, и разрываю вамъ всю заставку въ одну минуту... Надобно только отыскать сонникъ; вамъ виднѣе, положимъ, было во снѣ. (*Хочетъ идти*).

Жоржъ. — Чудесная мысль! Идите же скорѣй...

М-ше Ленцъ. — Извините: въ важныхъ случаяхъ торопиться должно. Это значило бы — испортить все дѣло. Прощу и васъ ждать на четверть часа терпѣнія. (*Уходитъ*).

(Жоржъ и Лидка *смотрятъ ей въ слѣдъ, пока она не пропадетъ у нихъ изъ вида*).

Жоржъ (*взявъ Лиду за руку*). — Скажите же мнѣ, Лидка, съ вами точно было то, что вы рассказали намъ?

Лидка. — Зачѣмъ вы мнѣ не хотите вѣрить?

Жоржъ. — Никогда еще не хотѣлъ я такъ вѣрить... Но надобно, чтобы вы увѣрили меня: вы могли шутить. Скажите, вы не шутите?

Лидка. — А вы смѣялись надо мной, когда сказали, что съ вами то же? Нѣтъ, Жоржъ, этого не можетъ быть: вы обманули мя. Я вижу по глазамъ вашимъ, что вы солгали... Скажите мнѣ лько: да, или нѣтъ... Только одно слово... Еслибъ мнѣ не было жно знать, я бы не просила васъ... Что съ вами сдѣлалось? да врите же что-нибудь...

Жоржъ.—Я забылъ, Лида... Говорите вы—я буду слушать.

Лида.—Нѣтъ, вы должны мнѣ сказать... Можетъ-быть, оди пресѣба во всю жизнь... Говорите скорѣй: я хочу, чтобъ кром меня не слышалъ никто... (*Озираясь*). Какой безжалостный! Чѣ вы такъ смотрите на меня!.. Я никогда не видала васъ такимъ страннымъ... (*Старается освободить свою руку*).

Жоржъ.—Лида, къ чему это? Я не пушу васъ, пока вы ни не скажете всего.

Лида.—Всего, Жоржъ? всего я не скажу вамъ никогда.

Жоржъ.—Я хочу знать... У васъ есть тайна.

Лида.—Только одна... Оставьте ее при мнѣ.

Жоржъ.—Лида, дѣло идетъ о нашемъ общемъ счастьи: вы и должны скрывать ее отъ меня. Эта минута можетъ рѣшить много. Еслибъ эта тайна и не касалась меня, то вы должны бы были вернуть мнѣ ее какъ вашему другу: вы знаете, что я могу войти рѣшить ее въ себя навсегда. Или скажите, что вы не чувствуете ко мнѣ никакой довѣренности...

Лида.—Жоржъ...

Жоржъ.—Я не знаю самъ, что говорю. Малютка! какъ хороши лежать у васъ волосы здѣсь, но вискамъ. Но я не люблю, когда они много закрываютъ вашу лобъ... Лида, у васъ есть локоны и ихъ волосъ? Я знаю, что есть.

Лида.—Это была шалость, Жоржъ. Я могу вамъ возвратить ихъ ничѣмъ же.

Жоржъ.—Вамъ ихъ передали, или, можетъ-быть...? Говорите такъ искренно, такъ искренно, Лида, какъ еслибъ вы признавались самой-себѣ. По тону голоса я угадаю, если вы захотите отманушь меня.

Лида.—Ради Бога, Жоржъ!

Жоржъ.—Сначала, я хочу знать, когда это было и по какому случаю. (*Какъ-бы на ухо*.) Надобно же мнѣ наконецъ узнать вашу любовь.

(*Лида, смущенная, молчитъ.*)

Жоржъ.—Если хотите, я начну за васъ: это было нѣсколько дней назадъ, или нѣсколько недѣль, не правда ли? Можетъ-быть даже два или три мѣсяца?

Лида.—На другой день именинъ тѣтушки... Вы отдыхали у васъ въ бесѣдкѣ, то-есть вы заснули за книгой...

Жоржъ.—Со мной это случается, Лида. Но что же дальше? Не напрасно останавливаетесь... Вы вошли случайно, увидали, что сплю, и захотѣли посмѣяться надо мной.

Лида.—Я вошла не помню зачѣмъ. На столѣ, подлѣ вашей руки лежали дождяцы. Я забыла ихъ утромъ и хотѣла взять съ собою

Жоржъ.—Довольно, Лида, я запишу этотъ день... и еще этотъ черъ... запишу такъ, что Лида сказала мнѣ свою тайну и объявила мнѣ много счастья. Не правда ли?.. Что съ вами? Куда же вы смотрите? Откуда вдругъ такое сумрачное, такое озабоченное лицо? Да взгляните-же сюда...

(Лида оборачивается и тотчасъ закрываетъ глаза платкомъ.)

Жоржъ.—Слезы! Въ лучшую минуту моей жизни—вы плачете?

Лида (удерживаясь).— Жоржъ, я была очень-глупа сегодня. Только въ эту минуту я образумилась. Прощайте! Меня могутъ просить дома.

Жоржъ.— Мы будемъ отвѣчать вмѣстѣ. Вы не можете уйти отъ меня, не досказавъ мнѣ вашей исторіи—исторіи вашей любви.

Лида.—Забудьте начало ея.

Жоржъ.—Нельзя, Лида. Я вамъ говорилъ, что въ эту минуту можетъ рѣшиться многое. Что еще пугаетъ васъ, что останавливаетъ? Зачемъ боитесь вы вашего чистаго признанія? Такъ ли горю я? не ошибаюсь ли въ словъ? Нѣтъ, Лида, вы не признавались, вамъ нѣ въ чемъ признаваться—вы только не умѣли притвориться. Я все обдумалъ, все рѣшилъ. Доскажите же мнѣ вашу исторію.

Лида.— Жоржъ!..

Жоржъ.— Хотите ли, чтобъ я рассказалъ вамъ мою? Она вся въ одномъ словѣ. Слушайте... Впрочемъ, я увѣренъ, что такъ или иначе словомъ должна заключиться и ваша исторія. Хотите ли слышать это слово?

Лида.— Скажите.

Жоржъ.— У насъ съ вами одна исторія, Лида. Ея начало и конецъ—любовь. (Цалуетъ Лиду). Лида, я не ошибся—любовь?

Лида.— Да.

Мне Лица (показываясь въ отдаленіи изъ-за куста).— Наконецъ! Наконецъ, кажется, вотъ и настоящая точка зрѣнія! Попрощай, Жоржъ: хороши же вы всё, господа! (Уходитъ).

Лида.— Пора.

Жоржъ.— Прощай—до завтра. Ты будешь говорить за меня!

Лида.— За тебя.

Жоржъ.— Одино, прощальный... (Уходятъ медленно).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Жоржъ.—Жена его (Лида).—М-ше Леццъ.

Комната Жоржа, уставленная картинами, бюстами.

Жоржъ (*переставъ работать и отступивъ плечомъ шпатель*).
 Давно ужъ работа не шла у меня такъ легко и удачно! Ручаю
 что она будетъ довольна. Ей принадлежитъ мысль, ей же и в
 довнина вдохновенія. Пусть, придетъ и посмотритъ: сегодня я
 гу сдать ей этотъ сюрпризъ. Но только сегодня; если же
 придетъ завтра, то даю слово, что не увидитъ картины еще
 надѣян. О, ее глазъ вѣренъ: съ перваго взгляда оглянуть она
 желую работу труда отъ счастливой легкости вдохновенія. Я
 ренъ: еслибъ кисть была ей удѣломъ съ раннихъ лѣтъ, изъ не
 выдалъ бы отличный художникъ. Воображаю себя, сколько
 бы въ каждомъ ея приемѣ! Каждый захватъ ея руки не
 жно бы тотчасъ класть на полотно. Или, еслибъ она, по-крайней
 мѣрь, была женой художника, сколько бы дорогихъ минутъ могла
 подарить его таланту! Одно ея присутствіе было бы для него вдох
 новеніемъ. (*Садится.*) Странная судьба! Для какой цѣли призван
 да она эту богатую натуру? Не-уже-ли только для самонаслажден
 нія? Прожить два года замужемъ, сохранить всю свѣжесть крас
 соты, можетъ-быть, расцвѣсти еще болѣе, и жить потомъ только
 для самой-себя!.. Мужъ ея, говорятъ, былъ человекъ суровый,
 жесткій, дорого цѣнилъ каждое ласковое слово свое и даже къ не
 не любилъ ни легкости нрава, ни веселости духа; онъ хотѣлъ, чтобъ
 жизнь для всякаго была непрерывный рядъ трудовъ, чтобъ во
 время было разделено между тяжелою работою, и жалобами и
 истощеніемъ силъ отъ нея; всякое свободное чувство онъ преслѣдо
 валъ съ ожесточеніемъ и не терпѣлъ даже улыбки на лицѣ людей
 его окружавшихъ. Такого человека она не могла любить, но
 перь!.. не-уже-ли два года безъ любви, какъ когда-то сказала она
 сама, убили въ ней всякую способность къ любви? О, нѣтъ! в
 любить женщина не можетъ: противъ этого она не споритъ сама
 Итакъ, только «тайна» мѣшаетъ знать, куда обращенъ взоръ е
 позднимъ вечеромъ; только ея завистливая непроницаемость не по
 зволяетъ намъ видѣть, къ кому устремлены обѣты и желанія это
 го сердца. Можетъ-быть, она скрываетъ любовь горячую, страст
 ную! (*Звонъ колокольчика*). Она! Человекъ, кто тамъ?

Слуга. — Къ вашей супругѣ.

Жоржъ. — М-ше Ланца, можетъ-быть?

Слуга. — Нѣтъ-съ, не она.

Жоржъ.—Слушай. Это вѣрно: тайна есть, потому-что нѣтъ любви. И этотъ взоръ, который мнѣ такъ хотѣлось уловить, автъ же не взгляды любви, любви нежной и страстной, но заветной внутри? (Вынимаетъ изъ бюро медальонъ.) Да, женщина свободная не смотритъ такими глазами; въ ея взоръ нѣтъ этой заветной прелести, нѣтъ этой тайной, недосказанной мысли... минута была выбрана очень-удачно, когда я взялся за кисть: едва-едва можно было схватить вѣриво... Что, еслибъ она знала? еслибъ только подозрѣвала, что я каждый день могу читать въ ея взоръ выстраививизы у ней самыя задумчивыя думы? Вопросъ въ томъ: какимъ чувствомъ узнала бы она о моемъ «секретѣ»? Съ сердечнымъ поговариваньемъ, или отвѣчала бы улыбкою? (Смотритъ на медальонъ.) Но безъ этой улыбки я не умѣлъ бы ее представить... не умѣю понять, какъ бы эти самыя глаза могли отразить въ себѣ даже одинъ мигъ злобы или гнѣвливаго раздраженія. Вотъ, прочесть, одна черта, которая могла бы показаться недовольно-пиквою—здѣсь, подлѣ верхней губою: но это лишь ошибка кисти. Натура этого нѣтъ: натура была вѣриво своей цѣлѣ. Надобно уничтожить этотъ недостатокъ. Сейчасъ же за кисть, пока есть свободная минута, и нѣтъ допущенныхъ. (Лидя показывается съ двумя и остается мѣвляеся у порога; Жоржъ торопливо прячетъ медальонъ.)

Лидя. — Я помѣняла?

Жоржъ (подходя къ ней).—Чему же помѣнять? ты видишь, что ничѣмъ не занять.

Лидя.—Мнѣ показалось...

Жоржъ (быстро). — Что такое показалось? Я пересматривалъ тарма работы.

Лидя. — Мнѣ показалось, у тебя была кисть.

Жоржъ.—А еслибъ и была—что жъ такое? тебѣ, кажется, не запрещено входить во всякое время. Хочешь сказать мнѣ что-нибудь?

Лидя. — Если у тебя есть время.

Жоржъ. — Къ-чему такія оговорки? Сдѣлай милость, говори прямо. Не уже ли намъ еще между собою соблюдать церемонію? тебѣ есть кто-то?

Лидя. — Та дама, которая просила тебя сдѣлать портретъ ея сына. Она все еще работаетъ, такъ ты будешь такъ добръ, и при-ма еще разъ ирисить тебѣ.

Жоржъ.—На ты вѣрно разузнала ее окончательно? Я не помню, какъ ей самой наконецъ не встучить нѣтъ одну и ту же

пешно. Какъ-будто въ городъ одинъ только я могу написать портретъ ея сына!

Лида.—Но, мой другъ, на это есть свои причины. Еслиб ты знала, какъ она горячо любитъ своего сына! Онъ уйдетъ надолго, можетъ-быть и навсегда: какъ же ты хочешь, чтобъ мать не желала имѣть портретъ сына, котораго она такъ горячо любитъ, и съ которымъ скоро должна проститься — можетъ-быть въ послѣдній разъ въ жизни?

Жоржъ.—Все это очень-естественно, но я не вижу, почему же дѣло не можетъ обойдтись и безъ меня? Почему непременно долженъ писать портретъ сына вѣжной матери?

Лида.—Жоржъ! Любовь матери, кажется, выше всѣхъ вѣщъ (Жоржъ показываетъ нетерпиме.) Я скажу все въ двухъ словахъ: портретъ, который ей написали, едва можетъ напомнить подлинникъ, она—женщина съ небольшимъ достоинствомъ, и если другой портретъ также не удастся, то у ней не достанетъ больше средствъ.

Жоржъ.—Такъ только потому, что она увѣрена, что я не возьму съ нея платы, этотъ портретъ долженъ быть сдѣланъ моею рукою? Скуна же ея материнская любовь!

Лида (замѣтно-огорченная).—Конечно, она ошиблась... и вмѣстѣ съ нею.

Жоржъ.—Право? Вы вмѣстѣ составили заговоръ противъ меня! Эти маменьки знаютъ откуда повести атаку!

Лида.—Впрочемъ, это вѣрно ужъ въ послѣдній разъ съ ея стороны. Я сейчасъ скажу ей твой рѣшительный отвѣтъ.

Жоржъ.—И напрасно ты не сдѣлала этого прежде. Ты можешь объяснить ей, что я занятъ, что въ другое время, конечно...

Лида.—Зачѣмъ же прибавлять ложь? Я могу сказать ей просто. (Уходитъ.)

Жоржъ (ходя скорыми шагами по комнатѣ).—Такъ перить мое счастливое расположеніе, отнимать лучшія минуты, за то чтобъ пересказать вамъ старую сказку о безутѣшной горести вѣжной матери, которая бредитъ своимъ сыномъ и не можетъ разстаться съ нимъ даже на одинъ часъ!.. И все это надо выслушивать, отвѣчать на все, да еще хотѣть, чтобъ вы непременно тронулись до слезъ, иначе на васъ же сердятся, какъ на безжалостнаго челявѣка, и въ вашей холодности видятъ чуть не безчеловѣчіе!.. Въ другой разъ надобно, не теряя времени, прибѣгать къ замку!.. Къ замку! въ своемъ домѣ я долженъ запертись, какъ воръ! Зѣвая въ своей комнатѣ, я не могу свободно отдаваться любимому занятію, я долженъ бояться каждую минуту, что за мною придутъ, хотѣтъ поймать, уличить меня — Богъ-знаетъ въ чемъ! Какъ-будто я не могу, не долженъ дѣлать предметовъ моего

нтія тѣ, что мнѣ нравится, что занимает мою мысль, словомъ, къ чему располагають меня мои желанія. Какой вздоръ! Но минута потеряна, погублена... Нѣтъ, я не могу теперь работать, не дѣлая безпрестанныхъ ошибокъ; вмѣсто того, чтобы исправлять, я сталъ бы только портить... Въ саль! на свѣжій воздухъ! Надо было, чтобы простылъ этотъ напрасный жаръ, возстановился прежній покой. Если она прійдетъ, вѣрно войдетъ туда сказать мнѣ нѣсколько словъ. (*Уходитъ.*)

Гостиная.

Лидя, съ книгою въ рукахъ, сидитъ подь окномъ, которое обращено въ садъ.

Лидя (закрываетъ книгу и кладетъ на столъ). — Нѣтъ, послѣ. Ничего не понимаю. Впрочемъ, вторникъ былъ у меня тяжелый день, нынче особенно. Никакъ не сберусь съ мыслями, и такъ тѣсно въ груди... такъ, какъ-будто я потеряла всякую бодрость. Хотѣла бы думать что-нибудь—ничего не идетъ на умъ! (*Помолчавъ мину- ту.*) Отъ-того ли, что утромъ нынче онъ не пришелъ сказать мнѣ доброго утра? Но и вчера точно также. И что такое въ словахъ? Всякій разъ повторять одно и то же — это можетъ и наскучить. Отъ-того ли, что онъ отказалъ мнѣ? Но зачѣмъ я просила такъ убедительно? Зачѣмъ же я просила его только отъ ея имени, не отъ себя? Милъ онъ никогда не отказывалъ, и сегодня было бы въ первый разъ... Можетъ-быть, отъ-того такъ скучно мнѣ. Но я не размыслила: можетъ-быть, я вошла къ нему въ такое время, когда онъ былъ чѣмъ-нибудь сильно занятъ и разстроила его мысли... А могла быть какая-нибудь срочная работа — мнѣ же сюрпризъ. Да если и другому кому, не все ли равно? Все же я была очень-неосторожна. Нѣтъ, это не мнѣ: прежде онъ всегда проговоривался, если готовилъ для меня; въ послѣдній разъ, я за недѣлю знала, что мнѣ готовится сюрпризъ. Теперь очередь другимъ. Коржъ такъ добръ ко всемъ! Но зачѣмъ же бы ему скрывать отъ меня, если онъ готовить не мнѣ? Не-уже-ли онъ думаетъ, то я буду такъ нескромна, не сберегу его секрета? Жоржъ, Коржъ! какъ-будто ты не знаешь, что довольно одного твоего слова, чтобы Лидя была молчаливѣе этой книги? Или онъ не доволенъ мною, — я наскучила ему съ своей любовью? Прежде онъ такъ часто любилъ говорить со мною по цѣлымъ часамъ. Забылъ дѣло... (*Остается въ задумчивости.*)

(М-ше Ленцъ взводитъ тихо; видя, что Лидя не замечаетъ, окрадывается къ ней и закрываетъ ей руками глаза.)

Лидя (стараясь освободиться). Знаю, знаю.

М-ше Ленцъ (чужимъ голосомъ). — Кто?

Лидя. — Жоржъ!

М-ше Ленцъ (со смѣломъ опуская руки). — Что ты за сѣбеса, Лида! у тебя только и на умѣ, что Жоржъ.

Лида. — Я думала... кому же быть больше? Я не слыхала, какъ вы вошли.

М-ше Ленцъ. — Оставь ты свое неспосное «вы». Не-ужели я должна тебѣ напоминать каждый разъ? Стыдъ, Лида!

Лида. — Привычка, Клара. Впрочемъ, я всегда стараюсь исправить свою ошибку. Сегодня же ты меня застала совсѣмъ въ-расплохъ.

М-ше Ленцъ. — Я смотрѣла на тебя съ минуту: ты была оченила съ своею слегка-опущенною головою и сложенными на коленяхъ руками. Жалю, что въ эту минуту не было Жоржа: его бы дѣло любоваться тобою. Желала бы я, однако, знать, о чемъ ты думала? Не-уже-ли все о немъ же? Это было бы просто сѣшно.

Лида. — Я думала объ этой бѣдной женщицѣ, которую ты встрѣтила у меня на-дняхъ. Сегодня она была у меня опять — какъ ты жаль ея, она такъ любитъ своего сына!

М-ше Ленцъ. — Что же Жоржъ? Все еще упрямятся?

Лида. — Клара, ты знаешь, какъ онъ добръ: не я была такъ неосторожна — вошла къ нему въ такую минуту, когда онъ былъ занятъ однимъ очень-срочнымъ дѣломъ. Ты знаешь сама, какое неприятное впечатлѣніе дѣлаетъ въ такіа минуты всякое развлеченіе. Жоржъ былъ совершенно-правъ, когда принялъ мою просьбу такъ холодно. И потомъ, я такъ мало его прѣснла!

М-ше Ленцъ. — Что за упрямецъ! Будте это стоить ему чего-нибудь! Ты избаловала его, Лида. Нѣтъ, надобно сдѣлать ему добрый упрекъ, или пусть онъ оправдывается передъ нами.

Лида. — Ни за что, Клара! Я виновата во всемъ. Я знаю, онъ сдѣлаетъ все; только надобно выбрать минуту, когда просить его... Ахъ, знаешь, что пришло мнѣ въ голову? Скажи ему отъ себя эти слова, — только, ради Бога, безъ упрековъ: онъ такъ любитъ тебя, онъ вѣрно тебя послушаетъ.

М-ше Ленцъ (смѣясь). — Лида, Лида! что ты такое скажешь! Мужъ твой послушается меня изъ любви ко мнѣ, онъ, который не послушается тебя? Ты сама не знаешь, что говоришь!

Лида. — Въ-самомъ-дѣлѣ... Все не могу собраться съ мыслими... Однако, Клара, отъ-чего же бы и тебѣ не сказать въспомогательныхъ словъ за эту бѣдную мать? Ты видѣла ее, видѣла, какъ она влечетъ: представъ же теперь восторгъ ея, когда она увидитъ портретъ своего сына, написанный Жоржемъ. Ты знаешь, какой у него вѣрный глазъ и какая вѣрная рука?

М-ше Ленцъ. — Онъ мнѣ хвалился недавно, что можетъ ва-

встать в глаза, что ему только разъ нужно схватить контуръ, а дальше онъ можетъ довести по памяти.

Лидя. — Ты не вѣришь?

М-ше Лвицъ. — Смыю ли я!.. Мы, однако, пристанемъ къ нему. Этотъ прекрасный молодой человекъ — я сужу по словамъ матери, которая говорила о немъ съ такимъ жаромъ — будетъ ему ладно — пусть докажетъ онъ на немъ свое искусство.

Лидя. — Нѣтъ, Клара, оставь меня въ сторонѣ. Ты испортить се дашь, если напоминишь ему обо мнѣ, то-есть, о моей просьбѣ: браво ему самому было неприятно послѣ...

М-ше Лвицъ. — Пусть будетъ по-твоему. Ты, однако, сама много кипятишься сегодня. Вообще, я замѣчаю, что ты не совсѣмъ въ добромъ расположеніи духа... Это бываетъ иногда. Можетъ быть, у тебя была бессонница, или ты рано встала? Пойдемъ въ мѣ — свежій воздухъ для тебя полезенъ теперь. Жоржъ тамъ?

Жоржъ (входя). — Онъ здѣсь. (Подаетъ ей руку и поцелуетъ кончикъ ея-палочка, не опуская руки). Еслибъ вы знали, какъ много сюда приносите вы съ собою!.. А между-тѣмъ, я не умѣлъ бы сказать, что это такое — счастье, радость ли, или совѣтъ-новое увѣсто, которому нѣтъ у насъ имени?

М-ше Лвицъ. — Намнечко-высоко, Жоржъ. Если вы возмете лишь одинъ тономъ ниже, вы тотчасъ найдете настоящее выраженіе. Ваша художническая натура слишкомъ любитъ поэтическій поларитъ. Поберегите энтузіазмъ для вашей кисти. Кетати, я слышала — она тѣмъ-то занята слишкомъ-престально? (Садится за столъ — Жоржъ и Лидя).

Жоржъ. — Это значитъ только, что между нами есть несогласіе... Отъ нихъ же вы могли бы узнать, конечно, и то, чѣмъ именно занята теперь кисть моя...

Лидя. — Клара, я сказала только, что Жоржъ чѣмъ-то былъ чѣмъ занятъ утромъ.

Жоржъ. — Вы это видели?..

Лидя. — Я помышала вамъ...

Жоржъ. — Вы всегда нѣсколько разъ повторяете одно и то же.

М-ше Лвицъ. — Что за милый тонъ, Жоржъ! Откуда у васъ такіе быстрые переходы — отъ энтузіазма къ капризу? Извините, или я смѣла выразить желаніе узнать вашу тайну... Но отъ Лиди, я думаю, тайны и не могло бы быть никакихъ?

Лидя. — Ихъ никогда и нѣтъ, Клара.

М-ше Лвицъ. — Я думаю; но мнѣ странно, что Жоржъ при насъ такъ не любитъ скрывать своихъ маленькихъ капризовъ: Или, можетъ-быть, это новый знакъ совершенной дружеской добротности ко мнѣ?

Жоржъ. — Нѣтъ, просто знакъ того, что иногда даже въ присутствіе не спасаетъ меня отъ глупости. Впрочемъ, Лида, я знаю, кто изъ насъ виноватъ больше?

М-ше Ленцъ. — А! вы все-еще не сознаетесь! Таковы вы и Жоржъ, и всегда; это вашъ вѣчный, вопіющій недостатокъ, котораго вы не хотите даже и видѣть. Въ-отношеніи къ намъ. — Мы всегда самые строгіе моралисты; отъ насъ вы хотите доброты, несовершенной, преданности безпредѣльной, вѣрности почти естественной, бесноровливой, а сами не хотите даже почувствовать нужды исправленія! Не то, чтобъ вы думали, будто устали ваши морали выполнены вами до конца, или будто сама природа въ нравственнѣе нашей: вы столько умны, что никогда не дойдете такой нелѣпости; но не какому-то странному противорѣчію, вы хотите обратить всякое отступленіе отъ вашихъ же правилъ къ себѣ же; вы какъ-то умѣете гордиться своими презрѣнными морали, которую такъ усердно читаете намъ — намъ, гдѣ мы не можемъ даже вернуться, сваливаете всю вину на насъ же. Ужь, не-иначе-ли-жарь, дѣлили бы вину пополамъ! Нѣтъ, вы хотите, чтобъ вся ея тяжесть пала на насъ, — чтобъ потомъ имѣть на насъ право осыпать насъ упреками!.. И вотъ—виновата Лида, а вы — вы правы, какъ и всегда!.. Да что же вы мнѣ ничего не отвечаете?

Жоржъ. — Виноватъ, виноватъ... Какъ не признаться, когда вы начнете убѣждать? Скажите еще нѣсколько словъ, и я признюсь въ томъ, чего никогда не зналъ за собой... Это одно изъ тысячи вашихъ преимуществъ падъ нами. Виноватъ, Клара! Продолжайте, ради Бога: мнѣ такъ всегда хочется слушать, когда вы учите меня морали, — но только васъ...

М-ше Ленцъ. — Хорошо; если вы чувствуете нужду въ моихъ наставленіяхъ, я прочту вамъ нѣсколько уроковъ морали, — со временемъ, разумеется. А между-тѣмъ, какъ человѣкъ, добровольно сознавшійся въ винѣ своей, вы должны просить прощенія.

Жоржъ (*опускаясь на одно колено*). Я жду его...

М-ше Ленцъ. — Въ жару раскаянія вы, кажется, забыли, что вы провинились не передо мною... Я тутъ лицо совсѣмъ-восторженнее; не хотите ли обратиться къ Лидѣ?.. Или вы думаете, что она не проститъ васъ?

Лида. — Клара, что тебѣ пришло въ голову! Иногда бываешь ты очень-странна... Можно ли такъ долго продолжать шутку...

М-ше Ленцъ. — Впрочемъ, я вижу здѣсь больше серьезнаго. Хорошо: съ твоего согласія, я прекращаю судопроизводство и ставяю Жоржа прощеннымъ, и—чтобъ намъ больше не возвращаться къ этому скучному предмету.

Жоржъ. — Вашу руку въ знакъ мира!..

М-ше Ленцъ (*подавая руку*). — Теперь моя очередь просить васъ, Жоржъ: пожалуйста, забудьте это дурачество — иначе я не умѣю играть эту глупую роль. Я все думаю, что я между самыми *интереснѣйшими* друзьями, которые хоть изъ любви простятъ мнѣ *вогда* недостатокъ благоразумія...

Жоржъ. — А думаете вы иногда, что ваши друзья любятъ васъ?

М-ше Ленцъ. — О, да, конечно! (*Обращаясь къ Лидѣ*.) Лида, вы сегодня поручила говорить за себя Жоржу?..

Лида. — И тебя, Клара... Ты забыла?

М-ше Ленцъ. — Ахъ, да!.. У меня есть къ вамъ маленькая просьба. Жоржъ; но Лида увѣряетъ меня, что вы никакъ не согласитесь ее исполнить...

Лида. — Я этого не говорила.

М-ше Ленцъ. — Ты думала — все равно. Иначе, ты не отказалась бы поддержать моей просьбы. (*Къ Жоржу*.) Однако, я хочу попробовать счастья, если только вы обещаете мнѣ напередъ — по крайней-мѣрѣ, выслушать меня. Не правда ли, вы не откажете мнѣ въ этомъ?

Жоржъ (*съ некоторыми сомнѣніемъ*). — Если только нѣтъ ничего невозможнаго...

Лида (*на ухо М-ше Ленцъ*). Ты испортила все дѣло. (*Выходитъ*.)

Жоржъ. — Говорите все, даже невозможное.

М-ше Ленцъ. — Благодарю васъ, Жоржъ, но... я потеряла смѣлость.

Жоржъ. — Дано вамъ слово напередъ — ваша просьба будетъ исполнена.

М-ше Ленцъ. — Хитрецъ! Хотите выпытать отъ меня...

Жоржъ. — Если это секретъ, Клара, онъ останется со мною. Даже Лида не будетъ знать, если вы хотите.

М-ше Ленцъ. — Она ужь знаетъ его въ-половину.

Жоржъ. — Довѣрьте мнѣ другую. Откуда вдругъ у васъ взялись сомнѣнія? Развѣ не сами сказали вы, что у васъ есть просьба ко мнѣ!

М-ше Ленцъ. — Я вспомнила, что нынче тяжелый день. Имен-но сегодня вы не расположены исполнить просьбы, хотя бы она была самая пустая...

Жоржъ. — Нѣтъ, Клара! никогда еще я не былъ такъ расположенъ выслушивать просьбы, такъ готовъ исполнить ихъ, чего бы отъ нихъ требовали отъ меня.

М-ше Ленцъ. — Однако, когда васъ просили, можетъ-быть, чѣмъ кому назадъ, объ одной бездѣлицѣ—вы, кажется, не очень-то показали готовности?

Жоржъ. — О чемъ вы говорите? объ этомъ скучномъ портретѣ? Она разсказала вамъ и эти мелочи, этотъ вадоръ...

М-ше Ленцъ. — Однако, Жоржъ, этотъ вадоръ оставилъ васъ? Вамъ показалась тяжела даже и такая просьба? Словомъ, вы же расположены сегодня...

Жоржъ. — Но это было въ такую минуту, Клара, когда меня занимали совсѣмъ-другія мысли... совсѣмъ-другія.

М-ше Ленцъ. — Почему, однако, я знаю, что то же не случилось бы и теперь?

Жоржъ. — О, теперь я готовъ бы удовлетворить десять такихъ просьбъ!

М-ше Ленцъ. — А вотъ, попробуемъ. Лид... Или нѣтъ: я буду говорить за нее. Посмотримъ, какъ выдержите вы это первое испытаніе!

Жоржъ. — Вы всегда хотите шутить, Клара.

М-ше Ленцъ. — Вы меня не знаете: я очень-недоверчива. И такъ, угодно вамъ подвергнуться испытанію?

Жоржъ. — О, почему же нѣтъ? и если для испытанія вы хотите повторить ту же самую просьбу, которую я слышалъ чѣмъ назадъ, то имѣете уже мое согласіе: портретъ будетъ написанъ. Но не въ этомъ дѣло, Клара...

М-ше Ленцъ. — Прекрасно, Жоржъ: теперь я точно вижу, что ваше расположеніе зависитъ отъ минуты. И такъ, вы даете слово, что портретъ будетъ написанъ?

Жоржъ. — Клара, я уже сказалъ, и у меня нѣтъ привычки брать слово назадъ. Теперь очередь вашей просьбы. Или вы еще не вѣрите моей готовности исполнить ваши желанія, берете всякую вашу тайну?

М-ше Ленцъ. — Нѣтъ, Жоржъ, теперь я вѣрю вамъ; но — я женщина. У насъ бывають иногда странные капризы, которыхъ ничѣмъ объяснить нельзя, какъ только недостаткомъ нашей натуры. Я васъ прошу: оставьте мнѣ мой секретъ еще на нѣсколько дней. Я хочу подумать...

Жоржъ. — Вы хотите придать своей тайнѣ больше интереса? Но тайна такой женщины, Клара, какъ вы, всегда интересна.

М-ше Ленцъ. — Какъ тайна женщины, моя тайна требуетъ величайшей осторожности. Ни за что мы столько не терпимъ еще васъ, какъ за вашу нескромность, и между-тѣмъ, вы же злоупотребляете нашу откровенность, обращая наши добродѣльные признанія въ источникъ клеветы на нашу же честь.

Жоржъ. — Клара, вашъ упрекъ можетъ быть справедливымъ отчасти. Но это легкомысліе, которое мы иногда позволяемъ себѣ въ отношеніи къ вамъ,—не-уже-ли вы думаете, что я могу забытья до

такой степени, когда дѣло вѣдетъ о важной тайнѣ, о насѣ? Если не мои слова, то чувство можетъ вамъ ручаться въ этомъ.

М-ше Ленцъ. — А если я и въ немъ сомнѣваюсь?

Жоржъ. — Клара! Вы заставляете меня сказать то, чего бы я...

М-ше Ленцъ. — Тсс!.. (*Входитъ Лида.*) Имѣйте терпѣніе, Жоржъ: черезъ нѣсколько дней вы узнаете все. Идите въ садъ: мы придемъ къ вамъ съ Лидой. Мнѣ нужно съ нею переговорить. Идите же, Жоржъ, и помните—(*громче*), что вы у меня остались въ долгу.

Жоржъ. — О, я вашъ вѣчный должникъ! (*Выходитъ*).

М-ше Ленцъ (*смотритъ ему въ слѣдъ, потомъ беретъ руку Лиды и шепочетъ разсѣянно*). — И всѣ мы, Лида, въ долгу другъ у друга, кто меньше, кто больше. Для себя я начинаю бояться покаянья. Впрочемъ, не-уже-ли ужь такъ много зла въ одной свободной минутѣ? Не-уже-ли за чувствомъ надобно каждую минуту мотрѣть, какъ за дѣтатей? А нельзя: чтобъ вырости, нужны цѣлые годы, зараждаетъ же одна минута; не больше нужно времени, чтобъ дать себѣ задачу на цѣлую жизнь... И себѣ ли только?

Лида. — О чемъ ты говоришь, Клара?

М-ше Ленцъ. — Да, Лида, ты имѣешь право больше, чѣмъ думаешь, сдѣлать мнѣ упрекъ...

Лида. — Я говорила тебѣ: зачѣмъ было такъ неосторожно вѣнчать меня? Развѣ онъ не помнитъ, что отказалъ мнѣ въ этой просьбѣ? Еслибъ ты заговорила отъ себя, какъ-будто ничего не знаешь...

М-ше Ленцъ (*улыбаясь*). — Въ-самомъ-дѣлѣ, ты права: третье слово здѣсь лишнее. Что жь дѣлать, Лида? не сообразила всего... Верно, никому изъ насъ не избежать ошибки въ жизни.

Лида. — Я знала напередъ, что успѣха не будетъ: эта бедная женщина... какъ она несчастлива на пророчесницѣ! Что же онъ вѣщалъ тебѣ?

М-ше Ленцъ. — Онъ? То, что и всякій бы отвѣчалъ на его мнѣніе. Онъ мнѣ сказалъ, что если ужь не можъ сдѣлать для жены; для меня еще менше можеть.

Лида. — А ты такъ была увѣрена! Ты, кажется, думала, что много твоего слова будетъ довольно? Это тебѣ малѣйшій урокъ, правда ли?

М-ше Ленцъ. — Ты рада? Торжествуй своєю побѣду; впрочемъ, даю тебѣ на это не больше, какъ одну минуту. Да, хоть промѣнь насъ и немного было силъ, однако всѣ наши хлопоты не пошли ни къ чему. Вѣдь признайся, Лида, тебѣ бы хотѣлось, чтобъ просьба твоя была удовлетворена?

Лида. — Иначе я бы не стала просить его. Но, значить, ему была тебѣ: онъ очень занятъ.

М-ше Ленцъ. — Ты такъ думаешь?

Лида (*тономъ увѣренности*). — Я это знаю, и знаю также, что ему очень-непріятно было отказать мнѣ.

М-ше Ленцъ. — Я не знала, что ты такъ умъешь оправдывать мужа! Но что же дѣлать теперь? Или ты ужь вовсе отказалась?

Лида. — О, нѣтъ! зачѣмъ же? Надобно только подождать, когда у него будетъ меньше занятій, и тогда повѣрь мнѣ, я обойдусь безъ всякой помощи.

М-ше Ленцъ. — Чѣмъ такъ долго ждать, Лида, ты можешь, если хочешь, завтра же увидѣть исполненіе твоего желанія.

Лида. — Какъ же это? Я не понимаю.

М-ше Ленцъ. — А хочешь знать? Очень-просто: я дарю тебѣ слово, которое далъ мнѣ Жоржъ, — написать портретъ, когда только намъ вздумается.

Лида. — Ты хочешь опять шутить?

М-ше Ленцъ. — Напротивъ, я хочу кончить шутку и сказать тебѣ, что торжество твое кончилось, или началось, какъ хочешь. Да теперь ты можешь быть совершенно-спокойна: онъ сказалъ мнѣ, что готовъ удовлетворить десять такихъ просьбъ, и далъ мнѣ это же слово. Все еще не вѣришь?

Лида (*съ ирревою на лицѣ*). — Чему я тутъ повѣрю? что я тутъ могу понять? Развѣ онъ не сказалъ тебѣ, что я ужь просила его, что онъ отказать мнѣ?

М-ше Ленцъ. — Можетъ-быть, подумалъ только, но онъ этого не сказалъ: я начала на него въ-расплахъ, и прежде, чѣмъ онъ одумался, взяла съ него слово. Желаніе твое будетъ исполнено — чѣмъ же ты еще хочешь?

Лида (*послѣ минутнаго молчанія и съ сожалѣніемъ*). — Нѣтъ, Клеръ, ты шутишь; ради Бога, скажи, что ты все еще шутишь!

М-ше Ленцъ. — Что съ тобой сдѣялось? Никогда еще не видѣла я тебя такою странною, такою своеобразною! Ты хочешь сегодня измучить меня своими капризами. Или ты притворяешься? Капризь такъ мало идеть къ тебѣ, что я не вѣрю глазамъ своимъ. Говеря же что-нибудь.

Лида. — Скажи мнѣ въ послѣдній разъ: онъ согласился?

М-ше Ленцъ. — Да, и это было твое желаніе.

Лида. — Онъ согласился... для тебя?

М-ше Ленцъ. — Для меня, конечно, потому-что я его просила. Но не слишкомъ ли далеко ты смотришь? Къ чему ведутъ такіе вопросы?

Лида. — Я, однако, также просила его.

М-ше Ленцъ. — Лида, это ужь, наконецъ, оскорбительно! Ужь не

хочешь ли ты заставить меня еще разъ просить его, чтобъ онъ взялъ свое слово назадъ?

Лидя.—Для васъ онъ вѣрно исполнить и эту просьбу. Что вы со мною дѣлаете, Клара?

М-ше Ленцъ.—Что дѣлаешь ты со мною? Какъ только можешь ты смотреть на меня такими глазами,—ты, Лидя, которой отдала я всю мою дружбу, всю мою любовь?

Лидя (*отуская голову къ ней на грудь*).—Не мнѣ только, Клара. Нѣтъ, лучше возьми назадъ все—и любовь и дружбу; не отишай у меня одно только!

М-ше Ленцъ.—Безуміе! Что за несчастный день сегодня у тебя? Откуда вылезла эта безумная страсть? Ревнивица, я не знала тебя!

Лидя.— Ты думала, я такъ легко уступлю тебѣ его любовь? (*Смотря ей въ глаза*.) О, какая ты хитрая, Клара! Я знаю твои мысли: ты думаешь, что вѣдь чувство одно и то же,—только для однихъ пусть кажется оно дружбою, а для другихъ будетъ любовью? Принаймь мнѣ: вѣдь мы друзья.

М-ше Ленцъ (*вставая*).—Нѣтъ, ты не можешь говорить такъ: тебѣ надобно вразумѣе успокоиться. Прощай. Постарайся прийти въ себя и тогда сообрази все, что ты мнѣ говорила.

Лидя.—Ты идешь къ Жоржу?

М-ше Ленцъ.— Я ѣду домой. Можешь сказать ему, что хочешь, хоть даже то, что я больше не расположена была на видѣть его, ни говорить съ нимъ.

Лидя.—Такой лжи я не скажу ему.

М-ше Ленцъ.— Все равно; мы будемъ говорить съ тобою по-прежнему. Я надѣюсь, мы скоро увидимся!

Лидя.— О, вѣрно ты не забудешь насъ!

М-ше Ленцъ.—Ты все еще такъ раздражена? Но ты ошибаешься, если думаешь, что я позволю себѣ увлечься до того же. Прощай, до свиданія. Я буду у тебя черезъ день, въ этотъ же вечеръ. (*Уходитъ.*)

Лидя (*падая въ кресло*).— О, сколько силъ беретъ эта власть! Остаются безъ движенія.)

Жоржъ (*входя*).— Вы такъ влюблены въ мою жену, Клара... Залезишь Лиду одну, останася... (*останася безъ движенія.*)

М-ше Ленцъ. — Вамъ сказали? Развѣ все въ заговорѣ? Откуда столько сюрпризовъ!

Жоржъ (*подозрительно*). — Я вижу, я дурно выбралъ время. Въ дружбѣ, какъ и въ любви, не должно быть совѣстливости. Вы, конечно, имѣли причины скрывать отъ меня свой секретъ.

М-ше Ленцъ (*съ принужденнымъ смѣхомъ*). — Со стороны могла бы подумать, что вы объясняетесь мнѣ въ любви, или упрекаете меня въ невѣрности!.. Ахъ, да! вы вѣрно также имѣете роль и комедіи!.. Какъ все хитро задумано!

Жоржъ. — Если только любовь можетъ быть завязкою къ комедіи, то пусть я играю комедію. Въ невѣрности, впрочемъ, я не имѣю никакого права упрекать васъ; но сказать вамъ, что мнѣ нѣтъ вашей дружбы, вы не запретите, Клара?

М-ше Ленцъ (*растерявшись, и однако стараясь говорить весело*). — И вы славно выдерживаете свою роль! Я не предполагала васъ такого некуستا! Вотъ это настоящій сюрпризъ!

Жоржъ (*дѣлая нетерпливое движеніе*). — Нѣтъ, зачѣмъ вы хотите играть со мною роль цѣлую вашу жизнь? Зачѣмъ стали вы подлѣ меня лукавымъ ангеломъ и сами же на цѣлую жизнь связали мнѣ руки,—зачѣмъ? за тѣмъ, чтобъ я наконецъ проснулся и умираю отъ жажды, потому-что мнѣ сковали руки, а вы бы сняли мнѣ въ глаза, да хвалили бы роль мою?..

М-ше Ленцъ (*вставая, вся въ волненіи*). — Извините: такіе мелодрамы не въ моемъ вкусѣ... Я ждала сцены изъ комедіи, а не изъ мелодрамы (*дѣлая значительное движеніе*). Перестаньте, Жоржъ!

Жоржъ. — А кто прежде изъ насъ сталъ играть роль? Кто ставилъ меня думать, что дружба не любовь? кто утверждалъ, что дружба нѣсколько лѣтъ ничто передъ любовью, которая будетъ родиться въ одинъ день? Зачѣмъ же не сказали вы мнѣ тогда, что она въ одинъ же день и умираетъ? Вашихъ чувствъ вы можете не дарить никому, но связывать другихъ не должны были; и не имѣли на это никакого права!

М-ше Ленцъ. — Перестаньте же, наконецъ, я вамъ говорю! Довольно. Мнѣ не нравится ваша комедія, кто бы ея ни выдумалъ. Ни даже въ шутку не позволяю вамъ говорить о моихъ чувствѣхъ.

Жоржъ. — Я могу молчать, если правда васъ оскорбляетъ.

М-ше Ленцъ (*съ достоинствомъ*). — Ваши слова меня оскорбляютъ. Вы не могли сказать ихъ мнѣ даже въ шутку, не увидѣвъ передъ, согласна ли я ихъ слушать.

Жоржъ (*смягчая тонъ*). — Клара, если вы хотите, чтобъ я простилъ у васъ извиненія... Но я не могу больше выносить, я ждалъ этого случая...

М-ше Лкицъ. — Ни слова больше, ни даже себя въ оправданіе, отъ все, чего я хочу. Впрочемъ, вы можете говорить о чемъ вамъ угодно. (Громко.) Я могу сдержать слово, но предметомъ комедіи быть не намѣрена. (Молчаніе.)

М-ше Лкицъ. — Говорите, Жоржъ: я прошу васъ. Это ужь слишкомъ странно!

Жоржъ. — Извините: я не умѣю выбрать предметъ. О дружбѣ, можетъ-быть? Или не долженъ ли я узнать напередъ, что ея больше нѣтъ между нами? Оскорбивъ васъ, я теряю на нее, конечно, какое право?

М-ше Лкицъ. — Жоржъ! Не-уже-ли я столько зла?.. Вы не хотите быть справедливыми ко мнѣ... Дружескія отношенія нѣсколькихъ лѣтъ такъ легко не разрываются.

Жоржъ. — Но оскорбленіе такъ велико...

М-ше Лкицъ. — Оставьте, забудьте... Мы, кажется, оба горячились по-пустому. Но я ужь забыла все: будьте и вы тѣмъ же, чѣмъ всегда... Если хотите, я первая подаю руку въ знакъ мира.

Жоржъ. — Наконецъ вы смотрите такъ, какъ смотрѣли въ тотъ азъ, когда я почувствовалъ нетерпѣливую потребность въ вашей дружбѣ. Вы владѣете, Клара, такими чудесными силами, что многи могли бы позавидовать вамъ. Вотъ то, чего я никогда не умѣлъ понять!

М-ше Лкицъ. — Дружеское пристрастіе... Но вѣдь вы вѣрно не тожь хотѣли говорить со мною, когда такъ спѣшили сюда? Не предпринимаете ли вы чего-нибудь новаго? въ такомъ случаѣ, мы могли бы пригласить и еще кого-нибудь для совѣта...

Жоржъ. — Если только вы не перемѣнились ко мнѣ, Клара, то нѣтъ ничего легче, какъ обойтись теперь безъ совѣта... Не-уже-ли вы такъ мало помните о томъ, что говорите иногда съ вашими руками?

М-ше Лкицъ. — Надѣюсь, этого нѣтъ за мной... Но право, Жоржъ, вы лучше сдѣлаете, если старое оставите въ сторонѣ: зачѣмъ начинать снова то, о чемъ ужь было говорено?

Жоржъ. — И не договорено... Могу ли я напомнить? Или, можетъ-быть, вы не расположены теперь?

М-ше Лкицъ. — О, нѣтъ, мнѣ всё равно! Но... вы, однако, ничѣмъ не сказали мнѣ о Лидѣ?

Жоржъ. — Она? она очень-занята чѣмъ-то... Вы не хотите, чтобъ я напомнилъ вамъ...?

М-ше Лкицъ. — Вы именно видѣли ее сегодня утромъ?

Жоржъ (нетерпѣливо). — О, да, безъ сомнѣнія. Но, вы знаете, она иногда любитъ мечтать... Сегодня она была нерасположена говорить.

М-ше Ленцъ. — Мнѣ, однако, думается, что она должна быть очень-весела сегодня? Я бы хотѣла, чтобъ она была теперь съ нами... и я не знаю почему.

Жоржъ. — Потому, Клара, что тогда меня не было бы здѣсь.

М-ше Ленцъ (*дѣлая движеніе рукою, какъ-бы желая заставить его замолчать*). — Тсс! Что же вы хотѣли мнѣ напомнить? Или ужъ забыли?

Жоржъ (*оглядываясь*). — Развѣ насъ подслушиваютъ?

М-ше Ленцъ (*твердымъ голосомъ*). — Я хочу васъ слушать. На конецъ вы будете говорить?

Жоржъ (*успокоиваясь*). — Немного, Клара: я хочу узнать вашъ секретъ, вы обѣщали сказать мнѣ его черезъ нѣсколько дней.

М-ше Ленцъ. — О, шутка, шутка, ничего больше! Какъ можете вы такъ долго помнить?

Жоржъ. — Я зналъ прежде, я догадывался, наконецъ вы признались мнѣ сами. Я считалъ дни, вчера я ждалъ васъ цѣлый день, мнѣ казалось, что вы непременно должны были пріѣхать вчера: вы не пріѣхали. Что можетъ васъ останавливать теперь? Мы одна.

М-ше Ленцъ. — Богъ-знаетъ, Жоржъ, что за глупая мысль пришла вамъ въ голову! И что за дѣтское любопытство! еслибъ даже у меня и въ-самомъ-дѣлѣ были секреты...

Жоржъ (*перерывая*). — Дѣтское любопытство! Знать, кого вы любите, Клара, дѣтское любопытство! А если я также люблю?

М-ше Ленцъ (*бросая руки на столъ*). — Вы хотите свести меня съ ума! (*Въ-полголоса.*) Ради Бога, молчите объ этомъ; только въ этотъ разъ молчите, или я позову Лиду.

Жоржъ (*замѣтивъ легкое движеніе двери*). — Зачѣмъ Лиду? Здѣсь есть ближе. Я не зналъ, что вашъ секретъ открывается такъ легко. Плохо же прячете вы его отъ другихъ! Или это потому, что я вошелъ такъ нечаянно? вы не были приготовлены?

М-ше Ленцъ. — Что за безстыдная ложь! кто позволилъ вамъ такую дерзость? Ни слова больше, я не могу васъ слушать! Вы можете выйти. Ни одного слова, ни одного слова!

Жоржъ. — Клара!

М-ше Ленцъ. — Вы можете выйти, я вамъ сказала. Между нами все кончено. (*Громко.*) Пусть же знаютъ, какъ я умѣю держать свое слово.

Жоржъ. — И вы не дадите мнѣ руки въ послѣдній разъ?

М-ше Ленцъ (*колеблясь*). — Не вамъ, а вашей прежней дружбѣ.

Жоржъ. — И любви. Я говорю въ послѣдній разъ.

М-ше Ленцъ (*вырывая руку*). — Знайте же, что насъ слушаютъ.

Жоржъ (*бросаясь къ двери*). — Слушаютъ? Такъ я долженъ хотѣть видѣть его въ лицо. Вѣдь мы братья по любви: отъ-чего же я не

подашь руки ему? отъ-чего онъ откажетъ мнѣ въ своей? О, мы будемъ друзьями на жизнь, или на смерть!

(Между-тѣмъ отворяетъ дверь въ корридоръ, въ которомъ скрылась Лида, пробѣгаетъ его вдоль, и никого не находитъ.)

Жоржъ (возвращаясь).— Тамъ есть выходъ, Клара?

М-ше Ленцъ (какъ-бы послѣ тревоги, утомленная).— Все равно; вы видите, что слѣдовъ нѣтъ больше. Садитесь и говорите: теперь васъ никто не будетъ останавливать.

Жоржъ.— Теперъ? Такъ это была не шутка? Не ошибаюсь я, тогда, кромѣ насъ двоихъ, думалъ найти здѣсь третьяго?

М-ше Ленцъ.— Скажите, третью.

Жоржъ.— Кто жь могъ быть? Кому нужно знать, о чемъ я припелъ говорить съ вами наединѣ? Еслибъ вы имѣли мужа...

М-ше Ленцъ.— Но вы имѣете жену, Жоржъ.

Жоржъ.— Лида? Она была здѣсь? Она—подмѣчать за мною?..), вы ничего хуже не могли выдумать съ нею! Это хуже всякой ненависти; это—самое послѣднее изъ всѣхъ низкихъ дѣлъ!.. И вы одно съ нею?

М-ше Ленцъ.— Я думала... вы съ нею согласились сыграть со мною эту злую комедію.

Жоржъ.— Нѣтъ, вы этого не могли подумать! Вы хотите отвѣсти мнѣ глаза... О, да, вы любите очистить себя отъ всякаго упрека! Читая мораль другимъ—это ваше назначеніе, ваше призваніе, а вы сами—вы чисты, какъ голубица, вы чужды всякой человеческой слабости... Отъ чего въ эту самую минуту не хотите вы дать мнѣ нѣсколько правоченій? Такой прекрасный случай!

М-ше Ленцъ.— Мы, кажется, обмѣнялись ролями. Теперъ, можетъ-быть, наступила ваша очередь — сказать нѣсколько горькихъ правдъ моей совѣсти. Не говорили ли мы съ вами и прежде, Жоржъ, что каждому жизнь приноситъ съ собою свои уроки? Прежде, я любила давать вамъ уроки, потому, можетъ-быть, что сама я чувствовала въ нихъ большой нужды; теперъ у меня отпала всякая охота дѣлать наставленія другимъ, вѣроятно потому, что онѣ только же стали нужны мнѣ, сколько и вамъ.

Жоржъ.— Вы хотите думать, что мы виноваты оба?..

М-ше Ленцъ.— Какъ ни трудно, но, наконецъ, надобно признаться и въ этомъ.

Жоржъ.— И все еще не вполне-искренно! Зачѣмъ не хотите вы сказать — признаться въ любви? Зачѣмъ такъ упорно и такъ искусно обгаете вы это слово, одно, котораго я жду отъ васъ, которое давно могло бы рѣшить все мои сомнѣнія? Мѣшаетъ ли вамъ ложный стыдъ, боитесь ли вы любви?

М-ше Ленцъ.—Нѣтъ больше ни любви, ни ненависти. Тѣ, что еще есть между нами общаго, это наша общая вина, Жоржъ. Подумайте объ этомъ.

Жоржъ (*посль минутнаго молчанія*).—Кому же судить насъ!

М-ше Ленцъ.—Лидъ—и никому больше: совѣсть должна бы сказать вамъ это. Идите же къ ней и поправьте хоть на столько вашу ошибку, чтобъ по-крайней-мѣрѣ теперь выпросить у ней прощенія, если только она еще можетъ дать его намъ.

Жоржъ.—Исправить ошибку... Но я знаю другую, Клара, въ которой въ десять разъ больше зла, и о которой, однако, мы никогда не хотѣли и подумать!

М-ше Ленцъ.—Какая? Говорите: я могу васъ слушать.

Жоржъ.—И васъ я долженъ обвинять въ ней! Какъ-будто вы способны на зло!

М-ше Ленцъ.—Все равно, говорите.

Жоржъ.—Да, какъ-будто для того, чтобъ заплатить долгъ природы, и вы сдѣлали ошибку—разъ въ жизни, можетъ-быть, но зато и не меньше, какъ на цѣлую жизнь. Въ одинъ часъ вы потубили ни за что счастье двухъ человѣкъ—мое и ваше. Я уже не отдѣляю васъ отъ себя—на это вы согласились со мною. Своими руками вы отдали ей навсегда мою любовь, которая всегда принадлежала вамъ! Вы заставили себя и меня играть въ жиурки и свою же любовь употребили на то, чтобъ отдать меня въ чужія руки!

М-ше Ленцъ.—Вы напрасно мѣшаете тутъ любовь: ея не было.

Жоржъ.— Не было—это значитъ, мы не умѣли ее назвать по имени! Вся разница лишь въ словахъ, Клара. И я бы послушался васъ, еслибъ не помогала вамъ эта темная сила? По что сдѣлаво, то сдѣлаво. Я говорю только, что есть ошибки въ десять разъ важнѣе тѣхъ, которыя вы хотите исправить.

М-ше Ленцъ.—Нѣтъ, Жоржъ; я больше не называю ошибками того, чего нельзя уже исправить, и что принадлежитъ не намъ, а времени, судьбѣ, можетъ-быть... если только мы въ-самомъ-дѣлѣ сдѣлали такую ошибку. Я хочу, чтобъ было исправлено то, что еще въ нашей власти исправить.

Жоржъ.—Средство одно: вы, наконецъ, должны пожертвовать своими предубѣждениями и признать права мои на вашу любовь.

М-ше Ленцъ.—Жоржъ! я еще не говорила вамъ моего намеренія!

Жоржъ.—Вы сказали мнѣ свое признаніе.

М-ше Ленцъ.— Вы его не такъ поняли. Однако, вы должны узнать и мое намѣреніе: вашъ отзывъ, каковъ бы онъ ни былъ—одобрительный, или неодобрительный, вы можете оставить при

бы, какъ-будто-бы его и вовсе не было. Намъ нужно нѣсколько ренеш не видѣть другъ друга.

Жоржъ.—Это невозможно, Клара. Часомъ ранѣе это было бы легче, я могъ бы обмануть себя. Или я все еще не понимаю васъ, я требую себя того, что давно принадлежитъ другому?

М-ше Ленцъ.—Вотъ вамъ рука моя, что въ моихъ словахъ нѣтъ и лжи, ни тайной мысли. Последнія минуты, которыя намъ остаются...

Жоржъ. — Какъ! вы хотите навсегда...?

М-ше Ленцъ. — Зачѣмъ же непременно навсегда? Я говорю, Жоржъ, немногія минуты, которыя остаются намъ—вы не должны смущать ихъ ничѣмъ, ни даже неумѣреннымъ выраженіемъ своего чувства. Что я хочу вамъ всей полноты счастья, но-ужасно вы когда-нибудь сомнѣвались въ этомъ, или можете сомнѣваться теперь? Любви нѣтъ между нами; но что мѣшаетъ намъ разстаться любящими друзьями? Учитесь владѣть собою.

Жоржъ.—Со слезами на глазахъ вы все будете говорить о счастьи!.. Откуда я сталъ бы ждать его?

М-ше Ленцъ.—Что знаемъ мы, мой другъ. Этотъ самый узелъ, который, вы говорите, завязала я, и въ которомъ вы видите только мою ошибку — можетъ-быть онъ развяжется для васъ такимъ образомъ, передъ которымъ бѣдныя покажутся ваши прежніе восторги, забудутся даже прежніе друзья ваши. Что бы то ни было, время вѣрнѣе! Узнайте Лиду, Жоржъ, узнайте ее ближе. Вы еще не знаете, чѣмъ владѣете. Я вѣрю, я никогда не перестану надеяться.

Жоржъ. — Никогда, Клара! Что бы ни было, у насъ съ вами все кончено.

М-ше Ленцъ.—Нѣтъ, Жоржъ, ничего не кончено, пока еще нѣтъ пертя внутри насъ. Всей исторіи сердца напередъ рассказать нельзя, вамъ придется страшно разувериться! Одинъ примѣръ уже есть. Но идите же къ Лидѣ, идите къ ней—сдѣлайте надъ собою только одно это усиліе и скажите ей всю правду.

Жоржъ. — У нея есть на это другія средства. О, она никогда не позволитъ предупредить себя: маску она умѣетъ носить лучше насъ обонхъ!

М-ше Ленцъ (*дѣлая нѣкоторое усиліе надъ собою*).—Знаю, знаю. Жоржъ; я васъ прошу, идите... Никакихъ знаковъ, никакихъ мовей! Я не могу больше говорить—вы видите.

Жоржъ (*держа ее за руку*).—Клара, ваша рука дрожить.

М-ше Ленцъ (*вставая съ дивана*).—Идите... (*Опускается опять на диванъ и закрываетъ глаза платкомъ*). Жоржъ—*уходитъ, оборачиваясь нѣсколько разъ*).

М-ше Левецъ (*открывъ глаза*).— Себя побѣдить два раза въ одну часть—Клара, гдѣ взяла ты столько силъ? Откуда такая твердость? Не все въ прошломъ было обманъ, призракъ; онъ правъ: тамъ была искра и того огня, который жжетъ. Стѣны глухи: я не сознаюсь передъ нимъ. (*Вздрагиваетъ*.) Нѣтъ, Клара; не смотри назадъ; голова теперь слаба — можетъ закружиться... Къ концу скорѣе къ концу, или намъ всѣмъ не уйти отъ судьбы! (*Выходитъ въ другія двери*).

Комната Жоржа. Сумерки.

Жоржъ (*сидя въ большихъ креслахъ передъ рабочимъ столомъ, читаетъ на бумагѣ*).— Есть жизнь и въ искусствѣ, и такая жизнь труднѣе всего человѣка. Чтò жь! тѣмъ лучше. Я отдамся ей всецѣло безъ раздѣленія. Буду много работать... время будетъ проходить скоро. А гдѣ взять вдохновенія? Возьму трудомъ... (*Подумавъ*.) Нѣтъ, этого не будетъ никогда: она хотѣла только испугать меня и ничего, ничего больше... Чтò можетъ она сдѣлать? Запретитъ мнѣ входъ? О, этого она не можетъ, не въ силахъ сдѣлать! Пусть запретитъ. Но какъ же она запретитъ мнѣ встрѣчаться с нею? Ее смутила мысль, что она виновата передъ Лидою... Нѣтъ, это моя воля, не ея... (*Легкій скрипъ двери*.) Кто?

(*Лида входитъ закутавшись въ большую шаль*).

Жоржъ (*дѣлая шагъ на встрѣчу ей*).— Я думалъ, вы отложили наше объясненіе до утра... Я не расположенъ теперь... Вы, конечно, пришли требовать отъ меня отчета въ нынѣшнемъ дѣлѣ?

Лида.— Нѣтъ, Жоржъ.

Жоржъ.— Такъ вы пришли осыпать меня своими законными упреками?

Лида.— Нѣтъ...

Жоржъ.— Чтò же вамъ угодно? Не милости же пришли вы просить у меня...

Лида (*падая къ ногамъ его*).— Вашей любви, Жоржъ...

Жоржъ (*поднимая ее*).— Лида, это хуже всякаго упрека... Прощу васъ—встаньте. Просьбы же вашей я совсѣмъ не понимаю.

Лида.— У меня нѣтъ другой.

Жоржъ.— Любви, которой вы спрашиваете, у васъ никто не отнималъ. Какъ жена, вы имѣете на нее полное право, конечно...

Лида (*дѣлая отрицательный знакъ*).— Никакого. Я потеряла ее...

Жоржъ.— Вы придумали очень-странный способъ воротить ее—тотъ, который вы употребили нынче утромъ... И вы смѣли?

Лида.— Да...

Жоржъ.— И у васъ достало духа подъяскиваться подъ меня, подмѣчать, подслушивать?.. Даже стыдъ передъ другими не оставилъ васъ?

Лида.—Нѣтъ, Жоржъ.

Жоржъ.—Это низко! Вы не могли поступить безчестнѣе для нея и для себя... Какой же любви хотите вы послѣ этого? Вы сами избавили меня отъ непрятности говорить вамъ, кому принадлежить она...

Лида.—Клара счастливѣе меня, но я люблю васъ столько же!..

Жоржъ.—О, я никогда не сомнѣвался въ этомъ! А сегодня вы дали мнѣ новое доказательство!

Лида.—Я буду учиться любить у Клары, Жоржъ.

Жоржъ.—Вы не можете обойтись безъ этого имени?

Лида.—Недолго, Жоржъ: она ѣдетъ отъ насъ.

Жоржъ.—Никогда! Это ваша выдумка.

Лида.—Ея, не моя. Она не хочетъ даже проститься съ нами и жить мнѣ... (*подходя къ нему ближе*) велить мнѣ надѣяться, Жоржъ...

Жоржъ.—Какъ, вы успѣли ужь говорить съ нею?.. Успѣли даже уговорить ее?

Лида (*кивая головою*).—Она не сказала дома... Это письмо приехала она ко мнѣ... (*Отдаетъ ему письмо*). Позвольте мнѣ выйти, Жоржъ... Я не могу больше...

Жоржъ.—О, куда вамъ угодно! Вы кончили свое дѣло; вы не могли лучше заключить!

Лида (*останавливаясь въ дверяхъ*).— Жоржъ, простите мнѣ... (*Годится*).

Жоржъ (*роняя письмо*).—Она сдержитъ свое слово; она не измѣнитъ себя! Что же будетъ тогда съ нами? Что будетъ съ тобою, Лида?

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Комната Лиды. Лида и Жоржъ у колыбелья на кушеткѣ.

Жоржъ.—Всю ночь меня мучили грезы. Я не могъ поднять головы, — сна хотѣлъ я, крѣпкаго сна, и просыпаюсь почти въ ту же минуту, какъ засыпалъ. Ты стояла передо мною въ темнотѣ, и кѣй разъ плачущая, кроткая, бевотвѣтная... Я все силился оправдываться передъ тобою, хотѣлъ просить тебя, чтобы ты перестала плакать, но что-то какъ-будто оковало мнѣ языкъ: я чувствовалъ, что произносилъ лишь непомятые звуки. Наконецъ, я всталъ изъ стула, подошелъ къ твоей спальнѣ, приложилъ ухо къ двери... Было темно вокругъ; все спало, а ты—стояла... Я слышалъ твои рыданія, хоть ты, кажется, и старалась задушить ихъ...

Лида.—Во снѣ, можетъ-быть. Я не помню.

Жоржъ.—Глаза твои говорятъ не то: ты провела такую же страшную ночь,— нѣтъ, ты страдала болѣе. Ты давно страдаешь, Лида! Благословляю ту минуту, когда я началъ понимать твои страданія. Но ты... можешь ли простить мнѣ, можешь ли такъ забыть прошлое, чтобъ и тайная мысль не смущала тебя?

Лида.—Я ужь опять счастлива, Жоржъ!

Жоржъ.—Даже и столько злобы нѣтъ въ тебѣ! Она говорила правду, что я не зналъ тебя. Но откуда же пришло мнѣ вдругъ это знаніе? Откуда это нетерпѣніе—быть опять съ тобою, слышать отъ тебя слово любви и прощенія? Я ждалъ тебя цѣлый день: ты увхала такъ рано — воротилась такъ поздно. Еслибъ я зналъ, по крайней-мѣрѣ, гдѣ искать тебя! Мнѣ такъ хотѣлось встрѣтить, вести тебя въ домъ... Моя добрая Лида! И ужь снова весела! Какъ, и эта печаль не измѣнила тебя?

Лида.—Вчера мнѣ было тяжело: я ни отъ кого не слыхала ни слова. А нынче—ты опять со мною.

Жоржъ.—И ты не упала духомъ, когда видѣла вмѣсто любви одни оскорбленія?

Лида.—Я вѣрила въ твое сердце, я ждала и надѣялась. Только одну минуту я не знала какъ пережить... Вдругъ мнѣ стало такъ страшно, такъ страшно, какъ-будто ужь у меня не осталось ничего! Тогда я пришла къ тебѣ...

Жоржъ.—И что же нашла ты, что встрѣтила!

Лида.—Но послѣ того мнѣ было легче, Жоржъ. Я ужь опять надѣялась.

Жоржъ.—Ты сама не знаешь, сколько любви въ тебѣ! Сколько разъ, въ тотъ же вечеръ, мнѣ казалось, что ты опять идешь ко мнѣ, что я слышу твои шаги... Я готовился встрѣтить тебя тамъ же, — и робѣлъ, самъ не знаю чего... Меня побуждала какая-то тайная сила; я уступилъ ей безъ борьбы, а она росла во мнѣ съ каждой минутою.

Лида.—А Клара?..

Жоржъ.—Ты еще хочешь, чтобъ я говорилъ о ней?

Лида.—Она была нашимъ другомъ, Жоржъ; она хотѣла намъ счастья...

Жоржъ.—Правда, правда... Но напередъ, Лида, возьми этотъ медальонъ: онъ долженъ принадлежать тебѣ... Сдѣлай съ нимъ что хочешь.

Лида (*разсматривая медальонъ*).—Я сберегу его: Клара на немъ какъ живая.

Жоржъ.—Какъ? тебя удивляетъ только сходство? Я же думалъ, что самая вещь удивить тебя больше... Она сдѣлана тайно отъ тебя.

Лидя.—Вы плохо берегли вашъ секретъ...

Жоржъ.—Плутовка! ты видѣла?..

Лидя.—Все въ тотъ же несчастный день: утромъ вы вышли въ садъ и забыли его на столѣ.

Жоржъ.—Все равно: онъ долженъ остаться у тебя.

Лидя.—Что же Клара, Жоржъ?

Жоржъ.—Клара? Она была такъ благоразумна, что не приняла меня. Потому она уѣхала...

Лидя.—Потомъ?

Жоржъ.—Потомъ — я не знаю даже, ни гдѣ она теперь, ни долго ли мы останемся безъ нея. Ты смѣешься? Ты что-то скрываешь отъ меня?

Лидя.—У меня также есть свои тайны, Жоржъ.

Жоржъ.—Ты вѣрно въ перепискѣ съ нею?

Лидя.—Ты угадалъ: я сейчасъ получила отъ нея письмо. Она— у себя дома...

А. НЕСТРОЕВЪ.

Б—н.
1845-

Т Е В Е Р И Н О .

Повесть Жоржа Занда.

I.

Опасаясь опоздать на сборное мѣсто, Леонсъ до зари вышелъ изъ «Гостинницы Иностранцевъ», и солнце еще не всходило, когда онъ вошелъ въ извилистую, темную аллею виллы; легкія колеса его красиваго нѣмецкаго экипажа едва оставляли за собою слѣдъ на мелкомъ пескѣ, уничтожавшемъ топотъ прекрасныхъ лошадей. Леонсъ подумалъ, не слишкомъ ли рано онъ явился: по дорогѣ не было видно никакого слѣда, и глубокое молчаніе царствовало еще въ жилищѣ прекрасной леди.

Онъ вышелъ изъ экипажа у лѣстницы, украшенной цѣтани, велѣлъ жокею отвести лошадей во дворъ и увѣрившись, что стеклянная съ золотымъ переплетомъ дверь въ нижнемъ этажѣ еще заперта, онъ подошелъ къ окну Сабина и началъ напѣвать вполголоса арію изъ «Севильскаго Цирюльника»:

Ecco ridente il cielo, ♣
Già spunta la belle aurora...
.....E puoi dormir così?

Черезъ нѣсколько минутъ, окно отворилось, и Сабина, окутанная въ бѣлый кашемировый бурнусъ, приподнявъ уголокъ гардины, сказала небрежно-страстнымъ голосомъ:

— Вижу, что вы не получали вчера ввечеру моей записки и не знаете, что у насъ происходитъ. Герцогиня не въ духѣ и не позволяетъ своимъ любовникамъ гулять безъ нея. У маркизы, дол-

жно-быть, семейная ссора: она сказалась больною. Графъ болѣнь въ-самомъ-дѣлѣ; доктору есть чѣмъ заняться, — всѣ измѣнили своему обѣщанію и просятъ меня отложить прогулку до слѣдующей недѣли.

— И такъ, потому только, что не получалъ вашей записки, сказалъ Леонсъ: — я явился очень-некстати, и, какъ провинціалъ, нарушилъ сонъ вашъ? Право, мнѣ такъ стыдно за свою неловкость, что я не нахожу словъ къ оправданію.

— Не упрекайте себя; я уже давно не сплю. Ихъ капризы такъ раздражали меня вчера вечеромъ, что я побросала въ огонь ихъ глупыя записки, легла очень-рано и заснула со злости. Очень-рада васъ видѣть; я только того и ждала, съ кѣмъ бы разбранить всѣ эти предположенія погулять и повеселиться, всѣхъ этихъ красивыхъ и свѣтскихъ людей.

— Враните же ихъ одны! Я отъ всего сердца благословляю ихъ къ настоящей минуте.

Леонсъ стоялъ склонясь на край окна, на которое облокотилась Сабина. Ему сильно хотѣлось взять ея бѣлую, прекрасную руку. Но его удержало спокойное-насмѣшливое выраженіе благородной женщины, и онъ устремилъ только на полуобнаженную, выглядывавшую изъ-подъ бурнуса руку ея очень-значительный взоръ.

— Леонсъ! сказала она, закутываясь въ бурнусъ съ презрительною граціею:—если вы станете говорить нешлости, я захлопну окно и пойду опять спать. Ни отъ чего такъ не спитесь, какъ отъ скуки; я особенно испытываю это съ нѣкотораго времени, и если это будетъ продолжаться, кажется, мнѣ останется только посвятить жизнь свою, по примѣру герцогини, на поддержаніе свѣжести и полноты моего тѣла. Послушайте: будьте любезны, но забывайте, что вы всегда такъ умны и разборчивы. Если вы общаете соблюдать наши условія, мы можемъ провести утро иначе и гораздо-пріятнѣе, нежели въ этомъ блестящемъ обществѣ.

— За этимъ дѣло не станетъ! Выходите нѣтъ своего святца въ паркъ посмотреть на восходъ солнца.

— О, паркъ прекрасенъ, не спорю; но я берегу это средство на случай скучныхъ посѣщеній: я веду гостей гулять и наслаждаюсь красотами мѣстоположенія, вмѣсто того, чтобъ слушать ихъ глупыя разговоры. Вотъ почему мнѣ не хочется единicomъ приглядѣться къ красотамъ этого мѣста. Знаете ли, мнѣ ужасно досадно, что я наняла домъ на три мѣсяца. Я здѣсь всего только восемь дней, и мнѣ уже смертельно надоели и природа и сосѣди.

— Благодарю покорно! Прикажете удалиться?

— Къ-чему эта притворная обидчивость? Вы знаете, что я всегда исключую васъ изъ моего проклятія человеческому роду. Мы

старые друзья, и останемся ими навсегда, если будемъ любить другъ друга благоразумно и умеренно, какъ вы мнѣ обещали.

— Да, старая пословица: «любить по-немножку, чтобъ любить долго». Однако, вы общаете мнѣ пріятное утро и грозите захлопнуть окно при первомъ словѣ, которое вамъ не понравится. Признаюсь откровенно, положеніе мое довольно-непріятно, и я не вздохну вольно до-тѣхъ-поръ, пока вы не выйдете изъ своей крѣпости.

— Хорошо! позвольте мнѣ только одѣться; между-тѣмъ, вамъ принесутъ въ бесѣдку завтракъ. Я туда же прійду пить чай, и тамъ мы выдумаемъ, какъ веселѣе провести утро.

— Хотите ли неслушаться меня, Сабина? Предоставьте мнѣ одному обдумать это дѣло; если вы вмѣшаетесь, весь день пройдетъ въ томъ, что я буду предлагать вамъ разнаго рода забавы, а вы будете доказывать, что все онѣ глупы и одна другой скучнѣе. Послушайтесь меня: одѣньтесь въ полчаса и не будемъ завтракать здѣсь. Позвольте увезти васъ, куда мнѣ вздумается.

— А! вы кеснулись магической струны, — неизвестнаго! Вижу, Леонсъ, что только вы меня понимаете! Хорошо! я согласна; увезите меня, — вѣдемъ.

Леди Г. произнесла эти послѣднія слова съ улыбкою и взоромъ, которые заставили Леонса вздрогнуть.

— Холодная женщина! сказалъ онъ весело, но съ притѣсно горькаго чувства:—дѣйствительно, я васъ знаю хорошо, знаю, что у васъ только одна страсть: избѣгать людскихъ страстей. Но... ваша холодность заражаетъ и меня; я забуду все, что можетъ отклонить меня отъ единственной цѣли, которую мы должны избрать для себя, — фантазіи!

— Такъ вы увѣрены, что я не буду съ вами сегодня скучать? О, вы прекрасный человекъ! Знаете ли, мнѣ ужъ какъ-будто веселѣе отъ одного обещанія, какъ больному легче при видѣ доктора; онъ испѣленъ уже заравѣе, потому-что докторъ такъ рѣшительно утверждаетъ, что вылечитъ его. Повинуюсь вамъ, импровизованный, удивительный докторъ! Одѣнусь на-скоро, мы выѣдемъ натошакъ и отправимся... куда вамъ вздумается. Какой экипажъ закладывать?

— Никакого; вы ни во что не должны мѣшаться, ничего не должны знать; а предвидѣть и распорядиться — мое дѣло, потому-что я избобрѣтаю.

— Пожалуй! чего же лучше! сказала она и, затворивъ окно, позвонила. — Вошли горничныя и опустили тяжелый занавѣсъ изъ голубаго штофа, закрывшій Сабину отъ взоровъ Леонса.

Онъ пошелъ отдать кой-какія приказанія, возвратился потомъ къ окну Сабинны, и, свѣвъ у подножія статуи, началъ мечтать.

— Ну! сказала черезъ полчаса лэди Г., слегка ударивъ его по плечу:—такъ-то вы заняты нашимъ отъездомъ? Общаете чудесныя выдумки, невообразимыя сюрпризы, и задумались надъ статуей, какъ человекъ, который ровно ничего еще не выдумалъ.

— Все готово, отвѣчалъ Леонсъ вставая и взявъ ее подъ руку. — Мой экипажъ ждетъ васъ, и я выдумалъ дивныя вещи.

— И мы поѣдемъ такъ, вдвоемъ?.. замѣтила лэди Г.

— Такого кокетства я отъ нея не ожидалъ, подумалъ Леонсъ. — Не хочу же воспользоваться имъ. Возьмемъ съ собою Негритянку, отвѣчалъ онъ.

— Зачѣмъ Негритянку? сказала Сабина.

— Затѣмъ, что она нравится моему жокею. — Въ его лѣта всѣ женщины кажутся бѣлыми; а наши спутники не должны скучать: иначе они наскучатъ и намъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, жокей получилъ отъ своего господина приказанія, которыхъ Сабина не слыхала. Негритянка, вооруженная большимъ бѣлымъ зонтикомъ, улыбалась, сидя возлѣ него на широкой и низкой скамьѣ шарабана. Лэди Г. небрежно растянулась къ экипажѣ, а Леонсъ, почтительно сидя противъ нея, смотрѣлъ на окрестности и молчалъ. Волосы его развѣвались по вѣтру.

Въ первый разъ Сабина отважилась пребыть съ Леонсомъ наединѣ дольше, нежели сколько случалось до-сихъ-поръ. Не смотря на то, что это была простая прогулка въ сообществѣ двухъ служителей, которые сидѣли къ нимъ задомъ и разговаривали между собою такъ весело, что, конечно, и не думали вслушиваться въ господскій разговоръ, Сабина чувствовала, что она еще слишкомъ молода, и что все это похоже на необдуманную молодость; она подумала объ этомъ, когда они выѣхали за послѣднюю ограду парка.

Но Леонсъ, казалось, былъ такъ мало расположенъ воспользо-ваться выгодною своего положенія, онъ былъ такъ задумчивъ, такъ глубоко погруженъ въ созерцаніе восходящаго солнца, что она не осмѣлилась высказать своего замѣшательства, а, напротивъ, сочла долгомъ подавить его и казаться столько же спокойною, какъ и онъ.

Они ѣхали по высокой дорогѣ, откуда взоръ обнималъ всю зеленую долину, теченіе ручьевъ и горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, который игралъ золотомъ и пурпуромъ въ лучахъ восходящаго солнца.

— Удивительная картина! сказала Сабина въ отвѣтъ на восклицаніе Леонса. — Но знаете ли, кстати: глядя на солнце, я неволь-но думаю о моемъ мужѣ.

— Дѣйствительно кстати, отвѣчалъ Леонсъ. — Гдѣ онъ?

— Онъ? въ виллѣ. Спитъ.

— А рано онъ встанетъ?

— Какъ случится. Лордъ Г. встанетъ раньше или позже, смотря потому, сколько выпилъ наканунѣ за ужиномъ. А какъ мнѣ это знать? Я слѣдую англійскому обычаю, прекрасному изобрѣтенію которое лишаетъ женщинъ возможности умерять неводержимость мужчинъ.

— Однако, средній срокъ?

— Въ полдень. Мы воротимся къ тому времени?

— Не знаю; это не зависитъ отъ вашей воли.

— Право? Я очень люблю слышать отъ васъ подобныя шутки; это льститъ моей привязанности къ неизвѣстному. Но серьезно, Леонсъ

— Не шутя говорю вамъ, Сабина, не знаю, когда вы воротитесь. Вы дали мнѣ право распоряжаться вашимъ днемъ.

— Нѣтъ! только утромъ.

— Извините! вы не опредѣлили продолжительности прогулки и я не отрекся отъ права выдумывать разныя забавы по-мѣръ-того какъ найдетъ на меня вдохновеніе. Если вы надѣнете уздечку на моего генія, я ни за что не отвѣчаю.

— Что это значить?

— То, что я выдамъ васъ вашему смертельному врагу, скукѣ.

— Что за тиранство! Но если, по какому-нибудь необыкновенному стеченію обстоятельствъ, лордъ Г. былъ вчера вечеромъ трезвъ?

— Съ кѣмъ онъ ужиналъ?

— Съ лордомъ Г., съ господиномъ Д., съ сэромъ Ж., — словомъ, съ полудюжиной своихъ любезныхъ соотечественниковъ.

— Въ такомъ случаѣ — будьте покойны: онъ проспигъ сутки.

— А если вы ошибаетесь?

— Если вы сомнѣваетесь уже въ провидѣніи, то-есть во мнѣ, заботящемся сегодня о судьбѣ вашей, если въ васъ не достаетъ вѣры, если вы оглядываетесь назадъ и впередъ, — настоящая минута ускользаетъ отъ насъ, и съ нею исчезаетъ мое всемогущее.

— Вы правы, Леонсъ; пусть воспоминанія дѣйствительной жизни подавятъ мое воображеніе. Пусть лордъ Г. проснется, когда ему угодно; пусть знаетъ, что я уѣхала въ поле съ вами, что это важность!

— Во-первыхъ, онъ ко мнѣ не ревнуетъ.

— Онъ ни къ кому не ревнуетъ. Но приличіе, британское блга гораздо...

— Да что же онъ сдѣлаетъ? самое худшее?..

— Онъ проклянетъ день, въ который вздумалъ жениться на Француженкѣ, и часа три сряду будетъ превозносить прелести альбионскихъ куколъ; проворчить сквозь зубы, что Англичане первая нація въ мѣрѣ; что Франція домъ умалишенныхъ; что лордъ Веллингтонъ выше Наполеона, и что лондонскіе доки выстроены лучше венеціанскихъ дворцовъ.

— И только?

— Развѣ этого мало? Научите, пожалуйста, средству слушать подобныя выходки и не дразнить его, не противорѣчить ему?

— Чтò же онъ, когда вы прерываете молчаніе?

— Онъ идетъ ужинать съ лордомъ Г., сэромъ Ж. и господиномъ Д., и спитъ потомъ двадцать-четыре часа.

— Спорили вы съ нимъ вчера?

— И очень. Я сказала ему, что его англійская лошадь смѣрнуть душой.

— Въ такомъ случаѣ, будьте покойны: онъ преснитъ до вечера.

— Вы отвѣчаете?

— Я такъ приказываю.

— Такъ ура! Да поконите онъ въ мѣрѣ, да будетъ благоденствіе браку его! Знаете ли, Леонсъ, это ужасное иго!

— Да, бываютъ мужья, которые бьютъ своихъ женъ.

— Это еще ничего; другіе заставляютъ ихъ умирать отъ скуки.

— И въ этомъ-то вся причина вашей хандры? Не вѣрю, милэди.

— Не называйте меня милэди: я воображаю себя при этомъ, что я Англичанка. Довольно и того, что меня хотятъ уверить, когда я бываю въ Англіи, что мужъ переродилъ меня.

— Но вы не отвѣчаете на мой вопросъ, Сабина?

— Чтò мнѣ отвѣчать? Знаю ли я причину моей болѣзни?

— Хотите, я вамъ скажу ее?

— Вы говорили это уже сто разъ; не станемъ бесполезно повторять одно и то же.

— Извините. Вы назвали меня чудеснымъ докторомъ, вы дали мнѣ власть вылечить васъ хоть на одинъ день...

— Вылечить, забавляя; а то, что вы хотите [сказать мнѣ, скука, — и знаю это напередъ.

— Бесполезная увертка стыдливости; нежный вздыхатель наконецъ бы ее очаровательною, но важный докторъ вашъ находится въ лѣтскою.

— Если вы такъ настойчивы и грубы, пожалуй, говорите.

— Васъ раздражаетъ отсутствіе любви; ваша скука — истерическое, а не пресыщеніе; ваша преувеличенная гордость изобличаетъ свертнутою слабость. Надо любить, Сабина!

— Вы говорите «любить», какъ «выпить стаканъ воды». Я виновата, что никто мнѣ не нравится?

— Вы. Вашъ умъ принималъ дурное направленіе, характеръ мнѣ сдѣлался желчнымъ; вы довольно ласкали свое самолюбіе и цѣните себя такъ высоко, что въ вашихъ глазахъ никто васъ не стоитъ. Вы, конечно, находите, что я говорю вамъ жесткія вещи, не такъ ли? Можетъ-быть, пошлости будутъ вамъ больше по вкусу?

— О, напротивъ! я нахожу, что вы сегодня чрезвычайно-жестобезны, воскликнула со смѣхомъ леди Г., на лицѣ которой мелькнуло, впрочемъ, неудовольствіе. — Позвольте мнѣ оправдаться, и назовите кого-нибудь, кто бы обвинилъ меня. Всѣ мужчины, которыхъ я вижу вокругъ себя въ свѣтѣ, въ моихъ глазахъ или глупы и тщеславны, или умны и холодны. Однихъ мнѣ жалко, другихъ я боюсь.

— Вы не неправы. Зачѣмъ же не ищите вы свѣта?

— Можетъ ли женщина искать? *Ei donci!*

— Но можно иногда выйти гулять, встрѣтиться и не бѣжать прочь опрометью.

— Нѣтъ, свѣта нѣльзя прогуливаться; свѣтъ всюду за нами, если вы принадлежите къ большому свѣту. Да и что же свѣта? Мѣщане, порода дерзкая и плоская; народъ, порода нечестоплотная; художники — порода честолюбивая и глубоко-эстетическая. Все это не лучше насъ, Леонсъ. Къ-тому же, говоря откровенно, я вѣрю немножко въ превосходство нашей дворянской крови. Еслибъ все не выродилось и не испортилось въ человеческомъ родѣ, здѣсь еще можно было бы надѣяться найти возвышенные типы, избранныя природы. Не отрицаю преобразенія въ будущемъ, но до-сихъ-поръ вижу еще печать рабства на этихъ недавно-освобожденныхъ лицахъ. Я не ненавижу, не презираю и не боюсь этого племени, которое, говорятъ, изгонитъ насъ. Я на это согласна. Я могу уважать, почитать и питать дружбу къ инымъ плебеймъ; но любовь моя — нѣжный цвѣтокъ, который не можетъ цвести на какой-ни-попало почвѣ. У меня нервы маркизы; я не могу измѣниться и поддаваться. Чѣмъ болѣе признаю я равенство въ будущемъ, тѣмъ менѣе чувствую себя способною любить все завачканное неравенствомъ въ прошедшемъ. Вотъ вся моя теорія, Леонсъ; слѣдовательно, вамъ нѣчего читать мнѣ проповѣди. Хотите вы, чтобъ я сдѣлалась сестрою-милосердія? Очень-ради проодолеть свои антипатіи ради благотворительности; но вы хотите чтобъ я искала счастья въ любви тамъ, гдѣ я вижу только возможность приносить жертвы покаянія!

— Не стану проповѣдовать вамъ ничего, Сабина; я не лучше васъ; только, мнѣ кажется, я одаренъ истинникомъ те-

льте вашего, болѣе-горячимъ стремленіемъ къ достоинству человека, и этотъ неложный жаръ почувствовалъ я въ себѣ въ тотъ день, когда смаялъ себя артистомъ. Съ этого дня, человѣческій родъ явился мнѣ не раздѣленнымъ на касты, но усѣяннымъ тишиами, высшими по своей личной натурѣ. По-этому, я не думаю, чтобъ привычка имѣла столько вліянія на души и могла такъ разрушительно дѣйствовать на божественную силу, что навсегда подавила детство рабовъ. Когда Богу угодно создать Форнарину прекрасною, а Рафаэля геніемъ, они любятъ другъ друга, не спрашивая о-вненахъ вредковъ. Красота души и тѣла — вотъ что благородно и достойно уваженія; цвѣтокъ шиповника милъ и пахучъ, не смотря на то, что произошелъ отъ тернія.

— Да; но чтобъ добраться до него, надобно терпѣть царапины отъ разныхъ колючекъ. Къ-тому же, Леонсъ, мы не можемъ одинаково смотреть на идеальную красоту: вы мужчина и художникъ, о-есть, въ васъ есть болѣе-матеріальное и болѣе-восторженное чувство формы; ваше искусство — матеріальное искусство; это божественный Рафаэль, влюбленный въ плотную Форнарину. И любовница Тициана тоже на мои глаза прекрасная, полная и чувственная женщина. Мы, патриціи, не понимаемъ... Боже мой! Къ намъ идетъ экинажъ точь-въ-точь какъ маркизы!

— Да, это она сама, съ молодымъ докторомъ!

— Вотъ, Леонсъ, женщина, которой удовлетворить легче, нежели мнѣ! Мы попали на нитригу. Она сказалась больною и прогуливается съ...

— Съ своимъ медикомъ, какъ вы съ вашимъ. Она забавляется по предписанію.

— Да, но вы только медикъ души моей...

— Вы жестоки, Сабина! Почему вы знаете, что этотъ молодой человекъ не обращается къ ея сердцу больше, нежели къ ея пяти чувствамъ... Еслибъ она думала также дурно о васъ, она была бы менѣе-несправедлива, потому-что я, наединѣ съ вами, не обращаюсь ни къ вашему сердцу, ни къ...

— Боже! Вы недоумили меня, Леонсъ! Она зла, ей надо оправдаться примѣромъ другихъ... она пройдетъ мимо васъ. Она сильна; она не спрячется, а выгланетъ и увидѣтъ меня... можетъ-быть, уже и узнала.

— Нѣтъ, стѣзчалъ Леонсъ: — вуаль вашъ опущенъ, и она еще малее; впрочемъ, нальво! въ Сент-Аполлинёръ! закричалъ онъ кокою, правившему лошадыи быстро и рѣшительно.

Экинажъ повернулся въ узкую и скрытую дорогу, и черезъ нѣсколько минутъ коляска маркизы проѣхала по большой дорогѣ.

— Вы видите, сказалъ Леонсъ: — что провидѣніе печется сегодня. XII. — Отд. I.

дня о васъ, воплощенное въ моемъ образѣ. Въ этихъ горахъ часто приходится далеко искать дороги, удобной для коляски, и вотъ, едва только пожелали вы бѣжать, какъ дорога явилась какъ-будто чудомъ.

— Действительно, это такъ дивно, отвѣчала леди Г., улыбаясь: — что я думаю, не пролегли ли вы ее ударомъ жезла. Да, это чудо! Что за цвѣты, что за тѣни! Удивляюсь, какъ вы обдумали все, даже и то, чтобъ порадовать насъ цвѣтами и тѣнью, которыхъ не доставало на большой дорогѣ. Эти столѣтніе каштаны, которые вы здѣсь посадили, прелестны! По всему видно, Леонсъ, что вы великій художникъ, и что не умете создавать иллюзюу.

— Вы говорите очень мило, Сабина, но вы блѣдны какъ смерть. Какъ боитесь вы мнѣнія! Чего испугались вы этой встрѣчи в опасности подозрѣнія? Никогда не думалъ я, чтобъ такая гордая и твердая женщина была такъ робка.

— Узнать другъ друга можно только въ деревнѣ, говорятъ свѣтскіе люди. Это значитъ: узнать другъ друга можно только наединѣ. Сегодня утромъ, Леонсъ, мы откроемъ другъ другу много достоинствъ и много недостатковъ, которыхъ не замѣчали еще будицъ въ другомъ. Слабость ли, или добродѣтель моя робость, — не знаю.

— Это слабость.

— И вы презираете ее?

— Охуждаю, можетъ-быть. По-крайней-мѣрѣ, я найду въ ней объясненіе утонченности вкуса, привычки къ презрѣнію, о которыхъ вы только-что говорили. Можетъ-быть, вы не отдадите себя яснаго отчета въ-самой-себѣ. Можетъ-быть, вы приписываете чрезвычайной деликатности вашихъ аристократическихъ мнѣній то, что въ сущности только боязнь порицанія и насмѣшекъ со стороны вашихъ близкихъ.

— Мои близкіе и ваши, Леонсъ, не-уже-ли вы вовсе не обращаете вниманія на мнѣнія людей? Не-уже-ли вы согласились бы, чтобъ я сдѣлала выборъ, отъ котораго должна буду кричать? Это было бы довольно-странно.

— Это было бы слишкомъ-странно, и я вовсе объ этомъ не думаю. Но смѣлае-высказанная независимость была бы, нѣтъ ли-жеется, для васъ драгоценнымъ пособіемъ, и я вижу, что этого-то въ васъ и дѣтъ. Тутъ дѣло не въ томъ, чтобъ сдѣлать выборъ въ той или другой сферѣ; я говорю только вообще, что какой бы вы ни сдѣлали выборъ, васъ всегда будетъ больше занимать, что объ этомъ скажутъ, нежели какія будутъ ваши личныя надежды.

— Не вѣрю, и это выходитъ изъ границъ жесткихъ истинъ, сонсъ. Это злое упрямство, система недобросовѣстныхъ обвиненій.

— Вотъ мы и начинаемъ уже ссориться, сказалъ Леонсъ.— Все идетъ какъ-нельзя-лучше; если я успѣю разсердить васъ, я отгону, по-крайней-мѣрѣ, скуку.

— Если маркиза слышала нашъ разговоръ, сказала Сабина, вѣрите опять ветебле:— надѣюсь, ей не за что было бы зацѣпиться.

— Но такъ-какъ она насъ не слышитъ и мы можемъ встрѣтиться еще съ кѣмъ-нибудь, то не худо прекратить это tête-à-tête окружить себя какими-нибудь спутниками.

— Ужь не сердитесь ли вы въ свою очередь, Леонсъ?

— Нисколько; но планъ мой требуетъ, чтобъ при васъ былъ изратель почтеннѣе меня. Онъ идетъ къ намъ на встрѣчу. Судьба, если не моя волшебная сила, привела его сюда.

Жюкей, по знаку своего господина, остановилъ лошадей. Леонсъ вскочилъ изъ экипажа и поспѣшилъ на встрѣчу сент-аподлинерскому священнику, торжественно шедшему у вѣзда въ деревню, требникомъ въ рукъ.

II.

— Я въ отчаяніи, что долженъ васъ обезпokoить, отецъ мой, сказалъ Леонсъ.— Если священникъ читаетъ требникъ и ему помѣшались, такъ онъ долженъ начать сначала, хотя бы остановился на предпоследней страницѣ. Впрочемъ, къ моему удовольствію, я вижу, что вы только еще на второй. Надѣюсь, вы будете столько изсходительны, не взъищете за мою невѣжливость; у меня до сихъ есть крайне-необходимое дѣло.

Священникъ вздохнулъ, закрылъ свой требникъ, снялъ очки и, тремивъ на Леонса большіе голубые, довольно-умные глаза, спросилъ:

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Съ молодымъ человекомъ, полнымъ чистосердечности, важною бизнесъ Леонсъ:— который желаетъ посоветоваться съ вами насчетъ одного очень-щекотливаго обстоятельства. Сегодня утромъ и весьма-невинно уговорилъ одну молодую даму, воиъ ту, что сидитъ въ открытой коляскѣ, отправиться со мною для прогулки въ наши прекрасныя горы. Мы оба незнакомы съ здѣшними обычаями; отношенія наши— просто братская дружба; дама почтенная и заслуживаетъ полного уваженія, но доротою ей пришла въ голову мысль, въ которой я долженъ сообразоваться. Она говоритъ, что здѣшніе жители, если увидятъ, что она одна развѣзжаетъ съ моло-

дымъ человѣкомъ, начать, пожалуй, забавляться на ее счетъ, опасеніе сдѣлаться предметомъ злыхъ толковъ овладѣло ею такъ сильно, что счастливый случай, приведшій васъ на встрѣчу, счелъ я за перстъ Провидѣнія. Я рѣшился просить васъ сдѣлать на крайнее одолженіе провести часа два или три съ нами на прогулку, или по-крайней-мѣрѣ проводить даму вмѣстѣ со мною домой. Вы, конечно, столько добры, что не лишите почтенной особы душеспасительнаго удовольствія, ибо цѣль нашей прогулки выхвалить Создателя въ созерцаніи Его творенія, прекрасной природы.

— Но, возразилъ священникъ съ недоувѣрчивостью, и пристально глядя на экипажъ:—вы вѣдь не одни; съ вами еще двое другихъ?

— Это слуги, которыхъ мы взяли съ собою по какому-то инстинкту приличія.

— Такъ чего же вамъ бояться злыхъ языковъ? Въ присутствіи слугъ нельзя дѣлать ничего дурнаго.

— Присутствіе слугъ не идетъ въ счетъ у свѣтскихъ людей.

— Напрасно такое презрѣніе къ братіямъ!

— Вы сказали истину, батюшка, и я съ вами согласенъ. Но согласитесь, что, видя, гдѣ они сидятъ, можно предположить, что я говорю дамъ вещи слишкомъ-нѣжныя, могу украдкою взять поцаловать ея руку...

— Если только въ этомъ дѣло, продолжалъ священникъ:—вамъ стоить только посадить черную-то между собою. Въ присутствіи отгонять демона злословія.

— Это не водится, отвѣчалъ молодой человѣкъ, не зная какъ справиться съ логикой старика. — Это покажется изъисканнымъ. Опасность, стало-быть, велика, подумаютъ злые люди: если они принуждены посадить между собою гадкую Негритянку? Стоитъ ли достойный пастырь, какъ вы, естественный другъ всѣхъ вѣрующихъ, и каждому понятно, почему ищутъ вашего общества.

— Вы очень-любезны, и я очень-радъ одолжить васъ, отвѣчалъ священникъ, уступая лести: — но я еще не отслужилъ обѣди, а вотъ уже и благовѣстять... Дайте сроку минутокъ двадцать или лучше зайдите отслушать обѣдню. Въ будни это не необходимость, а впрочемъ не повредитъ; потомъ позвольте мнѣ поздравить, и, если вамъ угодно, отправимся гулять вмѣстѣ.

— Мы отслушаемъ обѣдню, отвѣчалъ Леонсъ:—но потомъ тогда же увеземъ васъ завтракать въ поле.

— Тамъ завтракать плохо, живо замѣтилъ священникъ.—Въ эту живописную, но бѣдную странъ, нельзя найти ничего порядочнаго.

— У насъ съ собою въ коляскѣ превосходныя вина и кушанья, отвѣчалъ Леонсъ.— Мы сговорились-было со многими попить и погостить, и каждый долженъ былъ привезти свою часть. Но такъ

къ всѣ, кромѣ меня, измѣнили своему слову, то для насъ трое-къ заиса мой будетъ очень-достаточень.

— Извольте, сказалъ священникъ, совершенно-побѣжденный.— Вижу, вы затѣяли веселую прогулку, и безъ меня ей помѣшало бы это опасное tête-à-tête. Не хочу, чтобъ планы ваши разстроились, и поѣду съ вами, — только чтобъ недалеко: у меня и тутъ съ дѣла. Того-и-смотри что одному вздумается родиться, а другому умереть; каждый день одно и то же. Предварите же *вашу* лму; я спѣшу въ церковь.

— Ну, что? сказала Сабина, доставшая, въ ожиданіи Леонса, книгу изъ кармана коляски. Она перелистывала «Вильгельма Мейстера»... Я думала, что вы меня уже забыли, и утыпалась этою чудесною сказкой.

— Я принесъ ее для васъ, сказалъ Леонсъ: — я зналъ, что вы не читали, и что теперь вамъ это чтеніе не помѣшаетъ.

— Вы очень-внимательны; но что мы станемъ дѣлать?

— Пойдемъ къ обѣднѣ.

— Странная мысль! Вы думаете этимъ развлечь меня?

— Вамъ не дозволяется спрашивать, что я думаю, и проникать въ мои намѣренія. Какъ только «неизвѣстное» будетъ не въ словѣ моеи, вы не дадите мнѣ окончить ни одного предпріятія.

— Это правда. — Пойдемте къ обѣднѣ; на что вамъ былъ священникъ?

— Ахъ, Боже мой, вѣчные вопросы! вѣдь вы знаете, что оракулъ долженъ быть нѣмъ!

— Ваши странности начинаютъ интересовать меня. Позвольте мнѣ стараться понять?

— Сколько вамъ угодно; я увѣренъ, что вы не отгадаете.

Коляска проѣхала по селу и остановилась у деревенской церкви. Обыкновенно, во время будничной обѣдни, церковь бывала пуста; но едва только вошли въ нее благородные путешественники, какъ она наполнилась любопытными женщинами и дѣтьми. прочесть, большая часть скоро вышла опять на улицу полюбоваться лошадьми, ощупать коляску, и, главное, посмотреть на Негринку, пробуждавшую въ поселянахъ удивленіе, смѣшанное съ роніею и ужасомъ.

Дьячекъ посадилъ Сабину и Леонса на почетную скамью. Священникъ не мѣшкалъ съ обѣднею.

Леди Г взяла кончиками своихъ пальцевъ почтенный молитвенникъ, лежавшій съ другими душеспасительными книгами на скамьѣ. Она, казалось, совершенно углубилась въ благочестивыя размышленія.

Между-тѣмъ обѣдня кончилась.

— Посмотрите, художница! сказала Сабина, указывая Леоны на фигуру, стоявшую на козлахъ въ мрачной глубинѣ погребальнаго придела.

Это была молодая дѣвушка, почти ребенокъ, блѣдо, но ординарно одѣтая. Она была нехороша собою; но выраженіе лица ея было привлекательно, и въ подожженіи ея обнаруживалось какое-то странное благородство. Одинокій лучъ солнца падалъ въ широкое углубленіе, гдѣ она молилась, и освѣщала ея розовый затылокъ и чудесную блѣдно-бѣлокурую, почти бѣлую, косу, свернутую около маленькой шапочки изъ краснаго бархата съ полинявшимъ эмитомъ каймою и съ черными кружевами, какъ носилъ въ той сторонѣ. Не смотря на вѣдлый пѣвъ волосъ дѣвушки, лицо ея было стѣкло, румяно. Голубые зрачки глазъ ея ярко отбѣлились длинными золотистыми рѣсницами. Короткій профиль ея выражалъ необыкновенную энергію.

— Полно, Леонсъ, не забывайтее слишкомъ, разглядывая ее, сказала Сабина своему спутнику, который какъ-будто окаменѣлъ передъ крестьянкою: — сегодня вы должны быть заняты только мною; если вы чѣмъ-нибудь разсѣетесь, я погибла, я буду стучать.

— Глядя на нее, я думаю только о васъ. Посмотрите на нее! Надо, чтобъ вы это поняли.

— Это? Это любопытно для артиста; но я поэтъ, и мнѣ надо больше, нежели странность... Она дурна.

— Вы не знаете въ этомъ толку. Она прекрасна, въ смыслъ рѣдкаго типа, къ которому принадлежить.

— Типъ Альбиноса!

— Нѣтъ! Это краски Рубенса, съ строгимъ выраженіемъ дѣвственной Имперіи. А поза?

— Суха, какъ очеркъ старинныхъ мастеровъ. Вамъ это нравится?

— Въ этомъ есть своя грація, потому-что оно наивно и не подготовлено. Магдалина Кановы жеманится; дѣвы времени возрѣженія знаютъ, что онѣ хороши собою; первоначальные образцы всѣ изъ пѣднаго куска, выдѣлись, можно сказать, разомъ, какъ зародившая ихъ мысль.

— И окаменѣвшая ихъ... Смотрите, она окончила молитву; мы говорите съ нею, — вы увидите, что она глупа, не смотря на выраженіе своего лица.

— Ты, кажется, очень-набожна, моя милая? сказалъ Леонсъ; и вѣрно молишься въ этомъ приделѣ почему-нибудь особенному?

— Нѣтъ, сударь, отвѣчала, кланяясь, молодая дѣвушка: — я притчу здѣсь, чтобъ господинъ священникъ не видѣлъ меня.

— Отъ-чего же ты боишься, чтобъ онъ тебя не увидѣлъ? спросила леди Г.

— Онъ, отвѣчала дѣвушка: — говоритъ, что на мнѣ смертный рѣкъ.

Она сказала это такъ свободно, такъ рѣшительно и просто, что Сабина довольно засмѣялась.

— И это правда? спросила она.

— Я думаю, что онъ ошибается, отвѣчала молодая дѣвушка: — что Богъ лучше его видитъ все сердце.

Она опять поклонилась и ушла поспѣшно, потому-что священникъ, сбросивъ свою служебную одежду, появлялся изъ алтаря.

Когда путешественники спросили его объ этой дѣвушкѣ, онъ росилъ взоръ на уходящую грѣшницу, пожалъ плечами, и сказалъ съ гнѣвомъ:

— Не обращайтесь на нее вниманія: это погибшая душа!

— Странно! сказала Сабина: — съ-виду она вовсе на это не похожа.

— Теперь я къ вашимъ услугамъ, сказалъ священникъ.

Сѣлъ въ коляску, и послѣ нѣсколькихъ словъ общаго разговора, священникъ попросилъ позволенія приняться за чтеніе своего требника; скоро онъ такъ погрузился въ чтеніе, что Леонсъ и Сабина чувтились какъ-будто опять наединѣ. Дѣвъ участивости къ почтенному спутнику, который, по-видимому, не понималъ по-англійски, они начали объясняться на этомъ языкѣ, чтобъ не развлекать его.

— Этотъ строгій человекъ, погруженный въ свои молитвы, не много общается намъ удовольствія, сказала Сабина. Кажется, вы авербовали его, чтобъ наказать меня за испугъ при встрѣчѣ съ арказою.

— Можетъ-быть, я имѣлъ на это важнѣйшія причины. — Вы не отгадываетесь?

— Нѣтъ.

— Скажу вамъ, только съ условіемъ: слушать очень-серьёзно.

— Вы приводите меня въ безпокойство.

— И это уже что-нибудь да значить. — Знайте же, что я помѣнилъ между нами третье лицо, чтобъ предохранить самого-себя...

— Отъ-чего бы это?

— Отъ опасности, скрывающейся для молодыхъ людей во всякомъ разговорѣ о любви.

— Говорите за себя, Леонсъ; я не замѣчала этой опасности... мы общались не допуская до меня скуки; я полагалась на ваше слово; я была спокойна.

— Вы насмѣхаетесь? Это слишкомъ-легко. Вы общались бытъ-быть серьёзною.

— Извольте, я серьёзна; серьёзна, какъ этотъ свинецникъ. — Что вы хотѣли сказать?

— Что наединѣ съ вами я могъ прійти въ волненіе, потерять спокойствіе духа, отъ котораго зависитъ сегодня моя власть надъ вами. Я взялся за дѣло магнетизѣра, я усыплю вашу обычную раздражительность. А главное условіе магнетической силы, — вы знаете, — совершенное равнодушіе, напряженіе воли къ мысли о духовномъ владычествѣ: это — отсутствіе всякаго душевнаго движенія, чуждаго проявленію таинственнаго вліянія. Могло случиться, что я не выдержалъ бы, самъ подчинился бы силѣ вашего взгляда, вашему голосу, — словомъ, вашей магнетической силѣ, и тогда роли измѣнились бы.

— Что это? признаніе, Леонсъ? — спросила Сабина съ восторжескою гордостью.

— Нѣтъ, совершенно-противное, отвѣчалъ онъ спокойно.

— Такъ, можетъ-быть, дерзость?

— Нисколько. Я вашъ давнишній другъ, другъ не шутя, несмотря на то, что вы странная, иногда даже несправедливая женщина. Мы знаемъ другъ друга съ-дѣтства: привязанность наша была всегда чистою и теплою. Вы питали ее чистосердечно, а съ самоотверженіемъ. Немногіе изъ мужчинъ друзья мнѣ до такой степени, какъ вы, и ни съ кѣмъ изъ нихъ не бесѣдую я такъ охотно, какъ съ вами. Иногда, однакожь, вы причиняете мнѣ какое-то непреодолимое страданіе. Теперь не время разыскивать причины: это внутренняя задача, которую я еще не старался разрѣшить. — Вѣрно только то, что я не влюбленъ въ васъ, и не былъ влюбленъ. Не входя въ объясненія, которыя были бы, можетъ-быть, слишкомъ-вольны послѣ того, что я сказалъ вамъ, — думаю, вы понимаете, почему я долженъ избѣгать душевнаго волненія вблизи такой прекрасной женщины.

— Довольно, Леонсъ, отвѣчала Сабина, поправляя кружевъ у рукавовъ, затѣмъ только, чтобъ наклонить голову и скрыть краску на своемъ лицѣ. Этого слишкомъ-довольно. Въ вашихъ мысляхъ есть что-то для меня оскорбительное.

— Утверждаю, что вы этого не докажете.

— Не стану и пробовать. Ваша совѣсть должна говорить мнѣ это.

— Она молчитъ. Лучшее доказательство моего къ вамъ уваженія то — что я прогоняю любовь изъ моихъ мыслей.

— Любовь! она очень-далеко отъ вашего сердца! То, чего вы, по вашему мнѣнію, должны бояться, мало льститъ мнѣ; я не старая кокетка и не могу этимъ чваниться.

— Однакожь, будь это любовь, любовь сердца, какъ вы помните ее, вы разсердились бы еще больше.

— Огорчилась бы, можетъ-быть, потому-что не могла бы отступить ей; но разсердило бы меня это гораздо-меньше вашего признанія въ неопредѣлимомъ страданіи.

— Будьте откровенны, другъ мой; вы даже и не огорчились ли: вы смѣялись бы, и только.

— Вы обвиняете меня въ кокетствѣ? вы не имѣете на это права: что можете вы знать, никогда меня не любивъ и никогда не дѣвъ, чтобъ я кого-нибудь любила?

— Послушайте, Сабина! Я не старался понравиться вамъ — это рино. Многіе пытался, но безуспѣшно. Почему мнѣ знать, удалось ли кому-нибудь вдохнуть въ васъ любовь? Впрочемъ, однажды, въ минуту грусти и откровенности, вы признались мнѣ въ ономъ... не знаю только, не похвастали ли вы. Еслибъ я далъ вамъ нѣтъ, что я способенъ любить пламенно, вы, можетъ-быть, узнали бы, что я заслуживаю больше, нежели вашу дружбу. Не, гоубъ дать вамъ это понять, должно было бы или дѣйствительно любить васъ пламенно, чего нѣтъ, или притворяться и упиваться собственными словами. Это недостойно моей благородной къ вамъ привязанности — и я не унился до такихъ уловокъ. Или пришлось бы рассказать вамъ тайны моей жизни, изобразить мой истинный характеръ, словомъ хвалиться... фи! и быть непонятымъ, осмѣяннымъ!.. Справедливое наказаніе дѣтскаго тщеславія! Прочь отъ меня такой стыдъ!

— Да въ чемъ вы оправдываетесь, Леонсъ? Развѣ я жалуюсь, что вы пытаете ко мнѣ только дружбу? Развѣ я желала когда-нибудь другаго?

— Нѣтъ; но я наблюдаю за собою тинательно, и не разгадавъ меня, вы могли заключить изъ этого, что я грубое животное.

— Къ-чему это наблюденіе, когда нечего бояться? Любовь свободна. — Она достигаетъ вдругъ, она не разсуждаетъ, ей нѣ для чего задавать себѣ вопросы и оглядываться, составлять планы аттаки и отступленія: она измѣняетъ себѣ, и эта минута — минута торжества ея.

— Хорошій урокъ, подумалъ Леонсъ: — и этотъ урокъ даетъ мнѣ она!.. Онъ почувствовалъ необходимость подавить свою досаду и отвѣчалъ, сжавъ руку Сабинны съ выраженіемъ спокойно-теплаго чувства:

— Вы видите, милая Сабина, что любви между нами быть не можетъ; въ нашихъ сердцахъ нѣтъ для насъ ничего новаго, ничего тайнаго; мы слишкомъ-хорошо знаемъ другъ друга, — мы какъ братъ и сестра.

— Какъ знаете, сказала гордая леди, отнимая свою руку. — Братья и сестры никогда не знаютъ другъ друга, потому что интимнѣе и глубочайше пункты души ихъ никогда не соприкасаются. Не говорите, что мы слышимъ — хорошо знаемъ другъ друга, вы и я; я утверждаю, напротивъ, что вы меня не знаете, и никогда не будете знать. Вотъ почему я не сердилась, а улыбалась на все жесткое, что вы сказали мнѣ сегодня утромъ. И знаете ли, но мнѣ лучше и васъ не знать короче. Были вы хотите сохранить свою магнетическую силу, побольте мнѣ вѣрить, что въ сердцахъ вашихъ скрываются сокровища страсти и влеченія, которыхъ наша мирная дружба только гнѣ.

— Еслибъ вы этому вѣрили, вы любили бы меня, Сабина! И убѣждены, что вы этому не вѣрите.

— Я могла бы сказать вамъ то же. Слыдуетъ ли изъ этого, что вы потому только престо друзья, что не очень-большого мѣста другъ о другѣ?

— Она падла за живое, подумалъ Леонсъ: — настала минута возненавидѣть или полюбить другъ друга.

— Я думаю, сказала священникъ, закрывая свой трюфель: — что ми отъкажи довольны, и не мѣшало бы, если вамъ это непротивно, перекусить чего-нибудь.

— Тамъ было, сказалъ Леонсъ: — что вотъ, въ двухъ шагахъ надъ нами, тѣнитая площадка скалы, откуда видъ долженъ былъ чудесный.

— Какъ! Тамъ? воскликнулъ священникъ, человекъ довольно-молчаливъ: — вы хотите лѣзть на Зеленую-Скалу? Да лучше жерасположитесь вотъ здѣсь, у дороги, подъ этими слями.

— Отсюда нѣтъ никакого вида, сказала леди Г., весело взявъ стараго священника подъ руку: — а какъ въ горахъ обойдѣтся безъ вида?

— Когда завтракаешь, очень-легко, отвѣчалъ священникъ, съ дуломъ, впрочемъ, за леди.

Шокой отвезъ экипажъ подъ тѣнь елей, и скоро сошлось много локошинокъ ланормить лошадей и отгонять мухъ. Это были маленькіе пастухи, разсыянные по горамъ; въ одно мгновеніе они собрались около нашихъ путешественниковъ, какъ туча любопытныхъ и голодныхъ птицъ. Одинъ взялъ изъ шарабана подушки, чтобы разложить ихъ для собесѣдниковъ на скалы, другой повнесъ напитки съ дичиной, третій вина; каждый хотѣлъ отнести или разбить что-нибудь. Подевая закуска скоро была приготовлена на Зеленой-Скаль, и священникъ, замѣтивъ, что кушанья сочны и роскошны, стеръ лицо и весело перевелъ духъ. Надѣли оборванныхъ наживъ и прислугу; кушанья было довольно для всѣхъ. Леонсъ распор-

даса не на-половину: она, вѣдалась, предвидѣть, на какой жадуецъ подойдетъ. Сабина очень повеселѣла и пришла въ, что уже давно не чувствовала такого аппетита. Леонсъ, поводитывая всѣхъ, являясь есть самъ, какъ вдругъ дѣти, видѣвши группю поодаль, пришли въ движеніе, начали прыгать и прыгать, сильно размахивая руками, какъ-будто прельщая: «кто-то изъ глубины рва: «Птица! птица!»

III.

— Молчите вы, глупецъ аэроді-і сказалъ священникъ:— не зовите юда этой дурь; что намъ въ ее фокусахъ!

Но дѣти его не слушали и продолжали свать и дѣлать зна-и. Сабина оклонилась на край скалы и увидѣла необыкновенное явленіе. Молодая дѣвушка выбиралась по крутому скату на Валу-ую-Скалу, и буквально подвигалась среди тучи порхавшихъ около нея птицъ; одѣ клеваля ей волосы, другія садялись ей на плеча; золотенкіе птенцы прыгали за нею по весну. Вотъ, казалось, испорчили другъ у друга удовольствіе: коснуться ее и нахлобачили воздухъ криками радости и нетерпѣнія. Когда молодая дѣвушка приблизилась, и ее можно было разглядѣть сквозь порхающую свиту, Леонсъ и Сабина узнали блонкурую дѣвушку съ румяными щеками и блѣдно-золотистыми волосами, которую часъ тому назадъ видели въ церкви.

Тогда священникъ тоже наклонился надъ рвомъ и звонкимъ при-казывалъ ей удалиться.

Она остановилась, и птицы въ испугѣ разлетѣлись по деревьямъ, рощамъ вдалѣ тростника.

Впрочемъ, просьбы леди Г. умѣрили гнѣвъ аббата, и онъ рѣшился закрыть дѣвущикъ:

— Ну, такъ и бывъ, ступай, цыганка! ступай, потѣшь господъ наши глупостями!

Молодая дѣвушка держала въ руцѣ горсть сѣменя; она бросила ихъ назадъ какъ-можно-дальше, и съ такою ловкостью, какъ-будто просто сдѣлала повелительный знакъ птицамъ, начинав-шимъ опять къ ней слетаться. Онъ всѣ забилъсь подъ кустарникъ, на который она какъ-будто указала имъ, и занятый отыскиван-іемъ сѣменя, затихли, вѣдалось, по ея приказанію. Дѣтей не об-манула эта уловка, но Сабина имѣла полное удовольствіе повѣрить всему.

— Вотъ она, эта закоренѣлая грѣшница! сказалъ Леонсъ, про-глядя ей руку, чтобы помочь взобраться на площадку скалы,

очень-крутой въ этомъ мѣстѣ. Но она вскочила съ легкостью молодой серны и, поднявъ обѣ руки ко лбу, попросила позволенія поработать.

— Показывай живые, лэвинница, что ты называешь своей работой! сказала священница.

Она подошла къ лэтамъ и попросила ихъ придержать съестныя собакъ и не трогаться съ мѣста; потомъ она взяла съ плеча шерстяную мантилью и, взобравшись на сосѣднюю скалу, еще выше Зеленой, начала махать надъ головою въ воздухъ красной матеріей, какъ знаменемъ. Въ ту же минуту изъ всѣхъ окрестныхъ кустарниковъ помчалась къ ней туча разныхъ птицъ: воробьи, вѣсички, конюшанки, свирии, дрозды, дикіе голуби и даже нѣсколькосточекъ съ раздвоенными хвостами и широкими черными крыльями. Она играла съ ними нѣсколько минутъ, отгоняла ихъ, дѣлала разные жесты, махала мантильею, какъ-будто желая испугать ихъ; ловила ихъ на лету и бросала ихъ въ воздухъ; но онѣ лнули къ ней опять съ тою же любовью. Ясно доказавъ, до какой степени она неограниченная и любимая невеличательница этого вольнаго народа, дѣвушка покрыла мантильею голову, легла на землю и притворилась снающею. Птицы съѣли на снащую, забываясь въ складки ея одежды, были какъ-будто намагнетизированы ея очами. Наконецъ, вставъ, она повторила свою удочку и, посредствомъ новой нищи, заставила ихъ улетѣть въ кустарникъ, гдѣ онѣ встали и перестали шевелиться.

Во всей этой пантомимѣ было что-то столь граціозное и впечатлѣтельное, власть ея надъ живыми воздухомъ казалась столь чудесною, что эта маленькая сцена доставила путешественникамъ большое удовольствіе. Негритянка была увѣрена, что это волшебство.

— Право, это маленькая волшебница! сказала Сабина, поднимая ее къ себѣ. — Объявляю вамъ, Леонсъ, что я примирилась съ золотыми рѣсницами. *Мильона* повредила ей въ носѣ воображеніемъ. Я желала, чтобъ она была брюнетка и играла на гитарѣ; и теперь я признаю эту брелокуру деревенскую *Мильону*, и волшебная сцена ея съ птицами нравится мнѣ не меньше *пласки* лэвинницы. Скажи мнѣ, милая, во-первыхъ, какъ тебя зовутъ?

— Мадена Мелезъ, къ вашимъ услугамъ, отвѣчала птичница.

— Прекрасное имя; оно довершаетъ твои достоинства. Садись здѣсь, возьми меня, и позавтрачай съ нами; только чтобъ твоей пощадной народъ не явился на истребленіе завтрака, какъ чума степская.

— О! не бойтесь, сударыня; мои дѣти не приближаются ко мнѣ, когда другіе люди близко.

— Въ такомъ случаѣ, если ты не хочешь бросить своего рем-

на и насуннаго хлѣба, строго провѣсь священникъ:—свѣту тебѣ порѣже прогуливаться съ разными праздномыслящими народомъ; эти нерелетныя птицы до того наругаютъ настоящихъ; что онѣ не будутъ узнавать тебя, Маддеца.

— Погѣрите, васъ обманули, г. священникъ, отвѣчала птичница. — Со мною ходить гулять только одинъ, и то недавно. Мы всегда только однимъ вамъ солагали, если сказали другое.

Серьезный тонъ отвѣта развеселилъ Леонса и рассердилъ священника.

— Какое отвѣтъ! сказалъ онъ. — Покорно прошу съискать кого-нибудь дерзче!

Птичница устремила на разгѣваннаго священника голубые какъ жюры глаза и онѣмѣла отъ изумленія.

— Мнѣ кажется, вы очень ошибаетесь на счетъ этой дѣвочки, сказала Сабина священнику. — Ея удивленіе и смѣлость—доля чистоты души, которую вы помутите своимъ дурнымъ вѣніемъ. Позвольте сказать вамъ, г. священникъ, что вы, конечно, съ добрымъ намѣреніемъ, всеми силами стараетесь дать ей помяте о мѣ, котораго нѣтъ въ ней.

— Вы ли это говорите? отвѣчалъ въ-полголоса священникъ:—мы, которая изъ благоразумія и добродѣтели не хотѣли оставаться съ-глазу-на-глазъ съ этимъ благороднымъ человѣкомъ, не смотря на его чистое чувство и сосѣдство слугъ?

Сабина посмотрѣла на священника съ удивленіемъ, и потомъ на Леонса съ упрекомъ и насмѣшкою. Она прибавила съ благородною откровенностью:

— Если вы такъ понимаете причину, заставившую насъ искать этого сообщества, это подтверждаетъ мое мнѣніе объ этой дѣвочкѣ: ея помыслы чище нашихъ.

— Чисты сколько вамъ угодно! отвѣчалъ священникъ. — Но позвольте возразить вамъ, что избытокъ невинности величайшая опасность для подобныхъ дѣвочекъ, живущихъ, какъ прійдется, въ-терѣ. Первый встрѣчный можетъ употребить во зло ея невинность, и этого съ ней и случится, если ужъ не случилось.

— Въ такомъ случаѣ, ваши подозрѣнія смутили бы ее; а она только пугается вашихъ угрозъ. А между-тѣмъ, сказала Сабина:—спрайте для меня одолженіе, о которомъ я васъ попрошу.

— Какъ отказать вамъ въ чемъ-нибудь? отвѣчалъ онъ: — конечно, если просьба ваша христіанская и благоразумная!

— Вы помирите предварительно съ птичницей, продолжала она Г. — Я беру ее подъ свое покровительство; вы перестанете опятъ ее, перестанете говорить ей угрозы, рѣчи; вы предостави-

те мнѣ неоглядать ее кротко, потише, и будете къ ней строги или снисходительны, смотря по ея заслугамъ; смотря по отчету, который я вамъ дамъ.

— Согласенъ, отвѣчалъ священникъ. — Ну, скажи онъ, обращаясь къ Мадленѣ, разговаривавшей съ Леонсомъ: — на сегодня я тебя прощаю и позволяю тебѣ придти завтра къ повелѣдѣ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы съ этой минуты ты исполнила все приказаніе благородной и добродѣтельной дамы, которой угодно принять въ тебѣ участіе и помочь тебѣ выйти изъ пучины грѣховной.

Слова эти опять принесли Мадлену въ изумленіе и замужствіе; но, будучи довольна ласковостью пастыря и особенно вниманіемъ благородной дамы, она поклонилась ему, а ей поцеловала руку. На вопросъ Леонса, какъ приобретаетъ она любовь и довѣреніе птицъ, она не хотѣла отвѣчать подробно, и сказала только, что знаетъ тайну.

— Полно, Мадлена, это нехорошо, сказалъ священникъ: — если ты хочешь, чтобы я совсемъ простилъ тебя, надо, во-первыхъ, разстаться съ ложью. Поддерживать суевѣріе, особенно для своей пользы, тяжкій грѣхъ. Къ-тому же, здѣсь ты ничего этимъ не выиграешь. На ярмаркахъ, куда ты бѣгаешь показывать свое искусство (конечно, не съ моего согласія, ибо благочестивой дѣвушкѣ не пристало такое бродяжничество), тамъ, пожалуй, улярай простаконъ, что ты умѣешь приговаривать всякую пролетную птицу и удерживать ее сколько тебѣ угодно. Но вотъ эти маленькіе земляки твои очень-хорошо знаютъ, что въ нашихъ горахъ, гдѣ птицы рѣдкіи и гдѣ ты то-и-дѣло рыщешь, ты отыскиваешь каждое гнѣздо, едва только его сошьютъ, вытаскиваешь птенцовъ и заставляешь ихъ родителей прилетать кормить дѣтей своихъ къ тебѣ на колыни. Они знаютъ, съ какимъ терпѣніемъ проставляешь ты по цѣлымъ часамъ неподвижно какъ статуя или дерево, чтобы онъ привыкли къ тебѣ и перестали бояться. Знаютъ, какъ, слѣлавшись ручными, онъ повсюду слѣдуютъ за тобою въ ожиданіи корма, и приводятъ съ собою дѣтей, по мѣрѣ того, какъ дѣти подрастаютъ, слѣдуя въ этомъ удивительному инстинкту памяти и привязанности, которымъ многія породы особенно одарены. Колдовства тутъ нѣтъ никакого. Каждый изъ насъ могъ бы дойти до того же, еслибъ такъ же, какъ ты, мы не любили благородныхъ занятій и полезной работы. Итакъ, не разыгрывай роли волшебницы и вдохновенной, подобно нѣкоторымъ знаменитымъ обманщикамъ древности. Что касается до этихъ благородныхъ особъ, не надѣйся обмануть ихъ. Съ ихъ умомъ и образованіемъ нельзя повѣрить, чтобы такая кукла, какъ ты, была одарена сверхъестественною властью.

— Послушайте, господинъ священникъ, сказала леди Г.: — вы могли сказать ничего для меня непріятнаго, не могли приблизить и проколѣли о суевѣріи больше нектати. Ваши изъясненія чужды поэзіи, а я во сто разъ охотѣе готова вѣрить, что это таинственный даръ, нежели охладить свое воображеніе насильною дѣйствительностью. Утѣшся, сказала она птичницъ, которая плакала въ досаду и смотрѣла на сплоченника съ какою-то наивностію и ордымъ негодованіемъ: — мы вѣримъ, что ты волшебница, и пооряемъ чудесамъ твоимъ.

— Къ-тому же, изъясненія господина-священника не возмѣняютъ ничего, сказала Леонса. — Они выставляютъ факты, не раскрывая причинъ. Чтобъ до такой степени сдѣлать ручными существа волшебныя и по натурѣ своей дикія и нугавныя, на это надо имѣть особенный даръ, родъ исключительнаго магнетизма. Каждый изъ насъ изъ успѣха посвятилъ бы себя подобному воспитанію, тогда-каки вѣстивенная судьба истинника открыла тайну этой дѣлушкѣ.

— Да! да! воскликнула Мадлена, и глаза ея засверкали, даято она вполне могла понять доводы Леонсы. — Я утверждаю, что господинъ-священникъ не приучитъ къ себѣ и курчмы во дворахъ, а я приучаю и орловъ.

— Орловъ? ты? сказалъ священникъ, задѣтый громкимъ смѣхомъ Сабины. — Вздоръ! Орла не приучишь какъ жаворонка. Вотъ что выходитъ изъ пустыхъ занятій и страныхъ притязаній: начинаютъ лгать, какъ ты теперь лжешь.

— Извините, батюшка! сказала молодой пастухъ, слушавшій разговоръ благородныхъ собесѣдниковъ, и выступавшій изъ толпы людей. — Съ некотораго времени, Мадлена приучаетъ орловъ, Я имъ видѣлъ. Духъ ея становится все сильнѣе, и скоро она будетъ приучать медвѣдей, я увѣренъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! возразила птичница съ какимъ-то ужасомъ и отвращеніемъ, обнаружившимся во всѣхъ чертахъ лица ея. *Духъ мой ладитъ только съ тѣмъ, что летаетъ въ воздухѣ.*

— Ну! что я вамъ говорилъ? сказалъ Леонса, пораженный этими словами. — Она чувствуетъ, хоть и не можетъ отдать въ томъ счетѣ ни себя, ни другихъ, что непреодолимое средство привлекаетъ къ ней вѣстивыя существа. Эти тайныя отношенія — въ нихъ глазахъ неопытныхъ, потому что мы не можемъ открыть естественнаго закона ихъ, и міръ физическихъ фактовъ полонъ таинствъ ускользнувшихъ отъ насъ чудесъ. Повѣрьте, господинъ-священникъ, дьяволъ не участвуетъ въ этихъ явленіяхъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ священникъ, довольствуясь этимъ изъясненіемъ. — По вашему мнѣнію, следовательно, существуютъ неопредѣленныя отношенія между различными организаціями? Можете-

быть; эта дѣвушка испаряетъ изъ себя птичій запахъ, ощущаемый только для тонкаго обонянія птицъ?

— Вѣрно то, сказала смеясь Сабина: — что у ней птичій профиль. Изогнутый носикъ, живые выщуклые глаза, подвижныя бѣлыя рѣсницы; прибавьте къ этому ее легкость, проворность какъ крылья руки, тонкія и хрупкія какъ птичьи лапки ноги, — вы увидите, что она похожа на орла.

— Какъ вамъ угодно, сказала Мадлена, которая, казалось, была одарена быстрою понятливостью и понимала все, что говорили и ее счетъ. — Но я имѣю даръ не только заставлять любить себя, и не понимать; это — знаніе, и другіе не узнаютъ того, что и знаю. Кто изъ васъ скажетъ, въ какой часъ можно и въ какой мѣстѣ заставить повиноваться себя? какой крикъ будетъ слышенъ очень далеко? въ какое мѣсто надо стать? какихъ вліяній надо избегатьъ, какое время благоприятно?

— Она не глупа, сказалъ священникъ, который въ душѣ былъ человекъ добрый — но это бѣсовскій умъ, и когда-нибудь имъ придется изгнать изъ нея бѣса. Между-тѣмъ, Мадлена, позови своихъ орловъ.

— А гдѣ ихъ взять теперь? отвѣчала она лукаво. — Знаете вы, гдѣ они, господинъ-священникъ? Если знаете, скажите, и я поеду приведу ихъ.

— Ступай сама; ты же хвастаешь, что знаешь.

— Они тамъ, куда я не могу теперь идти. Вижу, господинъ священникъ, что вы этого не знаете. Но если вамъ угодно отправиться сегодня вечеромъ со мною, при закатѣ солнца, и если вы не боитесь, я покажу вамъ кое-что, что васъ удивитъ.

Священникъ пожалъ плечами, но пылокое воображеніе Сабини привязалось къ этой выдумкѣ. — Я пойду! воскликнула она. — Я хочу испытать страхъ, хочу прійти въ изумленіе...

— Тихе! шепнулъ ей на-ухо Леонсъ: — вы еще не получили отъ меня позволенія, вы же больная.

— Прошу его уступить, я торгаю его, любезный докторъ.

— Посмотримъ; и разспрошу волшебницу и рѣшу, какъ мнѣ будетъ угодно.

— Я рассчитываю на ваше желаніе, на ваше обещаніе мѣнять меня. А между-тѣмъ, не отправиться ли въ виллу, посидѣть, какъ изволитъ почивать милордъ Г.?

— Если вы хотите поступать по-своему, я беру отставку.

— Избави Богъ! До-сихъ-поръ, я не скучала ни минуты. Расперижайтесь же какъ вамъ угодно; только куда бы вы ни поехали, позвольте взять съ собою птичницу.

— Я самъ это полагаю. Не-уже-ли вы думаете, что она явилась здѣсь нечаянно?

— Такъ вы ее знаете? Вы приказали ей прійти сюда?

— Не спрашивайте меня.

— Вивовата, забыла! Ваши тайны при васъ; надюсь, что это еще не все?

— Конечно нѣтъ; объявляю вамъ, что день не пройдетъ для насъ безъ волненій, которыя не дадутъ заснуть вамъ ночью.

— Волненія! Ахъ, какое счастье! воскликнула Сабина. — И долго буду я ихъ помнить?

— Всю жизнь, сказалъ Леонсъ съ важностью, уже непохожею на шутку.

— Станный вы человекъ! продолжала она. — Подумаешь, что вы верите въ свою власть надо мною, какъ Мадлена въ свою власть орлами.

— Вы горды и хищны, какъ эти царя воздуха, а я одаренъ, можетъ-быть, тонкою наблюдательностью, терпѣнiемъ и хитростью зданы.

— Хитростью? Вы пугаете меня.

— Этого-то я и хочу. До-сихъ-поръ, вы смѣялись надо мною, абыла, именно потому что не знали меня.

— Я? сказала она, нѣсколько-встревоженная страннымъ оборотомъ мыслей Леонса. — Я не знаю друга моего дѣтства, моего сальеге сегенте? Это такая же правда, какъ говорить мнѣ, что я очу надъ вами смѣяться.

— Вы сказали, однакоже, что братья и сестры никогда друга друга не знаютъ, потому-что живѣйшіе и глубочайшіе пункты ихъ существа никогда не соприкасаются. Намъ разделяетъ тайна, глупая какъ эти пропасти; вы никогда не будете знать меня, скажи вы? Сегодня, говорю вамъ, я узнаю васъ и останусь для васъ незнаемымъ. Это значить, прибавилъ онъ, видя недоверчивость и страхъ на лицѣ Сабинны: — что я рѣшаюсь любить васъ больше, нежели хочу, и не могу имѣть притязанiя на вашу любовь.

— Лишь-бы мы остались друзьями, Леонсъ, сказала леди Г., почувствовать вдругъ тоску, которой сама себя не умѣла изъяснить: — позволю вамъ продолжать эту шутку; если же нѣтъ, я иду въ возвратъ въ виллу.

— Если вы этого требуете, повинуюсь; я снова дѣлаюсь свѣтлымъ человекомъ, и оставляю чудесное леченіе, начатое съ вашего позволенія.

— И за которое вы все-таки отвѣчаете! А жаль будетъ...

— Я еще могу отвѣчать за него, если вы не будете противить. Полное, неслыханное преобразование можетъ совершиться сего-дня. — Отд. I.

годня въ вашей нравственной и умственной жизни, если вы вечера отречетесь отъ собственной воли.

— Какъ сильно должна я доверять вашей чести, чтобы подняться до такой степени!

— Считаете вы меня способнымъ употребить во зло эту добродетель? Вы можете возвратиться въ виллу съ священникомъ, а я уйду въ горы искать не столько благоразумныхъ и податливыхъ орловъ:

— Съ Мадленой, конечно?

— Почему жь нѣтъ?

— Такъ знайте же, что дружба бываетъ ревнива не хуже любви; вы не пойдете безъ меня.

— Такъ вздемте!

— Вздемъ!

Леди Г. встала какъ-то порывисто и взяла птичницу изъ руку, какъ-будто схватила добычу: Въ одно мгновеніе дѣти спешатъ обратно въ коляску всѣ вещи. Побѣда была выиграна и уложена какъ-будто волшебною силой. Негритянка, подобно хлопотливой хозяйкѣ виллы, распорядилась укладкой; щедрость Леонса привела къ самымъ лѣнливымъ и ловкость самымъ пеловкимъ. — Мнѣ кажется сказала Сабина, глядя на ихъ бѣготню: — что я на фантастическомъ свадьбѣ сказки: *Gracieuse et Percinet*; странствующая принцесса открыла въ лѣсу волшебную коробочку, и вотъ выскочили изъ нея миниатюрные поваражки и всякаго сорта прислуга; завертели вертелъ, запыхалъ огонь, и чудесный завтракъ, среди плясокъ, поданъ веселой толпѣ Лиллинутовъ точь-въ-точь какъ этъ деревенскіе пажы.

— Апологъ вашъ въ настоящемъ случаѣ вѣрнее, нежели вы думаете, отзывалъ Леонсъ: — Вспомните хорошенько эту малую фантазію, которой не превзошелъ и Гофманъ. Была минута, когда принцесса *Gracieuse*, наказанная за свое безпокойное любопытство силою самаго волшебства, которымъ не могла управлять, видитъ, какъ въ маленькое очарованное общество разбѣгаются и исчезаютъ въ воздухѣ. Повара уносятъ дымящійся вертелъ, музыканты—сиринки, новобрачный увлекается за собою свою жену, родители ворчатъ, гости смѣются, слуга старается, всѣ бѣгутъ и насмѣхаются надъ принцессой, которая наконецъ старается остановить, собрать ихъ своими прекрасными ручками. Они бѣгутъ, какъ проворныя муравьи, проскользаютъ между пальцами, разбѣгаются и исчезаютъ подъ мохомъ и фиалками, которыя для нихъ—какъ свисательная чаша, какъ проходившій лѣсъ. Крѣпость остается пустою; и *Gracieuse*, въ ужасѣ, готова снова пасть въ власть злыхъ духовъ. Варугъ...

— Вдругъ, милый Леонсъ, я хочу сказать всезнающий принцъ Регинетъ, перебила его Сабина: — любимецъ добрыхъ волшебницъ явится къ ней на помощь и ударомъ прутини заставляетъ возвратиться въ коробочку родителей и невозвратныхъ, повара, солъ и верталь, скрипачей и скрипки.

— И тогда онъ сказалъ ей, продолжалъ Леонсъ: — Знайте, принцесса, что вы не умѣете управлять міромъ своихъ фантазій; вы палкой горстью разсыпаете ихъ по сухой почвѣ действительности, а тутъ онѣ ускользаютъ отъ васъ и ивмѣняютъ вамъ, иному-то онѣ проворнѣе и ловче васъ. Безъ меня онѣ исчезли бы аль наскромое, за которымъ глазъ не поспѣваетъ въ тайственныхъ убѣжища среди листьевъ и травы; вы очутились бы бди со гражомъ и раскаянентъ, среди пустынного, разочарованнаго мѣста. Исчезли бы и свѣтлая тѣнь, и шумящія водопады, и ароматные мѣты; ни пѣсень, ни плясокъ, ни смѣха на зеленой Муравь. Не имолаъ бы только вѣтеръ, свистящій въ голыхъ Чинарахъ; и далекій вой хищныхъ звѣрей, возносящійся въ воздухъ съ кровавою пядою ночи. Но, благодаря мнѣ, котораго вы никогда не будете просить напрасно, всѣ ваши сокровища возвращены въ магическій ящикъ, и мы можемъ продолжать путь нашъ, будучи увѣрены, что найдемъ ихъ по первому желанію, на первомъ рождѣньѣ въ царствѣ сновъ.

IV.

— Чудесная сказка! непременно расскажу ее на посидѣлкахъ, казала птичница, которую Сабина все еще держала за руку.

— Принцъ Регинетъ! воскликнула леди Г., взявъ другою рукою руку Леонса и сѣдша съ нимъ въ ждавшею ихъ коляскѣ: — вы мой добрый гевій, и я предаюсь вашей дивной мудрости.

— Надвюсь, сказалъ священникъ, садясь съ Сабинною въ задъ яски, между-тѣмъ, какъ Леонсъ и Мадлена заняли мѣста впереди: — надвюсь, мы ѣдемъ обратно въ Сент-Аполлинеръ? Я увѣренъ, что прихожане уже ищутъ меня...

— Да будетъ воля ваша, любезный пасторъ, отвѣчалъ Леонсъ, явля приказаніе жокею.

— Что это? сказала Сабина черезъ нѣсколько минутъ: — мы ѣдемъ по той же дорогѣ, и должны смотреть опять на тѣ же мѣста?

— Будьте спокойны, отвѣчалъ Леонсъ, указывая на священника, глубоко заснуваго при третьемъ оборотѣ колеса. Мы ѣдемъ уда намъ угодно. — Направо! сказалъ онъ, обращаясь къ молодому автомедону: — куда я говорилъ прежде!

Жокей повинувался; священникъ захрапѣлъ.

— Ну, милая, расскажи-ка мнѣ свою исторію и исповѣдайся въ грѣхѣ, сказала Сабина, взявъ птичку съ непобѣдимого граціею за обѣ руки. — Леонсъ, не слушайте: это женскія тайны.

— О! они могутъ слушать, съ увѣренностью отвѣчала Маделена. — Грѣхъ мой не такъ великъ, и тайна не такъ велика, чтобъ я не могла говорить о ней свободно. Еслибъ г. священникъ и имѣлъ привычку прерывать меня на каждомъ словѣ и бранить вмѣсто того, чтобъ выслушать, онъ, можетъ-быть, не былъ бы и меня такъ сердитъ, или по-крайней-мѣрѣ растолковалъ бы мнѣ: что такъ сердится. У меня есть добрый другъ, прибавила она, обращаясь къ Сабинѣ: — вотъ въ чемъ все дѣло.

— И обсудить важность этого дѣла не такъ легко, какъ кажется, сказала лэди Г. Леонсу. Эта чистота дѣлаетъ вопросы вѣдательными.

— Меньше, нежели вы думаете, отвѣчалъ онъ. — А крѣпко ли тебѣ любить, Маделена?

— Такъ же, какъ я его.

— А ты не слишкомъ его любишь? спросила лэди Г.

— Слишкомъ? отвѣчала Маделена: — странный вопросъ! Я люблю его сколько могу; не знаю, слишкомъ ли это много или слишкомъ-мало.

— Сколько ему лѣтъ? спросилъ Леонсъ.

— Не знаю. Онъ говорилъ мнѣ, да не помню. Онъ по-крайней-мѣрѣ... постойте!... лѣтъ десять старше меня. Мнѣ четырнадцать стало-быть, ему двадцать-четыре или двадцать-пять, не такъ ли?

— Въ такомъ случаѣ, опасность велика. Тебѣ еще рано выходить замужъ, Маделена.

— Дá, надо подождать еще годъ или два. Это скоро пройдетъ.

— Однако, другъ твой, должно-быть, ждетъ этого съ нетерпѣніемъ?

— Нѣтъ! онъ объ этомъ не говоритъ.

— Твѣ хуже! А ты такъ же спокойна?

— По-неволѣ; я не могу заставить летѣть время, какъ заставляю летать птицъ.

— Что жь, вы думаете жениться?

— Право, не знаю; мы объ этомъ не говорили.

— Такъ ты объ этомъ и не думаешь?

— Нѣтъ еще, потому-что мнѣ еще рано.

— А если онъ не женится на тебѣ? спросила лэди Г.

— О, это невозможно! Онъ меня любитъ.

— И давно? продолжала Сабина.

— Съ недѣлю.

— *Oimé!* сказала Леонсь: — и ты уже так уверена въ немъ?

— Разумѣется; онъ сказалъ, что любитъ меня.

— И ты всеми такъ вѣришь, кто говоритъ тебѣ о любви?

— Да онъ только одинъ говорилъ мнѣ, и только ему я и повѣрю во всю свою жизнь, потому-что люблю его.

— Г. священникъ говоритъ, что никто не знаетъ моего милаго, что это какой-нибудь негодяй. Это очень-просто: онъ не здѣшній, ѣдетъ черезъ наше село; у него нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, — некому за него отвѣчать; онъ остановился въ нашей сторонѣ за тѣмъ, что увидѣлъ меня, и что я ему понравилась. Стало-быть, только я его и знаю, и только я могу сказать: это честный человекъ. Г. священникъ хочетъ, чтобъ онъ ушелъ, и грозитъ выпроводить его жандармами. Я прячу его; и это тоже очень-просто.

— Гдѣ же ты его прячешь?

— У себя въ хижинѣ.

— Есть у тебя родные?

— Есть братъ... контрабандистъ, съ вашего позволенія... только не говорите этого, даже господину-священнику.

— Значитъ, онъ ночь въ горахъ, а днемъ спитъ? сказалъ Леонсь.

— Почти что такъ. Однако онъ знаетъ, что мой милый спитъ въ его кровати, когда его нѣтъ дома.

— И онъ на это не сердится?

— Нѣтъ; у него доброе сердце.

— И это его не беспокоитъ?

— А чего бы ему беспокоиться?

— Любитъ онъ тебя, братъ твой?

— Да! Онъ ко мнѣ такой добрый... мы ужь давно сироты... нѣтъ мнѣ былъ вѣсто отца и матери.

— Кажется, мы можемъ быть спокойны, Леонсь? сказала дѣвушка Г.

— До-сихъ-поръ, да, отвѣчалъ онъ. — Но что будетъ? Смогутъ, Мадлена, какъ бы твой милый не ушелъ вдругъ, волей или неволей, и не оставилъ тебя плакать.

— Если онъ увидѣтъ, я пойду за нимъ.

— А твои птицы?

— Полетятъ за мною. Я хожу съ ними иногда льѣ за десять.

— И теперь онѣ слѣдятъ за тобою?

— Развѣ вы не видите, что онѣ переделяютъ по дорогѣ съ дѣвчонкой на дерево? Онѣ не приближаются сюда, потому-что я не оди́на, и коляска ихъ пугаетъ; но я ихъ вижу, и онѣ меня видятъ, слышите!

— Съѣтъ больше десяти льѣ; что, если твой милый увидѣтъ тебѣ отсюда льѣ за сто?

— Птицы есть вездѣ, и я познакомлюсь съ ними вездѣ.
 — Однако, тебѣ будетъ жаль тѣхъ, которыхъ ты воспитала?
 — О, конечно! Особенно двѣ или три изъ нихъ такъ умны такъ умны... Только мой милый умнѣе ихъ. Впрочемъ, говорю вамъ, что всѣ мои птицы полетятъ за мною, какъ я пойду другимъ. Онѣ начинаютъ привыкать къ нему и не улетаютъ, когда онъ со мною.

— Лишь бы милый-то былъ вѣрнѣе птицъ! сказала Сабина. — Хорошъ онъ робокъ?

— Я думаю; не знаю.

— Развѣ ты не смѣешь смотрѣть на него? спросилъ Леонъ.

— Нѣтъ, смѣю. Я смотрю на него, когда онъ спитъ, а мнѣ кажется, онъ хорошъ какъ красное солнце. Да я въ этомъ и знаю толка.

— Когда онъ спитъ! Такъ ты входишь въ его комнату?

— Нѣ для чего входить; я сама тамъ сплю. Мы вѣдь не богаты, сударыня: у насъ только одна комната съ моею козой и братиной лошадыю.

— Вотъ патриархальная жизнь! Какъ же это? ты, стало-бытъ не спишь, если проводишь ночи, глядя на своего милаго?

— О, я смотрю на него только съ четверть часа, когда онъ заснетъ. Онъ ложится и засыпаетъ, пока я вслухъ читаю молитвы, обернувшись къ нему спиною, въ уголку. Правда, послѣ случается мнѣ забыться и смотрѣть на него дольше, нежели могу сказать. Но потомъ все-таки заснешь, и спишься какъ-будто лучше.

— Изъ этого слѣдуетъ, что онъ спитъ больше тебя?

— Да, онъ хороше спитъ; да и етъ-чего бы ему не спать? Комната бѣдна, но чиста, и я никогда не забываю постлать ему постель какъ-можно-лучше.

— И онъ не просыпается, чтобъ полюбоваться тобою, когда ты спишь?

— Не знаю; думаю, что нѣтъ; я улышалась бы: я сплю тутъ какъ птица.

— Такъ онъ тебя любитъ меньше, нежели ты его?

— Можетъ-статься, спокойно отвѣчала птичница, подумавъ съ минуту:— да оно такъ и должно быть, потому-что мнѣ еще рано выйти за него замужъ.

— Ты увѣрена, что онъ когда-нибудь на тебя женится?

— Онъ ничего не обѣщалъ мнѣ, но говоритъ каждый день: «Медвѣна, ты добра, и я желалъ бы никогда съ тобою не разставаться. Къ-несчастію, я долженъ помнить, что скоро, можетъ-быть, принужденъ буду уйдти.» Я ничего не отвѣчаю; но я рѣшилась уйдти съ нимъ, чтобъ не сдѣлать его несчастнымъ. Онъ нахо-

ить, что я добра и желала бы не разставаться со мною; стало-
шь, вѣрно женится на мнѣ, когда я подросту.

— Леонсъ, сказала Сабина по-англійски:— будемъ удивляться и
остережемся возмутить нашими сомнѣніями эту святую вѣру
львской души. Можетъ случиться, что другъ соблазнить и поки-
нетъ ее; можетъ-быть, стыдъ и горѣ засушатъ ее; но и среди та-
кого несчастія жизнь ея будетъ для меня завидна. Я отгала бы
ее, что прожила, и все, что проживу, за одинъ день подобной
любви безъ границъ, безъ сомнѣній, любви возвышенно-слѣпой...

— Да, сказалъ Леонсъ:— жизнь ея—состояніе восторженности,
страсть преобразяетъ ее. Посмотрите, какъ она хороша, когда
говоритъ о своемъ миломъ, не смотря на то, что природа отказа-
ла ей во всемъ, что дѣлаетъ васъ красивѣйшею изъ женщинъ. И
то же, Сабина? Въ эту минуту, она гораздо-прекраснѣе васъ.
какъ вы объ этомъ думаете?

— У васъ такая манера говорить грубости, что, не смотря на
все ваше стараніе, онѣ не оскорбляютъ меня сегодня. При всемъ
этомъ, въ вашей дружбѣ есть что-то безпощадное, Леонсъ. Мое не-
счастіе, что я не могу знать этой восторженной любви безъ того,
чтобы вы не упрекнули меня въ ней въ ту самую минуту, когда
я думала, какъ жалка я. Еслибы я хотѣла отомстить, не могла ли
бы я сказать вамъ, что вы жалки такъ же, какъ я,—такъ же неспо-
собны верить слѣпо и любить просто, безъ умысла? Не могла ли
бы я сказать вамъ, что одинъ и тѣ же пропасти—знаніе и опыт-
ности,—отдѣляютъ насъ обоихъ отъ состоянія души этой дѣвочки?

— Вы этого не знаете, вы ничего не знаете! отвѣчалъ Леонсъ
съ энергіею, съ невнятнымъ волненіемъ голоса; взоръ его блу-
далъ по окрестностямъ.

— Мы идемъ по ужасной странѣ, сказала леди Г. послѣ до-
вольно-долгого молчанія. — Эти голыя скалы, этотъ вѣчно-серди-
мый ручей, это небо въ тѣсной рамкѣ, удушающей жаръ, — все
то наводитъ уныніе и ужасъ.

— Потерпите немного, сказалъ Леонсъ:—мы скоро будемъ воз-
вращены.

Дѣйствительно, безлюдное, тѣсное ущелье вдругъ раздвину-
лось при поворотѣ дороги, и очарованнымъ взорамъ Сабинины пред-
ставилась прекрасная долина, брошенная какъ оазисъ среди этой
устыни. Другія ущелья, узкія и глубокія, сходились къ этому
мелкому амфитеатру, и усмиренные въ долинѣ ручьи ихъ впадали
въ главную рѣку. Зеленоватыя воды были прозрачны какъ кри-
сталь; изумрудные ковры разстлались по берегамъ; тишину
редкнннн нарушалъ только далекій звонъ колокольчиковъ на ста-
лахъ, разсыпанныхъ по скаламъ холмовъ и скрытыхъ роскошною

растительностью. Гранитныя ущелья раскрывали голубую делью съ змѣющимися внизу серебристыми водами. Въ этомъ озерномъ мѣстѣ все манило къ отдыху, не пренебрегая возможностью стремиться въ область таинственнаго.

— Вотъ неожиданный сюрпризъ! сказала Сабина, выходя изъ ляски на мелкій песокъ берега: — Что за чудесное убѣжище от жолуденнаго жара, который становится уже несносенъ! Ахъ, да онъ! оставимъ здѣсь нашъ экипажъ и сойдемъ съ большой дороги. Вотъ тропинки; вотъ дерево, мостомъ переброшенное черезъ ручей; вотъ цвѣты, а тамъ сосновая роща, манящая къ себѣ тиши и ароматомъ. Что мнѣ здѣсь нравится, такъ это отсутствіе шума и даль людскихъ жилищъ.

— Здѣсь-то вы собственно въ горной странѣ, отвѣчалъ Леонардъ. — Здѣсь начинается кочевье пастуховъ-номадовъ, живущихъ какъ жили люди въ первыя времена; здѣсь они перегоняютъ стада съ одного пастбища на другое, проникаютъ въ пустыни, принадлежанія только тому, кто первый отважился ступить на нихъ, живутъ въ походныхъ шалашахъ, произведеній рукъ своихъ, которое перевозятъ на ослахъ и раскидываютъ на первой возвышенности скалъ. Видите, вонъ тамъ, подъ облаками, стоить ихъ палатки? Внизу вы ихъ не встрѣтите. Разлившіеся ручьи унесли бы ихъ при первой грозѣ. Теперь часъ отдыха, и пастухи спятъ подъ зеленымъ кровомъ своимъ. Вотъ вы и въ пустынь; можете взять себѣ мѣстечко отдохнуть часа два. Надо дать здѣсь отдохнуть и лошадямъ. Да вотъ, чего жь лучше: въ сосновой рощѣ, которая вамъ такъ нравится. Леле повѣсьте тамъ вашу койку.

— Мою койку? Какъ? Не-уже-ли вы позаботились взять ее!

— Развѣ я не долженъ былъ все обдумать?

Негритянка Леле понесла за ними койку, свѣтешку изъ пальмы и окаймленную бахромой изъ жолудей и художественно-перемѣшанными перьями тысячи цвѣтовъ. Мадлена, въ восторгѣ отъ этого индійскаго произведенія, шла за негритянкой, задавая ей тысячу вопросовъ о птицахъ, на которыхъ такія блестящія перья она старалась составить себѣ понятія о попугаяхъ и колибри, которыхъ Леле описывала ей на своемъ таинственномъ и почти непонятномъ нарѣчій.

О священникъ забыли; онъ проснулся, когда легкое качаніе ляски прекратилось.

— Гдѣ мы? воскликнулъ онъ, протирая глаза. — Что это за неприличная шутка?

— Увы, г. священникъ! сказалъ жокей, лукавый, какъ жажда и очень-хорошо понимавшій важно-шуточные напризы своего господина: — мы заблудились въ горахъ, и столько же знаемъ, гдѣ мы.

ить и вы. Лошади стали отъ усталости, и волей или неволей, а приходится остановиться здѣсь.

— Что жь? такъ и быть! сказалъ священникъ.—Мы не можемъ быть далеко отъ Сент-Аполлинѣра; я вздремнуль только съ минутою.

— Извините, вы позволили проспать часа четыре.

— Быть, пять, ты ошибаешься, любезнѣйшій; солнце бьетъ прямо въ голову, и теперь не можетъ быть позже полудня,—если только оно не остановилось, какъ случилось съ нимъ уже однажды. Да вы, должно быть, не ѣхали, а летѣли? Мы льѣ за четыре с лишкомъ отъ зеленой скалы. Да, точно, я не ошибаюсь: это Коркеттское-Ущелье; вотъ и крестъ св. Василія. Граница отсюда въ двухъ шагахъ. Вотъ, по ту сторону этихъ высокихъ горъ, Италия, прекрасная Италия, гдѣ я ни разу не имѣлъ счастья побывать. Но, если вы остановитесь здѣсь и если ваши лошади устали, не возвращусь въ свой приходъ до ночи!

— И ваши домашніе, конечно, будутъ беспокоиться? заботливо просилъ лукавый жокей.

— Они будутъ беспокоиться, отвѣчалъ священникъ:—они очень будутъ беспокоиться! Что дѣлать? надо уметь терпѣть. Гдѣ господѣ?

— Тамъ, за рѣкою; развѣ вы ихъ не видите?

— Что за фантазія перейти по этой досчечкѣ, которая ни на чемъ не держится? Я не стану рисковать; я потяжеле ихъ. Жаль, что нѣтъ со мной удочки: наудилъ бы форелей. Тутъ славныя форели.

Священникъ началъ рыться по карманамъ, и къ величайшему удовольствію своему нашелъ нѣсколько крючковъ съ нитями. Жокей помогъ ему срезать вѣтвь и найти приманки. Пошедши вверхъ по теченію воды, онъ очутился среди скалъ и занялся хитростями форелей.

Между-тѣмъ, черная Леле и блондинка-птичница твердо укрепили койку на вѣтвяхъ ели. Прекрасная Сабина, граціозно лежа въ воздушной колыбели, представлялась взорамъ Леонса въ положеніи скромнаго сладострастія. Широкіе шелковые рукава ея застѣвались до локтей, и кончикъ маленькой ножки, выглядывая изъ-подъ платья, свѣсилъ между бахромой изъ перьевъ, легче и милѣе ихъ.

Леонсъ разостлалъ свой плащъ на травѣ и, лежа у ногъ прекрасной леди, качалъ за снурокъ койку надъ своею головою. Леле тоже расположилась отдохнуть на зелени, а Мадлена углубилась въ пашу, куда крики птицъ сопровождали ее.

Сабина и Леонсъ очутились наединѣ, довольно-взволнованные, послушавшись жгучихъ мыслей въ ледяныхъ выраженіяхъ. Леонсъ

молчала, устремивъ на лэди Г. проивцательный вѣзоръ, нисколько не пѣжнйй, но при всемъ томъ скоро ее смутившій.

— Отъ-него же вы не отвѣчаете? спросила она послѣ тицетнаго сзарапія завязать дежкий разговоръ. — Вѣдь вы меня слышите потому-что смотрите мнѣ въ глаза съ несноснымъ упорствомъ.

— Я? сказалъ онъ. — Я вовсе не смотрю на ваши глаза. Это не подвижныя звѣзды, которыя блестятъ за тѣмъ, чтобъ блестятъ, но особнннн людскому взору ни огня, ни жара своего. Я смотрю на вашу руку и складки платья, рисующіяся по вѣтру.

— Дѣ, рукава и драпировка—вотъ въ чемъ весь вашъ идеаль, господа-артисты.

— А вамъ не нравится быть хорошею моделлю?

— Лишь-бы для васъ быть только этимъ, больше мнѣ не нужно, сказала она съ гордостью, потому-что глаза Леонса высказывали уже не холодное созерцаніе ваятеля. Но при этихъ высокомѣрныхъ словахъ, оба они сдѣлались по-прежнему безстрастны. — Изъ васъ была бы прекрасная сивилла, сказалъ онъ, притворяясь, что ничего не слышитъ.

— Нѣтъ, у меня вовсе не растрепанная и не трепещущая натура.

— Сивиллы времянь возрожденія важны и строги. Видѣли вы сивиллу Рафаэля? Это древнее величіе, съ движеніемъ и мыслію другаго вѣка.

— Увы! я не видала Италіи! Мы касаемся ея; лорду Г., по жестокому капризу, угодно поселиться на границѣ и не позволятъ мнѣ переступить ее, подъ предлогомъ, что для меня тамъ слишкомъ-жарко.

— Для васъ, напротивъ, вездѣ слишкомъ-холодно; мужъ вашъ знаетъ васъ хуже всѣхъ.

— Таковъ уже вѣчный порядокъ вещей!

— Вы должны бы обожать своего мужа, потому-что онъ неутомимый поклонникъ вашихъ притязаній на неразгаданность.

— А у васъ притязанія совершенно-противоположными притязаніямъ моего мужа. Вы объявили это, но не докажете.

— А если докажу сію же минуту? сказалъ Леонсъ вставая и остановивъ койку такъ скоро, что лэди Г. вскрикнула отъ испуга. Если я вамъ скажу, что нечего отгадывать, гдѣ ничего нѣтъ? что въ этой мраморной груди мраморное сердце?

— Какія ужасныя слова! отвѣчала она, опуская ноги на землю, какъ-будто собираясь бѣжать: — я проклинаю васъ, Леонсъ, что вы завезли меня сюда. Это вѣроломство, жестокость! И чѣмъ тутъ утонченность! Вырвать меня изъ моей печальной беззаботности, оказывать ко мнѣ неостоянное вниманіе, показать мнѣ красоту при-

роды и воззю вашихъ мыслей, льстить моему воображенію, — и все это за тѣмъ, чтобы послѣ пятнадцати лѣтъ безоблачной дружбы сказать мнѣ, что вы меня ненавидите и не уважаете!

— На что вы жалуетесь? Вы свѣтская женщина и прежде всего хотите, чтобы васъ уважали, какъ свѣтскую добродѣтель. Я признаю васъ непобѣдимую, я, который знаетъ васъ уже пятнадцать лѣтъ, — и ваша гордость не удовлетворена?

— Быть добродѣтельной по недостатку чувства, добродѣтельной по безсердечію, — странная похвала! Есть чѣмъ гордиться!

— Непомѣрная гордость соединена въ васъ съ непомѣрнымъ тщеславіемъ, отвѣчалъ Леонсъ съ раздражительностью. — Вы хотите, чтобы всѣмъ было извѣстно, что вы непогрѣшительны, что чистѣйшій кристалль мутенъ въ сравненіи съ вашею славою. По этого для васъ мало. Вы хотите еще, чтобы васъ почитали душою вѣжною и пламенною, чтобы думали, что нѣтъ ничего могущественнѣе вашей любви, исключая вашей собственной силы. Если человѣкъ тихъ и спокоенъ въ присутствіи вашей мудрости, вы безпокойны и недовольны. Вы хотите, чтобы всѣ мучились разгадывая тайны любви, скрывающейся, какъ вы хотите увѣрить, въ груди вашей. Вы хотите, чтобы объ васъ говорили: «въ ея рукахъ ключъ отъ рая наслажденій и неизрѣченной любви, но никому никогда не пропикнуть въ него! Вы хотите, чтобы при васъ желали, досадовали, трепетали! Признайтесь же во всемъ этомъ, и вы выскажете всю тайну своей скуки. Нѣтъ роли утомительнѣе и горьче той, которой пожертвовали вы всѣми надеждами вашей юности, всѣми выгодами красоты.

— Оправдываться было бы ниже меня, отвѣчала Сабина, блѣдая и похолодѣвшая отъ негодованія: — но вы дали мнѣ право удить васъ въ свою очередь и сказать вамъ, кто вы. Вы нарисовали мой портретъ, — но это вашъ. Стоитъ только примѣнить его въ размѣрахъ мужичины, и я это сдѣлаю.

У.

— Говорите; я очень-радъ взглянуть на себя вашими глазами. — Вы не будете рады, ручаюсь вамъ, продолжала Сабина, оскорбленная, но притворяясь совершенно-равнодушною. Вы мужичина и дощикъ, вы умны и хороши собою, вы богаты, вы патрицій, — а умѣете быть привилегированнымъ смертнымъ. Природа и общество дали вамъ много, и вы помогали имъ съ жаромъ, съ дѣтства мучимые желаніемъ быть совершеннымъ человѣкомъ. Вы такъ

хорошо развили свои блестящія дарованія, такъ благородно упривляли своимъ богатствомъ, что сдѣлались самымъ щедрымъ богачомъ и самымъ отличнымъ художникомъ. Родитесь вы бѣднымъ, безвѣстнымъ, вамъ труднѣе было бы завоевать вѣнокъ славы, и въ этомъ было бы больше достоинства. Вы испытали бы больше страданій, и въ васъ было бы больше огня; меньше науки, и больше генія. вмѣсто таланта первой стѣпени, всегда отчетливого, часто холоднаго, въ васъ проявлялось бы порывистое, но пламенное вдохновеніе.

— Вы мало изобрѣтательны, прервалъ ее Леонсъ, и потерпѣте только то, что я сто разъ говорилъ вамъ о себѣ. А между-тѣмъ вы соглашаетесь со мною въ другомъ, именно, что слабѣе и многогѣ отношеніяхъ можетъ стоить и даже превосходить свѣтскій человекъ.

— Вы надѣетесь обнаружить великую душу и обширный умъ, говоря подобныя вещи. Это мода, изысканная мода, и не къ многимъ изъ свѣтскихъ людей пристала она. Вы не пересилили этой моды, потому-что въ глубинѣ души вы аристократъ и меньше меня; я не вѣрю, чтобъ вы чувствовали серьезную симпатію къ птичицѣ. Но дайте мнѣ докончить мою параллель, и вы увидите, что вы не умѣли сохранить передо нашего эстетическаго *insensito*. Желая, чтобъ вамъ удивлялись, вы не расточили своей молодости; вы очень-хорошо поняли, что идеалъ не существуетъ для умной женщины, знающей мужчину во всѣ часы его жизни. Вы никогда и не любили; вы всегда дѣйствовали такъ, чтобъ поражать умъ любопытнаго пола, не позволяя ему овладѣть вашей волей. Вы, я знаю, изобрѣтали страсти, но не испытывали ихъ. Что отличаетъ насъ другъ отъ друга и что придаетъ моей гордости больше заслуги въ сравненіи съ вашею, — это привилегія вашего пола. Вы не приносили обыкновенныхъ наслажденій въ жертву на алтарь достоинства. Ваши модели были моделями по выбору, дѣвушки дивно прекрасныя и такія молодыя, что вамъ вѣчего было краснѣть передъ многими, подозрѣвать, что вы избрали ихъ себѣ въ любовницы. Вы утвердили себя, что любите этихъ божественныхъ дѣвъ народа, и чтобъ колынуть самолюбіе свѣтскихъ женщинъ, говорили, будто физическая красота влечетъ за собою нравственную, что простота этихъ необразованныхъ душъ — природный храмъ истинной любви, — и мало ли что еще! Все это, можетъ-быть, и истинно, только вы никогда не вѣрили мнѣ, проповѣдая ихъ; сколько мнѣ извѣстно, ни одна изъ этихъ слабѣйшихъ богинь не плѣнила васъ вполнѣ, ни привязала къ себѣ надолго. Ваятель, вы видѣли въ нихъ только статуи; а что касается до женщинъ вашей касты, вы никогда не старались сблизиться съ

ми, которыя научили. Наверное, съ нами-то вы и разыгрываете роль, которую приписываете мнѣ; вы съ удивительнымъ искусствомъ и поэзіею выставляете передъ нами байроническія страсти, но никому не позволяете приблизиться къ вашему сердцу настолько, чтобъ можно было схватить грызунаго его червяка тщливости.

Леонсъ долго молчалъ послѣ того, какъ Сабина перестала говорить. Онъ, казалось, погружился въ глубокое уныніе, и эта скорбь, невадранная подъ бичомъ критики, поставила его въ эту минуту далеко-выше надъ мстительною, бичевавшею его женщиною. Сабина поняла это и поняла мужественнѣйшую черту въ духѣ мужчины: реченіе или безрепотную покорность истинѣ, съ которой такъ покладносно еражаются воспитаніе и привычки женщины. Она упрямилась въ увлеченіи, потому-что видѣла, какъ Леонсъ упрямился въ томъ же и съ ужасомъ глядѣлъ въ свое сердце. Ей хотѣлось утѣшить его въ нанесенномъ ему огорченіи, но она побоялась, и крестится ли въ его раздумьѣ глубокая ненависть и какой-нибудь шагъ утѣченнаго мщенія. Эта мысль поразила ее до глубины сердца; она, подобно Леонсу, была лучше своего портрета, и огонь чувства еще не вспыхнулъ въ ней. Напрасно старалась она держать слезы; Леонсъ услышалъ ея рыданіе.

— О чемъ вы плачете? сказалъ онъ, становясь на колѣни у ногъ и хватя ея руку.

— Я оплакиваю нашу погибшую дружбу, отвѣчала она, наклонивъ къ нему и уронивъ нѣсколько слезъ на его прекрасные волосы. — Мы смертельно ранили другъ друга, Леонсъ; мы уже не любимъ другъ друга. Но дѣло сдѣлано, и такъ-какъ нечего оплаться, что любовь испортить прошедшее, позвольте мнѣ оплакать это чистое и прекрасное прошедшее! Позвольте высказать вамъ то, чего, вѣроятно, вы не понимали, потому-что съ веселымъ душою устроили этотъ смертный бой. Я любила васъ тихою, истинною дружбою; я отдыхала на вашемъ сердцѣ, какъ на сердцѣ брата; я надеялась находить въ васъ въ-продолженіи всей моей жизни совѣтника и защитника. Недостатки ваши были въ моихъ глазахъ невелики, достоинства велики. Теперь прощайте, Леонсъ. Отвѣтите мнѣ къ мужу. Вы были правы, говоря, что сегодня я испытала неожиданныя, столь ужасныя ощущенія, что не забуду ихъ всю жизнь. Я не думала, что они будутъ такъ горьки, и не понимаю, зачѣмъ вы ихъ пробудили во мнѣ. Но въ ту минуту, когда я чувствую, что все между нами кончено, я чувствую также, что скорбь беретъ верхъ надъ негодованіемъ, и не хочу, чтобъ прошедшее слово наше было — проклятіе.

Сабина коснулась губами лба Леонса, и этотъ чистый, скорбный

поцалуй, единственный въ ихъ жизни, связавъ уваль, который е считала порваннымъ.

— Нѣтъ, милая Сабина, отвѣчалъ онъ, осыпая руки ея страстными поцалуями. — Это не прощаніе, и ничто между нами не кончено. И мнѣ теперь дороже нежели были когда-нибудь, и я съумѣю возвратить то, что рисковалъ сегодня утратить. Я приложу все свое стараніе тронуть ваше сердце, и вы будете тронуты, еслибъ даже и хотѣли. Успокойтесь же, благородный другъ мой. Ваши слезы падаютъ мнѣ на сердце и оживляютъ его какъ благотворная роса, нивпадшая на умирающее растеніе. Въ томъ, что мы высклаки другъ другу, есть правда, даже много правды; но это относительно, не действительныя истины. Поймите хорошенько это различіе. Мы оба художники и не можемъ заняться чѣмъ-нибудь съ одушевленіемъ безъ того, чтобъ логика, пластика, если угодно, не увлекла насъ отъ вывода къ выводу до удивительнаго синтеза. Не этотъ синтезъ — призракъ, и увѣренъ въ этомъ за васъ и за себя. Въ насъ есть недостатки, въ которыхъ мы упрекнули другъ друга; но это случайности нашего характера, случаи жизни. Разбирая ихъ съ жаромъ мы *одолевались* до такой степени, что преобразили ихъ въ существенныя пороки нашей натуры, въ дѣркія привычки поведенія. А между-тѣмъ, ничего этого нѣтъ, потому-что вотъ мы, души-мы душу, плачемъ при мысли о разлукѣ, чувствуя, что это для насъ невозможно.

— Вы правы, Леонсъ, сказала леди Г., отирая слезу и коснувшись прекрасными руками своими глазъ Леонса, можетъ-быть изъ наивной изыскости, можетъ-быть, чтобъ убѣдиться, что и въ его глазахъ она видитъ истинныя слезы. — Мы сочиняли, не правда ли? И найтъ остается только рѣшить, кто изъ насъ былъ искуснее — кто-есть, болѣе лгалъ?

— Я, потому-что я началъ, и требую преміи. Въ чемъ онъ будетъ состоять?

— Въ моемъ прощеніи.

— И въ поцалуѣ на эту прекрасную руку, на которую я всета смотрѣлъ съ такимъ ужасомъ.

— Вотъ вы опять дѣлаетесь художникомъ, Леонсъ.

— Почему же и не такъ?

— Безъ поцалуевъ, Леонсъ. Можно найти что-нибудь лучшее. Проведемъ вмѣстѣ остатокъ дня; пріймитесь опять за роль доктора, только не давайте мнѣ такихъ сильныхъ приѣмовъ:

— Невольте, обратимся къ гомеопатіи, сказала Леонсъ, взявъ руку, которую она оставила ему какъ-будто машинально, и отдернула, увидѣвъ, что негрятинка проснулася. — Ложитесь опять въ койку и засните. Я буду весь потихоньку качать; эти слезы утѣ-

или васъ; жаръ нестерпимъ; и мы должны дожидаться, пока солнце будетъ ниже.

Странность и тревожность впечатлѣній Леонса безпокоили лэди Г. Во взглядъ его было выраженіе, какого она до-сихъ-поръ въ немъ не замѣчала, и по неровному качанію койки она могла догадаться, что рука его дрожала. Она обрадовалась, когда возвратилась Мадлена. Подразнивъ негрятянку, пощекотавъ ей травою рѣсницы и губы, она пришла полюбоваться койкой и насильно свинтить Леонса въ его занятія.

— Она съ нами слишкомъ за-просто, вы уже избаловали ее; скажи Леонсъ Сабинѣ по-англійски. — Позвольте отогнать эту окучивую птицу.

— Нѣтъ! отвѣчала лэди Г. съ видимою тоскою:— пусть она меня мучаетъ; ея движенія осторожнѣе вашихъ, и притомъ вы такъ умны, что мнѣ трудно заснуть вблизи васъ. Короткость этой дѣвочки раздражаетъ меня; мнѣ надоело служеніе на колѣняхъ.

И она заснула или притворилась спящею; Леонсъ удалился, дождавъ больше нежели когда-нибудь.

Онъ вышелъ изъ роши и шелъ нѣсколько времени на-удачу. Скоро замѣтилъ онъ священника съ удочкой и жокея, пришедшаго къ нему побесѣдовать, между-тѣмъ, какъ лошади паслись на свободѣ, не удаляясь изъ вида, а коляска стояла гораздо-дальше въ тени. Будучи увѣренъ, что найдетъ ихъ когда захочетъ, Леонсъ углубился въ дикое ущелье и шелъ быстро, стараясь успокоить раздраженный и возмущенный духъ свой.

Дурное расположеніе души его скоро разсыялось при видѣ расогъ природы. Онъ обогнулъ нѣсколько скалъ и очутился на берегу микроскопическаго озера, или, лучше сказать, лужи чистой, какъ кристаллъ воды, вылитой и какъ-будто спрятанной въ гранитный воронкъ. Это глубокое озеро, свѣтлое какъ небо, котораго синюю лазурь и золотыя облака оно въ себя отражало, являлось оазисомъ счастья и покоя. Леонсъ сѣлъ на берегу на уступѣ скалы, сходящей природными ступенями, какъ-будто приглашая священника спуститься къ берегу спокойныхъ водъ: Онъ долго смотрѣлъ на нѣсъкомыхъ, одѣтыхъ въ бирюзу и рубины и мелькавшихъ по водянымъ растеніямъ; потомъ въ зеркалѣ озера мелькнула стая дикихъ голубей, пролетѣвшихъ и исчезнувшихъ въ воздухъ какъ видѣніе, съ быстротою мысли. Леонсъ подумалъ, что мгновенья жизни пролѣтаютъ также быстро, также неуловимо, и, подобно этому отраженію, онъ не что иное, какъ тѣни. Потомъ онъ подумалъ, что смѣшно высиживать нѣмецкія метафоры, и позавидовалъ спокойствію души священника, который въ этомъ прекрасномъ озерѣ видѣлъ бы только хорошій резервуаръ для форелей.

Надъ нимъ послышался легкій шумъ. Съ минуту онъ думалъ что это пришла Сабина; но сердце его перестало биться, когда онъ увидѣлъ человѣка, сходявшаго къ нему по уступамъ скалы.

Это былъ дѣтина высокаго роста, одѣтый болѣе нежели бѣлымъ онъ несъ на плечѣ палку, и на концѣ ея небольшой узелокъ, завязанный въ красномъ и голубомъ платкѣ. Лохмотья его, его длинные волосы, ниспадавшіе на бѣдное, рѣзкое лицо, густая, черная какъ смоля борода, небрежная походка, и что-то насмѣшливое, — эта характеристическая черта во взглядѣ бродяги, когда онъ встрѣчается съ богатымъ съ-глазу-на-глазъ, — все это придавало ему видъ явнаго негодяя.

Леонсу сейчасъ пришло въ голову, что мѣсто очень-глухое и что незнакомецъ стоитъ гораздо-выгоднѣе его, потому-что тропинка узка для двохъ, и если заспорить за нее, такъ озеро скоро прійметъ въ свои нѣмыя, таинственныя воды того, у кого кулакъ не такъ силенъ и кто занимаетъ худшее положеніе.

Впрочемъ, этотъ случай не очень встревожилъ Леонса; онъ принялъ равнодушный видъ и съ философскимъ спокойствіемъ ждалъ встрѣчи съ этимъ молодцомъ. Онъ могъ, однакоже, съ легкимъ нетерпѣвіемъ считать шаги его, пока тотъ не сошелъ по уступамъ скалы и не очутился какъ-разъ возлѣ него.

— Извините, что я васъ беспокою, сказалъ незнакомецъ мягкимъ голосомъ и рѣзко-южнымъ выговоромъ: — будьте такъ добры, ваша милость, посторонитесь немного и дайте мнѣ напиться.

— Требованіе самое справедливое, отвѣчалъ Леонсъ, давая ему дорогу и всходя уступомъ выше, такъ, чтобъ стать тотчасъ за нимъ.

Незнакомецъ снялъ свою разорванную соломенную шляпу, сталъ на колѣни и жадно погрузилъ въ воду свою дикую бороду и половину лица. Онъ началъ хлебать какъ лошадь, и Леонсу очень хотѣлось посвистать, какъ свищутъ этимъ нетерпѣливымъ и пугливымъ животнымъ на водопой.

Но онъ удержался отъ этой шутки и позавидовалъ гордой упрямости, съ которою этотъ негодяй прилегъ у ногъ его, головою впередъ, тѣломъ назадъ, забывая, кажется, что въ случаѣ недоразумѣнія эта встрѣча можетъ быть несчастною для одного изъ нихъ. «Вотъ единственное счастье бѣдняка» подумалъ Леонсъ: «онъ безопасенъ при подобныхъ встрѣчкахъ. Насъ двое, и можетъ-быть мы равно сильны; однакожъ, одинъ не могъ бы пить при другомъ, не оглядываясь украдкою назадъ; богатый не можетъ пить даромъ съ такимъ наслажденіемъ».

Напившись вдоволь, бродяга приподнялся и, сидя на корточкахъ, сказалъ: «Эта вода для питья ужасно-тепла; входя въ норы, она

дѣлать, вѣроятно, больше, нежели входя въ горло. Какъ вы об этомъ думаете, сударь?»

— Не пришла ли тебѣ охота выкупаться? сказалъ Леонсъ, не шая, но угроза ли это.

— Да, хочется, отвѣчалъ незнакомецъ, и спокойно началъ разгѣтаться; это не много заняло времени, потому-что лишняго на немъ не было. Едва-ли можно было найти хоть одну цѣлую петлю.

— Утѣшь ли ты по-крайней-мѣрѣ плавать? спросилъ Леонсъ.— Это широкій колодезь; вотъ тутъ вовсе нѣтъ берега, и скала опускается стѣною вѣроятно очень-глубоко.

— Можете положиться на оставшаго профессора плаванія въ айскомъ-Заливѣ, отвѣчалъ онъ, и спокойно снявъ обрывокъ, слухавшій ему вмѣсто рубашки, бросился въ озеро съ непринужденостью водной птицы.

Леонсъ любовался, глядя, какъ онъ погрузился въ воду, исчезъ и нѣсколько минутъ, потомъ появился на поверхности воды нѣсколько-дальше, мгновенно перевернулъ узкую площадку озера, легъ на спину, становилась прямо, какъ-будто стоя на землѣ, плавалъ брызгая во все стороны нѣною, — и все это съ натуральною граціею и удивительною силою.

Скоро, однакожъ, онъ возвратился къ подножію скалы, и такъ-какъ берегъ былъ действительно очень-крутъ, попросилъ Леонса протянуть ему руку и помочь выйти. Молодой человекъ согласился съ удовольствіемъ, но былъ на-сторожѣ, опасаясь, чтобы онъ не улекъ его неожиданно въ воду. Когда незнакомецъ вывелъ и сѣлъ на согрѣтый солнцемъ камень, Леонсъ невольно появился сѣлъ и красотѣ его тѣла, бѣлизна котораго отъвѣчалась загорѣлымъ лицомъ и руками.—Вода холоднѣе, нежели я думалъ, сказалъ пловець. — Она нагрѣта только сверху; надо окунуться еще глубже, а то что за удовольствіе! Между-тѣмъ, кстати, можно занять и туалетомъ.

Онъ досталъ изъ тошаго узелка большую раковину, служившую ему вмѣсто чашки, но которую онъ не соизволилъ употребить для питья. Въ нѣсколько приемовъ зачерпнулъ онъ ею воды и облилъ ею голову и бороду, съ особеннымъ тщаніемъ и наслажденіемъ перетирая это богатое черное руно; текушіе съ него ручьи уподобляя его какому-то рѣчному божеству. Сонце, ударяя ему прямо въ затылокъ и голову, начинало его беспокоить; онъ вырвалъ пучокъ тростника и осокни и скаталъ изъ него родъ шляпы или панамы, вѣнка изъ зелени и цвѣтовъ. По случаю, а можетъ-быть и въ-слѣдствіе врожденнаго вкуса, этотъ головной уборъ вы-

шелъ такъ художественъ, что дополнилъ идею о древнемъ Пепинѣ, которую можно было себѣ составить, глядя на него.

Бродяга вторично ринулся въ озеро, переплылъ на противоположную сторону, и, вышедъ тамъ на болѣе-отлогій и покрытый растеніями скатъ, навалъ прекрасныхъ цвѣтовъ бѣлой лиліи и уксиль или вѣночекъ свой. Наконецъ, какъ-будто замѣтивъ неприятное удивленіе Леонса, онъ сплелъ себѣ изъ камыша и водяныхъ растеній родъ платья съ поясомъ, и свободный, гордый, прекрасный, какъ первый человекъ, распустился на пескѣ и, наконецъ погрузился въ мечту, или заснулъ на солнцѣ въ величественномъ положеніи.

Леонсъ, пораженный совершенствомъ подобной модели, открылъ свой альбомъ и попробовалъ набросать очеркъ этого страшнаго существа, которое, отразившись въ прозрачной водѣ, получило, вѣроятно въ зеленъ и цвѣты, представляло себою прекраснѣйшій типъ, какимъ только когда-нибудь художникъ имѣлъ счастье любоваться въ естественной рамкѣ не въ мрачныхъ скалахъ, днѣхъ и зеленятаго вѣснѣ, удивительно-гармонично-идеальнаго съ самыми предметомъ. Потокъ свѣта, прерываемый густою тѣнью скалицианевскаго отраженія колорита отъ воды на это влажное глыбе, все пробуждало въ Леонсѣ одно изъ совершеннѣйшихъ наслажденій искусства, одно изъ живѣйшихъ поэтическихъ ощущеній, какъ когда-либо испыталъ онъ въ своей жизни. Будучи ваятелемъ, онъ однакоже, чувствовалъ красоты цвѣта не меньше красоты формы.

Вдругъ, захлопнувъ альбомъ, онъ бросилъ его далеко отъ себя и сказалъ: «Стыдно мнѣ, что я покусился воспроизвести фигуру которую съ жадностью созерцали бы Рафаэль или Веронезе Джорджоне, Рубенсъ, или Пуссенъ! Дѣ, только великіе мастера живописи были бы достойны воспроизвести картину, которую подсмотрѣлъ, какъ-будто укралъ у случая. Я не умю владѣть кистью, и съ меня довольно подсмотрѣть, почувствовать и запечатлѣть все это въ памяти!»

Бродяга угадалъ, кажется, его мысль; къ великому изумленію Леонса, онъ закричалъ ему по-итальянски, спросивъ сперва, понимаетъ ли онъ это нарѣчіе: «Это въ древнемъ вкусѣ, на правдѣ ли, *signore?* Хотите чего-нибудь въ родѣ Микель-Анжелло? Смотрите.» И онъ принявъ позу замысловатѣе, страннѣе первой, но все таки прекрасную, хотя и насильственную, «Теперь à la Рафаэль» продолжалъ онъ, перемѣняя положеніе: «это граціознѣе и естественнѣе; но что ни говорите, а мускулы и здѣсь играютъ слишкомъ важную роль... И у Джуліо Романо не безъ того, но, впрочемъ, этимъ пренебрегать нельзя.» И ставъ въ позу à la Джуліо Романо, онъ принявъ свое первое положеніе, говоря: «Да, да, да, да»

хъ, это въ родѣ Фидіаса, и сколько ни ищи, лучше ничего не найдешь.»

— Такъ ты натурщикъ? сказалъ Леонсъ, разочарованный только въ томъ, что сначала показалось ему въ этомъ человѣкѣ припущеннымъ и наивнымъ.

— Да, натурщикъ; впрочемъ, занимаюсь кое-чѣмъ и другимъ, началъ пловецъ, ставъ посреди озера на скалѣ, выступавшей ровкомъ и рисуясь на ней какъ на пьедесталѣ. Еслибъ у меня бы здѣсь старинный сосудъ, я представилъ бы вамъ, съ этимъ мышкетомъ, группу въ версальскомъ вкусѣ, хотъ мнѣ и не случалось еще бывать въ Версали; но у насъ въ Неаполѣ много вещей въ томъ стилѣ. Съ тамбуриномъ я показалъ бы вамъ разныя неаполитанскія фигуры, у которыхъ въ мизинцѣ больше граціи и ума, чѣмъ во всѣхъ гранитныхъ и бронзовыхъ массахъ вашего великаго вѣка. Но такъ-какъ я не могу потѣшить вашихъ глазъ, по крайней-мѣрѣ вашъ слухъ. Если вы Апполонъ, не судите меня какъ Марсіаса; но будь вы хотъ какой-нибудь знаменитый маэстро, вы должны согласиться, что голосъ хорошъ. Я чувствую, что холодная вода и сильныя позы расширили мои легкія, мнѣ ужасно хочется пѣть.

— Пой, сказалъ Леонсъ.—Если голосъ птицы не хуже перьевъ, тебѣ пѣчего бояться моего суда.

VI.

Итальянецъ пропѣлъ на своемъ гармоническомъ языкѣ три строки, запечатлѣнные гиперболическимъ гениемъ его націи и вольнымъ переводомъ которыхъ мы представляемъ здѣсь читателю. Они относятся къ одному изъ тѣхъ напѣвовъ Южной-Италіи, о которыхъ нельзя сказать, образцовыя ли они произведенія великихъ художниковъ, или мужественныя, случайныя вдохновенныя народныя музы:

Летите, благородные синьоры, въ своихъ пестрыхъ гондолахъ; напрасно будете вы понуждать смѣлыхъ гребцовъ; я обгоню васъ съ моими гибкими какъ волна и бѣлыми какъ пѣна руками. Покрытый лохмотьями, я одинъ изъ послѣднихъ на землѣ; я свободный и нагой, я царь волны и повелитель всѣхъ васъ. Летите, благородныя дамы, на своихъ простыхъ лодкахъ; напрасно будете вы отворачивать голову, закрывать вѣеромъ свое пыльное чело; мой образъ будетъ привлекать ваши взоры, и вы украдкою будете слѣдить за черными волосами моими, волнующимися по водѣ. Въ лохмотьяхъ, я заставляю васъ отсту-

«пять отъ меня съ отвращеніемъ; но свободный и нагой, я царь
«и властелинъ вашихъ сердецъ.

«Плыните, птицы морскія и рѣчныя; разскайте коралламъ
«косами качающія васъ горькія волны. Я съ своей твердой какъ
«грудью, съ гибкими какъ ваша шея руками, посию за вами
«ваши гнѣзда, сдѣланныя изъ водорослей и раковинъ. Покрытъ
«лохмотьями, я васъ пугаю; но, свободный и нагой, я царь волн
«и вы считаете меня за своего!»

Голосъ пѣвца былъ прекрасенъ, и ни одинъ знаменитый артист
не превзошелъ бы его въ свободѣ интонаціи, наивности манеръ
и силѣ восторженнаго чувства. Леонсъ подумалъ, что онъ перенесъ
въ Салернскій или Тарентскій-Заливъ, подъ небо вдохновеннаго
и поэзіи.

— Клянусь Амфитритой! воскликнулъ онъ: — ты великій поэтъ
и великій пѣвецъ, благородный юноша! Не знаю, какъ награждать
тебя за доставленное мнѣ удовольствіе. Что это за чудесная поэзія
у тебя? Что за странныя слова?

— Пѣсню сложилъ, должно-быть, какой-нибудь гений, замѣтилъ
дившись на вершинахъ Аппениновъ, передалъ ее эху, а оно шло
нуло ее на ухо пастухамъ и рыбакамъ; но слова—мои, сильнѣе
съ вашего позволенія, я, когда мнѣ вздумается, импровизирую.
Нашъ мелодическій языкъ способенъ ко всему, и когда какая-нибудь
мысль прійдетъ въ голову намъ, природнымъ поэтамъ, а тамъ
тамъ солнца, за выраженіемъ дѣло не станеть.

— Повтори мнѣ слова, мнѣ хочется записать ихъ.

— Если я повторю ихъ, такъ уже иначе. Мои пѣсни улетаютъ
отъ меня, какъ пламя съ очага; я могу возобновить ихъ, но не
помнить. Вы, можетъ-быть, находите ихъ немного-напыщенными,
это привилегія поэта; отнимите у него тщеславіе, вы лишите
гения.

— Ты имѣешь право хвалиться, потому-что ты привилегированная
натура, отвѣчалъ Леонсъ. — Къ какому бы сословію ты
принадлежалъ, ты заслуживаешь быть въ числѣ первыхъ на эхъ.
Ты очаровалъ меня; поди сюда, Расскажи мнѣ свое горе,
хочу прекратить его.

Незнакомецъ вышелъ на берегъ.

— Увы! сказалъ онъ:— вы видѣли древняго Фавна во всей
свободѣ, человека природы во всей его поэзіи. Теперь вы увидѣте
лохмотника во всемъ его безобразіи, во всей нищетѣ; и я
женъ опять надѣть эту печальную либрею, въ ожиданіи, пока
сама оставитъ меня, или пока я найду способъ употребить свой
на поправку гардероба. Вы, кажется, удивляетесь? Подождите
къ вамъ, я съ самаго начала замѣтилъ по вашимъ глазамъ,

ужность моя васъ отталкиваетъ. Вы нашли меня гадкимъ, можетъ-быть даже внушающимъ ужасъ. Но когда я сбросилъ нинское рубище, когда эта чистая вода смыла съ меня грязь, когда вы увидѣли меня очищеннымъ отъ тины и пыли дорогъ,—это то, служившее иногда моделью для первыхъ скульпторовъ моего отечества, это лицо, неизмѣтное развратомъ, юное и прекрасное, не смотря на трудъ и лишения, эти члены, въ которыхъ природа выказала всю свою роскошь, и это чувство прекраснаго, отражающееся на лицѣ и во всѣхъ вѣсѣмахъ разумнаго существа, словомъ все то, что ставитъ меня, нагаго, наравнѣ или даже не людей прекрасно-одѣтыхъ,—все это поразило васъ, и вы побоялись назначить мнѣ место въ своихъ художническихъ впечатлѣнiяхъ. Но вы назначили его неудачно, я въ этомъ увѣренъ; изведенiя искусства ничто, если они не могутъ превзойти твой Бога. Если вы живописецъ, вы встрѣтите меня когда-нибудь своихъ воспоминанiяхъ, когда сойдемъ на васъ вдохновенiе. Иначе вы не воспроизведете меня!.. Тѣмъ болѣе, прибавилъ онъ горькою улыбкой:—что пьеса сыграна, и очаровательность моя часть скроется подъ нищетою.

Тотъ человѣкъ выражался съ необыкновенною непринужденною, съ непостижимымъ тономъ благородства. Лицо его, озаренное лучомъ энтузіазма и тотчасъ же подернувшееся глубоко-скорбнымъ чувствомъ, было красоты несказанной; никогда еще вниманiе Леонса не было привлечено болѣе-благородными чертами, боестойкостью и вроничательнымъ выраженiемъ лица.

— *Послушайте!* сказалъ онъ, увлеченный невольнымъ чувствомъ сожалѣнiя:— вы, конечно, выше того низкаго состоянiя, о которомъ говоритъ ваша наружность. Вы какой-нибудь несчастный южаникъ. Позвольте помочь вамъ и вознаградить васъ такимъ образомъ за доставленное мнѣ поэтическое наслажденiе.

Но незнакомецъ, по-видимому, не слышалъ словъ Леонса. Пришедши къ берегу, онъ съ видимымъ отвращенiемъ разворачивалъ негодныя лохмотья, которыми привужденъ былъ прикрыть отъ свою.

— Вотъ, сказалъ онъ, выпуская изъ рукъ рубище:— наказанiе, этого дай Богъ не знать вамъ! Итальянецъ любитъ нарядъ, хункикъ любитъ роскошь, духи, чистоту, любитъ пожить, любитъ роскошную нѣгу, обновляющую душу и тѣло послѣ мужественныхъ, благотворныхъ упражненiй. Никто не пойметъ, чего мнѣ хотѣлось показываться передъ людьми, особенно передъ женщинами, разорванной блузѣ и брюкахъ à jour.

— О! я васъ понимаю и жалѣю о васъ, отвѣчалъ Леонсъ:— слава Богу, я сегодня же могу переизменить ваше непрiятное

положеніе. Теперь довольно-жарко, и вы можете подождать меня здѣсь на солнцѣ съ четверть часа; даю вамъ слово, что черезъ четверть часа я возвращусь съ платьемъ, которое удовлетворитъ вашей благородной и законной фантазіи. Подождите меня.

Итальянецъ не успѣлъ еще отвѣчать, какъ Леонсъ бѣжалъ уже по тропинкѣ; онъ вынулъ изъ кошелька изящный, легкій чемоданъ и принеся его на берегъ озера. Итальянецъ былъ опять въ водѣ; онъ свлазалъ бумажъ изъ прекраснѣйшихъ водяныхъ цвѣтовъ, надевъ его Леонсу съ наивно-торжественнымъ видомъ, и прощаясь съ нимъ съ граціею и чувствомъ.

— Я больше ничего не могу дати вамъ въ замятъ того, что вы мнѣ принесли, сказалъ Итальянецъ:— у меня нѣтъ ничего въ этомъ мѣрѣ; но, благодаря своей ловкости и смѣлости, я могу доставить рѣдчайшія сокровища природы, прекраснѣйшіе цвѣты, драгоцѣннѣйшіе минералогическіе образцы, кристаллы, окаменѣлости, горныя растенія; все это могу я вамъ доставить, если хотите, чтобы я сопутствовалъ вамъ въ прогулкахъ; если съ вами есть ружье, могу застрѣлить орла и серпу и повернуть ихъ къ ногамъ вашей дамы. Я самый ловкій охотникъ, какого вы только встречали; такъ же какъ лучшій ходокъ и лучшій пловецъ.

Не смотря на эту итальянскую хвастливость, выходка молодого человѣка не сдѣлала непріятнаго впечатлѣнія на Леонса. Этотъ Итальянца, озаренное радостью и признательностью, сіяло симпатическою откровенностью, пробуждавшею къ нему невольное расположеніе. Въ десять минутъ, бродяга преобразился въ молодого человека лучшаго тона, одѣтаго въ дорожный костюмъ. Въ чемоданѣ Леонсы былъ только утренній гардеробъ, но для деревенскаго туалета было всего вдоволь: легкіе, изящнаго покроя жилеты, шейные платки свѣжихъ, тонкихъ цвѣтовъ, превосходное бѣлье, лѣтніе панталоны изъ вычурныхъ матерій, лакированные башмаки, штابلеты изъ свѣтлаго казмира съ перламутровыми пуговицами. Итальянецъ безъ церемоній выбралъ себѣ все лучшее. Онъ былъ почти одного роста съ Леонсомъ, и платье сидѣло на немъ какъ-нельзя-лучше; онъ не забылъ взять и пару перчатокъ, и съ жадностью наслаждался ихъ ароматомъ. Преобразовавшись съ ногъ до головы, онъ бросился въ объятія своему новому другу, говоря, что онъ обязанъ ему величайшею радостью, какую только испытывалъ въ своей жизни. Потомъ онъ столкнулъ ногою въ воду тряпце, приводившее его въ ужасъ, развязалъ узелокъ, бросилъ грубый платокъ, въ которомъ все было завернуто, тоже въ воду, и къ величайшему удивленію Леонсы досталъ женскій портретъ, осыпанный брилліантами, довольно-тяжелую золотую цѣпь и два батистовые платка,

шитые кружевами. Вотъ все, что было въ его дорожномъ сакѣ.

— Вы удивляетесь, видя, что человекъ въ родѣ нищаго сохранялъ такіе предметы роскоши, сказалъ онъ, дразируя какъ-можно-красивѣе золотую цѣпь на бѣломъ жилетѣ; это все, что осталось мнѣ отъ моего минувшаго блеска, и я разстался бы съ этими вещами только при послѣдней крайности. *Che volete, signor mio? ahia!*

— Такъ вы были богаты? спросилъ Леонсъ, пораженный непринужденностью его въ новѣмъ костюмѣ.

— Богатъ на недѣлю — бывалъ разъ сто. Вы хотите знать мою торію? я расскажу вамъ ее.

— Расскажите дорогой; ступайте за мною, сказалъ Леонсъ. — Идемъ этотъ чемоданъ ко мнѣ въ коляску.

— Вы въ дорогѣ, свиньоръ?

— Нѣтъ, на прогулкѣ, и можетъ-быть на нѣсколько дней. Хотите вы участвовать въ ней?

— Очень-радъ, тѣмъ болѣе, что могу быть для васъ въ одномѣ и приятенъ и полезенъ. Я не безъ маленькиихъ талантовъ, и въ теченіи восьми дней, что брожу здѣсь, узналъ уже эти горы какъ свои пять пальцевъ. Я не могу нигдѣ оставаться. Голова моя непрестанно уноситъ ноги, чтобъ отмстить сердцу, которое ежеминутно уноситъ голову. Но чтобъ объяснить вамъ мой способъ путешествія, то-есть мой образъ жизни, я долженъ раскрыться передъ вами вполне.

«Не знаю, гдѣ я родился, не знаю, какой знатной грѣшницей или несчастной заблудшей дѣвушкѣ обязанъ жизнію. — Жена торговца рыбою нашла меня однажды утромъ въ полѣ близъ дома, на берегу Тибра, и назвала меня Теверино, иначе: *Tiberinus*. Мнѣ было года два; я не могъ сказать ни откуда я, ни кто мои родители. Добрая женщина воспитала меня, не смотря на свою бѣдность. У ней не было сыновей, и она надѣялась, что я прииду помогать ей, когда буду въ состояніи работать. Къ несчастію, я родился нетрудолюбивымъ; природа одарила меня лѣнностью, и это всегда наводитъ меня на мысль, что я происхожу отъ знатной крови, хотя по образу мыслей и принадлежу къ черни. Одинъ изъ двухъ виновниковъ дней моихъ несомнѣнно былъ изъ рода бѣдняковъ, которымъ суждено все пріобрѣтать своими руками; и что касается до моего проблематическаго происхожденія, съ этой стороны я краснѣю за него всего больше. Ребенкомъ я любилъ ловить рыбу, но любилъ ловить больше какъ искусство, нежели какъ промыселъ. Дѣ, я чувствовалъ уже, что рожденъ для изобрѣтеній. Я съ жаромъ владался

въ опасныя и сильныя упражненія, и не былъ падохъ на барыши. Подстеречь, схватить добычу—это доставляло мнѣ неописанное удовольствіе; но я не умѣлъ торговаться и продавать ее. Деньги я терялъ, или давалъ въ займы первому встречному. Сердце меня было доброе, и я ни въ чемъ не могъ отказать мнѣ маленькимъ товарищамъ. Я помогалъ имъ выгодно продавать ихъ товаръ, вмѣсто того, чтобъ стараться сбыть свой. Словомъ, я приводилъ въ отчаяніе мою бѣдную воспитательницу своимъ безогрыстіемъ и щедростію, которыя она называла глупостію и дурнымъ поведеніемъ.

«Между-тѣмъ, я росъ и крѣпчалъ; она старѣла и слабѣла. Кончилось тѣмъ, что однажды, не имѣя силъ поколотить меня,—что было до-тѣхъ-поръ ея единственнымъ утѣшеніемъ, — она выгнала меня изъ дома, давъ мнѣ на дорогу свое проклятіе и два кармана.

«Мнѣ было десять лѣтъ; я былъ хорошъ собою, какъ Кувалда. Одинъ извѣстный живописецъ замѣтилъ меня на улицѣ и звалъ къ себѣ; я служилъ ему моделью. Съ меня списалъ онъ святца Іоанна-Крестителя ребенкомъ, потомъ Джіотто, потомъ Іисуса, учающаго въ храмѣ. Наконецъ, когда моя фигура сдѣлалась ему больше не нужна, онъ далъ мнѣ 20 золотыхъ монетъ и отпустилъ, совѣтуя одѣться получше, если я хочу найти себѣ мѣсто и заработать хлѣбъ. Я чувствовалъ уже, что во мнѣ пробуждается наклонность къ роскоши, но понималъ, что теперь не время удовлетворить ей. Я побѣждалъ къ своей воспитательницѣ, отдалъ ей все, что у меня было, и когда она, тронутая добротою моего сердца хотѣла удержать меня у себя, объявилъ ей, что независимость мнѣ понравилась, и что я хочу избрать себѣ занятіе по волѣ.

«Занятіе нашлось скоро, то-есть ихъ нашлось сто, и я ни одному не посвятилъ себя исключительно. Я любилъ перемѣны; во мнѣ родилась страсть къ свободѣ, необузданное желаніе узнавать все, что мнѣ казалось прекраснымъ и благороднымъ. У меня развивался уже прекрасный голосъ; наружность и умъ говорили въ мою пользу. Будучи увѣренъ, что могу очаровывать глаза и слухъ, я ни о чемъ не заботился и думалъ только о развитіи своихъ природныхъ способностей. Я былъ попеременно натурщикомъ, лодочникомъ, жокеемъ, хористомъ, театральнымъ фигурантомъ, ултаннымъ пѣвцомъ, продавцомъ раковинъ, слугою въ кофейнѣ, чирроне... Да! Этотъ послѣдній промыселъ и ремесло натурщика доставили мнѣ больше всего прибыли, если не въ-отношеніи къ кошелю, то въ-отношеніи къ уму. Разговоръ съ художниками и ежедневное изученіе образцовыхъ произведеній искусства до такой степени развернули мои идеи, что скоро я началъ сознавать себя, по сужденіямъ и изобрѣтенію, выше скульпторовъ и живописцевъ,

горше старались воспроизводить мою фигуру, — выше путешественность всех націй, которыхъ я посвящалъ въ созерцаніе чудесъ ма. Забывая невежество и духовную нищету людей, съ которыми шлъ дѣло, я все болѣе и болѣе чувствовалъ необходимость быти выше другихъ. Я не любилъ чтенія. Учиться изъ книгъ — работа слишкомъ-холодная и слишкомъ-продолжительная для бырой моей понятливости. Я старался какъ только могъ сблизиться съ людьми истинно-даровитыми, и, почти всегда жертвуя и этой цѣли собственными выгодами, научился всему изъ разговоровъ. Бывъ лодочникомъ или жокеемъ, я наблюдалъ и узналъ пычки и нравы свѣтскихъ людей; будучи дискантомъ въ хорѣ оперныхъ хористомъ, развилъ въ себѣ музыкальное чувство и нѣлъ сценическое искусство. Распѣвая на перекресткахъ, показывая кукольную комедію и торгуя бездѣльями, изучилъ я всѣ ассы и понялъ ощущенія публики и причины ихъ. Я былъ какъ и сметливъ, смѣлъ и скромнень, умѣлъ уговаривать и езиралъ обманъ, — у меня вездѣ были друзья и нигдѣ не было покровителя. Принять чье-нибудь покровительство — значить гупить въ зависимость; все похожее на это мнѣ ненавистно... заренный безпримѣрнымъ талантомъ подражанія, увѣренный въ то, что могу позабавить, растрогать, удивить кого бы то ни было, не прожилъ ни одного часа, въ который не могъ бы разсчитаться на мои неизсякаемыя средства.

«По-шрѣ-того, какъ я мужалъ, эти средства не уменьшались, а еслтерались. Когда настала пора нравиться женщинамъ... счастье ело за меня, но я не употреблялъ его во зло. Та же лѣсть, которая не давала мнѣ расточать совершенства моего сущства на ремесло торговца рыбою, и которая въ сущности была то иное, какъ инстинктивное уваженіе къ сохраненію моего мочества, — не покидала меня и въ сношеніяхъ съ прекраснымъ юнъ. Разборчивый и скрытный, я ненадого привязывался къ юку, не предавался эгоизму, хотѣлъ жить сердцемъ, чтобъ аться совершеннымъ и непобѣдимымъ въ моей гордости. Я лъ милосердъ безъ принужденія; мнѣ часто измѣняли, но меня не ганывали. Я побѣждалъ многихъ соперниковъ, но не унижалъ ю. У меня было много связей, и я умѣлъ разрывать ихъ безъ ады и горечи. Вотъ портретъ женщины, которая до того му- ала меня своею ревностью, что я принужденъ былъ ее покинуть; я берегу портретъ ея въ память доставленныхъ ею мнѣ удоволь- ній, не показываю его никому, и не продаю брильянтовъ, хотя гъ уже восьмой день питаюсь только чернымъ хлѣбомъ и козьимъ лкомъ.»

— Но что же причиною вашей теперешней нищеты? спросил Леонсъ.

— Съ одной стороны, любовь къ путешествіямъ, съ другой — любовь, чистая любовь, *signor mio!* Едва удавалось мнѣ собрать нѣсколько деньжонокъ, я оставлялъ ремесло, доставившее мнѣ имя, потому-что оно уже не приносило мнѣ удовольствія, уходилъ и путешествовалъ по Италіи. Я прошелъ всѣ ея области, наслаждался доволствомъ, когда могъ, подчиняясь самымъ философскимъ лишеніямъ, когда кошелекъ бывалъ пустъ. Часто даже я какъ-то наслаждался этою нищетою, дававшей мнѣ чувствовать цену рачеточаемыхъ мною благъ, и ждалъ съ гордостью, пока живыя желавія не заставятъ меня страхнуть сладостную апатію. Иногда хотѣлъ выпутываться изъ стѣсненнаго положенія, чувствуя, что художнической вдохновеніе мое не достигло еще своего апогея, и рѣшался лучше голодать, нежели плохо декламировать или пѣть. Какое наслажденіе обудывать свой геній уваженіемъ къ нему! Иногда овладевала мною любовь, и я находилъ удовольствіе разсыпать свое золото передъ моимъ идоломъ; я бывалъ счастливъ еще болѣе, упоенъ выше всякаго описанія, когда разорался и видѣлъ, что богиня моя привязывается къ моей нищетѣ и любитъ меня тѣмъ болѣе, что мнѣ нѣчего дарить ей. Да! въ такомъ положеніи я ждалъ, бывало, долго, не подвергая такой любви новому испытанію, то-есть не подымаясь на колѣсѣ фортуны, — потому-что благородное сердце привязывается неотразимо только къ несчастному.

— Теверино, ваши слова проникаютъ мнѣ въ душу, сказалъ Леонсъ. — Если вы не хвастаете, вы одно изъ величайшихъ сердецъ, одинъ изъ оригинальнѣйшихъ характеровъ, какіе только удавалось встрѣчать мнѣ. Когда вы начали рассказывать свою исторію, я вспомнилъ заглавіе одной главы у Раблѣ, которое вы, конечно, знаете, потому-что чего вы не знаете!..

— *Какъ Пантэрюель встрѣтился съ Панюржемъ...?* сказалъ, смеясь, Итальянецъ.

— Именно, отвѣчалъ Леонсъ: — и кажется, я могу докончить фразу, *котораго полюбилъ на всю жизнь.*

— Мнѣ часто приводили эту главу, потому-что всѣ, кто любилъ меня, находили меня у себя подъ ногами. Но я скоро вышлся до уровня ихъ сердца и даже выше головы иныхъ; вотъ въ чемъ я Панюржъ лучшей породы, нежели Панюржъ Раблѣ. Во мнѣ нѣтъ ни его пизости, ни цинизма, ни обжорливости, ни хвастливости, ни эгоизма; общее у меня съ нимъ хитрость и случайности счастья. Если вы возьмете меня съ собою на нѣсколько дней, увидите, что, раздѣляя удобства вашей жизни, я не упо-

люблю ихъ во зло ни на минуту. Когда я буду сытъ (и ваше общество надоѣсть мнѣ вѣроятно скорѣе, нежели мое вамъ) — вы вѣдите, что будете жалѣть обо мнѣ, и что «вы» обязаны мнѣ благодарностью.

— Дѣло очень-возможное, сказалъ смѣясь Леонсъ: — хотя я наложу къ васъ сходство съ Панюржемъ, которое вы отрицаете, — именно хвастовство.

— Нѣтъ, тотъ хвастунъ, кто обѣщаетъ и не исполняетъ. . Не бѣжайтесь, слыша отъ меня, что короткость наша надоѣсть скорѣе нибъ, нежели вамъ. Не вы въ этомъ виноваты: я замѣню къ васъ гений и великую душу; но вѣщшія обстоятельства, зависящія ни отъ вашей, ни отъ моей воли, — свѣтъ, который бѣдѣваетъ меня на минуту и скоро надоѣдаетъ, — иго какого-нибудь обычая, которому я съумѣю покориться только на извѣстное число часовъ, — какое-нибудь лицо, которое васъ очаруетъ, во мнѣ пробудитъ антипатію, — наконецъ, капризъ моего непопояннаго духа, который увлечетъ меня куда-нибудь къ новому положенію вещей, — то или другое заставитъ меня оставить васъ. Но вамъ не прійдется краснѣть за знакомство со мною, и клянусь вамъ, имя Теверино никогда не будетъ для васъ ненавистно.

— Чувствую, что вы меня не обманываете, отвѣчалъ Леонсъ: — хотя ваше непостоянство и пугаетъ меня. Скажите: можете ли вы затѣять прожить двадцать-четыре часа моею жизнью, преобразиться съ ногъ до головы, въ нравственномъ смыслѣ, въ свѣтскаго человека, какъ преобразились уже наружно?

— Для меня не можетъ быть ничего легче; я буду такъ же доволенъ, такъ же благороденъ въ обращеніи, какъ вы; въ теченіе этого часа, что мы разговариваемъ, я уже изучилъ васъ. Сверхъ того, развѣ я не жилъ за-панибрата съ дворянствомъ, когда меня ласкали изъ-за моихъ талантовъ? Не-уже-ли вы думаете, что еслибъ я захотѣлъ быть всегда однимъ и тѣмъ же, лишитъ себя живыхъ опущеній, удержаться отъ разоренія въ одни сутки, и не оставлять маркизы, чтобъ броситься за цыганкой; еслибъ я захотѣлъ, такъ-сказать, *установиться*, подчиниться разнымъ требованіямъ, мучиться честолюбіемъ, подвергнуть свою гордость вѣснѣмъ пыткамъ завистливаго тщеславія, гнѣться передъ карризами вельможъ и вредить моимъ совмѣстникамъ, чтобъ упрочить свое счастье и репутацію, — не-уже-ли вы думаете, что я не достигъ бы того же, чего достигли многіе другіе, которые ступили въ свѣтъ въ маленькую дверь художниковъ, и, сдѣлавшись вельможами въ свою очередь, имѣли удовольствіе видѣть, какъ постигаются передъ ними на-стежь парадныя двери? Это для меня ничего не стоило бы; но легкость-то и оттолкнула меня. Можете

положиться на мое чувство приличія, покаместъ мнѣ угодно будетъ подчиниться ему, то-есть, на двадцать-четыре часа, — срокъ, на который я могу согласиться.

— Въ такомъ случаѣ, я выдамъ васъ за одного изъ моихъ пріятелей; скажу, что встрѣтилъ васъ въ горахъ на ботанической экскурсіи или философской прогулкѣ и представляю васъ одной прекрасной дамѣ; вы будете поддерживать ее въ этомъ заблужденіи, покаместъ я не скажу вамъ, чтобъ вы перестали.

— На такія условія я не могу согласиться; я буду замѣсть отъ вашего произвола и это охладить мой гешій. Договоръ на двадцать-четыре часа, ни больше, ни меньше, и обязательство должно быть обоюдное. Я не сдѣлаю ни шага дальше, если вы не дадите честнаго слова не снимать съ меня маски до двухъ часовъ по вольнѣ завтрашняго дня; я вижу по солнцу, что теперь два часа, и безъ-малаго. Съ своей стороны, даю вамъ право, если я итѣю собѣ раньше условеннаго срока, бросить меня, нагаго, оплѣ въ озеро, въ которомъ вы нашли меня.

— Согласенъ на честное слово, сказалъ Леонсъ.

Леонсъ и Теверино обошли рошу, гдѣ стояла коляска, сиди, и, никакъ незамѣченные, поставили чемоданъ на передокъ, и прежнее мѣсто.

— Положите меня; я пойду впередъ, сказалъ Леонсъ, уходя.

На дорогѣ встрѣтилъ онъ Мадлену, запыхавшуюся, съ койкой въ рукахъ.

— Ея сіятельство ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ, сказала она: — она поручила мнѣ отыскать васъ и сказать, что она очень скучаетъ. Да вотъ она сама идетъ черезъ ручей. Я отнесу это въ коляску.

Леонсъ побѣждалъ подать руку Сабинѣ, не беспокоясь, что Мадлена встрѣтитъ Теверино и не думая о томъ, что она очень-легко могла уже видѣть этого бродягу въ горахъ. Случай, по-видимому, благопріятствовалъ его намъреніямъ; едва успѣвъ отъ предувѣдомить Сабину, что хочетъ представить ей одного изъ своихъ друзей, какъ Теверино вышелъ изъ роши; птичница шла и нимъ поодаль, смотрѣла на него съ любопытствомъ, и, казалось, видѣла его въ первый разъ.

VII.

— Маркизь Тиберино де-Монтефіори, сказалъ Леонсъ: — старинный другъ мой; я былъ увѣренъ, что застаю его за собираніемъ цвѣтовъ для его превосходнаго альпійскаго гербарія. Прови-

этих посылаетъ намъ любезнаго спутника, если вы удостоите его ести быть въ вашей свѣть.

Прекрасная наружность и ловкіе приемы маркиза Теврино со-
гнали съ лица лэди Г. облако неудовольствія.

— Я по-неволю должна вамъ во всемъ повиноваться, шепнула
она Леонсу: — сегодня вы мой докторъ и повелитель; я должна
исполнять вашимъ предписаніямъ безпрекословно.

— На этотъ разъ, заслуга ваша будетъ не очень-велика, сказалъ
Леонсъ: — скоро я сошлюсь въ этомъ на васъ-самихъ. Маркизь,
подай руку милэди, а я постараюсь поймать нашего священника и
го форедей.

Священникъ совершалъ чудеса; въ упоеніи отъ многочисленныхъ
побѣдъ, онъ забылъ и время, и приходжанъ. Обо всемъ этомъ не-
го было и говорить ему. Онъ любовался, какъ трепещутся на
равнѣ серебристыя съ рубинами форедей, и въ большихъ круглыхъ
лазахъ его свѣтилась невинная радость. Леонсъ помогъ ему сплестъ
изъ пшвы и тростника садокъ, и форедей, живыхъ, опять погрузи-
ли въ воду, укрѣпивъ зеленую сѣтку между большихъ камней.

— Милости просимъ ко мнѣ на ужинъ, воскликнулъ священ-
никъ: — форедей будутъ чудо какъ вкусны.

— Кроме того, сказалъ Леонсъ:—въ дубовой чашѣ я замѣтилъ
превосходные грибы, сочные, огромные, и пришелъ попросить
васъ помочь мнѣ собрать ихъ.

— А! воскликнулъ священникъ: — пойдемте скорѣе, покажѣтъ
пастухи не сошли еще за коровами. Эти невѣжи растопчутъ гри-
бы; — вамъ непременно надо собрать ихъ. Вы хорошо сдѣлали,
что подождали меня; я знаю всѣ виды, годные въ пищу, а бере-
жанки надо выбирать съ особеннымъ вниманіемъ, потому-что очень-
много ядовитыхъ грибовъ, которые на нихъ похожи.

— Пусть Паниоржъ отдѣлывается, какъ можетъ! подумалъ Ле-
онсъ, увидѣвъ Теврино и Сабину сидящихъ въ некоторомъ раз-
стояніи на группѣ скалъ. Если онъ скажетъ какую-нибудь глу-
пость, — я не хочу красить за нее; но мнѣ лучше покориться слѣд-
ствіямъ испытанія, нежели идти имъ на встрѣчу.

Онъ ушелъ съ собою священника и Мадлену, которая, впрочемъ,
казалось, пошла за ними неохотно, говоря, что всѣ грибы ядови-
ты и годны только на отраву мухамъ.

— Это предразсудокъ многихъ крестьянъ, сказалъ священникъ: —
даже тамъ, гдѣ знаніе годныхъ породъ могло бы доставлять имъ
сочную и здоровую пищу.

Леонсъ прошелъ мимо Сабинны такъ близко, чтобъ она могла
подхватить его, если это tête-à-tête ей не нравится. Но она даже
какъ-будто не замѣтила его.

Углубившись въ чашу дубовъ, Леонсъ скоро разошелся съ священникомъ, котораго страсть къ открытіямъ увлекла въ кустарники, и о присутствіи котораго свидѣтельствовали только издали восторженныя восклицанія при видѣ новой группы шампиньоновъ. Мадлена покорно слѣдовала за Леонсомъ, держа свою большую соломенную шляпу вмѣсто корзины. Леонсъ клалъ въ нее только двѣты стародубки и листья мяты. Птичница была въ раздумьи, и ему показалось даже, что на блѣлыхъ рѣсницахъ ея блеснули слезы. — Что съ тобою, милая? спросилъ онъ, взявъ ее подъ руку. — Тебя что-нибудь тревожить?

— Ничего, отвѣчала дѣвушка: — такъ, — глупость; мнѣ кое-что пришло въ голову.

— Что же такое? спросилъ Леонсъ, прижимая ея маленькую ручку къ груди.

— Видите ли, сказала она простодушно: — мой другъ ушелъ сегодня еще до зари къ границѣ.

— Онъ оставляетъ тебя?

— О! сохрани Боже! я не думаю этого. Онъ взялся осмотрѣть въ горахъ одно замѣченное имъ ущелье; братъ говорить, что тутъ невозможно пройти, а онъ, напротивъ, утѣряетъ, что тутъ-то и ловче пропускать контрабанду; онъ не хочетъ быть намъ въ тягость, да и ремесло-то его соблазняетъ; онъ хочетъ помочь брату сыграть какую-то ловкую штуку, и обѣщаетъ возвратиться къ вечеру съ доброю вѣстью. А я боюсь, что онъ вовсе не воротится, и молча все молюсь Богу. Вотъ отъ-чего мнѣ хочется плакать.

— Переходъ къ ущелью, конечно, опасенъ, и ты боишься, чтобъ съ намъ ничего не случилось?

— Нѣтъ, не то. Переходъ, конечно, ужъ опасенъ, если братъ считаетъ его невозможнымъ; но другъ мой такъ ловокъ и благо-разуменъ, что на этотъ счетъ бояться нечего.

— Чего же ты боишься?

— Сама не знаю. Не спрашивайте меня, не умѣю вамъ сказать.

— Такъ я скажу тебѣ. Ты боишься, чтобъ онъ тебя не разлюбилъ, Гдѣ же твой давнишній увѣренность?

— Я ошибаюсь, не правда ли?

— Не знаю. Но не-уже-ли ты не утѣшишься, бѣдняжка?

— Не знаю, отвѣчала Мадлена, поднимъ глаза къ небу; — голось и взоры ея выражали не возмутительное сомнѣніе къ вѣрности, но ужасъ неопытности передъ скорбью.

— Дѣйствительно, ты этого не знаешь, сказалъ Леонсъ, внимательно глядя на выраженіе лица ея: — и чувствуешь, что если это и возможно, то по-крайней-мѣрѣ очень-трудно.

— Мне кажется это вовсе невозможно. Впрочемъ, одному Богу известно, какія чудеса можетъ сотворить онъ; вѣдь говорятъ же, что для молитвы его отъ всей души, онъ ни въ чемъ не откажется.

— Значитъ, прежде всего ты станешь просить его, чтобъ онъ избавилъ тебя отъ твоей любви? И объ этомъ молишь ты его, конечно, теперь?

— Нѣтъ, объ этомъ я буду молиться только тогда, когда буду вѣрена, что другъ мой уже не любитъ меня. Если теперь я стану просить сдѣлаться злою къ тому, кто до меня добръ, такой просьбы онъ не можетъ исполнить, еслибъ даже и хотѣлъ.

— Ты думаешь, что должно любить того, кто насъ любитъ?

— Да. Если Богъ позволилъ намъ любить его, такъ онъ не захочетъ, чтобъ его перестали любить по капризу; я думаю даже, что это очень гнѣвить Бога.

— А если есть на это достаточныя причины, тогда дѣло другое?

— Тогда это обязанность. Любить кого-нибудь, кто васъ не обижаетъ, значитъ оскорблять его, досаждаютъ ему, Богъ не захочетъ, чтобъ мы мучили своего ближняго, особенно за оказанное имъ добро.

— Ты большой философъ, Мадлена.

— Философъ? Не знаю, что это такое.

— Но вѣдь иногда любишь невольно, не смотря на то, что держишься говорить объ этомъ, и мучишь того, кто насъ пощадилъ.

— Да, и это должно быть очень-больно, сказала Мадлена, обдумывая при этой мысли.

— Въ такомъ случаѣ, молятся, дитя мое, и Богъ избавляетъ насъ отъ горя. Вѣдь это ты говорила?

— Тяжело молиться, я въ томъ увѣрена. Вѣчно думай просить не о томъ, чего хочется.

— То-есть, прося объ исцѣленіи, невольно ждешь быть дюймовой по-прежнему?

— Кажется, что такъ. Впрочемъ, не должно отчаиваться въ милосердіи Бога.

— И Богъ позволяетъ иногда внимать любви другаго?

— Не знаю. Если думаешь о другомъ, да еще дурна собою, удрепо кому-нибудь повратится.

— А чудеса Провидѣнія? Что, еслибъ кто-нибудь другой, кровью твоего друга, нашелъ тебя прекрасною, и еслибъ твоя любовь и скорбь не только не были бы для него неприятны, но дѣлали бы тебя еще прекраснѣе въ глазахъ его?

— Вы очень-ласковы и добры, сударь; по всему видно, что

вы вѣрите въ Бога и знаете его милосердіе лучше многихъ. Вы хотите утѣшить меня, представляя мнѣ вещи такъ; а мнѣ того грустно, что я еще не могу смотреть на нихъ по-вашему. Все думаю, какъ горько было бы мнѣ, еслибъ мой милый разбилъ меня; еслибъ я не боялась согрѣшить, я подумала бы, что ум...

— Подумай, что еслибъ ты отъ этого умерла, и твой другъ узналъ бы объ этомъ, онъ былъ бы несчастенъ на вѣки.

— И, можетъ-быть, Богъ наказалъ бы его за мою смерть? Нѣтъ, въ такомъ случаѣ я не хочу умирать!

— Ты добра и великодушна, Мадлена; предсказываю же тебѣ, что ты не будешь несчастна вполнѣ, и что Богъ не оставитъ сердца, подобнаго твоему.

— Ваши слова отрадны; я всегда хотѣла бы слушать васъ...

— Что же! Пусть буду я, Мадлена, по-крайней-мѣрѣ твоимъ совѣтникомъ и другомъ. Если случится съ тобою несчастье, я вѣрюсь мнѣ; можетъ-быть, я буду въ состояніи что-нибудь для тебя сдѣлать; положимъ хоть только утѣшать тебя религіею и поддерживать въ тебѣ бодрость.

— Дѣ, это правда; но вы изъ числа тѣхъ людей, которые проходятъ черезъ нашу сторону и не остаются здѣсь. Дня черезъ три вы будете, можетъ-быть, за тысячу лѣтъ отсюда.

— Возьми этотъ маленькій бумажникъ, да не затеряй его. Угостишь ты читать?

— Дѣ, и писать немножко умѣю; спасибо брату, который на меня училъ всему, что самъ знаетъ.

— Тутъ ты найдешь адресъ и бумаги, посредствомъ которыхъ можешь призвать меня сюда, или найти меня, гдѣ бы я ни былъ.

— Благодарю васъ отъ всей души, сказала Мадлена, укладывая бумажникъ въ карманъ: — я никогда васъ не забуду; я вѣрю, вы очень свѣдущи въ религіи, и сердце ваше добро для тѣхъ, кто въ горѣ. Я знаю, что я сдѣлаю. Если мой милый будетъ мнѣ неблагодаренъ, я пошлю его къ вамъ, и увѣрена, вы будете говорить съ нимъ такъ хорошо, что онъ не захочетъ больше огорчать меня.

— Чувствуешь ты ко мнѣ довѣріе и дружбу?

— И очень! отвѣчала птичница, простодушна прижимая къ сердцу руку Леонса.

— Такъ и есть! замѣтилъ священникъ, выходя изъ чина такую кучею шампиньоновъ, что едва могъ нести ихъ: — вотъ вы уже и за-просто, подъ-ручку. Потихо, Мадлена, потихо, въ лицо; не добрымъ это для тебя кончится.

— Не браните ея, отвѣчалъ Леонсъ: — все будетъ благополучно, если вы не будете вѣшаться.

— Гм! гм! возразилъ священникъ, покачивая головою: — вы не почете меня скромною наружностью; можетъ-быть, вы уже довольно восхищались сегодня надо мною! Оставьте-ка ея руку, да взгляните на мою добычу.

— Поидите сложить ее къ стопамъ лэди Г., сказалъ Леонсъ.

— А ваши грибы гдѣ же? Что это такое? Цвѣты, да дрянныя мши! На что онѣ годны? Ихъ и къ ракъ прикладывать нельзя!

— Они годны маркизу въ гербарій, отвѣчалъ Леонсъ. — Кстати маркизъ, подумалъ онъ: — любопытно мнѣ знать, не показалъ ли ротонгъ кончика своего уха.

Они нашли Тверино и Сабину на томъ же мѣстѣ, гдѣ оставили; но негрятянка и жокей были такъ далеко, а маркизъ къ близко къ лэди Г., — онъ смотрѣлъ такъ увѣренно и самодовольно, а у ней такъ сверкали глаза и разыгрался румянецъ, что а они были, но-видимому, довольны своей бесѣдой.

— Что это такое? сказала лэди Г., видя, съ какою гордостью складывалъ священникъ грибы на травѣ. — Ахъ! что за чудесные помидоры, что за огромные клубочки! Какія великолѣпныя странныя растенія!

— Великолѣпныя? странныя? повторилъ священникъ съ чувствомъ оскорбленнаго достоинства. — Скажите: «изящныя»; скажите: «свѣжія, сочныя, пахучія!» Богъ сотворилъ ихъ не на потѣху глазъ, но для наслажденія человѣческому желудку.

— Изящные, господинъ-священникъ, сказалъ Тверино, отбравши въ сторону какой-то грибокъ: — это не настоящій масленикъ.

— Можетъ-статься, можетъ-статься! сказалъ священникъ. — Когда съищешь собирать, немудрено ошибиться.

— Такъ вы во всемъ знатокъ? сказала Сабина, бросая пѣжный взглядъ на маркиза. — Чего вы не знаете!

— Ну, что? Какъ вамъ нравится мой маркизъ? спросилъ Леонсъ, вода ее въ сторону.

— Могу ли не находить его любезнымъ? Можно ли быть разнѣ о немъ мнѣній? Если онъ не то, чѣмъ кажется, такъ вы ступили слишкомъ-неблагообразно, представивъ мнѣ такого сомнительнаго человѣка.

Сабина говорила тономъ насмѣшки, но глаза ея, безъ ея вѣдома, подернулись какою-то влагой, необличавшею тайное упоеніе.

— Боже! Чѣмъ я надвдаль? подумалъ Леонсъ, и хотѣлъ уже поспѣе признаться, какую дуриую шутку сыгралъ съ ней, какъ вдругъ встрѣтилъ безнокейный и пронзительный взглядъ Тверино, напомнившій ему ихъ уговоръ и заставившій его молчать.

— Нѣтъ, это невозможно! подумалъ онъ: — эта холодная и гордая женщина не обманется такъ грубо; въ такого маркиза она не

влюбится съ перваго взгляда. И, при всемъ томъ, прибавилъ онъ, рассматривая Теверино, вполне вошедшаго въ свою роль: — ели смотреть только на дивную красоту этого цыгана, на его красоту, на его невзрачно-благородные пріемы, если внимать его гармоническому голосу, его сверкающимъ умомъ и поэзію рѣчи. — Можетъ ли быть кто-нибудь очаровательнѣе, можетъ ли кто пробудить сильнѣйшую симпатію? Не настоящій ли это итальяскій маркизь, которому равнаго нѣтъ, можетъ-быть, въ аристократіи цѣлаго міра? Найдется ли такая сдѣланная женщина, которую онъ не обольстилъ бы?

Леонсъ сдѣлался задумчивъ, и Сабина принуждена была дернуть его за платье, чтобъ вывести изъ раздумья. Солнце садилось; вѣтъ назадъ было самое время; священникъ обнаруживалъ нестерпимую изготовить фореаи и шампіййоны, и пригласилъ всѣхъ возвратиться къ нему въ село. Мадлена, сидя побдаль въ совершенномъ молчаніи, была, по-видимому, совершенно-равнодушна ко всему, что происходило вокругъ нея.

— *Signor Leontio!* спросилъ бродяга Леонса, когда они собирались съѣсть въ коляску:—влюблены вы въ леди Сабину?

— Вы очень-любопытны, *signor marchese!* отвѣчалъ Леонсъ съ ироническою сухостью.

— Нѣтъ! Но я вашъ другъ, вашъ вѣрный другъ, и долженъ знать ваши чувства, чтобъ не противорѣчить имъ.

— Вы пустой человекъ, *mon cher.*

— Вамъ уже досадно? Ну, что? не говорилъ ли я вамъ, что въ двадцать-четыре часа мы надобнымъ другъ другу? Я раскрылъ вашу тайну, и мнѣ нѣ для чего васъ расспрашивать. Леонсъ, вы сознаёте, что Теверино любезный человекъ! — И, вскакая на козлы, онъ сказалъ громко:—я буду кучеромъ! Эреб! продалъ онъ, обращаясь къ негряткѣ: — ты сядешь въ коляску, а я буду править. У меня страсть къ лошадямъ!

— Это не очень-любезно, замѣтила леди Г.; явно досадно такое распоряженіе.—Наше общество весь не приваждаетъ, сегодня-маркизь!

— И, свертъ того, вы идѣте чужой; прибавилъ священникъ. Мы разъ уже заблудились; не заставьте насъ, по-крайней-мѣрѣ, упасть вечерней росой и спать подъ открытымъ небомъ.

— Предоставьте маркизу распоряжаться какъ ему угодно, сказалъ Леонсъ:—и возвратите его звядѣ! Увидеть такъ править? еще силь онъ у Теверино.

— Можетъ-быть! отвѣчалъ онъ.—Я никогда не пробовалъ.

— Одолжай! воскликнулъ священникъ. — Станъ вы насъ опр

ете, переломаете намъ кости! Съ пропастями и узкими дорогами тутъ ничего! Дайте возжи жокю, онъ править очень-хорошо.

— Не дѣлай глупостей, шепнулъ Леонсъ Теврино: — если ты былъ кучеромъ, не берись не за свое.

— Все на свѣтъ иипровизируется, отвѣчалъ маркизь: — и я чувую въ себѣ такое вдохновеніе, что управлю лошадьми самого этюна.

Съ этими словами, онъ приударилъ по лошадямъ, и онъ пошелъ вскачь.

— Не туда, не туда! кричалъ священникъ. — Куда вы? Сент-оллинеръ на лѣво.

— Вы ошибаетесь, господишь-аббатъ, отвѣчалъ Фазтонъ. — Я ю горы лучше васъ. И, наклонившись къ Леонсу, который сидѣлъ какъ-разъ за нимъ, онъ спросилъ его на ухо: — куда ѣхать?

— Никуда, всюду, хоть къ чорту, если хочешь! отвѣчалъ ему онъ также тихо.

— Въ такомъ случаѣ — ко всѣмъ чертямъ! возразилъ Теврино, слова приударилъ лошадей, не слушая аббата, который скоро бѣднѣлъ и ошѣмѣлъ отъ ужаса.

Страхъ былъ не безъ основанія. Теврино былъ больше ловокъ, жели опытенъ. Безразсудный отъ природы, одаренный присутвіемъ духа, гибкостью и силою тѣла больше, нежели кто-нибудь другой, онъ презиралъ опасности, и не зналъ ни нравственныхъ, ни матеріальныхъ препятствій, отъ которыхъ не могъ бы вернуться, или которыхъ не могъ бы преодолѣть. Съ этими убѣжденіемъ, восхищенный энергією и стройностью лошадей Леонса, онъ пустилъ ихъ вдоль пропастей, позаботясь укоротить ихъ бѣгъ, иа дорога становилась страшно-узкая, задѣвая за пни деревь и иступы скалъ, разонъ взлетая на крутые скаты, съезжая съ нихъ весь духъ, взметая горячую пыль на закраинѣ отвѣснаго рва, днѣ котораго ворчалъ ручей. Сначала, Сабинъ тоже стало страшно, очень-страшно; находя шутку довольно-плоскою, она начинала опасаться, что этотъ итальянскій маркизь изъ числа худо-воспитанныхъ людей, которые видятъ глупое удовольствіе въ страдапихъ робкой женщины. Она не выказала, однакожъ, ни своего рая, ни неудовольствія; она знала, что слабый можетъ въ подобномъ случаѣ отомстить только тѣмъ, что не потѣшитъ грубой рзості зрѣющимъ своей жуки. Сабина была столько горда, что орѣ готова была идти на встрѣчу смерти, нежели моргнуть. Она заставала себя смѣяться и дразнить священника, хотѣ въ ду-тв болалъ еще больше, нежели онъ.

Но скоро страхъ уступилъ въ ней мѣсто какой-то восторженной глупости; она видѣла, что Леонсъ завидуетъ невѣроятной ловко-

сти маркиза, и такъ-какъ опасность была побуждаема каждою минутою, она пашла новый предлогъ удивляться Теверино, который часто оборачивался къ ней, какъ-будто черная изъ ея похвалы была выла сила.

— Онъ несется какъ сумасшедшій, говорилъ Леонсъ, шипя глазами пропасть: — такъ вѣхать недурно, лишь-бы это долго продолжалось. Не боятесь ли вы, миледи? Не попытаться ли образумить его?

— А чего мнѣ бояться? отвѣчала она, въ свою очередь глядя въ пропасть съ удивительнымъ равнодушіемъ: — разве вашъ другъ не волшебникъ? Мы несемся чудомъ и могли бы полетѣть и минуть по водамъ, еслибъ все вѣрили въ него, какъ я.

— Это ужъ не вѣра, а фанатизмъ.

— Вы такой же фанатикъ, потому-что вѣрили ему свою и нашу судьбу.

— Признаюсь, онъ во всемъ проворнѣе, нежели я предидѣлъ и какъ-будто ошьянѣлъ отъ бѣшенаго удовольствія удачи.

— Энергическая натура! львиная смѣлость! сказала Сабина, задѣтая упрекомъ. — Эта опасность одушевляетъ меня, и изъ всѣхъ вашихъ сегодняшнихъ выдумокъ эта больше забавляетъ меня.

— Въ такомъ случаѣ, удвоимъ пріемъ. Пошелъ, маркизъ! Ты задремалъ.

Теверино двинулъ такъ сильно, что священникъ опрокинулся назадъ коляски, полуживой отъ страха, и началъ мысленно читать *Ин тамиз*.

Сабина захохотала; негрятка перекрестилась. Что касается до Мадлены, она одна была истинно-безстрашною и совершенно-рациональною къ опасности. Она смотрѣла на золотыя облака запада гдѣ являлись и исчезали истребы, пробужденные приближеніемъ вечера.

УИИ.

Лошади приемирѣли, однакоже, на одномъ взъездѣ и священникъ пришелъ къ чувству. Пропасть исчезла; коляска вѣхала по узкой ложбинѣ, довольно-плохой для ѣзды, но гдѣ паденіе не могло имѣть такихъ серьезныхъ послѣдствій, какъ на краю пропасти.

— Гдѣ же мы? спросилъ священникъ, вздохнувъ волею. — Я не узнаю этого мѣста; горизонтъ запертъ со всѣхъ сторонъ. Но, сколько я могу сообразить, мы ѣдемъ все не къ моему колокольню.

— Будьте спокойны, г. аббатъ! сказалъ Теверино. — Всякая до-

ега вѣдетъ въ Римъ, и этимъ немного-безпокойнымъ проселкомъ имъ нивуекъ длинный объездъ по косогору.

— Если удастся перевзхать чрезъ ручей, спокойно замѣтила Мадлена.

— Кто говорить о ручьѣ? воскликнулъ маркизъ.— Ты, моя милая!

— Я, отвѣчала дѣвушка.— Если воды немного, такъ перѣдемъ; не то...

— А не то перѣдемъ по мосту.

— По мосту для пѣшеходовъ со ступенями?

— Перѣдемъ, клянусь Мухаммедомъ!

— По нѣтъ, пожалуй! отвѣчала беззвѣстная Мадлена.

— А я клянусь, что выйду изъ коляски и пройду по мосту скандій, подумалъ священникъ.

Вода въ ручьѣ, по-видимому, была не очень-высока, и Теврино хотѣлъ уже пуститься вбродъ, какъ Мадлена, съ спокойною самоуверенностью наклонившаяся впередъ, остановила его съ лоу.

— Вода нечиста, сказала она:— въ нее непременно упала большая лавина не дальше, какъ часа два тому назадъ. Вы не проходите.

— Миледи, хотите ли вѣрнуться нѣтъ? сказалъ Теврино.— Ручья нѣтъ, что мы продемъ. Кто боится, пусть выходитъ.

— Я выйду! воскликнулъ священникъ, спрыгивая на подножку. Зрителка послѣдовала за нимъ; а жокей, боясь утонуть и въ то время боясь показаться трусомъ, сталъ передъ лошади, въ ожиданіи, что на что-нибудь рѣшатся.

— Сабина, сказалъ Леонсъ повелительнымъ тономъ:— выходите!

— Я не выйду, отвѣчала она:— въ первый разъ чувствую я удовольствіе, которое можно найти въ опасности. Я не хочу лишиться этого ощущенія.

— Я этого не допущу, возразилъ Леонсъ, съ силою схвативъ ее за руку.— Это просто безуміе!

— Вы не имѣете никакого права надъ моею жизнію, Леонсъ, и, хъ того, маркизъ отвѣчаетъ за нее.

— Маркизъ глупецъ! воскликнулъ Леонсъ, раздраженный впрочемъ, такъ безумно-высказавшеюся страстью леди.

Маркизъ обернулся и взглянулъ на Леонса сверкающими глазами.

— Вы хотите сказать, что вы оба безразсудны, сказала Сабина, желая скрыть свой испугъ при этой ссорѣ.— Я уступаю вашей глупости, Леонсъ; маркизъ, вы тоже сойдете. Жокей плаваетъ рыба и можетъ одинъ рискнуть переправить коляску.

— Я плаваю лучше всѣхъ жокеевъ и рыбъ въ мѣрѣ, отвѣчала

Теврино: — да, сверхъ того, не вижу, зачѣмъ атому мальчику расковать жизнью болѣе мѣся, Я того мнѣнія, что чепуха стѣтъ чепуха; я хотѣлъ рискнуть переѣхать: слѣдовательно, я одинъ долженъ подвергнуться слѣдствіямъ. Чтѣ стѣтъ ваши лошади, до оны? прибавилъ онъ небрежнымъ тономъ богача.

— Дарю тебѣ ихъ, отвѣчалъ Леонсъ: — утопи ихъ, если угодно. Но на томъ берегу я скажу тебѣ царю слово, прибавилъ онъ въ полголоса.

— Вы мнѣ ничего не скажете; но завтра, въ два часа дополу ни, я поговорю съ вами, сказалъ Теврино. — Вы зачѣмъ такъ дователью, я имѣю право назначить часъ, а дамъ за то представлю выборъ оружія, Дрѣтъхъ-дурѣ, изъ уваженія къ самому-себѣ, — вы же представили меня дѣди, — притворитесь моимъ короткимъ пріятелемъ, такъ, чтобъ дружба извѣщала ваши грубыя слова.

— Дурѣ? Дурѣ съ вами? Чтѣ жъ? извольте! отвѣчалъ Леонсъ, и прибавилъ вслухъ: — Если мы не будемъ драться, маркизъ, обмѣнявшись такими любезностями, такъ это потому — что ни дѣдъ, ни меня не могутъ обвинить въ трусости; а въ доказательство, мы перѣидемъ ружей вмѣстѣ. Ну, чтѣ ты тамъ дѣлаешь? спросилъ онъ Мадлену, которая легко вскозила на козлы воздѣ маркиза.

— Э! для меня нѣтъ опасности, сказала она: — и я пуща вахъ, чтобъ указывать направление. Направо, г. маркизъ, а потомъ налево; трогайте!

Прочіе путешественники, взошедъ на мостъ, не безъ изумленія остановились посмотреть на опасную переправу. Посреди рѣки быстрая теченія приподняла коляску, подплывшую какъ чепуха увлекая лошадей къ острымъ аркамъ матерьякаго моста.

— Уступите теченію и потомъ опять впередъ! сказала Мадлена наблюдаящая холдиде, какъ-будто дѣло шло о самой легкой вещи.

Дошадя, сильно-понуждаемья и, къ-счастію, столько сильныя, что легкая коляска не могла увлечь ихъ за собою, съдѣлали нѣсколько прыжковъ, потеряли дно, пошли вплавь, слова вышли на скалу, споткнулись и, поднявшись на ноги подъ мощною рукою искателя приключеній, благополучно достигли болѣе-медкаго моста, оттуда легко дошли до берега; упряжь была цѣлехонька, передъжаршія замочились только брызгами.

— Видите, синѣйора, вы могли переѣхать! сказалъ Теврино дѣди Г., подѣшавшей поздравить его съ побѣдой,

— Нѣтъ! сказалъ священникъ, думая объ опасности, какой могъ подвергнуться: — васъ унесло бы, еслибъ коляска была тяжелѣе. Имянно я не легко, и подвергъ бы опасности и васъ и себя. Это чувствовалъ.

Сѣли опять въ коляску; жюкей занялъ мѣсто сѣдла, а птичш

тазась на козлахъ, воздѣ Тверино, который, казалось, очень живо разговаривалъ съ нею въ продолженіи остальнаго переѣзда. Они разговаривали тихо, наклонясь другъ къ другу, и Сабина шептала тихонько, что если Мадлена не поостережется, то легко можетъ случиться, что другой займетъ мѣсто *ея милаго*.

— Этого нечего бояться, сказала Мадлена, слухъ которой былъ оноекъ какъ у птицы, и которая, какъ-будто вовсе не слушая, е проронила ни одного слова Сабини, — Не я первая измѣню!

— И не оны, я готовъ дождаться въ томъ моимъ вѣчнымъ спасеніемъ, весело воскликнулъ маркизъ: — ты такая добрая, такая ялая дѣвушка, что я не понимаю, какъ можно измѣнить тебѣ!

— Вотъ такъ-то, сказалъ священникъ: — эти господа-любезники кружатъ ей голову своими комплиментами. Одинъ подаетъ ей прогулку руку, точно какъ какой-нибудь прекрасной дамѣ; другой говоритъ ей, что она мила, а она, глупая, и не замѣтитъ, о надъ ней смѣются.

— Такъ это вы подаете ей руку, Деонсъ? спросила Сабина изъ удивленія.

— Почему же нѣтъ? Развѣ вы тоже не увалили ея подъ руку? Развѣ мы не обязаны обращаться съ ней, какъ съ равной, если уже хитрили ея и сдѣлали нашей собесѣдницей? И за что бы г. священнику доидать насъ, что мы выполняемъ законъ братства? Это одно изъ невинныхъ и романтическихъ удовольствій нашей прогулки.

— Я не люблю романтическихъ вещей, сказалъ священникъ. — Хотите видѣть на долго, и держитесь только въ голову. Вы, господа патная молодежь, вы тѣщите съ минуту чужою простотою, а потомъ, когда расплатитесь, все изъ ума вонъ. Пусть Мадлена насъ узнаетъ, господа; посмотримъ, что останется при ней: знатный вельможа, который откажетъ ей въ воспоминаніи, или старый священникъ, который, добравъ ея, какъ она того стоитъ, придетъ ея къ раскаянію и примиритъ съ Богомъ.

— Этотъ почтенный священникъ дугаетъ меня, сказала Сабина, бѣгая къ Деонсу. — Надѣюсь, другъ мой, бѣдная Мадлена не на пути къ гибели?

— Я могу отрѣзать яа себя, сказалъ Деонсъ.

— Но не за маркиза?

— Причащаюсь вамъ, да маркиза я никакъ не ругаюсь. Онъ ходитъ собою, краснорѣчивъ, страстенъ; всѣ женщины ему нравятся, и онъ нравится всѣмъ женщинамъ. Вы какъ думаете, Сабина?

— Право, не знаю. Не мѣшало бы, можетъ-быть, посадить ея въ колодезь.

— Тѣмъ болѣе, сказалъ священникъ: — что дорога опять становится дурна, скоро сдѣмнѣетъ, и если г. маркизъ будетъ тѣмъ-

побудь разсѣяль, такъ мы опять подвергнемся опасности. Посадитъ ему вивсто птичницы погрятянку.

— Не ручаюсь, что онъ не развлечется точно такъ же браунеткой какъ и блондинкой, сказалъ Леонсъ. — Вѣрнѣе всего посадить съ нимъ васъ, г. священникъ!

Это мнѣніе было принято, и Мадлена вошла въ коляску, не обпаруживая ни досады, ни стыда, ни сожалѣнія. Задумчивость ея совершенно прошла, и лучи заходящаго солнца разливали по румянымъ щекамъ ея яркій свѣтъ юности и жизни. — Посмотрите какъ эта дурушка похорошѣла! сказалъ Леонсъ по-англійски лэди Г.: — жгучее дыханіе Тверрино преобразило ее.

Сабина попробовала шутить на тотъ же ладъ; но взглядъ ея омрачало смертельное уныніе: ревность загаралась въ сердцѣ ея подъ видомъ презрѣнія, и всѣ намеки Леонса на победы марки пробуждали въ ней болѣзненный стыдъ. Она старалась утѣшить себя, что не чувствовала, подобно Мадленѣ, какъ жгучее дыханіе Тверрино пронеслось надъ ея головою громовою тучей.

Прошло съ полчаса, пока она не отогнала отъ себя досады и возвратилась къ гордо-спокойному состоянію духа. Наконецъ, Сабина начинала чувствовать, что она побѣдительница, и очарованіе, казалось ей, не могло уже на нее дѣйствовать. Тверрино, чтобы развлечь священника, который, все-еще лаская себя надеждою, что они ѣдутъ въ село, удивлялся, что не узнаеть окрестностей, вступилъ съ нимъ въ важное преніе о богословскихъ предметахъ. Въ-продолженіи своей полной приключеній жизни, онъ терся между людьми всякаго званія. Онъ въблизи видѣлъ несколько прелатовъ, нѣсколько ученыхъ монаховъ, и былъ въ числѣ тѣхъ людей, которые слышать, понимаютъ, и помнить все безъ малѣйшаго усилія. Въ памяти его сохранилось нѣсколько обрывковъ изъ цитатовъ, толкованій и возраженій, пренія о которыхъ ему случалось слушать, подавая, можетъ-быть, блюда на столъ духовныхъ гастрономовъ, или стирая пылъ съ лавокъ въ залѣ маданія богослововъ. Онъ былъ далеко не такъ ученъ, какъ священникъ, но могъ, при случаѣ, показаться гораздо-сильнѣе въ метафизическихъ тонкостяхъ. Священникъ былъ удивленъ и испорбленъ этою смѣсю новѣжества и знанія, и цыганъ былъ въ отголочке молиера *болыаю по неволь*; онъ видѣлъ, что противникъ сильнѣе его и запутывалъ его, увертываясь отъ отвѣтовъ на положительныя вопросы, и забрасывая его педантски-праздными вопросами съ своей стороны, такъ-что аббатъ серьезно задавалъ себѣ вопросъ: сильный ли это еретикъ во всеоружіи, или некая смѣшущійся надъ нимъ исподтишка?

По-временамъ додетали до слуха ихъ спутниковъ нѣкоторый

права диспута. «Это ересь, проклятая ересь!» воскликнул священник, не обращая уже вниманія на кочки и ухабы дороги.

— Вашу аббата вышелъ, кажется, изъ себя, сказала Сабина Леонсу:—что, вашъ другъ въ-самомъ-дѣлѣ ученый человѣкъ? Жаль, что я не слышу всего.

— Маркизъ знаетъ всего по-немногу, отвѣчалъ Леонсъ.

— Только по-немногу? Дá, по увѣренности его, этому можно позавидовать. Многіе Итальянцы таковы; это южный характеръ.

— Въ этомъ характерѣ есть свои прелести и недостатки: одни такіе дѣтскіе, что поневолѣ пасть ними смѣешься, другіе такъ когущественны, что поневолѣ имъ подчиняешься.

— Любезный Леонсъ, сказала Сабина, понявъ эпиграмму, припритую меланхолическимъ тономъ ея друга:—увидѣть — значить не больше, какъ замѣтить; право, это не значить еще подчиниться. Позвольте мнѣ говорить о вашемъ другѣ, какъ о чужомъ, и сказать вамъ, что это глиняная статуя съ золотыми венами.

— Дѣло возможное, отвѣчалъ онъ:—но золото такая драгоценная и соблазнительная вещь, что иногда нищѣи его и въ грязи.

— Вотъ слово, отъ котораго по-неволѣ вздрогнешь.

— Положимъ, что я сказалъ: въ глинѣ, эмблемѣ бренности; не приносите только этого къ характеру маркиза. Изучите его сами, Сабина; я не могу доставить вамъ замѣчательнѣйшаго предмета для наблюдений, и сдѣлалъ это не безъ намѣренія. Не ослышайтесь только, если хотите видѣть ясно. Признаюсь вамъ, я самъ давно потерялъ этого пріятеля изъ вида, и зная, какъ измѣчивы эти сильныя организаціи, такъ сказать, не узнаю его больше. Мнѣ надо взглянуть на него снова, и могу вамъ отвѣчать за него только до известной степени. Я предостерегъ васъ, берегитесь.

— Что значить «берегитесь»? Не опасаетесь ли вы, что я залечусь?

— Вы сами очень-хорошо знаете, какъ близка была опасность, и того близка, что вы хотѣли переѣхать черезъ ручей, рискуя жизнью, чтобъ только доказать ему ваше довѣріе и покорность.

— Не употребляйте обидныхъ и неточныхъ словъ. Подумаешь, то вамъ это было досадно!

— Какъ-будто вы не видѣли, что это меня разсердило!

— Право, вы говорите, какъ ревнивецъ.

— У дружбы есть своя ревность, какъ у любви. Вы сами сказали это поутру.

— Пусть такъ: это украшаетъ и одушевляетъ дружбу, сказала аббата съ неотразимымъ движеніемъ кокетства. Она ужаснулась, что едва не влюбилась въ Теверино, и старалась создать для себя предохранительное средство, подстрекая проблематическую страсть

Леонса. Это удалось ей слишком хорошо, Она взяла ее руку, согрѣлъ ее въ своей; она отдернула руку назадъ горячею, Мадлена казалась дремала, но при этомъ движеніи проснулась, и люди смутясь отъ удивленнаго взора птичницы. Она начала ласка ее, чтобъ удалить непріятныя мысли изъ ума дѣвушки; но ласка процѣстана не отъ чистаго сердца, и ей показалось, что Мадлена улыбается лукавѣе, нежели можно было ожидать от нея.

— Гдѣ мы? воскликнулъ вдругъ священникъ, оглядываясь всѣ стороны.

— Мы говоримъ о святомъ Жеромѣ, отвѣчалъ Теверино.

— Тащарь не до святаго Жерома; я спрашиваю, куда вы идете? Что это за долина? Куда ведетъ дорога? Куда это вы идете?

Она была на вершинѣ длинной, крутой отлогости; когда она повернула за скалу, между стѣнъ которой бѣжали цѣлый часъ, — у ногъ ихъ въ страшнѣйшей глубинѣ развернулась необозримая долина. Съ площадки, гдѣ находились путешественники, возносились еще къ небу гигантскія скалы, увѣчанцыя стѣгомы; впродолженіе вѣковъ суровая, страшная, страшно-романтическая; но теперь, по крутому скату, дорога сходила въ тысячу живописныхъ излучинъ на далекой планшѣ плодоносной, веселой, богато-растительной страны. Можетъ ли быть что-нибудь прекраснѣе подобнаго зрѣлища при закатѣ солнца, когда сквозь угловатую рамку альпійской природы, взоръ открываетъ роскошь плодоносныхъ зеленыхъ скаты переходныхъ холмовъ, озаренныя огнемъ и блескомъ пронасти зелена, развернутыя въ пространство, пылающія рѣки и озера, разсыпанныя по обширной картинѣ подобно плавающимъ зеркаламъ, и, дальше, голубоватыя пояса, перемежающіеся между собою, но не слитые, фиолетовый горизонтъ и дивно-свѣтлое, прозрачное небо? Сабича вскрикнула отъ восторга. — Ахъ, Девочка! сказала она, съ жаромъ схватила его руку; — какъ я вамъ благодарна, что вы зарезали меня сюда! Благодарю Бога за сегодняшній день!

— Я тоже благодарю васъ покорнѣйше, сказалъ священникъ съ отчаяньемъ: — не мѣшаетъ обратиться къ Богу, потому что обидѣ и кровѣ нечего и говорить. Мы льѣ за десять вѣровъ идемъ примехонько въ Миланъ, или Венецію, вмѣсто того, чтобъ отыскивать вашу полярную звезду и пѣтуха на нашей колокольнѣ.

— Вмѣсто того, чтобъ богохульствовать, сказалъ Теверино: — вы должны бы пасть на колѣни, аббатъ, и выхвалять Въяваръ, сохранившаго и хранителя такихъ великихъ предметовъ. Я очень желалъ видеть васъ лично въ рою, и не любилъ я васъ, я сейчасъ же донесъ бы на васъ лядюшкѣ моему, его святѣйшеству. Такъ ли, аббатъ, до-

ны бы вы приветствовать Италию и дорогу, ведущую въ вѣднѣйшій родъ?

— Такъ это Италия? воскликнула Сабина, поспѣшно вышедъ на порогъ.— Милая моя Италия, а которой мечтаю я съ самаго дѣтства и на которую владѣй-мунѣ мой едва позволялъ мнѣ смотреть и дѣлать шаги. Какъ, маркизъ? Вы завезли насъ въ Италию?

— О сая patria! завила Терерино, начиная своимъ прекраснѣйшимъ голосомъ благородный речитативъ изъ Ташкреда: «Terra degli avi ei, ti basio!»

— Заткните себѣ уши, сказалъ Леонсъ:— вотъ новый соблазнъ, отъ котораго я не предостерегъ васъ. Маркизъ поетъ какъ мой.

— А! это голосъ Итали! Какое мнѣ дѣло, изъ чьихъ устъ онъ несется! Мнѣ кажется, что этотъ гимнъ любви поютъ небо и земля, проливая его въ мое сердце. Италия! О, Боже! И такъ, я думаю право говорить, что приветствовала по-крайней-мѣрѣ ризантъ Итали! Этотъ высочайшимъ наслажденіемъ я обязана швейцарской изобрѣтательной воли и смѣлости нашего путеводителя. Позвольте благословить васъ обоихъ.

Съ этими словами, Сабина протянула имъ руки, и побѣжала, увлекаемая ими, къ хижинѣ изъ грубыхъ досокъ, на порогъ которой расорался таможенный сторожъ, старый, суровый солдатъ, въ уплырь темнаго какъ иглы ели зеленаго цвѣта, съ бѣлыми какъ нѣтъ горныхъ вершинъ усами.

— Сторожъ Итали, сказалъ ему смѣясь маркизъ:— Перберъ, приванный у порога Тартара! открой намъ ворота Эдема, и пропусти насъ съ земли на небо!

Сторожъ съ удивленіемъ и сомнѣніемъ посмотрѣлъ на фигуру юдаги, котораго недѣлю назадъ пропустилъ послѣ тысячи формальностей, хотя паспортъ у него былъ какой должно. Но Тевеино очень-ясно увидѣлъ изъ этой встрѣчи, что хорошая наружность и платье самые лучшіе паспорта: едва только Леонсъ показал свои бумаги и поручился за всѣхъ своихъ спутниковъ, какъ юдага гордо могъ пройти черезъ границу.

Кодяску остановили на минуту и осмотрѣли для формы. Золотая монета, небрежно брошенная Леонсомъ въ пыль, къ ногамъ сторожа, устранила всѣ затрудненія.

— Теперь, сказала Сабина, идя все впередъ съ Леонсомъ и маркизомъ:— я дѣйствительно, безъ метафоры, попираю ногами землю Итали; вдыхаю ея ароматы, и ея небо озаряетъ меня!

— Остановитесь здѣсь, сеньйора, сказала Малена, схвативъ ее за платье.— Я обѣщала показать вамъ при сахожденіи салница

кое-что удивительное, и г. священникъ не можетъ спать спокойно, если я не сдержу слова.

— Лишь бы было гдѣ лечь, я почти себя слишкомъ-счастливымъ! отвѣчалъ священникъ, зашыхавшись отъ усиленнаго бѣга и Сабиню. Видя, что она съѣла на краю дороги, рѣшившись подняться таланту птичницы, онъ легъ на траву, освѣжая себя своею широкою шляпей какъ вѣеромъ. Протнаться, или жаловаться у него уже не доставало силъ.

— Теперь пора, сказала птичница, быстро взбѣгая на скалы, обозначившія высочайшую точку гребня; съ ловкостью кошки она карабкалась съ площадки на площадку, до послѣдней, гдѣ теній силуэтъ ея обрисовался на жаркомъ колоритѣ неба, и гдѣ она начала махать своимъ краснымъ знаменемъ. Въ то же самое время, она сдѣлала зрителямъ знакъ, чтобъ они смотрѣли на небо надъ нею, и описывала поднятыми вверхъ руками какъ-будто магическій кругъ, указывая на точки, гдѣ видѣла парящихъ орловъ.

Но Сабина глядѣла напрасно; птицы исчезали на такой ужасной высотѣ, что только немовѣрное зрѣніе птичницы могло почувствовать или разглядѣть ихъ. Наконецъ, Сабина замѣтила нѣсколько черныхъ точекъ, сначала неопредѣленныхъ, и внимавшихъ, казалось, за облаками. Мало-по-малу, эти точки какъ-будто прошли сквозь облака; число ихъ и объемъ увеличился. Скоро можно было рассмотреть широкія крылья орловъ, и дикіе крики ихъ раздались какъ бѣсовскій хоръ въ странъ бурь.

Долго кружились они, описывая большія орбиты, безпрестанно стуживавшіяся, и стѣснившись наконецъ въ одну толпу, прямо надъ головою птичницы, начали качаться на крыльяхъ, опускаясь и подымаясь какъ воздушные шары, сдерживаемые непобѣдимомъ недоувѣрчивостію.

Тогда Мадлена, прикрывъ голову, спрятавъ руки подъ мантилью и подогнувъ подъ юбку ноги, упала на скалу какъ трупъ; въ ту же минуту туча хищныхъ птицъ ринулась на нее, какъ на добычу, которую готовились пожрать.

— Эта шутка опаснѣе, нежели думаютъ, сказалъ Теверино, доставая изъ коляски ружье Леонса и бросаясь на скалу. Можетъ-быть, она не видитъ съ какимъ множествомъ непріятелей имѣеть дѣло.

Мадлена, какъ-будто желая показать свою смѣлость, встала и замахала мантилей. Орлы отлетѣли, но, считая это переходящее движеніе за конвульсіи агоніи, держались вблизи, наполняя воздухъ мрачнымъ крикомъ, и едва-только птичница легла опять, какъ они снова на нее бросились. Она привлекала и отгоняла ихъ нѣсколько разъ; потомъ раскрыла свою голову, распростерла руки

стала неподвижно. Въ эту минуту Таверино поднялъ дуло ружья, чтобъ остановить кровожадныхъ животныхъ на лету, если будетъ адо. Но Мадлена сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ ничего не боялся, и подержавъ враговъ въ почтительномъ отдаленіи огнемъ своего взгляда, она медленно сошла со скалы, оставивъ на ней мертвую птицу, которою запаслась, никому не сказавъ этого, и которую завернула въ тряпку. Между-тѣмъ, какъ она сходила, орлы рослились на эту добычу, и начали оспаривать ее другъ у друга въ вострыми криками.

— Посмотрите, сказала Мадлена, подошедъ къ зрителямъ: — съ какою злостью бросились они на платокъ, который я тамъ забыла! Какъ они дерაკи, когда я не обращаю на нихъ вниманія! Пусть испиваютъ они свою побѣду! Это трусливыя и злыя животныя; они обвинуются, но не любятъ. Я увѣрена, что мои бѣдныя маленькія птички, хоть онѣ и далеко, слышатъ ихъ и умираютъ отъ страха. Еслибъ я измѣняла имъ такимъ-образомъ часто, я думаю, вы оставили бы меня.

— Однако я не думаю, чтобъ твои птицы зацѣпили за тобою юда? спросилъ Леонсъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она: — онѣ полетѣли бы и сюда, если бъ я хотѣла; но я знала, что здѣсь онѣ лишнія, и отослала ихъ ночевать въ лѣсъ на томъ берегу ручья.

— А гдѣ ты найдешь ихъ завтра?

— Это не мое дѣло, отвѣчала она гордо: — онѣ должны отыскать меня тамъ, гдѣ мнѣ угодно будетъ быть. Онѣ видятъ вдаль вверху, и покаместъ я пройду лѣсъ, онѣ могутъ пролетѣть двадцать.

— Если бъ вамъ оставалось только двѣ или три лѣ до какого-нибудь убѣжища, возразилъ священникъ, безъ всякаго участія котравшій на сцену съ орлами: — мы могли бы благодарить Провидѣніе.

— За этия дѣла не станеть, г. аббатъ, сказалъ Таверино. — Могу поручиться вамъ за добрый ужинъ, за добрый огонекъ, гдѣ можете просушиться отъ вечерней влаги, которая начинается быть чувствительною, и за теплую постель, на которой можете отдохнуть отъ усталости; развѣ что непременно захотите возвратиться и ночлежъ въ Сент-Аполлинёръ; въ такомъ случаѣ, если миледи облагодолитъ даровать вамъ свободу, вы можете возвратиться въшкомъ и прійти домой съ восходомъ солнца.

— Очень-благодаренъ за такую свободу! отвѣчалъ священникъ. — Такъ-какъ я попался къ вамъ въ руки, то не могу надѣяться освободиться, и если вы беретесь приютить насъ на ночь сносно, постараюсь забыть страхъ моихъ домашнихъ и удивленіе приходить, что завтрашняя обѣдня не зазвучитъ въ ушахъ ихъ.

— Завтра не воскресенье, и упушение съ вашей стороны не вольное, сказалъ Теверино. — Въ путь! съ Богомъ!

— А я! съ испугомъ спросила Сабина Леонса. — А мужъ мой который, вѣрнѣе, теперь уже проснулся и одѣвается выйдти к завтраку, — то-есть къ ужину, — въ мою половину?

— Говорите тише, чтобъ священникъ васъ не услышалъ; не веѣвъ васъ только его можетъ оскорбить подобное положеніе...

— Какъ? Провести ночь не дома? Да сплѣтняжъ конца не будетъ!

— Будьте уврены, что нѣтъ. Присутствіе священника въ прикрываебъ; и нѣтъ ничего естественнаго, какъ заблудиться въ горахъ, бѣтъ застигнутымъ ночью и возвратиться домой только на другой день. Священникъ столько на шумитъ о такомъ ужасномъ дѣлѣ, что никто не усомнится, что онъ былъ съ нами.

— Но если вашъ маркизъ, за котораго вы не отпечаете, хвалитъ; онъ скажетъ обо мнѣ глупостей.

— Въ такомъ случаѣ, и по-крайней-мѣрѣ отвѣчаю вамъ, что заставляю его молчать. Полноте, Сабина! Не-уже-ли вы снова хотѣте потрузиться въ грустную дѣйствительность? Гдѣ же энтузіазма который съ минуту назадъ сообщила вамъ жаркая почва Италіи! Поэзія угнетаетъ при воспоминаніи о свѣтскихъ приличіяхъ; если въ васъ не достаетъ вѣры, и мое могущество оставитъ меня.

— Такъ *voque la galère, Леонсъ!*

— Воздухъ свѣжѣебъ, позвольте окутати васъ моимъ плащомъ! сказалъ Леонсъ.

— Удѣливъ уголокъ его и этой бѣдвяжкѣ, которая чуть слышно сказала она, думая, что Мадлена сидитъ возлѣ нея.

— О! благодарю васъ, мнѣ не холодно, сказала птичница, забравшаяся къ Теверино на козлы.

— Какъ бы священникъ не сказалъ правды, шепнула Сабина по-англійски:—что, если она въ-самомъ-дѣлѣ вѣтрена? Она пролетѣла съ ума сошла отъ вашего Итальянца.

— Что намъ до этого за дѣло? сказалъ Леонсъ.

Теверино быстро погналъ лошадей подѣ гору, и не будь энтузіазма благородныя животныя такъ сильны, что покрытыя обильною вѣною, они бились еще отъ петербургія, ихъ легко могъ бы улетѣть скатъ длиною въ мѣ, нисходившій вихрагами среди ужаснѣйшихъ пропастей. Мадлена не думала объ этомъ, и ночь скоро открыла отъ глазъ священника положеніе, отъ котораго у него заружалась бы голова.

— Посмотрите, снѣгобѣра! сказалъ наконецъ маркизъ, указывая на свѣтъ въ мрачной глубинѣ ландшафта.—Вотъ городъ, Италійскій городъ!

12.

— Не говорите мнѣ имени этого города, сказала Сабина: — я знаю его довольно-скоро. Съ меня довольно знать, что это итальянскій городъ, — и онъ уже чудо въ моемъ воображеніи. Посмотрите, любезный священникъ, не похоже ли это на очарованный мѣсяцъ?

— Право, я вижу только свѣтъ отъ свѣчей.

— Вы не возмъ! Какъ, вы не находите, что этотъ свѣтъ ярче какаго другаго, что таинственное мерцаніе его въ этой мрачной убитой обстановка намъ какой-нибудь неслыханный сюрпризъ, кае-нибудь новое приключеніе?

— Довольно съ насъ и сегодняшняго, сказалъ священникъ. — Я больше не желаю.

Это былъ маленькій пограничный городъ, имени котораго я бы не сказалъ читателю, опасаясь разочаровать его, если ему случилось когда-нибудь проезжать черезъ этотъ городъ въ дождливый день и не въ духѣ. Но каковъ бы онъ ни былъ, Сабину поразило то итальянскій характеръ; прекрасное положеніе, — амфитеатромъ на скалы горы среди участка, защищеннаго отъ сѣвернаго вѣтра, согрѣваемаго полуденными лучами солнца; безпрестанно слышавшая текущую водою, придавало городку видъ опрятности и благополучія. Окрестности были покрыты роскошною растительностью; ослѣдствіемъ мѣсяца освѣтлялъ бѣлыя стѣны, увѣнчанныя виноградомъ, террасы, лѣстницы, украшенныя каменными вазами съ живописно-раскинувшимися листьями алоя; маленькія колокольни съ круглыми кровлями, и множество лавокъ, наполненныхъ роскошною зеленью и плодами, которые, будучи освѣщены фаварями въ цветной бумаги, еще яснѣе выказывали свои богатства тѣни и прозрачные очерки. Улицы были окаймлены грубыми аркадами, подъ которыми весело двигались прохожіе, добрые люди, для которыхъ каждый хорошій лѣтній вечеръ — праздникъ, и которые съ шумомъ и веселыми кликами привѣтствовали въездъ богатой колески. Толпа полунагихъ дѣтей и любопытныхъ дѣвчонокъ, съ стоящими цвѣтами на головахъ, пошла за коляской посмотреть, какъ выпрыкаютъ привѣзжіе у гостиницы del Leon-Bianco, на Площади-Новаго-Рынка.

Гостиница была удобна, и при видѣ жаренаго, вертѣнагося передъ огнемъ, чело священника начало проясняться. Пока для путешественниковъ приготовлялись лучшія комнаты, начали накрывать за столъ въ низкой залѣ, росписанной фресками со вкусомъ въ краснѣйшихъ и очаровательнѣйшей гармоніею красокъ, которая встрѣ-

чаются даже въ самыхъ жалкихъ жилищахъ Сѣверной - Ита. Священникъ не забылъ стонхъ форелей и шампильионовъ. Они ли до-сихъ-поръ единственнымъ утѣшеніемъ, и онъ не переставалъ повторять, что съ такимъ *замасцемъ*, — лишь бы найдти отъ — отчаиваться нечего. Теверино взялъ передникъ и бѣлый какъ у одного изъ поваровъ и комически приступилъ съ аббатомъ къ дѣлу въ кухню, утверждая, что обладаетъ въ этомъ искусствѣ удивительными секретами. Мадлена помогала негритянкѣ готовить комнату для Сабинны; а Сабина, склонясь съ Леонсомъ къ балкону залы, любовалась пѣснями и пласкою дѣтей на площади.

Когда зажгли свѣчи, и столъ покрылся простыми, вкусными блюдами, собесѣдники сошлись, и Леонсъ отправился позвать птичку, желая, какъ онъ говорилъ, сдѣлать удовольствіе маркизу; Сабинѣ, кажется, не очень понравилось такое упорство въ поддержаніи равенства.

Хозяинъ, подавая супъ, воскликнулъ: — Какъ! птичкинъ нашень благородномъ обществѣ? О, я ее знаю, и не разъ дамъ ей обѣдать даромъ за ея забавные фокусы! Только не приди ты съ собою всѣхъ своихъ животныхъ, Мадлена? Предваряю тебя, что если для каждаго изъ нихъ нуженъ приборъ и постель, у меня не достанетъ на столько особъ ни серебра, ни полукекъ. Ступай-ка въ кухню поужинать съ людьми; кромѣ шутокъ, я ни ду для тебя уголокъ на сѣнникъ; тамъ можешь заснуть.

— На сѣнникъ? конечно, съ конюхами и погонщиками *нуло* спросилъ священникъ. — Если ты ведешь такую жизнь, Мадлена такъ въ правѣ же я говорить, что бродяжничество не доведетъ тебя до добра.

— И, господинъ аббатъ! возразилъ хозяинъ: — она еще ребенокъ на нее никто не обращаетъ вниманія.

— Прошу васъ, хозяинъ, сказала Сабина: — прикажите постелить кровать въ комнату моей негритянки; Мадлена будетъ и чевать съ нею. Я взяла съ собою эту дѣвушку, забавлившуюся своими талантами, и отвѣчаю за ея безопасность.

— Если только ваше сіятельство изволите принимать къ участію, отвѣчалъ хозяинъ: — всѣ ваши приказанія будутъ исполнены. Мы всѣ ее любимъ, эту малютку; она на три четверти пошевица! Прикажете поставить ей здѣсь приборъ?

— Ну, да, отвѣчала леди Г., любовытствуя поглядывая на свѣчакъ, какіе успѣхи сдѣлала короткость птичкины съ маркизомъ. Но Сабина обманулась въ своемъ ожиданіи: они, казалось снова сдѣлались другъ для друга вовсе чужими. Мадлена была не только близка съ Леонсомъ, и снокойно-почтительна къ Теверино.

ркизъ, распорядясь ужиномъ съ удивительною непринужденностью, занимался ею съ какою-то отеческою добротою и съ видомъ кровительства, выказывавшими мягкость его характера, не заставляя его выходить изъ роли. Сабина скоро подумала, что она манулась, и самъ священникъ не находилъ ничего предосудительнаго въ поведеніи прекраснаго маркиза. Онъ даже готовъ былъ скорѣе разсердиться на внимательность Леонса къ *глупой шачкѣ*, которая смѣялась съ нимъ и забавляла его, по-видимому, своимъ веселымъ простодушіемъ. Но въ ту минуту, когда въ снова могъ сдѣлаться бранчивымъ, Мадлена вышла изъ-за стола и съ безпечною своего возраста заснула на большой диванъ, непремѣнномъ украшеніи общихъ залъ во всѣхъ гостиницахъ этой страны. Леонсъ, сидя недалеко отъ софы, оглядывая и созерцая ее повременамъ, удивляясь покою невинности, принужденной позѣ и ангельскому выраженію, которое принадлежитъ только юности.

Подали десертъ, и маркизъ, исключительно занятый леди, говорилъ о разныхъ разностяхъ съ необыкновеннымъ умомъ; — крайней-мѣрѣ, это было именно то превосходство ума, которое могутъ оцѣнить женщины: больше воображенія, нежели знанія, эстетическая оригинальность, восторженная чувствительность. Сабина по-немногу снова подпала очарованію его рѣчи и взгляда. Священникъ исполнялъ должность оппонента, какъ-будто у него лежало на сердцѣ, чтобъ дать молодому человѣку блеснуть своимъ краснорѣчіемъ и доставить ему оружіе противъ догматической холодности и тѣсныхъ предразсудковъ официального пра. Леонсъ, съ неудовольствіемъ замѣтивъ одушевленіе Сабини, оставъ свой альбомъ, открылъ его, и началъ набрасывать очеркъ гичицы, не вмѣшиваясь въ разговоръ.

Всякая свѣтская женщина рождается ревнивою; несравненной расотѣ и блестящему уму Сабини льстили такъ много и достойно, что всякое вниманіе, оказываемое въ ея присутствіи другою софѣ ея пола, неизбежно должно было казаться ей оскорбленіемъ. Только умѣя скрывать душевныя свои движенія, она высказывала ихъ только въ видѣ шутки; но они порождали въ ней потребность немедленно отомстить, а мщеніе кокетства, въ такомъ случаѣ, состоитъ въ томъ, чтобъ внимать лести другихъ и находить въ ней удовольствіе, соразмѣрное съ оскорбленіемъ. И такъ, она безмяно предалась обольщеніямъ Теверино, и не могла не дать почувствовать этого Леонсу, забывъ униженіе, которое испытала, когда Теверино занимался по-видимому Мадленой.

Леонсъ, очень-хорошо понимавшій эту жестокую игру, и имѣвшій слабость чувствовать по временамъ душевную боль, хотѣлъ

имѣть столько духа, чтобъ презрѣть это; но сражаясь тѣмъ же оружіемъ, онъ далъ преимущество непріятелю. Онъ притворился, что до такой степени удивляется своему оригиналу и съ такимъ жаромъ углубился въ свое занятіе, что не слышитъ и не видитъ ничего больше.

— Леонсъ, сказала Сабина, наклонясь къ его работѣ:— я уверена, что вы создаете образцовое произведеніе; вы никогда еще не смотрѣли такъ вдохновенно.

— Я никогда не видѣлъ ничего прекраснѣе этой спящей четыринадцатилѣтней дѣвушки, отвѣчалъ онъ:— чудесный возрастъ! Сколько мягкости въ движеніяхъ! Какая ясность въ неподвижныхъ чертахъ! Подвигитесь; вы тоже артистка по чувству и уму, и сознайтесь, что никакая условная красота, никакая свѣтская женщина не будетъ во снѣ такъ мила и чиста.

— Я совершенно съ вами согласна, сказала Сабина тономъ удивительнаго безпристрастія: — держу пари, что и маркизъ того же мнѣнія.

— Избави Богъ, чтобъ я призналъ такую хулу! отвѣчалъ Теверино.— Красота есть красота, и теряться въ сравненіяхъ значитъ критиковать, то-есть бросать ледъ на жгучія впечатлѣнія. Это болѣзнь художниковъ нашего времени; они посвящаютъ себя известнымъ типамъ и думаютъ указать красоту границы, выкованныя въ набыдной головѣ; они не находятъ уже красоты посредствомъ истины, и видятъ все сквозь свои произвольныя теоріи. Одинъ хочетъ красоты сильней и свѣжѣй, на манеръ Рубенса; другой—худой тощей, какъ привидѣнія нѣмецкихъ балладъ; третій мужественной какъ у Альберта Дюрера; четвертый сухой и холодной, какъ мастеровъ первыхъ временъ. И между-тѣмъ, всѣ эти старинныя мастера, всѣ эти благородныя школы слѣдовали великодушному наивному инстинкту: вотъ почему ихъ творенія оригинальны и правятся, не походя другъ на друга. Тотъ истинный художникъ, въ комъ есть чувство жизни, который наслаждается всѣмъ, поимпущенъ вдохновенію, не разсуждая о немъ, и любитъ все прекрасное не придумывая категорій. Что ему за дѣло до имени, одежды, привычекъ красоты, которая поражаетъ его. Онъ творецъ, и его дѣло создать изъ очаровавшей его пастушку или принцессу, смотря по расположенію своего духа и потребностямъ сердца. Вы на столько великій художникъ, Леонсъ, что можете создать изъ этой блондинки жительницы горъ святую Елизавету-Венгерскую, а я (*ed io anch'io pittore!* потому-что я чувствую, мыслю, люблю), я могу видѣть дантову Беатриче подъ темными локонами мнѣди.

— Мнѣ кажется, Леонсъ, сказала Сабина, которой польстило это сравненіе:— что маркизъ совершенно вашихъ мыслей объ искусствѣ.

что вы отличаетесь одинъ отъ другаго только способомъ выраженія. А что это за хорошенькій рисунокъ выглядываетъ у васъ въ альбомѣ? Позвольте взглянуть?

— Извините, милэди; это снимокъ съ гонгаго оригинала, представляю васъ. Впрочемъ, если вы хотите взглянуть, онъ одѣтъ зеленою по-крайней-мѣрѣ на столько, что не заставитъ г. священника шпырять его у васъ нѣтъ рукъ.

— Превосходный очеркъ! сказала Сабина, глядя на эскизъ, снятый Леонсомъ на берегу озера съ Теверино.—Чудесная фантазія! то за благородная поза! какой очаровательный ландшафтъ!

— Я, сказалъ священникъ:—я нахожу, что эта фигура какъ двѣ капли воды похожа на г. маркиза. Стоитъ только одѣть ее, какъ и быть г. маркизъ, и подумаешь, что вы хотѣли нарисовать его портретъ; впрочемъ, ряса еще не дѣлаетъ монаха, и я вижу, что вы умысломъ или безъ умысла, а вы нарисовали его голову.

— Прекрасная фигура его такъ врѣзалась въ мою память, сказалъ Леонсъ, бросая значительный взглядъ на маркиза:—что часто на очень-естественно ложится подъ карандашъ, когда я стараюсь изобразить что-нибудь совершенное.

— И вы помѣстили его среди ландшафта изъ нашей стороны, прибавилъ священникъ.—Вотъ наши маленькія озера и большія горы, наши ели и скалы, точно какъ въ зеркалѣ. Взгляните-ка, г. маркизъ!

— Поза хороша, спокойно сказалъ Теверино:—и мысль очень-слаба, по рисунокъ слабъ; это не лучшее, что создалъ другъ нашъ.

— Я нахожу, что это очень-хорошо, сказала Сабина, которая не могла оторвать глазъ отъ рисунка.

— Такъ позвольте предложить вамъ его, сказалъ Леонсъ съ ироніей:—если вы находите, что этотъ эскизъ не недостоинъ вашего альбома, онъ будетъ напоминать вамъ по-крайней-мѣрѣ счастливый мигъ и живыя ощущенія.

— Лучше дайте мнѣ рисунокъ, которымъ вы занимались тепѣрь; вѣчала лэди Г., испуганная тономъ Леонса.—Въ немъ, кажется, больше *d'intresse e d'amore*.

— Нѣтъ, этого я не отдамъ, отвѣчалъ Леонсъ, захлопнувъ въ альбомѣ эскизъ съ Мадлены, и подвинувъ на столъ фавна.

— Чудесная погода, сказалъ маркизъ, непринужденно подошедши къ окну.—Мѣсяцъ свѣтитъ какъ денница. Не пройдетъ ли по гонгу? Завтра все будетъ уже не такъ хорошо и утратить свое шарманіе.

— Пойдемте, сказала, вставая, Сабина.

— А мнѣ позвольте пойдти прилечь, сказалъ священникъ.— И я лягу отъ усталости.

— Какъ? Пробъхавъ семь или восемь льё въ покойномъ жинъ жѣ? спросила Сабина.

— Нѣтъ; отъ-того, что я терпѣлъ жаръ, голодъ, холодъ, по томъ опять голодъ, отъ-того, что завтракалъ и ужиналъ не въ свое время. Впрочемъ, теперь девять часовъ, и я нахожу очень естественнымъ, что хочется спать.

— *Felicissima notte*, аббатъ, сказалъ Теверино. — Вы съ дами Леонсъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: — я хочу спать съ нею еще одинъ очеркъ.

— Она должна идти спать въ другое мѣсто, строго возразилъ священникъ. — Не думаетъ ли она всю ночь провалиться на канаву какъ затерянная тряпка? Просыпайся-ка, *Sans-Souci*! Онъ нахнулъ своею широкою шляпою въ лицо Мадленъ; дѣвушка сдѣлала для женіе, какъ-будто отгоняетъ докучливую птицу, и опять заснулъ.

— Оставьте ее; вы безжалостны, сказалъ Леонсъ, собираясь сѣсть на софу возлѣ птичницы.

— Нельзя же ей, замѣтила Сабина: — оставаться здѣсь и спать на виду.

— Извините, любезный Леонсъ, сказалъ, подходя, Теверино: — надо исполнить волю мелэди и г. священника.

И, взявъ молодую дѣвушку на руки, какъ дитя, онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату, куда, какъ онъ видѣлъ, ушла негражданка готовить себѣ постель.

— Вотъ, царица Тартара, предметъ, который ввѣряютъ тебѣ, который благородная госпожа твоя, свѣтлая Феба, приказываетъ тебѣ беречь пуще глаза.

Онъ положилъ Мадлену на кровать и уходя, шепнулъ негражданкѣ: «Замкнись; такъ приказала милэди».

Леонсъ притворился совершенно-равнодушнымъ ко всему, что происходило вокругъ его, и небрежно пошелъ за Сабиной, косясь, напрасно ожидая, что онъ предложитъ ей руку, привалъ къ ку маркиза.

Теверино какъ-будто зналъ этотъ городокъ, хотя здѣсь не знали его никто, ни даже хозяинъ *del Leon Bianco*. Онъ провелъ Сабину освѣжиться мороженымъ въ кафѣ близъ старыхъ стѣнъ; городокъ былъ когда-то укрѣпленъ, и еще видны были слѣды ядере республиканской Франціи. Онъ велѣлъ подать мороженое подлѣ открытое небо, на платформу, возвышавшуюся надъ рвами и грудою старинныхъ массивныхъ построекъ, покрытыхъ мохомъ и плесенью. Въ нѣкоторомъ разстояніи возвышались развалины башни высокой силуэтъ которой былъ посеребренъ лучами мѣсяца и отблѣскалъ бѣлую даль ландшафта. Небо было великолѣпно. Леонсъ

шелъ бродить среди развалинъ, какъ-будто погруженный въ сравненіе такой прекрасной ночи и мѣстности.

— Я думаю, сказалъ Теверино, пробуя силу своихъ пальцевъ надъ обломкомъ цемента, имъ поднятаго съ земли:—эта постройка изъ временъ Рима.

— Не хочу ничего этого знать, сказала Сабина. — По-моему лучше не сомнѣваться и мечтать здѣсь о грандіозномъ прошедшемъ, нежели дѣлать археологическія наблюденія. Когда хочешь увѣриться въ чѣмъ-нибудь, ничѣмъ не наслаждаешься.

— Дѣ, вы среди истинной поэзіи, дивная Француженка! воскликнулъ Теверино, садясь противъ нея:—и я хочу затеряться съ вами среди рая, въ который божественнаго Алигьери ввела божественная Беатриче. Когда это сравненіе въ первый разъ слетѣло съ языка, я не давалъ себѣ отчета въ точности моего вдохновенія. Дѣ, въ васъ свѣтъ ума соединенъ съ идеаломъ красоты, и я не встрѣчалъ еще такой необыкновенной женщины. Я въ первый разъ оставилъ Италію, и не зналъ тамъ ни одной Француженки, которая подобно вамъ, отличалась бы отъ нашихъ женщинъ. Въ женщинахъ юга много поэтическаго и художественнаго истиннаго, но все это больше въ характерѣ, нежели въ разумѣніи; да, сверхъ того, ихъ ограниченное воспитаніе, ихъ праздная, бывшая жизнь не позволяютъ имъ давать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, какъ вы умѣете это дѣлать! И какъ выражаете вы свои мысли, даже на нашемъ языкѣ, которому даете чуждый, но всегда благородный и увлекательный образъ! Ваши чувства — деп, и мнѣ кажется, бесѣдуя съ вами, я уношусь за вами въ бласть, неизвѣстную другимъ существамъ. Вы судите обо всемъ, что вамъ не чуждо, и ваше знаніе не мѣшаетъ вамъ ощущать увлекаться подобно другимъ, бѣднымъ твореніямъ, которыя любуясь и удивляются безъ разбора. Воображеніе ваше такъ же богато, какъ-будто вы не знаете всѣхъ тайнъ человечества, и идеалъ въ васъ мечетъ васъ къ безконечному, за предѣлы вашего изумительнаго ума! Право, пламень вашего ума зажигаетъ и мой умъ, и мнѣ кажется, что, слушая васъ, я возношусь надъ самимъ-собою! Такими-то льстивыми фразами вливалъ Теверино ядъ ласкательства въ гордую душу лэди. Отъ этого безграничнаго удивленія, высказаннаго съ итальянскимъ *увлеченіемъ*, столько похожимъ на движеніе сердца, было далеко до философскаго упорства Леонса. Слово его приобрѣтали неотразимое очарованіе отъ-того еще, что Теверино былъ почти убѣжденъ въ томъ, что говорилъ. Онъ, дѣйствительно, не встрѣчалъ еще такой образованной женщины, и эта новизна была для него жаднаго на изысканія и постоянно-наблюдающаго духа истинно-привлекательна. Онъ хотѣлъ дать этому

женскому превосходству просторъ, дать ему развернуться безъ пружденія, чтобъ взглянуть на него во всемъ блескѣ, и очень-хорошо зная, что такія достоинства соединены съ большою гордостью, она ласкалъ ее остроумною лестью. Лэди Г. было очень-трудно, — что не сказать невозможно, — различить эту страсть къ познанію отъ страсти любви. Она никогда еще не встрѣчала человѣка, въ одно время столько папыщеннаго и наивнаго, какъ Теверино; Леонс гораздо-менѣ старался при ней высказывать свой умъ и былъ далеко не такъ спокоенъ сердцемъ. Она увидѣла только половинъ характера этого Итальянца, истиннаго дидеканта умственныхъ наслажденій, который, сохраняя спокойствіе собственного сердца живо дѣйствовалъ на ея душу, желая наблюдать ее, какъ новый явившійся ему типъ.

Она разговаривала съ нимъ долго; а о чемъ же говорить молодому человѣку съ молодою женщиной, если не о любви? Для подобной бесѣды наединѣ, при свѣтѣ луны, нѣтъ теорій неисчерпаемѣ этой. Женщина жалуется на жизнь, оплакиваетъ мечты, рисуетъ идеалъ любви и даетъ догадываться объ увлеченіи, которое прикрываетъ прозрачною таинственностью недоувѣренности и стыдливости. Мужчина одушевляется, отвергаетъ предразсудки и осуждаетъ преступленія подобныхъ себѣ. Въ своемъ лицѣ онъ хочетъ оправдать и возстановить полъ свой. Тысячью довокъ раниковъ онъ предлагаетъ себя въ жертву на искупленіе первоначальнаго грѣха, между-тѣмъ, какъ тысячью уловокъ, еще болѣе хитрыхъ, уклоняется отъ этой жертвы. Вотъ простой очеркъ каждаго разговора этого рода между образованными людьми. Это очеркъ и того, что, еще съ большимъ искусствомъ и притворствомъ, происходило поутру между Сабинной и Леонсомъ. Но съ Теверино она испытывала меньше страха и больше сладкаго чувства. Вѣсто упрековъ и тревожныхъ обвиненій, она вдыхала только спокойный ароматъ вниама. Но за то и опасность была больше: она готова была отдать сердце тому, кто требовалъ отъ нея только воображенія.

Искатель приключеній, развернувшись въ дивирамбахъ, громко говорилъ среди тишины ночи, и Сабина немного испугалась, увидѣвъ Леонса внизу укрѣпленій.

— Вотъ Леонсъ! сказала она, чтобъ остановить его краснорѣчиво.

— Какъ онъ задумчивъ и озабоченъ сегодня вечеромъ, бедный Леонсъ! сказалъ Теверино, понижая голосъ.

— Я никогда не видала его въ такомъ дурномъ расположеніи духа, отвѣчала она: — подумаешь, что ему съ нами скучно.

— Нѣтъ, онъ любитъ и ревнуетъ.

— Птичицу, конечно? сказала она презрительно.

— Нѣтъ, васъ; вы это очень-хорошо знаете.

— Вы ошибаетесь, маркизъ. Мы знакомы пятнадцать лѣтъ, и нѣ никогда не думалъ ухаживать за мною.

— Клянусь же вамъ, что сегодня онъ не шутя объ этомъ думаетъ.

— Не шутите такъ; это мнѣ больно.

— Развѣ онъ не поклонникъ красоты, не великiй художникъ, не любезный юноша и не красавецъ? Любовь его—долгъ, и вы не можете его оскорбляться.

— Она смертельно огорчитъ меня, потому-что я не могу отвѣчать на нее.

— Это страшно! Въ такомъ случаѣ, я вижу,— никто не будетъ ни любить, потому-что никто не можетъ льстить себя надежною сравниться съ Леонсомъ.

— Вы ошибаетесь, маркизъ; въ немъ есть всякаго рода совершенства, которыя я охотно подарила бы ему, лишь бы не надо было въ немъ одного, маленькаго достоинства, которое можно здѣяться найти въ другихъ.

— Какого?

— Способности любить престоудшно, безъ гордости и недоуверливости.

Съ этими словами она встала, чтобъ идти на встрѣчу Леонсу. Твердино, чувствуя, какъ недоуверчиво оперлась она на его руку, подумалъ: «Побѣдить эту сильную душу вовсе не такъ трудно, какъ я думалъ.»

Сабина воображала, что говорила очень-тихо; но, сходя по ступенямъ въ зеленый амфитеатръ старинныхъ рвѣвъ, она не сообразила звонкости мѣста, и вовсе не подозрѣвала, что Леонсъ слышалъ все. Последнiя слова ея такъ его поразили и оскорбили, что онъ началъ въ себя довольно сиды притвориться и сохранить покойствiе своей роли. Это удалось ему до такой степени, что даже самъ Твердино подумалъ, что ошибся, а леди Г., что она имѣла полное право приписывать ему большую холодность. Онъ предложилъ войти на разрушенную башню, говоря, что видъ съ этой возвышенной точки удивителенъ, и что воздухъ тамъ еще чище, нежели на укрѣпленiяхъ. Они пошли. Леонсъ шелъ впередъ, называя имъ уже знакомую ему дорогу, раздвигая терны и предостерегая ихъ отъ каждой сломанной или скользкой ступени спившейся гѣстины.

Не смотря на эти предосторожности, взходъ былъ труденъ и даже опасенъ для женщины, столь подверженной головокруженiю, какъ леди Г.; но сила и ловкость маркиза пробуждали въ ней удивительную увѣренность, и на чтѣ бы она никогда не рѣшилась самозабвенно, то исполнила въ энтузиазмѣ, оперлась на его плечо,

или обвивая его своими руками, или вносящая своимъ слѣдъ спутникомъ.

При этомъ тревожномъ переходѣ, не разъ коснулись другъ друга ихъ волосы, не разъ смѣшалось дыханіе, не разъ чувствовалъ Тверино, какъ бьется въ волнующейся отъ усталости груди сердце, встревоженное стыдливостью и нѣжнымъ чувствомъ. Ляца съ сквозь широкія разрушенныя аркады башни бросаетъ на стѣну яркій свѣтъ, прерванный кое-гдѣ массою стѣнъ. Въ эти перемежкахъ свѣта и темноты они были то очень-близко, то очень далеко отъ Леонса, который, притворяясь, что ничего не видитъ, не пропускалъ ни одного признака возрастающаго волненія своихъ спутниковъ. Наконецъ, достигли верхушки зданія; башня оканчивалась круглою стѣною въ восемь футовъ толщины, безъ всякаго балюстрады; Леонсъ спокойно обошелъ по ней, намѣрля въоруженную гладкую стѣну, циклопическое основаніе которой терялось въ разрывѣ на сто футовъ подъ его ногами. Но Сабина почувствовала непреодолимый страхъ и за него, и за себя, и за Тверино, который стоя возлѣ нея, напрасно старался ободрить ее. Она шла по слѣднюю ступень и вздохнула свободнѣе только тогда, когда онъ вѣкъ съѣлъ возлѣ нея и окружилъ ее своими руками, какъ неприступною оградой. Испуганныя совы поднялись на воздухъ съ явнымъ крикомъ. Леонсъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ отыскать ихъ гнѣзда, отнести птенцовъ птичицъ и посмотреть, какъ она прійдется за ихъ воспитаніе, сошелъ съ лѣстницы обшаривъ нижніе этажи, гдѣ шумъ шаговъ его скоро замолкъ на пещѣ.

Тверино владѣлъ теперь собою уже не столько, какъ четверть часа назадъ, когда ѣлъ съ Сабиною мороженое не въ такомъ удивленіи. Сверхъ-того, Леонсъ, казалось, былъ такъ равнодушенъ къ возможнымъ послѣдствіямъ приключенія, что эти послѣдствія не рѣшались уже тревожить его совѣсть. Однакожъ, удивительное прелесть этого страннаго человѣка боролось еще съ соблазнами восторговъ и гордымъ желаніемъ такой побѣды. Ему удалось разсѣять страхъ Сабинны, и онъ предложилъ ей для развлеченія прослушать гимнъ ночи, слова котораго онъ проинвентаризуетъ, чувствуя сильное желаніе запѣть въ такомъ чудесномъ мѣстѣ. Она уже слышала его голосъ, пробуждавшій желаніе послушать его еще. Она согласилась, говоря, впрочемъ, что покажется онъ не сойдетъ съ этой гигантскаго пьедестала, сердце ея не перестанетъ ужасно биться.

— Я всегда увѣренъ, что меня слушаютъ неравнодушно, отчасти онъ:— и многимъ пѣвцамъ по профессіи не помышлялъ бы такой театр.

Легкость и даже оригинальность его лирической импровизаціи, счастливый выборъ мелодій, неподражаемая красота голоса и пре-

одный музыкальный даръ, замѣнявшій въ немъ методу вкусомъ, плюю и прелестью выраженія, скоро неотразимо подѣйствовали на Сабину. Ручьи слезъ полились изъ глазъ ея, и когда Теврино возвратился и сѣлъ возлѣ нея, она была такъ взволнована и тронута, что онъ сѣлъ какъ-будто почувствовать себя побѣжденнымъ. Онъ обвил ее своими руками, спрашивая, не боится ли она еще, и она припала къ нему, отвѣчая голосомъ, прерываемымъ слезами:

— Нѣтъ, нѣтъ, я уже не боюсь васъ!

Въ эту минуту губы ихъ встрѣтились... но вдругъ раздавшіеся подъ сводами лѣстницы шаги Леонса заставили ихъ опомниться. Мали вослышались рукоплесканія многихъ людей, которые гуляли на краю укрѣпленій и слышали, какъ прозвучалъ въ воздухѣ этотъ дивный гимнъ, какъ голосъ духа развалинъ. Она съ жастью аплодировала неизвѣстному артисту, виновнику наслажденія, толь драгоценнаго для слуха Итальянцевъ. Но эти рукоплесканія оставили Сабину вздрогнуть еще больше, нежели приближеніе Леонса. Они раздались въ ухахъ ея, какъ ироническій кликъ въ честь ея пораженія, и только увѣрившись, что она, даже очень-далека, недоступна для любопытныхъ взоровъ, она успокоилась.

Х.

Наши путешественники обошли полежъ вокругъ стѣнъ города, и когда возвратились черезъ садовую калитку въ гостиницу del Leon-Bianco, на городской башнѣ пробило одиннадцать. У главнаго входа въ гостиницу собралась толпа гражданъ и ремесленниковъ, и хозяинъ, казалось, съ жаромъ спорилъ о чемъ-то.

— Что съ ними дѣлать! отвѣчалъ онъ на распросы Леонса и Теврино, захлопнувъ дверь передъ носомъ любопытныхъ. — Жители утверждаютъ, что у меня остановился великій пѣвецъ, по крайней-мѣрѣ синьоръ Рубини; что онъ скрывается самъ и скрываетъ свое имя, желая избавиться отъ докучливости дилеттантовъ, что я соучастникъ въ этомъ инкогнито. Одинъ непременно хотѣлъ, чтобъ онъ вышелъ на балконъ принять поздравленіе публики, слышавшей его съ-полчаса назадъ близъ укрѣпленій; другіе бѣгаютъ по всему городу въ кофейни и во все горло спрашиваютъ синьора Рубини. Просто не знаю, что дѣлать! Я имѣлъ честь сколько-разъ видѣть у себя въ домѣ синьора Рубини, и очень-хорошо знаю, что его здѣсь нѣтъ.

Этотъ случай поддалъ Теврино мысль сыграть шутку и вмѣстѣ съ тѣмъ пробудилъ желаніе испытать Сабину.

— Послушайте, сказалъ онъ хозяйну:—я ною порядочно, и это

я только-что пробовалъ голосъ въ большой башнѣ. Я маркизъ де-Монтефиоре. Не-ужс-ли вы меня еще не узнали?

— Я очень-хорошо узналъ ваше сѣятельство при самомъ выданнѣ колески, отвѣчалъ хозяинъ, но рѣшался признаться, что не припомнитъ фигуры Теверино:—и потому только не называлъ его по почтенію, не называлъ васъ по имени, что боялся нарушить некое кognитa, которое знатнымъ особамъ угодно иногда сохранять во время путешествій.

— Сохраните же эту похвальную скромность, пока я не уйдю въ герода, сказалъ мнимый маркизъ:—а я, въ знакъ благодарности, никогда не икнуую вашей гостиницы. Мнѣ пришла охота сыграть невинную шутку съ вашими меломанами. Доставьте мнѣ дражное платье, освѣтите галерею и объявите, что артистъ, голосъ котораго слышали,—къ услугамъ благосклонной публики.

— Что это ты затѣваешь? спросилъ его Леонсъ, между-тѣмъ, какъ хозяинъ побѣждалъ исполнять его приказанія: — ты хочешь выдѣть себя за Рубини?

— Ему это возможно! сказала Сабина съ увлеченіемъ.

— Сивійора, отвѣчалъ Теверино, поднося руку леди Г. къ губамъ своимъ, въ знакъ благодарности за похвалу: — я не имѣю такой претензіи и хочу дать маленькій урокъ глупымъ слушателямъ, которые въ состояніи ошибиться такъ грубо; кромѣ того, мнѣ хочется довершить удовольствіе вашей прогулки комедіей, которая васъ, можетъ-быть, позабавитъ. Всѣ наши комнаты выходятъ на галерею въ площадь. Оставайтесь въ своей комнатѣ, смотрите въ щель двери, а вы, Леонсъ, не выдайте меня, показывая, что знакомы со мною.

Когда все было устроено по желанію Теверино, передъ Сабининою и Леонсою, спрятавшимися за занавѣсомъ, явился въ освѣщенной галерѣ жалкій челоуѣкъ, съ волосами въ безпорядкѣ, съ растрепанною бородою, дикимъ взглядомъ, медленною поступью, въ дражное платье, которое было ему узко. Сабина только черезъ несколько минутъ могла узнать въ этомъ смѣшномъ переодѣванномъ извѣстнаго Теверино де-Монтефиоре. Все въ немъ измѣнилось, сужалось, обиднѣло. Грудь его какъ-будто ввалилась подъ тѣснымъ животомъ младшаго сына хозяина; ноги подлипли въ короткихъ узкихъ панталонахъ; руки безъ всякой граціи повисли вдобавленія нивага тѣла; фуражка, какъ-будто прямо изъ канавы, держалась на перевязи, толстая странническая палка,—все придавало ему видъ жалкаго путешествующаго скomorоха. Сабина попробовала засмѣяться, но сердце ея сжалось — сама она не знала отчего. Леонсъ, удивленный этою выходкой, какъ-будто на это его

восторожности, спрашивалъ себя, что бы за смѣлая мысль пришла въ голову соучастнику его въ этой шуткѣ?

При видѣ такого жалкаго существа, толпа, собравшаяся подъ галерей и начавшая аплодировать ему при его появленіи, вдругъ перешла отъ кивковъ удивленія къ свисту и гиканью, громя выломать дверь и высечь хозяина del Leon-Bianco, чтобъ онъ узналъ, каково смѣяться надъ честными гражданами.

— Минуту, почтеннѣйшая публика! сказалъ Теверино, усмиривъ восторгъ и ропотъ дерзкими и вывѣсть униженными жестами. — Жальтесь надъ бѣднымъ артистомъ, который осмѣлился воспользоваться случаемъ показать вамъ свой ничтожный талантъ. Если онъ не успѣетъ доставить вамъ удовольствіе, онъ самъ отдастъ въ жертву вашему гнѣву и подставитъ спину подъ горсти монетъ, которыми вамъ угодно будетъ пустить въ него.

Всякая публика капризна и непостоянна. Шутовство Теверино скоро укротило ее; за отсутствіемъ великаго пѣвца согласились послушать жалкаго фигляра. Онъ попросилъ сюжета для импровизаціи и продекламировалъ нѣсколько сотъ высокопарныхъ стиховъ съ комическою эмфазою; вслѣдъ за тѣмъ, онъ началъ мямать, лаять, ржать, подражать голосу разныхъ животныхъ, свистѣть вариаціи на уличную пѣсню, поддѣлываться подъ голосъ *Ильминелла*, и все это съ удивительною легкостью, аккомпанируя себя монотоннымъ и нестройнымъ царапаньемъ на гитарѣ.

Когда онъ кончилъ, дождь грошей зазвенѣлъ о полъ галерей, публика, осыпая его проническими рукоплесканіями, съ громкимъ кивкомъ снова потребовала дивнаго пѣвца. Свистъ, хохотъ, топканье ногами перемѣшались въ нестройномъ шумѣ. Тупые остряки требовали головы хозяина.

— Надо васъ удовлетворить, господа, сказалъ Теверино. — Великій пѣвецъ обещалъ мнѣ пропѣть передъ публикой, если мнѣ удастся отвлечь васъ отъ него на нѣсколько минутъ. Я выигралъ этой закладѣ, и иду засвидѣтельствовать ему ваше пожеланіе.

Съ этими словами, Теверино удалился въ свою комнату и скоро вышелъ оттуда причесанный и приодѣтый. Только, въ промежутокъ этого времени, онъ приказалъ незамѣтно погасить часть свѣчей, чтобъ его нельзя было рассмотреть довольно-ясно, и убѣдился, что это однакъ и тотъ же человекъ. Онъ сыгралъ на гитарѣ прелюдію съ рѣдкимъ искусствомъ и такъ очаровательно пропѣлъ баркаролу, что восторженная толпа съ яростью заревала *bis!* Онъ согласился повторить, и, кончивъ, наклонился надъ балюстрадой въ видѣмъ аристократическаго покровительства. Кивки восторга уступили мѣсто глубокому молчанію. — Друзья мои, сказалъ онъ тогда задумчивымъ тономъ, въ которомъ не было и слѣда эмфазы фигля-

ра:—я согласился пѣть, хоть я, по своему положенію, совершенно независимъ отъ капризовъ деревенской публики и вообще какой то ни было публики. Вы подняли такой шумъ у меня подъ окнами, что мнѣ невозможно было спать, и я принужденъ былъ садиться; но, чтобъ наказать васъ за вашу невѣжливость, я не буду больше пѣть, и если вы сейчасъ же не разойдетесь по домамъ, я предупреждаю васъ, что васъ окатятъ изъ пожарныхъ трубъ, которыя велѣлъ сюда привезти и которыя начнутъ дѣйствовать при первомъ крикѣ возмущенія.

Испуганная толпа разсѣялась въ одно мгновеніе ока, будучи уверена, что потревожила какую-нибудь знатную особу, и съ почтительною благодарностью рукоплескала, расходясь по улицамъ.

Черезъ полчаса, все замолкло въ городѣ, и всѣ въ гостиницахъ спали, исключая Сабинны и Теверино, которые еще разговаривали, склонясь на перила галереи, о послѣднемъ приключеніи и съдѣлали осторожно, чтобъ не разбудить своихъ спутниковъ.

— Вотъ, что значить предразсудокъ! сказаза цыганъ.—Эта глупая толпа и не подозреваетъ, что свистѣла и аплодировала одному и тому же человеку.

— Признаться ли вамъ, маркизъ? отвѣчала Сабинна:—я обманулась бы первая, еслибъ вы не предупредили меня.

— Право, синьора? Очень-радъ, что позабавилъ васъ.

— Не знаю, могу ли благодарить васъ за намѣреніе. Сабинна была странная, можетъ-быть, забавная, однако, мнѣ было больно.

— Такъ и есть, подумалъ Теверино, и попросилъ леди Г. объяснить.

— Какъ? сказала она съ чувствомъ: — не-уже-ли вы не понимаете, что тяжело смотреть на переряженное благородство и красоту?

— Такъ я былъ очень-дурень въ этомъ тряпкѣ? спросилъ огорченный комплиментомъ гораздо-меньше, нежели могла ожидать Сабинна послѣ всего, что произошло между ними.

— Этого я не говорю, сказаза она уже не такъ вѣжливо:—но когда исчезло все изыщество вашихъ манеръ, когда все благородство ваше уступило мѣсто чему-то циническому и постыдному, я страдала за ваше превращеніе, и не могла увѣриться, что это вы.

— Однакожъ, это былъ я, я самъ!..

— Нѣтъ, маркизъ, это было лицо, которое вы хотѣли представить; въ этомъ лицѣ не было ничего вашего.

— Мои манеры и образъ выраженія были изысканы, согласенъ; но подъ этою наружностью скрывался все-таки мой образъ,

мой голодъ, мой умъ, мое сердце.—словомъ, мое существо. Такъ совершенно исчезъ въ вашихъ глазахъ? Странно!

— Мнѣ странно, что вы удивляетесь этому. Манеры и рѣчь—выраженіе ума и характера, и нравственное существо, кажется намъ, измѣняется, когда разрушается наружность.

— И платье играетъ тутъ важную роль? спросилъ Тевсерино съ философскою ироніей.

— Платье, говорите вы? Не думаю.

— Ошибаетесь; подумайте хорошенько, синьора. Положимъ, что слова предсталъ вамъ въ изношенномъ, дрянномъ платьѣ хозяина-го сына... положимъ даже, что я именно сынъ хозяина, лѣсной порожъ, кажется, или служащій по солинымъ сборамъ...

— Чтò же изъ этого? Договаривайте.

— Положимъ, что, сохранивъ свою фигуру, свое сердце и умъ въ книжкѣ, какъ создалъ ихъ Богъ, я предсталъ бы вамъ въ первый разъ въ бѣдной одеждѣ, и просто человѣкомъ очень-низкаго класія...

— Ваше предположеніе бессмыслица: въ этомъ низкомъ племени рѣдко встрѣчаешь печать благородства и граціи, которыми вы глечаетесь.

— Рѣдко, можетъ-быть, но все же случается. Есть дары природы, которыми Богъ надѣлилъ бѣдняковъ, какъ-будто въ насмѣлку надъ притязаніями богачей.

— Вотъ вы сошлись въ идеяхъ съ Леонсомъ; я не оспариваю ихъ, но отвѣчу вамъ, что такіе дары оказываютъ быстрое вліяніе на жизнь и положеніе того, кто надѣленъ ими. Бѣднякъ, если онъ чувствуетъ, что Провидѣніе одарило его умомъ и красотой, тщательно преобразовываетъ досадную среду, въ которую бросилъ его капризъ случая; онъ прокладываетъ себѣ новую дорогу; онъ переставно стремится къ изыску жизни, къ благороднымъ инстинктамъ, къ наслажденіямъ ума, къ привилегіямъ красоты, и скоро становится на степенъ, которой заслуживаетъ.

— Правда, онъ жарко къ этому стремится, возразилъ Тевсерино: — правда также, что иногда и достигаетъ; но еще болѣе правда, что чаще ему не удается это, потому-что общество не поощряетъ ему, потому-что предрасудки отталкиваютъ его, потому, наконецъ, что онъ не привыкъ съ-молоду любоваться собою средъ принужденія, и что первоначальное воспитаніе постоянно принуждаетъ его къ безпечности, врагу борьбы и рабства.

— Это опровергаетъ ваше первое положеніе; платье, стало-быть, ничего не доказываетъ, а доказываютъ привычки, т. е. рѣчь и манера.

— Платье, рѣчь, манеры, все это принадлежитъ къ привычкамъ

жизни; это выраженіе ихъ, и положеніе человѣка бѣднаго, ме- каго бросается толпѣ въ глаза всего больше; но это, такъ-сказалъ наружныя привычки: нравственное существо не терять отъ э- го своей цѣны передъ Богомъ.

— Я не понимаю такихъ различій, маркизъ! Въ вашихъ устахъ это великодушное, безкорыстное мнѣніе; но въ устахъ лица, какъ вы только-что представляли, это было бы дерзкимъ и суетнымъ притязаніемъ. Филантропія запутываетъ васъ: нравственное су- щество не можетъ такъ отдѣлиться отъ внѣшняго. Гдѣ рѣ- смѣшна, гдѣ привычки грубы, безпорядокъ—дѣло привычное, въ- раженіе лица дерзко, и самое ремесло неблагородно, тамъ можетъ ли вы надѣяться найти великую душу и обширный умъ!

— Можетъ-быть, я все-таки думаю, что это дѣло возможное, и- смотря на ваше прерываніе къ нищетѣ.

— Не мнѣдите на меня; есть нищета, о которой я скажалъ и которую уважаю: нищета болѣзни, незнанія, слабости, нищета- всѣхъ жалкихъ существъ, которыхъ несчастія ихъ нѣтъ броси- ютъ нелушартовыхъ физически или морально въ великую битву- жизни. Исохшіе тѣломъ и душою, прежде нежели успѣли раз- вернуться, эти несчастные—истинно жертвы случая, и должи нище- сострадать имъ, подавать имъ помощь. Но кто мож и не а- тель, тотъ виновенъ, и общество не несправедливо отталкиваетъ и оставляетъ его.

— Пусть такъ! сказалъ Тоберато съ высокоуміемъ и добротой. — Кто можетъ читать въ сердцахъ этого человѣка и знать, не нѣко- дить ли онъ тогда въ самомъ-себѣ утѣшеній, неизвѣстныхъ свѣ- ту. Не возникаетъ ли тогда между нимъ и высочайшею близости- отношенія чище и ограднѣ всѣхъ людскихъ симпатій и социал- ныхъ протекцій? Я воображаю себя, что дары Господни всегда- что-нибудь да голды, и что послѣдніе на землѣ не будутъ нослѣ- ними въ его царствѣ. *Дикто* сказалъ это уже давно... Однако- съхалъ на проповѣдь и вышпиваюсь въ дѣло нашего ночептл- священника. Я долженъ удволаствовать тѣмъ, что показ- вашъ свое умѣнье разыгрывать комедію. Мнѣ всегда говорили, что- я рожденъ актѣромъ, а у меня прямое сердце, всегда улакаши- меня наперекоръ голосу благоразумія.

— Вы удивительный мимикъ, сказала Сабина: — и исполнил- этотъ итальянскій фарсъ, какъ веселый школьникъ во время ка- кансій. Удивляюсь легкости и юности вашего характера, а пр- всемъ томъ признаюсь вамъ, это меня нѣмножко пугаетъ.

— Вы считаете меня пустымъ человѣкомъ?

— Нѣтъ, но неостояннымъ и безпечнымъ, можетъ-быть!

— Значитъ, вы не считаете меня вѣроломнымъ притворщикомъ, е смотра на мое умѣнье преобразаться?

— Нисколько.

— Это по мнѣ лучше, нежели показаться лицемеромъ.

— А развѣ для васъ все равно, если вы впустите недовѣрчивость другаго рода?

— Мнѣ такъ легко уничтожить всякія недовѣрчивости, что онѣ меня не беспокоятъ. Но такъ-какъ меня не подвергнуть испытанію, въ нечего и оправдываться, — не такъ ли, прекрасная Сабина? оставить одѣннть себя, значило бы въ этомъ случаѣ быть хватуномъ.

— Не-уже-ли же вы равнодушны къ уваженію и дружбѣ?

— Уваженіе и дружба — французскія слова; мы, Итальянцы, понимаемъ ихъ что-то плохо, когда они произносятся между прекрасною женщиной и молодымъ мужчиною. Мы не такъ тонко-разрѣзанны и больше-страстны, — мы обращаемся прямо къ истинному чувству, которое можемъ ощущать. Сознаюсь передъ вами, что ваше уваженіе и дружба къ Леонсу для меня незавидны, и я предпочитаю имъ презрѣніе и ненависть.

— Изъясните это.

— Какъ и почему не любите вы Леонса, этого превосходнаго и многого чловѣка, который любитъ васъ страстно?

— Онъ вовсе меня не любитъ, и вотъ въ чемъ тайна моего раподушія. Не-уже-ли должно ненавидѣть или презирать чловѣка только совершеннаго за то, что онъ не влюбленъ въ меня? Не должна ли я забыть въ этомъ случаѣ свое женское тщеславіе и отступить справедливость его благородному характеру и великой душѣ; и такъ къ нему такое чувство, которое спокойнѣе и прочнѣе любви?

— Слушая, какъ вы говорите о любви, можно подумать, что вы никогда не знали ея, синьора. Итальянка не была бы такъ заборчива и великодушна: она просто презирала бы и считала въ этомъ своимъ чловѣка, способнаго жить съ нею въ грубомъ и корытельномъ сердечномъ отношеніи, которое вы называете любовью... Знаете ли, синьора, какого бы происхожденія женщина ни была, она всегда прежде всего женщина? Инстинктъ женщины имѣетъ надъ нею больше власти, нежели законы приличія и рошаго тона. Ваша дружба, то-есть ваше презрѣніе къ моему благородному другу, основывается только на заблужденіи. Вы не чувствуете его любви и наказываете его за молчаніе вашимъ уваженіемъ. Еслибъ вы читали въ его сердцѣ, вы отвѣчали бы ни о чувства.

— Маркизъ! для меня очень-странно, что вы вздумали объясняться Леонса.

— Клянусь честью, сеньйора, это не по его порученію: онъ не доврчивъ ко мнѣ такъ же, какъ вы.

— И такъ, вы ухаживаете за мною, вмѣсто его, по собственному побужденію, и взяли за его дѣло даромъ? Это очень-благородно и великодушно съ вашей стороны, маркизъ, и напоминаетъ братство древнихъ рыцарей. Позвольте сказать вамъ, что подобный поступокъ достоинъ уваженія, и съ этого дня вы вполнѣ заслужили мою дружбу.

Сказавъ это съ горькою досадою, Сабина встала, пожелала маркизу доброй ночи, и удалилась въ свою комнату.

Мы уже сказали, что всѣ комнаты нашихъ путешественниковъ выходили на досчатую галерею съ широкимъ навѣсомъ, по испанскому обыкновенію, и что галерея эта тянулась вдоль фасада обращеннаго къ площади. Леонсъ и Теверино занимали одну комнату, и маркизъ, вошедъ, засталъ своего друга еще одѣтымъ, разхаживающаго въ волненіи.

— Молодой человекъ! сказалъ Леонсъ, идя ему на встрѣчу подавая ему руку:— у тебя благородныя чувства, и ты достоинъ благородной участи. Я грубо обидѣлъ тебя при переѣздѣ черезъ ручей; хочешь ли забыть это?

— Прощу вамъ отъ всего сердца, Леонсъ, если вы сознаетесь, что ревность, то-есть любовь, была причиною этой незальной выходки.

— А въ противномъ случаѣ ты не забудешь?

— Въ противномъ случаѣ, я потребую отъ васъ отчета. Чемъ ниже кажется вамъ мое состояніе, тѣмъ учтивѣе должны бы вы быть со мною, пригласивъ меня въ свое общество, и если вы рѣшаетесь дать мнѣ удовлетвореніе потому только, что состояніе ваше неравно, я скажу вамъ, для вашего поощренія, что я бываю на чемъ угодно съ удивительнымъ искусствомъ, и что это не перидуаль моя съ знатнымъ человекомъ.

— Я свободенъ отъ такихъ малодушныхъ предрасудковъ, которые заставляли бы меня колебаться въ этомъ случаѣ; я не сталъ отъ своего вѣка, и знаю, что человекъ стоитъ человекомъ, тоже не совсѣмъ-неискусенъ въ этомъ дѣлѣ, и помѣряться съ тобою было бы очень-пріятно, еслибъ дѣло мое было право; но чувствую, что неправъ, и это мучитъ меня тѣмъ болѣе, что вижу въ тебѣ гордость благороднаго человека.

— Ваши извиненія тоже извиненія благороднаго человека, и принимаю ихъ, сказалъ Теверино, пожимая ему руку съ видомъ мужественнаго достоинства:—но для успокоенія моей чувствительности, вы должны были бы сознаться, что виною всего была только любовь и ревность.

— Вы добиваетесь сердечной откровенности, Тевсина? Извольте. Ревность — да, согласен; но любовь, — нетъ.

— Опять французскія тонкости! Жеманна намъ или нравится, или не нравится. Гдѣ нѣтъ любви, нѣтъ и ревности.

— Это голосъ прямодушія и павности; но положимъ, я соглашусь, что цивилизація французскихъ нравовъ и утонченность нашихъ идей порождаютъ это страстное противорѣчiе. Не-уже-ли вы можете понимать того, что можете чувствовать? Вы, который были такъ много изучали столько различныхъ натуръ, не-уже-ли вы не знаете, что самолюбіе такая же причина досады и ревности, какъ и истинная страсть?

Тевсина сѣлъ на край кровати, промолчалъ нѣсколько минутъ раздумья, и потомъ сказалъ, вставая: — Да! это болѣзнь души, болѣзнь пресыщенія! Чтобы не знать ихъ, надо быть въ моемъ положеніи, надо быть знакомому съ нищетою, то-есть съ частою неспособностью удовлетворять всемъ своимъ прихотямъ. Милая беднота! Ты добрая наставница сердецъ. Когда роскошь наслажденій возитъ насъ испортить, ты возвращаешь насъ къ первоначальной простотѣ чувствъ и идей. Ты даешь намъ столько простодушныхъ уроковъ, что мы по-неволѣ должны оставаться простодушными предъ твоимъ суровымъ закономъ.

— Какое отношеніе находите вы между своею нищетою и прямою своего сердца?

— Нищета — цѣлая философія. Это стоицизмъ, и стоическая душа вылита цѣликомъ. Пусть любовницу мою похититъ могущественный человекъ (могущество нашего вѣка — деньги), я склоняю голову, и гордость моя не страдаетъ отъ этого. Сердце, которому малою моего сердца, не стоитъ въ моихъ глазахъ ни сожалѣнія, ни уваженія. Еслибъ я могъ поддерживать борьбу и доставлять измѣнчивыя наслажденія жизни, я могъ бы узнать тогда ревность и негодовать на свое поражение. Но когда въ распоряженіи моего врага средства соблазна, въ которыхъ счастье мнѣ отказало, — мнѣ не надо возстать, кромѣ судьбы... и люди въ моихъ глазахъ уже не повинны.

— Ты, право, большой философъ, съ чѣмъ тебя и поздравляю. Только этого нельзя примѣнять къ движенію ревности, которое пробудилъ во мнѣ. У тебя ничего нѣтъ, и тебя предпочитаютъ богачу. Я имѣю причины считать себя униженнымъ вдвойнѣ.

— Даже дойти до бышенства, если вы влюблены. Въ противномъ случаѣ, это только бредъ тщеславія, и я не понимаю, какъ человекъ съ вашимъ умомъ и образованіемъ можетъ тревожиться какой бездѣлицей. Еслибъ вы привыкли ежеминутно подчиняться роковымъ переворотамъ судьбы, вы были бы недоступны для этикетъ.

мелких несчастій. Вы узнали бы, что женщина — созданіе самое въ примчивое, слѣдовательно существо, которое можетъ имѣть достать всего больше наслажденій и всего меньше правъ, всего больше упоенія и всего меньше увѣренности.

— Это цыганская философія; воскликнулъ Леонсъ: — и я не способенъ любить такъ. Ты живая чувствительность и терпимость Теверино; но въ любви твоей нѣтъ инстинкта собственного достоинства, какое есть у тебя въ чувствѣ чести.

— Я не переношу чести туда, гдѣ ея нѣтъ, и иду въ любви только любви.

— Итакъ, ты часто бываешь любимъ и никогда не любишь тебя знакомо только удовольствіе!

— И однакожь я часто приношу удовольствіе въ жертву понятию о чести. Не спешите судить обо мнѣ, Леонсъ; вы не знаете, что происходитъ во мнѣ въ эту минуту.

— Знаю, другъ мой, воскликнулъ Леонсъ съ жаромъ. — Ты берешься съ желаніями, которыя могъ бы удовлетворить сейчасъ же. Отсюда недалеко до комнаты одной знатной дамы, гордой и такой слабой, какъ не слаба ни одна женщина изъ ея круга, и очень-хорошо знаю, что тебѣ стоило бы только пройти у ней подъ окномъ романсъ и выточить ей неотразимо-льстивую фразу, чтобы одушевить этотъ мнимокаррарскій мраморъ и зажечь ея горделивыя губы...

— Стойте, Леонсъ! Во мнѣ нѣтъ этой увѣренности, и я не пишу себѣ такого могущества.

— Что это? Притворство, скромность, или праводушіе? Отбросьте совѣстливость. Я все видѣлъ, все слышалъ; знаю, какъ завлекло тебя сначала любопытство, потомъ соблазнъ, и какъ вышелъ ты наконецъ изъ борьбы побѣдителемъ — изъ великодушія ко мнѣ. Благодарю тебя; но уваженіе, которое ты внушаешь къ себѣ, усиливаетъ мое презрѣніе къ этой женщинѣ, и я хочу, чтобы она была наказана за свою лицемерную холодность. Я хочу, чтобы ты отдалъ увлеченію молодости и удовлетворилъ ея желанію, о чемъ съ ужасомъ просятъ влажные глаза ея. Ступай, дитя случая, царь минуты! Часъ благоприятенъ, и ты сорвешь уже первый поцалуй, поцалуй любви, послѣ котораго женщина ни въ чемъ отказать не можетъ. Ты окажешь мнѣ большую услугу, избавивъ меня отъ смертельной агоніи, отъ роковаго соблазна, противъ котораго я слишкомъ долго сражался безъ успѣха. Требую отъ тебя только одного: скромности — да впрочемъ жизнь твоя отвѣчаетъ мнѣ за молчаніе... Будь съ нами стиливъ теперь; завтра ты умрешь... если заговоришь!

— Дуэль на смерть была бы небесною приманкой, еслибы я и только думалъ чувствовать въ себѣ желаніе, спокойно отвѣчалъ Теверино.

о: — но этого нѣтъ, потому-что я вижу, ты влюбленъ до безумія. Единъ-Леонсъ; твоя ярость и несправедливость; независимо отъ твоихъ воли, раскрываютъ глубину души твоей. Успокойся; это прекрасное созданіе ни лукаво, ни преступно. Она только недоумчива и сурьезна, и если она не любила тебя до-сихъ-поръ, такъ ты самъ въ томъ виноватъ, Леонсъ!

— Натъ, нѣтъ, виновата она! Можеть ли она не знать, что я ее люблю, и что моя почтительная дружба только притворство робости?

— Такъ ты сознаешься, наконецъ!

— Сознаюсь, что люблю ее давно, и что еще сегодня утромъ... я хотѣлъ былъ обьясниться; да что! не выказалъ ли я этого, — сумасшедшій! — сто разъ сегодня! Моя раздражительность, горькій смѣхъ, грусть, безпокойство, ревнивое вниманіе, мой усилія любить Мадлену, — какъ-будто это не признанія, слишкомъ-продушныя для свѣтскаго человѣка!

— Леонсъ! Леонсъ! Васъ поняли!

— Да, и это-то всего жесточе съ ея стороны, всего для меня извѣстнѣе. Она притворилась, что ничего не видитъ; она устроила въ своемъ гордомъ безразсудствѣ, она отыскивала исцеленія лишитъ меня бодрости, и когда увидѣла, что я жестоко страдаю, отдалась неизвѣстному человѣку... съ какимъ-то цинизмомъ!

— Не богохульствуй! Мнѣ больно и стыдно тебя слушать, вестникъ Тессерино. — Ты слѣпъ и грубъ въ своей страсти. Какъ? Ты не видишь, что она тебя любитъ, и въ долженъ раскрыть передъ тобою нѣжность ея сердца? Ты не видишь, что она слушаетъ меня съ досады, и что душа ея, тревожимая страстью, ищетъ спасенія въ упоеніи какой-нибудь роковой катастрофы? Чтобы избежать съ нею, ты избираешь пути, усыянные терніемъ, и наведенія, которыя ты ей готовишь, отравлены желчью. Ты разжидешь ее бурными желаніями и вдругъ удаляешься, съ гордою и эпиграмматами, оскорбляясь тѣмъ, что она не спѣшитъ тебѣ встрѣчу, наперекоръ стыдливости ея пола. Ты хочешь, чтобы она высказала тебѣ свою страсть, чтобы она обезпечила тебя противъ всѣхъ случайностей, чтобы обещала тебѣ золотые дни; чтобы явилась и оправдалась въ томъ, что до-сихъ-поръ была несправедлива къ твоимъ оболщаніямъ; чтобы испросила у тебя некоторымъ-образомъ прощенія въ томъ, что медлитъ покоиться; словомъ; чтобы за горькое питье жизни, которымъ ты ее питаешь, она поднесла тебѣ амбросію сердечнаго целомоленія! Это пражудство, Леонсъ, и вы не знаете, что такое подобная женщина! Вы думаете, что увидите, какъ на ногахъ ея, простираясь во прахъ, сознаваясь, что недостойны ея любви, и не ви-

дите, что это просто естественное выраженіе истинной страстностосердечная признательность восторженнаго счастья?

— Итальянецъ, Итальянецъ! бурный потокъ, стремящійся къ побѣдѣ! ты не ждешь для объясненія, чтобъ тебя проинка и знаешь, и восторгъ твой можетъ опередить счастье, изъ котораго онъ происходитъ! Ты знаешь все хитрости оболыщенія и говора о чистосердечіи?

— Да, я чистосердечна, стремясь къ побѣдѣ; желаніе и надежда дѣлаютъ меня красноречивымъ, и мнѣ не нужно быть умрену въ успѣхѣ, чтобъ быть смѣлымъ. Что же удивительнаго неудача этого рода?

— А! Ты не знаешь этого? Отказъ женщины хуже пощечины полученной отъ мужчины.

— Глупый предрасудокъ!

— Нѣтъ! Отказывая, женщина говоритъ, что твоя просьба для нея оскорбительна.

— Ложная добродѣтель! Вижу, что все это у васъ хитрости твоя. Да здравствуетъ пламенная Италія!

— Однако, ты презиралъ своихъ древнихъ идоловъ, говори, что тому назадъ, на укрѣпленіяхъ: «Наши женщины любятъ безъ боря, а ваши чувства — идея!»

— Я думалъ, что я на пути къ открытію совершенства; но вижу съ прискорбіемъ, что умъ подавляетъ сердце. Съ раскаяніемъ и скорбью возвращаюсь къ моимъ воспоминаніямъ.

— Въ сущности ты, можетъ-быть, правъ! сказалъ Леонъ послѣ глубокаго раздумья. — Это отсутствіе разборчивости пристрастнаго изъ богатства вашей организаціи; и я не удивляюсь, что ледяная была увлечена задушевностью теплаго сердца, живши до-сихъ-поръ только ледяными тонкостями. Мы, можетъ-быть, ничего и не имеемъ въ любви, и я сознаю, что заслужилъ все со мною случившееся. Только теперь поздно извлечь изъ этого пользу: очарованіе исчезло, и ты испортилъ, Теверино, все, думая услужить и просвятить меня.

— Не говорите этого, Леонъ; вы этого не понимаете. Утро вечера мудренѣе, и завтра вы будете спокойны. Завтра, въ два пополудни, великій переворотъ долженъ совершиться между нами. Подождите до того времени, чтобъ судить о самомъ-себѣ.

— Что ты хочешь сказать?

— Ничего! Я хочу спать! сказалъ Теверино, гася свѣчу. — трудитесь разбудить меня завтра, потому что я люблю спать въ постели; какъ кардиналъ.

Скоро Теверино заснулъ, казалось, глубокимъ сномъ; Леонъ оставался только спорить съ самимъ-собою, и онъ наврочно

двигая заснуть подобно своему товарищу. Постель его была очень-неспокойна, и драктирные кровати казались ему такъ же гадки, какъ усидительны для Теверино. Леонсъ невольно прислушивался ко всякому шуму. Непредодолимое безпокойство снѣдало его. Онъ все думалъ, что по занавѣсу окна, освѣщеннаго луною, мелькнеть глѣ Сабина, ищущей въ галереѣ случая примириться съ Теверино.

Наконецъ, онъ началъ засыпать, какъ вдругъ цолъ галереи слегка зашуршалъ подъ осторожными шагами, и мало-по-малу все стихло. Леонсъ, неподвижный, началъ прислушиваться, устремивъ взоръ на Теверино, кровать котораго стояла прямо противъ него; онъ ясно увидѣлъ, какъ цыганъ всталъ, тихонько отворилъ дверь, утерся, что никто не проходилъ тутъ, и подошелъ къ нему, по-смотреть, спитъ ли онъ. Леонсъ притворился, будто спитъ глубокимъ сномъ, и не чувствуетъ, какъ Теверино машетъ рукой ему передъ глазами. Теверино тихонько одѣлся и осторожно вышелъ.

— Негодяй! Ты обманулъ меня, подумалъ Леонсъ. — Такъ я отпую же твою хитрость на зло тебѣ, и пристыжу эту безстыдную женщину.

Онъ всталъ, одѣлся также осторожно и пошелъ по слѣдамъ безрассуднаго маркиза. Мѣсяцъ уже былъ на закатѣ, и въ городѣ все было тихо.

XI.

Леонсъ очень-хорошо помнилъ, какой номеръ занимала Сабина; но онъ былъ до того встревоженъ, что не обратилъ на это вниманія и остановился передъ первой попавшейся ему открытой дверью. Въ маленькой комнатѣ, которую онъ могъ оглядѣть въ одно мгновение, стояли двѣ кровати и горѣла лампа. Одна изъ кроватей была пуста; это была кровать негритянки, таинственнаго существа, прошедшаго по галереѣ. На другой, очень-низкой кушеткѣ, на земляхъ, покоилась Мадлена. Теверино, стоя посреди комнаты, осматривался съ безпокойствомъ, и Леонсъ скоро увидѣлъ, что онъ остановился противъ птичницы и внимательно смотрѣлъ на нее. Дѣвушка спала сномъ ангеловъ; лампа на столикѣ освѣщала мирный обликъ ея и тревожныя черты цыгана. Полурастворенная дверь скрыла Леонса, но онъ могъ все видѣть.

— Мадлена? подумалъ онъ, подозрѣвая теперь другое: — а! это не гнуснѣе, и я спасу ее! Зачѣмъ эта проклятая негритянка оставила ее?

Онъ хотѣлъ-было уже зашумѣть, чтобъ обратитъ въ бѣгство со-

блазнителя, какъ вдругъ увидѣлъ, что Теверино становится на колѣни передъ свѣтлымъ образомъ дѣвушки. Выраженіе лица онемѣнилось: безпокойство уступило мѣсто глубоко-вѣжному чувству и чему-то въ родѣ религіознаго благоговѣнія. Нѣсколько времени онъ оставался какъ-будто погруженнымъ въ сладкія, тайныя мысли. Можно было подумать, что онъ простодушно молится, никогда еще красота его не была такъ идеальна! Черезъ несколько минутъ, онъ наклонился и молча поцаловалъ чотки, которыми дѣвушка держала еще въ рукѣ своей, свѣсившейся черезъ край постели. Она заснула перебирая ихъ. Не смотря на осторожность цыгана, она въ-половину проснулась и, думая, конечно, что она себя въ хижинѣ, проговорила тихимъ голосомъ:

— Развѣ уже свѣтаетъ, другъ мой? Братъ ужъ возвратился?

— Нѣтъ, Мадлена, спи еще, мой ангелъ, отвѣчалъ Теверино.

— Я пойду навстрѣчу Жозефу.

— Такъ идите! сказала она соннымъ голосомъ. — Я встану, когда вы уйдете. И такъ-какъ часы покоя указывала ей привычка, что она опять заснула, безсознательно проговоривъ эти слова.

Теверино вышелъ и встрѣтился лицомъ-къ-лицу съ Леонсомъ, который нисколько не старался избѣжать этой встрѣчи. Вдругъ онъ пришелъ въ сильное волненіе, и, быстро оборотившись, взялъ ключъ отъ комнаты Мадлены, замкнулъ дверь и выдернулъ его изъ замка. Потомъ, схвативъ молодого человека за руку, сказалъ ему дрожащимъ голосомъ:

— Тутъ вамъ не удастся позабавиться. Идите, если вамъ угодно, нарушать покой знатныхъ дамъ. Дитя горъ не для васъ!

— Еслибъ у меня была такая адская мысль, отвѣчалъ Леонсъ спокойствіе и прямодушный видъ котораго скоро успокоили прощипательнаго бродягу: — мнѣ стало бы стыдно въ твоёмъ присутствіи, благородный юноша! Я подсмотрѣлъ тайну твоего сердца и зналъ тайну Мадлены. Я былъ такъ занятъ своимъ, что даже сихъ-поръ не могъ узнать въ тебѣ ея милаго, о которомъ она говорила, и обвинялъ тебя въ преступленіи, когда ты повиновался отеческой заботливости.

— Отеческая заботливость! сказалъ Теверино, удаляясь съ Леонсомъ отъ комнаты птичницы. — Да, это настоящее слово, Леонсъ. Услышавъ шаги въ гадереѣ, я началъ опасаться за беззащитное, ничего-неподозрѣвающее дитя, Какой-нибудь мерзавецъ-лакей, ванджожей, чего добраго... эта дерзкая фигура!.. Я отвѣчаю за Мадлену передъ бравымъ контрабандистомъ, который вотъ уже восемь мѣсяцевъ, какъ свято вѣрилъ мнѣ охраненію своей сестры и хижинки. О, праводушіе золотаго вѣка! ты воскресло среди пустыни, между цыганомъ, разбойникомъ и молодою дѣвушкою! Вотъ, Леонсъ, что

когда не дождеть наша благородная леди, такъ глубоко-проникающая жизнь въ щипеть и беспорядкъ. Увы, ей не понять сердца леди—эту святую простоту, которая даже не знаетъ, что она крошечна; эту высокую увѣренность, которую не могла пошатнуть ни Сабина со всѣмъ своимъ умомъ и красотою! Не удивляетесь вы, Леонсъ, безмятежности и скромности этого ребенка, этой лодки, которая удовольствовалась однимъ словомъ, увидѣвъ меня пераженинаго, и ни одною выходкою глупой ревности не помѣла мнѣ разыгрывать роль льстеца передъ вашею богиней? Ахъ, иль вы слышали ея наивные вопросы, когда она сидѣла возлѣ меня на козлахъ, ея полныя величія и доброты отвѣты, когда я рашивалъ ее, не находить ли она васъ, съ своей стороны, слышитъ—любимымъ и прекраснымъ! Наша любовь не то, что ваша, и другъ: мы не подозреваемъ другъ друга; мы знаемъ, что не жемъ другъ друга обмануть. Признаться ли вамъ? Птичница кажется мнѣ еще милѣе и привлекательнѣе послѣ того, какъ я пощади ароматомъ знатной дамы... Однако, куда жь ушла эта прелесть негрятенка и оставяда двери настѣжь, какъ-будто мы здѣсь монастырь? Держу пари, что еслибъ миледи поручила ей смѣять за какою-нибудь собачкой, она заботилась бы о ней больше, жели о тѣсти этой молодой дѣвушки.

Гдѣ же, въ-самомъ-дѣлѣ, была негрятенка? Не хотимъ предполагать, что она отправилась на свиданіе съ жокеемъ Леонса. Можетъ-быть, позвала ее Сабина, мучимая безсонницей; можетъ-быть, она была лунатикъ.

Сабина спала не лучше своихъ спутниковъ. Предсказаніе Леонса исполнилось точнѣе, нежели онъ предвидѣлъ; говоря на-удачу, онъ думалъ только позабавить ее и потревожить ожиданіемъ какою-нибудь приключенія, на которое самъ не рассчитывалъ. Бѣдная молодая женщина, встревоженная и огорченная, не уставала припоминать всѣ чудныя событія того дня. Странности Леонса, бурное короткое объясненіе въ любви, слѣланное имъ въ дѣсу, и ихъ внезапное примиреніе. Потомъ неожиданная досада его на то, что она не могла придерживаться старинной дружбы, уходъ его часа на два въ горы и возвращеніе съ атимъ незнакомцемъ, полнымъ очарованія и странностей, который являлся ей то самымъ благородно-вѣрещенымъ, то вдругъ самымъ прозаически-пустымъ человѣкомъ, то влюбленнымъ къ ней до обожанія, то равнодушнымъ и безконнымъ до того, что молилъ ее за другаго; то образкомъ и цѣлымъ дорянцемъ, то истиннымъ типомъ площаднаго скомороха; переходившимъ отъ педантскаго преція въ священникомъ къ божественному музыкальному вдохновенію, отъ двусмысленнаго переплетанія съ цѣлщицей къ общему разговору, полному возвы-

шленныхъ мыслей, философіи и поэтическаго энтузіазма... Всѣ переходы спутали мысли и сломали сердце Сабина. Всѣ эти сны, всѣ разговоры проходили передъ нею при быстромъ движеньи калески, которое, казалось ей, она чувствуетъ, и при безпрестанной перемѣнѣ декораціи горъ, которая какъ-будто неслась мимо ея закрытыхъ глазъ. Она не различала уже мечты отъ действительности, и едва начинала засыпать, какъ вдругъ опять пробудалась, чувствуя, что Теверино цалуеетъ ее на вершинѣ башни. И смѣшанныя рукоплесканія и хохотъ презрѣнія поражали слухъ. Башня падала съ грохотомъ, и она стояла на грязной улицѣ подругу съ фиגлярюмъ, передъ Леонсомъ, который изъ жалости бросилъ имъ милостыню, отворачивая голову.

Негритянка, которой приказано было разбудить ее пораньше, стала ее сидящею на постели, съ мутнымъ взоромъ и стѣсненною грудью. Она подала ей бѣлый кашемировый бурнусъ, служившій ей въ видѣ вмѣсто утренняго платья, свѣжее раздушенное было богатый туалетный приборъ,—словомъ, почти все приходившее, чему она привыкла. Сначала, она принялась за туалетъ машинально; потомъ, снова впавъ въ раздумье, спросила у Леле, кто пооботился обо всемъ этомъ съ такимъ любезнымъ вниманіемъ? Когда Леле отвѣтила ей, что всѣ эти мелочи взяты по приказанію Леона, она не могла больше сомнѣваться, что, ужасая, онъ имѣлъ въ намѣреніе продлить прогулку до слѣдующаго дня, и между-тѣмъ какъ Негритянка причесывала ее и одѣвала, она терлась въ мечтаніяхъ.

По вчерашнему поведенію Теверино, она слишкомъ-ясно видѣла, что онъ ее не любитъ. Какъ могъ онъ послѣ его страстной ласки и роковаго поцалуй не только не быть тревожнымъ и задумчивымъ въ-продолженіи остальнаго вечера, но даже разыграть театральную сцену? И когда онъ снова очутился наединѣ съ подругою, обвѣденною женщиною, какъ, вмѣсто того, чтобъ выказать ей благодарное раскаяніе, котораго гордая красавица ждетъ, чтобъ заплакать или уступить, какъ могъ онъ устоять въ чемъ-то похожемъ на философскій диспутъ и говорить, наконецъ, о любви Леона вмѣсто своей собственной? Сабина была глубоко-унижена; она хотѣла выйти, желая снова облечься ироническимъ высокомеріемъ и ложнымъ спокойствіемъ своей мнимой недоступности. Но маркизъ дерзокъ и опасенъ, на чью защиту, кромѣ Леона, могла она надѣяться?

Ныжняя и законная привычка снова привела ее къ этому естественному защитнику, и, будучи увѣрена въ великодушіе своего друга, она спрашивала сама себя съ ужасомъ, какъ могла она быть несправедливою и легкомысленною до такой степени, что ей при

лось жить въ немъ необходимость? Сравнивая этихъ двухъ людей,—одного волнаго прелести и загадочности, другаго суроваго и положительнаго; незнакомца и испытаннаго друга; одного, котораго поцалуй ея навѣки приковалъ бы къ стопамъ ея; другаго, который принималъ этотъ поцалуй мимоходомъ, какъ очень-обыкновенное приключеніе, и забылъ черезъ часъ. Она обвиняла себя и простила въ глубинѣ души...

Леонсъ ожидалъ, что она будетъ противъ него раздражена, и шель ее блѣдною, грустною, обезоруженною. Подонедъ поцаловать, по обыкновенію, ея руку, онъ замѣтилъ слезу на ея черныхъ ресницахъ, и, въ свою очередь, неволью былъ тронутъ.

— Вы нездоровы? сказалъ онъ. — Вы дурно спали?

— Вы мнѣ предсказали это, Леонсъ, и я должна отдать вамъ отчетъ въ ужасныхъ ощущеніяхъ, которыхъ никогда не забуду. Устройте, пожалуйста, такъ, чтобъ я могла сегодня поговорить съ вами покойно, и не покидайте меня такъ жестоко по-вчерашнему.

У Леонса не достало духа сказать ей, что онъ хотѣлъ этииъ годить ей: онъ слишкомъ-хорошо видѣлъ, что Сабина не хотѣла и не могла оправдаться. Онъ спросилъ себя, въ свою очередь, не онъ ли одинъ виноватъ? Полный грусти и сомнѣній, онъ пошелъ распорядиться притовленіями къ отъезду.

Къ-счастью, священникъ развеселилъ за завтракомъ общество; маркизъ былъ очень остроуменъ, Леонсъ задумчивъ, и Сабина внутренно благодарила его за это. Въ Тверино видѣла она наглость счастливаго любовника и ненавидѣла его. Въ мысляхъ цыгана не было, прочемъ, ничего подобнаго: онъ смотрѣлъ на поступокъ лэди Г. голлазла-нисходительнѣе ея-самой; грѣхъ былъ въ его глазахъ такъ простителенъ, и философія его въ этомъ отношеніи одушевлена такою терпимостью, что онъ очень-мало былъ расположенъ чваниться. Это происходило отъ-того, что, въ извѣстномъ смыслѣ, въ немъ было меньше уваженія къ добродѣтели жевцинь, нежели въ Леонсъ, и въ то же время больше вѣры въ ихъ нравственное достоинство. За минуту слабости онъ не обвинялъ ихъ въ неспособности любить истинно и долго. Его кодексъ добродѣтели былъ не такъ возвышенъ, но за то болѣе-человѣколюбивъ. Идеаломъ его была не сила, а, напротивъ, нѣжность и прощеніе.

Только когда сажались въ коляску, Сабина замѣтила отсутствіе падлены.

— Она ушла въ свои горы на разсвѣтъ, сказалъ Тверино. — Бѣдняжка опасалась, чтобъ братъ, возвратившись домой, не беспокоился на счетъ ея отсутствія, и отправилась по горамъ прямехонько, въ сопровожденіи своихъ птичекъ, которыя, я самъ видѣлъ, прилетѣли къ ней навстрѣчу у городскихъ воротъ; я проводилъ ее въ

поле, чтобъ ея не окружили и не остановили дѣти воссѣтрь и ея волшебные фокусы.

— Маркизь доброе всѣхъ насъ, сказалъ Леонсъ. — Тогда-какъ мы забыли нашу маленькую спутницу, онъ всталъ раньше всѣхъ, чтобъ принять ея подъ свое покровительство.

— И вы называете это покровительствомъ! сказала Сабина по-английски, тономъ упрека.

— Не клевете на Теверино, отвѣчалъ Леонсъ: — вы его еще не знаете.

— Не сказали ли вы вчера, что и вы его не узнаете?

— Съ-тѣхъ-поръ я узналъ его, и впредь, Сабина, я за него ручаюсь.

— Право? онъ благородный человѣкъ?

— Да, у него есть сердце, хотя состояніе и не блестящее.

— Онъ бѣдной фамили, или разорился?

— Не все ли равно?

— Очень не все равно. Я уважаю бѣдность дворянина, но дурно думаю о благородномъ, который расточилъ отцовское наследіе.

— Въ такомъ случаѣ, вы можете презирать меня: я на большомъ дорогѣ къ разоренію.

— Вы имѣете на это право, и знаю, что расточаете свое богатство щедро и благородно. Это не подвергнетъ васъ униженіямъ и шесты: вашъ художническій талантъ обезпечиваетъ вамъ блестящую будущность.

— А если я художникъ капризный и непостоянный, тѣмъ больше подверженный припадкамъ лѣности и безпечности, что мысль трудиться изъ-за денегъ охладитъ мое вдохновеніе? Великіе, истинные художники, однакоже, таковы; и вы сами, не упрекали ли вы меня вчера въ томъ, что я рожденъ въ кругу, гдѣ легко достигнуть успѣха, и гдѣ въ борьбѣ мало заслуги?

— Не напоминайте ничего о вчерашнемъ днѣ, Леонсъ; мнѣ хотѣлось бы вырвать эту страницу изъ книги моей жизни.

Коляска быстро проѣхала возвышеніе, на которомъ стоялъ горный докъ. До границы должно было шагнмъ подыматься по крутой извѣстистой дорогѣ, по которой Теверино спустился наканунѣ съ такою смѣлостью и увѣренностью. Это могло продолжаться не меньше часа. Всѣ вышли, исключая Сабинны и Леонса, котораго она попросила остаться съ ней въ экипажъ. Жюкей шелъ вблизи лошадей, негрятанка шадила вдоль рововъ, преслѣдуя бабочекъ съ какою-то дикою граціей, выказывавшею стройность и силу роскошныхъ формъ. Священникъ, рвительно цитавшій ужасъ этой чернушкѣ, къ этому Люциферу въ юбку, по его выраженію: — шелъ впереди съ Теверино. Маркизь рѣшился примирить его

вплоть другомъ Мадлены, съ этимъ бродягою, котораго аббатъ никогда не видѣлъ, но далъ себѣ слово пощипать его жандармами при первомъ удобномъ случаѣ. Не говоря ему объ этомъ незнакомѣ и предвидя минуту, когда ему придется, можетъ-быть, снять маску, маркизъ старался выказать ему себя-самого съ лучшей стороны, и приобрести его благосклонность и доверчивость. Это было нетрудно, потому-что священникъ былъ въ сущности прекраснѣйшій человѣкъ, когда не противорѣчили его религиознымъ идеямъ и привычкѣ пощипаться.

— Прислушайте, Леонсъ, сказала Сабина послѣ минутнаго разума;—я должна обратиться къ вамъ съ страшною исповядью, и если вы найдете, что я виновна, должна буду искупить вину — а сама съчесть, потому-что вы причину всего зла, и, кажется, передъ разсчитывали на мое страданіе. Вы такъ виноваты предъ мною, что я чувствую довольно силы признаться въ собственной вины.

— Избавить ли васъ отъ этого стыда? отвѣчалъ Леонсъ, взявъ и руку съ чувствомъ презрительнаго состраданія и вмѣстѣ братскаго участія.—Да, это долгъ и явствѣ съ тѣмъ право друга. Вы не могли увидѣть морю маркиза безнаказанно; вы испытали его отраженіе могущества, всѣ ваши къастливыя теоріи цали,—слезы, вы его любите!

Жгучій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ Сабинны, и она сдѣлала жестъ презрѣнія; но, пересиливъ себя, сказала:—А еслибъ и такъ, судили ли бы вы меня? Говорите откровенно, Леонсъ, не шадите меня.

— Не осудилъ бы нисколько; но попробовалъ бы предостеречь васъ противъ этой раждающей страсти. Теврино не достоинъ и, клянусь вамъ Богомъ, всевѣдущимъ и судящимъ не такъ, какъ вы. Но между вами и этимъ человѣкомъ есть преграды, которыя вы не можете и не захотите побѣдить, бѣдная женщина! Жизнь, полная случайностей, переворотовъ, неизъяснимыхъ странностей, выковываетъ Теврино къ сферѣ, куда вы не поспѣете за нимъ. Слѣзъ между вами сдѣлала бы васъ обоихъ несчастными.

— Вы отвѣчаете на то, о чемъ я васъ не спрашиваю. Что мнѣ въ будущности, до участи этого человѣка?

— О! какъ вы его любите! воскликнулъ Леонсъ съ упрекомъ.

— Дѣйствительно! Очень люблю! отвѣчала она съ холоднымъ съезомъ.—Вы сумасшедшій, Леонсъ. Я къ этому человеку совершенно-равнодушна.

— Такъ о чемъ же вы меня спрашиваете? Или вы ищете мою безрассудность?

— Избави Богъ! Я спросила васъ, нашли ли бы вы эту любовь преступною, еслибъ она была возможна?

— Преступною, нѣтъ; потому-что я сознаюсь, виновный былъ бы — я.

— И она не уменьшила бы вашей дружбы?

— Дружбы, нѣтъ; но уваженія...

— Говорите все. Почему уваженіе ваше превратилось бы въ состраданіе?

— Потому-что въ такомъ случаѣ вы оказались бы нечастоседечною противъ меня въ прошедшемъ. Какъ! столько гордости, холодности, презрѣнія къ слабымъ женщинамъ, столько насмѣшекъ надъ внезапными паденіями, надъ слѣпымъ увлеченіемъ, и вдругъ разоблачиться, подобно самой слабой и сѣдой изъ всѣхъ! Нѣсколько лѣтъ держаться противъ любви истинной и глубокой и въ одну минуту уступить мимолетному очарованію? Вашъ характеръ утратилъ бы въ такомъ случаѣ всю свою самобытность и все величіе.

— Какъ противорѣчите вы самому-себѣ, Леонсъ! Вчера вы сѣрдостью ратоборствовали противъ этого ненавистнаго характера, вы называли его эгоизмомъ и холоднымъ варварствомъ. Вы готовы были ненавидѣть меня за то, что я никогда не любила.

— И вамъ угодно было оскорбиться и показать, на что вы способны!

— Будьте разсудительны и великодушны; не предположите обо мнѣ столько низости, чтобъ задать себѣ роль и равнодушно хотѣть васъ мучить.

— Мучить, меня? А почему жъ бы я мучился?

— Потому-что вы любили меня вчера, Леонсъ. Да! Вы говорили мнѣ о любви, высказывая ненависть; вы молили меня, отталкивая. Я знаю, что сегодня вы этого стыдитесь; знаю, что сегодня вы уже не любите меня.

— Да! печально произнесъ Леонсъ. — Вотъ что называется гадать въ душъ. Но вы, я предполагаю, такъ же равнодушны и моему сегодняшнему выздоровленію, какъ были равнодушны вчера къ болѣзни?

— Узнайте же всю превратность моего инстинкта. Вчера я была неравнодушнѣе, нежели сегодня. Я почти приняла вчера вашу любовь, отталкивая ее, а сегодня, по-видимому, моля объ ней, отъ нея отказываюсь.

— Вы хорошо дѣлаете, Сабина; для обоихъ насъ было бы болѣе несчастіе, еслибъ любовь могла еще существовать послѣ того, что я видѣлъ и знаю.

— И, однакожъ, вы видѣли не все, а я хочу, чтобъ вы всѣ

али. Вчера, на вершинѣ башни, голосъ этого Итальянца тронулъ меня до слезъ; мнѣ сдѣлалось душно, я почувствовала, что губы касаются моихъ, и еслибъ я не услышала вашихъ шаговъ, я, можетъ-быть, не отворотила бы головы.

— Вамъ легко исповѣдываться передъ тѣмъ, кто не просмотрѣлъ ничего изъ этой живописной сцены. Я думала, что присутствую при первомъ поцалувъ Франциска де-Римини и Ланчютто! Вы были удѣсно хороши собою!

— Къ чему этотъ трепеть, Леонсъ, этотъ гнѣвный взглядъ и рожайшій голосъ? Что вамъ за дѣло сегодня, когда вы уже разлюбили меня за этотъ проступокъ, когда презираете меня до такой степени, что хотите лишить меня заслуги признанія и раскаянія? — Тотъ не раскаивается, кто исповѣдывается такъ смѣло.

— Пусть это будетъ и смѣлость, если угодно, я за это не спую, и желаю не прощенія любовника, но отпущенія дружбы. Неразшій унижительный для меня опытъ измѣнилъ мои мысли о любви и мнѣніе о самой-себѣ. Я мечтала о чемъ-то неслыханномъ высокомъ, и ввровала; васъ считала я едва-достойнымъ вести меня къ открытію этого идеала. Теперь я узнала пустоту своихъ новъ и постыдную слабость человѣческой природы. Пламенный поръ, лѣтвивія рѣчи, прекрасный голосъ, усталость и волненіе послѣ дня, полнаго приключеній, упоеніе дивной ночи и живописнаго мѣста, и — всего больше злое чувство досады противъ васъ, сдѣлали меня столько же слабою въ одну минуту, сколько была и сильна и непобѣдима въ-продолженіи многихъ лѣтъ, прожитыхъ въ свѣтъ. Надъ мною тяготѣло какое-то непостижимое мѣтеніе, туманъ затемнялъ мои взоры, жужжаніе заглушало слухъ. Я почувствовала, что и я существо страдательное, подчиненное, меченное, — словомъ, женщина! Съ этой минуты, подмостки моей гордости рухнули; я оплакивала увѣренность мою въ самой-себѣ, сознавая свое паденіе и разочарованіе въ себя-самою, надѣялась, по-крайней-мѣрѣ, что могу благодарить Бога за то, что онъ далъ мнѣ великодушнаго друга, который, спасши меня отъ совершеннаго паденія, утѣшилъ въ скорби. Не-уже-ли я забываю васъ, Леонсъ? Вы не попытаетесь исцѣлить рану, гонящую въ глубинѣ моего сердца? Не-уже-ли я должна плакать лишко и ежеминутно дрожать передъ воплемъ совѣсти? Если это отчаяніе подавить меня окончательно, если первое паденіе увлечетъ меня въ глубину бездны, если мнѣ суждено испытать еще такіа жалкіа оболщенія и чувствовать, какъ велика опасность, которую я такъ презирала, не-уже-ли никто не протянетъ руки мнѣ въ эту минуту? Не-уже-ли спасетъ меня мужъ, этотъ флегматическій и неводержный Англичанинъ, который не можетъ устоять противъ

вина и не понимаетъ, какъ можно не устоять противъ любви? И мои ввроломные обожатели, эти свѣтскіе, безпощадные, бешутые люди, которые не боятся никакой лжи, лишь-бы соблазнили женщину, и презираютъ ее, какъ-скоро она начинаетъ слушать ложь другаго? Скажите, куда укрыться мнѣ, если единственный человѣкъ, дружбѣ котораго я могу вѣрить тайну моего стыда, отталкиваетъ меня и холодно говоритъ мнѣ: «сожалѣнія, да; но уваженія, нѣтъ!»

Сабина говорила съ энергіей; она была блѣдна какъ смерть, и легкія багровыя пятна выступали мѣстами на щекахъ ея. У нея действительно была лихорадка, и утренній вѣтеръ, волнуя ея роскошныя волосы, придавалъ ей непривычный для нея видъ безжизненности и сильной душевной тревоги. Она казалась Леону прекраснѣе, нежели когда-нибудь; онъ схватилъ ея руку, и, чувствуя, что она действительно пробѣгаетъ холодная дрожь, поднесъ ее къ своимъ губамъ, чтобъ согрѣть. Слезы ручьемъ вырвались изъ груди Сабинины; она склонилась на плечо своему другу, который страстно прижалъ ее къ груди.

Леонъ молчалъ; онъ не могъ произнести ни слова. Праваду его гордости боролась въ немъ съ порывами сердца. Если бы дело въ сущности состояло только въ прощени дружбы, для него не было бы ничего легче, какъ обратиться къ ней съ извиненіями и утѣшеніями. Но Леонъ былъ влюбленъ, влюбленъ, можетъ-быть, до безумія, и такъ давно, что долгъ дружбы не могъ заглушить въ душѣ его. Онъ боролся съ страстью болѣе-звѣдательскою и ревнивою, и испытывалъ настоящую пытку, думая, что въ душѣ шагахъ отъ него идетъ человѣкъ, которому удалось въ одну минуту проникнуть въ сердце, столько лѣтъ для него недоступное. Несмотря на эту внутреннюю борьбу, Леонъ былъ побѣжденъ, хотя и не сознавался въ этомъ; онъ былъ отъ природы великодушнѣе, еще болѣе, онъ испытывалъ великодушнѣйшее изъ чувствъ, когда намъ удается очистить его божественную сущность отъ гнѣва, эгоизма и тщеславія.

— Не спрашивайте меня, сказалъ онъ Сабинѣ: — я, я тоже страдаю... но оставайтесь здѣсь, у моего сердца, и постараемся забыть все, обо!

Онъ удержалъ ее въ своихъ рукахъ, и скоро почувствовала отъ сладости магнетической силы, истекающей изъ дружескаго сердца, и которая краснорѣчивѣе всякихъ словъ. Оба дышали свободнѣе, и когда Сабина закрывала глаза, наслаждаясь этимъ чистымъ упоеніемъ, онъ сказалъ ей, прижимая ее ближе къ себѣ: «спитъ милая больная, отдохните отъ усталости». Она мистически повиновалась этому приглашенію, и скоро благотворный сонъ, магнетичес-

чка шагомъ—вдушей коляски и заботливость друга, воскресли еды и снова вызвали на ея щеки блѣдный, ровный колоритъ, оставившій свѣжесть бронетокъ.

XII.

Сабина проснулась только въ хижинѣ таможеннаго сторожа; она успѣла еще и подумать освободиться изъ долгихъ, безмолвныхъ объятій Леонса, какъ Теврино высмотрѣлъ уже чистую тайну ихъ шивренія. Леонсъ увидѣлъ его дружескую улыбку и старался вѣчать на нее повоздержнѣе; цыганъ указалъ ему на небо, и, продолжая речитативъ изъ Танкреда, начатый имъ вчера на этомъ мѣстѣ, онъ пропѣлъ только одно слово, въ которомъ Теврино, въ трехъ нотахъ, умѣлъ сосредоточить столько скорби и любви: *Алеманда!*

Въ голосѣ Теврино было столько глубины и метины, что Леонсъ, вышедши изъ коляски, чтобъ переговорить съ сторожемъ, сказалъ ему: «Стоитъ только услышать, какъ пропеется ты это имя, пропѣлъ эти три ноты, чтобъ убѣдиться, что ты великій певецъ: постигаешь музыку какъ маэстро.»

— Любовь я понимаю еще лучше музыки, отвѣчалъ Теврино:— съ удовольствіемъ вижу, что и ты начинаешь понимать ее. Печальна, когда любовь говоритъ твоему сердцу, вознеси сердце къ Богу, высочайшей благодати и добротѣ. Ты увидишь, что спокойное, раненное сердце снова сдѣлается спокойнымъ и благодатнымъ, какъ сердце ребенка.

— Вы опять хотите править? спросилъ священникъ, видя, что Теврино садится на козлы.—По-крайней-мѣрѣ, вы будете благодарны за вчерашняго?

— Развѣ вы мною недовольны, любезный аббать? Развѣ съ вами что-нибудь случилось? Да, сверхъ-того, развѣ вы не садите меня, чтобъ удерживать мой пылъ, если я разгоржусь?

— Право, вы дѣлаете изъ меня что хотите. Далеко въ томъ, что я привыкъ къ вашимъ шалостямъ, и не могу не содѣлаться, о вы прелюбезный собесѣдникъ. Пошелъ же, дучерь! Лишь бы рѣшиться сегодня по-добру-по-здорову въ Сент-Андреашиеръ, и не возвращаться опять черезъ этотъ проклятый ручей, который вѣчно льетъ, кажется, и рвется свести мостъ вмѣстѣ съ проклятымъ!

— Миновать мостъ значить захватъ къ объѣзду, любезный аббать; я готовъ охотно!

— Пошелъ въ объѣздъ! воскликнулъ священникъ, отчаянно полагая на глаза свою большую шляпу.—*Chi va piano, va sano; chi*

сомъ дольше или короче въ дорогъ не важное дѣло; *chi va sano, va bene.*

Повхали другой дорожкой, и Сабина спросила Леонса, точно ли они ѣдутъ въ вылу.

— Надюсь, отвѣчалъ онъ:—впрочемъ, хорошенько не знаю. Я долженъ признаться, что вся магнитическая сила оставила меня, перешедъ въ маркиза, и отнынѣ онъ единственный нашъ компасъ.

— Въ такомъ случаѣ, я открыто встаю; не хочу повноваться никому, кромѣ васъ.

— Я слышу, свѣйора, сказалъ Теверино: — но предположите, что я только руль и повинуюсь рукѣ Леонса. Компасъ—господишь священникъ; взоры его всегда обращены на полюсъ.

— Хорошо сказано! хорошо сказано! воскликнулъ священникъ, сбѣжавъ отъ всего сердца.

Дорога была длинна, но прекрасна. Теверино правилъ благородно и останавливался при каждомъ замѣчательномъ мѣстоположеніи, давая спутникамъ подивиться имъ. Веселый, добрый иль его и почтительность къ Сабинѣ мало-по-малу успокоили ее. Кажется, онъ хотѣлъ заставить ее забыть минутную слабость. Она была ему за это благодарна; но нѣжные взгляды и теплыя рѣчи были обращены только къ Леонсу.

Между тѣмъ становилось жарче, и она опять заснула; Леонсъ съ неутомимою заботливостью держалъ надъ ея головою зонтикъ. Проснувшись, она съ удивленіемъ увидѣла себя посреди готическаго монастыря.

Колеска остановилась во дворѣ, на густой травѣ, близъ большаго фонтана. Старинныя постройки, странно-изящныя, окружали эту выступившую впередъ часть монастыря. Сквозь острокопечныя аркады видѣлась, съ одной стороны, далекая перспектива очаровательной долины; съ другой, возвышались надъ зубчатыми шпицами зданія голыя и грозныя вершины горъ. Впереди, широкая рѣшетка ограждала второй дворъ монастыря; сквозь нея, вокругъ поляны, усыянной цвѣтами, видѣлись зданія позднѣйшей постройки и въ лучшемъ состояніи, съ украшеніями во вкусъ XVI вѣка. Священникъ, прильнувъ лицомъ къ этой рѣшеткѣ, мощною рукою звонилъ въ звонкій колоколъ, и тѣни монаховъ, вышедшихъ на шумъ, мелькали въ просвѣтѣ второй готической двери, ведущей по третій дворъ.

— Вы не разсердитесь на меня, миледи, сказалъ Теверино: — что я завезъ васъ къ святымъ отцамъ? Это монастырь *Notre-Dame du Refuge*, и нашъ любезный священникъ полагаетъ, что сонъ и замуска украсятъ этотъ поэтическій роздыхъ. Мы попросимъ у па-

тоятеля позволенія ввести васъ во внутренность монастыря, и чтобъ вѣрнѣе успѣть въ просьбѣ, выдадимъ васъ за старую Ирландку, ультра-католичку. Опустите свой вуаль, чтобъ не увидѣнъ вашего лица и тали, пока не отворится рѣшетка.

— Эти добрые монахи хитрѣе тебя, сказалъ Леонсъ: — вотъ рать-привратникъ идетъ уже поближе взглянуть на молодую, прекрасную путницу.

Переговоры кончились тѣмъ, что монахи согласились впустить женщинъ на поляну, но не дальше. Условившись, они очень-любезно и обязательно велѣли распрячь лошадей и провели путешественниковъ въ свѣжую, живописно-украшенную залу, гдѣ поданъ былъ лакомый завтракъ.

Здѣсь завязалась жаркая перестрѣлка вопросовъ и отвѣтовъ, и простодушное любопытство праздной братіи не разъ приводило въ замѣшательство умъ священника. Онъ принужденъ былъ покориться лжи Теверино, смѣло выдававшего Леонса за лорда Г., мужа Сабинны, и увѣрившаго, что они прямо изъ Сент-Аполлинѣра, гдѣ г. священникъ отслужилъ поутру, передъ отъездомъ, обѣданку. Настоятель изъяснилъ свое удивленіе, что у лорда Г. вовсе не англійскій выговоръ, и что коляска прибыла съ горныхъ вершинъ, а не изъ глубины долины. Но у Теверино на все былъ готовъ отвѣтъ, и, чтобъ прекратить ихъ разспросы, онъ самъ забросалъ монаховъ вопросами и разсыпался въ похвалахъ ихъ монастырю, ихъ почтенной наружности и богатому гостепримству. Послѣ завтрака, онъ попросилъ, чтобъ по-крайней-мѣрѣ мужчинамъ позволили посѣтить церковь и кельи, и такимъ образомъ снова доставилъ Леонсу случай побыть наединѣ съ Сабинной, которую онъ не хотѣлъ оставить одну. «Они еще недавно обвѣнчаны» шепнулъ Теверино настоятелю: «у васъ тутъ есть монахи на мои глаза красавцы. Милордъ ревнивъ и сердится за самый невинный и почтительный взглядъ на его супругу.» Святой отецъ улыбнулся и поклонился мнимому лорду Г., приглашая его нарвать цвѣтовъ для миледи.

Леонсъ и его спутница, полюбовавшись мощной свѣжести растеній, разведенныхъ съ такою любовью и знаніемъ, возвратились въ первый дворъ, котораго разрушенныя зданія и густая, запущенная трава выказывали больше оригинальности и поэзіи. Это мѣсто было совершенно-необитаемо, и древнія зданія его служили только албарами и погребамъ. Мулъ настоятеля, съдой отъ старости, меланхолически щипалъ траву, и только воркованіе голубей на открытыхъ мохомъ кровляхъ, да монотонное журчаніе фонтана и стукъ часовъ, тщательно возвѣщавшихъ о каждой протекшей секундѣ, нарушали безмолвіе этого жилища, гдѣ жизнь, казалось, остановилась.

Сабина, сидя на скамьѣ близъ фонтана изъ чернаго мрамора, походила на статую меланхолича. Совершенное преобразование совершилось въ это утро въ манерахъ, наружности и выраженіи этой прекрасной женщины, и Леонсъ, созерцая ее, чувствовалъ, что все между ними измѣнилось. Это была уже не та высококѣрная красавица — скептикъ въ дѣйствительной любви, съ гордо-восторженною мечтою какой-то идеальной и невозможной любви, — женщина, которой ни одинъ изъ смертныхъ не казался достойнымъ разделять ея мечтанія. Эта сила характера, это тягостное напряженіе воли, столько пугавшія и раздражавшія Леопса, уступили мѣсто мягкой томности, трогательной грусти, глубокой задумчивости, пѣжнымъ и кроткимъ ласкамъ, которыхъ предметомъ былъ одинъ Леонсъ. Она преобразилась въ робкую, трепещущую женщину, и въ первый разъ онъ находилъ въ ней прелести, не охлажденныя недоверчивостью и страхомъ. Онъ чувствовалъ себя при ней несвязаннымъ, могъ говорить и дышать, не опасаясь насмѣшливыхъ, острыхъ выходокъ, которыя пробуждали прежде его умъ и заставляли сердце его быть на-сторожѣ противъ нея и противъ самого-себя. Ему уже не было необходимости насильно разыгрывать по-вчерашнему роль доктора и таинственнаго педагога — эту холодную и насильственную шутку, прикрывавшую столько сердечнаго волненія и досады. Онъ былъ для нея теперь истиннымъ покровителемъ, врачомъ души, почти господиномъ; а когда мужчина сознаетъ себя властелиномъ и правителемъ, онъ въ состояніи простить все, даже невѣрность, ранившую его самолюбіе.

Онъ сѣлъ у ногъ своей покорной исповѣдницы, и послѣ долгаго молчанія, не безъ тайнаго удовольствія, можетъ-быть, продливъ ея безпокойство и робость, спросилъ ее, не уменьшилась ли ея любовь отъ тягостнаго признанія, которое она осмѣлилась ему сдѣлать.

— Можетъ-быть, отвѣчала она: — еслибъ я видѣла въ васъ что-нибудь другое, кромѣ любовника, который меня покинулъ, и друга, который возвращаетъ мнѣ. Но если другъ исцѣляетъ раны, насмѣсенныя мною самой-себѣ, я съ радостью готова видѣть, что любовникъ исчезъ навсегда. Такимъ-образомъ, гордость моя не можетъ страдать: если любовь горда и чувствительна, если ея прощеніе унижительно и не можетъ быть принято, то прощеніе дружбы — святѣйшее и сладчайшее изъ благодѣяній. Ахъ, милый Леонсъ! Сколько чище и драгоценнѣе это божественное чувство! Какъ облагораживаетъ и очищаетъ оно, вмѣсто того, чтобъ унижать и мучить! Вчера я не приняла бы отъ васъ ни помощи, ни сожалѣній. Сегодня я не краснѣя готова молить васъ о томъ на колѣняхъ.

— Вы еще не дошли до истины, милая Сабина! Вы перешли изъ одной крайности въ другую. Вчера вы слишкомъ презирали дружбу; сегодня вы превозносите ее не въ-мѣру. Вы не можете разстаться съ ложнымъ понятіемъ, которое давно составили себѣ объ этихъ двухъ чувствахъ, и все еще думаете, что они исключаютъ другъ друга. Союзъ половъ истинно-идеаленъ и совершененъ только тогда, когда они соединяются въ двухъ благородныхъ сердцахъ. И что же истинная любовь, если не восторженная дружба? Да, любовь—это дружба, дошедшая до энтузіазма. Говорятъ, что только любовь слѣпа? Но гдѣ дружба ясновидяща, тамъ она такъ холодна, что готова кончиться. Повѣрьте, еслибъ вашъ проступокъ былъ въ глазахъ моихъ великъ и непростителенъ, еслибъ за минуту смятенія и слабости я считалъ васъ недостойною узнать любовь, я не былъ бы вашимъ другомъ, и вы должны были бы не принять, а отвергнуть мои утѣшенія. Въ молодости не любишь женщины, которой уже не желаешь, и безъ ревности видишь ее въ объятіяхъ другаго. Тогда слово дружба — ложь, и сохрани меня Богъ сказать, что я васъ люблю такъ! О! позвольте признаться вамъ, что я смертельно страдаю отъ всего вчерашняго, и раздраженъ противъ васъ до такой степени, что даже въ эту минуту я ближе къ ненависти, нежели къ дружбѣ, какъ вы ее опредѣляете. Я нахожу васъ не падшею и достойною презрѣнія, но несправедливою, жестокою, виновною противъ одного меня, любящаго васъ и заслуживающаго счастье, которымъ наградили вы другаго.

— Вы увеличиваете ужасъ мой передъ моимъ проступкомъ, сказала Сабина дрожа — Не-уже-ли вы думаете, что эта мысль не приходила мнѣ въ голову и я не упрекаю себя за то, что мучила васъ? Каюсь въ этомъ передъ Богомъ.

— Почему жь и не предо мной, не предо мной преимущественно? сказалъ Леонсъ, съ силою сквативъ ее дрожащія руки. — Богъ уже простилъ васъ, вы это знаете; но я... значить, вы не хотите, чтобъ я простилъ васъ какъ другъ и любовникъ?

— Избавьте меня отъ этого страданія, сказала Сабина, чувствуя, что гордость ея падаетъ. — Читайте въ моемъ сердце, и поймите наконецъ важнѣйшую причину его скорби.

— Смирись же до этой степени! сказалъ Леонсъ въ изступленіи: — такая женщина, какъ ты, не можетъ дать большаго доказательства любви своей! Скажи, что согрѣшила передо мною; обрати къ мнѣ гордый взоръ свой и сѣтись надъ нимъ, если хочешь,—мнѣ все равно. Я не признаю грозить тебѣ его гнѣвомъ; но я знаю, что ты растерзала мое сердце, и что ты обязана сознаться въ

этомъ предо мною. Если ты не раскаешься въ преступленіи — значитъ, ты не хочешь загладить его.

— Прости мнѣ, Леонсъ, и въ доказательство, взгляди на эти слѣды этого ненавистнаго поцалуя!

— Его нѣтъ, его никогда не было! воскликнулъ Леонсъ, прижимая ее къ своему сердцу. — Теперь, продолжалъ онъ, снова надавая къ ея ногамъ, поширай меня, если хочешь, я рабъ твой; пусть раскаленное жѣлѣзо коснется губъ моихъ, если еще когда-нибудь произнесутъ упрекъ или намекъ на какой бы то ни было поцалуй, кромѣ моего!

Въ эту минуту, на монастырскихъ часахъ пробило два; дверь изъ цѣвѣтника растворилась, и изъ нея вышелъ молодой вѣсележникъ въ бѣлой одеждѣ.

Онъ былъ одинъ и шелъ медленно, склонивъ подъ камишономъ голову и скрестивъ на груди руки, какъ-будто погруженный въ благочестивыя мысли.

Леонсъ и Сабина пошли ему на встрѣчу, и онъ склонился передъ ними до земли въ знакъ своего почтенія и смиренія. Но вдругъ, выпрямившись во весь ростъ, и отбросивъ камишонъ назадъ, онъ обнажилъ передъ ними, вмѣсто бритой головы, черные, роскошные волосы и смѣющееся лицо Теверино.

— Что это за новое переодеванье? спросилъ Леонсъ.

Теверино, въ отвѣтъ, указалъ рукою на монастырскую колокольную и циферблатъ часовъ, гдѣ стрѣлка показывала въ лазоревомъ полѣ на золотую цифру — два.

Потомъ, глухимъ голосомъ, преклонивъ колѣни, какъ кающійся грѣшникъ, онъ произнесъ:

— Часъ насталъ, и исповѣдь моя будетъ услышана.

— Ни слова! сказалъ Леонсъ, положивъ ему на плеча свои руки и трянувъ его съ видомъ дружескаго авторитета. — Заклинаю тебя жизнью и спасеніемъ души, братъ, — молчи! Неужели ты считаешь меня столько глупымъ, что я выдамъ тебѣ? Пусть твоя тайна умретъ съ тобою. Она принадлежитъ не тебѣ, а моему сердцу такъ великодушно, что ты не захочешь исповѣдывать вину другаго.

— Я не дитя, и знаю, о чемъ можно говорить и о чемъ нѣтъ, отвѣчалъ пыганъ: — но есть вещи, которыя остались бы у меня на совѣсти, еслибъ я не обвинялъ въ нихъ здѣсь самъ себя; такъ болѣе, что въ этомъ отношеніи намъ троимъ нечего таить другъ отъ друга. Выслушайте же, благородная и великодушная сивѣра, мольбу бѣднаго грѣшника, который явился просить отпущенія грѣховъ у васъ и у Леонса... Несчастный, привязанный къ вашему благородному другу священными узами дружбы и признательности.

встрѣтилъ однажды въ лѣсу даму высокаго происхожденія и очаровательной красоты. Видя и слыша ее, онъ не могъ не быть очарованъ прелестями ея наружности и ума. Увлекаясь высочайшимъ наслажденіемъ внимать ей и смотреть на нее, онъ едва не забылъ, что Леонсъ влюбленъ въ нее до безумія, и что самъ онъ обязанъ уваженіемъ къ другой привязанности. Изъ глупаго тщеславія, онъ вздумалъ пѣть для ея развлечения, вотому—что прелестная дама была грустна. Какое-то облако пронеслось между ею и Леонсомъ, и она чувствовала потребность плакать, думая о немъ. Недостойный грѣшникъ страстно любилъ свое искусство и не могъ пѣть, не увлекался самъ до безумія. Слѣдствіемъ этого было то, что когда онъ пропѣлъ романсъ и увидѣлъ, какъ растрогана дама, на него какъ-будто пахнуло безразсудствомъ, онъ былъ какъ въ туманѣ, въ бреду. Забывъ свой личный долгъ, свою священную дружбу къ Леонсу и глубокое уваженіе къ свѣторъ, онъ имѣлъ дерзость съesty возлѣ нея и стараться поймать одну изъ чистыхъ ласокъ, назначенныхъ не для него. Еслибъ благородная дама не отворотила въ ужасѣ и негдованіи головы своей, онъ сорвалъ бы съ ея губъ поцалуй, за который мало было бы заплатить жизнью. Къ-счастью, явился Леонсъ и защитилъ ее отъ дерзости негодяя. Съ этой минуты, дама смотрѣла на него съ презрѣніемъ, а онъ, чувствуя угрызенія совѣсти въ преступной душѣ своей, понимая, что великое преступленіе требуетъ великаго искупленія, онъ разорвалъ связь съ дьяволомъ, онъ отрекся отъ свѣта и подъ мирнымъ кровомъ монастыря укрылся въ одеждѣ покаянія, которую смѣнить только саванъ.

— Твой рассказъ очень-трогателенъ, сказалъ Леонсъ:—и противъ него нельзя устоять. Сабина, вы не можете отказать въ прощеніи такому полному раскаянію. Подайте грѣшнику руку, я васъ прошу объ этомъ, и освободите его отъ его ужасныхъ обѣтовъ.

Сабина, довольная лицемѣрнымъ, но глубоко-почтительнымъ изъясненіемъ маркиза, позволила ему поцаловать ея руку и, стараясь улыбнуться, просила его не думать больше о проступкѣ, который она совершенно забыла. Она произнесла эти послѣднія слова съ особеннымъ выраженіемъ, такъ, чтобъ дать ему почувствовать, что она не приписываетъ никакой важности смѣшному случаю поцалуя. Тенеро внутренно съ лукавымъ простодушіемъ подивился находчивости и смѣлости свѣтской женщины въ такихъ щекотливыхъ обстоятельствахъ.

— Я тѣмъ болѣе горжусь моимъ прощеніемъ, сказалъ онъ:—что преступленіе мое повлекло за собою только мое уничтоженіе и побѣду истинной любви.

— Расскажи же теперь, сказалъ Леонсъ:—какъ стащилъ ты у монаховъ эту одежду невинности, въ которую такъ гордо облекся?

— Это платье принадлежит мнѣ, сказалъ Тверино:— оно ново, впору, спокойно, и я намѣренъ износить его здѣсь.

— Позво шутить! сказалъ Леонсъ.

— Я вовсе не шучу, отвѣчалъ Тверино. Угадайте, что со мною случилось? Состояніе мое не блестящее и не соответствуетъ сану маркиза. Вы, не парушая скромности, могли сказать объ этомъ обстоятельстве миледи. Кроме того, я капризенъ, какъ художникъ, мечтателенъ, какъ поэтъ. Я всегда любилъ монастыри и мечталъ о нѣгдѣ благословенной жизни въ стѣнахъ ихъ, лишь-бы это не продолжалось дольше, нежели мнѣ сколько вадумается. Съ часъ тому назадъ, слушая, какъ послушники учатся пѣнію, я сдѣлалъ настоятелю нѣсколько дѣльных замчаній на-счетъ дурной методы, которой они слѣдуютъ. Онъ признался, что регентъ отправленъ по дѣламъ въ Римъ, къ папѣ, и воротится не раньше двухъ мѣсяцевъ. Во время его отсутствія, школа падаетъ, и метода теряется. Я свѣтъ ему мотетто на свой ладъ, и почтенный настоятель, отчаянный меломанъ, не зналъ, какъ угостить меня. «А!» говорилъ онъ: «какъ жаль, что вы богатый человекъ: какой бы изъ васъ вышелъ учитель пѣнія!» — За этимъ дѣло не станеть, отвѣчалъ я: — я сейчас же при васъ дамъ урокъ вашимъ послушникамъ.— Меньше, нежели въ пять минутъ я, доказалъ имъ, что они не умѣютъ ни возвысить, ни понижать голоса, и, подкрѣпляя правило примѣромъ съ кротостью и ласкою, очаровалъ ихъ до такой степени, что все въ одинъ голосъ повторяли съ настоятелемъ: «Какъ жаль, что онъ не можетъ быть у насъ учителемъ!» Словомъ, убѣжденія ихъ тронули меня такъ глубоко, и жизнь монаха-музыканта явилась мнѣ въ такомъ пріятномъ свѣтѣ, что я согласился провести здѣсь два мѣсяца, до пріѣзда регента. Я велѣлъ проводить себя къ органу, и звуками его привлекъ слушателей въ восторгъ; и вотъ я на остальное лѣто монахъ, то-есть, сътъ и одѣтъ, какъ вы видите, живу въ монастырѣ ради личнаго своего удовольствія; шесть часовъ въ день запяты своимъ любимымъ дѣломъ, а остальное время могу бродить по горамъ, хотѣться, ухать, читать, сочинять или спать, — такъ-что я считаю себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ, не хуже моего патрона Юганна Крейсера, которому жизнь въ монастырѣ понравилась до такой степени, что онъ забылъ свои несчастія и всѣ таинныя вѣща міра сего!

— Bravo! сказалъ Леонсъ:— одобряю твое намѣреніе и надѣюсь часто посѣщать тебя; сомпѣваюсь только, чтобъ ты пробылъ здѣсь цѣлые два мѣсяца. Я знаю, что все новое манитъ тебя, но скоро начинаетъ утомлять.

— Это правда; но, заключивъ условіе, я исполню его въ точности. Ты долженъ отдать мнѣ справедливость; что я не вступаю

въ обязательство безъ условій, и что предлагаемый мною условія не безъ предусмотрительности. Знаю напередъ, что два мѣсяца проведу здѣсь съ удовольствіемъ. Ученики мои понятливы и кротки; есть славные голоса, которыми я позаимую съ удовольствіемъ. Къ-тому же, я замѣтилъ въ капеллѣ старую музыкальную тарбаршину, покрытую почтенною пылью, которую я намѣренъ стряхнуть. Въ такихъ-то архивахъ скрываются сокровища искусства и богатства артистовъ.

— Прекрасно! сказалъ Леонсъ:—но я долженъ поразспросить тебя еще кое-о-чемъ; вотъ настоятель и священникъ идутъ засвидѣтельствовать свое почтеніе милэди, и я прошу у нея позволенія поговорить съ тобою наединѣ.

Они вошли подъ аркады монастыря, откуда видно было поле, и Леонсъ, взявъ Теверино подъ руку, сказалъ:

— Ну! ты, кажется, собираешься вести жизнь несколько-порядочнѣе и трудолюбивѣе. Природныя способности твои необыкновенны, и я не сомнѣваюсь, что съ тѣмъ, что ты скорѣе угадаешь, нежели изучишь, въ короткое время достигнешь блестящаго положенія.

— Я знаю это очень-хорошо, отвѣчалъ Теверино: — только это не соблазняетъ меня.

— Не-уже-ли въ тебѣ нѣтъ тщеславія? Ты достоинъ быть монахомъ.

— Тщеславіе во мнѣ есть, но я не созданъ жить по уставу. Я не буду монахомъ и останусь путешественникомъ по землѣ, удовлетворяя своему тщеславію, когда мнѣ вздумается и освобождаюсь отъ него, когда оно захочетъ поработить меня. Тщеславіе—самый деспотическій и своенравный властелинъ, и я никогда не соглашусь быть рабомъ собственнаго своего порока.

— Развѣ ты не можешь быть истиннымъ артистомъ, не будучи рабомъ публки? Выслушай меня. Начало отталкиваетъ дикую гордость, какъ твоя. Покровители твои были, должно-быть, несправедливы или слишкомъ-разсчетливы, потому-что ты ужасаешься чужаго покровительства. Но просвѣщенная, деликатная, смѣю сказать, достойная тебя дружба развѣ не можетъ предложить тебѣ средства начать и упрочить твое счастье? Денъги и помощь мастеровъ—средства необходимыя. Прійми мои услуги, прѣзжай ко мнѣ въ Парижъ, гдѣ я буду черезъ два мѣсяца, и ручаюсь тебѣ, что не пройдесть зима, какъ ты займешь въ свѣтъ достойное тебя мѣсто.

— Благодарю, милый Леонсъ, благодарю, сказалъ Теверино, пожмая ему руку. — Я знаю, что ты говоришь отъ чистаго сердца, но тѣмъ менѣе могу принять отъ тебя малѣйшую услугу, что

мы встрѣтились въ шекотливыхъ обстоятельствахъ, на пламенно почвѣ. На двадцать-четыре часа я могъ быть образцомъ свѣтскост-зеркаломъ благородства. Но хоть я и не влюбленъ въ милэди, однако испытаніе было такъ опасно и трудно, что я не удержусь от желанія повторить. Не принимай этого за самохвальство; я увѣренъ, что она тебя любитъ, и убѣдился въ томъ прежде тебѣ. Очень-радъ, что былъ виновникомъ побѣды, которой желалъ только для тебя; но мы можемъ встрѣтиться на краю другой пропасти, и мысль, что я тебѣ обязанъ, то-есть, что я твое твореніе собственностью, заставила бы меня отречься отъ самого-себя и уни-чтожаться при всякой встрѣчѣ. Я сдѣлался бы виновнымъ въ неблагодарности, или жертвою собственной добродѣтели. Притомъ ты скоро отказался бы отъ намѣренія прилично устроить существованіе твоего бѣднаго бродяги. Все вкушенное скоро мнѣ надо-ѣло бы. Я часто раскаявался бы, что уступилъ убѣжденіямъ; и противъ воли наскучилъ бы тебѣ неизбѣжнымъ отвращеніемъ ко многому на моемъ поприщѣ, и ты усталъ бы отклонять меня отъ отступленій. Наконецъ, и не играй ты во всемъ этомъ никакой роли, я не вижу ничего привлекательнаго въ спокойной славы и вѣрныхъ доходахъ черезъ банкира. Я рано ознакомился со всеми кулисами всѣхъ сценъ людской жизни, могъ бы быть актѣромъ на этихъ различныхъ театрахъ, но при входѣ, вездѣ,—въ свѣтъ какъ на подмосткахъ,—тѣснится толпа наблюдателей, критиковъ, соперниковъ и клакѣровъ, которыхъ я не могъ бы ни обманывать, ни щадить, ни лстать имъ, ни платить. Богъ создалъ меня врагомъ всякой серьезной лжи и холоднаго плутовства; я умѣю ругаться только для шутки; но скоро сила неискренности беретъ верхъ, и я чувствую потребность омыть лицо и снова сдѣлаться мужемъ на защиту слабого и наказаніе дерзкаго. Для меня невозможны никакія мечты въ жизни; я еще не жилъ для себя, какъ зналъ уже насквозь людей, состарѣвшихся въ битвѣ. Да здравствуетъ моя святая свобода! Не краснѣй за меня, умный и благородный Леонсъ! Твой путь проложенъ прямо, и ты пройдеши его съ величіемъ; я знакомъ только съ проселками и ходьбою цѣликомъ, какъ Мадлена...

— Кстати, Мадлена? вотъ гдѣ философія твоя становится уми-сающею, и преступленіе близко. Вчера ты спалъ у нея въ дѣвчѣн-нѣ, сегодня ты приютился подъ сводами монастыря, завтра ты пойдеши бродить по мостовой города, и дѣвушка будетъ несчастна, если не несчастна уже теперь...

— Пойдите! сказалъ цыганъ, останавливая Леонса передъ ар-кадой:—взгляните вонъ на этотъ ручей, текущій въ глубинѣ рва. Посмотрите на то мѣсто, гдѣ деревенскій мостикъ соединяетъ тро-

нику, спускающуюся отсюда, съ той, которая ведетъ на проти-
лежащую гору.

— Вижу; что же дальше?

— Видите ли вы зеленый, какъ изумрудъ, лужокъ, рисующий-
я на скаль мрачныхъ скаль? Тропинка, убогая въ дѣлѣ, ведетъ
мимо его.

— Вижу и лугъ. Что дальше?

— Дальше чаща сосенъ, и тропинка въ ней теряется.

— Ну?

— За соснами и тропинкою углубленіе, покрытое дикимъ куст-
тарникомъ; а дальше — голая вершина горы.

— А еще дальше небо? сказалъ Деонсъ въ нетерпѣніи. — Къ
какой метафорѣ заходишь ты такъ издалека?

— Ни къ какой. Вы не хорошо разглядѣли. Между вершиною
горы и небомъ есть еще родъ шалаша изъ сосновыхъ досокъ, ско-
лоченныхъ на-живую-нитку и поддерживаемыхъ большими кам-
нями. Далеко вы видите?

— Я очень-хорошо вижу эту хижину. Вижу даже стаю птицъ,
кружащихся надъ нею въ небѣ.

— Ну, если вы видите птицъ, такъ вы знаете, что это за хи-
жина, и почему мнѣ такъ по-сердцу поселиться здѣсь, на полчаса
ути отъ шалаша для такихъ ходокъ, какъ Мадлена и вашъ по-
рѣшительный слуга.

— Такъ вотъ гдѣ живетъ птичница?

— Теперь вы можете различить маленькую пурпуровую манти-
ю, красную точку, сверкающую на солнцѣ и шевелящуюся око-
ло этой жалкой лачужки. Это Мадлена, это мой ангелъ, дитя мо-
его сердца, моя душа, моя жизнь! Я не могъ дольше пользоваться
остервенствомъ, которое предложила мнѣ эта чистая дѣвушка и
и героическій бавдиль-братъ, когда однажды, покрытый пылью,
дыша-дышавшій, падая отъ изнеможенія, съ послѣднимъ оболомъ въ
арманѣ, — но при всемъ томъ съ безпечнымъ восторгомъ привѣт-
ствующій небо Франціи, — я сѣлъ у ихъ порога и попросилъ не-
пного козьяго молока утолить свою жажду. Я понравился имъ и
попыталъ имъ къ себѣ доверіе; они удержали меня, я полюбилъ
ихъ и не могъ рѣшиться уйдти, хотя совѣсть и говорила мнѣ,
то я не долженъ присоединять къ ихъ нищету свою собственную.
Теперь, однакожь, не смотря на то, что я скрывался въ самыхъ
пустынныхъ мѣстахъ, и никто не видѣлъ меня вблизи, — издали
замѣтили фигуру бродяги, спутника Мадлены; потерявъ доброе
иміе священника, Мадлена скоро принуждена была бы выгнать
меня или бѣжать со мною. Я этого не хочу, и вотъ почему, ко-
гда вы встрѣтили меня на берегу озера, я шелъ предложить свои

услуги монахамъ этого монастыря, памѣревался найти здѣсь уби-
жище недалеко отъ монахъ горскихъ друзей. Вотъ почему завезъ
васъ сегодня сюда—чтобъ проститься здѣсь съ вами и возвратитъ
вамъ ваше платье, не оставаясь нагимъ, какимъ вы нашли меня.

— Вы оставите его у себя, сказалъ Леонсъ:—чтобъ вамъ былъ
въ чемъ выйти изъ монастыря, — я требую этого, — такъ же, какъ
и золото, бывшее въ карманѣ вашего жилета. Вы не можете от-
казаться отъ средства облегчить нѣсколько бѣдность Малены
ея брата.

— У меня въ карманѣ было золото? спросилъ Теверино съ без-
печностью. — Я не замѣтилъ этого. Если вы не хотите взять его
назадъ, я положу его здѣсь въ кассу бѣдныхъ, и Малена полу-
читъ свою часть. Роль казначея не по мнѣ, и я не хочу, чтобъ
говорили, будто я разыгрывалъ цѣлыя сутки маркиза не просто
ради собственнаго удовольствія. Милости щедро наградила Малле-
ну за доставленное ею развлеченіе. Маллена теперь богата, а я
въ два мѣсяца заработаю довольно для удовлетворенія всѣхъ сво-
ихъ нуждамъ на долгое время.

— А черезъ два мѣсяца куда ты? Чтò слылаешь ты съ Мал-
леной?

— Я люблю и любимъ такъ сильно, что еслибъ она была по-
старше, я женился бы на ней; но, — я долженъ подождать еще
по-крайней-мѣрѣ два года, и если буду имѣть несчастье черезъ
чуръ влюбиться въ нее раньше, она будетъ въ большой опасности.
Поэтому я долженъ съ нею разстаться, и даже раньше двухъ мѣ-
сяцевъ, если моя отеческая привязанность измѣнитъ свой харак-
теръ.

— Удивительный юноша! сказалъ Леонсъ:—Какъ? Столько жре-
п и спокойствія, столько слабости и мужества, столько вѣжливости
и простодушія, жизнь столько бурная и чистая, безпорядочная и такъ
сильно огражденная отъ страстей!..

— Не считайте меня лучшимъ, нежели каковъ я въ-самомъ-де-
лѣ, отвѣчалъ Теверино. — Въ бурной молодости я надѣялся и на
у меня есть проступки, которыхъ я никогда не прошу себе; на это
сердце не могло испортиться влодѣй, и раскаяніе очистило его. Я не
ставилъ страдать другихъ, и не умѣю выразить вамъ, сколько студи-
далъ самъ; я страстно люблю благополучіе, и зрѣлище несчастья, ко-
торого я былъ виною, едва не лишило меня разсудка. Впередъ я не
хочу убитъ себя, нежели запачкаю предметъ своего обожанія, и не ста-
ну требовать наслажденій у того, кто владѣеть сокровищемъ со-
винности.

— Но ты забудешь эту несчастную, и когда ты ее покинешь,
сердце ея будетъ растерзано.

— Забуду ли я ее, этого я не знаю, серьезно отвѣчалъ Теврино. — Не думаю, впрочемъ; не могу себя этого вообразить, а еслибъ могъ, я бы не любилъ ее, я — не былъ бы я. Правда, я разорвалъ не одну связь, взялъ назадъ не одну клятву; но не помню, чтобъ когда-нибудь пзмѣнилъ первый, — у меня душа постоянная по натурѣ и по нуждѣ; не будь я безпрестанно увлекаемъ въ легкія интриги, которыя покидалъ безъ угрызеній совѣсти, я могъ бы любить только разъ въ жизни. Я былъ безуменъ, хотя Богъ и создалъ меня цѣломудреннымъ; натура моя воскресаетъ при соприкосновеніи съ душою цѣломудренной, и я чувствую, что идеалъ мой здѣсь, а не гдѣ-нибудь. Пусть же время идетъ, и жизнь моя развертывается передо мною. Я не могу быть ея пророкомъ; знаю только, что не невозможно, чтобъ я сблался мужемъ Мадлены, если найду ее вѣрною, когда прійдетъ время.

— А если нѣтъ?

— Тогда прощу ей и останусь ея другомъ... Дá, другомъ ея, какъ вы не можете быть другомъ Сабины, вы, который любите иначе и пропитываете любовь гордостью.

— И такъ, мы разстанемся — и я не могу доказать тебѣ своего уваженія и истинно-неотразимаго чувства дружбы, которое ты внушилъ мнѣ?

— Мы встрѣтимся, будьте увѣрены. Когда у меня будетъ работа и платье, какъ теперь, я встрѣчу васъ съ отверстыми объятіями. Но если я буду въ рубищѣ, какъ на берегу озера, не удивляйтесь, что я, по-видимому, не узнаю васъ.

— Это-то мнѣ и больно! сказалъ Леонсъ съ чувствомъ: — ты не узнаешь мнѣ!

— Вѣрю. Но я слишкомъ-хорошо знаю дѣйствительность и не хочу перестать вести жизнь, похожую на романъ, болѣе или менѣе занимательный и разнообразный.

Священникъ согласился проводить Сабину и Леонса въ виллу, чтобъ лордъ Г. не имѣлъ причины подозрѣвать ихъ. Милордъ пропнулся наканунѣ ввечеру и началъ беспокоиться; но онъ обратился къ бутылкѣ, чтобъ забыться, и когда Сабина возвратилась домой, онъ еще спалъ.

П Ъ С Н Ъ П А Ж А .

(Изъ временъ рыцарства.)

—
Говорятъ, мой голосъ звонокъ,
Говорятъ, мой волосъ тонокъ, —
 Что красавецъ я;
Говорятъ — я злой ребенокъ, —
 Богъ имъ въ томъ судья!

Мнѣ сулятъ во всемъ удачу,
Судятъ, рядятъ на-удачу; —
 Кто ихъ разберетъ!
А не знаютъ, какъ я плачу
 Ночи на пролетъ.

• Онъ дитя • — меня балуютъ,
• Онъ дитя • — меня цаляютъ.
 Боже мой! онъ
И не знаютъ, что волнуютъ,
 Мучать все во мнѣ.

Цаловалъ бы, да не смѣю,
Прощенталъ бы, да робѣю;
 Этимъ все гублю...
А давно сказать умѣю:
 Я люблю! люблю!

А. ФЕТЪ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

А Л Т А Й.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ЕГО, КОШИ И ЖИТЕЛИ (*).

Въ эпоху, когда цивилизація, болѣе и болѣе увѣренная въ своихъ будущихъ успѣхахъ, идетъ шагъ-за-шагомъ къ покоренію міра; когда, предшествуемая отважными піонерами, она какъ-бы заранѣе изслѣдуетъ источники будущаго своего богатства, — путешествія въ Среднюю Азію дѣлаются предметомъ высокаго интереса. Любопытство наше, такъ долго изощрявшееся на новомъ-свѣтѣ и на неизмѣримыхъ моряхъ, кылающихъ оба материка, въ наше время, кажется, сосредоточилось

(*) Въ іюль мѣсяцнаго года мы говорили о появленіи въ Парижѣ великолѣпнаго соотечественника нашего, г. Петра Чихачева, подъ названіемъ: *Voyage scientifique dans l'Altai oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine* и получили краткій отчетъ о немъ, представленный Парижской Академіи Наукъ Эли де-Бюффономъ (см. «Отеч. Записки» 1845, іюль, томъ ХLI, Сибѣрь, стр. 46—50). Теперь, въ послѣдней книжкѣ «Revue des deux Mondes» (15 juillet), мы прочли объ этомъ сочиненіи любопытную статью извѣстнаго французскаго ученаго, г-на Катрежа: представляемъ ее здѣсь читателямъ, какъ довольно-вѣрный взглядъ Европейца на эту Сибирь, неизвѣдную для иностранцевъ и — нечего грѣха таить — для многихъ и изъ русскихъ читателей. Журналъ «Revue des deux Mondes» пользуется доброю репутаціею въ Европѣ, и статья Катрежа, опирающаяся на фактахъ, представляемыхъ вышею очеидца — г. Чихачева, и написанная языкомъ доступнымъ для всякаго образованнаго читателя, можетъ много содѣйствовать распространенію въ европейскомъ мірѣ вѣрныхъ свѣдѣній объ этой отдаленной части Россіи. Фед.

на Африкѣ. Эта страна, которой одно имя приводило въ трепетъ и слѣдователей прошлыхъ столѣтій, атакована теперь съ четырехъ главныхъ точекъ. На сѣверѣ, завоеваніе Алжира открыло брешь, которая уже воспользовались французскіе эскадроны и нѣсколько негоднѣвствъ авантюристовъ. Первые степи были изслѣдованы свѣрлами: геологическій составъ почвы узнанъ, и г. Фурнель, искусный инженеръ, предъжилъ рыть въ этихъ степяхъ артезіанскіе колодцы, которые вскорѣ открывались бы цвѣтущими оазисами—вѣрными убижищами посреди этихъ песчаныхъ морей, гораздо-опаснѣйшихъ нежели океанъ. На югѣ, Англичане и Голландцы съ каждымъ днемъ все больше и больше тѣснятъ туземцевъ, Кафровъ, къ экватору. На западѣ, воды Нигера и впадающихъ въ него рѣкъ носятъ на себѣ пароходы съ лондонскихъ верфей. Наконецъ, на востокъ, опять Англія же водрузила свое знамя на берегахъ Краснаго-Моря, и готовится идти по дорогѣ, предначертанной ей предпріимчивыми путешественниками: гг-ми Комбомъ, Тамизѣ, Лефевромъ, Дабаді и Рошѣ-д'Эрикромъ. Можетъ-быть, не пройдетъ и ста лѣтъ, какъ эти мирные и вопиющіе проповѣдники цивилизаціи, отправившіе съ четырехъ разныхъ сторонъ, встрѣтятся въ центрѣ этихъ неизвѣстныхъ странъ, и Африка откроетъ имъ сокровища, напрасно защищаемыя жгучимъ климатомъ, убійственнымъ небомъ, стенами и чудовищами.

Посреди этого всеобщаго стремленія къ Африкѣ, право, вопиюще совершенное пренебреженіе къ Азіи. Еще почти все слѣдуетъ открытъ въ этой древней колыбели человечества. Не смотря на свѣдѣнія, сообщенныя несчастными французскими путешественниками Жакмонами; и смотря на болѣе-новѣйшія путешествія Гумбольдта, Эренберга и Родригеса и великолѣпные результаты, вознаграждавшіе труды ихъ, — Средняя-Азія все-таки намъ почти-неизвѣстна. Мы ничего не знаемъ о внутренности Китайской-Имперіи. На югѣ, одна только Индія открыта нашимъ изслѣдованіямъ; и хотя увлекаемые необходимостью или приманкою славы, Англичане каждый годъ захватываютъ какую-нибудь провинцію, какую-нибудь новую имперію, владѣнія ихъ все же останавливаются на этой цѣпи горъ—исполнческой стѣнѣ, устроенной природою между центромъ и югомъ материка. На сѣверѣ, русскій орелъ покрываетъ крыльями своими безграничныя страны; но даже тамъ, гдѣ господство его наименѣе оспариваемо, находится огромная земля, куда никто не проникала нога ни одного изъ этихъ людей Европы, которые тамъ владычествуютъ. На оффиціальной картѣ Сибири представляются великіе огромные пропуски, гдѣ цѣлыя провинціи означены пробѣломъ.

Впрочемъ, въ последнее время, Россія болѣе чѣмъ прежде задала распоряженіемъ принадлежащихъ ей земель. Великіи горы безконечныя степи Сибири и высокія цѣпи ея горъ посѣщаются путешественниками посылаемыми для изслѣдованія этихъ странъ, для узнанія топографіи ихъ, и для открытія различнаго рода вспомогательныхъ средствъ, которыми они могутъ представить благодѣянію, торговлѣ и промышленности ея слѣдственно, съ каждымъ годомъ распространяются мирныя завоеванія, которыя гораздо-успѣшнѣе вопиющихъ. Посреди этихъ степей

ство или которыхъ наводитъ насъ на идею нищеты и опустошенія; существуютъ обширныя равнины, богатяя долины, гдѣ земля съ излившемся вознаграждаетъ малѣйшій трудъ хлѣбопашца, и необозримыя пастбища, болѣе чѣмъ достаточныя для прокормленія множества стада. Огромныя лѣса готовы служить матеріаломъ для постройки и отопленія жилищъ колонистовъ. Къ этимъ элементамъ растительнаго произведенія природы присоединяются богатства минералогическія, цѣнность которыхъ превосходить, можетъ-быть, все, что только извѣстно о странахъ самыхъ благопріятныхъ въ этомъ отношеніи. Можно сказать, что природа соединила въ Сибири все сокровища, разсыпавъ ею по всей землѣ. Все употребительныя металлы, и въ-особенности желѣзо и мѣдь, встрѣчаются тамъ около золота, серебра и платины, и тутъ же разбросаны огромныя кучи каменнаго угля, какъ-бы для обнадеженія въ верномъ добываніи металловъ, въ случаѣ уничтоженія лѣсовъ.

Между наименѣе-извѣстными частями Сибири, находится одна обширная страна на границахъ Китая, между 49 и 56 градусомъ широты, и 13 и 89 долготы. Эту-то страну было назначено изслѣдовать г. Чижаеву, и мы должны сказать прежде всего, что почтенный путешественникъ исполнилъ свое порученіе съ усердіемъ и уманіемъ, достойныхъ полной похвалы. Впрочемъ, это было не первую попытку г. Чижаева: не смотря на свою молодость, онъ объѣхалъ почти весь востокъ: онъ искрестилъ во всѣхъ направленіяхъ разнородныя страны Европы, находился въ-продолженіи многихъ лѣтъ въ Южной-Азій, былъ въ Мексикѣ, посѣщалъ острова Тихаго-Океана. Обладая равною глубиною свѣдѣній по всѣмъ частямъ познаній, такъ необходимыхъ для путешественника, который хочетъ выйти изъ коленъ туриста, онъ оказалъ различнымъ отраслямъ наукъ весьма-многія и важныя услуги. Особенно же, г. Чижаевъ занимался минералогіею и геологіею: въ путешествіи, главные результаты котораго мы здѣсь представляемъ, онъ имѣлъ прекрасный случай предаться своимъ любимымъ занятіямъ. Записки его, представленныя Парижской Академіи Наукъ въ заглавіи: «Розысканія касательно геологическаго свойства Алтая», представляютъ собою высокій интересъ. Въ замѣчательномъ разсѣрѣ, который былъ подписанъ гг. Броньяромъ и Дюфреномъ, г. Эли-Бомонъ выставилъ всю важность этого сочиненія, почему, въ свѣдѣніи заключенія знаменитаго геолога, академія почтила трудъ этого сочиненія почетіемъ, которая находится въ ея власти: она включила его въ число «Собранія иностранныхъ ученыхъ».

Подобное одобреніе служитъ достаточнымъ ручательствомъ ученаго достоинства сочиненія г. Чижаева. Но, можетъ-быть, это будетъ худою рекомендаціею для людей, ищущихъ въ описаніи путешествія не одно-образія, а въ которыхъ одинъ страхъ встрѣчи съ техническими дисциплінами, вонзанными только ученыхъ, удержать отъ чтенія книги: пусть же они разувѣрятся. Въ началѣ сочиненія, посвященномъ до-вольному разсужденію, г. Чижаевъ доказалъ, что онъ умеетъ писать не-о-чень, кроме опредѣленія скалы и наклонности градъ: не переставая писать съ-быстротою, онъ представляется артистомъ; оцѣниваетъ все,

что прозягаемыя имъ страны представляютъ ему поэтическаго, то игриваго, то угрюмаго; знакомить насъ съ нравами, посвящать въ преданія встрѣчаемыхъ имъ народовъ: слогъ его вездѣ чистъ и одушевленъ. Можетъ-быть, французскій вкусъ не совсѣмъ сходится съ слишкомъ-частымъ употребленіемъ метафоры, но этотъ недостатокъ легко можно извинить путешественнику, прошедшему столько лѣтъ и востокъ, котораго онъ принялъ и костюмъ и языкъ.

Однако, мы не можемъ не сдѣлать одного упрека сочинителю, а гажется, не безъ основанія: историческая часть его сочиненія то-и-дало прерывается чисто-техническими подробностями, которыя запутываютъ изложеніе; лучше было бы совершенно отдѣлать эти двѣ части. Интересъ ни въ какомъ случаѣ не былъ бы потерянъ — ни для ищущихъ знаній, ни для желающихъ одного развлечения.

Впрочемъ, г. Чихачевъ не упустилъ изъ вида ничего, могущаго возвысить цѣну его сочиненія. Дорожныя записки, веденныя съ необыкновеннымъ тщаніемъ, знакомятъ насъ съ малѣйшими подробностями его пути. На геологической картѣ Алтая собрано все, что только извѣстно намъ о составѣ этихъ отдаленныхъ странъ, какъ изъ трудовъ г. Чихачева, такъ и отъ немногихъ его предшественниковъ, вслѣдъ которыми нельзя не упомянуть Гумбольдта и Густава Розе. Графыры, приложенныя къ сочиненію, представляютъ вамъ то разрывы почвы и зоологическіе очерки, то какое-нибудь дорожное приключеніе и служатъ какъ-бы живописнымъ переводомъ мысли всего сочиненія. Наконецъ, атласъ, на девятнадцати превосходно-литографированныхъ листахъ, знакомитъ васъ съ некоторыми изъ самыхъ замѣчательныхъ или характеристическихъ мѣстностей Алтая и даетъ понятіе о мѣстономіи этихъ видовъ, такъ мало-знакомыхъ европейскому глазу.

Отправившись изъ Петербурга 12 марта 1842 года, г. Чихачевъ быстро проѣхалъ обширныя страны, отдѣлявшія его отъ Алтая. Ездили сани, этотъ экипажъ, неизвѣстный обитателю умереннаго пояса, легли скользя по затвердѣвшему снѣгу степей, или по льду рѣкъ, кажется дразнили неподвижныя суда, прикованныя къ мѣсту морозомъ. Черезъ мѣсяць, путешественникъ былъ въ Барнауль, почти за восемьсотъ лѣ отъ мѣста своего отправления, и около ста-пятидесяти лѣ отъ Иркутска—крайней цѣли своего назначенія. Здѣсь, остановившись на три дня, для того, чтобъ сдѣлать необходимыя приготовленія, отправился онъ въ городъ Бійскъ, откуда ужъ ему видны были сѣверныя вершины горъ, которыя онъ собирался изслѣдовать. 26 мая, распрощавшись съ санями и съ экипажами, онъ пересѣлъ на камышную шадь — единственный способъ ѣзды, который былъ у него впередъ. Тутъ только началось путешествіе. До-сихъ-поръ, г. Чихачевъ следовалъ маршруту своихъ предшественниковъ; еще нѣсколько времени могъ онъ пользоваться свидѣніями немногихъ купцовъ, знавшихъ китайскую границу для обмена товаровъ съ солдатами-стражами Невѣрной-Имперіи; но вскорѣ его ожидали только указанія комисса невѣрныхъ правѣты, собранныя у камышцкихъ орды.

Въ Омскъ г. Чихачевъ приѣхалъ только 18 октября: следованіе

во, былъ пять мѣсяцевъ въ дорогѣ: около половины этого времени пробылъ онъ въ возвышенныхъ пустыняхъ Алтая. — Въ одной изъ поѣздокъ своихъ, предпринятой для открытiя источника Акабаны, онъ около трехъ мѣсяцовъ провелъ на покрытыхъ льдомъ возвышенностяхъ, посреди болотъ, трясшихся каждую минуту подъ ногами лошадей. Ночуя въ палаткѣ, которую снѣгъ и холодъ нерѣдко обращали въ затворенную клетку, путешественники должны были довольствоваться только малымъ количествомъ риса и сухарями, разрубленными топоромъ, и только нерѣдка дикiй гусь, занесенный злобною своею судьбою на ружье казака, доставлялъ имъ нѣкоторую перемѣну въ пищу. Часто, въ трудныхъ своихъ поѣздкахъ, г. Чихачевъ былъ принужденъ возвращаться назадъ. Онъ два раза перешелъ, не подозревая того, цѣпь Саянскихъ-Горъ, и такимъ образомъ неумышленно находился въ китайскихъ владѣнiяхъ, гдѣ ему представился случай замѣтить нравы одного особеннаго калмыцкаго поколѣнiя, *Сойоново*. Г-нъ Чихачевъ растерялъ въ степяхъ почти всѣ свои инструменты, покинуть былъ многими Калмыками, составлявшими его свиту, и возвратился къ акабанскому казачьему посту только съ восемьюдесятью лошадьми, вместо полтораэта, съ которыми отправился въ дорогу.

Посреди этихъ-то отдаленныхъ странъ, на берегахъ Хлака, 8 июля, г. Чихачевъ наблюдалъ знаменитое солнечное затмѣнiе, которое взволновало всѣхъ европейскихъ ученыхъ. Вѣрныя наблюденiя, сдѣланныя въ такомъ отдаленномъ краю, могли бы быть очень-любопытны; къ несчастью, единственный хронометръ, сохранившiйся у г. Чихачева до того времени, разбился наканунѣ, при паденiи съ лошади. Впрочемъ, некоторымъ утѣшенiемъ г-ну Чихачеву служила совершенная невозможность сдѣлать наблюденiе: въ моментъ затмѣнiя, караванъ былъ достигнуть ураганомъ, который только на одну минуту позволилъ различить затмѣваемое мѣсто солнца, и потомъ заволокъ небо тучами. И такъ, нашъ путешественникъ, на китайской границѣ, встрѣтился съ погодою очень-похожею на ту, которая вырвала не одинъ вздохъ изъ груди нашихъ астрономовъ и такъ обманула ихъ любопытство.

Чтобъ насколько познакомиться съ странами, посвященными г. Чихачевымъ, бросимъ взглядъ на рисунки, которыми одолжены мы каравану г-на Майера, его неутомимаго товарища въ путешествiи. Сдѣланные подъ строгимъ контролемъ геолога, они гораздо важнѣе живописныхъ очерковъ, такъ часто выдаваемыхъ намъ за выраженiе природы. Одинъ привычный взглядъ на нихъ даетъ уже понятiе о составѣ почвы. Созерцая эту толпу горъ, тянущихся по Енисею или окружающихъ Черно-Озеро (Кара-Коль) и озеро Когорское, разсматривая эти таинственные грады Улукана и Большаго-Алака—вы прежде всего поражены однообразiемъ этихъ смягченныхъ контуровъ, этими горизонтальными, безжизненными линiями, по-видимому утомляющими взоръ путешественника. — Насилу, раза два, найдете вы въ отдаленiи снѣжными вершинами Катунскихъ-Альповъ, съ ихъ смѣло-образованными оконечностями. Этотъ монотонный видъ характеризуетъ, кажется, азиатскiя

центральныя горы, потому-что Викторъ Жакмонъ, пробравъ высотъ Гималая, также жаловался на ихъ однообразие, жалая о превосходныхъ ландшафтахъ, которыми такъ богаты наши европейскіе Альпы, и горы, поражая путешественника на каждомъ шагу, заставляютъ забывать жесточайшую усталость.

Мягкость контуровъ Алтая и происходящая отсюда разнообразіе видовъ, имѣетъ непосредственною причиною самую природу камня, составляющаго эти горы. Въ изобиліи находятса тамъ сланцы довольно мягкаго состава: они-то наиболѣе опредѣляютъ орографическую конструкцию страны. Алтай почти-весь состоитъ изъ большихъ возвышенностей, съ гладкими, какъ-бы прижатыми поверхностями, вскрываемыми многочисленными болотами, и напоминающими, въ огромномъ размѣрѣ *фаны* (fanes) въ Арденнахъ и Эйзеле. Глубокія долины съ почти отвѣсными краями разделяютъ эти силиционныя вершины. Нюшамъ гдѣ видяются первые контурфорсы Катунскихъ-Альповъ, даетъ очень ясное понятіе объ этомъ замечательномъ образованіи. Вся высотъ Сальджара представляютъ видъ глубоко-растреснувшейся равнины, которую какъ-будто какая-нибудь могучая подземная сила приподняла отъ первоначальнаго уровня, на произвелиши другихъ извѣстныхъ, многочисленныхъ трещинъ.

Таково и должно быть, по воинъ вѣроятіямъ, происхожденіе Алтайскихъ-Горъ. Известно, что ширь земной представляеть во многихъ мѣстахъ ясныя слѣды этихъ огромныхъ переворотовъ. Въ слѣдствіе превосходныхъ изысканій геологовъ нашего времени, и въ-особенно отъ де-Буа и Эли де-Бомона—не подлежитъ уже сомнѣнію, что огромныя цепи горъ произошли отъ подземнаго поднятія почвы.

Алтай также не можетъ изъбѣгнуть этого общаго закона: рачительное все въ его составѣ подтверждаетъ эту удивительную теорію, которая позволила намъ опредѣлить относительный возрастъ горъ, и узнать старшую и младшую изъ этихъ надмуренныхъ вершинъ, предшествившихъ появленію человеческого рода. Слѣжемъ болѣе: Алтай представляеть съ другими хребтами, съ Альпами въ-особенности, то сходство, что подземная сила действовала на него дважды, въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Въ *Западныхъ Алтаяхъ*, главное направленіе цѣпи горъ простирается отъ сѣверо-запада къ юго-востоку; въ *Восточномъ* — хребетъ горъ тянется то отъ сѣвера къ югу, то отъ сѣверо-востока къ юго-западу: оба эти направленія сходятся въ Катунскихъ-Алтыхъ, и тамъ, какъ и въ европейскихъ, находится самая большая возвышенность цѣпи. Въ Алтай гора Балуга, высотой около 9,000 метровъ, — представляеть европейскій Монбланъ; она, подобно Монблану, окружена огромными озерами, которыхъ берега почти-вертикально упираются въ такіа воды, и жерловидными долинами, которыхъ искривленныя вершины ясно свидѣтельствуютъ о противоположныхъ силахъ, извлекавшихъ ихъ изъ ширь земли.

Эти страшныя революціи, такъ глубоко испещрившія земную поверхность, поднявшія горы и вырывшія долины, имѣютъ, несомнѣнно, единственною причиною извращеніе огненнаго камня, склонила съ

гранитовъ. Въ Альпахъ, и во многихъ другихъ горахъ, чуждые скалы эти почти вездѣ обнажены: опрокинутыя ихъ вершины возвышаются надъ осадочными ярусами, которые они прорезали и подняли. Въ Алтай — совсемъ не то. Дѣйству на незначительной глубинѣ, они приподняли кускомъ всю эту страну, великою съ Францію, и, въ слѣдствіе этого страшнаго потрясенія, промазали трещины, обратившія нынче въ долины; составились вероюки, служація нынче ложкомъ огромнаго озера. Граниты, сіениты, діориты, порфиры, — вся эти твердые камни, бывшіе тогда жидкою массою, неказались здѣсь только на некоторыхъ мѣстахъ; но въ этихъ случаяхъ легко можно усмотрѣть, что они проложили себѣ дорогу черезъ прежде существовавшіе слои. Такииъ-образомъ, во многихъ мѣстахъ, и особенно на берегахъ Чулы, находятса отломки осадочнаго камня, покрытаго гранитною корою. Когда этотъ послѣдній, еще въ жидкомъ состояніи, вырвался изъ створстнаго пронаста, онъ облилъ сломанныя имъ части и сохранилъ ихъ въ своей корѣ, какъ-бы для неопровержимаго доказательства этихъ древнихъ переворотовъ. Въ другихъ мѣстахъ, въ соседствѣ селенія Согра, опять встречается гранитъ въ видѣ правильной руды, называющейся трещины камня совсемъ-другаго свойства: точно будто надъ нимъ солнце, злитые въ оерму литейщика.

Въ другихъ мѣстахъ опять, подобно тому, что Гумбольдтъ видѣлъ на Иртышѣ, встрѣчаются перпендикулярно-стоящіе блоки, покрытые верху широкою гранитной шапкой. Этотъ феноменъ объясняется слѣдующимъ образомъ: когда лава наконецъ сломала твердую кору, зарудившую ея изверженіе, то, поставивъ ее перпендикулярно, она выбрасывала свои огневныя волны выше ихъ верхнихъ основаній и падала потомъ горизонтальными слоями.

Дѣйствіе огненныхъ массъ, приподнявшихъ и проведшихъ почти-весь Алтай, не ограничилось описанными нами явленіями. Оно измѣнило во многихъ случаяхъ самую природу прежде-существовавшихъ слоевъ, которые не могли остаться безнаказанными въ прикосновеніи съ этимъ ужаснымъ осягомъ. Восма-камногія страны представляютъ въ такомъ огромномъ размѣрѣ явленія метаморфизма. Подъ этимъ именемъ подразумеваютъ общность измѣненій, происшедшихъ съ некоторыми слоями. Почти единственная причина ихъ — соседство большихъ изверженій растопленныхъ веществъ. Такииъ-образомъ, мы нередко видимъ, что твердый или земляной известнякъ обращается въ кристалловидный мраморъ, которому много примѣровъ представляютъ Пиренеи. Иногда же, въ твердыхъ и крепкихъ они дѣлаются рыхлыми и совершенно расстрескиваются, переходя, чрезъ присоединеніе магнезій, въ состояніе слюды. Песчанникъ обращается въ твердую массу кварца. Слоистая глина, песчаный вошествоа твердеютъ и принимаютъ видъ разныхъ шпатовъ и слюдяныхъ или тальковыхъ сланцовъ. Эти метаморфозы, уничтожающія характеръ первоначальныхъ слоевъ, сдаваяая ихъ въ незначительныхъ отщадкахъ, — часто затрудняютъ геологовъ. Относительно Алтай, въ-особенности, г. Чкалова былъ принужденъ сослаться на

классифицировать много разряды почвы, оставя ихъ подъ общимъ названіемъ: «древнія неопредѣленные почвы».

Некоторые изъ этихъ основаній метаморфизма, кажется, провозили единственно отъ огня. Въ такомъ случаѣ, анализъ находивъ въ новыхъ слюдахъ одинаковые элементы съ прежними, которые онъ сдѣлался только названіемъ. Но очень-часто открывается присутствіе новаго начала, на-пр., серной кислоты, магnezія, кремнезема. Здѣсь, объясненія ставятся гораздо-труднѣе: какимъ-образомъ допустить вмѣщеніе этихъ тѣлъ въ кристаллы, густыя массы, которыя по-видимому нисколько не потеряли своей твердости? Фактъ, каждый день повторяющійся на нашихъ заводахъ, даетъ намъ средства объяснить это явленіе. Чтобы превратить желѣзо въ сталь, достаточно только раскалить его въ угольной пыли. Не смотря на то, что карбонъ не можетъ имѣть никакого сравненія съ расплавленнымъ веществомъ, извергаемымъ землею, все-таки некоторая часть углерода улетучивается и проникаетъ въ самую средину желѣза, которое такимъ-образомъ измѣняетъ свою природу, приобретаетъ всѣ принадлежності стали. Вотъ опытъ метаморфизма въ маломъ видѣ.

Прочность некоторыхъ элементовъ, какъ на-пр., кремнеземъ, магнезія, нисколько не опровергаетъ этого объясненія. Г. Лоранъ доказалъ непосредственными опытами, что тѣла, по-видимому менѣе всего улетучивающіяся, какъ на-пр., окись желѣза, при возвышенной температурѣ проникаютъ въ массу окружающихъ ихъ тѣлъ. Г. Годезъ, при помощи огня, разведеннаго на смѣси водотвора съ кислородомъ, расплавилъ и улетучилъ кремнеземъ, магнезію и известь. По-этому, намъ ничто не мешаетъ заключить, что факты цементации, которые мы производимъ ежедневно, и метаморфизмъ, представляемый природою, — суть вещи совершенно-однородныя: вся разница состоитъ только въ веществахъ, въ величинѣ приготовленія и въ результатахъ.

Угольный грунтъ въ Алтаѣ представляетъ замѣчательное разнѣе имѣеть, можетъ-быть, отношеніе къ огромнымъ угольнымъ формациямъ существующимъ, по мнѣнію некоторыхъ предпріимчивыхъ путешественниковъ, въ срединѣ центральной Азіи. Даже самый каменный уголь найдены во многихъ мѣстахъ. Въ одномъ кузнецкомъ бассейнѣ, по-видимому, хранится его около 250 километровъ длины на 100 средней ширины. Если это обозначеніе границъ справедливо, то здѣсь будетъ одна изъ величайшихъ каменноугольныхъ копей, которыя только въ истиннѣ — хотя тутъ вещество это составными частицами своими водитъ болѣе къ антрациту (*), и, следовательно, уступаетъ качествомъ

(*) Сколько намъ извѣстно, антрацитъ вовсе не такъ дуренъ, какъ о немъ здѣсь относится: употребленный въ нарочно-приспособленныхъ для него мѣстахъ, онъ едва-ли не превзойдетъ всѣ извѣстные до-сихъ-порѣ породы каменнаго угля. Онъ содержитъ въ себѣ болѣе 90 процентовъ чисто-ставаемаго вещества, между-тѣмъ какъ въ лучшемъ англійскомъ углѣ ихъ не болѣе 50, и потому не даетъ при сжиганіи ни малѣйшей копоти, ни дыма. Кромѣ того, антрацитъ старѣетъ совершенно, и оставая почти никакой золою. Будучи употребленъ на некоторыхъ паровыхъ

хорошему французскому углю, тѣмъ не менѣе оно будетъ драгоценнымъ богатствомъ у будущихъ обитателей этихъ холодныхъ странъ.

Словъ угольного свойства и сосранныхъ ему формаций, содержащихъ въ себѣ вообще множество ископаемыхъ животнаго и растительнаго царствъ. Алтай также запятналъ свою дѣнь свидѣніями о древнихъ своихъ произведеніяхъ: между образчиками, собранными г. Чихачевымъ, есть многіе совершенно-новыхъ родовъ. Разсматриваніе произрастеній, которое путешественникъ перучилъ г. Генперту, заставило этого ученаго бреславльскаго профессора сдѣлать очень-важное замѣчаніе. Онъ открылъ, что составъ словесъ ископаемыхъ алтайскихъ деревъ совершенно-подобенъ составу хилійской сосны (агауцагія) въ Новой-Голландіи, и очень отличается отъ всѣхъ нашихъ обыкновенныхъ деревъ. Справедливость этого факта была уже доказана относительно европейскихъ ископаемыхъ: теперь же, въ-сладствіе трудовъ г. Генперта, фактъ этотъ начинаетъ пріобрѣтать достовѣрность и даетъ поводъ къ заключенію, что во время составленія каменнаго угля, произрастенія, совершенно-этимъ подобныя, можетъ-быть имъ тождественныя, покрывали наши умеренныя страны и степи Сибири, тогда-какъ теперь они находятся только въ странахъ южныхъ. То, что мы знаемъ объ условіяхъ произрастанія, позволяетъ намъ сдѣлать заключеніе, что во время этого періода, одинакая возвышенная температура окружала всѣ точки земли, и что, слѣдовательно, разница въ климатахъ, такъ поразительная въ наше время, тогда еще не существовала.

Алтай содержитъ въ себѣ множество металлическихъ ложъ, большую частію расположенныхъ въ формацияхъ водяныхъ или водянаго происхождения; но всѣ они безъ исключенія въ соседствѣ съ гранитомъ, какъ-будто ихъ присутствіе зависало отъ дѣйствія этого камня. Между означенными копами есть мѣдныя и желѣзныя, разработка которыхъ чрезвычайно-легка въ-сладствіе самой природы руды. На однихъ только томскомъ и салаирскомъ заводахъ добывается ежегодно болѣе 500,000 килограммовъ чистаго желѣза.

Въ Алтай находится также большое количество серебряныхъ копей: г. Чихачевъ посчиталъ изъ нихъ тринадцать. Нѣкоторыя очень-доходны. Зычевскія копи, открытіе которыхъ, за пятьдесятъ лѣтъ, дало первое понятіе о скрытыхъ богатствахъ этого края, приносили, въ первые времена ихъ разработки, до 1 килограмма серебра на 16 руды. Теперь, когда копи эти почти истощены, работавшіе все еще роются въ землю, которую во времена изобилія съ презрѣніемъ отбрасывали въ сторону, и все-таки добываютъ отъ 4 до 5 граммовъ серебра на 16 килограммовъ грубаго матеріала. Наконецъ, салаирскія копи, па кото-

Черноморскаго флота, онъ представляетъ еще то удобство, что его потребно гораздо-меньшее количество, нежели англійскаго или дуганскаго угля, для дѣйствія машинъ, что очень облегчаетъ службу кочегаровъ, которые, при обыкновенномъ углѣ, должны черезъ каждыя пять минутъ вѣшать въ печяхъ и подкидывать новаго: здѣсь же это устраняется тѣмъ, что антрацитъ горитъ медленнѣе и даетъ болѣе жара.

Прим. поре.

разъ, какъ имъ видѣли, добываютъ желѣза, доставляютъ тамъ ежегодно до 900 килограммовъ серебра. Впрочемъ, эта послѣдняя разработка получитъ большее развитіе: заводъ устроится такъ, что на немъ можно будетъ лить ежегодно 500,000 пудовъ руды, что доставитъ, приблизительно—мартъ, отъ 1,500 до 1,800 килограммовъ чистаго серебра.

Во общемъ обзорѣ, цѣни Алтайскихъ—Горъ представляютъ массу, составляющую неправильный полушаръ, возмущенныя обращенныя къ западу. Разсмотрѣваемую нами часть страны можно себя представить, по словамъ Гумбольдта, огромнымъ мысомъ, прилегающимъ лично непосредственно къ древнему матерку центральной Азіи, и окруженному ее всѣхъ прочихъ сторонъ восточнымъ моремъ потопныхъ напесей. Эти напеси гораздо превышаютъ въ величинѣ гористыхъ мѣст, образуя будто-бы заливъ. Иногда они встрѣчаются и во внутренности, представляющіеся подобно твердому озеру, на днѣ особенныхъ бассейновъ. Составныя части этихъ хранилищъ вслѣдъ одинаковы: она состоитъ единственно изъ болѣе или менѣе потертыхъ обломковъ и остатковъ пластовъ, составляющихъ твердую основу большаго аданія, которое они обвиваютъ, прикрывая его основаніе.

Во этихъ-то хранилищахъ скрыты огромныя богатства Алма, — богатства столь важныя, что, скоро, быть-можетъ, они приведутъ къ Европѣ переворотъ, подобный тому, который произошелъ отъ восточныхъ веруваній. Посреди этихъ ровныхъ, старанныхъ съ соседнихъ пластовъ потокамъ, начале которыхъ неясно, кажутся пески: промывка его доставляетъ груды золота. Этотъ драгоценный металлъ, кажется, разсыпанъ по всей этой странѣ. Г. Чихачевъ упоминаетъ о семнадцати разныхъ мѣстностяхъ, гдѣ разработка золота идетъ въ полной дѣятельности. Онъ самъ открылъ несколько новыхъ мѣстъ, гдѣ скоро, можетъ-быть, будетъ производиться эта прибыльная промышленность.

У насъ еще очень-мало данныхъ, чтобы сдѣлаться приступитъ къ разрѣшенію задачи о составленіи золотоносныхъ песковъ вообще и Алтайскихъ въ-особенности. Впрочемъ, г. Чихачевъ собралъ несколько фактовъ, изъ которыхъ довольно-ясно слѣдуетъ, что золото чаще встрѣчается въ некоторыхъ пластахъ, и напротивъ, удаляется другъ, не смотря на то, что въ те и другіе того же происхожденія и единственно принадлежатъ въ грунтъ огненныхъ камней. Такимъ образомъ, и въ Алтай, и въ Уралѣ, золотыя хранилища всегда находятся въ соседствѣ діоритовъ, и, напротивъ, приутобіе гранита служатъ уже извѣстнымъ призначеніемъ для отыскивающего новыя руды. Гумбольдтъ говоритъ, что въ Гангѣ, при искусственномъ толченіи этого самаго діорита, отдѣляются мелкія золотыя частицы, заключенныя въ массу, но что никогда не находятъ этого металла въ рудѣ. Въ Борнео, по словамъ г. Горнера, золотоносныя хранилища отыскиваются только въ соседствѣ слоевъ, однородныхъ съ діоритомъ. Гранитъ тамъ также редокъ, а когда онъ и показывается, то принимаетъ некоторый характеръ этого привидѣннаго камня. Подобныя примѣры со многими другими могли навести на мысль, что во время изверженія

раскалывающих массу через твердые слои земли поверхности, и выходя из этих слоев выходящее золото от действия, подобнаго тому, которое мы выше описали. Впрочемъ, приводимый нами образецъ относится не къ одному только этому металлу: относительно платины известно то же самое въ Уральскихъ-Горахъ, гдѣ слои, состоя частію изъ амфибіа, кажется, также служили плагинокносными агентами.

Какъ мы сказали выше, число золотыхъ разработокъ въ Алтай весьма-значительно. Красноярскъ можетъ служить образцомъ этой промышленности; и въ немъ-то собралъ г. Чижаевъ самыя достоверныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ. Въ 1842 году, одна только Канскій и Енисейскій Уезды доставила до 500 пудовъ или 6,150 килограммовъ чистаго золота. Золотопромывальщики, или владельцы рудъ, полагаютъ 100 процентовъ самыя меньшія доходами, которые можетъ принести заводчикъ, употребляющій на эти прибыльные промыслы. 800 или 850 процентовъ выгоды считается у нихъ самымъ обыкновеннымъ: иногда доходы простираются и выше. Слѣдующій примѣръ даетъ объ этомъ некоторое понятие: г. Чижаевъ рассказываетъ про одного золотопромывателя, г. Масникова, разработка котораго продолжалась не болѣе трехъ лѣтъ. Въ первый годъ, онъ добылъ только до 19 пудовъ золота (около 163 килограммовъ); второй годъ принесъ ему 36 пудовъ (587 килограммовъ); до окончанія третьяго года, хотя разработка не была еще кончена, г. Масниковъ имѣлъ уже болѣе 80 пудовъ чистаго золота (1,300 килограммовъ), равняющагося цѣнностию 4,500,000 франкамъ. Правда, что расходы на разработку ограничиваютъ эту сумму до 2,400,000 франковъ; кромѣ того, 20 процентовъ, идущіе правительству, уменьшаютъ эту сумму еще на 480,000 франковъ, но во всякомъ случаѣ, за всѣми вычетами, г. Масниковъ такъ не менѣе получилъ, въ продолженіи лѣтъ 1842 года, 1,920,000 франковъ чистой прибыли.

Очень понятно, что такіе огромные выигрыши должны сильно подстрекать духъ предприятій: и въ-самомъ-дѣлѣ, премыслив золотодобычу въ Сибиря пошла съ безпримѣрною быстротою. Въ-продолженіи четырнадцати лѣтъ, прибыль увеличилась въ пропорціи 1:200. Въ 1830 году, добывалось только 85 килограммовъ золота, цѣнностию и 2,230,000 франковъ: теперь добывается болѣе 18,000 килограммовъ или 61,200,000 франковъ. Эти цвѣры поражаютъ своею огромностью; но она возрастутъ еще выше по мѣрѣ прибавки рабочихъ рукъ, позволяющей дѣлать разработку въ гораздо-большемъ объемѣ. Вся золотопромышленники единогласно констатируютъ г. Чижаеву, что единственно недостаткомъ въ работникахъ не допускается ихъ удвоивать и утроивать своихъ доходовъ. Поэтому, уже одно увеличеніе народонаселенія будетъ, само-по-себѣ, несомненнымъ средствомъ, которое усилитъ эту промышленность, даже въ случаѣ дождливостіи известными нынѣе мѣстностями. Но чѣмъ-какъ границы золотодобычи ежегодно распространяются съ новыми разработками; такъ-какъ пределы ихъ достигаютъ, кажется, вечныхъ льдовъ полюса, то разительнѣе невозможно предвидѣть, гдѣ остановится исполненное развитіе этой настоящей охоты за золотомъ.

Послѣ всего сказаннаго выше, сравненіе вліянія, которое со-временно сибирскія разработки будутъ имѣть на торговлю драгоценными металлами, съ переворотомъ, который произвело открытіе Америки и ея сокровищъ, можетъ-быть, не покажется преувеличеннымъ. Въ послѣднемъ своемъ сочиненіи о минералогіи, г. Беданъ приводитъ, что количество всего золота, ежегодно извлекаемаго на всѣхъ точкахъ свѣта, равняется 24,000 килограммамъ, что составляетъ цѣнность 82,000,000 франковъ. Изъ этого числа, одна Америка доставляетъ 64 милліона; Сибирь же только 8; но мы сейчасъ видали, что въ последнее время она соперничествуетъ съ Америкою. Мы имѣли случай убѣдиться усѣхами, произведенными въ продолженіи 14 лѣтъ, что разработка на сѣверѣ Азии будетъ получать все большую и большую важность. Еще два года такой же прогрессіи—и Сибирь одна будетъ доставлять болѣе золота, чѣмъ всѣ остальные рудники земнаго шара. Черезъ двѣнадцать лѣтъ, она ежегодно будетъ пускать въ обращеніе количество металловъ, по крайней-мѣрѣ вдвое-большее противъ того, которымъ мы теперь пользуемся.

Здѣсь, впрочемъ, мы обязаны, вмѣстѣ съ знаменитымъ минералогомъ, о которомъ говорили, вложить утѣшительное размышленіе насчетъ общаго богатства: въ наши времена, вліяніе драгоценныхъ металловъ далеко не такъ велико, какъ бывало въ прежнія. Огромное количество золота, внезапно пущенное въ торговлю, никогда ужъ не произведетъ потрясеній, подобныхъ тому, которое произошло въ Испаніи при открытіи сокровищъ Мехики и Перу. Въ нашъ промышленный вѣкъ, каменный уголь и желѣзо гораздо-сильнѣе ворочаютъ капиталы, чѣмъ золото и драгоценные камни: уголь производитъ ежегодно 180, а желѣзо 500 милліоновъ.

Какъ бы то ни было, но Россія всевозможными средствами одобрить золотодобывающую промышленность: исключая только Колыванскаго и Нерчинскаго Узловъ, принадлежащихъ правительству, огромныя рудники Сибири открыты предпринимателямъ всѣхъ націй. Достаточно обратиться только съ просьбою къ Министерству Финансовъ, чтобъ получить дозволеніе разработки съ уступкою земли. Впрочемъ, уступка эта продолжается не долѣе 12 лѣтъ, и подразумеваетъ часть земли не болѣе 5 килограммовъ длины на 250 метровъ ширины.

Промывка песковъ производится подъ присмотромъ разныхъ агентовъ правительства, назначенныхъ для разбирающаго споровъ между владѣтелями на границахъ копей, для надзора за отношеніями между владѣтелями и работниками, и для собирающаго слѣдующихъ правительству пошлинъ. Благодаря такимъ мѣрамъ, страны эти пользуются замѣчательнымъ спокойствіемъ: ежедневно тысячи работниковъ, болѣею частью сосланныхъ по суду, отдають собранныя ими сокровища инспекторамъ, защищеннымъ только своимъ званіемъ. Посреди какой-нибудь бѣдной хижинки собираются цѣлыя горы золота, которое послѣ отправляется на саняхъ въ Барнаулъ. На пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ килограммовъ онѣ идутъ шагомъ, подъ конвоемъ одного казака, который, куря трубку, и не думаетъ затруднять себя оружіемъ, вещь вполнѣ бесполезною.

Разработка золотых песковъ въ Алтай, вообще, весьма-незатруднительна. Большею частію, золотохранилища находятся на самой поверхности земли, или только прикрытыя тонкимъ растительнымъ слоемъ, который и снимаютъ, чтобъ работать при свѣтѣ. Если же этотъ слой слишкомъ-толстъ, въ такомъ случаѣ дѣлаютъ рыи и непосредственно нападаютъ на руду: эти подземныя работы никогда не бываютъ очень-сложными, по причинѣ тонкости разрабатываемыхъ хранилищъ. Впрочемъ, есть мѣстности, требующія въ некоторыхъ измѣненій въ способѣ добыванія песковъ: на берегахъ Вируссы, открытъ золотосный слой, толщиной, по-крайней-мѣрѣ, въ шесть метровъ; но на этой глубинѣ невозможно было рыть по случаю притока воды, которая безпрестанно заливала работы. После разныхъ неуспѣшныхъ попытокъ защититься отъ вторженія воды плотинами, прибѣгли къ очень-остроумному способу: рѣшились разрабатывать только зимою. Въ это время, рѣка обыкновенно вся замерзаетъ; тогда разрубаютъ ледъ, чтобъ открыть вертикальныя стѣны берега, и черезъ эту траншею достаютъ желаемую руду съ весьма-малыми издержками.

Минералогическія богатства Сибири были, кажется, извѣстны еще въ глубокой древности. Повсюду, въ этой странѣ, встрѣчаются слѣды загадочнаго народа, извѣстнаго по преданію подѣ названіемъ Чудовъ, которые, гораздо-вѣрнѣе русскихъ нижеверовъ, знали средство отдѣлать серебро и золото отъ негоднаго камня. Это ояля новая черта сходства, сближающаго эти гиперборейскія страны съ тропичными провинціями новаго свѣта. Въ Мехикѣ также предшествовали Испанцамъ въ разработкѣ мнѣзъ Адтеки. Они точно такъ же, какъ Чуды, не знали, кажется, употребленія железа и дѣлали себя острыя орудія изъ мѣди и мѣся: это-то послѣднее обстоятельство, дѣлая разработку рудныхъ жилъ въ слояхъ совершенно-невозможною, объясняетъ намъ почему въ этихъ древнихъ эпохахъ, какъ въ Мехикѣ, такъ и въ Сибири, золото было гораздо-обыкновеннѣе серебра.

Можетъ-быть, археологическія изысканія позволятъ намъ когда-нибудь соединить мѣстныя преданія, сохраняющія воспоминанія о Чудяхъ, и убяжденіе Грековъ, что сѣверныя страны обладаютъ несметными сокровищами. Геродотъ говоритъ объ *Аримаспахъ*, какъ о народѣ, жившемъ вырывать у грифоновъ (стражей богатствъ) золото, которое, чрезъ посредство *Исседоновъ*, доходило даже до Греціи. Въ предисловіи своемъ о «Средней Азіи» (*), гдѣ Гумбольдтъ представляется попеременно глубокимъ натуралистомъ, ученымъ историкомъ и полнымъ проникательности археологомъ, этотъ знаменитый ученый предѣляетъ мѣсто *Исседоновъ* въ Киргизской-Стенѣ, между Каркарали и Семипалатинскомъ. Весьма можетъ быть, что способъ разработки, употреблявшійся этими исчезнувшими народами, вовсе не отличался отъ теперешняго: въ такомъ случаѣ, басня о золотомъ руинѣ получаетъ очень-правдоподобное объясненіе. Известно, что, при промываніи золо-

(*). См. «Отеч. Записки» 1843 года, томъ XXX, и XXXI, стд. II, Наука.

топашныхъ ископъ, употребляются кости некоторыхъ шмарей, для удобнѣйшаго обираяи металлическихъ частицъ, которыя отъ оной тяжести осаждаютъ на дно сѣрпа. Нетъ ли въ этомъ чисто-техническомъ обстоятельстве разгадка символическаго руна, съва котораго приваскла къ берегамъ Колхиды цѣль героевъ мифологической Греціи?..

Страны, омываемыя Понтомъ-Эвксинскимъ, и до сей поры еще сохраняютъ слѣды древнихъ сокровищъ. Выкапыванія, производимыя въ древней Тавриде по распоряженію русскаго правительства, каждый день открываютъ новыя гробницы, богатство которыхъ составляетъ разительный контрастъ съ бѣдностію греческихъ похоронъ. Въ мѣстѣ, гдѣ некогда процвѣтала Фанаторія, Херсонесъ, Ольвія, Тинасъ, — то, представляющее намъ нѣкоторые остатки процвѣтлости или роскоши народовъ, тамъ обитавшихъ, находится въ гораздо-большемъ количествѣ, чѣмъ въ какой-нибудь другой мѣстности Европы или Азіи, разрытой въ наше время. Особенно въ Керчи, древней Пантикипи, металлъ этотъ разбросанъ въ чрезвычайномъ изобиліи въ металлы: половина находящихся тамъ предметовъ непременно изъ золота или сплава серебра съ золотомъ (electrum). Здѣсь, какъ и въ Перу, встрѣчается часто золото, употребленное на второстепенное снадобье, чѣмъ и доказывается изобиліе его. Очень-часто вы видите камни, или какой-нибудь незначительный камешекъ, оправленный въ массивное золото, превосходящее цѣною самый предметъ, который въ него оправленъ. Однакожъ, въ Тавриде никогда не существовало золотыхъ рудниковъ, и потому мы находимъ очень-вѣроятнымъ, что греческія колоніи, бывшія въ соседствѣ съ варварами, старались воспользоваться своимъ положеніемъ, или, какъ говоритъ русскій путешественникъ, проводили въ свои владѣнія золотые потоки Урала и Алтая.

Алтайская флора, судя по числу растений, собранныхъ г. Чихачевымъ, не слишкомъ-богата и вмѣщаетъ въ себя всего-на-все не болѣе двухъ-сотъ-пятидесяти родовъ. Многие изъ нихъ встрѣчаются въ европейскихъ альпахъ. Особенно деревья даютъ этимъ отдаленнымъ странамъ общую наружность, весьма-сходную съ европейскими возвышенностями, которыхъ ель и пихта придаютъ такую строгую окантовку. Это замѣчаніе, впрочемъ, согласуется съ нѣкоторымъ закономъ, которому природа слѣдовала въ произведеніи органическихъ существъ. Холода, по-видимому, ограничиваетъ число и разнообразіе живыхъ проявленій. Во всѣхъ холодныхъ странахъ, обыкновенно, гораздо-меньше породъ, но въ то, вообще, этотъ недостатокъ возматражается большимъ числомъ существующихъ. Фауна или флора въ северныхъ странахъ гораздо-однообразнѣе, чѣмъ въ теплыхъ, но количествомъ произведеній она, можетъ-быть, и не уступить имъ: Это предположеніе, по крайней-мѣрѣ въ общемъ смыслѣ, подтверждается прекраснымъ сочиненіемъ г. Врандта, члена Императорской Санктпетербургской Академіи. Трудъ этотъ, имѣющій предметомъ сибирскую фауну, составляетъ очень-важное дополненіе къ сочиненію г. Чихачева. Изъ изысканій этого знаменитаго натуралиста видно, что Европа содержитъ въ себѣ

сто-сорокъ-три породы млекопитающихъ животныхъ, четыреста-пятьдесятъ-одну породу птицъ и девяносто-четыре пресмыкающихся, тогда-какъ въ Сибири находится только девяносто-два породы млекопитающихъ, триста-двадцать-три птицъ и двадцать-одна пресмыкающихся.

Такое неравенство легко объясняется топографическими и климатическими обстоятельствами, отличающими Сибирь отъ Европы. Европа образуетъ большой полуостровъ, обращенный къ западу: съ юга согреваются ее теплые африканскіе ветры, съ запада море, восточное согреваемое течениемъ изъ Мексиканскаго-Залива: поэтому, и зимы ея коротки и не слишкомъ-суровы. Сибирь же, напротивъ, глубоко лежитъ въ земли: удаленная отъ умеренныхъ странъ высокими горами, притасованная съ сѣвера градою вѣчныхъ льдовъ — она совершенно открыта всей сѣверности сѣверныхъ ветровъ, тогда-какъ теплее дыханіе юга и запада не проникаетъ въ нее. И потому-то, въ одинаковой широтѣ, зима тамошняя гораздо-продолжительнее и суровѣе европейскія, въ-сладствіе чего прійдется отдать немалу старшинства, въ числительномъ отношеніи породъ—Европѣ, даже и тогда, когда вся просторная степи Сибири будутъ изслѣдованы.

Оба разсматриваемыя нами фауны имѣютъ большое число общихъ породъ. Впрочемъ, каждая изъ нихъ характеризуется породами, не находящимися въ другой. Такимъ-образомъ, въ Сибири есть 26 породъ млекопитающихъ и 43 птицъ, собственно одной ей свойственныхъ и не находящихся въ Европѣ. Во всякомъ случаѣ, представляемая нами сейчасъ съ г. Брандтомъ результаты — относятся только къ Западной-Сибири, т. е. только къ части лежащей къ западу отъ Енисея и выходящей въ себя Алтай. Восточная-Сибирь, лежащая по другую сторону этой реки, должна представить въ своей фаунѣ гораздо-разнотельнѣйшій характеръ. Она въ этомъ отношеніи должна подходить къ Северной-Америкѣ, отдаляющейся отъ нея, какъ известно, Беринговымъ Перевозомъ и моремъ, которое, замерзая зимою, представляетъ животнымъ удобный переходъ изъ одного материка въ другой, и облегчаетъ свѣженіе породъ.

Говоря о животныхъ произведеніяхъ Сибири и Алтая, вы должны обратитъ особенное вниманіе на комаровъ — насекомыхъ, такъ-сказавъ, вредныхъ вреденныхъ проземадиани. Пробывшись въ сѣверныхъ странахъ, путешественникъ знаетъ, полное право считать себя въ опасности: ничего не бывало. Комары — настоящій бичъ алтайскихъ южанинъ. Только-что температура воздуха несколько смягчается и наступаютъ первые дни западной весны, какъ комары появляются миллионами и съ яростію нападаютъ на человека, будто желая воспользоваться жертвою, которую имъ такъ-редко посылаютъ небо. Число голодныхъ Чихачевъ было окруженъ голодными ихъ ролями, тогда-какъ еще-недавно это еще трещалъ ледъ. Впрочемъ, эта паразиты, сѣверныхъ жителей теплыхъ странъ, проникаютъ въ самое холодныя широты. Индиралъ Брандтъ говоритъ, что въ Икжико-Молыиска, тропическомъ сибирскомъ комариномъ-лугу, въ-продолженіи двухъ мѣсяцевъ

свободныхъ отъ сильныхъ морозовъ и называемыхъ лѣтомъ — солнцу затемняется цѣлыми тучами комаровъ: только однимъ удушавшимъ дымомъ отдаляются отъ нихъ нападеній... Жалкая судьба савернаго жителя, встречающаго у полюса, безъ всякаго вознагражденія, почти вся бичи жаркихъ климатовъ!

Въ этихъ печальныхъ странахъ, такъ же какъ и на берегахъ Нилу царствуютъ гнилыя горячки, воспаленія глазъ, скотскій падежъ; и нѣтъ вечерняго прохладнаго вѣтерка, столь освежительнаго послѣ распаленнаго дня, нѣтъ акацій съ ихъ пахучими цвѣтами и ошниковыхъ деревьевъ съ ихъ плодами. Въ этихъ ледяныхъ странахъ нѣтъ оазисовъ.

Туземное народонаселеніе Алтая состоитъ почти-единственно изъ ко-чующихъ ордъ, принадлежащихъ монгольскому племени и известныхъ подъ родовымъ именемъ Калмыковъ. Его можно разсматривать какъ раздѣленное на два большія семейства, изъ которыхъ одно живетъ по восточную, другое — по западную сторону Катуня — одной изъ главнѣйшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Обь. Народы эти согласны сами въ этомъ раздѣленіи и объясняютъ свое происхожденіе въ выраженіяхъ соответственныхъ тѣмъ, которыя мы употребили. Впрочемъ, между этими двумя вѣтвями одного дерева не существуетъ почти-никакой разницы: языкъ, нравы, обычаи, одежда — все у нихъ одинаково только къ восточномъ племени рѣзче замѣтенъ характеръ происхожденія. Разсматривая привезенныя г. Чихачевымъ портреты двухъ *калмыковъ*, или начальниковъ изъ окрестностей Чун, нельзя же узнать по этимъ высунувшимся скуламъ, маленькимъ и выпуклымъ глазамъ китайскаго происхожденія во всей его чистотѣ. Алтайскіе Калмыки происходятъ, кажется, отъ тѣхъ ордъ, которыя подъ могучимъ вліяніемъ Чингис-Хана возвысились около конца XII столѣтія до роли завоевателей, завладѣли Китаемъ и Корею, и подъ именемъ Татаръ или Монголовъ распространили имя своего государя и гибель его оружія даже до береговъ Волги и Каспійскаго-Моря. Выгнанныя изъ Китайской-Имперіи, народы эти все болѣе-и-болѣе подвигались къ Средней Азій, и наводнили подъ разными именами даже страны, принадлежащія теперь Сибири. Многія изъ этихъ племенъ, соединившись, основали было довольно-могущественное государство; но вскорѣ эти эфемерныя царства пали подъ ударами Китайцевъ. Монголы и Татары были почти истреблены. Большое число племенъ искало спасенія въ Алтай и умоляло о покровительствѣ Россію, которая и приняла ихъ въ число своихъ подданныхъ. Другія племена остались на границахъ бывшей имперіи и признали надъ собой владычество и Россіи и Китая, такъ что они и теперь еще платятъ дань обоимъ этимъ государствамъ, въ слѣдствіе чего и известны подъ именемъ народовъ, платящихъ двойную дань.

Почти вездѣ, куда только завоеватели-Монголы приходили селиться, они находили племена турецкаго происхожденія. Отъ смѣшенія этихъ двухъ племенъ произошли — съ одной стороны, Татары или Тюркы, у которыхъ турецкій языкъ остался преобладающимъ и которые живутъ

въ Европейской-Россіи; съ другой — сибирскіе Калмыки, монгольскій типъ которыхъ ослабаваетъ по мѣрѣ приближенія ихъ къ западу. Наручіе также подверглось этому вліянію, такъ-что на всемъ огромномъ пространствѣ этой страны, занимаемой двумя большими народами, говорятъ исковерканнымъ турецкимъ языкомъ.

Мнѣніе это, о калмыцкомъ происхожденіи, оправдывается двумя фактами, представленными г-мъ Чихачевымъ: во-первыхъ, перейдя Салтискій-Хребетъ и пропикнувъ такимъ образомъ въ Китайскую-Имперію, онъ имѣлъ случай наблюдать Сайоновъ въблизи, и замѣтилъ, что они и въ чемъ не отличались отъ Калмыковъ, его сопровождавшихъ. Съ другой стороны, онъ описываетъ нѣсколько племенъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *Сагаевъ*, которыя находятся въ самомъ Алтай, на берегахъ Акабаны. Эти Сагаи резко отличаются отъ всѣхъ другихъ племенъ, и въ чертахъ лица ихъ виднѣн типъ чисто-турецкій. Языкъ ихъ также очень-отличенъ отъ калмыцкаго ідіома. Хотя самъ-по-себѣ онъ не что иное, какъ восьмь-испорченный турецкій—все-таки онъ гораздо-болѣе подходитъ къ родовому своему языку и несравненно-менѣе испещренъ монгольскими выраженіями.

Калмыки принадлежатъ существенно къ кочующимъ народамъ: въ племенахъ, подъ предводительствомъ зайсана, они перекочевываютъ изъ одной долины въ другую съ стадами и палатками или юртами, которыя иногда покрываются древесною корою. Алтайскія племена въ-особенности не имѣютъ никакого понятія о нашемъ европейскомъ образѣ жизни: имъ даже неизвѣстно употребленіе телегъ. Люди, сопровождавшіе г. Чихачева до акабанскаго казачьяго поста, выражали величайшее удивленіе при видѣ колесъ, доказывавшихъ близость этого центра образованности. Забавныя ошибки, происшедшія отъ незнанія нашихъ обычаевъ, наивное выраженіе удивленія при видѣ самыхъ обыкновенныхъ предметовъ — не разъ разнообразили тяжелые дни, проведенные въ степяхъ нашимъ путешественникомъ.

Если Калмыки нашего времени и сохранили кочевыя привычки своихъ предковъ, за то они совершенно утратили воинственный духъ свой, съ которымъ, подъ предводительствомъ Чингис-Хана, они покорили всю Азію и заставляли трепетать самую Европу. Нельзя себя представлять робче и безобидчивѣе этихъ народовъ, непредприимчивыхъ противъ малѣйшей видимой опасности инаго средства, кромѣ побѣга. И потому-то встрѣча съ ними, въ этихъ безмѣрныхъ пустыняхъ, почти совершенно-безопасна: одинъ видъ Европейца, кажется, давить ихъ, точно будто они признаютъ въ немъ существо высшей природы. Будучи слабы и малы ростомъ, они совершенно уничтожаются передъ однимъ воинственнымъ видомъ и атлетическими формами казаковъ, охраняющихъ тамешнія границы и распоряжающихся полицейскою частью края. Зато ужъ казаки смотрятъ на нихъ съ полнымъ презрѣніемъ. Когда г. Чихачеву нужны бывали лошади, и онъ приказывалъ какому-нибудь казаку достать ихъ гдѣ-нибудь въ сосѣднихъ племенахъ, казалъ никогда не бралъ на себя-самого труда исполнить это порученіе: онъ обыкновенно довольствовался тѣмъ, что отдавалъ свою саблю какому-

нибудь Калмыку. Калмыкъ, положивъ съ почтеніемъ на плечо грозныя талисманъ, отправлялся къ племени и, показывая саблю, объявляя требованіе. Если ему отказывали или долго задерживали, онъ, не говоря ни слова, оставлялъ саблю посреди упрямыхъ и удалялся; действию этой тактики немедленно обнаруживалось: ужасная новость о прибытіи казацкой сабли распространяла всеобщую тревогу, и не успевалъ еще посланный воротиться, какъ требуемыя лошади неслись уже въ галопъ въ сопровожденіи Калмыка съ грознымъ залогомъ. Ни за что въ свѣтъ Калмыкъ не согласится оставить у себя казацкую саблю: онъ будетъ скакать цѣлые дни, чтобъ возвратитъ ее владателю. И это не потому, чтобъ онъ боялся востребованія ея, — нѣтъ, но онъ вполнѣ уверенъ, что это гибельное орудіе одарено таинственною способностью дѣйствовать за отсутствующаго хозяина, и отъ-этого онъ никакъ не оставитъ его въ своемъ семействѣ.

Большая часть Калмыковъ идолопоклонники. Они веруютъ и по сей день къ *кутаю*, или началу добра, и *шайтану* — началу зла. Жертвоприношенія этимъ двумъ божествамъ состоятъ изъ лошадей, быковъ, барановъ, которыхъ они убиваютъ, четвертую ихъ, или разрывая имъ грудь и пропуская туда руку для укрощенія сердца. Животное кладется въ огонь и черезъ нѣсколько времени превращается въ обѣдъ, къ которому принимаютъ участіе всѣ присутствующіе, не исключая и жрецовъ или *амиссоевъ*. Жрецы не пользуются никакими особенными преимуществами, и исключая времени исполненія весьма-простыхъ религиозныхъ обрядовъ, ничѣмъ не отличаются отъ прочей части народа. Фанатизмъ здѣсь совершенно-неизвѣстенъ. Калмыки очень-легко перемѣняютъ религію; но эти обращенія не заслуживаютъ большой довѣренности, потому-что почти-всегда происходятъ въ-слѣдствіе земныхъ разсужденій, а не видовъ чисто-матеріальныхъ. Это равнодушіе въ религиозномъ отношеніи существовало у Калмыковъ, кажется, еще въ эпоху царствованія наследниковъ Чингис-Хана. Имъ только и можно объяснить удобства-безпрепятственности странствованія некоторыхъ монаховъ XIII столѣтія. Известно, что Рубрукисъ и Карпини, между прочимъ, провикли къ самому монгольскому двору: они были благосклонно приняты, но не возбуждали никакого другаго чувства, кромѣ любопытства, породившаго обыкновенно фокусниками и жонглерами. Ихъ развозили въ священныя дѣйственныхъ платьяхъ, заставляли показывать все великолѣпіе ихъ обрядовъ, пѣть священные гимны, и потомъ отсылали домой. Съ нами, впрочемъ, обходились безъ всякихъ чиновъ: Рубрукисъ предлинно рассказываетъ, какъ однажды, толкуя Мангу-Хану священныя истины христіанской религіи, онъ вдругъ былъ вверженъ въ потокъ своего краснорѣчія высокимъ храненіемъ этого государя. Такая презрительная вѣротерпимость представляетъ страшный контрастъ съ необузданнымъ фанатизмомъ ученія Мухаммеда, съ усердіемъ, очень-часто слишкомъ-жестокимъ, царствовавшимъ тогда въ христіанскихъ народахъ. Еслибъ какой-нибудь чуждый преподаникъ явился такимъ образомъ къ католическому принцу, то очень-вѣроятно не удовольствовались бы тѣмъ, что его намыли бы саблями или ошучили; а

ли тому шесторидцѣ, которые въ это самое время, для избѣжанія гнѣва католичества, были принуждены спрятаться въ отдаленныхъ горахъ, гдѣ благочестивый Рубруквисъ, къ великому соблазну, напелеть спокойно-исповѣдывающими свое ученіе подъ защитою равнодушій онгалскихъ князей.

Отъ описанныхъ нами народовъ надобно отличать Киргизовъ, живущихъ въ степяхъ, расположенныхъ у подножія Алтая, на сѣверо-западъ отъ этихъ горъ. Происходя отъ смеси турецкихъ племенъ съ некоторыми отраслями индо-германскихъ, они стоятъ далеко-выше Ильмыковъ. Они составляютъ совершенную противоположность съ тими и безобидными соседями своею шалдствію и склонностію къ злобѣ. И потому-то, для сохраненія спокойствія въ этихъ степяхъ, о которыхъ проходитъ главная торговая дорога между Китаемъ и Россією, — Россія была вынуждена увеличить военное поселеніе и крѣпостныя пункты. Эти поселенія уже повели къ полезнымъ результатамъ, обещающимъ весьма-счастливаю будущность для этого края: кочующіе народы, пораженные выгодами и удобствами жизни, представляющими цивилизацію, уже начинаютъ собираться около крѣпостныхъ селеній, и многія семейства перемѣнили даже подвижныя шатры на дома неподвижныя, но конечно гораздо-удобнѣйшіе.

Между качествами, особливо отличающими Киргизовъ, надо обратить вниманіе на удивительное развитіе органовъ слуха и зрѣнія: г. Иванъ, офицеръ очень-образованный и долгое время между ними жившій, уверяетъ, что онъ видалъ Киргизовъ, которые могли различить, на разстояніи километра, человека, спрятавшагося въ засаду. Какъ, у которыхъ органы зрѣнія также очень-сильно развиты, утверждаютъ, что Киргизы видятъ ночью точно такъ же хорошо, какъ и днѣмъ. прочее, они все-таки уступаютъ въ этомъ отношеніи Якутамъ, наду, не-видимому, одного съ ними происхожденія и живущему у нижнихъ степей Лены. Адмирала Врангеля, въ своемъ «Путешествіи вдоль верхнихъ береговъ Сибири», приводитъ въ этомъ отношеніи интересный примѣръ: молодой Якутъ уверялъ его однажды, что онъ далъ на небѣ большую голубоватую звезду, которая поглощала порешанно разными звездами гораздо меньшаго размара, и потомъ ихъ сбрасывала. Сравнивая послѣ время, ученый путешественникъ убѣдился, что этотъ человекъ действительно наблюдалъ затмѣніе юпитерныхъ спутниковъ.

Одна изъ общихъ чертъ у всѣхъ различныхъ народовъ, о которыхъ я говорю, состоитъ въ томъ, что всѣмъ имъ совершенно-чуждѣно стремленіе ко сну. Этотъ напитокъ, составляющій почти-совершенную необходимость для арабскихъ и персидскихъ народовъ, замѣняется у инголовъ чаемъ. Но вы очень ошибетесь, если подумаете, что вещество, которое жители Алтайскихъ-Горъ и сибирскихъ степей называютъ чаемъ, хоть сколько-нибудь напоминаетъ ароматическій напитокъ, заготовленный у китайскихъ мандариновъ. Это настоящій супъ, на днѣ горного шланзета сличнаго грубымъ мясомъ и обломковъ вѣтокъ, одесныхъ чашъ подъ именемъ торжественнаго чаю. Но хлебку эту адить

вскипятивши и подбавивъ туда масла и соли. Употребляемый такимъ образомъ чай весьма-питателенъ, и этимъ онъ, вѣроятно, обязанъ большому количеству азотнаго вещества, входящему въ составъ его. По замечаніямъ г. Пеляго, вещество это возвышается отъ 20 до 30 процентовъ пропорція огромная, которую еще не представляло никакое другое растение.

Россія, распространяя свое господство надъ всеми этими полунами народами, подчинила ихъ управленію кроткому и справедливому. Вся народы не-славянскаго происхожденія, живущіе въ Сибирѣ, извѣстны подъ общимъ именемъ *плательщиковъ ясака* (ясачныхъ) и *инородцевъ*. Они дѣлятся на три разряда: 1) *народы осёдлые*, подъ которыми подразумеваются все жители городовъ, деревень и люди занимающіеся хлѣбопашествомъ; 2) *кочующіе*, пользующіеся жилищами удобно-переносимыми съ одного мѣста на другое; 3) *скитающіеся*, и племена преимущественно преданныя бродяжнической жизни и зависящія особенно охотою, рыбною ловлею и выкармливаніемъ животныхъ. Нѣкоторые народы, сверхъ того, составляютъ особенныя категории, къ нимъ преимущественно принадлежатъ *двуплеменные* орды Тавской Губерніи.

Народы перваго разряда пользуются всеми правами русскихъ подданныхъ, и сверхъ-того избавлены на вѣчныя времена отъ рекрутства и всякихъ военныхъ повинностей. Каждый *улусть* (деревня), заключающій въ себя не менѣе пятнадцати семействъ, имѣетъ право устроить туземною домашнюю администрацію, состоящую изъ старосты и двухъ помощниковъ. Определенное число улусовъ составляетъ административный округъ. Эти округа составляютъ потомъ *волости*. На всѣхъ этихъ ступеняхъ администраціи всегда остается народною. Вся составляющіе члены—туземцы, выбранныя своими соотечественниками одного племени.

Для облегченія сношеній между мѣстными русскими властями и этими народными начальниками, законъ позволяетъ имъ выбирать, во ихъ волю, письменный или изустный способъ объясненія и исключаетъ всѣхъ случаи употребленія гербовой бумаги.

Административная организація кочующихъ народовъ, т. е., принявшая ихъ ко второму разряду, во всемъ подобна правленію, принятому перваго разряда, съ тою только разницею, что въ послѣднемъ она еще менѣе сложна. Что же касается до скитающихся народовъ, то они почти совершенно оставлены на собственной произволъ. Въ ихъ быту вступаютъ только самыя слабыя слѣды этихъ правительственныхъ распоряженій, и дѣйствія русскаго начальства ограничиваются только необходимыми мѣрами, которыя оно принимаетъ для охраненія важныя правъ пограничныхъ народовъ. Народы чуждаго происхожденія судятся по собственнымъ ихъ обычаямъ. Русскіе законы прилагаются только въ важнѣйшихъ вопросахъ: во время чрезвычайныхъ преступленій или въ случаяхъ, непрелюдимыхъ народными обычаями. Народы третьяго разряда освобождены отъ всякихъ налоговъ и поземельныхъ податей. Два другіе платятъ легкую подать, называемую *ясакомъ* и состоящую изъ извѣстнаго числа *маховъ*. Имъ, между-прочимъ, предоста-

дается право выплачивать этот налог натурою или деньгами; точно так же, какъ на доходы, доставляемые охотою, позволено покупать въ казну порохъ, свинецъ и другіе предметы главной необходимости.

Всякое племя обладает своими землями, границы которыхъ определены правительствомъ. Огромность тамошнихъ пространствъ позволяетъ отводить имъ участки несравненно-болѣе-значительные, чѣмъ какіе потребны на ихъ продовольствіе, такъ-что отъ всякаго племени остается еще множество пустошорожняго мѣста. Не смотря на это, русскимъ колонистамъ строжайше запрещено селиться въ земляхъ, уступленныхъ туземцамъ. Иностранцы же, напротивъ, имѣютъ право входить съ русскими, безъ всякаго исключенія и ограниченія, во всевозможныя торгемыя сношенія, которыя они только въ состояніи устроить. Такимъ-образомъ, отвращается неправильное присвоеніе ихъ земель, и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаются дружелюбныя сношенія и готовятъ возможность смѣшенія этихъ разнородныхъ племенъ между собою. Одно только исключеніе ограпачиваетъ ихъ безпредѣльную свободу: торговля спиртными напитками строжайше запрещена. Эта послѣдняя мѣра совершенно-согласна съ нравственностью и благоразуміемъ. Жители этихъ странъ имѣютъ неизлечимую склонность къ пьянству, и введеніе у нихъ алкогольных напитковъ необходимо повлекло бы за собой гибельныя послѣдствія, которыхъ примѣры, къ-несчастью, встрѣчаются слишкомъ-часто у аякихъ народовъ, получившихъ отъ Европейцевъ этотъ медленнѣй, неизбѣжно-дѣйствующій ядъ.

Общественная организація Сибири особенно отличается отсутствіемъ всякаго крепостнаго права. Известно, что въ Россіи крестьяне — собственность помѣщиковъ, принадлежатъ или ко двору, или къ землѣ своего господъ. Въ Сибири совсѣмъ иначе. Хлѣбонашцы принадлежатъ къ категоріи *государственныхъ крестьянъ*, т. е., включая подати, состоятъ изъ 11 рублей асс., они могутъ употребить весь остальной доходъ на пользу своей промышленности. Въ этомъ отношеніи, иностранцы сравнены съ русскими поселенцами, съ тою только разницею, что послѣдніе имѣютъ, сверхъ-того, право вступить въ любую изъ трехъ гильдій, или установленную гильдейскую повинность, а чужеземцы должны пользоваться только второю гильдіею.

Въ Россіи, гдѣ не существуетъ никакаго класса, напоминающаго средній классъ во Франціи, или такъ-называемую *petite bourgeoisie* времени одельныхъ, не было посредника между крепостнымъ и господиномъ: дворянъ или классы торгующихъ наполняютъ, кажется, со-временемъ этотъ пропускъ. Ихъ организація напоминаетъ немного французскія корпораціи среднихъ вѣковъ. Они раздѣляются на три части, изъ которыхъ каждая пользуется особенными правами и преимуществами. Налогъ, зацінъ на членахъ этого сословія, увеличивается съ возвышеніемъ имѣній. Только самыя богатые негоціанты въ состояніи уплатить повинность первой; во всякій имѣетъ полное право, разбогатѣвъ, перейти изъ одной гильдіи въ другую. Члены первой гильдіи идутъ почти равны съ дворянствомъ. Очевидно, что, благодаря подобному устрой-

ству, иностранцыя семейства, посвящая себя торговле, могут дойти почти до первых ступеней русскаго общества.

Въ сочиненіи г. Чихачева, описанныя нами подробности подданы ссылками, неоставляющими ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ достоверности этихъ свидѣній. Если они—выраженіе истины, то должно сознаться, что русское владычество есть настоящее благо для этихъ обозримыхъ странъ, и что оно, для этихъ полудикихъ племенъ, во сразъ предпочтительнѣе правленія другихъ народовъ, выставляющаго на знаменахъ своихъ огромными буквами слово «филантропія». Какъ разница между Россіею и Англіею въ способахъ дѣйствія! Россія оставляетъ подчиненнымъ народамъ мѣсто охоты и рыбныхъ ловель, законы, нравы, обычаи, старается по-немногу познакомить ихъ съ благопросвѣщенія, облегчаетъ смѣшаніе ихъ съ образованнѣйшими изъ своихъ подданныхъ, защищаетъ противъ собственной ихъ неводержимости, и наконецъ открываетъ честолюбію, которое она старается породить въ нихъ, свободный доступъ въ просвѣщенное общество... А Англія! Завладѣвъ землею, она по-немногу изгоняетъ оттуда ея обитателей, которые какъ-будто таютъ отъ огненнаго ея прикосновенія; не смѣшивая никогда британской своей крови съ кровью изгнанныхъ народовъ, она не заботится ни о настоящемъ, ни о будущемъ ихъ поколѣніи и устремляетъ все усилія только на то, чтобъ всеми правдами и неправдами, per fas et nefas, уничтожить малѣйшія препятствія, которые могли бы помѣшать ея развитію. Особенно, какаѣя разница между Россіею—хранительницею правъ кочующихъ племенъ, защищающею ихъ противъ собственныхъ своихъ подданныхъ, противъ колонистовъ, восставшихъ для заселенія этихъ отдаленныхъ пустынь, и Соединенными-Штатами, которые разрушаютъ утвержденныя общества, нарушаютъ условія свободы заключенныя съ обѣихъ сторонъ, отбрасываютъ въ горахъ крошечныхъ, уже отвыкшихъ—было отъ дикой жизни, и потому еще мѣшать вооруженною рукою тѣхъ самыхъ людей, у которыхъ они срублили дѣла и сожгли жилища!

Около азиатскихъ народовъ, о которыхъ мы говорили, живетъ и развивается по-немногу довольно-значительное число европейскихъ колоній. Различествуя происхожденіемъ, они различаются и правами, и представляютъ въ этомъ отношеніи замѣчательные контрасты.

Богатый золотодобыватель, котораго желаніе разбогатѣть удерживаетъ тамъ на мѣстѣ, конечно, не разъ замечается съ наслажденіемъ счастливаго времени, когда онъ будетъ въ состояніи пользоваться своими сокровищами въ недрахъ общества, спешащаго негоднѣе истребить все укрѣпенія своей роскоши. Въ ожиданіи же, его удовольствія ограничены. Будучи, болѣею частью, лишена умственаго воспитанія, онъ не находитъ другаго средства для развлеченія своихъ досуговъ промѣ королеваго стола: за то ужъ онъ предается весь этому наслажденію и сбрасываетъ на этотъ предметъ контрибуціи съ отдаленнѣйшихъ странъ: плоды аленныя, дичины его лѣсовъ, страсбургскаго шпрота, голландскія и португальскія аленскія, арбузы и на берега Бискайскаго моря

Петербургъ. Пока лучшие бордосскія и мадегонскія вина, пока шампанское, купленное ужасною цѣною, искрятся и пьются въ богатѣйшемъ залѣ, какою—нибудь Казмыкъ, въ своей шерстяной шапкѣ, подноситъ вытѣшавшимся гостямъ чистѣйшій арабскій кофе, дымящійся въ ядонѣ фарфора, и ароматическія сигары Маниллы и Гаваины.

Простые работники слѣдуютъ примѣру своихъ хозяевъ. Рожденные чти въ бѣдности, они безразсудно расточаютъ большое жалованье, тратящееся имъ безъ большаго трудовъ. Нередко, кабаки и дома развѣга поглощаютъ значительныя суммы, которыя, будучи употреблены пользой, обогатили бы семейства и увеличили бы общія удобства колонизаціи. До сихъ поръ золотопромышленность доставляла только славы лицамъ богатства; она не имѣла почти никакого вліянія на все благосостояніе; напротивъ, она служитъ поощреніемъ къ порчѣ юности, влечетъ къ большаго частію изъ посланныхъ за преступленія и проступки. Эти печальныя результаты промышленности, по-видимому, стали способной окружать себя богатствомъ и благосостояніемъ, ражаютъ своею противоположностью при сравненіи съ положеніемъ той же самой класса, занимающагося земледѣліемъ. Здѣсь безпрестанно и упорно работы имѣютъ въ высшей степени полезное вліяніе, влекутъ за собою идею прогресса и нравственности. Занятіе ремеслами и мануфактурныя работы стоятъ, въ разсматриваемомъ нами положеніи, посреди этихъ противоположностей. И такъ, въ Сибири подтверждаются результаты, собранныя въ Европѣ вычисленіями статистики. Здѣсь, какъ въ Англии, какъ во Франціи, какъ въ Европѣ, по-прежнему мануфактурнаго класса представляють печальнѣйшій контрастъ съ естественнымъ состояніемъ земледѣльческаго народа.

Средъ европейскаго народонаселенія Сибири, казаки составляютъ особый классъ. Они дѣлятся на два разряда, отличающіе другъ отъ друга въ организаціи и въ предназначеніи. Известные подъ названіемъ *казаковъ*, управляемые военными законами и учрежденіями, и подчинены генерал-губернатору и отправляютъ все обязанностииска. Служба ихъ продолжается 25 лѣтъ; по прошествіи этого срока, имѣютъ право возвратиться въ свои стѣпы, но правительство все старается удержать ихъ въ Сибири, давая имъ, время ихъ жалованья и рационъ, земли въ вѣчное владѣніе и позволяя выбирать любую родъ промысловости или торговли. Казацкіе рекруты набираются изъ ихъ собственнаго поколѣнія: дѣти казакія считаются состоящими въ полкахъ отцовъ своихъ.

Казаки второго разряда называются *городскими*. Они составляютъ настоящій полицейскій корпусъ, кѣто въ родѣ постоянной муниципальной гвардіи, и зависятъ отъ гражданскихъ властей. Некоторые поступаютъ и въ стѣпы и исполняютъ тамъ же обязанности, что во Франціи и Англии. Правительство доставляетъ имъ оружіе; но лошади и вся принадлежность снаряженія обѣдѣна на ихъ счетъ. Каждый изъ нихъ получаетъ всего на-все 15 десятинъ воздѣлываемой земли, или же равнозначную ей часть земли охотничьей или съ рыбными ловлями. Этихъ казаковъ еще не имѣетъ права продавать. Служба ихъ продолжается

25 лѣтъ, и всякій отставной обязанъ жить въ томъ мѣстѣ, гдѣ квартируетъ прежній его полкъ. Эта милиція также исключительно состоитъ изъ казаковъ; которыхъ дѣти вступаютъ въ нее, когда имъ исполнится семнадцать лѣтъ.

Въ эпоху, когда начали въ первый разъ сформировывать сабарскіе казацкіе полки, правительство не сочло нужнымъ собирать казаковъ, жившихъ въ отдаленныхъ странахъ. Оно составило изъ нихъ военные поселенія, которыя состояли изъ 50 до 100 человекъ и названы были *станциями*. Поселенные казаки, не получая отъ правительства никакого денежнаго вспоможенія, пользуются зато его землями, освобождены отъ всѣхъ налоговъ, и имѣютъ право участвовать въ торговлѣ и промышленности. Въ вознагражденіе, они обязаны обзавестись лошадьми и оружіемъ, наблюдать за спокойствіемъ границъ и земель, ими обитанныхъ, смотреть за дорогами, пролегающими чрезъ ихъ страну, основывать и поддерживать заведенія, необходимыя для ихъ управленія и, наконецъ, доставлять лошадей и помѣщеніе чиновникамъ, командируемымъ отъ правительства.

Поселенія, разбросанныя на отдаленныхъ границахъ или необитаемыхъ равнинахъ, со-временемъ окажутъ сильное вліяніе на будущіе этихъ странъ. Нѣкоторыя изъ нихъ уже приняли довольно замѣтительное развитіе и представляютъ собою деревни, въ которыхъ жители пользуются всеми удобствами, предоставляемыми работою. Расположенные въ виду кочующихъ племенъ, они какъ-будто составляютъ центры, которые, рано или поздно, но непременно притянутъ къ себѣ эти племена, тѣмъ легче, что казаки свободно объясняются на языкъ своихъ сосѣдей. Киргизы начинаютъ уже соглашаться въ преимуществѣхъ европейской жизни. Служа прежде у казаковъ простыми работниками, они въ-последствіи стараются сами подражать имъ. Эти дикіе сыны степи охотно ставятъ свои юрты около казачьихъ станицъ; нѣкоторые даже замѣнили свои подвижныя жилища настоящими домами и занимаются хлѣбопашествомъ. Конечно, эти результаты еще ничего не доказываютъ въ настоящемъ, но для будущаго они много значатъ; и можно съ достовѣрностью сказать, что прійдетъ время, когда эти скитающія орды преобразятся въ народъ земледѣльческій.

Большую часть русскаго народонаселенія въ Сибири составляютъ ссыльные. Между ними есть нѣсколько разрядовъ, весьма-отличныхъ другъ отъ друга, и прежде всего изгнанные за преступленія и проступки. Смертная казнь въ Россіи не существуетъ: она замѣнена наказаніемъ кнутомъ и ссылкой. Приговоренные за уголовныя преступленія занимаются каторжною работою и соответствуютъ французскимъ галерникамъ. Что же касается до приговоренныхъ къ меньшимъ наказаніямъ—то они разделяются на пять классовъ. Къ первому принадлежатъ преступники, высеченные плетью: они употребляются въ самыя тяжкія работы на заводахъ и фабрикахъ. Ко второму классу принадлежатъ люди, присужденные къ разнымъ работамъ, требующимъ здороваго и сильнаго сложенія. Третій классъ содержитъ въ себѣ людей, неспособныхъ къ трудной работѣ, почему они и составляютъ какъ-бы

прислугу. Къ четвертому классу принадлежатъ преступники, приговоренные къ самымъ меньшимъ наказаніямъ и занимающіеся землеобработкою: сюда относятся поселенцы. Наконецъ, пятый классъ состоитъ изъ преступниковъ, по возрасту или физическимъ недостаткамъ неспособныхъ къ работѣ. Правительство содержитъ ихъ на свой счетъ.

Великій ссыльный можетъ, при хорошемъ поведеніи, переходить изъ одного класса въ другой и достигнуть такимъ-образомъ четвертаго класса, т. е. поселенцевъ. Въ-продолженіи времени, проведеннаго въ предшествующихъ классахъ, ему платятъ за работу: на часть денегъ онъ содержится, а остальные сохраняются и отдаются ему только при поступленіи его въ четвертый классъ, когда ему позволено будетъ основаться и работать уже въ свою пользу. Тутъ, обыкновенно, правительство выдаетъ ему землю и въ-продолженіи первыхъ трехъ лѣтъ совершенно освобождаетъ отъ податей. Въ слѣдующія семь лѣтъ, онъ платитъ половину противъ податей, взимаемыхъ съ казенныхъ крестьянъ, и наконецъ, по истеченіи этого срока, онъ поступаетъ въ ихъ разрядъ и пользуется одинаковыми съ ними правами.

Освободить общество отъ преступниковъ и бродягъ, замѣнить изгнаниемъ смертную казнь столь ужасною, потому-что она безвозвратна, и тюремными заключеніями, столь обременительными для государства; возвращать работою людей заблудшихся къ идеямъ справедливости и нравственности; создавать такимъ-образомъ полезныя колоніи и зарождать въ этихъ пустынныхъ странахъ самена поколѣній, полныхъ будущности,—все это, говоримъ мы, неоспоримо есть внушеніе святой и великой мысли. Два народа брались за разрѣшеніе этой задачи: Русскіе и Англичане; и если мы сравнимъ полученные ими результаты, то преимуществу, надо сознаться, останется на сторонѣ первыхъ. Мы видали, съ какою легкостью поддерживается порядокъ въ Сибири, при обстоятельствахъ наиболее-склонныхъ взволновать страсти. Эти послѣдствія безъ труда объясняются дѣйствіями мудраго и справедливаго управленія, котораго мы привели только нѣкоторыя черты. Картина, представляемая исправительными поселеніями Новой-Голландіи, непохожа на эту...

Бросивъ, съ г. Дюпю-Туаромъ (*), взглядъ на нравственное состояніе этихъ странъ въ-продолженіи двадцати-пяти-лѣтняго періода, отъ 1810 до 1836 года. Изъ оффиціальныхъ документовъ, обнародованныхъ въ приказу колоніальнаго совѣта, видно, что въ первыхъ восемь лѣтъ этого періода, число приговоренныхъ въ уголовномъ судѣ относилось къ числу всего народонаселенія, какъ 1:370. Въ-продолженіи трехъ слѣдующихъ лѣтъ, отношеніе это почти не измѣнилось; но съ 1821 до 1825, пропорція была уже какъ 1:223; наконецъ, съ 1831 до 1835, пропорція возвысилась до того, что число приговоренныхъ къ числу

(*) «Voyage autour du monde sur la frégate la Venus, pendant les années 1836, 1837, 1838 et 1839, par Abel Dupetit-Thouars; Paris, 1841».

народонаселенія содержалось какъ 1:180. Здесь даже являть болѣе чѣмъ одинъ уголовный преступленіяхъ. По словамъ г. Баннистера, бывшаго королевскаго прокурора, итогъ приговоровъ, произнесенныхъ въ судѣ въ 1825 году, составлялъ 6,000, на 16,000 *комикасовъ* (ссылныхъ). Въ 1835, ясля приговоренныхъ возвысилось до 22,000 на народонаселеніи 28,000 *комикасовъ*.

Итакъ, вмѣсто того, чтобъ исправиться въ-продолженіе періода, вѣи привезеннаго, народонаселеніе Новой-Голландіи еще болѣе испердилось. Представленія г. Дюпти-Туаромъ причины этой умножающейся демографизации—весьма-многочисленны. Первыя изъ нихъ происходятъ отъ отсутствія всякой организаціи и слишкомъ-ранняго введенія суда присяжныхъ: подчиняя преступниковъ разбирательству людей, совершенно разлагающихъ ихъ чувстваранія, этотъ судъ сулитъ имъ безынаказность. Знаменитый морякъ, у котораго мы занимаемъ эти подробности, былъ свидѣтелемъ въ Сидней одного возмущающаго примера въ этомъ отношеніи. Однажды, человекъ двѣнадцать *комикасовъ*, употребленныхъ въ должности слугъ на границахъ колоніи, собрались поохотиться за птицами туземцами, живущими по условію договоровъ въ соседствѣ. Загнавъ человекъ тридцать этихъ несчастныхъ, мужчинъ и женщинъ, въ яму, они перевязали ихъ и повлекли въ лѣса. Тутъ они развели огромный огонь и бросили въ него этихъ страдальцевъ, удержавъ ихъ въ пламени вѣтвями деревьевъ, и стреляя изъ пистолетовъ и ружей по тѣмъ, которые старались вырваться изъ пытки. Это ужасное преступленіе было извѣстно. Совершившіе его предатали передъ уголовный судъ; покушеніе было доказано. Не смотря на то, черезъ четверть-часа совѣщанія, судъ присяжныхъ пропнесъ приговоръ не-виновности. Убійцы были освобождены.

Въ починеніи, только-что изданномъ капитаномъ Уильямсомъ (*), вѣдимъ другую важную причину испорченности *комикасовъ* Новой-Голландіи. Это—отсутствіе всякой классификаціи между приговоренными. За преступленіе ли, за ничтожную ли вину монади они въ Австралію, все равно — ихъ ошлаетъ одинакая участь. Подобное смѣшеніе, противное самымъ первоначальнымъ основамъ справедливости, необходимо воставляетъ сталкиваться съ закоренными злодѣями людей только-что заблудившагося, и гибельные совѣты первыхъ, кажется, заравне есллжены закономъ.

Изъ закону бы разряду ни принадлежалъ сосланный въ Сибирь, законъ строго воспрещаетъ разлучать его съ женою и дѣтьми, разл только единство его окажетъ явное желаніе не раздѣлять судьбы изннчанина. Въ Сидней совсемъ не такъ. Только-что сосланныхъ выслдѣтъ на берегъ, какъ они уже подвергаются произвольному разбору, и капитанъ Уильямсъ увѣряетъ, что болѣею частію люди женаты, и ступающіе работниками къ жителямъ, бываютъ внезапно разлучены

(*). *Narrative of the United-States exploring Expedition during the years 1839, 1839, 1840, 1841 and 1842, by Charles Wilkes; London, 1844.*

другъ съ другомъ: обыкновенно, дѣтей отрываютъ отъ груди матерей и относятъ въ параматское депо (dépôt de Paramatta); матери же, поступающія къ своимъ хозяевамъ, теряютъ своихъ дѣтей изъ вида на месяцы, годы, нерѣдко навсегда. Сцены, сопровождающія эти насильственныя разлученія, говоритъ Уилькисъ, невыносимы: можно понять, но не изъяснить отчаяніе этихъ несчастныхъ созданій... Подобные поступки столько же безнравственны, сколько и безчеловѣчны. Уничтожить духъ семейства въ существахъ уже порочныхъ — не значитъ ли это разрывать послѣднюю связь, придерживающую ихъ къ добродѣтели? не значитъ ли это заставить ихъ сильнае сражаться съ закономъ, настаивающимъ надъ ихъ священными привязанностями? Здѣсь особенно, — какъ съ точки зрѣнія перевоспитанія конвиктовъ, такъ и въ отношеніи существенныхъ выгодъ колоній, — надо согласиться, что Англія стоитъ гораздо-ниже Россіи...

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЬЕРА.

Статья пятая.

*Трибуналы: Внутреннее управление. Безопасности и исправления дорог. Возрождение торговли. Материальные результаты революции относительно земледелия, промышленности, народонаселения. Разсужденіе о гражданскомъ кодексѣ въ государственномъ совѣтѣ. Дворъ перваго консула. Консульская гвардія. Сестры перваго консула. Фоксъ и де-Калоннѣ въ Парижѣ. Оппозиція противъ перваго консула. Поступки генераловъ Данна, Ожеро и Морд. Открытіе засѣданія X года. Оппозиція противъ гражданского кодекса. Гизѣвъ перваго консула. Мысль Камбасереса объ истолкованіи 38 статьи Конституціи. Консулы въ Лионѣ. Экспедиція въ Св.-Доминго. Амьенскіе переговоры. Бонапарте -- президентъ Итальянской - Республики. — Консульство по жизни: Исключеніе возмущенныхъ членовъ законодательнаго сословія и требуната. Окончаніе амьенскаго конгресса. Подписаніе окончательнаго мира. Экстраординарное засѣданіе X года. — Утвержденіи конкордата и *юридическихъ статей*. Оффициальное принятіе кардинала Капрары, какъ легата *a latere*. Торжественное *Te Deum*. *Духъ христіанства (le Génie du Christianisme)*. Возвращеніе эмигрантовъ. Мысли перваго консула объ организаціи общества. Проекты объ учрежденіи почтеннаго легіона и о народномъ просвѣщеніи. Мысль о національномъ возмездіи первому консулу. Притворство нехстаті перваго консула. Ловкая выдумка Камбасереса. Всобщее удивленіе. Консульство по жизни. Наполеонъ Бонапарте Высшая степень его нравственнаго могущества.*

Мы видѣли, при помощи какихъ постоянныхъ и искусныхъ усилій, первый консулъ, покоривъ Европу своими побѣдами, успѣлъ сблизить ее съ Франціею своею политикою: мы видѣли, при помощи какихъ менѣе-достойныхъ уваженія усилій онъ примирилъ римскую церковь съ французскою республикою, и положилъ конецъ бѣдствіямъ раскола. Усилія его къ возстановленію безопасности на проѣзжихъ дорогахъ, къ возбужденію дѣятельности въ торговлѣ и промышленности, къ доставленію цвѣтущаго состоянія финансамъ, порядка администраціи, къ вытѣр-

твию кодекса гражданскихъ законовъ, приспособленнаго къ правамъ націи, наконецъ къ организаціи французскаго общества во всѣхъ его частяхъ, — всѣ эти успѣи его были не менѣ постоянны и утѣчались не меньшимъ успѣхомъ.

Шайки разбойниковъ, составившіяся изъ дезертировъ французской арміи и изъ вольницы гражданской войны, преследовавшія богатыхъ выдальцевъ въ ихъ иманіяхъ, путешественниковъ на большихъ дорогахъ, грабившія публичныя кассы и распространявшія ужасъ по всей странѣ, были теперь уничтожены послѣдними строгими мѣрами. Эти разбойники выбрали для своихъ подвиговъ время, когда почти вся войска были выведены за границу, и отъ-того не было достаточно силъ къ охраненію государства внутри. Но, по заключеніи лоневальскаго мира и возвращеніи части войскъ во Францію, положеніе дѣлъ измѣнилось. Многочисленныя подвижныя колонны, сопровождаемыя сперва военными комиссіями, а позже этими особенными трибуналами, объ учрежденіи которыхъ сказали мы выше, проходили по дорогамъ во всѣхъ направленіяхъ. Многія сотни этихъ разбойниковъ были разстрѣляны въ-продолженіи полугода. Другіе, совершенно-унавившіе духомъ, полагали оружіе и сдавались. Безопасность на большихъ дорогахъ была восстановлена, и тогда-какъ, въ январь и февраль 1801 г. едва можно было ѣздить изъ Парижа въ Руанъ, или изъ Парижа въ Орлеанъ, не подвергаясь опасности быть зарезану, въ исхода этого года можно было ѣздить всю Францію, не подвергнувшись никакому несчастію. Только въ глубинахъ Бретани или посреди Савеннъ существовали, можетъ-быть, еще нѣкоторые остатки этихъ шайкъ. Вскорѣ и они должны были быть совершенно разсѣяны.

Мы уже видѣли, какъ десятилѣтнія смуты почти-совершенно прервали возможность сообщенія во Франціи, и какъ первый консулъ ассигновалъ экстра-ординарную сумму на исправленіе двадцати главныхъ шоссе, пересѣкавшихъ землю республика. Онъ самъ наблюдалъ за употребленіемъ этой суммы и своимъ постояннымъ вниманіемъ возбуждалъ въ высочайшей степени рвеніе нижецеровъ. Каждый изъ его адъютантовъ, или первѣйшихъ сановниковъ, по возвращеніи своемъ съ дороги, были разспрашиваемы имъ для того, чтобъ узнать, выполняются ли его повелѣнія. Въ X году было ассигновано на дороги 28 милліоновъ — сумма дввое или втрое превосходившая прежніе расходы по этой статьѣ. И исправленія шла быстро, и изъ всего было видно, что, въ-теченіе 1802 года, дороги будутъ приведены въ превосходное состояніе.

Даны были повелѣнія къ проложенію новыхъ путей сообщенія между различными частями старой и новой Франціи. Строились четыре большія дороги между Италіею и Франціею. Симплонская, о которой мы упоминали неоднократно, быстро подвигалась впередъ. Начали уже строить ту, которая должна была соединять Пьемонтъ и Савойю, пролегая чрезъ гору Сені. Повелѣно было приступить къ проложенію третьей чрезъ гору Женевру, для соединенія Пьемонта съ югомъ Франціи. Предпринято было исправленіе большой тендской дороги, преходящей чрезъ приморскія альпы. Такимъ-образомъ преграда альповъ уничтожа-

договор между Франціей и Италіей посредствомъ этика четырехъ кортежъ Чудо перехода чрезъ Сен-Бернаръ дѣлалось уже на будущее время полезнымъ, еслибъ пришлося идти на помощь Италіи.

Прокапывались каналы, строились новые мосты черезъ Сону. Эти многочисленныя и прекрасныя предпріятія привлекали на себя общественное вниманіе.

Торговля видимо возрастала; возрѣждались мануфактуры. Промышленность шелковыхъ тканей начинало снова расцвѣтать. Ліонъ, любимый городъ перваго консула, снова занялся своею прекрасною промышленностью.

Статистическія свѣдѣнія, собранныя о 67 департаментахъ (изъ числа 102, изъ которыхъ состояла Франція въ 1801 г.) показывали, что въ этихъ департаментахъ народонаселеніе, простиравшееся въ 1789 г. до 21,176,843 жителей, простиралось въ 1800 г. до 22,297,443,—значитъ, увеличилось слишкомъ 1,100,000 душами, почти на одну девятнадцатую. Этотъ результатъ, мало вѣроятный, особѣ не подтверждался самыми верными оффиціальными свѣдѣніями, доказывающъ, что бедствіе, происшедшее во Франціи въ отношеніи матеріальномъ, всецѣмъ погасило съ чужою быстротою. Земледѣліе вездѣ шло съ возрастающимъ успѣхомъ.

Первый консулъ придумалъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ, чтобъ знать все и быть въ состояніи дѣлать необходимыя улучшенія въ огромной машинѣ государственнаго управленія. Онъ поручалъ некоторымъ способнѣйшимъ государственнымъ советникамъ объѣзжать Францію, наблюдать на семъ мѣстѣ кодъ администраціи, донести о вѣстныхъ потребностяхъ и найденныхъ злоупотребленіяхъ. Эти коммисіи приносили благодѣтельные плоды.

Адъютанты, посылаемые имъ то къ арміямъ, то къ портамъ, чтобъ сообщать повсюду энергію его воли, получали приказаніе, наблюдать все, и обо всемъ рапортовать своему генералу. Полковники Дакюбъ, Дорлотонъ, Саварі, посылаемые въ Антверпенъ, Булонь, Брестъ, Рошеоръ, Тулонъ, Ганную, Отранте, имѣли порученіе на возвратномъ пути останавливаться въ каждомъ городѣ, присматриваться, прислушиваться ко всему и дѣлать обо всемъ свои замѣчанія: о состояніи дорогъ, движеніи торговыхъ дѣлъ, образѣ дѣйствій должностныхъ лицъ, расположеніи умовъ. Ни одинъ изъ нихъ не обманулъ его ожиданій; ни одинъ не боялся говорить правду передъ справедливымъ и всемогущимъ властелиномъ. Этотъ властелинъ, который не думалъ тогда ни о чемъ бѣдѣ, какъ только о томъ, чтобъ творить благо,—потому-что его благо безконечно въ своемъ объемѣ и своемъ многообразіи, было достаточно для погашенія жара души его,—этотъ властелинъ съ удовольствіемъ принималъ всякую възымаемую имъ-самимъ истину, и съ рвениемъ обращалъ ее въ свою пользу,—никогда не было наказано чиновника, преступившаго долгъ свой, или пополнить недостатокъ въ новыя учрежденія, или обратить вниманіе на предметъ, до-того-поръ ускользавшій отъ его суровога взгляда.

Зрѣлищемъ, обращавшимъ на себя въ эту минуту всеобщее вниманіе, была свѣдѣнія о гражданскомъ подѣлкѣ въ государственномъ советѣ. Потребность въ ягомъ подѣлкѣ была, конечно, свѣдѣніемъ отъ императора

новой Франціи. Старинное гражданское законодательство, состоявшее изъ правъ феодальнаго, обычнаго, римскаго, не годилось долѣе для общества, снизу до верху подвергшагося рѣшительному перевороту. Комиссія, составленная изъ Порталиса, Троншэ, Бюго-де-Прейннэ и Малавалья, начертала проектъ гражданского кодекса. Этотъ проектъ былъ препровожденъ во всѣ трибуналы, чтобы они подвергли его своему разсмотрѣнію и сдѣлали на него свои замѣчанія. Въ-слѣдствіе этого разсмотрѣнія и этихъ замѣчаній, проектъ былъ видоизмѣненъ, и наконецъ внесенъ въ государственный совѣтъ, который разбиралъ его статьи за тѣмъ, въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Первый консуль, присутствуя на каждомъ изъ этихъ засѣданій, какъ президентъ, обнаруживалъ стройность, ясность, часто глубину взглядовъ, приводившихъ всѣхъ къ изумленію. Не изумлялись, видя въ немъ администратора, въ немъ рывышшемъ править арміями, управлять вѣковыми странами, потому что это качество необходимо для великаго полководца; но было чему изумляться, видя въ немъ законодателя. Его образованіе въ этомъ отношеніи было окончено быстро. Интересуясь всѣмъ, потому что онъ читалъ все, онъ просилъ у Камбасереса нѣкоторыя книги по предмету права, и именно матеріаловъ, приготовленныхъ во время Конвента для званія новаго гражданского кодекса. Онъ съ жадностію читалъ ихъ, и въ тѣ книги религіознаго содержанія, которыми окружалъ себя, замѣчалъ конкордатомъ. Иногда недостаточное познаніе предмета заставляло его поддерживать странныя идеи; но онъ скоро допускалъ образъ себя людямъ ученымъ, окружавшимъ его, и былъ выше всѣхъ съ, когда надо было извлечь изъ стеченія противоположныхъ идей мое естественное и самое разумное заключеніе. Первый консуль умѣлъ ставить работы нехъ, снѣ работы по цѣлымъ днямъ. Протоколы нѣзательнейшихъ засѣданій были почтены и обнародованы. Но въиде, чѣмъ посылались они въ *Мониторъ*, консуль Камбасересъ прѣзвтривалъ ихъ, выбрасывая изъ рѣчей перваго консула, чего не слѣало знать публикѣ. И такъ, въ этихъ протоколахъ оставалась мысль мнзго консула иногда исправленная, обезцвѣченная, но всегда поразительная. Это сильно действовало на публику, и она привыкла смотреть него, какъ на единственнаго виновника всего, что творилось добромъ и злымъ во Франціи. Ей нравилось, что законодателемъ у насъ тотъ самый человекъ, котораго выдава она полководцемъ, дипломатомъ, администраторомъ, и востоянно великимъ на всѣхъ этихъ столь разнзныхъ поприщахъ.

Первая книга гражданского кодекса была окончена, и это была одна изъ многочисленныхъ проектовъ, которые должны были быть предъпланы законодательному сословию. И такъ, замѣреніе Франціи и ея гренила перестроизація шли ровнеъ другъ съ другомъ. Хотя не это было еще исправлено, хотя не все благо было еще совершено, также сравненіе настоящаго съ прошедшимъ наполняло сердца всѣхъ людеиствомъ и надеждою. Совершеніе великаго блага для приписывалъ первому консулу, и былъ правъ, потому что, по свидѣтельству его долговѣрнаго сотрудника, консула Камбасереса, онъ дѣлалъ изумительныя

ше всему, входилъ самъ въ подробности, и по каждой отдельной части дѣлалъ еще больше тѣхъ, кому была она специально овѣрена.

Человѣкъ, правившій Франціею съ 1799 по 1815 г., имѣлъ, безъ сомнѣнія, въ-продолженіе своего поприща упомительные дни славы; но конечно не оги, ни Франція, которую очаровалъ онъ, не переживали подобныхъ дней,—дней, въ которые величіе сопровождалось еще и мудростью, и особенно тою мудростью, которая заставляетъ видѣться на продолжительность счастья.

По-истинѣ, должно бы было остановиться на чудесныхъ событіяхъ этихъ первыхъ временъ, и исторія, говоря объ этомъ царствованіи, сказала бы, что ничего болѣе великаго, болѣе совершеннаго люди не видывали на землѣ. Все это было написано на лицахъ людей всѣхъ состояній, всѣхъ націй, съ благоговѣніемъ толпившихся вокругъ перваго консула. Множество иностранцевъ стекалось въ Парижъ, чтобъ посмотрѣть на Францію, чтобъ увидать генерала Бонапарте, и большая часть изъ нихъ представлялась ему чрезъ министровъ своего правительства. Дворъ его,—ибо онъ создалъ себя дворъ,—дворъ его былъ имѣлъ военный и гражданскій, суровый и утонченный, изящный. Онъ прибавилъ къ нему нѣчто съ прошлаго года; онъ составилъ военный штатъ для себя и консуловъ и окружилъ, какъ государыню, придворными дамами госпожу Бонапарте. Консульская гвардія была образована изъ четырехъ пѣхотныхъ гренадерскихъ и егерскихъ батальоновъ, въ 1,200 человекъ каждый, и двухъ кавалерійскихъ полковъ, конногренадерскаго и конноегерскаго. Тѣ и другіе были составлены изъ лучшихъ, храбрѣйшихъ солдатъ арміи. Многочисленная и хорошо-устроенная артиллерія дополняла эту гвардію и дѣлала изъ нея настоящую дивизію, изъ всѣхъ родовъ войскъ, прострившуюся до 6,000 человекъ. Блестательный штабъ начальствовалъ этимъ превосходнымъ войскомъ. Къ этому особенному штабу консульской гвардіи первый консулъ присоединилъ военнаго губернатора Тюльерійскаго-Дворца, съ двумя офицерами штаба, бывшими въ званіи адъютантовъ (*adjutants*). Этимъ губернаторомъ былъ адъютантъ Дюрокъ, всегда употребляемый на деликатныя порученія. Ни одинъ офицеръ не былъ способенъ его воцарить въ правительственномъ дворцѣ порядкомъ и благочиніемъ, вправившіеся перекрестку консулу и бывшіе въ духъ того времени. Надо было смягчить этотъ воинственный видъ, придавъ ему нѣкоторую гражданскую наружность. Государственный совѣтникъ, Бензешъ (*Benezsch*) въ-продолженіе перваго года присутствовалъ при аудіенціяхъ и принималъ съ приличнымъ этикетомъ иностранныхъ министровъ и важныхъ особъ, имѣвшихъ доступъ къ консуламъ: четыре гражданскіе офицера, съ званіемъ правительственныхъ префектовъ, смѣняли теперь въ этой обязанности государственнаго совѣтника Бензеша. Четыре придворныя дамы назначены были къ госпожѣ Бонапарте, чтобъ помогать ей въ приѣмъ гостей въ салонѣ перваго консула. Новый дворъ украшался присутствіемъ супруга перваго консула и сестеръ его, изъ которыхъ всѣ были замѣчательны или по своему очаровательнымъ приѣмамъ, или по уму, или по красотѣ. Выше въ разговорамъ о братьяхъ перваго консула: теперь время познакомиться съ

и сестрами. Старшая сестра первого консула, госпожа Элиза Баккиоки, замѣчательная по наружности, была очень-замѣчательна по уму, и привлекала вокругъ себя отличнѣйшихъ тогдашнихъ литераторовъ, каковы были Сюаръ, Морелль, Фонтанъ. Вторая, Каролина Мюратъ, вѣдшая за генерала этого имени, честолюбивая и прекрасная, упоенная счастливою судьбою своего брата, желая привлечь лучшую долю изъ нея на себя-самоѣ и своего мужа, была одною изъ женщинъ того новаго двора, придававшихъ ему наиболее жизни и изящества. Третья, Полина Бонапарте, та, которая была за генераломъ Леклеркомъ, и которая вышла потомъ за принца Боргезе, была одною изъ прекраснѣйшихъ особъ своего времени. Она еще не вызвала противъ себя злорѣчій, какъ сдѣлала это позднее, и если ея неосторожное поведеніе печалило иногда ея брата, страстная нѣжность, которую она чувствовала къ нему, трогала его и обезоруживала его строгость. Госпожа Бонапарте стояла выше всѣхъ ихъ, какъ супруга первого консула, и очаровывала своею врожденною граціею Французовъ и иностранцевъ, имѣвшихъ доступъ въ правительственный дворецъ. Незавѣрное и уже видное соперничество между членами этого семейства, какъ-близкаго къ трону, было сдерживаемо генераломъ Бонапарте, который, хотя и любилъ близкихъ сердцу, однакожь обращался сурово съ нарушавшими мѣръ, который онъ любилъ видѣть вокругъ себя.

Событіе некоторой важности произошло въ консульскомъ семействѣ: то былъ бракъ Ортансы де-Боарнѣ съ Лудовикомъ Бонапарте. Первый консулъ, нѣжно любившій обоихъ дѣтей своей супруги, хотѣлъ видѣть Ортансу де-Боарнѣ за Дюрока, полагая, что взаимная привязанность близала эти два юныя сердца. Но этотъ бракъ, мало нравившійся госпожѣ Бонапарте, не состоялся. Госпожа Бонапарте, все мучимая страхомъ развода, съ-тѣхъ-поръ, какъ она перестала надѣяться имѣть дѣтей, задумала выдать дочь свою за одного изъ братьевъ своего супруга, льстя себя надеждою, что дѣти, которыя родятся отъ этого союза, извѣстныя двойственными узами съ новымъ главою Франціи, могутъ имѣть его наследниками. Иосифъ Бонапарте былъ женатъ; Люсианъ велъ беспорядочную жизнь, и держался въ непріязненномъ отношеніи къ юной свояченицѣ; Иеронимъ искупалъ на флотѣ кое-какія заблужденія молодости. Лудовикъ одинъ соответствовалъ видамъ госпожи Бонапарте: она избрала его. Онъ былъ уменъ, образованъ, но своенравецъ, и мало сходенъ по характеру съ назначаемою ему невестою. Первый консулъ, который такъ судилъ объ этомъ дѣлѣ, сначала противился, потомъ уступилъ и согласился на бракъ, который не долженъ былъ составить счастіе обоимъ супругамъ, но который, однажды, едва не далъ наследниковъ всевышней имперіи.

Брачное благословеніе было дано кардиналомъ Капрарою, и въ частностъ домъ, какъ совершались тогда вся требы, если совершавшіе ихъ, были духовныя неприслужные. При этомъ же случаѣ, дано было благословеніе генералу Мюрату и супругѣ его, Каролинѣ, которые до-сихъ-поръ еще не имѣла его, подобно многимъ другимъ мужьямъ и женамъ того времени, которыхъ бракъ бывалъ заключенъ только гражданскимъ обра-

зомъ. Генераль Бонапарте и Жозефина были въ такихъ же обстоятельствахъ. Жозефина усильно просила своего мужа присоединить религиозную связь къ гражданской, уже соединившей ихъ; но, изъ предусмотрительности ли, или изъ страха признаться предъ всеми въ невольноту контракта, связывавшаго его съ госпожею Бонапарте, первый консулъ не хотѣлъ на это согласиться.

Однажды въ декаду, какъ мы уже говорили выше, первый консулъ принималъ посланниковъ и иностранцевъ, которые были представляемы ему министрами ихъ нація. Онъ проходилъ по рядамъ собранія, всегда многочисленнаго, въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ. Госпожа Бонапарте явилась въ-слѣдъ за нимъ, въ сопровожденіи придворныхъ дамъ. Это была та же церемонія, кака я соблюдалась при другихъ дворахъ, съ меньшимъ кортежемъ адъютантовъ и фрейлинъ, но за-то съ несравненно большимъ блескомъ, окружавшимъ генерала Бонапарте. Дважды въ декаду, онъ приглашалъ къ своему столу знатнѣйшихъ особъ Франціи и Европы, и однажды въ мѣсяцъ давалъ въ Галерей-Діаны обѣдъ, къ которыму было приглашаемо иногда до ста особъ. Въ эти дни были открыты собранія въ Тюльери, куда были допускаемы высшіе сановники, посланники, особы вышшаго французскаго общества, которыя стали сближаться съ правительствомъ. Внося расчетъ даже въ малѣйшія вещи, первый консулъ предписывалъ своему семейству извѣстные наряды, чтобъ ввести ихъ черезъ подражаніе въ общее употребленіе. Онъ рекомендовалъ жень своей матерію, извѣстную подъ названіемъ *лино* (*linon*), для поощренія сен-кентенскихъ фабрикъ (*). Что до него самого, простой междъ всеми, онъ носилъ скромный егерскій мундиръ консульской гвардіи. Онъ обязалъ своихъ соврателей носить шитую золотомъ консульскую одежду и принимать у себя общество, чтобъ повторилось у нихъ, хоть съ меньшимъ блескомъ, то же, что дѣлалось въ Тюльери.

Эта зима съ 1801 на 1802 г. (X-го года) была очень-блестательна отъ тѣхъ радостныхъ чувствъ, которыя царствовали во всѣхъ классахъ. Стеченіе множества иностранцевъ много способствовало блеску зимнихъ праздниковъ. Изъ лицъ, появившихся въ Парижъ въ это время, два особенно привлекли на себя общее вниманіе: одинъ изъ нихъ былъ знаменитый Англичанинъ, другой эмигрантъ, котораго имя нѣкогда гремѣло въ свѣтѣ.

(*) Вотъ письмо, написанное изъ Сен-Кентена консулу Камбасересу:

Сен-Кентенъ, 21 янвеля IX в. (10 февраля 1801 г.)

«Мануфактуры столь интереснаго города Сен-Кентена и его окрестностей, имѣвшія 70,000 работниковъ и выпускавшія во Францію болѣе пятидесяти миліоновъ значительныхъ денегъ, уменьшились теперь на пять-шестыхъ. Жалательно было бы, чтобъ наши дамы пустили въ моду *лино*, не отдавая такого рѣшительнаго предпочтенія мусликамъ. Мысль оживить одну изъ нашихъ интереснѣйшихъ отраслей мануфактурной промышленности, которую мы имѣемъ исключительно, и доставить препитаніе такому большому числу французскихъ семействъ, прелещеетъ насъ, чтобъ ввести въ моду *лино*: къ-тому же, умъ не довадно ли дожде, *лино* былъ бы немцостя?»

Знаменитый Англичанинъ былъ Фоксъ, краснорѣчивѣйшій ораторъ Англій; знаменитый эмигрантъ былъ де-Калоннъ, бывшій министръ финансовъ, котораго гибкій и изобрѣтательный умъ умѣлъ скрывать нѣсколько времени отъ глазъ версальскаго двора пропасть, къ которой онъ шелъ большими шагами. Фоксъ нетерпѣливо желалъ увидѣть человека, къ которому чувствовалъ непреодолимое влеченіе, не смотря на свой британскій патриотизмъ. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ тотчасъ по заключеніи предварительныхъ статей мира и былъ представленъ первому консулу англійскимъ министромъ. Онъ пріѣхалъ, чтобъ видѣть Францію главу ея, но вмѣстѣ съ тѣмъ и порыться во французскихъ дипломатическихъ архивахъ, потому-что великій ораторъ-вигъ занимался тогда надолго сочиненіемъ исторіи двухъ послѣднихъ Стуартовъ. Первый консулъ далъ приказаніе, чтобъ всѣ архивы были открыты Фоксу, и сдѣлалъ ему пріемъ, могшій покорить даже врага, но очаровавшій друга, котораго онъ пріобрѣлъ себѣ одною своею славою. Первый консулъ отложилъ съ этимъ благороднымъ иностранцемъ въ сторону всякій этикетъ, тупилъ съ нимъ въ самыя дружественныя отношенія, велъ съ нимъ легкія и частыя бесѣды, и, казалось, хотѣлъ, въ его особѣ, покорить себѣ весь народъ англійскій. Часто, однакожь, они были другъ съ другомъ различныхъ мнѣній. Фоксъ былъ одаренъ тѣмъ живымъ воображеніемъ, которое дѣлаетъ ораторовъ увлекательными; но умъ его не былъ ни сложителенъ, ни практиченъ. Фоксъ вызывалъ улыбку перваго консула своею наивностью, неопытностью, странными у человека, которому было около шестидесяти лѣтъ. Первый консулъ пугалъ иногда британскій патриотизмъ Фокса громадностью своихъ очень-мало-скрываемыхъ плановъ. Однакожь, оба они сошлись между собою по уму и по сердцу, и были свѣдены другъ другомъ. Первый консулъ употреблялъ всевозможныя ранила, чтобъ показать Фоксу весь Парижъ, и иногда самъ сопровождалъ его въ публичныя заведенія. Въ то время была выставка произведеній французской промышленности, вторая со времени революціи. Всѣ были поражены успѣхомъ французскихъ мануфактуръ, которыя, посреди общихъ смутъ, принявъ, однакоже, участіе въ умственномъ движеніи, изобразили множество улучшеній и новыхъ способовъ производства. Иностранцы были, казалось, этимъ сильно поражены, особенно Англичане, хорошіе судьи въ такомъ дѣлѣ. Первый консулъ велъ Фокса въ залы этой выставки, расположенныя во дворѣ Лувра, наслаждался иногда изумленіемъ своего знаменитаго гостя. Фоксъ, среди ласкъ, которыми былъ окруженъ, высказалъ одну остроумную мысль, дѣлающую честь чувствамъ и уму этого благороднаго ювака, и доказывающую, что въ немъ справедливость въ отношеніи Франціи уживалась съ самымъ утонченнымъ патриотизмомъ. Въ одной изъ залъ Лувра находился земной глобусъ, большой, красивый, назначенный для перваго консула, и очень-искусно сдѣланный. Это изъ сопровождавшихъ перваго консула, повернувъ этотъ глобусъ, положивъ руку на Англію, сказалъ довольно-неловко, что Англія занимаетъ очень-мало мѣста на картѣ вселенной. «Да» отвѣчалъ Фоксъ живостью: «да, на этомъ острову, такомъ маленькомъ, родятся Англии»

«чانه, и на этомъ острову хотять умереть вся оип; но» присовокупилъ онъ, проводя руками вокругъ обонхъ океановъ и обонхъ Индїи: «во свъ-продолженіе своей жизни, они наполняютъ собою всю эту вселенную, аи обхватываютъ ее своимъ могуществомъ». Первый консулъ рукополагалъ такому отвѣту, исполненному гордости и такъ кстати-сказанному.

Особа, наиболее, послѣ Фокса, занимавшая общественное вниманіе, былъ экс-министръ де-Калоннъ. По ходатайству принца валлійскаго, онъ получилъ позволеніе прїѣхать въ Парижъ. Де-Калоннъ, по прїѣздѣ своемъ, говорилъ рѣчи вовсе-неожиданныя и приводившія въ смущеніе роялистовъ. Онъ не хотѣлъ служить, говорилъ онъ, новому правительству, — не могъ рѣшиться на это, будучи привязанъ къ дому Бурбоновъ; но долженъ былъ высказать правду друзьямъ своимъ. Никто въ Европѣ, по его мнѣнію, не могъ сравниться съ первымъ консуломъ. И потому не должно рассчитывать на Европу, чтобъ выжить генерала Бонапарте. Тѣмъ-болѣе не должно безчестить дела роялизма гнусными ковами, которые приводили въ ужасъ честныхъ людей всего свѣта. Изъ этихъ рѣчей всѣ заключали, что де-Калоннъ въ скоромъ времени вступитъ въ сношенія съ консульскимъ правительствомъ. Онъ видѣлся съ консуломъ Лебрёномъ, который принималъ себя роялистовъ съ позволенія перваго консула, и говорилъ съ нимъ дѣлахъ Франціи. Говорили даже, что онъ будетъ для финансовъ тѣмъ же, чѣмъ былъ Талейранъ для дипломатіи. Впрочемъ, на дѣлѣ ничеъ этого не было. Первому консулу нужно было въ людяхъ мѣне блестящаго ума, но болѣе прилежанія, чего не имѣлъ де-Калоннъ, и онъ нашелъ что ему было нужно въ Годенъ, который ввелъ отличный порядокъ въ финансахъ Франціи.

Кто бы подумалъ, что посреди столькихъ благъ, или уже совершенныхъ, или готовыхъ совершиться, могла возникнуть оппозиція, еще и сильная оппозиція? Какъ бы то ни было, она готовилась одна изъ самыхъ ожесточенныхъ, противъ лучшихъ твореній перваго консула. И не въ отчаянныхъ партіяхъ, радикально-противоположныхъ правительству перваго консула, роялистскихъ или революціонныхъ, готовилась оппозиція, но въ той самой партіи, которая желала истребленія слабой Директоріи, способствовала тому, и призвала во правительство, которое было въ одно и то же время искусно и тѣсно.

Умѣренная революціонная партія, различными способами содѣйствовавшая перевороту 18 бромѣра, съ самыхъ первыхъ дней консульства приняла два противоположныхъ направленія: одно изъ нихъ стремилось къ тому, чтобъ революція окончилась республикою демократическою умѣренною, какую Вашингтонъ основалъ въ Америкѣ; другое, что она окончилась монархіей, сходною болѣе или менѣе съ англійскою даже, еслибъ было нужно, и съ старинной французскою монархіею только безъ прежнихъ предрасудковъ, только безъ феодальнаго напора съ прибавкою величія. Наступилъ третій годъ консульскаго правленія, и, по обыкновенію, эти два противоположныхъ направленія вслѣдствіи отъ самаго своего противорѣчія; надо было вскорѣ ожидать кризиса.

Трибунатъ, бывшій въ волненіи въ предшествовавшія собранія, то по поводу законовъ о финансахъ, то по поводу особенныхъ трибуналовъ, нѣмче волновался еще болѣе при взглядѣ на все происходившее, при дѣйствіи этого правительства, шедшаго такъ быстро къ своей цѣли. Въ особенности конкордатъ приводилъ его въ негодованіе, какъ самый противореволющій актъ, какой только можно было себя представить. Гражданскій кодексъ не былъ, по его мнѣнію, довольно сообразенъ съ идеею равенства. Самые эти мирные трактаты, заключавшіе въ себя величіе Франціи, не нравились ему по своей редакціи.

Сійесъ, желая сдѣлать всякое волненіе невозможнымъ посредствомъ ихъ конституціональных предосторожностей, не успѣлъ, какъ видимъ, въ своемъ намѣреніи, потому-что конституція не создаетъ человеческихъ страстей, и не въ состояніи уничтожить ихъ: онъ только сдерживаетъ, на которой проявляются эти страсти. И дѣйствительно, трибунатъ чувствовалъ разглагольственную суетность своей роли; законодательное сословіе постигало смѣшную сторону своего молчанія, и, сверхъ-того, оно заключало въ себя много прежде-бывшихъ духовныхъ, организованныхъ аббатами Грегуаромъ въ оппозицію безмолвную, но гнѣвительную. Самый сенатъ, изъ котораго Сійесъ хотѣлъ сдѣлать богатого и покоящагося старца, былъ не такъ покоенъ, какъ онъ представлялъ: сенаторы сильно скучали своимъ празднымъ достоинствомъ. Эти учрежденія вмѣстѣ завидовали государственному совѣту, который одинъ раздѣлялъ съ первымъ консуломъ славу великихъ дѣлъ, совершавшихся ежедневно.

Такимъ образомъ, это общество, которое Сійесъ хотѣлъ, по примѣру венеціанцевъ и Генуевцевъ, усыпить чѣмъ-то въ родѣ аристократическаго пренебреженія, все еще металось, какъ больной въ горячкѣ, и могло быть укрощено, сдержано человекомъ власти, но не погружено въ мирный сонъ, съ того надвѣялся творецъ конституція.

И, странная вещь, Сійесъ, изобрѣтатель этого новаго порядка вещей, —сладствіе котораго царствовало съ одной стороны такъ много, а съ другой такъ мало дѣятельности, Сійесъ самъ сталъ томиться своимъ божественнымъ бездѣйствіемъ. Умирный и даже монархическій въ своихъ началахъ, онъ долженъ бы былъ одобрити дѣйствія перваго консула; но различныя причины—однѣ необходимыя, другія случайныя, начали спорить ихъ другъ съ другомъ. Этотъ великій созерцательный гений, доведенный до того, что только на все смотрѣлъ и ничего не дѣлалъ, долженъ былъ завидовать дѣятельному и могучему генію, ежедневно болѣе и болѣе овлаждававшему Франціею и вселенною. Сійесъ въ блистательныхъ твореніяхъ генерала Бонапарте видѣлъ уже зародки его будущахъ ошибокъ, и, если не высказывалъ этого еще громко, то намскалъ иногда своимъ молчаніемъ, или однимъ словомъ, глубокимъ, какъ и мысль его. Можетъ-быть, ежеминутная внимательность въ обхожденіи могла бы успокоить, привязать его къ первому консулу. Но тотъ уже слишкомъ считалъ себя расквитавшимся съ Сійесомъ, подаривъ ему кронскую землю, и, сверхъ-того, погружаясь въ свои огромныя работы, онъ слишкомъ пренебрегъ необыкновеннымъ

человѣкомъ, такъ благородно уступившимъ ему первое мѣсто въ день 18 бромѣра. Онъ очень-вольно говорилъ о метафизикѣ Сийеса, его безсидннотѣ честолюбіи, и эти рачи были немедленно переносимы и отвращаемы недоброжелателями. Сийесь имѣлъ вокругъ себя нѣсколько друзей, людей замѣчательныхъ, каковы де-Трасі, Гарѣ, Кабанисъ, Ланжюэне, которые вмѣстѣ съ нимъ составляли въ сенатѣ уже довольно-замѣтную оппозицію. Конкордатъ казался имъ, какъ и многимъ другимъ, самымъ поразительнымъ доказательствомъ близкой контр-революціи.

Не живя посреди собраній, первый консулъ не вдалъ искусства уживаться съ людьми, чѣмъ не пренебрегалъ и самъ Цезарь, какъ бы былъ онъ могущественъ, и чему научился онъ въ сенатѣ римскомъ. Первый консулъ выражалъ свое неудовольствіе публично, смѣло, съ сознаніемъ своей силы и своей славы, и вовсе не внималъ мудромъ Камбасересу, который, будучи опытенъ въ управленіи собраніями, напрасно совѣтовалъ ему знать мѣру и быть осторожнымъ. «Надо отвѣчать первый консулъ: «доказать этимъ людямъ, что ихъ не боятся, и они почувствуютъ страхъ, когда увидятъ, что ихъ не испугались.» Это уже, очевидно, были правы, идеи чистаго самодержавія, по мѣрѣ того, какъ приближалась минута, когда монархія должна была сдѣлаться неизбежною.

Оппозиція проявлялась не только посреди государственнхъ собраній, но и въ арміи. Масса арміи, какъ и масса націи, видя великіе результаты, полученные въ два года, была совершенно предана первому консулу. Однакожь, между начальниками находились недовольные, одни отъ чистаго сердца, другіе просто изъ зависти. Недовольными чистосердечными были честные революціонеры, которые съ неудовольствіемъ смотрѣли на возвращеніе эмигрантовъ и наскоро-предстоящую имъ обязанность показать въ церквахъ свои мундиры. Недовольными изъ зависти были смотрѣвшіе съ досадою на то, что равный имъ сначала превзошелъ ихъ въ славу, а теперь готовъ былъ сдѣлаться ихъ вѣстелиномъ. Первые принадлежали по-большой-части къ итальянской арміи, другіе къ рейнской.

Генералы итальянской арміи, вообще преданные первому консулу, но пламенные въ своихъ чувствованьяхъ, не любя ни духовныхъ, ни эмигрантовъ, жаловались на то, что изъ нихъ хотѣли сдѣлать ханжъ, и высказывали все это въ рѣчахъ оригинальныхъ и перипетичныхъ солдатамъ. Ожерѣ, Ланнъ, плохіе политики, но войны-герои, особы второй, бывшій военнымъ челоѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, позволяли себѣ самыя странныя выраженія. Ланнъ, сдѣлавшись командиромъ консульской гвардіи, распорядился сею кассою съ щедростью, которая, впрочемъ, была извѣстна первому консулу и одобряема имъ. Роскошная отель служила помѣщеніемъ штабу этой гвардіи. Ланнъ держалъ здѣсь открытый столъ для всѣхъ своихъ товарищей и изъ этихъ-то солдатскихъ пиршествахъ много говорилъ противъ правительствъ. Первый консулъ не боялся ослабленія къ себѣ приверженности изъ этихъ солдатяхъ теперь праздныхъ. Онъ былъ увѣренъ, что при первомъ знакѣ, онъ найдетъ снова всѣхъ ихъ вокругъ себя, и Ланнъ ско-

не чинь ного другаго. Однакожь, было опасно давать дольше волю этимъ оговаривать в этихъ языкахъ, и онъ позвалъ къ себѣ Ланна. Тотъ, пришедши къ короткой фамильярности съ своимъ главнокомандующимъ, озвонилъ себя некоторыя вспышки; тотчасъ укрошенный холоднымъ ампальпическимъ тономъ перваго консула. Ланна удалился, скорбя о востаніи проступкѣ, скорбя о негодованіи, которому подвергся. Въ движеніи благородной гордости, онъ хотѣлъ уплатить все издержки, сдѣланныя имъ въ кассѣ гвардіи съ согласія перваго консула. Но этотъ генералъ, столько воссавшій въ Италиі, не имѣлъ почти ничего. Ожеро, точно такой же неосторожный, но человекъ съ прекраснымъ сердцемъ, ссудилъ его суммою, составлявшею все его имущество, и сказалъ: «Вотъ, возьми эти деньги; поди къ неблагодарному, за котораго мы проливали нашу кровь, отдай ему, что должно за кассу, и не будишь больше ему обязаны, ни мы, ни другіе.» Первый консулъ не позволялъ своимъ старымъ товарищамъ по оружію, и героямъ и итальянцамъ вмѣстѣ, высвободиться изъ любви къ нему. Онъ разлучалъ ихъ. Ланна получилъ выходное мѣсто посланника въ Португалію, Ожеро получилъ приказаніе быть осторожнѣе на будущее время и возвратиться къ своей арміи.

Эти сцены съ офицерами итальянской арміи были сценами друзей, которые поссорились вчера, а сегодня обвиняются. Но болѣе-серьезны были сцены съ рейнскими генералами, болѣе-холодными и болѣе-непримиримыми. Къ-несчастью, роковой раздоръ начиналъ обнаруживаться между главнокомандующими итальянской и рейнской армій, между генераломъ Бонапарте и генераломъ Морб.

Морб, со времени австрійской кампаніи, успѣхомъ которой онъ былъ обязанъ, по-крайней-мѣрѣ отчасти, первому консулу, давшему ему начальство надъ лучшею арміею Франціи, Морб считался за втораго генерала республики. Въ основаніи, никто не ошибался на счетъ его достоинствъ: знали, что это былъ человекъ ума посредственнаго, неспособный къ великимъ соображеніямъ и совершенно-лишенный политическаго гения; но опирался на его действительныя качества генерала храбраго, благоразумнаго и мужественнаго, чтобъ представить его полководцемъ первостепеннымъ и способнымъ соперничествовать съ полководцемъ Италиі и Египта. Нартинъ владѣютъ чуднымъ инстинктомъ, чтобъ открыть слабости людей, выходящихъ изъ-подъ общаго уровня. Онъ то льстятъ имъ, то оскорбляютъ ихъ, доколь не найдутъ слабой гордыни, чрезъ которую могутъ наконецъ проникнуть въ ихъ сердце, чтобъ ввести туда свой ледъ. Онъ вскорѣ отыскали слабую сторону Морб — тщеславіе. Лестью она вдохнула въ него роковую зависть къ первому консулу, которая должна была некогда погубить его-самого. Къ совершенію несчастія, Морб вступилъ въ бракъ, который способствовалъ тому, чтобъ поставить его на эту роковую дорогу. Женщины обидѣлись, Бонапарте и Морб, перессорились между собою за пустяки, за которые спорятъ только женщины. Въ семействѣ Морб старались убедить его, что онъ долженъ быть первымъ, а не вторымъ, что генералъ Бонапарте дурно расположенъ къ нему... Морб, безхарактерный, былъ слыш-

вои-вдвигать дои-къ этии опасныи внушении. Между тѣмъ, пер-
консулъ нисколько не былъ виноватъ передъ ними; напротивъ того, о-
осыналъ его всевозможными отличіями, старался говорить о немъ
равно съ лучшей стороны, вѣсели какъ о немъ думалъ, особенно
случаю сраженія подъ Гогенлиденомъ, которое онъ провѣдѣлъ
всёуслышаніе мастерскимъ преподаденіемъ военнаго искусства, то
какъ про-себя смотрѣлъ на это дѣло болѣе какъ на удачу, неж-
какъ на ученую и обдуманную комбинацію. Зная слабости Морó, о-
обращался съ нимъ осторожно; но лишь-только Морó первый поше-
противъ него, онъ не остался въ долгу, и, съ обыкновенною яркост-
своего характера, скоро отплатилъ ему. Однажды, онъ предложилъ
рò сопровождать его на смотръ; Морó отказалъ сухо, боясь быть са-
шаннымъ съ офицерами штаба перваго консула, и представилъ въ
двигеніе, что не имѣлъ верховой лошади. Первый консулъ, оскорб-
ный этимъ отказомъ, вскоре отплатилъ ему. Въ одно изъ больш-
празднествъ, дававшихся часто, всѣ высшіе сановники были пригла-
ны на обѣдъ въ Тюльери. Морó жилъ за городомъ; но, возвратясь
канунъ по одному дѣлу, онъ пріѣхалъ къ консулу Камбасересу посо-
товаться съ нимъ объ этомъ дѣлѣ. Камбасересъ, который безпрестан-
занимался примиреніями, принялъ Морó какъ-нельзя-лучше. Увидя
что видать его въ Парижъ, онъ поспѣшилъ уведомить перваго консу-
и сильно убѣждалъ его пригласить главнокомандующаго рейнскою ар-
ею на завтрашній обѣдъ. «Онъ сдѣлалъ мнѣ публичный отказъ» от-
чалъ первый консулъ: «я не хочу подвергать себя непріятности по-
чить и другой». Ничто не могло склонить его, и на другой день, въ
время, какъ всѣ генералы и высшіе сановники республики находились
въ Тюльери, сидя за обѣденнымъ столомъ перваго консула, Мерó
мстилъ за это пренебреженіе, отправившись публично и въ штатск-
платъ обѣдать въ одинъ изъ наиболее-посѣщаемыхъ ресторановъ
столицы, съ толпою недовольныхъ офицеровъ. Это обстоятельство бо-
ло замѣчено и произвело самый неблагоприятный эффектъ.

Съ этого дня, т. е. съ осени 1801 г., генералы Бонапартъ и Мо-
обнаруживали другъ къ другу величайшую холодность; это скоро ста-
лось всѣмъ извѣстно, и непріязненные партіи сплели этии воспо-
зоваться. Онъ принялся превозносить похвалами генерала Мерó
ущербъ генералу Бонапарту, и старался исполнить оба эти сер-
ломъ ненависти. Эти подробности покажутся, быть-можетъ, неинте-
ными исторіи, но все, что раскрываетъ людей, даже самыя жал-
ничтожности великихъ земли, — все это достойно исторіи, потому-что
что можетъ научить, ей принадлежитъ.

Засѣданіе X года было открыто 1-го Фриера (22-го ноября 1801 г.)
по назначенію самой конституціи. По-истинѣ, консульское правитель-
могло теперь съ гордестію явиться предъ законодательное собраніе
влодами дѣлъ своихъ. Миръ, заключенный съ Россією, Англією, гер-
манскими и итальянскими государствами, Португалією, Португо; проектъ
примиренія съ церковью, окончивавшій религиозныя волненія; граждан-
скій кодексъ — памятникъ, бывшій въ послѣдствіи удачливѣеи дѣлѣ

цита; законы о народномъ просвѣщеніи, о почетномъ-легіонѣ и о множествѣ другихъ важныхъ предметовъ; финансовыя проекты, приведеніе государственныхъ доходовъ и расходы въ совершенное равновѣсіе: что можно было представить націи болѣе-полнаго, болѣе-чрезвычайнаго! И однакоже, все это было очень-дурно принято.

Гражданскій кодексъ подвергся сильному порицанію, особенно въ тринадцать. Оппоненты изъявили прежде всего величайшее удивленіе, видя этотъ кодексъ столь простымъ, столь-мало новымъ. Какъ, только-то! говорили они; но въ этомъ проектѣ нѣтъ никакой новой концепціи, нѣтъ никакого великаго законодательнаго творчества; это просто переводъ правъ римскаго или обычнаго. Взвали Домата, Потье, Институдіи Юстиніана, изложили по-французски все, что въ нихъ содержится, раздѣлили все это на статьи, связали статьи нумерами болѣе, нежели логическою послѣдовательностью, и послѣ-того выдають Франціи эту компиляцію за памятникъ, имѣющій право на ся удивленіе и уваженіе! Гг. Бенжаменъ-Константъ, Шенье, Генгенё, Анриё, которыхъ способности были достойны лучшаго употребленія, свѣдѣлись надъ государственнымъ совѣтниками, говорили, что это были прокуроры, руководимые солдатами и выпустившіе эту пошлую компиляцію подъ пышнымъ именемъ гражданскаго кодекса Франціи.

Отдѣлъ кодекса о пользованіи гражданскими правами и о лишеніи этихъ правъ былъ отвергнутъ огромнымъ большинствомъ.

Гнѣвъ перваго консула достигъ до высшей степени, и онъ во всеуслышаніе возвѣстилъ рѣшимость свою сокрушить препоны, которыя старались противоположить всякому его благому начинанію.

Консулъ Камбасересъ далъ благоразумный совѣтъ взять обратно гражданскій кодексъ, прервать засѣданіе, упразднить все совѣщательныя собранія, а между-тѣмъ воспользоваться 38 статьею конституціи, которая состояла въ слѣдующемъ: *Первое возобновленіе законодательнаго сословія и трибуната будетъ не ранѣе, какъ въ-теченіе X года.*

Теперь былъ X годъ (1801—1802). Могли выбрать такое время года, какое желали, для того, чтобъ совершить это возобновленіе. Могли, на-прим., приступить къ тому въ-теченіе зимы, въ пловыйозъ или вантаозъ; исключить тогда пятую часть членовъ трибуната и законодательнаго сословія, т. е. двадцать членовъ изъ трибуната, шестьдесятъ изъ законодательнаго сословія, исключить такимъ-образомъ самыхъ непріязненныхъ, замѣнить ихъ людьми благоразумными и спокойными, и открыть весною экстра-ординарное засѣданіе, въ которое могли бы быть утверждены законы, теперь встрѣтившіе такую сильную оппозицію. Камбасересъ ручался, что сенатъ склонится на такое истолкованіе 38 статьи и на замѣщеніе оппонентовъ людьми, преданными правительству. Первыи консулъ изъявлялъ согласіе на этотъ планъ; онъ радъ былъ какии бы то ни было способомъ избавитъ отъ людей, мешавшихъ ему дѣлать Франціи добро. Онъ самъ написалъ воззваніе къ законодательному сословію о возвратѣ обратно проекта гражданскаго кодекса, въ слѣдующихъ благородныхъ и строгихъ выраженіяхъ:

«Законодатели!»

«Правительство рѣшилось взять обратно проекты закона о гражданскомъ кодексѣ.

«Съ трудомъ находить оно себя вынужденнымъ отложить до другаго времени законы, ожидаемые націю съ такимъ нетерпѣніемъ; но оно суждалось, что еще не настало время, когда на большихъ совѣщаніяхъ будутъ царствовать необходимыя для нихъ тишина и единство.

Эта заслуженная строгость произвела величайшій эффектъ. Законодательное сословіе, пораженное такимъ ударомъ, упало къ ногамъ правительства. Въмѣсто дружнаго сопротивленія воля перваго консула, законодательное сословіе и сенатъ, испуганные, дали теперь преимущество кандидатамъ, предложеннымъ первымъ консуломъ на вакантныя мѣста къ сенатъ.

Оппоненты въ трибунатѣ подняли громкіе крики на слабость сената, — слабость, которой вскорѣ они должны были сами подражать, и даже превзойти ее.

Планъ, принятый правительствомъ, былъ немедленно приведенъ въ исполненіе. Законодательныя работы были приостановлены, и публично объявлено, что первый консулъ оставляетъ Парижъ и ѣдетъ на мѣсяцъ въ Ліонъ. Предметъ этой поездки заключалъ въ себя обычное величіе дѣйствій генерала Бонапарте. Дѣло шло о томъ, чтобъ дать конституцію Цизальпийской-Республикѣ, и пятьсотъ депутатовъ всѣхъ возрастовъ, всѣхъ состояній, переезжали въ эту минуту чрезъ Альпы, въ жестокую зиму, чтобъ составить въ Ліонѣ огромный сеймъ, подъ именемъ консулыты, и принять отъ руки генерала Бонапарте законы, назначеніе правительственныхъ лицъ, цѣлое правительство.

Никто болѣе не занимался ни законодательнымъ сословіемъ, ни трибунатомъ, которые рѣшительно были упразднены. Они были такъ-образомъ приведены въ затруднительное положеніе своимъ бездѣйствіемъ и переняли на себя предъ цѣлою Франціею отвѣтственность за совершенную остановку благихъ и полезныхъ работъ правительства.

Было условлено, что, въ отсутствіе перваго консула, Камбасерезъ, владѣвшій особеннымъ искусствомъ вертѣть сенатомъ по-своему, возьмется заставить его истолковать 38 статью конституціи такъ, какъ было надо, и самъ будетъ наблюдать за исключеніемъ двадцати и шестидесяти членовъ, которыхъ хотѣли вытѣснить изъ трибуната и законодательнаго сословія.

До отъѣзда, первому консулу предстояло еще заняться двумя важными дѣлами: экспедиціей въ Сен-Доминго и амьенскимъ конгрессомъ. Второе дѣло задержало его дольше, нежели какъ онъ полагалъ.

Страсть къ отдаленнымъ обладаніямъ была старинною французскою страстью, которую пробудило царствованіе Людовика XVI, очень-благопріятное для морскихъ силъ, и отъ которой еще не отвѣдали Францію большія неудачи на морѣ. Колоніи были тогда предметомъ самаго горячаго желанія со стороны всѣхъ торговыхъ націй. Египетская экспедиція, придуманная съ цѣлью оспорить у Англичанъ владычество Индію, была слѣдствіемъ этой всеобщей склонности, и дурной исклъ

той экспедиція заставила сильно желать возмездія за Египеть. Первый консулъ готовилъ два такія возмездія: Луизиану и Сен-Доминго, онъ отдалъ Тоскану, эту прекрасную и драгоценную часть Италіи, испанскому двору, чтобъ получить въ обмѣнъ Луизиану, и въ эту минуту требовалъ исполненія обещанія, сдѣланнаго этимъ дворомъ. Въ то же время онъ рѣшился возвратити Франціи островъ Сен-Доминго. Этотъ островъ, до революціи, былъ первымъ, самымъ важнымъ изъ Антильскихъ-Острововъ и самую завидною изъ колоній, доставлявшихъ сахаръ и кофе. Безразсудства Законодательнаго-Собранія заставили невольниковъ возмутиться и были причиною столь печально-истопытательныхъ ужасовъ, которыми свобода черныхъ ознаменовала свое появленіе на свѣтъ. Негръ, одаренный истиннымъ гениемъ, Туссен-Лувертиёръ, совершилъ на Сен-Доминго нечто подобное тому, что совершилъ во Франціи первый консулъ. Онъ укротилъ, управилъ то возмущившееся народонаселеніе и возстановилъ нѣкоторый порядокъ. Благодаря ему, уже не было больше рзыни на Сен-Доминго, и тамъ уже начинали работать. Онъ придумалъ конституцію, которую повергъ предъ первымъ консуломъ, и обнаруживалъ къ метрополи роль національной привязанности. Этотъ негръ чувствовалъ къ Англіи глубокое нерасположеніе; онъ хотѣлъ быть свободнымъ и Французомъ. Первый консулъ, сначала, допустилъ этотъ порядокъ вещей; но скоро въ немъ пробудилось сомнѣніе насчетъ вѣрности Туссен-Лувертиёра, и не желая сдѣлать снова негровъ невольниками, онъ рѣшился воспользоваться перемиріемъ на моряхъ, чтобъ отправить въ Сен-Доминго эскадру и войско... Первый консулъ имѣлъ, въ-отношеніи къ чернымъ, завршеніе поддержать то положеніе дѣлъ, которое было вызвано самими обстоятельствами. Онъ хотѣлъ во всехъ колоніяхъ, куда не проникло возмущеніе, сохранить невольничество, смягчивъ однако его, и на Сен-Доминго терпѣть свободу, сдѣлавшуюся неукротимою. Но онъ хотѣлъ обезпечить владычество метрополи на этомъ послѣднемъ островѣ, и для того имѣть тамъ войско. Въ случаѣ, еслибъ черные, оставшись свободными, сдѣлались невѣрными подданными, или еслибъ Античапе снова начали войну, онъ имѣлъ намѣреніе, не нарушая свободы черныхъ, возвратити плантаціи прежнимъ ихъ владѣльцамъ, аполнявшимъ Парижъ своею нищетою, своими жалобами, своими проклятіями противъ правительства Туссен-Лувертиёра. Многіе французскіе дворяне, уже лишенные революціею своихъ имуществъ во Франціи, были въ то же время и владѣльцами на Сен-Доминго, и сперъ были лишены своихъ богатыхъ владѣній на этомъ островѣ. Они хотѣли возвратити имъ ихъ имуществъ во Франціи, сдѣлавшихъ ихъ національными; но могли возвратити имъ ихъ сахарныя и кофейныя плантаціи на Сен-Доминго, и это было удовлетвореніемъ, которое, казалось, могло ихъ удовлетворить. Таковы-то были различныя побужденія, имѣвшія вліяніе на рзынность первого консула. Возвратити Франціи самую большую изъ ея колоній и присоединити къ ней жемчужины Антильскихъ-Острововъ устья Миссиссипи, чрезъ робрѣтеніе Луизианы,—таковы были планы первого консула, планы,

достойные сожалѣнія, какъ увидимъ вкось, но предписанныя такъ-сказать расположеніемъ умовъ, которое было обще во Франціи въ эту эпоху.

Необходимо было торопиться, потому что, хотя окончательныя миръ, о которомъ теперь шло дѣло на амьенскомъ конгрессѣ, былъ почти-несомнѣнъ, однако, на всякій случай, еслибъ Англичане предъявили новыя и несбыточныя притязанія, надо было воспользоваться нѣсколькими-мѣсяцами, въ-продолженіе которыхъ море будетъ открыто, и отправить флотъ. Первый консулъ изготовилъ 26 линейныхъ выхъ кораблей и 20 фрегатовъ, на которыхъ могло помѣститься 20,000 человекъ. Онъ ввѣрилъ начальствованіе надъ этою эскадрою адмиралу Вилларе-Жуайёзу, а начальствованіе надъ войсками генералу Леклерку, одному изъ лучшихъ офицеровъ рейнской арміи, женившемуся на сестрѣ его, Полипѣ. Первый консулъ требовалъ, чтобы и сестра ея послѣдовала за своимъ мужемъ. Онъ пыталъ къ ней нѣжнѣйшую привязанность: такимъ-образомъ онъ посылалъ туда все, что имѣлъ нѣболѣе-драгоценнаго, а не хотѣлъ, какъ говорили въ-послѣдствіи партіи, сослать въ страну лихорадочнаго и смертельнаго климата солдатъ и генераловъ рейнской арміи, затмѣвавшихъ его-самого. Другое обстоятельство служило доказательствомъ побужденію, которое руководило имъ при сформированіи корпуса, отправленнаго въ Сен-Доминго. Такъ-какъ казалось, что миръ долженъ быть всеобщимъ и съ-этихъ-поръ прочнымъ, то военные люди опасались, что имъ не будетъ болѣе карьеры. Множество изъ нихъ наперерывъ просилось въ эту экспедицію, и считало такое назначеніе за большую милость. Храбрый Ришпансъ, этотъ герой германской арміи, данъ былъ въ помощники генералу Леклерку.

Первый консулъ съ своею обычною быстротою дѣлалъ все эти приготовления и торопился какъ только могъ отправленіемъ этого флота сваржавшагося отъ береговъ Голландіи до южной оконечности Пуэрто-Ренейскаго-Полуострова. Тамъ временемъ, надо было объясниться по этому предмету съ англійскими министрами, которые очень-подозрительно смотрѣли на такое огромное вооруженіе. Было довольно-трудно разуверить ихъ, хотя въ сущности они даже желали этой экспедиціи. Они не хотѣли въ то время такъ пламенно освобожденія негровъ, какъ, казалось, хотѣли того въ-послѣдствіи. Зрѣлище свободы черныхъ на Сен-Доминго приводило ихъ въ страхъ за ихъ собственныя колоніи, особенно за Ямайку. И потому они желали успѣха вашему предприятию; но ихъ страдалъ размахъ средствъ, и они хотѣли, чтобы воиска были перевезены на купеческихъ судахъ. Впрочемъ, удалось наконецъ вразумить ихъ; они согласились пропустить эту огромную армаду, послать, однакожь, за ней обсерваціонную эскадру. Они обѣщали даже предоставить вся ямайскіе запасы продовольствія и военныхъ сварадовъ въ распоряженіе французской арміи, разумѣется, съ платою за то, что будетъ ей отпущено. Главная дивизія, сформированная въ Брестѣ, вышла въ море 14 декабря. Другія вкось послѣдовали за нею. Въ концѣ декабря вся экспедиція была въ морѣ и, следовательно, должна

шла прибыть въ Сен-Доминго, каковъ бы ни былъ результатъ амьенскихъ переговоровъ.

Эти переговоры, ведомые лордомъ Корнуаллисомъ и Юсефомъ Бонапарте, шли тихо; впрочемъ, нельзя было опасаться разрыва.

Первый консулъ старался кончить это дѣло какъ-можно-скорѣе. Онъ желалъ имѣть этотъ трактатъ уже готовымъ по возвращеніи своемъ изъ Ліона, потому-что предполагалъ внести это довершеніе всеобщаго мира, вмѣстѣ съ конкордатомъ и законами о финансахъ, въ обновленное законодательное сословіе. По этому онъ далъ приказаніе брату своему Юсефу быть сговорчивымъ касательно мелочныхъ подробностей, и торопиться подписать трактатъ.

Первый консулъ отправился 8 января (18 нивоза) съ женою и частью своего военного двора въ Ліонъ. Талейранъ похалъ туда прежде его съ намѣреніемъ все уладить такъ, чтобъ первому консулу, по приѣздѣ, пришлось только осветить своимъ присутствіемъ уже готовые результаты.

Наступило время устроить итальянскія дѣла, дать вторично конституцію Цизальпинской-Республики.

Генералъ Бонапарте отдалъ Цизальпинской-Республикѣ всю Ломбардію до Эча, Легаціи, Моденское-Герцогство, словомъ все, что принадлежало ей по кампо-форміоскому трактату. Пармское-Герцогство не имѣло еще опредѣлительнаго назначенія; Пьемонтъ въ настоящее время принадлежалъ Франціи. Цизальпинская-Республика въ этомъ составѣ имѣла до 5,000,000 жителей. Она легко могла получать дохода отъ 70 до 80 милліоновъ; изъ этого она могла, между-прочимъ, содержать войско въ 40,000 человекъ. Она отсюду была окружена владѣніями, находившимися подъ покровительствомъ Франціи. Огромныя фортификаціонныя работы, назначенныя генераломъ Бонапарте, съ вѣрностью зрѣлаго и знавшаго мѣстности ему только свойственными, должны были дѣлать эту страну недоступною Австріяцамъ и всегда могущею получить въ-время помощь отъ Франціи.

Надо было дать правительству этой Цизальпинской-Республики. Съ такою цѣлью учреждены были временныя власти, а именно, исполнительный комитетъ изъ трехъ членовъ и консульта, нечто въ родѣ очень-немногочисленнаго законодательнаго собранія. Но этотъ порядокъ вещей не могъ быть продолжителенъ.

Первый консулъ имѣлъ при себѣ, въ Парижѣ, министра Цизальпинской-Республики, Марескальки, и еще гг. Альдини, Сербеллони и Мельци, присланныхъ во Францію для итальянскихъ дѣлъ. Это были наиболѣе-значительные люди этой страны. Первый консулъ совѣтовался съ ними на счетъ того, какую дать конституцію новой республикѣ, и съ ихъ согласія, начерталъ конституцію, которая была подражаніемъ французской и стариннымъ итальянскимъ конституціямъ. Во главѣ республики должны были находиться президентъ и вице-президентъ, избираемые на десять лѣтъ.

Когда первый консулъ уговорился касательно этого предначертанія съ гг. Марескальки, Альдини, Мельци и Сербеллони, надо было заняться выборомъ лицъ новаго правленія. Но Италия была раздѣлена

на партіи, которыя трудно было согласить между собою. При такомъ порядкѣ дѣлъ, отъ системы выборовъ, подобно тому, какъ и во Франціи, нельзя было ожидать здѣсь удовлетворительныхъ результатовъ. По-этому первый консулъ рѣшился самъ сдѣлать назначенія на всѣ правительственныя мѣста. Въ этомъ дѣлѣ, онъ былъ одушевленъ только желаніемъ добра, и, во всякомъ случаѣ, имѣлъ безъ сомнѣнія право такъ дѣйствовать, потому-что новое государство рождалось чисто по его волѣ, и, создавая его такъ произвольно, онъ имѣлъ конечно право создавать его сообразно съ своею мыслію, которая, въ этомъ случаѣ, была совершенно-чиста и возвышенна.

Но, посреди всѣхъ этихъ назначеній, труднѣе всего было избрать президента. Италия, всегда управлявшаяся духовными или иностранцами, не могла родить государственныхъ людей; она не произвела ни одного имени, предъ которымъ другія должны были бы согласиться стать въ тѣни. Первый консулъ задумалъ еще, чтобъ ему-самому дали титулъ президента, съ тѣмъ, чтобъ назначить себя вице-президента, на котораго бы онъ возложилъ всѣ подробности дѣлъ, предоставивъ себѣ главное ихъ направленіе. Все это слѣдовало облечь большою торжественностью, посреди которой должна была быть дана конституція новому государству и провозглашены новыя правительственныя власти. Надо было произвести впечатлѣніе и на Италію и на Европу. Первый консулъ придумалъ собрать всѣхъ итальянцевъ въ Ліонъ, потому-что для нихъ было бы очень-далеко отправляться въ Парижъ, а для него очень-далеко ѣхать въ Миланъ. Городъ Ліонъ, въ которомъ Италия нѣкогда собиралась на соборъ, былъ мѣстомъ наиболее для того удобнымъ. Сверхъ-того, первому консулу казалось очень-важнымъ собрать вмѣстѣ Французовъ и итальянцевъ. Онъ думалъ даже чрезъ это способствовать возстановленію торговли обѣихъ странъ, потому-что въ Ліонѣ же мѣнялись нѣкогда произведенія Ломбардіи на произведенія восточныхъ французскихъ провинцій.

Нѣкоторыя изъ этихъ идей были сообщены Талебраномъ итальянцамъ, находившимся въ Парижѣ, т. е. гг. Марескальки, Альдини, Сербелони и Мельци. Передъ ними умолено только было предположеніе вручить президентство первому консулу. Хотѣли, чтобъ это устроилось само-собою въ порывѣ энтузіазма, въ самую минуту собранія консулы.

Проектъ конституція не встрѣтилъ въ Миланѣ никакихъ возраженій. Онъ былъ принятъ съ великимъ удовольствіемъ, потому-что желало поскорѣе выйти изъ настоящаго шаткаго положенія и получить болѣе-прочное, вѣрное существованіе. Временное правительство вручило первому консулу право избрать всѣ власти.

Надо было расположить итальянцевъ прибыть въ Ліонъ. Такая торжественность должна была поправиться итальянскому воображенію, и потому это предположеніе было немедленно одобрено. Избраны депутація отъ духовенства, дворянства, владѣльцевъ большихъ собственности, отъ торговаго сословія, университетовъ, трибуналовъ, національной гвардіи. Такимъ-образомъ, было назначено четыреста-пятьдеся-

ить два osoby, въ числѣ которыхъ находились почтенные прелаты, бременные лѣтами: изъ нихъ нѣкоторые не вынесли тягости пути. Они отправились въ декабрь и совершили переходъ чрезъ Альпы въ одну изъ жесточайшихъ зимъ, какой давно не бывало. Вся къ нимъ присутствовать на этомъ провозглашеніи независимости своего государства героизмъ, который даровалъ ему освобожденіе. Первый консулъ, заботившійся обо всемъ, далъ приказаніе, чтобъ все было приготовлено къ услугамъ, какъ по дорогѣ, такъ и въ самомъ Лионѣ, для нихъ представителей итальянской національности, которые своимъ присутствіемъ должны были напомнить ему о его первыхъ и лучшихъ обязанностяхъ. Ронскій префектъ сдѣлалъ большія приготовления для ихъ приѣзда и приготовилъ большія, прекрасныя залы для предстоящихъ торжествъ. Часть консульской гвардіи послана въ Лионъ, египетская армія, прославившаяся нѣкогда подвигами въ Италіи и перво-высаженная на берегъ Европы, также должна была приѣхать сюда. Спѣшили одѣть ее великолѣпно и сообразно съ климатомъ Франціи, который казался совершенно чуждымъ этимъ солдатамъ, загорававшимся отъ египетскаго солнца и превратившимся въ совершеннойшихъ фриканцевъ. Лионская молодёжь была собрана и сформирована въ кавалерійскій корпусъ, имѣвшій оружіе и одежду древней лионской городской общины. Талейранъ и Шапталъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, были прежде перваго консула, чтобъ принять членовъ консульства, префекты, власти двадцати департаментовъ были собраны въ Лионѣ, первый консулъ заставилъ себя ждать, по случаю амьенскаго конгресса, котораго переговоры задержали его въ Парижѣ несколькими днями. Итальянскіе депутаты начинали приходять въ нетерпѣніе. Чтобы унять ихъ, ихъ раздѣлили на пять отдѣленій, по одному на каждую провинцію новаго государства, и предложили имъ на разсужденіе проектъ конституціи. Они сдѣлали полезныя замѣчанія, которыя Талейранъ былъ приказаніе выслушивать, взвѣшивать и принимать, не касаясь никоимъ образомъ основныхъ началъ проекта. За исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, которыя были видоизмѣнены, новая конституція была единогласно одобрена. Предложили также цезарьскимъ депутатамъ, чтобъ обмануть ихъ нетерпѣніе, составить списки кандидатовъ, для того, чтобъ помочь первому консулу въ назначеніи многочисленныхъ правительственныхъ лицъ.

Первый консулъ прибылъ 11 января 1802 г. (21 нивоза). Жители ливорнскіе, собравшись на прозѣжихъ дорогахъ, ждали его день и ночь, а гнали около большаго разожженныхъ огней и бѣжали навстрѣчу всякой каретѣ, вѣхавшей изъ Парижа, съ криками: *да здравствуетъ императоръ!* Наконецъ, первый консулъ показался и доѣхалъ до Лиона среди непрерывныхъ изъявленій энтузіазма. Онъ вступилъ туда въ сопровожденіи своей жены, усыновленныхъ дѣтей, адъютантовъ, и былъ встреченъ министрами, гражданскими и военными властями, итальянскою депутаціею, штабомъ египетской арміи и лионскою молодёжью на коняхъ. Городъ, весь иллюминированный, блисталъ въ ясный день. Первый консулъ въѣхалъ въ триумфальныя ворота

надъ которыми находилась эмблема консульской Франціи: то былъ и-
счезшій левъ.

На слѣдующій день, первый консулъ принималъ всѣ депутаціи отъ
департаментовъ, а послѣ нихъ итальянскую консульту, въ которой было
четыреста-пятьдесятъ членовъ на-лицо изъ числа четырехъ-сотъ пяти-
десяти-двухъ, — примѣръ рѣдкой точности, если принять во вниманіе чи-
сло лицъ, время года и разстояніе; къ-тому же, одинъ изъ отсутство-
вавшихъ былъ почтенный миланскій архіепископъ, скончавшійся у Та-
лейрана отъ припадка апоплексіи. Итальянцы, съ которыми первый кон-
сулъ говорилъ на ихъ языкъ, были очарованы, увидѣвъ его оальт и
найдя въ немъ вмѣстѣ и Француза и Итальянца. Энтузіазмъ каждый
день возрасталъ, и посреди этого-то всеобщаго увлеченія, которое пе-
редавали другъ другу обѣ сблизившіяся націи, родилась идея назначить
перваго консула президентомъ Цизальпинской-Республики. Убѣдили гра-
жданина Мельца принять на себя вице-президентство. Не терпя вре-
мени, и 25 января (5 плювіоза) проектъ былъ представленъ собранію
консульты. Она приняла его съ восторгомъ и провозгласила Наполе-
она Бонапарте президентомъ Итальянской-Республики. Здѣсь въ пер-
вый разъ были соединены другъ съ другомъ эти два имени: Наполе-
онъ и Бонапарте.

Между-тѣмъ, какъ происходили эти событія, генералъ итальянской
и египетской арміи дѣлалъ смотръ своимъ старымъ солдатамъ. Еги-
петскія полубригады были присоединены къ консульской гвардіи, къ
многочисленнымъ отрядамъ войскъ и къ діонской милиціи. Въ этотъ
день, густой зимній туманъ разсѣялся, и при сіяніи солнца, на же-
стокомъ морозѣ генералъ Бонапарте проѣзжалъ передъ фронтомъ сво-
ихъ старыхъ полчищъ, которыя принимали его съ невяротнымъ вос-
торгомъ. Египетскіе и итальянскіе солдаты, восхищенные тѣмъ, что
нашли столь великимъ этого сына своихъ подвиговъ, приветствовали
его кликами и желали убить его, что они не перестали быть ег-
достойными, хотя ими и предводительствовали вожди, не стоящіе въ
онъ вызывалъ изъ рядовъ старыхъ гренадеровъ, говорилъ съ ними
о выдержанныхъ ими битвахъ, о полученныхъ ими ранахъ; тамъ-и-слѣ-
онъ узнавалъ офицеровъ, съ которыми встрѣчался не разъ, возиалъ
всѣмъ имъ руки и вѣшалъ имъ какое-то упоеніе, которымъ не могъ
не увлечься и самъ въ присутствіи этихъ храбрыхъ людей, помогшихъ
ему своею преданностью провзвести чудеса; чудесами этими теперь на-
слаждался онъ самъ и вмѣстѣ съ ними наслаждалась вся Франція.
Сцена происходила на развалинахъ Белькура и изглаживала плачечность
этого мѣстоположенія, подобно тому, какъ слава заглаживаетъ несчастіе.

По возвращеніи со смотра, первый консулъ нашелъ у себя депутацію
консульты, принялъ ея просьбу, объявилъ, что соглашается на нее
и что отвѣтитъ завтра на этотъ новый актъ довѣренности къ немъ
итальянской націи.

На слѣдующій день, 26 января (6 плювіоза), онъ отправился въ
мѣсто, назначенное для общаго засѣданія консульты. Это было въ
большой церкви, устроенной и украшенной нарочно для этой цѣли.

и все происходило какъ при королевскомъ засѣданіи, во Франціи, или въ Англіи. Первый консулъ, окруженный своимъ семействомъ, французскими министрами, множествомъ генераловъ и префектовъ, находился на эстрадѣ. Онъ сказалъ на итальянскомъ языкѣ, на которомъ онъ произнесъ превосходное произношеніе, простую и короткую рѣчь, въ которой выразилъ свое согласіе, свои виды относительно правленія и благодѣянія новой республики, и провозгласилъ назначеніе главнѣйшихъ правительственныхъ лицъ, сообразно съ желаніями консульта. Его слова были заглушены кликами: *Да здравствуетъ Бонапарте! Да здравствуетъ первый консулъ Французской-Республики! Да здравствуетъ президентъ Итальянской-Республики!* Вследъ за тѣмъ была прочитана конституція и списокъ гражданъ, долженствовавшихъ способствовать приведенію ея въ исполненіе. Это засѣданіе было торжественно и величественно; оно положило достойное начало существованію новой республики, которая должна была впредь называться Итальянскою-Республикою. При этомъ случаѣ, какъ и при многихъ другихъ, надо было поздравить только одного генералу Бонапарте: чтобъ геній-хранитель соединился въ этомъ любимцѣ счастья съ геніемъ-звѣздочетомъ.

Первый консулъ уже три недели былъ въ Ліонѣ. Правленіе Франціею требовало его присутствія въ Парижѣ, и ему должно было исполнить послѣднія распоряженія для подписанія окончательнаго мира, которому шли переговоры на амьенскомъ конгрессѣ. Въ то время, консулъ Камбасересъ и сенатъ старались избавить его отъ безразсудныхъ противниковъ, которые такъ жестоко дѣйствовали наперекоръ ему, въ такую минуту, когда онъ того наименѣе заслуживалъ. Онъ скоро уже могъ снова приняться за этотъ длинный рядъ работъ, ставшихъ счастіемъ и величіемъ Франціи. И потому онъ спѣшилъ возвратиться въ Парижъ, снова приняться за свои обычные занятія, и думать тамъ, что казалось вѣроятнымъ, за свои подвиги новое величіе, справедливое возмездіе благороднѣйшему, плодотворнѣйшему честолюбію, какое только когда-либо бывало въ свѣтѣ.

Онъ отправился 28 января (8 пловіоза), оставивъ Итальянцевъ сполнавшихъ энтузіазма и надежды, оставивъ Ліонцевъ, восхищенныхъ тѣмъ, что они видѣли у себя нѣсколько дней этого необыкновеннаго человека, который наполнялъ весь свѣтъ своимъ именемъ, и который обнаруживалъ къ ихъ городу такое явное пристрастіе. Уважая, первый консулъ пожаловалъ три шарфа тремъ мэрамъ города Ліона, въ память этого славнаго посѣщенія. Жители Бордо прислали къ нему депутацію съ просьбою посвятить ихъ городъ. Онъ обещалъ имъ это, если-только удосужится по заключеніи окончательнаго мира. 31 января (11 пловіоза), вечеромъ, онъ прибылъ въ Парижъ.

Поездка первого консула въ Ліонъ была предпринята съ намѣреніемъ исполнить Итальянско-Республикѣ конституцію и правительство, сообразно съ интересами Италіи и Франціи. Она была предпринята также съ намѣреніемъ привести оппозицію въ затруднительное положеніе, подорвать довѣреніе къ ней народа, оставивъ ее въ бездѣйствіи, и доказавъ, что съ нею невозможно общественное благо; наконецъ, дать консулу Камбасересу

время исключать из законодательнаго сословія и трибуната цѣлоу безпокойныхъ членовъ.

Консуль Камбасерестъ, при пособіи ученаго юрисконсульта Тронсасположилъ сенатъ къ желаемому истолкованію 38 статьи конституціи. Очень-значительнымъ большинствомъ было рѣшено, что пятая часть членовъ обонхъ законодательныхъ сословій будетъ переизбрана по лотировкѣ, а не по жребію. Но этому акту старались придать насколько-благовидную форму, и положили балотировать не тѣхъ, которые желали бытъ исключены, а тѣхъ, которые должны были остаться. Сенаторы, наиболее-преданные правительству, были посвящены въ тайну, отъ котораго изъ членовъ оно желало избавиться. Шестьдесятъ членовъ законодательнаго сословія, оказавшіе наибольшее сопротивление проектамъ перваго консула, особенно проекту возстановленія божества, двадцать наиболее-безпокойныхъ членовъ трибуната, были исключены (*éliminés*). Главнѣйшіе изъ этихъ двадцати были: Шенгенвэ, Шазаль, Бальё (*Baillet*), Куртуа, Ганьяль, Дюу и Бажиде Констанъ.

Таковъ былъ конецъ не трибуната, который продолжалъ существовать еще несколько времени, но минутной значительности, приобретенной этимъ учрежденіемъ. Можно было бы пожелать, чтобъ первый консуль, столь исполненный славы, столь обезпеченный всеобщимъ любованіемъ Франціи отъ всякой непримиримой оппозиціи, не обращалъ вниманія на нѣсколькихъ безсильныхъ порицателей. Но на этомъ сраженіи встрѣчается рѣже, нежели ловкость, — рѣже, нежели смѣлость или мудрость предполагаетъ победу человека надъ собственными силами страстями, побѣду, къ которой великіе люди неспособны и своихъ дѣтей міра. Надо признаться, что въ этомъ случаѣ, первый консуль поступилъ не благоразумно, и одно только можно привести ему оправданіе, именно, что такая оппозиція, ободренная его твердостью, сдѣлалась бы, можетъ-бытъ, болѣе чѣмъ безпокойною, — опасною даже непреодолимою, если бы въ ней приняло участіе большинство законодательнаго сословія и сената, а это было возможно. Такое оправданіе имѣетъ некоторое основаніе и доказываетъ, что бываютъ времена, когда диктатура дѣлается необходимою.

Что до этой оппозиціи трибуната, то она вовсе не заслуживаетъ похвалы, которыми часто превозносили ее. Она противилась гражданскому кодексу, возстановленію алтарей, словомъ, лучшимъ намърѣніямъ перваго консула, и въ молчаніи смотрѣла на осужденіе несчастныхъ революціонеровъ, сосланныхъ безъ суда за адскую машину, въ которой они были невинны. Если, впрочемъ, несправедливое чувство свободы вдохновляло многихъ изъ нихъ, за то другіе очевидно дѣйствовали изъ зависти, которая возмущала трибуналъ противъ государственнаго совѣта, — людей, вынужденныхъ бездѣйствовать, противъ тѣхъ, которые имѣли привилегію все дѣлать. Итакъ, они совершили тяжкія ошибки, и, къ несчастію, вызвали не менѣе-тяжкія со стороны перваго консула: плачевное сдѣяніе обстоятельствъ, которое такъ часто прихо-

ится наблюдать исторію въ нашей бурной вселенной, гдѣ вѣчный двигатель — страсти человѣческія...

Между лицами, вновь-введенными въ трибунатъ, находился Люсі-нъ Бонапарте, возвратившійся изъ Испаніи послѣ посольства, которое принесло больше хлопотъ, нежели пользы; онъ показывалъ видъ, что не жаждетъ ничего, кромѣ спокойнаго существованія, употребленнаго на службу брату, въ пѣдръ одного изъ важнѣйшихъ государственныхъ собраній, вмѣстѣ съ нимъ ввелъ и Карно, который недавно оставилъ военное мѣстопребываніе, гдѣ не умѣлъ поправиться первому консулу. Карно былъ расположенъ къ консульскому правительству не болѣе только-что исключенныхъ трибуновъ; но это былъ человекъ, уважаемый всеми; оппозиція его должна была быть мало-дѣятельна, но революція не могла оставить его въ тѣни, не сдѣлавшись виновною въ ужасной неблагодарности,

Между-тѣмъ, первый консулъ прибылъ въ Парижъ послѣ двадцатипяти-дневнаго отсутствія. Теперь все было покорно: волненія обѣихъ законодательныхъ собраній было усмирено совершенно. Новая власть, ютаромъ первый консулъ былъ теперь облеченъ, также подействовала на умы. Казалось, что ужь проводили на этой властительной главѣ двойственному королю Франціи и Италіи.

Теперь онъ могъ совершать все и для организаціи Франціи, что было первымъ его предметомъ, и для своего собственнаго величія, что было уже вторымъ. Ему нечего было болѣе бояться, чтобъ кодексы, которые уже составлены, или которые еще составлялись по его приказанію, чтобъ договоры съ напою о возстановленіи алтарей, — чтобъ все это не пало передъ водоброжденствомъ, или предрасудками государственныхъ собраній. Эти предначертанія не были единственными, которыя замышлялъ онъ теперь. Уже нѣсколько мѣсяцевъ онъ готовилъ обширную систему народнаго воспитанія, чтобъ приспособить французское юношество къ настоящему порядку вещей. Онъ предначертывалъ систему національныхъ наградъ, которая, при военной формѣ, свойственной тому времени и воинственному воображенію Французовъ, могла бы служить вознагражденіемъ за гражданскія доблести, равно какъ и за военныя подвиги; то былъ орденъ почетнаго-легіона, благородное учрежденіе, долго-задумываемое тайнѣю, и по истинѣ не менѣе-трудное изъ всѣхъ дѣлъ, которыя первый консулъ хотѣлъ ввести въ республиканскую Францію. Онъ желалъ также закрыть одну изъ глубочайшихъ ранъ революціи — эмиграцію. Это было очень-трудно; однако минута приближалась, когда это могло сдѣлаться возможнымъ. Наконецъ, если, какъ говорили со всѣхъ сторонъ, если должно было упрочить власть въ рукахъ человека, который употреблялъ ее такими дивными образомъ, если должно было дать его могуществу новый характеръ, болѣе-возвышенный, болѣе-продолжительный, нежели какой имѣло званіе перваго сановника, избраннаго на десять лѣтъ, изъ которыхъ три уже прошли, то теперь наступила минута, потому-что общественное благоденствіе, плодъ порядка, победы, мира, достигло

своей высочайшей степени; оно было чувствуема въ эту пору съ живостью, которую время могло скорее заглушить, нежели усилить.

Однакожь, эти планы объ общественномъ благе и о личномъ своемъ величии, которые замышлялъ первый консулъ въ одно и то же время, нуждались еще въ одномъ последнемъ актѣ, т. е. въ окончательномъ заключеніи мира на моряхъ, о которомъ шли переговоры на амьенскомъ конгрессѣ. Возвратясь въ Парижъ, первый консулъ съ новою дѣятельностью принялся за это дѣло.

На конгрессѣ возникли новыя недоуманія. Первый консулъ объявилъ, что если не хотятъ принять того, что предложилъ онъ, то онъ немедленно вооружитъ снова булонскую флотилію и станетъ лагеремъ противъ береговъ Англии.

Разрыва не болѣе желали въ Лондонѣ, какъ и въ Парижѣ, или Амьенѣ. Англійскій кабинетъ чувствовалъ, что онъ падетъ, сдѣлавшись предметомъ смѣха, еслибъ полугодовая перемижка, слѣдствіе предварительныхъ статей, послужила только къ тому, чтобъ открыть моря французскимъ флотамъ. Лордъ Корнуаллисъ былъ очень-сговорчивъ относительно редакціи. Иосифъ Бонапарте былъ сговорчивъ не менѣе его, и 25 марта 1802 года, вечеромъ (4 жерминаля X года) былъ подписанъ миръ съ Великобританіею.

Назначили полторы сутокъ для перевода трактата на столько языковъ, сколько было державъ, принимавшихъ участіе въ этомъ мирѣ. 27 марта (6 жерминаля), уполномоченные собрались въ ратушу (*Hôtel de Ville*). Первый консулъ хотѣлъ, чтобъ все было облечено самою важною наружностью. Уже давно онъ приказалъ отправиться въ Амьенъ отряду изъ своихъ лучшихъ войскъ, вновь экипированныхъ, велѣлъ исправить дороги изъ Амьена въ Калѣ и изъ Амьена въ Парижъ, и послалъ денегъ въ пособіе туземнымъ рабочимъ, нуждавшимся въ работѣ, — для того, чтобъ ничто не могло внушить англійскому уполномоченному неблагопріятной мысли о Франціи. Наконецъ, онъ предписалъ сдѣлать приготовленія въ самбѣ Амьенъ, чтобъ подписаніе трактата произошло съ нѣкоторою торжественностью. Оба уполномоченные подписали миръ въ присутствіи властей и многочисленныхъ зрителей, потомъ обнялись дружески, при всеобщихъ радостныхъ восклицаніяхъ. Лордъ Корнуаллисъ и Иосифъ Бонапарте были сопровождаемы обратно въ свои жилища съ торжественною церемоніею, посреди самыхъ шумныхъ кликовъ толпы. Лордъ Корнуаллисъ слышалъ, какъ пня етъ благословлялось французскимъ народомъ, и Иосифъ возвратился домой слыша отъсюду крикъ, который долженствовалъ быть еще долго, и который могъ бы быть всегда крикомъ Франціи: *Да здравствуетъ Бонапарте!*

Лордъ Корнуаллисъ отправился немедленно въ Лондонъ, не смотръ на полученное имъ приглашеніе пріѣхать въ Парижъ. Онъ боялся, чтобъ уступчивость его относительно редакціи не была не одобрена его правительствомъ, и хотѣлъ обезпечить ратификацію трактата своимъ личнымъ присутствіемъ.

Счастливый исходъ амьенскаго конгресса, если и не произвелъ нѣ-

англійскіи народъ тѣхъ же восторговъ внтузіазма, какіе произвело описаніе предварительныхъ статей, однакожь засталъ его еще веселымъ и шумнымъ. На этотъ разъ говорили народу, что онъ насладится на дѣль миромъ, дешевизной припасовъ и уничтоженіемъ *налога на доходы* (*income-tax*). Онъ върнулъ этому и обнаруживалъ свою непритворную радость.

Менѣе вѣдшихъ взъявленій восторга, но не менѣе существеннаго удовольствія представлялъ народъ во Франціи. Наконецъ, были увѣрены, что достигли до настоящаго мира, мира на моряхъ, вѣрнаго и необходимаго условія континентальнаго мира. Послѣ десяти лѣтъ величайшей, ужаснѣйшей борьбы, какую только вели когда-либо между собою соперничествовавшія державы, положили наконецъ оружіе: храмъ Януса былъ запертъ.

Кто совершилъ все это? Кто сдѣлалъ Францію столь-великою и столь-счастливою, Европу столь-спокойною? Одинъ человекъ, силою своего меча и глубиною своей политики. Такъ говорила о немъ Франція, и вся Европа вторила ей эхомъ. Онъ побѣждалъ послѣ при Аустерлицѣ, Іенѣ, Фридрихъ, Ваграмъ, — побѣждалъ во стѣ сраженіяхъ, ослѣплялъ, приводилъ въ ужасъ, покорялъ святъ; но никогда не былъ онъ такъ великъ, потому-что никогда не былъ такъ мудръ!

Первый консулъ, имѣя теперь въ своихъ рукахъ весь государственный собрвнй, воспользовался прерогативами конституціи, чтобъ назначить чрезвычайное засѣданіе. Онъ возвратился 31 января 1802 г. (11 плютоза) съ *ліонской консулты*; амьенскій трактатъ былъ подписанъ 25 марта (4 жерминала); перемиры въ законодательномъ сословіи и трибуналь окончились уже нѣсколько недель, и вновь-избранные члены были же на своихъ постахъ: итакъ онъ созвалъ къ 5 апрѣля (15 жерминала) чрезвычайное засѣданіе. Оно должно было продолжаться до 20 мая (30 флореала), т. е. полтора мѣсяца. Этого было достаточно для выполнения его плановъ, какъ бы ни были они велики, потому-что теперь уже противорѣчіе не могло отнять у него много времени.

Первымъ проектомъ, внесеннымъ въ законодательное сословіе, былъ конкордатъ.

Первый консулъ все устроилъ такъ, что въ свѣтлое-воскресенье можно было отпраздновать великое торжество возстановленія богослуженій. Двѣ недели, предшествовавшія этому великому акту, были посвящены предварительнымъ распоряженіямъ. Надо было, во-первыхъ, — кромѣ трактата, называемаго конкордатомъ, и который, какъ трактатъ, долженъ былъ быть утвержденъ законодательнымъ сословіемъ, — надо было начертать и представить регламентъ, которымъ бы устанавливалось управление вѣроисповѣданій, на основаніи началъ конкордата и галликанской церкви. Сверхъ того, надо было назначить духовныя лица въ шестьдесятъ новыхъ епархій.

Первый консулъ началъ регламентомъ, устанавливавшимъ управление вѣроисповѣданій. Этотъ регламентъ извѣстенъ подъ именемъ *органическихъ статей*. Онъ былъ очень-обширенъ и устанавливалъ отношенія правительства ко всемъ исповѣданіямъ, католическому, протестантскому, еврейско-

му. Наконецъ, и грегорианскій календарь былъ отчасти примиренъ съ республиканскимъ. Это было однимъ изъ важнѣйшихъ затрудненій. Нельзя было совершенно уничтожить календарь, который, болѣе всякаго другаго учрежденія, былъ воспоминаемъ революціи, и который былъ приуроченъ къ новой системѣ вѣсовъ и мѣръ. Но было также невозможно возстановить католическую религію, не возстановивъ воскресенья, а съ воскресеньемъ недѣли. Сверхъ того, нравы уже исполнили то, на что еще не осмысливался законъ, и воскресенье всюду почиталось религіознымъ праздникомъ, болѣе или менѣе наблюдаемымъ, но вообще всюду допущеннымъ, какъ день отдохновенія отъ недѣльныхъ трудовъ. Первый консулъ рѣшился на что-то среднее. Онъ установилъ, что годъ и мѣсяцъ должны называться по республиканскому календарю, а день и недѣля, — по грегорианскому.

По начертаніи и обсужденіи въ государственномъ советѣ закона объ *организационныхъ статьяхъ*, надо было заняться назначеніемъ духовныхъ лицъ. Въ этомъ дѣлѣ, первый консулъ совѣтовался съ Порталемъ и Бертье. Беллуа, марсельскій епископъ, былъ назначенъ архіепископомъ парижскимъ. Камбасоресъ, братъ втораго консула, сдѣланъ архіепископомъ руанскимъ. Аббатъ Фешъ, дядя перваго консула, человекъ гордый, поставившій себя въ славу протівиться своему племяннику, былъ назначенъ архіепископомъ лѳонскимъ, т. е. примасомъ галльскимъ. Священникъ мрхода св. Сульпиція, Пансемонъ, много способствовавшій своими трудами въ дѣлѣ отрженія стараго духовенства, былъ избранъ въ Ваннъ епископомъ. Наконецъ, аббатъ Бернье получилъ епископство орлеанское. Это мѣсто не соответствовало его великому вліянію на дѣла церкви во Франціи; но аббатъ Бернье и самъ чувствовалъ, что воспоминаніе о гражданской войнѣ, связанное съ его именемъ, не позволило возвысить его слѣдкомъ-замѣтно, и что власть на дѣла, которую онъ пользовался, стояла внѣшнихъ почестей. Впрочемъ, первый консулъ готовилъ ему кардинальскую шапку.

Кардиналъ Капрара сильно протівился этимъ назначеніямъ, даже шантажъ, но наконецъ долженъ былъ уступать необходимости.

Когда все было готово, первый консулъ приказалъ внести конкордату въ законодательное сословіе, для того, чтобъ онъ получилъ силу закона. Къ конкордату были присоединены организационныя статьи. Это было въ первый день чрезвычайнаго засѣданія 5 апрѣля 1802 года (15 жерминала). Законодательное сословіе было распущено тогда, какъ амьенскій трактатъ, подписанный 25 марта, сдѣлался извѣстенъ въ Парижѣ. И потому, оно не было въ числѣ властей, явившихся къ первому консулу съ поздравленіями. Положено было отаравить депутацію изъ двадцати-пяти членовъ для привѣтствованія перваго консула по случаю всеобщаго мира. Въ этой поздравительной рѣчи не было сказано ни слова о конкордатѣ, что показываетъ духъ тогдашняго времени даже въ ядрѣ обновленнаго законодательнаго сословія. Но первый консулъ въ отвѣтъ свосмъ далъ уразумѣть неоправданность такого умолчанія.

Это сильно польствовало, какъ и ожидалъ первый консулъ. Проектъ, внесенный немедленно изъ законодательнаго сословія въ требовать,

тъ обрѣженъ благосклонно. По докладу Спмсона, онъ былъ утвержденъ большинствомъ 78 голосовъ противъ 7. Въ законодательномъ собраніи 228 голосовъ были поданы въ пользу его, а 21 противъ.

18 апрѣля (18 жерминаля) оба проекта получили силу законовъ. Не было болѣе препятствій. Наступилъ четвергъ; въ слѣдующее воскресенье было вербное-воскресенье; пятницу спустя свѣтлое Христова воскресенье. Первый консуль хотѣлъ посвятить эти торжественные дни католической религіи великому празднику вѣстановленія вѣронсповѣданій. Онъ не принималъ еще оффиціально кардинала Капрары, какъ легата римскаго двора, и назначилъ ему завтрашній день, пятницу, для этого оффиціального пріема.

Въ назначенное время, кардиналъ-легатъ отправился торжественно въ Тюльеръ, въ экипажахъ перваго консула; за нимъ слѣдовала консульская гвардія; предъ нимъ везли въ одной изъ каретъ крестъ, знакъ его замѣстничества. Первый консуль принялъ кардинала находясь во главѣ многочисленной свиты, состоявшей изъ обоихъ его совратителей, многихъ государственныхъ совѣтниковъ и блестительнаго штаба. Кардиналъ Капрара, имѣвшій кроткую и важную наружность, обратился къ первому консулу съ словомъ, въ которомъ достоинство соединялось съ выраженіемъ благодарности. Онъ далъ условленную клятву ничего не дѣлать противъ законовъ государства, и прекратить отправленіе своей должности, лишь-только это будетъ необходимо. Первый консуль отвѣчалъ ему въ возвышенныхъ выраженіяхъ, предназначенныхъ въ-особенности отозваться въ иномъ мѣстѣ, не въ Тюльерійскомъ-Дворцѣ.

Эта церемонія была первою изъ тѣхъ, которыя готовились, и она была мало замѣчена, потому-что парижскій народъ, не бывъ предувѣдомленъ, не могъ предаться своему обычному любопытству. На послѣавтра было вербное-воскресенье. Первый консуль уже представилъ архідіаку изъ которыхъ изъ главнѣйшихъ прелатовъ, которыхъ предполагалъ назначить. Онъ хотѣлъ, чтобъ ихъ посвятили въ этотъ день вербнаго-воскресенья, для того, чтобъ они могли совершать службу черезъ пятницу въ свѣтлое-воскресенье. То были: Беллуа, назначенный архіепископомъ парижскимъ, Камбасересъ, архіепископомъ руанскимъ, Беранъ, епископомъ орлеанскимъ, Пансемонъ; епископомъ ваннскимъ. Церковь-Божьей-Матери была еще въ рукахъ конституціоннаго духовенства. Надо было дать ему формальный приказъ, чтобъ заставить отдать ключи отъ храма. Этотъ прекрасный храмъ былъ теперь въ самомъ плачевномъ состояніи: тамъ ничего не было готово для совершенія обряда посвященія надъ четырьмя прелатами. Этому помогли при помощи суммы, данной первымъ консуломъ, и съ такою поспѣшностью, что только въ день совершенія обряда увидѣли, что нѣтъ мѣста для ризницы. Ее устроили въ соседнемъ домѣ. Новые прелаты облеклись тамъ въ свои ризы, и въ этомъ одѣяніи отправились черезъ площадь въ соборъ. Народъ, свѣдавъ, что готовится большая церемонія, собрался отсюду и соблюдалъ тишину и благочестіе. Наружность почтеннаго архіепископа Беллуа была такъ благородна и пре-

красна, что тронула простыя сердца толпы, и всѣ, мужчины и женщины, преклонились съ благоговѣніемъ. Церемонія была трогательна по самому подостатку великолѣпія, — по тому чувству, съ какимъ она совершалась. Четыре прелата были посвящены по всѣмъ принятымъ формамъ.

Черезъ недѣлю, въ свѣтлое-воскресенье, назначено было провести торжественный *Te Deum*, для празднованія въ одно и то же время всеобщаго мира и примиренія съ церковью. Объ этой церемоніи было сообщено народу, какъ объ истинно-національномъ празднествѣ; распространено о сдѣланныхъ приготовленіяхъ, и напечатанъ церемониаль. Первый консулъ хотѣлъ отправиться на это торжество съ большимъ поводомъ, въ сопровожденіи всего, что было высшаго въ государствѣ. Онъ далъ замѣтить, чрезъ придворныхъ дамъ, женамъ высшихъ сановниковъ, что онъ удовлетворитъ живѣйшему изъ его желаній, отправившись въ этотъ день въ соборъ отслушать *Te Deum*. Блестательнѣйшія изъ парижскихъ дамъ повиновались первому консулу. Знатнѣйшія изъ нихъ съѣхались въ Тюльери, чтобъ сопровождать господа Бонапарте въ каретахъ новаго двора.

Первый консулъ далъ формальное приказаніе своимъ генераламъ сопровождать его. Это устроить было всего труднѣе, ибо пазвѣсто было, что они говорили всюду неприличныя и матежныя рѣчи. Ожеро, терпимый въ Парижѣ, былъ въ настоящее время однимъ изъ тѣхъ, которые говорили всего громче. Онъ былъ уполномоченъ своими товарищами предстать предъ перваго консула и выразить отъѣздъ ихъ ѣхать въ Церковь-Божьей-Матери. Генералъ Бонапарте хотѣлъ принять Ожеро въ консульскомъ собраніи, въ присутствіи всѣхъ консуловъ и министровъ. Тотъ изложилъ предъ нимъ цѣль своего посланничества, но первый консулъ напомнилъ ему долгъ его съ тою важностью, которую онъ умѣлъ выказывать въ начальствованіи, и особенно относительно военныхъ. Онъ далъ ему почувствовать неприличность его выхода, напомнилъ, что конкордате получилъ теперь силу государственнаго закона, что законы обязательны для всѣхъ классовъ гражданъ; что, впрочемъ, онъ самъ будетъ наблюдать надъ ихъ выполненіемъ, но своему двойному званію генерала и перваго сановника республики; что не офицерамъ арміи, а правительству должно рѣшать, прилична ли церемонія, назначенная въ свѣтлое-воскресенье; что всѣ власти получили повелѣніе присутствовать на ней, военныя и гражданскія, и что всѣ они должны повиноваться; что же касается до достоинства арміи, то онъ такъ заботится о немъ и можетъ быть въ этомъ дѣлѣ такимъ хорошимъ судьей, какъ никто изъ генераловъ, его товарищей по оружію, и увѣренъ, что нисколько не повредитъ этому достоинству, присутствуя лично на этихъ религіозныхъ церемоніяхъ; что, въ довершеніе всего ихъ дѣло не разсуждать, а выполнять повелѣніе, и онъ ожидаетъ увидѣть ихъ всѣхъ въ воскресенье, вокругъ себя, въ кафедральной церкви — Ожеро ничего не возражалъ, и возвратился къ своимъ товарищамъ съ смущеніемъ отъ сдѣланнаго имъ легкомысленнаго поступка, и съ ранимостью повиноваться.

Все было готово; но въ послѣднюю минуту замысли кардинала Капеллеры едва не уничтожили благородныхъ предначертаній перваго консула. Кардиналь требовалъ отъ епископовъ, выбранныхъ нѣмъ конституціоннаго духовенства, чтобъ они отреклись отъ своихъ старыхъ заблужденій, чести самымъ оскорбительнымъ образомъ ихъ присоединеніе къ гражданской конституціи духовенства. Это было унижительно не только для нихъ, но и для самой революціи. Первый консуль, узнавъ объ этомъ, не хотѣлъ выносить подобныхъ притязаній, и, въ субботу вечеромъ, наканунѣ свѣтлаго-воскресенья, послалъ Порталіса сказать кардиналу, что если онъ еще будетъ настаивать на этомъ, то не бывать шатра церемоніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и конкордатъ не будетъ обнародованъ и останется безъ исполненія. Первый консуль твердо рѣшился на это, и никакъ не хотѣлъ уступить въ томъ, что, казалось ему, могло повредить самой дѣлу, т. е. сближенію, слятію партій.

Кардиналь уступилъ наконецъ, но гораздо уже за-полночь.

Въ слѣдующій день, въ свѣтло-воскресенье, 18 апреля 1802 г. (28 кериона X г.), конкордатъ былъ обнародованъ во всемъ кварталамъ Парижа, съ большою торжественностью и первѣйшими властями. Между-тѣмъ, какъ это обнародованіе происходило на улицахъ столицы, первый консуль, хотѣвшій отпраздновать въ этотъ день все, что было счастливаго для Франціи, размѣнивалъ въ Тюльери ратификаціи амьенскаго трактата. Совершивъ этотъ важный обрядъ, онъ отправился въ Церковь-Божьей-Матери; за нимъ слѣдовали первѣйшіе государственные дѣятели и множество должностныхъ лицъ, блистательный штабъ и толпа знатнѣйшихъ дамъ, сопровождавшихъ госпожу Бонапарте. Этотъ великолѣпный поѣздъ состоялъ изъ длиннаго ряда каретъ. Войска были разставлены по обѣимъ сторонамъ, отъ Тюльери до-самого собора. Архидіаконъ парижскій торжественно вышелъ со святою водою встрѣтить перваго консула въ дверяхъ храма. Новый глава государства былъ отведенъ подъ балдахинъ, на приготовленное для него мѣсто. Севать, законодательное сословіе, трибуналь стали по обѣ стороны алтаря. За первыми консуломъ стояли генералы въ полной формѣ, явившіеся сюда болѣе изъ повиновенія, нежели по собственному убѣжденію; нѣкоторые изъ нихъ держались не совсѣмъ-прилично. Самъ же онъ, одѣтый въ красный консульскій мундиръ, стоялъ неподвижно, съ лицомъ строгимъ, не раздѣляя ни разсыянности однихъ, ни благоговѣнія другихъ. Онъ былъ спокоенъ, важенъ, въ положеніи главы имперіи, который совершаетъ великій актъ своей воли и заставляетъ однимъ своимъ взглядомъ всѣхъ покоряться.

Церемонія была продолжительна и торжественна, не смотря на дурное расположеніе большей части тѣхъ, которыхъ надо было привлечь сюда насильно. Впрочемъ, эффектъ, произведенный ею, долженъ былъ имѣть рѣшительное дѣйствіе, потому-что, послѣ примѣра однажды уже даннаго великимъ человекомъ, должны были возникнуть снова всѣ старинные религіозные обряды, а всѣ сопротивленія должны были исчезнуть.

Это празднество происходило по двумъ случаямъ, именно—по случаю

возстановленія вероисповѣданія и по случаю всеобщаго мира. Естествен-но, всюду царствовало веселіе, и всякій, неспитавшій въ сердцахъ своихъ пагубныхъ страстей партій, былъ счастливъ общою радостью всей на-ціи. Въ этотъ день даны были большіе обѣды у министровъ, куда бы-ли приглашены главнѣйшіе члены правительственныхъ мѣстъ. Предста-вители державъ были отозваны къ министру иностранныхъ дѣлъ. У перваго консула былъ блистательный банкетъ, куда были приглашены кардиналъ Капрара, архіепископъ парижскій, главнѣйшіе изъ вново-посвященныхъ духовныхъ, знатнѣйшія государственныя лица. Первый консулъ долго говорилъ съ кардиналомъ и изъявилъ ему свою радость отъ окончанія такого важнаго дѣла. Онъ гордился своею предприимчи-востью и успѣхомъ. Лишь-только слегка помрачилось на минутѣ его благородное чело: это было при видѣ нѣкоторыхъ генераловъ, кото-рыхъ пріемы и рѣчи не были приличны настоящему случаю. Онъ из-явилъ имъ свое неудовольствіе такимъ рѣшительнымъ тономъ, который не допускалъ возраженій и не позволялъ опасаться повторенія того же вѣреда.

Для довершенія эффекта, который первый консулъ хотѣлъ произве-сти въ этотъ день, де-Фонтанъ написалъ, въ *Монитёръ*, о вново-вы-шедшей книгѣ, которая дѣлала тогда много шума: это была *Духъ Хри-стіанства (le Génie du Christianisme)*—книга, написанная молодымъ бре-танскимъ дворяниномъ, Шатобрианомъ, бывшимъ въ свойствѣ съ Мал-зербамъ и долгое время находившимся вдали отъ своей родины. Въ ней блестящимъ образомъ описывались красоты христіанства и открывалась нравственная и поэтическая сторона религіозныхъ обрядовъ, двадцать-дѣть тому назадъ грубо-осмысленныхъ. Местомъ-раскритикованный гг. Шенье и Генгане, которые укоряли его въ живыхъ и преувеличенныхъ краскахъ, горячо-поддерживаемый партизанами религіознаго восстано-вленія, *Духъ Христіанства*, какъ все замѣчательныя творенія, сильно-превосхожденный одними, сильно-порицаемый другими, произвелъ глубокое впечатлѣніе, потому-что выражалъ собою чувство истинное и весьма-сильно господствовавшее тогда во французскомъ обществѣ: это стра-нное, неопредѣлимое чувство сожалѣнія о томъ, чего уже нѣтъ, о томъ, что прервано, вло сгубило, имѣлъ прежде въ рукахъ своихъ о томъ, что, разъ потерявши, оплакиваютъ долго. Таково сердце челове-ческое! То, что есть, утомляетъ его, становится ему тяжкимъ; то, что перестаетъ существовать, вдругъ дѣлается въ глазахъ его привлекатель-нымъ. Твореніе молодого писателя, гдѣ отпечаталось это глубокое чув-ство, сильно тронуло умы и было съ отличною благосклонностью при-нято человекомъ, раздававшимъ тогда все славы. Если въ этой книгѣ не проявлялись ни чистый вкусъ, ни простая и тѣрдая вѣра писателя-рыка Людовика XIV, за то она очаровательно описывала старинныя ре-лигіозныя нравы, которыхъ уже не было больше. Безъ-сомнѣнія, вѣдь можно было порицать злоупотребленіе прекраснаго воображенія, во и-мя славы Вергилія, послаъ Горация осталось же въ памяти людей мѣсто де-замысловатаго Овидія, для блистательнаго Лукана, и, можетъ-быть, одна изъ всѣхъ книгъ того времени, *Духъ Христіанства*, будетъ жить

рышко-связанная съ достатопамятною эпохою: она будетъ жить, какъ живутъ эти фризы, изваянные на мраморъ зданія, живутъ живеть съ амятникомъ, къ которому придѣлавы.

Призвавъ духовныхъ къ алтарю, выведши ихъ изъ мрака убъжищъ, а они совершали свое богослуженіе и часто замыслили крамолы противъ иравительства, первый консулъ исправилъ одинъ изъ ужаснѣйшихъ безпорядковъ своего времени и удовлетворилъ одной изъ величайшхъ нравственыхъ потребностей цѣлаго общества. Но оставался другой очень-плачевный безпорядокъ, дававшій еще Франціи видъ страны, раздираемой партіями: это было изгнаніе значительнаго числа Французовъ, жившихъ въ чужихъ краяхъ въ бѣдности, иногда пытавшихъ свавѣсть къ своему отечеству и получавшихъ отъ непріязненныхъ франціи государствъ пропитаніе, за которое многие изъ нихъ платили иступками, недостойными въ-отношеніи къ ихъ родннѣ. Иагнавіе — касная выдумка раздора; оно дѣлаетъ изгнанника несчастнымъ, расстраиваетъ его сердце, заставляетъ его просить милостыню у иноземца, испространяетъ вдаль печальное зрѣлище внутренняго смута. Изъ сѣхъ сльдговъ революціи, ее должно изглаживать прежде всѣхъ. Генераль Бонапарте смотрѣлъ на возвращеніе эмигрантовъ, какъ на необходимое дополненіе всеобщаго зампренія. Уже существовала относительно возвращенія эмигрантовъ система очень-исполная, очень-прикрастная, очень-неправильная, заключавшая въ себя всѣ неудобства бщей мьры, но немѣвшая ея благотворнаго вліанія: то была система вычеркиваній, подъ тѣмъ предлогомъ, что такіе-то эмигранты были незаслуженно включены въ списки. Такимъ-образомъ, давалась амятія не всегда самымъ безвиннымъ и достойнымъ того.

Итакъ, первый консулъ рѣшился возвратитъ всѣхъ эмигрантовъ, за которыми исключеніями. Противъ этой мьры возникли сильныя возраженія. Во-первыхъ, всѣ конституція, и именно конституція консульаго правленія, объявляли формально, что эмигранты никогда не будутъ обращены. Онъ объявлялъ это, въ-особенности, для успокоенія пріобрѣтателей національныхъ имуществъ, которые были очень-подозрительны, и которые смотрѣли на изгнаніе прежнихъ владѣльцовъ ихъ импій, какъ на дѣло чисто-необходимое для ихъ безопасности. Первый консулъ, считая себя самою твердою опорю этихъ пріобрѣтателей, всѣа выражая свою твердую волю защищать ихъ, одинъ въ цѣломъ свѣтъ къ тому возможность, первый консулъ полагалъ себя столько-сильнымъ внушеніемъ къ нему довѣренностью пріобрѣтателей національныхъ имуществъ, что могъ имѣть возможность отворитъ эмигрантамъ врата франціи. И потому онъ приказалъ заготовитъ опредѣленіе, котораго первою статьею было подтвержденіе въ ненарушности условій, заключенныхъ государствомъ съ пріобрѣтшими національныя имуществва. Потомъ онъ приказалъ включить туда распоряженіе, которымъ возвращались все эмигранты и отдавался, по возвращеніи, подъ надзоръ высшей полиціи. Впрочемъ, были сдѣлавы нѣкоторыя исключенія при этомъ всеобемъ возвращеніи. Въ немъ было отказано предводителямъ конюшхъ, оруженныхъ противъ республика, тѣмъ, которые служили въ непріа-

тельскихъ арміяхъ, лицамъ, сохранившимъ мѣста или титулы при приходахъ дома Бурбоновъ, генераламъ или народнымъ представителямъ, которые договаривались съ непріателемъ (это касалось Пизгрю и некоторыхъ членовъ законодательныхъ собраній), наконецъ епископамъ и архіепископамъ, отказавшимся просить объ отставкѣ, по требованію пены. Число этихъ исключенныхъ лицъ было чрезвычайно-незначительно.

Всего затруднительнѣе было рѣшить вопросъ касательно пероладанныхъ имуществъ эмигрантовъ. Хотя съ совершенною справедливостію была признана ненарушимую продажа имуществъ, учиненная государствомъ, однако могло показаться жестокимъ не возвратитъ эмигрантамъ ихъ имуществъ, оставшихся еще неприкосновенными въ рукахъ правительства. «Я не сдѣлаю ровно ничего» говорилъ первый консуль, «если возвращу эмигрантовъ въ отечество, не возвратя имъ родовыхъ имѣній. Я хочу взглянуть слѣды нашихъ гражданскихъ войнъ; а наполняя Францію возвратившимися эмигрантами, которые останутся въ нищету, между-тѣмъ, какъ ихъ имущества будутъ подъ секвестромъ государства, я создамъ классъ недовольныхъ, которые не дадутъ намъ покоя. И эти имущества, оставшіяся подъ секвестромъ у государства, кто, думаете вы, купитъ ихъ въ присутствіи ихъ прежнихъ возвратившихся владѣльцевъ?» Итакъ, первый консуль рѣшился отдать всѣ неправдивыя недвижимыя имущества за исключеніемъ домовъ или строеній, нитыхъ подъ общепользныя заведенія.

Это опредѣленіе было предложено на разсмотрѣніе особенному совету, состоявшему изъ консуловъ, министровъ, нѣсколькихъ членовъ государственнаго совета и сенаторовъ. Тамъ сильно настаивала на томъ, чтобъ въ опредѣленіе включено было слово: «амнистія». Первый консуль противился этому; онъ говорилъ, что не должно унижать людей, которыхъ хотѣли примирить съ Франціею, и что трактовать ихъ, какъ помилованныхъ преступниковъ, значило глубоко унижить ихъ. Ему отвѣчали, что эмиграція, по своему происхожденію, была преступленіемъ, потому-что она имѣла главною цѣлію вести войну съ Франціею, и что необходимо представлять ее осужденною законами. Возникло самое жаркое преніе относительно имуществъ эмигрантовъ. Советчики, призванные на совѣщаніе, упорно отвергали предположеніе возвратитъ дачи и лѣса, которые законъ 2 нивоза IV года призналъ неотчуждаемыми. Не смотря на всѣ свои усилія, первый консуль былъ принужденъ уступить, и такимъ-образомъ, самъ не думая того, сохранилъ въ рукахъ своихъ одно изъ могущественнѣйшихъ средствъ вліянія на старинное французское дворянство, что въ-послѣдствіи привело къ нему все это дворянство: это средство состояло въ индивидуальномъ возвращеніи имуществъ тѣмъ изъ эмигрантовъ, которые подчинялись егъ правительству.

Этотъ проектъ амнистіи, о которомъ разсуждалъ государственный советъ наканунѣ обнародованія конкордата, десять дней спустя былъ внесенъ въ сенатъ и утвержденъ имъ безъ всякаго возраженія.

Этотъ милосердый актъ долженъ былъ быть принятъ съ одобреніемъ всѣми разумными людьми, чистосердечно желающими окончанія му-

гренскихъ смуть своего отечества. Благодаря новымъ обезпеченіямъ закономъ, которыя были даны пріобрѣтателямъ національныхъ имуществъ, благодаря доверенности, которую внушалъ къ себѣ этимъ людямъ первый консулъ, эта послѣдняя правительственная мѣра не причинила имъ слишкомъ-большихъ безпокойствъ, и она удовлетворила эту честную и, къ-счастью, самую многочисленную массу роялистской партіи, принимавшую безъ досады оказываемое ей добро. Эта мѣра встрѣтила неблагодарность только со стороны лицъ высшей эмиграціи, которыя въ парижскихъ салонахъ оплачивали злыми рычаниями за благодеянія правительства. По ихъ словамъ, этотъ актъ былъ незначителенъ, неполонъ, несправедливъ, потому-что онъ дѣлалъ нѣкоторыя различія между лицами, потому-что онъ не возвращалъ эмигрантамъ ихъ проданныхъ или непроданныхъ имуществъ. Можно было обойтись безъ одобренія этихъ пустыхъ болтуновъ... Однакожь, первый консулъ былъ такъ жадеенъ къ славы, что подобныя жалкіе пересуды смущали иногда удовольствіе, которое ощущалъ онъ отъ всеобщаго одобренія Франціи и Европы.

Но его стремленіе творить благо не зависѣло ни отъ похвалы, ни отъ осужденія, и едва довершилъ онъ великій подвигъ, о которомъ мы рассказали, какъ уже готовилъ другіе величайшей важности, въ политическомъ и общественномъ. Избавившись отъ препятствій, которыя представляло его плодотворной дѣятельности противодѣйствіе саата, онъ рывался во время этого чрезвычайнаго собранія въ жерминала и флореала, докончить или по-крайней-мѣрѣ во многомъ подвинуть перестройку Франціи. Вотъ его идеи въ этомъ отношеніи.

Изъ извѣстныхъ уже дѣйствій перваго консула, въ особенности изъ возстановленія Богослуженій, легко можно было угадать, каковъ былъ взглядъ его на устройство общества. Говоря вообще, онъ былъ расположенъ противорѣчить тѣснымъ и преувеличеннымъ системамъ революціи, или, точнѣе сказать, нѣкоторыхъ революціонеровъ. Сама революція хотѣла уничтожить неправды, странности, несправедливыя различія, происходившія изъ феодальнаго начала, и въ силу которыхъ, напримеръ, Еврей, католикъ, протестантъ, дворянинъ, священникъ, гражданинъ, Бургиньйонецъ, Провансалецъ, Бретонецъ, не имѣли однихъ и тѣхъ же правъ, однихъ и тѣхъ же обязанностей, не несли однихъ и тѣхъ же налоговъ, не пользовались одними и тѣми же выгодами, — словомъ, не жили подъ однимъ закономъ. Сдѣлать изъ всѣхъ этихъ Французовъ, каковы бы ни были ихъ религія, происхожденіе, вѣсто родины, — равныхъ гражданъ по правамъ и обязанностямъ, дѣющихъ доступъ всюду сообразно съ своимъ достоинствомъ, — вотъ чего хотѣла революція въ своихъ первыхъ порывахъ, до того времени, какъ противорѣчіе еще не раздражило ея; вотъ чего хотѣлъ первый консулъ съ-тѣхъ-поръ, какъ это изступленіе уступило мѣсто разсудку. Но это химерическое равенство, о которомъ бредили съ минутой демократіи, долженствовало поставить всѣхъ людей подъ одинъ уровень, едва допускавшее природное неравенство, происходящее отъ различія

ума и талантовъ, — это равенство онъ презиралъ или какъ химеру духа системы, или какъ буйство зависти.

Итакъ, онъ хотѣлъ іерархію въ обществѣ; на степеняхъ ея все люди, безъ различія происхожденія, стали бы по своему достоинству; на степеняхъ ся остались бы навсегда тѣ, которые возведены туда своими отцами, не препятствуя впрочемъ новымъ пришельцамъ, которые бы стали возвышаться въ свою очередь.

Этой-то, такъ-сказать, общественной растительности, вытекающей изъ самой природы, примѣчаемой во всѣхъ странахъ и во все времена, хотѣлъ онъ дать свободный ходъ въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыя думалъ основать. Какъ все мощные умы, старающіеся открывать въ чувствахъ массъ народа истинныя человѣчественныя инстинкты, и любящіе противопоставлять это чувство ограниченнымъ видамъ духа системы, онъ искалъ въ расположеніяхъ, обнаруживаемыхъ въ его глазахъ самимъ народомъ, доказательства, аргументовъ для своихъ мнѣній.

Тѣмъ, которые въ дѣлѣ религіи совѣтовали ему равнодушіе, онъ приводилъ въ опроверженіе волненіе народа, недавно столпившагося у дверей церкви и принудившаго священника продать погребенію тѣло какой-то актрисы. «Вотъ говорилъ онъ этимъ партизанамъ равнодушій: «вотъ какъ равнодушны народъ! И вы... знаете вы сами, посреди величайшаго революціоннаго переворота, провозгласили Високосное Существо!»

Что до способа классифицировать людей въ обществѣ, онъ говорилъ тѣмъ, которые не хотѣли никакого отличія: «Взять ли украденныя и почетныя ружья и сабли? Вѣдь это отличіе же, хотя довольно-слабое придуманное, потому-что ни почетнаго ружья, ни сабли нельзя носить на груди, а въ этомъ родѣ люди любятъ то, что видно издали». Первый консулъ замѣтилъ странный фактъ и охотно указывалъ на него всѣмъ, съ кѣмъ обыкновенно бесѣдовалъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ Франція, предметъ почтенія и уваженія Европы, была наполнена иностранцами всѣхъ державъ, или знатными иностранцами, посѣщавшими ее, онъ былъ пораженъ тѣмъ любопытствомъ, съ которымъ народъ даже люди повыше званіемъ слѣдили за иностранцами, и жадно разсматривали ихъ богатые мундиры, блестящіе ордена. Часто народъ толпился на дворѣ Тюльери, выжидая прибытія или выѣзда этихъ особъ. «Вотъ» говорилъ онъ: «эти суетныя ничтожества, которыя такъ презираютъ умники! Народъ не разделяетъ ихъ мнѣнія. Онъ любитъ эти красочнѣйшія ленты, такъ же, какъ любитъ религіозныя торжества. Демократы-философы называютъ это суетою, идолопоклонствомъ. «Идолопоклонство, суета, — пусть такъ. Но это идолопоклонство, эта суета — слабости, общія всему челоуѣческому роду, и изъ той и другой можно вывести великія добродѣтели. Этими столь-презираемыми побужденіями производятъ героев! Какъ для одной, такъ и для другой суеты эти такъ-называемыя слабости, необходимы вышше всего; необходимо богослуженіе для религіознаго чувства; необходимы вышше всего отличія для благороднаго чувства славы!»

Первый консулъ рѣшился учредить орденъ, который бы вышше всего

почетныя оружія, имѣлъ бы выгоду въ томъ, что могъ быть даваемъ солдату, равно-какъ и генералу, ирному ученому, равно-какъ и воину, состоялъ бы въ знакахъ подобныхъ съ вѣду носимымъ въ Европѣ, и въ пенсіонныхъ капиталахъ, что было особенно важно для солдата, когда онъ возвратится къ полямъ своимъ. Это новое учрежденіе было, въ его глазахъ, средствомъ для того, чтобы ввести новую Францію въ сношеніе съ другими странами. Если такимъ-образомъ во всей Европѣ отличаютъ всенародно-оказанныя заслуги, зачемъ не допустить этой системы и во Франціи? «Націи» говорили: «мы должны стараться отличатся странностями, точно такъ же, какъ и отдаленныя лица. Причудливость дѣлать иначе, нежели всѣ, не допускается людьми разсудительными, и въ-особенности людьми скромными. Ордена въ употребленіи во всѣхъ странахъ; пусть, — прасо-вокупилъ первый консулъ, — будутъ они въ употребленіи и во Франціи! Это будетъ еще новою связью съ Европою. Только ихъ давали прежде во Франціи, и дають теперь у нашихъ соседей людямъ благороднаго происхожденія: я буду давать ихъ всякому, кто наилучшимъ-образомъ будетъ служить въ военной или государственной службѣ, или кто создастъ лучшія пропавденія.»

Почетныя оружія, придуманныя Конвентомъ, мало имѣли успѣха, потому-что они не были приворожены къ правамъ. Первый консулъ придумалъ учредить орденъ военный по формѣ, по предназначенный не для однихъ воиновъ. Онъ назвалъ его почетнымъ-легиономъ, желая выразить тѣмъ идею собранія людей, посвятившихъ себя служенію чести и защищенію извѣстныхъ принциповъ. Этотъ легионъ долженъ былъ состоять изъ пятнадцати когортъ, всякая когорта изъ семи старшихъ-офицеровъ (*grands-officiers*), двадцати командоровъ, тридцати офицеровъ и 350 простыхъ легионарій, всего изъ 6,000 человекъ всѣхъ степеней. Форма присяги, при пожалованіи орденомъ почетнаго-легиона, состояла въ обѣтѣ защищать республику, неприкосновенность территоріи, принципъ равенства, неприкосновенность собственности, называемыхъ національными. Каждой степени были даны знаки пенсіи. Старшіе-офицеры получали въ годъ 5,000 франковъ, командиры 2,000, офицеры 1,000, простые легионарій 250 франковъ. На ихъ издержки были назначены доходы съ національныхъ имуществъ. Каждая когорта должна была имѣть свое мѣстопробываніе въ той провинціи, гдѣ находились отведенныя ей имущества. Вся когорты вмѣстѣ должны были быть управляемы верховнымъ совѣтомъ, состоящимъ изъ семи членовъ: трохъ консуловъ и еще четырехъ старшихъ-офицеровъ, изъ которыхъ первый долженъ былъ быть назначенъ сенатомъ, второй законодательнымъ сословіемъ, третій трибунатомъ, четвертый государственнымъ совѣтомъ. Совѣтъ почетнаго-легиона, составленный такимъ-образомъ, имѣлъ обязанностью наблюдать за управленіемъ имуществами легиона и разсуждать объ удостоеніи въ его члены. Отличительная черта этого учрежденія состояла въ томъ, что вслѣдствіи гражданскія заслуги на всевозможныхъ поприщахъ, на государственной службѣ, въ наукахъ, искусствахъ, литература, давала право

на пожалованіе этихъ орденонъ, равно-какъ и военныя заслуги. Въ настоящее время, было положено, что вся военныя, имѣющіе почетныя оружія, должны были быть по праву членами легіона, распределенныя въ его ряды по своимъ чинамъ въ арміи.

Это учрежденіе существуетъ не болѣе сорока лѣтъ, и оно уже освящено, какъ-будто-бы прошло чрезъ даль вѣковъ: столько въ эти сорокъ лѣтъ было оно наградою мужества, знанія, всяческаго достоинства! столько было оно предметомъ исканій со стороны великихъ и князей Европы, наиболее гордившихся своимъ происхожденіемъ! Время, судія въ дѣлѣ учрежденій, само произнесло приговоръ о пользѣ и достоинствѣ этого ордена.

Послѣ этого, первый консулъ приступилъ съ немалымъ жаромъ къ системѣ воспитанія французскаго юношества. И дѣйствительно, тогдашнее воспитаніе было ничтожно, или оно находилось въ рукахъ враговъ революціи.

Религіозныя корпораціи, некогда занимавшіяся воспитаніемъ юношества, исчезли вмѣстѣ съ старымъ порядкомъ вещей. Они готовы были, правда, возродиться, но первый консулъ не думалъ вверять имъ новое поколѣніе, считая ихъ тайными сообщниками враговъ своихъ. Учрежденія, которыми Конвентъ старался замѣнить ихъ, были одною химерою, уже почти исчезнушею. Конвентъ хотѣлъ давать безденежно первоначальное обученіе народу и второстепенное обученіе среднимъ классамъ, такъ-чтобы сдѣлать и то и другое доступными всѣмъ сословіямъ. Но изъ этого ничего не вышло. Общины отводили учителямъ первоначальныхъ школъ помѣщенія вообще тѣ самыя, которыя занимали прежде сельскіе священники, но не давали имъ вовсе жалованья, или развѣ ужъ выдавали имъ его ассигнаціями. Вскорѣ нищета разсыпала этихъ бѣдныхъ наставниковъ. Центральныя школы, въ которыхъ преподавалось второстепенное обученіе, находясь по главнымъ городамъ всѣхъ департаментовъ, были въ некоторомъ родѣ академическіи заведеніями, гдѣ читались публичныя курсы, которые юношество могло слушать по нѣсколькѣ часовъ въ день, а потомъ должно было возвращаться домой, или въ пансіоны, устроенныя частною дѣятельностью. Духъ ученія былъ сообразенъ съ духомъ времени. Предметы классическіе, на которые смотрѣли, какъ на старую рутину, были здѣсь почти вовсе оставлены. Естественныя и точныя науки и новѣйшіе языки, заступили мѣсто древнихъ языковъ. Къ каждой изъ этихъ школъ были присоединены музеи естественной исторіи. Такое образованіе имѣло мало вліянія на юношество, потому-что ученіе, продолжающееся часъ или два въ день, отнюдь было не въ состояніи овладѣть его душою. Дѣло воспитанія довершалось въ пансіонахъ, содержатели которыхъ были тогда по-большой-части врагами новаго порядка вещей, или жадными спекуляторами, смотрѣвшими на юношество, какъ на товаръ; а не какъ на священный залогъ, вверенный имъ государствомъ и семействами. Смертью того, центральныя школы, находившіяся въ ста-двухъ департаментахъ, по одной въ каждомъ главномъ городѣ департамента, были слиты въ многочисленныя. Не было довольно учениковъ для этихъ ста-двухъ школъ.

Только тридцать-два изъ нихъ привлекли къ себѣ слушателей, и сдѣлались центрами просвѣщенія. Тамъ являлись некоторые отличные профессоры, еще сохранявшіе духъ здравыхъ ученій. Но политическіе перевороты и тамъ, какъ и всюду, давали чувствовать свое плачевное вліаніе. Профессоры, которыхъ избирали «присяжные обученія», сменялись другъ другомъ, подобно партіямъ у кормила власти, то появлялись, то исчезали снова, а вмѣстѣ съ ними и ученики ихъ. Наконецъ, эти школы, лишеныя всякой взаимной связи, невмѣвшія ни единства, ни общаго направленія, представлялись разбросанными осколками, а не великимъ зданіемъ народнаго просвѣщенія.

Первъ консулъ составилъ свой проектъ разомъ, съ своею обычною рѣшимостью.

Во-первыхъ, финансы Франціи не представляли правительству средствъ открыть безденежное обученіе въ первоначальныхъ школахъ. И потому удовольствовались, въ этомъ отношеніи, тѣмъ, что учредили эти школы только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сами жители имѣли возможность содержать ихъ на свой счетъ. Община давала отъ себя помянутое для школы, ученики вносили за себя соразмѣрно съ тѣмъ, сколько нужно было на содержаніе учителя. Вотъ все, что тогда можно было сдѣлать.

Въ настоящее время, самымъ важнымъ было второстепенное обученіе. Первы консулъ въ своемъ проектѣ отменилъ центральныя школы. Изъ нихъ только тридцать-два имѣли болѣе или менѣе успѣха. Это было указаніемъ потребности просвѣщенія въ различныхъ частяхъ Франціи. Первы консулъ предположилъ учредить тридцать-два учебныя заведенія, которыя онъ назвалъ *лицеями*, — именовъ, заимствованнымъ изъ древности, когда юношество вмѣстѣ съ основательнымъ образованіемъ получало въ важнѣйшіе годы возраста воспитаніе невзыженное, строгое, религіозное, совершенно на военную ногу. Онъ хотѣлъ ввести туда снова классическое образованіе, которое представляло бы первое мѣсто изученію древнихъ языковъ и давало бы только второстепенное мѣсто наукамъ математическимъ и физическимъ, предоставляя спеціальнымъ заведеніямъ дальнѣйшее усовершенствованіе въ этихъ послѣднихъ наукахъ. Онъ былъ правъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ прочемъ. Изученіе мертвыхъ языковъ не есть только изученіе однихъ словъ, но и вещей; это изученіе древности съ ея законами, нравами, искусствами, ея исторіею, столь-нравственною, столь-много-наставительною. Есть только одна возрастъ для изученія всего этого: дѣтство. Когда же придетъ мятежная юность съ своими страстями, съ своею склонностью къ преувеличенію и ложному вкусу, когда настанетъ зрѣлый возрастъ съ своими положительными интересами, тогда жизнь проходитъ, и человекъ ни одной минуты не уделяетъ на изученіе міра мертвыхъ, подобно языкамъ, которые открываютъ намъ входъ въ него. И если западное любознательство приведетъ кого къ этому предмету, то только скучныя безцѣльныя и недостаточныя переводы можетъ онъ проникнуть въ эту прекрасную древность; и въ то время, когда ослабли религіозныя идеи, и слаба мечта о возстаніи древности, люди составляли бы только об-

щества безъ всякой связи съ прошедшимъ, единственно-законово съ настоящимъ и занятое имъ, — общество невѣжественное, униженное, исключительно способное къ механическимъ искусствамъ.

Таковы были школы, въ которыхъ первый консулъ хотѣлъ образовывать французское юношество. Но какъ привлечь его туда? Въ этомъ состояло затрудненіе. Первый консулъ помогъ этому средствомъ самымъ и вѣрнымъ: такъ и должно дѣйствовать, если серьёзно хотѣть достигнуть цели. Онъ придумалъ учредить 6,400 ежегодныхъ стипендій (*bourses gratuites*) отъ казны, въ 700 или 800 франковъ каждая, что обходилось въ годъ отъ 5 до 6 милліоновъ, — сумма, по тогдашнему времени, очень-значительная. Этихъ шести тысячъ и нѣсколькихъ сотъ учениковъ было достаточно, чтобъ наполнить лица. Довѣренность семействъ, которую приобрести можно было надѣяться позже, должна была со-временемъ избавить государство отъ продолженія этой жертвы. Плата, взимаемая съ этихъ стипендіатовъ, была достаточна къ покрытію большей части издержекъ по этимъ новымъ заведеніямъ.

Первый консулъ хотѣлъ слѣдующимъ образомъ распределить эти стипендіи: 2,400 изъ нихъ должны были быть даны дѣтямъ недостаточныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и жителей провинцій, недавно-присоединенныхъ къ Франціи; остальные 4,000 предназначались для пансіоновъ, въ то время уже существовавшихъ. И действительно, было множество пансіоновъ, заведенныхъ частными людьми. Первый консулъ полагалъ, что ихъ должно оставить, но онъ присоединилъ ихъ къ своему плану самымъ простымъ и самымъ дѣйствительнымъ способомъ. Эти пансіоны не могли впредь существовать иначе, какъ съ дозволенія правительства; они должны были быть ежегодно осматриваемы лицами, назначенными отъ правительства; они обязаны были посылать своихъ воспитанниковъ слушать лицейскіе курсы, съ весьма-незначительною за то платою. Наконецъ, 4,000 стипендій, по ежегодномъ осмотрѣ, должны были быть раздѣляемы между воспитанниками различныхъ пансіоновъ, судя по одобренію, котораго заслуживали эти заведенія. Такимъ-образомъ, и пансіоны вошли существенною частію къ общему плану воспитанія.

Перейдя потомъ къ спеціальному обученію, первый консулъ занялся дополненіемъ его организаціи. Изученіе юриспруденціи погибло вмѣстѣ старымъ судебнымъ устройствомъ; онъ основалъ десять школъ права въ провинціи. Медицинскія школы, менѣе пренебреженныя, существовали въ числѣ трехъ; онъ предположилъ основать ихъ шесть. Политехническая школа уже существовала; она была присоединена къ этой организаціи. Сюда же присоединили школу публичныхъ работъ, известную въ-послѣдствіи подъ именемъ Школы Путей-Собобщенія (*des Ponts-et-Chaussées*), школу механическихъ искусствъ, учрежденную тогда въ Боннѣ, въ-послѣдствіи въ Шалонъ-на-Марнѣ, первый образецъ школъ искусствъ и ремеселъ, которыя нынѣ называютъ столярно-челювѣчными; наконецъ, школу великаго искусства, составившаго тогда могущество первого консула въ Франціи, — школу воиновъ, которой назначено было вѣдать замокъ въ Фонтенблѣ.

Всему этому не доставало необходимаго дополненія, т. е. высшаго заведенія, которое доставляло бы всѣмъ этимъ коллегіямъ наставниковъ, которое имѣло бы надъ всеми ими наблюденіе, — словомъ, того, что въ послѣдствіи назвали университетомъ. Но къ этому еще не приспѣло время. Первый консулъ сказалъ ученому Фуркруа: «это только начало; послѣ мы сделаемъ больше и лучше».

Эти оба проекта были внесены въ государственный совѣтъ и подверглись тамъ сильнымъ опроверженіямъ.

Проектъ почетнаго-легіона выдержалъ жесточайшее нападеніе. Въ этомъ, какъ и въ дѣлѣ конкордата, первый консулъ упреждалъ, быть можетъ, движеніе умовъ. Эта генералія, которая вскорѣ очутилась у подножія алтарей, которая вскорѣ покрывалась орденами знаками съ ребяческимъ увлеченіемъ, сопротивлялась еще въ настоящее время возстановленію богослуженій и учрежденію почетнаго-легіона.

Даже и въ государственномъ совѣтѣ находили, что учрежденіе почетнаго-легіона нарушить равенство, ввести прежнюю аристократію. Первый консулъ отвѣчалъ на всѣ эти возраженія самую сильную діалектикою. «Что есть аристократическаго», говорилъ онъ: «въ отличіи совершенна-дѣльнымъ, пожизненнымъ, даваемомъ человеку, оказавшему гражданскую или воинскую заслугу, даваемомъ ему-одному, даваемомъ ему только по жизни, и непереходящемъ на его дѣтей? Орденъ—самое чистое, наименѣе аристократическое изъ всѣхъ учрежденій». Но, говорилъ ему, за этимъ придетъ и другое. «Это быть можетъ», присовокуплялъ первый консулъ: «но рассмотримъ сперва то, что намъ даютъ, а въ остальномъ будемъ судить потомъ. Спрашивалось, что значить легионъ, состоящій изъ 6,000 человекъ, и въ чемъ будутъ состоять ихъ обязанности? Спрашивалось, будетъ ли онъ имѣть обязанности отличія отъ тѣхъ, которыя возлагаются на всѣхъ гражданъ, равно обязанныхъ защищать территорію, конституцію, равенство? Во-первыхъ, на этотъ вопросъ можно отвѣчать то, что всякій гражданинъ обязанъ защищать общее всѣмъ отечество, и что, однакожь, есть армія, на которую въ-особенности возложенъ этотъ долгъ. Послѣ того, будетъ ли дивительно, что въ арміи будетъ избранный легионъ, отъ котораго требуютъ больше-ревностнаго выполненія его обязанностей, большаго расположенія къ жертвованію своею жизнью? Но, кромѣ того, хотѣтъ и знать, чѣмъ будетъ этотъ почетный-легионъ», восклицаетъ первый консулъ, возвращаясь къ своей любимой идее: «вотъ чѣмъ. Это есть быть организація людей, творцовъ и приверженцевъ революціи, которые не суть ни эмигранты, ни вандейцы, ни духовные. Приверженцы стараго правленія цѣлѣе, нежели какъ обыкновенно думаютъ. Эмигранты въ связи другъ съ другомъ; Вандейцы еще тайно составляютъ ополченія; и словами «законовый король», «религія», можно въ минуту собрать тысячи рукъ, которыя и поднялись бы, будьте увѣрены, если бы ихъ не удерживало собственное утомленіе и сила правительства. Уховные составляютъ корпорацію, въ основаніи мало-расположенную къ всѣмъ намъ. Необходимо, чтобы люди, принимавшіе участіе въ революціи, соединились между собою, составили бы также одно прочное

целое. Эти 6,000 легионаріевъ составляютъ одну изъ крайчайшихъ гарантій, какія вы только можете дать новому порядку вещей. И притомъ, будьте увѣрены, борьба съ Европою еще не кончена; знайте вѣрно, что она возобновится. Надо почитать за счастье, что имѣешь въ рукахъ такое легкое средство поддержать, возбудить храбрость нашихъ солдатъ! Всего посредствомъ трехъ милліоновъ дохода съ національныхъ имуществъ сколько героевъ можете воззвать вы на поддержаніе великаго дѣла Франціи!»

Таковы были аргументы перваго консула. Онъ приводилъ и другіе въ отвѣтъ тѣмъ, которые требовали, чтобъ новый орденъ былъ частновосный, и учрежденъ для одной арміи. «Я не хочу», говорилъ онъ: «основать преторіанское правленіе; не хочу вознаграждать однихъ военныхъ. Я думаю, что всѣ заслуги—родныя сестры, что мужество, оказанное президентомъ Конвента, противившимся черни, должно стать на ряду съ мужествомъ Клебѣра, идущаго на приступъ Сен-Жан-д'Акры. Угнѣтъ свои права, и еще вышшія, нежели сила; сама сила—ничто безъ ума. Во времена героическія, вождемъ бывалъ человекъ самый сильный, самый ловкій; во времена цивилизаціи, вождемъ бываетъ умнѣйшій изъ храбрыхъ. Когда мы были въ Каира, Египтяне не могли понять, чтобъ Клебѣръ, при своей величественной осанкѣ, не былъ главнокомандующимъ. Мурадъ-Бэй, всмотрѣвшись поближе въ нашу тактику, повѣлъ, что я, а не кто другой, долженъ быть вождемъ такъ—предводительствованной арміи. Вы разсуждаете по-египетски, имѣя притязаніе ограничить награды воинскою доблестью. «Солдаты»—присовокуплялъ первыи консулъ, «солдаты разсуждаютъ лучше вашего. Пойдите на нихъ бавуаки, послушайте ихъ. Не думаете ли вы, что между ихъ офицерами самый огромный, самый величественный по наружности внушаетъ имъ наиболѣе уваженія? Нѣтъ, они уважаютъ храбрѣйшаго. Вы думаете, что храбрѣйшій ставится ими выше всѣхъ? Безъ сомнѣнія, они стали бы презирать того, въ чьемъ мужествѣ усомнились бы; но они чтятъ выше храбрѣйшаго того, кого считаютъ умнѣйшимъ. Что до меня самого, думаете ли вы, что единственно потому, что слышу великимъ полководцемъ, я правлю Франціею? Нѣтъ, но потому, что во мнѣ признаютъ качества государственнаго человека и правителя. Франція никогда не потерпѣла бы надъ собою руки солдата; тѣ, которые такъ думаютъ жестоко ошибаются. Франція—страна благородная и столько разумная, что не можетъ покориться матеріальному владычеству и возстановить у себя поклоненіе силъ. Почтаимъ умъ, доблесть—словомъ, гражданскія заслуги на всяческомъ поприщѣ; будемъ вознаграждать эту наградою, равною для всѣхъ!»

Эти доводы, высказанные съ жаромъ, съ силою, и исходя изъ устъ величайшаго полководца новѣйшихъ временъ, увлекли весь государственный совѣтъ, очаровали его.

Не будучи въ состояніи заставить его отказаться отъ проекта, предлагали, однакожъ, ему отложить его и выждать время. Онъ на чего не хотѣлъ слышать. Провода его во всемъ нетерпѣливо ждала результата.

Проектъ о системѣ народнаго воспитанія подвергся также сильнымъ опроверженіямъ въ государственномъ совѣтѣ. Но первый консуль уничтожилъ ихъ глубокими доводами, которые высказалъ не въ одно засѣданіе и подѣ тысячью различныхъ видовъ.

Оба эти проекта были представлены законодательному сословію почти въ одно время, потому что первый консуль не хотѣлъ упустить это кратковременное засѣданіе, не положивъ главныхъ основъ своему обширному зданію. Законъ о народномъ обученіи не встрѣтилъ большихъ препятствій, и, поддержанный докладчикомъ его, Фурикуа, который былъ творцомъ его наполовину вмѣстѣ съ первымъ консуломъ, былъ утвержденъ значительнымъ большинствомъ. Въ трибунатѣ онъ получилъ 80 бѣлыхъ балловъ противъ 9 черныхъ; въ законодательномъ сословіи 251 противъ 27. Но законъ о почетномъ—легионѣ встрѣтилъ въ обоихъ собраніяхъ равно-сильное сопротивленіе. Люсианъ Бонапарте былъ его докладчикомъ, и по живости, съ какою онъ защищалъ его, было очевидно, что онъ защищаетъ фамилію идею. Люсианъ, жившій даръ слова, но недостаточно упражнявшій его, отъвѣчалъ на всѣ нападенія нехладнокровно и неумѣренно, и много содѣйствовалъ къ нерасположенію трибуната. Не смотря на очищеніе, которому подверглось это собраніе, внесенный проектъ получалъ въ свою пользу только 56 бѣлыхъ балловъ противъ 38 черныхъ. Въ законодательномъ сословіи онъ имѣлъ 166 голосовъ въ свою пользу и 110 противъ. Такимъ образомъ, проектъ закона былъ принятъ; но рѣдко большинство было такъ слабо, даже и до исключенія членовъ оппозиціи.

Исходъ этого столь плодотворнаго засѣданія приближался, и однакъ амьенскій трактатъ не былъ еще внесенъ въ законодательное собраніе, чтобъ быть тамъ превращеннымъ въ законъ. Этотъ важный актъ былъ приберегаемъ на послѣдокъ. Хотѣли, чтобъ онъ послужилъ въ некоторомъ родѣ выносомъ для дѣлній перваго консула и совѣщаній этого чрезвычайнаго засѣданія. Сверхъ-того, на него смотрѣли, какъ на средство дать общественной благодарности случай высказаться въ пользу творца всѣхъ благъ, которыми наслаждалась теперь Франція.

Съ нѣкотораго времени, дѣйствительно, спрашивали, не-уже-ли не будетъ дано достойнаго доказательства національной признательности человеку, который, въ два съ половиною года, извлекъ Францію изъ хаоса, и примирилъ ее съ Европою, церковью и самою-собою, и уже почти-совершенно устроилъ ее внутри? Это чувство благодарности было общее и заслуженное. Легко было воспользоваться имъ къ выполненію тайныхъ желаній перваго консула, — желаній, состоявшихъ въ томъ, чтобъ получить навсегда власть, врученную ему на десять лѣтъ. Сверхъ-того, умы имѣли уже относительно этого предмета окончательное-принятое мнѣніе, и, за исключеніемъ малаго числа роялистовъ или якобинцевъ, никому не доступна была мысль — и никто не захотѣлъ бы, — чтобъ власть перешла отъ генерала Бонапарте въ другія руки. Смотрѣли на неопредѣленное продолженіе его власти, какъ на самое простое и самое неизбежное дѣло. Итакъ, легко было превратить это расположеніе умовъ въ законный актъ; и если, полтора года назадъ, по па-

воду знаменитой параллели между Цезаремъ, Кромвеллемъ и генераломъ Бонапарте, возникло сильное противодѣйствіе, то теперь вѣчего было болѣе опасаться. Стояло только сказать одно слово, чтобъ тотчасъ же предложили первому консулу настоящую верховную власть, подъ тѣмъ названіемъ и подъ тою формою, какъ захотѣлъ бы онъ самъ. Достаточно было выбрать какой-нибудь удобный случай, сделать предложеніе, и оно было бы немедленно принято.

Генералъ Бонапарте желалъ верховной власти; это было естественно и простиительно. Творя блага, онъ повиновался своему гению; творя ихъ, онъ надвѣлся за то награды. Въ этомъ не было ровно ничего преступнаго, тѣмъ болѣе, что по его убѣжденію и по истинѣ, для довершенія этихъ благъ необходимъ былъ на долгое время всемогущій правитель. Въ странѣ, которая не могла обойтись безъ сильной и творящей руки, было законнымъ дѣломъ имѣть притязаніе на верховную власть тому, кто былъ самымъ великимъ человекомъ своего вѣка, и однимъ изъ самыхъ великихъ людей всего человѣчества. Вашингтонъ, посреди общества демократическаго, республиканскаго, исключительно торговаго, и на долгія времена мирнаго, Вашингтонъ былъ правъ, обнаруживъ мало честолюбія. Въ государствѣ республиканскомъ по случаю, монархическомъ по природѣ, окруженномъ врагами, съ-тѣхъ-поръ воинственномъ, немогшимъ управляться и защищаться безъ единства дѣйствій, генералъ Бонапарте былъ правъ, желая верховной власти, подъ какимъ бы то ни было названіемъ. Его вина не въ томъ, что онъ пріемалъ диктатуру, тогда необходимую, а въ томъ, что не всегда употреблялъ ее такъ, какъ въ первые годы своего славнаго поприща.

Генералъ Бонапарте скрывалъ глубоко въ своемъ сердцѣ желанія, которыя ясно примѣчали всѣ, даже самый простой народъ. Случалось развѣ, что онъ открывался въ томъ своимъ братьямъ. Никогда не говорилъ онъ, чтобъ титулъ перваго консула на десять лѣтъ пересталъ довольствовать его. Безъ сомнѣнія, когда вопросъ представлялся въ теоретической формѣ, когда говорили вообще о необходимости сильной власти, — онъ давалъ волю словамъ своимъ и выражалъ свою мысль касательно этого предмета. Но никогда онъ не заключалъ тѣмъ, чтобъ требовать себя продолженія власти. Въ одно и то же время скрытный и доверчивый, онъ сообщалъ кое-что однимъ, кое-что другимъ, и скрывалъ нѣчто отъ всѣхъ. Но всѣ догадывались о тайномъ честолюбіи его сердца и часто говорили съ нимъ объ этомъ, предоставляя ему болѣе удобное положеніе скорѣе умерять, нежели возбуждать рвеніе къ его собственному величію. Итакъ, ему говорили, что уже настало время установить въ его пользу нѣчто отличное отъ эфемерной и преходящей власти. Иосифъ, съ мирною кротостью своего характера, Люсіанъ съ своею природною дерзостью, стремились открыто къ той же цѣли. Они низли своими повѣренными и содѣйствителями людей, бывшихъ съ нами въ дружественныхъ отношеніяхъ, раздѣлявшихъ ихъ желанія или по убѣжденію, или изъ угожденія. Ренью, Лапласъ, Талейранъ, Рёлереръ желали какъ-можно-скорѣйшаго и какъ-можно-полнѣйшаго возвращенія къ монархіи. Талейранъ, наиболѣе-спокойный, но не менѣе дѣл-

тельный изъ нихъ; сильно былъ привязанъ къ монархіи, въ-особенности утонченной и блестящей, какъ во дворцѣ версальскомъ, но во всякомъ случаѣ безъ Бурбоновъ, съ которыми онъ считалъ въ то время своё существованіе несомвѣстнымъ. Эти задушевные повѣренныя семейства Бонапарте много разсуждали между собою о настоящемъ вопросѣ. Однакожъ, разомъ перейти къ наследственной верховной власти, съ титуломъ императора или короля, казалось очень-большою смѣлостью. Можетъ-быть, было лучше дойти до того же, пройдя чрезъ одно или несколько промежуточныхъ состояній. Но, не отменяя титула перваго консула, что было гораздо-удобнѣе, можно было дать ему власть равную королевской, даже и въ-отношеніи наследственности: то было по-извѣстное консульство, съ властью назначать себя преемника. Сдѣлавъ некоторые видоизмѣненія въ конституціи, на которыя легко было склонить сенатъ, можно было создать настоящее самодержавіе, подъ республиканскимъ титуломъ.

Эти идеи казавась самою благоразумною и самою мудрою; и на ней, по-видимому, остановились члены семейства Бонапарте. Это семейство находилось теперь въ странномъ волненіи. Братья перваго консула, которые шли на чель своемъ лучъ егѣ славы, но которымъ этого было мало, и которымъ хотѣлось бы, чтобъ онъ сдѣлался настоящимъ монархомъ, чтобъ самимъ быть чрезъ то принцами крови, очень тревожились, жаловались, что они ничего не значатъ, что они способствовали къ возвышенію своего брата и не имѣютъ въ государствѣ мѣста, соответственнаго своему достоинству и своимъ заслугамъ. Исконъ, очень-спокойный по характеру, сверхъ того довольный ролею миротворца, богатый, уважаемый, былъ менѣе-нетерпѣливъ. Любяща, выдававшій себя за республиканца, болѣе всѣхъ, однакожъ, желалъ, чтобъ самодержавная власть брата скорѣе воздвиглась на развалинахъ республики. Еще недавно, онъ отказался быть за обильнѣйшій столѣмъ у госпожи Бонапарте, сказавъ, что онъ явится туда, когда тамъ будетъ мѣсто, назначенное для братьевъ перваго консула. Посреди стрѣлы семейства, госпожа Бонапарте, болѣе заслуживавшая участія; почему-то она не питала всѣхъ этихъ честолюбивыхъ желаній, и, напротивъ, страшилась ихъ; госпожа Бонапарте была, по обыкновенію, болѣе испугана, нежели довольна готовившимися переменами. Она смѣло признавалась въ своихъ опасеніяхъ супругу, который съ привади въпыльчивости заставлялъ ее молчать. Отвергнутая имъ, она обращалась тогда къ людямъ, имѣвшимъ надъ нимъ некоторое вліяніе, умоляла ихъ опровергнуть совѣты честолюбивыхъ и безразсудныхъ братьевъ и давала такимъ-образомъ своимъ предчувствіямъ, своему страху гласность, которая очень не нравилась первому консулу.

Фушѣ старался ее утѣшить. «Сударыня» говорилъ онъ ей: «успокойтесь. Вы бесполезно станете противорѣчить вашему супругу. Онъ будетъ консуломъ по жизни, королемъ или императоромъ, всѣмъ, чѣмъ только можно быть. Ваши опасенія утомляютъ его: мои совѣты были бы для него оскорбительны. Итакъ, будемъ ждать, и предоставимъ со-

«свершаться событіямъ, которыхъ ни вы, ни я осуществитъ не къ состоянію».

Развязка приближалась по мѣрѣ того, какъ подходилъ къ концу срокъ чрезвычайнаго засѣданія X года. Между-тѣмъ, въ этомъ дѣлѣ нельзя было обойтись безъ руки одного человека, и этотъ человекъ былъ консулъ Камбасересъ. Мы уже говорили о его скрытомъ, но действительномъ вліяніи на перваго консула. Его вліяніе въ сенатѣ было равно велико. Это первое въ государствѣ собраніе пытало истинное уваженіе къ старому юрисконсульту, сдававшемуся повѣрженныи новаго Цезаря. Въ настоящемъ обстоятельствѣ, такъ-какъ генералъ Бонапарте не могъ самъ провозгласить себя консуломъ по жизни или императоромъ, и такъ-какъ было необходимо, чтобъ какое-нибудь государственное учрежденіе приняло на себя сдѣлать подобное предложеніе, то очевидно, взяться за это должно было сенату, а въ сенатѣ человеку, который управлялъ имъ, который значилъ въ немъ болѣе всѣхъ.

Камбасересъ, хотя привязанный къ первому консулу, не безъ некотораго, однакожь, неудовольствія смотрѣлъ на перемену, дѣлать которую вѣстать его еще въ дальнѣйшемъ разстояніи отъ его любиматаго сотоварища. Но онъ видѣлъ, что бесполезно какое-либо сопротивленіе желаніямъ генерала Бонапарте, и что, въ настоящихъ своихъ границахъ, эти желанія законны.

Между-тѣмъ, какъ объ этомъ предметѣ шли жаркіе разговоры около перваго консула, а самъ онъ только слушалъ все это, стараясь наблюдать молченіе, Камбасересъ положилъ конецъ этому принужденному состоянію, заговоривъ первый съ своимъ сотоварищемъ о происшедшемъ. За себя и третьаго консула, Лебрёна, онъ предложилъ ему всѣческую помощь въ этомъ дѣлѣ, гдѣ первому консулу неловко было дѣйствовать своею особою, потому-что онъ долженъ былъ казаться принужденнымъ, а не вынуждающимъ насильно титулъ, о которомъ шла рѣчь. Первый консулъ, выразивъ Камбасересу свою благодарность и подобную откровенность, объявилъ ему, что дозволенъ своимъ вѣстаннымъ положеніемъ, не видитъ необходимости переманить его, и на что не рѣшится, чтобъ изъ него выйти; что, по его мнѣнію, нельзя сдѣлать некоторыхъ перемены въ формѣ правленія, но что ему нельзя вмѣшиваться въ это дѣло, потому-что онъ не имеетъ слышаннаго-принимать участіе въ этомъ вопросѣ, и что такимъ-образомъ онъ будетъ имѣть, а самъ ничего не предпріиметь.

Камбасересъ отвѣчалъ первому консулу, что безъ сомнѣнія ему-самому неловко начинать подобное дѣло, но что, если ему угодно объясниться съ своими сотоварищами, дать имъ обоимъ выразити въ чемъ состоитъ его мысль, то они, разъ уже узнавъ его мнѣренія, избавятъ его отъ труда обнаруживать ихъ, и немедленно приступать къ дѣлу. Отъ-того ли, что онъ чувствовалъ некоторое вмешательство высказать свое желаніе, или отъ-того, что желалъ болѣе, нежели сколько тогда предназначали ему, — можетъ-быть, даже и самодержавной власти, — только первый консулъ облекся новою вѣстаннымъ завѣсомъ, и все повторялъ одно и то же, что онъ не имѣетъ

никакого опредѣленнаго желанія, но что будетъ доволень, если оба его товарища будутъ наблюдать за движеніемъ умовъ, даже направитъ ихъ, для предупрежденія безразсудствъ, которыя могутъ надѣлать неловкіе друзья.

Никогда первый консулъ не хотѣлъ высказать своей мысли своему товарищу Камбасерусу. Къ естественному заисъщательству, которое онъ испытывалъ, примѣшивалась и зависть. Онъ мечталъ, что безъ его вмѣшательства повергнуть къ ногамъ его корону. Это было заблужденіе. Публика, спокойная, счастливая, признательная, была расположена освятить своимъ согласіемъ все, что будетъ сделано; но отреченіе некоторымъ образомъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, она не была расположена вмѣшиваться въ нихъ, даже для того, чтобъ засвидѣтельствовать благодарность, которую чувствовала. Государственные собранія, за исключеніемъ некоторыхъ зачинщиковъ, находившихъ въ томъ свой интересъ, устыдились при мысли отречься, предъ лицомъ неба, отъ республиканскихъ формъ, на поддержаніе которыхъ они недавно произносили клятву. Многие, мало-опытные въ тайнахъ политики, вѣрили даже, что первый консулъ, довольный всемогуществомъ, которымъ пользовался, особенно съ-такъ-портъ, какъ освобождаясь отъ оппозиціи трибуната, — удовольствуется возможностью дѣлать все, что хочетъ, и предоставитъ себя легкую славу быть новымъ Вашингтономъ, превосходящимъ американскаго Вашингтона, гениемъ и славою. И потому, когда зачинщики говорили, что еще ровно ничего не сделано для перваго консула, который самъ такъ много сдѣлалъ для Франціи, нѣкоторые безхитростные люди отвѣчали на это наивно: что же хотите вы, чтобъ для него сдѣлали? что хотите вы, чтобъ ему предложили? какая награда можетъ соответствовать оказаннымъ имъ заслугамъ? Истинное ему вознагражденіе — его слава.

Камбасерусъ былъ такъ благоразуменъ, что не хотѣлъ отмстить за это притворство перваго консула, оставивъ дѣла въ застоѣ. Надо было чѣмъ-нибудь покончить, и онъ рѣшился вмѣшаться въ дѣло немедленно. По его мнѣнію и по мнѣнію многихъ свѣдущихъ людей, было достаточно дать первому консулу продолженіе власти на десять лѣтъ, которыя, съ семью годами, оставшимися отъ перваго періода, продолжали бы его консульство на семнадцать лѣтъ. Дѣйствительно, это значило, и во Франціи, и въ Европѣ, разрушить всѣ надежды враговъ перваго консула, которые рассчитывали на законный терминъ его могущества. Но Камбасерусъ хорошо зналъ, что первый консулъ не удовольствуется этимъ, что ему надо было предложить нечто другое, и что съ пожизненнымъ консульствомъ, соединеннымъ съ правомъ назначать преемника, можно получить всѣ выгоды наследственной монархіи, избѣжавъ неудобствъ, могущихъ произойти отъ перемены титула. И потому онъ остановился на этой мысли и старался распространить ее въ сенатѣ, законодательномъ сословіи, трибунатѣ.

Первый консулъ съ намѣреніемъ отлагалъ представленіе амьенскаго трактата на утвержденіе законодательному сословію. Камбасерусъ понималъ, что это было именно то обстоятельство, которымъ надо было

воспользоваться, и потому устроилъ все такъ, чтобъ достигнуть желаннаго результата. 6 мая (16 Флореала) проектъ закона былъ внесенъ въ законодательное сословіе тремя государственными совѣтниками: то были Рёдереръ, Брюи (адмиралъ) и Берльё. Обыкновенно, проекты были сообщаемы трибунату просто чрезъ законодательное сословіе; на этотъ разъ, по важности предмета, правительство хотѣло само непосредственно сообщить трактатъ трибунату. Это порученіе было возложено на трехъ государственныхъ совѣтниковъ: Рецье, Тибодэ и Бюго-Преманнэ. Едва окончили они свой докладъ, какъ трибунъ Симеонъ потребовалъ слова. «Такъ какъ правительство», сказалъ онъ: «сообщило намъ такимъ торжественнымъ образомъ мирный трактатъ, заключенный съ Великобританіею, то мы должны отвѣчать на это тѣмъ же. Я предлагаю отправить къ правительству депутацію, чтобъ поздравить его съ восстановленіемъ всеобщаго мира.» Это предложеніе было тотчасъ же принято. Президентъ Шабё-де-л'Альё, одинъ изъ друзей консула Камбасереса, произнесъ съ трибуны слѣдующія слова:

«У всѣхъ народовъ давались почести людямъ, которые славными дѣяніями приносили честь странъ своей и спасали ее отъ великихъ опасностей.

«Кто когда-либо болѣе генерала Бонапарте имѣлъ права на признательность націй?

«Кто, во главѣ армій или во главѣ правительства, доставилъ болѣе чести своему отечеству и оказалъ ему болѣе заслугъ?

«Его доблесть, его гений спасли французскій народъ отъ невостановительнаго анархіи и бѣдствій войны, и французскій народъ такъ-вѣзпикъ, такъ-великодушень, что не оставилъ столькихъ благодарящихъ безъ великаго возмездія.

«Трибуны! будемъ органами его, этого народа. Намъ въ-особенности должно показать примѣръ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ выразить, въ подобно-важномъ случаѣ, чувствованія и волю французскаго народа.»

Въ-слѣдствіе этой рѣчи, рѣшено было единогласно выразить на языкъ національную признательность первому консулу. Сенатъ определялъ составить особую комиссію, которая представила бы свои соображенія о томъ, чѣмъ должна быть выражена эта признательность.

Депутація, которую трибунъ Симеонъ предложилъ отправить къ правительству, на другой же день, 7 мая (17 Флореала), была принята въ Тюльери. Первый консулъ былъ окруженъ своими товарищами, множествомъ высшихъ должностныхъ лицъ и генералами. Видъ его былъ важенъ и скромень. Отблагодаривъ трибуна Симеона за выраженныя имъ въ привѣтствіи чувствованія, и сказавъ, что видитъ въ этомъ результатъ болѣе-благоприятныхъ отношеній, установившихся между правительствомъ и трибунатомъ, прямо намекнувъ такимъ-образомъ на перемены, произведенныя въ этомъ учрежденіи, первый консулъ заключилъ эти благородными словами: «Что до меня, я принимаю съ чувствительнѣйшею благодарностью рѣшеніе трибуната. Не желаю иной славы, кромѣ выполненія всей возложенной на меня обязанности»

«сти. Не ищу винаго возмездія, кромѣ любви моихъ согражданъ: счастливы, если они твердо убѣждены, что бѣдствія, которыя имъ пришлось бы испытать, будутъ для меня всегда самыми чувствительными бѣдствіями, что жизнь дорога мнѣ только по тѣмъ заслугамъ, которыя я могу оказать моему отечеству; что самая смерть отнюдь не будетъ мнѣ прискорбна, если мой послѣдній взглядъ увидитъ благоденствіе ереслублики такъ же упрочившимся, какъ упрочилась ея слава».

Теперь шло дѣло только о томъ, чѣмъ выразить національную благодарность въ-отношеніи къ генералу Бонапарте. Никто на этотъ счетъ не обманывался: всѣ хорошо знали, что только продолженіемъ власти можно было отплатить знаменитому генералу за неизмѣримыя благодѣнія, имъ оказанныя. Между-тѣмъ, нѣкоторыя немудрыя головы въ трибунатъ и сенатъ мечтали, подавая голосъ, что дѣло шло о воздвигеніи статуи или монумента въ честь перваго консула. Но такихъ господъ было очень-немного. Масса трибуновъ и сенаторовъ хорошо знала, какъ подобно выразить свою благодарность. Весь этотъ день и слѣдующій, Тюльери и отель Камбасереса не пустыли. Сенаторы наперевѣвъ одинъ передъ другимъ являлись съ вопросами, какъ имъ должно поступить. Ихъ рвеніе было велико; надо было только высказать, чего хотѣли, чтобъ они привели это въ исполненіе. Одинъ изъ нихъ сказалъ даже консулу Камбасересу: «Чего хочеть генераль? Хочеть ли онъ быть королемъ? Пусть только скажетъ...» Любопытствуя узнать настоящія мысли перваго консула, сенаторы старались приблизиться къ нему какъ-только могли, и пробовали тысячами способами выпытать изъ устъ его хоть одно сколько-нибудь значительное слово. Но онъ постоянно упорствовалъ обнаружитъ свои намѣренія, даже предъ сенаторомъ Лапласомъ, котораго онъ особенно любилъ, и который, по этому, былъ уполномоченъ выводить его сокровенныя желанія. Онъ всегда отвѣчалъ, что все, что сдѣлають, что бы ни сдѣлали, будетъ имъ принято съ благодарностью, и что онъ не имѣеть никакого особеннаго желанія. Нѣкоторые хотѣли знать, будетъ ли пріятно ему продолженіе власти на десять лѣтъ. Онъ отвѣчалъ, съ притворною уничиженностью, что всякое изъявленіе общественной благодарности,—это ли, другое ли,—будетъ ему достаточно и пріятно. Сенаторы, послѣ того, обращались къ консуламъ Камбасересу и Лебрёну, чтобъ спросить ихъ совѣта, на что имъ слѣдуетъ рѣшиться. «Назначьте его консуломъ по жпзнь», отвѣчали они: «и вы сдѣлаете все, что можно лучшаго». — «Но, говорятъ, онъ не хочеть этого», возражали люди болѣе-безхитростные: «говорятъ, что его удовольствуетъ продолженіе власти на десять лѣтъ. Зачѣмъ идти дальше, нежели сколько онъ хочеть?»

Консуламъ Лебрёну и Камбасересу стоило много хлопотъ убѣждать ихъ. Камбасересъ далъ знать объ этомъ первому консулу. «Вы поступаете неблагоуразумно», говорилъ онъ ему: «что не хотите объясниться. Ваши враги (она есть у васъ, не смотря на ваши заслуги, въ самомъ же сенатѣ) воспользуются вашимъ молчаніемъ.» — «Оставьте ихъ», отвѣчалъ первый консулъ Камбасересу: «большинство сената всегда

расположено дѣлать болѣе, нежели сколько отъ него требуютъ. Они пойдутъ дальше, нежели вы думаете.»

Камбасересь возражалъ ему, что онъ ошибается. Но было невозможно побѣдить это упорное притворство. Между-тѣмъ, такъ и случилось, какъ говорилъ Камбасересь. 8-го мая (18 флореала) сенатъ, послѣ двухъ-суточныхъ преній, рѣшилъ продолжить первому консулу власть на десять лѣтъ.

Первый консулъ, окруженный въ Тюльери своими братьями, Господомъ в Люсианомъ, узналъ съ живѣйшимъ неудовольствіемъ объ этомъ результатѣ. Въ первую минуту, онъ думалъ просто отказаться отъ предложенія сената и тотчасъ призвать къ себѣ своего сотоваряща Камбасереса. Второй консулъ сказалъ, что, безъ сомнѣнія, случившееся очень-непріятно, однако легко можетъ быть поправлено; что прежде всего не надо показывать никакого неудовольствія; что въ двое сутокъ все можетъ быть измѣнено, но что для этого необходимо дать дѣлу новый видъ, и что онъ беретъ это на себя. «Сенатъ предлагаетъ вамъ продолженіе перваго консульства» говорилъ Камбасересь: «отъчайте, что вы благодарны за такое предложеніе, но что не отъ него, а съ согласія цѣлой націи вы получали власть, что отъ одной націи вы можете получать продолженіе этой власти, и что желаете испросить ея согласія тѣмъ же путемъ, какой былъ употребленъ для принятія консульской конституціи, т. е. посредствомъ реестровъ, открытыхъ по всей Франціи. Тогда мы составимъ въ государственномъ совѣтѣ формулу, которая будетъ повергнута на народную санкцію. Мы спросимъ націю не о томъ, можетъ ли генералъ Бонапарте принять продолженіе власти на десять лѣтъ, но о томъ, долженъ ли онъ принять консульство по жизни. Еслибъ первый консулъ самъ сдѣлалъ что-либо подобное, присвокупляя Камбасересь, то это было бы неловко. Но я могу дать этому дѣлу ходъ, — я, второй консулъ, которому нѣтъ тутъ никакой выгоды. Пусть генералъ ѣдетъ въ Мальмезонъ; я одинъ останусь въ Парижѣ, соберу государственный совѣтъ, который и начертаетъ новое предложеніе, долженствующее быть повергнутымъ на одобреніе націи.»

Эта искусная уловка была принята съ большимъ удовольствіемъ генераломъ Бонапарте и его братьями. Камбасересь съзнавъ благодарностью за эту гениальную выдумку и былъ уполномоченъ дѣйствовать.

Все такъ устроилось, какъ говорилъ Камбасересь, и коммиссія, составленная изъ нѣсколькихъ государственныхъ совѣтниковъ, составила слѣдующій актъ, который назначено было обнародовать на другой день:

«Консулы республики, полагая, что отзывъ перваго консула есть блестящая почесть, оказанная власти народа; что народъ, вопрошаемый о своихъ драгоценнѣйшихъ интересахъ, не долженъ знать друтаго предѣла, кромѣ самыхъ этихъ интересовъ, постановляютъ слѣдующее...» и проч. Народу французскому будутъ предложены два вопроса:

- «1) Наполеонъ Бонапарте будетъ ли консуломъ по жизни?
- «2) Будетъ ли онъ имѣть право назначить себя преэмина?»

«На этотъ конецъ открываются реестры у всѣхъ мѣровъ, въ канцеляріяхъ всѣхъ трибуналовъ, у нотаріусовъ и у всѣхъ государственныхъ должностныхъ лицъ.»

Для подавiя голосовъ былъ назначенъ трехнедельный срокъ.

Камбасересъ отправился вслѣдъ за тѣмъ къ первому консулу съ этимъ опредѣленіемъ государственнаго совѣта. Трудно объяснить, почему первый консулъ упорно отвергалъ второй вопросъ. «Кого хотите вы, чтобъ я выбралъ себя преемникомъ? Монхъ братьевъ? Но Франція, согласившаяся быть управляемою мною, согласится ли быть управляемою Иосифомъ или Люсіаномъ? Васъ ли назначу я, васъ, консулъ Камбасересъ? Осмыслитесь ли вы принять на себя такую обязанность? И къ-тому же, когда не уважили завѣщавіа Людовика XIV, уважать ли мое? Человекъ умершій, кто бы онъ ни былъ, уже больше ничто.» Первый консулъ негодовалъ на Редерера, зачѣмъ онъ, не посоветовавшись ни съ кѣмъ, подавъ эту мысль о наследствѣ. И онъ заставилъ выкинуть изъ мнѣнiя государственнаго совѣта второй вопросъ, относившійся къ избранію преемника. Побужденіе, руководившее первого консула въ этомъ случаѣ, очень-темно. Хотѣлъ ли онъ, оставивъ пропускъ въ организаціи правительства, доставить себя новый предлогъ, чтобъ сказать еще разъ, и нѣсколько-позже, что власть была безъ будущности, безъ вѣлчiя, и что должно превратить ее въ наследственную монархію? или боялся онъ семейныхъ раздоровъ и несчастій, въ которые вовлекло бы его право избирать преемника между своими братьями и племянниками? Если судить по его рѣчамъ въ эту эпоху, то послѣднее предположеніе покажется болѣе-справедливымъ.

Обрванный такимъ-образомъ актъ появился въ *Монитёръ*, утромъ 11 мая (21 флореала). Можно было быть увѣрену въ согласіи націи. Должно было казаться страннымъ, что предложеніе сената, единственной власти, которая имѣла право дѣлать предложенія, было измѣнено такъ существенно мѣстомъ, которое не было ни сенатъ, ни законодательное сословіе, ни трибунатъ, а просто совѣтъ, зависящій отъ правительства. Правда, государственный совѣтъ имѣлъ тогда великую важность, дѣлавшую его почти-равнымъ законодательнымъ собраніемъ; воззваніе къ воли націи было въ некоторомъ родѣ поправкою, прикрывавшею вся неправильности этой процедуры, и давало государственному совѣту очевидную роль простаго редактора вопроса, предлагаемаго Франціи. Въ смѣлліи надъ сенатомъ, который и самъ былъ въ довольно-сильномъ смущеніи отъ-того, что не сумѣлъ лучше понять желаніи генерала Бонапарте, и который безмолвствовалъ, не находя ничего причинаго ни сказать, ни сдѣлать. Что до сопротивленія, то онъ не имѣлъ никакого средства, и даже не помышлялъ о томъ. Безъ-сомнѣнiя, погонь не былъ такъ всеобщъ, чтобъ не возникало порицаніе въ извѣстныхъ мѣстахъ, на-прим. въ скрытыхъ убежищахъ, гдѣ явные республиканцы скрывали свое отчаяніе, въ блестящихъ отеляхъ Сент-Жерменскаго-Предмѣстья, гдѣ роялисты проклинали эту новую власть, которой они еще тогда не начинали служить. Но это порицаніе, едва услышавъ вѣрвѣди хвалебнаго хора, возносившагося вокругъ первого

консула и достигавшаго до его слуха, это порицаніе производило мало эффекта. Только мыслящіе люди, а ихъ всегда очень-немного, могли погружаться въ странныя размышленія о превратностяхъ революцій, о противорѣчій самой-себя этой генераціи, испровергнувшей двѣнадцатипяти-ковую королевскую власть, хотѣвшей даже въ своемъ изступленіи испровергнуть весь тронъ Европы, а теперь возсоздающей, по частямъ, разрушенный престолъ, и ревностно отыскивающей челоуька, кому бы отдать его. Къ-счастью, она нашла для этой роли челоуька необыкновеннаго.

Эти мнвутныя затрудненія вскорѣ уступили мѣсто настоящей орадіи. Законодательное сословіе и трибунатъ въ цѣломъ своемъ составѣ явились въ Тюльери къ первому консулу, подать голосъ въ пользу увеличенія его власти. Было бы утомительно воспроизводить рѣчи, произнесенныя при этомъ случаѣ. Это было всегдашнее выраженіе все той же признательности, все той же доверенности къ правительству пераго консула. Подобный примаръ могъ только увлечь граждаиъ къ подаиіи голоса, еслибъ они нуждались въ такомъ побужденіи. Они наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшили къ мэрамъ, нотаріусамъ, въ канцеляріи трибуналовъ, чтобъ вписать въ реестры свои одобрительные голоса.

Наступилъ конецъ флореала. Спѣшили заключить это короткое и достопамятное засѣданіе внесеніемъ финансовыхъ законовъ. Предложенный бюджетъ былъ въ высшей степени удовлетворителенъ. Онъ простирался всего до 625 милліоновъ франковъ и покрывался доходами, прѣмьтно-возраставшими, не считая возстановленія косвенныхъ налоговъ, остававшихся источникомъ для покрытія новыхъ нуждъ, которыя могли возникнуть въ-послѣдствіи. Въ этомъ финансовомъ благоденствіи оставалось одно жадное напоминаніе о прошломъ: это было банкротство, происшедшее отъ бумажныхъ денегъ, но которое отнюдь нельзя было вѣнчать въ вину консульскому правительству.

Эти предложенія не встрѣтили болѣе оппозиціи, подобной оппозиціи IX года. Она была послѣднимъ актомъ этого полуторамъскаго засѣданія, посвященнаго столь-важнымъ предметамъ.

Трибунатъ и законодательное сословіе разошлись 20 мая (30 флореала), оставивъ Францію въ состояніи, въ какомъ она еще не бывала и, можетъ-быть, никогда не будетъ.

Въ эту минуту, народъ, наперерывъ другъ передъ другомъ, подавалъ свой одобрительный голосъ въ отвѣтъ на запросъ, предложенный государственнымъ совѣтомъ. Голосовъ было подано слишкомъ три съ половиною милліона. По-видимому, это было мало при народонаселеніи въ 36 милліоновъ челоуькъ; но въ сущности — много, болѣе, чѣмъ сколько требуютъ и получаютъ въ болѣеи части вѣзвѣстныхъ конституціи гдѣ триста, четьреста, пятьсотъ тысячъ голосовъ, на болѣишій конецъ выражаютъ волю народа. И дѣйствительно, половина изъ этихъ милліоновъ — женщины, неимѣющія политическихъ правъ; въ остальныхъ 18,000,000 есть старики, дѣти, такъ-что мужественнаго и крадкаго населенія должно полагать всего 12,000,000. Итакъ, если еще прибавить къ этому значительное число промышляющихъ себя хлѣбъ рудными работами

ми, по-большей-части безграмотныхъ, едва-знающихъ подъ какимъ правительствомъ живутъ они, то эти три съ половиною миліона годовъ — число необычайное.

Были, впрочемъ, нѣкоторые диссиденты, республиканцы или роялисты, которые подписали на реестрахъ свое несогласіе, и которые своимъ присутвіемъ свидѣтельствовали о свободѣ, предоставленной всѣмъ и каждому. Но число ихъ было вовсе незаметно.

Первый консулъ занялся самъ, чтобъ ввести нѣкоторые измѣненія въ конституцію, казавшіяся ему необходимыми. Прицѣля твореніе Сіѣсса, онъ полагалъ однако сохранить основаніе его конституціи, присовокупивъ только нѣкоторые новыя удобства для правительства.

Были люди, которые, видя, что, по слѣдъ обстоятельствъ, должна быть введена монархія, мечтали о введеніи во Францію просто англійской монархіи, съ наследственною королевскою властью и двумя независимыми палатами.

Первый консулъ, не смотря на то, что такимъ проектомъ назначался ему престоль, не разделялъ этого мнѣнія, будучи чистосердечно убежденъ въ невозможности подобнаго учрежденія при настоящемъ порядкѣ вещей.

Тѣ, которые не хотятъ въ немъ видѣть ничего болѣе, кроме военнаго человека, и едва-едва администратора, а отнюдь не государственнаго человека, воображаютъ себя, что онъ вовсе не знаетъ англійской конституціи. Это рѣшительное заблужденіе! Видя въ Англій единственную страшную соперницу, какую Франція имѣла въ Европѣ, онъ постоянно не спускалъ съ нея глазъ и проникъ до сокровеннѣйшихъ пружинъ ея конституціи. Въ частыхъ разговорахъ о правительственныхъ предметахъ, онъ говорилъ объ этомъ съ рѣкою провидѣтельностію. Одно г-особенности не нравилось ему въ британской конституціи, именно, то важнѣйшія государственныя дѣла, требующія наиболее продолжительныхъ размышленій, большой послѣдовательности въ видахъ, глубокой тайны въ исполненіи, — предаются публичной гласности и случайно глѣзнуть интриги и витійства. «Пусть гг. Фоксъ, Питтъ или Аддингтонъ» говорилъ онъ: «будутъ искусне одинъ другаго въ веденіи парламентной интриги, или краснорѣчивѣе — въ засѣданіи парламента, и у насъ удетъ война вмѣсто мира; вселенная снова вспыхнетъ пламенемъ; Франція уничтожитъ Англію, или будетъ испровергнута ею! Отдавать» восклицалъ онъ съ гнѣвомъ: «отдавать судьбу міра на произволъ такихъ пружинъ!..» Этотъ великій умъ, исключительно занятый преобладающею мыслию объ условіяхъ хорошаго выполненія въ государственныхъ дѣлахъ, забывалъ, что эти дѣла могутъ подпасть еще подъ болѣе-вѣскорное вліяніе какой-нибудь г-жи Ментенонъ въ вѣкъ ханджества, г-жи Помпалуръ въ вѣкъ разврата, и даже, въ скороспеходящую эпоху великаго человека, каковы Фридрихъ или Наполеонъ, — подъ вліяніе заволюбилъ, до-нѣльзя пытающаго судьбу сраженій.

Первый консулъ хотѣлъ, чтобъ власть его товарищей была также продолжена по жизни. «Вы довольно сдѣлали для меня» сказалъ онъ консулу Камбасоресу, «я долженъ упрекнуть вице-консула».

принципъ пожизненности былъ принятъ для троихъ консуловъ, какъ въ настоящее время, такъ и на будущее. Оставался важный вопросъ о назначеніи преемника первому консулу, чѣмъ должно было замѣнить наследственность. Генераль Бонапарте сначала отказался отъ этого права избрать себя преемника; наконецъ, онъ уступилъ, и было решено, чтобъ онъ назначалъ себя преемника при жизни. Въ этомъ случаѣ, онъ долженъ былъ съ большою церемоніею представить его сенату, гдѣ тотъ далъ бы присягу республикѣ, въ присутствіи консуловъ и всѣхъ властей. Этотъ преемникъ засѣдалъ въ сенатѣ на ряду съ консулами, непосредственно послѣ третьяго.

Во всякомъ случаѣ, еслибъ, для избавленія себя отъ семейныхъ распрей, первый консулъ не назначилъ себя преемника при жизни, а хотѣлъ его наименовать въ завѣщаніи, то долженъ былъ, до смерти, вручить это завѣщаніе, за своею печатью, другимъ консуламъ, въ присутствіи министровъ и президентовъ государственнаго совѣта. Это завѣщаніе должно было оставаться въ архивахъ республики. Но въ этомъ случаѣ надо было, чтобъ сенатъ ратификовалъ волю завѣщателя.

Когда первый консулъ не совершилъ бы избранія при жизни, или еслибъ онъ не оставилъ завѣщанія, или еслибъ это завѣщаніе не было ратификовано, тогда второй и третій консулы должны были назначить преемника, котораго, по ихъ представленію, утверждалъ сенатъ.

Таковы были формы для обезпеченія перехода власти. Это избраніе могло превратиться въ наследственность, потому что глава государства былъ воленъ избрать своего сына, еслибъ онъ имѣлъ его. Онъ могъ предпочитать между своими преемниками того, кого считалъ бы достойнѣйшимъ.

Консулы были по праву членами сената и должны были председательствовать въ немъ.

Первому консулу дано было право — миловать. Это значило уполобить его власть, по возможности, власти государя.

По бюджету, назначалось первому консулу шесть милліоновъ франковъ, и милліонъ двести тысячъ обовмъ его товарищамъ.

Измненія консульской конституціи состояли въ замѣнѣ списковъ въ борныхъ—обширной бездѣйственной и мечтательной кандидатуры, — избирательными пожизненными коллегіями, собравшимися по-временамъ для представленія кандидатовъ на выборъ сенату; во врученіи сенату власти видоизмѣнять конституцію, пополнять ее, отстранять всякое препятствіе къ ея ходу; наконецъ, власть распускать трибунатъ и законодательное сословіе; въ предоставленіи генералу Бонапарте консульства на жизнь; въ отнятіи силы у трибуната и въ превращеніи его во второй государственный совѣтъ, уполномоченный критиковать дела перлатъ въ перенесеніи изъ законодательнаго сословія и государственнаго совѣта въ особенный совѣтъ некоторыхъ важныхъ правительственныхъ дѣлъ, каковы, напр., утвержденіе трактатовъ; наконецъ, въ учрежденіи между трибуналами іерархіи и дисциплины.

Это была все по-прежнему аристократическая конституція *Civica* способная превратиться въ аристократію или деспотизмъ, смотря по р.

къ, ее направлявшей, — конституція, превращавшаяся теперь въ самодержавную власть подъ рукою генерала Бонапарте, но могшая превратиться, по его смерти, въ частую аристократію, еслибы, до смерти, она не взирнула всего въ бездну.

Итакъ, конституція Сіёса могла въкогда возвратиться къ своей первоначальной цѣли; но въ настоящее время она была только личиною диктатуры.

И надо признаться, что эта республика — по имени заключала въ себя рѣдкое величіе: она напоминала, въ некоторомъ отношеніи, Римскую Республику, превращенную въ имперію. Этотъ сенатъ имѣлъ мощь сената древняго Рима, — мощь, которую онъ предоставлялъ императору, когда тотъ былъ силенъ, и которую онъ возвращалъ себѣ, когда императоръ былъ слабъ. Этотъ первый консулъ имѣлъ, по-истинѣ, могущество римскихъ императоровъ. Присовокупимъ, что онъ имѣлъ почти и ихъ власть надъ вселенною.

Наконецъ, сенатъ издалъ постановленіе, состоявшее изъ трехъ статей. Первая изъ нихъ гласила слѣдующее: «*Французскій народъ назначаетъ и сенатъ провозглашаетъ Наполеона Бонапарте первымъ консуломъ по жизни.*»

Съ этой-то эпохи, имя, данное при вѣнскомъ началѣ владычеству на государственныхъ актахъ рѣдкомъ съ фамильнымъ прозваніемъ генерала Бонапарте, которое одно до-сихъ-поръ было известно въ мірѣ. Это столь славное имя, въ послѣдствіи столько разъ повторившееся голосомъ націй, было употреблено официально всего только одинокъ разъ въ конститутивномъ актѣ Итальянской-Республики. По приближеніи къ самодержавію, имя, отдѣляясь мало-по-малу отъ фамильнаго прозванія, дѣкоръ должно было произноситься всеми одно, и генералъ Бонапарте, названный однажды Наполеономъ Бонапарте, долженъ былъ вскорѣ называться не иначе, какъ Наполеономъ, согласно тому, какъ именуются государи.

Вторая статья сенатскаго постановленія определяла, что статуя Мира, держащая въ одной рукѣ лавръ победы, а въ другой декретъ сената, должна свидѣтельствовать потомству о признательности націй.

Наконецъ, третьею статьею было положено, что сенатъ явится къ первому консулу и представитъ ему съ этимъ своимъ постановленіемъ выраженіе довѣренности, любви и удивленія французскаго народа. Эти три выраженія принадлежали самому декрету.

Для прибытія сената въ Тюльери избранъ былъ день большой дипломатической аудіенціи. То было 3 августа 1802 г. (15 термидора) утромъ. Вся министры примиренной Европы были собраны въ огромной залѣ, гдѣ первый консулъ, по обыкновенію, принималъ ихъ; здѣсь такъ

же обыкновенно были представляемы знатнѣйшіе иностранцы. Едва только началась аудіенція, какъ возвысьли о прибытіи севата. Это слово во всемъ составѣ своемъ было введено тотчасъ же. Президентъ Бартелини говорилъ отъ лица всѣхъ.

«Французскій народъ» сказалъ онъ первому консулу: «Французскій народъ, признавая огромныя заслуги, оказанныя ему вами, желаетъ, чтобъ мѣсто перваго государственнаго сановника осталось неотменно въ вашихъ рукахъ. Овладевъ такимъ-образомъ всю вашу жизнь, онъ тѣмъ выразилъ только мысль сената, изложенную въ указѣ 18 февраля. Нація этимъ торжественнымъ благодарственнымъ актомъ возлагаетъ на васъ упредить наши учрежденія.» Послѣ такого приступа, президентъ исчислялъ вкратцѣ великіе подвиги генерала Бонапарте на войнѣ и въ мирѣ, предсказывалъ благоденствіе въ будущемъ, безъ несчастій, которыхъ никто, можетъ-быть, тогда не предвидѣлъ. За тѣмъ онъ прочелъ текстъ декрета. Первый консулъ, поклонясь сенату, отвѣчалъ этими благородными словами:

«Жизнь гражданина принадлежитъ его отечеству. Французскій народъ хочетъ, чтобъ вся моя жизнь была посвящена ему... Я повинуюсь его волю.»

«Мои стараніями, вашимъ содѣйствіемъ, граждане-сенаторы, содѣйствіемъ всѣхъ властей, довѣренностію и волею этого громаднаго народа,—свобода, равенство, благоденствіе Франціи будутъ защищены отъ прихотей судьбы и неизвѣстности будущаго. Лучшій изъ народовъ будетъ счастливѣйшимъ, — онъ исполнитъ достоинъ этого; его благополучіе будетъ способствовать счастью цѣлой Европы.»

«Довольный тогда тѣмъ, что былъ призванъ, по волю Того, отъ Кого все исходитъ,—устроить на землѣ порядокъ, правду, равенство, я услышу, какъ пробьетъ послѣдній часъ мой, безъ сожалѣнія и безъ тревожной думы о приговорѣ обо мнѣ будущахъ поколѣній.»

По удаленіи сената, первый консулъ продолжалъ принимать иностранцевъ, которыхъ подводили къ нему министры Англій, Россій, Австрій, Пруссій, Швеціи, Баварій, Гессена, Вюртемберга, Испаній, Неапол. Америки, ибо цѣлая вселенная была въ эту минуту въ мирѣ съ Франціею.

На другой день, 4 августа, новыя статьи, измѣнявшія конституцію, были подвергнуты на разсужденіе государственнаго совѣта. Первый консулъ председательствовалъ въ этомъ торжественномъ собраніи; онъ читалъ статьи одну за другою и дѣлалъ на нихъ опредѣлительныя и сильныя замѣчанія. Онъ самъ предлагалъ опроверженія и отвѣчалъ на нихъ. Вопреки мнѣнію Петье и Редерера, первый консулъ не хотѣлъ, чтобъ завѣщаніе объ избраніи преемника было обязательно для сената, по той причинѣ, что человекъ умершій, какъ бы великъ онъ ни былъ при жизни, по смерти есть уже ничто. При этомъ случаѣ, онъ провозгласилъ

на-счетъ наследственности странныя слова, которыя доказывали, что, въ настоящую минуту, онъ не думалъ объ этомъ. И действительно, онъ повторялъ, развивая мысль свою, что наследственность несообразна съ правами и господствующими мнѣніями. Природа его не была способна ни къ лжи, ни къ лицемерству; но, находясь, какъ и весь люди, подъ вліяніемъ настоящей минуты, онъ отвергалъ наследственность, ибо видѣлъ, что умы мало расположены принять ее, и, облеченный притомъ властью совершенно-монархическою, онъ довольствовался существованіемъ безъ титула.

Послѣ нѣкоторыхъ видоизмѣненій въ подробностяхъ, постановленіе сената было превращено, въ сенатъ, въ органическое постановленіе. На слѣдующій день, 5 августа (17 термидора), оно было обнародовано съ обычными формами, и сдѣлалось такнмъ-образомъ дополненіемъ консульской конституціи.

Франція ощущала глубокое удовольствіе. Семейство перваго консула видѣло, что не осуществлялись ни опасенія его, ни желанія; тамъ же менѣе оно раздѣляло всеобщее довольство. Г-жа Бонапарте начала успокаиваться, видя, что исчезаетъ мысль о королевской власти. Этотъ родъ наследственности, предоставлявшій главѣ государства право избирать себѣ преемника, было все, чего она только желала, потому-что она не имѣла дѣтей отъ перваго консула, и имѣла любимую дочь, супругу Лудовика Бонапарте, которая вскорѣ должна была сдѣлаться матерью. Она желала и льстилась надеждою скоро увидѣть внука. Она мечтала, что онъ будетъ наследникомъ всесвѣтнаго скипетра. Супругъ ея раздѣлялъ ея виды. Братья Наполеона (такъ будемъ мы впредь называть его), братья Наполеона были менѣе довольны, по-крайней-мѣрѣ Люсіанъ, котораго вѣчно-тревожный духъ ничѣмъ не могъ успокоиться. Но они были сдѣланы главнѣйшими лицами въ советѣ почетнаго-легіона, и еще членами сената, призванными естественно имѣть въ этомъ учрежденіи сильное вліяніе. Первый консулъ, сдѣлавъ своихъ товарищей, Камбасереса и Лебрёна, консулами по жизни, хотѣлъ видѣть вокругъ себя товарищей, счастливыхъ его собственнымъ извышеніемъ. Онъ успѣлъ въ этомъ. Одно только лицо вышло обремененнымъ изъ этого кризиса, именно — Фушѣ, министръ полиціи, потому-что министерство полиціи было уничтожено, и это было мѣрою, имѣвшею болѣе всѣхъ другихъ характеръ довѣренности и забвенія. Ему было дано мѣсто въ сенатѣ, и сказано, въ правительственномъ актѣ, что если потребуется снова учредить это министерство, то его, Фушѣ, а не кого другаго сдѣлаютъ опять министромъ полиціи.

День 15-го августа (27 термидора) былъ празднованъ впервые какъ день рожденія перваго консула. Утромъ этого дня, первый консулъ принималъ поздравленія отъ сената, трибуната, государственнаго совета, духовенства, столичныхъ гражданскихъ и военныхъ властей и дипломатическаго корпуса. Въ полдень, въ Церкви-Божіей-Матери и во всѣхъ

церквахъ республики былъ пропѣть *Te Deum*. Вечеромъ, билетельныя иллюминаціи представляли въ Парижѣ — то изображеніе Победы, то изображеніе Мира, то, наконецъ, на одной изъ бѣшенъ Церква-Божіей-Матери, знакъ зодіака, подъ коимъ родился виновникъ всѣхъ благъ, за которыхъ нація возносила благодаренія небу.

Нѣсколько дней спустя, 21 августа (3 Фруктидора), первый консулъ отправился въ торжественной процессіи для вступленія въ званіе президента сената. Войска стояли по обѣ стороны дороги отъ Тюльери до Люксамбургскаго-Дворца. Карета новаго владыки Франціи, сопровождаемая многочисленнымъ штабомъ и конвою консульскою гвардіею, была запряжена въ восемь великолѣпныхъ коней, подобно тому, какъ запрагалась нѣкогда карета короля. Никто не раздѣлялъ съ нимъ чести сидѣть въ ней. Въ слѣдующихъ каретахъ ѣхали второй и третій консулы, министры, президенты государственнаго совѣта. По прибытіи въ Люксамбургскій-Дворецъ, первый консулъ былъ принятъ при входѣ депутаціею изъ десяти сенаторовъ. Сидя въ креслахъ, довольно-схожихъ съ треномъ, онъ принялъ присягу отъ двухъ своихъ братьевъ, Люсіана и Юсена, славившихся сенаторами по праву, въ качествѣ членовъ главнаго совета почетнаго-легіона. Послѣ этого обряда, государственные совѣтники доложили пять постановленій сената.

Чтобъ дать сенату немедленно понятіе о вліяніи, какое было обещано ему въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ, Талейранъ впрочемъ рапортъ о распоряженіяхъ, готовившихся въ Германіи подъ вліяніемъ Франціи, для вознагражденія духовными имѣніями насльдственныхъ государей, лишившихся владѣній на лѣвомъ берегу Рейна. Это было, какъ вскорѣ увидимъ изъ продолженія этой исторіи, весьма-важнымъ дѣломъ въ тогдашнее время. По совершеніи этого, миръ, казалось, долженствовалъ насладиться миромъ надолго. По окончаніи чтенія рапорта, первый консулъ удалился, предоставивъ сенату трудъ разсмотрѣть представленныя ему пять органическихъ сенатскихъ постановленій.

Сопровождаемый снова десятию сенаторами, востратившими его по его прибытіи, и напутствуемый кликами парижскаго народа, первый консулъ вступилъ въ Тюльерійскій-Дворецъ какъ конституціональный монархъ, возвращающійся съ королевскаго засѣданія.

Лѣто уже проходило, потому-что наступилъ исходъ августа. Первый консулъ поселился въ Сен-Клускомъ-Замкѣ, на что онъ сперва не соглашался, когда ему предлагали этотъ замокъ какъ загородное жилище. Оставивъ свою первоначальную рѣшимость, онъ приказалъ произвести тамъ исправленія, которыхъ, малозначительныхъ сначала, вскоре обновили весь замокъ. Они только-что были приведены къ окончанію. Первый консулъ воспользовался этимъ, чтобъ расколотиться на житье въ этой прекрасной резиденціи. Онъ принималъ здѣсь, въ назначенныя дни, высшихъ сановниковъ, важныхъ лицъ всѣхъ классовъ, иностранцевъ.

манникова. По воскресеньямъ, тамъ служилась въ придворной церкви обѣда, и противники конкордата начинали присутствовать на ней, какъ некогда присутствовали на обѣдахъ въ Версали. Первый всуль, въ сопровожденіи своей супруги, выслушивалъ очень-краткое мѣлествіе, и потомъ разговаривалъ, въ галереѣ замка, съ лицами, почитавшими его. Присутствующіе, стоя въ два ряда, ждали, помогались ювь его, какъ помогаются рѣчей государя или генія. Въ этомъ кругу являлись только его—одного, только на него обращали вниманіе. Его настоящее положеніе напоминало Августа, сохраняющаго, посреди высочайшаго могущества, наружныя привычки римскаго гражданина.

Иногда, послѣ продолжительнаго странствованія по обширной и прекрасной странѣ, останавливается на минуту путешественникъ, чтобы взглянуть съ возвышеннаго пункта на пройденное пространство: слышимъ то же самое, остановимся и бросимъ взглядъ назадъ, чтобы взглянуть на дивные подвиги генерала Бонапарте, со дня 18 брюмера. Какого бѣдствія, какое разнообразіе, какое величіе событія!

Теперь, еслибъ мы, забывъ происходившее въ-послѣдствіи, представили себѣ этого диктатора, тогда необходимаго, оставшимся столь же мудрымъ, сколько былъ онъ великъ, соединившимъ въ себѣ всѣ эти противоположности, которыя Богъ никогда, по-истинѣ, не соединялъ въ одномъ человѣкѣ, — эту гениальную силу, составляющую великихъ основателей, съ терпимостью, отличительною чертою основателей монархій; еслибъ мы представили себѣ, что онъ продолжительнымъ успокоеніемъ утишаетъ взволнованное общество и приготовляетъ его мало-по-малу къ этой свободѣ, составляющей честь и необходимую потребность новѣйшихъ обществъ; потомъ, по умиреніи Европы, боязнь раздраженія ея зависти, превращаетъ въ постоянную опасность всеобщей политики территоріальныя границы на основаніи люневильскаго и амьенскаго трактатовъ; наконецъ, закончиваетъ свою карьеру актомъ, достойнымъ Антонинова, и рѣшается искать, гдѣ бы то ни было, достойнѣйшаго себѣ преемника, съ тѣмъ, чтобы вручить ему эту Францію, организованную, приготовленную къ свободѣ и насмѣившуюся великою, — какой человѣкъ когда-нибудь могъ бы сравниться съ нимъ! Но такой человѣкъ—воитель, подобно Цезарю, политикъ, подобно Августу, мужъ добродѣтельный, подобно Марку Аврелию, былъ бы болѣе нежели человекомъ, — а Провидѣніе не ниспосылаетъ боговъ для управленія міромъ...

Впрочемъ, въ эту эпоху онъ казался столь-умереннымъ, былъ уже столь-побѣдоноснымъ, былъ такимъ глубокимъ законодателемъ, былъ уже такимъ великимъ полководцемъ, обнаружилъ столько любви къ мирнымъ искусствамъ, отличившись уже такъ-сильно въ военномъ дѣлѣ, что могъ заставить и Францію и вселенную превратиться несбыточнымъ мечтаніемъ. Только немногіе изъ приближенныхъ его советниковъ, способные въ настоящее время проводить

будущее, были проникнуты столько же беспокойствомъ, сколько и удивленіемъ, видя неутомимую дѣятельность его ума и тѣла, энергію его воли, пылкость его стремленій. Они трепетали даже, видя его творщимъ благо въ такомъ видѣ, какъ онъ творилъ его, потому-что они спѣшили творить это благо такъ быстро и въ такихъ огромныхъ размѣрахъ... Мудрый Троншэ, удивлявшійся ему и въ то же время любившій его, видѣвшій въ немъ спасителя Франціи, сказалъ однажды съ скорбію консулу Камбасересу: «этотъ молодой человекъ начинаетъ какъ Цезарь; я боюсь, чтобъ онъ не кончилъ подобно ему».

КОСМОСЪ (*).

ОПЫТЪ ФИЗИЧЕСКАГО МИРООПИСАНІЯ.

СОН. АЛЕКСАНДРА ГУМБОЛЬДАТА.

Статья первая.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ НАСЛАЖДАТЬСЯ ПРИРОДОЮ И НА НАУКООБРАЗНОЕ ИЗУЧЕНІЕ МИРОВЫХЪ ЗАКОНОВЪ.

Изложеніе общихъ физическихъ явленій на землѣ и взаимнаго дѣйствія силъ въ цѣломъ мѣрѣ, представляетъ двойную трудность. Предметъ неисчерпаемъ, а время коротко. Легко впасть въ энциклопедическую поверхностность, легко впасть и въ утомительную форму афоризмовъ.

(* Читателямъ «Отеч. Записокъ» уже извѣстно, что въ нынѣшнемъ году (и очень недавно) вышла въ свѣтъ книга, подъ названіемъ: «Космос. *Entwurf einer physischen Weltbeschreibung von Alexander von Humboldt* (Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія; Александра фон-Гумбольдта)». Еслибъ имя автора и не ручалось за достоверность книги, то стоить только прочесть нѣсколько страницъ, чтобъ убѣдиться въ глубокости и важности ея значенія. Книга такъ захватываетъ и составляетъ съ нами глубокимъ знаніемъ предмета, что и равнодушный къ явленіямъ окружающаго его міра не выпуститъ ея изъ рукъ, не дочитавъ до конца.

Желая ознакомить съ подобными сочиненіемъ нашихъ читателей, и ознакомить въ той подробности, какую только могутъ допустить предѣлы журнала, мы представляемъ имъ сущность знаменитаго творенія.

Де-анль-портъ вышля только первая часть «Космоса»; вторая, какъ обыкновенно, появится въ ноябрѣ нынѣшняго года. Но нѣтъ выхода слѣдующихъ частей, мы будемъ знакомить съ ними читателей.

Первая часть состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: 1) Предварительный взглядъ на различные способы наслаждаться природою и на наукообразное познаніе природы

Кто смотрит на результаты естествоиспытанія не въ-разрѣбѣ, но схватываетъ всю общность отношенія ихъ къ человечеству, тотъ, конечно, облагораживаетъ и увеличиваетъ свое наслажденіе природою. Это плодъ долгихъ наблюденій, сведенныхъ воедино. Картина, неслучайно говорившая внутреннему чувству первыхъ людей, что она есть гармонически-устроенное цѣлое, *космосъ*, — является наконецъ какъ плодъ долгихъ, съ трудомъ собранныхъ опытовъ.

Въ этихъ двухъ эпохахъ міросозерцанія отражаются и два рода наслажденія природою. Первое — только дѣтски-темное предчувствіе гармоніи. Второе — плодъ образованности рода, отражающейся на умонаслажденіи; тутъ гармонія проникаетъ въ сознаніе; человекъ наблюдаетъ, дѣлаетъ опыты; *натуральная философія*, сбросивъ поэтическій покровъ свой, принимаетъ строгій характеръ умствующей наблюдательности, и ясное знаніе замѣняетъ темныя предчувствія. Догматическіе взгляды прошедшихъ временъ живутъ еще только въ предрассудкахъ народа и въ некоторыхъ ученіяхъ, которыя охотно облекаются въ темноту, сознавая свое безсиліе.

Природа есть единство въ многообразіи, общность тѣлъ и силъ, какъ единое живое. Высмотрѣть это единство — важнѣйшій результатъ физическихъ изысканій. Въ этомъ стремленіи мы переступаемъ за границу чувственнаго и идеями можемъ владычествовать надъ грубымъ матеріаломъ эмпирическаго созерцанія.

Первая, низшая степень наслажденія природою не зависитъ отъ познанія силъ ея, не зависитъ почти отъ окружающей насъ страны. Въ степи и на берегу моря — вездѣ проникаетъ насъ только смутное предчувствіе *пребыванія по вѣчнымъ внутреннимъ законамъ*. Въ этомъ предчувствіи есть что-то крѣпительное, освящающее душу, и нѣтъ на землѣ уголка, гдѣ человеку было бы отказать въ этомъ благотворномъ вліаніи.

Иначе наслаждаемся мы природою, когда въ насъ проникаетъ индивидуальный характеръ окружающей насъ страны. Это чувство живо и опредѣленно. То поражаетъ насъ величіе массы природы среди какой борьбы разъяренныхъ стихій, образъ чего-то неподвижно-окаменѣлаго, пустынности степей неизмѣримыхъ, то веселитъ насъ обработанное поле — первый слѣдъ руки человека среди отвѣсныхъ скалъ, на берегу стремительно-шумящаго ручья. Степень индивидуальнаго наслажденія

законоу; 2) Граница и наукообразное положеніе «физическаго міросозерцанія». 3) Картины природы.

Авторъ основываетъ всюду науку, которую, какъ самъ говоритъ, не смѣетъ сближать съ тѣмъ, что называлось популярными знаніями. Цѣль его — дать яркое понятіе о строеніи міра тѣмъ, которыя знакомы съ спеціальными предметами естествоиспытаній наукъ. Онъ убѣждаетъ, что общіе результаты нѣкоторыхъ познаний достойны уваженія образованныхъ людей, и что съ анализомъ составленнаго міросозерцанія обогатится кругъ идей каждаго и исправитъ ложныя взгляды на вѣдѣнія природы. Книга его понятна для всякаго и не требуетъ изученія спеціальнаго застоя науки. Въ этомъ самъ авторъ полагаетъ ее главнѣйшее достоинство. А вѣдѣнія ли въ значеніи ихъ дѣла изобрѣтены и доказаны въ ней общіе результаты, — на это указываетъ А. Фиссадра Гиббондла.

природою определяется не столько силою впечатлѣній, сколько живогнѣлымъ кругомъ пробужденныхъ ими идей и чувствованій.

Обращаясь къ собственнымъ моимъ впечатлѣніямъ, я вспоминаю какъ, вѣдь намъ, среди тишины тропическихъ ночей, небесный востокъ, льющій на легкую възду равнины планетный, немерцающій светъ звездъ своихъ; вспоминаю ласкатыя долины Кордильеровъ, гдѣ высокія пальмы смѣло пронзаютъ мрачную сѣнь деревь и высятся надъ ними колоннадами, — «ласъ надъ лѣсомъ»; вспоминаю наконецъ темеросскій пикъ, когда горизонтальные слои облаковъ отдѣляютъ верхушку отъ низменныхъ равнинъ, и вдругъ, сквозь отверстіе, прорывающе къ нимъ потокомъ воздуха, взоръ столпаго на закраинѣ жерла ниспадаетъ на виноградныя холмы Ортавы и гесперидскіе сады берега. Въ такихъ сценахъ, впечатлѣніе въ насъ пронаходимое, выисать не столько отъ тайно-создающей живанности природы, сколько отъ толновенія дивныхъ очерковъ. Все неамыриное, даже ужасное въ природѣ дѣлается источникомъ наслажденія. Фантазія наша троятъ, и, бланутье, мы видимъ во вѣнрешъ міръ свой внутренній міръ.

Когда мы въ первый разъ вступаемъ въ тропическую землю, насъ тышатъ видъ такихъ же горъ, какія поминули мы въ европейскомъ теществѣ. Но знаемая кора покрыта чуждою для насъ флорою. Жнмъ северныхъ странъ окруженъ дивною силою тропического организа, и адасъ-то ясно выказывается чудсно-воспримчивая она духа мовѣссыаго. Мы такъ близки, такъ родотвенны всему органическому, го скоро дѣлаемъ гражданами среди пальмъ жаркаго пояса. Экзотическія формы предстаютъ нашему воображенію облагороженныя воспомнаніемъ дѣтства. Мы приходимъ къ заключенію, что все живое въ природѣ связано общею, законною, и потому вѣчною нитью.

Мудрено разложить очарованіе чувствернаго міра на его элементъ. лчѣе впечатлѣній зависятъ отъ единства его, отъ полноты идей и вствѣ. пробужденныхъ въ одно время. Кто хочетъ объяснить эту чнность нѣтъ частности, тотъ долженъ нзойти въ область опредѣнныхъ образовъ въ природѣ. Богатѣйшій матеріалъ для такого рода ысканій представляетъ живописная природа Южной-Азіи и новаго тершка, гдѣ высокія маесы горъ образуютъ собою дво возмущааго сана, и гдѣ вулканическія силы, выдвнувшія некогда даяную цѣль цномъ изъ недръ земли, и теперь еще часто поражаютъ жителей касомъ.

Картины природы служатъ не для одного только удовольствія: ихъ рядъ означаютъ постепенность влчатлѣній, отъ гоней стони до роскошной стательности жаркаго педса. Если взгромоздить мысленно Пилатону-ру или Шреиторшь, или Судотскую-Вершину на Менбланъ, это не по-аннотетъ еще съ Чимбарзо, двойномъ высотой 8тмл. Если на Нимбо-зо поставитъ Риги, или Аѳонскую-Гору, вы получите высочайшую чку Гималайскаго-Хребта, Давалагири. Индійскія горы выше Андовъ, Кордильеры превосходятъ ихъ разнообразіемъ своихъ явленій. Од- нисота не опредѣляетъ еще впечатлѣвія. Гимадайскаго-Хребта да- го уже за чертою тропика. Рѣдко встрѣтншь пальму въ прекрасныхъ

долинахъ мысовъ Ненала и Кумаона. Подъ 28 и 34 градусомъ сѣверной широты, на скатъ древняго Паропамиза, растительность не производитъ уже древоподобныхъ папоротниковъ и травъ, роскошно-цвѣстныхъ ятрышниковъ и банановъ; подъ тѣню кедроподобной лесопарской ели и широколистаго дуба, на гранитной почвѣ растутъ европейскія и сѣверо-азиатскія растенія. Въ Гималаѣ не достаетъ перемѣнчивыхъ явленій volcanовъ, грозно напоминающихъ на индійскихъ островахъ внутреннюю жизнь планеты. На южномъ скатѣ горъ вечный снѣгъ начинается большою частію уже на высотѣ 11,000 или 12,000 футовъ (*); тутъ граница органической жизни, отодвинутая въ экваторіальныхъ странахъ Южной-Америки почти на 2,600 футовъ выше.

Гористыя страны экватора имѣютъ еще другое преимущество: разнообразіе впечатлѣній природы достигаетъ здѣсь на самомъ тѣсномъ пространствѣ своей высшей степени. Въ глубоко-врытомъ хребтѣ Андъ Новой-Гренады и Квито, позволено человѣку созерцать въ одно время всѣ виды растеній и всѣ созвздія неба. Взоръ разомъ обнимаетъ геликоніи и пальмы, и надъ ними дубы и ароніи Европы, созвздіе Креста и магеллановы облака на югѣ и путеводныя звѣзды Медвѣдицы, кружащіяся около сѣвернаго полюса. Нѣдра земли и оба полушарія неба раскрываютъ здѣсь все богатство своихъ явленій. Климаты и свойственныя имъ формы растеній лежатъ здѣсь другъ надъ другомъ слоими. Здѣсь, на скалахъ Андъ, вѣчными чертами врызаны законы постепенности теплоты. Чтѣ въ чувствахъ расплавляется въ простое, безобразное ощущеніе, то разумъ постигаетъ только разрывая на части. И въ кругѣ наукъ, какъ въ области ландшафтной живописи, изображеніи тѣмъ объективнѣе, чѣмъ определеннѣе очерки отдельныхъ предметовъ.

И не только сильнѣйшее впечатлѣніе на чувства производятъ тропическія страны: единообразная правильность въ метеорологическихъ процессахъ ихъ атмосферы, равное раздѣленіе органическихъ образовъ на ея вѣсномъ возвышеніи почвы, указываетъ на законный порядокъ небесныхъ пространствъ, какъ-будто отражающійся въ земной жизни.

Въ жаркихъ долинахъ, мало-возвышенныхъ надъ уровнемъ Южнаго Океана, царствуетъ роскошное изобиліе дикадей и пальмъ. За ними осѣненные высокими стѣнами долинъ, растутъ древоподобные папоротники и кинхоны, съ ихъ цѣлебною корою. Гдѣ кончается поле высокихъ деревъ, тамъ цвѣтутъ, дружно тѣснѣсь другъ къ другу, орли и миртолиственныя андромеды. Кордильерская роза и богатая слою беоарія опоясываютъ горы пурпурною полосою. Далѣе, въ бунныхъ предѣлахъ парамовъ, исчезаютъ постепенно и высокій кустарникъ и богато-цвѣстистыя травы. Однодольныя растенія однообразно покрываютъ почву — необозримый, желто-мерцающій издали лугъ; здѣсь одиноко пасется введенный Европейцами быкъ. Наконецъ трагическія

(*) Температура обозначается въ этихъ статьяхъ (вездѣ, гдѣ не сказано иное противнаго) по стоградусному термометру; мили — географическія, по 15-ти градусъ экватора. Футы старые французскіе, по 6-ти на туаза. Долгота считана отъ меридіана Парижской Обсерваторіи.

калы возносятся надъ равнинами травъ, съ бѣдными растеніями низшей организаціи на рѣдкихъ клочкахъ наносной земли. Острова свежаго снѣга подавляютъ послѣднее движеніе растительной жизни, и наконецъ — начинается резко-отдѣленная полоса вѣчныхъ снѣговъ. Сквозь бѣлыя, вѣроятно пустыя, колоколообразныя вершины стремятъя, большею частію безуспѣшно, прорваться подземныя силы.

Съ перваго раза такое высокое зрѣлище могло пробудить въ жителяхъ тропическихъ странъ только нѣмое удивленіе. Внутренняя связь явленій, конечно, яснѣе выступаетъ здѣсь на глаза челоуѣка; но тысячи причинъ подавляютъ плоды выгоднаго положенія. По новѣйшимъ изысканіямъ болѣе нежели сомнительно, что колыбель индійской цивилизаціи была въ странѣ между тропиками. Древняя земля Зендовъ лежала на северозападѣ отъ верховья Инда.

Напротивъ болѣе-глубокой взглядъ на дѣйствія физическихъ силъ приводитъ мы у жителей умѣреннаго пояса, не смотря на меньшую помощь со стороны природы. Отсюда уже перешла эти взгляды въ тропическія страны.

Здѣсь мы касаемся точки, гдѣ къ чувственному наслажденію природой присоединяется другое наслажденіе, проистекающее изъ идей, — гдѣ человекъ не только предчувствуетъ, но и сознаетъ законность и единство въ природѣ.

Чтобъ прослѣдить это наслажденіе природою, проистекающее изъ идей, до его зародыша, стоить только бросить бѣглый взглядъ на исторію развитія натуральной философіи или древняго ученія о космосѣ. Смутное, ужаасающее чувство единства силъ природы, сродно и дикому. Вышній міръ безсознательно сливается въ человекъ съ его внутреннимъ міромъ чудесъ. Но одинъ не есть чистое отраженіе другаго. То у одного дѣлается основаніемъ натуральной философіи, то у другихъ племенъ остается плодомъ инстинктивной восприимчивости. Здѣсь, въ недрахъ темнаго чувства, заключается и первое побужденіе къ ингиіи. Но чѣмъ болѣе развивается въ человекъ его духовная свобода, тѣмъ менѣе довольствуется онъ простымъ предчувствіемъ. Умъ, алмазруа, вступаетъ въ права свои и глубже, глубже проникаетъ въ явленій.

Трудно удовлетворить такому стремленію скоро и вѣрно. Неполныя наблюденія и выводы зараждаютъ ложные взгляды, проникающіе во все классы народа. Рядомъ съ наукообразною физикою является другая, инниающая собою немногія частности. Она полна притязаній, какъ е ограниченное, неизмѣнна въ своихъ аксіомахъ, тогда-какъ истинное изученіе природы живетъ среди сомнѣній.

Такіе физическіе догматы, неизмѣнно передаваемые изъ вѣка въ вѣкъ, вредны не только потому, что питаютъ заблужденія: они уничтожаютъ еще общность взгляда на мірозданіе. Они знакомы только въ исключеніями изъ правилъ, и ищутъ въ формахъ и явленіяхъ другихъ чудесъ, кромѣ правильнаго, постепеннаго развитія. Они вѣчно готовы признать, что царь событій въ природѣ — порвана.

Я никакъ цѣлью исправить часть подобныхъ заблужденій и увеличить

такими-образомъ возможность наслажденія природою. Потребность благо-рожденного наслажденія, основаннаго на более-глубокомъ взгляде на сущность природы, признака всеми. Нашъ вѣкъ стремится украсить жизнь возможно-большимъ богатствомъ идей.

Нечего бояться, что при изученіи сущности силъ, природа утратитъ прелесть своей таинственности и величія. Конечно, силы являются магическими тогда только, когда дѣйствуютъ въ извѣстныхъ условіяхъ. Воображеніе наблюдателя, определяющаго гелиометромъ или призматическимъ двойнымъ сланцемъ диаметры планетъ, измѣряющаго въ-продолженіи шпигухъ лѣтъ возвышеніе надъ меридианомъ одной и той же звезды, разлагающаго телескопическія кометы среди густо-самоу-челыхъ туманныхъ пятенъ, — воображеніе его разлагивается не силь-цею фантазіи ботаника, считающаго вырзки чашечки, тычинки и пер-стилки цвѣтка. Но тщательное наблюденіе отдавнаго претворяется къ высшему познанію міровыхъ законовъ. Для физика, измѣряющаго ве-ровныя потоки уничтожающихся или усиливающихъ другъ друга электро-выхъ волнъ, — для астронома, наблюдающаго спутниковъ Урана на крайней линіи нашей солнечной системы, или разлагающаго свѣтъ на точки на цвѣтныя двойныя звезды, — для ботаника, высматривающаго кружащееся движеніе обковыхъ шариковъ почти во всѣхъ раститель-ныхъ клеточкахъ, — для всѣхъ, для нихъ, конечно, въ пространствѣ неба и на поверхности земли больше великаго, нежели для наблюдателя, не-знакомаго съ связью окружающихъ его явленій.

Одностороннее обрѣдываніе физическыхъ наукъ могло, конечно, по-родить предубѣжденіе, что будто наука и знаніе убиваютъ воображеніе и лишаютъ наслажденія природою. Кто и теперь еще не освободился отъ этого предубѣжденія, тотъ отсталъ отъ общаго хода образованія и не понимаетъ наслажденія духа, свободащаго разнообразіе въ единство.

Къ этому опасенію присоединяется еще и другое: не всѣмъ въ од-наковой степени доступно знаніе, масса фактовъ. Конечно, чѣмъ глѣ-же роется въ дивной ткани живыхъ силъ, тѣмъ больше открываются передъ собою новыхъ лабиринтовъ. Но эта-то безконечность неизвѣ-данныхъ путей и пробуждаетъ на всѣхъ ступеняхъ знанія радостное изумленіе. Каждый узанный законъ природы пробуждаетъ догадку о высшемъ, еще неизвѣстномъ. Чѣмъ дальше пропикаютъ путешествен-ники въ неизвѣстныя страны, чѣмъ больше совершенствуются микро-скопы и сравненіе живыхъ организмовъ съ вымершими, тѣмъ шире ра-дѣдѣется кругъ органическихъ типовъ. Въ разнообразіи и періодич-скомъ измѣненіи образовъ жизни безконечно возобновляется первона-чальная тайна всякаго образопріятія (Gestaltung). Съ знаніемъ растетъ чувство неизвѣрности жизни природы; чувствуешь, что на земля и въ воздухѣ, въ глубинѣ океана и въ вышнихъ небесахъ для смѣлаго испытанія и черезъ тысячу лѣтъ не будетъ недостатка въ пространствѣ.

Общія взгляды на мірозданіе не только привлекательнѣе спеціальнаго изученія, но и удобнѣе для тѣхъ, кто не можетъ уделять для по-добныхъ занятій много времени. Естественнотелесныя науки хороши болѣею частью только для человека въ извѣстномъ положеніи; имѣ-

иногда наслаждаться не всегда и не везде. Въ холодномъ климатѣ мы надолго бываемъ лишены созерцанія тѣлъ природы.

Какъ всеобщая исторія разрываетъ много загадокъ въ судьбѣ народовъ; объясняя истинную связь событій, — такъ точно и физическое исследование уничтожаетъ кажущееся противорѣчіе между различными силами природы, если будетъ умно изложено на основаніи точнаго знанія. Общие взгляды возвышаютъ понятіе о величіи природы. Они очищаютъ и утончаютъ душу, примирая, такъ сказать, борьбу стихій всеобщими законами. Они приучаютъ насъ смотреть на каждый организмъ, какъ на часть цѣлаго; расширяютъ наше духовное существованіе, сближаютъ насъ съ странами, отъ которыхъ мы отдалены цѣлымъ шаромъ планеты, даютъ средство быстро угадывать связь между результатами новейшихъ наблюденій и давно-извѣстными явленіями.

Кто можетъ, на-примѣръ, безъ общихъ свѣдѣній объ обыкновенномъ пути кометы понять, какъ богато благодѣяніемъ открытіе Энке, по которому комета, никогда невыходящая на эллиптическомъ пути своей изъ нашей солнечной системы, доказываетъ присутствіе жидкости, противодействующей силѣ ея движенія? При быстро-распространяющемся образованіи, переносащемъ результаты науки во вседневную жизнь въ искаженномъ видѣ, старинный страхъ столкновенія небесныхъ тѣлъ, или измѣненія климатовъ отъ космическихъ причинъ принимаетъ еще-болѣе обманчивый образъ. Ясный взглядъ на природу охраняетъ отъ притязаній догматизирующей фантазіи. Онъ покажетъ, что комета Энке, совершающая путь свой въ 1200 дней, безвредна для обитающей земли по причинѣ формы и положенія ея орбиты, — безвредна такъ же, какъ и семидесяти-пяти лѣтняя комета Галлея, являвшаяся въ 1790 и 1835 году; что комета Биля, совершающая путь свой въ шесть лѣтъ, проходитъ, конечно, черезъ орбиту земли, но можетъ подойти къ намъ близко только тогда, когда ея перигелий совпадаетъ со временемъ зимняго солнцестоянія.

Изчисленіе теплоты, получаемое какинъ-нибудь небеснымъ тѣломъ, и отъ распредѣленія котораго зависятъ метеорологическіе процессы атмосферы, уменьшается съторазвивающею силою солнца и относительнымъ положеніемъ его къ планетѣ; но періодическія измѣненія въ орбитѣ земли и наклоненіи эклиптики, зависящія отъ общихъ законовъ тяготѣнія, такъ медленны и заключены въ столь тѣсныхъ границахъ, что издѣлія ихъ едва развѣ черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ сдѣлаются чувствительны для нашихъ теплоизмѣряющихъ инструментовъ. Следовательно, космическія причины уменьшенія температуры, убыванія воды и влажности, совершенно вне области истиннаго знанія.

Замысливаю еще нѣсколько примѣровъ изъ физической астрономіи, доказывающихъ, что безъ общихъ воззрѣній многое не представляетъ собою ничего интереснаго; таковы, на-примѣръ, эллиптическое движеніе многихъ тѣлъ изъ разноцвѣтныхъ двойныхъ звѣздъ одной около другой, или, напротивъ, около общей точки ихъ тяготѣнія; періодическая рядкость солнечныхъ пятенъ; правильное появленіе безчисленнаго множества кометодобныхъ тѣлъ, движущихся, вѣроятно, подобно планетамъ и

пересекающихъ земной путь 12 или 13 ноября и, какъ узнала позже и 10 или 11 августа.

Точно также, только общіе взгляды могутъ пробудить догадку о связи между теоріею качанія маятника въ средѣ воздуха и внутреннею плотностью нашей планеты; между образованіемъ зернистыхъ горныхъ породъ въ потокахъ лавы, на склонахъ дѣйствующихъ еще вулкановъ, эндогенными массами гранита, порфира и серпентина, выдвинутымъ изъ нѣдръ земли сквозъ наносныя горы; между возникающими островами и кеглевидными горами, и возвышеніемъ цѣлыхъ горныхъ хребтовъ и материковъ. Такое вытѣсненіе къ верху зернистыхъ горныхъ массъ и наносныхъ слоевъ, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что окаменѣлыя морскія раковины, собранныя мною вмѣстѣ съ Боншамомъ на Андахъ, на высотѣ 14,000 футовъ, внесены сюда не всеобщимъ потопомъ, но силою дѣйствующихъ вверху вулкановъ.

Вулканизмомъ же въ обширѣйшемъ смыслѣ называю я реакціи внутренности планеты на ея кору. Кому неизвѣстны опыты надъ увеличеніемъ теплоты при углубленіи въ землю (опыты, основанныя на которыхъ знаменитые физики предполагаютъ, что въ глубинахъ географическихъ миль жаръ доходитъ до степени расплавленія гранита), для того останутся непонятными многія новѣйшія наблюденія надъ одновременными изверженіями вулкановъ, удаленныхъ другъ отъ друга на большое разстояніе,—надъ границами круга земль, колеблемого при землетрясеніяхъ, надъ постоянствомъ температуры въ горячихъ источникахъ, надъ разностью теплоты въ артезианскихъ колодезяхъ различной глубины. А между-тѣмъ, это знакомство съ внутреннею теплотою земли бросаетъ утренній свѣтъ на исторію первыхъ мѣсяцевъ нашей планеты. Оно показываетъ возможность бывающаго когда-то повсемѣстнаго распространенія тропическаго климата, какъ сладкаго изливающейся теплоту пропастей на окрышѣй и окиславшейся поверхности коры планеты. Оно напоминаетъ время, когда теплота въ атмосферѣ зависала больше отъ этихъ изліаній, отъ реакціи внутренности на поверхность, нежели отъ положенія планеты въ отношеніи къ солнцу.

Геогность открываетъ въ холодномъ полѣ много произведеній тропическихъ странъ: въ горахъ угольнаго образованія стволы слоновьяго дерева, древоподобные папоротники, гониатиты и рыбы с ромбодальною чешуею; въ известковыхъ горахъ Юры остовы крокодиловъ и долгошеихъ плезіозавровъ; въ мѣлу политалямин; въ слоехъ полуопала сплоченныя массы ископаемыхъ инфузорій; въ немерзлыхъ костяхъ гіенъ, львовъ и слоноводобныхъ толстокожихъ. При полномъ знаніи другихъ явленій природы, эти остатки пробуждаютъ въ насъ не только любопытство, но и многостороннія размышленія.

При такомъ разнообразіи предметовъ, самъ собою представляется вопросъ: могутъ ли общіе взгляды на природу достигнуть известности безъ глубокаго изученія отдѣльныхъ наукъ—естествоиспанія, физики, математической астрономіи? Здѣсь должно тщательно отличить положеніе учителя, берущаго на себя выборъ и изложеніе результатовъ отъ ученика, получающаго готовые данныя. Для перваго, точнаѣше

авіе частности безусловно-необходимо. Безъ спеціальныхъ предвѣтельныхъ познаній нельзя, можетъ-быть, совершенно уяснить всего круга проблемъ, разрѣшеніе которыхъ придастъ столько занимательно-и значительному міроописанію; но большая часть вопросовъ можетъ быть удовлетворительно изложена и безъ этого. Если и не всѣ отдѣлы части великой картины природы могутъ быть изображены въ разныхъ очеркахъ, то все же эта картина будетъ столько ярна и занимательна, что обогатитъ духъ идеями и оплодотворитъ фантазію.

Ученыя сочиненія нашей литературы, можетъ-быть, не совсѣмъ духомъ уверяя въ томъ, что они мало отдаляютъ общее отъ частнаго. Величайшій поэтъ нашего времени, Гёте, сказалъ даже: «Намъцы дарены способностью дѣлать науки недоступными». Показательство стоитъ упомянуть, зданія не видно. Кто усомнится, что физическій законъ изпределенія массъ материковъ, оканчивающихся на югъ пирамиально и раздвинутыхъ на сѣверъ въ ширину, можетъ быть понятъ икъ-нельзя-яснѣе безъ геодезическихъ измѣреній и астрономическихъ предѣленій прибрежныхъ массъ? Такъ точно физическое міроописаніе оказывается, на сколько ось экватора нашей планеты длиннѣе оси полюсовъ, и что южное полушаріе не плоче сѣвернаго. Разсказывать с, какими путями дошли до этого знанія, нѣтъ необходимости.

У Французовъ есть безсмертное твореніе: *Изложеніе системы міра*, апдаса; въ немъ изложены результаты глубокихъ математико-астрономическихъ изысканій протекшихъ столѣтій, отдѣльно отъ всѣхъ истинностей. Строепіе неба является здѣсь простымъ рѣшеніемъ великой проблемы механики, а,—конечно, никто не обвинитъ этого творенія въ неосновательности. Отдаленіе общаго отъ частнаго даетъ естественнѣе величественный, важный характеръ. Взоръ, какъ съ возвышенной точки, разомъ обнимаетъ огромныя массы. Намъ восхитеть, что мы схватываемъ умомъ то, что ускользаетъ отъ чувствъ. Чѣмъ болѣе будутъ разработаны отдѣльныя части естествознанія, тѣмъ легче и кратче будетъ изложеніе общахъ результатовъ.

Чѣмъ глубже проникаешь въ сущность силъ природы, тѣмъ яснѣе иишь связь явленій, тѣмъ возможнѣе простота и краткость изложенія. Когда факты не въ связи, даже противорѣчатъ другъ другу,—варный изнать, что наука предстонтъ еще много открытій. Въ такомъ поженіи находятся теперь метеорологія и особенно оптика; кругъ открытій еще не совершенъ, хотя въ вольтовомъ столбѣ и высказалось ивительное соединеніе электрическихъ, магнетическихъ и химическихъ иеній. Кто поручится, что даже число живыхъ, дѣйствующихъ во еленной силъ намъ извѣстно?

Въ моемъ воззрѣніи на наукообразное изложеніе общаго міроописанія, итъ и рѣчи о единствѣ, выведенномъ изъ немногихъ, разумомъ даныхъ началъ. То, что я называю значительнымъ міроописаніемъ, не иеть притязанія на *раціональную науку природы*: оно просто умствуещее созерцаніе данныхъ опытностью явленій, какъ единаго цѣлаго. Единство, котораго можетъ достигнуть физическое міроописаніе,—какъ его понимаю,—есть только единство, какое можетъ быть въ исторіи-

чексомъ изображенія. Частности дѣятельности, все, что принадлежитъ къ области извѣстности и реальной случайности, не можетъ быть выведено изъ понятій. Миръописание и всеобщая исторія стоятъ въ одной степенн эмпиризма. Но выслащее изученіе ихъ послалеть въ насъ вѣрованіе въ древнюю внутреннюю необходимость, управляющую всѣмъ извѣстнѣмъ. Оно ведетъ насъ къ ясности и простотѣ взглядовъ, къ открытію законовъ, которыхъ въ *опытныхъ наукахъ* является крайнею целью человѣчскія изысканія.

Изученіе каждой новой науки похоже на путешествіе въ дальнюю страну. Невольно спрашиваешь: возможно ли оно? Недовѣрчиво осматриваешь на спутниковъ, на собственные силы. Но вѣкъ, въ которомъ мы живемъ, уменьшаетъ трудность предпріятія. Моея олушеляетъ дѣтское состояніе естественныхъ наукъ, богатыхъ уже не массою, но связью наблюденій. Обще результаты удивительно умножились съ конца XVIII столѣтія. Факты не стоятъ уже отдѣльно; пропасть, которыми раздѣлялись существа, наполнились. Что было необъяснимо среди тѣснаго круга, вблизи насъ, то объяснено наблюдѣніями путниковъ въ дальнихъ странахъ. Формы растений и животныхъ, долго стоявша отдѣльно, вступаютъ въ общую связь посредствомъ вновь-открытыхъ переходныхъ формъ. Испытующій духъ во всемъ видитъ сцѣпленіе. Материалы всеобщаго землеописанія накопились не случайно. Въ намъ есть повѣліе, что факты только тогда могутъ принести плодъ, когда путешественникъ знаетъ современное состояніе и потребности науки, область которой хочетъ распространить, когда идетъ, то-есть, проникновеніе въ духъ природы, разумно руководствуютъ наблюдѣніа и собраніе фактовъ.

Такое направленіе въ изученіи природы, счастливое стремленіе къ общимъ результатамъ, можетъ одѣлать значительную часть естествознанія общимъ достояніемъ образованной части людей; можетъ породить основательное знаніе, совершенно отличное отъ того, что до конца прошедшаго столѣтія разумѣли подъ именемъ *популярнаго знанія*. Кто можетъ иногда выступить изъ тѣсныхъ границъ гражданской жизни, тотъ найдетъ въ изображеніи великой и свободной жизни природы одну изъ благороднѣйшихъ наслажденій, какое только можетъ доставить чужойку возвышенная дѣятельность разума. Изученіе общаго естествознанія какъ-будто пробуждаетъ въ насъ долготерпѣніе органы. Мы вступаемъ въ тѣснѣйшія сношенія съ вѣчнымъ міромъ, не остаемся равнодушны къ тому, что обозначаетъ въ одно время и индустриальное движеніе и умственное облагораживаніе человѣчества.

Чѣмъ яснѣе видимъ мы связь явленій, тѣмъ легче освобождаемся отъ ложной мысли, будто не вся части естествознанія равно важны для образованности и блага народовъ. Въ наблюдѣніи отдѣльнаго начала явленія часто сврывается зародыши великихъ открытій. Когда Галлеи раздѣряжалъ чувствительное нервное волокно прикосновеніемъ разнородныхъ металловъ, современники его не могли предвидѣть, что вѣтричество мольтова столба отирость въ щелочахъ среброблестящіе, плавающіе на водѣ, легкіе-воспламенимые металлы, что самый столбъ сдѣлается вак-

использовать инструменты для разлагающей химии, термископический и магнитный. Когда Гюйгенс начал разлагать световые явления двойного света, никто и не предчувствовал, что, благодаря дивному остроумию одного из современных нам физиков, двойные явления поляризации доведены будут до того, что посредством малейшего кусочка минерала можно будет узнать, исходят ли свет солнца из твердой массы или из газообразной оболочки, светят ли кометы сама-тобою или отражают чужой свет.

Разное уважение ко всем частям естествознания есть в особенности потребности настоящего времени; когда материальное богатство и благосостояние народов основаны на умения пользоваться произведениями и силами природы. Стоит только слегка взглянуть на современное состояние Европы, чтобы сказать о государствах то же, что Гете сказал о природе: «среди вечного движения и производительности (im Werden) есть для нас необходимость, и проклятие тьмы над неподвижностью». Человек не может действовать на природу, не может превзойти ее силы, если не узнает, не измыслит и не изчислит ее законы. Знание — отрадный удел и право человечества; оно есть часть народного богатства, часть вознаграждения за блага, которыми судьба надарила народ природою. Нации, оставившие в общей индустриальной деятельности, неминуемо падут в своем благосостоянии, там где, если соседи государства идут вперед с научно-обновляющей промышленною силою.

Желание оживить промышленность и любовь к тем частям естествознания, которые действуют на нее непосредственно, не может повредить возмущениям в области философии, древностей и истории, не может лишить изящных искусства животворного дыхания фантазии. Где только защита мудрых законов и свободных учреждений развивают все цветы образованности, там влияние стремление духа не повредит другому в мирной борьбе. Каждое приводит государству свои плоды: одно дает ему пищу, другое создания искусства и славу в землях отдаленных.

Как в высшем круге идей и чувств, в изучении истории, философии и красноречия, так и во всех частях естествознания, возвышеннейшая цель духовной деятельности — внутренняя: открытие законов природы, систематической связи произведений, необходимого сцепления всего изменяющегося во вселенной. Что из этого знания переходит в промышленную жизнь народов, то происходит из счастливого сочетания человеческих дел; истинное, великое, прекрасное всегда соединяется с полезным. Усовершенствование земледелия, процветание мануфактур, усиление торговых сношений и свободное движение sciences университетов и гражданских учреждений состоят в борьбе с другим в неравной войне.

Я должен был только слегка коснуться этого влияния естествознания. Предстоящий вам путь неизмерим, и я не намерен нарочно отлучаться от главной цели — взгляда на единство природы. Привыкнув к чуждым странствованиям, я и без того изобразил, может быть, больше

спутникамъ дорогу глаза и пріятнее, нежели какъ она окажется. Тамъ наступаютъ тѣ, которые хотятъ заманить другаго на вершину горы. Они превозносятъ видъ, хотя цѣлыя части его закрыты туманомъ. Они знаютъ, что и въ этомъ туманѣ есть тайное очарованіе, что неясная мгла вызываетъ впечатлѣніе чувственно-безконечнаго. Даже на высокой точкѣ основаннаго на опытности міросозерцанія нельзя удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Въ знаніи природы, современное состояніе котораго я намеренъ изобразить, многое не имѣетъ еще границъ определенныхъ.

Цѣлью этого предварительнаго чтенія было не столько доказать важность естествознанія, сколько объяснить, что этому стремленію можно указать высшую точку, безъ вреда для основательнаго изученія частныхъ наукъ; точку, на которой всѣ образы и силы являются какою-то оживленнымъ внутреннимъ движеніемъ. Природа не мертвый агитатъ. Худо определенное до-сихъ-поръ понятіе *физическаго географическаго* переходитъ, при увеличенномъ созерцаніи, обнимая собою все созданное на землѣ и на небѣ, въ *физическое міроописаніе*. Но міроописаніе, или ученіе о космосѣ, какъ я его понимаю, не есть видѣловедческое собраніе общихъ и важнѣйшихъ результатовъ. Эти результаты составляютъ только матеріалъ; географія растений и животныхъ столько же различна отъ описательной ботаники и зоологій, сколько геостатическое познаніе землѣ отъ орбитогнозиса. Физическое міроописаніе не должно быть, следовательно, смѣшиваемо съ такъ-называемою *микломедією естественныхъ наукъ*. Въ ученіи о космосѣ, отдаленное рассматривается только въ-отношеніи къ общему, и чѣмъ выше эта точка зрѣнія, тѣмъ живѣе и самостоятельнѣе можетъ быть положеніе самого ученія.

Мысли и языкъ тѣсно между собою связаны. Если языкъ даетъ ясность и прелесть изложенію, если, по внутреннему строенію своему, онъ способствуетъ разному очертанію *общности міросозерцанія*, то въ то же время онъ почти-нозаметно оживаетъ и ошодотворяетъ мысли. Потому то слово— болѣе, нежели знакъ и форма.

ГРАНИЦЫ И НАУКООБРАЗНОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ ФИЗИЧЕСКАГО МІРООПИСАНІЯ.

Въ общихъ предварительныхъ размышленіяхъ я старался показать какъ наслажденіе природою можетъ быть возвышено яснымъ взглядомъ на связь явленій, на гармонію оживляющихъ силъ. Теперь постараюсь ближе объяснить духъ и путеводную идею предлежащихъ ученыхъ изъяснаній, тщательно отдалить все постороннее и передать въ яркомъ очеркѣ содержаніе *ученія о космосѣ*. Надѣюсь, это оправдаетъ неосторожное заглавіе моей книги.

Прологомъ обнимають, въ четырехъ отдѣлахъ:

1) Понятіе и границы физическаго міроописанія, какъ особеннаго ученія.

2) Объективное содержаніе, реальный, эмпирический взгляд на общность природы, въ научнообразной формѣ картины природы.

3) Реефектъ природы на воображеніе и чувство, какъ побудительную причину къ изученію природы въ одушевленныхъ разсказахъ о далекихъ странахъ и природоописательной поэзій, — въ обогороженной ландшафтной живописи, разводеніи и группировкѣ экзотическихъ растений.

4) Исторію міросозерцанія, т. е. постепенное развитіе и расширеніе понятія о космосѣ, какъ о природѣ въ смыслѣ цѣлаго.

Чѣмъ выше точка зрѣнія, съ которой наблюдаются явленія природы въ этомъ сочиненіи, тѣмъ определеннѣе должна быть ограничена и отделена отъ всѣхъ родственныхъ ученій наука, которой мы хотимъ положить основаніе. Физическое міроописаніе есть созерцаніе всего созданнаго, всего сущаго въ пространствѣ (предметовъ и силъ), какъ единаго цѣлаго. Для человека, жителя земли, она распадется на двѣ главныя части: *теллурическую* и *сидерическую*. Чтобы установить научнообразную самостоятельность физическаго міроописанія и опредѣлить отношенія его къ другимъ областямъ знанія, къ физикѣ, естественной исторіи, геонозій и сравнительной географіи, — остановимся сначала на теллурической (земной) ея части. Эта часть не есть энциклопедическій агрегатъ упомянутыхъ нами естественныхъ наукъ. Путаница въ разграниченіи между собою столь родственныхъ наукъ тѣмъ больше, что издѣяна привычки обозначать группы опытныхъ знаній именами, значеніе которыхъ для нихъ то слишкомъ-тѣсно, то слишкомъ-обширно. Названія антропологии, физиологии, естественной исторіи, геонозій и географіи вошли во всеобщее употребленіе, когда самыя предметы этихъ наукъ еще не были ясно разграничены. На языкѣ одного изъ образованнѣйшихъ народовъ Европы физика едва-ли даже можно отдѣлать отъ медицины.

Многіе старались замѣнить старыя названія новыми, но безуспѣшно. Неудачный выборъ греческой номенклатуры повредилъ дѣлу, можетъ-быть, еще больше, нежели многочисленное развѣтвленіе группъ.

Физическое міроописаніе, обнимая міръ, какъ «предметъ внѣшняго чувства», конечно нуждается въ физикѣ и естественной исторіи, какъ вспомогательныхъ наукахъ. Но разсматриваніе вещественныхъ предметовъ, какъ единаго цѣлаго, имѣетъ свой самобытный характеръ. Физика извѣстна только общихъ свойствъ тѣлъ; уже Аристотель изображаетъ вся явленія природы какъ дважущую жизненную дѣятельность всеобщей міровой силы. Теллурическая часть физическаго міроописанія, которой ототно оставляю ея прежнее выразительное названіе *физическаго землекопанія*, показываетъ распределеніе магнетизма по нашей планетѣ, въ отношеніи къ его силѣ (*Intensität*) и направленію. Физическое міроописаніе широкими чертами изображаетъ части материковъ и распределеніе массъ ихъ по обоямъ полушаріямъ, — распределеніе, имѣющее вліяніе на различіе климатовъ и важнѣйшіе метеорологическіе процессы въ атмосферѣ; оно свѣтуетъ господствующій характеръ протяженія горъ,

отъединяетъ среднее возвышеніе материковъ надъ теперешнимъ уровнемъ моря или центръ тяжести ихъ массы, отношеніе высочайшихъ горныхъ вершинъ къ ихъ хребтамъ, къ близости моря или къ частямъ горныхъ породъ; показываетъ, какъ возстали или выдвинулись эти горныя массы, рассматриваетъ линейную связь или отдаленность зонъ мовъ, ихъ относительную силу и границы производимаго ими воздействия, которыя расширяются и сгущаются въ продолженіи столетій. Онъ показываетъ общія свойства всѣхъ большихъ рѣкъ къ ихъ верховьямъ; нижнимъ теченіямъ и бифуркацію ихъ въ общихъ частяхъ теченія; показываетъ, какъ она то прорезываютъ горныя хребты подъ прямымъ угломъ, то текутъ съ ними параллельно.

Къ ограничиваемой мною здѣсь наукъ принадлежатъ только главные результаты *сравнительной орографіи* и *гидрографіи*. Исчисленіе однородныхъ или очень-близкихъ другъ къ другу отношеній въ природѣ и обширный обзоръ теллурическихъ явленій относительно распределенія ихъ въ пространство не должно смѣшиваться съ рассматриваніемъ отдельныхъ предметовъ въ природѣ.

Спеціальное описаніе земель, конечно, лучший матеріалъ для физико-географіи; но рядъ такихъ описаній никогда не составятъ характеристической картины земли, какъ цѣлаго. Указать на общее въ частностяхъ органическаго образованія, открыть нумерическіе законы, показать въ какомъ полѣ каждая изъ главнѣйшихъ формъ достигаетъ наибольшаго числа своихъ породъ и высшаго органическаго развитія есть дѣло размышляющаго ума.

Систематическія описанія органическихъ формъ представляютъ намъ другую дѣль, основанную на внутреннемъ строеніи или постепенномъ развитіи предметовъ, а не группировку ихъ въ пространство, т. е. по поясамъ земли, относительно возвышенія надъ моремъ или вліянію температуры. Крайняя же цѣль физическаго земледописанія есть, какъ мы уже сказали выше, познаніе единства въ многообразіи, общей внутренней связи теллурическихъ явленій. О частностяхъ упоминается только тамъ, гдѣ явочны органическаго дѣянія должны согласиться съ *морфологическими распределеніями*. Съ этой точки зрѣнія сумма живыхъ существъ выстѣпаетъ больше по поясамъ земли, нежели по внутреннему строенію. *Естественный порядокъ* животныхъ и растений принимается уже какъ ядро лѣсной ботаники и зоологіи. Тамъ задача физическаго географіи состоитъ въ томъ, чтобы представлять тѣмъ же самымъ географіи отношенія разнообразныхъ формъ, развѣтвляющихся по поверхности земли; показать, какъ организмы составляютъ орудіе теллурическаго дѣянія; какъ напередъ она дышаніемъ атмосферѣ и, не смотря на предвѣстность своей массы, влияют на жизнь земной коры.

Этотъ способъ изложенія дается еще проще, будучи примененъ къ *уранологической части «Космоса»*, къ физическому описанію пространства *земли и небесныхъ телъ*. Отдаляя связь отъ жизни, то-есть общаго разсматриванія матеріи, силъ и движенія отъ разсматриванія различнаго

вообще *телуровъ* (*) и ихъ средства, мы различаемъ и въ теллурическомъ пространствѣ *физическіе* и *химическіе* процессы. Рядомъ съ основною силою матеріи, тяготѣніемъ, дѣйствуютъ вокругъ насъ и другія силы при непосредственномъ прикосновеніи или на безконечно-маломъ удаленіи частицъ матеріи. Это силы такъ-называемаго *химическаго* пространства. Но въ пространствѣ небесъ мы до-сихъ-порѣ знаемъ только *физическіе* процессы, дѣйствія матеріи, зависящія отъ распределенія массъ, а не отъ качественного различія творцовъ.

Житель земли вступаетъ въ сношеніе съ матеріею, разсѣяною во вселенной, только посредствомъ явленій свѣта и тяготѣній. Дѣйствіе солнца и луны на періодическое вращеніе земнаго магнетизма сократо еще во мракѣ. Качества творцовъ, кружащихся въ пространствѣ міра и, можетъ-быть, наполняющихъ его, — намъ неизвестны; разве ирраціональныя камни за малѣйшія небесныя тѣла, попавшія въ сферу притяженія земли? Однородность ихъ съ нашими земными творами очень-неразличима. Они позволяютъ, по аналогіи, догадываться о составѣ планеты, принадлежавшей къ одной группѣ и образовавшихся, подъ вліяніемъ одного центральнаго тѣла, изъ осадка кружащихся колецъ паровращающей (dampfartig) матеріи. Безоценны опыты надъ магнитномъ стѣломъ твердого вѣскому Ньютона, что силы разнороднаго тѣла сферическаго вращенія ускоряются въ движеніи отъ притягательной силы земли; иные, чисто-астрономическіе результаты, какъ на-примѣръ, вліяніе Юпитера на его спутниковъ, на комету Гаке, и на малѣйшія планеты Весты, Юнону, Цереру и Палладу, доказываютъ, что сила притяженія не въ пространствѣ только количества матеріи.

Невозможность проникнуть въ различіе творцовъ небесныхъ тѣлъ удивительно упрощаетъ *небесную механику*: она подчиняетъ неизмѣримое пространство вселенной исключительно законамъ движенія, и *астрономическая* часть физическаго міроописанія черпаетъ изъ твердо-основанной теоретической астрономіи, какъ *теллурическая* часть изъ физики, химіи и органической морфологіи. Въ области этихъ послѣднихъ наукъ, есть столько явленій запутанныхъ и отчасти противорѣчающихъ математическимъ взглядамъ, что теллурическая часть ученія о космосѣ не можетъ быть обработана съ тою же простотою и вѣрностію, какъ астрономическая. Обозначенное здѣсь различіе объясняетъ отчасти, почему натуральная философія Пифагора была больше обращена къ вселенной, нежели къ землѣ, и почему она была гораздо-полезнѣе для познанія нашей солнечной системы, нежели іоническая натуральная философія для физики земли. Одна занималась преимущественно формою и симметрией, а другая составными частями и генетическими отношеніями вещей. Только мощнѣйшій, истинно-философскій и вмѣстѣ съ тѣмъ математическій духъ Аристотеля могъ съ равною любовью погрузиться

*) Да позволено будетъ намъ употребить это слово, существующее въ славянскомъ языкѣ: *кислотворъ*, *углетворъ*, и т. п. Только оно можетъ вполне выразить вѣщное слово Hoff.

въ міръ отвлеченіи и въ неизмѣримую полноту составовъ органическихъ формъ.

Во многихъ сочиненіяхъ о физической географіи астрономическая часть служить введеніемъ; земля разсматривается предварительно въ ея планетной зависимости, въ-отношеніи къ солнечной системѣ. Я избралъ совершенно-обратный путь. Въ міроописаніи астрономическая часть, названная у Канта естественною исторіею неба, не должна быть подчинена теллурической. Сдвигъ въ космосъ, по выраженію древняго копсканца Аристарха-Самосскаго, есть звезда среди безчисленнаго множества звездъ. Общій взглядъ на міръ должно начать съ тѣхъ, наполняющихъ вселенную, съ графическаго очерка міроздаія. Если, не смотря на малую величину нашей планеты, теллурическая часть занимаетъ въ міроописаніи большія мѣста и, обработана подробно, это только потому, что массы знаній и доступныхъ эмпириі предметовъ очень-не равны. Подчиненіе уранографической части встрѣчается уже у географа Боригарда Варенія, въ половинѣ XVII столѣтія. Онъ очень-остроумно раздѣляетъ землеописаніе на общее и частное, и первое снитъ въ частіи теллурическое и планетарное, смотря по тому, разсматривается ли отишеніе земной поверхности въ различныхъ поясахъ, или отишеніе планеты къ солнцу и лунѣ. Сочиненіе Варенія замѣчательно уже потому, что обратило на себя вниманіе Ньютона; но, при плохомъ состояніи вспомогательныхъ наукъ, исполненіе не могло соответствовать огромности предпріятія. Только въ наше время сравнительная географія выдѣлалась обработанною въ обширнѣйшемъ объемѣ, въ рефлексъ ея на исторію челоавчества (*).

Исчисленіе лучей, сходящихся въ общемъ естествознаніи, какъ въ фокусъ, можетъ оправдать заглавіе моего сочиненія, которое, можетъ быть, смѣлѣе самого предпріятія. Въ специальныхъ ученіяхъ я избралъ по-возможности новыхъ названій. Употребленное мною здѣсь слово «физическое міроописаніе» составлено по давно употребляемому: «физическое землеописаніе». Обширность содержанія требуетъ новаго слова. Хотя обыкновенной рѣчи понятія *земли* и *міра* часто смѣшиваются, но наука каждый чувствуетъ, что они должны быть различаемы. Для болѣе ясности я поставилъ въ началѣ заглавія слово *Космосъ*, означавшее первоначально, во время Гомера, *украшеніе* и *порядокъ*, а въ слѣдствіи сдѣлавшееся философскимъ терминомъ, обозначающимъ *блгоустройство міра*.

При трудности открыть законъ и порядокъ въ измѣчивости земныхъ явленій, духъ челоавческой преимущественно обращался къ гармоническому движенію небесныхъ тѣлъ. По свидѣтельству Филона и въ древности, Пифагоръ впервые употребилъ слово «космосъ» для означенія *порядка въ міръ, міра и вселенной* (небеснаго пространства). Не для

(*) Karl Ritter's Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen, oder allgemeine vergleichende Geographie.

го упоминать здесь, что то же самое слово, во пиеагерейскому воззрѣнію, было употребляемо иногда и во множественномъ числѣ, обозначая собою отдѣльныя небесныя тѣла (планеты) или группы звездъ. Въ помѣсть очеркъ слова «космосъ» означаетъ небо и землю, весь тѣлесный міръ.

Какъ физическая исторія міра, въ обширѣйшемъ значеніи слова, должна бы изобразить намѣненія космоса въ теченіи времени отъ невытѣ, внезапно засверкавшихъ на тверди звездъ, до тончайшей растительной ткани, постепенно покрывающей голую охлаждающую земную кору, или выступившій изъ моря кораллъ, такъ физическое міроописаніе изображаетъ все сущее въ пространствахъ, современное дѣйствіе міровыхъ силъ, и образы, созданныя этии силами. Но существенное нельзя отрешить отъ образующагося (*das im Werden begriffene*), *разсѣдающагося*; не только все органическое безпрестанно развивается и уничтожается, но—естъ находится въ вѣчномъ внутреннемъ движеніи, но и вся жизнь земна, на каждой точкѣ своего пребыванія, говоритъ о прошедшемъ, такъ—сказать, пройденномъ ею, востолкіи. Тамъ, на—примѣръ, улегшіеся другъ на другъ слоя камня, изъ которыхъ состоитъ большая часть земной коры, содержатъ въ себѣ слѣды почти совершенно—погибшаго созданія; взоръ наблюдателя видитъ въ нихъ фауны и флоры минувшихъ тысячелѣтій. Въ этомъ смыслѣ, міроописаніе нельзя совершенно отдѣлить отъ исторіи міра. Геоогность не можетъ понять настоящее безъ прошедшаго. Это отраженіе прошедшаго въ настоящемъ тамъ яснѣе, что предъ нашими же глазами образуются аналогическія произведенія.

Сущее можно понять во всемъ его объемѣ только прослѣдивъ степени его развитія. О первоначальномъ единствѣ этихъ двухъ воззрѣній свидѣтельствуетъ употребленіе слова: исторія, въ классической древности. Въ зоологическихъ твореніяхъ Аристотеля, исторія значить повѣствованіе о дознанномъ, чувственно—воспринятомъ. Физическое міроописаніе Плиніа—Старшаго названо *historia naturalis*. Первые историки классической древности мало еще различаютъ землеописаніе отъ разсказа о бытіяхъ, бывшихъ въ этихъ земляхъ.

Схватить многообразіе явленій космоса въ единствѣ мысли, въ формѣ есте—раціональной связи, невозможно при нынѣшнемъ состояніи эмпирическаго знанія. Опытныя науки никогда не могутъ быть окончены; число явленій, доступныхъ чувствамъ, неисчерпаемо. Человѣчеству никогда не будетъ дано обнять все феномены. Только тамъ, гдѣ явленія можно обратить и раздѣлять на группы, узнаешь въ отдѣльныхъ однородныхъ рѣшяхъ присутствіе великихъ и простыхъ законовъ природы. Чѣмъ больше обрабатываются физическія науки, тѣмъ больше расширяются пути, въ которыхъ господствуютъ эти законы. Блестящее доказательство этого—новѣйшіе взгляды на процессы, зависящіе, какъ въ твердой массѣ земли, такъ и въ атмосферѣ, отъ электро—магнетическихъ силъ, отъ лучистой теплоты и распространенія свѣтовыхъ волнъ. Въ

Т. XII. — Отд. II.

обобщеніе законовъ, господствующихъ сначала только въ частяхъ дружкахъ, въ отдѣльныхъ группахъ явленій, есть много степеней. Господство узкихъ законовъ расширяется, и идеальная связь дѣлается явнее, пока изысканія обрѣтаются на однородныя массы. Но въ динамическихъ законахъ недостаточно, въ слѣдствіе вѣзательства специфической природы матерій, тамъ, стремясь къ единству, мы встречаемъ пропасти неизмѣраемой глубины. Тутъ проявляется дѣйствіе особаго рода силъ. Законность числовыхъ отношеній, такъ съчастливо подсмотрѣнная новѣйшими химиками, до сихъ поръ еще изобрѣтана неподчинена законамъ той области частой механики.

Частности, подлежащія непосредственно чувствуемъ, могутъ быть логически собраны въ классы и роды. Такіе порядки, какъ части естествоиспанія, несправедливо называются *системами природы*. Конечно они облегчаютъ изученіе организмовъ и ихъ прямолинейнаго сцѣпленія; но они даютъ больше единства описанію, нежели самому познанію. Какъ въ обобщеніи законовъ природы, такъ и въ эмпирическомъ изысканіи есть постепенность. Изысканіе начинается съ отдѣльнаго созерцанія. Отъ наблюденія переходятъ къ опытамъ. Узнаваніе посредствомъ наблюденія и опыта ведетъ къ познанію эмпирическихъ законовъ. Вотъ фазы наблюдающаго ума, различныя эпохи въ исторіи познанія природы.

Два формы отвлеченія властвуютъ надъ всюю массою знаній: *количественная*, опредѣленіе отношеній числа и величины, и *качественная* свойства творцовъ. Первая, болѣе-доступная форма, принадлежитъ математическому, вторая химическому знанію. Чтобы подчинить явленія разсчету, матерію слагаютъ изъ атомовъ, числомъ которыхъ, формой, положеніемъ и полярностію обуславливаются явленія. Мнѣніи о невѣсомыхъ тѣлахъ и особенныхъ жизненныхъ силахъ въ каждомъ организмѣ заботятся и мутаютъ взглядъ на природу. Подъ столь многоразличными условіями и формами познанія тяжелая громада эмпирическаго знанія движется лѣнливо. Но умиствующій духъ стремится разрушить устарѣвшія формы.

Мы еще далеко отъ той эпохи, когда весь чувственный обзоръ можно будетъ концентрировать въ единство понятія о природѣ. Мы даже сомнѣваться, настанетъ ли когда-нибудь такая эпоха. Важныя задачи и неизмѣримость космоса почти уничтожаютъ подобную надежду. Но если недостижимо *все*, то возможно по-крайней-мѣрѣ разрѣшеніе *частей* задачи, возможно стремленіе къ *показанію* явленій міра, вѣселейшая и вѣчная цѣль естествоиспытанія. Вѣрный характеру новѣйшихъ трудовъ, я ограничиваюсь и въ этомъ сочиненіи *эмпирическими разсужденіями*. Такая обработка эмпирической науки, и лучше сказать, агрегата знаній, не исключаетъ распределенія дѣлать по идеямъ, обобщенія частнаго, постояннаго стремленія открыть *эмпирические законы природы*: Умиствующее познаніе, разумное достиженіе

возлежной, конечно, представляло бы еще несомненною цѣль, и и не-первую чужихъ стремленій потому только, что успѣхъ въ бытіи дѣлалъ для счастливѣе. Существо натуральной философіи, превративъ мыслителю массу, уверяли, чтоа неодо, оторвать отечественныя корни отъ сараевого и столь-близкаго матеріальному благосостоянію государства изученія науки математическихъ и физическихъ. Упомянутыя вещи успеха, особенный, странно-символическій языкъ, обозначали веселія и недолгіа сатурналіи чисто-идеального естествознанія. Но это было только злоупотребленіе умственной силы. Опытныя познанія и развивалася во всѣхъ своихъ частяхъ философія природы не могутъ противорчить другъ другу, если философія природы будетъ, согласно своему обѣщанію, разумнымъ постиженіемъ дѣйствительныхъ явленій во вселенной.

Пусть противоположаютъ природу области *духовнаго*, какъ-будто духовное не содержится въ природѣ; пусть противоположаютъ ее *искусству* въ смыслъ болѣе-высокомъ, нежели общность духовной производительности человечества, — эти противоположенія не должны довести до такого отдѣленія физическаго отъ интеллектуальнаго, чтобъ *физика міра* изпала до простаго скопленія эмпирически-собранныхъ частныхъ. Наука начинается только тамъ, гдѣ духъ овладѣваетъ матеріаломъ. Внѣшній же міръ существуетъ для насъ только по мѣрѣ воспріятія его внутрь насъ. Внѣшній міръ бессознательно для насъ сливается съ внутреннимъ человекомъ, съ мыслью и ощущеніемъ. Объективный міръ, мыслимый нами и отражающійся въ насъ, подчиненъ вѣчнымъ, необходимымъ, все-условливающимъ формамъ нашего духовнаго бытія. Умственная дѣятельность упражняется надъ принятыми посредствомъ чувствъ данными. Въ простѣйшемъ созерцаніи природы заключается уже побужденіе къ философскому взгляду. Это побужденіе очень-различно, живо болѣе или менѣе, смотря по характеру, національной индивидуальности и степени образованія народовъ. Духъ начинаетъ свое тѣло, какъ только размышленіе восприняло въ себя матеріалъ чувственныхъ данныхъ.

Исторія сохранила для насъ извѣстія о неоднократныхъ попыткахъ *постигнуть* міръ физическихъ явленій въ его многообразіи, познать одну, всю вселенную проникающую и движущую *мировую силу*. Эти попытки восходятъ до классическихъ временъ физиологій іонической школы, въ которой, за недостаткомъ эмпирическихъ знаній, преобладало стремленіе объяснить природу изъ чистаго разума. Но чѣмъ болѣе накоплялось матеріаловъ эмпирическаго знанія, тѣмъ болѣе охлаждало это стремленіе. Въ наше время, математическая часть натуральной философіи достигла огромнаго развитія. Методы и инструменты усовершенствованы въ одно время. Все дознанное опытомъ должно и теперь, какъ въ древности, быть общимъ достояніемъ человечества, предметомъ свободнѣйшей обработки философіи.

Злоупотребленіе и ложныя направленія умственныхъ трудовъ не дол-

жны привести къ предположенію, что будто-бы міръ вещей, во истину своей, есть область фантастическихъ превращеній; что сущности, какъ врагъ, угрожаютъ лжамъ-собраннымъ сокровищу эмпирическихъ взглядовъ. Духу нашего времени не пристало отвергать какое-либо обобщеніе понятій, каждую на аналогіи основанную попытку глубже проникнуть въ связь явленій, какъ пустую шотозу; не пристало осудить рассудокъ, доискивающийся каузальной связи, или необходимое для открытій воображеніе.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЬЕРА.

Статья шестая.

—

Секюляризація: Мнѣнія европейскихъ кабинетовъ при извѣстїи о жизни-левионъ консултѣ. Германскія дѣла. Состояніе Германіи по люневильскому трактату. Секюляризація духовныхъ владѣній. Германская конституція. Мартин: протестантская и католическая; Пруссія и Австрія; ихъ различныя притязанія. Пространство и цѣнность территорій, подлежащихъ раздѣлу. Отчаяніе мелкихъ дворовъ отъ честолюбива слышмъ. Вышнательство перваго консула въ дѣло секюляризацій. Посредничество Россіи. *Сопозитив* сейма. Характеръ этой трудной негосударственной Россіи. **Размѣръ американо-мирскаго мира:** Усилія перваго консула къ возобновленію колониальнаго величія Франціи. Духъ старинной торговли. Сен-Доминго. Возстаніе негровъ. Туссент-Дувртьюръ. Экспедиція на Сен-Доминго. Крещеніе черныхъ. Нерасположеніе Англіи къ Франціи. Вышнательство перваго консула въ дѣла Швейцаріи. Ошибка британскаго министерства. Распуликованіе рапорта полковника Севастіана о состояніи острова. Достопамятный разговоръ перваго консула съ лордомъ Уитвортомъ. Состояніе Французской-Республики. Ръчь англійскаго короля. Сцена съ лордомъ Уитвортомъ. Пріготовленія къ войнѣ. Размѣръ американо-мирскаго мира.

Достиженіе генераломъ Бонапарте верховной власти съ титуломъ консула-по-жизни не изумило и не оскорбило европейскихъ кабинетовъ. Большая часть изъ нихъ, напротивъ того, видѣла въ этомъ новыиъ залогъ спокойствія для всѣхъ державъ.

Этотъ дѣятель столькихъ воля, этотъ творецъ столькихъ благъ обладалъ новою властью при республиканскихъ дѣлахъ міра. На него смотрѣли, какъ на истиннаго государя Франціи. Иностранные министры, говоря о немъ съ французскими министрами, употребляли тѣ почтительныя выраженія, которые употреблялись въ разговорахъ о самихъ короляхъ. Придворный этикетъ во Франціи былъ почти-монархическій. Все то находили простымъ, естественнымъ, необходимымъ. Въ этомъ отношеніи перваго консула можно было провидѣть его честолюбіе, а въ

честолюбив — близкое униженіе Европы; но только самые свѣтлы умы могли такъ глубоко проникать въ будущее, а они-то лучше знали и могли чувствовать всю громадность благъ, уже выполненныхъ кохльскимъ правительствомъ.

Въ настоящее время, вниманіе всѣхъ державъ было обращено преимущественно на германскія дѣла. Мы уже видѣли изъ предыдущаго, что уступка лѣваго берега Рейна Французской-Республикѣ лишила многихъ германскихъ князей ихъ государствъ, и что въ Люневиллѣ было положено вознаграждать этихъ князей чрезъ секуляризацию духовныхъ владѣній, которыми была покрыта старая Германія. Уже было предпринято приступать къ всеобщей перестройкѣ этой огромной территоріи.

Теперь надо проникнуть въ сложное и трудное дѣло германскихъ вознагражденій. Это дѣло, начатое на раштадтскомъ конгрессѣ, оставшее послѣ кампо-форміоскаго мира въ-слѣдствіе умерщвленія французскихъ уполномоченныхъ и по причинѣ второй коалиціи, возобновленное послѣ люневилльскаго мира, часто-начинаемое, никогда-неоканчиваемое, это дѣло было важнымъ вопросомъ для Европы, — вопросомъ, за рѣшеніе котораго брались, не умѣя разрѣшить его. Онъ могъ быть рѣшенъ только твердою волею перваго консула, потому-что было невозможно, чтобъ одной Германіи достало на такой подвигъ.

По кампо-форміоскому и люневилльскому трактатамъ, лѣвый берегъ Рейна отданъ собственности Франціи, отъ пункта, гдѣ эта граница выходитъ изъ швейцарской территоріи, между Вазелемъ и Глигенгеймомъ, до того мѣста, гдѣ она вступаетъ на голландскую территорію, между Эмерикомъ и Нимвегеномъ. Но, чрезъ уступку этого берега Французской-Республикѣ, германскіе князья всѣхъ степеней и всѣхъ состояній, какъ насладательныя, такъ и духовныя, потеряли значительныя ущербы въ территоріи и доходахъ. У Ваваріи были отняты Герцогство-Цвейбрюкенское, Рейнскій-Палатинатъ, Герцогство-Юляхское: Вейтцбергъ, Баденъ были лишены княжества Монбельяръ и другихъ мѣст; три духовныя курфюрста, майнцскій, триерскій и кельнскій, остались почти безъ земель; Пруссія принуждена была отказаться въ пользу Франціи отъ Герцогства-Гельдернскаго, части Клевскаго и небольшого княжества Мёрсъ, — территорій, лежавшихъ по называемъ Рейну. Наконецъ, множество второстепенныхъ и третьестепенныхъ князей лишилось своихъ владѣній и своихъ имперскихъ лесть. Сверхъ всего того, въ Италиі два эрц-герцога австрійскіе принуждены были отказаться одинъ отъ Тосканы, другой отъ Моденскаго-Герцогства. Въ Голландіи, домъ оранско-нассаускій, бывший въ свойствѣ съ прусскимъ, потеряла штатгалтерство и довольно-большое количество собственныхъ земель и имуществъ.

При сраженіи строгой справедливости, одни нѣмецкіе князья должны были получить вознагражденіе на германской территоріи. Эрц-герцогъ Австріи или братъ императора, уже издавна бывшіе итальянскими герцогами, не имѣли никакого права на полученіе вознагражденій въ Германіи. То же можно было сказать и о штатгалтерѣ. Но по трактатамъ люневилльскому, базельскому и амьенскому было положено вознаграждать

Германиа и шпитцельтера и обонхъ итальянскихъ эрцгерцоговъ. Германиа была богата епископскими владѣніями. Черезъ секуляризацию этихъ земель можно было отвести богатая и населенная владѣнія въ свѣтъ жервамъ войны.

Трудно было бы оправдать съ точностью значительность территории, земель, доходовъ во вѣкъ германскихъ земель; многихъ подвергнуты секуляризациі. По восточному миру, многія изъ нихъ были же обращены въ евангеліа владѣнія; но и оставшіяся составляли еще очнь шестую часть собственно-Германиа, какъ по пространству, такъ по народонаселенію. Дохода съ этихъ земель получалось отъ 40 до 100 милліоновъ флоринновъ (100 — 120 милліоновъ франковъ). Многія изъ этихъ владѣній составляютъ нынѣ цвѣтушія провинціи, изъ которыхъ Пфальцъ — лучшія во всей конфедерациі. Такъ, начиная съ востока и до Германіи, встрѣчаемъ, въ Тироля, Епископства Трентское и Бриксенское, приносящіа до 900,000 флоринновъ. При переходѣ изъ Тироля въ Баварію, представлялось славное Епископство-Зальцбургское, нынѣ же на изъ важнѣйшихъ областей Австрійской-Имперіи, приносящее, по словамъ однихъ, 1,200,000 флоринновъ, по словамъ другихъ, 2,700,000, бывшее родиною превосходныхъ солдатъ, такихъ же искусныхъ стрѣлковъ, какъ Тироляцы. При входѣ въ Баварію, встрѣчалось на Лехъ Епископство-Аугсбургское, на Изерахъ Фрейсингенское; наконецъ, при вхожденіи Инна съ Дунаемъ, Пассауское, — всѣ три составлявшія предметъ сильной зависти со стороны Баваріи, потому-что ими она могла выгодно дополнить свою территорию. По ту сторону Дуная, т. е. во Франкніи, находилось богатое Епископство-Вюрцбургское, котораго епископы некогда домогались титула франконскихъ герцоговъ и были къ богаты, что смогли построить въ Вюрцбургѣ дворець почти столь же прекрасный, какъ версальскій. Это владѣніе приносило дохода 1,000,000 флоринновъ, а съ смежнымъ съ нимъ Епископствомъ-Бамбергскимъ болѣе 2,000,000. Этотъ выдѣлъ могъ наилучшимъ образомъ округить франконскую территорию Баваріи и вознаграждать это государство его огромныя потери. Пруссія завидовала этой доль, по причинѣ близости и смежности этихъ земель съ Аншпахскимъ и Байрейтскимъ архиепископствами.

Оставалась часть Архиепископствъ Майнцаго, Трирсаго и Кельнскаго, лежавшая на правомъ берегу Рейна. Оставались частицы Майнцаго-Куруфюрства, заключенныя въ Турингіи, какъ, напр., Эрфуртъ, и Хессельдская территория; потомъ Вестфальское-Герцогство съ доходомъ 500,000 флоринновъ, Епископства Падерборнское, Оснабрюкское, Гильдесгеймское и, наконецъ, обширнѣйшее изъ всѣхъ, Епископство-Мюнстерское, третье въ Германіи по величинѣ дохода, приносящее тогда 1,000,000 флоринновъ.

Если ко всѣмъ этимъ архиепископствамъ, епископствамъ и герцогствамъ, въ числѣ четырнадцати, къ этимъ остаткамъ старинныхъ духовныхъ курюрствъ, присоединимъ обломки Епископствъ Шпейерскаго, Ринского, Страсбургскаго, Базельскаго, Констанцскаго, множество большихъ аббатствъ, наконецъ сорокъ-девятъ вольныхъ городовъ, кото-

честолюбив — близкое унижение Европы; но только самые святые умы могли так глубоко проникать въ будущее, а они-то лучше всѣх и могли чувствовать всю громадность благъ, уже выполненных консульскимъ правительствомъ.

Въ настоящее время, вниманіе всѣхъ державъ было обращено преимущественно на германскія дѣла. Мы уже видали изъ предъидущаго, что уступка лѣваго берега Рейна Французской-Республикѣ лишила многихъ германскихъ князей ихъ государствъ, и что въ Люневиллѣ было положено вознаграждать этихъ князей чрезъ секуляризацию духовныхъ владѣній, которыми была покрыта старая Германія. Уже было время приступить къ всеобщей перестройкѣ этой огромной территоріи.

Теперь надо проникнуть въ темное и трудное дѣло германскихъ вознагражденій. Это дѣло, начатое на раштаатскомъ конгрессѣ, оставленное послѣ кампо-форміоскаго мира въ-слѣдствіе умерщвленія французскихъ уполномоченныхъ и по причинѣ второй коалиціи, возобновленное послѣ люневилльскаго мира, часто-начинаемое, никогда-неоканчиваемое, это дѣло было важнымъ вопросомъ для Европы, — вопросомъ, за рѣшеніе котораго брались, не умѣя разрѣшить его. Онъ могъ быть рѣшенъ только твердою волею перваго консула, потому-что было невозможно, чтобъ одной Германіи достало на такой полвѣгъ.

По кампо-форміоскому и люневилльскому трактатамъ, лѣвый берегъ Рейна отданъ въ-собственность Франціи, отъ пункта, гдѣ эта рѣка выводитъ изъ швейцарской территоріи, между Базелемъ и Гуннгенгофомъ, до того мѣста, гдѣ она вступаетъ на голландскую территорію, между Эмерикомъ и Нимвегеномъ. Но, чрезъ уступку этого берега Французской-Республикѣ, германскіе князья всѣхъ степеней и всѣхъ состояній, какъ наследственные, такъ и духовные, потеряли значительные участки въ территоріи и доходахъ. У Баваріи были отплаты Герцогство-Двѣнбургенское, Рейнскій-Палатинатъ, Герцогство-Юлихское; Вюртембергъ, Баденъ были лишены княжества Молдсбургъ и другихъ владѣній; три духовные курфюрста, майнцскій, трирскій и мейнцскій, остались почти безъ земель; Пруссія принуждена была отказываться въ пользу Франціи отъ Герцогства-Гельдернскаго, части Кленскаго и небольшого княжества Мёрсъ, — территорій, лежавшихъ по низовьямъ Рейна. Наконецъ, множество второстепенныхъ и третьестепенныхъ князей лишились своихъ владѣній и своихъ имперскихъ ленъ. Сверхъ всего этого, въ Италиі два эрц-герцога австрійскіе принуждены были отказаться одинъ отъ Тосканы, другой отъ Моденскаго-Герцогства. Въ Голландіи, домъ оранско-нассаускій, бывший въ-своихъ вѣхъ прусскимъ, потерялъ штатгалтерство и довольно-большое количество собственныхъ земель и имущества.

Прямыхъ строгихъ справедливости, одни итальянскіе князья должны были получить вознагражденіе на германской территоріи. Эрц-герцоги Австріи или братья императора, уже издавна бывшіе итальянскими герцогами, не имѣли никакого права на полученіе вознагражденій въ Германіи. То же можно было сказать и о штатгалтерѣ. Но по трактатамъ люневилльскому, базельскому и амьенскому было положено вознаграждать

въ Германіи и штатшалтера и обонъ итальянскихъ эрцгерцоговъ. Германія была богата епископскими владѣніями. Черезъ секуляризацию этихъ земель можно было отвести богатые и населенныя владѣнія въсѣмъ жертвамъ войны.

Трудно было бы опредѣлить съ точностью значительность территорій, доходовъ во всѣхъ германскихъ земляхъ, могшихъ подвергнуться секуляризациі. По восточалскому миру, многія изъ нихъ были уже обращены въ светскія владѣнія; но и оставшіяся составляли еще почти шестую часть собственно-Германіи, какъ по пространству, такъ и по народонаселенію. Дохода съ этихъ земель получалось отъ 40 до 50 милліоновъ флориновъ (100 — 120 милліоновъ франковъ). Многія изъ этихъ владѣній составляютъ нынче цвѣтущія провинціи, изъ которыхъ выйдъ — лучшія во всей конфедераціи. Такъ, начиная съ востока и юга Германія, встрѣчаемъ, въ Тироля, Епископства Трентское и Бриксенское, приносящія до 900,000 флориновъ. При переходѣ изъ Тироля въ Баварію, представлялось славное Епископство-Зальцбургское, нынче одна изъ важнѣйшихъ областей Австрійской-Имперіи, приносящее, по словамъ однихъ, 1,200,000 флориновъ, по словамъ другихъ, 2,700,000, и бывшее родиною превосходныхъ солдатъ, такихъ же искусныхъ стрѣлковъ, какъ Тирольтцы. При входѣ въ Баварію, встрѣчалось на Лехъ Епископство-Аугсбургское, на Изеръ Фрейсингенское; наконецъ, при вліяніи Инна съ Дунаемъ, Пассауское, — всѣ три составлявшія предметъ сильной зависти со стороны Баваріи, потому-что ими она могла бы выгодно дополнить свою территорію. По ту сторону Дуная, т. е. въ Фрайконіи, находилось богатое Епископство-Вюрцбургское, котораго епископы нѣкогда домогались титула франконскихъ герцоговъ и были такъ богаты, что смогли построить въ Вюрцбургѣ дворець почти столь же прекрасный, какъ версальскій. Это владѣніе приносило дохода 1,400,000 флориновъ, а съ смежнымъ съ нимъ Епископствомъ-Бамбергскимъ болѣе 2,000,000. Этотъ выдѣлъ могъ наилучшимъ образомъ округлить франконскую территорію Баваріи и вознаграждать это государство за его огромныя потери. Пруссія завидовала этой доль, по причинѣ снѣжности и смежности этихъ земель съ Аншпахскимъ и Байрейтскимъ Маркизатствами.

Оставалась часть Архіепископствъ Майнцскаго, Трирскаго и Кельнскаго, лежавшая на правомъ берегу Рейна. Оставались частицы Майнцскаго-Курфюрства, заключенныя въ Турингіи, какъ, напр., Эрфуртъ, и эйхенфельдская территорія; потомъ Вестфальское-Герцогство съ доходомъ до 500,000 флориновъ, Епископства Падерборнское, Оснабрюкское, Гильдесгеймское и, наконецъ, обширнѣйшее изъ всѣхъ, Епископство-Мюнстерское, третье въ Германіи по величинѣ дохода, приносящее тогда 1,200,000 флориновъ.

Если ко всѣмъ этимъ архіепископствамъ, епископствамъ и герцогствамъ, въ числѣ четырнадцати, къ этимъ остаткамъ старинныхъ духовныхъ курфюршествъ, присоединимъ обломки Епископствъ Шпейерскаго, Зоравскаго, Страсбургскаго, Базельскаго, Констанцскаго, множество богатыхъ аббатствъ, наконецъ сорокъ-девять вольныхъ городовъ, кото-

рые положено было не секуляризировать, а прикинуть къ сословнымъ государствамъ (что тогда называлось *модернизироваши*), — то получимъ приблизительно-яркое понятіе о тѣхъ земляхъ, которыя можно было располагать, чтобъ заставить святскихъ владѣтелей забыть бѣдствія войны. Надо присовокупить, что, еслибъ не нѣлось притянія вознаграждать эрц-герцоговъ и штатгалтера, которые себя тропить требовали по-крайней-мѣрѣ четвертой части всѣхъ этихъ земель, то на настоящее бы необходимость уничтожить всѣ духовныя владѣнія и можно было бы отклонить отъ германской конституціи разрушительный ударъ, которымъ она вскоре поражена была.

И дѣйствительно, секуляризировать всѣ духовныя владѣнія разомъ значило глубоко потрясти эту конституцію, ибо они играли въ ней значительную роль... Здѣсь необходимы некоторыя подробности для уясненія этой конституціи, старѣйшей изъ всѣхъ въ Европѣ, наиболее-почтенной послѣ англійской, и погибавшей теперь отъ алчности самихъ нѣмецкихъ князей.

Германская-Имперія была избирательная. Хотя съ-давнихъ-поръ императорская корона не выходила изъ австрійскаго дома, необходимо было, однакожь, чтобъ формальное избраніе, при каждой перемѣнѣ царствованія, возлагало ее на наследника этого дома, который, по рожденію, былъ королемъ богемскимъ, венгерскимъ, эрц-герцогомъ австрійскимъ, герцогомъ миланскимъ, каринтійскимъ, штирійскимъ, и проч., но не главою имперіи. Избраніе было производимо некогда семью, а въ эпоху, о которой говоримъ мы, восемью курфирстами. Изъ числа восьми пятеро было святскихъ и трое духовныхъ. Пятеро святскихъ были: австрійскій домъ, по Богеміи; курфирсть-палатинъ, по Баваріи и Палатинату; герцогъ саксонскій, по Саксоніи; король прусскій, по Бранденбургу; король англійскій, по Ганноверу. Трое духовныхъ курфирстовъ были: архіепископъ майнцскій, владѣвшій частью обонхъ береговъ Рейна въ окрестностяхъ Майнца, самымъ городомъ Майнцемъ и берегами Майна до Ашаффенбурга; архіепископъ трирскій, владѣвшій трирскою землею, т. е. долиною Мозеля, простиравшеюся отъ границъ старой Франціи до соединенія Мозеля съ Рейномъ у Кобленца; наконецъ, архіепископъ кельпскій, владѣвшій лѣвнымъ берегомъ Рейна, отъ Бонна до Голландіи. Архіепископъ майнцскій былъ канцлеромъ конфедераціи и председательствовалъ на германскомъ сеймѣ.

Эти восемь курфирстовъ назначали императорскую корону. Пятеро изъ нихъ были католики. Имперія была не только избирательная, но и представительная, если можно такъ выразиться относительно времени, немѣющаго никакой аналогіи съ нашимъ. Совѣщанія о дѣлахъ союза происходили здѣсь на общемъ сеймѣ, собиравшемся въ Регенсбургъ, подъ председательствомъ канцлера, архіепископа майнцскаго.

Этотъ сеймъ состоялъ изъ трехъ коллегій: въ каждой заседали отдѣльно курфирсты, князья и представители сорока-деяти вольныхъ городовъ, почти все-разоренныхъ и имѣвшихъ очень-мало вліянія въ совѣщательномъ правленіи мастиной Германіи.

Каждая изъ этихъ коллегій подавала голосъ отдѣльно. Каждое государство, по іерархическому порядку, словесно объявляло свое мнѣніе чрезъ посредство министра. Когда коллегіи были несогласны между собою, то она собирались въ конференцію, что называлось отношеніемъ (*relatio*) и соотношеніемъ (*correlatio*) коллегій. Она дѣлали другъ другу каминныя уступки и оканчивали общимъ мнѣніемъ, называемымъ *сеп-симамъ*.

Эти три коллегіи были не равной важности. Городовая ставилась почти ни на что. Нѣкогда, въ средніе вѣка, когда все богатство было сосредоточено въ вольныхъ городахъ, эти города имѣли средство заставить выслушать себя, давая деньги, или отказывая въ нихъ. Но дѣло пришло другой видъ съ-тѣхъ-поръ, какъ Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Кёльнъ не были уже болѣе центрами торговаго и финансоваго могущества. Курфюрсты, т. е. важнѣйшіе дома съ своими голосами въ коллегіи избирателей, съ голосами и клиентами въ коллегіи имперскихъ князей, брали верхъ при рѣшеніи всехъ совѣщательныхъ вопросовъ.

Независимо отъ этого главнаго правительства, въ Германіи было еще нѣсколько правительствъ, учрежденное для охраненія частныхъ интересовъ и для общаго распределенія повинностей конфедерациі. Это мѣстное правительство было — окружное. Вся Германія была раздѣлена на десять округовъ, изъ которыхъ послѣдній, Бургонскій, былъ только путевымъ названіемъ, потому-что заключалъ въ себя области, уже съ давнихъ поръ отошедшія отъ имперіи. Самый могущественный владѣлецъ всего округа былъ въ немъ главнымъ распорядителемъ. Онъ призывалъ на совѣщаніе владѣтельныхъ князей, которыхъ земля составляла округъ, приводилъ въ исполненіе ихъ рѣшенія и являлся на помощь государствамъ, которымъ угрожало насиліе. Два имперскіе трибунала, одинъ въ Венцларъ, другой въ Визъ, творили судъ между этими столь различными конфедератами — королями, князьями, епископами, аббатами, республиками.

Въ этомъ видѣ, конституція была почтеннымъ намятникомъ прежнихъ вѣковъ. Секуляризація должны были произвести въ ней значительное измѣненіе. Во-первыхъ, она уничтожила въ коллегіи избирателей трехъ духовныхъ курфюрстовъ, а въ коллегіи имперскихъ князей значительное число католическихъ членовъ. Въ этой послѣдней коллегіи исчезало католическое большинство, потому-что князья, призванные наследовать духовные голоса, были почти все протестанты. Черезъ это наносилось глубокое потрясеніе конституціи и равновѣсію силъ. Безъ-сомнѣнія, врожденность, слѣдствіе духа вѣка, отняла отъ словъ: «партія протестантская» и «партія католическая», — ихъ бывалое религіозное значеніе; но эти слова приобрѣли чрезвычайно-важный политическій смыслъ. Партія протестантская — значило: партія прусская; партія католическая — значило: партія австрійская. Впрочемъ, эти два вліянія уже давно раздѣляли между собою Германію. Можно сказать, что Пруссія была въ имперіи лавою оппозиціи, Австрія — главою партіи правительства. Фридрихъ-Великій, возведшій Пруссію на чреду первостепенныхъ державъ чрезъ иліатіе австрійскихъ владѣній, воспламенилъ сильную ненависть между

двумя великими германскими домами. Эта нежизнеспособность, на минуту угашенная при виде французской революции, снова возгоралась съ-интерьеръ, какъ Пруссія, отделившись отъ коалиціи, заключила миръ съ Франціею и обогатилась чрезъ свою нейтральность, между-тѣмъ, какъ Австрія встопорила свои силы къ поддержанію всеобща-предпринятой войны. Въ-особенности темеръ, когда, по окончаніи войны, надо было раздѣлить владѣнія церкви, алчность обоихъ дворовъ еще болѣе усилила ихъ взаимную ненависть.

Пруссія естественно хотѣла воспользоваться этимъ случаемъ спекуляціей, чтобъ навсегда ослабить Австрію. Эта послѣдняя въ концѣ восемнадцатаго столѣтія, подобно тому, какъ во время традиціонной войны, какъ въ-продолженіе войнъ Карла V, была подорвана партіи католической: это не значило, что, во всякомъ случаѣ, протестанты стояли за Пруссію, а католики за Австрію; напротивъ, сосѣдніе районы часто нарушали эти отношенія. Такимъ образомъ, Баварія, влѣкающаяся къ католицизму, но безиррелигиозно тревожимая видѣніи Австріи на ея территорію, обыкновенно поднимала голосъ заодно съ Пруссіей. Саксонія (*), хотя и протестантская держава, часто дѣйствовала противъ опасной своей сосѣдки, Пруссіи, и поднимала голосъ заодно съ Австріей. Но, говоря вообще, Австрія имѣла своими кліентами арміи чешскихъ государей, и въ-особенности духовныя владѣнія. Естественно, Пруссія не нравилось, что эти духовныя владѣнія доставляютъ Австріи солдатъ, удѣлы для членовъ ея дома, и голоса на сеймѣ.

Однажды, дошедши до конституціональныхъ реформъ, германскіе государя были доведены еще и до другихъ измѣненій, а именно: до мысли объ уничтоженіи вольныхъ городовъ и непосредственнаго дворянства. Вольные города влѣзаны были своимъ происхожденіемъ императорамъ. Подобно тому, какъ французскіе короли освободили некогда общины отъ тираніи сеньйоровъ, императоры давали германскимъ городамъ, образовавшимся чрезъ промышленность и торговлю, независимое существованіе, признанныя права, часто даже привилегіи. Вотъ что включило въ эту обширную германскую феодальную систему, подлѣ владѣтельныхъ служителей алтаря, носившихъ на главѣ своей графскія и герцогскія короуны, — демократическія республики, славныя по своимъ богатствамъ и своему духу: Аугсбургъ, Нюрнбергъ, Кельнъ, въ-отношеніи искусствъ, промышленности и торговли, оказали некогда много услугъ Германіи и всему члвчеству. Въ эти города поднимали подъ иго молкихъ местныхъ аристократій, и большая часть ихъ была управляема самымъ малымъ образомъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ торговля устояла, спаслись отъ общаго гнѣблѣи и представляли собою даже довольно-цвѣтущія республики. Но на нихъ смотрѣли завистливымъ окомъ сосѣдніе государя, желавшіе прикинуть ихъ къ своей территоріи. Пруссія, въ-особенности, хотѣла

(*) Надо, впрочемъ, замѣтить, что въ эту эпоху саксонскій курфюрстъ былъ и только, между-тѣмъ, какъ его государство исповѣдало протестантство.

овладеть Нюрнбергомъ, а Баваріа Аугсбургомъ, хотя оба эти города были тогда въ сильномъ упадкѣ; сравнительно съ прежнимъ своимъ блестящимъ состояніемъ.

Непосредственное дворянство имѣло происхожденіе довольно-сходное съ началомъ вольныхъ городовъ, ибо иныиенованіе его происходило отъ покровительства, оказаннаго императорами сеньерамъ, слишкомъ-слабымъ для собственной защиты. Это дворянство особенно было распространено во Франконіи и Швабіи, потому-что въ эпоху истребленія швабскаго дома, сеньеры этой страны, оставшись безъ сюзерена, отдались императору. Оно называлось *непосредственнымъ*, потому-что зависело прямо, непосредственно отъ императора, а не отъ государей, во владѣніяхъ которыхъ лежали ихъ владѣнія. Такое названіе дѣлалось всякому государству, городу, жену, аббатству, прямо зависѣвшему отъ имперіи. Это непосредственное дворянство гордилась своимъ высшимъ вассальствомъ, служило въ императорскихъ арміяхъ и капитуляціяхъ и предоставляло австрійскимъ вербовщикамъ рекрутъ—народонаселеніе принадлежавшихъ имъ городовъ и селеній.

Территориальные владѣльцы, къ какой бы партіи ни принадлежали, желали присоединенія къ своимъ владѣніямъ и непосредственнаго дворянства и вольныхъ городовъ. Австрія, довольно-хладнокровная къ поддержанію вольныхъ городовъ, изъ которыхъ на нѣе она имѣла выгоды сама, слишкомъ-горячо вступилась за поддержаніе непосредственнаго дворянства, къ которому имѣла особенную привязанность. Между-тѣмъ, говори вообще, она желала сохраненія всего, что могло быть сохранено.

Австрія, безъ всякихъ другихъ видовъ, кромѣ желанія сохранить свое вѣнское и имперіи, защищала старинную германскую конституцію, а съ нею и феодальныя вольности Германіи. Пруссія, напротивъ, жаждшая приобритеній, желавшая присоединить къ своей территоріи и вольные города и непосредственное дворянство, дѣлалась нововводительницею по честолюбію, и стремилась къ тому, чтобъ дать Германіи формы новѣйшаго общества, т. е. начать, сама не желая и не зная того, дѣло французской революціи въ старинной германской имперіи.

Если конституціональные виды этихъ обѣихъ державъ были различны, то не менѣе того была различны и ихъ территориальныя притязанія.

Пруссія искала себя опоры во Франціи и рѣшилась связать свою политику съ политикою перваго консула.

Германскіе князья, следуя примѣру Пруссіи, прибѣгли все къ помощи Франціи. Баварія, мучимая Австріею, герцоги баденскій, вюртембергскій, гессенскіе, завидовавшіе другъ другу; мелкіе владѣтели, устремленные алчностью сильныхъ; вольные города, угрожаемые присоединеніемъ; непосредственное дворянство, подверженное подобной же опасности; все великіе и малые, республики и наследственные государя, явились въ Парижъ требовать праведнаго суда у перваго консула, одни чрезъ своихъ министровъ, другіе непосредственно собственно своею особою. Бывшій штатгальтеръ послалъ туда своего сына, принца бранскаго, бывшаго въ-послѣдствіи королемъ нидерландскимъ. Многие

другіе принцы прибыли разнымиъ образомъ въ Парижъ. Все непрерывно другъ передъ другомъ посещали этотъ Сен-Клускій-Дворецъ, гдѣ генералъ республики былъ чествуемъ какъ король.

Странное зрѣлище представляла тогда Европа, — зрѣлище, доказывающее измѣнчивость человѣческихъ страстей и глубину премудрости Провиданія!

Пруссія и Австрія увлекли Германію въ войну противъ французской революціи, и она была побеждена. Франція, по праву побѣды, праву неоспоримому, когда побѣдоносная держава была вызвана на бой — Франція завоевала лѣвый берегъ Рейна. Въ смѣствіе того, часть германскихъ князей очутилась безъ земель. Весьма было естественно вознаградить ихъ въ Германіи, и вознаградить только ихъ однихъ. Между-тѣмъ, Пруссія и Австрія, бывшія причиною ихъ потерь, хотѣли вознаградить на-счетъ этой несчастной Германіи своихъ собственныхъ родственниковъ, Итальянцевъ, каковы были эрцгерцоги, князь Голландцевъ, какъ штатгалтеръ, и, что еще страннѣе, она хотѣла, по крайней мѣрѣ своихъ близкихъ, вознаградить самихъ-себя, все на-счетъ этой же Германіи, жертвы ихъ собственныхъ ошибокъ. Наконецъ, то еще неслыханное, если только это возможно, она предстала съ просьбою предъ побѣдоноснаго представителя революціи, чтобы онъ раздѣлилъ между ними эти добычи отъ алтаря, которыя она не смѣла продать сама!

Первый консулъ не мало не беспокоился о движеніи, происходившемъ вокругъ него, касательно перенесенія переговоровъ то сюда, то туда. Онъ хорошо зналъ, что переговоры будутъ происходить въ Парижѣ, потому-что она такъ хотѣла, и потому-что это было лучше во всѣхъ отношеніяхъ. Свободный въ своихъ дѣйствіяхъ съ подвизанія всеобщаго мира, онъ выслушалъ одну вслѣдъ за другою все партіи, интересовавшіяся этимъ дѣломъ: Пруссію, которая желала дѣйствовать только вмѣстѣ съ нами и черезъ него; Австрію, которая, стараясь выскользнуть изъ-подъ его вліянія, не упускала между-тѣмъ ничего, чтобы расположить его въ свою пользу; Баварію, просившую у него совета и поддержки противъ угрожающихъ плановъ Австріи; оранжскій домъ, отиравшій своего пріятеля въ Парижѣ; дворы баденскій, вюртембергскій, гессенскіе, обѣщавшіе ему полную приверженность, если будутъ соблюдены ихъ выгоды; наконецъ массу мелкихъ князей, громко кричавшихъ о своемъ старинномъ союзнничествѣ съ Франціею. По выслушаніи этихъ различныхъ протеста-товъ, первый консулъ вскоре понялъ, что, безъ вмѣшательства сильной воли, спокойствіе Германіи, а следовательно и всего материка, будетъ навсегда подвержено опасности, и потому рѣшился предложить — а въ существѣ дѣла, наложить — свое посредничество, давъ, впрочемъ, мысль уладить все такимъ образомъ, который могъ сдѣлать честь справедливости Франціи и мудрости его собственной политики.

Ничто не было разумнѣе, удивительнѣе видовъ пераго консула въ эту счастливую эпоху его жизни, когда, покрытый высочайшею, славою, какою когда-либо покрывался, онъ не имѣлъ, однакоже, столько матеріальной силы, чтобы презирать Европу и избавить себя отъ дѣйстві-

взвѣи по глубоко-воображенной политикѣ. Онь ясно видѣть, что, при мало-надежномъ распоряженіи Англіи, надобно было подумать, какъ-бы предупредить опасность новой всеобщей войны; что, для этой цѣли, было необходимо найти себѣ прочную союзницу на материкѣ; что дружба Пруссіи была въ этомъ случаѣ наиболее пригодна; что прусскій дворъ, по своимъ интересамъ, имѣлъ болѣе всякаго другаго сходство съ французскою революціею; и что, при такомъ союзѣ, Франція нечего было болѣе опасаться коалицій. Но первый консулъ чувствовалъ, что не должно умилять Пруссію до такой степени, чтобъ эта держава раздавила собою Австрію, ибо тогда она сдѣлалась бы въ свою очередь опасною, и даже опаснѣе Австріи для европейскаго равновѣсія; онъ понималъ, что чрезъ это можно было въ будущемъ приготовить для Франціи страшное соперничество съ бранденбургскимъ домомъ.

Съ такими мыслями, первый консулъ составилъ сначала планъ территориальнаго раздѣленія Германіи, состоявшій существенно въ томъ, чтобъ отдалить одну отъ другой три большія центральныя державы материка, Австрію, Пруссію, Францію, и помѣстить между ними всю массу германской конфедераціи. Но по встрѣтившимся затрудненіямъ, первый консулъ рѣшился оставить свои намѣренія и помириться на возможномъ.

Императоръ Александръ склонился на предложеніе первого консула—быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ германскихъ вознагражденій.

Изъ сдѣланныхъ территориальныхъ распределеній оказалось, что за потерю 13 милліоновъ флориновъ было опредѣлено возмездія около 14 милліоновъ. Австрія изъ этого количества брала около 4 милліоновъ для своихъ эрцгерцоговъ, Пруссія 2 милліона для себя, пол-милліона для штатгальтера; Баварія брала себѣ три, что равнялось се потерямъ; Вюртембергъ, Баденъ, оба Гессена, Нассау, около двухъ милліоновъ; всѣ мелкіе князья въ совокупности, два съ половиною. Итакъ, Австрія и Пруссія получали лучшую часть для самихъ-себя, или для принцевъ, вовсе не принадлежавшихъ къ составу германской конфедераціи.

Оставалось условиться въ измѣненіяхъ конституціи. Сохраненъ былъ одинъ только духовный курфирстъ, — майнцскій, которому отдано было Епископство Регенбургское, мѣстопребываніе сейма.

По предложенію первого консула, число оставшихся шести курфирстовъ было увеличено до девяти: титулъ курфирста былъ данъ маркграфу баденскому, герцогу вюртембергскому и ландграфу гессенскому. Такимъ-образомъ, явилось шесть протестантскихъ курфирстовъ на трехъ католическихъ.

Въ коллегіи имперскихъ князей также имѣлилось большинство въ пользу партіи протестантской. Полагали, что чрезъ стигатіе у Австріи численнаго большинства, эта держава будетъ только лишена власти господствовать своевольно надъ Германіею и возлестъ со въ войну, по прихоти своего высокомерія и честолюбія. Это было мнѣніе неважнаго архикапеллера (изъ дома Дальберговъ), человека очень-опытнаго въ практическомъ познаніи германской конституціи.

Надо было устроить наместецъ городовую коллегію, но все время шашую мало вліянія и предназначенную не имѣть большаго вліянія въ будущемъ. Уничтожить все города было бы слишкомъ жестоко, и можно было утверждать, что, безъ перваго консула, самыя знаменитыя изъ нихъ пали бы отъ честолюбія ессэдскихъ правительствъ. Но онъ считал своимъ долгомъ сохранять главные изъ нихъ, Омъ хотѣлъ поддержать Дугебургъ и Нюрнбергъ, по причинѣ ихъ исторической значимости, Регенсбургъ по причинѣ местопребыванія въ немъ сейма, Вестеръ, по причинѣ имперской камеры, Франкфуртъ и Либекъ по причинѣ ихъ торговой значительности. Онъ придумалъ присоединить къ нимъ еще два. Гамбургъ и Бременъ, которые, хотя и были важны, даже считались важнѣйшими изъ всѣхъ, не были однако доселѣ имперскими городами. Бременъ зависѣлъ отъ Гапсбургера. Онъ былъ взятъ отъ него за даму Епископства Оснабрюкского. Гамбургъ пользовался истинною независимостью, но не имѣлъ голоса въ городской коллегіи. Онъ былъ причисленъ къ ней. Первый консулъ присвокупилъ полезныя привилегіи къ исключительному существованію вольныхъ городовъ. Они были объявлены нейтральными на будущее время въ войнахъ имперіи, изъяты отъ всякихъ военныхъ повинностей, каковы: рекрутство, денежный контингентъ, квартированіе войскъ. Также были уничтожены мучительныя и тягостныя пошлыны за провозъ по большимъ рѣкамъ Германіи, — Рейну, Везеру, Эльбѣ. Такимъ-образомъ, благодаря одной Франціи, услащенное и улучшенное существованіе вольныхъ городовъ дало имъ возможность оказывать великія услуги свободѣ торговли и чрезъ то самимъ получать важныя выгоды.

По окончаніи этого труда, была начертана конвенція, подписанная графомъ Марковымъ и французскимъ уполномоченнымъ. Императоръ Александръ ратификовалъ ее.

Спротивленіе австрійскаго императора относительно новой конституціи заставило перваго консула сдѣлать нѣкоторые уступки въ пользу австрійскаго дома. Баварія никакимъ образомъ не хотѣла уступить линіи Инну, можетъ-быть потому, что между Инномъ и Зальццою находились весьма-важныя соляныя варницы, можетъ-быть и по той причинѣ, что тогда Мюнхенъ считался бы очень-близко къ новой границѣ. Итакъ нечего было и думать о возмездіи Австріи такимъ способомъ. Тогда первый консулъ принужденъ былъ уступить этой державѣ Епископство Шпайтсбургское, лежащее на Дунаѣ и заключающее въ себя 70,000 жителей, приносящее 350,000 флориновъ дохода, и предназначенное сперва для папальскаго дома.

Австрія требовала, чтобъ были еще назначены два курфирства въ этомъ домѣ: помиралась на одномъ; то былъ великій герцогъ Фердинандъ назначенный такимъ образомъ быть курфирстомъ зальцбургскимъ. И такъ, вмѣсто десяти курфирстовъ вместо десяти, какъ предполагалось по плану посредствующихъ державъ, — вместо восьми, какъ было по старейшей германской конституціи. Чрезъ это улучшилось положеніе Австріи въ коллегіи курфирстовъ. И, действительно, тамъ было теперь четыре католическія курфирства: баварскій, баварскій, мюнхенскій, зальцбургскій.

претязъ шести протестантскихъ, бранденбургскаго, ганноверскаго, саксонскаго, гессен-кассельскаго, вюртембергскаго, баденскаго.

Эти условія были включены въ конвенцію, подписанную въ Парижѣ 26 декабря 1802 г. (5 нивоза XI г.), Кобенцелемъ и Иосифомъ Бонапарте. Графъ Марковъ также подписалъ ее отъ имени Россіи.

Австрія обещала не препятствовать болѣе дѣлу посредничества, и почти сдержала свое слово. Надо было наконецъ раздѣлаться съ вопросомъ, кому слѣдовало взять на себя 413 милліоновъ флориновъ, которыхъ никто не хотѣлъ платить. Изъ этой суммы предназначалось 350 милліоновъ архиканцлеру, 10 милліоновъ герцогу ольденбургскому, 53 милліона дофинъ Изембурговъ и Шталбергговъ. Весьма-естественно было, что Баварія отказалась уплатить въ эту сумму 200 милліоновъ флориновъ, потому-что съ уступкою Эйхштедта она потеряла 350 милліоновъ. Но Пруссія, хотя ничего не потерявшая, не хотѣла взять на себя такго незначительнаго бремени. «За двести милліоновъ флориновъ не будешь вести войну», сказалъ Гаугвицъ: жалкія слова, оскорбившія всѣхъ въ Регенсбургѣ, и поставившія Пруссію, по играемой ею роли, гораздо-ниже Австріи, которая, противоборствуя, отстаивала по-крайней-мѣрѣ герриверіи и конституціональные принципы.

Первый консулъ, въ строгомъ смыслѣ, могъ бы побдѣить эту скудость; но, имея виду въ Пруссіи до конца для успѣха своего плана, не былъ принужденъ быть побережъ ее. И потому прибѣгли къ средству, насколько измѣнявшему первій французскій планъ, относительно навигаціи по рѣкамъ Германіи. Было рѣшено установить на Рейнѣ угаренную посылку (*seltoi*), гораздо-меньшую въ сравненіи съ прежними со-оданными поборами, и изъ нея-то положено было выплатить эти 413 милліоновъ флориновъ. Черезъ это улажены были все неудобства, и исполнено было обѣщаніе архиканцлеру — обезпечить для него неизвѣстный доходъ. Все Нипцы хотѣли того, ибо полагали, что милліоны флориновъ годоваго дохода были только-что достаточны для плащальца, имѣвшаго честь председательствовать на германскомъ сеймѣ, и бывшаго послѣднимъ представителемъ изъ числа трехъ духовныхъ курюрствъ священной имперіи. Самъ архиканцлеръ былъ назначенъ действительнымъ администраторомъ этихъ пошлянъ, совокупно съ Франціею, имѣвшею право наблюдать за израсходованиями, которыя надо было производить на лѣвомъ берегу Рейна. Съ этой точки зрѣнія, Франція не могла было жаловаться на такое устройство, потому-что съ-тѣхъ-оръ архиканцлеръ имѣлъ полный интересъ стараться быть въ неустойчиво въ хорошихъ отношеніяхъ.

Наконецъ, планъ, передѣланный въ послѣдній разъ, былъ одобренъ 6 февраля (6 вантова XI г.); уже какъ окончательный актъ, чрезъ-иной деутиацію, и немедленно представленъ сейму, гдѣ онъ и былъ принятъ тремя коллегами почти-единогласно. Онъ встрѣтилъ собою только со стороны Швеціи, которой монархъ, обнаруживавшій уже стѣсненное помѣшательство, низринувшее его съ престола, приводилъ изумленіе Европу своимъ безумствомъ. Онъ обреченъ былъ самими императорами державы-посредницы и германскія державы, содействующи-

шнѣ въ нанесенію такого сильнаго удара старинной конституціи Германіи. Эта смѣшная выходка со стороны государя, о которомъ никто и не думалъ въ Европѣ, нисколько не помрачила удовольствія, произведеннаго прекращеніемъ продолжительныхъ тревогъ имперіи.

Нѣмцы, даже и жаловашіе о старомъ порядкѣ вещей, сохранившіе однако хоть сколько-нибудь справедливости въ своихъ сужденіяхъ, признавали, что Германія въ этомъ случаѣ пожинала неизбѣжные плоды безразсудной войны; что, такъ-какъ лѣвый берегъ Рейна былъ потерянь въ-слѣдствіе этой войны, то надо было сделать новый раздѣлъ германской почвы; что этотъ раздѣлъ, безъ сомнѣнія, былъ вычуденъ для большихъ владѣтелей, нежели для мелкихъ, но что, безъ Франціи, это неравенство было бы еще сильнѣе; что конституція, введенная во многихъ отношеніяхъ, была однакоже спасена въ основаніи, и не могла быть преобразована въ болѣе-просвѣщенномъ консервативномъ духѣ. Они признавали, наконецъ, что безъ силы вернаго консула, анархія овладѣла бы Германіею, въ-слѣдствіе объявленнаго въ то время притязаній всякаго рода. Слѣдственно, въ самой Германіи желали, чтобъ глава французскаго правительства былъ показанъ еще блюстителемъ своего творенія, доколѣ не были разрешены многіе вопросы, общіе и частные.

Но первый консулъ не могъ взять на себя разрѣшеніе этихъ нелѣпныхъ затрудненій, потому-что для того ему надобно было бы считаться постояннымъ законодателемъ Германіи. Ему должно было только заботиться спасеніемъ равновѣсія имперіи, составлявшаго часть европейскаго равновѣсія. Остальное могло быть дѣломъ только самаго сейма, который одинъ былъ облеченъ законодательною властью. И сеймъ могъ выполнить все это, вспомошествоемый, однако, Франціею, которая теперь была поручительницею за новую германскую конституцію, точно такъ же какъ некогда за старую. Только могущественнѣйшіе германскіе дворы могли своею умѣренностью предотвратить новое вмѣшательство чужеземца. Къ-несчастію, объ этомъ нельзя было и думать при настоящемъ образѣ дѣйствій Пруссіи и Австріи.

Впрочемъ, теперь истинно-европейскія затрудненія, т. е. территориальныя, были побѣждены, благодаря энергическому и благоразумному вмѣшательству генерала Бонапарте. Вся его въ Европѣ лучшая слава оказалась очевиднымъ чрезъ эту негоціацію, которая ведена была такъ искусно, и въ-продолженіе которой онъ наложилъ на Германію собственную свою волю, для блага самой Германіи и для спокойствія міра: единственный случай, когда позволено и считается полезнымъ вмѣшательство въ чужія дѣла.

Между-тѣмъ, какъ первый консулъ самовластно устроивалъ дѣла европейскаго материка, его пламенная дѣятельность, обнимая оба континента, распространилась даже до Америки и Индіи, съ цѣлію возстановить тамъ старинное колониальное величіе Франціи.

Нынѣ, когда европейскія націи сдѣлались болѣе мануфактурными нежели торговыми; нынѣ, когда она дошла до того, что могутъ производить и добывать, и еще въ лучшемъ качествѣ, то, чего искали прежде

за моремъ; нынче, наконецъ, когда большія колоніи, освобождаясь отъ своихъ метрополій, взошли на степенъ независимыхъ государствъ, картина вселенной измѣнилась до того, что нельзя узнать ее. Новыя страсти, новыя виды возникли въ замѣну страстей, волновавшихъ тогда міръ, и теперь едва можно понять причины, за которыя, столѣтіе тому назадъ, проливалась кровь человѣческая. Англія владела, какъ колонію, Сѣверо-Америкою; Испанія владела, въ томъ же качествѣ, Южно-Америкою; Франціи принадлежали главнѣйшія изъ Антильскихъ-Острововъ, и прекраснѣйшій изъ всѣхъ, Сен-Доминго. Англія и Франція соперничали другъ у друга Индію. Каждая изъ этихъ державъ имѣла своимъ колоніямъ въ обязанность только ей одной доставлять тропическія произрастенія, только отъ ней одной получать европейскія произведенія, допускать къ себѣ только ея корабли, снабжать матеріями только ея флотъ. Каждая колонія представлялась такимъ образомъ замкнутою во всѣхъ отношеніяхъ, какъ плантація, рынокъ и портъ. Англія хотѣла извлекать исключительно изъ своихъ американскихъ областей сахаръ, строевой лѣсъ, невыдѣланную хлопчатую бумагу; Испанія хотѣла одна добывать изъ Мексики и Перу металлы, которыя такъ жаждали другія націи; Англія и Франція хотѣли господствовать въ Индіи, чтобъ вывозить оттуда бумажную пряжу, *мусселины*, *индіанки*, предметы всеобщихъ алчныхъ стремленій; онѣ хотѣли сбывать въ обмѣнъ свои собственные издѣлія, и производить всю эту торговлю только своимъ флагомъ. Нынче эти пламенные стремленія націй уступили мѣсто другимъ. Сахаръ, который надо было извлекать изъ растенія, прозябающаго въ самомъ тепломъ климатѣ, извлекается нынче изъ растенія, воздѣлываемаго на берегахъ Эльбы и Шельды. Хлопчатая бумага, которая прядлась съ такимъ искусствомъ и съ такимъ терпѣніемъ индійскими руками, выдѣлывается въ Европѣ станками, приводимыми въ движеніе гореніемъ каменнаго угля. Мусселины тчутся въ горахъ Швейцаріи или Фореса. *Индіанки*, которыя шутся въ Шотландіи, Ирландіи, Нормандіи, Фландріи, расписываются въ Альзасѣ, наполняютъ собою Америку и идутъ даже въ Индію. Заключеніемъ кофѣ, чая,—произведеній, которыя перенять искусство не въ состояніи, Европа во всемъ уравнилась съ другими странами и даже превзошла ихъ. Европейская химія уже заманила большую часть крашеискихъ веществъ, которыхъ прежде искали подъ тропиками. Металлы добываются изъ европейскихъ горъ. Золото извлекается изъ Урала; Испанія начинаетъ находить серебро въ собственныхъ своихъ недрахъ. Великій политическій переворотъ присоединился къ этимъ промышленнымъ переворотамъ. Франція благоприятствовала возстанію англійскихъ северо-американскихъ колоній: Англія за то способствовала возстанію южно-американскихъ колоній. Та и другія нынче—націи, и уже великія, или предназначенныя сдѣлаться великими. Подъ вліяніемъ тахъ же причинъ, африканское общество, котораго будущность неизвѣстна, развилось на Сен-Доминго. Наконецъ, Индія, подъ скипетромъ Англіи, есть не иное что, какъ страна покоренная, разоренная успахами европейской промышленности и назначенная прокормлять нѣсколько оецидент-

ровъ и нѣсколько чиноуниковъ метрополія. Въ наше время, еще хотѣть сами производить все, обывать своимъ искусствомъ содѣлать излишекъ своихъ произведеній, и соглашались сдѣлать только сырые матеріалы, стараются даже разводить эти матеріалы какъ-можно-ближе къ своей странѣ: свидѣтельствомъ тому могутъ служить неоднократно-повторившіеся опыты къ разведенію хлопчатой бумаги въ Египтѣ и Алжирѣ. Такимъ-образомъ, великое зрѣніе колониальныхъ стремленій сдѣлалось зрѣніемъ мануфактурныхъ интересовъ. Такъ-то непрерывно изменяется обаяніе, и каждый въ моментъ необходимо напяркъ нѣсколько и думать и уми, чтобъ уразумѣть представляющее столѣтіе.

Этотъ огромный промышленный и торговый переворотъ, начавшійся при царствованіи Людовика XVI съ американской войны, былъ довершенъ при Наполеонѣ континентальною блокадою. Главнѣйшею причиною этого переворота была борьба между Англіею и Франціею, ибо, помысливъ, какъ первая хотѣла присвоить себѣ монополію заморскихъ произведеній, вторая отпичала ей, подражая имъ въ Европѣ. Внутреннею причиною подражанія былъ Наполеонъ, котораго назначеніемъ было тайнымъ-образомъ дать, во всѣхъ отношеніяхъ, новый видъ населенной. Но до увлеченія Франціи въ континентальную и мануфактурную систему, какъ онъ сдѣлалъ это позже, Наполеонъ-консулъ, весь исполненный идеей оканчивавшагося вѣка, доверявшій тогда французскому вѣту больше, нежели сколько доверялъ ему въ-послѣдствіи, вдался въ обширныя предпріятія для возстановленія колониальнаго процвѣтанія Франціи.

Это процвѣтаніе было нѣкогда довольно-велико, и было чего жалеть и за что отваживаться на смѣлыя предпріятія. Въ 1789 г., Франція получила изъ своихъ колоній сахара, кофе, хлопчатой бумаги, индиго и проч. ежегодно цѣнностью на двѣсти пятьдесятъ милліоновъ изъ этого количества она потребляла сама на восемьдесятъ или сто милліоновъ, а на остальные сто пятьдесятъ милліоновъ распродала по всей Европѣ эти колониальныя произведенія главнѣйше по-видимому рафинированнаго сахара. Надо было бы по-крайней-мѣрѣ удвоить эти цѣнности, чтобъ получить соответствующія нынѣшнія и нѣтъ сомнѣнія, что въ наше время Франція много бы цѣнила ставила въ раду первѣйшихъ своихъ интересовъ колонія, которыя доставляли бы ей предметъ для торговли въ пятьсотъ милліоновъ Франція находила въ этой торговлѣ средство переводить къ себѣ часть наличныхъ денегъ Испаніи, платившей ей своими вѣстками за ея колониальныя и мануфактурныя произведенія. Въ эпоху, которой говоримъ мы, т. е. въ 1802 г., Франція, лишняя колониальныхъ произрастеній, главнѣйше сахара и кофе, не имея ихъ даже въ своемъ потребленіи, обращалась за ними къ Американцамъ, ганзейскимъ городамъ, Голландіи, Генуѣ, и, по заключеніи мира, къ Англичанамъ. Она платила за нихъ металлами, не имея еще, въ своей единственной промышленности, средствъ уплачивать за нихъ издѣльями своихъ мануфактуръ. Такъ-какъ наличныя деньги во Франціи никогда уже не были ассигнаціи; не появлялись съ прежнимъ обиліемъ, то она час

думалось къ индѣ; этотъ недостатокъ устранялся безпрерывными увеличеніями новаго банка къ добыванію шестростъ, выходившихъ изъ Испаніи черезъ контрабанду. И потому не было ничего обыкновеннаго, какъ слышать жалобы торговаго класса на редкость наличныхъ суммъ, на судорожно быть принужденнымъ покупать пріямомъ денегъ сахаръ и кофе, которые Франція никогда не получала изъ своихъ собственныхъ владѣній. Надо, безъ сомнѣнія, приписать эти рѣчи некоторымъ ложнымъ домысламъ о способѣ, какимъ устанавливается торговый балансъ, но надо приписать ихъ также и истинному факту—трудности доставать себѣ необходимые произрастающія, и еще бѣльшей трудности платить за нихъ, или деньгами, сделавшимися рѣдкими послѣ ассигнацій, или еще мало-объемными произведеніями французской промышленности.

Если къ этому присовокупить, что многочисленныя владѣльцы плантацій, некогда богатые, теперь разоренные, навалили себѣ Паризю и присоединили свои жалобы къ жалобамъ эмигрантовъ, то можно считать себѣ полное понятіе о побужденіяхъ, дѣйствовавшихъ на первого министра и побуждавшихъ его на великія колониальныя предпріятія. Подъ влияніемъ этихъ-то сильныхъ причинъ, отдалъ онъ Карлу IV Эстурійскому получить въ возмездіе Луизиану. Такъ-какъ условія договора были выполнены съ его стороны, потому-что инфанты были посажены на эстурійскій тронъ и признаны всѣми континентальными державами; о оныхъ хотѣлъ, чтобы эти условія были выполнены и со стороны Карла IV, и требовалъ, чтобы Луизиана была немедленно отдана Франціи: конвенція, состоявшая изъ двухъ кораблей и нѣсколькихъ фрегатовъ, была собрана на водахъ Голландіи, въ Гельветелуйсѣ, чтобы перенести комисара къ устью Миссисипи и завлѣчь эту прекрасную страну подъ владычество Франціи. Первый консулъ, имѣя возможность разсвѣдывать въ предготовлѣніи Пармскихъ, былъ готовъ уступить его Испаніи; въ общности на оба Флориды и небольшую часть Тосканы—Сіенскій-Округъ; второй онъ хотѣлъ отдать въ возмездіе королю Пьемонта. По непростотѣ испанскаго правительства, англійскій посланникъ узнавъ въ подробностяхъ этой negociacіи, и завявъ Англій противопоставилъ тѣмъ-же принципамъ заключенію этого новаго договора. Первый консулъ занимался въ то же время Индіей и възялъ управленіе французскими компаніями въ Пондичери и Шандернагорѣ одному изъ отличнѣйшихъ офицеровъ рейнской арміи, генералу Декану. Этотъ офицеръ, съ умомъ, равнявшимся его храбрости, и способный на самыя великія предпріятія, былъ избранъ и посланъ въ Индію, въ индѣхъ глупавиной, не глубокой политики. «Англичане», говорилъ первый консулъ генералу Декану, посылая ему удивительныя инструкціи: «Англичане — великіи мастера Индіи; она такъ исполнена безпробудности и недоверчивости; не должно подавать имъ ни малѣйшаго повода; пусть себѣ впрямъ и просто, сносить въ этихъ странахъ все, что чужды познать вынести; не имѣть съ кобылыми владычельными индѣхскими ошестіями, кромѣ необходимыхъ для содержанія французскихъ войскъ и кохторъ. «Но», присовокупялъ первый консулъ: англійское набродать индѣ этими индѣхскими и этими набродать, которые съ

скорбію покоряются британскому игу, изучать ихъ нравы, ихъ средства, способы, имѣть съ ними сообщенія, въ случаѣ войны; собрать, кака я европейская армія будетъ необходима, чтобы помочь имъ свергнуть англійское владычество, какими военными снарядами должна быть снабжена эта армія, какія должны быть въ-особенности средства ея продовольствія; отъискать портъ, который могъ бы служить мѣстомъ высадки для флота, привезеннаго войска; исчислить время и средства, необходимыя для того, чтобы съ-разу овладѣть этимъ портомъ; начертать, послѣ полугодоваго пребыванія, первое доносеніе объ этихъ различныхъ вопросахъ; отправить его съ офицеромъ умнымъ и вѣрнымъ, который все видѣлъ бы на мѣстѣ самъ и могъ бы присовокупить изустныя поясненія на привезенный имъ разоръ. Полгода спустя, заняться этими же самыми вопросами на основаніи вновь-собранныхъ свѣдѣній, и отправить это второе доносеніе съ другимъ офицеромъ, равно вѣрнымъ и умнымъ, и дѣлать это всѣмъ полгода; взвѣшивать въ редакціи этихъ записокъ смыслъ каждаго выраженія, потому-что одно слово можетъ имѣть вліяніе на самыя важныя рѣшенія; наконецъ, въ случаѣ войны, поступать сообразно съ обстоятельствами—или остаться въ Индостанѣ, или удалиться на Иле-де-Франсъ, отправивъ въ метрополию множество великихъ судовъ, чтобы извѣстить ее о томъ, на что рѣшился главнокомандующій.» Такими были инструкціи, данныя генералу Декану, съ цѣлію не возжечь войны, но искусно воспользоваться ею, еслибъ она возгоралась снова.

Самыя большія усилія перваго консула были направлены на Антильскіе-Острова, главное мѣсто колониальнаго могущества Франціи. Съ Мартиникою, Гваделупою, Сен-Доминго французская торговля вела какъ да самыя выгодныя сношенія; особенно Сен-Доминго отпускала по-крайней-мѣрѣ три-пятыхъ изъ 250 милліоновъ цѣнности произведеній, которыя Франція извлекала прежде изъ своихъ колоній. Сен-Доминго былъ тогда самымъ прекраснымъ, самымъ завиднымъ изъ морскихъ владѣній. Мартиника довольно-счастливо ускользнула отъ сладствій возмущенія черныхъ; но Гваделупа и Сен-Доминго были возвращены вверхъ дномъ, и надобно было не менѣе цѣлой арміи для того, чтобы возстановить — не рабство, сдѣлавшееся невозможнымъ, но крайнюю-мѣрѣ на Сен-Доминго, но законное владычество метрополи.

На этомъ островѣ, простарѣющемся въ длину на сто лѣтъ, въ ширину на тридцать, имѣющемъ счастливое положеніе при входѣ въ Мексиканскій-Заливъ, блистающемъ плодородіемъ, способнымъ къ воздѣлыванію сахара, кофе, индigo; на этомъ великолѣпномъ островѣ двадцать съ чѣмъ-то тысячъ бѣлыхъ собственниковъ, двадцать съ чѣмъ-то тысячъ отлученниковъ различнаго цвѣта кожи, четыреста тысячъ черныхъ невольниковъ воздѣлывали землю и извлекали изъ нея огромное количество колониальныхъ произведеній, цѣностью на 150 милліоновъ франковъ. Тридцать тысячъ французскихъ матросовъ занимались перевозкою въ Европу этихъ товаровъ въ обмѣнъ на французскія произведенія равной цѣнности. Чтѣ думала бы нынѣ Франція о колоніи, которая доставляла бы ей продуктовъ на 300 милліоновъ франковъ и представляла

бы рынокъ для сбыта ея собственныхъ произведеній на 300 милліоновъ, потому-что 150 милліоновъ въ 1789 г. соответствовали по-крайней-мѣрѣ 300 милліонамъ въ 1845 году? Къ-несчастью, у этихъ людей, бѣлыхъ, мулатовъ, черныхъ, были въ броженіи сильныя страсти, причина которыхъ лежала въ климатѣ и въ положеніи общества, гдѣ находились двѣ крайности: горделивое богатство и воеющее рабство. Ни въ одной колоніи не было бѣлыхъ столь богатыхъ и столь гордыхъ, мулатовъ столь завидовавшихъ превосходству бѣлаго поколѣнія, черныхъ столь склонныхъ свергнуть его и такъ и другихъ. Мнѣнія, проповѣданныя въ Парижѣ въ Законодательномъ Собраніи, раздавшіяся посреди страстей, врожденныхъ такой странѣ, должны были вызвать тамъ ужасную бурю, подобную ураганамъ, произволеннымъ на моряхъ внезапною встречей двухъ противныхъ ветровъ. Бѣлые и мулаты, которыхъ число едва было достаточно для того, чтобы они могли защищаться въ совокупности другъ съ другомъ, иступили въ раздоръ, и, сообщивъ чернымъ заразу своихъ страстей, повели ихъ до возстанія. Сначала, они подверглись жестокости черныхъ, потомъ ихъ торжеству и ихъ владычеству. Здѣсь случилось то же, что случается во всякомъ обществѣ, гдѣ возникаетъ борьба классовъ: первый изъ этихъ классовъ былъ побежденъ вторымъ, первый и второй третьимъ. Но въ отличіе отъ того, что видимъ въ другихъ странахъ, эти люди послали на своемъ лицѣ отматы своихъ различныхъ происхожденій; ихъ ненависть происходила отъ неистовства физическихъ инстинктовъ, а ярость была подобна ярости дикихъ звѣрей. И потому, ужасы этой революціи превзошли все, что люди видѣли до-сихъ-поръ во Франціи въ девяносто-третьемъ году, и, не смотря на отдаленности, всегда ослабляющую ощущенія, Европы, уже такъ сильно пораженная зрѣлищами материка, была глубоко изволнована нелыханными безчеловѣчiami, до которыхъ безразсудные, иногда жестокие владыки довели свирѣпыхъ рабовъ своихъ. Законы человеческого общества, всюду сходные, породили тамъ, какъ и вездѣ, послѣ продолжительныхъ буръ, утомленіе, которое требуетъ властелина и существа необыкновеннаго, способнаго имъ сдѣлаться. Этотъ властелинъ былъ цвѣтъ торжествующей расы, т. е. черный. Онъ назывался Туссенъ-Дуртюръ. Это былъ старшій невольникъ, неизмѣннй доблестной отваги Спартака, но одаренный глубокимъ притворствомъ и необычайнымъ правительственнымъ гениемъ. Будучи посредственнымъ военнымъ человекомъ, умѣя только дѣлать засады въ странѣ почти-неприступной, и даже въ этомъ отношеніи уступавшій некоторымъ изъ своихъ сподвижниковъ, онъ пріобрѣлъ сверхъестественное вліяніе своею метавостью давать направленіе дѣламъ. Эта раса варваровъ приняла его желѣзное иго, во сто разъ тяжелѣйшее ига прежнихъ плантаторовъ, и подверглась тяжелой обязанности работать, — обязанности, оторая, въ самомъ невольничествѣ, была для нихъ дѣломъ наиболѣе-ненавистнымъ. Черный невольникъ, сдѣлавшійся диктаторомъ, установилъ на Сен-Доминго сносный общественный порядокъ и совершилъ

дела, которыя можно было бы считать великими, еслиб только ихъ было много и еслиб они были меньше-эфемерны.

На этой сен-домингской землѣ, какъ во всякой странѣ, бывшей долго жертвою гражданской войны, образовался раздѣлъ между владѣльцами покоренныхъ покоренныхъ, способныхъ владѣть оружіемъ и имѣвшихъ муть къ этому занятію, — и рабочими покоренныхъ, менее склонныхъ къ битвѣ, готовыхъ, впрочемъ, снова кинуться въ опасность, еслиб была угрожаема его свобода. Естественно, первое поколеніе было менше владѣльцами втораго.

Туссенъ-Лувертюръ образовалъ изъ перваго востанную армию почти въ двадцать тысячъ человекъ, раздѣленную на полубригады, по образцу французскихъ армій, съ офицерами по-большой-части изъ черныхъ, а отчасти изъ мулатовъ и бѣлыхъ. Это войско, получавшее хорошее живованье и хорошее содержаніе, будучи довольно-страшно въ имѣть, который оно одно только могло выносить, и на почва гористой, покрытой нехрупкимъ и колючимъ хворостомъ, — это войско было раздѣлено на многія дивизіи и находилось подъ начальствомъ всегда одного съ нимъ цвѣта кожи, вождей, по-большой-части некусныхъ, но больше свирѣпыхъ, нежели искусныхъ, каковы на-прим.: Христофъ, Дессалинь, Монзъ, Морена, Лаплумъ. Преданные Туссену, все они признавали его геніи и сносили его первенство. Остальное народонаселеніе, подъ именемъ земледѣльцевъ, было возвращено къ труду. Изъ оставленнаго оружія для того, чтобъ они употребили его въ дело при нуждѣ, въ случаѣ, еслиб метрополія послгнула на свободу колоніи; но ихъ принудили возвратиться на плантаціи, покинутыя собственниками. Туссенъ провозгласилъ, что они свободны, но обязаны работать еще въ продолженіе пяти лѣтъ на земляхъ своихъ старыхъ владѣльцевъ, съ правомъ на четвертую часть добываемыхъ сырыхъ произведеній. Бѣлымъ собственникамъ сдѣланы были выгодныя предложенія, въ случаѣ если они возвратятся — даже и тѣмъ изъ нихъ, которые, въ минуту отчаянія, приняли участіе въ попыткѣ Англичанъ на Сен-Доминго. Они были хорошо приняты, и получили обратно свои имѣнія, населенныя такъ-называемыми свободными неграми, которыхъ они предоставляли, по предписанію Туссена, четвертую часть добываемыхъ ими сырыхъ произведеній, оцениваемую самымъ произвольнымъ образомъ. Довольно-значительное число богатыхъ прежнихъ собственниковъ, или погибшихъ во время смутъ колоніи, или покинувшихъ Францію эмигрантами, не являлось снова само, ни высылало своихъ повзрѣвшихъ. Ихъ имуществъ, сквернованныя подобно національнымъ владѣніямъ во Франціи, были отданы чернымъ офицерамъ, и за такую низкую цену, отъ которой можно было обогатиться. Нѣкоторые предводители, какъ на-прим.: Христофъ и Дессалинь, приобрѣли себя такимъ-образомъ болѣе милліонъ ежегоднаго дохода. Эти черные офицеры обращались съ неграми жестоко, какъ новые владыки: сѣкли ихъ розгами за лѣность и неповиновеніе, и производили родъ непрерывной охоты какъ за звѣрьемъ, за тѣми изъ нихъ, которые предались бродяжнической жизни. Часто даже Дессалинь и Христофъ вѣшали ихъ передъ своими глазами.

Благодаря распоряженіямъ Туссена, земля Сан-Доминго, скупленная нѣдъ въ множествомъ крѣпкѣ, послѣ десятилѣтнихъ смутъ представляла въ 1801 г. плодородіе, почти равное ее плодородію въ 1789 году. Туссенъ, завладевшій отъ Франціи, далъ колоніи почти-неограниченную свободу торговли. Такая свобода, опасная для колоній съ посредственными плодородіемъ, которая, приводе мале и дорого, вынуждъ свою выгоду въ произведеніи метрополіи за тѣмъ, чтобъ она сама брала въ себѣ вышнѣ, такая свобода, напротивъ, въ высшей степени важна для колоній богатой и плодородной, несумняющейся ни въ какомъ покровительствѣ для сбыта своихъ произведеній и отъ-того находящейся въ пользы въ свободныхъ сношеніяхъ со всеми націями, и въ приоритетѣ предметовъ необходимости и роскоши тамъ, гдѣ они лучше и дешевле. Въ такомъ положеніи находился Сан-Доминго. Островъ получилъ новую выгоду отъ свободнаго пребыванія въ немъ иностранныхъ агентовъ, но-особенности американскаго племени. Сѣверные припасы были въ изобиліи; европейскіе товары продавались за дешевую цену; земля производила разнаго рода на-развѣтъ, даже только позволялось руды. Прибавляю къ тому, что новыя плантаціи, и черныя и бѣлыя, въ освобожденіи отъ обязательствъ съ капиталистами метрополіи, не были, подобно старымъ плантаторамъ въ 1789 г., обременены налогами, и принуждены отдавать отъ своихъ доходовъ на проценты за реновацию земли или капиталы. Города Кама, Порт-о-Пренсъ, Сен-Ришъ, Кама (Cama), едва обрали некоторый блескъ. Слѣды войны въ здѣшней колоніи-солдатскими негласными: въ большей части эти гдѣ до сихъ видныя изорванныя жилища, неприспособленныя для торгующихъ банокъ и содержательствования съ преобращеніемъ денегъ прежнихъ бѣлыхъ собственниковъ, некогда столь горделивыхъ, столь прославившихся своимъ роскошью и развѣтомъ.

Черный народъ колоніи довершилъ ее рандеующеемъ благоустроеніемъ съ нѣмъ занятиемъ испанской части Сан-Доминго. Этотъ островъ фактъ когда раздѣленъ на два округа, въ которыхъ одинъ, лежащій въ северу, — северный, представляющій тѣмъ, кто приходилъ изъ Европы, — принадлежалъ Испанціи; другой, лежащій на западѣ, обращенный къ ба и внутренности Мексиканскаго-Залива, принадлежалъ Французамъ. В западной части, состоявшая изъ двухъ выдающихся мысовъ, кѣто-о образуетъ, кромѣ обширнаго внутренняго завіва, множество рѣкъ и каналовъ, — эта часть была удобнѣе другой для плантацій. И по-ту она была цѣлѣнѣе богатыми заведеніями. Испанская часть, напротивъ, мало-гористая, представляющая мало саваннъ, заключала въ себѣ менше сахарныхъ и кофейныхъ плантацій; но за тѣ на ней па-лъ множество скота, лошадей и муловъ. Обѣ эти части выдѣль мо-е означать другъ другу великія взаимныя выгоды, между-тѣмъ, какъ издѣленные исключительною колоніальноею системою, онъ были какъ-и два отдаленные острова, въ которыхъ одинъ имѣетъ то, чего нѣтъ въ другомъ, и которые не могутъ обмѣниваться другъ съ другомъ сво-и произведеніями по причинѣ далекаго разстоянія. Туссенъ, по на-имѣнн Адмираломъ, обратилъ все свои вниманія на занятіе испанской

части. Прикидываясь совершенно-покорнымъ метрополіи, во всемъ поступающа по ея волѣ, онъ вооружился базельскимъ трактатомъ, по которому Испанія отдавала Сан-Доминго въ полное владѣніе Франціи, и предложилъ испанскимъ властямъ сдать ему провинцію, до-сихъ-поръ еще ниіи занимаемую. Не считая на возраженія французскаго комиссара, Туссенъ двинулъ все дивизіи своей арміи и потребовалъ отъ кванскихъ властей, которыя были неспособны противиться, — ключи Санто-Доминго. Эти ключи были вручены ему, и онъ вслѣдъ за тѣмъ занялъ все города, принималъ на себя только титулъ представителя Франціи, но поступающа на даль какъ независимый государь, и заставлялъ принимать себя въ церквахъ со всеми почестями.

Всѣмъ этимъ Туссенъ въ два года совершенно оживилъ колонію. Немало составилъ себѣ верную идею о его политикѣ, но зная въ то же время, какъ поступалъ онъ, будучи поставленъ обстоятельствами между Франціей и Англіей. Этотъ невольникъ, сделавшійся человекомъ свободнымъ и самодержцемъ, сохранилъ въ глубинахъ своего сердца невольную самитію къ націи, которой цѣни онъ некогда носилъ, и никакъ не хотѣлъ видѣть Англичанъ на Сан-Доминго. И потому онъ употребилъ всевозможныя усилія загнать ихъ, и успѣлъ въ томъ. Его политическій умъ, глубокий, хотя необразованный, угадывалъ его въ этихъ временныхъ чувствованіяхъ, и давалъ ему угадывать, что Англичане были болѣе-опасными владыками, ибо ихъ могущество на моряхъ сделало бы ихъ власть на островахъ действительною и безграничною. Итакъ, онъ не подѣлывая какою-либо видою не хотѣлъ этого владычества. Англичане, оставивъ Порт-о-Пренсъ, предложили ему королевскую власть на Сан-Доминго и немедленное признаніе этой власти, если онъ согласится отдать въ ихъ руки торговлю колоніи. Онъ не согласился на это, потому-ли, что былъ еще приверженъ къ метрополіи, или потому-что, вслушаннымъ въстатью о мирѣ, боялся французской экспедиціи, которая могла бы превратить въ прахъ его королевство. Сверхъ-того, тщеславіе принадлежать къ первой во всемъ свѣтѣ воинственной націи, тайное удовольствіе быть генераломъ французской службы, отъ руки самого перваго консула, звалъ перевезъ въ душѣ Туссена надъ всеми предложеніями Англіи. И такъ, онъ хотѣлъ остаться Французомъ. Держать Англичанъ въ почтительномъ разстояніи, живя съ ними въ мирѣ; признавъ номинальную власть Франціи и повиноваться ей не болѣе, какъ на стекло, чтобъ не вооружить противъ себя ея силу, — такова была политикъ этого удивительнаго человека. Онъ принялъ комиссаровъ Директоріи, и потому вскорѣ отослалъ ихъ (именно генерала Гедувилла) подѣлывая предлогомъ, будто-бы они не понимали интересовъ своей родины, и требовали отъ него вещей невыполнимыхъ и гибельныхъ для ней-самоіи.

Его внутренняя политикъ не менѣе заслуживаетъ вниманіе, какъ и внешняя. Онъ ненавидѣлъ мулатовъ, какъ болѣе-близкихъ къ его племени и, напротивъ, оказывалъ величайшія ласки бѣлымъ, чрезъ что и добился съ ихъ стороны некотораго уваженія, которое служило ему доказательствомъ, что геній его заставлялъ забыть цвѣтъ его кожи. Съ черными же онъ обращался невѣроятно-строго, впрочемъ справедливо.

Его дикое красноречіе очаровывало ихъ. Съ каеодры, на которую восходилъ онъ часто, онъ говорилъ имъ о Богѣ, о равенствѣ человѣческихъ влещей, и говорилъ странными, очень-удачно придуманными притчами. Однажды, на-примѣръ, желая внушить чернымъ довѣренность къ самимъ-себѣ, онъ наполнилъ стаканъ зернами черного маиса, принашивалъ туда нѣсколько зеренъ бѣлаго маиса, потомъ, потрясши этотъ стаканъ, и давъ замѣтить, какъ быстро бѣлыя зерна исчезли посреди черныхъ, онъ сказалъ: «Вотъ что значать бѣлые посреди васъ. Трудитесь, уврѣйте свое благосостояніе трудомъ, и если бѣлые метрополиі захотятъ отнять у насъ свободу, мы возьмемъ за наши ружья, и еще разъ ододемъ ихъ.» Обожаемый за все это, онъ былъ въ то же время предметомъ страха потому—что былъ удивительно-бдительнъ. Одаренный дѣятельностью, изумительною въ его лѣта, онъ разставилъ во внутренности острова готовылъ смѣны самыхъ быстрыхъ лошадей, и перевозился, въ сопровожденіи нѣсколькихъ тѣлохранителей, съ чудною быстротою, съ одного конца острова на другой, проѣзжая верхомъ внода по сорока лѣвъ въ день и налетая, подобно молніи, чтобъ наказати за преступленіе, вѣсть о которомъ дошла до него. Предусмотрительный и жужий, онъ скапливалъ деньги и оружіе въ горахъ внутренней части острова, и закапывалъ ихъ, говорятъ, въ мѣсть, называемомъ Урочища-Хаоса (*les Mornes du Chaos*), близъ Эннери, сдѣлавшагося обывновеннымъ его мѣстопребываніемъ. То были средства для предстоящихъ битвъ, которыя онъ все-еще считалъ вѣроятными и близкими. Стараясь во всемъ подражать первому консулу, онъ окружилъ себя гвардією, свитою, создалъ себѣ роль царскаго жилища, принашивалъ въ этомъ жилищѣ собственниковъ всѣхъ цвѣтовъ, особенно бѣлыхъ, и грубо обходился съ черными, которые не имали такого хожного вида. Даже и въ генерал-лейтенантскомъ мундирѣ, страшный въ наружности, онъ ималъ льстецовъ, угодниковъ, и (грустно сказать) и разъ бѣлые, принадлежавшіе къ стариннымъ и богатымъ фамиліямъ острова, бросались въ его объятія для снисканія его покровительства. Люди, окружавшіе Туссена, уваряли его, что онъ въ Америкѣ-то е, что генералъ Бонапарте въ Европѣ, и что онъ долженъ здѣсь позвать себя въ такое же положеніе. Лишь-только онъ узналъ о подисаніи мира и могъ предвидѣть возстановленіе власти метрополиі, рѣшилъ созвать советъ колоніи для начертанія конституціи. Этотъ советъ собрался и дѣйствительно начерталъ довольно-смѣшную конституцію. По ея предначертанію, советъ колоніи постановлялъ законы, генерал-губернаторъ утверждалъ ихъ, и ималъ исполнительную власть всей ея обширности. Туссень, естественно, былъ назначенъ генерал-губернаторомъ колоніи, и къ тому же губернаторомъ по жизни, съ влаю назначать себя преемника. Подражаніе тому, что дѣлалось во мандіи, не могло быть болѣе-полнымъ и болѣе-дѣтскимъ. Что до влаі метрополиі, то о ней не было и рѣчи. Конституція долженствовала быть только поднесена сѣ на утвержденіе; но, однажды давъ это вержденіе, метрополиі не имала болѣе никакого права падъ своею юбією, ибо советъ издавалъ законы, Туссень управлялъ, и могъ,

еслибъ захотѣлъ, лишить французскую торговлю весьхъ ее выгода. Когда спрашивали у Туссена, въ какихъ отношеніяхъ будетъ находиться Сен-Доминго къ Франціи, онъ отвѣчалъ: «Первый консулъ будетъ присылать ко мнѣ комиссаровъ говорить со мною». Некоторые изъ его друзей, которые были болѣе его благородны, толковали ему объ опасности такихъ поступковъ, пророчили, что онъ вызоветъ противъ себя французскую экспедицію и погибнетъ. Самолюбіе этого повелителя едвали шагоса диктаторомъ, взяло верхъ. Онъ хотѣлъ, какъ самъ говорилъ, чтобъ первый изъ черныхъ былъ на дѣлѣ и по праву на Сен-Доминго тѣмъ же, чѣмъ первый изъ бѣлыхъ былъ въ Европѣ, т. е. пожизненнымъ владыкою, съ правомъ назначать себя ирреминимъ. Онъ отправилъ въ Европу полковника Венсана съ тѣмъ, чтобъ извѣститъ первому консулу новое конституціональное учрежденіе и проситъ утвержденія офицеровъ-негровъ въ данныхъ имъ военныхъ чинахъ. Это подражаніе его величію, это притязаніе угодиться ему; извѣстную улыбку на уста перваго консула. Онъ былъ готовъ позволить извѣститъ себя первымъ изъ бѣлыхъ тому, кто назвалъ себя первымъ изъ черныхъ, — но съ тѣмъ условіемъ, чтобъ колоція была связана съ цѣпью полною покорностью, и чтобъ обладаніе этою землею, неюни французскою, было существенное, а не номинальное. Онъ утвердилъ всѣхъ негровъ въ присвоенныхъ имъ себя военныхъ чинахъ, и сдѣлалъ Туссена генерал-лейтенантомъ, начальствующимъ на Сен-Доминго отъ имени Франціи. Но онъ хотѣлъ имѣть тамъ французскаго главнокомандующаго, послѣ котораго Туссенъ былъ бы первымъ, — безъ этого условія, Сен-Доминго не принадлежалъ болѣе Франціи, — и потому рѣшился послать туда генерала и армію. На этотъ постъ былъ избранъ генералъ Леклеръ. Для того, чтобъ доказать Туссену расположеніе правительства, отсылали къ нему двухъ сыновей его, воспитанныхъ въ Франціи, въ сопровожденіи ихъ наставника, г. Кунона. Къ этому первому консулу присовокупилъ благородное и лестное письмо, въ которомъ обращался къ Туссену, какъ къ первому человеку изъ племени Черныхъ.

Но онъ предвидѣлъ и сопротивленіе, и принялъ всевозможныя меры для прѣодоленія его силою. Онъ отправилъ въ Сен-Доминго 20,000 человекъ, подъ начальствомъ генерала Леклера, на флотѣ, состоявшемъ изъ пятидесяти-восьми кораблей и фрегатовъ, управляемыхъ лучшими адмиралами: Виллард-де-Жуйёзомъ, Лигуш-Тревилломъ, Гамбюмъ, Линуа и др. Этотъ флотъ прибылъ 3 февраля 1802 года, и вско было высажено въ несколькихъ пунктахъ, но не безъ сильнаго сопротивленія. Всякую войну была ожесточенная, безъ малѣйшей пощады. Туссенъ и Христофъ показали чудную, изумительную дѣятельность и эту неумолимую, свирѣпую храбрость, которая не отступаетъ при дѣйствіи какой бы ни было крайности. 5 февраля (17 янвѣня) городъ Кап-а-Мартинъ былъ преданъ Христофомъ въ жертву пламени, въ виду французскаго флота, которая, за отливомъ, невольно должна была держаться открытымъ моремъ. На слѣдующій день, Леклеръ овладѣлъ революціоннымъ Кап-а-Мартиномъ. Добровольная сдача одного изъ туссеновыхъ воспитанниковъ

Лангана, съела целую треть колонна, именно южную часть, отъ вер-
ирскихъ оустоюшекъ. Всего въ десять дней французскія войска овла-
дали прабрешана, вортами, главнѣйшими городами острова, по большей
части неподвижными арміями. У Туссена оставалось всего-на-все три
или четыре черныя полубригады, съ предводителями Морена, Кри-
стосомъ, Дессолиномъ; да его сокровища; груды оружія, зарытыя въ
Урочищахъ-Жаева. Къ-несчастью, у негожь оставалось много бѣлыхъ,
убежденныхъ или въ заложники и претерпѣвавшихъ отъ нихъ самое же-
стокое обращеніе. Надо было воспользоваться благоприятнымъ време-
немъ года, чтобъ довершить завоеваніе острова.

Туссенъ заперся въ гористой и неприступной странѣ. Въ его урочи-
ща (*les montagnes*) можно было проникнуть только черезъ узкія ущелья,
дальшіяся почти-непроходимыми отъ тропической растительности, и
въ глубинахъ которыхъ черныя, засыпъ стрѣлками, представляли собою
очти-неодолимую преграду. При всемъ томъ, старые солдаты рѣй-
ной арміи, перенесенные въ Атлантику, негдѣ устрашиться только од-
ного жингата. Одинъ онъ могъ побѣдить ихъ; и действительно, только
лишь одолевая ихъ въ этотъ героическій вѣкъ: такъ гибли они отъ
ошца Сен-Доминго!

Главнокомандующій Лекаеръ положилъ воспользоваться февралемъ,
мартомъ и апрелемъ; потому-что позже жары и дожди сдѣлали бы во-
енныя операціи невозможными. Онъ имѣлъ у себя отъ 17 до 18 ты-
сячъ человекъ. Некоторые солдаты, правда, были больны, но все еще
оставалось тысячъ пятнадцать годныхъ дѣйствовать.

Главнокомандующій хотѣлъ сначала подѣйствовать на сердце Тус-
сена. Этотъ негръ, способный отважиться на ужаснѣйшія свирѣпства
и выполненія своихъ намѣреній, былъ тѣмъ не менѣе чувствителенъ
къ природнымъ впечатлѣніямъ. Генералъ Деклеръ, по повелѣнію перваго
псула, привезъ на Сен-Доминго двухъ сыновей Туссена, воспитан-
ныхъ во Франціи, чтобъ испробовать надъ его сердцемъ вліяніе сы-
ннихъ увѣщаній. Наставникъ долженъ былъ представить ихъ отцу,
принести ему письмо перваго консула и стараться снова привязать его
къ Франціи, общая ему второстепенную власть надъ островомъ.

Туссенъ принялъ обѣихъ сыновей и ихъ наставника въ своемъ все-
шнемъ убежищѣ, Эннери. Онъ долго сжималъ ихъ въ своихъ объ-
ятьяхъ. Это старое сердце, пожирасное честолюбіемъ, было потря-
сно. Сыновья Туссена и ихъ почтенный воспитатель стали описывать
могущество и человеколюбіе французской націи, выгоды, сопря-
женныя съ покорностью, при которой его положеніе на Сен-Доминго
еще будетъ очень-важно, и которое упрочить его дѣтямъ блиста-
тельную будущность; они говорили, что сопротивленіе поведетъ за со-
бою наварное его гибель. Мать одного изъ этихъ юношей присоеди-
нилась къ нимъ, чтобъ попробовать побѣдить Туссена. Тронутый этими
рѣченіями, онъ просилъ несколько дней для размышленія. Но често-
біе и любовь къ свободѣ взяли верхъ надъ родительскою важно-
стью. Онъ приказалъ позвать къ себѣ обѣихъ сыновей своихъ, снова
объять ихъ въ объятіяхъ и предоставилъ имъ на волю выборъ между

Францію, сделавшемъ изъ нихъ людей образованныхъ, и итъ-смытъ, произведшимъ ихъ на свѣтъ, и объявлять, что не переставеть любить ихъ, будь они хоть въ радахъ его враговъ. Эти несчастныя дѣти, волнуемыя подобно отцу своему, подобно ему принявъ въ недоуміе. Однакожь, одинъ изъ нихъ, бросившись на шею Туссёну, объявлялъ, что онъ умреть свободнымъ чернымъ, подлѣ него. Другой, неразумительный, посядовалъ за своею матерью въ одну изъ земель диктатора.

Отвѣтъ Туссёна не оставлялъ болѣе никакого сомнѣнія насчетъ необходимости тотчасъ же взяться за оружіе.

Французы двинулись разомъ на все важнѣйшія мѣста, занятыя неграми.

Храбрый Рошамбъ проникъ въ самое неприступное мѣсто, называемое Оврагъ-Ужей (*la Ravine aux Couleuvres*); надо было идти туда чрезъ узкое ущелье, окаймленное острыми скалами, оцѣтенившимся гигантскими деревьями, колючими кустарниками и защищаемое черными ивковыми стрѣлками. За этимъ ущельемъ стоялъ самъ Туссень съ тремя тысячами гренадеровъ-негровъ и со всюю своею артиллеріею. Французы ворвались со штыками; восемьсотъ черныхъ легло на мѣстѣ; мѣ артиллерія Туссёна досталась побѣдителямъ.

Дессалинъ, застигнутый генераломъ Буде въ Сен-Маркѣ, самъ предавъ огню свое богатое жилище; его примѣру послѣдовали другіе, и онъ удалился, перерезавъ часть бѣлыхъ и уволоки остальныхъ за собою въ ужасный притонъ урочищъ (*les tognacs*). Дессалинъ кинулся было на Порт-о-Пренсъ, но былъ отбитъ храбрымъ генераломъ Павильи-Лакруа.

Черные были совершенно обезоружены. Деклеръ со всехъ сторонъ напалъ на негра-предводителя Моренѣ, и тотъ, не видя никакой возможности защищаться, сдѣлся съ двумя тысячами храбрѣйшихъ черныхъ. Это былъ самый жестокий ударъ, нанесенный нравственному могуществу Туссёна.

Наконецъ, взятъ былъ фортъ Крст-а-Пьеррѣ, гдѣ находились сокровища и оружіе, скопленные Туссёномъ. Главнокомандующій отдалъ приказаніе выгнать черныхъ изъ окрестныхъ урочищъ. Въ Верретахъ армія была свидѣльницею ужаснаго зрѣлища. Черные долгое время владѣли вслѣдъ за собою толпы бѣлыхъ, которыхъ они побѣди и принуждали послѣдовать за ними. Вплѣ, что преслѣдовавшая ихъ-самыхъ армія отобѣсть у нихъ плавниковъ, негры перерезали восемьсотъ этихъ несчастныхъ, мужчинъ, женщинъ, дѣтей и старцевъ. Французы нашли землю, покрытую этою ужасною гекатомбою, и вонючъ, столь великодушныя, столько разъ сражавшіяся во всехъ частяхъ свѣта, присутствовавшіе на столькихъ кровопролитныхъ зрѣлищахъ, но никогда невидавшіе избіенія женъ и младенцевъ, были проникнуты глубокимъ содроганіемъ и праведнымъ гнѣвомъ, сделавшимся гибельнымъ для черныхъ, которые попадались въ ихъ руки.

Былъ апрѣль мѣсяць. Черные не имѣли больше никакихъ средствъ къ оборонѣ, по-крайнѣй-мѣрѣ въ настоящее время. Ихъ упыніе было глубоко. Предводители, пораженные великодушными поступками Деклера

съ тѣми, которые сдались, и которыми онъ оставилъ ихъ чины и земли, — предаватели рѣшились положить оружіе. Такъ сдались Христофъ, свиральный Дессалинъ, наковецъ и самъ Туссенъ. Туссенъ не далъ только одну надежду — на климатъ. И действительно, онъ уже издана привыкъ владѣть, какъ Европейцы, особенно военные люди, гибли отъ этого разрушительнаго климата, и онъ ласкалъ себя мыслью скоро найдти въ желтой лихорадкѣ ужасную себя помощницу. Отъ-этого онъ рѣшился въ миръ выжидать благопріятной минуты снова взяться за оружіе.

Съ этого времени, въ колоніи былъ восстановленъ порядокъ, и снова воцарилось то благоденствіе, которымъ она наслаждалась въ управленіе своего диктатора.

На Гваделупѣ храбрый Риннансъ, съ тремя или четырьмя тысячами вельюкъ, смирилъ возмущавшихся негровъ и снова возвратилъ ихъ въ повиновеніе, истребивъ главныхъ зачинщиковъ бунта. Эта, въ некоторомъ родѣ, контрреволюція была возможна и безопасна на такомъ небольшомъ островѣ, какъ Гваделупа; но она представляла важное неудобство тѣмъ, что могла устрашить сом-домингскихъ черныхъ на счетъ ихъ собственной судьбы.

Представьте себѣ человѣка завистливаго очевидцемъ успехов своего трагичнаго соперника, и вы будете имѣть почти-вѣрное понятіе о тѣхъ чувствованіяхъ, которыя испытывала Англія при видѣ благоденствія Франціи. Эта могуществомъ и славная нація могла бы, однакожь, въ обшественномъ своемъ величіи найдти себѣ утѣшеніе при видѣ величія ливингя! Но ее създала странная зависть! Пока успахи генерала Бонапарте служили аргументомъ противъ министерства Питта, имъ рукоплескали въ Англіи. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ эти успахи, безпрерывно возростаніе, стали относиться только къ самой Франціи, съ-тѣхъ-поръ, какъ увидѣли, что она приобретаетъ величіе въ миръ такъ же какъ и въ войнѣ, политикомъ такъ же какъ и оружіемъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ увидѣли, что въ-продолженіе полутора года Итальянская-республика сдѣлалась, въ президентство генерала Бонапарте, французскою провинціею, Пьемонтъ присоединенъ къ французской-территоріи, одобренія всего материка, Парма и Лузіана увеличили владѣнія Франціи чрезъ простое выполненіе трактатовъ, наконецъ, Германія ретъ ея вліяніе получила новую конституцію, — съ-тѣхъ-поръ, какъ увидѣли, что все это совершается само-собою, тихо, естественно, — малая досада овладѣла сердцами всѣхъ Англичанъ.

Классы, наименѣе принимавшіе участіе въ выгодахъ мира, болѣе утихихъ обнаруживали свою ревность. Бирмангемскіе и манчестерскіе мануфактуристы, назавлеченные контрабандою отъ затрудненій, встречаемыхъ ими въ портахъ Франціи, жаловались мало; но купцы высшаго избора, видя, что море покрыто совершечествующими флагами, что исчисленія финансовыхъ прбылей неслъ въ-вмѣстѣ съ займами, во все-мнѣншіе изъясляли свое сожалѣніе о войнѣ, и казались еще болѣе довольными миромъ, нежели самая аристократія. Они-то, всемогущіе Лондонъ и Роттердамъ, имѣя своими органами Уиндгэма, Грейвилла и

Дондаса, перекривляли всю нацию, и одушевляли своими страстями британскіе журналы. Поэтому лондонскія газеты начинали дѣлаться очень-вспрідананыи Франціи, предоставляя, впрочемъ, газетамъ, издаваемымъ подъ редакціею французскихъ эмигрантовъ, заботу оскорбить первого консула, его братьевъ, сестеръ, все его семейство.

Къ-несчастію, министерство Аддингтона было лишено великой энергии. По слабости, оно совершало истинно-варварскія поступки. Оно платило еще Жоржу Кадудалу, который былъ известенъ какъ влиятельный заговорщикъ; оно давало въ его распоряженіе значительныя суммы на содержаніе убійцъ, которыхъ множество безпрестанно отправлялось изъ Пертмута въ Джерсей, изъ Джерсея на берега Бретани. Оно по-прежнему терпѣло пребываніе въ Лондонѣ памфлетиста Пельтѣ, не смотря на возможность удалить его законными средствами, на основаніи *alienbill*, и отдавало изгнаннымъ Бурбонамъ все почести, принадлежавшія королевской фамилии. Оно дѣйствовало такъ, повторяемъ, не слабости, не соизнавало никому эти острые орудія англійской политики.

Первый консулъ былъ глубоко оскорбленъ такими поступками. Въ отвѣтъ на неоднократно-повторявшіяся требованія торговаго трактата, онъ требовалъ отъ британскаго правительства изгнанія Жоржа и Пельтѣ, удаленія французскихъ принцевъ. Но нѣтъ еще доведенія первого консула обнаруживалась только слабость великаго человека, который, владычествуя надъ Европою, обращалъ вниманіе на подобныя мелочи. И дѣйствительно, что было за дело всемогущему победителю при Марейго до Жоржа, Пельтѣ и графа д'Артуа съ тѣми королевскими украшеніями? Протвѣи княжескихъ убійцъ — онъ имѣлъ свою судьбу; протвѣи сардинійскаго памфлетистовъ — свою славу; протвѣи незаконности Бурбонъ — онъ обладалъ любовью Франціи! Но, о слабость великаго сердца! отъ чуждаго, поставленнаго такъ высоко, мучился такъ, что было такъ низко... Мы уже оплакивали это заблужденіе съ его стороны, и не можемъ воздержаться, чтобы не оплакивать его же снова, приближаясь къ шпигу, когда это заблужденіе привело отъ него роковыя послѣдствія.

Первый консулъ, не владея болѣе собою, отплатилъ за себя отвѣтами, помѣщаемыми въ *Мемингъ*, часто писалъ изъ Самъ, и эти статьи немно было распознать по необыкновенной силѣ слога. Онъ замечалъ, что не существуетъ правительства тамъ, гдѣ нельзя обучить клевету, предупредить убійство, сказать, наконецъ; поповителство европейскому обществу единому порядку.

Тогда англійское министерство явилось въ свою очередь. «Эти журналы, рѣчи которыхъ насъ оскорбляютъ» говорило оно «необоронимы; мы не можемъ отвѣчать за нихъ; но *Мемингъ* — правительственный органъ французскаго правительства. Онъ оскорбляетъ насъ ежедневно; мы также съ своей стороны, а еще съ большаго права, требуемъ удовлетворенія».

Таки-то жалкія перебранки въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ наполняли собою депеши обиднаго правительства; но здуть явилась со-

лю-важныя событія, доставившія такому гнѣвному равнодушеію предметъ, правда, болѣе-оцененный, но по-крайней-мѣрѣ болѣе-достойный.

Швейцарія была жертвою двухъ партій: олигархической и умеренно-республиканской. Являлось два правительства: одно утвердилось въ Лозаннѣ, другое въ Бернѣ. Оба они отправляли къ первому консулу уведомления: одно изъ нихъ умоляло о его вмѣшательствѣ; другое заключало его не предпринимать ничего. Парадъ лицомъ очевидной контрреволюціи, первый консулъ не могъ оставаться въ нерѣшимости: «Я перестаю» говорилъ онъ: «быть нейтральнымъ и бездѣйственнымъ». «Я хотѣлъ уважать независимость Швейцаріи и забывать о неравнодушеіи Европы. Но довольно уже уступчивости для интересовъ, независимыхъ Франціи. Пока я видѣлъ въ Швейцаріи только пресыщенныя распри, могущія окончиться усиленіемъ той или другой партіи, я дѣлаю былъ предоставитъ ее самой - себѣ; но нынче это невозможно, всегда дѣло идетъ о новой контрреволюціи, совершаемой солдатами, наводна слышавшими Бурбонамъ, потомъ перешедшими на желанное, присылаемое изъ Англій. Я не потерплю контрреволюціи нигдѣ, въ Швейцаріи, Италиі, Голландіи, равно-какъ и въ самой Франціи; не уступлю нолоторъ тысячъ немиковъ, едлеримыхъ Англією, не уступлю этихъ грозныхъ вадтіоновъ Альповъ, которые европейская коалиція не смогла, въ двѣ компаніи, исторгнуть у нашихъ цотопашныхъ отъ усталости солдатъ. Мнѣ говорятъ о волѣ швейцарскаго народа: я не хочу видѣть ее въ волѣ двухъ-сотъ аристократическихъ фамилій. Я слишкомъ уважаю этотъ храбрый народъ, и не могу повѣрить, чтобы онъ хотѣлъ такого ига. Но, во всякомъ случаѣ, вотъ что, на что я обращаю больше вниманія, нежели на волю швейцарскаго народа: это—безопасность сорока милліоновъ людей, которыми я начальствую. Я намеренъ объявить себя посредникомъ гельветической конфедераціи, дать ей конституцію, основанную на равенствѣ нравъ и природы людей. Тридцать тысячъ человекъ стануть на границѣ, чтобы обезпечить исполненіе моихъ благодѣтельныхъ намареній. Но если, противъ моего ожиданія, я не буду въ состояніи обезпечить спокойствіе народа, которому хочу сдѣлать всяческое или заслуживаемое благо, тогда я знаю на что рѣшиться. Присоединю къ Франціи все, что, по ночею и нравамъ, походитъ на Франш-Конте, присоединю все остальное къ горцамъ малыхъ кантоновъ, дамъ имъ образъ управленія, каковой имѣли они въ четырнадцатомъ вѣкѣ, и предоставлю ихъ самимъ-себѣ. Я положилъ себѣ разъ-на-всегда за правило: Швейцарія должна быть или въ дружбѣ съ Францією, или не должна существовать вовсе.»

Всегда за этимъ, первый консулъ отправлялъ своего адъютанта, подполковника Ранна, въ Швейцарію, съ прокламацією во имяъ властимъ, какъ законнымъ, такъ и нитекиническимъ. Генералъ Нэй долженъ былъ ждать въ Женевѣ вѣстій отъ Ранна, и при первомъ отъ него вѣдѣніи, идти на Бернъ съ двѣнадцатю или пятнадцатю тысячъ человекъ.

Сдѣлавъ все эти распоряженія съ необыкновенною быстротою, первый консулъ съ спокойною отвагою ждалъ, какѣ дѣйствіе произведеть въ Народѣ его рѣшимость стоять силой, и потеряя, вѣсть съ темъ,

что было сделано въ Италиі и Германіи, еще болѣе обнаруживала его могущество, становившееся для всѣхъ очень-чувствительнымъ.

Британскій кабинетъ придумалъ сначала потою протестовать противъ всякаго матеріальнаго вмѣшательства со стороны Франціи въ дѣла Швейцаріи. Но видя, что этимъ нельзя удержать перваго консула, министерство Аддингтона отправило на самое мѣсто дѣйствія агента съ порученіемъ рассмотреть и развѣдать, рѣшились ли инсургенты защищаться, и предложить имъ, въ такомъ случаѣ, денежное вспоможеніе Англіи. Этотъ агентъ получилъ приказаніе закупить для нихъ въ Германіи оружіе. Австріи было предложено субсидіи на сто милліоновъ флориновъ (225 милліоновъ франковъ), если она захочетъ принять участіе въ судьбѣ Швейцаріи.

Но англійскій кабинетъ сдѣлалъ болѣе-важную ошибку, имѣющую возмозможныя послѣдствія.

Нѣкоторые обстоятельства замедлили оставленіе Мальты Англичанами до ноября 1802 г. Теперь, въ самый день отправленія агента въ Швейцарію, былъ посланъ въ Средиземное-Море фрегатъ съ приказаніемъ мальтійскому гарнизону остаться на этомъ островѣ. Это формальное нарушеніе амьенскаго трактата было тяжелою ошибкою со стороны министерства, старавшагося о поддержаніи мира.

Возгласы британскаго кабинета въ пользу швейцарской независимости были очень-дурно приняты французскимъ кабинетомъ. Отвѣтъ, данный по приказанію перваго консула лорду Гауксбѣра, былъ совершенно-необычайнъ. «Вы объявите британскому министерству» писалъ империалъ Талейранъ французскому уполномоченному Отто: «что первый консулъ не хочетъ, чтобъ Швейцарія была превращена въ полярный Джерсей. Первый консулъ не желаетъ войны, ибо онъ увѣренъ, что французскій народъ можетъ найти въ распространеніи торговли столько же выгодъ, какъ и въ распространеніи своей территоріи. Но ничто не удержитъ его, если честь или интересъ республики потребуютъ, чтобъ онъ вышелъ за оружіе. Малѣйшая угроза, какъ бы ни была она косвенна, должна быть принята съ невозможнымъ для насъ стоиствомъ, какъ вызовъ на войну. Впрочемъ, какою же войною будутъ угрожать намъ? Морскою? Но наша торговля едва-только увеличивается, и добыча, которую мы доставимъ Англіи, будетъ очень-незначительна. Наши Антильскіе-Острова снабжены солдатами, превосходящими къ тамошнему климату; на одномъ Сен-Доминго ихъ двѣдцать-пять тысячъ. Правда, наши порты будутъ обложены блокадою; но въ самую минуту объявленія войны, Англія въ свою очередь подвергнется блокадѣ. Берега Ганновера, Голландіи, Португаліи, Италиі до Тарента, будутъ заняты нашими войсками. Тогда Лигурія, Ломбардія, Швейцарія, Голландія превратятся во французскія провинціи, которыя доставятъ намъ огромныя средства; и такимъ-образомъ намъ привудятъ осуществить эту Галльскую-Империю, которую теперь безпрестанно стараются пугать Европу. Что же станется, когда первый консулъ, покинувъ Парижъ и приготовивъ средства перевезти чрезъ Альпы сто тысячъ войска, будетъ держать Англію въ вѣчномъ муче-

«тѣльномъ ожиданіи высадки?... Возбудить ли Англія континентальную войну? Но гдѣ найдетъ она союзниковъ? Однако, во всякомъ случаѣ, «если ей и удастся это, она сама принудитъ насъ покорить Европу. «Первому консулу всего только тридцать-три года, онъ разрушалъ только второстепенныя государства: кто знаетъ, сколько потребуется ему времени, если онъ будетъ вынужденъ на измѣненіе снова вида Европы, и на возстановленіе Западной-Имперіи?»

Вся бѣдствія Европы, вся бѣдствія Франціи заключались въ этихъ ужасныхъ словахъ, которыя можно было бы почесть написанными послѣ самыхъ событій: такъ они вѣрно предрекали будущее (*). Такимъ-образомъ левъ, возмущавъ, началъ чувствовать свою силу и былъ готовъ ею воспользоваться. Англія дразнила его, будучи защищена оплотомъ океана; но левъ могъ перескочить чрезъ этотъ оплотъ.

Отто имѣлъ приказаніе вовсе не говорить ни о Мальтѣ, ни о Египтѣ, потому-что не хотѣли даже и предполагать, чтобъ Англія могла нарушить торжественный трактатъ, подписанный предъ лицомъ вселенной. Ограничились предписаніемъ, чтобъ онъ сократилъ всю политику Франціи въ слѣдующія слова: *весь амьенскій трактатъ, ничего болѣе, какъ амьенскій трактатъ.*

Лордъ Гауксбѣри, понимавшій все значеніе этихъ словъ, намекавшихъ о Мальтѣ, возражалъ слѣдующимъ выраженіемъ: *состояніе материка въ эпоху амьенскаго трактата, ничего болѣе, какъ это состояніе.*

Вопросъ, принявшій подобный оборотъ, вызвалъ со стороны перваго консула отвѣтъ быстрый² и обстоятельный. «Франція», говорилъ по его приказанію Талейранъ, «Франція принимаетъ условіе, выраженное лордомъ Гауксбѣри. Въ эпоху подписанія амьенскаго трактата, Франція имѣла десять тысячъ человекъ въ Швейцаріи, тридцать тысячъ въ Пьемонтѣ, сорокъ тысячъ въ Италіи, двѣнадцать тысячъ въ Голландіи. Хотятъ ли, чтобъ дѣла стали опять на эту ногу? Въ ту эпоху, Англія знала, что президентство вручается Итальянскою-Республикою первому консулу; она знала о предположеніи присоединить Пьемонтъ къ Франціи, потому-что ей было отказано въ вознагражденіи, которое она требовала въ пользу короля сардинскаго; и не смотря на все это, она подписала амьенскій трактатъ! И такъ на что же она жалуется? Она постановила одно условіе: очищеніе Тарента въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ, и Тарентъ былъ оставленъ французскими войсками въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ. Что касается до Швейцаріи, то было извѣстно, что тамъ уже хлопотали о новой конституціи, и никто не могъ вообразить себѣ, чтобъ Франція допустила тамъ контрреволюцію. Но во всякомъ случаѣ, даже въ-отношеніи самаго строгаго права, что можно сказать противъ Франціи? Гельветическое правительство и всѣ партіи требовали посредничества Франціи. Германскія дѣла заключаютъ ли въ себѣ нечто новое для Англіи? Не суть ли они буквальное выполненіе люневильскаго трактата, который былъ извѣстенъ и обнародованъ гораздо-прежде

(*) Денеша, которой сущность представляли мы, была написана 1 брѹмера XI г. Талейраномъ французскому уполномоченному Отто, подъ диктовку перваго консула.
Т. XLII. — Отд. II. 1/2 10

амьенскаго трактата? Зачѣмъ Англія подписала новыя распредѣленія въ Германіи, если она считала ненужнымъ секуляризовать эту страну? Зачѣмъ король ганноверскій, который есть также и король великобританскій, зачѣмъ одобрилъ онъ германскую негодіацію, принявъ Еписковство Оснабрюкское? Британскій кабинетъ, полгода назадъ, не хотѣлъ вовсе вышлываться въ дѣла материка; а теперь только и думаетъ о томъ. Пусть дѣлать, что ему будетъ угодно. »

Гаугвигтъ чрезвычайно-вѣрно определялъ политикку англійскаго правительства, сказавъ при этомъ случай французскому посланнику: это слабое министерство Аддингтона такъ торопилось подписать миръ, что, не смотря ни на что, не слышало никакого возраженія; теперь оно замѣчаетъ, что Франція велика, что она пожинаетъ плоды своего величія, и оно хочетъ разорвать имъ же самимъ подписанный трактатъ.»

Дѣло Швейцаріи было окончено при мудромъ посредничествѣ перваго консула; чрезъ это устранилась главнѣйшая причина раздора между Англіей и Франціей, и лордъ Гауксбѣри просилъ, чтобъ французское правительство отправило въ Лондонъ своего посланника, генерала Андреосси, предлагая отправить въ Парижъ англійскаго посланника, лорда Уитурорта. Первый консулъ охотно согласился на это, какъ потому-что, не смотря на движенія гнѣва, возбужденныя въ его душѣ британскимъ проломствомъ, не смотря на образы неслыханнаго величія, которыя онъ иногда предвидѣлъ въ будущемъ, какъ слѣдствія войны, такъ и потому-что, не смотря на все это, онъ все еще былъ расположенъ къ миру. Вызывая, раздражая его, безъ сомнѣнія вынуждали его сознаться внутренно, что война была его естественнымъ призваніемъ, можетъ быть даже его судьбою; что онъ умѣлъ править государствомъ мудро; но что прежде, нежели править, онъ умѣлъ сражаться, что въ этомъ заключалось его назначеніе, его искусство по превосходству, и что, если Морѡ съ французскими войсками дошелъ до воротъ Вены, то самъ онъ можетъ пойти гораздо-далѣе. Онъ часто мечталъ обо всемъ этомъ, и въ такія минуты странныя видѣнія представлялись иногда уму его. Онъ видѣлъ, что цѣлыя имперіи разрушены, вся Европа переделана, и его консульская власть смѣнена короною, которая должна была быть значительна не менѣе короны Карла-Великаго. Всякая угроза, всякое оскорбленіе вызывала въ великой душѣ его одну за другою эти роковыя и обольстительныя образы. Это легко было замѣтить по странному величію его ежедневныхъ речей, по депешамъ, которыя онъ диктовалъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, наконецъ по тысячахъ писемъ, адресованныхъ имъ къ агентамъ правительства. При всемъ томъ, онъ говорилъ самому-себѣ, что все это величіе не уйдетъ отъ него рано или поздно, и онъ находилъ, что миръ продолжался еще очень-мало, что Сен-Доминго не былъ окончательно отвоеванъ, что Луизиана не была занята, что французскій флотъ не былъ возстановленъ. По его мнѣнію, ему необходимо было, до возобновленія войны, еще четыре или пять лѣтъ постоянныхъ усилій въ ядрѣ глобокаго-мира. Первый консулъ раздѣлялъ эту страсть къ великимъ постройкамъ, обыкновенно встречаемую у основателей имперій; онъ ле-

нѣ занимать этия крѣпостями, воздвигаемыми въ Италіи, этия трюмными дорогами, пролагаемыми по Альпамъ, этия планами новыхъ городовъ, предположенныхъ въ Бретани, этия каналами, долженъ-свовавшими соединить бассейны Сены и Шельды. Онъ наслаждался амодержавною властью, всеобщимъ удивленіемъ, наслаждался всѣмъ-тимъ въ глубокомъ мирѣ, который долженъ былъ быть для него слаостнымъ послѣ столькихъ сраженій, столькихъ походовъ, совершенныхъ съ такими самопожертвованіями.

Итакъ, первый консулъ чистосердечно желалъ продолженія мира, и глашался на все, что могло упрочить его продолжительность. Въ-свѣдѣніе этого, онъ отпразднвалъ въ Лондонѣ генерала Андреосси, и съ большимъ почетомъ принялъ въ Парижѣ лорда Уитурта. Это произвело мое благоприятное впечатлѣніе въ Лондонѣ.

Зима 1803 г. была почти такъ же блистательна, какъ зима 1802 г. она казалась даже болѣе-спокойною, потому-что теперь не было песной оппозиціи трибуната.

Англійскій кабинетъ думалъ уже, что теперь время вывести войска изъ Мальты. Распубликованіе въ *Мониторъ* рапорта полковника Себаіани произвело въ Англіи сильнѣйшее негодованіе. Разсказъ офицера, объяснявшаго жалкое положеніе Турковъ въ Египтѣ, возможность выгнать ихъ оттуда, живость воспомнаній, оставленныхъ по себѣ Французами, и особенно жаловавшагося на дурныя поступки британскаго офицера,—такой разсказъ оскорбилъ Англичанъ и вывелъ ихъ изъ спокойнаго положенія. Между-тѣмъ, все это могло бы обойтись безъ послѣдствій, еслибъ партіи не приврались къ этому случаю. Уиндгемъ, Донистъ, Гренвилль начали кричать громче прежняго и покрывали своими речами рѣчи людей великодушныхъ, каковы были Фоксъ и друзья его. напрасно эти послѣдніе силились доказывать, что рапортъ не заключалъ въ себѣ ничего необычайнаго, и что еслибъ первый консулъ имѣлъ виды на Египетъ, то онъ не сталъ бы ихъ опубликовывать. Икто не хотѣлъ ихъ слушать, и всѣ начали съ жаромъ разглаговльствовать; говорили, что англійская армія была поругана, что необходимо блистательнымъ образомъ отомстить за ея оскорбленную честь. Впечатлѣніе, произведенное въ Лондонѣ, дошло до Парижа, какъ звукъ, отозвавшійся многочисленными отголосками; первый консулъ потерялъ все терпѣніе. Онъ находилъ страннымъ это раздраженіе въ людяхъ, которые сами не выполнили двухъ важнѣйшихъ обязательствъ—оставленія Александріи и Мальты. И потому онъ уполномочилъ Талейрана въ Парижѣ, а Андреосси въ Лондонѣ положить конецъ этому дѣлу и получить обстоятельное изъясненіе, почему такъ долго отлагалось выполненіе трактата.

18 февраля вечеромъ, первый консулъ пригласилъ лорда Уитурта въ кабинетъ и принялъ его очень-ласково. Большой письменный столъ стоялъ средину кабинета; первый консулъ посадилъ посланника у од-

ного конца стола, а самъ съѣлъ у другаго (*). Онъ сказалъ ему, что хотѣлъ видѣть его, поговорить съ нимъ лично, чтобъ убѣдить его въ своихъ настоящихъ намѣреніяхъ, чего ни одинъ изъ его министровъ не могъ сдѣлать такъ хорошо, какъ онъ самъ. Онъ припоминалъ въ свои отношенія къ Англіи съ самаго начала своего консульства. «Всякій вѣтеръ» воскликнулъ первый консулъ: «всякій вѣтеръ, подымающийся въ Англіи, приноситъ мнѣ только ненависть и оскорбленіе. Теперь» присовокупилъ онъ «мы находимся въ положеніи, изъ котораго намъ непремѣнно надо выйти. Хотите ли вы, или нѣтъ, выполнить амьенскій трактатъ?.. Что до меня, я выполнялъ его съ величайшею точностью. Безполезно стараться обманывать насъ въ этомъ отношеніи: желаете ли мира, желаете ли войны? Если вы желаете войны, скажите только одно слово, и мы поведемъ ее съ ожесточеніемъ, до окончательной гибели одной изъ двухъ націй. Если же вы желаете мира, то должно очистить Александрію и Мальту, — потому что» присовокупилъ первый консулъ съ выраженіемъ непреклонной рѣшимости «эта мальтійская скала, на которой воздвигнуто столько укрѣпленій, безъ сомнѣнія имѣетъ великую важность въ отношеніи владычества на моряхъ, но въ нашихъ глазахъ она имѣетъ еще бѣльшую значительность, потому что съ ней тѣсно связана честь Франціи. Что скажетъ свѣтъ, если мы позволимъ нарушить торжественный трактатъ, заключенный съ нами? Свѣтъ усомнится въ нашей энергіи. Что до меня, то я уже рѣшился: я лучше хочу васъ видѣть на высотахъ Монмартра, нежели на высотахъ Мальты!»

Ужасное слово, слишкомъ-вѣрно сбывшееся на гибель Франціи!

Лордъ Уитуртъ, безмолвный, неподвижный, непонимавшій довольно сцены, на которую онъ былъ призванъ, въ короткихъ словахъ отвѣчалъ на рѣчь перваго консула. Онъ утверждалъ, что Александрія оставлена уже Англичанами, теперь, въ минуту ихъ разговора. Что до Мальты, то онъ объяснялъ замедленіе встрѣченію трудностью получить гарантію европейскихъ дворовъ и упорными отказами гротемейстера Руссоли. Но онъ присовокупилъ, что Англія наконецъ готовилась приступить къ оставленію этого острова, какъ перемѣны, случившіяся въ Европѣ, и въ-особенности рапортъ полковника Себастьяни, сдѣлавшись причиною новыхъ затрудненій. Здѣсь первый консулъ прервалъ англійскаго посланника. «О какихъ перемѣнахъ хотите сказать вы? Власть моя надъ Европою не сдѣлалась ни болѣе, ни менѣе того, какою была она во время заключенія амьенскаго трактата. Укажите мнѣ хоть на одно государство, которому бы я угрожалъ нападеніемъ? То, что вы говорите о рапортѣ полковника Себастьяни, недостойно отношеній двухъ великихъ націй. Если вы опасаетесь моихъ видовъ на Египетъ, — и»

(*) Первый консулъ въ тотъ же день разсказалъ объ этой бесѣдѣ министру иностранныхъ сношеній, за тѣмъ, чтобъ онъ сообщилъ объ этомъ французскимъ министрамъ при иностранныхъ дворахъ. Первый консулъ говорилъ объ этомъ своимъ сотоварищамъ и многимъ особамъ, которыхъ сохраняли о томъ воспоминаніе. Наконецъ, лордъ Уитуртъ передалъ этотъ разговоръ цѣлкомъ своему кабинету. Эта сцена сдѣлалась вѣдѣствомъ цѣлой Европѣ, и о ней писали различными образомъ.

милордъ, я постараюсь разуверить васъ. Да, я много думалъ о Египтѣ, буду думать о немъ и еще, если вы принудите меня возобновить войну. Но я не нарушу мира, которымъ мы наслаждаемся съ недавняго времени, для того, чтобъ отвоевать эту страну. Турецкая-Имперія розгнѣт своимъ паденіемъ. Но будьте спокойны, я не ускорю событій. Еслибъ я хотѣлъ, то силы, посланныя мною въ Сен-Доминго, я могъ бы направить на Александрію. Ваше войско тамъ въ 4,000 человекъ не было бы для меня препятствіемъ. Оно было бы, напротивъ того, для меня извиненіемъ. Я бы внезапно напалъ на Египеть, и въ этотъ разъ вы не могли бы исторгнуть его изъ моихъ рукъ. Но я и не мечтаю ни о чемъ подобномъ. Мнѣніе Европы тотчасъ бы обратилось противъ меня, мое политическое вліяніе было бы потеряно. Зачинщиками раздора должны быть вы, а не я; мнѣ это необходимо для того, чтобъ Франція проявила весь свой энтузіазмъ, весь свой порывъ, въ войну, которую я принужденъ буду вести съ вами. Теперь, если вы сомнѣваетесь въ моемъ желаніи поддержать миръ, выслушайте и судите, до какой степени я чистосердеченъ. Будучи еще очень-молоды, я достигъ до могущества, до славы, къ которымъ трудно что-нибудь прибавить. И этою властью, этою славою, думаете вы, я захочу рискнуть въ отчаянной борьбѣ? Если вступлю въ войну съ Австріею, я съумѣю найти дорогу въ Вану. Если вступлю въ войну съ вами, я ишу васъ всѣхъ союзниковъ на материкѣ, я запру вамъ доступъ туда отъ Балтики до Тарентскаго-Залива. Вы обложите насъ блокадою, но я запру васъ въ свою очередь; вы съмааете изъ материка тюрьму для насъ, а я обращу вамъ въ тюрьму все пространство морей. Между-гдѣмъ, чтобъ покончить дѣло, необходимы будутъ средства болѣе прѣмыя; надо будетъ соединить сто-пятьдесятъ тысячъ человекъ, огромную флотилію, попытаться перейти проливъ, и, быть-можетъ, погребсти въ глубинѣ морей мою судьбу, мою славу, жизнь мою. Высадка въ Англію, милордъ, отчаянная отвага!» Сказавъ эти слова, первый консулъ, къ великому удивленію своего собесѣдника, принялся самъ исчислять трудности, опасности подобнаго предпріятія, и, соглашаясь, что тутъ болѣе шансовъ погибнуть, нежели успѣть, онъ присовокупилъ, съ выраженіемъ необычайной энергіи: «Но, милордъ, какъ ни велика эта отвага, я рѣшусь на нее, если вы меня къ тому принудите. Я предамъ на волю судьбы и мою армію и самого-себя. Со мною, это великое предпріятіе пріобрететъ болѣе шансовъ, нежели съ кѣмъ дружить. Я перешелъ въ зимнюю пору чрезъ Альпы; я знаю, какъ можно считать возможнымъ то, что кажется невозможнымъ для всѣхъ; и, если я успѣю, ваши поздніе звуки кровавыми слезами будутъ оплакивать предковъ. Вы видите», воскликнулъ первый консулъ: «долженъ ли я, могущественный, счастливый, спокойный теперь, рискнуть за такое предпріятіе своимъ могуществомъ, счастіемъ, спокойствіемъ; вы видите, чистосердеченъ ли я, говоря, что желаю мира?» Потомъ, успокоясь, первый консулъ присовокупилъ: «Лучше и для васъ, и для меня, удовлетворить мои требованія выполненіемъ трактатовъ. Вы

владыки морей, а я владыка земли. Постараемся сблизиться другъ съ другомъ, и мы, по своей воля, будемъ править судьбама вселенной.

Эта рѣчь, столь необычайная по своей откровенности, изумила, смутила англійскаго посланника, который, будучи очень-честнымъ человекомъ, не былъ, къ-печастію, способенъ понять величіе и чистосердечность словъ перваго консула. Двѣ цѣлыя нація должны были бы присутствовать при подобномъ разговорѣ и дать отвѣтъ на него.

На другой день по открытіи засѣданія законодательнаго сословія, 2 вантоза (21 февраля), было прочитано, по обыкновенію, изображеніе состоянія республики, начертанное рукою самого перваго консула. По поводу неоставленія Мальты Англичанами было сказано, что въ случаѣ войны, одна Англія не будетъ въ состояніи бороться съ Франціей (*).

Когда это изображеніе состоянія республики, написанное съ большою заносчивостью, дошло до Лондона, оно произвело тамъ гораздо-болѣе шума, нежели рапортъ полковника Себастьяна, болѣе нежели событія въ Италіи, Швейцаріи, Германіи, въ которыхъ упрекали перваго консула. Надо присовокупить, что первый консулъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отправилъ къ британскому правительству ноту, требуя окончательнаго объясненія на счетъ оставленія Мальты.

Англійскій кабинетъ принужденъ былъ, наконецъ, рѣшиться на что-нибудь и объявить первому консулу свои намѣренія касательно этого острова, сдѣлавшагося причиною столь великихъ событій. Смущеніе его было велико, потому-что онъ не хотѣлъ ни признаться въ намѣреніи нарушить торжественный трактатъ, ни обѣщать очистить Мальту, что сдѣлалось невозможнымъ по его собственной слабости. Принужденный общественнымъ мнѣніемъ рѣшиться на что-нибудь, и не зная на что рѣшиться онъ вознамѣрился внести въ парламентъ рѣчь короля, что въ представительныхъ государствахъ служить иногда средствомъ занять умы, обмануть ихъ вѣтерпніе, но что можетъ сдѣлаться очень-опаснымъ, когда правительство не сознаётъ ясно, къ чему хотятъ привести изъ, и заботится только о томъ, чтобъ доставить имъ минутное удовольствіе.

Въ засѣданіе 8 марта, слѣдующая рѣчь внесена была въ парламентъ:
«Георгъ, король... и пр.

«Его величество считаетъ необходимымъ уведомить нижнюю палату, что такъ-какъ значительныя военныя приготовленія производятся въ «портахъ Франціи и Голландіи, то онъ полагаетъ необходимыми принятія новыя предохранительныя мѣры для безопасности своего государства. Хотя всѣ эти приготовленія готовятся, по-видимому, для колоніальныхъ экспедицій, однако, такъ-какъ въ настоящее время существуютъ между его величествомъ и французскимъ правительствомъ важныя

(*) «Я слышала», говоритъ Тьеръ, «отъ одной важной особы, одного изъ почтеннѣйшихъ членовъ англійской дипломатіи, что эти слова привели къ волненію кнѣзья Англіи, и что съ этого дня надо было считать неизбежнымъ объявленіе войны».

«недоразумѣнія, результатъ которыхъ неизвѣстенъ, — его величество рѣшился сообщить объ этомъ своимъ вѣрнымъ подданнымъ, будучи твердо увѣренъ, что онъ можетъ положиться на ихъ рвеніе и щедрость, которыхъ могутъ потребовать обстоятельства для чести его короны и для существенныхъ пользъ его народа.»

Трудно было бы придумать что-нибудь болѣе нехотати. Эти слова не имѣли достаточнаго основанія и были оскорбительны для Франціи.

Рѣчь короля сдѣлалась извѣстною въ Парижѣ 11 марта. Къ-несчастію, на послѣ-завтра приходило воскресенье, день пріема дипломатическаго корпуса въ Тюльери. Весьма-естественное любопытство привлекло туда всѣхъ иностранныхъ министровъ, желавшихъ посмотреть на перваго консула при этомъ обстоятельствѣ и особенно на англійскаго посланника. До начатія аудіенціи, первый консулъ былъ у г-жи Бонапарте, въ ея покояхъ, и игралъ съ ребенкомъ, долженствовавшимъ быть тогда его наслѣдникомъ: то былъ новорожденный сынъ Лудовика-Бонапарте и Ортансы де-Боарнѣ. Придворный префектъ возвѣстилъ, что всѣ уже собрались, и между прочими именами произнесъ имя лорда Уитворта. Это имя произвело на перваго консула видимое впечатлѣніе; онъ пересталъ играть съ дѣтатей, схватилъ за руку г-жу Бонапарте и стремительно вступилъ въ пріемную залу, прошелъ мимо всѣхъ иностранныхъ министровъ и обратился прямо къ представителю Великобританіи. «Милордъ» сказалъ онъ ему съ чрезвычайнымъ волненіемъ: «что новаго изъ Англіи?» и, почти не ожидая его отвѣта, присовокупилъ: «И такъ, вы хотите войны?» — Нѣтъ, генералъ, отвѣчалъ съ большою умѣренностью посланникъ: — мы слишкомъ-хорошо чувствуемъ выгоды мира. — «И такъ, вы хотите войны?» продолжалъ первый консулъ очень-громко, такъ-что могъ быть слышимъ всеми присутствовавшими. «Мы рождались другъ съ другомъ десять лѣтъ; хотите ли, чтобъ сражались еще десять лѣтъ? Какъ можно было сказать, что Франція вооружается? Въ нашихъ портахъ нѣтъ ни одного корабля; всѣ годные корабли отправлены въ Сен-Доминго. Одна только небольшая эскадра находится въ водахъ Голландіи, и уже четыре мѣсяца ни для кого не тайна, что эта эскадра назначается въ Луизиану. Сказали, что между Франціей и Англіей существуетъ несогласіе, — ннѣ объ этомъ вовсе неизвѣстно. Я знаю только, что островъ Мальта не оставленъ Англичанами въ условленный срокъ; но не могу представить себѣ, чтобъ ваши министры захотѣли нарушить обязательство Англіи, отказавшись выполнить торжественный трактатъ. По-крайней-мѣрѣ, они еще не говорили объ этомъ намъ. Я не могу также предполагать, чтобъ своими вооруженіями вы имѣли помысленіе испугать Французовъ: ихъ можно пугать, милордъ, но испугать — никогда!» Посланникъ, изумленный и несколько-смущенный, не смотря на свое хладнокровіе, отвѣчалъ, что англійское правительство не хочетъ ни того, ни другаго, что оно ставится, напротивъ, жать въ добромъ согласіи съ Франціею. «Въ какомъ случаѣ» возразилъ первый консулъ: «надо уважать трактаты. Оретому, кто не уважаетъ трактатовъ!» Потомъ онъ прошелъ мимо османскаго испанскаго и русскаго и сказалъ имъ довольно-громко,

что Англичане не хотятъ очистить Мальту; что они отказываются выполнять свои обязательства, и что отнынѣ впредь надо будетъ *покупать трактаты чернымъ крпомъ*. Онъ продолжалъ свое шествіе; ему попался на глаза шведскій министръ, котораго присутствіе привело ему на память смѣшныя депеши къ германскому сейму. «Вашъ король» сказалъ онъ ему: «забываетъ, что Швеція уже болѣе не во времена Густава-Адольфа, что она низшла на третью степень державъ.» Онъ до конца обошелъ всѣхъ присутствовавшихъ, весь въ волненіи, съ блестящими глазами, страшный, какъ олицетворенная власть во гнѣвѣ, но лишенный спокойнаго достоинства, которое такъ хорошо идетъ къ ней.

Чувствуя, однакожъ, что вышелъ изъ предѣловъ благоразумія, первый консулъ, окончивъ обходъ, опять подошелъ къ англійскому посланнику, и, спрося у него смягченнымъ голосомъ о его супругѣ, герцогинѣ Дорсѣ, выразилъ желаніе, чтобъ она, проведя во Франціи дурное время года, могла бы провести тамъ и хорошее; онъ присовкупилъ, что это будетъ зависть не отъ него, а отъ Англіи, и что если надо будетъ снова взяться за оружіе, то вся ответственность падеть, предъ лицомъ Бога и людей, на тѣхъ, кто отказался сдержать свои обязательства. Эта сцена должна была глубоко оскорбить самолюбіе англійскаго народа. Англичане были виновны въ основаніи, и первому консулу не следовало дѣлаться виновнымъ по формѣ, но наружности. Но онъ, будучи оскорбленъ, испытывалъ какое-то наслажденіе, оглашая міръ съ одного конца до другаго взрывами своего гнѣва.

Эта сцена съ лордомъ Уитуортомъ сдѣлалась вскорѣ гласною, потому что свидѣтелями ея были двѣсти человекъ. Всякій рассказывалъ о ней по-своему, и преувеличивалъ, какъ умѣлъ. Она произвела въ Европѣ скорбное чувствованіе и много усилала смущеніе британскаго кабинета.

Внезапный переворотъ произошелъ въ дѣлительной и страстной душѣ Наполеона. Теперь его воображеніе занималось только мыслію о войнѣ, чудномъ величіи побѣды, объ измѣненіи вида Европы, о возстановленіи Западной-Имперіи. Изъ благодѣтеля Франціи и вселенной, чѣмъ онъ льстился быть доселѣ, онъ задумалъ сдѣлаться для нихъ предметомъ удивленія. Имъ овладалъ гнѣвъ, въ одно и то же время личный и патристическій,—и побѣдить Англію, унижить, разрушить ее, сдѣлалось съ этого дня, страстью его жизни. Увѣренный, что все возможно для человека съ гениемъ и непреклонною волею, онъ весь предался мысли перейти черезъ проливъ Кале и перенести въ Англію одну изъ арій покорившихъ Европу. Съ этой-то минуты, т. е. съ того дня, когда сдѣлалась ему извѣстною рѣчь англійскаго короля, даны были имъ первыя приказанія къ непріязненнымъ приготовленіямъ; и тогда-то этотъ человекъ, заблуждавшійся въ политикѣ отъ чувствованія своего могущества, дѣлался чудомъ человеческой природы, когда дѣло шло о томъ, чтобъ предвидѣть и преодолѣть все трудности обширнаго предпріятія.

При появленіи рѣчи короля Георга III, разомъ исчезли все колоссальныя мечты перваго консула. Онъ рѣшился самъ отдать Луизиану Соединеннымъ-Штатамъ и потребовалъ за то восемьдесятъ милліонъ

новъ, изъ которыхъ двадцатью предназначено было удовлетворить американскихъ купцовъ, пострадавшихъ въ послѣднюю войну. Остальныя шестьдесятъ милліоновъ могли избавить перваго консула отъ займа на военныя издержки. Этотъ трактатъ былъ заключенъ въ Парижѣ и посланъ на ратификацію въ Вашингтонъ. Такимъ-то образомъ, Американцы приобрѣли отъ Франціи эту обширную страну, пополнившую ихъ господство надъ Сѣвѣрною-Америкою и сдѣлавшую ихъ владыками Мексиканскаго-Залива на настоящее и будущее время. Слѣдовательно, они обязаны своимъ происхожденіемъ и своимъ величіемъ долгой борьбѣ Франціи съ Англіей. Первому акту этой борьбы они одолжены своею независимостью; второму—пополненіемъ своей территоріи.

Взявъ, однакожь, всѣ предосторожности, первый консулъ съ большимъ терпѣніемъ сталъ выжидать развязки негоціаціи. Когда прошелъ невольный порывъ его гнѣва, онъ обещалъ самому-себѣ,—и сдержалъ слово, — быть спокойнымъ, допустить Англію довести его до послѣдней крайности, за тѣмъ, чтобъ Франція и Европа не могли усомниться насчетъ истинныхъ виновниковъ войны.

Талейранъ, поступавшій, въ этихъ обстоятельствахъ, съ рѣдкою мудростью, больше всѣхъ способствовалъ къ тому, чтобъ внушить первому консулу такое расположеніе.

Министерство Аддингтона, чувствуя свое безсиліе въ настоящемъ случаѣ, дѣлало предложенія Питту вступить въ кабинетъ. Но Питтъ съ гордостью отвергалъ эти предложенія и продолжалъ жить все по-прежнему въ уединеніи отъ Лондона и вдали отъ волненія партій. Чувствуя свою мощь, предвидя обстоятельства, которыя сдѣлаютъ его необходимымъ, онъ лучше хотѣлъ получить власть по силѣ этихъ обстоятельствъ, нежели въ рукъ слабыхъ, эфемерныхъ министровъ. Эти предложенія сдѣланы были ему безъ вѣдома короля Георга III, питавшаго къ Питту почти-непобѣдимое нерасположеніе. Онъ видѣлъ въ Питтѣ министра, который былъ почти государемъ, между-тѣмъ, какъ въ Фоксѣ, при характерѣ благородномъ и пріятельскомъ, находилъ мнѣнія, которыя были ему ненавистны. И потому онъ не хотѣлъ ни того, ни другаго. Онъ желалъ удержать въ министерствѣ Аддингтона, сына любимаго своего медея, и лорда Гауксбѣри, сына своего сердечнаго друга, лорда Ливерпуля.

Англійскіе министры хорошо понимали, что они сдѣлаются смѣшными въ глазахъ Англіи, Франціи и Европы, если все будутъ оставаться въ двусмысленномъ положеніи, не осмѣливаясь высказать, чего желаютъ. И потому 13 апрѣля (1803 г.) они объявили, что рѣшаются удержать Мальту, въ обезпеченіе Англіи относительно вѣдовъ перваго консула на Египетъ.

Напрасно Іосифъ Бонапартѣ и Талейранъ старались уладить это дѣло, желая поддержать миръ. Первый консулъ соглашался, чтобъ приступлено было къ переговорамъ объ уступкѣ Англичанамъ острова Лампдузы, лежащаго недалеко отъ Мальты, или объ уступкѣ имъ какого-нибудь другаго острова на сѣверъ отъ Африки, но требовалъ, чтобъ они немедленно очистили Мальту. «Я не хочу», говорилъ онъ: «чтобъ у

нихъ было два Гибралтара въ Средиземномъ-Морѣ, одинъ при входе, другой по срединѣ».

Англійскій кабинетъ, поставленный такимъ-образомъ между двухъ крайностей, рѣшился предпочесть войну уступкѣ Мальты. Лордъ Уитуртъ получалъ депешу, въ которой ему приказано было требовать обладанія Мальтою, по-крайней-мѣрѣ на десять лѣтъ, уступки острова Лампдузы, немедленнаго оставленія Швейцаріи и Голландіи французскими войсками, и опредѣленнаго вознагражденія королю Савойи. Въ возмездіе за это предлагалось признать италянскія государства. Вѣсть съ тѣмъ объявлено было лорду Уитурту, чтобъ онъ немедленно потребовалъ себя паспортъ, если условія Англіи не будутъ приняты.

Какъ послѣднее средство уладить дѣло, британскіе министры предлагали первому консулу уступить Мальту на десять лѣтъ Англіи, тайною статьею трактата. Талейранъ объявилъ лорду Уитурту, что первый консулъ не намѣренъ обманывать Франціи; но что Мальта можетъ быть уступлена Англичанамъ, если Франціи дано будетъ за это равнозначущее вознагражденіе. Лордъ Уитуртъ сказалъ, что не имѣетъ права откладывать долѣе свой отъездъ, и оба министра разстались, очень-опечаленные тѣмъ, что имъ не удалось примирить враждующія стороны. Лордъ Уитуртъ потребовалъ себя паспортъ, но сказалъ, что поѣдетъ тихо, и что въ это время французское правительство успеетъ написать въ Лондонъ и получить оттуда отвѣтъ, прежде, нежели онъ достигнетъ Калэ. Было условлено, что англійскій посланникъ будетъ ожидать въ Калэ, покуда генералъ Андреосси прибудетъ въ Дувръ.

Парижъ весь превратился въ любопытство. Толпа народа осаждала двери отеля англійскаго посланника, чтобъ посмотреть дѣлаются ли тамъ приготовленія къ отъезду. Продавъ еще цѣлыя сутки и лѣтъ такимъ образомъ французскому кабинету время одуматься, лордъ Уитуртъ выѣхалъ наконецъ въ Калэ. Его отъездъ произвелъ живое впечатлѣніе въ Парижѣ, и все предчувствовали, что великія событія готовятся ознаменовать этотъ новый періодъ войны.

Генералъ Андреосси былъ провожаемъ изъ Англіи съ видимымъ сожалѣніемъ. Онъ прибылъ въ Дувръ въ то самое время, какъ лордъ Уитуртъ въ Калэ, т. е. 17 мая. Лордъ Уитуртъ былъ тотчасъ же перевезенъ по ту сторону пролива. Онъ успѣшилъ посѣтить французскаго посланника, осыпалъ его знаками уваженія, и самъ проводилъ его на бортъ судна, долженствовавшаго перевезти его во Францію. Оба посланника разстались другъ съ другомъ въ присутствіи разстроенной, опечаленной толпы. Въ эту торжественную минуту, казалось, оба націи говорили другъ другу: «прости!—до свиданія послѣ ужасной войны и потрясенія вселенной...»

Таково было печальное окончаніе этого кратковременнаго амьенскаго мира!

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ВОЗРЪНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮЛЬ 1848 ГОДА.

Государственныя учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

Высочайше утверждены гербы для нѣкоторыхъ городовъ губерній: иенской, Гродненской, Минской и Ковенской.

— Высочайше повелѣно, въ 13 день іюня, учредить по вѣдомству государственнаго коннозаводства особую мастеровую команду изъ нижнихъ сословій чиновъ и коннозаводскихъ крестьянъ, съ вычетомъ за рекъ.

— Постановлено, чтобъ крестьянъ къ содержанію на арендѣ казенныхъ и дворянскихъ имѣній въ Остзейскихъ губерніяхъ на будущее время не допускать, не распространяя однако силы сего правила на существующіе нынѣ о томъ контракты, впредь до истеченія сроковъ имъ (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 1 іюля).

— Постановлено, что губернскіе стражцы, исправляя обязанность городскихъ прокуроровъ, не должны пропускать постановленій по такимъ дѣламъ, по которымъ они сами производили слѣдствія (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 1 іюня).

— Въ Высочайшемъ указѣ, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ Правительствующему Сенату 10 іюля, изображено: «Для приведенія Нашей монетной системы въ совершенную стройность, признавъ за благо, согласно съ мнѣніемъ комитета финансовъ, прекратить вовсе чеканъ платиновой монеты»,
Т. XII. — Отд. III.

повелеваемъ: 1) обманъ платиновой монеты производить, по нѣр е предъявленіи, на золотую и серебряную монету и на кредитные билеты во всѣхъ казначействахъ, въ-теченіе шести мѣсяцевъ со дня полученіи сего указа. 2) По истеченіи сего срока приѣмъ платиновой монеты, какъ въ казенные платежи, такъ и для обмана, воспрещается. Впрочемъ предъ оставляется частнымъ людямъ, буде за тѣмъ некоторая часть сей монеты останется въ обращеніи, принимать оную по добровольному согласію.»

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Исполнительному Сенату въ 19 день іюля, изображено: «Принимая во вниманіе, что суды плавающія подъ российскимъ флагомъ, равно и товары, въ нихъ погруженныя, обложены во многихъ иностранныхъ портахъ болѣе или менѣе значительными надбавочными пошлинами, между-тѣмъ какъ въ портахъ Имперіи не дѣлается никакого различія въ количествѣ таможенныхъ пошлинъ между российскими и иностранными кораблями, и даже въ отношеніи къ корабельнымъ сборамъ иностранный флагъ въ весьма-немногихъ только случаяхъ обложенъ болѣе, чѣмъ российский, и малоріи такихъ обстоятельствъ, препятствующихъ донынѣ уславленію развитію российскаго купеческаго мореходства, оказать всевозможное пособіе и покровительство тѣмъ изъ нашихъ върноподданныхъ, которые употребляютъ капиталы на постройку и снаряженіе купеческихъ судовъ повелеваемъ:

1) Каботажное судоходство, то-есть перевозъ товаровъ изъ одного российского порта въ другой, на одномъ и томъ же морѣ лежащій, имѣетъ предоставлять исключительно, какъ то было и донынѣ (согласно 722 ст. Св. Учр. и Уст. Тор.) въ пользу российскихъ подданныхъ и судовъ, плавающихъ подъ российскимъ флагомъ.

2) Съ товаровъ, привозимыхъ подъ иностраннымъ флагомъ, каковы бы они происхожденія ни были, взискивать надбавочную пошлину въ 30 процентовъ сверхъ пошлины, тарифными постановленіями на сіи товары наложенной.

3) Съ иностранныхъ судовъ взискивать въ нашихъ портахъ дополнительный сборъ по 1 рублю сер. съ госта за приходъ тахъ судовъ, и столько же за отходъ.

4) Постановленія, содержащіяся въ §§ 2 и 8, возвышаютъ дѣйствіе съ отарытіи навигація 1846 года, и будутъ оставаться въ силѣ до-тѣхъ поръ, пока не прекратятся обстоятельства, побудившія къ принятію таковыхъ мѣръ. Но возвышеніе таможенныхъ пошлинъ, въ § 2 востановлено, не будетъ принимаемо къ товарамъ, которые будутъ привезены изъ истеченія 1845 года и по существующимъ правиламъ могутъ быть очищены пошлиною не прежде, какъ въ слѣдующемъ году.

5) Исключаются изъ постановленій §§ 2 и 8 суда тахъ націй, у которыхъ, по особымъ трактатамъ или по другимъ распоряженіямъ, российский флагъ пользуется уже равенствомъ съ національнымъ флагомъ или съ флагомъ націй, наиболее благопріятельствуемыхъ, такъ-какъ съ судахъ націй должны имѣть въ портахъ Имперіи и Великаго Княжества

Финляндскаго совершенное равенство съ судами россійскими въ-отношеніи къ платежу таможенныхъ и корабельныхъ пошлинъ.

6) Въ-слѣдствіе правила, въ предъидущемъ § изъясненнаго, великое различіе, которое еще существуетъ, или по силѣ сего указа впредь можетъ существовать въ портахъ Имперіи или Великаго Княжества Финляндскаго между россійскими и иностранскими судами, въ-отношеніи къ платежу таможенныхъ пошлинъ и корабельныхъ сборовъ, отмѣнено въ пользу каждой націи, которой правительство предоставитъ россійскому оному совершенное взаимство.

II. Губернскія учрежденія (Измѣненія и дополненія составу и правъ ихъ).

Срокъ существованія учрежденной 28 мая 1831 года въ городѣ Николаевѣ временной экспедиціи для рѣшенія дѣлъ бывшаго Черноморскаго Департамента, продолженъ до 1 мая 1849 года (Выс. пов. объявл. 14 іюня).

— Разрѣшенъ беспошлинный привозъ зерноваго хлѣба въ рижскій, перновскій и нарвскій порты на всю навигацію настоящаго года (Выс. пов. объявл. 15 іюня).

— Дозволено государственнымъ крестьянамъ заготовлять для перникъ солеваренныхъ заводовъ дрова въ казенныхъ лѣсахъ Чердынскаго и Солькамскаго Уѣздовъ во великое время года (Выс. пов. объявл. 23 іюня).

— Постановлено, что если на мѣщанскихъ обществахъ будутъ числиться недоимки, то поволеніе оныхъ производится между-прочимъ и въ слѣдующихъ городахъ отъ казны платежей (Ук. Пр. Сен. 2 іюля).

— Высочайше повелѣно: въ подырьяленіе способовъ Эстляндскаго и Курляндскаго Приказовъ Общественнаго Призванія къ содержанію подвластныхъ имъ богоугодныхъ заведеній, половинную часть куртама, получаемаго отъ аукціонной продажи товаровъ въ таможенныхъ мѣстахъ Эстляндской и Курляндской Губерній, удѣлять въ пользу поманутыхъ приказовъ, подобно тому, какъ это пособіе, по силѣ 628 ст. Св. Учр. Уст. Общ. Прizr., т. 13, предоставлено уже Эстляндскому Приказу отъ аукціонныхъ продажъ, производящихся при одной ревельской таможнѣ, оставивъ таможеннымъ мѣстамъ въ обязанность отчисляемыя на въ-исполненномъ основаніи деньги доставлять прямо въ мѣстные приказы (Ук. Пр. Сен. 30 іюня).

— По вопросу: слѣдуетъ ли допускать причисленіе душъ къ крестьянскимъ обществамъ госпитальныхъ мѣстъ города Ревеля, съ освобожденіемъ отъ платежа податей, постановлено, что освобожденіемъ отъ платежа казенныхъ податей могутъ, съ разрѣшенія казенной палаты, пользоваться тѣ только члены крестьянскихъ обществъ госпитальныхъ мѣстъ въ Эстляндской Губерніи, которые имѣютъ жительство въ чертѣ сихъ мѣстъ по контрактамъ, въ установленномъ порядкѣ заключеннымъ (Выс. пов. Им. Гос. Сов. 4 іюня).

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ, постановлено: въ-отношеніи къ имуществу жителями и дѣтьми, непринадлежащими жите-

ному ведомству и къ крѣпостному званію, освобождаются до совершеннолѣтія, не исключая и тѣхъ изъ сихъ незаконнорожденныхъ, которые отданы отъ приказовъ общественнаго призванія на воспитаніе, отъ платежа повинностей; по достиженіи же совершеннолѣтія причисляются въ городское или сельское состояніе, въ которое сами поступить пожелаютъ, на томъ основаніи, какъ въ статьяхъ 495 и 496 ст. Зак. о Сост. (т. IX, изд. 1842 г.) постановлено (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 1 іюня).

— Для ярмарки, существующей въ Ирбитѣ съ 15 февраля по 15 марта, назначенъ срокъ съ 1-го февраля по 1-е марта.

— Открыты три окружныя коннозаводскія правленія: Бѣловодское, Харьковской-Губерніи, Старобѣльскаго-Уѣзда, въ заштатномъ городѣ Бѣловодскѣ; Скопинское — Рязанской-Губерніи, въ городѣ Скопинѣ и Починковское, Нижегородской-Губерніи, Лукьяновскаго-Уѣзда, въ заштатномъ городѣ Починкахѣ.

— Высочайше повелѣно: 1) въ Бакинскомъ-Уѣздѣ, Каспійской-Области, открыть упраздненное Маштагинское Участковое Управление, назначитъ въ него участкаго засѣдателя, помощника его, письмоводителя и одного переводчика, съ содержаніемъ по послѣднему сокращенному штату, считая чинамъ присвоенному, съ назначеніемъ и на канцелярскіе расходы въ 150 р. сер. въ годъ. 2) Бакинское Попечительство Государственныхъ Имуществъ упразднить, завѣдываніе же онымъ возложить на помощника уѣздаго начальника, и 3) потребный на содержаніе Маштагинскаго Участковаго Управленія расходъ 2,070 р. сер. обратитъ частію на сумму, отпускаемую нынѣ на содержаніе упраздненнаго попечительства государственныхъ имуществъ, всего 1,065 руб., частію на отпускаемыя теперь 460 руб. на содержаніе положенныхъ при помощникѣ уѣздаго начальника переводчика и писца и на канцелярскіе ему расходы; остальные же за тѣмъ 545 руб. отнести на 6,000 сер., предоставленныхъ ежегодно въ распоряженіе главнаго управленія на усиленіе разныхъ частей по случаю сдѣланнаго сокращенія штатовъ оныхъ.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Лекторамъ языковъ въ университетахъ и лицейхъ и вообще докѣторамъ, которымъ предоставлено пользоваться правами университетскихъ лекторовъ, присвоенъ IX классъ по чинопроизводству (Высоч. повел., объявл. 1 іюня).

— Высочайше повелѣно: на будущее время, по силѣ 40 ст. Свода Законовъ о Сост., т. IX (изд. 1842 г.) возводить въ дворяне только тѣхъ изъ обер-офицерскихъ, избираемыхъ для того отцами ихъ, дѣтей, которые сверхъ другихъ условій, въ законѣ оредѣленныхъ, выдержатъ экзаменъ, установленный 6 мая 1844 года для приѣма въ военную службу недорослей изъ дворянъ (Высоч. повел. 8 марта).

VI. Законы рекрутскіе.

— Въ дополненіе и измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: семейства, виновныя въ укрывательствѣ бѣглыхъ рекрутъ, отданныхъ на службу изъ того же селенія или городского

дѣтнаго общества, къ которому сіи семейства принадлежатъ, если бѣглецы приняты ими съ знаніемъ подлиннаго ихъ состоянія и не съ доказаннымъ намѣреніемъ задержать ихъ для представленія начальству, подвергаются взысканію не одного, а двухъ рекрутъ за cadaго скрывавшагося у нихъ бѣглаго; сами бѣглецы остаются на службѣ и подвергаются наказаніямъ на основаніи военныхъ постановленій; когда между членами виновныхъ семействъ нѣтъ способныхъ къ военной службѣ, то слѣдующіе за cadaго скрывавшагося у нихъ бѣглаго два рекрута взыскиваются съ другихъ семействъ того же селенія или городского податнаго общества, участвовавшихъ завѣдомо въ укрывательствѣ или знавшихъ объ ономъ; когда же и въ сихъ участвовавшихъ въ укрывательствѣ или знавшихъ объ ономъ семействахъ также не окажется способныхъ къ военной службѣ, то два виновнѣйшіе, или буде всѣ равно виновны, начальникъ и старшій по немъ членъ семейства, у коего скрывался бѣглый, подвергаются наказанію плетью и ссылкой въ Сибирь на поселеніе. Если въ укрывательствѣ бѣглыхъ, отданныхъ ими, или изъ ихъ селенія или городского податнаго общества рекрутъ будутъ изблажены лица, взятые по закону отъ наказаній тѣлесныхъ, то съ нихъ взыскивается 1,200 р. сер. за cadaго такого скрывавшагося у нихъ или съ вѣдома ихъ бѣглаго, вмѣсто 600 руб., определенныхъ за укрывательство другихъ бѣглыхъ рекрутъ (Высоч. утв. мнѣн. Гос. Сов. 1 іюня).

V. Законы гражданскіе.

— Относительно производства на будущее время дѣлъ объ убыткахъ, причиняемыхъ частному имуществу казенными и общественными работами и сооружеиіями, постановлено: а) Удовлетвореніе за убытки, причиненные частному имуществу при производствѣ казенныхъ или другихъ общественныхъ работъ и сооружеиій, владельцы сего имущества должны отыскивать отъ казны или отъ тѣхъ вѣдомствъ и обществъ, на суммы которыхъ помянутыя работы производились и б) рѣшенія гражданскихъ палатъ по симъ дѣламъ, когда она принадлежатъ собственно къ вѣдомству Главнаго Управленія Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями, сообщать на заключенія, вмѣсто палатъ казенныхъ и государственныхъ имуществъ, по гражданской строительной части, въ мѣстныхъ губернскія строительныя комиссіи, а по путямъ сообщенія, въ окружныя правленія путями сообщенія. (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 19 марта).

— Постановлено: для ходатайства по тяжбымъ дѣламъ приписныхъ къ керченскимъ заводамъ крестьянъ, когда дѣла эти возникнутъ судебнымъ порядкомъ, назначать, по распоряженію генерал-губернатора Восточной-Сибири, одного изъ чиновниковъ Нерчинскаго Горнаго Правленія, съ тѣми правами, какія удѣльному стряпчему предоставлены. Чиновника сего, какъ пользующагося по производству упомянутыхъ дѣлъ правами стряпчаго, платежу судебныхъ издержекъ, на основаніи 3892 г. Св. Зак. Граж. (т. X, изд. 1842) не подвергать (Высоч. утв. мн. Гос. Сов. 1 іюня).

— **Постановлено**, что сила 575 ст. Св. Учр. Торг. (т. X, изд. 1842), которою чиновникамъ полиціи, въ случаѣ обвиненія ихъ въ умышленнѣхъ по вѣкослѣннымъ дѣламъ, предоставляется право апелляціи, хотя бы сумма положеннаго на нихъ коммерческаго судоустройства была и менѣе той, какая назначена для переноса дѣлъ въ Правительствующій Сенатъ, распространяется и на членовъ конкурсныхъ управленій.

— **Постановлено**, что дѣла уголовныя и возникающія по вѣсту жалованья дѣла гражданскія пребывающія въ городѣ Уральскѣ магистратскихъ купцовъ и другихъ состоящихъ лицъ, по вѣнчанію тамъ магистрата и уезднаго суда, должны быть рассматриваемы Уральскою Военною Канцеляріею на томъ же основаніи, на какомъ дѣла сіи рассматриваются вообще въ уездныхъ судахъ и магистратахъ.

— **Государственный Совѣтъ**, въ Соединенныхъ Департаментахъ Гражданскихъ Дѣлъ и Законовъ и въ Общемъ Собраніи, по тремъ запискамъ, внесеннымъ главноуправляющимъ II-мъ Отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по дѣлу о силѣ и дѣйствіи вѣковой давности, рассмотрѣвъ представленныя на разрѣшеніе его частныя о давности вопросы.

Объ исчисленіи давности по смеремъ о законности рожденія. Правнн въ уваженіе, что вопросъ сей касательно дѣтей, рожденныхъ въ законномъ бракѣ, разрѣшенъ уже статьями 192 и 2237 Св. Зак. Гражд. (т. X, изд. 1842 г.), Государственный Совѣтъ, согласно съ общимъ заключеніемъ министра юстиціи и главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ, призналъ ненужнымъ входить въ дальнѣйшее по оному сужденію. *Объ исчисленіи давности при переходѣ правъ собственности отъ одного лица къ другому, и объ особенностяхъ когда сіе послѣднее будетъ малолѣтнимъ.* По вопросу сему, Государственный Совѣтъ, соглашаясь вполне съ заключеніемъ Сената о порядкѣ зачисленія въ счетъ давности преемнику чинихъ-либо правъ времени, протекшаго для его предшественника, находилъ, что на время малолѣтства, когда владѣлецъ не имѣетъ еще собственной воли въ распоряженіи иманіемъ, теченіе давности весьма справедливо приостанавливается; но начинать потомъ исчисленіе оной вновь, какъ бы прежней совсѣмъ не существовало, значитъ присвоить малолѣтнему болѣе правъ, нежели имѣлъ его предшественникъ. Изъ сего правила въ пользу малолѣтнихъ возникаетъ очевидная несправедливость для всѣхъ другихъ тяжущихся сторонъ, ибо такимъ образомъ для утвержденія правъ противной малолѣтнимъ стороны, иногда иногда добросовѣстныхъ, можетъ потребоваться вмѣсто одного десятилѣтія 30, 40 и болѣе лѣтъ, въ томъ случаѣ, когда право на искъ будетъ переходить отъ одного малолѣтняго къ другому. Въ семъ уваженіи, какъ для обезпеченія добросовѣстныхъ владѣльцевъ, такъ и для самаго единаго вообразія въ законахъ о малолѣтствѣ, Государственный Совѣтъ, согласно предположенію Сената, призналъ вполне справедливымъ и достаточнымъ ограничить давность для начатія исковъ по достиженіи совершеннолѣтія двумя годами, которые уже предоставлены, какъ и Сенатъ имѣлъ, для возобновленія апелляціи (Св. Зак. Гражд. ст. 277 и 2511 п. 1) и согласно съ тѣмъ постановить: 1) Наслѣднику или преемнику

Фрэнкъ потчанинъ, наследникаго и принадлежащихъ ему имуществомъ еще десять лѣтъ, должно оставаться столько времени для начатія искуса, сколько оставалось въ день смерти его предшественника, или въ день перехода къ нему правъ на имущество (въ доп. ст. 479 и 2232 Св. Зак. Гражд.). 2) Если наследникъ или преемникъ права на имущество будетъ малолѣтний, то на все время малолѣтства его теченія давности приостанавливается. Съ достиженіемъ же совершеннолѣтія, ему предоставляется по вышесказанному только остальное отъ его предшественника время; но буде оно оставитъ менѣе двухъ лѣтъ, то ему предоставляются полныя два года (въ примѣн. ст. 218, 917 и 2232-й Св. Зак. Гражд.). *Примѣчаніе 1.* Лицамъ, достигшимъ совершеннолѣтія прежде изданія настоящаго установленія, назначается также для начатія и возобновленія искова двухъ-лѣтній срокъ, если со времени ихъ совершеннолѣтія до обнародованія сихъ правилъ прошло не болѣе восьми лѣтъ; въ противномъ случаѣ они называются симъ правомъ на основаніи постановленій ст. 2232 Св. Зак., т. е. до истеченія только десяти-лѣтней давности со дня достиженія ими совершеннолѣтія. *Примѣчаніе 2.* Все вышесказанное правило о начисленіи давности для малолѣтнихъ распространяются и на Область Бессарабскую. *О давности по дѣламъ умалишенныхъ и глухонемыхъ.* Все сказанное выше сего о неудобствахъ малолѣтнаго отдаленія срока давности по малолѣтству, едва-ли не съ болѣею еще основательностію можетъ быть примѣнено къ умалишеннымъ и глухонемымъ. Прямая по сему справедливѣе сравнить въ семъ отношеніи малолѣтнихъ и глухонемыхъ съ малолѣтними и имѣя въ виду, что по силѣ закона (ст. 346 и 351 Св. Зак. Гражд.) опекунами къ нимъ предоставляется преимущественно ихъ наследники, которымъ ни въ какомъ случаѣ нельзя предоставить пользоваться особыми правами на имущество, Государственный Советъ предложилъ постановить следующее: 1) Умаленные и глухонемые, лишенные вовсе способности выражать свою волю, сравниваются въ отношеніи давности съ малолѣтними, въ томъ, что срокъ давности считается для нихъ со дня, когда на нихъ воздѣлано вѣдѣніе; на основаніи 348 и 351 ст. Св. Зак. Гражд. будутъ признаны вѣдѣными и способными свободно изъявлять свои волю и изъявлять свою волю и по опредѣленію Правительствующаго Совета будутъ введены въ управленіе и распоряженіе своими имѣніями (въ доп. ст. 348, 351 и 2232-й Св. Зак. Гражд.). 2) По закону умаленныхъ и глухонемыхъ, наследники ихъ, если они или при нихъ опекунами или попечителями, не могутъ пользоваться никакимъ особымъ срокомъ давности, и право на начатіе искова въ теченіи двухъ лѣтъ отъ сего времени къ нимъ не примѣняется (въ доп. ст. 348, 351 и 2232 Св. Зак. Гражд.). *О давности по завладѣнію казенными землями и людьми.* Государственный Советъ, согласно съ мнѣніемъ юстиціи положилъ: въ дополненіе 478 ст. Св. Зак. Гражд. постановить: какъ одно пользованіе не составляетъ основанія къ пріобрѣтенности, то государственные крестьяне, городскія общества и дворяне установленія, равно всѣ тѣ, которымъ даны казенныя земли

въ пользованіе на известныхъ условіяхъ, или для известнаго употребленія, не могутъ приобрести въ свою собственность, по праву давности, казенныхъ земель, состоящихъ въ ихъ пользованіи, какъ бы долго то пользованіе имъ простиралось: ибо для силы давности надобно владѣть на правѣ собственности, а не на иномъ основаніи». *О силѣ и дѣйстви давности въ-отношеніи межесельскъ актовъ.* Въ-отношеніи дѣйствія давности по спорамъ между цѣлыми обмежеванными дачами, Государственный Советъ призналъ, что при существующемъ различіи между спорами межевыми и гражданскими, если съ одной стороны не должны быть производимы межевымъ порядкомъ дѣла о правахъ владѣнія на дачу или о правѣ собственности на участокъ, поступившій къ владельцу по законному переиръшенію или по наследственному праву, то съ другой вся дѣла о завладѣніи чрезъ межу при существованіи или по изглаженіи оной подлежатъ разбору межевымъ порядкомъ, при которомъ межевыя книги составляютъ преимущественное доказательство; въ семъ смыслѣ общано правительствомъ, что утвержденныя при генеральномъ межеваніи границы и основанныя на утвержденіи оныхъ права останутся навсегда неприкосновенными. Въ случаѣ спора о правѣ собственности, крѣпости, доказывающія оное, должны безъ всякаго сомнѣнія имѣть преимущество передъ планами и межевыми книгами; но если сими послѣдними утверждается непоколебимость границъ, то можно ли это относить токмо ко времени генеральнаго межеванія? Въ такомъ случаѣ землеустроитель, возобновивъ старую межу безъ всякой измѣнѣнн обѣихъ сторонъ пользы, введетъ новую по мѣрѣ завладѣнія, и тогда всякое завладѣніе повлечетъ за собою пересеченіе плановъ, всегда затруднительное и почти невозможное до внутренняго размежеванія дачъ общаго владѣнія. Подобное постановленіе совершенно бы противорѣчило межевой инструкціи (гл. XXXIII п. 2-го), а также и указу 1823 г. Апрѣля 12 (29421), которымъ подтверждено, что въ разборъ споровъ о границахъ должно руководствоваться только полевыми генеральнымъ межеваніемъ границами и выданными отъ межевыхъ правительствъ планами и межевыми книгами; а если кто жаловаться будетъ, что соседственныхъ особо обмежеванныхъ дачъ владельцы перешедъ за межу, утвержденную между ними по генеральному межеванію, сдѣлали вновь завладѣніе, то руководствоваться существующими на то особыми правилами, не нарушая отнюдь междъ, утвержденныя генеральнымъ межеваніемъ и межевыми правительствами. Особые правила, о коихъ упомянуто въ семъ указѣ, относятся до разбора споровъ между владельцами общей дачи, порядокъ разрѣшенія коихъ объясненъ въ межевой инструкціи. Въ сихъ правилахъ, е соблюденіи коихъ сдѣлано повсемѣстное подтвержденіе, предписано руководствоваться впередъ до спеціальнаго межеванія пясцовыми книгами и прежними планами; но относительно споровъ о завладѣніи между соседственными дачами постановлено имено, что они разрѣшаются не гражданскимъ, а межевымъ порядкомъ, на основаніи межевыхъ актовъ, а не другими какими крѣпостями. Объясненіе сіе совершенно согласно и съ основаніемъ принятымъ въ Высочайше утвержденномъ 8-го апрѣля 1843 года мѣ-

ни Государственнаго Совета по дѣлу Протопопова. Въ мнѣніи семъ сказано, что не только разумъ, но и самыя слова законовъ (ст. 579 и 580 Св. Мѣж. Зак. изд. 1832 и ст. 715 и 716 изд. 1842 года) ясно опредѣляютъ, что тѣмбы о цѣлыхъ дачахъ, хотя бы онѣ и были обмежеваны, или о земляхъ необойденныхъ генеральною межею, подлежатъ воля дѣйствию давности; но споры о поземельныхъ захватахъ въ чертахъ генеральнаго межеванія разрѣшаются единственно планами и межевыми книгами, безъ всякихъ обысковъ о древнемъ владѣніи, бывшемъ до утвержденія межей. Иначе сіе и быть не можетъ: вбо допустить возможность нарушенія границъ генеральнаго межеванія давностію завладѣнія, значило бы повергнуть поземельную собственность къ первобытвоему неустройству, существовавшему до межевой инструкціи, когда пограничные споры разбирались не столько судебнымъ производствомъ, какъ драками на межахъ и другими насиліями. Тогда ни кавыя въ крепостяхъ урочища, ни описанія смежности, ни вѣзъстная мѣра, ни самыя крепости не будутъ уже имѣть своей силы; нужно одно лишь засвидѣтельствованіе о старинномъ владѣніи стороннихъ людей, конкъ иногда не трудно преклонить и къ показаніямъ несправедливымъ. Напротивъ, единственно чрезъ соблюденіе кореннаго основанія поземельной собственности, т. е. чрезъ признаніе границъ генеральнаго межеванія непоколебимыми, могутъ быть предотвращены захваты и неминуемое ихъ послѣдствіе — межевыя разбирательства. При существованіи общаго и чрезполоснаго владѣнія и порепродажа изъ рукъ въ руки правъ на участки, окончательно невымежеванные, подчиненіе права, основаннаго на генеральномъ межеваніи, праву давности, повело бы къ уничтоженію послѣднихъ признаковъ бесспорнаго владѣнія. Отступить отъ сихъ началъ, столь ясно вложенныхъ въ мнѣніи Государственнаго Совета по дѣлу Протопопова, невозможно было бы безъ пересмотра вновь и означеннаго дѣла, разрѣшеннаго окончательно Высочайшею властію. Въ слѣдствіе сего Государственный Советъ положилъ, въ дополненіе 478-й ст. Св. Зак. Гражд., постановить: 1) межи генеральнаго межеванія не могутъ быть уничтожены давностію владѣнія; 2) равнымъ образомъ не могутъ быть разрушены давностію и права, соединенныя съ постановленіемъ сихъ межъ; права, заключающіяся въ томъ именно, чтобы они опредѣляли пространство владѣній и остались навсегда бесспорными, и 3) всякіе споры о границахъ владѣнія въ дачахъ генерально обмежеванныхъ, должны разрѣшаться, въ отношеніи окружности дачи, межевыми законами. *О дѣлѣи общаго срока давности по дѣламъ, возникшимъ въ Бессарабской-Области до введенія туда сего срока.* Согласно заключенію главноуправляющаго II-мъ Отдѣленіемъ, принятому и министромъ юстиціи, Государственный Советъ, въ разрѣшеніе сего вопроса, положилъ къ ст. 2232 Св. Зак. Гражд. составить особое примѣчаніе въ слѣдующемъ видѣ: Въ Бессарабской-Области срокъ десятилѣтній для земской давности введенъ указомъ 28 мая 1823 г. (29486). Посему въ дѣлахъ по искамъ, предъявленнымъ въ надлѣжащемъ законами установленномъ порядкѣ, прежде раскубликованія сего указа, давность исчисляется сообразно съ существовавшими о семъ

дотель въ сѣмъ край постановлѣніями, по всѣмъ же представляющимъ послѣ обнародованія означеннаго указа искамъ принимается въ основаніе общій о давности законъ. *О давности по деламъ, оставшимся безъ производства съ судебныхъ мѣстахъ.* Принимая въ соображеніе съ одной стороны, что настоящій вопросъ, какъ и Сенатомъ замечено, поно разрешается существующимъ закономъ (ст. 2232 Св. Зак. Гражд.), въ которомъ сказано: кто, производя искъ, десять лѣтъ не будетъ имѣть по оному хожденія, таковой искъ да уничтожится и дело да предается вѣчному забвенію, а съ другой, что къ уменьшенію сего срока, действующаго безъ всякаго изъятія и досея весьма единообразно понимаемаго, не представляется, по-крайней-мѣрѣ до пересмотра гражданскаго судопроизводства, достаточныхъ причинъ, Государственный Советъ положилъ: признать сей вопросъ не требующимъ новаго особеннаго разрѣшенія. *О давности для рѣшеній судебныхъ мѣстъ.* Сообразно съ сужденіемъ по предшествовавшему вопросу, Государственный Советъ нашелъ, что исполненіе судебныхъ рѣшеній должно такъ же подходить подъ давность, какъ и самое судопроизводство. Судебный приговоръ есть лишь признаніе или подтвержденіе какого либо права, а потому и дѣйствіе оного, ни въ чемъ неслабѣе оу дѣйствіи всякаго иного основанія права, должно быть подчинено тѣмъ же ограниченіямъ. А какъ договоры, купчи крѣпости и всякіе акты, отъ дѣйствія давности неизъятые, бывъ оставлены въ безгласности болѣе десяти лѣтъ, теряютъ свою силу, то нѣтъ достаточной причины освобождать отъ дѣйствія давности и судебные приговоры при молчаніи о томъ законѣ; но правило о твердости и неизмѣнности судебныхъ рѣшеній не совмѣстимо пока не прошелъ въ безгласности опредѣленный срокъ, по какъ споре оны минулъ, то вступаютъ въ силу законъ о давности. Обращаясь отъ сихъ общихъ разсужденій въ особенности къ ст. 2232 Св. Зак. Гражд., по которой дела, рѣшенныя именными указами, изъяты отъ давности, Государственный Советъ принялъ во вниманіе, что при сужденіи о томъ въ Общественномъ Собраніи Сената, большинство сенаторовъ находило, что при существующемъ нынѣ образѣ наблюденія за исполненіемъ Высочайшихъ указовъ и повелѣній, рьятельно не можетъ поглядывать, чтобы какое либо Высочайшее повелѣніе осталось въ безгласности болѣе десяти лѣтъ, но еслибы это и случилась, то привержуцагося должно признать уничтоженнымъ оубо давности. Сообразно съ тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія, что всѣ судебныя рѣшенія, иже и въ низшихъ инстанціяхъ, постановляются отъ Высочайшаго имени. Не чтобы, съ исключеніемъ изъ Св. ст. 2239-й Зак. Гражд., не ослабить обязанности по исполненію судебныхъ рѣшеній истолково ка именнымъ указамъ, но вообще по судебнымъ рѣшеніямъ, отъ Высочайшаго имени послѣдовавшимъ, Государственный Советъ принималъ неиздѣлимымъ виновныхъ въ томъ подвергать особому выисканію. Вслѣдствіе сего Государственный Советъ предлагалъ, въ замѣнѣ 2239-й ст. Зак. Гражд. постановить: рѣшенія судебныхъ мѣстъ, болѣе десяти лѣтъ необращеннымъ въ исполненіе, если въ теченіи сего времени не

было ни съ чьей стороны ни требованія, ни просьбы о приведеніи ихъ въ дѣйствіе, или хотя и обращенія къ исполненію, но оставшіяся болѣе десяти лѣтъ, со времени полученія указовъ, неисполненными, когда въ-продолженіе сего времени также ни съ чьей стороны о приведеніи ихъ въ дѣйствіе ни требованія, ни просьбы не было, вѣруютъ свою силу по общимъ правиламъ о давности; но виновные въ вышнихъ причинно того унуженіяхъ или злоупотребленіяхъ члены или секретари судебныхъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ, подвержены наказаніямъ по законамъ уголовнымъ. *О давности для признанія имѣнія выморочнымъ.* Согласно замѣчанію министра юстиціи и заключенію главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, Государственный Советъ, въ поясненіе ст. 979 и 981 Св. Зак. Гражд., положилъ: 1) ст. 79 изложить въ слѣдующемъ видѣ: когда послѣ умершаго владѣльца о останется вовсе наследниковъ, или хотя и останутся, но никто изъ нихъ не явится въ теченіе десяти лѣтъ со времени послѣдняго припечатанія въ вѣдомостяхъ вызова о явкѣ для полученія наследства, или е изъ явившихся въ сей срокъ никто не докажетъ своего права, тогда имущество признается *выморочнымъ*. 2) Къ ст. 981 сдѣлать слѣдующее поясненіе: въ случаѣ неявки наследниковъ въ полугодовый срокъ, имѣніе поступаетъ въ опекунскае управленіе. Предварительная пѣтра для сохраненія имущества, которое хотя не есть выморочное, но можетъ быть въ-послѣдствіи признано таковымъ, не препятствуетъ однакоже возвращенію имѣнія наследникамъ, буде они предъявятъ права свои до истеченія установленнаго срока. *О давности въ отношеніи къ имуществу, находящемуся въ управленіи одного изъ соучастниковъ.* Въ разрѣшеніе вопроса сего Государственный Советъ, соглашался съ заключеніемъ Общаго Собранія Сената и сдѣланными къ тому министромъ юстиціи и главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ дознаніями, положилъ, въ поясненіе ст. 1025—1028-й Св. Зак. Гражд., установить слѣдующія правила: 1) Соучастники въ наследствѣ общаго имѣнія теряютъ права свои тогда только, когда не предъявятъ ихъ въ теченіе десяти лѣтъ со дня учиненнаго публичнаго вызова, буде такой былъ сдѣланъ, считая началомъ срока послѣднее припечатаніе въ вѣдомостяхъ. 2) Владѣніе одного изъ соучастниковъ общимъ ихъ имѣніемъ по заключенной между ними добровольной записи, или иной тѣхъ, или по узаконенной доврѣнности, какъ зависящее отъ актовъ законныхъ, не можетъ быть превращаемо чрезъ давность въ право исключительной или исключительной сего владѣльца собственности. 3) Если соучастникъ, владѣній имѣніемъ, хотя бы то было и безъ надѣющаго уполномочія, показывалъ оное предъ присутственными мѣстами собственностію, обще съ другими ему принадлежащею, или выначивалъ соучастникамъ ежегодно доходы, а въ-послѣдствіи то жь свое имѣніе началъ показывать исключительно своею собственностію, то въ семъ случаѣ давность считается для отсутствующихъ соучастниковъ не со дня публикаціи, а со дня, въ который общее имѣніе показано единственною собственностію владѣющаго, или въ который сдѣлана послѣдняя уплата доходовъ, смотря по тому, что было позднее.

4) Что же касается до споровъ, возникающихъ изъ управленія общими имъненіи, независимо отъ права собственности на оное, то споры сіи, какъ и вся вообще гражданскіе искъ, подлежатъ дѣйствию общей давности. При сужденіи о различныхъ случаяхъ примѣненія вышеизложенныхъ правилъ, возникъ еще одинъ вопросъ: какъ считать давность въ такомъ случаѣ, если вызова наследниковъ вовсе не было сдѣлано? Принимая въ уваженіе съ одной стороны, что при существованіи въ законѣ определенныхъ именно мѣръ (ст. 1008, 1009 и 1024 Св. Зак. Гражд.) для обезпеченія правъ отсутствующихъ наследниковъ, а съ другой, что подробное разсмотрѣніе сего вопроса потребовало бы соображенія, а можетъ-быть и измѣненія дѣйствующихъ нынѣ постановленій объ открытіи и принатіи наследства, Государственный Совѣтъ призналъ удобнѣйшимъ сей послѣдній вопросъ отложить до пересмотра законовъ гражданскихъ. *О давности по обязательствамъ, даннымъ Русскими иностранцамъ во время пребыванія ихъ за границею.* Принимая заключеніе министра юстиціи и сдѣланное къ нему дополненіе главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ, Государственный Совѣтъ положилъ въ поясненіе ст. 3049 Св. Зак. Гражд. постановить слѣдующее: 1) Русскіе подданные, заключающіе обязательства и договоры въ какомъ-либо иностранномъ государствѣ, на основаніи узаконеній того края, не могутъ и по возвращеніи въ Россію уклоняться отъ исполненія оныхъ, подъ предлогомъ истеченія срока земской давности, если сіи обязательства и по минованіи сего срока сохраняютъ свою силу по законамъ того государства, въ которомъ они составлены. 2) Для устраненія затрудненій, могущихъ возникнуть въ судебныхъ мѣстахъ отъ незнанія постановленій иностранныхъ, для этого рода рѣшаются иначе, какъ съ утвержденія Сената. *О давности по срочнымъ обязательствамъ и договорамъ.* Соглашаясь вполне съ заключеніемъ по сему вопросу министра юстиціи и главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, Государственный Совѣтъ принялъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ соображеніе необходимость отвратить со стороны лицъ, имѣющихъ въ своихъ рукахъ выданныя имъ обязательства, возможность, посредствомъ надписей на нихъ заднимъ числомъ о полученныхъ ими будто-бы уплатахъ, прикрывать потерю права своего чрезъ десятилѣтнее промолчаніе. Въ слѣдствіе сего, Государственный Совѣтъ положилъ, въ поясненіе ст. 1301 и 2235 Св. Зак. Гражд. постановить: въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ уплачиваетъ часть долга, а контрагентъ выполняетъ часть принятой на себя обязанности и послѣ назначенныхъ сроковъ, подтверждая тѣмъ дѣйствительность выданныхъ обязательствъ, началомъ давности считается первый день послѣ того, въ который сдѣлана позднѣйшая уплата, или выполненіе обязанности произведены действительно до истеченія давности. *О давности въ-отношеніи имънной, заложенныхъ въ кредитныя установленія.* По вопросу сему Государственный Совѣтъ положилъ, въ поясненіе существующихъ правилъ, постановить: переходъ имънія, заложеннаго въ кредитномъ установленіи, отъ одного владѣльца къ другому въ слѣдствіе давности, не ослабляетъ правъ кредитнаго установленія, которое, въ случаѣ неплатежа долга, или просрочки, обращается

въ заложеному мнѣнію, въ чьемъ бы владѣніи оно ни находилось; но какое право кредитнаго установленія не можетъ служить должнику къ установленію собственнаго его права, если бы оно было утрачено съ той стороны пропусченіемъ давности въ отношеніи къ постороннему лицу. *О давности по неисполненнымъ купчимъ.* Согласно основанію, въ мнѣніи министра юстиціи принятому, Государственный Совѣтъ призналъ, что вопросъ этотъ ясно разрѣшается существующими законами (ст. 2232 в. Зак. Гражд.), а потому и не требуетъ особаго постановленія. *О примѣненіи давности къ 10-ти лѣтнему владѣнію, которое продолжается непрерывно.* Признавая, что пропусченіемъ срока давности должно быть почтваемо лишь промолчаніе вотчинника о правѣ своемъ въ теченіи 10 лѣтъ сряду, когда имущество во все то время не состояло въ его владѣніи, Государственный Совѣтъ нашелъ, что вопросъ этотъ не требуетъ особаго разрѣшенія. *О давности по искамъ о бывлыхъ.* Находя, согласно съ министромъ юстиціи, что вопросъ этотъ вполне разрѣшается статьею 956 Св. Зак. о Сост., Государственный Совѣтъ призналъ двакже не излишнимъ сообразно тому сдѣлать дополненіе къ ст. 478 в. Зак. Гражд., сказавъ въ немъ, что дѣйствіе 10-ти лѣтней давности не распространяется на отысканіе бывлыхъ людей, буде только о посылкѣ ихъ поданы были въ узаконенное время явочныя прошенія. *О давности на представленіе къ зачету рекрутскихъ квитанцій.* Вопросъ этотъ уже разрѣшенъ ст. 442 Св. Рекр. Уст., въ которой сказано: на представленіе квитанцій къ зачету никакой давности не полагается. *О давности по дѣламъ о недвижимомъ имѣніи для находящихся за границею по службѣ.* Согласно съ общимъ заключеніемъ министра юстиціи и главноуправляющаго II Отдѣленіемъ, Государственный Совѣтъ оложилъ къ ст. 2240 Св. Зак. Гражд. присовокупить примѣчаніе слѣдующаго содержанія: постановленное въ сей статьѣ правило о лицахъ, находящихся въ заграничныхъ походахъ, распространяется равнымъ образомъ какъ на военнотружущихъ, такъ и на тѣхъ гражданскихъ чиновниковъ, которые участвуютъ въ походѣ, или же во время онаго аходятся въ особенныхъ временныхъ, по военнымъ обстоятельствамъ, командировкахъ, если по случаю похода постановлена и объявлена отсрочка сего рода (ст. 2139). Въ заключеніе Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: по отдѣльнымъ вопросамъ сообщать къ исполненію вышесказанныя дополненія, поясненія и измѣненія подлежащихъ статей Св. Законовъ. На ономъ мнѣніи написано: «Его Императорское Величество воспользовавшееся мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта по дѣлу о силѣ и дѣйствіи земской давности Высочайше утвердить соизволивъ и повелѣвъ исполнять.» 23 апрѣля 1845 года.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ІЮЛЬ 1845 ГОДА.

Народное преслѣденіе. — Въ слѣдствіе представленія министра народнаго просвѣщенія, Государь Императоръ, по пожеланію Кавказскаго Министра, Высочайше соизволилъ на приведеніе въ дѣйствіе постановленія профессорскъ и чиновниковъ Казанскаго Университета о составленіи на ихъ счетъ капитала въ четыре тысячи рублей, для учрежденія въ этомъ университетѣ одной стипендіи подъ названіемъ *Мусима-Пушкина*, на основаніи составленнаго ими 21-го апрѣля 1845 года на сей предметъ акта. Содержаніе этого акта слѣдующее: мы, подписавшіеся профессора и прочіе чиновники Императорскаго Казанскаго Университета; по чувству благодарности къ бывшему своему начальнику, почетному Казанскаго Учебнаго Округа, а нынѣ почетному Санктпетербургскаго Учебнаго Округа, тайному совѣтнику Мусиму-Пушкину, желая волеизъявленіемъ учрежденіемъ сохранить навсегда память въ университетѣ, какъ главному воспитательному заведенію всего учебнаго округа, по собственному добровольному на то вызову въ общемъ нашемъ собраніи постановили: 1) составить капиталъ въ 4,000 руб., удаливъ для того при каждой намъ выдачѣ пятидесятую часть изъ всего полученнаго нами отъ университета жалованья и продолжая такою вычетъ отъ каждаго лица, состоявшаго на службѣ въ университетѣ по 21 апрѣля 1845 года, пока въ этой службѣ остается и пока вся основанная сумма пополнится; 2) это постановленіе почитается обязательнымъ для тѣхъ только, какъ оно подписано; но для составленія всей суммы 4,000 руб. принимаются неограниченно всякаго рода пожертвованій, какъ университетскихъ, такъ и чиновниковъ всего Казанскаго Учебнаго Округа, состоявшихъ на службѣ по 21 апрѣля 1845 г. въ продолженіи времени, когда Мусимъ-Пушкинъ въ званіи почетнаго управлялъ учебнымъ округомъ; 3) вся собираемая такимъ образомъ сумма, пока пополнится, должна храниться въ университетскомъ казначействѣ, записываться въ особую статью и быть поворяема наравнѣ съ прочими университетскими деньгами; 4) сумма, дошедъ до 4,000 руб. или случайно нѣсколько больше, должна быть отослана немедленно въ одно изъ государственныхъ кредитныхъ установленій, гдѣ и оста-

ваться на всегдашнюю неприкосновенную подъ названіемъ *Мусина-Пушкина казначей*; 5) проценты со всей суммы будутъ высылаться въ университетъ не 1-е января каждаго года и присоединяться къ суммѣ на содержаніе казенныхъ воспитанниковъ въ Казанскомъ Университетѣ; 6) на счетъ присоединенной процентной суммы предполагается содержать въ университетѣ одного студента подъ названіемъ пансіонера *Мусина-Пушкина*, который воспитанникъ, не принадлежа къ числу казенныхъ, пользуется всѣмъ правомъ свободы при выборѣ для себя государственной службы съ окончаніемъ ученія, или по какому-либо причинамъ выбывъ изъ университета до окончанія полного курса наукъ; 7) въ пансіонеры Мусина-Пушкина могутъ быть только принимаемы изъ дѣтей чиновниковъ въ Казанскомъ Учебномъ Округѣ; 8) испытательные комитеты, учреждаемые для пріема въ студенты, удостоверяютъ и къ принятію пансіонеромъ Мусина-Пушкина того изъ молодыхъ людей, кто признанъ будетъ отличнымъ предъ всѣмъ по своимъ познаніямъ на испытаніи; 9) для того испытательные комитеты предъ закрытіемъ ихъ, по окончаніи всѣхъ испытаній, соединившись подъ предводительствомъ ректора, приступаютъ къ выбору пансіонера, если мѣсто для него свободно. Выборъ дѣлается письменно съ назначеніемъ не болѣе пяти кандидатовъ отъ каждаго члена въ комитетъ и рѣшается большинствомъ голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, выборъ дѣлается по жребію; 10) управляющему Казанскимъ Учебнымъ Округомъ, ректору университета Лобачевскому, предоставляемъ распоряженіе приступить къ сбору означенной суммы и хранить деньги тѣмъ порядкомъ, какъ здѣсь сказано; 11) ему же, управляющему округомъ, предоставляемъ о такомъ нашемъ постановленіи товѣсти до свѣдѣнія г. министра народнаго просвѣщенія и испросить утвержденіе, и 12) такое наше предположеніе сдѣлать извѣстнымъ по всему Казанскому Учебному Округу. Подлинное подписали: пятьдесятъ профессоровъ и прочихъ чиновниковъ Казанскаго Университета.

— Высочайше повелѣно: Московскую Медико-Хирургическую Академію, въ замѣнъ которой будетъ распространенъ медицинскій факультетъ Московскаго Университета, закрыть съ 1-го августа сего 1845 года.

Промышленность. — Выдавы привилегій: 1) фортепьянному мастеру Гейбому на изобрѣтенный имъ инструментъ роллетъ, который, по благосенію его, не уступаетъ лучшимъ роллямъ, меньше онаго вдвое, легче фортепьянъ, и 2) арендатору Іогану Вильгельму Якоби на введеніе въ Россію новозобрѣтеннаго въ Германіи и усовершенствованнаго имъ снаряда для винокуренія. Преимущества сего снаряда, по объясненію Якоби, заключаются въ томъ, что онъ прочнее и дешевле употребляемыхъ до сего времени въ Россіи паровыхъ снарядовъ съ рѣвлянными бражными и перегонными кубами; сберегаетъ половину топлива, доставляетъ произведенія, освобожденные отъ пригара пара, потому безвредныя; удобно чистится во всѣхъ частяхъ; безъ труда стававливается во всякой винокурнѣ; посредствомъ его можно выкупать по желанію болѣе или менѣе, сперва чистаго спирта, потомъ

нолугара или пьиника. Посредствомъ сего снаряда можно добывать возможное количество вина, и какъ онъ весь дѣлается изъ мади, то и устраняется малѣйшая потеря уходомъ винныхъ паровъ черезъ сѣчкины дерева, которая при обыкновенныхъ снарядахъ, какъ доказано опытомъ, немаловажна, и какъ при пастоящемъ аппарате совершенно устраняется утечка, то и выигрывается много времени. Особенно примечателенъ при этомъ устройствѣ согревательный приборъ, который соответствуетъ двоякой цѣли, ибо посредствомъ его брага согревается безъ особаго топлива до 65 и 70 градусовъ по реомюру, и въ то же время очищаются проходящія изъ чана винные пары.

ВВОЗЪРНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АВГУСТЪ 1845 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СЪСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— Высочайше повелѣно: де окончательнаго разрѣшенія общихъ предположеній по устройству торговли, таможенъ и карантинныхъ на восточномъ берегу Чернаго-Моря, сдѣлать, въ видѣ временной мѣры, слѣдующія распоряженія: 1) открыть въ Новороссійскѣ, на сѣверовосточномъ берегу Чернаго-Моря, портъ, для пріема приходящихъ изъ-за границы судовъ россійскихъ и иностранныхъ, на томъ же основаніи, какъ оныя допускаются въ Сухум-Кальскій портъ, учредить въ Новороссійскѣ таможенную заставу, по вѣдѣнію для Сухум-Кальской Таможенной Заставы становленному, съ отнесеніемъ по оному 2,325 руб. для новороссійской заставы на счетъ государственнаго казначейства; 2) дозволить привозить въ новороссійскій портъ та же самыя товары, которые дозволены къ привозу въ Сухум-Кале по 2285 ст. Свода Уст. Тамож. (изд. 342 г.) и по Высочайше утвержденной 29-го ноября 1844 года росписи товаровъ, допускаемыхъ безпошлинно къ таможеннымъ мѣстамъ между рѣками Кубанью и Ингурою; 3) срокъ для очистки пошлиною востранныхъ товаровъ въ Новороссійскѣ назначить мѣсячный, который по упомянутой 2285 ст. постановленъ для привозимыхъ въ Сухум-Кале товаровъ, изменить новороссійской заставѣ въ обязанность руководствоваться вообще теми же таможенными правилами, какія определены въ Сухум-Кальской заставѣ; 4) ближайшее наблюденіе по таможенной части на пространствѣ береговой линіи отъ Бугазскаго Пролыва до рѣки Ингуры предоставлять начальнику этой линіи, съ правами, какими по упомянутой части въ закавказскомъ крайъ пользуется управляющій ономъ съ совѣта главнаго управленія закавказскаго края, и въ слѣдствіе этого исключить анапскую таможенную въ завѣдываніи керчь-снискольскаго градоначальника, а Сухум-Кальскую таможенную заставу изъ вѣдомства управляющаго таможенной частью закавказскаго края, и 5) начальнику I-го отдѣленія береговой линіи предоставлять по таможенной части оной между Бугазскимъ-Пролывомъ и рѣкою Ингурою права, равныя предѣленнымъ для помощника управляющаго закавказскимъ таможенными округомъ (Высоч. повел. 22-го іюня).

— Изданы первыя двѣ части Свода Мѣстныхъ Узаконеній Губерній степенскихъ, и при семъ Высочайше повелѣно: 1) что эти первыя части должны воспріять полную силу и дѣйствіе закона съ 1-го января 1846 года; 2) что съ этого времени статьи оныя должны быть приложены и применяемы къ дѣламъ всѣхъ правительственныхъ и судебныхъ.

ныхъ мѣстъ, на томъ же основаніи, какъ дѣлаются подобныя узаконенія на статьи общаго Свода Законовъ Имперіи; 3) что по прочтѣ частямъ мѣстныхъ узаконеній, т. е., по законамъ гражданскимъ и по судопроизводству гражданскому и уголовному, впредь до обнародованія олдующихъ частей этого Свода, правительственныя и судебныя мѣста и частныя лица имѣютъ, продолжая руководствоваться дѣйствующими постановленіями, ссылаться въ производствѣ дѣлъ, какъ доселѣ, на олдальныя положенія, указы и другія узаконенія; 4) по этому же правду они обязаны слѣдовать и въ дѣлахъ, касающихся крестьянъ губерній остзейскихъ, и 5) что въ-отношеніи къ этому Своду Мѣстныхъ Узаконеній Губерній Остзейскихъ, которыя, такъ же какъ и общій Сводомъ Законовъ Имперіи, не изменяются ни въ чемъ сила и дѣйствіе существующихъ постановленій и оныя только приводятся въ единообразіе и систему, порядокъ, установленный на случай неясности самаго закона въ существѣ его, или же недостатка или непомоготы въ его изложеніи, для поясненія и дополненія законовъ остается тотъ же, какой существовалъ донынѣ.

— Обнародованы Высочайше утвержденныя въ первый день декабря 1844 года особыя правила объ оспориываніи въ войскахъ отдѣльнаго еренбургскаго корпуса.

— Обнародованы Высочайше утвержденныя въ 20-й день іюля правила о порядкѣ специальныхъ испытаній для производства въ первый классный чинъ по ведомству Министерства Финансовъ и Штаба Корпуса Горныхъ Инженеровъ.

— Въ 16-й день іюля Высочайше утверждено положеніе о законныхъ наследственныхъ иманіяхъ. Оно содержитъ въ себя пять отдѣленій: 1) о учрежденіи заповѣдныхъ наследственныхъ иманій; 2) о порядкѣ наследованія заповѣдныхъ иманій; 3) о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ заповѣдныхъ иманій; 4) о правахъ семейства и родственниковъ владѣльца заповѣднаго иманія, и 5) о порядкѣ уплаты долговъ, заповѣднымъ иманіемъ обозначенныхъ. Представляемъ здѣсь извлеченіе изъ этого положенія по первому отдѣленію. Заповѣдныя, по особому порядку переходящія, иманія учреждаются или по Высочайшимъ повелѣніямъ при самомъ пожалованіи этихъ иманій какому-либо лицу или потомству его, или по волѣ и распоряженію владѣльца, но также не иначе, какъ въ-слѣдствіе особаго Высочайшаго на то разрѣшенія и утвержденія. Сила настоящаго положенія не распространяется на учреждаемыя въ остзейскихъ губерніяхъ, по особому въ этомъ существующему порядку, майоратныя иманія. Одно и то же лицо можетъ, съ Высочайшаго разрѣшенія, учредить и нѣсколько отдѣльныхъ заповѣдныхъ иманій, съ точнымъ показаніемъ своихъ дѣтей, внуковъ, правнуковъ или иныхъ лицъ своего рода, которымъ оно предназначаетъ въ наследство каждое изъ этихъ заповѣдныхъ иманій, и по какому-либо и прочему, сообразному съ правилами, въ семъ положеніи установленными, порядку наследованія. Нѣсколько лицъ могутъ также, съ Высочайшаго соизволенія, по общему между собою согласію, изъ всѣхъ или части иманій своихъ составить одно заповѣдное иманіе, назначить по

владникомъ оного лица, въ нѣкъ роду принадлежащее. Во всякомъ случаѣ лица, имѣющія законныхъ дѣтей или другихъ нисходящихъ отъ нихъ по прямой линіи потомковъ, могутъ наследниками учреждаемыхъ имъ заповѣдныхъ имѣній назначать своихъ лишь законныхъ дѣтей и нисходящее отъ нихъ по прямой линіи потомство, съ соблюденіемъ между ними старшинства по праву первородства и представленія и съ предпочтеніемъ въ одинакихъ степеняхъ мужскаго коляна женскому. Имѣющіе ни законныхъ дѣтей, ни потомства, отъ нихъ по прямой линіи нисходящаго, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, могутъ наследниками учреждаемыхъ имъ заповѣдныхъ имѣній назначать своихъ либо или менѣе близкихъ родственниковъ боковой линіи, если эти родственники принадлежатъ къ російскому потомственному дворянству. При обращеніи имѣній въ заповѣдныя, наблюдается, чтобъ оныя въ общемъ составъ своемъ заключали въ себѣ не менѣе четырехъ-сотъ и не болѣе четырехъ-тысячъ крестьянскихъ дворовъ, полагая отъ четырехъ до пяти ревизскихъ душъ на каждый дворъ, или не менѣе десяти тысячъ и не болѣе ста тысячъ десятинъ земли удобной, хотя и не населенной; или же, чтобъ по достовѣрнымъ свидѣніямъ, за свидѣтельство мѣстнаго губернскаго начальства, губернскаго предводителя и соседственнаго дворянства, оныя также въ общемъ ихъ составъ приносили, по десятилетней сложности, средняго въ годъ дохода не менѣе двѣнадцати и не болѣе двухъ-сотъ тысячъ рублей серебромъ. Впрочемъ дозволяется учреждать заповѣдныя имѣнія и въ большемъ противъ предлагаемаго этою статьею размѣрѣ, когда въ нихъ находятся заводы, фабрики или швейя заведенія промышленности, которыя безъ вреда и застрѣйства не могутъ быть раздѣлены. Учредителю предоставляется а волю означитъ размѣръ учреждаемаго имъ заповѣднаго имѣнія: числомъ душъ, или дворовъ, или же количествомъ десятинъ земли, или числомъ получаемыхъ съ имѣнія доходовъ. Имѣніе, обращаемое въ заповѣдное, можетъ быть составлено изъ разныхъ отдѣльныхъ вотчинъ, или несмежныхъ между собою участковъ земли населенной, хотя бы и вотчины или участки находились въ разныхъ уѣздахъ, или и въ разныхъ губерніяхъ; но учредителю имѣняется въ обязанность составлять заповѣдныя имѣнія, гдѣ только это возможно, изъ дачъ уже размежеванныхъ особо отъ всѣхъ другихъ владѣній. Учредитель заповѣднаго имѣнія можетъ, въ актѣ установленія оного, означать именно, какия повинности, т. е. ежегоднымъ взносомъ произведеній земли или другихъ издѣлій, или же отпращиваніемъ господскихъ работъ, опредѣленныхъ дѣлами или количествомъ оныхъ, обязаны владѣльцу заповѣднаго имѣнія поселенные въ ономъ крестьяне, а равно и каковыя числомъ десятинъ пахатной земли и другихъ угодій, она, за точное исправленіе оныхъ повинностей, должны быть выдѣлены. Онъ можетъ также постановить особыя правила для увольненія сихъ крестьянъ въ другія селенія, какъ цѣлыми селеніями или обществами и частями селеній, какъ и посемейно и поодиночку, а равно сдѣлать и другія какия-либо, по усмотрѣнію своему, распоряженія, для охраненія благосостоянія заповѣднаго имѣнія и поселенныхъ въ немъ крестьянъ.

— Разрешена выкупка въ обращеніи VI и VII разрядовъ билетовъ государственнаго казначейства на серебряную монету, съ назначеніемъ процентовъ по онымъ съ 1 сентября сего года.

— Обнародовано Высочайше-утвержденное въ 3-й день іюля повеленіе о Санктпетербургскомъ Модедномъ Дворѣ.

— Обнародованы Высочайше-утвержденные въ 22 день іюля статуы орденовъ св. Владимира и св. Анны, и въ слѣдствіе сего Высочайше повелѣно: 1) въ отиану доволеній къ 348 и 623 ст. I т. Свода Зѣл., кн. VI (изд. 1842 года) носить кавалерамъ ордена св. Апостола Андрея Первозваннаго, ордена: св. Александра Невскаго на шею, а Благое Ордн въ петлицу; кавалерамъ ордена св. Александра Невскаго ордена: Благое Ордн на шею, а св. Анны 1-й степени въ петлицу; кавалерамъ ордена Благое Ордн, ордена: св. Анны 1-й степени на шею, а св. Станислава 1-й степени въ петлицу; кавалерамъ ордена св. Анны 1-й степени ордена: св. Станислава 1-й степени на шею и 2) ордену св. Екатерины присвоить церковь во имя св. великомученицы Екатерины, находящуюся при училищѣ сего ордена.

III. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе составу и правъ ихъ).

— Высочайше утверждены проекты Санктпетербургскихъ Палатъ: а) Уголовнаго Суда; б) Гражданскаго Суда и в) Церковнаго Департамента Указнаго Суда.

— Дозволено выдавать приходящимъ въ Архангельскіе и въ уездныя города Архангельской Губерніи для заработка людямъ отсрочи во вкладнымъ паспортамъ, не болѣе, впрочемъ, какъ на 4 мѣсяца и на бумагахъ въ 90 коп. сер., согласно правиламъ, изданнымъ на сей предметъ для городовъ: Астрахани, Херсона, Ростова (Княгини-пославской Губерніи), Бердянска, Николаева, Кронштадта, Таганрога, Оренбурга и Уфы (Выс. пов. 3 іюля).

— Постановлено, что при назначеніи къ производству слѣдствій мѣщанъ со стороны духовческаго или мѣщанскаго общества, преговоры имѣ производятся по распоряженію самихъ такъ обществъ, изъ суммъ добровольныхъ вкладокъ; въ возмещеніе же сего расхода, изъ суммъ съ виновныхъ, соблюдаются тѣ же правила, какія постановлены относительно суммъ, выдаваемыхъ изъ казны чиновникамъ, отрицающимся къ слѣдствіямъ по дѣламъ уголовнымъ. (Высоч. ука. из. Гос. Сед. 4 іюля).

— Разрѣшено определять въ Гродненскую Гражданскую Палату временнаго переводчика немецкаго языка, который зналъ бы также и литовскій, съ жалованьемъ во 250 р. сер. въ годъ.

— Учреждены станицы: 1) въ Пензенской Губерніи по тракту отъ города Саранска къ эмигрантскому городу Печникамъ идти: первая къ Смагину, въ 20 верстахъ отъ Пензы, вторая въ селѣ Ныркинѣ, въ 14 верстахъ отъ Смагина, третья въ селѣ Трескино, въ 21 верста отъ Кутлянской Слободы, четвертая въ Обуховкѣ-Уметѣ, въ 17 верстахъ отъ Трескина и пятая въ Нечевскомъ-Уметѣ, въ 21^{1/2} вер. отъ Саранска и 18 вер. отъ деревни Андреевн Нижегородской Губерніи и 2) въ Вассарѣ-

ской Области, въ села Коржеуцахъ, которыя находятся отъ соседственныхъ съ нею станцій Галицкой въ 14 верстахъ и Дашканской въ 18 верстахъ.

IV. Законы гражданскіе.

— Постановлено, что капиталы, остающіеся послѣ умершихъ лицъ казачьяго званія, обращающихся въ кредитныхъ установленіяхъ, выносятся изъ оныхъ наследникамъ казачьяго же званія по свидѣтельству о правѣ наследства, подписаннымъ приходскимъ священникомъ и двумя членами станничаго управленія и скрепленнымъ станничимъ писаремъ. Подписи ругъ на этихъ свидѣтельствахъ удостоверяются полковымъ управленіемъ, съ приложеніемъ казенной печати (Высоч. утв. и. Гос. Сов. 4 июля).

V. Законы уголовныя.

— Въ поясненіе подлежащихъ узаконеній постановлено, что наказанные по суду и обращенные на мѣсто жительства крѣпостные люди ирешаются отъ помѣщиковъ для переселенія въ Сибирь, хотя бы имъ и болѣе 50 лѣтъ отъ роду, въ такомъ только случаѣ, если помѣщики, которымъ они принадлежатъ, при самомъ объявленіи имъ рѣшенія суда о возвращеніи сихъ людей на мѣсто жительства откажутся отъ ихъ принятія (Выс. утв. и. Гос. Сов. 28 іюня).

— Постановлено: возвратившихся изъ бѣговъ поселенцевъ включать, въ обанкѣ частяхъ Сибири, вновь въ тотъ же окладъ, въ которомъ они состояли до отлучекъ, для платежа съ половины года, въ который они явились на мѣсто жительства, податей и повинностей, безъ льготы и безъ избавленія отъ платежа недоимокъ за прежнее время. Если же недоимки сіи окажутся до взысканію совершенно-безнадежными, то о словесіяхъ ихъ предоставлять министру финансовъ ходить, куда слѣдуетъ, съ особыми представленіями (Высоч. утв. и. Гос. Сов. 11 іюля).

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА АВГУСТЪ 1845 ГОДА.

Наредное прощаніе. — Постановлено, чтобъ изъ отличившихся учениковъ Черноморскаго Войскаго Окружнаго Училища пять человекъ дѣтей дворянъ, а также штаб- и обер-офицеровъ черноморскаго войска, по окончаніи курса въ училищѣ, поступали для дальнѣйшаго образованія въ Харьковскую Губернскую Гимназію, а оттуда, по удостоенію, въ тамошній университетъ.

— Высочайше соизволено на учрежденіе въ Санктпетербургѣ *Платной Гимназіи* для однихъ только приходящихъ учениковъ, открывающагося на сей разъ четырьмя классами.

— Разрѣшено опредѣлить въ Вторую Московскую Гимназію людей сверхштатныхъ учителей новѣйшихъ языковъ.

— Въ Нижневискомъ Уездномъ Училищѣ вѣдено определеніе лавки:

скаго, немецкаго и французскаго языковъ, въ видѣ опыта, на три годъ, въ такомъ объемѣ; какъ эти предметы преподаются въ первыхъ двухъ классахъ гимназій.

— Императорская Академія Наукъ, въ бывшемъ въ 17 день апрѣля чрезвычайномъ собраніи, присудила золотую демидовскую премию въ 5,000 руб. асс. и издержки изданія 1,000 р. асс. семейству умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Адолунга за оставленное имъ въ рукописи «Историко-Критическое Обзоріе всѣхъ Путешествій Иностранцевъ по Россіи, конхъ описанія сдѣланы извѣстными», въ двухъ томахъ, въ листъ. Второстепенныя преміи, въ 2,500 р. асс., присуждены: 1) Еврейскому математикъ изъ Бѣлостока, Слонимскому, за изобрѣтенную имъ арифметическую машину. 2) Флота капитан-лейтенанту Зеленому, за составленное имъ «Краткое Руководство къ Начертательной Геометріи». 3) Хранителю Ботаническаго Музея Императорской Академіи Наукъ, доктору Рупрехту, за представленные имъ въ рукописи три ученые разсужденія, развивающія новый свѣтъ на географическое распрежденіе растительности въ отечествѣ нашемъ. 4) Профессору Казанскаго Университета Жерману, за составленное имъ «Полное Описаніе цѣлаго края, между Волгою и Ураломъ, въ отношеніи къ золотымъ въ ономъ чешуекрылымъ насекомымъ». 5) Магистру Дубенскому за изданное имъ «Слово о Полку Игоревѣ, объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ». 6) Старшему учителю Ильенкову за составленную имъ «Словникъ Латинскаго Языка». 7) Надворному совѣтнику Вольфельду за сочиненную имъ книгу «Объ Уголовномъ Правѣ и Уголовномъ Судопроизводствѣ въ Лавландіи, Эстландіи и Курландіи», въ двухъ частяхъ. 8) Генерал-лейтенанту барону Зедделеру за изданныя имъ два части «Обзорія Исторіи Военнаго Искусства Древнихъ Народовъ и Среднихъ Вѣковъ».

Благотворительность. — Высочайше утверждены въ 20 день іюля правила Благотворительнаго Общества въ пользу Швейцарцевъ въ городѣ Одессѣ. Это общество имѣетъ цѣлю оказывать разнаго рода пособія нуждающимся соотечественникамъ, какъ временно находящимся въ Одессѣ и вообще въ южномъ краѣ Россіи, такъ и постоянно тамъ живущимъ. Пособія заключаются въ денежныхъ выдачахъ, опредѣленныхъ для пропитанія нуждающимся одновременно или ежегодно, и въ назначеніи имъ денежныхъ ссудъ. Капиталъ составляется посредствомъ добровольныхъ взносовъ благотворительныхъ лицъ, для чего и открывается ежегодно подписка между живущими въ Одессѣ и новороссійскихъ губерніяхъ Швейцарцами.

— Открыты лѣтскіе пріюты: первый въ Рязани, а второй въ Кіевѣ.

Промышленность. — По положенію Комитета Министровъ, въ слѣдствіе представленія министра финансовъ, Государь Императоръ соизволилъ на учрежденіе надворнымъ совѣтникомъ, 1-й гильдіи купцомъ Воронинимъ, и титулярнымъ совѣтникомъ Лебовидскимъ общество на акціяхъ, для устройства въ обѣихъ столицахъ *Торговаго Дѣла фабричныхъ, заводскихъ, ремесленныхъ и художественныхъ издѣлій*, на основаніи составленнаго ими устава, *удѣленнаго Е.И. Императорскимъ*

Величестваго Высочайшаго разсмотрѣнія въ 27-й день іюля 1845 года.

Учредатели означеннаго общества, приступая къ первоначальнымъ распоряженіямъ по устройству оного, нужнымъ считаютъ познакомить публику съ существомъ и главными основаніями сего предпріятія.

У насъ, въ Россіи, есть отличные фабриканты, ремесленники и художники, коихъ произведенія не уступаютъ иностраннымъ по красоте, прочности и тщательной отделкѣ; но многіе изъ производителей остаются въ незвѣстности, и по недостатку собственныхъ средствъ для приготовленія и сбыта своихъ издѣлій, не могутъ развивать и совершенствовать своей промышленности. Есть также у насъ много способныхъ ремесленниковъ, которые по бѣдности своей служатъ вачными работниками въ чужихъ мастерскихъ, весьма часто обязанныхъ имъ своею извѣстностью и богатствомъ. Нѣкоторые изъ нихъ рѣшаются иногда заводить свое мастерство, но ихъ почти никто не знаетъ въ публикѣ, и потому ни должны готовить вещи за скудную цѣну, можно сказать изъ наущнаго хлѣба, по заказамъ магазинновъ, получающихъ отъ продажи лучшихъ издѣлій огромные проценты. Покупатель, приобретаая вещь, не спрашиваетъ кто сдѣлалъ ее, и въ понятіяхъ публики какъ бы укореняется мысль, что извѣстный торговецъ тѣхъ или другихъ вещей есть имѣтель и производитель ихъ; по-крайней-мѣрѣ, болѣею частию бываетъ такъ, что публика, зная очень-хорошо перваго, вовсе не знаетъ послѣдняго, и потому выгоды того и другаго далеко не уравновѣшены. Иные производители, не имѣя заказовъ, изготавливаютъ издѣлія для продажи въ торговыхъ помѣщеніяхъ, которыя берутъ за комиссію очень-дорого, и возвышая сверхъ того произвольную цѣну на вещи, затрудняютъ сбытъ ихъ къ стѣсненію трудавшагося. Мало-по-малу нужда бываетъ способности, а скудная плата за трудъ, не удовлетворяющая самымъ необходимымъ потребностямъ непріхотливыхъ ремесленниковъ, отнимаетъ у нихъ даже охоту работать, и нередко доводитъ ихъ до совершеннаго разстройства, въ которое вовлекаютъ они и семейства свои, а чрезъ это падаетъ и самая промышленность въ ремесленномъ искусствѣ.

Прямая цель вновь учреждаемаго общества состоитъ въ томъ, чтобъ познакомить публику съ производителями, доставляя имъ средства изготовлять и сбывать свои произведенія безъ значительныхъ для нихъ изходовъ, и тѣмъ самымъ, уменьшая цѣну на вещи для приобретающей, развивать по возможности фабричную и мануфактурную промышленность въ Россіи. Для этого предполагаетъ общество три главные способа: 1) Устроить въ обоихъ столицахъ шестолетнія выставки отечественныхъ издѣлій; 2) Принимать ихъ для продажи, по комиссіи, выставляя надъ платежа только 2⁰/₁₀₀. 3) Выдавать желающимъ соуду за процентъ въ мѣсяцъ, подъ залогъ отданныхъ вещей, до продажи ихъ дешево.

Постоянная выставка всякаго рода отечественныхъ издѣлій, вмѣстѣ съ образцовыми иностранными, знакомя публику съ лучшими фабричанами, ремесленниками и художниками въ Россіи, въ то же время должна будетъ возбудить между ними соревнованіе и послужитъ для

нихъ какъ бы наглядною школою къ безпрерывному усовершенствованію своихъ издѣлій чрезъ подражаніе, заимствованіе и новыя идеи, возникающія при разсматриваніи многоразличныхъ произведеній во всѣхъ родахъ.

Продажа издѣлій въ заведеніяхъ Общества, по цѣнамъ, назначеннымъ самими владѣльцами, и на правилахъ, утвержденныхъ правительствомъ, доставитъ фабрикантамъ и ремесленникамъ надежный и выгодный способъ къ сбыту своихъ вещей, а жители столицъ и новгородныя будутъ имѣть возможность покупать въ депо общества все, что имъ нужно, по своему выбору, какъ говорится, изъ первыхъ рукъ, и следовательно, за умѣренную цѣну.

Сюда денегъ подѣ залогъ издѣлій, до продажи ихъ въ депо, оживитъ мертвый капиталъ производителей и доставитъ имъ средство къ покупкѣ матеріаловъ, инструментовъ, машинъ и содержанію мастерскихъ на наличныя деньги, а не въ долгъ, что значительно сократитъ издержки во производствѣ мастерствъ, и дастъ возможность продавать свои издѣлія дешево. Вместе съ тѣмъ возстановится и кредитъ производителей, столь-необходимый во всѣхъ коммерческихъ дѣлахъ.

Правленіе общества, составленное изъ лицъ, кредитованныхъ общимъ собраніемъ акціонеровъ, действуя въ сихъ видахъ, обязано будетъ:

1) Принимать на выставку и продажу по комиссіи всякаго рода фабричныя, заводскія, ремесленныя и художественныя издѣлія.

2) Выдавать подѣ оныя желающимъ оуду, на правилахъ, постановленныхъ въ уставѣ общества.

3) Производить продажу сихъ издѣлій въ своихъ депо, и высылать по требованіямъ новгородныхъ, объявляя во временныя въ столицныхъ ведомостяхъ о вещахъ, представляемыхъ на выставку, особенно замѣчательныхъ, съ означеніемъ цѣнъ вообще, и объ успехахъ продажи на выставкахъ.

4) Стараться имѣть въ депо рисунки, модели и образцы издѣлій высшаго вкуса, для предьявленія ихъ производителямъ.

Само собою разумѣется, что правленіе должно будетъ заботиться при этомъ къ-особенности охранить благонамѣренную цѣль учрежденія торговаго общества, именно цѣль развить и умножить фабричную и мануфактурную дѣятельность въ Россіи, чрезъ что умножится и самыя способы для торговли отечественными издѣліями, не только въ имперіи, но и за границею.

Такимъ образомъ, учредители общества, отырывая выигрывать для желающихъ подписку на акціи на нижеслѣдующихъ основаніяхъ, не рассчитываютъ въ началѣ предпріятія всѣхъ будущихъ выгодъ для акціонеровъ, выгодъ попятныхъ для каждаго, потому-что предпріятіе сіе не имѣетъ никакого риска. Въмѣсто того, считаютъ обязанностію прежде всего сказать, что при основаніи устава они имѣли въ виду пользу общую, и что только стремась къ-предположенной цѣли, общество можетъ поддержать и распространить свой кредитъ, а по мѣрѣ кредита будутъ возрастать и выгоды акціонеровъ. Однимъ словомъ, достиже-

не главной цѣли учредителей тѣсно связано съ пользами самаго общества.

Первоначальный капиталъ общества предположено составить изъ 500,000 руб. серб., посредствомъ раздачи 5,000 акціи во сто руб. каждая; но въ послѣдствіи, съ расширеніемъ дѣйствій компаніи, капиталъ ея дозволено увеличить новымъ выпускомъ акцій, на такую сумму, какая будетъ признана необходимою общимъ собраніемъ акціонеровъ, и разрѣшена правительствомъ.

Раздача сихъ акцій произойдется будетъ на слѣдующихъ правилахъ, въ уставѣ постановленныхъ: 1) Одно лицо можетъ подписаться не больше, какъ на 200 акцій, о чемъ требованія допускаются личныя или чрезъ почту, съ означеніемъ званія или чина, имени, отчества и фамиліи и мѣста пребыванія тробователей. 2) Взносъ платы, т. е., одна половина, представляется при подпискѣ на акціи, а другая при закрытіи подписки въ назначенный для сего срокъ, о которомъ будетъ объявлено особо; но желающіе могутъ внести всю сумму вдругъ. 3) Слѣдующія по подпискѣ деньги предоставляется акціонерамъ вносить наличностію или въ билетахъ. 4) Въ пріемъ денегъ и билетовъ учредители выдаютъ печатныя квитанціи, за подписаніемъ одного изъ нихъ и за печатью общества, согласно ст. 40-й устава общества. Квитанціи эти замѣняютъ акціи до раздачи ихъ, нмѣющей послѣдовать тотчасъ по закрытіи подписки и уплатѣ всѣхъ денегъ за акціи.

Подписка на акціи продолжится съ 1-го сентября 1845 по 1-е марта 1846 года. Желающіе имѣть акціи, могутъ обращаться съ требованіемъ о томъ къ учредителямъ, въ Петербургъ, къ Леонарду Осиповичу Любовидскому, жительствоющему по Екатерингофскому Проспекту, близъ Аларчина-Моста. въ домъ Красулькиной, и въ Москвѣ, въ контору Степана Дмитриевича Воронина, въ собственномъ его домѣ, на Речистекѣ.

— Высочайше утверждено положеніе для Императорской Александровской Мануфактуры, въ которомъ, между-прочимъ, постановлено:

§ 1) Настоящая цѣль существованія Александровской Мануфактуры двоякая: *во-первыхъ*, служить образцомъ для заведенія въ Россіи механическаго пряденія льна и выдѣлки изъ сей пряжи разныхъ тканей, и *во-вторыхъ*, способствовать къ распространенію и усовершенствованію механическаго пряденія хлопчатой бумаги, введеннаго въ Россію въ Мануфактуру.

Примѣчаніе. Чтобъ содѣйствовать къ достиженію сей цѣли, дозволяется каждому, съ разрѣшенія начальства Мануфактуры, осматривать ее во всѣхъ частяхъ, испрашивать совѣта и наставленія и снимать копіи чертежей и рисунковъ разнымъ машинамъ и инструментамъ, ею употребляемымъ, если таковыя находятся будутъ на Мануфактурѣ.

§ 2) Александровскую Мануфактуру составляютъ слѣдующія части: 1) хлопчатильное отдѣленіе, съ принадлежащими къ оному мастерскими: ткацкой-парусиной, б) ткацкой-узорчатой и в) флагдучной; 2) бумаготрадильное отдѣленіе; 3) механическое отдѣленіе съ мастерскими: а)

бердоочной, б) щеточной и в) коженой; 4) бьяльция; 5) красильня и б карточная фабрика.

§ 11) Бумагопрядильное и льнопрядильное отдѣленія разработываютъ, первое хлопчатую бумагу, а послѣднее лѣнь и пеньку, и обращаютъ оныя механическими способами въ пряжу, качество коей определяется соответствующимъ номеромъ.

§ 12) Отъ управляющаго зависитъ опредѣлить: какихъ номеровъ пряжа должна быть преимущественно приготовлена и въ какомъ количествѣ.

§ 13) Размѣръ дѣйствія сихъ отдѣленій определяется количествомъ сырыхъ матеріаловъ, для ежегодной разработки по штату назначенныхъ.

§ 14) Доколѣ механическая пряжа не будетъ для выдѣлки полотень и другихъ издѣлій предпочтѣаема российскими фабрикантами ручной пряжи, дозволяется Александровской Мануфактурѣ производимую ею льно-пеньковую пряжу обращать на выдѣлку разныхъ тканей, и тамъ на самомъ дѣлѣ доказывать превосходство ея издѣлій предъ издѣліями прочихъ фабрикъ, употребляющихъ ручную пряжу.

§ 15) Для сего учреждены при Александровской Мануфактурѣ мастерскія: ткацкая-парусная и ткацкая-узорчатая, на коихъ могутъ быть выдѣлываемы разнаго рода парусина, полупарусина, полотна, равентулы, брвендукъ, канифасъ, скатерти, салфетки и другія льняныя и пеньковыя издѣлія.

Примѣчаніе. Позволяется также Александровской Мануфактурѣ переносить большое количество бумажной пряжи обращать на выдѣлку бумажныхъ издѣлій, преимущественно такихъ, которыя еще не извѣстны въ Россіи, дабы Мануфактура и въ семъ отношеніи могла служить образцомъ для частныхъ фабрикантовъ; но на сію выдѣлку особой суммы по штату расходовъ не полагается, а дозволяется заимствовать ее изъ суммъ, на дѣйствіе бумагопрядильнаго отдѣленія опредѣленныхъ.

§ 16) Размѣръ дѣйствія сихъ мастерскихъ определяется штатомъ; при составленіи ежегоднаго росписанія о количествѣ каждаго издѣлія назначаемого въ выработку, управляющій руководствуется положеніемъ по предлагаемой, по видамъ торговли, потребностью, дабы капиталъ заключающійся въ непроданныхъ товарахъ, не накопился значительно и не обращался въ капиталъ мертвый. Если въ теченіе года оказалось, что какого-либо рода издѣліе требуется въ превосходящемъ противъ назначенія количествѣ, то на усиденіе выдѣлки онаго, и, если нужно, на уменьшеніе, или даже остановку выдѣлки другихъ издѣлій управляющій можетъ испрашивать разрѣшенія особаго Комитета, по дѣламъ Мануфактуры учрежденнаго.

§ 17) Такъ-какъ выдѣлываемый на Александровской Мануфактурѣ флагдукъ поставляется преимущественно въ Адмиралтейство, то при ежегодномъ опредѣленіи количества выдѣлки онаго, должно сообразоваться съ количествомъ, требуемымъ Кораблестроительнымъ Департаментомъ.

§ 18) Механическое отдѣленіе съ принадлежащими къ оному мастер-

жины: а) бердочною, б) щеточною и в) кожевенною, занимается преимущественно как приготовленіемъ новыхъ, такъ и исправленіемъ старыхъ шивнъ, инструментовъ и разныхъ механическихъ орудій, потребныхъ для Мануфактуры. Впрочемъ дозволяется принимать заказы и отъ постороннихъ лицъ, въ особенности на приготовленіе необходимыхъ для бумагопрядильнъ бердъ, кардъ, лептъ и щетокъ, если исполненіе сихъ заказовъ не остановитъ производимыхъ для Мануфактуры работъ.

§ 19) Въ случаѣ надобности, по усмотрѣнію управляющаго, выписываются изъ-за границы новыя усовершенствованныя машины и механическія орудія, какъ для образца, такъ и самаго дѣйствія, на что определена по штату особая сумма.

§ 20) На устроенныхъ при Александровской-Мануфактурѣ бѣляльнѣ и красильнѣ производится бѣленіе и крашеніе только издѣлій, выдѣляемыхъ на самой Мануфактурѣ, и на семь основаніи составленъ и штатъ для дѣйствія сихъ частей.

§ 21) Карточная фабрика, хотя и входитъ въ составъ Александровской-Мануфактуры, по дѣйствуетъ на другихъ началахъ, приготовляя ежегодно такое только количество игральныхъ картъ, какое во второй половинѣ истекающаго года будетъ заказано Экспедицію Карточного Сбора.

§ 28) Для сбыта своихъ издѣлій, Александровская-Мануфактура продавать ихъ какъ внутри, такъ и въ имперіи.

§ 29) Продажная цѣна каждаго издѣлія устанавливается на каждый годъ съобытъмъ исчисленіемъ, которое управляющій Мануфактурою представляетъ въ концѣ предшествующаго года на предварительное рассмотрѣніе и утвержденіе особаго Комитета, по дѣламъ Александровской-Мануфактуры учрежденнаго.

§ 30) Сіе исчисленіе определяетъ только меньшую цѣну (minimum), то есть дешевле чего Мануфактура не можетъ продавать своего издѣлія, и льдовательно, основывается на расходахъ, сопряженныхъ съ выдѣлою каждаго товара, съ присовокупленіемъ необходимаго числа процентовъ на употребленный капиталъ, по общимъ коммерческимъ правиламъ, для полученія чистой прибыли.

Примѣчаніе. Въ случаѣ необыкновеннаго пониженія определенныхъ численіемъ цѣнъ, управляющій испрашиваетъ разрѣшеніе особаго Комитета на сбавку оныхъ.

§ 31) Внутренняя продажа производится, или прямо изъ магазиновъ Мануфактуры, или посредствомъ комиссіонеровъ, или же принятіемъ оставокъ, по заключаемымъ съ казною обязательствамъ.

§ 32) Въ главные комиссіонеры Мануфактуры избираются для внутренней продажи извѣстные торговые дома, пользующіеся общою довѣренностью. Съ ними контора Мануфактуры заключаетъ надлежащія словія на точномъ основаніи установленныхъ въ Сводѣ Учрежденій и Уставовъ Торговыхъ (т. XI ст. 615—630, изд. 1842 г.) правилъ, и отравленные къ нимъ товары остаются у нихъ до продажи, какъ собственность Мануфактуры.

§ 33) Сямъ комиссіонерамъ дозволяется производить продажу и на

благоважные векселя, срокомъ отъ 3 до 12 мѣсяцевъ, но не долѣе. Въ такомъ случаѣ она высылаютъ сіи обязательства въ контору Мануфактуры, которая возвращаетъ ихъ къ нимъ для полученія денегъ, заблаговременно, до наступленія сроковъ платежей.

§ 34) Въ случаѣ несостоятельности векселедателя, контора Мануфактуры възписываетъ слыющую по векселю сумму, на основаніи общихъ узаконеній о торговой несостоятельности, сама, или посредствомъ порученныхъ своихъ.

§ 35) Мануфактура можетъ имѣть и второстепенныхъ комиссіонеровъ, выбирая въ сіе званіе извѣстныхъ ей благонадежностью своею лицъ, и ввѣрять имъ для продажи товары, но не болѣе, какъ на 2,000 рублей серебромъ, и съ тѣмъ, чтобы они, производя продажу только на наличныя деньги, высылали оныя немедленно въ контору Мануфактуры, по мѣрѣ накопленія до 100 рублей серебромъ.

§ 36) Если управляющій признаетъ возможнымъ принять поставку въ казну извѣстнаго количества выработываемыхъ Мануфактурою издѣлій, то онъ уполномочиваетъ комиссіонеровъ, или другихъ доверенныхъ лицъ, являться по вызовамъ на торги, объявлять извѣстную имъ цену изустно, или въ запечатанныхъ кувертахъ, на основаніи статей 1622 — 1658 Свода Законовъ Гражд. (Том. X, изд. 1842 г.), и заключать отъ имени конторы обязательства на поставку.

§ 37) Ручательство конторы Мануфактуры, изъясненное въ давномъ повѣренному свидѣтельству, за подписаніемъ управляющаго и съ приложеніемъ печати Мануфактуры, принимается всѣми казенными и частными достаточнымъ залогомъ для обезпеченія исправности поставки.

§ 38) Заграничная продажа издѣлій Мануфактуры производится посредствомъ извѣстныхъ твердостью своего кредита торговыхъ домовъ, къ которымъ товары адресуются. Благоразумію управляющаго предоставляется, какъ выборъ сихъ домовъ, такъ и опредѣленіе того количества издѣлій, которое съ надеждою на успѣшнѣйшій сбытъ можетъ быть въ теченіе навигаціи отправлено, равно какъ и выгоднѣйшій способъ отправки.

§ 39) Вся суммы, выручаемая продажею издѣлій, вносятся или конторою, или комиссіонерами, въ Московскую, либо въ Санктпетербургскую Сохранную Казну, и обращаются въ уплату открытаго Мануфактуръ изъ сей послѣдней кредита.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

СИБИРСКОЕ ЗОЛОТО И СПОСОБЫ ЕГО ДОБЫВАНИЯ.

Статья первая.

СОСТАВЪ, ФОРМИРОВАНИЕ И СТОИМОСТИ ЗОЛОТОСКОПАТЕЛЬНЫХЪ ПАРТІЙ, КОМАНДИРУЕМЫХЪ ЧАСТНЫМИ ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКАМИ НА ПОИСКЪ ЗОЛОТА ВЪ ВОСТОЧНОЙ-СИБИРИ, ПО ПИТСКОЙ И УДРЕЙСКОЙ СИСТЕМАМЪ.

Такъ-какъ дѣло частнаго золотоскопанія въ Восточной-Сибири по сиювѣрно-огромному развитію свѣтъ золотосодержащихъ россыпей въ системахъ Верхней-Тунгуски, Средней или Подкаменной, Инта, Чапы, Бурюсы и другихъ, въ настоящее время обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, то всякое свѣдѣніе, или объ этихъ мѣстахъ, столь удаленныхъ, или о богатствахъ въ нихъ скрытыхъ, или наконецъ даже о мѣрахъ, какія принимаются къ отысканію

Т. XII. — Ст. IV.

розсыпей людьми предприимчивыми и, можно по справедливости назвать, отважными, — не только любопытно, но и полезно. Всякий ли, на-примѣръ, знаетъ, что этотъ всеобщій и повсюднѣйшій двигатель—золото скрывается отъ пристрастнаго къ нему человека въ едва-доступныхъ падахъ горъ, огражденный непроходимыми чашами въковыхъ лѣсовъ, быстрыми потоками горныхъ водъ, среди всегдашнихъ тумановъ, подъ вліяніемъ страшныхъ лѣтнихъ грозъ и жестокихъ зимнихъ морозовъ, въ убожищѣ хищныхъ звѣрей, въ жилищѣ полудикаго человѣка; что отыскиваніе его сопряжено съ многоразличными затрудненіями, каковы: добровольное лишеніе спокойной жизни, постоянно-грубая пища, рѣзкія перемены воздуха и непогоды, переходы по непроходимымъ мѣстамъ и переправы чрезъ быстрыя каменистыя рѣки; что, наконецъ, и, конечно, потребное для выполненія предпріятія, требуетъ значительной суммы, первая же неудача дохода дѣлаетъ подобную трату невозвратною, или, чтобъ возразить, первую, влечетъ къ утратѣ второй, и такъ далѣе, и напоследокъ этотъ предприимчивый и отважный искатель, послѣ многихъ усилій, или лишается всего своего достоянія, или, если судьба поможетъ, вознаграждается съ лихвою? Находясь при дѣлѣ частной золотопромышленности, какъ всегдашній житель столицы, переселившійся въ страну Восточной-Сибіри и обратившій на этотъ предметъ все свое вниманіе, я шелъ въ немъ весьма-много любопытнаго, а потому и желаю свѣдѣнія, мною приобрѣтенныя, сообщить другимъ, или также для удовлетворенія любопытства, или, можетъ-быть, и для пользы. Итакъ, по порядку полнаго изложенія этихъ свѣдѣній, скажу вало бы описать: 1) страну, вмѣщающую въ себя богатые слиты золотосодержащихъ розсыпей; 2) составленіе или формированіе поисковыхъ партій со всѣми притомъ мѣстными условіями; 3) дѣйствія поисковыхъ партій по предмету розысковъ и 4) разработку найденныхъ присковъ. Но такъ-какъ свѣдѣнія въ первомъ отношеніи нѣкоторымъ образомъ уже переданы публикѣ другими, то составленіе или формированіе поисковыхъ партій, взятое изъ практическаго примѣненія дѣла, будетъ на первый разъ предметомъ предлагаемой здѣсь статьи; описаніе поисковъ и разработку найденныхъ присковъ, я постараюсь сообщить въ слѣдъ за симъ по собраніи потребныхъ къ тому матеріаловъ.

Такъ-какъ частныя золотоскательныя партіи составляются по гласно средствамъ промышленниковъ и ихъ, предусмотрительности, то по всѣмъ своимъ частямъ онѣ отнюдь не могутъ быть равны другъ другу подъ однимъ общимъ уровнемъ, который бы, такъ сказать, служилъ точнымъ руководителемъ для послѣдователей. Отъ этого и

чается, что одинъ изъ нихъ проводить къ намъку рабочихъ и заготовленіе припасовъ и прочія принадлежности своевременно, съемиѣтно, и партія его обходится дешевле; а другой, наоборотъ, или по новости, или по обративъ вниманія на время и мѣстные условія, дѣлаетъ ее несравненно-дороже; одинъ посылаетъ въ походъ одну, две или три полныя партіи, а другой одну или нѣсколько малыхъ, неполныхъ; и наконецъ, одинъ отправляетъ партіи въ походъ своевременно, на доло, а другой, или упустивъ время, или не могла назначить долгаго похода, отправляетъ его раздѣлкою, походъ слѣдуетъ. Итакъ, чтобъ дать ближайшее понятіе о составѣ, формированіи и стоимости поисковыхъ партій, а также о всѣхъ ихъ подраздѣленіяхъ, зависящихъ отъ различныхъ обстоятельствъ, какъ-то: отъ способа или средствъ, времени, мѣстныхъ условій, и наконецъ, отъ произвола или желанія хозяевъ и ихъ возвращенныхъ. Замѣтить должно, во-первыхъ, что предлагаемое нами формирование поисковыхъ партій вѣзго въ примѣненіи къ партіямъ, командироваемымъ въ затунгускомъ край на Удерейскую и Нитскую Системы, на время трехмѣсячнаго лѣтняго похода, и, вторыхъ, что цѣны припасамъ, инструментамъ и прочимъ партионнымъ принадлежностямъ, взѣмлясь, какъ по времени погрузки, такъ и по мѣсту заготовленія ихъ, не должны считаться здѣсь непременно-положительными.

Что же касается до литературнаго достоинства и красоты слога, въ этихъ статьяхъ, — я, какъ извѣданный владѣть перомъ, прошу изсчисленія къ недостаткамъ и невторыю, что намѣреніе мое состоитъ единственно въ томъ, чтобъ перелать какія-нибудь свѣдѣнія для удовлетворенія любопытства къ-отношенію предмета, на который мною обращаютъ вниманіе въ настоящее время.

Поисковыя партіи могутъ быть раздѣлены вообще на легкія и тяжелыя; полныя, сверхъ-того, на тяжелыя и легкія полныя, тяжелыя и легкія неполныя; полныя партіи называются тѣ, въ которыхъ число людей именно то самое, какое практическая потребность показала наиболее-необходимымъ; неполныя наоборотъ. Въ тяжелыхъ партіяхъ всѣ запасы поднимаются въ походъ сполна, на всѣ время походовъ; въ легкіяхъ берется только некоторая часть, остальное размѣщается по нарочде для этого набраннаго количества охладки; въ полныхъ партіяхъ всѣ люди совершаютъ походъ полными, а въ легкихъ только партионство; полными и всѣ

жакъ верхами,—рабочіе идутъ пѣшими. Непопулярныя партіи болѣею частію бывають вѣшныя; въ нихъ число людей менѣе опредѣленнаго практической потребности, и здѣсь одинъ партіонистъ верхомъ, а прочіе идутъ пѣшими; запасы свои неподняты партіи также берутъ или сполна на все время похода, или только нѣкоторую часть, развѣщая остальное въ приличныхъ мѣстахъ складки. Есть еще особый родъ партій, зимнихъ или лыжеходныхъ: дѣйствія ихъ по смыслу самаго наименованія ясно опредѣляются временемъ зимы. Складочными мѣстами служатъ: ближайшія селенія, постоянныя золотопромышленныя станы, сосѣдніе пріиски, путевыя заимы и наконецъ складки, нарочно для того устроиваемыя по линіи направленія пошкковъ. Благосременимъ походомъ для пошковыхъ партій на Системахъ Питской и Удереиской считается которое-либо изъ первыхъ чиселъ, или, еще лучше, съ половины мая и даже съ іюня, потому-что и въ мая мѣсяцѣ, смотря по благопріятствію въ воздухѣ, или показываются проталины и зелень получаетъ надежду на доступъ солнечной теплоты, или еще все бываетъ покрыто льдомъ и снѣгомъ. Полное время похода для лѣтнихъ пошкковъ считается здѣсь преимущественно въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, начиная съ іюня и по сентябрь. Людей въ комплектной партіи, согласно примѣненію къ практической потребности, полагаютъ всего не болѣе 13 человекъ, а именно: партіонистъ, помощникъ, жокакъ и 10 человекъ рабочихъ; въ числѣ послѣднихъ должны быть, какъ и во всехъ партіяхъ, одинъ или два промывальщика; въ некомплектныхъ 8, 10, или около того, въ томъ числѣ одинъ партіонистъ безъ помощника, жокакъ и остальные рабочіе. Число лошадей въ тяжелыхъ пѣшихъ партіяхъ полагается 33; изъ нихъ 3 подъ верхъ: партіонисту, помощнику, жокаку,—и 30 подъ вьюки; въ тяжелыхъ конныхъ 43, изъ нихъ 13 подъ верхъ и 30 подъ вьюки; въ легкихъ вѣшныхъ 15, изъ нихъ 3 подъ верхъ и 12 подъ вьюки; въ легкихъ конныхъ 25, изъ нихъ 13 подъ верхъ и 12 подъ вьюки. Въ некомплектныхъ партіяхъ, число лошадей зависитъ отъ произвола хозяевъ или смотря по тому, какой будутъ поднимать съ собою грузъ запасовъ. Въ зимнихъ партіяхъ нѣтъ лошадей; люди ихъ ходятъ по лѣсамъ или такъ-называемой здѣсь тайгѣ на лыжахъ, и число ихъ бываетъ также произвольное; запасы и инструменты, необходимыя на пути, они тащатъ съ собою на партяхъ, такимъ-образомъ, что каждую партю влекуть двое рабочихъ или вмѣстѣ, или попеременно съ отдыхами, — а остальной грузъ, какъ выше замѣчено, хранится въ складочныхъ мѣстахъ. Согласно времени похода, количеству людей въ партіи и возможности иметь вьючныхъ лошадей, соразмѣряютъ и пропорцію жизненныхъ продовольствій и всѣхъ прочихъ партіонныхъ потребностей; фур-

жа для лошадей не берут никакого, или по-крайней-мѣрѣ берутъ весьма-рѣдко небольшое количество овса, и лошади на пути обыкновенно довольствуются подножнымъ кормомъ, — а потому, при подробномъ исчисленіи стоимости вышеи партіи, въ приблизительномъ разсчетѣ не показано фуража.

Люди, составляющіе партію, должны быть не преклонныхъ лѣтъ, крѣпкаго и здороваго тѣлосложенія, неподверженные какимъ-либо тяжкимъ или хроническимъ болѣзнямъ, — люди болѣе или менѣе испытанные въ вѣрности и преданности, усердные и поступившіе въ дѣло по собственному желанію или, такъ-сказать, охотники, и наконецъ, — что также очень-важно, — люди бывалые. Партіонистомъ и помощникомъ можетъ быть всякій, кто только по званію своему имѣетъ право воспользоваться письменною довѣренностью для заявки открытія. Сколько извѣстно, до-сихъ-порѣ, партіонистами и помощниками ихъ бывають крестьяне, мѣщане, купцы, разночинцы и чиновники, несостоящіе ни въ коронной, ни въ общественной службѣ. Мѣсто партіониста рѣдко занимають и ами хозяева или компаньоны ихъ; но во всякомъ случаѣ гораздо-лучше, если партіонистъ будетъ болѣе или менѣе грамотный, свѣдущій и умѣющій различать по-крайней-мѣрѣ практически породы, вѣстленныя золотоносности и служащія спутниками золота. Рабочіе принадлежать къ сословию сѣмьнопоселенцевъ, также и сибирскихъ крестьянъ, мѣщанъ и даже Киргизовъ съ линій, начинающихъ ознакамливаться съ выгодами отъ работъ на частныхъ золотыхъ промыслахъ.

Такъ-какъ въ частномъ дѣлѣ золотопромышленности нельзя предлагать постоянныхъ суммъ или ассигнованій не только на посковыя предпріятія, но даже на самую разработку найденнаго и гарандажнаго пріиска, то, согласно этому, нельзя означить въ точности и оклада людямъ, составляющимъ партію. Однакоже, сколько извѣстно, у промышленниковъ самостоятельныхъ, годовой окладъ партіониста простирается до 3,000 рублей, его помощника до 1,000 рублей въ годъ, при готовомъ содержаніи (и на походы полагаютъ чай и сахаръ хозяйскій); а рабочіе состоятъ на жаловань отъ 50 до 60 рублей въ мѣсяцъ при готовомъ содержаніи (и также чай кирпичный). Чай, или вообще горячее, въ партіи составляетъ полезную и даже необходимую часть продовольствія; а потому, гдѣ только о немъ будетъ выговорено, онъ не оспаривается и условіи хозяевами, ни у служащихъ, ни у рабочихъ. Условіе жма рабочихъ въ партію одинаково съ наймомъ на самую разработку пріисковъ, — оно изложено въ Высочайше утвержденномъ постановленіи о частной золотопромышленности въ Сибири и помѣщать здѣсь значило бы повторять то, что уже весьма должно было

известно; на условія найма партіонистовъ и ихъ помощниковъ нѣтъ никакихъ положительныхъ правилъ; и они обыкновенно контрактуются по обоюдномъ соглашеніи съ хозяиномъ, или поступаютъ на словъ. Последнее нѣрѣдко лучше всякихъ актовъ, потому-что золотопромышленникъ, болѣе или менѣе известный, дожить общимъ къ себѣ доваріемъ. Въ случаѣ открытія благодается иногда рабочимъ награда по усмотрѣнію хозяина по сту рублей и болѣе; и для поощренія къ успешнейшему обшурфованію найденной руды дается «старательская работа», которую они производятъ нѣрѣдко и ночью. Партіонисты же вознаграждаются, или по предварительномъ соглашеніи съ хозяиномъ, или просто по его усмотрѣнію; и потому, одни служатъ на жалованьи, другіе выговариваютъ вознагражденіе съ золотника общаго содержанія найденной и достаточно-развѣданной руды, третью плату съ пуда по разработкѣ добытаго металла, а нѣкоторые и право на какой-либо пай.

Въ-рассужденіи назначенія въ посылкѣ прикащика или вообще служащаго, золотопромышленники поступаютъ съ большою осмотрительностью, потому-что принимающему на себя званіе партіониста вѣрятся не только люди, капиталъ натурою и суммою, но и всѣ будущія надежды и ожиданія хозяина; по этой причинѣ, прежде, нежели кто-нибудь можетъ воспользоваться обязанностями партіониста, долженъ быть предварительно испытанъ службою на приискѣ точнымъ выполненіемъ другихъ порученій и известною рекомендаціею или отзывами. Бываютъ, конечно, отъ опрометчивости хозяевъ и идельскія исключенія; за то бываютъ, можетъ-быть, и ложныя дѣйствія, неуспѣхъ дѣла и даже растраты суммъ со стороны такихъ партіонистовъ. Осмотрительность золотопромышленниковъ въ-отношеніи людей, составляющихъ партію и преимущественно партіониста и его помощника простираться должна еще и на то, чтобъ всѣ, какъ замѣчено выше, были здороваго и крепкаго конституціоннаго сложения; въ противномъ случаѣ суровая походная жизнь со всеми быстрыми и рѣзкими атмосферными переменами, недостатокъ крова, состоящаго изъ холщевой палатки или шалаша изъ хвойныхъ вѣтвей и береста, недостатокъ медицинскіхъ пособій въ случаѣ недуга, и наконецъ удаленность отъ мѣстъ жилищъ, могутъ имѣть вліяніе, и нѣрѣдко опасное, какъ на жизнь заблужденнаго, такъ и на замедленіе или остановку дѣйствій партіи. Конечно, болѣе-свѣдущіе и сметливые партіонисты берутъ съ собою въ походъ нѣкоторые медицинскія средства, какъ напримеръ: скипидаръ, нашатырь, горшачій перецъ, выпитый спиртъ и тому подобное; но это еще не спасительныя пособія тамъ, гдѣ потребуются скорое и непрѣмное содѣйствіе врача, а не знахаря.

Наша въ партизансты, въ настоящее время, удобно производится въ мѣстах сосредѣляемыхъ съ областію золотопромышленности, какъ на-примѣръ: въ Енисейскѣ, Красноярскѣ, Томскѣ, Минусинскѣ и другихъ городахъ и селеніяхъ, изъ самыхъ же жителей и преимущественно въ сословіи мѣщанъ и крестьянъ. Виды обогащенія и желаніе пріобрѣтений быстро устремляли людей этихъ классовъ на дѣло золотопромышленности; такъ-что многіе изъ нихъ въ короткое время оказали немовѣрныя способности и навыкъ. Даже дѣти этихъ туземцевъ, отъ ранняго возраста, въ пятнадцать или шестнадцать лѣтъ, службою на промыслахъ уже неподковолю приготавливаютъ и приучаютъ себя ко всякъ случаямъ и потребностямъ дѣла.

Такъ-какъ въ поискахъ невозможно жить продовольствіемъ нищю разнообразною, то золотопромышленники заботятся по-крайней-мѣрѣ о томъ, чтобъ пища была хотя и простая, но всегда непорочная и здоровая. Не находя средствъ сохранять на походъ свѣжее мясо, они употребляютъ соленоевяленое, домашніе приготовленія; го-себѣ: скушаютъ быковъ, коровъ и барановъ въ минусинскомъ, членкомъ округѣхъ и съ киргизской линіи, а именно: въ ачинскомъ, у крестьянъ тушинской, курагинской, тесинской, абаканской и новоселовской волостей и у Татаръ вѣдвнн Стенной Думы Ходяченскихъ Разнородныхъ Племенъ; а въ минусинскомъ, въ окресткахъ умурской, балахтинской, частію назаровской и по линіи близъ Кузнецка и Семипалатонска; выдерживаютъ такой скотъ на сенокосѣхъ кормъ, и потомъ, въ небольшихъ частяхъ, солить и высушить на открытомъ воздухѣ, подъ виднитою отъ непогоды. Масло скотное, по предварительной достаточной вымочкѣ водою, такъ скотомъ въ пищу, что не только для рабочихъ и служащихъ, но и для необходимости прігодно даже и для самихъ хозяевъ. Оно не портится ни отъ какой температуры, если не будетъ достаточно вымочено и спѣше къ употребленію, сравнительно при одной и той же вѣсѣ, со свѣжимъ. Сухари приготавлиются изъ хлѣба, преимущественно изъ самой лучшей ржаной муки, и при укладкѣ въ уны, для выгоднѣйшей перевозки, утолщиваются деревянными дощечками. Крупа ячменная и масло коровье берутся лучшей доброты, и скотомъ, при удобствѣхъ, въ полной пропорціи, согласной съ потребностями, или, въ противномъ случаѣ, только въ некоторой его части; а также масло замѣняется говяжьимъ саломъ. Сухари и крупа, какъ продукты своеобразныя, заготавливаются въ соседствѣ съ областію золотопромышленности; масло же, особенно въ большомъ количествѣ, покупается, кромѣ Енисейска и Красноярска, въ Томскѣ, Кедренскѣ, Тюмени и другихъ мѣстахъ. Итакъ, пища людей по-мѣстной мѣрѣ на походъ состоитъ преимущественно изъ шей съ

мясомъ и крупю, и каша; первая бываетъ ежедневно, а вторая два раза въ неделю. Впрочемъ, если гдѣ встрѣтится какое удобство къ приобретению на пути птицы или рыбы, то предусмотрительные партіонисты не упускаютъ изъ этого вида, какъ бы того, чтобъ свои запасы сохранить на непредвидѣнные случаи, такъ равно и для разнообразія постоянно-одинаковой пищи, къ большому поддержанію и сохраненію здоровья рабочихъ. Обыкновенное положеніе дневнаго продовольствія — слѣдующее: ржаныхъ сухарей полагается три фунта на человѣка, крупы пшеничной $\frac{1}{2}$ фунта въ день для шей и два фунта въ мѣсяцъ для восьми кашъ, мяса одинъ фунтъ, масла $\frac{1}{2}$ фунта и соли $\frac{1}{10}$ фунта.

Одежда и обувь въ поискахъ у партіонистовъ и ихъ помощниковъ собственная; у рабочихъ — или свод, или выдается въ счетъ жалованья, и состоитъ у первыхъ, въ непроемаемыхъ сапогахъ, буркѣ и картузѣ; а у послѣднихъ въ бродняхъ, азамахъ, тулупахъ и рукавицахъ съ варегами. Бурки партіонистовъ дѣлаются кожаныя, клеенчатыя, изъ азама, крестьянскаго сукна, непромокаемыя, эластическія, и даже перпалевія; картузы кожаные, клеенчатые и перпалевые; сапоги подобіе охотничьихъ, преимущественно изъ кунгурскаго товара, съ двойными переданы и иногда съ прокладкою отъ нузыря. Непромокаемая одежда въ поискахъ необходима тѣмъ болѣе, что въ тайгѣ, бываютъ частыя перемены погодъ и почти вседневныя ночныя и утреннія туманы, проливные дожди, сопровождаемые жестокими грозами, иногда съ наперемежающимися въ теченіи недели и болѣе, молніями и ливнями; вихри и ураганы, цопрровергающіе на пути свозовъ якорныя, слабо-державшіяся на каменистомъ грунтѣ лѣсы; наконецъ, нередко доводится переходить рѣчки и болота бродомъ, вода льетъ подъ уздцы, какъ для того, чтобъ сохранить ее отъ испорченія, такъ и потому, что, неся на себѣ сѣдока, она самникомъ погружается въ болото. На случай холодныхъ ночей, берутся въ запасъ овчьи тулупы; ночныя холода, особливо на Цитской Системѣ въ августѣ и даже въ концѣ іюня, бываютъ такъ велики, что образуютъ нередко иней и подморозъ воды.

Орудія и инструменты, необходимыя для партіи, состоятъ изъ слѣдующаго: для шурфовки, изъ кайла, лопаты, ломовъ, молотковъ для промывки, изъ пробнаго вращающагося, смыльныхъ щетокъ, граблей и допаточекъ; для отъмаки воды и доставки ее къ промывкѣ — изъ доотливныхъ машинокъ, трубъ, желобовъ, ведеръ и леекъ; для отплатки водоотливныхъ трубъ, желобовъ и починки вращающагося стодярнаго инструмента, въ видѣ небольшого набора, изъ двухъ струговъ, двухъ долотъ и двухъ надвержекъ; для ковки шаблей, которыя должны быть непременно всегда новыя, острые

что совершаются переходы большею частию по мѣстамъ весьма удобнѣмъ къ порчѣ и поврежденію ногъ, — въ холодно-подковнаго инструмента, т. е. въ двухъ клещей, двухъ молотковъ, небольшой наковальни и хорошаго запаса подковныхъ гвоздей.

Далѣе, въ партіи необходимы: крестьянское сукно на однорядки и окучи; свасты пеньковыя, какъ — то: веревки возжевыя, вазовыя для вьюковъ, кордъ и возжей; бичева, пакля и гвозди разныхъ сортовъ для вашгерда, трубъ, желобовъ; кожи дубленыя, юфтяныя и сыромятныя для починки обуви, сѣделъ, сумъ и сбрун; сумы вьючныя и переметныя, для поклажи всего партіоннаго багажа, какъ — то: сухарей, мяса, крупъ и прочаго. Сверхъ того, необходимы въ партіи — лѣтомъ, палатка, сѣдла верховыя и вьючныя, уады и потники; а зимою кошмы, парты и лыжи. Наконецъ, въ лѣтъ и другихъ, какъ выше сказано, нѣкоторыя простыя медицинскія пособія, какъ — то: винный и нашатырный спирты, горошчатый перецъ, скипидаръ и т. п.; карты, для наблюденія мѣстности, компасы, и пр. и пр.

Самое же важное условіе въ-отношеніи успѣха дѣйствій по иско-вой партіи есть выборъ лошадей. Лошадя партіонныя должны быть здоровыя, крѣпкія, безъ особыхъ нѣрвовъ, непугливыя и переносчивыя. Они покунаются въ окрестностяхъ Красноярска, Томска, Кяхтинска, Омска и съ ыртишской линіи; цѣна за каждую, смотря по времени покупки, простирается отъ 80 до 100 и даже 200 р. асс. Такия лошади подготавливаются къ походу заблаговременно; надлежащимъ откармливаніемъ въ-теченіи зимы осе-сень, котораго въ тайгѣ уже нельзя достать: тамъ есть только подожный корень рваного достоинства, и добраго, и худаго, какъ случится; а иногда можно и вовсе оставаться безъ пищи не суткамъ и болѣе, когда партія попадетъ на мѣста безкормныя. О сохраненіи лошадей партіонисты прилагаютъ всевозможное по-печеніе, потому-что эти драгоценныя животныя составляютъ вѣрнѣйшее ручательство для выведенія партіи изъ затруднитель-ныхъ и даже несчастныхъ обстоятельствъ, могущихъ встрѣчаться на пути поисковъ, напримѣръ: еслибъ партія при концѣ похода и при осудныхъ остаткахъ предельствія, сбившись съ пути, по-пала на упомянутыя безкормныя, горьыя или голыя мѣста, то, будучи подъ руководствомъ опытнаго партіониста, люди готовы имѣть себя нѣкоторымъ образомъ пищи и терпѣть болѣе или менѣе о-лодь, вѣдаясь тѣмъ, что встрѣтятся: застрѣленною птицею, ры-босою, гдѣ она есть, грибами, даже коренчатыми растеніями, ке-дровыми ордами и ягодами; а остаткомъ запасовъ поддерживать силы лошадей, надвися съ ними скорѣе напасть на какой-нибудь путь, тропу или становище. Но когда пропадаютъ лошади, тогда и

потребель партій; если не неизбежна, то, очень-возможно. Лучшимъ лошадей, люди должны лишиться и запасы продовольствія, или раздать небольшое количество ихъ по рукамъ; истребить трудами, походомъ и скудною пищею, они должны еще бороться съ дикою и неблагоприятною природою, переходя топи, болота, утесы и колоды повсюду во множествъ сваленнаго и мохотъ поросшаго леса; подъ влияніемъ частыхъ дождей и ночныхъ холодныхъ тумановъ, и, наконецъ, встрѣчать переправы чрезъ быстрыя каменныя рѣки, въ полномъ ихъ разлитіи въ дождливое осеннее время;—а это время на Удереиской Системѣ начинается перѣходъ съ половины августа, а на Пятской и съ половины іюля.

Мы сказали, что партіи конскія бываютъ пѣшія, конныя и двужёздыя, или земныя; о преимуществахъ тѣхъ, другія или третьихъ можно найти некоторое понятіе въ слѣдующихъ краткихъ выводахъ: конная партія, по значительному количеству лошадей, очевидно стоитъ дороже всѣхъ; за нею слѣдуетъ пѣшая, а потомъ земная, для которой вовсе не требуется лошадей; двужёздыя первыя живые, силы рабочихъ въ наибольшей сохранности и всегда къ дѣлу готовы, особенно, если лошади не будутъ имѣть недостатка въ кормѣ; приваловъ и продолжительныхъ стоянокъ менѣе потребно, кромѣ кормленія лошадей, обивательствования шестностей; обшурфованія и т. п. Конная партія по быстротѣ дѣйствій можетъ даже назваться летучею, особенно, когда, при назначеніи постоянныхъ складочныхъ мѣстъ, грузъ запасовъ ей потребный не весь будетъ подыматься съ собою; въ конной партіи заболѣвшія или шавшія лошади удобно могутъ быть замѣнены или изъ-подъ верха, или освобождающимися отъ израсходованія провонія, до-тѣхъ-поръ, пока рабочие всё не съѣшется и тогда партія эта, не уничтожаясь, обращается лишь въ конной въ плечу и дѣйствуетъ по правиламъ, для пѣшихъ партій предназначеннымъ. Конная партія, при хорошей дорогѣ, удобно переходитъ въ 30 верстѣ въ день; при посредственной до 15; а при самой дурной до 7 верстѣ; и это разумѣется уже при всѣхъ возможныхъ препятствіяхъ, болотахъ; непроходимыхъ чащахъ; переправахъ и т. п. Пѣшая партія рѣдко можетъ проходить въ день болѣе 15 верстѣ по самому исправному пути; причина этого заключается въ томъ, что силы людей потребны въ настоящее и въ послѣдующее дни, какъ для похода, такъ и для производствъ работъ; средній и болѣе-постоянный переходъ ея 10 верстѣ. Какъ въ пѣшей, такъ и въ конной партіи каждая три вычужныя лошади оудаются подъ надзоръ одного рабочего, который съ отвѣтственностію долженъ имѣть о нихъ попеченіе, т. е. наблюдать ихъ, разгружать, выставлятъ; кормить, поить и имѣть неслабное за ними слѣженіе.

въ пути. Пѣшая партія шиветь и дѣлшки, которые, впрочемъ, нѣтъ сомнѣнія стараются притѣнить въ ежедневность съ производствомъ шурфованія. Въ привалахъ партій для почлега, обыкновенно разбиваются палатку для людей, снимаютъ вьюки, складываютъ грузъ въ на-скоро сдѣланный берестяной или изъ липовой коры балаганъ, пускаютъ лошадей на кормъ, привязывая ихъ на кордахъ или и просто оставляя свободными, но привязывая къ нимъ батоны или колокольцы, какъ для отогнанія звѣря звономъ, такъ и на случай отъисканія, когда лошадь сорвется съ корды и забредеть отъ стана въ чашу. Для отогнанія звѣря производится иногда и нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ, разводятся огни и ставится пѣший изъ тѣхъ же рабочихъ караулъ. Конная партія, при обильныхъ кормахъ, какъ-можно вѣдѣтъ, вообще должна имѣть преимущество предъ пѣшею; при скудныхъ же, перевѣсъ на сторонѣ помѣдней, и это очень-ясно. Тяжелыя партіи, какъ конныя, такъ и пѣшія, во всякомъ случаѣ гораздо-обременительнѣе легкихъ, какъ въ разсужденіи значительнаго иждивенія, такъ и въ-отношеніи затрудненій въ походѣ.

Зимнія партіи образовались въ послѣдствіи времени; о выгодахъ ихъ нельзя ничего сказать положительнаго; онѣ, какъ и первыя, имѣютъ и хорошую, и худую стороны; и дѣйствія этихъ партій не иначе быть могутъ, какъ при назначеніи складочныхъ жвѣтъ. Иждивеніе, потребное для составленія ихъ; гораздо-менѣе противу стѣхъ партій, нами описанныхъ; запасы доставляются въ складочное мѣсто поисковъ лыжеходами на нѣртахъ или на оленяхъ, а, гдѣ есть возможность, и на лошадяхъ. Люди, составляющіе зимнюю партію, совершаютъ на лыжахъ быстрые и значительные переходы; мѣра дневнаго похода, смотря по погодѣ, можетъ простираться до тридцати и болѣе верстъ. Въ привалахъ для ночлега зимней партіи обыкновенно разгребаютъ значительное въ окружности пространство снѣга до земли; разводятъ большой огонь, и такимъ образомъ во всей одеждѣ переночевываютъ; иногда, однакоже, устраиваютъ изъ жердей и хвойныхъ вѣтвей шалаши конической формы, подобныя тунгусскимъ, или даже, что гораздо рѣже, дѣлаютъ легонько на-скоро срубы или избушки съ покрывкою бересты; вѣтвей и сѣна. Шалаши эти назначаются уже такъ-сказать временно постоянными станами, отъ которыхъ въ-теченіе дня люди отдаляются на нѣкоторое въ окрестности разстояніе, а къ ночи возвращаются, и продолжается до-тѣхъ-поръ, пока пунктъ обследованія не достигнута. Въ зимнихъ поискахъ, рабочіе одвываются или въ козы, или въ овчьи тулупы; вѣду для пробной промывки употребляютъ грѣтую, грунта же земля не оттаиваютъ, потому-что въ глубокомъ снѣгомъ болѣею частью онъ остается незаморо-

шимъ. Итакъ, въ-отношеніи выгодности или невыгодности этой партіи въ сравненіи съ дѣтскими, повторимъ слѣдующее: домладъ вовсе не требуется, складочныя мѣста необходимы, люди должны быть способны перенести стужу и выгоду, — это первое условіе по той причинѣ, что морозы, какъ извѣстно, въ Восточной-Сиббири и подъ полосою Енисейска бываютъ нерѣдко жестокіе, простирающіеся иногда до 35, 40 и болѣе градусовъ. Горе непріобыкшему къ сибирскимъ морозамъ и рывившемуся на походъ въ зимнюю партію! Нерѣдко погода стоитъ, въ-продолженіи недѣли и болѣе, легкая, съ оттепелями, и вдругъ въ одну ночь или въ одинъ день морозъ усиливается до замерзанія ртуть, и тогда отдалившійся значительно отъ стана встрѣчаетъ опасность очевидную. Конечно, въ ходу, на лыжахъ, человекъ отъ сильнаго движенія разгорячается до поту; но за-то это же разгоряченіе, при быстромъ разсѣченіи воздуха, служитъ болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ лыжногохода. Хорошо, что нашъ простой рабочій народъ не слишкомъ-чувствителенъ къ рѣзкимъ и непостояннымъ переменамъ сибирскаго климата; въ противномъ случаѣ, жертвы этихъ смѣлыхъ зимнихъ попытокъ были бы неизбѣжны. Зимніе партіонныя станы или дачи, не смотря на ихъ зефирную постройку, не только защищаютъ значительно отъ холода, но даже спасительны при огнѣ. Дѣйствіи обсадованій, шурфованія и всѣхъ вообще работъ зимней партіи, бываютъ кратки и непродолжительны, по той причинѣ, что холодъ не позволяетъ спокойно располагать работами; наконецъ, средства для распознаванія горныхъ породъ болѣе отягчены не только пѣкромъ глубочайшихъ сѣзговъ, такъ-что не только небольшіе ключи и рѣчки, но даже цѣлыя лога и котловины бываютъ заморожены и замаскированы отъ глаза снѣжными наметами; а потому, въ поводу этихъ двухъ послѣднихъ препятствій, зимніе розыскы до сего времени въ весьма-маломъ употребленіи, не смотря на возможность лучшаго продовольствія рабочихъ пищею, то-есть замѣненія сухарей печенымъ хлѣбомъ и соеновадемой говядины сѣжымъ иеральнымъ мясомъ.

Въ-заключеніе изложенія состава и фермированія неосвоенныхъ партій, для большаго поясненія, остается приложить приблизительныя разсчеты, во что обходятся поисковыя партіи, и какой грузъ запасовъ въ сложности поднимаютъ съ собою въ походъ при различныхъ условіяхъ. Разумѣется, подобный разсчетъ не можетъ быть постоянно-положительнымъ, или такъ-сказать точнымъ инструментомъ для послѣдователей, потому-что не только время и мѣста заготовленія партіонныхъ потребностей, но и неодинаковость дозрѣлости вещей и другія различныя условія и обстоятельства многообразно измѣняютъ цѣну ихъ; однако же, взятый по возможности изъ практическаго примѣненія, онъ все же можетъ нѣкоторымъ образомъ служить въ родѣ указателя, по-крайней-мѣрѣ для людей новыхъ и вовсе еще незнакомыхъ ни съ дѣломъ золотыхъ промысловъ въ сею страну, гдѣ производятъ намѣренныя русскіе золоты.

РИБЛИЗИТЕЛЬНЫЕ РАЗСЧЕТЫ ДЛЯ ПОИСКОВЫХЪ АРТІИ НА ВРЕМЯ ТРЕХМѢСЯЧНАГО ЛѢТНЯГО ПОХОДА.

1) *Полной пльшей партіи.*

Наименованіе предметовъ.	Количество.	Вѣсъ.		Сумма.		Примѣчанія.
		пудъ.	фунтъ.	рубли.	копейки.	
1) Жалованье:						
артисту въ годъ	1	.	.	3,000	.	Иногда рабочимъ платятъ по 50 и 60 рублей въ мѣсяцъ; плата же вожаку простирается до 100 рублей и болѣе.
шланку — — — — —	1	.	.	1,000	.	
бочинъ 10-ти человѣкамъ изъ 50 рублей въ мѣсяцъ на каждого, всего въ 3 мѣсяца	10	.	.	4,200	.	
жизну по 70 рублей въ мѣсяцъ, за 3 мѣсяца	1	.	.	210	.	
2) Содержаніе:						
для 18-ти человекъ на 3 мѣсяца: са соедаго, сухаго по 18-ти р. за пудъ; изъ порціи по 1 фунту на человека въ день; всего на 18 человекъ	13	29	1	522	45	Сухари иногда обходятся и въ 3 р. 50 к. и 3 р. 75 к. за пудъ.
хлѣба ржаныхъ по 4 рубля за пудъ, изъ порціи по 3 фунта на человека въ день	13	87	3	261	22	
хлѣба ячной по 3 рубля за пудъ, изъ порціи четверть фунта на человека для щей ежедневно и по четверти же фунта для каши, всего 8 кашъ въ мѣсяцъ	13	9	10	37	.	
для жаровьяго по 18 рублей за пудъ, изъ порціи по осмьюшкѣ фунта на человека, для каши и щей	13	8	261	65	81	
изъ по 3 рубля за пудъ, изъ порціи по шестнадцатой части фунта на человека	13	1	331	5	48	
3) Орудія разведочныя:						
капъ изъ 16-ти рублей за пудъ, а каждая кайла по 1 рублю 95 к., всего около 5 съ четвертью пудовъ	5	.	.	261	9	75
порохъ медьныхъ, по цѣнѣ 1 р. 50 коп. за пудку, всего каждая около 3 фунтовъ	26	1	20	36	.	

Наименование предметов.	Количество.	В ½ с. т.		Сумма.		Примечания.
		руб.	фунт.	руб.	к.	
Бада или молотъ боевой назъ 12-ти рублей за пудъ	1		20	6		
Домовъ назъ 12-ти рублей за пудъ.	2	1	10	15		
Топоровъ плотничныхъ, по 3 руб. 50 коп. за штуку, дѣсомъ каждый около 4-хъ фунтовъ	12	1	8	42		
Желѣзныхъ ведеръ съ дужками и со вкладкою одного въ другое, съ матеріаломъ и работою по 1 рублю за фунтъ	5	1	10	50		
Леекъ желѣзныхъ въ пол-ведра съ матеріаломъ и работою по 1 рублю за фунтъ	2		16	16		
Ручная водоотливная машина	1	1	30	100		
Походный ващерадъ	1		30	10		
Смыльныхъ щетокъ	2		1 1/2	3		
4) Вся проція принадлежности, какъ-то: инструменты столярный и подковный, гвозди, снасти, кожа и проч.						
Для столярнаго дѣла струговъ	2		9	12		
Долотъ	2		2 1/2	6		
Надвертокъ	2		1 1/2	4	50	
Для походной кѣвки лошадей:						
Походная наковальня	1	1		20		
Кузнечныхъ клещей	2		10	7		
Молотковъ въ пол-фунта и 4 фунта	2		5 1/2	5		
Терпугъ и подпалокъ	2		5	10		
Гвоздей подковныхъ	1,000		13 1/2	10		
Щидель	12		1	2	50	
Гвоздей: четвертныхъ	100		10	6		
— вершковыхъ	400		3 1/2	4		
— подбойныхъ	400		3	5	50	
Кожа: дубленыхъ	1	1	25	22		
— юфтовыхъ	1	1	15	13	50	
— сыромятныхъ	1	1	5	24		
Снасти: пеньковой возовой и вьючной		2		40		
— возжевой		1		20		
— бычевой			30	12		
— конопля			20	3		
Тулузовъ овчинныхъ по 23 рубля за штуку	12	3	15	345		
Бродней паръ	30	1	20	150		
Сукна крестьянскаго, полагаѣ по 1 рублю за аршинъ	100	3		100		
Армяковъ азамовыхъ по 17 рублей за штуку	15	3		255		
Уздъ простыхъ трюменскихъ по 3 рубля 50 коп. за штуку	23	1	9 1/2	115	50	
Потанковъ подъ верховыхъ по 2, а подъ вьючныхъ лошадей по 3 штуки, каждый по 1 рублю 50 к.	22	4	32	144		

Наименованіе предметовъ.	Множ- че- ство.	Вѣсь.		Сумма.		Примѣча- нія.
		пуд.	фун.	руб.	к.	
Сѣдла простыхъ верховыхъ, по 25 рублей за штуку, для партиониста, помощника и жока .	3	1		75		
Сѣдла вьючныхъ, или сѣдельныхъ деревяшекъ съ сконкою, волоса-выми подпругами, нагрудниками и нахвостами, по 6 рублей за штуку .	30	5	24	180		
Сумъ кожаныхъ, вьющихъ, сѣдланыхъ на подобіе длинныхъ, узкихъ чемадановъ, величиною соотвѣтственно роду помѣщаемого предмета, въ количествѣ не болѣе двухъ съ половиною на трехъ пудовъ, полагая по двѣ сумы на каждую лошадь, цѣною по 20 рублей за штуку, на 30 лошадей .	60	15		1,200		
Сумъ кожаныхъ веревчатыхъ, по 18 рублей за штуку, чары	2	2	30	36		
Палатка полотняная, на площадѣ полторы квадратныхъ сажени .	1	1	10	70		
Кромѣ всего вышесказаннаго, вѣко- торые партионисты берутъ съ се- бою еще:						
Компасъ	1			17		
Зрительную трубу	1		11	100		
Бархатный чертежный инстру- ментъ	1		11	25		
Ленты географическія для изст- вля сѣмки, полагая для нихъ лѣса и суммы			10	75		
Монетъ, вѣкоторыя медицин- скія пособія, какъ-то:						
Шпатель съ запасными филидами	1			15		
Шпатель				2	45	
Лопчатый черныи перецъ				1	5	
Шпатель			1	2	45	
Свѣра				3	70	
Водный спиртъ			2	7	84	
Шпательный спиртъ			1	2	64	
Монетъ, въ доплату суммы тяжестей, подлежащей на пути поисковъ полною цѣною пар- тіею, надлежитъ приравнять сред- ній вѣсъ трехъ всадниковъ, а именно: партиониста, помощни- ка и жока, примерно по 5 пу- довъ, и того	3	15				
Сумму изданія, потребнаго къ сооруженію и поддержанію дѣлствій поисковъ въ полной мѣрѣ партиі, потребно вклю-						Сумма въ непредѣ- лныя рас- ходы равно считаетъ безпреры- вно-внѣ- шнюю часть

Наименование предметов.	Кол-во.	Вѣсъ.		Сумма.		Примѣчаніи.
		пуд.	ф.	руб.	к.	
читать въ непредвидимые расходы, примѣрно				2,000		принадлежатъ и матеріаловъ и дѣлаютъ общій итогъ стоимости партій во всякомъ случаѣ приблизительно въ трижды.
Далѣе, стоимость 33-хъ лошадей, полагая каждую по 150 рублей ассигнаціями, и того за	33			4,950		
Да на доставку всего партійнаго багажа къ начальному пункту поисковъ, примѣрно				300		
Всего		209	3½	16,989	34½	

2) Полной конной партіи.

Для опредѣленія полного груза, поднимаемаго полною конною партіею на 43-хъ лошадяхъ и общей ея стоимости, должно принять въ соображеніе общій вѣсъ груза и стоимость полной пѣшей партіи		209	3½	16,989	34½
Вѣсъ 10-ти человекъ рабочихъ, полагая каждого по 5 пудовъ	10	50			
Добавочный верховый приборъ для 10 лошадей, какъ-то:					
Уздъ	10		20	95	
Потниковъ	20	1		30	
Простыхъ сѣделъ съ приборомъ	10	2	20	200	
И дѣну 10-ти лошадей подъ верхъ рабочихъ, каждая по 150 рублей	10			1.500	
И того грузъ и стоимость полной конной партіи будетъ составлять	43	263	3½	18,754	34½

3) Пѣшей полупартіи.

Соображаясь съ приблизительнымъ расчетомъ для полной пѣшей партіи, для показанія груза, поднимаемаго этою полупартіею на 15-ти лошадяхъ, надлежитъ принять въ составъ:					
Развѣдочныя орудія и инструменты тѣ же		8			
Инструменты кузнечный и столярный, гвозди и снасти		4	4		
Сѣдла, узды и потники на 15 лошадей		5	30		
Грузъ палатки, сумъ и 3-хъ всадниковъ		13			
И наконецъ, неполное количество запасовъ примѣрно		70			
И того		100	34		
Для показанія же стоимости пѣшей полупартіи, слѣдуетъ при-					

Наименованіе предметовъ.	Колѣч.	Вѣсь.		Сумма.		Примѣчанія.
		пуд.	ф.	руб.	к.	
вять общее вѣднвеніе полной пѣшей партіи				16,989	34	Запасы и прочія партіонныя принадлежности въ полупартіяхъ все тѣ же, какъ и въ полныхъ, только не всѣ поднимаются въ походъ, а остаются въ мѣстахъ складокъ, в потому изъ общей суммы вѣднвенія ихъ исключать здѣсь не должно.
исключать изъ этой суммы пѣшу лишннхъ 18-ти лошадей				2,700		
лишннхъ уздѣ, полагаая по 3 рубля 50 к. за штуку, всего на				63		
лишннхъ вьючныхъ сѣделъ или сѣдельныхъ деревяшекъ смоковкою, войлочными подпругами, нагрудниками и пахлеями, полагая каждое по 6 рублей, всего на				108		
потника, каждый по 1 рублю 50 копеекъ на				81		
партіи или 36 штукъ сумъ вьючныхъ, каждая пѣшою по 20 рублей, всего на				720		
наконецъ, если уменьшить изъ суммъ непредвидимыхъ расходовъ, то-есть, на				1,000		
И того убавить				4,672		
стоимость пѣшей полупартіи				12,317	34	

4) Конной полупартіи.

в грузъ в стоимость конной полупартіи при 25 лошадяхъ тѣ же, что и въ пѣшей полупартіи, шесть	100	34	12,317	34
прибавленіемъ вѣса 10 человекъ рабочихъ	50			
и 10-ти лошадей, каждая по 150 рублей.			1,500	
перехового прибора для этихъ 10-ти лошадей	3	20	110	
то, вѣднвеніе и грузъ конной полупартіи	154	14	13,927	34

Такъ, изъ приложенныхъ здѣсь приблизительныхъ расчетовъ опредѣленіе общаго груза, поднимаемаго каждымъ рода партіею, видно, что причитающаяся тяжесть на одну лошадь во всѣхъ случаяхъ одна и та же, а именно:

полной пѣшей партіи 6 пудовъ 13 $\frac{1}{2}$ фунтовъ.

полной конной партіи 6 пудовъ 5 фунтовъ.

конной полупартіи почти 6 пудовъ 7 фунтовъ.

пѣшей полупартіи почти 6 пудовъ 29 фунтовъ.

Грузъ, болѣе показаннаго, будетъ уже обременителенъ. Доча въ

которые и отступаютъ отъ подобнаго размѣра, но это можетъ служить не къ споспѣшествованію, а къ замедленію хода и дѣйствій партій, потому—что лошади, не имѣя другаго корма, кромѣ подованнаго, при ежедневномъ трудномъ походѣ весьма—скоро изнуриются, дѣлаются негодными, нерѣдко падаютъ и вовсе погибаютъ. Вообще, всякій партіонистъ долженъ прежде всего обращать вниманіе на лошадей, то—есть, чтобъ онѣ были здоровы, не изнурились переходами, не обременялись тяжестями, были сыты, своевременно напоены и выстояны; вьюки или тяжесть, на нихъ лежащая, по мѣрѣ израсходованія, должна уравниваться перекладкою вещей, — и наконецъ, копыта или ноги лошадей ежедневно должны быть осматриваемы, какъ въ—отношеніи цѣлости подковъ, такъ и для предупрежденія подсыдовъ, могущихъ образоваться отъ мокрыхъ и гнилыхъ болотистыхъ стоянокъ. Во вниманіе партіониста поставляется также наблюденіе за сохраненіемъ силъ и здоровья рабочихъ; на этотъ предметъ командующій партією долженъ избирать пути отъ мѣста къ мѣсту наиболее—удобные и кратчайшіе; не изнуриать вдругъ людей тяжелою работою, улучшать, по возможности, продовольствіе пищею, пользуясь случайною покупкою птицы или рыбы, гдѣ онѣ есть, и справляться ежедневно о состояніи здоровья, предупреждая всякій недугъ пресамомъ началѣ его теми простыми средствами, какія имѣются при партіи и какія внушаетъ благоразуміе и предусмотрительность къ отвращенію зла наибольшаго. Наконецъ, сохранять припасы отъ подмочки, порчи и расхищенія, сберегать орудія и инструменты. Съ соблюденіемъ всѣхъ этихъ условій, походъ и дѣйствія повсѣдневныхъ партій могутъ быть болѣе—исправны, отчетисты, успешны даже благоважны.

ИЛЬЯ ВОРОДИНЪ.

1845 года марта 16 дня.

Красноярскъ.

СИБИРСКОЕ ЗОЛОТО И СПОСОБЫ ЕГО ДОБЫВАНИЯ.

Статья вторая.

ДѢЙСТВІЯ ПОИСКОВЫХЪ ПАРТІЙ ПО ПРЕДМЕТУ ОТЪИСКИВАНІЯ ПЕСЧАНАГО ЗОЛОТА ВЪ ВОСТОЧНОЙ-СИБИРИ, ВЪ ЗАТУНГУЗСКОМЪ-КРАѢ, ПО СИСТЕМАМЪ ПЕТСКОЙ И УДЕРЕЙСКОЙ.

По сообщеніи свѣдѣній, въ предыдущей статьѣ, о составѣ и формированіи золотонискательныхъ партій, командруемыхъ частными золотопромышленниками въ Восточной-Сибирѣ, я намѣренъ здѣсь обобщить вкратцѣ дѣйствія этихъ партій по предмету розысковъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ они производились и производятся.

Почти все доселѣ извѣстныя и богатыя золотоносныя россыпи, какъ въ томскихъ, бирюсинскихъ, енисейскихъ, такъ и во всѣхъ прочихъ тайгахъ Западной и Восточной-Сибирѣ, замѣтить должно, скрыты болѣею частію людьми простыми и неучеными; такъ, напримѣръ: богатый Пескинь-Присскъ, принадлежащій коммерціи Фѣтинку и кавалеру Мясникову, заявленъ ковровскимъ мѣщаниномъ Быковымъ,—Тита-Зотова, по Октолику, дворовымъ его челоукомъ, Калмыкомъ Егоромъ Жумаевымъ и проч., и проч. По этому невольно рождается вопросъ: что такое отыскиваніе песчаного золота? есть ли оно дѣло одной науки, опирающей всѣ свои дѣйствія на точныхъ правилахъ? основывается ли оно на данныхъ, могущихъ руководить къ цѣли раскрытія, или это также дѣло случая, или, какъ говорятъ многіе, счастья? Нельзя со-

Т. XII. — Отд. IV.

гласится съ послѣднимъ мнѣніемъ; но можно утвердительно сказать, что тому всегда удобнѣе достигнуть успѣха въ розыскахъ золота, кто обладаетъ какими-нибудь по этой части свѣдѣніями, которыя облегчали бы трудъ искателя показаніемъ формаций, въ которыхъ наиболѣе свойственно залегать россыпямъ, какіе преимущественно минералы почитаются спутниками этому драгоценному металлу, и наконецъ, на хребтахъ или въ логахъ можетъ наиболѣе располагаться песчаное въ наносахъ золото. Гораздо-труднѣе достигнуть цѣли тому, кто не только предварительно обогащенъ означенными свѣдѣніями, или правилами, но и просто русской грамотѣ выучился, какъ говорится, на мѣдныхъ деньги. Многие изъ золотоискателей подобнаго разряда или вовсе не знаютъ никакихъ горныхъ породъ и минераловъ, идутъ въ розыскъ зря и весьма-часто удачно, держась одного правила, приобретеннаго по слуху, что золото должно искать по рѣчкамъ; иной же по наглости, нерѣдко весьма-неточной и приобретенной также со слуху отъ другихъ, болѣе-свѣдущихъ, различаетъ породы, свойственнымъ золотоносности и сопутствующія золото, безъ разбора, вѣрно или ошибочно, единственно по наружному сложенью, или по цвету. Такъ, на-примѣръ, всякой слоистой породѣ онъ даетъ наименованіе *ребровика* (разумея сланецъ) и свойства золотоносности, а всякій бѣлый камень навываетъ *икварць* (то-есть кварць) и считаетъ спутникомъ золота, хотя бы онъ вовсе не кварць былъ, а известнякъ или другой какой-нибудь. Простой партіонистъ имѣетъ ту выгоду, что, какъ человекъ, воспитанный ближе къ природѣ и ртученный къ грубой пищѣ и перенесенію всѣхъ жестокихъ атмосферныхъ переиънъ тѣсныхъ мѣстностей, следовательно неподверженный болѣзнямъ отъ вліянія жара, холода или продолжительнаго ненастья, онъ можетъ легче выдерживать всаки недостатки, нужды и лишения. Что же касается золотистыхъ россыпей, какъ слѣдствія наноснаго или намываемаго образования, дѣйствительно онъ должны наиболѣе находиться въ логахъ, гдѣ были рѣчки и всякли, или гдѣ онъ и теперь есть — и въ этомъ отношеніи простой партіонистъ долженъ имѣть успѣхъ въ розыскахъ болѣе, нежели ученый, привыкшій къ жизни покойной и кабинетной, а не къ походной, полевой или лѣсной. Ученый партіонистъ, пришедъ на рѣчную систему и видя, что окрестныя породы свойственны золотоносности, приступаетъ къ обследованію второстепенной рѣчки, ключа или ручья и, не найдя тутъ россыпи съ содержаніемъ золота или признаками ея, переходитъ на слѣдующую, въ той же системѣ, избѣгая притоки всѣхъ встречающихся на пути преградъ, — тонней, болотъ и обрывовъ ущельевъ и тому подобнаго, и, слѣдовательно, замедляя поискъ

не торопится въ своихъ поискахъ; между-тѣмъ, какъ простой партіонистъ въ то же время обследуетъ три и четыре рѣчки или ключа, переходя отъ однихъ къ другимъ безъ всякихъ обходовъ, путемъ прямымъ и кратчайшимъ, нерѣдко по колено въ топяхъ и болотахъ или бродомъ и вплавь по водѣ главной рѣки до впаденія слѣдующей побочной, не разбирая опасностей отъ быстрины и встрѣчи глубей, и даже измоченный весь не заботится объ осушеніи себя. Итакъ, если дѣйствія одного, при обследованіи одной рѣчки, не увѣнчаются успѣхомъ, не смотря на его познанія и соображенія, то въ то же самое время другой, при осмотрѣ четырехъ рѣчекъ, очель-легко можетъ напасть на золото, не въ той, такъ въ другой, третьей или четвертой; а потому и говорится нерѣдко, что простой или неученый скорѣе открываетъ золото. Изъ казаннаго очевидна причина такого отзыва; а чтобъ еще яснѣе идѣть наибольшую возможность нахождения золотоносныхъ розыскей простыми партіонистами, должно рассмотреть подробнѣе всѣ дѣйствія ихъ по предмету розысковъ, въ томъ самомъ видѣ, какъ они доселѣ производили и производятъ эти розыски, всѣ трудности лишенія, какимъ подвергаются и всѣ опасности, какимъ идутъ а встрѣчу, безъ разбора.

Партіи поисковыя отправляются въ походъ или съ промысла, или изъ резиденціи. Резиденціею называется сборный пунктъ золотопромышленниковъ, находящійся на границѣ тайги и служащій къ-сказать складочнымъ мѣстомъ всѣхъ потребностей ихъ, какъ: хлѣба, мяса, желѣза, машинныхъ частей и проч., и проч. Таковы Рыбная, Климовское, Ермакъ, Мотыгина и тому-подобныя. Въ эти резиденціи доставляются всѣ означенные припасы и потребности или вощиками, или своими лошадьми, къ управляющему, рочно для этого определенному отъ каждаго золотопромышленника. Этотъ управляющій или принимаетъ товары по накладнымъ, ружаетъ ихъ въ амбары и магазины, для того устроенные, и раскладываетъ отпусками по мѣрѣ приказаній комиссіонера или хозяина или, по надлежащемъ осмотрѣ обоза, препровождаетъ прямо на промыски, если это случится зимою; въ последнемъ случаѣ, нерѣдко зы подряжаются и прямо доставкою на промыслы отъ мѣста отправки; или, наконецъ, этотъ управляющій имѣетъ попеченіе о провозженіи рабочихъ, мимо проходящихъ въ тайгу, о подаваніи пособія отпускомъ провіанта на путевое продовольствіе до промысла и необходимыхъ въ случаѣ требованія вещей, какъ-то: ошейниковъ, азамовъ, холста, рукавицъ и тому подобнаго, подсчетъ заслугъ ихъ; заботится о приготовленіи вычужныхъ и верховыхъ лошадей со всѣмъ потребнымъ къ тому приборомъ и при-

надлежностями, какъ для хозяевъ, такъ равно для управляющихъ и прикащиковъ. Короче сказать, резиденція есть соединительный пунктъ жилыхъ мѣстъ съ тайгою и промыслами въ ней находящимся.

Надо замѣтить, что большею частію каждый партіонистъ, изготовясь окончательно къ походу изъ резиденціи или съ промысла, то-есть навьючивъ лошадей, распредѣливъ ихъ по три подъ надзоръ каждаго рабочаго, осматривъ, исправны ли эти лошади и справясь о состояніи здоровья людей, большею частію непременно старается воспользоваться напутствіемъ священника, гдѣ есть священникъ; отслужить молебенъ, потомъ распрощается со всеми знакомыми, и такимъ образомъ двинетъ свой караванъ по предвѣительно-назначенному или имъ-самимъ избранному пути.

Всякій партіонистъ, удалясь отъ резиденціи или промысла съ караваномъ своимъ въ тайгу, дѣлается совершенно-свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; здѣсь ему нѣ отъ кого получить ни совѣта, ни наставленія, ни даже какихъ-либо указаній; все его пособіе въ такомъ случаѣ — я говорю о партіонистѣ простомъ, — состоитъ въ собственномъ его взглядѣ на *разломы горъ*, какъ онъ выражается и указаніе рѣчекъ вожакомъ, сопутствующемъ партіи. Чтобы не затрудняться ниже сего при встрѣчѣ выраженія *разломы горъ*, я лишнимъ считаю объяснить этотъ мѣстно-припаятый терминъ: разломомъ горъ простые партіонисты называютъ вообще центральное соединеніе ложбинъ въ одну общую, раздѣленныхъ между собою горами, круто падающими къ общей ложбинѣ или полянѣ. Подобное выраженіе, принятое простыми искателями, судя по наружному виду мѣстъ, довольно-справедливо, потому-что мѣста эти дѣйствительно похожи на то, какъ-будто-бы масса горы распалась или разломилась отъ центра по радіусамъ и провела малыя рѣчки и ключи по боковымъ ложбинамъ къ сказанной выше общей полянѣ, въ рѣчку общую, приемную и гораздо-большую притивъ боковыхъ. Такіе разломы они почитаютъ наиболее-золотодобными; хотя дальнѣйшія розысканія показываютъ, что россыпи въ Восточной-Сибири залегаютъ и въ одностепенныхъ ложбинахъ узкихъ и широкихъ, и на скатахъ горъ, и наконецъ даже на самыхъ верхахъ ихъ. Примѣромъ послѣдняго служатъ — пріискъ Мальвинскаго на Питской-Системѣ, въ долинѣ Остляка, на самомъ верху лѣваго его истока, составляющей наполненіе къ отводу ольгинскому, и пріискъ полковника Жукова, по Бирюсинской-Системѣ, въ долинѣ Унгурьбелъ; первый, по наблюденіямъ полковника Гофмана, принявшаго городъ Красноярскъ

за постоянный пункт для опредѣленія разностей высотъ, находится надъ Красноярскомъ на 1629, а послѣднй на 3346 парижскихъ футовъ. Не входя въ разсужденіе объ источникахъ происхожденія золота въ россыпяхъ Восточной-Сибири, я поставляю однакожь на видъ, что золото вы найдете тамъ большею частію вездѣ, гдѣ увидите между прочими породами кварцъ или въ обломкахъ, или прорѣзывающійся жилами; и наоборотъ тамъ, гдѣ есть золото, встрѣтите кварцъ въ томъ или другомъ видахъ, какъ выше сказано. Кварцъ нерѣдко встрѣчается здѣсь во многихъ мѣстахъ на самыхъ вершинахъ горъ, въ видѣ большихъ массъ и, какъ сказано, прорѣзывающійся жилами. Золотосодержащая россыпь на вершинѣ горы Октолика, сейчасъ нами упомянутая, подтверждаетъ справедливость моего замѣчанія, а потому и допускаетъ предположеніе, что наносы съ содержаніемъ золота въ Восточной-Сибири могли быть принесены и съ сосѣднихъ горъ и могли образоваться тутъ же на мѣстѣ, отъ разрушенія породъ золотосодержащихъ. Какъ бы то ни было, держась главнѣйше одного правила, что золото находится по рѣчкамъ, партіонисты требуютъ отъ вожака указанія этихъ рѣчекъ, которыя и обслѣдуютъ шурфовкою при соображеніи видимыхъ породъ кварца, глинистаго сланца и зеленого камня.

Вожакими здѣсь служатъ природные жители тайги, называемые тунгусами, — народъ, можно сказать, судя по нынѣшнему состоянію восточной-Сибири, полудикій, кочующій въ обширныхъ дѣшнхъ мѣстахъ однимъ семействомъ или нѣсколькими, однакожь немногочисленными; живутъ эти люди лѣтомъ болѣе на открытыхъ мѣстахъ, а зимою въ шалашахъ конической формы, дѣлаемыхъ обыкновенно изъ березовыхъ жердей или кольевъ, въ вершинѣ соединенныхъ и покрываемыхъ оленьими шкурами, берестою и соею, съ однимъ небольшимъ въ боку отверстіемъ для входа и выхода. Первоначальное занятіе или промыселъ Тунгусовъ состоитъ въ звѣроловствѣ; они били стрѣлами бѣлку, соболя, горностая, пальмою (широкій ножъ на древкѣ) медвѣдя и другихъ хищныхъ звѣрей; у нихъ есть стада оленей, которые ихъ питаютъ и ѣдаютъ. Время постоянного пребыванія Тунгусовъ на одномъ мѣстѣ ограничивается вытравкою оленями бѣлаго, сибирскаго мочала — наилучшей пищи для этихъ животныхъ. По открытіи же оленей въ Сибири, или лучше сказать послѣ того, какъ образованные шельцы завладѣли мирнымъ мѣстопробываніемъ Тунгусовъ, Тунгусы удалились въ глубь лѣсовъ; а потомъ, мало-по-малу, нѣкоторые изъ нихъ сблизились съ золотокателами, стали имъ полезны, потому что указывали мѣстности (т. е. рѣчки) и ознакомились съ по-

требностями людей образованныхъ, какъ-то: съ употребленіемъ хлѣба, вина и даже съ деньгами. Не отношу этого замѣчанія ко всемъ вообще полудикимъ жителямъ Сибири; есть много инородцевъ, которые имѣютъ сношеніе съ городами, платятъ ясаки правительству, говорятъ по-русски, начинаютъ приближаться въ образъ жизни, пищу и одежду къ классу людей образованныхъ, гражданственныхъ; но много есть еще и такихъ, которые упорно придерживаются первоначальнаго своего быта, скитаются въ тѣсахъ и удаляются всякаго сообщенія съ прочими людьми. Итакъ, нѣкоторые изъ этихъ инородцевъ, наиболѣе ознакомившіеся съ золотопромышленниками, уже сами являютъ съ предложеніемъ услугъ; при наймѣ Тунгуса должно имѣть нѣкоторую споровку; самое главное—ласковость обращенія съ ними, и такъ-какъ они страстные охотники до вина, не исключая и жепциви, то щедро подносить чара — главное условіе; пищи они не разбираютъ, для нихъ все равно какая бь она ни была. Второе — подарки: бродни, рукавицы, однорядки, кушаки, шапки, — все эти мелочи занимаютъ ихъ до такой степени, что если какая-нибудь вещь имъ понравится, они неотступно просятъ и употребляютъ ее безъ разбора, какъ мужчины, такъ и женщины. Случалось видѣть на промыслахъ полученныя ими подарки изъ поношеннаго платья, на-примѣръ: форменные фраки, сюртуки; Тунгусы и Тунгуски щеголяли въ нихъ съ равнымъ удовольствіемъ. Эти пустыя средства лучше всего пріохочиваютъ Тунгуса къ ревностному исполненію должности вожака; конечно, плата платою; выговаривается нерѣдко и довольно значительная плата, какъ мы видѣли изъ предъидущей статьи. Тунгусъ, сколько извѣстно, лѣнивъ до такой степени, что самъ ничѣмъ не занимается, кромѣ хожденія за звѣремъ; всѣ работы по часту домашняго быта отправляются у нихъ женщинами безъ исключенія, а потому и въ партіи за нимъ ухаживаютъ, какъ за рекрутскимъ наемщикомъ, т. е. кромѣ ласковаго обращенія и угошенія виною все принесутъ ему, подадутъ, оѣдлаютъ лошадь, даже подведутъ ее и т. п., но изъ вида отнюдь не выпускаютъ, потому-что, въ случаѣ удаленія вожака, можно партію подвергнуть большому затрудненіямъ; малѣйшая непріятность со стороны партіониста или бочихъ, а нерѣдко и собственная умышленность Тунгуса, по воду взятаго впередъ значительнаго задатка, бываютъ причинами его побѣга. Оставленіе партіи вожакѣмъ бываетъ болѣе ощутительнымъ тогда мѣста проходимыя мало извѣстны и значительно удалены отъ всякаго населенія, и когда люди и самый партіонистъ еще и не бывали еще въ поискахъ. На этотъ конецъ, кромѣ строгого наказа рабочимъ имѣть за вожакѣмъ неослабное смотрѣніе, безотлучно долженъ быть при партіонистѣ, такъ-что, еслибъ онъ

тія останавливается гдѣ-нибудь для отдыха или для работъ, и партионистъ отклонился для побочныхъ осмотровъ, то вождь непременно долженъ ему сопутствовать,—и, за всѣми такими предосторожностями вожаки, случается, пожимаютъ партію.

Такъ-какъ партія поисковая бываетъ простая или сложная, то есть одна сама-по-себѣ полная или неполная, или состоящая изъ двухъ, трехъ и болѣе отдѣльныхъ партій, также полныхъ, или неполныхъ, то и дѣйствія поисковъ бываютъ различны: первая не раздѣляется ни на походы, ни для произведенія работъ, и въ ней при остановкахъ или стоянкахъ, какъ выше замѣчено, только одинъ партионистъ съ вожакомъ отдѣляется для боковыхъ осмотровъ на недалеое разстояніе и недолгое время, примѣрно въ-теченіи одного дня и не болѣе, какъ верстъ въ десять, на двадцать или много на тридцать въ сторону. Сложная дѣйствуетъ иначе: здѣсь каждая частная партія, имѣя своего партиониста, подчиненнаго главному или общему, идетъ по данному ей наставленію, дѣлаетъ свои остановки для произведенія работъ, не отдѣляясь однакожь одна отъ другой на значительныя разстоянія и состоя въ непрерывномъ сообщеніи съ главнымъ партионистомъ, который, съ ожакомъ и однимъ или двумя конюхами или рабочими, переходитъ отъ одной партіи къ другой, наблюдаетъ за ихъ дѣйствіями, работами и общею исправностью, т. е. на счетъ повиновенія людей, достатка въ продовольствіи, орудіяхъ и инструментахъ, въ состояніи здоровья рабочихъ и крѣпости лошадей. Наконецъ, поѣдетъ впередъ на новыя мѣста, осматриваетъ ихъ и если найдетъ кое-либо мѣсто стоящимъ обшурфованія, даетъ знать ближайшей партіи, которая поспѣшаетъ по его назначенію и выполняетъ немедленно приказанія главнаго партиониста: люди, составляющіе поковыя партіи, до того подчиняютъ себя партионисту, что безропотно выполняютъ всѣ его малѣйшія приказанія и находятся въ безусловномъ повиновеніи, не смотря на то, что онъ одинъ, а ихъ много, и что всякая содѣйствующая власть какъ полицейская, такъ земская удалены и въ случаѣ безпокойства не могутъ оказать ораго пособія. Впрочемъ, примѣры неповиновенія въ партіяхъ являютъ весьма-рѣдки, и тамъ, гдѣ менѣе половины людей окажутся непослушными, большинство остальной части немедленно мирится непокорныхъ, а артедный приговоръ даже полагаетъ казаніе виновному; напротивъ, если число ослушниковъ будетъ болѣе числа покорныхъ, тогда дѣломъ власти остается одно что-нибудь—или мѣрами благоразумія привести въ повиновеніе и расквитаться, или, въ случаѣ близости населенія, дать секретное извѣщеніе присылкѣ немедленной помощи для восстановленія порядка и

подчиненности, или, наконецъ, остается необходимость покориться воля всехъ прихотей и капризовъ ослушниковъ; а, въ случаѣ угрозы или покушенія на жизнь, даже незамѣтно удалиться отъ партіи, покинувъ все имущество и забѣяться единственно о спасеніи жизни. Но я уже сказалъ, что примѣры неповиновенія или непослушанія и возмущенія въ нихъ весьма-рѣдки; а примѣровъ посяганія на жизнь властей, т. е. партіонистовъ, кажется, и не бывало. Да и можно ли ожидать чего-нибудь худаго отъ тѣхъ людей, которые приняли на себя обязанности поисковъ добровольно, по собственному соглашенію и за хорошую плату? Побѣги отъ партіи — это другое дѣло; они могутъ быть, или потому-что походъ въ разнисксахъ будетъ не подъ-силу здоровью рабочаго, — въ такомъ случаѣ, не имѣя средства возвратитъ затраченный задатокъ или не желая отдать его обратно, онъ тайно покидаетъ партію; или потому-что иному трезвая, тѣсная жизнь будетъ тягостна и не согласна съ всегдашней его склонностью таскаться около питейнаго дома, — но и тутъ рабочій, если бѣ имѣлъ возможность отдать задатокъ, никогда не сдѣлалъ бы тайнаго побѣга.

Термины распредѣленія работъ, отдыховъ, удовлетворенія людей пищею и лошадей кормомъ въ поискахъ отнюдь не могутъ быть правильно-постоянны. Ночью партія большею частію отдыхаетъ на привалѣ; утромъ рано, часа въ два, всѣ подымаются въ походъ, напившись предварительно горячаго, то-есть, чая—партіонистъ, какого имѣетъ, а рабочіе обыкновенно кирпичнаго съ разными сухарями; потомъ, напоивъ лошадей, бродившихъ въ-теченіи ночи на подножномъ корму, сѣлаютъ ихъ, навьючиваютъ, и такимъ-образомъ подымаются съ мѣста въ дальнѣйшій путь. Мѣра дневнаго похода также зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ: отъ исправности пути, встрѣчи переправъ черезъ рѣчки, переваловъ за хребты, отъ остановокъ для осмотра мѣстности и произведенія работъ, исправленія партіонныхъ принадлежностей и многихъ другихъ причинъ. Хотя въ предъидущей статьѣ о формированіи поисковыхъ партій и показана приблизительно мѣра дневнаго похода для каждаго рода партій, то-есть, для конной и пѣшей, но такъ-какъ сибирская тайга еще весьма-близка къ первобытному хаосу, то и не можетъ быть подчинена никакимъ постоянно-положительнымъ условіямъ ни въ какомъ отношеніи. И дѣйствительно, здѣсь въокрѣсть лѣса кедровъ, пихта, лиственница, сосна и другія, водворены на самыхъ вершинахъ горъ и въ глубокихъ падахъ, или междугоріяхъ. Здѣсь есть дремучіе лѣса, расположенные на каменистомъ грунтѣ такимъ-образомъ, что у основанія ихъ одни голые, на значительную вышину, штамбы, — и на землѣ ни куста, ни травки, кромѣ та-

таго слоя навшей сухой, хвойной иглы; вершины такъ часты, усты и плотно соединены между собою, что не только не видно въ нихъ мѣстахъ неба и облаковъ, но и самый вѣтеръ не можетъ засаться подвожя этихъ старожиловъ: вверху шумять, бушуютъ вихри, а внизу зажженная свѣча горитъ спокойно и не гаснетъ. Есть, напротивъ того, лѣса, претерпѣнные разными породами устарѣлыми, заваленные колодами павшаго лѣса и валежника и глубоко поросшіе мохомъ, маскирующимъ эти топи, этотъ навшій съ и безкопечную сътъ сплетенныхъ кореньевъ, такъ-что и среди эта по такимъ лѣсамъ нельзя ни пройти, ни проѣхать. Есть вершины горъ голыя, каменистыя и нерѣдко, по вышинѣ, сохраняющія круглый годъ на темени своемъ льды и снѣгъ; есть на вершинахъ прекрасныя поляны; есть между горъ картинныя долины; есть неизвѣримыя топи и болота; есть утесы, которые съ каждою грозою или бурею и съ каждою водополюю весны низвергають съ обнаженныхъ боковъ своихъ страшныя глыбы камней, щебня и песка; есть наконецъ горныя рѣки, быстрыя, каменистыя, шумомъ подобныя поставу многихъ водяныхъ колесъ, а скоростью теченія равныя бѣгу доброй лошади: вода въ такихъ рѣчкахъ не течетъ, не бѣжитъ, но падаетъ. Деревья здѣшнихъ лѣсовъ такъ слабо держатся въ основаніяхъ своихъ на каменистомъ глинисто-песчаномъ грунтѣ, что вихри и ураганы ниспровергають ихъ во множествѣ, и послѣ каждой грозы и непогоды нерѣдко ропа, по которой вы уже проѣхали, дѣлается непроходимомъ; отъ того же на всѣхъ крутыхъ скатахъ горъ вы увидите повсюду сверху до низу между стоячими деревьями почти равное число деревьевъ авшихъ. Бури и грозы здѣсь довольно-часты; ночныя, утреннія и чернія туманы почти-всегда бывають; случаются проливные дожди, продолжительные, мелкіе, или бусена, и наконецъ, бывають безвременныя снѣгъ. При такихъ разнообразныхъ свойствахъ мѣстности, при такихъ хорошихъ, дурныхъ, едва-проходимыхъ, а видѣ и все-непроходимыхъ путяхъ, предстоящихъ на походѣ поисковымъ партіямъ, отнюдь не можно разсчитывать разстояній, какія бы ей следовало пройти по разсчету времени. Иногда, партія, оспѣшая къ какому-либо мѣсту, которе известно вожаку или самому партіонисту, и которое, по ихъ предположенію, заслуживаетъ вниманія, идетъ безостановочно, не дѣлая никакихъ приваловъ ни для объѣда рабочихъ, ни для кормленія лошадей и, достигши этого мѣста не ранѣе какъ къ вечеру, имѣетъ и объѣдъ, ужинъ, все вмѣстѣ; въ такомъ случаѣ, порція отпускается людемъ за одинъ разъ объѣденная и ужинная; на пути же рабочіе толкуются себя одними сухарями безъ остановки каравана. Натомивъ того, встрѣчаются такіе затруднительные переходы черезъ

болота, или переправы черезъ рѣки, что партія остается на мѣстѣ по суткамъ, по лvon и болѣе, пока не отыщутъ безопаснаго перехода; въ этомъ случаѣ, обыкновенно караванъ остается на мѣстѣ, а люди, человѣка по два, рассылаются въ ту и другую стороны для отысканія удобопроходимаго мѣста.

Въ привалахъ для ночлега партій, обыкновенно навьючиваютъ лошадей, разбиваютъ палатку для партіониста, а также и поклажи тѣхъ вещей, которыя наиболее требуется сохранить отъ педмочи; прочій багажъ, какъ и самые люди, помѣщаются подъ густою развѣтвистою елью, пихтою или въ на-скоро-сдѣланномъ изъ хвойнаго шалаши; лошадей пускаютъ на подножный кормъ; разводятъ огонь и въ тѣхъ же котлахъ, которыми отливаютъ воду, то-есть въ желѣзныхъ съ душками ведрахъ варятъ или одни щи, или кашу; рабочіе, пользуясь свободными минутами, починиваютъ на себя одежду и обувь, осматриваютъ подковы у лошадей и закрѣпляютъ, которыя окажутся ослабѣвшими; потомъ разводятъ для безопасности отъ звѣря цѣсколько огней, ставятъ носмѣнный изъ тѣхъ же рабочихъ караулъ, производятъ нѣсколько холостыхъ выстрѣловъ, и такимъ-образомъ предаются покою. Прежде, съ лошадьми при такихъ привалахъ поступали различно: стреноживали ихъ, прививали ботолы или колокольцы, пускали на кормъ на кордахъ или длинныхъ веревкахъ; но въ-послѣдствіи дознано, что всѣ эти предосторожности служили болѣе ко вреду, нежели къ пользѣ. Лошадки, по инстинкту самохраненія, отсюда не отдаляются значительно отъ стана партій, а стреноженные или на кордахъ, въ случаѣ нападенія звѣря, бывали его жертвою; будучи же свободными, онѣ могутъ спастись отъ него быстротою бѣга. Ночные огни въ партіонномъ станѣ и звонъ колокольцовъ и бубенчиковъ бѣспомедны: на шумъ не всегда рѣшается звѣрь подходить близко; бубенчики и на самомъ походѣ партій полезны. Медвѣдь (а медвѣдей, надобно замѣтить, бываетъ иногда довольно-много въ тайгахъ Сибири), услыша шумъ отъ людей и звонъ колокольчиковъ, далеко по лѣсу раздающійся, удаляется въ сторону; а еслибъ онъ гдѣ и повстрѣчался, то гораздо-лучше, какъ рассказываютъ опытные тѣснники, не принимать никакихъ мѣръ оборонительныхъ, кромѣ развѣ увеличенія крика или шума. Повстрѣчавшись съ медвѣдемъ, лошади останавливаются какъ вкопаныя, и медвѣдь, спустя цѣсколько минутъ, подымается съ мѣста и удаляется. Бѣзъ нечю, надежный и вѣрный выстрѣлъ изъ винтовки въ голову бываетъ также не дурнымъ средствомъ при встрѣчѣ съ такимъ животнымъ; но если этотъ выстрѣлъ будетъ невѣренъ, тогда раздѣранный звѣрь можетъ напроказить. Много есть анекдотовъ

на-счетъ этого хищнаго жителя тайги; но такъ-какъ это не входитъ въ составъ моего описанія, и притомъ подобныя рассказы могутъ быть и истинныя и вымышленныя, то, умалчивая о нихъ, обращаюсь къ настоящему дѣлу.

Порядокъ обшурфованія мѣстности съ содержаніемъ золота и описаніе ея, на предметъ заявки согласно правиламъ послѣднихъ постановленій, — описывать нѣтъ надобности, потому-что это общедовано официально въ узаконеніяхъ и всякому можетъ быть извѣстно, равно какъ и самая форма заявокъ. Пыльце, какъ то, какъ и другое доведено до возможнаго совершенства и точности, много содѣйствуетъ устраненію могущихъ возникнуть споровъ и неудобныхъ процессовъ.

Главное дѣло партіониста при розыскахъ — напасть на знаки золота; тутъ онъ разбиваетъ разстоянія на десять законныхъ шурфовъ, работаетъ ихъ, описываетъ со всею подробностію мѣстность, посылаетъ въ ближайшій земскій судъ заявку для засвидѣтельствованія. Судя по нынѣшнему порядку заявленія, повторю, стоишій прищелецъ, не шурфуя, по одному описанію мѣстности — пшодъ не можетъ заявить и воспользоваться чужимъ открытіемъ; заявка его не будетъ полна, вѣрца, изоблчить въ дождомъ дѣйствіи и неминуемо подвергнетъ его всей строгости законовъ, какъ хитителя чужой собственности.

Не допускаю примѣровъ, доказывающихъ невѣрность долгу ужбы, то-есть, чтобъ партіонистъ, на-примѣръ, напавъ на золотосное мѣсто, затаилъ его отъ довѣрителя своего съ намѣреніемъ редать другому, и потомъ перешедъ къ этому другому на службѣ завѣреніемъ непременно сдѣлать открытіе, продать кому-будь на походъ въ тайгѣ, какъ говорится, съ-рукъ-на-руки, и по словесному соглашенію наличную плату и, указавъ мѣстность, дозволяя заявить ее. Что же касается до подсыженія, это быть можетъ во всякомъ случаѣ; отъ-того-то для успѣшнѣйшаго розысканія золота, тамъ, гдѣ всюду есть совмѣстничество, простыхъ партіонистовъ должны быть непремѣннымъ условіемъ *идѣ* и *быстрота дѣйствія*. Тотъ, кто быстрее производитъ обшурфованіе въ поискахъ, имѣетъ и большія надежды на успѣхъ рытія. Чтобъ дать яснѣйшее понятіе о подсыженіи въ поискѣ, объясню это подробнѣе: партіонисты опытные, бывалые, горопные, и особенно оправдавшіе себя на дѣлѣ открытіями, часть дѣлаются извѣстными и, такъ-сказать, приобретаютъ власть таежной и уваженіе и славу. А потому, гдѣ въ послед-

ствѣ покажутся въ тайгѣ такіе партіонисты для розысковъ, то мелкіе или новички очень-часто слѣдятъ за опытными, и если первый гдѣ попадетъ на золотиносное мѣсто, то послѣдніе уже не уустать случая немемленно воспользоваться всеми побочными логами, рѣчками, ключами, даже мочежинками. Бываетъ, что опытный тасжикъ, напавъ на знаки золота, по причинѣ позднаго времени не успѣетъ достигнуть богатыхъ мѣсть этой россыпи и откладывая до будущаго лѣтнаго или зимняго времени дальнѣйшее освидѣтельствованіе, — при послѣдовательномъ продолженіи начатаго, примѣтитъ подслѣдителей: то, чтобъ отвлечь ихъ, оставляетъ это извѣстное мѣсто безъ розѣцканій, переходить на другое, болѣе удаленное, производитъ фальшивыя работы, расположившись тутъ полнымъ станомъ. Подслѣдители, не предполагая обмана, сами располагаются работами по сосѣдству, а маскирующій партіонистъ между-тѣмъ тайно, въ ночное время, отправляется на прежнее мѣсто и дѣлаетъ свое дѣло, то-есть развѣдываетъ, или посылаетъ для того своего помощника; а когда главный партіонистъ будетъ извѣщенъ, что работа начата съ успѣхомъ, то партія подымается съ мѣста и оставляетъ всѣхъ слѣдителей — всю трудиться. Въ 1843 году помсковыхъ партій было безъ малаго около 200; но открытія сдѣлали немногія. Малыя партіи, изъ шести или восьми человекъ, не могутъ надѣяться на большой успѣхъ въ розыскахъ; конечно, если посчастливится, то и онъ иногда съ перваго раза нападаютъ на знаки и дѣлаютъ открытія. Дѣйствія простой полвой пѣшей партіи, или еще лучше сложной, бываютъ всегда быстрѣе неполныхъ; дѣйствія же конной превосходятъ всѣ упомянутыя выше; но и тѣ нерѣдко возвращаются безъ успѣха.

Говоря о ложныхъ дѣйствіяхъ партіонистовъ, можно хотя предположительно допустить еще и то, что когда хозяинъ взятъ которому-нибудь изъ нихъ вполнѣ, то-есть, что кромѣ значительнаго жалованья, хорошаго содержанія и обещанной за открытіе награды, предоставитъ ему права безусловныхъ дѣйствій, и если этотъ партіонистъ будетъ человекъ безсовѣстный, то хотя бы первоначально и имѣлъ добрую мысль пріобрѣсти своему доверителю, но какъ ему не посчастливилось, труды и походъ его не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ, то, чтобъ не лишиться по-крайнѣйшью обещанной награды, онъ можетъ заявить пустое мѣсто, обольщая на время надеждами хозяина своего, даже доставитъ пріобрѣтенное стороною нѣкоторое количество золота, или хотя знаки его въ видѣ первоначальной пробы. А такъ-какъ на расположеніе золота въ россыпяхъ нѣтъ никакого, даже приблизительнаго правила, то оно можетъ содержаться въ россыпяхъ и въ

льшними знаками, даже неуловимыми по всей мѣстности, и про-
 шками только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и гнѣздами, и сплошь
 въ богатомъ содержаніи. Отъ этой измѣняемости и непостоянства
 случалось, что многіе искатели проходили по одному и тому же
 мѣсту безъ всякаго успѣха, выбивая шурфы даже глубже постели
 пласта, а одинъ какой-нибудь, при небрежныхъ дѣйствіяхъ, тамъ
 же находилъ богатство; слѣдственно, и фальшиво-дѣйствующему
 партіонисту, при дальнѣйшемъ разузнаніи его заявки, весьма-легко
 прикрыть обманъ оговоркою, что онъ, попавъ видимо на гнѣздо
 золота, спѣшилъ порадовать своего довѣрителя, и потому не слѣ-
 далъ надлежащей обшурфовки, въ-слѣдствіе которой, конечно бы,
 и самъ увидалъ свою ошибку. Какъ повѣрить истину дѣйствій
 такого партіониста и чѣмъ удовлетворить себя хозяину за обманъ?
 Одно средство — прогнать отъ себя партіониста-плута, который на
 завтра же будетъ у новаго хозяина, — ибо въ людяхъ прежде очень
 нуждались. Изъ послѣдовательныхъ точныхъ развѣдокъ первоначаль-
 но-заявленныхъ площадей, по открытіи удерейской или и дру-
 гихъ золотоносныхъ системъ, видно, что партіонисты и безъ умыс-
 ла спѣшили наперерывъ другъ передъ другомъ воспользоваться
 большимъ числомъ мѣстностей, а потому не мудрено, что лишь
 завидя рѣчку, били шурфы или яму, ставили столбъ со знаками
 и, описавъ наскоро мѣстность, спѣшили съ заявкой, да и заяв-
 вили такимъ-образомъ множество пустыхъ мѣстъ, которыя при
 точныхъ развѣдкахъ въ случаѣ пріема, отвода или оставленія вступъ
 этихъ площадей, нынѣ подтверждаютъ справедливость моего замѣ-
 чанія. Дѣйствительно, многіе, у кого было нѣсколько десятковъ
 заявокъ на дѣлѣ, не получили и десяти пріисковъ, обѣщающихъ
 что-либо, а благонадежныхъ и того меньше. Къ злоупотребленіямъ
 умышленнымъ или неумышленнымъ можно отнести также и лѣ-
 нивыя или медленныя дѣйствія по предмету розысковъ; на-при-
 мѣръ: если партіонистъ не будетъ спѣшить обследованіями мѣстно-
 сти, будетъ дѣлать бесполезные простои на одномъ мѣстѣ, слабо
 надзирать за успѣшностью работъ, и наконецъ, дозволить другимъ
 партіямъ опережать себя.

Работы шурфовальныя партіонисты производятъ слѣдующимъ
 образомъ: первоначально осматриваютъ рѣчку или ключъ по про-
 сѣженію, избираютъ по соображенію удобное для работы мѣсто,
 то-есть, не слишкомъ затопленное, недалеко отъ русла и, судя по
 грунту земли и притоку водъ, опредѣляютъ для работы 2, 4, 6 и
 8 человекъ въ смѣну на одинъ шурфъ; землю сначала выбрасы-
 ваютъ на дневную поверхность лопатами, далѣе вынимаютъ на
 перевалкахъ желѣзными ведрами; воду сначала отливаютъ желѣзны-

ми лейками, потомъ ведрами, а напоследокъ помпами или водоотливными машинками; помпъ или машинокъ при сильной водѣ ставятъ двѣ, три и болѣе; обрушистую землю укрѣпляютъ поперечною забойкою плашныхъ деревянныхъ вѣнцовъ, а боковой притокъ родниковъ законопачиваютъ или забиваютъ закрѣпами, мохомъ, щепнемъ и глиною. По появленіи золотоснаго пласта, который обыкновенно бываетъ преисполненъ гальками разныхъ породъ — сланца, зеленого камня, кварца и другихъ, производятъ чрезъ каждую четверть, или около того, при постепенномъ углубленіи, пробныя промывки, продолжая повтореніе ихъ до самой почвы; а если притокъ воды будетъ очень-сильнъ, такъ-что никакими средствами нельзя осушить шурфа, то оставляютъ его недоконченнымъ, особенно когда не оказывается никакихъ знаковъ золота, закладываютъ новый на другомъ наиболѣе-удобномъ мѣстѣ и продолжаютъ работу тѣмъ же порядкомъ. Если же вода, не препятствуя произведенію работъ, допустить выбить шурфъ до почвы, и въ немъ не окажется никакихъ знаковъ золота, то всякій партіонистъ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію: иной избираетъ новое мѣсто и закладываетъ второй шурфъ по протяженію той же рѣчки, а другой съ перваго неудачнаго шурфа переходитъ на другую рѣчку. Съ одной стороны можно одобрить тѣхъ партіонистовъ, которые не заставляются на одномъ мѣстѣ выработкою повторительныхъ шурфовъ и по сдѣланіи одного, особливо когда не окажется золота, оставляютъ тотчасъ же всю рѣчку и идутъ къ другой, и такъ далѣе; дѣйствія такихъ партіонистовъ конечно будутъ быстрее, за то эта же быстрота можетъ быть поводомъ къ пропущенію мѣстъ золотосодержащихъ. Напротивъ, если партіонистъ на одной мѣстности будетъ бить нѣсколько шурфовъ въ разныхъ мѣстахъ, одинъ послѣ другаго, то-есть, не нашедъ въ одномъ ничего, будетъ полагать надежду на другой, третій и такъ далѣе, и если всѣ эти шурфы окажутся пустыми, то напрасно-потерянные труды, а болѣе время, будутъ ошутительные самыя пропусковъ быстро-дѣйствующаго искателя. Изъ этого видно, что никакъ невозможно ни обвинять одного, ни оправдывать другаго ряды шурфовъ въ найденныхъ и уже благоудежныхъ привскаль, произведенные для узнаванія сложнаго содержанія или общаго богатства, доказываютъ справедливость сказаннаго: въ иныхъ мѣстахъ, по журналамъ золотопромышленниковъ, одни шурфы имѣютъ богатое содержаніе, другіе только знаки золота, а въ иныхъ вообще нѣтъ ни того, ни другаго. И потому, партіонистъ-практикъ, обслѣдованія свои считаетъ за лучшее ограничивать двумя, а иногда тремя шурфами, на разныхъ пунктахъ по протяженію какой-либо рѣчки, особливо, если не встрѣтите ему совмѣстничества со

стороны другихъ партій, такъ-что онъ можетъ спокойно располагаться работами на мѣстѣ.

Нѣтъ словъ вполне выразить, нѣтъ пера живо описать тотъ восторгъ партій, когда она нападетъ на золотоносное мѣсто или сдѣлаетъ открытіе; и наоборотъ, ни съ чѣмъ не можетъ сравниться уныніе и грусть, когда походъ ея безуспѣшенъ.

Въ первомъ случаѣ, всѣ труды, изнуренія, лишенія и опасности — все забыто: люди работаютъ съ удвоенною, утроенною силою, партіонистъ, добрый партіонистъ, отъ радости самъ не свой; въ послѣднемъ все иначе! Но я не стану описывать состоянія духа партій въ-слѣдствіе неудачныхъ ея поисковъ, тѣмъ болѣе, что если представить ее при концѣ похода, на возвратномъ пути, изнуренную, обносившуюся, подъ вліяніемъ непогодъ, перѣдко претерпѣвавшую голодъ отъ недостатка запасовъ, лишившуюся лошадей, бившуюся съ пути и блуждавшую съ опасностію погибнуть въ неизмѣримыхъ тайгахъ Сибири,—то уже будутъ понятны для каждаго радость однихъ и уныніе другихъ.

На тотъ предметъ, чтобъ не оказалось недостатка въ продовольствіи, въ случаѣ значительнаго удаленія партій въ глубь тайги и гдѣ всякаго населенія, гдѣ бы она могла достать заимообразно подобіе припасами,—или на случай блужданія партій,—командиръ ея пользуется всякимъ стороннимъ приобрѣтеніемъ для сохраненія въ той имъ пропорціи; и потому, гдѣ есть возможность, стрѣляютъ птицу, ловятъ рыбу и собираютъ грибы. Партіонистъ безъ сообщенія и предусмотрительности, руководимый слѣпою отвагою, перѣдко подвергаетъ партію всѣмъ ужасамъ голодной смерти; зашедши въ тайгу на такое разстояніе, что, по расчету времени, требнаго на возвратъ, припасы его будутъ видимо-недостаточны, еще болѣе, если разлившіяся рѣчки затрудняютъ переправу, или партія, какъ выше сказано, заблудится,—то въ такомъ положеніи необходимость можетъ заставить не только постепенно уменьшать рцію дневнаго продовольствія, но и питаться конивною. Въ позднее время, въ тайгѣ нѣтъ ни гриба, ни ягоды, ниже патательна-растенія; ночные холода убиваютъ здѣсь все прежде времени, истраченный запасъ пороха лишитъ и послѣдней надежды на приобрѣтеніе дичи, которая въ осеннее время покидаетъ угрюмую тайгу, улетая въ мѣста болѣе для нея пріятныя.

Такъ-какъ протяженіе рѣчекъ въ золотосодержащихъ розсыпяхъ весьма различное (онѣ простираются отъ истока до впаденія на

5, 10, 15, 20 и болѣе верстѣ), всякій же отводъ площади подъ присѣкъ одному владѣльцу или компаніи отмежевывается, какъ извѣстно, при 100 саженой ширинѣ на длину 5-ти верстѣ, — то иная рѣчка можетъ вмѣщать въ себя 2, 3, 4 и болѣе присѣковъ. И какъ ложбины, заключающія въ себя эти рѣчки, часто такъ поростають лѣсомъ и кустарникомъ, что нерѣдко два или нѣсколько партій, пришедъ на одну рѣчку и не осмотрѣвшись по протяженію ея, начинали работы на одномъ и томъ же отводѣ, то отъ этого зараждались споры, требовавшіе иногда судебного разбирательства. На-примѣръ, если одна партія закладывала починный шурфъ при устьѣ, а другая въ 3-хъ или 4-хъ верстахъ выше, то окончательный пунктъ первой партіи приходился въ починномъ второй, и если у обѣихъ партій оказывалось золото, то первая требовала отнесенія починнаго пункта второй на законную мѣру 5-ти верстнаго разстоянія, — а вторая не отступала, изъ опасенія убогости, къ вершинѣ, между-тѣмъ, какъ обѣ были неправы, потому-что приступили къ работамъ безъ предварительнаго осмотра этой рѣчки, боясь совмѣстнаго присутствія. Такимъ-образомъ, предусмотрительный партіонистъ, для устраненія подобныхъ неприятныхъ случаевъ, то-есть, споровъ и брани, останавливается для развѣдки, не только осматриваетъ рѣчку по всему законному ея протяженію, но если комплектъ людей дозволить, то и разставляеть въ извѣстныхъ разстояніяхъ изъ рабочихъ же въ родѣ пикетовъ или карауловъ, такъ-что сторонняя партія, еслибъ пришла на то же мѣсто, то, увидя людей, уже не осмѣлится расположиться тутъ работами; да и притомъ, ея и не допустятъ до этого. Когда у осторожнаго партіониста окажутся знаки золота въ первомъ шурфѣ, то, свободно и безъ всякихъ споровъ владѣя всѣмъ протяженіемъ, онъ приступаетъ къ закладкѣ и остальныхъ; а если первый шурфъ будетъ пустымъ, то или перемѣняетъ мѣсто или оставляетъ эту рѣчку безъ дальнѣйшаго обслѣдованія.

Много можно было бы еще привести примѣровъ касательно тѣхъ взаимныхъ отношеній, какія бываютъ между партіонистами въ предмету ихъ дѣйствій (поисковъ); но я скажу только о нѣкоторыхъ; такъ, на-примѣръ, они стараются узнать другъ отъ друга о направленіи, какое принимаетъ партія, руководимая опытнымъ партіонистомъ; подговариваютъ одна партія отъ другой переменить изъ числа рабочихъ, чтобъ они извѣстили объ открытіи золота и тѣмъ дали средство воспользоваться соседними мѣстами; подкупаютъ промывальщиковъ для того, чтобъ они скрыли отъ безпечнаго партіониста оказавшіяся при пробныхъ промывкахъ знаки золота и отвлекли вниманіе его отъ мѣстности для передачи

подкупившему; стараются воспользоваться всякою неосторожностью и оплошностью другъ друга, т. е., если одна партія идетъ на извѣстное мѣсто, указанное предварительными развѣдками или и инымъ какимъ-нибудь образомъ, и если партіонистъ той партіи будетъ лишкомъ разглагольствовать объ этой вѣрпой метѣ, даже передъ своими рабочими, то ловкій командиръ другой партіи, свѣдавъ или и по мѣстному расположенію сообразивъ все касающееся до предлежащаго руна его противника, старается своимъ присутствіемъ замедлять и удерживать его движенія, — между-тѣмъ, какъ помощнику приказываетъ сдѣлать скрытно обходъ для захвата сказаннаго мѣста. При этомъ партія, совершающая упомянутой обходъ, такъ быстро поспѣшаетъ къ цѣли своего назначенія, что лишаетъ себя всякаго отдыха, какъ для ночлега, такъ даже и для кормленія лошадей, или по-крайней-мѣрѣ отнюдь не дѣлаетъ большихъ приваловъ, идетъ прямымъ и кратчайшимъ путемъ, не разбирая ни рѣчекъ, ни хребтовъ, ни болотъ и такъ скрытно, что не только не позволяетъ разводитъ огни, пѣть или кричать, но даже подымаетъ и перекладываетъ съномъ и травою всѣ тѣ вещи, которыя могутъ производить звукъ или шумъ, какъ-то: ведра, лейки, волоколыцы, бубенчики и т. п. Или, если два партіониста, приваливъ на ночлегъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ или въ весьма-близкомъ другъ отъ друга разстояніи и сѣдѣвшись во время отдыха, какъ это водается въ партіяхъ, — въ дружеской бесѣдѣ, а можетъ-быть, и за нарочно-умышленною къ тому чаркою вина которое, какъ видно выше, берется многими для цѣли благоназренной), одинъ другому обмолвится объ извѣстномъ мѣстѣ, то другой, не показывая злаго умысла, притворяется ошлѣплымъ для озбужденія большей откровенности, и въ то время, какъ всѣ предадутся покою съ безвѣчнымъ своимъ начальникомъ, тихонько давится къ своимъ людямъ, поспѣшаетъ на указанное мѣсто, схватываетъ его, и такимъ-образомъ нѣрѣдко дѣлается обладателемъ весьма-значительнаго прииска. Оплотившій партіонистъ смекнетъ свою ошибку, но уже поздно: люди, пришедшіе прежде для развѣдки, пользуются и правами, первымъ предоставленными. Наконецъ, при дружественныхъ отношеніяхъ двухъ партіонистовъ, могутъ быть также взаимныя соглашенія на подачу другъ другу уки помощи, т. е. если одинъ откроетъ золото, то другой по увѣренію старается воспользоваться избыткомъ, соседними или прилежащими мѣстами. Всѣ эти и имъ подобныя случаи я отнюдь не осмѣливаюсь подтверждать никакими фактами или доказательствами; но говорю о нихъ здѣсь единственно для того, чтобъ означить съ ними, какъ съ возможными; а потому и заключаю замѣчаніемъ касательно бодѣзней и поданія пособій въ тайгѣ, касатель-

по средствъ въ случаѣ недостатка продовольствія, сохраненія орудій, инструментовъ и прочія партіонныхъ принадлежностей, и, наконецъ, касательно вознагражденія партіониста и рабочихъ въ случаѣ сдѣланнаго открытія.

На случай болѣзненнаго состоянія людей въ партіи, некоторые партіонисты, какъ сказано въ предъидущей статьѣ, берутъ съ собою что-либо изъ медицинскихъ средствъ, такъ, на-примѣръ: нашатырный спиртъ, камфору, стручковый перецъ и т. и.; другіе, напротивъ, обходятся и безъ этихъ запаховъ, и потому, въ случаѣ болѣзни, или ничѣмъ не пользуются, предоставляя исцѣленіе собственной натурѣ больного, и больной, если имѣетъ достаточно силы, слѣдуетъ за партіею верхомъ на лошади, а если не можетъ, то оставляется въ тайгѣ подъ надзоромъ одного изъ рабочихъ, съ пропорціею на нѣсколько дней продовольствія, въ этомъ случаѣ оставшійся при больномъ охранный, устраиваетъ какъ для себя, такъ и для хвораго товарища изъ жердей, бересты и хвои балаганъ или шалашъ. Также иногда оставляютъ заболѣвшаго въ яновѣ, въ явѣ, служащей перекутнымъ станомъ на трактѣ къ тайгѣ; или, наконецъ, отправляютъ его въ ближайшее поселенное мѣсто, въ деревню, промыселъ и т. и. Пользованіе большою частію первоначально бываетъ такого рода, что на ночлежномъ привалѣ партіи, заболѣвшему даютъ хорошую порцію вина, потомъ пьютъ горячимъ (кирпичнымъ чаемъ) и окутываютъ тулупами полъ защитою, разумѣется, отъ вѣсныхъ вліяній воздуха, дожда, тумановъ и т. п., сколько то возможно въ налаткѣ или балаганѣ. Средство это, какъ испытанное, весьма-часто приносило пользу, такъ-что иногда больной чувствовалъ облегченіе и черезъ сутки могъ слѣдовать за партіею, если не пѣшимъ, то на лошади. Я лично омышалъ отъ опытнаго таежника одинъ случай, съ нимъ самымъ бывшій: промокши на мѣстѣ одного интереснаго, по-видимому, для него обследованія и долгое время не имѣя возможности обсушиться, онъ продрогъ и во всемъ тѣлѣ почувствовалъ на ночлежномъ привалѣ такое сильное расслабленіе, что не могъ даже подняться на ноги, не только продолжать путь; въ такой бѣдѣ онъ прибѣгнулъ къ упомянутому средству, выпилъ порцію вина, напился горячаго и въ добавокъ велѣлъ набрать кислицы, дѣсной смородины, обложилъ этою ягодою себя, наложилъ се въ сапоги, за рубаху, легъ между тулупами и, въ-слѣдствіе крикаго, благодатнаго сна, на другой же день получилъ такое облегченіе, что могъ продолжать путь. И много подобныхъ примѣровъ доказываютъ, что самыя простыя средства, при началѣ и заблаговременно употребленныя, бывали спасительны. Главная болѣзнь,

акая только можетъ приключиться въ тайгѣ, кромѣ занесенной збочимъ,—это простуда, за которую можетъ слѣдовагъ и горячя. Далѣе слѣдуетъ цинга и скорбута, зависящая отъ почти-всега-влажнаго состоянія тѣежной атмосферы и болотистыхъ мѣсть; гь первой люди могутъ скоро исцѣляться при благовременныхъ брэхъ пособія, и могутъ скоро погребсти себя въ могильной глуги тайги въ случаѣ запущенія болѣзни; скорбута, медленно появляющаяся и требующая радикальнаго и продолжительнаго леченія, считается не столь опасною. Другія болѣзни, которыя здѣсь чаще быть могутъ, суть: изнуреніе силъ тяжкимъ походомъ и трудами, ушибы или вообще наружныя поврежденія, и наконецъ, изъбденіе мошкой. Въ лѣсахъ Сибири столько безпокойныхъ насекомыхъ, оводовъ, пауковъ, комаровъ и самой несноснѣйшей мошки, что отъ нихъ въ-теченіи теплаго лѣтняго времени нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью, ни людямъ, ни лошадямъ; и тѣ и другія бывають изъбдены до такой степени, что, кромѣ опухоли, изъянокъ лошадей показывается кровь, а у людей все лицо, шея, руки и всѣ открытыя части сплошь покрываются затвердѣлыми волдырями съ опухолью, вестершимъ зудомъ, и при расчесываніи изъ ранокъ показывается кровь. Волдыри эти не проходятъ нога въ-теченіи нѣсколькихъ дней. Мошки въ тайгѣ бываетъ кое множество, что она носится цѣлыми тучами. Названіе мошки, данное ей здѣсь, судя по незначительной величинѣ ея, весьма-справедливо; холодъ убиваетъ мошку, дождь заставляетъ укрыться подъ растеніями, а вѣтеръ относитъ эти огромныя полчища мелкихъ враговъ тѣежника въ сторону и тѣмъ облегчаетъ его путь и работу.

Относительно продовольствія партій на пути повсковъ уже сказано выше, что партіонисты всевозможно стараются о сохраненіи пасовъ, а потому отнюдь не позволяютъ рабочимъ бросать не только остатки сухарей отъ партій, но и истертые сухари въ сухъ отъ дорога или крошье, которое нерѣдко рабочіе отдавали шадямъ, собирають въ одно мѣсто и берегутъ про черный день. Когда партіонистъ усмотритъ, что слишкомъ-далеко завлекся въ мѣста неизвѣстныя, что продовольствіе его довольно позарасходоно и времени для выхода изъ тайги неопредѣлено, то немедленно начинаетъ уменьшать выдачу порціи, тотчасъ же освѣдомляется о встрѣчныхъ Тунгусовъ о близости какой-либо другой повской партіи, или вообще такого мѣста, откуда бы можно было купить или взаимобразно достать привасовъ, отправляетъ туда одного или двухъ человекъ рабочихъ съ лошадью и приказываетъ поинтересоваться, чтобъ они, для облегченія себя въ обратномъ пути, дѣ-

лали на деревьяхъ, въ видимыхъ дистанціяхъ, зѣтеси; если же онъ самъ двинется съ партією впередъ, то и онъ также дѣлаетъ зѣтеси, а если обратится на встрѣчу посланнымъ, то слѣдуетъ по звѣканъ, сдѣланнымъ этими посланными. Надобно отдать полную справедливость всемъ золотопромышленникамъ въ томъ, что у нихъ взаимообразное содѣйствіе нуждающимся въ необходимыхъ потребностяхъ, особенно жизненныхъ, какъ-бы вмѣняется въ непремѣнную обязанность, такъ-что если поисковая партія, въ какихъ бы дурныхъ ни была она отношеніяхъ къ другой, обратится къ ней съ просьбою о пособіи сухарями, мясомъ, крупю, или тому-подобнымъ, то смѣло можетъ надѣяться, что отказа не получитъ: тутъ и послѣднимъ дѣлятся. То же самое должно замѣтать и относительно правилъ гостепріимства; на промыслѣ, въ партіяхъ, или вообще въ тайгѣ, должно замѣтить, что если кто-нибудь прѣздомъ остановится передневать или вообще для отдыха, — и другу и недругу пріютъ, хлѣбъ, соль и угощеніе; что имѣется, все къ услугамъ гостя; тутъ нѣтъ мѣста помину ни объ отношеніяхъ, ни о враждѣ.

Такъ-какъ на походѣ партіи нѣтъ возможности пополнять что-либо издержанное или утраченное, то и всѣ партіонныя принадлежности у нея тщательно сохраняются, какъ-то: орудія и инструменты раздаются по рукамъ и съ ответственностью каждому рабочему по принадлежности: кузнечный приборъ исполняющему обязанности кузнеца, столярный — столяра; лопаты, кирки, ведра, лейки, машинки водоотливныя — вообще рабочимъ; вашгердъ, лопаточки и смывныя щетки — промывальщику. Короче, все распределено поименно, чтобъ каждый зналъ, куда положить свои вещи и откуда взять. Безъ соблюденія подобной мѣры, безопасность рабочихъ была бы причиною не только многихъ безпорядковъ, и остановки самого дѣла: рабочіе, кромѣ похищенія вещей друг у друга въ случаѣ потери или поломки, заводили бы между собою ссоры и не имѣли бы чѣмъ работать.

Наконецъ, говоря о вознагражденіи партіониста и рабочихъ: сдѣланныя открытія, надобно замѣтить, что у золотопромышленниковъ на этотъ счетъ нѣтъ никакихъ постоянно-принятыхъ правилъ или обыкновеній, и это зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ — отъ добросовѣстности, добровольнаго чувства признательности, отъ чина вора или условія и тому-подобнаго, такъ-что одинъ партіонистъ (повторю въ предъидущей статьѣ) служитъ просто на жалованьи, другой выговариваетъ вознагражденіе съ общаго содержанія золота въ-слѣдствіе вполне-узнанной или развѣданной площади его

явки; иной плату съ пуда добытаго металла, другой единовременную денежную награду, иной пай изъ открытаго прииска, а нѣкоторые, можетъ-быть, остаются и вовсе безъ должнаго вознагражденія за трудъ свой. Рабочіе также неодинаково вознаграждаются: одни служатъ просто на жалованьи, другіе получаютъ награду и, для успѣшнѣйшаго обшурфованія площади, «старательскую работу», которую верѣдко производятъ и ночью.

Итакъ, соображая всѣ тѣ трудности, какія представляетъ служба по дѣламъ частной золотопромышленности въ Восточной-Сибири и въ-особенности въ повскахъ золота и развѣдкѣ найденныхъ приисковъ, я увѣренъ, что всякій прійметъ сторону этихъ бѣдныхъ людей, подвергающихъ себя всѣмъ опасностямъ и лишеніямъ единственно отъ нужды. Дѣйствительно, сдѣлайте выводъ изъ обѣихъ мною предложенныхъ статей, т. е. *формированія поисковыхъ партій и дѣйствія ихъ по предмету розысковъ*, — вы увидите, что человекъ, посвятившій себя на этотъ родъ службы или на это дѣло, лишаетъ себя общества съ людьми, удаляясь отъ городского населенія и предаваясь на сотоварищество малому числу людей грубыхъ, необразованныхъ и часто безнравственныхъ, каковы поселенцы, отнимаетъ у себя добровольно всѣ удовольствія, покой и наслажденія жизни городской, обрекая себя на пищу грубую и однообразную, каковы: солено-вяленая говядина, ячная крупа и ржаной сухарь; вмѣсто всякаго рода питья не только для удовлетворенія прихотливаго вкуса, но и для утоленія жажды, предоставляетъ себя одну воду горныхъ рѣчекъ и притомъ воду разнаго достоинства, иногда чистую, а иногда тяжелую, известковую, глинисто-иловатую, болотистую и даже ржавую; лишаетъ себя тѣлеснаго покоя непрерывнымъ походомъ, безъ разбора времени и поры, въ жаръ и въ холодъ, въ сухое и въ дождливое время, по каменистымъ вершинамъ и по мшистымъ и болотистымъ падямъ и догоріямъ; постель его — лишней мохъ, камень, или голая земля, кровль — холщевая палатка, балаганъ изъ хвои и бересты, или рытое темнѣ гольцовъ; защита отъ стужи и холода — не уютная шата, не хитро-придуманная печь или каминъ, но просто тулупъ и даха, и костеръ валежника, у котораго таежникъ въ дурную и вѣтряную погоду согрѣваетъ себя и обсушиваетъ такимъ-образомъ, съ одного бока жжетъ и вытягиваетъ парами воду изъ мокрой одежды, а другой стынеть и мерзнетъ; ему нѣгда и нѣкогда отдохнуть и успокоиться: день его начинается съ восходомъ, а ночь закатомъ солнца. Наконецъ, опасности переправъ или верхомячъ лошади, или, какъ переправляются всѣ рабочіе, бродомъ чрезъ гряды горныхъ рѣки, потоки, топи, гати, болота, и ежечасная

мысль о недугъ, болѣзни и самой смерти — отъ грозы, или ушибовъ объ лѣсны, отъ паденія лѣсннъ, паденія лошади, испуга ея, отъ встрѣчи хищнаго звѣря, напоследокъ отъ голода въ случаѣ блужданія и недостатка запасовъ, или подмочки и порчи ихъ... Все это, повторю, даетъ тѣсннику полное и неотъемлемое право на признательность, благодарность и щедрое вознагражденіе за труды его одинаково и при успѣхѣ предпріятія и при неудачѣ, здѣсь жизнь его въ обоихъ случаяхъ подлежитъ однимъ и тѣмъ же условіямъ — тѣмъ же опасностямъ и лишеніямъ.

ИЛІА ВОРОЗДИНЪ.

1845 года, апрѣля 6 дня.
Красноярскъ.

V.

К Р И Т И К А.

СТО РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ. *Издание книгопродавца*
А. Смирдина. *Томъ третій.* Бенедиктовъ. Бѣгичевъ. Гречъ. Мар-
ковъ. Михайловскій-Данилевскій. Мятлевъ. Ободовскій. Скобелевъ.
Ушаковъ. Хмельницкій. *Санктпетербургъ. 1845.*

За шесть лѣтъ предъ симъ, вышелъ первый томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*. Таинственные слухи заранѣе зредупреждали читающій миръ о появленіи этого изданія. Въ Россіи все влетѣло въ жоръ, и потому не удивительно, что въ 1839 году великолѣпныя изданія могли назваться чудомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, огромный, изящно-изданный сборникъ статей лучшихъ русскихъ писателей, — три каждой статьѣ гравированный на стали, въ Лондонѣ, портретъ автора, и равирированная на стали картинка къ каждой статьѣ: да это что-то прекрасное по мысли, великолѣпное по изданію! Имя издателя, книгопродавца, г. Смирдина, давно уже приобрьло на Руса общую извѣстность и общую добѣренность. Въ глазахъ русской публики, г. Смирдинъ давно уже не при-

надлежалъ къ числу обыкновенныхъ торгашей книгами, для которыхъ книги — такой же товаръ, какъ и сѣно, сало, или деготь, только, можетъ-быть, менѣе-важливой и выгодный, и которые могутъ знать толкъ и въ сѣнѣ, и въ салѣ, и въ дегтѣ, но не въ книгахъ. Нѣтъ, русская публика видѣла въ г. Смирдинѣ книгопродавца на европейскую ногу, книгопродавца съ благороднымъ самолюбіемъ, для котораго не столько было важно нажитыя черезъ книги, сколько слыть свое имя съ русскою литературою, ввести его въ ея лѣтописи. И русская публика не ошиблась въ этомъ случаѣ: г. Смирдинъ точно былъ достоинъ ея высокаго о немъ мнѣнія. Онъ хотѣлъ торговать, слѣдовательно хотѣлъ барышей, хотѣлъ наживать, — однакожь, нажи-

вать не только честно, но еще и почетно, со славой. Для этого, онъ поставилъ себя за правило издавать только хорошия сочиненія и давать ходъ только хорошимъ сочиненіямъ. Правда, онъ могъ издать и дурную книгу, но не намѣренно, а по ошибкѣ своего вкуса, или по ошибочному совѣту тѣхъ, чьему вкусу довѣрялъ онъ. Но какихъ бы барышей ни обѣщало ему сочиненіе, въ ничтожности котораго онъ былъ убѣжденъ, — никогда не рѣшился бы онъ издать его на свой счетъ. Ему всегда легче было рѣшиться на изданіе хорошаго сочиненія, которое требовало большихъ издержекъ, и, вмѣсто барышей, обѣщало убытокъ, нежели рѣшиться на изданіе дурной книги, обѣщающей вѣрную прибыль. Въ этомъ было его самолюбіе, его честолюбіе, его гордость, его страсть — тѣмъ болѣе удивительныя, тѣмъ болѣе безкорыстныя, что онъ самъ, по своему образованію, воспитанію, привычкамъ, понятіямъ, образу жизни, не могъ ни цѣнить, ни наслаждаться содержаніемъ и достоинствомъ тѣхъ сочиненій, которыхъ былъ издателемъ и которыми доставлялъ наслажденіе всему читающему русскому міру. Въ слѣдствіе этого, онъ долженъ былъ руководствоваться совѣтами и указаніями тѣхъ книжныхъ людей, которые и читаютъ и сами пишутъ книги. Надо согласиться, что положеніе г. Смирдина было, въ этомъ отношеніи, очень-затруднительно, потому-что онъ не обладалъ никакимъ прочнымъ основаніемъ, которое могло бы руководить его въ выборѣ совѣтниковъ. Это непріятное обстоятельство было въ-послѣдствіи причиною всѣхъ его неудачъ и разрушенія его надеждъ — быть долго полезнымъ русской литературѣ. А между-тѣмъ, онъ все-таки сдѣлалъ для русской литературы такъ много, что упрочилъ своему имени почетную страницу въ ея исторіи. И такъ, не будемъ обвинять его за то, что онъ могъ бы еще сдѣлать и чего, однакожъ, не сдѣлалъ; но отдадимъ ему должную

справедливость за то, что нѣтъ сдѣлано.

А онъ, повторимъ, много сдѣлалъ: онъ произвелъ рѣшительный переворотъ въ русской книжной торговлѣ, и, въ слѣдствіе этого, въ русской литературѣ. Онъ издалъ сочиненія Державина, Батюшкова, Жуковскаго, Карамзина, Крылова — такъ, какъ они, въ типографскомъ отношеніи, никогда прежде того не были изданы: т. е. опротно, даже красиво, и — что всего важнѣе — пустилъ ихъ въ продажу по цѣнѣ, доступной и для небогатыхъ людей. Въ послѣднемъ отношеніи, заслуга г. Смирдина особенно-велика: до него книги продавались страшно-дорого и, по-этому, были доступны большою частію только тѣмъ людямъ, которые всего менѣе читаютъ и покупаютъ книги. Благодаря г. Смирдину, пріобрѣтеніе книгъ, болѣе или менѣе, сдѣлалось доступнымъ и тому классу людей, которые наиболѣе читаютъ и, слѣдовательно, наиболѣе нуждаются въ книгѣ. Повторимъ: это главная заслуга г. Смирдина передъ русскою литературою и русскою образованностью. Чѣмъ дешевле книги, тѣмъ больше ихъ читаютъ, а чѣмъ больше въ обществѣ читателей, тѣмъ общество образованнѣе. Въ этомъ отношеніи, дѣятельность книгопродавца, опирающагося на капиталъ, благородна, прекрасна и богата самыми благотворными слѣдствіями. Такова была дѣятельность г. Смирдина: она безукоризненна въ томъ отношеніи, которое зависѣло отъ его воли, отъ его честнаго самолюбія, его благородной страсти. Но въ томъ, что зависѣло отъ вкуса, образованности и знанія, и въ чемъ г. Смирдинъ, какъ мы уже сказали, самъ зависѣлъ не отъ самого-себя, а отъ совѣтовъ и внушеній тѣхъ литераторовъ, на сужденіе которыхъ онъ долженъ былъ безусловно полагаться, — въ этомъ отношеніи, его изданія имѣли болѣшіе недостатки. Релакція его изданій всегда была далеко ниже нѣкакого типографскаго выполненія, зависѣшаго только отъ издателя. Такъ, на-пр.

очиненія Державина изданы не въ хронологическомъ порядкѣ, по времени ихъ появленія изъ-подъ пера поэта, а на основаніи ложнаго раздѣленія по родамъ, которымиъ всегда руководствовалась, при изданіи сочиненій каждаго автора, старая, такъ-называемая классическая школа. *Исторія Государства Россійскаго* Карамзина, благодаря г. Смирдину, стоила только *тридцать рублей ассинаціями*, вмѣсто прежнихъ *полтора*ста и больше рублей, следовательно, въ пять разъ дешевле. Вышла она въ двѣнадцать небольшихъ книжкахъ въ 12-ю долю листа, напечатанныхъ однакожь не слишкомъ-мелкимъ и очень-четкимъ шрифтомъ. Чего бы, кажется, лучше! И дѣйствительно, а сторонѣ книгопродавца тутъ одна только заслуга, и заслуга великая! Но бразованные, просвѣщенные, ученые даровитые писатели, принимавшіе участіе въ редакціи «*Исторіи*» Карамзина, дали ему благой и мудрый совѣтъ — частію сократить, частію выбросить примѣчанія!.. Зачѣмъ это было сделано? Зачѣмъ, чтобъ книжка была дешевле, изданіе обошлось дешевле, и то можно было бы пустить въ продажу дешевле. Очень-хорошо; но въ такомъ случаѣ, всего бы лучше было напечатать «*Исторію* Карамзина» совсѣмъ безъ примѣчаній. Тогда она годилась бы, по-крайней-мѣрѣ, для тѣхъ людей, которые читаютъ исторію какъ романъ, какъ повѣсть, какъ сказку, и для которыхъ скучно заглядывать въ примѣчанія, состоящія часто изъ интереснѣйшихъ и любопытнѣйшихъ выписокъ изъ летописей и современныхъ записокъ, чтобъ повѣрять ими и событія и тора исторіи. Но редакторы, или соотечки, желая угодить всѣмъ, не угодили никому. Тѣмъ, кто не любитъ примѣчаній, они все-таки навязали же примѣчанія, хотя и не полныя, которыя только безъ нужды увеличили цену; тѣмъ же, для которыхъ примѣчанія важны не меньше всего текста, они снабдили искаженными примѣчаніями, которыя, по этому, не имѣли уже никакой цѣны. И

если для первыхъ лучше было бы издать «*Исторію*» Карамзина совсѣмъ безъ примѣчаній, то естественно, что для послѣднихъ слѣдовало бы ее издать съ полными примѣчаніями, тѣмъ болѣе, что три, или много четыре лишніе листа при книгѣ не слишкомъ увеличили бы ея толщину (книжки вышли очень-тонки) и расходы изданія. Въ послѣднемъ случаѣ, лучше бы возвысить цѣну книги рублями пятью, потому-что и 35 рублей — все-таки въ четверо дешевле 150 рублей. Тогда изданіе равно годилось бы для всѣхъ — и для тѣхъ, кому не нужны примѣчанія, и для тѣхъ, кому они нужны, между-тѣмъ, какъ искаженіе примѣчаній много повредило успѣху изданія и, слѣдовательно, выгодамъ издателя. Раскройте журналы того времени, — вы увидите, что мы говоримъ правду: это произвольное и ненужное искаженіе примѣчаній встрѣчено было общимъ ропотомъ. И неудивительно: теперь каждый образованный читатель съ большою охотою заплатитъ г. Эйнерлингу 50 рублей ассинаціями за его компактное и прекрасное изданіе «*Исторіи*» Карамзина, нежели г. Смирдину 10 руб. асс. за его дешевое изданіе той же «*Исторіи*».

Г. Смирдину пришла счастливая мысль — издать полный каталогъ своей огромной библіотеки; но для осуществленія этой мысли онъ могъ только пожертвовать капиталомъ, а не быть редакторомъ изданія, и изданіе вышло изъ-рукъ-вонъ плохо. Составлявшіе каталогъ, держали такого неслыханнаго порядка въ раздѣленіи книгъ по ихъ содержанію, что изъ хорошей книги по-неволѣ вышелъ влдоръ. Повѣрять ли, что въ этомъ каталогѣ, въ отдѣлѣ богословскихъ книгъ, помѣщены: *Ключъ къ таинствамъ натуры*, Экартсгаузена, *Дочь молочника, истинная и занимательная повѣсть* и другія повѣсти и сказки нравственнаго содержанія; а въ отдѣлѣ философіи — книги въ родѣ слѣдующей: *Смѣющійся Демокритъ, или поле честныхъ увеселеній, съ поруганіемъ меланхоліи*?. Еще

хорошо, что при этомъ каталогъ есть общій каталогъ, по алфавиту, всѣхъ книгъ и всѣхъ авторовъ, и потому, хоть и съ трудомъ, а можно прискаты книгу, которую нужно. Благодаря этому обстоятельству, каталогъ г. Смирдина— настольная ручная книга въ кабинетѣ каждаго литератора. Но будь онъ составленъ какъ слѣдуетъ, это была бы безцѣнная книга. Навъ всего этого видно, что могъ бы сдѣлать для русской литературы и русскаго образованія такой книгопродавецъ, какъ г. Смирдинъ, еслибъ онъ не видѣлъ нужды въ чужихъ совѣтахъ и чужомъ руководствѣ и могъ дѣйствовать самостоятельно...

Но еще бѣльшій переворотъ въ русской литературѣ сдѣлалъ г. Смирдинъ своимъ журналомъ — *Библиотека для Чтенія*. Появленіе этого журнала— истинная эпоха въ исторіи русской литературы. До него, наша журналистика существовала только для *немногихъ*, только для *избранныхъ*, только для *любителей*, но не для общества. Лучшій тогда журналъ, *Московский Телеграфъ*, пользовавшійся большимъ успѣхомъ, нежели всѣ предшествовавшіе и современные ему журналы, почти постоянно держался на 1,200 подписчиковъ и никогда не имѣлъ ихъ больше 1,500. Это считалось тогда огромнымъ успѣхомъ; но съ появленія *Библиотеки для Чтенія*, всякому журналу необходимо стало имѣть больше 1000 подписчиковъ только для издержекъ на изданіе. Отъ-чего произошла такая быстрая перемена? Отъ-того, что съ появленія *Библиотеки для Чтенія* литературный трудъ сдѣлался капиталомъ... Много было тогда объ этомъ споровъ, и многіе видѣли въ этомъ униженіе литературы, литературное торгашество. Рыцари литературнаго безкорыстія, или, лучше сказать, литературнаго докучотства, не замѣчали, что въ ихъ пышныхъ фразахъ больше ребячества, нежели возвышенности чувства. Въ наше время, когда не-богачамъ жить такъ трудно и жить можно только трудомъ, въ наше время не цѣнить литературы на деньги, значить не цѣнить ея ни во

что, не признавать ея существованія. Дѣйствительно, можно ли предполагать богатую литературу тамъ, гдѣ книга— не товаръ и гдѣ говорятъ: «все товаръ— и битое стекло, и мусоръ, и песокъ; но книги— не товаръ»? Можно ли предполагать дѣйствительное существованіе литературы тамъ, гдѣ можетъ жить своимъ трудомъ и подѣнщикъ, и разнощикъ, и продавецъ стараго тряпья, и битой посуды, и тѣмъ болѣе ивещъ; но гдѣ не можетъ жить своимъ трудомъ писатель, литераторъ? Что бы ни говорили, но аксіома неоспоримая, что нельзя въ одно и то же время быть вполне и хорошимъ чиновникомъ и хорошимъ литераторомъ: чиновникъ непременно будетъ мѣшать литератору, а литераторъ чиновнику. Чтобы быть ученымъ, поэтомъ, или литераторомъ вполне, необходимо видѣть въ наукѣ, въ искусствѣ, или въ литературѣ свое исключительное призваніе, свое, такъ-сказать, ремесло, свой родъ промышленности, говоря языкомъ политической экономіи. Намъ скажутъ, что между нашими знаменитыми писателями были и есть люди, отличавшіеся и отличающіеся на служебномъ поприщѣ. Вѣримъ; но что же это доказываетъ, если не то, что эти же самые знаменитые писатели были бы еще знаменитѣе, т. е. лучше и больше писали бы, еслибъ могли посвятить свою дѣятельность исключительно одной литературѣ? Мы вѣдь не говоримъ, что только литература непременно мѣшаетъ службѣ; нѣтъ, мы говоримъ, что у одного литератора мѣшаетъ службѣ, у другаго служба мѣшаетъ литературѣ, а у третьяго служба и литература взаимно мѣшаютъ другъ другу (последнее бываетъ чаще всего и хуже всего, потому-что полу-чиновникъ хуже чиновника, такъ же, какъ полу-литераторъ хуже литератора). И это будетъ продолжаться до-тѣхъ-поръ, пока литературная дѣятельность не будетъ олна обезпечивать существованіе литератора. До-сихъ-поръ, одною изъ существенныхъ причинъ жалкаго состоянія нашей литературы должно счи-

тать то, что у насъ очень-много полу-литераторовъ и очень-мало литераторовъ. Говоря это, мы хотимъ только указать на существующій фактъ, а совѣсть не винить въ этомъ кого-нибудь. Чтò необходимо, въ томъ никто не виновать, а полу-литераторство до сихъ-поръ—необходимость, своего рода неотравимый fatum. Въ этомъ даже есть своя хорошая сторона, хотя и не для литературы: лучше пусть чиновникъ доплаваетъ скудные свои доходы урывочными литературными трудами и ими приобрѣтаетъ возможность существовать, нежели служебными злоупотребленіями—этими любимыми источникомъ людей стараго поколѣнія. Но еще будетъ лучше, когда всякій человѣкъ съ талантомъ или съ способностями къ литературѣ, только въ одной литературной дѣтельности будетъ находить вѣрный и благородный источникъ своего обезпеченія.

Мы не скажемъ, чтобъ г. Смирдинъ своею Библиотекою для Чтенія довелъ русскую литературу до состоянія обезпечивать виѣшнее положеніе ея дѣателей; но онъ первый положилъ начало такому ходу русской литературы. Извѣстно, журналъ могъ не только держаться, но и доставлять выгоды своему издателю при какихъ-нибудь трехъ-гдѣхъ подписчикахъ, — а при пяти-гдѣхъ, журналъ считался богачомъ. И е мудрено: издатель его тратился только на бумагу и печать. Вотъ отъ-его такъ много издавалось тогда журналовъ въ Москвѣ, гдѣ бумага и печать теперь гораздо-дешевле, нежели въ Петербургѣ. Книжки журналовъ тогдашнихъ были маленькія, тощенькія и абивались стихами, изрѣдка оригинальными повѣстями (большую частью отрывками изъ неоконченныхъ омановъ и повѣстей), да переводами. Весь этотъ матеріалъ доставлялся издателямъ даромъ, и если они авали за что скудную плату, такъ авали за переводы. Исключенія были въ рѣдкихъ... Тогда былъ золотой вѣкъ литературной невинности, или, лучше сказать, ребяческаго литератор-

щества: тогда читали и писали изъ одной чистой любви къ литературѣ, какъ невинному и благородному занятію, а печатались изъ одной чести видѣть себя въ печати... Истинная литературная Аркадія, настоящая журнальная идиллія, въ которой овцы были довольны, а пастухи сыты!.. Правда, тутъ не было торгашества, по-крайней-мѣрѣ, со стороны добровольныхъ вкладчиковъ, если не издателей; за то, сколько было тутъ мелкаго самолюбія, сколько ребячества, и какъ вся литература походила на дѣтскую игру въ мячикъ: перебрасывались стихами ни на что и полемикою изъ ничего—и были довольны, счастливы!..

Но все вдругъ измѣнилось съ появленіемъ журнала г. Смирдина: за статью установилась плата, литературный трудъ сдѣлался капиталомъ. Сначала, это новое движеніе въ литературѣ не могло не имѣть своихъ дурныхъ сторонъ, какъ и всякій общественный успѣхъ. Но вѣдь и цивилизація имѣетъ свои дурныя стороны, которыхъ не знаютъ общества, пребывающія въ дикомъ состояніи; однакожъ, только славнофилы могутъ утверждать, что лучше оставаться людямъ дикарами, нежели, вмѣстѣ съ благодѣяніями цивилизаціи, принять и ея неизбежныя недостатки. Итакъ, сначала приманка платы за литературный трудъ произвела, вмѣстѣ съ хорошими сдѣлствіями, и дурныя: появилось множество писакъ, которые думали, что за ихъ сочиненія такъ вотъ и полетятъ на нихъ золотой дождь; даже люди съ способностями и дарованіемъ начали заботиться не столько о томъ, чтобъ хорошо писать, сколько о томъ, чтобъ много и скоро писать. Но это не было продолжительно: лишь только новостъ обратилась въ обычай и обыкновеніе, какъ все вошло въ свои должныя границы. И теперь, право, лучше и вѣрнѣе, чѣмъ прежде, цѣнится и талантъ и бездарность, писака никогда не перебьетъ дороги у писателя, а плохое произведеніе никогда не предпочтется хорошему за то, что послѣднее дороже.

По-крайней-мѣрѣ, такъ бываетъ теперь въ мѣрѣ журналистики. Книгопродавцы доселѣ продолжаютъ руководиться совѣтами литераторовъ, съ которыми имѣють дѣла и имѣвлю которыхъ вѣрять, а не то—именами мѣряютъ достоинства произведеній, и за плохую повѣсть знаменитаго, хотя и выписавшагося писателя, всегда дадутъ втрое и впятеро больше; нежели за прекрасное произведеніе молодого человѣка, который только-что начинаетъ и еще не успѣлъ приобрести себѣ литературнаго имени. Но журналы (разумеется, хорошіе) должны быть чужды этого уврека, — и если вы прочтете въ журналѣ плохую повѣсть, приписывайте ея помѣщеніе не безвкусию и не скупости журналиста, а только тому, что и за деньги не могъ онъ достать хорошей повѣсти. Этимъ, и только этимъ должно объяснять помѣщеніе въ журналахъ всего посредственнаго и дурнаго: если нѣгдѣ взять хорошаго, поневолѣ станешь печатать что есть, выбирая изъ худаго менѣе-худое; но хорошіи романы, корошая повѣсть, драма, хорошая журнальная статья уже не залежатся въ портфѣлѣ автора потому только, что онъ хочетъ взять за свой трудъ хорошую цѣну. Если же журналисты по расчету, изъ экономіи, наполняютъ свой журналъ балластомъ, этимъ онъ не можетъ не вредить успѣху своего изданія; слѣдовательно, и въ матеріальныхъ выгодахъ не можетъ не терять, думая выигрывать. Сами книгопродавцы, издавая много посредственнаго, уже почти не издають дурнаго, а напротивъ, часто издають и хорошее. Еслибъ, въ настоящее время, русская литература была богаче талантами, и таланты были бы дѣятельнѣе, то плата за трудъ, обратившаяся въ обычай, сдѣлала бы то, что печатались бы только хорошіи произведенія, а посредственныя и дурныя нашли бы свой складочный магазинъ только въ тѣхъ журналахъ, которые издаются на прежнемъ основаніи литературнаго безкорыстія, т. е.

безкорыстнаго обычая прежнихъ журналистовъ не платить сотрудникамъ и вкладчикамъ. И потому, такъ-называемое торговое направленіе, данное г. Смирдиннымъ русской литературѣ, да же и въ-отношеніи къ успѣхамъ вкуса принесло великую пользу, и только вначалѣ произвело немного вреда.

Любопытно вспомнить кстати, какіе толки и вопли пробудила тогда «Библиотека для Чтенія», въ-отношеніи къ ея правилу платить за статьи. Черезъ годъ послѣ появленія этого журнала (въ 1835 г.), въ Москвѣ основался новый журналъ, — и официальный критикъ этого журнала вотъ что провозгласилъ въ своей статьѣ: *Словесности и Торговля*:

«Да, да, — мой взглядъ на современную нашу литературу будетъ нынѣ совершенно матеріальный. На журналы я смотрю, какъ на капиталистовъ. Библиотека для Чтенія имѣетъ для меня пять тысячъ душъ подписчиковъ. *Свергнал Пчела*, можетъ-быть, вдвое. Замѣчательно, что эти журналы еще въ томъ складятся съ богачами, что любятъ хвастаться всеварелю своимъ богатствомъ. — Эти души подписчиковъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ твои оброчки: за ними нѣтъ никогда недонки, они платятъ впередъ, и всегда чистыми деньгами, и всегда на ассигнаціи. — Вотъ ѣдетъ литераторъ въ новыхъ саахъ; ты думаешь, это сани. Нѣтъ, это статья Библиотеки для Чтенія, получившая видъ саней, покрытыхъ медвѣжьей медью, съ богатыми серебряными когтями. Вся эта бровза, этотъ коверъ, этотъ дакъ чистый и опрятный все это листы дорогихъ заплаченной статьи, приваившіе разные образы саннаго издѣлія. Литераторъ хочетъ дать обѣдъ, и жалуется, что у него нѣтъ денегъ. Ему говорятъ: да напиши повѣсть — и пошли въ Библиотеку для Чтенія; вотъ и обѣдъ. Одинъ изъ словесъ. Литература наша сыта, даешь обѣдъ, *живетъ въ чертогахъ (?)*, *поздизъ въ каремалъ*, въ лаковыхъ саахъ, кутается въ медвѣжьей шубу, въ бекешъ съ бобровыми воротничкомъ, *возвѣщаетъ голосъ на аукціонахъ Онекунскаго Соезта*, *покупаются ильчнкія...* (?!?!...) Насталъ, если не золотой, то самый сытный вѣкъ нашей литературы. Дождались мы того стастаннаго времени, что статьи наши считаются за вѣ-

ные банковые билеты, что словесность наша имѣет свой торговый домъ, въ которомъ эти измаранные билеты тотчасъ вымѣниваются на чистые печатные, все приобретающіе. Не на Парнасѣ сидятъ наши музы, не среди ихъ въ небесахъ, а въ сѣбѣ обитаетъ наша словесность. Я представляю ее себѣ владѣтельницею ломбарда; здѣсь, на престолѣ вѣз ассембляцій, воссѣдаетъ она со счетами въ рукахъ. Въ огромныхъ залахъ ея чертоговъ великое множество просителей, съ исписанными тетрадами въ рукахъ; билеты равно принимаются отъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ; она всѣхъ сравнила по уровню печатнаго листа, за исключеніемъ немногихъ прежнихъ капиталистовъ;—но между этими просителями нѣтъ уже ни одного героя, который осмѣлился бы, какъ прежде, поднимать голову надъ всѣми, и объявить монополию на поѣсть, на романъ, на поэму. Но кто невидимый герой всего этого міра? Кто устроилъ ломбардъ нашей словесности и взялъ ея производителей подъ свою опеку? Кто движетъ всею этою машиною нашей литературы? *Книгопродавецъ*. Съ нимъ подружилась наша словесность, ему продала себя за деньги и поклялась въ вѣчной вѣрности.»

Эта шумливая выходка противъ пре-
краснаго дѣла г. Смирдина говорить
всего убѣдительнѣе въ его пользу. Во-
первыхъ, широковѣщательная и мно-
гоглагольная статья эта напечатана въ
журналъ, который въ своей програм-
мѣ объявилъ, что онъ будетъ «платить
за статьи, и платить не скупо». Во-вто-
рыхъ, вездѣшний сочинитель этой
статьи не замедлилъ послать въ жур-
налъ г. Смирдина статью, на общихъ
для всѣхъ основаніяхъ денежнаго воз-
награжденія. (Вотъ подлинно, продалъ
да и бранить другихъ, что они про-
даютъ свои труды!...) Въ-третьихъ, въ
травкѣ, который мы выписали изъ
статьи, что ни слово, то неправда, что
ни слово, то выдумка, что ни слово, то
преувеличеніе. Все это наговорено,
какъ выражается Маниловъ въ *Мерт-
выхъ Душахъ*, только «для красоты сло-
ва», для метафоръ и фигуръ, для рето-
рики. Риторъ, когда говоритъ, прислу-
шивается къ собственнымъ словамъ,
усть ихъ и обмывывается; что ему за

дѣло, что въ нихъ заключается сущая
нелѣпность, или вовсе ничего не заклю-
чается!... Что иной авторъ могъ купить
себѣ сани за цѣну статьи, отданной
имъ въ журналъ г. Смирдина — это не
невозможное дѣло. За деньги, полу-
ченные отъ того же журнала за цѣлый
рядъ статей, печатавшихся въ-продол-
женіи нѣсколькихъ лѣтъ, иной могъ,
пожалуй, купить и карету: опять не
невозможное дѣло. Но прервать ста-
тью въ карету, или, посредствомъ да-
же многихъ статей, придти въ состо-
яніе возвышать голосъ на аукціонахъ
Опекувскаго Совѣта и покупать дерев-
ни,—воля ваша, все это нелѣпность, т.
е. пустая и шумливая риторика. Прав-
да, у насъ были два романиста, кото-
рые, своими романами, говорить, при-
обрѣли себѣ состояніе; но это случил-
ось или до «Библіотеки для Чтенія»,
или безъ ея содѣйствія, и подобный
успѣхъ былъ совершенною случай-
ностью, изъ которой смѣшно было бы
дѣлать общее правило. Золотой дождь,
полившійся изъ журнала г. Смирдина
на русскихъ литераторовъ, привидѣл-
ся во снѣ московскому критику, а
онъ взялъ да и напечаталъ свой сонъ,
какъ-будто все это было дѣйствитель-
ностью, благо, что бумага все терпитъ
и ни отъ чего не краснѣетъ... Довольно
и того, что журналъ г. Смирдина по-
ложилъ начало обычаю вознаграждать
по мѣрѣ возможности литературный
трудъ, и черезъ это далъ литераторамъ
большую возможность, вежели какую
имѣли они прежде, предаваться лите-
ратурнымъ занятіямъ. И то было
истиннымъ подвигомъ съего стороны,
и за то ему честь и слава! Говорятъ:
нашъ вѣкъ желѣзный, денежный и
промышленный:—фразы! Люди всегда
были и будутъ людьми: ни прежде, ни
теперь и ни послѣ не могли, не могутъ
и не будутъ они въ состояніи питать-
ся и одѣваться воздухомъ. Плата за
честный трудъ нисколько не уни-
тельна; унижительно злоупотребленіе
труда. И по нашему мнѣнію, гораздо-
честнѣе продать свою статью журна-
листу, или книгопродавцу, нежели

крывать стихоики въ честь какого-нибудь мецената, милостивца и покровителя, какъ это дѣлывалось въ *весилное* и *безкорыстное* время нашей литературы, когда подобными *одами* добивались чести играть роль шута въ боярскихъ палатахъ, получали мѣста и выходили въ люди...

Движеніе, давшее г. Смирдину русскую литературу, сначала было очень-сильно. Почти вслѣдъ за журналомъ его, началъ издаваться г. Плюшаромъ *Энциклопедическій Лексиконъ* — предпріятіе огромное и приведшее въ движеніе много перьевъ, которыя до того лежали безъ употребленія. Пока это изданіе шло хорошо, его владѣлецъ показывалъ едва-ли не первый примѣръ честнаго вознагражденія за трудъ на правилахъ европейской коммерціи, т. е. записка отъ главнаго редактора, предъявленная въ конторѣ редакціи, была истиннымъ банковымъ билетомъ: деньги выдавались въ ту же минуту, сполна, безъ ужимокъ, безъ гримасъ, безъ отсрочекъ до слѣдующей недѣли, безъ просьбы—принять пока половинку, и *монеткою*, вмѣсто ассигнацій (такъ-какъ тогда ассигнаціи ходили съ лажомъ), безъ жалобъ на недостатокъ денегъ, на дороговизну времени, стѣсненныя обстоятельства,—словомъ, безъ всѣхъ этихъ неприятностей, которыя дѣлаютъ для насъ истинною мукою полученіе денегъ по праву вамъ принадлежащихъ...

Какъ пошелъ въ ходъ журналъ г. Смирдина, какъ дѣйствовала его редакція, объ этомъ мы не будемъ говорить, потому-что это не относится къ предмету статьи. Скажемъ только, что г. Смирдинъ все сдѣлалъ для своего изданія, что долженъ былъ и что могъ онъ сдѣлать, даже болѣе. Онъ не боялся риска, сыпалъ деньгами, ходилъ къ литераторамъ, принималъ ихъ у себя, гонялся за статьями, заказывалъ ихъ, торопилъ окончаніемъ, кланялся, просилъ... Что бы могъ дѣлать онъ больше?

Сто Русскихъ Литераторовъ едва-ли не самое любимое изъ всѣхъ из-

даній, которыя когда-либо предпринималъ г. Смирдинъ. Онъ началъ его со страстью, продолжаетъ съ упорствомъ, и, по-видимому, ожидаетъ отъ него много пользы. Посмотримъ, до какой степени основательны эти надежды.

Мысль изданія *Ста Русскихъ Литераторовъ* не лишена оригинальности. Это своего рода портретная галерея русскихъ писателей, которая не только знакомитъ читателя съ лицомъ и почеркомъ каждаго замѣчательнаго писателя, но и напоминаетъ ему его талантъ и его манеру статью, приложенною къ портрету. Картинки, сюжеты которыхъ заимствованы изъ статей, составляющихъ содержаніе книги, дополняютъ собою роскошь изданія. Все это очень-неудно прилажено, и такимъ образомъ можно было бы составить цѣлый рядъ очень-интересныхъ книгъ, изданіе которыхъ принесло бы и честь и прибыль книгопродавцу. Но и тутъ г. Смирдинъ сдѣлалъ все, что могъ и чего въ правѣ была требовать отъ него публика, т. е. онъ не жалѣлъ ни денегъ, ни хлопотъ. Изданіе имъ три тома *Ста Русскихъ Литераторовъ*, по красотѣ изданія, по портретамъ и картинкамъ,—книги хоть куда, книги, какихъ у насъ не много, и какихъ, до выхода перваго тома этого изданія, никогда не бывало. Г. Смирдинъ предположилъ себѣ издать десять томовъ, съ десятью портретами и десятью картинками въ каждомъ; что же касается до статей, то, по его плану, ихъ не могло быть меньше, не могло быть больше десяти въ каждомъ томѣ. Итакъ, *сто* портретовъ, *сто* литераторовъ для всего изданія! Гдѣ наберетъ ихъ г. Смирдинъ? спрашивали мы самихъ-себя, когда впрошелъ слухъ объ этомъ предпріятіи. Не полагая, чтобъ невозможное было возможно,—мы думали, что, во-первыхъ, г. Смирдинъ начнетъ свое изданіе съ Камтеяра, Тредьяковскаго, Ломоносова, Поговскаго, Сумарокова, Хераскова, Петрова, Державина, Фонвизина, Багданов-

ича, Книжнина, Аблесимова, Капнина и т. д. Въ такомъ случаѣ, держась хронологическаго порядка, онъ могъ бы наполнить тома три одними писателями, предшествовавшими Пушкину. Подобная мысль была бы недурна. Тутъ нечего было бы разсуждать о томъ, поэты, или не поэты были Тредьяковскій, Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ; они играли въ свое время важную роль въ русской литературѣ и пользовались огромною извѣстностію: этого довольно. Строгость выбора — дѣло важное; но г. Смирнинъ, въ этомъ выборѣ, непремѣнно долженъ былъ принять за основаніе извѣстность, какою въ свое время пользовался тотъ или другой писатель. Мы думали, что г. Смирнину удалось (остать хоть по одному или по нѣскольку изъ неизданныхъ сочиненій этихъ писателей, а при портретахъ тѣхъ, послѣ которыхъ не оставалось ничего неапечатаннаго, имъ приложить что-нибудь уже изъ апечатаннаго и извѣстнаго, — что-нибудь такое, что характеризовало бы писателя, портретъ котораго находился передъ глазами читателя. Это была бы истинная портретная и, въ то же время, историческая галерея русской литературы, великолѣпный памятникъ, воздвигнутый русской литературѣ просвѣщеннымъ и умнымъ усердіемъ книгопродавца. Тутъ главное дѣло — хронологическая послѣдовательность дѣятелей русской литературы, такъ, чтобъ каждый томъ представлялъ цѣлую группу писателей отъбальной эпохи, и чтобъ это была, такъ-сказать, своего рода исторія русской литературы въ лицахъ. Ничего и говорить, что когда бы дошло дѣло до живыхъ литераторовъ, ихъ портреты были бы съ новыми статьями. Но вѣтъ насъ ужасало число *семидесяти*: какъ набереть столько писателей г. Смирнинъ?... Но когда вышелъ первый томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*, мы тотчасъ поняли, что, при нуждѣ, онъ можетъ набрать ихъ, пожалуй, цѣлыхъ пятьсотъ, и даже надѣлать ихъ,

еслибы не нашлось уже готовыхъ. Какъ надѣлать? да очень — просто: встрѣтилъ челоѣка, который знаетъ грамотѣ и любитъ читать книжки, да и попросилъ его написать повѣсть, или драму. Тотъ сперва удивится, потомъ поломается, а тамъ и согласится. Есть тысячи людей, которые, изъ денегъ, или изъ чести видѣть въ печати свой портретъ и свое сочиненіе, готовы пуститься въ сочинительство, даже и не зная грамотѣ...

Еще первый томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ* показалъ, что это изданіе предпринято безъ всякаго плана, безъ всякаго порядка. Кто попался первый, того и давай сюда, отъ-чего и составилось общество, члены котораго не могутъ довольно надвинуться тому какъ они сошлись вмѣстѣ. Старые писатели смѣшаны съ новыми, гениальные съ бездарными, знаменитые съ неизвѣстными, хорошіе съ плохими: Пушкинъ съ г. Зотовымъ, Крыловъ съ г. Каменскимъ, Шишковъ съ г. Веревкинскимъ, г. Гречъ съ г. Бенедиктовымъ, и т. д. Но пусть старые писатели смѣшаны безъ толку съ новыми и молодыми: это бы еще куда-ни-шло; не хорошо, но такъ и быть. Хуже всего то, что гениальность смѣшана съ бездарностью, талантъ съ посредственностію, знаменитость съ неизвѣстностію. Конечно, не г. Смирнину взвѣшивать и сортировать литературные таланты; но все-таки ему слѣдовало крѣпко держатся, въ этомъ отношеніи, основанія извѣстности, репутаціи таланта. Спрашиваемъ его, ради какихъ причинъ г. Зотовъ попалъ въ его сборникъ? Говорятъ, онъ написалъ нѣсколько десятковъ томовъ; хорошо, но развѣ мало томовъ написалъ извѣстный московскій романистъ, Александръ Анонимовичъ Орловъ, развѣ романы и повѣсти его не расходились тысячами, и онъ не нашелъ себѣ многочисленной публики? Почему же его не видимъ мы въ числѣ *Ста Русскихъ Литераторовъ*? Или еще, можетъ-быть, въ которомъ-нибудь изъ слѣдующихъ томовъ, мы будемъ

нѣтъ удовольствіе встрѣтить этого счастливаго, по таланту и славѣ, соперника г. Зотова?.. Дай-то Богъ!.. Но путки въ-сторону, а мы не можемъ понять, какимъ-образомъ не попалъ г. Смирдинъ, что его изданіе на повалъ было убито сосѣдствомъ г. Зотова съ Пушкинымъ? Пусть вспомнитъ онъ, что говорилось тогда въ журналахъ, что говорила публика? Кто далъ г. Смирдину роковой совѣтъ — включить г. Зотова въ число ста русскихъ литераторовъ?

Но однимъ ли этимъ убито это изданіе! Вотъ перечень литераторовъ, которыхъ статьи и портреты помѣщены въ *трехъ* томахъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*: Александровъ, Марлинскій, Давыдовъ, Зотовъ, Кукольникъ, Полевой, Пушкинъ, Свиньинъ, Сенковский, Шаховской, Буларинъ, Вельтманъ, Вертекинъ, Заоскинъ, Каменскій, Крыловъ, Масальскій, Надеждинъ, Панаевъ, Шишковъ, Бенедиктовъ, Бычегъ, Гречъ, Марковъ, Михайловскій-Данилевскій, Мятлевъ, Ободовскій, Скобелевъ, Ушаковъ, Хмельницкій. Прежде всего посмотрите: всѣ ли изъ поименованныхъ тутъ литераторовъ имѣютъ право быть помѣщенными во *Ста Русскихъ Литераторахъ*, и всѣхъ ли ихъ портреты любопытны для публики; потомъ: всѣ ли они въ-время и статьи попали въ эту книгу, и, наконецъ, всѣхъ ли ихъ статьи стоіли напечатанія? Въ то время, какъ вышелъ первый томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*, извѣстность г. Александрова (г-жи Дуровой) была въ полной ея апогеѣ; теперь, появленіе портрета и статьи этого писателя было бы несвоевременно, потому-что, по причинѣ быстраго хода нашей литературы и нашего общества, у насъ многое скоро забывается; тогда же (1839) это было и въ-время и статьи; но статья г. Александрова — *Сѣрный Ключъ* была больше, чѣмъ слаба, и не стоіла печати. Статьи Марлинскаго — *Мулла-Нуръ* и *Местъ* и стихотвореніе *Сонъ*, были изъ-рукъ-вонъ плохи; одна фразеологія, надутая и на-

пыщенная, безъ всякой прикрасы блескомъ таланта, которыхъ не чужды были по-крайней-мѣрѣ лучшія изъ прежнихъ сочиненій этого писателя. Портретъ *Давыдова* былъ какъ-нельзя-лучше кстати и въ-время — вскорѣ послѣ смерти этого даровитаго и замѣчательнаго человека; статья его, при портретѣ — *Тильзитъ въ 1807 году*, была всецѣна на большаго интереса и занимана въ-красно.—Ог. Зотова мы назвали.—Портретъ г. Кукольника какъ-нельзя-больше былъ кстати и въ-время: осподній онъ явится годомъ, двумя, или, на-пр., явись онъ теперь, въ третьемъ томѣ этого изданія, — и онъ не имѣлъ бы уже того интереса, потому-что г. Кукольникъ уже не надежда къ будущему, какъ тогда былъ, отъ-чего и прежніе его труды получили теперь совсѣмъ-другое значеніе, нежели какъ тогда имѣли... Статья г. Кукольника *Иоаннъ Актопъ Лейзенцъ*—одно изъ лучшихъ его произведеній, и читается съ большимъ удовольствіемъ.—Портретъ г. Полеваго не могъ быть не интересенъ для русской публики, которой онъ дкавалъ столько услугъ, хотя уже въ это время его слава была на ея возростѣ съ апогеемъ. Повѣсть его, *Дурочка*, была какъ всѣ его повѣсти; можетъ-быть, для этого-то онъ и далъ въ эту книгу другую свою статью, въ которую вбольшытну и дѣльную — О бумагахъ и замѣткахъ, оставшихся по кончинѣ Петра-Великаго въ его собственномъ кабинетѣ. — О портретѣ Пушкина в его статьяхъ—*Каменный Гость* и *Одна глава изъ неоконченнаго романа*, здѣсь не имѣсто распространяться: первая превосходна, вторая интересна. — Портретъ г. Свиньина рѣшительно не удивителенъ, потому-что г. Свиньинъ былъ, если хотите, литераторомъ, но весьма-незамѣчательнымъ; поэтомъ же и бѣлетристомъ никогда не былъ, а сдѣлался тѣмъ и другимъ по желанію г. Смирдина, который предположилъ принимать во *Ста Русскихъ Литераторовъ* преимущественно погѣсти, драмы и стихотворенія. Удивительно ли, послѣ этого, что драмъ

г. Свиньина — Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, больше нежели плоха?.. Портретъ г. Сенковского былъ кстати, а статья его отличалась обыкновенными достоинствами и недостатками этого писателя. — Но портретъ князя Шаховскаго опоздалъ годами пятнадцатью по-крайней-мѣрѣ; онъ былъ бы на своемъ мѣстѣ, и не былъ бы лишнимъ, если бы *Сто Русскихъ Литераторовъ* были картинкою и вмѣстѣ историческою галереєю русской литературы. Повѣстей князю Шаховской никогда не писалъ, и повѣсти — совсѣмъ не его родъ; присовокупите же къ этому, что въ то время онъ былъ писателемъ, который уже давно и выписался и отсталъ отъ времени, — и вы сами поймете, какова была его повѣсть *Маруся*... И вотъ первый томъ, который, однакожь, все-таки былъ лучше втораго.

Во второмъ томѣ помѣщенъ портретъ Крылова и напечатана его басня *Пчуха и Кукушка*: какъ бы хорошо было, для чести и успѣха изданія, если бъ портретъ Крылова и его прекрасная басня попали въ первый томъ... Портретъ г. Булгарина былъ бы очень-кстати въ 1829 году, когда выгнелъ въ свѣтъ его *Иванъ Выжигинъ*. Повѣсть г. Булгарина *Побѣда отъ Шибда* была лучшею повѣстью во шоромъ томѣ *Ста Русскихъ Литераторовъ*: до того плохи всѣ остальные повѣсти въ этомъ томѣ!.. Портретъ г. Бельмана, конечно, былъ интересенъ для почитателей таланта автора *Коцелъ безсмертною*; но повѣсть его *Урсулъ чень* — неудачна... Какимъ образомъ ашелъ во *Сто Русскихъ Литераторовъ* портретъ г. Веревкина — не понимаю. Г. Веревкинъ написалъ, во всю жизнь свою, двѣ или три повѣсти, довольно-незначительныя, въ которыхъ нѣтъ, по крайнему своему разумѣнью, стримъ à la баронъ Брамбусъ и, какъ всякій подражатель, былъ ниже своего образца... Повѣсти г. Веревкина (Рахманяна) годились для журнальнаго обихода, въ свое время были перелистованы, да тутъ же и за-

быты, какъ забывается все, что не выходитъ за черту обыкновенности. Гдѣ жъ тутъ право на знаменитость? Зачѣмъ публикѣ былъ портретъ г. Веревкина? Развѣ за тѣмъ, чтобъ она спрашивала: да кто же этотъ г. Веревкинъ и что такое написалъ онъ? Для разрѣшенія этихъ вопросовъ, публикѣ оставалось только прочесть предсмертный рассказъ г. Веревкина — *Любовь Петербургской Барышни*, приложенный къ портрету автора: и публика въ этомъ предсмертномъ рассказѣ ничего не нашла, кромѣ плоскихъ острогъ дурнаго тона и напыщенныхъ претензій посредственности. — Портретъ г. Загоскина опоздалъ цѣлыми десятию годами; но все же это былъ портретъ автора, имѣвшаго въ свое время большой успѣхъ и доселѣ пользующагося на Руси большимъ извѣстностью, — и потому мы ничего не говоримъ противъ помѣщенія портрета его во *Стѣ Русскихъ Литераторахъ*; жаль только, что повѣсть г. Загоскина — *Оффиціальнй Обѣдъ*, была очень плоха. Портретъ г. Каменскаго имѣлъ еще меньше права на появленіе во *Стѣ Русскихъ Литераторахъ*, нежели портретъ г. Веревкина, потому-что у послѣдняго была по-крайней-мѣрѣ хоть кака-нибудь способность писать. Пародистъ Марлинскаго, г. Каменскій, оказалъ русской литературѣ одну только услугу: онъ, своими повѣстями, совершенно докавалъ славу своего образца, показавъ, какъ легко упражняться въ этомъ ложномъ родѣ литературы, даже и не имѣя таланта, и, особенно, какъ смѣшонъ этотъ родъ. Повѣсть г. Каменскаго — *Иаковъ Моле*, по обыкновенію сочинителя, написана была въ высокомъ тонѣ, но, по обыкновенію читателей, возбудила въ нихъ только смѣхъ. — Но портретъ г. Масальскаго имѣлъ еще менѣе права на мѣсто во *Стѣ Русскихъ Литераторахъ*, нежели портретъ г. Каменскаго, потому-что повѣсти послѣдняго чуть-было не получили въ Петербургѣ чего-то похожаго на минутный успѣхъ, благодаря возгласамъ журнальныхъ бла-

гоприятелей, тогда-какъ сочиненія г. Масальскаго всегда засыпали въ тишинѣ и въ глубокой тайнѣ отъ публики, не смотря на двусмысленныя, всегда умѣренные и воздержныя похвалы журнальныхъ благопріятелей. Г. Масальскій, вмѣстѣ съ гг. Зотовымъ и Воскресенскимъ, образуетъ плеяду романистовъ средней руки, за которыми уже слѣдуютъ гг. Орловъ (Александръ Аноимовичъ), Кузмичевъ, Славинъ, Б. Ф.(Ф)едоровъ, Брандъ, Войтъ, Машковъ, и другіе. *Осада Улица*, повѣсть г. Масальскаго, и *Дерево Смерти*, его же стихотвореніе во второмъ томѣ *Ста Русскихъ Литераторовъ*, вполне могутъ служить вѣдѣскою безталавности этого сочинителя. — Портретъ г. Надеждина попалъ въ знаменитое число «ста» почти въ то самое время, какъ этотъ литераторъ почти совсѣмъ сошелъ съ литературнаго поприща: стало-быть, нельзя сказать, чтобъ не кстатѣ и не во-время. Но г. Надеждинъ не иначе могъ сдѣлаться однимъ изъ ста, какъ написавъ повѣсть — условіе *sine qua non!*.. И г. Надеждинъ, повинувшъ необходимо, написалъ повѣсть — *Сила Воли*, за которую да проститъ его Фебъ!.. — Портретъ знаменитаго нашего идиллика, г. Панаева (В. И.) опоздалъ слишкомъ двадцатью годами: его *Похвальное Слово Государю Императору Александру* вышло въ 1816 году, *Историческое похвальное слово свѣтлѣйшему князю Голенщичеву-Кутузову-Смоленскому* — въ 1823; важнѣйшее же произведеніе его таланта, т. е. *Идилли*, вышли въ 1820 году. Впрочемъ, разсказъ при портретѣ — *Происшествіе 1812 года*, не заключалъ въ себѣ никакого особенно-интереснаго происшествія, и, надо признаваться, далеко уступаетъ въ достоинствѣ не только знаменитымъ *Идиллиамъ*, но и повѣсти того же автора — *Иванъ Костинъ*, которая, поинитая, была напечатана въ образцовыхъ сочиненіяхъ и пользовалась въ свое время большою извѣстностью. — Портретъ Шишкова опоздалъ цѣлыми тридцатью-восемью годами, потому-что

его пресловутое *Разсужденіе о старомъ и новомъ Словѣ* вышло еще въ 1803 году. Статья, при портретѣ — *Воспоминаніе о моемъ пріятельѣ*, была написана уже одряхлѣвшею рукою и притомъ по случаю, какъ а пророс для портрета. Вотъ и второй томъ *Ста Русскихъ Литераторовъ*. — Перейдемъ къ третьему.

Воспоминанія о графѣ Милорадовичѣ, статья нашего военнаго Тита-Ливія и Плутарха, генерала Михайловскаго-Данилевскаго, отличается сколько занимательностью содержанія, столько и мастерскимъ изложеніемъ. И кому бы изъ Русскихъ могли быть не интересны подробности о личномъ характерѣ русскаго Баяра, рыцаря безъ страха и упрека, особенно, когда эти подробности изложены живымъ и увлекательнымъ перомъ война-литератора, который давно уже приобрьлъ себѣ въ русской литературѣ значеніе классическаго военнаго писателя?... Портретъ схожъ и сдѣланъ превосходно. — *Письмо Чесменскаю Инвалида на родину* (писано для солдатъ) принадлежитъ другому воину-литератору, который создалъ себѣ особый, свой собственный родъ литературы, скрывъ отъ всѣхъ его тайну, почему и нѣтъ никакой возможности подражать ему, и который также создалъ себѣ свою особенную публику, которая не ухвалится, читая грамотки своего отца-командира. Жаль только, что *Письмо Чесменскаю Инвалида* не прочтутъ именно тѣ, для кого оно написано: для нихъ слишкомъ-дорога эта книга, да и большая часть въ ней — все лишнее для нихъ. Надобно было бы отпечатать эту статью еще отдѣльною книжкою.

Здѣсь, читатели, позвольте перевести духъ: кромѣ этихъ двухъ статей, есть въ третьемъ томѣ *Ста русскихъ Литераторовъ* и еще статья не столь удобная для чтенія; но бѣда та, что до нея надо добираться черезъ *платанчатъ* стихотвореній — и какихъ еще подумать страшно! — да черезъ *шесть* большихъ статей въ прозѣ, которыя въ достоинствѣ, не уступаютъ имен-

лучшим стихотворениям... Просто, жась!..

Г. Бенедиктов снабдил свой портрет пятью стихотворениями. Посмотрим на них и начнем с первого.

Лебедь плавает на водѣ въ державой красотѣ, и у него завязывается въ поэтотъ преннтересный разговоръ; Бенедиктовъ спрашиваетъ его:

Что такъ гордо, лебедь бѣлый
Ты гуляешь по струямъ?
Иль свершилъ ты подвигъ смѣлый?
Иль принесъ ты пользу намъ?

Лебедь отвѣчаетъ г. Бенедиктову, то онъ «праздно нѣжится въ водномъ русталѣ», но что онъ не даромъ «упианъ гордымъ духомъ на землѣ», и именно вотъ почему:

Жизнь мою переплывалъ, (?)
Я въ водахъ омытъ отъ зла, (?)
И не давить грязь земная
Мнѣ свободнаго крыла.
Отряхнусь — и сухъ я стану;
Встрепенусь — и серебристы; (?)
Запылюсь — я въ волны прыгну,
Окунусь — и снова чистъ.

Критикъ, можетъ-быть, спроситъ, что значитъ «переплывать свою жизнь» и, ожалуй, не найдетъ смысла въ этой разѣ; можетъ-быть, также, онъ не пойметъ, какъ можно омываться водою гъ ала кому-нибудь, а тѣмъ болѣе лебедю, который, какъ животное, залу непричастенъ, а развѣ грязи, которую во действительности имѣетъ способность вываать; еще, можетъ-быть, читателю кажутся смѣшными послѣдніе четверостиша, какъ риторическая стукотня шплага тона, а второй стихъ непотентъ; но мы совѣтуемъ вамъ не быть иншкомъ-строгими и придирчивыми, не забывать, что вѣдь все это говорить птица, животное, которому противнѣе, нежели людямъ, говорить доръ.

Далѣе, лебедь, видя, что г. Бенедиктъ благосклонно слушаетъ его болваню и не останавливаетъ его, — утверждаетъ рѣшительную негѣпность, будчеловѣкъ никогда не слыхивалъ лебеднаго крика (который поэты величаютъ нѣннѣмъ), на томъ основаніи, о

Лебедннхъ сладкихъ нѣсеетъ
Недостоннн челоуѣкъ.

Въ-слѣдствіе сего обстоятельства, онъ, реченный лебедь, и поетъ только для неба, да и то лишь въ предсмертннй часъ свой. Но нѣннѣ не мѣшаетъ лебедю заблаговременно распорядиться своею духовною. Во-первыхъ, онъ даетъ поэту «чудотворное» перо изъ своихъ «крылій»,

И наль миротъ, какъ изъ тучи
Брызнутъ молніи созозучій
Съ вдохновеннаго пера.

Теперь ясно, отъ-чего одни поэты поютъ сладко, а другіе такъ отвратительно: первые пишутъ лебедннмъ перомъ, а вторые — гусннмъ. Конечно, если хотите, хорошій поэтъ и гусннмъ перомъ будетъ писать недурно, но все не такъ, какъ лебедннмъ, потому-что, владѣя ѣтнмъ «чудотворннмъ» орудіемъ, онъ дѣлается «пѣвучнмъ наследннкомъ» лебедя. Avis aux poètes! Потомъ, лебедь завѣщаетъ, для изолоуа милой дѣвы мнкіей пухъ съ мертвенно-остылой груди, въ которой виталъ летучій духъ!... И этому пуху дѣва, въ пѣвную ночь, вѣбритъ, изъ-подъ внутренней грозы, роковую тайну пламенной слезы,

И согрѣтъ ея дыханьемъ,
Этотъ пухъ начнетъ дышать,
И упругнмъ колыханьемъ
Бурннмъ персямъ отвѣчать.

Полумаетъ, сколько хорошаго можетъ надѣлать одннъ лебедь! А все отъ-чего?—отъ-того, что онъ отряхнется — и станетъ сухъ; встрепенется — станетъ серебристы; запылится — и поскорѣй въ волны; окунется—и какъ ни въ чемъ не бывалъ! Отъ-того онъ и пѣсни поетъ небу, и перо даритъ поэту, а пухъ — красавицѣ! А за тѣмъ... но пусть онъ вамъ самъ скажетъ, что будетъ съ нимъ за тѣмъ; онъ такъ хорошо говорить, что хочется и еще послушать его:

Я исчезну, — и средь влаги,
Гдѣ скользилъ я, полянъ отваги,
Не увидитъ миръ слѣда;
А на мѣстѣ, гдѣ плескаться
Такъ любилъ я иногда,

Будетъ тихо отражаться
Неба мирная звѣзда.

По что же изъ всего этого? какой результатъ, какой смыслъ, какая мысль, какое, наконецъ, впечатлѣнiе въ умѣ читателя? Ничего, ровно ничего, больше, чѣмъ ничего — стихи, и только, а къ нимъ хорошенькая картинка, ландшафтъ — деревья, зелень, вода, лебедь... Чего жь вамъ больше? Не все же говорить за смысломъ — не мѣшааетъ иногда удовольствоваться и одними стихами.

Однажды, въ повѣстическую минуту, вниманiе г. Бенедиктова привлекла —

Отъ женской головы *отъятая коса,*
Достойная *любовь, восторгъ и стenaniй,*
Густая, черная, сплетенная въ три грани,
Изъ страшной тѣмы *могильнаго смѣшала*
на свѣтъ
И не *измята* *нодь* *тысячами лѣтъ,*
Межъ тѣмъ, какъ столько *костъ* (,) съ
ихъ *царственной* *красою,*
Изъсклось *времени* *нешадною* *косою.*

Надо согласиться, что было надъ чѣмъ попризадуматься, особенно поэту! Не дивно ли, говорить г. Бенедиктовъ, что діаволы не гниютъ въ землѣ:

Въ нихъ рѣдко *золото — прелестительный металл!*

Онъ *время* *соблазнитъ* и *вѣчность* онъ *подкупитъ* —

И *та* *ему* *удѣлъ* *нетлѣный* *уступить.*

Эта удивительная фраза о соблазнѣ времени и подкупѣ вѣчности золотомъ, какъ-будто бы время — женщина, а вѣчность — подъячій, — эта несравненная фраза даетъ надежду, что г. Бенедиктовъ скажетъ когда-нибудь, что гранитъ и желѣзо запугиваютъ или застрашиваютъ время и вѣчность: и эта будущая фраза, подобно вывѣщенной, будетъ тѣмъ громче и блестяще, чѣмъ бессмысленнѣе. Итакъ, не удивительно, что золото не гниетъ въ землѣ; но какъ же коса-то удѣляла?

Ужели и она

Всевластной *прелестью* *надъ* *временемъ* *силна?*

И *вѣчность* *жаждала* *на* *вотъ* *даръ* *прекрасный*

Глядѣла *издали* *съ* *улыбкой* *сладострастной?*

Часъ-отъ-часу не легче! Вѣчность — ступня обольщенiю, подкупу! Вѣчность — сладострастна! Какая негодница!.. По что жь дальше? — Дальше общiя мѣста по риторикѣ г. Кошанскаго: гдѣ глаза этой косы, которые сводили съ ума диктаторовъ, царей, консуловъ, купили весь мiръ, въ которыхъ былъ свѣтъ, жизнь, любовь, душа, въ которыхъ «*пировало безсмертiе*» (?!!...) и т. п. Гдѣ жь они?

И тихо выказалъ *ослабленный* *скелетъ*
На *желтомъ* *черепѣ* *два* *страшные* *провала.*

Откуда же взялся черепъ? Вѣдь дѣло о костѣ, «*отъятая* отъ женской головы?» Подите съ поэтами! Спрашивайте у нихъ толку!..

Въ третьемъ стихотворенiи, г. Бенедиктовъ бранитъ толпу, и, надо сказать, довольно-недурно, еслибъ только онъ поостерегся отъ персидскихъ итафоровъ, въ родѣ слѣдующихъ: «*волонно* *широкой* *думы* *пламенѣтъ* *подъ* *траской* *чувства*», «*громъ* *искрометной* *рифмы*» и т. п. вычурностей пошлаго тона. Въ четвертомъ стихотворенiи, г. Бенедиктовъ рассказываетъ намъ, какъ невинно и духовно заиралъ онъ на грудь «*дѣвы* *стройной*»,

Любуюсь *красотой* *сей* *сыси* *благотной,*
Прозрачной, *трететной,* *деуэалной,*
деураскашной.

Онъ *чувство* *новое* *въ* *груди* *своей* *витаю!*
Поклонникъ *чистыхъ* *музъ* — *желавлю*
не *старалъ*

Удаса *кольцами* *вкругъ* *милой* *обиваться.*

Котлами *лестреба* *въ* *пухъ* *лебеда* *вспомысла.*

Какіе сильные, и, главное, какіе изящные и благородные образы!..

Нельзя не согласиться, что г. Бенедиктовъ — поэтъ столько же свѣтлый, сколько и оригинальный. У него есть свои поклонники, и мелкіе рифмачи тоже пишутъ къ нему посланiя стихами, въ которыхъ не знаютъ, какъ и изъяснить ему свое удивленiе. Нашелся даже критикъ, который поставилъ его выше всѣхъ поэтовъ русскихъ, не исключая и Пушкина... Само-собою разумеется.

о предметъ поклоненія всегда быва-
 ь выше своихъ поклонниковъ; а такъ-
 икъ почитателей таланта г. Бенедик-
 ва даже и теперь тьма-тьмушала, — то и
 лезла не согласиться, что г. Бенедик-
 овъ есть въ своемъ родѣ замѣчательное
 явленіе въ русской литературѣ, какъ
 или въ ней замѣчательны, напримѣръ,
 армянскій и г. Языковъ. Конечно, по-
 бная замѣчательность венадежна и
 долговременна, во все же она имѣетъ
 ое значеніе, потому-что основана не
 одномъ только дурномъ вкусѣ эпо-
 л, или значительной, по большинству,
 асти публики, но также и на талантѣ
 всего рода. Но мы уже не разъ гово-
 или, что есть таланты, которые слу-
 атъ искусству положительно, и есть
 ругіе, которые служатъ ему отрица-
 ально; произведенія первыхъ прино-
 тся эстетиками какъ примѣры ис-
 иннаго и правльнаго хода искусства;
 роизведенія вторыхъ служатъ для
 имѣровъ ложнаго и фальшиваго на-
 авленія искусства. Это бываетъ не
 одними лицами, но и съ народами:
 образцовъ изящнаго вкуса смѣло
 лзауйтесь Греками; для образцовъ
 рнаго вкуса смѣло обращайтесь къ
 тайцамъ, и у послѣднихъ берите
 лько лучшихъ художниковъ и луч-
 іа произведенія. Муза г. Бенедикто-
 оригинальна, и муза Пушкина ори-
 нальна; но какая между ними разни-
 , ужъ не говоря о чудовищномъ не-
 действѣ въ талантѣ? — Муза Пушки-
 — то древняя статуя, цѣломудренно-
 гаа, то женщина-аристократка, плѣ-
 ющая достоинствомъ языка и ма-
 рь, изящною простотою наряда. Му-
 г. Бенедиктова всегда — женщина
 лней-руки, — если хотите, недурная
 юю, даже хорошенькая, но съ пош-
 ьмъ выраженіемъ лица, бойкая, вер-
 ца и болтливая, но безъ граціи и
 тоннства, страшная щеголиха, но
 въ вкуса; она любитъ бѣлила и ру-
 ца, хотя бы могла обходиться и безъ
 ѣтъ, любитъ пестроту и яркость въ
 лдѣ, и, за неизвѣннемъ брильян-
 ь, охотно бременить себя стразами;
 шало серегъ: подобно индійской

балдерѣ, она готова носить золотыя
 кольца даже въ новдрахъ. Все это отно-
 сится только къ *выраженію* въ поэзін
 г. Бенедиктова; что же касается до ея
содержанія, — съ этой стороны она тѣмъ
 бѣднѣе, чѣмъ больше претендуетъ быть
 богатою. Что многимъ кажется избыт-
 комъ мыслей въ поэзін г. Бенедиктова,
 то не мысли, а *рефлексія*; рефлексія же
 относится къ мысли, какъ реверберство
 къ мысленію, умничанье къ уму, тол-
 стота къ величію, надутость къ высо-
 кости, сантиментальность къ чувству,
 бравура къ храбрости. Разложить сти-
 хотвореніе г. Бенедиктова на состав-
 ные элементы, пересказать его содер-
 жаніе изъ него же взятыми и нисколько
 неизмѣненными фразами — всегда
 значить обратитъ его въ пустоту и ни-
 чтожество. Во всякомъ случаѣ, повто-
 ряемъ, г. Бенедиктовъ — замѣчатель-
 ное явленіе въ нашей литературѣ, — и
 мы очень рады, что его поэтическая
 фазіономія воспроизведена, во *Стѣ*
Русскихъ Литераторовъ, съ тою вѣр-
 ностію, за которую поручится каждый,
 кто даже и никогда не видалъ его, но
 читалъ его произведенія.

Статья г. Греча — *Гейдельбергу* (О. В.
Булларину, отвѣтъ на его Tutti Frutti),
 могла бы насъ очень удивить, еслибы
 мы могли еще чему-нибудь удивлять-
 ся въ русской литературѣ, — особенно во
Стѣ Русскихъ Литераторовъ. Но спер-
 ва о г. Гречѣ, а какъ о лицѣ, а какъ о
 литераторѣ, и потомъ уже и о статьѣ
 его. Литературная дѣятельность г. Греч-
 ча раздѣляется на три эпохи: въ пер-
 вой, отъ 1812 (а можетъ-быть, еще и
 раньше) до 1831 года онъ является пре-
 имущественно грамматистомъ, соста-
 вляетъ огромныя грамматики, пишетъ
 о грамматикѣ, хлопочетъ о русскомъ
 языкѣ; во второй, отъ 1831 до 1836, онъ
 дѣлается романистомъ, начиная съ до-
 вольно-плохаго разсказа — *Повѣдка въ*
Германію, и кончая довольно-плохимъ
 романомъ — *Черная Женщина*. Съ-тѣхъ-
 поръ и досего времени, онъ по-преиму-
 ществу туристъ. Въ промежуткахъ, онъ
 издавалъ *Сынъ Отечества* и *Съверную*
Пчелу, и, по увѣренію *Библіотеки для*

Чтенія, прочель въ корректурѣ всю русскую литературу; кромѣ того, въ 1840 году, читалъ публичныя лекціи, въ которыхъ былъ: взгляды на что-насчетъ русской грамматики и литературы, преимущественно же современной журналистики, которую тогда этою почтенный ветеранъ нашей словесности ииѣлъ причины быть недовольнымъ. Какая неутомимая и многосторонняя дѣятельность! Около (а можетъ-быть и больше) тридцати пяти лѣтъ печатается этотъ человекъ, не старѣя, а все обновляясь и молодѣя! О портретѣ г. Греча никакъ нельзя сказать, чтобъ онъ поздно попалъ во *Сто Русскихъ Литераторовъ*. Можетъ-быть, поздно какъ портретъ грамматиста, какъ журналиста, какъ романиста, какъ лектора, но отнюдь не поздно какъ туриста: если давно забыты его прежнія письма изъ-за границы, онъ напоминаетъ о нихъ нынѣшними, говоря въ нихъ почти то же самое и совершенно такъ же, что и какъ говорилъ въ прежнихъ. Теперь онъ уже ни о чемъ больше не пишетъ, какъ только о своихъ путешествіяхъ. На этотъ разъ, онъ знакомитъ насъ съ Гейдельбергомъ. Между прочимъ, онъ говоритъ о Гейдельбергскомъ Университетѣ, и за новость разсуждаетъ объ извѣстныхъ ученыхъ твореніи Крейцера — *Символикъ*, делать томовъ котораго выходили съ 1810 по 1820 годъ. Оно хоть и не ново, а все бы интересно, еслибъ нашъ туристъ могъ сказать объ этой книгѣ что-нибудь больше того, что можетъ сказать о ней всякій, никогда ея не читавшій. Но вотъ самое интересное и живописное мѣсто изъ статьи о Гейдельбергѣ:

«Климатъ въ Гейдельбергѣ теплый и здоровый. Лѣто, къ сожалѣнію, обыкновенно дождливое. Такова участь долинъ; тучи дождевыя, зобравшись между горъ, не скоро ихъ оставляютъ. Но весна и осень здѣсь несравненны! Могу сказать, что въ нынѣшнемъ 1844 году, я впервые отъ роду узналъ, что такое весна. У насъ на сѣверѣ это время неизвѣстно: ве-

сною называемъ имъ переходъ отъ холодной зимы къ сырому лѣту.

Жизненные припасы, квартира, услуга — все это въ Гейдельбергѣ чрезвычайно дешево. Цѣны хлѣба, овощей и проч., зависятъ отъ урожая: при первой возможности онѣ упадаютъ. Это не такъ, какъ въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ цѣны, поднявшись однажды, рѣдко спускаются, какъ бы ни были благоприятны обстоятельства.

Словомъ, жизнь здѣсь самая тихая, приятная, привольная. Сто разъ благословляю я добраго доктора Гейне, который присоветовалъ мнѣ избрать Гейдельбергъ мѣстомъ жительства и леченія дѣтей моихъ. Прекрасный климатъ, тихая, регулярная жизнь, попеченія искусныхъ врачей — восстановили ихъ здоровье и пронесли мои сердце искреннею благодарностію къ здѣшнему несравненному краю и почтеннымъ его обитателямъ.»

Нельзя не согласиться, что все это такъ же интересно для русской публики, какъ и для г. Булгарина, къ которому адресована статья.

За г. Гречемъ слѣдуетъ г. Матлевъ съ цѣлымъ десяткомъ стихотвореній одно другаго хуже. Г. Матлевъ вышелъ на литературное поприще съ книжкою прелюбныхъ стихотвореній, подъ названіемъ: *Друзья Утоверилъ*. Этой книжки никто не замѣтилъ, кромѣ друзей сочинителя. Потомъ г. Матлевъ вдругъ прославился *Сенсаціями мадамъ Кюрдюковой*, сочиненіемъ, которое, въ небольшихъ дозахъ, могло бы читано въ обществѣ знакомыхъ людей, къ ихъ удовольствію, но второе въ печати не имѣетъ никакого значенія, кромѣ скучной и довольно-пыльской книги. Что касается до мелкихъ стихотвореній г. Матлева, — тѣ изъ нихъ, въ которыхъ онъ думалъ смѣшнить смѣсью французскихъ фразъ съ русскими, такъ же скучны и плоски, какъ и *Сенсаціи*; а тѣ, въ которыхъ онъ думалъ воспѣвать высокіе предметы, какъ въ *Разговоръ Высолка съ Душой*, очень-смѣшны. Все это не доказываетъ правъ г. Матлева ни на званіе литератора, ни на мѣсто между «ста.» — и намъ, право, жаль свиданія г.

Смирдина, которое рѣшилось принять въ себя такую, на-пр., пьесу г. Матлева, какъ *Споръ за Вафли*, которую, курьёза ради, выписываемъ вполнѣ:

Прѣхать въ Красенской гулять
Портной, изъ Нѣмецъ, Бутерь-Фрес-
серъ;

Спросилъ онъ: Габель, Лефель, Мессеръ,
И вѣдь приказалъ подать.

Садится и гладить умилно,
И въ мысляхъ есть уже *мейнъ-церъ!*
Какъ вдругъ вбѣгаетъ офицеръ
И вѣли выхватилъ писемно.

«Чей эта сабля, узнавать
Позвольте, гаспадинъ военный?»

— Ну, знать твою, мусье почтенный,
Что надумалъ за нее стоять?

«А если мой, могу-ль ихъ кушать?» —
Сердито Нѣмецъ закрываетъ.

— Что, что, мусье? я не расслушала. —
«Могу-ль ихъ кушать?» я сказала».

— Ну, не сердись, сейчасъ другіе
Я прикажу тебѣ подать. —

Но Нѣмецъ въ спѣсъ вошелъ такую,
Что раскричался не въ себя.

«Здѣсь все равно! Вашъ не забудеть,
Здѣсь вашъ полтъинъ и мой полтъинъ?
Здѣсь это все, одинъ полтъинъ.» —

— Врежь, Нѣмецъ, рубль ужъ это бу-
детъ!

«Нѣтъ, сами рубль вы гаспадинъ!
Что вы задумалъ?» — Забѣака!

Я вашъ маркель, или челоуѣкъ! —
Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, я не челоуѣкъ!»

— Что жь, Нѣмецъ, что же ты? со-
бака?

строумно и дяццо, нечего сказать!
Не понимаемъ одного: гдѣ сочинитель
идѣлъ такихъ офицеровъ, если не во
нѣ?... И всѣ-то стихотворенія г. Мат-
лева похожи на этотъ споръ за вѣли,
и исключеніемъ развѣ *Разговора Ба-
ма съ Абонлюю*, который дѣйстви-
тельно хорошъ, и то потому, впро-
къ, что не сочиненъ г. Матлевымъ,
списанъ имъ со словъ какого-нибудь
фольки,—почему и отличается тѣмъ
взбѣженнѣмъ юморомъ, который такъ
войственъ людямъ этого соеловія,
агда они рассуждаютъ о барахъ.

Портретъ г. Хмельницкаго нельзя
сказать, чтобъ вовсе не имѣлъ права
и возможность между «ста»; но онъ
показалъ болѣе, чѣмъ двадцатью года-
Т. XII. — Отд. V.

ми. Въ свое время, г. Хмельницкій
пользовался большою извѣстностью,
какъ драматическій писатель. Вотъ
его труды: *Зальмира*, трагедія въ 5-ти
актахъ, переводъ съ французскаго
(1811 года); *Шалости Влюбленныхъ*,
комедія въ 3-хъ актахъ, изъ Реньера;
Госорунъ, комедія въ 1-мъ актѣ, изъ
Буаси; *Школа Женъ*, комедія въ 5-ти
актахъ, изъ Моллера; *Весь день съ
приключеніемъ*, опера въ 3-хъ актахъ;
*Греческія Бредни или Ифигенія въ Тау-
риду на испанку*, пародія-водевиль, въ
3-хъ дѣйствіяхъ, изъ Фавара; *Бабуши-
ными попуамъ*, водевиль въ 1-мъ актѣ;
Сумасную конюгу не объедеши, или *пять
суда безъ добра*, водевиль въ 1-мъ дѣй-
ствіи. Все это—или переводы, или пер-
редѣлки, и болшою частію въ сти-
хахъ. Оригинальныя сочиненія: *Воз-
душныя Замки*, комедія въ 1-мъ актѣ;
Самыя плтницы на медаль, или *Нервыш-
телимый*, комедія въ 1-мъ актѣ; *Ка-
рактимы*, водевиль въ 1-мъ актѣ; *Акте-
ры между собою*, или *первый дебютъ
актрисы Тревольской*, водевиль въ 1-мъ
актѣ, писанный въ соотрудничествѣ съ
г. Всеволожскимъ. Все это было не-
дурно; особенно старался г. Хмель-
ницкій о чистотѣ стиха; но теперь
стихъ его такъ же устарѣлъ, какъ за-
быты всѣ его сочиненія и самое имя
его чуждо современной русской лите-
ратурѣ. Желая, какъ видно, во что бы
ни стало напоинить о себѣ и занять
мѣсто въ числѣ «ста», г. Хмельницкій
рѣшился написать *поморскій рассказъ*
— *Мундиръ*; но рассказъ у него какъ-
то не вышелъ, хотя и рассказывалъ
онъ какъ умѣлъ. Сначала, читатель
чего-то ожидаетъ отъ этого рассказа,
потому-что начинается довольно-инте-
ресными подробностями объ Архан-
гельскѣ и Колѣ; но автору не хотѣ-
лось ограничиться интересными очер-
ками, написанными безъ претензій, и
онъ предпочелъ написать плохую и
скучную повѣсть, безъ завязки и раз-
вязки, безъ интриги, исполненную от-
сталаго юмора и запоздалаго, ძѣлыми
двадцатью годами, остроумія.

Осмыслъ кое-какъ тошій изобрѣта-

тельностью и интересомъ расказъ г. Хильничаго, усталый и сонный читатель встрѣчаетъ чудовище, гору, слона... словомъ, сто-пудовую драматическую поэму въ пяти отдѣленіяхъ, съ прологомъ, г. П. Оболенскаго — *Князя Шуйскаго*. Извлеченіе изъ этого семимильнаго прозаведенія было играно на Александринскомъ Театрѣ, подъ именемъ *Царя Василія Ивановича Шуйскаго*. Поэма эта доказываетъ, до такой степени совершенства можетъ выработаться посредственностью: въ этой поэмѣ все такъ гладко, чинно, ровно, ни умно, ни глупо, ни худо, ни хорошо; языкъ ея вытощенный, выглаженный, накрахмаленный; стихъ вялый, безъ жизни, безъ красокъ, безъ музыкальности, безъ оригинальности, но обдѣланный, обточенный, выполированный. Мудрено ли выучиться перелагать въ разговоры «Исторію» Карамзина, дополняя ее то марьявизмомъ, то вобрѣтеньями въ духъ романовъ гг. Зотова и Воскресенскаго; создавать образы безъ лицъ, персонажи безъ характеровъ — эти общія мѣста бездарнаго драматизма? Мудрено ли наострить писать такіе стихи, которые — совершенно проза, пошлая, водяная проза, и въ то же время все-таки стихи? — Судите сами:

Народъ опомился: довѣріе къ царю—
Основа прочная, подпора государства,
Вселается въ сердца, на долго ли? Богъ
вѣсть!

Повѣтріе зміѣтъ и мѣтежей народныхъ
Еще тлетворно вѣетъ на Москву.

Еще изъ Тушина не выжить самозванецъ,

Марина низкая, Рожинскій атаманъ
И паня польскіе и — срамъ для нашей
чести —

Вояре русскіе роскошничаютъ тамъ.

В Тушино въ Самборъ Марина превратила;

Тамъ день и ночь вирують старъ и
младъ;

Тамъ шпорами бранчатъ при музыкѣ
варшавской,

Тамъ вѣчный хороводъ и игры на лугу,
Тамъ русскіе князья какъ скоморохи
пляшутъ,

Предъ польской чашкою отбѣются въ
лугу,

Обѣдаютъ въ Москвѣ, а въ Тушинѣ
вечуютъ.

Изъ думы царственной къ Маринѣ и
банкетъ,

И перелѣтами слышуть они въ столицѣ!
Позору нашему въ вѣкахъ привѣра
вѣтъ!

«Сія огромная» поэма занимаетъ собою *двадцати-десять* страницъ и 8-ю долю листа... Страшно!

За поэмою г. Оболенскаго слѣдуетъ повѣсть г. Бѣгичева (разумѣется, съ его портретомъ) — *Замысли губернскаго Чиновирика*. Чѣмъ выдѣлается въ русской литературѣ г. Бѣгичевъ, что такое написалъ онъ, что бы дѣлало его портрету право явиться между знаменитыми — ста. — не помнитъ, не знаетъ... Не-уже-ли *Замысли губернскаго Чиновирика* такъ хороши, что одной этой пьесы было достаточно г. Бѣгичеву для пріобрѣтенія литературнаго имени? — Не думаемъ. Но — позвольте! — кажется, была слухи, что г. Бѣгичевъ — авторъ романа *Семейство Холмскихъ*. Не смотря на то, что это романъ дидактическій, «правоучительный и длинный», немножко-сентиментальный, немножко-резовѣрскій и несколько-непозитивскій, — онъ имѣлъ, въ свое время, довольно-значительный успѣхъ, благодаря живому чувству негодованія противъ разнаго рода злоупотребленій, — чувства, которое играетъ въ означенномъ романѣ не послѣднюю роль. После этого появлялось, отъ времени до времени, нѣсколько статей, довольно-похожихъ, на заглавіи которыхъ было выставлено: *сочиненіе автора Семейства Холмскихъ*. Но все-таки мы имѣемъ никакого права печатно признать г. Бѣгичева авторомъ *Семейства Холмскихъ*, потому что онъ самъ нигдѣ еще не признавался въ этомъ. Притомъ же, еслибъ г. Бѣгичевъ былъ действительно авторъ этого романа, г. Смирдинъ, какъ редакторъ *Сво Рускаго Литераторова*, непременно, при имени г. Бѣгичева, выставилъ бы заглавіе автора *Семейства Холмскихъ*, чтобъ

оправдать комплименты въ этой книгѣ портрета и статья г. Бѣгичева. Тогда мы ничего не могли бы сказать противъ этого портрета, кромѣ развѣ того, что онъ запоздалъ слишкомъ десятью годами; но какъ г. Смирдинъ не объявилъ г. Бѣгичева авторомъ *Семейства Холмскихъ*, то мы и принуждены увидѣть въ *Запискахъ губернскаго Чиновника* единственное право г. Бѣгичева на званіе литератора. По этой причинѣ мы съ особеннымъ любопытствомъ и вниманіемъ прочли эту повѣсть, если уже совѣмъ не молодого человѣка (судя по портрету), то только-что выступающаго на поприще литературы. Но тутъ нашему удивленію не было конца... Великій Боже! что это такое? Не переводъ ли съ китайскаго? Въ послѣднемъ насъ особенно утверждаетъ то, что нравы той повѣсти—чисто-китайскіе, а если е китайскіе, то ужъ викакіе, и такихъ нравовъ нигдѣ нельзя найти. Судите сами. Къ губернскому предводителю съѣхались на балъ чиновники; не догавало только губернатора. Въ ожиданіи этой важной особы, до появленія которой балъ никакъ не могъ начаться, чиновникъ, котораго записка составляетъ эту повѣсть, вѣстѣ съ какимъ-то г. *Радушнымъ* и еще нѣсколькими ландарнами высшихъ степеней, т. е. нѣсколькими чиновниками низшаго зрѣдла, въ диванной у матери холмина дома, предался назидательному разговору о судѣ и позорной отставкѣ какого *Скорпионова*, страшнаго негодяя и злодѣя, какъ это можно видѣть уже и изъ его фамиліи. Чѣмъ дальше вѣстѣсь, тѣмъ больше дровъ. Разговоръ мало-по-малу началъ принимать философское направленіе; собесѣдники начали рѣшать психологическій вопросъ, гдѣ ли Скорпионовъ считать себя хитрымъ человѣкомъ, будучи мерзавцемъ. Сморили, но ничего не рѣшили его превосходительства, господина губернатора, все еще нѣтъ-какъ-нѣтъ); наконецъ, Радушный (прекраснѣйшій человекъ, какъ это показываетъ его фамилія) предлагаетъ рассказать исто-

рію Скорпионова, чтобъ доказать, что онъ могъ имѣть право считать себя чуть не героемъ добродѣтели. Разговоръ, въ ожиданіи губернатора, тянулся на *одиннадцати* страницахъ; разсказъ Радушнаго занялъ *двадцать* *восемь* страницъ и все еще не былъ конченъ, потому-что его прервалъ пріѣздъ губернатора,—и тогда чиновникъ, изъ записокъ котораго состоитъ статья г. Бѣгичева, поспѣшилъ, съ картою въ рукѣ,—положеніе, въ которомъ онъ и говорилъ и слушалъ,—составить его превосходительству партію въ вистъ, а конецъ исторіи онъ уже послѣ дослушалъ отъ Радушнаго. Что Радушный благонамѣренный чиновникъ и прекраснѣйшій человекъ,—въ этомъ, судя по его фамиліи, нѣтъ никакого сомнѣнія; но расказчикъ онъ пренлохой, пренебездарный. Въ его разсказѣ не только нѣтъ ни характеровъ, ни образовъ, ни лицъ, но даже и вѣроятности, хотя онъ разсказываетъ и о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Есть же вѣдь люди, которые не умѣютъ порядочно разсказать о томъ, какъ они поколотили своего Ваньку или Сеньку: дѣло, кажется, самое простое и случается частенько, а ничего не поймешь—какъ, за что, почему, больно ли, и т. п. Чтобъ утѣшить своего слушателя за такую повѣсть, г. Радушный далъ ему записку—*Мысли о постепенномъ искорененіи лихоимства*. «Эту записку», говоритъ онъ, «составилъ покойный мой отецъ, бывшій здѣсь губернскимъ предводителемъ, и я храню ее, какъ драгоценнѣйшій для сына памятникъ». Но добрый сынъ можетъ быть плохимъ расказчикомъ, а хороший отецъ можетъ быть плохимъ мыслителемъ. Не удивительно, что записка вышла еще хуже повѣсти. Въ ней за новость открывается, что для искорененія лихоимства, необходимо, между прочимъ, достаточное жалованье чиновникамъ. Справедливо, но старо, а потому и бесполезно! Вмѣсто этихъ обетшальныхъ истинъ, лучше было бы сочинить дѣльную записку или о томъ, гдѣ и какъ найти денегъ на увеличе-

не жалованья, или о томъ, какъ бы найти способъ пытаться и одѣваться воздухомъ и строить изъ него дома. Это было бы тѣмъ лучше, что у насъ воздухъ всѣмъ дается даромъ, а не облагается налогами, какъ въ Англіи. Въ заключеніе всего, желая не позаривъ г. Смирдина въ приобретеніи такой неподобной статьи, какъ *Замиски губернскаго Чиновника...*

Но вотъ и еще незнакомецъ предстаетъ передъ нами—какой-то г. Марковъ. Кто бы это такой былъ? Чтo онъ писалъ, гдѣ, когда, для кого? А что-то какъ-будто помнится. . . Позвольте — надо прибѣгнуть къ архиву старыхъ журналовъ... Такъ точно; глаза насъ не обманываютъ: г. Марковъ не только писалъ повѣсти, но еще и помѣщалъ ихъ, въ 1835 году, въ лучшемъ русскомъ журналѣ того времени, въ *Библіотекѣ для Чтенія*, а потомъ, въ 1838 году, издалъ ихъ отдѣльно. Такъ какъ эти повѣсти забывались въ ту же минуту, какъ прочитывались, а за десятилѣтнюю давностью забыть и самый фактъ ихъ существованія, то мы считаемъ обязанностью напомнить о нихъ русской публикѣ, чтобъ она знала, почему у насъ даже только теперь ищется въ наличности цѣлая сотня литераторовъ.

Въ одной повѣсти г. Маркова, помѣщенной въ *Библіотекѣ для Чтенія* и названной *Бѣда, еслибы не ледады*, описывается одна капитанша, которая развѣ напилась пьяна шампанскимъ и натерла себѣ щеки мастикою собственнаго изобрѣтенія, растворенною въ меду. У ея любовника, майора Фрола Слычка Торопенко, съ которымъ она жила въ одномъ домѣ, былъ ручной медвѣдь. Вдругъ капитанша закричала: спасите! умираю! На крикъ ея сбѣжалась толпа и между прочими, ротмистръ Рамирскій, влюбленный въ падчерицу капитанши, прелестную Марію, — и что же представилось глазамъ всѣхъ? — *Одна изъ любимыхъ лѣтъ сцена частной охоты* (говоритъ г. Марковъ). Медвѣдь, привлеченный медовымъ запахомъ мастики,

позволилъ облизать Дарю Климову, и прехладнокровно облизывал ея тучными ланитами. Рамирскій бѣжалъ въ комнату Маріи, за своими восточными, и видитъ, что Марія хочетъ истрѣлиться; выхвативъ у ней восточны, онъ освобождаетъ Дарю Климову отъ медвѣдя, застрѣливъ его и сержва взявъ съ нея слово, что она согласится на его бракъ съ Марією. Въ этой же повѣсти, описывая восточскій праздникъ, и замѣтивъ, что въ этотъ день въ Петергофѣ заняты людьми даже щели, — г. Марковъ говоритъ: «хотѣлъ однажды описать, что дѣлается въ этихъ щеляхъ, но мнѣ сказали, что все это уже описано Поль-де-Боккомъ». И потому г. Марковъ ограничился только остроумнымъ описаніемъ слѣдующаго случая: дворникъ, швырявъ клестеромъ заднюю сторону билета, чтобъ приклеить его къ воротамъ, такъ и оставилъ его на скамейкѣ, а самъ отлучился. Въ это время Даря Климовна, не посмотрѣвъ на скамейку, присѣла на ней отдохнуть, и когда она встала и пошла, то свали, на ея пяткѣ, очутился билетъ съ надписью: *Слѣдующаго отдается*. Вотъ каковы шоры г. Маркова, одного изъ ста русскихъ литераторовъ!... Въ другой его повѣсти какая-то толстая барыня ѣдетъ съ дочерью въ театръ; надъ ея ложемъ ищется свуху, разбиваютъ штофъ—вода течетъ на голову толстой барыни: въ театрѣ шумъ, тревога. Потомъ, у толстой барыни увозать дочь, она ищетъ ее по всему городу, въ полночь заѣзжаетъ въ трактиръ, попадаетъ въ гребль — слѣдуютъ сцены, оченъ-важные для публики важнѣйшаго рода. Словомъ, грѣхъ не колѣно, и запахъ такой спирозный, отъ котораго порядочный читатель легко можетъ схватить насморкъ! Но г. Марковъ не только юмористъ, онъ еще и марлетникъ, и стихотворецъ. Въ его книгѣ: *Мечты и Были* есть трагическая повѣсть *Евгелія*, о которой мы узнаемъ (такъ-какъ предстоитъ говорить о таковой же марлетничѣ, повѣстной г. Смирдина въ 8-мъ томѣ (с

Русских Литераторов) и есть стихи. Дивительные стихи! На-при., въ *Куме о Пушкине*, г. Марковъ говоритъ, что этотъ поэтъ уже:

Не заколдуетъ звуковъ властью,
Не погалуетъ сердца страстью,
Не заклеивать мечтою узы!

Не правда ли, что очень-хорошіе стихи?... Но этикъ еще не ованчиваются разнообразіе литературныхъ подвиговъ г. Маркова: онъ еще сочинилъ трагедію *Александръ Македонскій*, которая, къ-сожалѣнію, не была напечатана, но, къ-счастью, была дава на Александринскомъ-Театрѣ. Въ этой драмѣ — все колоссально, особенно величественность. Лучше всего въ ней — набрѣтенье *пашей и турецкаго барабана* во времена Александра-Македонскаго...

Изъ всего этого читатели сами легко могутъ усмотрѣть, до какой степени неоспоримы права г. Маркова на почетное мѣсто между стами русскими литераторами. Обращаемся къ *Пиннѣ*, о вѣсти г. Маркова, понавшей во *Сто*. Пламенный поручикъ влюбился въ молодую вдову, графиню Пинну. Уѣзжая въ отпускъ, онъ былъ же съ нею на короткой ногѣ и говорилъ ей «ты», но, какъ видно изъ разговора, состоялъ еще въ глупомъ звани платоническаго обожателя. Пинна была удивительно-хороша. Послушаемъ самого сочинителя:

«Пинна была одной изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ волосы трещать отъ электричества и сыплютъ огонь; ей минуло двадцать-шесть лѣтъ и не казалось мѣлѣе; та была очень полна: но какая очаровательная полнота! — Строгая нравственность не могла видѣть графиню въ балномъ лѣтъ: одного ея плеча было довольно, чтобы самыя холодныя глаза подернулись жагой удовольствія. Какъ же описать оставшіяся глаза Пинны? Сказать, что они были огненные, большіе, черные, блестящіе прѣкрасными рѣсницами, это значитъ ничего не сказать! Скорѣе можно было ихъ уподобить *бездонному омуту*, въ которомъ равно погибали и веселость забавнаго юноши, и дѣятельность омутного мужа, и слабѣйшій разумокъ ста-

рика. Ни клятвѣ, ни карадагъ не могли съездить ни одной черты съ правильнаго лица Пинны: неудовимое, оно могло называться осуществленнымъ лексикономъ *эстаблшшементъ ощущеній*. Розовыя губки графини рождали несомнѣно идею о блаженствѣ поцалуй и заключали въ себѣ непонятную власть однимъ движеніемъ *леденить и плавить, мертвить и воскрсить* любовное сердце; ихъ выраженіе съ непостижимой быстротой и ясностью обличало все отгнѣкъ гнѣва и милосердія, любви и презрѣнія, и часто въ одно мгновеніе превращалось изъ *любимой насмѣшки фури въ престоудущую улыбку ангела*. Знала Пинну, почти страшно было мечтать о прелести ея объятій: она дышала *зноимъ аравійскаго неба*. Знала ли, наконецъ, сама эта всецѣлая жрица любви нестерпаемое наслажденіе обоюдной страсти? — Нѣтъ! — И, можетъ быть, потому — нѣтъ, что не нашла предмета, который бы не соотвѣлъ въ ея жгучихъ объятіяхъ, который бы самъ дохнулъ бурей Везувія на эту клокочущую Этну» (стр. 468).

И вотъ отъ-того-то, что не нашлось предмета, «который бы самъ дохнулъ бурей Везувія на эту клокочущую Этну», эта «клокочущая Этна», въ отсутствіе пылающаго поручика, хочеть выйдти изъ одного преглупаго, но богатаго помѣщика съ огромнымъ брюхомъ. Когда кипящій поручикъ воротился изъ отпуска, Этна плясала на балу. Тогда Везувій послалъ дѣвочки на кладбище, чтобы тотъ вырылъ ему могилу, а самъ отправился въ домъ клокочущей Этны и поддулъ ея горничную, которая и помѣстала Везувій въ спальнѣ Этны, между стѣною и шкафомъ. Этна ворочилась домой, раздѣваясь, назвала Везувія мальчишкою (въ чемъ и не ошиблась) и легла спать. Тогда Везувій схватилъ Этну за руку, произнесъ *гробовымъ голосомъ*: «вставай, недоступная красавица, я пришелъ за тобою...» Страшно, читатели, не правда ли? Не беремси передать всѣхъ надутыхъ фразъ, всей гробовой чепухи, которую молодой Везувій Этнѣ; но вотъ для обрашника: Этна говоритъ: «но куда? и зачѣмъ?» Везувій отвѣчаетъ: «На кладбище, живи» — «ноя, на кладбище: тамъ я уже велѣлъ

приготовить намъ ванну широкую, прохладную... а шампан со мною; вѣтъ онъ тутъ, ихъ не видно въ этихъ желѣзныхъ трубахъ, не онъ, право, тутъ!.. Пойдемъ же въ мою роскошную ванну, заслужимъ въ нее, примени сперва по одной штучкѣ изъ этихъ трубокъ, только по одной! и потомъ отдохнемъ въ ваннѣ... долго... долго... Бррр!.. Страшно!.. Но не бойтесь за Эяну: ее во-время вырвалъ изъ рукъ Везувія другъ его, ротмистръ; она скоро оправилась и вышла замужъ; а Везувій умеръ отъ воспаления въ мозгу, который у него давно уже былъ въ разстроенномъ положеніи: единственная причина, почему онъ, въ продолженіи всей повѣсти, говорилъ книжными и надутыми фразами à la Марлинскій... Когда же онъ умеръ, на свѣтъ стало однимъ глупцомъ меньше—единственная отрадная мысль, которую читатель можетъ вынести изъ этой галлматіи!..

Портретъ покойнаго Ушакова былъ бы совершеннымъ сюрпризомъ для русской публики, еслибъ только онъ не опоздалъ пятнадцатью годами, и еслибъ приложенная къ нему повѣсть хоть сколько-нибудь могла объяснить своимъ достоинствомъ необходимость и смыслъ этого неожиданныго появленія съ того свѣта. Г. Ушаковъ приобрѣлъ себѣ извѣстность повѣстью въ двухъ томикахъ—*Киргизъ-Кайсакъ*, издавную, кажется, въ 1831 году; а до-тѣхъ-поръ онъ былъ извѣстенъ только въ литературномъ кругу своими статьями о театрѣ, исполненными грубой журнальной брани и плоскими островами на южно-славянскомъ языкѣ. *Киргизъ-Кайсакъ* теперь нѣтъ никакой возможности перечестъ; во-первыхъ, происходитъ не столько отъ-того, чтобъ въ этомъ произведеніи вовсе не было таланта и хотя относительнаго достоинства, сколько отъ-того, что наша литература и вкусъ нашей публики съ-тѣхъ-поръ быстро подвинулись впередъ. Мы уже не разъ имѣли случай замѣчать, что, до Гоголя, нашимъ романистамъ и нувелистамъ было легко

быть талантливыми, по крайней-мѣрѣ, въ тысячу разъ легче, нежели теперь. Но какъ бы то ни было, все же успѣхъ, разумѣется, неподготовленный и неподкупленный, всегда есть признакъ силы въ извѣстной степени, следовательно, всегда—заслуга и право на вниманіе; а *Киргизъ-Кайсакъ* пользовался непродолжительнымъ, но тѣмъ не менее замѣчательнымъ успѣхомъ, такъ-что еслибъ вышло второе изданіе этой повѣсти съ портретомъ автора, портретъ былъ бы тамъ очень-кстати. Другія сочиненія г. Ушакова доказали, что у него достало дарованія только на одну эту повѣсть: послѣдовавшія за нею сочиненія были одно другаго безталантнѣе, одно другаго уродливѣе. Помѣщенная въ третьемъ томѣ *Ста Русскихъ Литераторовъ* повѣсть его *Ханово Отродье* (картина русскаго быта)—верѣ бездарности, дурнаго тона, скучи, вялости, растянутости и пустословія. Безуштно-воспитаннаго дворянчика обворовываетъ его лакей, котораго въ дѣтствѣ нещадно поролъ за шалости барина. Дворянчикъ промотался, и его имѣніе перешло въ руки его же холопа, который сзумѣлъ сдѣлаться чиновникомъ. Сынъ этого холопа, въ-частный грѣхамъ отца и воспитанный гораздо лучше, нежели былъ воспитанъ баринъ его отца, во время вѣшества Наполеона переходитъ въ службу непріятеля, сражается противъ Русскихъ, и потомъ зло погибаетъ, какъ подобаетъ измѣннику—погибаетъ не отъ превратія общественнаго, а отъ ранъ... И между-тѣмъ, онъ былъ по словамъ сочинителя, не золъ, и развратенъ, не пороченъ: вся бѣда вышла, во-первыхъ, отъ холопской ярости, во-вторыхъ, отъ-того, что стропило правосудію моральнаго сочинителя не обходимо было погубить сына изъ-за вѣтъ преступленія отца. Между-тѣмъ сынъ промотавшагося дворянчика игралъ, въ Парижѣ, въ рулетку, болѣе полутораста тысячь франковъ, и оправданіе мудраго правила, что до-бродѣтель награждается, — даль сего владеть больше никогда не играть

ить добродѣтельнымъ; потомъ выку-
пль наслѣдіе своихъ благородныхъ
редкостей и зажилъ на славу. Все это
изсказано нескладно и растянуто;
изсказъ начинается съ лица Леды и
чтется съ отступленіями; разсужде-
ніями, эпизодами, такъ-что самъ сочи-
тель не разъ обращается къ своимъ
читателямъ съ совѣтомъ — не читать
эту книгу скучно. По своему обыкнове-
нію, онъ не утерпѣлъ, чтобъ не вставить въ
эту книгу плохого диспута о класси-
цизмѣ и романтизмѣ, о которыхъ онъ
лопоталъ во все время своего сочини-
тельства, не понимая ихъ...

Но позвольте духъ перевести! Мы
пошли черезъ восемь песчаныхъ сте-
пей, на которыхъ ни деревца, ни бы-
линки, ни капельки росы... Есть отъ
него устать!.. Чтобъ вознагражить насъ
за это, г. Смирдинъ даромъ даетъ, или,
лучше сказать, придаетъ намъ статью
своего исключительнаго автора, барона
Брамбеуса. Въ-самомъ-дѣлѣ, имя баро-
на Брамбеуса неразлучно съ именемъ
Смирдина; оба они подвигались въ
одно время, и въ одно же время оба
перенесли разстройство — одинъ въ сво-
ихъ финансовыхъ обстоятельствахъ,
другой — со стороны своего таланта и
своей авторской знаменитости... Увы!
Пронзъ и въ-самомъ-дѣлѣ уже не тотъ,
что былъ, можетъ-быть, отъ-того, что
перъ не та уже стала русская публи-
ка... Оно, если угодно, все еще потѣш-
но, но ужъ мѣстами только, а въ об-
щемъ скучно и плоско. Повѣсть назы-
вается *Микерія Нильская-Лилія* (пере-
дъ древняго египетскаго папируса,
найденаго на груди одной муміи въ
искияхъ катакомбахъ). Содержаніе ея
— повѣстный египетскій анекдотъ о
нѣмъ архитектора, который обокралъ
кроватьницу Фараона, выручилъ
указъ своего брата, обманулъ дочь ца-
ря потомъ, за свои мошенничества,
попался на ней. Мимоходомъ излагаетъ
египетская мудрость, танцующая у
барона Брамбеуса польку. Въ августов-
ской книжкѣ *Библиотеки для Читенія*
тоже что, между-прочимъ, сказано о
книжкѣ барона: «Теперь вопросъ состо-

итъ въ томъ, какъ мудрымъ читате-
лямъ понравится эта метода превра-
щать въ шутки самыя темныя задачи
древней космогоніи, самыя спорныя
статьи таинственной науки жрецовъ о
бытіяхъ (entia) и числахъ. Мы дума-
емъ, что эта шутковская метода не по-
нравится мудрымъ читателямъ. Наука
съ погрешкою въ рукѣ и шутковскимъ
козлакомъ на головѣ — не наука, а га-
ерство. Всему есть свое мѣсто и свое
время: на базѣ веселятся и пляшутъ,
на похоронахъ плачутъ, или хранятъ
важное молчаніе; переживайте на обо-
ротъ — и выйдетъ отвратительно. Кто
надъленъ даромъ остроумія, тотъ мо-
жетъ найти широкій разгулъ своему
таланту и не выясняя во храмѣ на-
уки. Далѣе, въ *Библиотеку для Читенія*
сказано: «Въ главахъ нѣкоторыхъ важ-
ныхъ мужей, почитающихся скуку дра-
гоценнѣйшимъ достоинствомъ учености,
это можетъ составить ужасное престу-
пленіе; но барона Брамбеуса давно
уже обвиняютъ въ томъ, что охотникъ
сочинять шутку: такъ ужъ одинъ лиш-
ній грѣхъ — для него не въ счетъ».
Плохое оправданіе! Кто хочетъ знать,
для того наука не скучна и безъ фиг-
лярства, и онъ требуетъ только, чтобъ
ея предметы излагались сколько-мож-
но-яснѣе; для кого же наука скучна
безъ пласки въ присядку, тотъ не до-
стоинъ знать что-нибудь... Впрочемъ,
потѣшная сказка барона Брамбеуса
мѣстами дѣйствительно потѣшна, а по-
слѣ неграбленныхъ и невѣроятныхъ
произведеній гг. Бенедиктова, Греча,
Мятлева, Хмельницкаго, Оболенскаго,
Бѣгичева, Маркова, Ушакова, она не-
релистывается не безъ удовольствія,
особенно съ пропусками. Рисунки явно
сочинены барономъ, хотя въ нихъ и
сохраненъ типъ и стиль египетскихъ
іероглифовъ.

Итакъ, вотъ мы пересмотрѣли два
первые тома и внимательно рассмотрѣ-
ли третій томъ *Сте Русскихъ Литера-
торовъ*: что же нашли мы въ нихъ? —
Въ первый томъ два портрета совер-
шенно-лишніе и неумѣстные (гг. Зо-
това и Свинына); при двухъ портре-

тахъ (г. Александра и Марлинскаго) плохія статьи. Во второмъ: три портрета (гг. Каменскаго, Веревкина и Мясальскаго) совершенно лишніе и неумѣстные; четыре портрета (гг. Булгарина, Загоскина, Панаева, Шиткова) заведомыя, а, за исключеніемъ Крылова, девять портретовъ съ плохими статьями. Въ третьемъ: четыре портрета (гг. Ободовскаго, Мятлева, Бѣгичева и Маркова) лишніе и неумѣстные; три портрета (гг. Греча, Хмельницкаго и Ушакова) заведомыя; при восьми портретахъ плохія статьи. Итого: четырнадцать портретовъ, *десять* лишнихъ и неумѣстныхъ, *восемь* заведомыхъ; изъ тридцати слишкомъ статей, слишкомъ *двадцать* плохихъ (считая за одну

статью или стихотвореній г. Венедиктова, и за одну же статью *десять* стихотвореній г. Мятлева). Хорошій итогъ!.. Жалуйтесь послѣ этого на холодность и равнодушіе русской публики къ поддержанію цвѣтущаго состоянія русской литературы! Объясните, отъ чего пала наша книжная торговля!

Еслибъ еще г. Смирнинъ въ своихъ *Ста Русскихъ Литераторовъ* иль цѣлію представилъ историко-картинную галерею русской литературы, — во крайней-мѣрѣ, въ его изданіи не было бы заведомыхъ портретовъ! Но это изданіе предпринято безъ всякаго соображенія: отъ-того его успѣхъ кажется довольно сомнительнымъ...

А С Т Р

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АВГУСТЪ.

270) Библиотека Романовъ, *Поместей, Путешествий и Записокъ*, издаваемая Н. Н. Улитнымъ. *Выпускъ четвертый. Томъ четвертый.* Софія, послѣдняя изъ Княженъ Слуцкихъ, историческая повесть изъ времени царствованія короля Сигизмунда II. Сочиненіе Юзефины О^{ва}, въ двухъ частяхъ. Переводъ съ польскаго Ал. Л...ва. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ-12 д. л. Въ I-й 141, во II-й 142 стр.

Содержаніе этого романа отличается большими невѣроятностями. Героиня его, Софія, любить сама не знаетъ ко. и только тогда узнаетъ свою любовь, когда уже нѣтъ никакой возможности ее поправить. Молодого вѣренника, который ищетъ ей руки для возмездія своей гордости и сребролюбія, она принимаетъ за настоящаго поклонника своихъ прелестей

душевныхъ и тѣлесныхъ, въ котораго она влюбилась въ одну изъ своихъ романтическихъ прогулокъ на берегу Днѣпра съ подругою, между-тѣмъ, какъ этотъ рыцарь невинности и простодушной вѣрности скрывается отъ нея въ одеждѣ пилигрима, и въ припадкѣ непонятнаго великодушія отказывается отъ ея сердца въ пользу своего соперника, повѣривъ ему на-слово, что она любитъ его одного и никого больше не любить. Въ числѣ претендентовъ на особу Софійъ названъ Богъ - знаетъ какъ и Иже-дмитрій, который, впрочемъ, въ этой исторіи проскользываетъ какъ тѣнь, и, вѣроятно, спохватившись, что ему нѣчего тутъ дѣлать и глупо было бы вмѣшиваться не въ свое дѣло, тотчасъ же пропадаетъ, не оставивъ послѣ себя ни малѣйшаго слѣда. Страшныя пожеланія своихъ въ этотъ рома-

нѣ, онъ, конечно, обязанъ Адаму Вишневскому, который былъ родственникомъ Софіи, и у котораго онъ въ это время, по стечению обстоятельствъ, находился въ службѣ. Однажды его едва-было не прибили слуги другаго дома за какое-то съ его стороны хвастовство: должно быть онъ рассказывалъ имъ, какъ онъ сдѣлается царемъ на Руси. Всю интригу ведетъ иезуитъ Иннокентій, который перепутываетъ дѣло до такой степени, что, наконецъ, самъ попадаетъ въ эту путаницу и уже никакъ не можетъ изъ нея выйдти. Его осуждаютъ на смерть, и такимъ-образомъ онъ получаетъ достойную мзду за то, что не спросясь броду, сунулся въ воду. Къ-чему здѣсь выведенъ на сцену Сигизмундъ — это загадка, которую невозможно разрѣшить изъ хода самаго романа. Еслибъ его не было, содержаніе романа такъ же осталось бы пусто и безжизненно, какъ и при немъ. Слѣдовательно, его лицо необходимо только для того, чтобъ оправдать заглавіе романа или повѣсти, въ которомъ она значится подъ именемъ исторической. Эта повѣсть оканчивается благополучно: Софія съ горя и досады, что такъ жестоко и глупо обманулась въ своихъ расчетахъ, дѣлается больною, и черезъ два года болѣзни умираетъ, имѣвъ послѣднее утѣшеніе на этомъ свѣтѣ видѣть при концѣ своей жизни своего вѣрнаго рыцаря, который подъ видомъ духовника приходитъ въ ея комнату, и напечатлѣваетъ на ея охлажденныя губахъ прощальный поцалуй, въ залогъ ихъ будущаго соединенія. Мы не касались только главныхъ нѣрвности, не касаясь множества другихъ, эпизодическихъ, отъ которыхъ небажало читателю изъ уваженія къ ихъ долготерпѣнью и изъ состраданія къ послѣдней изъ Княжнъ Слудскихъ.

Ж(1) Извѣстные мѣста изъ повѣсти: Владимиръ Великій, соч. Станислуса; и Фритіофъ-Сага, соч. Тегвѣра. Слѣдовательно: Н. III—IV. Мо-

сква. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 8-ю д. л. 64 стр.

Съ однимъ изъ главныхъ представителей шведской литературы русская читающая публика, кажется, уже довольно-хорошо знакома. Мы говоримъ о Тегвѣрѣ. Еще въ 1836 году, въ журналѣ «Телескопъ», напечатанъ былъ отрывокъ изъ его превосходной поэмы «Фритіофъ-Сага» — заключавшій въ себѣ *Прощаніе* съ Ингеборгъ Фритіофа и его *Счастье*. Потомъ появилась на русскомъ отдѣльномъ книжкомъ полная его поэма «Фритіофъ», переведенная г. Грогомъ. Теперь нѣкоторые мѣста изъ этого замѣчательнаго произведенія поэтическаго таланта Тегвѣра снова являются въ русскомъ переводѣ. Г. И. III—ій какъ-неизлучше выполнилъ свое дѣло, насколько не уронивъ, по наружной отдѣлкѣ, достоинства подлинника, которое признано всѣми, и о которомъ, по этой самой причинѣ, мы не будемъ слишкомъ много распространяться. Довольно сказать, что въ поэмѣ Тегвѣра отражается вся суровая, мрачная природа древней Скандинавіи, — эта природа, которая въ самой суровости своей величественна и прекрасна. Посмотрите, съ какою удивительною вѣрностью изображенъ въ ней гордый, непреклонный и передъ чьимъ волею, превращающій иніеніе дѣлаго народа, и въ то же время покорный голосу любви, благогоущій передъ одною красотою характера этихъ сѣверныхъ витязей, которые вѣкогда своими страшными набѣгами наводили ужасъ на Европу. А эта умная, спокойная, послушная своей судьбѣ, и вѣсть сильная, глубокая любовь дѣвъ, которая только можетъ обитать подъ вѣчно-туманнымъ небомъ Скандинавіи, — эта любовь сердца, растворенная разумомъ, провинутая сознаниемъ своего долга, постигающая свои отношенія къ другимъ существамъ, поставляющая ихъ спокойствіе и счастье выше собственнаго блага, и потому въ малю непохожая на любовь южныхъ красавицъ, любовь эгоистическую ищущую единственно собственнаго

наслаждений и нетерпящую никаких превратностей къ достиженію своей цѣли, — во всей полнотѣ своей выразилась въ лицѣ героини поэмы. Она чиста, какъ священный огонь, возженный въ честь божества, далека отъ всякой преступной мысли, и потому не боится воявъ дыканіемъ оскорбить святыню грама, который, подобно всякому другому мѣсту, можетъ служить для нея бѣжищемъ. Фритіофъ, герой поэмы, идетъ съ своею возлюбленною Ингеборгъ въ храмъ Бальдера, божества, покровительствующаго дѣвамъ, въ который она заключена для безопасности, и въ который ни одинъ мужчина не смѣетъ входить; и не смотря на то ни оба не мыслятъ своихъ свиданій виноватыми, противными вождѣмъ, законопреступными. Здѣсь Фритіофъ даетъ обѣтъ Ингеборгъ — «народно, на открытои вѣчѣ противъ у царствующаго короля Гельга, брата ея, подъ паворомъ котораго она спитывалась, руки сестры его. Онъ идетъ на вѣче, предлагаетъ Гельгу свою руку въ защиту отечества отъ нелицеприятныхъ намереній сосѣдняго короля, стараго Ринга, который, будучи оскорбленъ отказомъ Гельга на свое предложеніе выдать за него Ингеборгъ, влечетъ ему войну. Но Гельгъ отказывается презрѣніемъ на слова Фритіофа: «Сынъ крестьянина», говоритъ онъ, могъ бы отдать еще Ингеборгъ; но тотчасъ не должно имѣть за собою иері Валгаллы. Не нарушилъ ли ты, Фритіофъ, спокойствія Бальдера? Не влезъ ли ты съ моею сестрою въ его мѣсто? День не сокрылся ли отъ нашего свиданія? Да, или нѣтъ?» Фритіофъ отвергаетъ того, что онъ выдѣлся Ингеборгъ въ святыхъ Бальде не хочетъ обвиномъ купить право на руку, хотя народъ требуетъ отъ него только одного слова, чтобъ онъ всталъ только цѣпа — и Ингеборгъ да бы его. — «Счастіе жизни моеи. Лучше оръ, вѣдѣнтіе отъ одного ва. Не же бойся, Гельгъ! я же хочу отъ несправедливости достигнуть блаженства. Валгалла, та блжен-

ства земнаго. Такъ, я видѣлъ сестру твою, я говорилъ съ нею ночью въ храмѣ. Но оскорбилъ ли я тѣмъ святыню Бальдера?» — Едва онъ произнесъ эти слова, суровый народъ съ ужасомъ отстудаетъ отъ него. Гельгъ, который ненавидитъ Фритіофа, торжествуетъ. «По закону предковъ нашихъ», говоритъ онъ «я долженъ бы опредѣлить тебѣ сылку или смерть; но я хочу быть кроткимъ, подобно Бальдеру, коего храмъ осквернилъ ты.» Онъ посылаетъ Фритіофа къ владѣтелю островъ Западнаго-Моря, Яру Агартору, за данью, которую тотъ не платитъ за смерти Бѣлы. Фритіофъ долженъ непременно исполнить возложенное на него дѣло, иначе онъ будетъ объявленъ преступникомъ, и каждый лезъ его соотечественниковъ будетъ имѣть право убить его. Онъ рѣшается во что бы то ни стало совершить съ честью этотъ подвигъ. Но какъ расстаться съ своею возлюбленною? какъ оставить ея судьбу на произволъ суроваго брата? Фритіофъ предлагаетъ Ингеборгъ слѣдовать за нимъ. Ингеборгъ отказывается отъ этого предложенія. Она говоритъ, что невозможно этого сдѣлать. Фритіофъ описывается ей радужными красками своего страстнаго воображенія предельныхъ страдъ, куда онъ намѣренъ удалиться съ нею, и какъ они обрѣтутъ счастье, котораго не можетъ дать имъ ихъ отечество. Вдохновенный своею любовью, которая дороже для него цѣлаго міра, такъ восклицаетъ Фритіофъ:

«Что мнѣ Сѣверъ? что мнѣ народъ, который содрогается и блѣднѣетъ при одномъ словѣ жрецовъ своихъ, который жаждетъ схватить нечистыми руками святыхъ моего сердца, нѣтъ бытія моего? Клянусь самою Фреею, онъ не успеетъ въ томъ. Идѣтъ презрѣнный рабъ, прикрадѣ къ рамѣ той вома, на которой родился онъ; а я—я хочу быть собою бодрымъ, какъ дѣтеръ горы! Горсть землицы могильнаго холма отца моего и кургана Бѣлы можетъ помѣститься на палубѣ; вотъ все, что намъ дорого въ нашей родинѣ! Любви Ингеборгъ! отъ-

другое солнце, кромѣ того, которое блещетъ надъ сѣвными горами Швеціи; есть небо прекраснѣе здѣшняго; есть другія звѣзды, взирающія въ священномъ мерцаніи на вѣрную чету въ лазурныхъ росахъ, при сумракѣ благоговѣйной лѣтней ночи. — Торстенъ Вилемсонъ, отецъ мой, страствовалъ далеко. Часто, при блескѣ огня, выданнаго на очагѣ въ долгіе осенніе вечера, онъ мнѣ рассказывалъ о моряхъ Греціи, объ островахъ и росахъ, зеленѣющихъ на кристалльной поверхности моря. Тамъ нѣкогда обиталъ народъ могущественный; великіе боги его жили въ ираморныхъ храмахъ. Теперь храмы сіи оставлены; пустынная дорога къ нимъ заросла травой — и мось поросъ на чертахъ, внимающихъ о мудрости времени протекшихъ; тамъ зеленѣютъ тонкія лалымы, обвитыя лозами роскошнаго юга; тамъ земля сама приноситъ смертному все необходимое; тамъ межъ листовъ рѣзютъ золотыя яблоки, на каждой вѣтви виситъ румяный виноградъ, и зрѣютъ роскошно какъ уста твои. Тамъ, Ингеборгъ, на волнахъ, мы составили свой сѣверъ, прекраснѣе здѣшняго; вѣрною любовію заселили опустѣлыя своды храмовъ и земнымъ счастьемъ вослѣдствіи забытыхъ боговъ! Мореходецъ, съ покойнымъ парусами, ибо буря не бываетъ тамъ, пролетаетъ мимо нашего острова, весело посмотритъ съ румяныхъ волнъ на зеленѣющій берегъ — и на прагѣ храма увидитъ воюю Фрею. Огонь стаетъ плѣняться золотыми ея локнами, развивающимися вѣтрами; стаетъ удивляться голубымъ очамъ ея, асмымъ, какъ жемчужное небо.

Но этотъ страстный языкъ гордаго друиона, создающаго въ очарованіи своей любви несбыточныя мечты, рѣшающагося оставить свою родину, къ которой сердце его привязано самыми крѣпкими, неразрывными узлами, — потому только, что суровые законы ея ставятъ преграду его наслажденіямъ, не увлекаетъ любимою нѣмъ женщины до такой степени, чтобъ она нарушила долгъ свой. Ингеборгъ понимаетъ, чѣмъ она обязана брату, который поступилъ для нея нѣсто отца, который съ самаго младенчества окружилъ ее всѣми заботами и ласками, и за эти попеченія она не заплатитъ ему благодарностью. Она увѣрена, что

самъ Фритіофъ будетъ меньше любить и уважать ее, когда пройдетъ нѣль его желаній, и онъ достигнетъ цѣли своей пламенныхъ стремленій; если она поддастся наивному очарованію, а шрихотъ сердца нежертвуетъ своимъ душевнымъ спокойствіемъ. «Дочь Вилы» говоритъ она «не поинитъ своего счастья, какъ бы оно отъ нея было. Что стало бы съ женщиной, когда бы она расторгла узы, кои самъ Всемогущій связалъ съ бое существомъ ея съ сильными? Она уподобилась бы блѣдой лиліи, растущей въ водѣ: волна поднимаетъ и волна опускаетъ ее; плаватель пролетается по ней на ладѣ своей и не приметитъ, что подорвалъ стемель лиліи, — такова ея участь; но поле углубленъ еще корень на днѣ пустыни, до-тѣхъ-поръ и лилія наслаждается своею жизнію. Она занимаетъ бѣглый цѣтъ свой у родныхъ вѣтъ и вѣбъ; она сама подобна нѣмъ — сама звѣзда на синей пучинѣ; но нѣтъ отторгнись она отъ своего основанія, то понесется, какъ высохнувшій листъ по пустынному морю. Но пламенный Фритіофъ, увлеченный своею страстію, не внемлетъ голосу здраваго разсудка, и раздраженный яркими уперствомъ Ингеборгъ, холодно предостерегается съ тою, которая дорожитъ своею и счастьемъ своего возлюбленнаго еще больше, нежели своимъ собственнымъ. Пораженная отъ холода своего единственнаго друга, съ котрымъ душа ея сроднилась съ самыми дѣтскими дѣтъ, Ингеборгъ возмечетъ свою жажду въ сажающихъ мелодическихъ звукахъ:

«О Фритіофъ! Фритіофъ! Тамъ я расстанусь ли? Ужели не бросилъ ты ни одного нѣжнаго взгляда на кудри моего дѣтства? Ужели не прострѣлъ руки къ несчастной, которую любилъ и когда? Или ты думаешь, что я, стоя въ росахъ, съ улыбочкою отворачиваю отъ счастіе жизни своей. Бѣда сестраны дымчатая изъ верана надежду, дѣтъ росла нѣтъ съ бѣглыми мотыль? Или бытъ утреннимъ слезамъ моего сердца

ждала радость, которую ощущала и звалась Фриттиофомъ. Все, что есть жизни высокога, благороднаго, являлось очамъ моимъ въ образѣ Фриттиофа. ошедшую ночь я думала о судьбѣ сей: — и рѣшилась остаться померному ртиномъ при алтарѣ моего брата. — Счастлива я, что не слышала отъ тебя прежде острова, воображаемые тобою мнѣ, на моряхъ южныхъ, гдѣ вечерняя ря горитъ надъ пѣтами спокойствія и бѣм. Сновидѣнія моего дѣтства, давно пушшія въ души моей, снова пробуждуются. Они шепчутъ мнѣ голосомъ, мнѣ же знакомымъ, какъ голосъ сестры, мнѣ же нѣжному, какъ шопотъ лютика. Я не слышу, слышу, оболытываю голоса, нѣтъ, не слышу! Что лось бы со мною, дочерью Сѣвера на гѣ? Я блѣдна для розъ его; мое чувствіе слишкомъ слабо для его вылающего я, оно сожигалось бы лучемъ жаркаго инца, — и я съ пламеннымъ желаніемъ гда обращала бы взоры свои къ звѣздамъ вера, которая, подобно небесному стра, вѣчно стоитъ надъ могилкою отцовъ шихъ. Нѣтъ, мой Фриттиофъ не убѣтъ мнѣ своей отчизны, для защиты герой отъ родины; но пожертвуетъ моею славою мятужной любви женщины. Вѣчно однообразная жизнь, въ которой солнце падаетъ голы, уподобляя мнѣ день другому, прекрасна — только женщины; но для души мужа, для пи твоей, безбурная жизнь утомительна. Тебѣ пріятнѣе, когда буря на пѣнинахъ моихъ своемъ бушуетъ надъ пучи, — и ты стремишься къ опасности, клевещи на славу бороться на живыхъ и ртѣ, несешь на древетныхъ волнахъ на онъ обломки корабля своего. Прекрасна пустыня, рисуемая твоимъ воображеніемъ, сдѣлалась бы могилкою для ихъ подвиговъ, еще не зарожденныхъ, мѣстѣ съ штомъ твоимъ жаркаго свободное чувство души твоей. Нѣтъ, ну не будь! Нѣтъ я не покину имени го Фриттиофа въ пѣсней Скальдовъ, мнѣ слышу славы героя моего еще въ твоей зарѣ ея!...

Фриттиофъ, побѣжденный этою нѣжною жалобой подрука своего сердца, смѣтъ у нея прощанія въ своемъ мѣстѣ или лучше сказать въ своей мнѣ; прильнувшей на себя образъ я. Она отказывается отъ своего

назначенія похитить съ собою Ингеборгъ, и уѣзжаетъ, давъ слово исполнить возложенный на него подвигъ, и потому уже требовать руки Ингеборгъ не отъ Гельга, но отъ самого народа сѣвера. Ингеборгъ остается одна, съ своею грустію, и съ отчаяніемъ въ душѣ, угрѣбленная впередъ, что братъ ея скорѣе откажется отъ короны, пожертвуетъ своею жизнью, принесетъ ее въ жертву Одину, или старому Рингу, съ которыми враждуетъ, нежели когда-нибудь отдастъ Фриттиофу руку сестры своей. *Сказаніе Ингеборги* пройшинуто тою же кроткою, нѣжною грустію, которая такъ свойственна душѣ тонной дѣвы сѣвера. Вообще, вся поэма носитъ на себѣ какой-то умалый, но въ то же время величавый, торжественный оттѣнокъ.

Просимъ извиненіе у нашихъ читателей въ тѣхъ выпискахъ, которыя мы привели изъ поэмы Тегнера, и которыя, можетъ-быть, покажутся довольно длинными. Мы такъ увлеклись этимъ прекраснымъ произведеніемъ творческой фантазіи шведскаго поэта, что рѣшились уделить это наслажденіе и другимъ. За это постараемся быть краткими въ своемъ отзывѣ о другомъ отрывкѣ, переведенномъ г. Ш-мъ изъ поэмы Стасмеліуса «Владимиръ». Эта поэма, хотя представляеть также съ своей стороны много красоты, далеко уступаетъ въ достоинствѣ творенію Тегнера. Содержаніемъ для нея служить обращеніе Владиміра-Великаго, русскаго князя, въ христіанскую вѣру. Въ то время, когда онъ, расположившись станомъ предъ стѣнами Теодосіа, въ своемъ шатрѣ смотрѣлъ на голубое небо, исполненный какого-то тайнаго предчувствія, на свѣтлоалыхъ облакахъ спустилась юность неземная, и воспыла пріявную пѣснь, приглашая Владиміра принять вѣрств спасенія и приобщиться къ сонму святыхъ. Это — аллегорическое изображеніе благодати, озарившей языческое сердце Владиміра свѣтомъ христіанской истины. Въ слѣдъ за видѣніемъ ему являеться великая княгиня Оль-

ва, 'ега предшествовавшая на пути преобразования Руси, и своим критиком старается превратить его на сторону православия. Она обращает ему въ живыхъ краскахъ превосходство своего новаго состоянія предъ тѣмъ, когда она погружена была во мракъ невѣдѣнія иетиннаго Бога. Нельзя не замѣтить, что религиозная настроенность автора, отражающаяся въ самомъ его произведеніи, сообщаетъ этому произведенію заинтересованность и интересъ; тѣмъ не менѣе должно признаться, что это одностороннее разсужденіе, эта продолжительная аллегорія производятъ на душу читателя довольно-утомительное впечатлѣніе; отъ котораго не спасаетъ даже самая звучность и изобразительность стиха. Г. Ш-й передалъ и этотъ отрывокъ на русскій языкъ отчетливо, ясно, если исключить немногія темныя и неточныя выраженія, которыя, можетъ-быть, противъ его воли вкрались въ переводъ.

Г. Ш-й началъ свой трудъ критикой оборота шведской литературы; которое онъ перевелъ изъ «*Revue de Paris*» и заключилъ его собственнымъ оригинальнымъ сочиненіемъ, которое онъ называлъ романсомъ, подражаніемъ Тегнеру; и по случаю котораго можно сказать; что г. Ш-й переводитъ гораздо-лучше; нежели сочиняетъ.

272) Зюлейка, повесть въ стихахъ. Сочиненіе Варвары Лизовъ. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 8-ю д. л. 28 стр.

Мы не такъ поступили бы на мѣстѣ сочинительницы, которая; влжется, является съ первымъ еще опытомъ пера своего. Имѣя охоту писать и печатать, мы постарались бы не увлечься ни «Бахчисарайскимъ Фонтаномъ»; ни «Абдесской Невѣстой» — потому-что для нихъ было свое время; и занимать-ся султанами и султаншами теперь значить жить прошедшимъ; — во въ кругу своей жизни, около себя, въ томъ же царствѣ; и, можетъ-быть, въ

томъ же городѣ носили бы: прелесть, достойныхъ прозы или стиховъ. Выборъ сюжета важнѣе, чѣмъ, можетъ-быть; сочинительница думаетъ: во чемъ узнается не только направленіе авторскихъ мыслей, но и сфера умственной дѣятельности автора, его образованности, его начитанности, его сочувствія современному. Зюлейка, Гюльмары, Заремы... блаженствовали въ двадцатилѣтнихъ годахъ текущаго столѣтія, въ двадцать лѣтъ до вышесказаннаго года. А теперь, въ 1845 г. отъ Р. Х., чѣмъ намъ Зюлейка, или ны Зюлейка? каковъ дѣло намъ до гарема и свирюки? по какому случаю будемъ принимать мы участіе въ судьбѣ ханскихъ наложницъ? Не-уже-ли намъ не стыдно вздыхать по какой-нибудь затерятой серали, когда есть у насъ ближайшія ближніе, интереснѣйшіе интересы, и которыхъ найдеть себѣ богатые матеріалы всякая охота писать и печатать, даже охота пуще неволи? Конечно имѣя Зюлейки граціознѣе какой-нибудь грѣшной рабы Марьи, или смуринки рабы Агаевы, но за те Марья вѣдомо знаетъ съ нами или около насъ, страдаютъ не меньше гаремскихъ невольницъ; хотя соблюденны законныя условія браня, и развязка или судьба ихъ сто разъ печальнѣе и въ тысячу разъ естественнѣе судьбы Гонорин, которая, по-крайней-мѣрѣ, имѣла счастье лежать въ объятіяхъ Эмины, своего перваго любовника. Пламенное изображеніе, идеальная настроенность заискрилась насъ безъ нужды за тридцать лѣтъ въ тридцатое царство; тогда-нѣтъ намъ нашихъ оконъ, незамѣтно для глазъ разсыпанныхъ и устремленныхъ въ туманную даль, проходятъ наши братья съ поинкшею головою и убитымъ сердцемъ. Опустите долу ваши взоры, и которые безъ нужды блуждаютъ въ бесномъ пространствѣ...

Потомъ, избравъ предметъ естественный, современный и достойный сочувствія нашего, старайтесь достойно изобразить его. Мы соштовали бы сочинительницѣ оставить на время стихи и писать прозой. Стихи требуютъ бы

Шесть месяцев Дядковский узнал одно чрезвычайно-редкое явление в жизни человеческого. На восьмом году жизни, бѣгая въ саду посли учения, онъ былъ поваленъ матерью обѣдать и, на бѣгу, не достигнувъ дома, вскричалъ необыкновеннымъ голосомъ и упалъ на землю. Мать на крикъ тотчасъ выбѣжала въ садъ и наиза сына лежащаго безъ чувствъ. Помечинши матери онъ былъ приведенъ къ себѣ и на вопросъ: отъ-чего такъ вскричалъ и упалъ, онъ описывалъ, что когда бѣжалъ, ону на воздуху показался другой онъ. Эта вѣсть была весьма-горестна для родителей, которые въ простотѣ сердца повѣрили, что сынъ ихъ долженъ скоро умереть. Съ этого времени двойникъ Дядковского началъ являться весьма-часто и болѣею частію когда онъ сидѣлъ за учениемъ. Мальчикъ Дядковский мало-по-малу привылъ къ своему двойнику и, цѣловякъ сталъ пристально-нажалъ разъ въ-негѣ заматривается и находилъ его всегда точно въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ самъ; двойникъ подвергался по времени тѣмъ же перемѣнамъ, какъ и подвергался его переоблаченъ. Съ двадцатилѣтняго возраста, двойникъ началъ являться рѣже и рѣже по послѣдній разъ Дядковский видѣлъ своего двойника въ 1824 году, съвѣщавшаго на правой стороне головы обидѣнъ, величаво въ волнишикъ, кружились, обращивши на себя вниманіе Дядковского, который дѣйствительно увидѣлъ на головѣ обидѣ кружились, до того времени какъ незанятъ. Объ этомъ видѣніи Дядковский много разъ рассказывалъ въ беседахъ съ своими знакомыми и объяснялъ даже изложилъ собственными словами о происхожденіи и значеніи двойниковъ. — Извѣстие это глѣ было любознательно, что двойника своего видѣлъ докторъ — одинъ изъ тѣхъ людей, которые, имѣя безпрерывныя сношенія съ грубымъ материализмомъ, не хотятъ вѣрять въ то, чего имъ не приходится видѣть собственными глазами, или раскусить собственными у-

бами. Слушатели и корреспонденту бѣйшаго материализма, они сообщаютъ, что рѣдкое, чрезвычайно-маленькое-маленькое — сверхъестественное есть не то, что рѣдко происходитъ, но иногда то, что намъ рѣдко видѣть. Переселенный эмпиризмъ призываетъ къ такому заключенію, что всякое новое движеніе-науки, каждое новое открытіе — водолеченіе, излитіе в тебѣ подобно — считаютъ они малоромъ, потому единственно, что въ какой-то годъ или замѣлось нѣтъ тамъ на-пр., для книги Франка, а для другаго-прочаго не хватало... Жаль; но что жъ дѣлать? Мы не согласны, однакожъ, съ г. Лебелевымъ, что дѣйствительно существуютъ люди, въ высшей степени награжденные отъ природы отличными душевными способностями съ горячою любовью страждущимъ къ приобритію наукъ, потому-ли, что маленькіи Гёте такъ много видѣлъ своего двойника. Подобное объясненіе подается только для прославленія своего учителя, но уничтожается фактами: въ-которые люди, вовсе маленькими, малое видѣлъ своего двойника.

Направленіе умственной дѣятельности г. Дядковского было выражено въ словахъ его, составившихъ на него-вѣсть свѣтъ книги: не принимай ничего умопомраченнаго за истину, и такъ только убѣдившись въ истинности его вѣрности и логичности, и нравственности, и этического употребленія. Его разсудокъ, отъ другаго здравый, всегда и всегда можно признать, почему какой-либо предметъ существуетъ или, а не существуетъ, не удовлетворяетъ объясненію, составляла его входитъ въ споры съ эпохалогическими. Дядковский не любилъ класкаться за слова сокъ учителей; мудрое замѣчаніе: *non iudicabit in verbis magistri*, — было имъ много уважено; ученикамъ своимъ всегда совѣтовалъ учиться болѣе въ природѣ, а не въ книгѣ; онъ съ великимъ стремленіемъ къ выслушанію самостоятельному. Одно чисто-эмпирическое ученіе для него казалось самымъ

неудовлетворительнымъ, хотя бы она поддерживалась парвою ученою значимостью. Короче: въ медицинѣ оны были тѣмъ же, чѣмъ были необеспеченный для своихъ учениковъ профессоръ Павловъ въ физикѣ и сельскомъ хозяйствѣ.

Мысль: не признавать ничего умозаключенія за истину иначе, какъ только убѣдившись въ истинности его — весьма похвальна, и, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ привести къ такимъ же важнымъ результатамъ, къ какимъ могло бы, тоже при извѣстныхъ условіяхъ, привести любимое изреченіе профессора Павлова: *inicius Plato, amicus Aristoteles, sed pagis amica est veritas*. Условія эти состоятъ въ исключеніи односторонности, вредной усѣванъ науки, а односторонность — въ идеализмѣ или, лучше, въ логичности ученія. Кто не признаетъ чужихъ умозаключеній, тотъ пусть дастъ умозаключенія собственныя, добытыя путемъ науки, наблюдений въ природѣ, а не заключающіяся въ одной постройкѣ произвольныхъ силлогизмовъ. Дальновскій весьма часто свадаетъ въ этотъ грѣхъ, к. е. много умозаключеній жертвовалъ такъ называемой строгости логическаго разсужденія. Онъ былъ влюбленъ въ синтетическій приборъ науки, въ дѣлительное прелѣдованіе мысли. Ему приписалась не столько самая мысль, какъ результатъ мышленія, сколько это мышленіе, сколько путь къ результату. Парадоксъ, мастерски-одержимый, противорѣчіе общему бѣдженію, логически-защитенное, а хедели-изъ него больше сочувствія, былъ вѣрная женщина, освобожденная къ логическимъ омызъ, чѣмъ въриosity бѣженія, предметная безъ большой и меньшей посылкой. Отдавая справедливость всякому строгому методу въ доказательствахъ, всякой логикѣ — медицинской и не-медицинской — но никакъ не защититъ поклонникамъ своего профессора, что истина, правда, убѣжденія, асостани и ссрав-

ненно-лучше парадоксовъ и сооснововъ.

Что выводитъ отъ такого направленія медицины? Анализирова больша, профессоръ, на основаніи своихъ твердо-логическихъ умозаключеній, нахеддалъ, что больному необходимо дать такое-то лекарство, и что оны, въ сдѣствіе такихъ-то и такихъ-то силлогизмовъ, «исрелливо выздоровѣтъ. Но пациентъ, не вниная непреложнымъ закономъ медицинскои логики, умиралъ частенько. Тогда профессоръ начиналъ анализировать смерть его, и въ этомъ случаѣ послѣдовательно, аено, необходимо вытекало сдѣствіе, что больному следовало умереть, что оны не могли не умереть. Не знаю, не сквазалъ, что для философа всего дороже его философа: то же позволено сказать о логикѣ медицинскои. Пусть больной умираетъ, только бы оны умеръ по нашимъ силлогизмамъ. И сохрани его. Воже выздоровѣтъ по силлогизмамъ противнаго намъ ученія! Отсюда и повелась посылка: *семе краветъ, да семе*.

Анти-эмпирическое, т. е. логическое направленіе медицины оказывало вредное вліяніе на учащихся тѣмъ, что вселгрѣшникъ прерѣніе къ опыту, зашидіалъ, оужамъ срудалъ доофце, иностранцамъ къ-особенности, и, въ замѣвъ всего этого, давала явнѣ, по-дуственное сывлеленіе силлогизмовъ. Прочналь и обширналь знаній не шѣлось — въ то было *буйство разума*, которое всегда спрашивалось: есть ли тутъ логика? — когда бы надобно было прежде всего спросить: есть ли тутъ истина? По-иришей мѣрѣ, профессоръ приирывалъ свой недостатокъ твердой головою, силою своей логики, но чѣмъ прикрыть недостатокъ, если нѣтъ ни головы, ни логики?...

276) Краткое Начертаніе Топографической Анатоміи. *Сочиненіе Вегера. Тетрадь третья (и послѣдняя). Москва. 1846. Въ 8-ю д. л. 155 — 235 стр.*

Въ послѣдней тетради заключаются описаніе груди, брюшной полости и глѣза. Изданіе книги очень хорошо, равно какъ и переводъ.

277) **Руководство къ Всобщей Исторіи. Сочиненіе доктора Фридриха Доренца. Часть I. Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. VIII и 694 стр.**

Прекрасный трудъ г-на Доренца, какъ видно, принятъ русскою публикою по достоинству: первое изданіе первой части его «Руководства» быстро разошлось между читателями, и теперь эта часть появилась уже вторымъ изданіемъ. Авторъ сдѣлалъ въ новомъ изданіи значительныя поправки и перевелъ тѣ изъ примѣчаній, которые въ первомъ изданіи были напечатаны по-гречески: этимъ облегчилось употребленіе его книги для незнающихъ греческаго языка. Желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ труду ученаго профессора. А вѣсь онъ вытѣснить эти мертвыя, несчастныя «Руководства», которыми до-сихъ-поръ еще нѣкоторые благомыслящіе педагоги притупляютъ въ ученикахъ своихъ всякую охоту учиться исторіи.

278) **Французско-Русскій Словарь Техническихъ Названій, употребляемыхъ въ артиллеріи и въ наукѣ, искусствѣхъ и ремеслахъ, до нѣл относящихся; составленный инспекторомъ классовъ Артиллерійскаго Училища полковникомъ Рязань. Санктпетербургъ. 1843. Въ тип. Фишера. Въ 12-ю д. л. VIII и 347 стр.**

Г. Рязань, принявъ въ руководство лучшее изъ общихъ и спеціальныхъ словарей на французскій, французскою и русскою языкамъ, составилъ для русскихъ артиллеристовъ небезцѣную ручную словарь, въ которомъ, однакожь, собраны всѣ техническія названія, въ артиллеріи употребляемыя. Обучающіеся артиллеріи и наукамъ, къ ней относящимся, вѣроятно, будутъ очень благодарны г-ну Рязаню за его книжку, при пособіи которой они съ

большимъ удобствомъ могутъ теперь читать на французскомъ языкѣ сочиненія, относящіеся къ ихъ предмету, не затрудняясь уже въ переводѣ техническихъ выраженій.

279) **Краткая Бухгалтерія; составленная П. И. Кондратьевымъ, надворнымъ советникомъ, предводителемъ Бухгалтеріи въ коммерческихъ заведеніяхъ въ Москвѣ; Подана на сессіи Московскаго купческаго общества, для представленія въ Московскомъ Имперіальномъ Училищѣ. Москва. Въ тип. А. Ефима. 1845. Въ 8-ю д. л. 40 стр.**

Книжка полезная для тѣхъ, которые посвящаютъ себя торговнѣ капиталомъ. Она показываетъ правила для легчайшаго, удобнѣйшаго и кратчайшаго составленія всякаго рода счетовъ и для записыванія ихъ въ книги. Книжки эти, смотря по тому, какіе счета въ нихъ сдѣланы, имѣютъ разныя названія, которыми всѣ именуются и являются въ «Бухгалтеріи» г. Кондратьева.

280) **Атласъ Промышленности Московско-Губернскій, составленный А. Самойловымъ. Поданъ императорскую Свѣту. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 4-ю д. л. XII стр. Съ рисунками и ландшафтами.**

Подобныя книги весьма важны для статистики страны. Такъ изданный, какъ изданъ «Атласъ», т. е. съ подробнымъ указаніемъ движенія работъ въ фабрикахъ и заводахъ, онъ представляетъ ясное состояніе мануфактурной промышленности въ известное время. Въ введеніи, очень умно написанномъ, авторъ показываетъ значительность Москвитинъ въ промышленномъ отношеніи. Въ Москвѣ стекаются всѣ блага внутренняго трудолюбія и торговой жизни Россіи съ другими государствами; въ свою очередь, она доставляетъ приготовляемыя на ея мануфактурахъ издѣлія, равно какъ и привозимыя въ нее колоніальныя, сахарныя и всякія другія товары на всѣ русскіе

предела и превышание дуниты Род-
тин. Необходимы условия для усиле-
ния промышленности и торговли; ка-
питалы местнаго и дунитыя
задреле сосредоточиваея въ Мос-
квѣ, обязанной людьми земледельцами
и, сразывно степени просвѣщенія
нечестна нашего; людьми слѣблами.

Въ Москвѣ заказываютъ иногородные
набраваны и шовѣщники нужные изъ
кавардовы сарялы, суконные аппа-
раты и даже агрономическія орудія;
изъ Москвы выписываютъ старинно-
ымъ заведеніи внутреннихъ губерній
потребную изъ сѣрную кислоту; въ
доставу обращаются шумевіе и на-
искобно фабрикавантія за поужикомъ
сѣрыхъ нужныхъ изъ первообразныхъ,
искусствованныхъ и химическихъ
матеріаловъ; Москва снабжаетъ фабри-
ки банаватъ и даяныхъ губерній ма-
стерами, колеристами, подмастерьями
и даже иностранными механиками;
заводы, Москва заключаетъ въ себѣ
сѣ отрасли искусствъ и ремесель, въ
своими и вспомогательными начала
мануфактурной дѣятельности. Успѣхи
улучшения, замѣчаемые во всѣхъ ча-
стяхъ русской мануфактурной промы-
шлености, принадлежатъ также пре-
имущественно Москвѣ, за исключеніемъ
фабрикъ и заводовъ, устроенныхъ
въ новѣйшее время въ Петербургѣ.

Преимущественное склоненіе фа-
брикъ и мануфактуръ въ Москвѣ и ея
губерніи, гдѣ горючіе матеріалы ста-
вятся годъ отъ-года дороже, заста-
ло автора сказать нѣсколько словъ о
тѣхъ, что не только въ Россіи, но и во
всѣхъ другихъ государствахъ Европы,
мануфактурная промышленность для
ней осблности не всегда избираетъ
ста, обилующія горючими матеріа-
лами, что доказывается мануфактур-
о топографіею Европы. Такъ и у
въ учрежденія фабричныхъ заведе-
нъ, богатые купцы и шовѣщники,
почитаа Москву и ея губернію
такъ дальними, обилующими лѣса-
ми въ виду выгоды техниче-
ской, административной и торговли,
орая въ совокупности всѣравнано-

важнѣе экономическія; происходящей отъ
дешевизны топлива. За симиъ авторъ
объясняетъ причину вывѣшившей доро-
говизны дровъ въ Москвѣ. Она гово-
ритъ: «хотя быстрое въ-теченія по-
сѣднихъ двухъ десятилѣтій развитіе
всѣхъ отраслей руководяаго трудо-
любія въ Москвѣ и ея губерніи содѣй-
ствовало косвенно нѣкоторому возбу-
шенію цѣны на дрова, единственное
топливо, до 1841 года въ Москвѣ из-
вѣстное; но главную и прямую причи-
ну этой дороговизны должно искать;
во-первыхъ; въ необыкновенно-окорой
вырубкѣ близъ Москвы лѣсовъ, послѣ
пожара 1812 года, для возобновленія
громалнаго города, и во-вторыхъ, въ
томъ, что по неостоянству волиннаго
сообщенія по Москвѣ-рѣкѣ, представ-
ляющей весьма-часто въ лѣтніе мѣся-
цы неодолимые затрудненія судоход-
ству, и по неприведенію еще къ кон-
цу нѣкоторыхъ улучшеній, предпри-
нимаемыхъ правительствомъ въ по-
сѣднее время по разнымъ вѣдущимъ
въ Москву сухопутными трактами, до-
ставка дровъ изъ тѣхъ уѣздовъ, кото-
рые обилуютъ еще лѣсами, обходится
иногда въ-пятьеро дороже цѣнности
ихъ на мѣстахъ.»

За введеніемъ, авторъ кратко обо-
зрѣваетъ техническія въ Москвѣ
учрежденія, которыя служатъ силь-
нѣйшимъ вспомогательнымъ движе-
лемъ успѣховъ мануфактурной и тор-
говой дѣятельности столицы: чтенія
технической химіи въ лабораторіи
университета, рисовальныя школы съ
воскресными при нихъ рисовальными
классами, женскимъ рисовальнымъ от-
дѣленіемъ и воскресною школою для
малолѣтнихъ фабричныхъ, Коммерче-
ское Училище, Практическую Ком-
мерческую Академію и Третью Реаль-
ную Гимназію. Послѣ этого, книга дѣ-
лится, такъ сказать, на двѣ части: од-
на представляетъ общій взглядъ на со-
стояніе мануфактурной промышленности
Московской-Губерніи 1843 года;
въ другой содержится указатель фа-
брикъ за тотъ же годъ. Изъ общаго
вида мануфактурной промышленности,

но уѣздамъ, усматривается слѣдующее: число фабрикъ въ 1843 году — 1,283, число становъ — 54,065, число рабочаго народа 106,402, да ремесленниковъ въ Москвѣ 28,524 (и того 134,926); сумма годоваго производства серебромъ 42,183,606, да по ремесламъ 2,852,400 (и того 45,036,006). Большое число фабрикъ, послѣ Москвы (787), состоитъ въ Богородскомъ-Уѣздѣ (110), наибольшее въ Можайскомъ (8). Другая таблица, подъ названіемъ: *Общій видъ мануфактурной промышленности, по родамъ надѣлій, показывающій число фабрикъ шелковыхъ, шерстяныхъ, бумагопрядильныхъ, шпальныхъ, металлургическихъ и проч.* Здѣсь видимъ, что наибольшее число принадлежатъ бумагопрядильнымъ, отбѣдильнымъ, ваточнымъ, ткацкимъ и набивнымъ (382), потомъ шелковымъ (158) и шерстянымъ (132), наименьшее, казачьимъ и оловяннымъ (по одной фабрикѣ). Изъ общаго вида дѣдичкальской описи увидимъ число паровыхъ машинъ — 80, число водяныхъ приводовъ — 70, число конныхъ приводовъ — 163. Во второй части исчисляются, въ алфавитномъ порядкѣ, фабриканты каждаго уѣзда по родамъ надѣлій, съ показаніемъ, гдѣ находится фабрика или заводъ, числа становъ, отовсюду или машинъ, числа рабочаго народа и суммы годоваго производства. Къ исчисленію фабрикъ каждаго уѣзда приложена карта этого уѣзда и картинка, изображающія главнѣйшія фабрики. Изданіе книги, весьма-полезной и тщательно составленной, очень-хорошо.

281) *Нравоученія въ Лицахъ. Бабушкины сказки, составленныя аббатомъ Савиньи, Леономъ Геринномъ, Ортрёмъ Фурнье, Л. Мишелланомъ, Августомъ Овизанемъ, и 4-мъ Евгеніей Фда, съ сорока литографированными картинками. Рисунки Алофа Меню, Бома, Шарле, Давида (Жюль), Деверія, Фраксиса, Форестя, Гренье, Жанс-Лакоса, Жоанно, Жюльена, Мадю, Леонъ-Нюэля, Камилла-Рокпланъ и другихъ. Переводъ съ французскаго. Изданіе В. В.*

Лоджосъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1846. Въ 8-ю д. л. 330 стр.

На русскомъ языкѣ не много книгъ, написанныхъ для образованія дѣтскаго возраста, еще менѣе такихъ, которыя назначаются преимущественно для нравственнаго воспитанія юнаго поколѣнія, и которыя бы дѣйствительно достигали своего назначенія. По этому самому мы должны встрѣчать съ удовольствіемъ переводы подобныхъ книгъ съ другихъ языковъ, хотя, разумеется само-собой, оны не могутъ быть такъ близки дѣтскому возрасту, какъ тѣ же самыя книги, и пишущія ту же самую цѣль, но заимствованныя изъ отечественнаго источника, изъ русской жизни. Но, за недостаткомъ своего, не грѣхъ занять и чужое, тѣмъ болѣе, если это чужое передано вѣрно и не потеряло никакихъ памятей въ худшему при переладѣ. Въ этомъ отношеніи, напечатанныя въ свѣтъ Бабушкины Сказки составляютъ не маловажное приобретение для дѣтской библиотеки. Эти сказки, которыя добрая бабушка рассказываетъ своимъ внучкамъ, не есть произведение пустаго, празднаго воображенія, плодъ величаго вымысла, порождение разнузданной фантазіи. Нѣтъ, это сцены, взятыя изъ дѣйствительной жизни и заключающія въ себѣ какою-нибудь важной урокъ нравственности, представленной не въ мертвой формѣ безжизненной, сухой схоластики, но въ живомъ, прекрасномъ образѣ, всегда доступномъ и интересномъ для дѣтскаго возраста. Переводъ этой полезной и дѣльной книги сохранилъ въ себѣ заимчивость и граціозность подлинника. Изданіе красиво. Дѣти поблагодарятъ отъ сердца бабушку, которая такъ хорошо рассказываетъ сказки.

282) *Французскіе, Нѣмецкіе и Русскіе Общественныя Разговоры, съ присоюужденіемъ употребительнѣйшихъ словъ и краткихъ реченій для упражненія. Изданіе въ пользу юности. Изданіе второе. Санктпетербургъ.*

бурн. В 8-ю д. л. 102 стр.

Мы уже высказали однажды своё мнение о всѣхъ подобныхъ разговорахъ, и не станемъ наскучать читателей повтореніемъ одного и того же, какъ наскучаютъ намъ издатели этихъ книгъ, вѣчно заключающихъ въ себѣ одно и то же, т. е. ничего.

283) Французской Авбука (Alphabet Française). Санктпетербургъ. Въ губернской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 52 стр.

Букаръ, съ таблицами умноженія, множитвами и орфографическими ошибками.

284) Ученый Французскій Словарь, содержащій въ себѣ всѣ первообразныя слова и главные идиотизмы французскаго языка. Съ присовокупленіемъ некоторыхъ примѣровъ, объясняющихъ значеніе придаточныхъ частицъ, и алфавитнаго списка окончаній, по которому можно легко запомнить родъ всѣхъ именъ существительныхъ. Составленный управлющимъ Училищемъ Взаимнаго Обученія и кавалеромъ Яковомъ Гердомъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Эдуарда Прада. 1845. Въ 8-ю д. л. 310 стр.

Эта книжка представляетъ собою не что иное, какъ матеріалъ, польза котораго будетъ зависеть отъ способа его употребленія. Цель автора была: дать чащемуся средство узнать коренныя слова языка и облегчить этимъ познаніе всѣхъ остальныхъ, потому-что если бы познакомились съ кореннымъ словомъ и разными придаточными частицами, свойственными духу языка, то ему легко будетъ узнать это слово во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же въ словарь коменыхъ словъ встрѣчается множество ложныхъ?

285) Практическія Упраженія съ постепенныхъ переводахъ съ французскаго языка на русскій, и съ русскаго на французскій. Съ предварительнымъ изложеніемъ правилъ синтаксиса. Въ пользу

русскаго юношества издамъ Яковъ Жангенъ. Въ двухъ отдѣлахъ. Санктпетербургъ. 1845. Въ 8-ю д. л. Въ тип. Ильи Глазунова и Комп. 220 стр.

Книга состоитъ, во-первыхъ, изъ свѣтисическихъ правилъ, съ приѣмами для каждаго; во-вторыхъ, изъ русскіхъ и французскіхъ идиотизмовъ, съ приближительнымъ ихъ переводомъ; и въ-третьихъ, изъ французскіхъ и русскіхъ статей или отрывковъ изъ равныхъ сочиненій. Эти послѣднія составляютъ, какъ видно изъ заглавія, сущность книжки, и конечно годны для упражненій въ переводахъ. Не достаетъ въ нихъ только одного: постепенности, обѣщанной въ программѣ. Всѣ статьи почти равно-легки (или равно-трудны, какъ хотите) для перевода. Если и есть между нѣкоторыми разница въ этомъ отношеніи, то она весьма-маловажна, и самыя статьи слѣдуютъ одна за другою не въ прогрессивномъ порядкѣ.

286) Руководство къ Математической Географіи. Дра Ф. А. В. Дистерверга. Переводъ съ немецкаго. Съ 44 литографическими рисунками. Москва. Въ тип. А. Сенина. 1844. Въ 8-ю д. л. 526 стр.

Хорошее руководство, въ которомъ ясно положены явленія небесныхъ свѣтилъ. Авторъ, при разсмотрѣваніи солнца, луны, земли и другихъ тѣлъ, движеніе которыхъ составляетъ предметъ астрономіи, начинается съ наблюденій, а потомъ уже объясняетъ ихъ. Объясненія эти не всегда такъ строги, какъ они должны быть, при помощи высшей математики, но достаточны для людей, vizующихъ начальную геометрію и начальную алгебру. Иногда авторъ прибѣгаетъ къ простымъ аппаратамъ и посредствомъ ихъ представляетъ ученныи то, что происходитъ на землѣ или въ небесномъ пространствѣ. Жаль, что переводъ не всегда удаченъ. Еще болѣе жаль, что авторъ или редакторъ не приложилъ объясненій.

287) Наставление о Шелководстве, или о томъ, какъ родится шелко-очные черви, какъ и чѣмъ ихъ надобно кормить, чтобы они, выпуская изъ себя шелкоочные волокна, завивались въ пу-зырьки, называемые коконами, и какъ потомъ изъ коконовъ добываютъ шелкъ сы-рецъ. Составлено для простаю народа членомъ Императорскаю Общества Сельскаю Хозяйства Южной Россіи Н. Рай-ко. Санктпетербургъ. Въ тип. Минис. Госуд. Имуц. 1845. Въ 8-ю д. л. 80 стр. и табл.

Имя г. Райко извѣстно, какъ имя од-ного изъ просвѣщеннѣйшихъ членовъ Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи; его дѣятельность въ-особенности направлена на распространеніе меж-ду простымъ народомъ въ Новороссій-скомъ Краѣ шелководства, какъ такой промышленности, которая болѣе всего способна доставить довольство жижи-нѣ земледѣльца, разумѣется при благопрі-ятныхъ условіяхъ климата. Климатъ Южной-Россіи для шелководства благо-пріятенъ; не достаетъ только знанія, примѣра, истойчивости, чтобы оно во-дворилось между крестьянами. Г. Рай-ко рѣшился восполнить этотъ недоста-токъ, и мы радостно приветствуемъ его благородное стремленіе продать свѣтъ знанія и по-крайней-мѣрѣ нѣко-торую часть довольства въ темную дымную поселенна. О достоинствахъ из-даннаго вышѣ наставленія говорить много нечего: оно изложено съ ясно-стью и полнотою, какой только можно ожидать отъ человѣка, знающаго дѣло въ подробности и занимающагося имъ практически.

288) Разсчеты по 5 и 6 процентъ въ таблицахъ, съ показаніями о сенокосахъ, земляхъ пашахъ и заклад-ныхъ, и проч. Составлено М. Поддубе-ский. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Виллебара. 1845. Въ 8-ю д. л. 120 стр.

Собрание подобныхъ таблицъ, облег-чая денежныя разсчеты, весьма полез-но и будетъ принято съ благодарно-стью модаль, ашюшима или занимаю-щими деньги на сроданья...

289) Бесѣды Петербургскаго Жителя съ Удѣльнымъ Земледѣль-скимъ Училищю, о сельскомъ хозяйствѣ, составленныя Борисомъ Волжинымъ. Выпускъ третій. I. Пшениводство; II. Пчеловодство; III. Притомовленіе же-лѣзныхъ сколовъ; IV. Нябное Хозай-ство; V. Сельское Счетоводство; VI. Землеизмѣреніе, со многими чертежа-ми. Санктпетербургъ. У книгопродавца Василья Полякова. 1845. Въ тип. во-енно-учебныхъ заведеній. Въ 12-ю д. л. 79, 114, 58, 20, 95 и 51 стр.

Есть въ Петербургѣ особая залага сочинителей, печатающихъ разные хозяйственныя книжки съ громкими, длинными заглавіями. Эти господа, съ нѣкотораго времени устали печат-ать, или лучше сказать, перепечатыв-ать равныя хозяйственныя рецепты. Мы-было совѣтъ забыть о нихъ; но вотъ вновь является на сцену одинъ изъ нихъ, г. Борисъ Волжинъ, съ своими «Бесѣдами». Удѣльное Зем-дѣльческое Училище бесспорно-одно изъ лучшихъ учебно-хозяйственныхъ заведеній. Посѣщая эту предпри-ную школу, можно обогатиться не-малымъ количествомъ наблюденій. Но дѣло въ томъ, всякій ли это можетъ сдѣлать? Всякій ли, бесѣды съ умнымъ, просвѣщеннымъ человекомъ, можетъ понять его, и, еще болѣе, пе-редать его рѣчь столь же равнано, какъ онъ выливаются изъ уст его? Очевидно, что для этого нужна въ слу-шателяхъ извѣстная степень образован-ности и извѣстная степень таланта. Безъ этихъ условій, въ желаніи передать чужую умную рѣчь, расказъ его будетъ выходить на грехъ, и сла-ва, дѣлающая до насъ слышимое, безъ логической связи и послѣдовательно-сти... Эта мысль невольно рождается при чтеніи книжки г. Бориса Волжи-на. Не знаемъ, съ кѣмъ онъ бесѣдовалъ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Учи-лищѣ, но не можемъ не быть удивлен-ными, что онъ передалъ слышанное имъ совѣтъ не въ томъ видѣ, какъ ему разсказывали. Въспомни, какъ при-дарило бесѣду, которая послѣ этиа

ие «Пчеловодство». Во второй бесѣдѣ въ некоторыя дѣльныя практическія замѣчания перенѣшаны съ разными понятіями людьми. На стр. 13, сочинитель, толкуя о воспитаніи пчадѣкъ, говоритъ слѣдующее:

«Черезъ 12 дней надобно давать пчеламъ особенное лекарство, которое приготавливается изъ четырехъ горстей крапивныхъ листьевъ, двухъ горстей укропа, свареннаго въ водѣ, мелко изрубленнаго съ пятью личными желтками и смѣшаннаго съ тремя горстями отрубей, двѣдцатью золотниками ружейнаго пороха четырьмя золотниками сѣрыхъ пшеницъ, т. е. толченой очищенной сѣры. Лекарство это, предохраняющее пчелъ отъ простуды и красноты подлѣ мшечю, надобно давать на тощакѣ въ теченіе 8 или двѣхъ.»

Не знаемъ, кто выдумалъ начинять пчелъ *ружейнымъ порохомъ*! Но если бы даже предлагаемое лекарство и действительно было полезно, то прописанная доза должна быть даваема *каждому* ли пчеленку или нѣсколькимъ, и въ какомъ случаѣ въ какомъ мѣстѣ? — Г. Борисъ Волжинъ не разбиваетъ намъ этихъ вопросовъ. Даже сочинитель продолжаетъ:

«Но вотъ еще способъ выкармливанія пчелъ: какъ скоро пчелата выведутся, имъ имъ глотать по одному или по два на перца, потомъ кормить ихъ мякишемъ бѣлаго хлѣба, и пр.»

Правда, перецъ даютъ иногда ивдѣйствіемъ, но не тотчасъ какъ они выведутся, а тогда, когда они подростутъ, то для предохраненія отъ разслабленія ихъ желудка. Это служитъ доказательствомъ, какъ сочинитель умѣетъ передавать слышанное имъ. Но по страннѣ для насъ пятая бесѣда, имѣющая слѣдующее громкое названіе: *Методическо-Хозяйственный Курсъ въ области Земледѣльческаго Училища*. По «Курсъ» завлываетъ ожидать *каждому* чего-либо болѣе или менѣе систематическомъ порядкѣ. Вмѣсто того вы находите собраніе сложныхъ эмпирическихъ задачъ, съ краткими

отвѣтами, даже безъ всякаго указанія способовъ рѣшенія этихъ задачъ. Многія же изъ задачъ сопровождаются отвѣтами, въ которыхъ нѣтъ вовсе никакого отвѣта; напр. слѣдующія:

«Плугъ дѣлаетъ борозду въ 8 вершковъ ширину; лошади въ плугъ можетъ пройти въ 10 часовъ 15 верствъ. Спрашивается въ сколько времени можно плугомъ вспахать поле данной фигуры?»

«Отвѣтъ: Судя по данной фигурѣ.»

«Скоронашка дѣлаетъ борозду въ 2 аршина ширину; лошади въ скоронашкѣ можетъ пройти въ 10 часовъ 18 верствъ. Узнать, въ сколько времени скоронашкою можно всахать поле данной фигуры?»

«Отвѣтъ: Судя по данной фигурѣ.»

Спрашивается, что можно извлечь изъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ, кромѣ того, что поле данной фигуры можно вспахать и плугомъ и скоронашкою, смотря по данной фигурѣ? Не правда ли, что это очень-поучительное? И собраніе подобныхъ бессмысленныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, сочинитель, г. Борисъ Волжинъ, называетъ: *Арифметическо-Хозяйственный Курсъ въ Училищѣ Земледѣльческаго Училища*—Это ужъ просто изъ-рукъ-вонъ!

Шестая бесѣда носитъ названіе: «Землеизмѣреніе», т. е., по-просту, землеизмѣреніе. Она начинается такъ:

«Межеваніе есть искусство измѣренія земли непосредственно на ней самой или на планѣ, съ нея снятомъ и представляемомъ ее въ маломъ мѣстѣ. Измѣреніе (??) состоитъ въ опредѣленіи соотношеній такой имъ есть величины къ другой такого же рода, которую согласился принять за начало сравненія всѣхъ такого рода величинъ.»

Мы было-остановились надъ этими фразами, не догадываясь, что онъ значить; мы было-хотѣли замѣтить, что *межеваніе* и *измѣреніе* земли вовсе не одно и то же, — но намъ бросились въ глаза слѣдующія за тѣми строки:

«Изложивши вамъ правила межеванія, основанныя на ежедневныхъ вѣдѣніяхъ, представляю, просто, ж. у. и т. д. и т. д. чтобы всякой могъ руководствоваться ими.»

И такъ малѣй образованный человѣкъ, приложивъ знанія свои къ способамъ, здѣсь предлагаемымъ, можетъ легко снять планъ своего имѣнія и вычислить его, безъ другой посторонней помощи.

Послѣ такого увѣренія сочинителя, мы потеряли всякую увѣренность, что мы сами хоть сколько-нибудь образованы, потому-что не умѣемъ приложить знанія свои къ способамъ, предлагаемымъ г. Борисомъ Волжинымъ, и, признаемся, не чувствуемъ къ тому никакой охоты. Да и что наши познанія предъ многостороннею ученостью г. Бориса Волжина? Мы просто ничего не знаемъ, хотя и читали сочиненіе этого господина.

290) О предпріятіи учредившагося въ Санктпетербургѣ Товарищества для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений. *Статья изъ Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, № 4, 1845.* Право перепечатанія этой статьи принадлежитъ исключительно учредителю товарищества. *Санктпетербургъ. Въ тип. К. Крайя. 1845. Въ 8-ю д. л. 58 стр.*

Въ этой брошюрѣ говорится о поводѣ, предметѣ и пользахъ предпріятія товарищества, учрежденнаго гг. Великолепскимъ и Блавынымъ. Поводъ учрежденія этого товарищества есть несовершенство обдѣлки у насъ льна и пеньки. Предметъ — покаместъ — тайна учредителей. Польза, такъ, какъ она изложена въ брошюрѣ, заключается въ томъ, что крестьянское семейство, состоящее изъ шестнадцати душъ обоого пола, при нынѣшнемъ способѣ обдѣлки пеньки получаетъ съ конопляника всего по 58 р. 96 к., — а по способу, который извѣстенъ товариществу, получить съ того же самаго конопляника 124 р. 96 к. — Мы не знаемъ, въ чемъ состоитъ предлагаемый способъ (который, повторяемъ, составляетъ пока тайну учредителей), а почему и не можемъ многого сказать о вычисляемой пользѣ. Однако не-

льзя не замѣтить, несомненно истинная выгода отъ улучшенія обработки пеньки, слѣдующее: всякое усовершенствованіе, рассчитываемое въ маломъ размѣрѣ, не всегда приноситъ тѣ же пропорціонально, выгоды, когда оно расширяется въ обширѣйшемъ размѣрѣ. Здѣсь главную роль играетъ хладчая, денежная цѣна произведенія; а цѣна эта, какъ извѣстно всякому, зависитъ отъ предложенія и требованія. Если станутъ предлагать болѣе, нежели сколько требуютъ, то цѣна произведенія, не смотря на его улучшеніе, останется низкою. Главный вопросъ: удастся ли улучшенное въ качествѣ и увеличенное въ массѣ произведеніе достаточное число потребителей? Крестьянинъ, который, привычною или необходимостью, принужденъ носить всякаго колючаго холста, найдеть ли средства и охоту покупать холстъ по 30 к. аршинъ! Объяснимъ другія приращенія. Извѣстно всякому, что швейцарскій передѣланная въ крупчатую муку, переобращается гораздо-высшую цѣну, нежели перемолотая въ простую муку. Этими выгодами крестьяне не пользуются... Скажутъ: передѣлка швейцарскій въ крупчатую муку требуетъ средствъ несодержимыхъ крестьянину? Согласенъ. Но есть средства простые, доступныя крестьянину, очищать швейцарскій отъ разнаго сора и превращать его въ муку довольно-чистую: отъ чего крестьяне южныхъ губерній не дѣлаютъ этого, и дѣлаютъ такой швейцарскій хлѣбъ, который на видъ хуже разнаго? Гг. учредители товарищества рассчитываютъ, что новый способъ можетъ принести прибыли на каждую ревизскую душу, по новой оцѣнкѣ по р. 30 к. сер. Выгоды огромны! — Ходъ съ имѣнія однимъ этими способомъ можетъ удвоиться!.. Чудесное дело, особенно теперь, при дешевой цѣнѣ хлѣба: Но расчетъ, основанный на ревизскихъ душахъ, есть самый вѣрный, потому-что онъ не экономическій. Мы предоставляемъ хозяевамъ судить самимъ о выгодахъ предложенія товарищества воспользоваться

способомъ съ платою по 2 к. сер. съ ревизской души въ теченіе 10 лѣтъ ..

Подобные расчеты съ душой напонидаютъ намъ слѣдующій анекдотъ: у одного помещика было имѣніе, въ которомъ онъ въ загладывалъ дѣтъ 20, — а между тѣмъ, онъ былъ филантропъ, и потому распоряжался, чрезъ посредство своихъ управителей, о введеніи разныхъ улучшеній для пользы своихъ крестьянъ. Случился неурожай — онъ съѣлъ завести магазинъ и мірскую зашку; появилась холера, баринъ далъ приказъ устроить больницу, и мало ли акцихъ другихъ распоряженій дѣлалъ филантропъ, и былъ вполнѣ увѣренъ, что все исполняется на дѣлѣ. Наконецъ, помещикъ умеръ; сынъ его думалъ удостовѣриться на дѣлѣ, какъ живутъ его крестьяне; поѣхалъ въ свою вотчину и увидѣлъ, что мужички шугутъ, какъ и всѣ, ни худо, ни хорошо, ни богато, ни бѣдно, — а такъ-себѣ, со всячидкой; но ни больницы, ни магазина, ни запашки не было, и поминѣ! Дѣло объяснялось про управляющій, обманывая барина, притомъ, при удобномъ случаѣ, крепилъ. Новый владѣлецъ смѣнилъ стар. управителя и послалъ новаго овѣра дѣйствительно-честнаго и дого. Новый управляющій пріѣхавъ отчину, созвалъ сходку, и объявилъ, впредь не будетъ уже плутней, что добрыя распоряженія молодого ба- будутъ исполняться для блага са- же мужичковъ, что тотчасъ же начать строить магазинъ, а тамъ приняться за больницу, а тамъ прагмъ надобно устроить плотину, ну-что въ селѣ воды нѣтъ. Мужичо-чесали затылки, поклонились, па- шапки и разошлись — кто домой, мимоходомъ и въ кабакъ. На дру- снѣ равно утрожь, къ управляюще- гается буржистръ, визко кланяет- кдѣтъ на сдѣлѣ что-то заверну- ь бумажку. — Это что? спрашива- правляющій. — Твоей милости по- отъ вотчины. — Управляющій руль бумажку и видитъ въсколь- знощившихъ заселенныхъ асиг- ХЛІІІ. — Отд. VII

націй; гнѣвъ благороднаго негодова- ния засверкалъ въ глазахъ его. — За- чѣмъ это? я вѣятокъ не беру! Не за- тѣмъ меня прислалъ къ вамъ вашъ ба- ринъ, не за тѣмъ смѣнилъ онъ стараго цлута, который васъ обиралъ. — Вѣсти- мо, батюшка, что такъ, отвѣчаетъ бур- жистръ. — Ну! стало ты понимаешь, что лииъ не нужны ваши деньги, что я ихъ не возьму? Понимаешь? — Какъ, ро- димой, не понимать! дѣло извѣстное, намъ ужъ не въ первый разъ, — не годъ и не два жили мы и съ Сидоромъ Пва- новичемъ (такъ звали стараго, смѣнен- наго управляющаго), и отъ него слы- хали мы многое, такое, а все же и га- мазея, и холера, и новая запруда въ оврагѣ — всё это 10 к. съ души: за- тѣмъ и твоей милости кланяемся; толь- ко ужъ на большее не подиви, не въ моготу; не ко времени твоя милость по- жаловалъ...

На стр. 31-й брошюры, говорится, что учредителемъ товарищества пріобрѣ- тенъ въ послѣднее время, отъ одного извѣстнаго уже своими заслугами ме- ханика, пріобрѣтенный имъ способъ совокупной обдѣлки и бѣленія прядильныхъ растеній. Въ условіи, за- ключенномъ по этому предмету това- ричествомъ, обращаетъ еще особое вниманіе то, что упомянутымъ меха- никомъ предвидится возможность устроить машину такъ, чтобы ею прядильныя растенія можно было об- дѣлывать безъ предварительнаго ихъ моченія или разстилки и мятья, при чемъ не останется въ нихъ никакихъ смолянистыхъ частей (стр. 32). Стало быть предметъ условія покажется ещѣ еще надежда?.. Не наше дѣло разби- рать, какую вещественную прѣпу для пріобрѣтателя имѣеть предметъ невѣ- щественный, т. е. надежда; зашѣтійъ однако, что если при помощи предвиди- мой машины, можно обдѣлывать прядильныя растенія безъ предварительна- го мтья, то мы рѣшительно недоумѣ- ваемъ, что же будетъ дѣлать эта пред- видимая машина? Мятья, какъ всякому извѣстно, есть не что иное, нѣтъ отдѣ- ланіе костриковъ, выключенной въ во-

ловнѣ, отъ этого послѣдняго: какимъ же образомъ можно обдѣлывать ленъ или пеньку, безъ предварительнаго отдѣленія волокна отъ кострики? Недоумѣваемъ, рѣшительно недоумѣваемъ; предполагаемая машина хочетъ уничтожить даже физическую невозможность... Кстати замѣтимъ также, что надежда обдѣлывать ленъ и пеньку безъ предварительнаго ихъ моченія или разстилки, обольщала очень многихъ прожектеровъ, и сокрушалась всегда о *лирическую невозможность*. Не лажѣ, какъ въ началѣ нынѣшняго года, такая попытка была предложена Шарижскому Центральному Обществу Земледѣлія — и была имъ отвергнута. Дѣло очень-простое: стебель волокнистыхъ растений состоитъ изъ костры древнястнаго свойства, и волокна, пропихнутого камедисто-смолистымъ веществомъ. Это вещество приклеиваетъ волокно къ кострикѣ, и безъ разрушенія перваго весьма-трудно раздѣлить послѣднія. Но положимъ, что и достигли бы этого, хотя и съ потерю части волокна: все же останется камедисто-смолистое вещество въ самомъ волокнѣ, которое, въ такомъ состояніи, негодно для пряжи. Вотъ почему моченіе или разстилка всегда останутся необходимыми условіями обработки пеньки или льна; можно этотъ процессъ улучшить, сократить, но уничтожить — нельзя, потому что это единственный способъ разложенія камедисто-смолистаго вещества, причемъ разрушается связь между кострикою и волокномъ, а послѣднее умягчается и дѣлается удобнымъ для пряденія и дальнѣйшей обработки. Люди, предлагавшіе способы мять пеньки и льна безъ моченія или разстилки, не знали по-видимому этихъ простыхъ истинъ. Что касается до вреднаго вліянія мочки пеньки или льна на здоровье, то вредъ этотъ по новѣйшимъ наблюденіямъ вовсе не такъ важенъ, какъ о немъ думаютъ нѣкоторые.

291) Омирова Ватрахоіомахія, или война лягушекъ и мышей, перело-

женная въ стихи штабс-капитаномъ Телегинымъ. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 12-ю д. л. 24 стр.

Послѣ долгаго молчанія, г. штабс-капитанъ Телегинъ выхолитъ снова на литературное поприще. Ироническая поэма, приписываемая Гомеру, нашла въ немъ переводчика — какого? судите сами по слѣдующему десятистишію къ читателямъ:

Двѣ тысячи восемьсотъ ужъ лѣтъ,
Прошло Омпру твореню,
Теперь Омпра въ свѣтъ нѣтъ —
И нѣтъ его намъ къ угѣшеню. (?)
Поэмъ забавныхъ мало ищутъ;
Одной моралью только дышутъ:
А онъ лягушекъ да мышей.
Копьевской кою намъ доставлять,
И въ прозѣ ихъ Рубановъ слышатъ:
Но я, въ стихахъ пишу тварей.

III. — К. — В. — Телегинъ.

Прибавлять къ этой деклараціи, кажется, нечего. Развѣ замѣтить, что г. штабс-капитанъ называетъ Рубановымъ Рубана, переведшаго въ прозѣ «Ватрахоіомахію», а Копьевскимъ Илью Копьевскаго или Копиевича.

292) Сказка о Царевичѣ Емелянѣ Емельяновичѣ, сынѣ Емелюшки. Въ стихахъ. Соч. штабс-капитана Телегина. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 40 стр.

293) Сочиненія Штабс-Капитана Телегина или отрывки изъ моего журнала. Москва. Въ тип. Ивана Смирнова. 1844. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 53 стр. Во II-й — 71 стр.

Сказка г-на штабс-капитана Телегина начинается такъ:

Съ восторгомъ радостнымъ восходить,
На свой Емеля царскій тронъ,
Себя счастливей всѣхъ находить,
Надѣвши пышный камионъ.
Супругу Дарьюшку ласкаетъ
То къ сердцу жметъ, то обнимаетъ,
Какъ водится у всѣхъ людей.

У насъ пословица твердится,
 Что если будетъ кто жениться:
 Тотъ узреть счастье своихъ дней.
 Съ девятымъ мѣсяцемъ встрѣчается
 Въ полночь своей Луна,
 Царица Дарья примѣчаетъ,
 Залогъ любви въ себѣ она
 Что былъ Емелюшка отцомъ.
 Въ одну полночь сіе свершилось
 И чудо новое явилось:
 Съ сыномъ поздравя молодцомъ.

Не правда ли, начало очень-недурное? А вѣдь въ немъ-то и заключается вся сила! Не даромъ же у насъ на Руси слыветъ пословица: «видна птица по полету». Приведенный нами образчикъ даетъ полное понятіе объ огромномъ талантѣ или *talantъ* г-на штабс-капитана Телегина. Не думайте, впрочемъ, чтобъ онъ былъ мастеръ на однихъ сказки. Напротивъ, г. штабс-капитанъ съ одинаковымъ искусствомъ сочиняетъ и чувствительные романсы. Право, такъ! Вотъ на-пр. послушайте отрывокъ его сентиментальной поэзіи:

Въ полночный часъ глубокой,
 При лунномъ блескѣ—тамъ
 Въ долині одинокой,
 Ходивши по холмамъ—

Среди уединенья,
 Въ сей мирной тишинѣ,
 Нѣтъ сердцу утѣшенья: —
 Ни радостей ни гдѣ.

Я бывши отдаленнымъ,
 Какъ плѣнникъ молодой;
 Ахъ, грустно съ сердцемъ нѣжнымъ
 Въ сторонкѣ жить чужой.

Случилось при весельѣ
 Всякъ дружбою дѣлать;
 При скорби и мученьѣ
 Никто не навѣститъ.

Вдалѣ дѣвицъ любезныхъ, —
 Но все не тотъ предметъ!
 Ахъ! много есть прелестныхъ
 Но сердцу милой нѣтъ.

Есть еще одно важное достоинство въ талантѣ г. штабс-капитана Телегина: онъ не одностороненъ. У него — его хочешь, того просишь, и будешь въ вѣрѣ, онъ вамъ ни въ чемъ не отка-

жетъ. Кажется, быть такимъ поэтомъ—и того довольно бы, даже много было бы для человѣка не слишкомъ честолюбиваго. А для него и этого мало: онъ и историкъ, и философъ, и математикъ,—словомъ полная энциклопедія.

294) Собраніе любимыхъ русскихъ пѣсень (.) Изданіе второе. Исправленное. Москва. Въ тип. А. Еврешинова. 1845. Въ 18-ю д. л. 31 стр.

Собраніе довольно-сѣрватое и скучное, которое, вѣроятно, имѣетъ свой кругъ посѣтителей, конечно, не въискательныхъ. Изданіе второе и притомъ исправленное доказываетъ, что есть еще добрые люди, которые заботятся объ охотникахъ до пѣнія, и боятся, чтобъ русскій народъ не разучился пѣть и съ горя не прибѣгнувъ къ какимъ-нибудь другимъ средствамъ для развлеченія своей скуки. Съ этою-то доброю цѣлю и предлагаются русскимъ пѣвцамъ нѣкоторыя пѣсенки, которыя, разумѣется, они давнымъ-давно знаютъ наизусть, а можетъ-быть и позабыли, потому-что эти пѣсенки большею частью такъ стары, что помнятъ Царя-Гороха. Тутъ и: «Гусаръ на саблю опираясь» и «Не одна во полѣ дороженька», и «Во всей деревнѣ Катинька», и «Хожу я по улицѣ да не захожуся», и «Еслибъ завтра да ненастье», и «Я вечеръ въ лугахъ гуляла» и другія, всего 21 пѣсня.

295) Не люблю не слушай, гдѣ не жьшай. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ картинками. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 16-ю д. л. Въ 1-й части—108, во 11-й—125 стр.

Нельзя выбрать удачѣе названія для подобной книги, наполненной такимъ вздоромъ, который едва-ли можетъ заинтересовать кого-нибудь въ теперешнее время, когда люди такъ выросли въ своихъ понятіяхъ, что во всякой фантазіи, незаключающей въ себѣ мысли и необлекающей въ прекрасный образъ, видятъ только плодъ разстроеннаго воображенія или ограниченной посредственности. Впро-

чемъ, названіе сочиненія, какъ бы оно ни было остроумно, не можетъ служить достаточнымъ оправданіемъ его печатной извѣстности. Если авторъ считаетъ себя въ правѣ рассказывать печатно свои фантастическія похождения, которыя могутъ быть занимательны только для него одного, основываясь на представленной имъ въ видѣ девиза поговорцѣ, то другіе могутъ, съ своей стороны, привести такую поговорку, которая имѣетъ болѣе-глубокое и вѣрное значеніе; они могутъ сказать ему прямо: «...лги да авай же мѣру». Жаль, что сочинитель поздно созналъ важность этой поговорки — именно только въ концѣ своей хотя безвредной, по и ни къ чему не ведущей болтовни. Сознаніе его высказывается въ слѣдующихъ словахъ, которыми онъ заключаетъ свой утомительный рассказъ: «подо врать, пора перестать». Эти слова, по нашему мнѣнію, составляютъ единственное достоинство его книги. Время сказокъ миновало. Настоящее поколѣніе стало гораздо-смысленнѣе, нежели были его блаженные предки, для которыхъ все то было хорошо, что превышаетъ простой здравый смыслъ. Теперь уже не принимаютъ горячаго участія въ нефертиностяхъ, не стараются насильно, наперекоръ себѣ самимъ, своей практической, ежедневной домашней и общественной жизни, сильно противорѣчащей принятымъ на мѣру и потому уже непрочнымъ убѣжденіямъ, увѣраться въ дѣйствительности и ясности всякихъ грезъ. Впрочемъ, не надобно думать, чтобъ люди достигли абсолютной истинны, чтобъ они уже не дѣлали никакихъ ошибокъ въ образѣ своихъ мыслей и логическихъ, не подчинились также вѣрованіямъ въ нѣкоторые призракъ, — это безъ-сомнѣнія невозможно, потому-что несообразно съ человеческою натурою — по-крайней-мѣрѣ, настоящее общество въ томъ отношеніи стоитъ выше прошедшаго, что оно не съ такимъ упорствомъ предается вліянію заблужденій, чтобъ готово было отстаивать ихъ во что бы

то ни стало; напротивъ, оно безъ всякаго ложнаго стыда отказывается отъ своихъ вѣрованій и предразсудковъ, если ему ясно представлять ихъ неосновательность и неестественность. Дѣйствительность вступила въ свои полныя права; область ея такъ распространилась далеко, что обнимаетъ собою все проявленія, все сферы человѣческой дѣятельности. Даже самая по-видимому явная ложь, самый вымыселъ подчинился невольво ея непреодолимому могуществу. Онъ тогда только удовлетворитъ эстетическому чувству, когда носитъ на себѣ печать дѣйствительности, когда выражаетъ собою какую-нибудь ея сторону, когда пропитанъ идеею, которая возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе людей, потому-что знакома имъ, потому-что они находятъ ее между собою, въ своей обыкновенной жизни, потому-что она не есть собственность чьего-нибудь большого мозга. Ничего этого не представляетъ повѣствователь и издатель въ свѣтъ своихъ небывалыхъ, вошлыхъ, незаключающихъ въ себѣ никакой занимательности похождевіи. Его фантастическія приключенія такъ уже износились, что самыя дѣти, вѣроятно, скорѣе получаютъ отъ чтенія ихъ скуку, нежели удовольствіе. Притомъ въ нихъ замѣтна такая ограниченность необрѣтательности авторскаго воображенія, что нѣкоторые приключенія по своей завязкѣ и развязкѣ представляютъ между собою совершенное сходство, можно сказать, тождество, и, должно-быть, служили одно для другаго копіей. Переводчикъ этой книжки выполнялъ свое дѣло довольно-хорошо, если только можно назвать дѣломъ пустую трату времени. Картинки тоже не безобразны; по-крайней-мѣрѣ для такого произведенія лучше и желать не должно.

296) Новый Карманный Французско-Русскій и Русско-Французскій Словарь, съ краткою грамматикою обоихъ языковъ и съ приложениемъ нѣсколькихъ смисла употребительнѣйшихъ

мень мужскихъ и женскихъ, самыя записаныя именъ историческихъ и мифическихъ, географическаго словаря и разнородной таблицы въсовъ, мѣръ и монетъ обоехъ народовъ, составленный г. Ольдекопомъ. Издаше третие тисненіе второкъ, тщательно перепечатанное и исправленное двумя профессорами (?). Для части. Въ 12-ю д. л. инквартербургъ. 1845. Во французской типографіи. Въ 1-й части XXX и 16, во II-й — XLV и 853 стр.

Новое изданіе давно-извѣстнаго словаря г. Ольдекопа. Эта книга имѣла тогда-то цѣну, какъ единственный карманный словарь, изданный въ такомъ орнатѣ, который дѣлалъ его удобнымъ для употребленія учащихъ французскому языку, — хотя и тогда многіе жаловались на его недостаточность. Для перевода статей изъ хрестоматій онъ, конечно, годился; но очевь-совершенно былъ бесполезенъ и для того, кто, читая произведенія соеменной французской литературы, думалъ бы совѣтоваться съ нимъ при переводѣ непонятныхъ фразъ или словъ. Въ этомъ отношеніи, словарь г. Ольдекопа отсталъ чуть не полстолѣтіемъ! Попробуйте при его пособіи прочесть романъ — не говоримъ уже оржа Занда, но хоть Сю, или статью Эвена — вы увидите, на сколько онъ имъ пособитъ! Не говоримъ уже о техническихъ терминахъ и выраженіяхъ, которые вы сплошь и рядомъ грѣшаете въ ученыхъ французскихъ чиненіяхъ, и въ истолкованіи которыхъ ручной словарь долженъ быть премъннымъ пособіемъ: тутъ вамъ сколько не поможетъ г. Ольдекопъ. Между-тѣмъ, прямая обязанность новаго словаря — помогать читателю, не переводчику, который можетъ, жадуя, рыться и въ тяжеловѣсномъ словарѣ Татищева, совѣтоваться и съ мастомъ, и съ Наполеономъ Жанде, и съ тогда-какъ читатель хотѣлъ бы имѣть справки подъ рукою, безъ дальнѣйшихъ разысканій... Съ появленіемъ словаря г. Рейфа, нарманнаго словаря г. Ольдекопа былъ по-видимо-

му, совѣтъ забыть; составитель его, — повторяемъ, принесшій пользу въ свое время, — умеръ, и мы полагаемъ, что лексиконъ его не будетъ имѣть дальнѣйшихъ изданій. Но, по-видимому, правотъ изданія владѣеть г. Белливаръ, который и выпустилъ на-дняхъ третье изданіе — второе тисненіе словаря, будто-бы тщательно перепечатанное и исправленное двумя профессорами. Кто эти профессора, издатель умалчиваетъ; но исправленій мы нашли весьма-немного: словарь остался тѣмъ же неполнымъ, недостаточнымъ словаремъ, какимъ былъ и при первомъ и при второмъ изданіи. Однакожь, издатель довольно-наивно говорить въ предисловіи: «Число словъ въ этомъ Словарѣ было слишкомъ велико» (?), особенно потому, что онъ (?) не представлялъ требованій на титулѣ лексикона всеобщаго... Потребовалось большой разборчивости при исключеніи словъ излишнихъ... То-есть, издатель въ недостаточномъ и неполномъ словарѣ г. Ольдекопа нашелъ еще слова лишнія и безъ церемоній выкинулъ ихъ!.. Далѣе: какъ прикажете понимать, на-примѣръ, вотъ хоть это извѣстіе: «Это тисненіе пересмотрѣно съ величайшимъ стараніемъ, опечатки исправлены, и если мы не называемъ новаго выпуска Словаря четвертымъ изданіемъ, тѣмъ не менѣе можемъ утвердительно сказать, что значительныя улучшенія не позволяютъ считать его простою только перепечаткою, хотя, по-видимому» (слушайте!) «мы ограничили ourselves однимъ точнымъ, страница въ страницѣ воспроизведеніемъ третьяго изданія»? Слѣдственно, это новое изданіе есть не перепечатка, а воспроизведеніе прежняго изданія? Конечно, слово воспроизведеніе гораздо-лучше слова перепечатка, — ужъ потому лучше, что оно отзывается высокою слагою, но мы, въ простотѣ сердца, готовы признать его тождественнымъ съ перепечаткою, и вполнѣ примѣнить его къ этому новому изданію «Словаря г. Ольдекопа.

Но наивнѣ всего увѣренность изда-теля, что ничего не можетъ быть луч-ше напечатанной имъ книжки. Онъ весьма-откровенно говоритъ: «Мы счи-таемъ излишнимъ указывать на ма-териальныя улучшения этого изданія. Стоитъ только сравнить его съ дру-гими Словарями, чтобъ увѣриться въ трудности *представить что-нибудь лучшее* въ отношеніи типографиче-ской отдѣлки». Помыслите! Какъ же вы вабыли *Карманный Словарь Рейфа*? Не-уже-ли вы не замѣтили, что при одинаковомъ объемѣ съ вашимъ «Сло-варемъ» онъ состоитъ изъ 850 стра-ницъ; ~~а~~ какъ вашъ умѣщается на 536 страницахъ, разгонисто напеча-танныхъ въ сравненіи съ страницами Рейфа, — что ваши полторы страницы входятъ у Рейфа въ одну страницу, на которой, сверхъ-того, находится пере-водъ каждаго французскаго слова, кромѣ русскаго, на нѣмецкій и англій-скій языки? А бумага? А шрифтъ?.. Не-уже-ли есть какое-нибудь сравненіе между этими двумя словарями? Да сло-варь Рейфа — щеголь въ сравненіи съ этимъ бѣдненькимъ изданіемъ...

297) Записки Русскаго путеше-ственника, А. Глаголева. Изданіе второе. *Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жернакова (?)*. 1845. Четыре части. Въ 8-ю д. л. Въ I-й ч. 285, во II-й—362, въ III-й—388, въ IV-й—276 стр.

Г. Глаголевъ путешествовалъ по Ев-ропѣ въ 1823—1826 годахъ. «Записки» его вышли въ свѣтъ лѣтъ семь или во-семь назадъ, — и публика не читала ихъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, какой интересъ могли возбудить въ ней рассказы пу-тешественника о томъ, что видѣлъ онъ въ Европѣ, лѣтъ за двѣнадцать или за пятнадцать предъ тѣмъ, какъ взду-малъ напечатать свои рассказы? Въ Европѣ событія смѣняются ежеднев-но, не только ежегодно, и то, что было за пятнадцать лѣтъ, уже — дре-вняя исторія. Отъ путешественника мы ожидаемъ рассказовъ о томъ, что ви-дѣлъ онъ теперь, въ наше время, пока еще свѣжъ интересъ, возбужденный

въ насъ событіемъ текущей мину-ты; а какія новости увидите вы въ 1838 году, на-примѣръ, о Парижѣ, въ которомъ путешественникъ былъ въ 1825-мъ году, за тринадцать лѣтъ предъ тѣмъ, — даже еще до июльской революціи, нѣмѣнлившей лицо в Пари-жа, и Франціи, и сосѣднихъ съ Фран-ціею державъ? Вы, вѣрво, въ 1838 го-ду сами рассказали бы ему больше новостей, нежели сколько онъ могъ сообщить вамъ! Еще безвременнѣе появленіе «Записокъ» г. Глаголева вторымъ изданіемъ теперь, въ 1845-мъ году, когда уже прошла *двадцатилѣт-няя* давность и впечатлѣніямъ его в рассказываемымъ имъ новостямъ... Впрочемъ, *второе изданіе* поставлено на заглавномъ листѣ этой книж-ки такъ, «для красоты слога»: книгопро-давецъ отодралъ отъ прежняго изда-нія заглавный листъ и придѣлалъ къ нему новый, напечаталъ на немъ 1845-й годъ, «второе изданіе» и выставилъ другую типографію, въ которой дѣ-ствительно *этотъ заглавный листъ* в печатался, тогда-какъ самая-то книга в не думала перепечатываться; она сво-койно лежала въ кладовой и теперь выведена на свѣтъ Божій только съ новымъ заглавнымъ листомъ. Бумага, шрифтъ, вся внѣшность изданія этой книги — та же самая, какаа была въ 1838 году; даже таюого шрифта, в-торымъ ова напечатана, теперь нѣтъ ни въ одной петербургской типографіи... Все это второе изданіе — не б-лѣе, какъ шутка книгопродавца. Ол-та же такъ шутить!

298) Сводъ Постановленій в вос-питаніи дѣтей въ учебныхъ за-веденіяхъ Россійской Имперіи. Составленъ и изданъ Иваномъ Пуш-киревымъ, для руководства родителей, при опредѣленіи дѣтей въ учебныя за-веденія. Изданіе третіе исправленное и дополненное, вновь собранными свѣдѣ-ніями, по 1 июля 1845 года.

Г. Пушкиревъ исправно переиспачаетъ постановленія, относящіяся къ воспитанію учащагося юношества в

русскихъ заведеній разныхъ ведомствъ, — и дѣлаетъ весьма-полезное дѣло для всѣхъ, кому нужно знать эти постановленія и кому между-тѣмъ некогда отыскивать ихъ въ официальныхъ источникахъ. Только зачѣмъ г. Пушкиревъ снабжаетъ свои книги та-

книги краснорѣчивыми предисловіями? Къ-чему эти утѣренія въ желаніи общей пользы? къ-чему эти возбужденія въ юныхъ соотечественникахъ «вѣщаго стремленія», и пр. и пр.? Книга его, и безъ этого краснорѣчія, всегда найдетъ себѣ вѣрный сбытъ.

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

35) *Loci memoriales e Ciceronis scriptis delecti et ad Ruthardi præceptis accommodati a B. Wojciechowsky. (Fascic. I). Mosquæ. Typis Universitatis Cæsareæ. 1845.*

Г. Войцеховскій перепечаталъ нѣкоторые вѣста изъ сочиненія Цицерона «De Amicitia» и такимъ-образомъ составилъ маленькую книжочку въ 16 страничекъ, которую и предлагаетъ кому угодно. Но вѣроятно охотниковъ принять его услуги найдется очень-малого. Если это не денежная спекуляція, то мы, право, не знаемъ, съ какою цѣлію выдана тощая брошюрка, какое ея назначеніе, и какую она можетъ принести пользу. Кто захочетъ скорее узнать духъ сочиненій Цицерона, тотъ, вѣроятно, будетъ читать его полное и лучшее изданіе, и не станетъ владѣться книжечкѣ г. Войцеховскаго, а для тѣхъ, которые еще наивнѣаютъ учиться латинскому языку, она совершенно-безполезна, потому-то не представляетъ удобства, необходимыхъ для первоначальнаго изученія этого языка. Какъ значитса въ заглавіи, авторъ-издалъ еще только первый томикъ своей книжечки. Слѣдовательно, надо будетъ дожидаться втораго, а тамъ можетъ-быть и третьяго, и четвертаго. Если жь этого и не сбудетса, то вѣдь не велика!

36) *Die Reichelsche Münzsammlung in St. Petersburg (Рейхелевское Собраніе Монетъ въ С. Петербургѣ). Часть пятая. Санктпетербургъ. 1842. Въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ. Въ 8-ю д. л. 284 стр.*

Въ этомъ томѣ, вышедшемъ только въ прошломъ мѣсяцѣ, заключается списокъ датскихъ, шведскихъ и норвежскихъ монетъ, Герцогствъ Шлезвигскаго и Голштинскаго. Бѣднѣе прочихъ отдѣлъ норвежскихъ монетъ: ихъ всего 161; но норвежскія монеты попадаются рѣже прочихъ. Шведскихъ 1,188, датскихъ 708, голштинскихъ 102. Есть экземпляры чрезвычайно-рѣдкіе.

37) *Verzeichniss einer Münzsammlung zu St. Petersburg, welche unter der Hand zu verkaufen ist (Каталогъ Собранія Монетъ, продающагося въ Санктпетербургѣ). Санктпетербургъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 12 стр.*

Это собраніе монетъ, присланное изъ-за границы, состоитъ изъ римскихъ и греческихъ монетъ и медалей, въ томъ числѣ 12 золотыхъ, 607 серебряныхъ и 1,047 мѣдныхъ. Собраніе продается все вѣстѣ. Желающіе купить его могутъ адресоваться къ г-ну Буккельгофу, во Второй Адмиралтейской Части, въ третьемъ кварталѣ, въ Большой-Мѣщанской, въ домѣ г. Генке, № 37, квартира № 9.

38) DEUTSCHES LEBESBUCH für die mittlere Jugend, nebst einem erklärenden deutsch-russischen Wortregister (Нѣмецкая Хрестоматія для средняго юношества, съ объяснительнымъ нѣмецко-русскимъ словаремъ). Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 255 стр.

Этотъ сборникъ нѣмѣкъ не отличается отъ тѣхъ, которые попадались намъ въ руки не разъ, и о которыхъ мы не разъ уже говорили свое мнѣніе. Всѣ статьи чрезвычайно-нравственны и поучительны, но за ними крѣпко дремлетъ бѣдному юношеству. Отъ нихъ вѣтъ какой-то апатіей. Закрывъ книгу, юношество мгновенно забываетъ ея прѣсныя поученія и двойною шалостью вознаграждаетъ себя за скучные часы чтенія. По этимъ путемъ развиваются благородныя сѣмена духа. Чтѣ скучно (а что подобное чтеніе для дѣтей скучно, съ этимъ, я думаю, нельзя не согласиться), о томъ не хочется думать и взрослому, не только ребенку. Какой же плодъ принесетъ чтеніе безъ участія ума? Отроку скучно слушать положительныя истины, которыя онъ потому только прини-

маетъ за истины, что передъ нимъ сидитъ грозный, и часто самъ скучающій учитель. Онъ совершенно-равнодушенъ къ этимъ истинамъ, неусвоеннымъ умственною дѣятельностью, или когда не заговоритъ о нихъ съ своимъ сверстникомъ. Онъ его не интересуется больше: онъ гнететъ его, потому что онъ принужденъ повиноваться тому, чего не понимаетъ. А между-тѣмъ молодой умъ уже столько силенъ, что можетъ понять, почему что-либо истинно или вѣтъ. Его ведутъ только не той дорогою, — его никогда не доводятъ до сознанія. Пробуждайте въ ребенкѣ сомнѣніе, — пусть онъ не вѣритъ на слово ни книгѣ, ни вамъ, — пусть самъ разрѣшить, какъ умѣетъ, нравственный вопросъ. Исправляйте ошибки въ его выводахъ, помогайте ему, — но пусть онъ собственною дѣятельностью увидитъ до сознанія истинны. Помните, что у него станетъ на это время предметъ его заинтересуетъ. И выйдетъ изъ него человекъ съ положительными мнѣніями, а не жалкій паразитъ готовый согласиться съ чѣмъ угодно, лишь бы не беспокоить своей головы.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

С Е Н Т Я Б Р Ъ .

299) СТИХОТВОРЕНІЯ АЛЕКСАНДРА СТРУГОВЩИКОВА, ЗАИМСТВОВАННЫЯ ИЗЪ ГѢТЕ И ШИЛЛЕРА. Книга первая. Санкт-Петербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 8-ю д. л. 225 стр.

Г. Струговщиковъ давно уже сказалъ себѣ въ нашей литературѣ лестную извѣстность замѣчательнымъ талантомъ, съ какимъ передаетъ онъ на русскій языкъ сочиненія Гёте. О его счастливыхъ переводахъ говорили, спорили и писали; словомъ, г. Струговщиковъ въ короткое время сдѣлалъ себѣ имя этиими трудами. Въ самомъ дѣлѣ, насколько не увлекаясь пристрастіемъ, можно сказать, что нѣкоторыя пьесы Гёте были усвоены русской литературѣ Струговщиковымъ; *Римскія Элегии*, *Ульсъ Маргериты*, *Молитва Маргериты*, *Пѣсь Клара*, *Фантазія Клара* и, въ особенности, исполненное произведеніе генія Гёте — *Прометей*: всѣ эти пьесы воспроизведены переводчикомъ по-русски съ блестящимъ успѣхомъ, который могъ внушить всѣмъ смѣлую надежду, что, можетъ быть, нѣкогда лучшія произведенія Гёте, а можетъ быть и весь Гёте, лягутъ въ достойную ихъ русскому переводѣ. Особенною честью таланту г. Струговщикова является его переводъ *Прометея*: одно такое перевода достаточно, чтобы переводчикъ сдѣлалъ себѣ имя въ литературѣ. Таково было почти общее

мнѣніе о переводныхъ трудахъ г. Струговщикова и о прекрасныхъ надеждахъ для русской литературы, которыми они подавали въ будущемъ... Но стали замѣчать, что г. Струговщиковъ не всегда переводитъ, иногда и передѣлываетъ. Даже самъ г. Струговщиковъ не старался скрывать этого; напротивъ, онъ гдѣ-то печатно сказалъ, что, по его мнѣнію, переводить иностраннаго писателя значить заставлять его творить такъ, какъ онъ самъ бы выразился, еслибъ писалъ по-русски. Подобное мнѣніе очень справедливо, если оно касается только языка; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, оно болѣе, нежели несправедливо. Кто угадаетъ, какъ бы сталъ писать Гёте по-русски? Для этого самому угадывающему надобно быть Гёте... Кто имѣетъ право модифицировать, измѣнить, укоротить, распространить мысль генія, передѣлать его созданіе? — развѣ только такой же геній! Какая цѣль перевода? — дать возможно-близкое понятіе объ иностранномъ произведеніи, такъ, какъ оно есть. Въ такомъ случаѣ, если въ своихъ придѣлкахъ и передѣлкахъ сдѣлалъ его даже и лучше, нежели какъ оно написано авторомъ, — переводъ невѣренъ, следовательно, нехорошъ. Но это случается только съ слабыми произведеніями; хорошаго же произведенія великаго поэта нельзя

сдѣлать въ переводѣ лучшимъ противъ подлинника: поправки и передѣлки только портятъ его. Въ переводѣ изъ Гёте мы хотимъ видѣть Гёте, а не его переводчика; еслибъ самъ Пушкинъ взялся переводить Гёте, мы и отъ него потребовали бы, чтобъ онъ показывалъ намъ Гёте, а не себя. Говорятъ: переводчикъ въ прозѣ — рабъ, переводчикъ въ стихахъ — соперникъ. Послѣднее справедливо только въ-половину: соперникъ по языку, слогу и стиxu, словомъ — по выраженію, но не по мысли, не по содержанию. Тутъ онъ рабъ. Талантъ переводчика есть талантъ формы, разумѣется, при способности вникать въ духъ чужихъ произведеній и чувствовать ихъ красоты. Это человѣкъ, который мастеръ разсказывать, но который, въ то же время, лишень дара изобрѣтенія, и вѣчно ищетъ сюжетаовъ.

Какъ бы то ни было, если г. Струговщиковъ и оставилъ свое убѣжденіе касательно переводовъ, то не для того, чтобъ воротиться назадъ, а для того, чтобъ пойдти дальше. Это доказываетъ вышедшая теперь книжка его стихотвореній. На первомъ заглавномъ листкѣ сказано просто: *Стихотворенія Струговщикова*; на второмъ заглавномъ листкѣ: *Стихотворенія Александра Струговщикова, заимствованныя изъ Гёте и Шиллера*. Но въ предисловіи еще яснѣе высказалась задушевная мысль автора: «Стараясь говорить о въ: «остаться вѣрнымъ подлиннику въ прозѣ повѣствовательной и драматической, не допускающей произвола и исключаютел, такъ сказать, въ переводчикѣ всякое творчество, я не могу и не хотѣлъ покоряться тому же условію, когда вступилъ въ очаровательную область лиризма. Убѣжденіе, что для произведеній лирической поэзіи переводовъ не существуетъ, примирило меня съ чувствомъ ответственности передъ лицомъ гениевъ, избранныхъ мною въ руководители. Здѣсь, забывал и отбрасывал иногда подробности, я былъ напуганъ однимъ главнымъ впечатлѣніемъ подлинника: такъ

иногда воспоминавія дѣйствуютъ на душу сильнѣе самыхъ явленій.»

Это откровенное объясненіе со стороны автора избавляетъ насъ отъ труда объяснять идею его произведенія. Это — поэтическія варьянці, размыываемыя на тѣмы, взятыя изъ Гёте и Шиллера. Такой способъ творчества имѣетъ свою выгодную сторону: италась чужимъ вдохновеніемъ, заимствователь, въ то же время, обнаруживаетъ и свое собственное вдохновеніе, и самъ является какъ-будто творцомъ. Но этотъ способъ творчества имѣетъ также и свою невыгодную сторону, которая хорошаго заимствователя ставитъ ниже хорошаго переводчика: послѣдній, какъ неимѣющій претензій на творчество, выказываетъ самостоятельную способность формы, обогащающую родную литературу сокровищами иностранныхъ; тогда-какъ талантъ перваго есть не болѣе, какъ «пѣніемъ мысли раздраженъ», — не говоря уже о томъ, что заимствователь обязанъ выдерживать соперничество съ великими поэтами. Но г. Струговщиковъ, кажется, думаетъ объ этомъ иначе: какъ это можно заключить по дуслашію *Переводчику-поэту*:

Ежели твой переводъ пересталъ переводомъ казаться,
Ставь свое имя въ чело, самъ и себѣ
отдѣль.

Конечно, всякій воленъ и правъ въ выборѣ своей дороги, потому ииши: что не воленъ въ немъ. Г. Струговщиковъ тоже правъ въ своемъ стремленіи: такъ же, какъ были бы неправы итѣ, которые не захотѣли бы признавать законности этого стремленія. Теперь посмотримъ, какъ осуществилъ Струговщиковъ свою теорію.

Признаемся откровенно, мы г. Струговщикова несовсѣмъ удовлетворяетъ насъ съ этой стороны. Вводъ перечли мы съ новымъ наслажденіемъ его переводы изъ Гёте; но переводы и заимствованія изъ Шиллера казались намъ несовсѣмъ-удачны, особенно по выполненію, отчасти по ибору. Такъ, напримеръ, пьесы: *Дон-*

изны, Три Слово, Женщину чтите,
 лучие Вселенной, Надежда, Колумба,
 Голландские Гости, Къ Радости, Три
 Блудования, Напада, Раздала, Сби-
 лись тучи, времена удачно, но въ
 исполненіи ны не утѣшилъ Шил-
 ра: въ нихъ мало художественности,
 мысль высказывается съ какою-то
 озабоченною наготою. Нѣкоторые
 мѣнены противъ оригинала очень
 удачно, особенно Величье Вселенной.
 влѣвъ говорить въ этомъ стихотво-
 реніи не о силѣ, а о силѣ, без-
 печности вселенной, die Größe der
 Welt; что же до выношенія, то пред-
 гавляемъ самимъ читателямъ быть
 дьями въ этой дѣлѣ, и для того про-
 мѣ ихъ сравнить переводъ г. Стру-
 нищкова съ переводомъ г. Шевы-
 ва.

Взлѣтъ Вселенной.

міръ, что изъ хлѣба Вѣчною Силою
 данъ, — полетъ направляетъ кормило
 Мысли орлиной, крылатой:
 Мчуся, надежды глашатай,
 усю туда, гдѣ стихіи молчать,
 ими вселенной на стражѣ стоять.

жу міровъ вѣковое теченье;
 льше несуся, въ средину творенья;
 Гдѣ вы раскнигу встрѣило —
 Жизнь и движеніе и сила.
 мо нескѣтныхъ проицался свѣтилъ,
 о въ пустое пространство амертъ.

мо пространства въ ничто устремляя,
 мечтливый лучъ не быстрѣ носился:
 Всюду нетлѣнный и вѣчный
 Вѣчности духъ безконечный
 ру прелетѣть безпредѣльный широты;
 Звѣзды въ ночи — перлыны міровы!

глядѣ на встрѣчу: что издали, что
 знаешь?
 Го же что ты. Ты о чемъ вопрошаешь? —
 Мчуся на край мірозданья,
 Гдѣ же конецъ упованья?
 усю туда, гдѣ стихіи молчать,
 ими вселенной на стражѣ стоять.

мѣтныи нормы. Предъ тобою безконеч-
 ность
 гдѣла мысль. Не откладываетъ вѣзности!

Кайся, орлиная сила,
 Сладъ Провидѣнью кормило,
 Дальше крылатая мысль не держай,
 Духомъ смирился и якорь бросай!

Вотъ переводъ г. Шевырева:

Безпредѣльность,
 Но мѣру вселенной направляетъ я бѣгъ,
 Туда якорь смирился бросить, идеъ видится
 брегъ

Пучины созданья,
 Гдѣ жизни дыханья
 Не слышно, гдѣ смолкла стихійная брань,
 Гдѣ Богомъ творенью поставлена грань.

Я видѣлъ, какъ юная вселенная
 Путемъ вѣковѣчнымъ по тверди текучь,
 Какъ дружно летали
 Къ божественной вѣнч...

Я далѣ, и взоръ ослѣпнулъ окресты, —
 И предѣлъ прекратилось, но не было
 звѣздъ...

И вѣтра быстрѣ, быстрѣ лучей
 Я въ бездну ничтожества мчался бодрѣй,
 И небо за мною
 Отлѣлося мглою...

Какъ волны потока, такъ сонныи плавились
 За отравленнымъ широмъ летѣла въ свѣтъ.

И лутчикъ со мной повстрѣчался тогда,
 И вотъ вопрошаешь: «товарищъ, куда?»
 — Къ предѣламъ вселенной
 Мой путь неизмѣнный:

Туда, гдѣ умолкла стихійная брань,
 Отъ вѣка созданья поставлена грань. —

«Кинь ширь! предѣловъ дѣла не имѣй
 тобой.»
 — Ихъ вѣтъ и за мною: путь конченъ и
 расъ. —

Самая же встрѣило,
 О, дубъ мой умный,
 И далѣ, сильный, летѣть не держай,
 И адъсъ же съ отчаянья якорь бросай!

Но вѣсы Шиллера: Крестоносцы,
 Пегасъ (впрочемъ, прекрасно - переве-
 денный), Панорама Сента, Фортуна и
 Мудрость, до такой степени не въ ду-
 хѣ нашего времени, что нельзя похва-
 лить ихъ выборъ. Особенно же уди-
 вилъ насъ выборъ такихъ пьесъ изъ
 Гете, каковы: Водвореніе правъ и Пласка
 мертвецовъ, особенно послѣдняя. Кому
 ее читать? — развѣ старой навѣ дѣтствѣ

для того, чтобъ запугать ихъ фантазію чудовищными образами, порожденными невѣжествомъ? Взрослымъ смѣшны эти пустяки, въ какіе бы стихи ни были облечены они...

Къ-чему также переведена изъ Уланда баллада — *Слуга-Убийца*? Она уже была переведена Жуковскимъ въ то еще время, когда поэтическія бредни среднихъ вѣковъ были въ ходу, и переведена была превосходно. Сравнимъ первыя двустихія обоихъ переводовъ, — Жуковского:

Извѣной слуга палачина убилъ:
Убийца заведомъ самъ рыцаря былъ.

Г. Струговщикова:

Засидомъ слугъ господина,
Слугою убить палачинъ.

Ньеса эта всѣмъ извѣстна по превосходному переводу Жуковского, и потому не выписывается ее всю. Слуга убилъ рыцаря, надѣлъ на себя его доспѣхи и, перебѣжавъ рѣку, утонулъ отъ тяжести панциря. Какая мораль этой пьесы?—Та, что слабосильный слуга, убивъ рыцаря, не долженъ надѣвать на себя его панциря, въ опасеніи утонуть. И стыдно такую мелочь переводить дважды!..

Изъ антологическихъ пьесъ г. Струговщикова многія прелестны и по мысли и по выполнению; но есть между ними и такія, которыя какъ-то странно видѣть въ печатной книгѣ; на-пр.:

Совершенствоваѣніи.

Какъ достигать совершенства? Этому учитъ растение:

Волей стремися къ тому, чѣмъ жмю есмь оно.

Это что-то текиовато! Не знаю, что хорошаго въ двустихіяхъ: *Тайна*, *Гекзаметръ* и *Пентаметръ*, *Претекзія*...

Странное впечатлѣніе производить на читателя манера г. Струговщикова обращаться съ старыми стихотвореніями, какъ-будто съ написанными сегодня. Онъ переводитъ пьесу Шиллера и пишетъ на нее отвѣтъ. Вотъ переводъ его *Антиковъ въ Парижѣ* и отвѣтъ на эту пьесу:

Антики въ Парижѣ.

Что искусство создавало
Въ вѣкъ Элады золотой,
Забиралъ оны, грабилъ,
Самостоятельной рукой:
Вѣковыми образами
Машинлета свой музей —
И боговъ Олимпія
Кажеть какъ гротей.

Но они съ своихъ подношій
На варкеты не сойдутъ
И въ сердца бессмертной жизни
Прометей не вдохнутъ;
Тѣмъ лишь бога почитаютъ,
Въ комъ огонь его горитъ —
Музы и Хариты
Вамдалу — гранитъ.

Отвѣтъ.

Въ вѣкъ судьбою обреченный
Въ жатву будущимъ вѣкамъ,
Шлеть она, предтечей міра,
Изумленнымъ племенамъ
Смыслъ съ волей необятной,
Съ всеобъемлющимъ умомъ —
Меншесовѣдливимъ
Она плетъ путань.

Онъ сооружаетъ съ царствомъ
Благо Франціи своей;
И грома полсѣта ставитъ
Грани десноту морей —
И грабитель исчезаетъ
Передъ гениемъ, какъ тѣнь
Мимолетной тучи
Въ лучезарный день.

Не говоря уже о томъ, что вслѣдствіи по и странно отвѣчать на вопросъ истеченіи почти полувѣка, — отвѣтъ Струговщикова совсѣмъ не прикомился на вопросъ. Шиллеръ это не столько изѣтилъ въ грабителя, сколько во французскій народъ, который онъ хотѣлъ огласить варваромъ, а не ономъ въ дѣлѣ искусства. До какой степени Шиллеръ былъ правъ: Франція при Наполеонѣ до того была полнена грубо-солдатскаго духа, что чувство владѣющаго должно было въ то время пританиться и какъ-бы исчезнуть, вѣстѣ съ литературою и иными науками, развивающими въ человѣкѣ мыслительность: такъ нужно было самовластію цинизирующаго Аля...

XIX вѣка. Явно, что стихотвореніе Шиллера внушено минутою, обстоятельствами, по прекращеніи которыхъ оно потеряло все свое значеніе. Г. Струговщиковъ въ отвѣтъ на него написалъ, не защищеніе цѣлой пьесы отъ несправедливаго навіта одного чело-вѣка, а апологію Наполеона, которая такъ же хорошо можетъ идти и къ Тамерлану, какъ и къ Наполеону. Къ чему все это?

Страннымъ еще показалось намъ, почему въ своего превосходнаго переводца гётева *Прометей*, г. Струговщиковъ помѣстилъ въ «Стихотвореній» только небольшой отрывокъ, менѣющій никакого интереса, а не всю пьесу.

Въ заключеніе скажемъ, что книжка стихотвореній г. Струговщикова во всякомъ случаѣ пріятное явленіе въ нашей литературѣ. Правда, въ ней нѣтъ этого жгучаго, охватывающаго интереса, потому-что нѣтъ ничего современнаго, жизненнаго, но все исключительно посвящено искусству. Это что-то въ родѣ академической антологіи, радъ блестящихъ и прекрасныхъ цвѣтковъ объ искусствѣ; это не поэзія камина, но поэзія кабинета. Въ этомъ я главный недостатокъ, но въ этомъ же и ея главное достоинство.

Книга велана прекрасно.

300) *На Сонъ Грядущій. Отрывки изъ есаидской жизни. Сочиненіе графа А. Соллогуба. Изданіе второе. Томъ второй. Санктпетербургъ. 1845. Въ тѣхъ. Journal de St.-Pétersbourg. Въ ю д. л. 407 стр.*

У насъ часто жалуются то на равнодушіе публики къ русской литературѣ, то на зловащренныя, будто-бы, олки нѣкоторыхъ журналовъ, поддерживающіе въ публикѣ ея равнодушіе произведеніямъ роднаго слова. Спрашивается ли эти жалобы? Нѣтъ, и ты-ачу разъ нѣтъ! Книжная торговля наша пала, публика не покупаетъ книгъ, — правда; да что же бы стала она покупать, если въ цѣлый годъ выходитъ два пять-шесть хорошихъ книгъ? И

эти пять-шесть книгъ она раскупаетъ цѣлыми изданіями. Книга графа Соллогуба служить однимъ изъ многихъ доказательствъ этой истины. Повѣсти этого писателя всѣ первоначально помѣщались въ періодическихъ изданіяхъ, и тамъ были всѣ прочтены. Не смотря на то, когда онѣ были изданы отдѣльно, все изданіе тотчасъ же разошлось, — и вотъ теперь *второй* томъ *На Сонъ Грядущій* выходитъ вторымъ изданіемъ, не смотря на то, что новаго, нигдѣ прежде ненапечатаннаго въ немъ былъ и есть только одинъ рассказъ, занимающій собою какихъ-нибудь 37 страницъ. Говорить о содержаніи этого тома мы не считаемъ нужнымъ, потому-что въ свое время говорили о каждой пьесѣ особенно. Прекрасный талантъ графа Соллогуба всѣмъ извѣстенъ, всѣми признанъ и не имѣетъ нужды въ похвалахъ à propos.

И такъ, все хорошее по части литературы у насъ расходуется. Откуда же эти вопли противъ людей, будто-бы съ умысломъ унижающихъ русскую литературу, непризнающихъ никакихъ достоинствъ въ ея представителяхъ и тѣмъ самымъ охлаждающихъ публику къ чтенію русскихъ книгъ? Гдѣ эти хулители, кто они? — А вотъ тѣ (отвѣтять вамъ нинѣ), что бранятъ Державина, не признаютъ заслугъ Карамзина. Но нѣтъ никакой возможности повѣрить фактами этого обвиненія; нѣтъ сто брани и униженія, удивленнаго читатель нашелъ бы только уваженіе, основанное на сознаніи, оцѣнку строгую, но безпристрастную, отрицаніе заслугъ небывалыхъ и признаніе заслугъ дѣйствительныхъ. Итакъ, повѣрьте этимъ крикамъ и воплямъ. Милые поклонники Державина и Карамзина думаютъ только о себѣ, прикрывая этимъ великими именами досаду своего мелкаго самолюбія. Не за то сердятся они, что не отдають, будто-бы, должной справедливости Державину и Карамзину, а за то, что не хвалятъ дѣлій ихъ собственной посредственности. Они кричатъ о мирѣ, о согласіи;

Между литераторами, какъ единственномъ вѣрномъ средствѣ возвысить русскую литературу, и для этого хотѣли бы составить литературную лигу, роль заговора на карманъ почтеннѣйшей публики: этотъ миръ в согласіе составляли бы въ томъ, чтобы литераторы вѣхвалили другъ друга, а публика раскупала бы ихъ сочиненія... Нѣтъ, мы не хотимъ такого мира, не будетъ у насъ мира съ посредственностью, шарлатанствомъ и торгашествомъ, и дурное мы всегда будемъ называть дурнымъ, такъ же, какъ хорошее—хорошимъ,—и пусть клевета посредственности и бездарности изливаетъ на насъ безсильный ядъ свой...

301) Романы Вальтера Скотта. Томъ третій. Антикварій. Съ послѣдними примечаніями и прибавленіями автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею А. А. Краевскаго. Изданіе М. Д. Ольхина и К. И. Жернакова. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. К. И. Жернакова. Въ 8-ю д. л. VIII и 414 стр.

Нѣмного было въ русской литературѣ предпріятій, которыя были бы такъ интересны сами-по-себѣ и обѣщали бы столь прекрасныя слѣдствія, какъ этотъ переводъ романовъ Вальтера Скотта; и потому, вѣроятно, всякій пожелаетъ отъ всей души счастливаго окончанія этому изданію—окончанія, не столько зависящаго отъ издателей, сколько отъ публики. Объ успѣхѣ его судить еще нельзя, потому что изданіе едва начато, и только въ декабрѣ вышедшаго года кончится первая его серія; и хотя, не смотря на выходъ *Жесткой Дрварда* въ лѣтнюю пору, всегда глухую для нашей книжной торговли, этотъ романъ привлекъ къ себѣ много читателей, — однако, по обширности изданія заранѣе требующаго отъ издателей весьма-значительныхъ издержекъ, только по выходѣ четвертаго романа, *Гей-Менприга*, можно будетъ предвидѣть успѣхъ или неуспѣхъ этого, по нашей литературѣ, огромнаго предпріятія, дѣлающаго истинную честь предпримчивости г. Ольхина и его товарища, г. Жернако-

ва. Впрочемъ, за успѣхъ тысячи вѣроятностей противъ неуспѣха. Въ публикѣ платила же по *двадцати* и болѣе рублей ассигнаціями за романы Вальтера Скотта, нередко въ чудовищныхъ, бессмысленныхъ переводахъ, дурно-изданныхъ. Теперь каждый романъ, совсѣлливо и литературно переведенный съ подлинника, красиво, даже изящно напечатанный въ одной книгѣ, стоитъ семь рублей ассигнаціями, а для тѣхъ, которые купятъ цѣлую серію, обойдется по *шести* рублей *двѣнадцати* копеекъ ассигнаціями. Вальтеръ Скоттъ не приваложитъ къ числу тѣхъ писателей, которые прочтываются разъ и потомъ навсегда забываются. Не одинъ разъ въ жизни можетъ человекъ возобновить невыразимое очарованіе впечатлѣній отъ чтенія романовъ Вальтера Скотта. Это не то, что знакомый намъ писатель: это неизвѣстный другъ вашей жизни, обаятельная беседа котораго всегда углѣшитъ и усластитъ васъ. Это поэтъ всѣхъ племъ и вѣствъ возрастовъ, отъ отрочества, едва начинающаго пробуждаться для сознанія до глубокой старости. Онъ для всѣхъ равно—увлекателенъ и назидателен. Чтеніе его романовъ, уноситъ человека въ миръ роскошныхъ, хотя и дѣйствительныхъ явленій, произываетъ въ его душу какое-то бодрое и вѣстѣ съ тѣмъ краткое, успокоительное чувство очаровывающаго фантазію, образовываетъ сердце и развиваетъ умъ, потому что поэзія Вальтера Скотта не эксцентрическая, не драматическая, не мечтательная и не болѣзненная: она не заглядѣсь, на землѣ, въ дѣйствительности она — зеркало живой исторической частной. Для молодыхъ людей особеннаго полезныя романы Вальтера Скотта увлекая ихъ въ миръ поэзіи, они не только не отвлекаютъ ихъ отъ науки но еще воспитываютъ и развиваютъ въ нихъ историческое чувство, безъ котораго изученіе исторіи бесполезно пробуждаютъ въ нихъ охоту и страсть къ этому первому и величайшему занію нашего времени.

302) Сочинения Державина, *Биография писателя Н. А. Подевымъ. Издание Д. П. Штукина. Санктпетербургъ. Въ книж. Константина Жернакова. 1845. Въ 8-ю д. л., въ два столбца. XVI и 393 стр.*

При жизни Державина и въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ, протекившихъ со дня его смерти, было только одно полное (и то не советскіе) изданіе его сочиненій. Четыре первыя части были изданы самимъ имъ, въ 1808 году, пятая вышла въ 1816, который былъ годомъ его смерти. Сверхъ того, въ разные времена были издаваемы отдѣльныя сборники его стихотвореній, какъ-то: *Читалацкія Оды; Анакреонтичскія Оды; Иродъ и Мариамна, трагедія; Имра Державина*. Второе изданіе сочиненій Державина въ четырехъ томахъ, было напечатано г. Смирновымъ въ 1831 году; оно же, безъ перемѣны, было переиздано имъ въ 1834 году. Въ 1841 году, кончилось двадцатичетырѣлѣтіе отъ смерти Державина, и ядро издавннхъ сочиненій этого юрта сдѣлалось общимъ. Первый всесоюзный изданіе книгъ продалъ г. Лазуновъ въ 1842 году, онъ напечаталъ четвертое изданіе сочиненій (срѣдизна, которое было полнѣе первыхъ трехъ томъ, что въ него вошла трагедія *Иродъ и Мариамна*. Теперь выходящъ малое изданіе, напечатанное книжкопродавцемъ г. Штукинымъ. Это изданіе лучше первыхъ четырехъ. Во-первыхъ, оно компактное, въ одной книгѣ, напечатанной въ два жальца, — выгода неограниченная для публики и дешевле, и меньше мѣста занимаетъ. Потому, оно полное всѣхъ прежнихъ изданій; въ него вошли: *Читалацкія (или Читальничскія) Оды, которые считались нетеранными, Разказъ Графини (изъ Расина), Ода на смерть утученна и Разсужденіе о муринской эззіи*. Не худо было бы, еслибъ къ этому изданію приложены были: *Ключи Сочиненій Державина, (Санктпетербургъ 1831) и Объясненія на сочиненія Графини (Санктпетербургъ 1834), изданныя гг. Озерновымъ и Лазуновымъ.*

Говорятъ, у г. Боровдина, которому супруга Державина завѣщала всѣ бумаги своего мужа, хранится въсколькочко неизвѣстныхъ драмъ (въродно, трагедій) и огромная тетрадь записокъ Державина; увѣряютъ даже, что г. Боровдинъ намѣренъ напечатать эти записки. Дай-то Богъ, чтобъ это было правдой! Записки Державина должны имѣть величайшій интересъ, какъ въ отношеніи къ его личности, столь мало еще знакомой намъ, такъ и въ отношеніи къ его времени, отъ котораго теперь мы отдѣлены какъ-будто въсколькими вѣками, и которое, въродно, не могло не отразиться въ нихъ съ болѣе или менѣе яркою, истинною и вѣрностью. Немалую услугу оказалъ бы г. Боровдинъ русской литературѣ, если бы, кстатн ужъ, напечаталъ все, что у него есть, и что онъ можетъ достать изъ неоплаченныхъ сочиненій Державина, не принимая въ расчетъ эстетическаго достоинства и рукоподлезуясь только мнѣнію, что все, написанное Державинымъ, не можетъ не имѣть историческаго интереса.

Если бы г. Боровдинъ, въ общему ожиданію и удовольствію всѣхъ любителей русской литературы, выдалъ свое желаніе, котораго мы не охотимъ назвать великимъ, потому-что оно принадлежитъ не одному намъ, — тогда, послѣ отдѣльнаго изданія «Занисокъ» и прочихъ неизданныхъ сочиненій Державина, потребовалось бы новое изданіе сочиненій великаго поэта сибиринскаго времени. И если бъ это шестое изданіе было лучше напечатано и лучше редакцировано, нежели пятое, то мы имѣли бы не только красивое, съ толковою сдѣлание, но и полное изданіе его сочиненій. Если мы сказали, что пятое изданіе лучше и полнѣе четырехъ прежнихъ, — это вовсе еще не значитъ, чтобъ оно было хорошо. Нѣтъ, оно очень — далеко отъ того, чтобъ быть хорошимъ! Во-первыхъ, бумага сѣрвата и толстова; печать самая-то блѣдная, слѣдая, что и неясно и трудно для глазъ; бума-

вы довольно - заслуженныя, т. е. довольно - избитыя; орфографія варварская: страница такъ и пестритъ невѣроятнымъ множествомъ безъ нужды наставленныхъ заглавныхъ буквъ. Въ послѣднемъ отношеніи, вотъ для примѣра два стиха:

Левъ именемъ — звѣрный Ц(и)арь,
Ты родомъ богатырь, сынъ Б(б)арскій.

Къ изданію приложенъ портретъ Державина, рисованный г. Жуковскимъ, и нѣтъ же сдѣланный заглавный листъ, съ изображеніемъ гробницы Державина; въ началѣ книги политическая вѣньетка съ картины Рафаэля, и въ концѣ изображеніе памятника, воздвигнаемаго Державину въ Казани. Портретъ, говорятъ, похожъ, графированъ на стали, въ Лондонѣ, и съ этой стороны о немъ, кромѣ хорошаго, сказать нечего; но нарисованъ онъ плоховато. Политическая вѣньетка въ началѣ книги, хотя и взята съ картины Рафаэля, но нисколько не соотвѣтствуетъ величію своего сюжета. Вотъ все, что относится до внѣшнихъ качествъ изданія; взглянемъ на внутреннія.

Въ корректурномъ отношеніи, мы уже указали на неблизіе безъ всякой причины, вопреки здравому смыслу напечатанныхъ заглавныхъ буквъ; но не этимъ только ограничивается корректурное достоинство пятаго изданія сочиненій Державина. Заглавуя, между прочимъ, въ оду на *созерцаніе графа Зубова изъ Перси*, мы заругъ встрѣтили, въ девятой строѣ, трехстопный стихъ:

«Какъ блещутъ чужбою».

Что такое? Заглядываемъ въ смирдинское изданіе 1831 года, и видимъ, что тамъ этотъ стихъ напечатанъ такъ:

«Какъ блещутъ нестрой чужбою».

Это одинъ только примѣръ корректурной исправности изданнаго г. Штукинымъ Державина; но, можетъ-быть, мы нашли бы такихъ примѣровъ и еще нѣсколько, если бы нѣли время внимательнѣе пересмотрѣть изданіе. Такъ-какъ къ нему не приложено, въ концѣ, опечатокъ, то купившему его не мѣшало бы и въ смирдинское из-

даніе, чтобъ прибѣгать къ нему для восстановления пропущенъ и искаженъ новаго изданія. Это также очень удобно и выгодно для покупателей...

Одинъ изъ важнѣйшихъ внутреннихъ недостатковъ этого изданія должно считать (расположеніе шестъ по родамъ. Вотъ что говорить объ этомъ г. Полевой, авторъ біографіи Державина: «Многіе считаютъ хронологическія изданія самыми лучшими для твореній поэта. Мы можемъ изучить въ его изданіяхъ его жизнь, и обратитъ на нѣтъ. Но не получите ли вы безобразнаго хаоса впечатлѣній изъ такого изученія, и не потеряете ли идею поэта? Систематическое распределеніе, безспорно, представляетъ неудобство всякой системы — проволъ, руководствующій систематикъ. Стараясь пришить объ крайности мы предоставили для любителей хронологическаго порядка отдѣльные списки, гдѣ по возможности умножено время сочиненія каждой вещи Державина, по въ самомъ расхожденіи ихъ приняла слѣдующее разположеніе: стихотворенія *духовныя*, гдѣ вдохновляло поэта чувство веры и благочестіе христіанства. За ними, подъ именемъ *политической лирики* слѣдуютъ *Фельца*, три другія, принадлежащія къ ней стихотворенія, вышеназванны Державину современныи событіями, отъ *Романа Перфорова* до *Отрока* до кончин Парки и всѣ стихотворенія, посвященны разнымъ особамъ, изображенны частную жизнь и отношенія поэта. Потомъ слѣдуютъ отдѣльные стихотворенія *эпическія*, *сатиры*, *эпическія картины*, стихотворенія *сатирическія*, *антологическія*, *эпическія*, переводы и подражанія. За ними, подъ именемъ *Поэтической лирики*, собраны мы все, что сказалъ поэтъ о самомъ себѣ и кнѣви своей. Далѣе, нелія стихотворенія, три драматическія сочиненія хромоги, описаніе правды Понкина, небольшая драматическая ит

ка. Все заключается разсужденіемъ о лирической поэзіи, двумя стихотвореніями, пропущенными въ другія изданія, и Читалагарскими Одами, напечатанными, безъ всякаго примечанія, съ изданія 1774 года. (сир. XIII). Это дивное, хаотическое раздѣленіе показываетъ только желаніе хоть хитрить, да по-свѣдому; тутъ же, кстати, пригибались и охота приписать романтизмъ съ классицизмомъ... Пора! Г. Полевой ужъ столько времени и съ такою ревностью подвизался за романтизмъ противъ классицизма, такъ жестоко бранилъ Бѣдвѣжку-классицизмъ, — а вѣдь Богъ-знаетъ за что: вутрѣвѣ онъ съ нимъ носе не былъ во враждѣ! Это было какое-то страшное недоуміе. Все дѣло стало итъ сперва за слова, плохо-понятая, въ некоторыхъ вѣтвяхъ формы. Отъ этого призрака совершилось очень-естественно, само-себою, почти безъ вѣдома г. Полевого. Оно началось съ той эпохи, когда г. Полевой началъ нападать на Пушкина, которое прежде проводилъ. Всклалъ же онъ Пушкина за его первые одамы, отчасти и за его переходныя произведенія; но какъ-скоро Пушкинъ сталъ великимъ поэтомъ, художникомъ, истеромъ во всемъ смыслѣ слова, — г. Полевой объявилъ, что Пушкинъ отсталъ отъ вѣка (т. е. отъ *Московского Телмира*), пылесалъ, валъ, уложился ничтожною свѣтскою жизнью... Видите ли, какой это былъ романтизмъ! Удивительно же, что, вѣкогда съ ожесточеніемъ нападалъ на Баттѣ и Лагарна, теперь г. Полевой располдгаетъ сочиненія Державина по аинтѣкъ Аполлоса, классицируетъ ихъ своею эвемалары произведеній императорскаго царства, подбирая одно къ одному по строгой системѣ, не родимъ и видимъ, и слабкая каждая арлычкомъ съ надписью и ну-коромъ?... Хронологическое распре-дленіе пугаетъ его хаосомъ: въ-самомъ-дѣлѣ, есть чего испугаться тому, для кого не существуетъ единства въ разнообразіи! Въ хронологическомъ изданіи поэта, мы видимъ начало, пер-

вые опыты его таланта, слѣдствіе за его развитіемъ, видимъ вліаніе на него современныхъ обстоятельствъ, слѣдствіе за его собственнымъ развитіемъ; словомъ, видимъ поэта, человека и историческое лицо. Творенія его, въ такомъ изданіи, представляются намъ садомъ, который богъ пѣвнелъ своимъ разнообразіемъ, нежелая наводитъ къску мертвое правдностное; И у него станеть охоты и терпѣнія читать сломъ и рядомъ, на-пр., оды духовныя стихотворенія, или оды торжественныя оды? Жизнь омгачеи изъ разнообразныхъ впечатлѣній, а поэзія — зерцало жизни. Поэтъ ищетъ истинстическое стихотвореніе, и въ-слѣдъ за нимъ эротическое: какъ это дѣлается, и какъ вѣнчаются между собою такіа противозоломныя впечатлѣнія, — намъ до этого итъ дѣла; но что онъ вѣнчаются — это фактъ. Другое дѣло отдѣлтъ въ авторѣ лирическія произведенія отъ эпическихъ, а эти — отъ драматическихъ, потому-что слѣдъ велика въ слѣдъ съ болдымъ неостоянн.

Не говоря уже о томъ, что раздѣленіе г. Полевого ложно, произвольно, обичитно и уродливо, оно еще нѣрѣно и самому-себѣ. Къ истинстичкой логикѣ отнесены шесое, классичныя Державинныя въ разныя особые, необрашанія частныя жизни и оше-шенія поэта: кроиъ того, что онъ сдѣшавши не ктати съ песанн, вдушаннми Державину историческими спаренными обстоятельствами, — онъ бѣе пужды отдѣлены отъ шесъ, въ которыхъ поэтъ говоритъ о самомъ-себѣ и которыя помѣщены въ отдѣлѣ *оше-біографіи*. Потому г. Полевой нашелъ у Державина *эпическія*, которыя нѣтъ никогда не писалъ и не могъ писать, потому-что *элегія* есть по промудрѣству *романтичскій* родъ: она ошадъ-ваезъ не смерть историческихъ личн, а горькія утраты поэта, только для него важна — смерть милой, друга, обманъ страстей и надеждъ, и т. д.; ея колоритъ и тонъ — чисто-романтичскій, а Державинъ былъ *эпосъ*

инимало-чужды романтическим. Даже *Водопад* повел у г. Полевого въ разрядъ элегій! Ода на смерть Миллероваго — величественное произведение смелого духа, эта страшная оргія отчаянія; въ которой все — вошь и вопросъ любви, но въ которой нѣтъ ни одного унылаго тона, ни одного вадушковаго звука, — эта ода тоже обреченная у г. Полевого въ элегію!.. Замѣчательно также изобрѣтеніе г. Полевымъ выкинуть то логическое правило, къ которому онъ отнесъ пьесы: *Антончо, Салості, Пашка, Никита, Печень, Радна* и проч. Удивительныя классификаціи! Гѣмъ Третьяковскаго должна возрадоваться: в самому почетному профессору алексакин и интересной историческим на выдумать бы: такой знаменитой и мелочной исторіи!.. И вотъ какъ ясное изданіе сочиненій Державина: читайте, поучитесь и восхищайтесь!..

Но самое поразительное изъ отрицательныхъ достоинствъ этого изданія состоитъ въ томъ, что въ немъ статья г. Полевого: *Державинъ и его эпоха*. Это уже тысяча-верстий Неудачный опытъ стараго журналиста, который вышедшаго изъ русской литературы сильный голосъ и считаемаго за отличнаго критикомъ, удержатъ за собою право своего голоса и поддерживать въ настоящее время идею и взгляды, хронологически устарѣвшіе и въ нынѣшнюю эпоху. Но хуже всего въ этой статьѣ то, что ее авторъ позволилъ себѣ забыть важность предмета, въ которомъ безъ оглядки принялъ судить и вѣрять и вносить, и въ этой статьѣ сужденія о Державинѣ свѣдѣнія между журнальную колонию, въ-свѣдѣніе досады и огорченій, вышедшихъ изъ отъ усійковъ нашего времени и отъ уровня; полученныя отъ отъ людей нашего поколѣнія: Навѣрное дѣло, что, вмѣстѣ съ г. Булгаринимъ и въ некоторыми другими старыми литераторами, г. Полевой видитъ въ Гоголя не больше, какъ безграмотнаго писателя, а въ его *Ревизора*

— грубый фарс. Положимъ такъ: всѣмъ понимаютъ вещи какъ можно и какъ убого. Почему же и г. Полево-му не позавѣть Гоголя по-своему? Это вѣдь старая исторія: Карамзинъ полагалъ молодѣіе встрѣтило восторгъ, а старое — бранью; Пушкинъ молодею полагѣіе встрѣтило чуть не издоложенлоствомъ, а старое — ожесточенною враждою. Почему же и Гоголю не раздѣлить участи такихъ людей, какъ Карамзинъ и Пушкинъ? — это доказываетъ только его младость, какъ поэта. И почему же г. Полево-му не смеяться на Гоголя по-старчески: — это доказываетъ только его отсталость отъ дѣла и близорукость, какъ критика. Но вотъ что худо: захѣлъ писать Гоголя въ біографію Державина? захѣлъ, восхваляя Державина, бранить Гоголя?... Это значитъ истинно выкидывать свое личное гудъ, гдѣ е ней не можетъ быть рѣчи: досады и раздраженію, мелочны и ничтожныя, прикидывать къ великому имени... Дѣло ли уваженіе и благоговѣніе къ имени Державина, который г. Полевой выкидываетъ себѣ въ гору услугу?... Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ на VI-й страницѣ своей злополучной статьи: «Воронинъ (де-реворскій Казанской Гимназіи, въ которой воспитывался Державинъ) учредилъ даже театр, ибо и самъ онъ былъ драматическимъ писателемъ, и онъ ставилъ декораты свои». Такъ и Державинъ не мѣняе Филиппова и Ревизора: выкидывающа... Какія *Ревизора* выкидыва съ Филипповымъ! Но съ чѣмъ же, вслѣдъ этого, можно сравнить *Воронинъ*; *Сибирячку*, *Владу Глисюгу*, *Триколосна Владиміа*, *Бедное Сидорку* и другія издѣлкия проповѣданія, которыми досужество г. Полевого обогатило спяну Александровскаго-Тетра?... Если *Ревизора* — *Филатка*, то что же отъ, эти пьесы, эти побитыя дѣти искусства, которыхъ пародія досужая свитавія г. Полевого?...

Но не одними отъ достается Гоголю: увидимъ нѣчто получше; увидимъ что и не одному Гоголю достается. Ужъ

тыслу — такъ чуждымъ повторилъ г. Полевой, что Пушкина связала смерть на гробу и улетела изъ земного существованія: кто же повторилъ и въ біографіи Державина (стр. IV). Вѣроятно-дѣтъ; зачѣмъ Пушкина увлекла ничтожною сельскою жизнью; а не увлекла великою міщанскою жизнью? Но въ Пушкина г. Полевой не до конца развѣдался: онъ говоритъ, что послѣ Державина у насъ былъ одинъ истинный поэтъ — Пушкинъ (стр. XIV). Позволе!.. Но эти слова ясно перокаланы сиротливою авторъ статьи; иначе онъ нашелъ бы на Руси и третьяго истиннаго поэта: на-прим., тотъ величій авторъ «Книжки при родѣ Господомъ», «Аббадонны», «Желтошны», «Влажества Безумія», «Пирами-Сибирячки»; «Охоты Си- доны»; и другихъ не-исчислему поэти- скихъ сочиненій...

Статья г. Полевого раздѣляется на двѣ части: въ одной — собственно біо- графія Державина; въ другой — сужде- ніе о Державинѣ. За исключеніемъ главы, о которыхъ мы говорили и которая кой-гдѣ незначительно біогра- фія Державина, — она тамъ-себѣ, и за мнѣніемъ лучшей, родител. Вѣдь главѣ писать какъ можно и какъ можно; должно быть самоходитель- нымъ. Но вторая, критическая часть статьи возбуждаетъ только состраданіе и жалость. Тутъ видно не одно от- торопѣе опредѣленной, легкой, хотя бы ложной мысли: тутъ видно желаніе въ то же время; Состальіе остано- виться на легкой-инбуд-мысли. Ну си- перенричать возмъ, и уступчая, храбриванье, и смирившеудра- конъ; и Брань на протівившювъ — и жалостіе ихъ мнѣній, и самодоловь- о, и много словъ, и мало дѣла, и въ лючоченіе — ровно ничего... Негово- ть много и не сказать ничего, авъ, собравшись съ силами и сдѣлавъ г де forté отчаянной храбрости, въ ихъ выраженіяхъ пускается на нь и полемику:

Къ сожалѣнію, многіе критики наши, поимѣная Державина, говорятъ иначе

(т. е. не такъ, какъ говоритъ г. Полевой — ижепло, изъ сожалѣнія). Какъ безудержно хвалили его въ старину, какъ на докней мѣркт классцизма разнѣрвади, прежде его творенія, такъ нынѣ, когда обяза- ностью критика многіе считаютъ непре- мѣнное осужденіе, когда каждый предметъ, подвергнутый критическому возрѣнію, многіе почитаютъ чѣмъ-то въ родѣ обви- неніяго, призваннаго къ Державу передъ прокурора журналиста, и великимъ тѣмъ Державина приимается къ изнѣженному еуду, и осуждается по статьѣмъ мнѣній денскаго журналистаго уаженія, Прядѣры не далеко. Не упоминая имени, вспомнимъ о критикѣ, который, послѣ долгаго му- дровавія, осудилъ Державина за недоста- токъ зудоженствениости, стоя на колѣняхъ передъ жалкими произведеніями возмѣ- шихъ мнѣній романиковъ (?), и съ во- сторгомъ разсѣянная бойчюю вранъ не- кою-набуръ малороманично романикомъ. Такия сужденія не оспори бы другие си- чѣта, вродѣ улыбки самцавія, ободрене и безъ насъ смѣшаетъ дѣхъ, какъ глядя на патца, съ истинно ведкадо, но какъ жаль, если подобныя близорукия сужденія увлекаютъ юное поколѣніе.»

Читая эти строки, немного ду- маешь, что читаешь выкладки старыхъ поборниковъ такъ-называвшагося въ старину «классцизма» противъ г. Полевого, когда онъ ратовалъ за такъ-называвшіяся въ тѣ блаженные времена «романтизмъ». Тотъ же слогъ, тотъ же языкъ, та же манера; тѣ же уловки и та же враждебность противъ всего новаго, противъ всякаго движенія ине- редъ, противъ всякаго успѣха! На- прасно же г. Полевой въ то время от- ниналъ у своихъ антагонистовъ всякое дарованіе, всякую заслугу: вѣдь вотъ пригодился же они, пришлось же и ему теперь играть ихъ роль, которая тогда ему казалась такою жалкою! Но разберешь сказанное г. Полевымъ.

Напрасно избѣгаетъ онъ упоминать имена, особенно тамъ, гдѣ они сами собою выставляются и бросаются въ глаза каждому, кто не слѣпъ. Мы ска- жемъ, о какомъ критикѣ-пигмееъ вспо- минаетъ нашъ критикъ-колось; крити- къ-великанъ; скажемъ, передъ каки- ми жалкими произведеніями и какиихъ

новѣйшихъ романтиковъ заставаляетъ критику-исполнѣе становиться на колѣни критика-пигмея; скажемъ, наконецъ, какую грязь и какого *малоработнаго* романиста критикъ-гигантъ заставаляетъ съ восторгомъ разсматривать критика-пигмея. Разгадать все это очень-нетрудно. Во второй книжѣ «Отеч. Записокъ» 1843 года, былъ напечатанъ критическій разборъ сочиненій Державина, не случаемъ недавняго г. Глазуковичъ собранія твореній этого поэта. Въ означенной статьѣ, авторъ, или, если угодно, критикъ-пигмей, равно удалялся и отъ дѣтскаго, безотчетно-восторженнаго удивленія къ Державину, и отъ ложной гордости успѣхами современности, — гордости, которая вѣшаетъ отдавать должную справедливость заслугамъ прошедшаго, — попыткамъ взглянуть на сочиненія Державина и съ эстетической и съ исторической точки зрѣнія. Результатомъ его вслѣдованій было то, что, со стороны естественнаго, непосредственнаго таланта, Державинъ — гораздо-болѣе, нежели, пробыкновенный талантъ, что въ сочиненіяхъ, его брызжутъ искры гениальности; но что эпоха, въ которую онъ жилъ, не могла ни воспитать такого таланта, ни дать богатаго содержанія для его творческой дѣятельности, и потому сочиненія Державина, удаляла насъ страшною силой естественнаго таланта, мгновенными вспышками и проблесками гениальности, въ то же время бѣдны внутреннимъ содержаніемъ, часто до совершенной пустоты, мотивы ихъ вертятся на внѣшностяхъ и отаиваютъ газетными реляціями; и что, наконецъ, почти ни одна пьеса Державина невыдержана въ цѣломъ, не чужда реторикѣ, и всѣ онѣ бѣдны *художественностью*. Все это въ статьѣ было развито, на все приведены были доказательства, скрѣпленные выписками стиховъ Державина. Статья была замѣчена публикою (которая давно уже привыкла только въ «Отеч. Запискахъ» замѣчать критическія статьи, вѣроятно, по особенной любви ея къ

критикамъ-пигмеямъ, и по современному разладу имъ къ критикамъ-исполнителямъ) и произвела большое волненіе въ литературномъ мірѣ, незамедливое и теперь. Это естественно: успѣхи пигмея особенно должны раздражать гигантовъ, на которыхъ никто не обращаетъ вниманія... Такъ вотъ о законѣ критикъ-пигмей вспоминаетъ г. Полевой, сей критикъ-атлетъ! Въ «Отеч. Запискахъ» съ ироніею и любовію слѣдятся всѣ современныя дарованія; но особенное шукъ вниманіе всегда было обращено на два великія явленія нашей эпохи — Державина и Гоголя: знайте же, что среди жалкихъ произведеній этихъ-то двухъ современныхъ романтиковъ г. Полевой ставитъ на колѣни критика-пигмея. Что же касается до вонючей грязи какого-нибудь *малоработнаго* романиста, знайте, что дѣло идетъ о *Мертвыхъ Душахъ* Гоголя... Еслибы г. Полевой замѣтилъ намъ, что мы угадываемъ нехорошо, — мы готовы представить ему печатныя доказательства вѣрности нашихъ отгадокъ — именно, множество точно такихъ же оракулъ самого г. Полеваго на счетъ Державина, Гоголя вообще и его *Мертвыхъ Душъ* въ-особенности, — оракулъ, взятыхъ изъ *Русскихъ Вѣстника* и другихъ журналовъ, мирно скончавшихся... Не считайте за нужное разувѣрять г. Полеваго въ его по-истинѣ достойномъ сожалѣніи мнѣніи о Державинѣ и Гоголѣ: это былъ бы трудъ лишний; г. Полеваго не переувѣривать ему уже поодиному верувѣваться; притомъ, къ бесцѣльной отсталости надо имѣть самосожженіе... Но пусть же его мнѣніе и говоритъ само за себя и за него: въ этомъ мнѣніи наше оправданіе и его обвиненіе...

Однако въ чемъ же, скажите, вина критика-пигмея? гдѣ, съ его стороны, грязное пятно на русскую литературу? Не-уже-ли въ недостаткѣ художественности, который онъ находитъ въ сочиненіяхъ Державина? Вамъ это кажется справедливымъ: докажите, и тогда ужъ бранитесь, если вы не можете не бра-

ниться... Странно! тѣмъ болѣе странно, что самъ г. Полевой, съ голоса критика-пигмея, находитъ уже въ Державинѣ и недостатки, которыхъ прежде не находилъ, какъ-то: преобладаніе внѣшности, исключительное увлеченіе тѣми интересами и инстинктами своего времени, которые теперь уже мертвы для насъ, и пр. Конечно, эти у критика-пигмея занятые мысли высказаны г. Полевымъ такъ робко и нерѣшительно, и смѣшаны съ собственными его фразами и возгласами такъ неумѣстно, что ихъ и не замѣтишь съ перваго взгляда; но все же г. Полевою слѣдовало бы быть нѣсколько непризнательнѣе къ критику-пигмею. Г. Полевой уже въ другой разъ судить и ридить о Державинѣ, но въ этой послѣдней статьѣ уже меньше риторикъ и пустыхъ фразъ, въ родѣ: *потомокъ Баграма, съ его поэзіи разсыпается брилліанты, жемчуги, сапфиры, рубины, топазы, бирюза и т. и.* И за это слѣдовало бы поблагодарить критика-пигмея, вмѣсто того, чтобы ругать его и въ то, и прѣ что...

Отдѣлавъ критика-пигмея, г. Полевой бросается на г. Шевырева за его слова о Державинѣ, что «Россия въка Екатерина была Россия пышная, роскошная, великолѣпная, убранная въ азиатскіе жемчуги и камни, полуазиатская, полуевропейская, полугреческая». что «такова поэзія Державина во всѣхъ ея красотахъ и недостаткахъ». Мы не поборники ивѣстнаго г. Шевырева, — это всѣмъ извѣстно; но что касается до этого его ивѣнія, оно истинно и дѣльно въ высочайшей степени. Еслибъ г. Полевой привялъ его и за парадоксъ, — все-таки онъ долженъ бы былъ увидѣть въ немъ одиакъ ивъ тѣхъ парадоксовъ, которые можно опровергать, но надъ которыми не должно глумиться. Вѣдето этого, г. Полевой съ христіанскими смиреніемъ посылаетъ критику опущеніе въ поволномъ грѣхѣ это — *не сломъ бо что теоритъ*. Отдѣлавъ г. Шевырева, г. Полевой, чтобы лучше доказать свое благоговѣніе къ гению Державина, заклю-

чаетъ свою статью слѣдующимъ образомъ на г. Галахова:

«Какой-то литературный судія смѣлъ недавно Русскую Хрестоматію, и послѣ сора и грязи, выметенныхъ изъ современной литературы, которые кажутся ему образцовыми (*), удостоилъ помѣстить нѣсколько стихотвореній Державина, отиѣтивъ ихъ, какъ устарѣлыя, завадочканы. За ивѣстнѣе модомъ смѣло бы поставитъ завадочку на чело собирателя Хрестоматіи. Разуиѣется, что подобная смѣлость уже не подходитъ подѣ судѣ здраваго смысла, но грустно думать, если собиратель Хрестоматіи называлъ свою книгу для юныхъ читателей, и ему могутъ повѣрить не только они, но и учитель ихъ, не держающій сомнѣваться въ томъ, что напечатано (стр. XVI).»

Въ этомъ случаѣ, г. Полевой былъ бы совершенно-правъ, еслибъ только онъ умышленно не искажалъ факта. Г. Галаховъ, при наданіи своей «Хрестоматіи», имѣлъ въ виду только образцы правильного и чистаго языка, не болѣе, и потому въ нее законно могли войти пьесы даже слабыя въ эстетическомъ отношеніи, но лишь бы замѣчательныя по правильности и чистотѣ языка. Можно оспаривать пользу подобнаго сборника; но нельзя не согласиться, что г. Галаховъ, желая быть вѣрнымъ идеѣ своего изданія, какова бы она ни была, былъ совершенно-правъ, что, соблазвившись красотами нѣсколькихъ стихотвореній Державина, привялъ ихъ въ свой сборникъ и, чтобы загладить отступленіе отъ плана изданія, отиѣтилъ ихъ завадочканы, какъ устарѣлыя по языку. Неуже-ли же это преступленіе — назвать пьесы Державина устарѣлыми по языку? Боже мой! изъ какихъ пустяковъ затѣялъ г. Полевой такую шумную исторію! Не-уже-ли это изъ благоговѣнія къ имени Державина? Нѣтъ, скорѣе изъ досады, изъ старой журнальной привычки къ журнальнымъ схват-

(*) Г. Галаховъ не помѣстилъ въ своей хрестоматіи ни одного отрывка изъ стихотвореній «драматическихъ представлений» г. Подорожнаго!

нашь и переобрезать... А пора бы, кажется, остепениться, а, видяго того, чтобъ играть роль задорливаго юноши, только-что начинающаго писать; пора бы показывать собою мелодичныя людямъ примѣры умѣренности, уваженія къ себѣ и другимъ, личнаго достоинства; пора бы назъ поэтического владѣтеля сдѣлаться литераторомъ, котораго литературное соведеніе соотвѣтствовало бычественнымъ дѣламъ... А какой тутъ примѣръ для юношей: г. Полевой печатно, и притомъ въ сдѣлствіе ложно представленнаго имъ факта, хочетъ поставить господину Газахову *эмздоху на лбу!*... Послѣ этого, г. Газахову остается печатно же изъяснить желаніе поставить г. Полевому какіе-нибудь другіе знаки на какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, — чего, впрочемъ, мы увѣрены, г. Газаховъ никогда не позволитъ себѣ сказать изъ уваженія къ самому-себѣ, къ публикѣ и къ литературѣ...

Г. Полевой говоритъ, что двѣнадцать лѣтъ назадъ, онъ безпристрастно опредѣлилъ значеніе Державина въ русской литературѣ, и «нигдѣ наслажденіе видѣть, что съ выподами его согласилось общее мнѣніе, по-крайней-мѣрѣ, большинство мнѣній—нигдѣ, счастье слышать свое мнѣніе повтореннымъ другими, писавшими послѣ того о Державинѣ», и по-этому, не изъ ничтожнаго тщеславія осмѣливается считать свое мнѣніе не вовсе-ошибочнымъ, и что, наконецъ, двѣнадцать лѣтъ размышленія и опыта жизни не измѣнили основной его мысли о Державинѣ.

Удивительное постоянство — надо согласиться! Однакожъ, его нельзя назвать безпримѣрнымъ: Мерзляковъ (умершій въ 1830 году) тоже въ двѣнадцать (даже больше) лѣтъ не измѣнилъ своего мнѣнія, что Ломоносовъ выше Пушкина; Каченовскій оставался вѣренъ этому мнѣнію лѣтъ двадцать сдѣшкомъ. И эти люди имѣли еще то преимущество передъ г. Полевымъ, что знали, въ чемъ состоятъ ихъ мнѣнія... Въ статьѣ г. Полевого о Державинѣ,

записанной еще двѣнадцать лѣтъ назадъ, кроетъ пометка *Батуми, медрамъ рукою разсчитавшию въ своей юности разныя мѣръскія мѣры, и тому подобныя дѣла, доказывавшии безотчетный восторгъ*, — ничего другаго не было. Но съ тѣмъ, говоритъ онъ, согласилось общесовѣніе, по-крайней-мѣрѣ большинство мнѣній: правда ли это? Видѣ тогда-то г. Полевой сказалъ же, что онъ знаетъ Русь, и Русь знаетъ его; а вѣдь оказалось же, что это вѣдѣнство было только шамочное, — личное обстоятельство, въ сдѣлствіе котораго *Исторія Русскаго Народа* не могла достигнуть вождѣдѣннаго конца и остановилась на серединѣ. Но полагая, что многіе и согласились съ статьемъ г. Полевого, такъ-какъ другіе тогда не было: но вѣдь это было двѣнадцать лѣтъ назадъ; много воды утекло, много измѣнилось, въ двѣнадцать лѣтъ; публика стала не та и не тѣ стали ея требованія. *Телѣграфъ* давно ужъ забытъ: его помнятъ только тѣ, которымъ нужно загадывать, для справокъ, даже въ *Вѣстникъ Европы*... Ни видно, самодѣіе предтедей похожа на самолюбіе доисторіи: ни тѣ, ни другіе никого не признаютъ изъ старости... Мнѣній г. Полевого о Державинѣ никто не повторилъ, потому-что послѣ того никто не писалъ о Державинѣ: развѣ какъ изобрѣтенъ Авторскій самолюбіемъ.

Но довольно; вспомнимъ русскую историю в лѣтословіи, и оставимъ г. Полевого на покой, чтобъ сказать въ сполноко словъ и предметъ гораздо-мелкіе — о семемъ Державинѣ.

Державинъ — истинно-великій поэтъ, во въ возможности, а не въ дѣйствительности. Природа обдала его гонима, на шее, въ историю ожилъ, обрѣвала ему крылья: иль изъ мучитъ въ знакъ, виднѣтъ силъ въ безсмертнѣ перелетѣ въ небо; но развѣго и оневоиннаго перелета не виднѣтъ: иль стнть — и опускается, упадетъ — и оневоиннѣтъ вѣркъ... Если ужъ пошло на сравненія, Державинъ — мучитъ изобрѣтеніемъ перелета: дакъ бы дѣлать

высоко из себя, а широким путем открыть густую тьму необлагодетельствованности, но который никогда не мог развиться до разливов и до могучей красоты, назвавшейся ему природою, потому что корни его встряли в каменную почву, которая не дала им ни углубиться, ни выйти для себя достаточного питания. Как! — скажут — блестящее царствование Екатерины II было бесплодною почвою для поэзии? Отвѣчаем: царствование Екатерины II потому и было велико и плодотворно для русской земли, что оно первое приготовило почву для всѣхъ благодетельныхъ и роскошныхъ цвѣтовъ гражданственности и обществённости, следовательно и поэзии, поэзии и не замедлила явиться въ благословенное царствование Александра I, на закатѣ котораго она развернулась, въ лицѣ Пушкина, пышнымъ цвѣтомъ. Все на вѣтъ начинается не съ середины и не въ концѣ, а съ начала: истина простая, о въ приложеніи немногими понимаемая. Посредствомъ извѣстнаго химическаго раствора, до неперлоатной степени можно ускорить выходъ изъ земли и развитіе нѣкоторыхъ растений: но въ гражданственности, общественности и поэзии нѣтъ такого химическаго раствора. Екатерина II именно тѣмъ и много сдѣлала для внутренней жизни Россіи, что многое начала, не торопясь ждать результаты своихъ начинаній. Она могла способствовать началу, возникновенію русской литературы, русской литературы создать не могла: хотя русская литература и обязана своимъ быстрымъ развитіемъ тѣмъ печеніямъ, которыя великая монархиня прилагала о ея возникновеніи. Литература и поэзія — растения, которыя требуютъ, чтобъ для нихъ была приготовлена почва, потомъ положены на нее зерна, и тогда они сперва всходятъ стебелькомъ, потомъ опускаются преждемъ давать цвѣтъ и плодъ. Тутъ чинковъ не можетъ быть. Вотъ, вотъ-то законъ постепенности и последовательности въ развитіи

осудилъ Державина не достигнуть своего обладанія: огромными силами, данными ему природою. Въ это время не было и не могло быть вселеннаго вниманія къ поэзіи уже потому, что не было въ обществѣ потребности въ поэзіи. Одной тогда была только черта Домошова, и то потому, что она обратила на него вниманіе в силу стн монархини и неъ великаго звана дозела его до большихъ чиновъ. Казалось въ то время на стнн не дѣлали чиновъ, оставалъ никто и знать не хотѣлъ бы... Сами поэты того времени полагали поэзію, какъ вселеннаго, въ силѣхъ ея хваления силннхъ поэтовъ, и поэзія была риторикою. Такъ понималъ ее и Державинъ, съ чувствомъ смиренія удивлявшійся ширине Домошова, Караскова и даже Петра. Что дало Державину известность и славу въ тогдашней Россіи: его талантъ, его гениальность, его твореніе? — Нисколько! На него обратила вниманіе Императрица, которую Фелица его восхитила до слезъ; она получила отъ Фелицы драгоценную табакерку съ червонцами; она, бѣдная, ничтожный дворянинъ и чиновникъ, искоръ послѣ того былъ представленъ Императрицѣ, которая, проходя мимо его, остановилась, пристально на него посмотрѣла и молча дала ему поцаловать свою руку. Этого было достаточно, чтобъ все и всѣ притихли стиха Державина за гениальнѣйшее произведеніе, каковы бы эти стихи ни были... Какая же поэзія могла быть въ такомъ обществѣ и на что ему была поэзія? О Державинѣ заговорилъ дворъ, и гулъ этого говора болѣе или меньше отозвался глухо тамъ-и-сямъ въ среднѣхъ дворянствѣ и ученыхъ классахъ. Достоинство стиховъ Державина не имѣло важности данныхъ ему награды, гениальнѣйшаго чина... Но развѣ, скажутъ намъ, это Державину могло нѣшать быть гениемъ и писать гениальныя стихи: гдѣ его поэтомъ сдѣлала природа, а не общество? — Такъ; но въ томъ-то и худо, что только природа участвовала въ его тудошественномъ образованіи, а тогдашнее общество

только убивало в нем талант и мѣ-
дило ему развиваться. Поэтъ столько
же замкнутъ отъ общества, сколько и
отъ природы: и какъ одно общество
безъ природы, такъ и природа безъ
общества не могутъ создать полно-
го поэта. Державинъ служилъ са-
мыми блестящими и самыми разитель-
ными доказательствами этой истины.
Г. Ползевой какъ-будто ставитъ Державину въ вину, что въ немъ всю
жизнь его чиновникъ боролся съ по-
этомъ, и что онъ, во что бы ни стало,
хотѣлъ быть дѣльнымъ человѣкомъ и
бросилъ поэзію для приказныхъ бу-
дагъ. Мы, напротивъ, несколько не
винимъ въ этомъ Державина, потому-
что онъ не могъ иначе чувствовать,
мыслить и дѣйствовать, и ему дѣлаетъ
великую честь то, что въ немъ, на-
копецъ, поэтъ побѣдилъ чиновника, хотя
и поздно. Еще и теперь, въ наше вре-
мя, когда правительство давно уже за-
трудняется не наборомъ чиновниковъ,
а ихъ количествомъ, когда на каждое
самое ничтожное мѣсто является по
сту кандидатомъ и искателей, и когда
деньги смѣло уже соперничаютъ
съ чиною, — и теперь, говоримъ мы,
кто не служить, не имѣетъ чина, на
того всѣ смотрятъ съ такимъ удивле-
ніемъ и такимъ любопытствомъ, какъ
стали бы смотрѣть на человѣка, кото-
рый дѣломъ, въ жары, ходитъ въ мед-
вѣдней рубашкѣ, а зимою босикомъ, въ
одной рубашкѣ... Вотъ какіе глу-
бокіе корни пустила бюрократія въ
русскую жизнь, вотъ какъ хорошо
прилипла на русской почвѣ герман-
ская табель о рангахъ!.. Что же, въ
этомъ отношеніи, должно было быть
во времена Державина? Тогда никакой
геній, какъ бы онъ ни былъ огроменъ,
не могъ имѣть къ себѣ ни малѣйшаго
уваженія до тѣхъ-поръ, пока не выдѣлъ
себя въ чинъ по-крайней-мѣрѣ стат-
скаго совѣтника... И это очень-просто,
очень-естественно. Развѣ Байронъ,
этотъ дилеральный поэтъ, не гордился
своимъ аристократическимъ происхо-
жденіемъ болѣе, нежели своимъ по-
этическимъ геніемъ? А почему?—ного-

му-что онъ былъ Англичанинъ. Какъ
же было Державину не уметь са-
мимъ заразомъ чиновничества? Чело-
вѣку не возможно жить безъ людей, а
подъ какимъ званіемъ вошелъ бы онъ
въ кругъ Державинъ — не-ужели
подъ званіемъ поэта? Но тогда такое
званіе не было, а если и было, то чинъ
то похожимъ на званіе шута, или ско-
мороха. Званіе же чиновника тогда не
только было, но и находилось въ по-
четѣ: и вотъ, чтобы войти къ людямъ
и смѣлѣе въ люди, Державинъ хотѣлъ
быть чиновникомъ. Не самъ ли Го-
графъ Державина говоритъ: «Давно
дѣла поручаются намъ
стихотворству, или, какъ они себя
ликозвѣрно называютъ, — говоритъ
Кургановъ въ своемъ *Писемномъ*
стихотворцу, и что чина в ономъ
дають—за стихомъ» (стр. IX). Чинъ
званіе шута, или скomorоха было по-
ла выше званія поэта?..

Этотъ духъ чиновничества, являющійся
проникавшимъ тогдашнее общество, и
ложилъ свою печать и на поэзію Державина.
Это поэзія хвалебная, воспѣва-
тельная, преспопеленная богамъ и
дубогамъ, которые теперь всѣ сдѣ-
лись простыми людьми, а нѣкоторые
и вовсе забыты. Это поэзія, исполнен-
ная аффектаціи, искренняя въ от-
ношеніи къ самому поэту, но лице-
зная въ отношеніи къ эпохѣ,—этой э-
пхѣ медвежатовъ, милостивцевъ, по-
чинокъ и прихлебателей. Это поэзія
реторическая, крикливая до крика
и надрыва груди, поэзія, раску-
шавшая въ стихахъ и располагавшая
жественныя оды по правиламъ сто-
стической диссертациі. Пусть чи-
ки-исполнны нашего времени го-
рятъ, что, при извѣстнн о жизни Го-
манна, Державинъ *градулъ одо* и
критики-пигмеи, только съ тру-
домъ можемъ дочитывать до конца
длинную похвальную рѣчь въ стихахъ,
гдѣ, въ видѣ реторики, фессор-
скимъ блескомъ вспыхиваютъ истины
искры поэзіи. Пусть люди, привык-
шие по преданію видѣть въ одѣ *Вои* и
то колоссальное произведеніе, вели-

ють Державина възвощъ Бога; но мы въ этой одѣ видимъ много вышшаго блеска, хорошіе по своему времени стихи, больше же всего холодной дѣланицы. Пѣвень *Водопада* — другое дѣло! Тутъ Державинъ великъ. Многіе не знаютъ, какъ и восхвалять Державина за *Оду на возвращеніе графа Зубова изъ Персіи*: а между-тѣмъ, что въ ней? — сперва резонерство въ холодныхъ стихахъ, потомъ не совсѣмъ вѣрныя и живыя (даже поэтически) картины Кавказа. Что такое, на-примѣръ, эти стихи:

Ты видишь, какъ въ степи средѣ зною
Орламихъ змѣй стога кишатъ,
Какъ блещутъ пестрой чешуею
И льютъ, шипля, другъ изъ друга лѣдъ.

Въ тѣ времена поэту не было никакого дѣла до дѣйствительности; онъ шпирался только на свою фантазію. Ибо ему за дѣло, что Кавказъ — не Индія, и въ немъ нѣтъ огромныхъ змѣй, что змѣи нигдѣ не кишатъ стогами, что въ стога складывается только сѣно, и что змѣи никогда не забавляются переливаніемъ лады другъ въ друга? Но возьмемъ пьесу *Русскія Дюймовки*. Не будемъ ея выписывать — она и такъ лишкомъ всѣмъ извѣстна, потому что описана прекрасными стихами. Если вы видѣли въ деревняхъ «россійскихъ баушекъ», то знаете, какъ граціозно онѣ пляшутъ, и знаете, что онѣ пляшутъ не въ башмачкахъ, а въ котлахъ; иногда и въ лаптяхъ, въ сарафанахъ, которые ловсе не граціозно перерѣзаютъ поперегъ имъ грудь, съ головами, умащенными коровьимъ масломъ, въ красныхъ и заскоруждыми руками, знакомыми съ мыломъ; знаете, какъ богаты онѣ «золатыми лентами» и «драгми жемчугами»; знаете, что такое «россійскій» пастушокъ и его свирѣль: знаете же то, что вы знаете, съ чѣмъ, что описалъ Державинъ, и въ исторгъ воскликните, вмѣстѣ съ нимъ, Анакреону:

Какъ бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
Гдѣ бы Гречанокъ позабылъ,
И на крыльяхъ сладострастныхъ
Твой зрѣть прикованъ былъ.
Т. XLII. — Отд. VI.

Несчастный Анакреонъ, счастливый Державинъ!...

И, однакожь, Державинъ въ свое время все-таки былъ великій поэтъ: чѣмъ бы онъ былъ, еслибъ явился въ наше время? Время много значить, но при талантѣ природномъ. Тредьяковскій и въ наше время былъ бы плохимъ поэтомъ. Державинъ кропаетъ плохіе стихи, смиренно удивляется недостижимому гению Ломоносова и Хераскова, — и вдругъ рѣшается проложить себѣ особый путь, и пишетъ *Фелицу*, произведеніе до того самобытное и оригинальное, исполненное ума и поэтической граціи, что эстетики сбивлись съ толку, не зная, къ какому роду сочиненій отнести его. Для *Фелицы*, Державину не было образцовъ ни въ русской и ни въ какой другой литературѣ. Какъ бы онъ много выигралъ, еслибъ никогда не сходилъ съ *своего особаго пути*! Но на одной струнѣ не много наиграешь, а другихъ не было. Да и не такое тогда было время, чтобъ поэтъ могъ всегда идти своею дорогою, не забѣгая на чужія: Державинъ, этотъ колоссъ не только въ сравненіи съ какимъ-нибудь Херасковымъ, но и съ самимъ Ломоносовымъ, никогда не переставалъ смотрѣть на нихъ, какъ на высшіе образцы. И удивительно ли это, если Дмитріевъ, поэтъ уже другаго, несравненно-болѣе образованнаго поколѣнія, сказалъ о Херасковѣ:

Пускай отъ зависти сердца въ зонахъ поютъ:

Хераскову они вреда не папесутъ:

Владиміръ, Іоаннъ шатомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертья приведутъ.

Все это доказываетъ только, что поэзія не является вдругъ готовою: поэзіи нужно время для развитія. Державинъ былъ только первымъ въ проблемскомъ и провозвѣстникомъ на Руси. Дѣлаемое г-мъ Полевымъ раздѣленіе поэтовъ на истинныхъ и ложныхъ совершенно произвольно. Ложный поэтъ такое же ложное выраженіе, какъ и холодный огонь, сухая вода. Одинъ поэтъ можетъ быть выше, другой ниже, и такъ до безконечности; но какъ бы ни малъ

былъ поэтъ, онъ уже не должный поэтъ, если только онъ поэтъ. И потому, мы никакъ не можемъ согласиться съ г. Полевымъ, чтобъ на Руси было два поэта—Державинъ и Пушкинъ. Мы считаемъ поэтами (само-собою разумѣется, истинными) не только Крылова, Жуковского и Батюшкова, но и Хемницера, Фонвизина, Карамзина, Дмитріева, Озерова, и думаемъ, что русская поэзія, послѣ Державина, должна была пройти чрезъ всѣхъ ихъ, чтобъ дойти до полнаго своего развитія въ Пушкинѣ. По-нашему, Державинъ, это—Пушкинъ, не перешедшій черезъ рядъ поименованныхъ нами поэтовъ и черезъ поколѣнія, которыхъ они были выразителями; Пушкинъ, это—Державинъ, перешедшій черезъ нихъ. Разумѣется, этого сравненія, сдѣланнаго для поясненія нашей мысли, нельзя принимать буквально, уже и потому, что Пушкинъ, и въ-отношеніи къ естественному таланту, былъ выше, глубже и многостороннѣе Державина: его талантъ обнималъ и лирику, и эпопею, и драму, и во всѣхъ странахъ міра былъ у себя дома. Вспомните *Галуба, Каменнаго Гоетя, Египетскія Ночи, Мяднаго Всадника, Русалку, Сцену изъ Фауста, Моцарта и Сальери, Пиръ во время Чумы*, опыты восточной поэзіи, антологическія стихотворенія: — какое разнообразіе!..

Если у Державина нѣтъ ни одной пьесы, которая была бы художественна, т. е. вполне выдержана, т. е. въ-время и на мѣстѣ заключена, окончательно отдѣлана, чужда прозаическихъ выраженій, прозаическихъ стиховъ, охлаждающихъ чувство читателя, чужда реторики, неточныхъ словъ и фразъ, всего лишняго; если у него такъ много пьесъ на-половину хорошихъ, на-половину плохихъ, и еще больше совершенно-плохихъ, — въ этомъ, повторемъ, виноватъ не онъ, а его время; это происходило не отъ слабости таланта, а отъ времени. На долю Державина выпало неудобство быть начинающимъ и явиться въ неблагопріятное для поэзіи время: вотъ причина всѣхъ

недостатковъ его поэзіи, тогда-какъ всѣ ея красоты принадлежатъ одному ему и составляютъ его неотъемлемую заслугу. Но какъ бы то ни было, теперь его уже не читаютъ; теперь его поэзія болѣе предметъ изученія, нежели наслажденія. И въ этомъ отношеніи, исполнѣ поэтъ классическій: немного есть писателей (и не у однихъ насъ), изученіе которыхъ можетъ быть такъ поучительно для юношества. Таково свойство гениа: его недостатки такъ же поучительны, какъ и достоинства. Только для изученія Державина, одна эстетическая точка возвращенія никогда не годится; его должно изучать и съ эстетической и съ исторической точки зрѣнія.

Теперь спрашиваемъ всѣхъ благомыслящихъ людей: что въ нашемъ сужденіи о Державинѣ, еслибъ даже оно было и совершенно-ошибочно и ложно, что въ немъ оскорбительнаго для чести Державина и для чести русской литературы, какъ угодно находить его нашему критику, г. Полевому?..

303) Краткія Поученія сельскихъ ка Родіона Путятина. Изданіе четвертое (печатаю съ 3-го изданія). Москва. Въ университетской тип. 1855. Въ 8-ю д. л. 174 стр.

Четыре изданія въ короткое время свидѣтельствуютъ объ успѣхѣ, осмыванномъ на достоинствахъ книги П. дѣйствительно, «Краткія Поученія» отличаются какъ внутреннимъ, такъ и вѣншимъ образомъ отъ другихъ сочиненій того же рода. Вѣншимъ отличительный ихъ признакъ, какъ видъ изъ самого названія, есть краткость: непротворѣчающая, однакожъ, изложенію существенныхъ принадлежностей избраннаго предмета; внутреннее отличие составляетъ простота, не чуждая, впрочемъ, силы убѣжденія и горячаго чувства. Языкъ, приближаясь къ разговорному, вездѣ чистъ и благозвученъ. Строеніе каждой прозоиды почти одинаково, но въ непремѣнно прочтете каждую, точно такъ же, какъ непременно бы каждую выслушали,

потому что она всегда заключает въ себѣ нечто трогательно-простое. Проповѣдникъ обыкновенно или выбираетъ какой-нибудь текстъ священнаго писанія, который умно приспосабливается къ дѣйствию нашей жизни, иногда какъ спасительное правило, иногда какъ строгое осужденіе, или, указавъ какое-нибудь событіе христіанской жизни, ведетъ васъ по слѣдамъ благочестиваго образца, назидательнаго своимъ нравственнымъ совершенствомъ.

Найдти многихъ читателей при богатоиъ занасѣ душевспасительнаго чтенія, выйдти изъ ряда духовныхъ проповѣдниковъ при значительномъ количествѣ духовныхъ талантовъ на этомъ поприщѣ, значить, безъ сомнѣнія, быть оригинальнымъ, заключать въ себѣ что-нибудь особенное, достойное вниманія людей сколько здравомыслящихъ, столько жѣ и въиснительныхъ.

304) О Существо, Характеръ и Поведимости Ридиги. *Сочиненіе Доктора философіи Вольфа. Переводъ съ французскаго Моисея Лихтенштейна. Кіевъ. Въ университетской тип. 1845. Въ 1-ю д. л. 64 стр.*

Эта книжка представляетъ весьма-занимательное чтеніе.

305) Іоаннъ Гусъ и его Послѣовати. *Соч. Палаузова. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю л. 23 стр.*

Іоаннъ Гусъ принадлежитъ къ числу рѣдкихъ явленій нравственнаго міра. Глубокій, ясный и вѣрный взглядъ на людей на окружающую ихъ веру, твердое убѣжденіе въ истинѣ и повтореніе носимой ими въ груди своей мысли, могучая, непреклонная сила, готовая скорѣе вытерпѣть на себѣ всѣ удары раздраженнаго самолюбія, чѣмъ отказаться отъ своего выскаго назначенія, — вотъ единственное оружіе, съ которымъ эти избранники выступаютъ на битву съ самыми гордыми и закоренѣлыми предразсудками. Страшные вопросы, которые поднимались, послугали бы средо

отрошностию добродушныхъ, но слабыхъ, иногда также совоощихъ необходимости ихъ рѣшенія, но невинующихъ силы принять на себя это важное дѣло. Какъ аскетически-строгъ былъ образъ ихъ жизни, когда они вѣняли себѣ въ обязанность быть несправителями поврежденной нравственности цѣлаго общества! Съ какою блистательностию надзирали они надъ своими собственными дѣйствіями, повѣрили ихъ съ правилами проповѣдуемаго ими ученія, чтобъ не впасть въ противорѣчіе съ самими-собою и не разрушить собственными руками воздвигаемаго зданія! Преслѣдуя неумолимыхъ судомъ нравственную нечистоту людей, гдѣ бы она ни скрывалась, не взирали на какое лицо, они сдѣлались бы предметомъ всеобщаго несмѣянія, еслибъ сами увлеклись развратомъ. Ихъ нравственный характеръ былъ такъ высокъ, что даже самыя, по-видимому, невинныя удовольствія они считали для себя не позволительными, и сожалѣли о нихъ, какъ о грѣхахъ винушей молодости. Такъ Іоаннъ Гусъ въ письмѣ къ одному изъ своихъ учениковъ несовѣдуетъ Богу въ своихъ грѣхахъ, и между прочимъ въ томъ, что много потерялъ времени, и часто игралъ въ шашки прежде своего посвященія въ духовное званіе, — что, играя, часто предавался гнѣву и заставлялъ другихъ играть съ собою. Вся жизнь этого великаго челоѣка была постояннымъ ратованіемъ за истину и добродѣтель. Іоаннъ Гусъ, или какъ звали его, *Гусинецъ* (отъ небольшого городка Южной Чехіи, мѣста его рожденія), родился 6 июля 1379 г. Образованіе свое онъ получилъ въ Прагскомъ-Университетѣ, гдѣ не только не жели въ двадцать лѣтъ прошесть всѣхъ ученыхъ степеней. Въ проповѣдяхъ своихъ онъ особенно вооружался противъ разврата, въ который тогда было погружено западное духовенство, не щадя даже самихъ папъ. Нанеда на пышность духовныхъ, на ихъ жадность къ богатству, онъ начинаетъ одну изъ своихъ проповѣдей стихомъ на-

ного-то современного поэта: De morbo medicus gaudet, de morte sacerdos вотомъ продолжаетъ: «Къ-чему эти печальныя дѣлїя въ домѣ усопшаго бо- гача, какъ не для хвалебной тишеслав- ныхъ? Къ-чему это пышное собраніе сильныхъ мира сего у тѣла умерша- го? За этии слѣдуютъ другіе два стиха:

Vim moritur dives, concurrent undique cives:
Pauperis ad funus vix surgit clericus unus.

Далѣе онъ говоритъ: «Прїятно смот- рѣть намъ на этихъ служителей Бо- жїихъ, безпечно возлежащихъ на пу- ковникахъ въ то время, когда Спаситель дилъ слезы на гробъ Лазаря. Къ че- му этотъ неутомимый звонъ колоко- ловъ, какъ не для расточенїя денегъ, которыя можно было бы употребить на лучшее, на полезное? А эти похо- ронныя ширшества не для того ли, чтобъ ошлѣпить и въ мустыхъ разго- ворахъ терять время?» Но эта борьба съ злоупотребленїями духовной власти была еще не по времени. Западное ду- ховенство въ то время было еще силь- но своимъ очарованїемъ, въ которомъ оно держало умы людей. Гуса объяви- ли еретикомъ и опредѣленїемъ Кост- ницкаго-Собора, цѣлью котораго соб- ственно было прекратить схизмы, воз- носившіе тогда западную церковь, но случаю грехъ папъ, — осудили его на смерть. Такимъ-образомъ, великій по- движникъ истины слѣдася жертвою своихъ убѣжденїй, отъ которыхъ не хотѣлъ откататься даже при блескѣ воз- жевнаго костра, и злобы людей, кото- рые только мечомъ и огнемъ можетъ поддерживать права свои. Но минуло сто лѣтъ послѣ этого суда, и изъ пра- ха осужденнаго возсталъ новый вобор- никъ мысли своего предшественника, съ пламеннымъ рвенїемъ вступился за его дѣло, поднялъ на защиту его все человечество и страшно отмстилъ его насильственную смерть. Явленїе этого могучаго гевїя Гусъ провидѣлъ своимъ яснымъ окомъ, какъ-бы проникав- шимъ сквозь завѣсу будущаго. Деся-

долго вередъ смертїю, въ единомъ изъ писемъ къ друзьямъ своимъ, онъ пи- салъ между прочимъ: «Гусъ — говоритъ онъ, намерен на свое имя, — животное домашнее, которое не можетъ летѣть высоко; но скоро, можетъ-быть, зал- еса другія пумы, которыхъ не ошута- ютъ съи враговъ». По смерти Ювана Гуса явились многіе послѣдователи его ученїя и приняли названїе *гуситовъ*. Между ними особенно замѣчате- ленъ былъ Жижка, стоявшїй во главѣ восстанїя, долго и съ успѣхомъ боро- щїйся съ императоромъ Сигизмундомъ.

Брошюра г. Палаузова, излагающая ходъ этого важнаго въ исторїи чело- вѣчества событїя, ны утѣрена, будетъ читаться не безъ удовольствїя. Она пи- сана лосымъ, правильнымъ языкомъ, если исключить немногіе оборо- ты, къ-сожалѣнїю, отступающїе отъ этой правильности. Какъ-то странно, на-примѣръ, встрѣтитъ такого рода выраженїя: «Раскрывая страницы исторїи, это имя прозаными буквами из- чертано на ея скрижаляхъ». Читая его слова, удивленїе мое было невы- разимо. Чтобъ набѣгнуть такихъ не- достатковъ, не мѣшаетъ справиться хоть съ какой-нибудь грамматикой: во всѣхъ русскихъ грамматикахъ гово- рится, что дѣяпричастїя въ русскомъ языкѣ согласуются съ именительнымъ падежомъ или подлежащимъ въ рѣчи. А если г. Палаузовъ станетъ подла- дить подъ это правило тѣ выраженїя, которыя мы привели, онъ будетъ толь- ко по-напрасну трудиться, чтобъ до- браться до смысла. Въ такомъ случаѣ, лучше нѣтъ замѣнить намъ — ибуду, хоть даже въ ущербъ дѣяпричастїю, лишь бы только была спасена грамматика.

306) Исследование о Мѣстничествѣ. Издаеъ Д. В. Москва. Въ мѣн Августя Селема. 1845. Въ 4-ю д. л. 16: стр.

Мѣсяца три назадъ, именно въ июль- ской книжкѣ журнала, мы отдали должную дань признательности этому прекрасному, ученому труду г. Валу-

ва, когда говорили о Сибирскомъ боршикѣ, въ которомъ помѣщено было и его исследование въ видѣ введенья къ разряднымъ. Теперь оно является отдельною книжкою, и въ своей сторонѣ отдѣльно желательнѣе, что наша историческая литература должна много ожить отъ Вагуева, который съ любовью терпѣливѣе посвящаетъ ей свои дуги. Въ такой темный и запутанный вопросъ, каковъ вопросъ о мѣстности, онъ пролилъ своимъ обросовѣтственнымъ, умнымъ изъясненіемъ совершенно-новый свѣтъ. По этому исследованію еще не споривается весь предметъ. Авторъ бѣжитъ издать со-временемъ другую часть своего обширнаго труда, за который всякій образованный человекъ благодаритъ его отъ всего сердца.

307) Учебная Книга Римскаго Гражданскаго Права, составленная для руководства при чтеніи лекцій Лопиномъ Камбскомъ. Казань. Печатана въ университетской типографіи. 1845. Въ 8-ю д. л. 365 стр.

Заглавіе этой учебной книги не можетъ, какъ видно, похвалиться ясностью и точностью выраженія. Напротивъ, оно отзывается чрезвычайною вусмысленностью, которую можно даже поставить въ образецъ. Изъ него можно безъ всякихъ натяжекъ вывести прямое заключеніе, что эта книга оставлена кѣмъ-то, только неизвѣстно чѣмъ именно, что составлена она для руководства, опять не скоро можно догадаться, для чьего руководства—студентовъ ли или самого преподавателя, какъ выходятъ изъ распорядка словъ, такъ ему легко было читать лекціи. Впрочемъ, заглавіе книги—дѣло постоянное въ книгѣ. Содержаніе ея отъ того несколько ни выигрываетъ, ни проигрываетъ. А книга, составленная Лопиномъ Камбскомъ (будемъ принимать текстъ заглавія въ этомъ смыслѣ) для руководства студентовъ при чтеніи лекцій его собственныхъ или другаго профессора, весьма-важна по

своему содержанію и той пользѣ, которую она можетъ принести изучающимъ римское право. Изъ этого можно будетъ или совершенно обійтись безъ помощи латинскаго «Corpus juris Civilis», и довольствоваться поданнымъ для нихъ руководствомъ, или, по крайней-мѣрѣ, при этомъ пособіи много облегчаться чтеніе свода законовъ на латинскомъ языкѣ. Учебную книгу г. Камбска можно раздѣлить на три части: Введеніе, Общую часть и Особенную часть. Въ Введеніи излагаются: понятіе о правѣ; различныя значенія слова jus, раздѣленіе права, какъ предмета науки; jus privatum (римское право); Corpus Juris Justinianicum. Въ общей части трактуются о лицахъ, о вещахъ, о дѣйствіяхъ въ общихъ чертахъ. Наконецъ, въ послѣдней особенной части выражаются постановленія Римлянъ: о бракѣ, объ отеческой власти, о собственности, о поземельностяхъ, о залогахъ, о наследствѣ, о завѣщаніяхъ, объ обязательствахъ и о судопроизводствѣ.

308) Рѣчь о Ломбардскомъ Стилѣ въ Архитектурѣ. Соч. архитекторскимъ помощникомъ Иваномъ Бороновымъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 8-ю д. л. 46 стр.

Гдѣ и передъ кѣмъ говорена была эта рѣчь, сочинитель ея, г. Бороновъ, почелъ за нужное скрыть отъ любопытства читателей. Видно этого, онъ хочетъ разрѣшить имъ задачу: справедливо ли преданіе, которое приписываетъ Ломбардамъ введеніе особого характера въ водчествѣ? Существуетъ ли дѣйствительно въ архитектурѣ ломбардскій стиль? Для разрѣшенія этого вопроса, онъ считаетъ необходимымъ рассмотретьъ, въ какомъ состояніи Ломбарды застали архитектуру въ Италіи, откуда они пришли, дошли ли въ Италіи господствовать и чѣмъ они наиболѣе занимались? Изъ этого рассмотрѣнія онъ выводитъ слѣдующее заключеніе: Ломбарды занимались войною, хищеніемъ, а потому торговлею; въ Италіи они за-

стали архитектуру византийскую; при них всё зданія строили греческіе и итальянскіе архитекторы, а сами они были враги просвѣщенія, и, следовательно, ломбардскій стиль въ архитектурѣ никогда не существовалъ, а если упоминается о ломбардскомъ стилѣ у разныхъ писателей и ученыхъ, которые, но никакъ въ сущности художества, грубому народу приписывали образованность, то это надо понимать въ томъ смыслѣ, что зданія, которыхъ есть остатки, представляютъ собой искаженный стиль византийскій, и что они были построены только во время владычества Ломбардовъ въ Италіи.

309) Миръ Допотопный. А. Г. Мостов. Въ тѣх. Н. Степанова. 1845. Съ тремя картинками. Въ 8-ю д. л. 41 стр.

При нашей бѣдности въ книгахъ по части естественнаго, скажемъ спасибо издателю и за «Миръ Допотопный»,—а это, право, весьма сносно и интересно. Во-первыхъ, очевидно, сочинителемъ надо знакомъ съ наукою. Какъ, думаете, раздѣляетъ онъ всѣхъ животныхъ по времени ихъ существованія на нашей планетѣ? Иной скавалъ бы: на первозданныхъ (ископаемыхъ) и на вторичныхъ (человѣку; а сочинитель разбитой книжки говорить и теперь еще: «всѣ эти окаменѣлые остатки древнихъ растений, раковинъ и животныхъ (артифакты дѣленіе органическихъ существ!) относятся ко временамъ допотопнымъ, по этому и тотъ миръ, когда они наполняли собою землю (важно!) называется міромъ допотопнымъ» (стр. 5). Потомъ (стр. 36): «Передъ нами прошло семь картинъ земной жизни, и вотъ остается одна послѣдняя потопная, которая схоронилась (жива?) подъ тѣмъ пластомъ, по которому мы ходимъ.» У него есть и *пластъ потопный* (стр. 8) и *пластъ послѣднотопный* (*ibid*). Таковъ ужъ видъ характеру у сочинителя! Забылъ онъ слова «Книги Бытія», гдѣ именно сказано, что во время потопа не погибло

ни одного рода существовавшихъ до него животныхъ; не знаетъ онъ, сочинитель, и того, что наука и до сихъ поръ не умѣетъ еще опредѣлить вѣсныя и отношенія всемірнаго потока къ животнымъ. Интересно также узнать отъ него, каковы образцы, при своихъ помятыхъ объ ископаемыхъ животныхъ, онъ объяснитъ намъ, почему вымыслилъ животныя и самъ человекъ, которые, конечно, существовали до потопа, никогда и нигдѣ не были находимы въ пластахъ земли, вмѣстѣ съ остатками первозданныхъ животныхъ? Право, есть надъ чѣмъ подумать. Сочинитель, или, вѣроятно, переводчикъ, предлагаетъ даже нововведенія въ науку, и именно по той части ея, которая еще доселѣ не установилась,—по терминологіи. До сихъ поръ «Міра Допотопнаго» думали, что *почвы* (*roches*) составляютъ *пласты* или *толщи* (*couches*), что эти толщи соединяются въ *руссы* (*étages*), которые соединяютъ *формаціи* (*formations*), и наконецъ еще болѣе понятіе *солъ* у другихъ писателей *terrains*, которому на русскомъ языкѣ нѣтъ приличнаго термина, хотя въ некоторые называютъ это новое цѣлое—*почвою*, прямо вопрекоръ общему народному употребленію. Самое слово *formation* переводитъ иногда *образование*. Издатель «Міра Допотопнаго» желалъ, вѣроятно, помочь этому недостатку, и говорить, что въ нисходящемъ порядкѣ кора земли составляется изъ: «пласта послѣднотопнаго, пласта потопнаго, пласта третичнаго, пласта юрскаго, состоящаго изъ некренаго камня (такой забавникъ, право!), пласта, состоящаго изъ пестраго угля и кейпера, пласта каменноугольнаго» и т. д. (стр. 9). Обыкновенный человекъ употребилъ бы здѣсь слово *формація* или *образование*, но г. А. Г. говоритъ *пласты*. Угодно видѣть толкъ этого нововведенія? Вотъ она въ словахъ самого издателя (стр. 10): «Отношеніе нами избранныхъ пластовъ къ пластамъ новѣйшаго дѣленія будетъ такое: *пластъ переходный* будетъ включать въ себя, начиная съ низу *пласты* новаго дѣленія: *кальмарскій*,

силюрийскій и девоньскій; потому слѣдующіе пласты, названные нами *эточичмаю* образованія, будутъ заключать пласты: *каменноугольный, пеннинскій* и т. д. То-есть аршинъ составляетъ изъ вершковъ, а вершокъ изъ аршиновъ, или вмѣщающее объемлетъ собою вмѣщаемое, а вмѣщаемое заключаетъ въ себя первое вмѣщающее. Это напоминаетъ намъ недавно-вышедшую, впрочемъ весьма-полезную книгу, въ общемъ заглавіи которой сказано: *часть третья*, а въ специальномъ: *часть вторая*. Сочинитель иногда умѣетъ быть до невѣроятности навнымъ: «Покрайней мѣрѣ надобно 5000 лѣтъ говорить онъ, чтобъ превратилось въ совершенный камень дерево не толще ноги; время ужасное! Подумайте, сколько въ половину этого времени успѣло *нажить* и перемереть цѣлыхъ народовъ на нашей землѣ» (стр. 5). Или: «Самый верхній пласть, по которому мы ходимъ, образовался не такъ давно, именно: послѣ всемірнаго потопа» и т. д.

310) Частная Фармакологія, или наука о лекарствахъ. Изданіе Михаила Вейсберга. *Въ двухъ частяхъ. Часть II. Пятая тетрадь. Москва. 1845. Въ 8-ю д. л. 191—370.*

Здѣсь заключается окончаніе «Металловъ», потомъ 10-й классъ — «Однѣстныя Средства», 11-й классъ — «Сѣрные Средства», и начало 12-го — «Угольные Средства».

311) Физика. *Часть первая. Составлена Н. Т. Щегловымъ. (Учебнымъ Руководствомъ для Военно-Учебныхъ Заведеній). Санктпетербургъ. 1845. Въ шест. военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. 458 стр.*

Кому не извѣстно, что наши военно-учебныя заведенія въ настоящее время становятся далеко выше той степени, на которой они были вѣскольکو десятковъ лѣтъ назадъ? Разнообразныя знанія, которые передаются юнымъ питомцамъ этихъ заведеній, безъ сомнѣнія сдѣлаютъ изъ нихъ людей не

только вполне-способныхъ къ выполненію своего специальнаго назначенія, но и гражданъ вполне-счастливыхъ своимъ образованіемъ. Введеніе естественныхъ наукъ въ курсъ преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ вовсе дѣло немаловажное, какъ многіе это полагаютъ: естественныя науки исключительно довершаютъ то образованіе, которое ставитъ людей въ кругу истинно-человѣческомъ; съ помощію ихъ, преимущественно, развивается любознательность и та особенная наблюдательность, которая рѣзко характеризуетъ человѣка истинно-образованнаго. Намъ кажется, что естественныя науки въ военно-учебныхъ заведеніяхъ должны бы только быть дополненіемъ къ тому специальному образованію, для котораго учреждены самыя заведенія, а не составлять собою особенныхъ предметовъ, которыми должны исключительно заниматься кадеты; излагать же предметъ чисто въ смыслѣ науки, можно предоставлять только университетскимъ курсамъ, а въ специальныхъ заведеніяхъ это изложеніе не можетъ имѣть мѣста.

Каждый предметъ долженъ быть изложенъ болѣе нагляднымъ образомъ, болѣе съ практической стороны, нежели съ теоретической; явленія, имѣющія интересъ только науки, необходимо должны быть опущены, а вниманіе болѣе обращено на полезныя приложенія; тогда только курсъ можетъ споспѣшествовать общей цѣли и быть полезнымъ руководствомъ. Г-нъ Щегловъ, по-видимому, думаетъ иначе: она, кажется, уклонился отъ цѣли, съ которою долженъ бы былъ писать свое руководство; по его мнѣнію, написать физику для военно-учебныхъ заведеній значило взять курсъ, написанный имъ вѣскольکو лѣтъ назадъ, вычеркнуть оттуда вѣскольکو статей для того, чтобъ болѣе приспособить его къ специальному назначенію, и все дѣло кончено. Возьмите первое изданіе «Физики» г. Щеглова, возьмите второе изданіе той же книги и положите въ средину курсъ, издаваемый

ним теперь для военно-учебных заведений; вы ясно убедитесь, что для г-на Щеглова писать курсъ съ разными цѣлями—одно и то же. Такое физическое наблюдение даже важно для самого предмета: изъ него вы удостоверитесь, что природа въ своихъ явленіяхъ всегда выражается одинаково, только съ нѣкоторыми пополненіями и замѣчаниями; каждая статья даже должна быть начата и продолжаема тѣми же самыми словами: безъ этой точности выраженій, пожалуй, потерпите точность физическихъ фактовъ! Изъ него вы убедитесь, что г-нъ Щегловъ считаетъ свои два изданія «Физики» крайними предѣлами краткости и полноты, и что всякое новое изданіе, съ какою бы иною цѣлю ни дѣлалось, должно, какъ маятникъ, колебаться между первыми изданіями. Съ своей стороны, мы не можемъ не отдать предпочтенія курсу г-на Лейца: вотъ образцовая книга въ этомъ родѣ! Авторъ не увлекался своими глубокими знаніемъ предмета, писалъ книгу, совершенно приравливаясь къ цѣли: отъ-того и вышелъ курсъ, который сохранилъ пропорціональность статей при всей своей сжатости; многимъ этотъ курсъ не нравится, но, кажется, это болѣе зависитъ отъ привычки къ тѣмъ курсамъ, по которымъ эти многіе когда-то учились: они помнятъ еще, какая страница въ этомъ курсѣ чѣмъ начинается и чѣмъ оканчивается.

Жаль также, что г-нъ Щегловъ не взялъ за образецъ курса Пулье, перелавнаго Мюллеромъ: это было бы самое лучшее руководство для военно-учебныхъ заведеній, какъ по простотѣ своей, такъ и по размѣру статей.

До-сихъ-поръ, г-нъ Щегловъ окончилъ только первую часть; съ изданіемъ второй мы подробно поговоримъ о всемъ его сочиненіи.

312) Начальные Основанія Алгебры, сочиненіе Мейера и Шоке. Переведъ съ французскаго Францъ Симашко. Санктпетербургъ. Въ тип. Коврада Вишнера. 1845. Въ 8-ю д. л. 474 стр.

Очень-часто намъ удается и слышать и читать нареканіе вообще на недостатокъ математическихъ руководствъ на русскомъ языкѣ. Кажется, пора бы уже начать сожалѣть о томъ, что у насъ нѣтъ хорошихъ руководствъ. Большая часть людей, чувствующихъ этотъ недостатокъ и желающихъ помочь горю, смотрятъ на русскую публику, какъ на голодную толпу, которая готова утолять свой голодъ чѣмъ-нибудь, и такимъ образомъ съ-шатавъ пичкать ея умственный желудокъ всѣмъ, что только есть иштатавнаго, нисколько не заботясь о гастрономическомъ вкусѣ. Къ-счастью, у насъ въ массѣ не такъ сильно ощущается жажда математическихъ познаній: математическія сочиненія обыкновенно или безъ всякаго сознанія перелысываются только учащимися, для того, чтобы получить хорошую отпѣтку на экзаменѣ, или остаются безъ всякаго вниманія. Давно люди рѣшили, что математика сухая наука, и нигдѣ въ такъ ясно не убѣждается въ справедливости этой идеи, какъ, на-примѣръ, въ «Алгебрѣ Бурдона» (руководствѣ, исключительно принятомъ у насъ во всѣхъ почти заведеніяхъ).

Правда, тамъ и курьеры скачутъ исправно, и собака отлично гонитъ индицу, и лошади продаются съ барышомъ, и товары честно оцѣниваются купцами, и, что всего замѣчательнѣе, наследство дѣлится со всею добросовѣстностью между наследниками; жаль только, что правило учета векселей не развито причетомъ процентовъ, а это было бы болѣе-полезно: кто заплатить долгъ до срока? а просрочить каждый. Но положимъ, что и это полезное приложеніе тамъ нашло бы мѣсто,—спрашивается: что отъ этого разнообразія выигралъ предметъ математики? Да много!.. При всемъ такомъ разнообразіи, въ руководствахъ нашихъ нѣтъ и слѣда живой мысли. Спрашивается, для кого собственно пишутся руководства: для учащихся или для учащихся?

Не ваяя навѣрное, можетъ ли каждый учитель найти, на-примѣръ, общаго

либольшаго дѣлителя безъ руководства, но рѣшительно можно сказать, что ни одинъ ученикъ не найдетъ его при пособіи самаго лучшаго руководства. Разувайтесь, истинные таланты и въ этомъ случаѣ — исключеніе; но они рѣдки. Мертвыя буквы, которыя можно понимать какъ угодно, или даже и вовсе не понимать, никогда не могутъ замѣнить живое преподаваніе.

Для начинающихъ и плохой учитель принесетъ болѣе пользы, нежели самое лучшее руководство. Вамъ покажется страннымъ это мнѣніе, а оно справедливо.

Совсѣмъ-другое дѣло тамъ, гдѣ нужно дать уже развитымъ способностямъ приличный взглядъ на науку, и въ известное направленіе при изученіи. — о! тогда Боже упаси и отъ дурныхъ учителей и отъ плохихъ руководствъ!.. Мы хотимъ сказать только, что, при составленіи руководства, можно бы имѣть въ виду учителей, не учащихъ; поэтому, общій взглядъ на науку, сообразный съ настоящимъ состояніемъ, былъ бы вовсе-нелишнимъ при каждомъ руководствѣ, — а того-то и нѣтъ ни въ одномъ изъ нихъ, не исключая даже и сочиненія г. Мейера и Шокё. Мало того: ни въ одномъ изъ руководствъ къ алгебрѣ не обращается должнаго вниманія на геніе выраженій. Возьмемъ, на-примѣръ, $\frac{ax}{y^2}$, оно обыкновенно читается такъ: «а, умноженное на x и дѣленное на y квадратъ». Но скажите ученику, почему вы написали количество пропорциональное x и обратно - пропорциональное y^2 — и онъ навѣрное не пойметъ васъ. Мы увѣрены даже, что लोगъ не напишутъ вамъ частнаго числа количества a и b : такъ привыкли они къ этому «а дѣленному на b ». Вамъ говорятъ, на-примѣръ, что выраженіе $a + b - c + d$ есть сумма, и въ алгебрѣ сложить не всегда значитъ увеличить, и доказываютъ, что въ алгебраическомъ сложеніи количества берутся съ тѣми же знаками, которыми они даны. Къ чему же

доказывать, когда это слѣдуетъ прямо изъ опредѣленія суммы алгебраической? Въ алгебрѣ условились рассматривать знаки вмѣстѣ съ количествами, и выраженія $(a + b - c + d)$ называть только суммой. На самомъ же дѣлѣ, если вмѣсто буквъ возьмемъ числа, то всегда и въ которыхъ изъ нихъ придется складывать, а другія вычитать. Точно такъ же, какъ съ помощью отрицательныхъ и дробныхъ показателей, въ числахъ мы можемъ уничтожить дѣленіе и извлеченіе корней; итакъ, выраженія $a(x + b)^{-m}$ и $a^{\frac{m}{n}}$ читается произведеніемъ и степенью; хотя на самомъ-дѣлѣ все же придется и дѣлить и извлекать корни.

Что сказать также про такъ-называемыя введенія? На какой конецъ пишутся они? Можетъ ли начинающій, прочитавъ введеніе въ «Алгебру» Мейера и Шокё, дать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что означаютъ буквы въ алгебрѣ? Вмѣсто всѣхъ этихъ задачъ, слѣдовало бы лучше сказать, что буквы въ алгебрѣ только наглядныя изображенія отвлеченнаго понятія величины, что онѣ не болѣе, какъ средство, облегчающее наши сужденія при исследованіи общихъ законовъ, которыми познается и составляетъ цѣль алгебры, но не рѣшеніе вопросовъ, относящихся собственно къ числамъ.

У насъ кончившій курсъ въ гимназій совершенно не имѣетъ понятія о томъ, что такое функція, между-тѣмъ, какъ объ этомъ очень-легко дать надлежащее понятіе въ введеніи; поэтому объяснить еще лучше при рѣшеніи уравненій. Впрочемъ, этотъ недостатокъ курсъ Мейера и Шокё разделяетъ со всѣми известными руководствами; но если обратимъ вниманіе на отдѣлку статей, то начальныя основанія Мейера и Шокё далеко превосходятъ всѣ известныя намъ учебники. Не входя ни въ какія подробности, скажемъ только, что способъ Фурье наложенъ съ простотою, которая и составляетъ главное его достоинство. Желающимъ познакомиться съ этимъ интереснымъ предметомъ, скорѣе можно рекомендо-

вать изданную г-нъ Синашко • Алгебру. Мойера и Шюке, помести лекціи • Остроградскаго, составителя которыхъ, намется, все вниманіе обратили на то, чтобъ запутать и исказить столь простую и явную теорему. И такъ, умъ если намъ суждено г-нъ переводить чужія сочиненія, то нельзя не отдать справедливости переводчику, что онъ оставилъ другихъ поджидать новыхъ изданій Бурдоа и приписать на себя трудъ познакомить русскіихъ математиковъ съ книгой, которая давно должна бы была быть у насъ въ ходу.

313) *Практика для Пиротехниковъ. Составилъ Натъ. Санктпетербургъ. 1846. Въ тит. Гинце. Въ 8-ю д. л. 296 стр. Съ 15-ю картинками.*

Любители потѣшныиъ огней, въ рессно, благодарятъ автора за издавіе этой полезной для насъ книги. Вообще же, эта книга заключаетъ въ себѣ мало интереснаго: кому нужно самому устроить фейерверкъ, — а это часто вѣроятно было бы сдѣлать въ деревнѣ, на дачѣ, — тотъ много можетъ извлечь полезнаго изъ «Практики для Пиротехниковъ».

184) *Труды Общества Русскихъ Врачей въ Санктпетербургѣ. Часть IV. Санктпетербургъ. Въ тит. Мерсова. 1846. Въ 8-ю д. л. 348 стр.*

Первыя три части «Трудовъ Общества Русскихъ Врачей» вышли въ 1836, 1840 и 1843 годахъ и хорошо были приняты отечественными нашими врачами. Если издаваемая нынѣ IV часть этихъ «Трудовъ» также найдетъ благоволенный приемъ у просвѣщенныхъ врачей, то нѣтъ общества будетъ доучинута. Для ознакомленія читателей съ этою частию «Трудовъ», упомянемъ на предметъ, въ ней содержащійся. Первая статья въ IV части есть *Описаніе органической болѣзни сердца*, составленное medico-хирургомъ Барановскимъ, который имѣетъ особенный навыкъ распознавать органическія болѣзни сердца, — навыкъ, при-

обрѣтенный имъ въ продолженіи госпиталей, подъ руководствомъ врачей, особенно занимающихся auscultatiōe (выслушиваніемъ звуковъ, сопровождающихъ біеніе сердца). Г. Барановскій всегда вѣрно опредѣляетъ место и степень органическаго шлѣмени сердца; по-крайней-мѣрѣ, труворазлѣтія всегда подтверждали его догадки. — *Грудная жаба*, статья medico-хирурга Воскресенскаго, который въ практическомъ своемъ наблюденіи прибавилъ все, что въ настоящее время было писано объ этой болѣзни. — *Грудная (легочная?) чахотка*, излеченная семилетнимъ сахаромъ — статья штаб-доктора Нагумовича. Въ точности описанія болѣзни, вѣрноиъ взглядъ на сущность ея и въ правильномъ способѣ леченія нинто сомнѣваться не можетъ: многолѣтняя обширная практика автора ручается за все вышесказанное. — Въ статьѣ *Водоболзнь*, докторъ Герарди разсказываетъ, что одинъ инженеръ подъ крѣпостью Усть-Дабинскою былъ умышленъ бѣшеннымъ волкомъ и попалъ въ водоболзнь. Случай этотъ весьма-любопытный. — *Замѣчательный случай геморроидальной прироста крови въ полостной части артеріи то мозга* — штаб-лекаря Шюца. Въ этой статьѣ весьма-важно позаславіе, не участвуетъ снѣжной мозгъ въ инсультныхъ отправленияхъ и болѣзненныхъ явленіяхъ; — *Замѣчанія о тождествѣ золотушной и бюрчатой болѣзней* — статья доктора Бредова, весьма-нѣстнаго но превосходному его описанію «О золотухѣ». — *Практическія замѣчанія о скарри*, medico-хирурга Воскресенскаго, автора статьи «О жабѣ». — Въ *Усиленномъ дѣйствіи іодистаго препарата въ леченіи наклоннаго болѣзней*, г. Яронскій разсказываетъ замѣчательный случай леченія жабь. — *Обзоръ болѣзней, господствовавшихъ въ войскахъ 4-го пѣхотнаго корпуса съ 1 ноября 1843 года по 1 мартъ 1845 года*. Въ четвертой части «Трудовъ Общества Русскихъ Врачей» читатели познакомятся съ авторомъ этой статьи, штаб-докторомъ Бурдоа

зынь, который обладает особенными даромъ наблюдать и описывать болѣзни. — *Колтула* (возтуть), наблюдение весна-интересное и весна-хорошо описанное г. Воскресенскимъ. — *Промасленное выжиданіе* *мочею* *камля*. Весьма-рѣдкій случай, наблюденный и со всею точностью описанный почтеннымъ профессоромъ хирургіи Дубовицкимъ. — Также интересны *Два операціи*, произведенныя и описанныя профессоромъ Каванскаго-Университета Каттеромъ. — *Неуралія* *лячка*. Въ этой статьѣ ученыя секретаря Общества Русскихъ Врачей, профессоръ Заблонскій, описываетъ, послѣ вырѣдженія болѣзни, припадки, ходъ и этиологию ея; потому слѣдуетъ патологическая анатомія лячка, распознаваніе болѣзни, предсказаніе объ окончаніи ея, леченіе. Весьма-интересно и рѣдкія случаи на-счетъ кистаціи въ этой болѣзни. Подъ конецъ статьи приводятся наблюденія надъ больными, счастливыми-вылеченными отъ невралгій лячки. — *Замѣчательный случай* *опухленія глаза* (стр. 225); *Излеченіе* *пропавшую зрѣнію* *изнутри* *глаза* (стр. 226), и *Возстановленіе* *потери зрѣнія* *въ-слѣдствіе* *полночьнаго* *перезрѣнія* *архидиакона* *и* *патаракты* *въ* *переднюю* *камеру* *глаза* (стр. 228), — три наблюденія медико-хрурга Кабата, весьма-интересныя, казавшіяся, съ какою успѣхомъ и легко замѣчается главными операціями. — *Излеченіе* *истлѣвшаго* *плота* *из* *ошиной* *полости* — наблюденіе донто-Фогельмана, весьма-интересно кательно въвѣтчатой бѣреженности и жеть съ удовольствіемъ быть прочно даже и не-врачами. То же самое можно сказать о *Примечаніяхъ* *въ* *ошномъ* *березженности*, представленныхъ Воскресенскимъ. Показанія статей изъ числа 87-ми таточны, чтобъ увѣриться въ пользѣ интересъ этой части «Трудовъ Общества Русскихъ Врачей», главною ію котораго есть взаимная передача наблюденій надъ болѣзнями, какія представляются каждому члену въ его ктижѣ. Нельзя не пожелать, чтобъ

занятія Общества Русскихъ Врачей, продолжавшіяся уже тринадцатый годъ съ одинаковою пѣлою, принесли пользу отечественнымъ врачамъ.

315) *Альпака или андека овецъ: Переводъ съ англійскаго, изданный по распоряженію Главнаго Московскаго Общества Улучшеннаго Овцеводства. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 32 стр.*

Подписникъ этого общества присланъ на разсмотрѣніе Главнаго Московскаго Общества Улучшеннаго Овцеводства изъ III Департамента Министерства Государственныхъ Имуществъ. По разсмотрѣніи важнѣйшихъ статей сочиненія, переведенныхъ съ англійскаго дѣлши г. председателемъ общества, А. Е. Хлопова, общество, находя ихъ любопытными и достойными вниманія, опредѣлило напечатать переводъ въ Журналѣ для Овцеводовъ; и отдѣльною книжкою. Относительно разведенія альпакъ въ Россіи, оно полагаеть, что это животное могло бы съ большою пользою быть разведено въ нашемъ отечествѣ. Въ 1825 году, Пиварро, прибывъ на перуанскіе берега; первый замѣтилъ это животное. По наружности своей, оно занимаетъ среднее мѣсто между верблюдомъ и овецю, ишья, впрочемъ, болѣе сходства съ вслѣднею. Альпака покрыта тонкою и мягкою шерстью, изъ которой древніе Перуанцы дѣлали равныя ткани, превосходившія, по свидѣтельству нѣкоторыхъ писателей, своею шелковистостью и глянцемъ всѣ сукна испанскія. Шерсть эта отличается отъ шерсти обыкновенныхъ овецъ длиннотою, тонкостью и упругостью, не вудрява и не сваливается при выдѣлкѣ, не портится отъ лежанья и не теряетъ своего вѣса, который бываетъ отъ 10 до 12 фунт. Мѣсо альпаки Перуанцы предпочитали всѣмъ другимъ мясамъ и находили его даже болѣе-легкимъ и вкуснымъ, нежели мясо цыплятъ. Это животное привыкаетъ почти во всякой странѣ и мѣстоположенію, если только воздухъ чистъ и не душень. Оно способно пе-

ренокать стужу, сырость, голодъ, жажду, потому-что все это оно часто испытываетъ въ своемъ отечествѣ, на Андскихъ-Горахъ, гдѣ половину года идетъ снѣгъ и градъ, между-тѣмъ, какъ въ высшихъ мѣстахъ температура каждую ночь падаетъ ниже точки замерзанія, а вершины горъ безпрестанно покрыты льдомъ. Въ царствованіе Филиппа II, было предположеніе, которое, впрочемъ, не исполнилось, перевести этихъ животныхъ изъ Перу въ Испанію. Императрица Жозефина вывела стадо, снѣжанное изъ ламъ, альпакъ и вигоней; но только 11 животныхъ, оставшихся въ живыхъ изъ этого стада, были привезены въ Кадиксъ; здѣсь они жили и размножались и потомъ перевезены были отсюда во Францію. Ихъ разводили даже въ Англіи и въ Гамбургѣ. Фабрикація вѣдѣній изъ шерсти этихъ животныхъ постепенно увеличивалась. Потребности на нихъ болѣе и болѣе умножались, и такимъ-образомъ положено было основаніе цѣнной и важной торговли, которая въ послѣдствіи времени сдѣлалась значительною. Съ 1834 г., когда началась эта торговля, до начала 1844 г., получено въ Англіи привозной шерсти 8,657,164 фунта. Въ сдѣлствіе увеличившихся требованій, начали обращать большое вниманіе на разведеніе альпакъ. Въ 1841 году, Шотландское Земледѣльческое Общество предложило золотую медаль за удовлетворительное сочиненіе о разведеніи альпакъ въ Шотландіи. Оно предложило также премию за лучшую пару альпакъ, рожденную и воспитанную въ Англіи. Баварскій король тоже интересуется этими животными. Прусскій король предложилъ вопросы о его свойствахъ и о результатахъ опытовъ, сдѣланныхъ англійскими земледѣльцами. При разведеніи альпакъ, необходимо обратить вниманіе на мѣсто, гдѣ предполагается водворить ихъ, и на уходъ за ними. На зиму надо запасать для нихъ кормъ, и чѣмъ онъ проще, тѣмъ лучше; должно только набѣгать горькихъ и ядовитыхъ травъ, которыя сильно

раздражаютъ пищеварительность. Будучи содержимы въ низкихъ и сырыхъ мѣстахъ, альпакъ подвергаются поудамъ и другимъ болѣзнямъ. Для предохраненія отъ поудовъ, стригутъ шерсть у животного и ставятъ его въ прохладное мѣсто; на другой день, оно выздоравливается. Для удобнѣйшаго разведенія альпакъ, авторъ брошюры совѣтуетъ вывозить ихъ не прямо изъ Перу, ибо фактами доказано, что тѣ животныя, которыя водятся на Андскихъ-Горахъ, принадлежатъ къ лучшей породѣ, нежели тѣ, которыя до сего времени вывезены въ Европу изъ Перу. Авторъ заключаетъ свою брошюру исчисленіемъ самыхъ дѣльных выгодъ отъ разведенія альпакъ.

316) Истребленіе Сорныхъ Травъ. Сочиненіе Ф. В. Франко. Съ немецкаго перевелъ Александръ Тиревъ. Санкт-Петербургъ. Въ тип. К. Крайя. 1846. В. 8-ю д. л. 24 стр.

Эта маленькая брошюра посвящена предмету весьма-важному въ земледѣліи, на который у насъ еще мало обращаютъ вниманія. Хотя средства истребленія сорныхъ травъ на широкую обработку земли и выборъ для посѣва и данной почвы соответствующихъ растений, однако исполненіе этихъ средствъ труднѣе, нежели съ перваго взгляда можетъ казаться. Чтoby побудить хозяевъ употреблять эти единственныя и всегда-дѣйствительныя средства, г. Франко написалъ весьма-участное разсужденіе на нѣмецкомъ языкѣ, а г. Тиревъ перевелъ его. Одно можно сказать объ этомъ переводѣ: онъ едва-ли можетъ быть полезенъ для русскихъ хозяевъ, которые хотятъ во всемъ не учеными нѣмецкой, а дѣла, описаннаго просто, безъ ведантства. Смысла того, въ переводѣ есть и недѣлности. Напр., на стр. 3, сказано: «если-нашию обработать съ тѣмижъ же рѣченіемъ, какъ почту сада, то сорны-мѣрно возвысится и доходъ съ нее». Это не вѣрно; вѣроятно, въ подлинникѣ было сказано *Ertrag*, т. е. въ этомъ

лучай уродки, а не доходы, который вѣрнее не увеличится отъ садовой бработни воля. Еслибъ у насъ обработать поле, какъ обрабатывается ная-нибудь граака въ саду, то, не смотря на хорошии урожай, поле никакое дохода не дастъ, ибо надержки обработни далеко превзойдутъ цѣнность рожаа.

317) Рекстръ Русскимъ Книамъ, Географическимъ Атлаамъ, Картамъ и Плавамъ, продающимся у почтааго граждааниа Или Глазунова. Санктпетербургъ. Въ тип. И. Глазунова и Кома. 1845. Въ 8-ю д. 275 стр.

Увидя великолѣнное предисловіе къ той книгѣ, мы обрадовались—было, думая, что каталогъ г. Глазунова ееть продолженіе каталога г. Смирдина; но, взглянувъ въ книгу, горько разочаровались въ своей надеждѣ. Это просто—каталогъ книгъ, которыя ееть въ книжной лавкѣ г. Глазунова; а книги та—сѣсь разнаго дряннаго старья въ новостаяхъ. Кстати: не хотите ли купить у г. Глазунова книгу, которая стоитъ первую въ его каталогѣ: «Абальюродити мудрецъ, разсказывающій ономъ питомцамъ разныя нравоучительныя повѣсти, перевелъ съ нѣмецкаго М. Шляковъ. Москва. 1792.» Книа хорошаа и дешево стѣитъ: всего 1 рубль 15 копеекъ серебромъ. Правда, въ Апраксимовъ-Дворѣ ее можно купить за пять копеекъ серебромъ, но рудно найти; товаръ этотъ рѣдокъ, потому-что давно частію сѣдешъ мышамъ, частію сгнилъ; но, у г. Глазуова онъ сохранился въ цѣлости.

318) Библиотека для Воспитанія. Отдѣленіе первое. Часть IV. Годъ стои. Изданіе А. Семена. Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 12-ю д. л. 169 стр.

Изъ прозаическихъ статей, здѣсь помѣщенныхъ, надобно замѣтить: *Оеистоклъ, Иоанна Дарк* (статья I), *Пасскיא ворота въ Москв* (извлечение въ «Памятникомъ Московской Дре-

вности»), *Стены и пустыни*, живое изображение величественной природы, А. Евремова, *Рукопись маоританскаяа доктора*, повѣсти А. Зонтага, отличающаая нравственною мыслию, какъ и всѣ ея повѣсти. Не худо замѣтить также статью В. П.: *О мастолицыахъ асимилчакъ южннхъ и западныхъ Славянъ и ихъ расселеніи въ Европ* (извлечение въ мафарикова «Славянскаго Народооисанія»). Авторъ или извлекатель умѣлъ найти въ славянскихъ племенахъ то, чего, при помощи логики, не найдеть никто ни въ одномъ предметѣ, именно: съ одной стороны миролюбіе, любовь къ осядлости, быту земленашескому и общинному, легкая восприимчивость и готовность къ образованію духовному, а съ другой: духъ болѣе воинскій, мужество, доходящее часто до свирѣности... По наащной словесности находимъ выборъ изъ стихотвореній Н. Языкова, отличѣйшаго, одного изъ двухъ единственнхъ (другой единственный—г. Хомяковъ) теперь достоять. Многія пьесы, помѣщенны, очевидно, съ тою цѣлію, чтобъ съ одной стороны поселать въ дѣтахъ любовь къ отечеству, если только можетъ поселить ее скучно-реторическій разсказъ о темныхъ быминахъ Русской Земли: «О смерти Олега», «О Баятима и проч., а съ другой—служить образчикамъ дурнаго вкуса и стихогворнаго набора словъ. Эти двѣ стороны, дѣйствительно, легче соединить, нежели то, что В. П. соединилъ въ Славянахъ: духовность и не-духовность, миролюбіе и драку, доходящую до свирѣности. Въ первомъ стихотвореніи своемъ (Молитва), одинъ изъ двухъ единственнхъ поэтовъ (другой единственный, припоминаете, — г. Хомяковъ) проситъ Бога, чтобъ онъ оставилъ ему тагостные дни, далъ ему желѣзное терпѣнье и окаменилъ бы ему сердце. Въ такомъ видѣ, говорить поэтъ, я прииду къ таинственнмъ вратамъ новой жизни,

Какъ Волки вальъ Благородный,
Доходитъ цѣлмъ къ берегамъ.

Сравнительно грамматическое и словоизменительное! Членяты, влияющей молчаливо терпимости и наменное сердце, рѣшительно похоть, и внутренно и вѣнны, на бѣлоголовый валъ Велги. Въ другой плещь: *Евнатій*, говецъ (вѣроуто, учашился по реторикѣ Копаискаго), говорить всеводѣ: « Въ Разанскихъ стѣнахъ « долго *симваломъ* удары, честь *оружья* « *ласъ* съ *нашимъ*, *плана* *спражилось* « *адамъ* *башня*, *кабо* *стерало* *сей* *адъ* », и проч. и проч.

319) Первоначальное Руководство къ Этимологическому Греческому Языку, составленное В. Ордынскимъ. Москва. Въ Университетской типографіи. 1845. Въ 8-ю д. л. 26 стр.

Смыслъ можно сказать, что г. Ордынский поданіемъ этой книжки оказавъ немаловажную услугу сколько учащимся, столько, намъ даже еще болѣе, самимъ учителямъ. Первымъ онъ даетъ руководство, которое необходимо должно обезпечить трудное для нихъ по началу изученіе греческаго языка, а другимъ показываетъ, какъ надобно браться за преподаваніе этого предмета, чтобъ вѣрнѣе достигнуть цѣли. Руководство это, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, въ полной мѣрѣ *первоначальное*. При немъ предполагается необходимому грамматика Кюнера, переведенная г. Косовичемъ, или даже Шаде. Примѣры словеній и спряженій опущены, этимологія изложена въ самомъ общемъ общемъ очеркѣ; нѣтъ многихъ, даже необходимыхъ подробностей. Не смотря на то, при всей своей краткости, доходящей иногда до удивительной сжатости, никогда, впрочемъ, до темноты и неопредѣленности, руководство это даетъ полный, цѣльный взглядъ на этимологію греческую, — такой взглядъ, изъ котораго уже очень-легко приывать прочія подробности. Это не больше, ни меньше, какъ эскизъ, но эскизъ начертанный опытною рукою знающаго свое дѣло художника. Изложивъ въ нѣсколькихъ словахъ понятіе о *бувахъ*, какъ *элементаръ* языка, авторъ пере-

ходитъ къ *элементаръ* слова, которыя онъ называетъ его *корень* и *спряженіе*. На основаніи этихъ *элементаръ*, онъ построиваетъ цѣлую систему словеній и спряженій съ всѣми ихъ *изменительными*. Видно, что авторомъ руководило при этомъ разумное построеніе отглаго, отчетливое знаніе законовъ языка. Изучивъ нѣсколько уроковъ такой *этимологическій* эскизъ, ученикъ легко можетъ при его пособіи и при внимательномъ наблюденіи тѣхъ простыхъ правилъ, которыя оно представляетъ, такни-образомъ изъ отдѣльныхъ частей составить стройное, органическое цѣлое. Дайте ему тогда какое угодно слово, онъ, съ помощію руководства, сейчасъ разложитъ его на составныя элементы, или образуетъ изъ него другое новое слово, имѣющее другое значеніе. Но, чтобъ показать ему верный путь къ этому, г. Ордынский въ концѣ своей *ушной* брошюры помѣстилъ для образца приемъ того и другаго дѣянія. Такой приемъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ весьма-полезенъ для усвоенія разумнаго, отчетливаго знанія языка и для развитія сообразительной способности ученика. Тутъ, при составленіи *плѣти* - шести *формъ*, ученикъ долженъ будетъ соображать все ученіе объ *этимологическомъ*, *изложенное* въ этомъ *руководствѣ*. А привыкнувъ къ такому рода упражненіямъ и изучивъ твердо и основательно главные, существенныя пункты *этимологическія*, онъ уже легко будетъ болѣе и болѣе развивать свое ученіе, знакомясь съ дальнѣйшими подробностями и тонкостями языка.

320) Ученая Географическая Карта всей Россійской Имперіи, съ показаніемъ почтовыхъ и колѣсныхъ дорогъ, числа верстъ между городами и селеніями, водныхъ сообщеній, рудныхъ промысловъ, заводовъ, фабрикъ и минеральныхъ источниковъ. Составлена по повѣнному географическимъ и историческимъ сведениямъ Корпуса Географическаго подпоручикомъ Александромъ Савинымъ. 1846.

Нѣтъ нужды говорить о пользѣ такой карты: она очевидна. Скажемъ лучше, что карта составлена тщательно и вѣрно, а напечатана и разрисована красиво и удобно для приписыванія.

321) Собраніе Равсказовъ, Анекдотовъ и Отрывковъ, *выбранныхъ изъ лучшихъ русскихъ писателей, для упражненія дѣтей въ переводахъ съ русскаго языка на французскій и на нѣмецкій, и русско-французско-нѣмецкій словарь. Четвертое, исправленное изданіе, употребляемое во всѣхъ военныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Карла Крайла. Въ 12-ю л. 127 стр.*

Книжка эта даетъ, что обѣщаетъ. Лестная книжка!

322) Краткая Всюобщая Географія для первоначальнаго преподаванія. (.) Составленная К. Р. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Штаба Отдѣльн. Корпуса Внутренней Стражи. Въ 8-ю д. л. 20 стр.

Пустая компіляція!

323) Русская Азбука. А. Вороной. Съ 34 раскрашенными рисунками, и 40 листкахъ. Санктпетербургъ. Во французской тип. Въ 12-ю д. л. 160 стр. Азбука, какъ слѣдуетъ быть русской букъ: картинки, азы, склады, таблица умноженія, невинные до пустоты детские разговоры съ маменькою, таковы же повѣсти, и пр. Издана верно.

324) Этимологическій Букварь, держащій въ себѣ наставленія о произношеніи, въ первообразныхъ словахъ французскаго языка и уроки для чтенія, наставленій управляющимъ училищамъ и много обученія и кавалеромъ, Якобъ Гердонъ. Санктпетербургъ. Въ п. Эдуарда Праца. 1845. Въ 16-ю д. 258 стр.

Брошѣ наставленій о произношеніи, орыя безъ учителя совершенно полезны, въ этой книжкѣ все обить благополучно. Напечатана она то и красиво.

325) Елена или добродѣтельное дѣтство. Поесть для дѣтей. Москва. 1845. Въ 18-ю д. л. 27 стр.

— Евгений или избалованное дѣтство. 2 повѣсть для дѣтей. Москва. 1845. Въ 18-ю д. л. 80 стр.

Эти дѣти — и добродѣтельное и избалованное — дѣлкую такіа грамматическія ошибки противъ правописанія, которыя даже не могутъ быть внимательны ихъ дѣтствомъ. Потому, если поговорія ихъ можетъ быть полезна для другихъ дѣтей, то развѣ только въ томъ отношеніи, что научить ихъ избѣгать подобныхъ ошибокъ.

326) Сельское Чтеніе, книжка третья, составленная княземъ В. Ф. Одоевскимъ и А. П. Заблудинимъ. Санктпетербургъ. 1848. Въ тип. Э. Праца. Въ 8-ю д. л. 156 стр.

Сельское Чтеніе составляетъ собою эпоху въ исторіи едва-начинающагося у насъ образованія низшихъ классовъ. Правда, книжка эта уже не первая попытка заговорить простою шредъ къ чтенію; но это первая удачная попытка въ этомъ родѣ. Можно указать еще на *Письмописаніе Курилова*, равносущійся по Россіи въ числѣ, можеть-быть, тоже не одного десятка выходящихъ экземпляровъ; но то была книга не для низшихъ собственно классовъ, а для всего полуграмотнаго міра, заисчавшаго въ себѣ и дворянъ, и чиновниковъ, и купцовъ, и мѣщанъ, но не поселянъ. Успѣхъ «Письмописанія» былъ основанъ не на цѣли и удачливости достигшии, а на необразованности тогдашняго читающаго люда. Онъ не былъ приисороченъ къ понятіямъ или потребностямъ какого-нибудь класса общества, не былъ неадаптъ, какъ книга веселая, съ расхваливаніемъ анекдотовъ, — и полезная, съ чѣмъ-то въ родѣ энциклопедическаго изложенія историч. знаній; онъ былъ больше *суммарель*, нежели *пародель*; и потому успѣлъ необычайно и принесть много пользы. «Сельское Чтеніе», не смотря на его огромный успѣхъ, основанный на достоянствѣ содержанія и изложенія, и

тешорь отнюдь не исключают потребности нового «письмовника», составленного сообразно съ успѣхами нашего времени; но этотъ новый «письмовникъ» уже не долженъ быть имъ столь специальнымъ, какъ *Сельское Чтеніе*, ни столь универсальнымъ, какъ кургановскій «письмовникъ»: подобно послѣднему, онъ долженъ быть издаванъ для мало-образованныхъ, полуграмотныхъ, но въ будущемъ образованіи которыхъ не предполагается никакихъ опредѣленныхъ границъ. Здѣсь разумѣются люди, которымъ нужна не столько ученость, сколько образованность, и которые, по неимѣнію средствъ, не иначе могутъ образоваться, какъ черезъ собственныя усилія, посредствомъ чтенія. И цѣль такого новаго «письмовника» должна состоять не въ томъ, чтобъ образоватъ этихъ людей, но въ томъ, чтобъ помочь имъ образоваться, направивъ ихъ вкусъ въ чтенію, оторвать ихъ отъ *Ерусалана Лазаревича* и романовъ Орлова, познакомить ихъ съ произведеніями литературы, на первый случай, по содержанию, доступными уму неразвитому, но въ то же время отличающимися высокою литературнымъ достоинствомъ. Это долженъ быть огромный альманахъ, раздѣленный на двѣ части: энциклопедію наукъ, искусства, ремесла, открытій и т. д., и на беллетристику — повѣсти, сказки, рассказы, стихотворенія, анекдоты, и т. п. Все это не должно быть ни слишкомъ-высоко, ни слишкомъ-низко: тутъ не должны быть сочиненія въ родѣ *Фауста*, *Манфреда*, *Моцарта* и *Сальери*, *Цыганъ* и т. п.; но почему бы не пойти туда, напримеръ, *Полтава* и *Русалка* Пушкина? Энциклопедія должна быть изложена языкомъ самымъ простымъ и яснымъ, но столько же не простовароднымъ, сколько и не книжнымъ. Если къ этому будутъ призваны на помощь полетипажки, — это могущественное средство для распространенія популярнаго образованія: какал бы это вышла книга для чтенія кушмовъ, мѣщанъ, и даже людей, принадлежащихъ къ нѣ-

сколько-высшему противъ нихъ классу, но не боате ихъ образованныхъ!

Сельское Чтеніе — изданіе чисто-спеціальное, и въ этомъ его великое достоинство. Оно назначено для крестьянъ-земледѣльцевъ и приурочено къ ихъ быту и потребностямъ. Были и прежде *Сельскаго Чтенія* опыты для такого рода изданій; люди, бравшіеся за нихъ, не имѣли никакого понятія о нисшихъ классахъ, и потому опыты ихъ не имѣли никакого успѣха. Нѣкоторые, взманенные успѣхомъ *Сельскаго Чтенія*, начали издавать книжки въ этомъ родѣ, думая, что гдѣ барину легко учить мужика; но вышло иначе: спекуляція осталась спекуляціею, и печатный вздоръ пошелъ въ растопку печей. Колоссальный успѣхъ *Сельскаго Чтенія* основанъ былъ на глубокомъ знаніи быта, потребностей и самой природы русскаго крестьянина, и на талантѣ, съ какимъ умѣли издатели воспользоваться этимъ знаніемъ. По-этому, въ два года разошлось тридцати тысячъ двухъ первыхъ книжекъ *Сельскаго Чтенія*. Подобнымъ успѣхъ имѣеть великое значеніе, самодѣтельствуя, что издатели *Сельскаго Чтенія* умѣли угадать, что нужно для чтенія простому народу, а во всякомъ важномъ дѣлѣ, для котораго не было прежде образца, въ томъ-то и состоитъ все дѣло, чтобъ угадать...

О первыхъ двухъ книжкахъ мы говорили въ свое время; теперь поговоримъ о третьей. Какъ и въ первыхъ двухъ, въ ней статьи раздѣляются на два разряда: статьи (большую часть въ разсказахъ) нравственнаго содержания, и статьи, да быта и хозяйства крестьянскаго касающіяся. Тѣ и другія равно необходимы, потому-что нравственность тѣсно связана съ материальнымъ бытомъ, и успѣхъ одной невозможенъ безъ успѣха другаго. Крестьянинъ, котораго жилище не лучше двора, который раздѣляетъ его съ домашними животными, и который дурно одѣтъ, дурно ѣстъ, — такой крестьянинъ не можетъ быть нравственнымъ челоѣкомъ: если онъ и не воръ, то

лѣтѣй, и во всякомъ случаѣ существо оскотинившееся. Добродѣтель въ ищетѣ есть явленіе исключительное, достояніе тѣхъ сильныхъ организацій, тѣхъ энергическихъ характеровъ, которые такъ же рѣдки, какъ и гены. Добродѣтель гораздо-хуже умирается съ пищетою, чѣмъ съ чрезвѣчнымъ богатствомъ, хотя она и рѣдко въ богатствѣ. Съ другой стороны, если крестьянинъ живетъ чисто и въ довольствѣ, будучи безнравственнымъ человекомъ, — его благосостояніе выгодно только для него-самого, но не для общества, — не говоря уже о томъ, что оно не всегда прочно. Изъ этого двойнаго рода статей въ *Сельскомъ Читеніи*, тамъ собою, по законамъ необходимости, выходитъ третій рядъ статей, которые свособствуютъ развитію интеллектуальности и знакоматъ крестьянина съ понятіями и фантами, доселѣ все ему недоступными. Чтобъ научить его обращаться съ хлѣбомъ и травою, необходимо познакомить его съ свойствами растительнаго царства вообще; слѣдовательно, въ некоторыхъ-образовъ вести его въ соверпаніе природы, въ міръ естествознанія. Такова статья г. Заблоцкаго въ третьей книжкѣ *Сельскаго Читенія* — «О томъ, что такое астеніе, какъ оно живетъ и чѣмъ боится». Жалѣемъ, что не можемъ познакомить съ нею нашихъ читателей: безъ выписокъ этого сдѣлать нельзя, а вырывать ее клочками, только портить: ее надо читать всю. Это образецъ яснаго изложенія, вполне-доступнаго для крестьянина, понятій и связей-общихъ и не такъ-то проглыхъ! Такова же статья князя Одоевскаго: «Что такое выставка сельскихъ произведеній, на что она, и какаа отъ нея польза, и что было на прошедшей выставкѣ». Это лучшія статьи въ третьей книжкѣ *Сельскаго Читенія*. Послѣ нихъ замѣчательны статьи: «Рассказъ г. Ирины о томъ, что вокругъ человека, и о челоѣкѣ», князя Одоевскаго; «О томъ, какъ съ домашнею скотиною надобно обращаться» г. Заблоцкаго. Т. XII. — Отд. III.

го и «Записки для памяти» князя Одоевскаго.

Изъ нравственныхъ разсказовъ особенно-замѣчательны два: «Какъ дядя Иринаея разсказывалъ о томъ, что такое чистота и въ чему она пригодна» князя Одоевскаго, и «Нечистая Сила» графа Соллогуба. Первая особенно важна тѣмъ, что она имѣетъ цѣлю искорененіе гибельнаго и наиболѣе-своей-существеннаго русскому простонародью порока — неопрятности. Впрочемъ, опрятность и у городскихъ нашихъ жителей не можетъ считаться особенною добродѣтелью. Бани и чистая рубаха въ субботу — у нашего простонародья больше какой-то обрядъ, какой-то мистическій долгъ, какъ омовеніе у мусульманъ, нежели требованіе опрятности и чистоплотности, не говоря уже о томъ, что переиѣна бѣлья одинъ разъ въ недѣлю — плохая опрятность. И потому, въ такой книгѣ, какъ *Сельское Читеніе*, особенно надо дорожить статьями, когда, будучи хорошо написаны, онѣ имѣютъ предметомъ искорененіе не общихъ, всѣмъ людямъ равно-свойственныхъ недостатковъ, а пороковъ, составляющихъ какъ-бы исключительную болязнь класса, для котораго издается *Сельское Читеніе*. Такие пороки суть: пьянство, неопрятность, лѣнь, непредусмотрительность и *авось*, которое простой народъ иронически называетъ *авоськой*. Нечистая Сила — мастерской разсказъ графа Соллогуба, удачно воспользовавшагося извѣстными анекдотомъ, чтобъ сдѣлать изъ него столько же занимательную, сколько и поучительную для простыхъ умовъ повѣсть. — Послѣ нихъ, можно указать на разсказы: «Отъ-чего крестьянинъ Демьянъ себѣ ноги ознобилъ и павѣкъ казаккой ношегъ» князя Одоевскаго; «Плохо тому, кто не умѣетъ жить въ своемъ дому», г. Заблоцкаго, и юмористическій, въ народномъ духѣ разсказанный анекдотъ «Ось и Чека» г. Дала.

Но, признаемся, мы не желали бы больше встрѣчать въ *Сельскомъ Читеніи*

таких статей, какъ. Кто такой Давыдъ Ивановичъ, и за что люди его почитаютъ. и. Что легко наживается, то еще легче проживается. Въ первой описанъ какой-то герой добродѣтели безъ образа и лица, безъ всякихъ признаковъ характера; и не мудро: онъ описанъ, а не представленъ; за него говорить самъ авторъ, а самъ онъ ничего не говоритъ. Такими жертвыми идеями никого не убѣдишь ни въ чемъ; имъ никто не повѣритъ. Въ другой пьесѣ представленъ бѣдный перевозчикъ, который, неожиданно получивъ отъ дальняго родственника, купца, огромное наследство, и не умѣя управлять имъ съ торговыми дѣлами, имъ съ деньгами, все спустилъ въ карточное время и опять сталъ голъ какъ соколъ. Какая мораль этого разсказа? неужели та, что отъ наследства надобно отказываться? Ну, а еслибы кто написалъ повѣсть, что одинъ бѣднякъ, получивъ большое наследство, съумѣлъ имъ распорядиться и къ своей и къ чужой пользѣ, и издатель *Сельскаго Чтенія* помѣстилъ бы этотъ разсказъ рядомъ съ пьесою: «Что легко наживается, то еще легче проживается»: чему бы тогда долженъ былъ вѣрить грамотный крестьянинъ?.. Судя по заглавію разсказа, мы думали, что дѣло идетъ о приобрѣтеніи черезъ воровство, грабежъ, или разбой: тогда бы — другое дѣло! Но положимъ, что авторъ и тутъ правъ: все-таки трудно повѣрить, чтобы его разсказъ убѣдилъ кого-нибудь отказать отъ законнаго наследства...

Многіе возстаютъ противъ *Сельскаго Чтенія* за простонародность его языка, *маленько-мужицкаго*, утверждая, что къ такому языку въ книгѣ простой народъ недоверчивъ, подаваясь охотнѣе обаянію книжнаго языка. Привлекаясь откровенно, мы не считаемъ такого мнѣнія ложнымъ, и готовы были бы рѣшительно обвинить *Сельское Чтеніе* въ простонародности языка, какъ въ недостатокъ, еслибы въ *тридцати тысячахъ* экземплярахъ этой книжки, разошедшихся въ два года, не видѣли факта, слишкомъ - оправдываю-

щаго издателей въ ихъ намерѣ говорить печатно съ простолюдиномъ. Стало-быть, это еще вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только фактически: надо издать для народа книжку, написанную городскимъ, образованнымъ языкомъ: если она будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и *Сельское Чтеніе*, вопросъ будетъ рѣшенъ не въ пользу издателей послѣдняго; а до-тѣхъ-поръ... подождемъ. Одно, что мы можемъ не похвалить въ *Сельскомъ Чтеніи*, — это употребленіе презрительно-уменьшительныхъ собственныхъ именъ: Ванюха, Ванька, Сенька, Васяка, Машка и т. п. *Сельское Чтеніе* должно способствовать истребленію, а не поддержанію отвратительнаго обычая называть себя не христіанскими именами, а кличками, унижающими человѣческое достоинство...

Впередѣ времени много, и, при жизни дѣла и талантъ издателей *Сельскаго Чтенія*, недостатки этого изданія, конечно, скоро исчезнутъ, а достоинства еще болѣе возвысятся. Много уже сдѣлано этими тремя ближними, и въ содержаніе нельзя будетъ воопшъ исчерпать и трипачью; а сколько еще сторонъ нетронутыхъ, на-пр., отношенія, въ которыхъ женскимъ полъ находится въ простомъ быту къ мужскому, и наоборотъ! Русскій человѣкъ вообще не умѣетъ уважать женщину, а у крестьянъ женщина — раба, скотъ, и что въ родѣ домашняго животнаго. За то, посмотрите въ деревняхъ на мужиковъ: сколько между ними красивыхъ лицъ, а женщины, за весьма-рѣдкими исключеніями — воплощенное безобразіе, и въ тридцать лѣтъ уже старухи! И не диво: выполняя всѣ тяжелыя мужскія работы, онѣ еще несутъ тяготу беременности и родовъ... Вообще, семейный бытъ долженъ быть однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ *Сельскаго Чтенія*. Какъ-можно-болѣе статей объ обращеніи съ дѣтми, о необходимости часто мыть ихъ, беречь отъ гриппа, отъ простуды, объ уходѣ за больными! Сколько умираетъ дѣтей оттого, что за ними дурно смотрятъ и

время осып. кори. Топится печка, въ набѣ сверху дымъ; вину холодь — ладерь отворена: какъ тутъ уцѣлѣть и впрохому больному, и родильницѣ, которая, сверхъ-того, вчера родила, а сегодня таскаетъ дрова и воду!..

327) Русское Чтение, издаваемое Сергѣемъ Глинкою. Выпускъ третій и четвертый. Отечественные историческіе памятники XVIII и XIX столѣтія. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. Въ 8-ю д. л. отъ 149 до 312 стр.

То же, что было и въ первыхъ двухъ выпускахъ, о которыхъ мы уже говорили: кое-что дѣльнаго и интереснаго, но въ упоминанномъ лирическомъ безпорядкѣ мыслей и словъ, въ хаосѣ которыхъ трудно что-нибудь понять и помнить...

328) Борьба Язычества и Христіанства. Сочиненіе П. Морозова, поэтаго повечителя Цензенскаго Института и члена разныхъ ученыхъ обществъ. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 46 стр.

Брошюрка г-на Морозова принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ явленій—не тѣхъ, которыя поражаютъ умъ юнымъ величіемъ или красотой, выходящихъ изъ ряда всендневныхъ феноменовъ, тѣхъ, для которыхъ въ нѣкоемъ урналѣ отведенъ особенный уголъ, съ страннымъ именованіемъ: «Необыкновенныя Явленія». Это — диковная рѣдкость въ литературномъ отпеченіи, уклоненіе отъ опредѣленнаго юлесса мысли, *monstruositas intellectualis*. Авторъ серьезно думаетъ, что рыба идолопоклонства и христіанства не кончилась съ паденіемъ храмовъ, но что она продолжается и въ наше время въ области философіи и въ жизни общественной. По его мнѣнію, орятея незіа чудеса въ мірѣ: вездѣ одной стороны проповѣданіи любви, мира, цѣломудрія, свободы духа, лежда и вѣры; съ другой—защитни-

ки эгоизма, возмущеній, рабства страсти, безнадѣжности и безвѣрія...

Какой-то древній философъ (кажется, Аристотель) представлялъ себѣ душевное состояніе человѣка, который изъ темныхъ нѣдръ земли, гдѣ онъ жилъ долгое время, вдругъ выходитъ въ свѣтлде царство міра, подъ роскошный сводъ неба. Изумленіе, восторгъ, благодарность наполняютъ его сердце, и никакія подземныя сокровища не заманяютъ уже его болѣе въ прежне жилище. Но мудрецъ не предвидѣлъ существованія иныхъ, неблагодарныхъ людей, которыхъ ослѣпляетъ блистательный день и которые, не примѣчая своихъ больныхъ глазъ, обвиняютъ солнце, луну и звѣзды. Такъ полночныя совы летать, при первыхъ лучахъ разсвѣта, подъ темный навѣсъ гніющихъ развалинъ, считая ихъ единственно-достойнымъ престоломъ совиной мудрости. Онѣ не понимаютъ, эти умныя совы, что и мракъ ночи и свѣтъ дня—созданія одного и того же Бога, что при Единомъ не можетъ быть противоположнаго двойства, что въ развитіи жизни и заключается истинная жизнь. Ихъ пошлые выводы основываются на мысли о пошлой неподвижности, при которой грѣшить все, что идетъ дальше. Легкомысленныя дѣти, они видятъ въ своихъ играхъ начало и конецъ человѣческихъ дѣйствій; бессмысленные старцы, они угромо смотрятъ на новое поколѣніе, ставшее къ нимъ спиною. По ихъ основанію, достаточному только для ихъ муравейника, неправильно то, чего нельзя подвести подъ правила ихъ логики, узколобой, ограниченной какъ-нельзя-больше и замкнутой на вѣки-вѣковъ ихъ собственной, робкою волею. Летитъ паровозъ — они плачутъ объ извозчикахъ; строится желѣзная дорога—они рыдаютъ о прежнихъ дорогахъ. Каждое новое изобрѣтеніе, каждое новое усиліе мысли приближаетъ, по ихъ мнѣнію, антихриста. Что за страшные, что за темные люди... я хотѣлъ сказать: совы!

Зло, если ихъ послушать, такъ рас-

пространилось, что неизбежны радикалы противъ него ибры. Они, пожалуй, готовы объявить акціи на постройку ковчега, въ которомъ, безъ сомнѣнія, найдутъ себѣ приличное мѣсто, при всей своей многочисленности. Гдѣ же этотъ ковчегъ спасенія? Г. Морозовъ видитъ его въ Местрѣ (т. е. де-Матрѣ), Генудѣ (читай: Женудѣ), Шатобрианѣ, Бональдѣ, Ботенѣ, Генрихѣ Штгаллянгѣ, который съ удивительною ясностію опровергалъ философію 18-го вѣка, и въ А. С. Стурдзѣ, занимающемъ въ свѣтскихъ людей первое мѣсто на этомъ поприщѣ, т. е. на спасеніи грѣшныхъ отъ умственного движенія. Во главу писателей, которымъ принадлежитъ честь спасенія, г. Морозовъ ставитъ Местра, потому что его *Soirées de S. Pétersbourg* и разборъ Баккона обратили многихъ на путь истинный. И это не могло быть иначе: краснорѣчіе, сила логики и рѣзкость эпитаграммы страшныя орудія для души, и ими богаты творенія Местра, — Местра, который хотѣлъ обновить міръ полками іезуитовъ и легионами валачей. Хорошъ христіанинъ, вооружающійся эпитагмой! Рѣзкость эпитаграммы, сколько всѣ ее понимаютъ, противорѣчатъ той любви, которая, по словамъ г. Морозова, служитъ основаніемъ всей нравственной дѣятельности. Впрочемъ, у такихъ обновителей челоѣчества, каковъ господинъ де-Матрѣ съ братією, противорѣчіе — самая ходячая монета.

Пробѣжавъ брошюрку г. Морозова, мы ясно видимъ, что ученіе его вовсе не новое: іезуиты, изгнанные и изгоняемые отсюду, давно говорили то же, только говорили лучше. Этимъ только можно истолковать, почему авторъ съ особенной похвалою отзывается объ Игнатіи Лойолѣ и Францискѣ Ксавьѣ. Но намъ, дадимъ отъ іезуитизма, хотѣлось бы одного: не жить въ мірѣ (соотраи Боже!), а взглянуть на міръ, обновленный необыкновенными явленіями въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы говорили. Любопытная была бы картина!

329) Ученіе о Жизни вообще и о жизни челоѣка въ-особенности, какъ такомо предметъ, на которомъ утверждается врачевная наука: Опытъ наблюденія медицинскихъ поклій о челоѣкѣ со вкушеніями святой вѣры и зрѣвой философіи. Сочиненіе Ивана Зацепина. Часть 2. Москва. Въ тип. скоропечатанія В. Кирилова. 1845. Въ 12-ю д. л., 476 стр.

Ученіе г. Зацепина такъ оригинально, что мы отказываемся промолчать о немъ какое-либо сужденіе; но вместо этого представимъ краткое его изложеніе, пользуясь преимущественно словами самого автора. Извольте выслушать:

Взяла жена муки и замѣсила тѣсто. Тѣсто вошло; жена свалила въ него хлѣбы и посадила въ печь. Испеклись хлѣбы въ пищу ей и ея семейству. Подобны тому всѣ умныя дѣятія челоѣческа: они большею частію скорыстныя. — Мѣситъ мертвая природа пылинки вещества и вытѣсила изъ нихъ чужое тѣсто — золотую руду. Собрала она эту руду руками разныхъ существъ и свергла ее въ разжженную печь; растопила ее и вылила золотого идола, и заставила вложиться ему мертвыхъ чадъ своихъ — язычниковъ и деиствоѣ. Красивъ и вельчавъ идола, и сіяеть, какъ жаръ, отраженнымъ свѣтомъ; но глухъ, и тѣлъ, и неподвиженъ. Такова работа мертваго начала въ природѣ.

Въ вещественномъ мірѣ совершеннѣйшая матерія есть металлъ, особливо серебро и золото. Въ духовномъ мірѣ совершеннѣйшее существо есть челоѣкъ, т. е. то, что г. Зацепинъ въ своемъ энергическомъ языкѣ, называетъ духовною единицею. Она есть тѣ же въ духовномъ мірѣ, что серебро и золото въ вещественномъ мірѣ. Это между прочимъ, доказывается и тѣмъ, что въ св. писаніи избранный народъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ именуется серебромъ и золотомъ (стр. 35). Главныя принадлежности духовнаго существа челоѣка (духовной единицы) суть чувствованіе, мышленіе и достиженіе.

Каждое изъ постижений дѣйствуетъ на существо человѣка особеннымъ образомъ: чувствованіе — горячить, мышленіе — кичить, вѣрованіе — смиряетъ. До совершеннѣйшаго, т. е. при выступленіи живой единицы изъ организационной сферы мышленія, ей представляется фантамагорія формъ, за которыми человѣкъ такъ-сказать гоняется и самъ волюнѣ сохраняетъ извѣстную форму: это періодъ эстетичности. Въ совершеннѣйшій, собственная форма человѣка начинаетъ увядать, фантамагорія формъ передъ нимъ уклоняется, и онъ въ душевномъ отношеніи становится скрытнѣе: это періодъ философии. Старость есть періодъ святыхъ ощущеній, — *этичскій*. Съ чего взяли г. философы увѣрять насъ, что съ совершеннѣйшимъ упадаютъ всѣ силы словѣска? не все существо человѣка принадлежитъ планетѣ, и потому кругъ жизни совершается иначе. Въ доказательство возьмемъ большой листъ бумаги и напишемъ на немъ весь родъ человѣчскій: на одной сторонѣ людей ю совершеннѣйшій, а на другой людей ю совершеннѣйшій. Въ которомъ ряду больше высшей дѣятельности? Мыкажется, въ послѣднемъ, и даже такъ, то первый рядъ можно назвать женскимъ, а второй мужскимъ (стр. 46). Новѣйшіе философы ослабили почтеніе къ старшимъ. Это, кажется, они взяли со скотовъ, которые, какъ нагонящіе натуральные философы, дѣйствительно непочтительны къ своимъ гаршиямъ. Новѣйшая же философія въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ опровергаетъ монашество, то неправильно, ибо монашество въ природѣ человѣка. Старикъ съ полнымъ развитіемъ духовнаго чувства монахъ по естеству; онъ весь представляется въ священнѣйшій органъ или роглифъ, поучающій общество выкинемъ лобастямъ тѣры. Психическіе сачели протестантскаго исповѣданія хотятъ доказать неестественность монашескаго состоянія тѣмъ, что нѣкоторые анахореты не могли преодолѣвать влеченія къ женскому полу,

какъ себя ни мучили. Такое ученіе есть смѣсь правды съ ложью, или, какъ-бы сказать, лекарство изъ адской смолы въ парномъ молокѣ природы (стр. 49). Въ политическомъ тѣлѣ можно замѣтить такіа же разности, какими отличаются въ индивидуахъ полъ, возрастъ и вѣшняя дѣятельность. Касательно половыхъ разностей, должны существовать между государствами такіа отношенія, какія были между хитрою, болтливою Греціею и мудрымъ, молчаливымъ Римомъ въ языческомъ мѣрѣ. Весь родъ человѣчскій можно раздѣлить на три полосы народовъ: чувственные, душевные и духовные. Возрастовъ человѣческаго рода также три: чувственный, душевный и духовный. Къ чувственному принадлежатъ Ассиріяне (народъ духовнаго качества), Египтяне (народъ душевнаго качества), всѣ прочіе (народы чувственнаго качества). Отдѣльно отъ нихъ: сѣмья авраамова — Израильяне. Къ душевному относятся: Римляне (духовный народъ), Греки (душевный), всѣ прочіе (чувственные); между ними сѣмья авраамова (новые христіане). Къ духовному возрасту: Россіяне (духовный народъ), Западныя Европейцы (душевный), всѣ прочіе (чувственные); въ нихъ же и они же сами сѣмья авраамова: отъ Исаака — утвердившіеся христіане, отъ Измаила — измаильяне (56 — 58). Человѣкъ душевный и духовный представляютъ человѣка преобладающаго. Преобладаніе вообще возможно: силою и прелестью, или мудростью и хитростью, или мужскими и женскими качествами. Не то ли значитъ: *сильные суть жовны* (хитрость и прелесть — женскія качества), *каже жее всѣхъ побѣждаетъ истина* (мудрость и истина — мужскія качества)? (стр. 59). Весьма замѣчательно, что народы душевныхъ свойствъ отличались чрезвычайнымъ киченіемъ и превозношеніемъ, ибо мышленіе кичить. Страшный западный колоссъ раздробился о русскую грудь. Этотъ колоссъ или массу изъ разныхъ племенъ г. Зацепивъ представляетъ

точно такъ, какъ образъ и судьбу тѣла, видѣннаго Навуходоносоромъ, а наше отечество, какъ камень, отторгшійся отъ Алаунской-Горы и поразившій тѣло въ ноги (стр. 66). Въ древней Иудей былъ Иерусалимъ, святая гора, и на горѣ храмъ Спасителя. И въ христіанской Иудей есть новый Иерусалимъ — Москва, есть святая гора — Алаунъ, и есть храмъ Спасителя на Алаунской-Горѣ, въ новомъ, христіанскомъ Иерусалимѣ (стр. 73 и 74). Руководствуясь такими началами сужденія, г. Зацепинъ примѣняетъ 47-й вселомъ къ Россіи и толкуеть его (стр. 75 — 78). При разсматриваніи природы и челоѣка представляются намъ четыре міра, имѣющіе поразительное сходство въ своемъ устроеніи и управленіи: а) міръ тѣла челоѣческаго, б) міръ духа челоѣческаго, с) міръ стихійный, д) міръ челоѣческаго рода. Во всѣхъ четырехъ мірахъ есть земля и небо, и во всѣхъ видно дѣйствіе злаго начала (зль). Г. Зацепинъ дѣлаеть между ними сравненія.

Земля.

Первое сравненіе.

Въ тѣлѣ — кровь.

Въ духѣ — токи мыслей.

Въ стихійномъ мірѣ — четыре стихіи.

Въ челоѣческомъ родѣ — рѣчь (стр. 85).

Второе сравненіе.

Въ тѣлѣ — кровавые шарки или пузырьки

Въ духѣ — отдѣльныя мысли.

Въ стихійномъ мірѣ — стѣна или верна.

Въ челоѣческомъ родѣ — слова или мысли, облеченныя словомъ (стр. 87).

Третье сравненіе.

Въ тѣлѣ — существо плоти или система волосныхъ сосудовъ.

Въ духѣ — душа или сердце челоѣческое.

Въ стихійномъ мірѣ — разработанная земля, пашня или шива.

Въ челоѣческомъ родѣ — множество людей или общество челоѣческое (стр. 88).

Четвертое сравненіе.

Въ тѣлѣ — органы чувствъ.

Въ духѣ — страсти.

Въ стихійномъ мірѣ — зѣбра.

Въ челоѣческихъ — народы амычскіе (стр. 90).

Низво.

Пятое сравненіе.

Въ тѣлѣ — мозгъ.

Въ духѣ — умъ (не разумъ).

Въ стихійномъ мірѣ — солнце.

Въ челоѣческихъ — Христосъ, солнце правды (стр. 91).

Шестое сравненіе.

Въ тѣлѣ — становаая жила съ малымъ мозгомъ.

Въ духѣ — разумъ или умъ подъ влияніемъ страстей.

Въ стихійномъ мірѣ — луна.

Въ челоѣческихъ — наука или посвященіе, обрадованность (стр. 95).

Седьмое сравненіе.

Въ тѣлѣ — нервные узлы отъ мозга и становой жилы.

Въ духѣ — свѣтлая, безотчетная мысля или идея.

Въ стихійномъ мірѣ — заѣды.

Въ челоѣческомъ родѣ — великіе, оригинальные люди (стр. 101).

Азль.

Восьмое сравненіе.

Въ тѣлѣ — начало болѣзни и смерти.

Въ духѣ — начало жви и лукавства.

Въ стихійномъ мірѣ — начало разрушительное.

Въ челоѣческихъ — духъ востроенія, азій древній (стр. 102).

Одна образованность унижаетъ, убійственна для дута челоѣческаго.

Представьте себѣ, велико ли будетъ совершенство челоѣка, если отвѣтъ у него святая надежды и обратитъ ео,

какъ въ русскихъ сказкахъ, (называетъ) въ облизанную блудливую кошкѣ!

Такой идеалъ челоѣка не есть образъ Божій, а славянский, обитый, изуродованный истуканъ въ образѣ животнаго (стр. 123). Какъ это грубо! съ-

жетъ какой-нибудь вольнодумецъ думать, что челоѣкъ, разумное созданіе, цѣтъ природы, будетъ обреченъ

на погибель и даже на мучение по смерти! И чѣмъ овъ виноватъ, что родился отъ Адама?—Но, милостивый государь, чѣмъ виноватъ тараканъ, что родился отъ таракана, и змѣя, что родилась отъ змѣи? — а ты ихъ давишь! Что жъ ты самъ дивишься тому, чадо проклятiя, что тебя задавятъ, если ты, гордостiю смердящiй червь, въ ожесточенiи своемъ отвергнешь чашу спасенiя? (стр. 131). Значенiе и роль Наполеона не все понимаютъ такъ, какъ наши легкомысленные поклонники его образа, часто выставляемаго въ видѣ знаменъ въ выступающихъ на насъ полчищахъ западныхъ идей. Утверждаютъ заѣрное, что овъ, вращая въ своей душѣ гигантскiя мысли, часто проговаривалъ о себѣ, какъ о предтечѣ антихриста. Сама знаменитая Сталь, описывая, какъ Кутузовъ отправлялся къ русской армiи, говорить: возлагалось на него вырвать все сiн блага (добродѣтели, достоинство, независимость) изъ когтей (des griffes; чудовища Наполеона. (стр. 137 и 138). Стоитъ призадуматься надъ этомъ всякому Христiанину! Бетати о Наполеонѣ. Не будь его, другой бы занялъ его мѣсто. изъ нѣсколькихъ милiоновъ людей можно было выбрать человека по мысли. Слово: Наполеонъ былъ не болѣе, какъ орудiе революционной системы. Самъ собою овъ не много бы сдѣлалъ. Посему бессмысленной только толпѣ свойственно благоговѣть предъ громкой личностью Наполеона (стр. 171).

Мы не прибавили отъ себя ничего. Мы передали только то, что говорить. Зацепивъ.

330) Башня Вселуха (.) или Смоленскъ и Жители его шестидеять лѣтъ назадъ. Соч. смоленскаго тарожника Ф. Ф. Э. Санктпетербургъ. Въ тив. К. Жернакова. 1845. Въ 8-ю л. 78, 58 и 42 стр.

Этотъ романъ, или эта повѣсть была напечатана въ одномъ журналѣ нынѣшняго года, съ примѣчанiемъ отъ редакцiи, что двѣ остальные части

этого разсказа значительно сокращены и измѣнены ею, т. е. поправлены, потому-что талантъ автора опоздалъ цѣлымъ полувѣкомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, еслибъ этотъ разсказъ былъ напечатанъ въ свое время, хоть лѣтъ двадцать пять назадъ,—онъ имѣлъ бы значительный успѣхъ; но теперь... теперь мы еще понимаемъ его появленiе въ журналѣ, во изданiя его особую книгу теперь трудно объяснить чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ того, что это тѣ же листки изъ журнала, припечатанные на долю автора, съ тремя новыми заглавными листками и съ исключенiемъ не очень-лестнаго замѣчанiя отъ редакцiи, о которомъ мы сказали выше. Еще сплетенiя разныхъ не совѣтъ-вѣроятныхъ приключенiй на-маверъ г-жи Радклиффъ, разсказаны въ этой странной повѣсти довольно-складно; но характеровъ, творчества—нѣтъ и признаковъ.

331) Прощанье. Санктпетербургъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 4 стр.

Нѣкто, выходя въ отставку, стихами прощается съ товарищами по службѣ. Стихи недурны, хотя они и совсѣмъ не стихи, потому-что въ нихъ не соблюдены правила версификацiи; нѣсколько страдаютъ они также и недостаткомъ смысла, но за то исполнены чистѣйшей нравственности, и однимъ словомъ — очень-хорошiе стихи. Вотъ для образчика:

Есть и такіе люди въ свѣтѣ,
Что васъ видятъ лишь при свѣтѣ
А потухнетъ лишь заря,
Прочь идуть, не говоря.
Такъ тогда должно терпѣть
И у берега должно сидѣть,
Претерпѣвши до конца,
Ждать похвального дѣнца.
Такъ я вѣкъ свой прослужилъ,
Честь въ награду получалъ,
Не боюсь клеветниковъ,
Хоть имѣй кто сто умовъ.

Очень-хорошо! И служили вы, г. сочинитель, славно, и стихи чудесно пишете!

332) РЕВЕРЕНЦІЯ НА СТАНЦІИ (.) или ДОБРОМУ СЛУЖИТЬ СЕРДЦЕ ЛЕЖИТЬ. *Анекдотическій водевилъ въ одномъ дѣйстви, представленный въ 1827 году, 29 октября, въ селѣ Рожестекъ, имѣни свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Москва. Въ тип. Августа Семена. 1845. Въ 8-ю д. л. VI и 59 стр.*

Представленіе этого водевиля было сюрпризомъ, внушеннымъ разнымъ лицамъ признательностію и любовью къ князю Д. В. Голицыну. Поквальное чувство, заставившее кого-то издать эту, саму-по-себѣ ничтожную пьесу, увольняетъ критику отъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій о ея эстетическомъ достоинствѣ.

333) Остроты и Анекдоты знаменитаго юмориста М. Г. Сафира. *Переводъ съ нѣмецкаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Ильи Глазунова и комп. 1845. Въ 16-ю д. л. 66 стр.*

Для кого, для чего и какъ издаются у насъ живогія книги?—Для Толмучаго-Рынка, изъ денегъ и очень дурно — вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Человѣкъ переводить остроты и анекдоты знаменитаго юмориста Сафира — и не считаетъ нужнымъ сказать своимъ читателямъ, кто такой этотъ Сафиръ! Сафиръ — вѣнскій острожъ, издатель *Гумориста* и другихъ острословныхъ журналовъ. Что касается до его остро-

умія, — для Нѣмцевъ, особенно вѣнскихъ, оно очень-удовлетворительно; а въ Парижѣ оно было бы очень-пошло. Даже въ Петербургѣ, оно благополучно сходило бы съ рукъ только разитъ въ російскихъ водевиляхъ. Стоило переводить и издавать такой вздоръ!

334) Оцѣнчившій Любопытнѣ. *Романъ. К. Поль-де-Кокка. (L'Amourgeux (ransi). Москва. Въ тип. Н. Снегачева. 1845. Четыре части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 166, во II-й — 188, въ III-й — 202, въ IV-й — 176 стр.*

«Расейскіе» переводчики, на долю которыхъ достался бѣдный Поль-де-Кокъ, — или, какъ называется это переводчикъ, Поль-де-Кокъ, — великосердо уродуютъ его, особенно теперь, когда для Поль-де-Кокка возникла на Руси уже другая публика, простодушная и полуграмотная, — слѣдовательно, снисходительная и добрая. Мелкіе книготорговцы заказываютъ переводить Поль-де-Кокка людямъ, которые не знаютъ ни по-французски, ни по-русски, но за то дешево берутъ — отъ полтины до полутора рубля серебромъ, не больше. *Оцѣнчившій Любопытнѣ*, котораго всякій сколько-нибудь грамотный переводчикъ назвалъ бы *Робкимъ Любопыткомъ*, переведенъ по-видимому однимъ изъ такихъ переводчиковъ. Это переводъ-чудовище!

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Сивилла, или дѣя Наций, соч. д'Израэли; — Исторія принца Карла Стурта, извѣстнаго подъ именемъ «молодаго претендента», съ описаніемъ возмущенія, бывшаго въ 1745 году, К. А. Клозе; — Жизнь лорда Гилля, соч. Э. Сиднея; — Правила и Мнѣнія герцога Веллингтона, извлеченныя изъ его сочиненій и рѣчей въ продолженіи болѣе нежели пятидесятилѣтней государственной жизни, Г. Френсиса; — Военная Исторія Иравадцевъ, М. О'Конора; — Исторія Завоеванія Мички, Уильяма Прескотта.

Civil or the two nations. By d'Israeli.
3 vols (Сивилла или дѣя націй. Соч.
д'Израэли. 3 тома).

Въ началѣ нынѣшняго года («Отеч. Зап.» кн. 3) говорили мы о романѣ д'Израэли «Кинигсби», надѣлавшемъ много шума не только въ Англіи, но и во всей читающей Европѣ. Теперь вышелъ въ свѣтъ другой романъ того же автора, написанный въ томъ же духѣ, и съ такою же благородною, хотя, по мнѣнію нѣкоторыхъ умныхъ, и, конечно, достаточныхъ людей — бесполезною цѣлью.

«Кинигсби» имѣлъ цѣлью уяснить и обратить общее вниманіе на происхождение и организацію политическихъ партій въ Англіи. Въ «Сивиллѣ» авторъ шагнулъ далѣе: онъ показываетъ плоды этой организаціи, взаимное отношеніе и положеніе двухъ классовъ народа: бѣдныхъ и богатыхъ.

Мѣтко и справедливо назвалъ авторъ эти два класса двумя націями. Они чужды другъ другу болѣе, нежели Китаецъ чуждъ Французу; образъ изъ жизни, понятія о справедливости, желанія, надежды, все противоположно; и при

всемъ томъ они часто касаются другъ друга,—какъ хлѣбъ и зубы.

Самъ авторъ очень-положительно высказалъ цѣль своего творенія. Годъ тому назадъ говоритъ онъ: «я издалъ сочиненіе, цѣлью котораго было обратить вниманіе публики на наши политическія партіи, ихъ происхожденіе, исторію и теперешнее положеніе. Въ вѣкъ политическаго вѣроломства, мелкихъ страстей и мыслей, я хотѣлъ сказать возникающему поколѣнію: не отчаивайтесь! въ истинномъ познаніи отечественной исторіи, въ энергіи героической юности ищите элементовъ народнаго благосостоянія. Настоящее сочиненіе—другой шагъ на той же дорогѣ. Отъ положенія партій оно должно обратить вниманіе публики на положеніе народа, управляемаго этими партіями въ-продолженіи двухсотъ лѣтъ. Понять это положеніе и найти средства къ его исцѣленію, можно только изъ того же источника: только прошедшимъ можно объяснить настоящее, только юношество можетъ улучшить будущность. Писанная исторія послѣднихъ десяти царствованій—чистая ложь: причинамъ и послѣдствіямъ государственныхъ событій давъ характеръ, нисколько не сходный съ истинною. Все названо и изображено не такъ, какъ было на дѣлѣ: олигархія названа свободою; исключительное поповство національною церковью; государемъ названо лицо, почти вовсе безсильное, тогда-какъ неограниченная власть была въ рукахъ тѣхъ, которые выдавали себя за служителей народа. Въ самолюбивой борьбѣ партій, два великія начала вычеркнуты изъ исторіи Англіи: монархъ и народъ; съ уменьшеніемъ власти короны исчезали и привилегіи народа, такъ-что скинтрикъ сдѣлался законцемъ игрушкой, а подданные переродились въ рабовъ.»

Эти слова доказываютъ, что д'Израэли нисколько не имѣлъ притязанія написать романъ, принимая это слово въ художественномъ его значеніи. Здѣсь, какъ и въ «Квинтсби», сочиненію чисто-политическому дана только фор-

ма романа. Хотя критика, въ-свѣдѣніе всего этого, не имѣетъ права разсматривать сочиненіе д'Израэли съ точки зрѣнія искусства,—должно однакожъ сознаться, что авторъ умѣлъ соединить повѣсть съ политикой и создалъ-если не великое цѣлое, то по-крайней-мѣрѣ рядъ сценъ, живо и вѣрно выходящихъ изъ дѣйствительности.

Многіе, какъ мы уже сказали, думаютъ, что цѣль, съ которою написанъ этотъ романъ, бесполезна. Они заключаютъ такъ: кромѣ шума словъ «Квинтсби» и «Сивилла» не имѣли до-сихъ-поръ никакихъ послѣдствій; следовательно, цѣль не достигнута, и трудъ былъ бесполезенъ. Но такое заключеніе слишкомъ-поспѣшиво и опрометчиво: «Квинтсби» и «Сивилла» появились еще очень-недавно; они, конечно, ничего не измѣнили въ общественномъ порядкѣ Англіи; но кто знаетъ, на какія новые мысли навели они тѣхъ, которые не читаютъ ничего, кромѣ романовъ, и потому были до-сихъ-поръ совершенно-чужды всякихъ взглядовъ на взаимное отношеніе разныхъ сословій? Кто знаетъ, на какую почву падеть съи и какіе плоды принесетъ оно? Это можетъ показать только время. Зачѣмъ же преждевременно, съ насмѣшливою улыбкою говорить: «напрасно вы шумите!» Еще болѣе: зачѣмъ утѣкаться пристрастіемъ и прѣсною любовью къ извѣстности чего бы то ни было; дѣлать умышленно видѣть въ стремленіи автора только желаніе напумкать и отрицать въ немъ убѣжденія и добросовѣстность? Не доказываетъ ли это скрѣпе, что онъ высказывалъ неартистъ кое-кому истинны?

А такъ встрѣтили и некоторые новое сочиненіе д'Израэли. Не здѣсь вѣсто-рѣшить вопросъ: ошибается онъ или нѣтъ въ своемъ возвращеніи на современное положеніе своего общества; голубы, не объявляя себя безусловными партизанами его образа мыслей, готовы пристать къ болѣе-тушанному мнѣнію тѣхъ, которые въ стремленіи автора видятъ добросовѣстное желаніе улучшить то, что онъ считаетъ дурнымъ.

Не станемъ рассказывать содержания романа, впрочемъ очень-несложнаго. Истинное достоинство его не въ запутанности интриги, а въ вѣрности изображенныхъ сценъ. Характеры очерчены рѣзко и всѣ взяты изъ дѣйствительной жизни. Дѣйствующихъ лицъ бездна. Цѣлыя группы народа выведены, какъ представители различныхъ изъ общества, не имѣя, впрочемъ, никакой необходимой связи съ содержаниемъ повѣсти. Они только отдѣляютъ различные классы, которые хотѣлъ изобразить авторъ.

Изъ всѣхъ сочиненій, гдѣ выведенъ на сцену трудящійся классъ Англии, тотъ романъ болѣе всего достоинъ вниманія по ясности и вѣрности очерковъ. Изъ него иностранецъ узнаетъ причины народнаго неудовольствія дѣйствіе ихъ на нравственность народа лучше, нежели изъ сотни докладныхъ записокъ разныхъ комитетовъ по тому предмету.

Кстати: почему упомянутые поритатели не возстаютъ на эти комитеты, которые такъ же, какъ и романы Маршалла, не имѣли никакихъ дѣйствительныхъ слѣдствій?..

Здѣсь, въ романѣ, вы лицомъ-къ-лицу встрѣчаетесь съ работникомъ, гнущимся подъ бременемъ труда; вы видите, какъ подавлено въ немъ все человѣческое, исключая сознанія своего патетическаго положенія, какъ не снять изъ него чувство несправедливости и жажду мести. Въ его жаркомъ желаніи справедливости, въ его тонкомъ пониманіи, лишающаго его надежды раздѣль съ прочими право гражданства, способности его во всему лучшему, страсти, съ которою гонится онъ за тою улучшеніемъ, рѣшю маянущемъ его на горькой жизни, вы видите, чѣмъ въ бы онъ былъ при другихъ условіяхъ, и какъ близко граничатъ его потребности съ врожденнымъ стремленіемъ къ лучшему. Измощенный, угасшій, боязливый воръ, да долготого страданія, складъ рѣчи, да оригинальный, вѣроу-что это къ глубокому-загнаннымъ чувствамъ,

часто сильный, потому-что онъ выраженіе глубокаго убѣжденія,—вотъ черты, которыя вы найдете въ этой грустной, но вѣрной повѣсти.

«Сивилла»—замѣчательнѣйшее изъ повѣстныхъ явленій въ английской бельетристикѣ. За тѣмъ важнѣйшія сочиненія по части исторической:

MEMOIRS OF PRINCE CHARLES STUART, commonly called «the young pretender». With notices of the rebellion in 1745. By C. L. Klose. (Исторія принца Карла Стюарта, известная подъ именемъ «молодаго претендента». Съ описаніемъ возмущенія, бывшаго въ 1745 году, К. Л. Клозе).

Это твореніе—полная біографія замѣчательнаго историческаго лица, жизнь котораго протекала въ самыхъ смѣлыхъ предпріятіяхъ и самыхъ романтическихъ происшествіяхъ. Много разъ выводили Карла Стюарта въ романахъ и повѣстяхъ, но истинная исторія его вычѣмъ не уступаетъ въ внимательности всѣмъ вымышленнымъ. Это сочиненіе составляетъ въ настоящую минуту довольно-важное пріобрѣтеніе английской исторической литературы, потому-что до-сихъ-поръ не было, кажется, въ Англіи ни одной біографіи претендента, основанной на документахъ, и о немъ упоминали въ историческихъ сочиненіяхъ только мимоходомъ. Клозе имѣлъ случай воспользоваться достовѣрными источниками для своей исторіи и составилъ ее не только тщательно, но былъ, по-видимому, одушевленъ своимъ предметомъ. Книга въ высшей степени занимательная.

THE LIFE OF LORD HILL. By E. Sidney. (Жизнь лорда Гилла. Соч. Е. Сиднея.)

Біографъ знаменитаго сподвижника герцога Веллингтона составилъ это сочиненіе по просьбѣ фамиліи Гилла и предоставленными ему же документамъ. Весь интересъ его разсказа сосредоточивается въ фактахъ, извлеченныхъ имъ изъ этого источника; все остальное предоставлено соображенію чита-

теля; авторъ не высказываетъ никакого мнѣнія, никакого взгляда на личность и дѣла героя, который, впрочемъ, можетъ-быть, слишкомъ еще къ намъ близокъ, чтобъ дать вѣрное понятіе о плодахъ его дѣятельности. Гдѣ можно, подробности переданы языкомъ самихъ документовъ, и лордъ Гилль частью самъ рассказываетъ свою жизнь.

Между-прочимъ, въ этой книгѣ есть замѣчательное письмо лорда Веллингтона къ Гиллю, касательно сутэевой «Исторіи Войны на Полуостровѣ». Оно доказываетъ, что не настало еще, кажется, время для совершенно-вѣрной исторіи этого періода. Лордъ Гилль, лично участвовавшій въ этой войнѣ, просили доставить свѣдѣнія, могущія служить матеріалами для составленія исторіи, и онъ обратился къ герцогу съ просьбою позволить сообщить автору инструкціи, полученныя имъ во время войны отъ самого герцога. Герцогъ отвѣчалъ, что онъ слышалъ сторону, что Сутэй собирается писать исторію войны на полуостровѣ, и что еслибъ авторъ обратился съ подобною просьбою къ нему, онъ отвѣчалъ бы ему то же, что отвѣчалъ другимъ, именно: этотъ предметъ такъ важенъ, что нельзя шутить имъ. Впрочемъ, онъ предоставляетъ лорду Гиллю сообщить Сутэю требуемыя бумаги, или нѣтъ, какъ ему угодно; только не желаетъ, чтобъ историку вручили его подлинныя бумаги, и проч.

Лордъ Гилль удержалъ бумаги у себя; многіе изъ документовъ даже сжегъ. Это отчасти причиною, что въ изданной теперь его біографіи содержится меньше матеріаловъ, нежели можно было ожидать.

Въ-послѣдствіи, уцѣлѣвшія бумаги были, съ согласія герцога, изданы въ свѣтъ полковникомъ Гёрвудомъ. Онъ обратилъ на себя въ свое время всеобщее вниманіе и многое объяснилъ въ военномъ поприщѣ знаменитаго полководца.

Теперь вышло другое сочиненіе о Веллингтонѣ, касающееся его гражданской жизни:

MAXIMS AND OPINIONS OF THE DUKE OF WELLINGTON, selected from his writings and speeches during a public life of more than half a century. By G. H. Francis. (Правила и Мнѣнія герцога Веллингтона, извлеченныя изъ его сочиненій и рѣчей въ продолженіи болѣе нежели пятидесятилѣтней государственной его жизни. I. Френсиса).

Кто хочетъ составить себѣ возможно-полное понятіе объ обширной дѣятельности герцога, тотъ необходимо долженъ обратиться къ этимъ двумъ сочиненіямъ. Впрочемъ, истинное приобращеніе читателя будетъ состоять только въ фактахъ, и онъ долженъ съгнѣть на эти два сочиненія, какъ просто на сборники историческихъ матеріаловъ. Взглядъ на личность герцога виситъ отъ образа мыслей того, кто ихъ смотритъ, и, конечно, сборники Френсиса и Гёрвуда, если считать ихъ оконченною картиною политической жизни герцога, гораздо-болѣе несвоевременны, чѣмъ упоминаемая «Исторія Войны на Полуостровѣ». Эта война составляла только эпизодъ въ его жизни, давно-оконченный и въ пробахъ жаждущій теперь никакихъ страстныхъ жемасающихся уже ничьихъ современныхъ интересовъ; книга г. Френсиса, напротивъ, изображаетъ герцога министромъ и государственнымъ членомъ, и участіе его въ дѣлахъ Англии и Европы еще слишкомъ-ошутительно и живо.

Какъ бы то ни было, сборники эти имѣютъ свои достоинства, какъ матеріалъ для будущаго историка.

MILITARY HISTORY OF THE ISLAND NATION, by M. O'Shea. (Военная Исторія Ирландцевъ, соч. М. О'Шея).

Эта исторія начинается съ возстанія Тейрова, въ концѣ царствованія Елизаветы, и кончается утратою миромъ въ 1713 году. Объясъ ея, следовательно, немного-больше ста лѣтъ. Авторъ нѣтъ уже въ живыхъ; можетъ-быть, онъ докончилъ бы свое творчество, представивъ намъ полную исторію,

тавъ ее гораздо-раньше и доведши до нашихъ временъ. Теперь это только отрывокъ. Но это отрывокъ, полный интереса. Авторъ—жаркій поклонникъ всего ирландскаго и противникъ всего англійскаго. Книга его написана живо и увлекательно; по всему видно, что предметъ былъ близокъ его сердцу.

Подвиги Гуга О'Нила, графа Теירוла, давно были любимымъ предметомъ ирландскихъ писателей. Теиронъ былъ авжа и лицемѣръ; прикидываясь самымъ жаркимъ приверженцемъ Елизаветы, онъ всѣми силами раздражалъ народное неудовольствіе, обманывалъ съ партіи одну за другою. А между-тѣмъ, онъ постоянно имѣлъ самое еогравиченное вліяніе на своихъ соотечественниковъ. Причины такого вліянія просты: онъ объявилъ себя защитникомъ ихъ правъ, врагомъ угнетеній; онъ умѣлъ привлечь на свою сторону фанатизмъ духовнаго званія; обращаясь къ толпѣ, онъ обращался къ страстямъ ея; имѣлъ счастливую наружность, тѣлесную силу и военныя дарованія; затруднительное положеніе его было по силамъ его уму. И при всемъ томъ, не смотря на попомъ Испаніи и одобреніе папы, замыслы его рушились.

Еще задолго до возмущенія Теирола, многіе ирландскіе солдаты и офицеры вступили въ службу къ Филиппу II, и были непримиримѣйшими врагами Англій. Они участвовали въ знаменитой Армадѣ въ 1588 году и сражались въ Нидерландахъ за Испанцевъ, а деспотизмъ и инквизицію съ такимъ жесточеніемъ, что сами Испанцы иногда стыдились ихъ. Странно, что ядъ, покинувшіе свое отечество изъ-за тиранніи Елизаветы, въ негодованіи а релігіозное преслѣдованіе, единодушно отстаивали тираннію и нетерпимость въ чужихъ краяхъ. Зло, испытанное ими-самими, не вдохнуло въ нихъ симпатіи къ угнетеннымъ Ирландцамъ. Сначала, правда, нѣсколько ирландскаго войска было въ службѣ Платовъ. Они содержали гарнизонъ въ Девентерѣ; но они же выдали крѣ-

пость Испанцамъ и сами стали въ рядахъ ихъ. При всей привязанности ко всему ирландскому, авторъ не могъ скрыть своего негодованія на такой поступокъ; не умолчалъ онъ и о жестокостяхъ, которыми отличались Ирландцы въ Палатинатѣ, съ 1673 по 1675 годъ. Мало симпатіи пробуждаютъ въ читателѣ подвиги этихъ наемщиковъ.

Послѣ революціи 1688 года, Ирландцы не только приняли сторону Якова у себя въ отечествѣ, но и послали три полка въ помощь Французамъ противъ Вильгельма. Эти полки были верно ирландской бригады, принимавшей дѣятельное участіе во всѣхъ войнахъ Франціи съ 1690 года до утретскаго мира, которымъ оканчивается сочиненіе О'Ковора. Эти войны были на родъ храбрыя, но не особенно блестящія съ тѣмъ, и непонятно-жестокій.

Во время войны за испанское наслѣдство, Ирландцы оказали много услугъ Франціи и Испаніи. Они спасли Кремону изъ рукъ принца Евгенія; при Лузарѣ, они спасли Французовъ отъ совершеннаго уничтоженія. Марльборо встрѣчалъ въ нихъ страшныхъ враговъ, и побѣды его доставались ему дорого,—дороже, нежели онъ сдѣлалъ. Въ Испаніи, они являются уже не тѣми. Это понятно: въ Италіи и Нидерландахъ они сражались подъ предводительствомъ лучшихъ французскихъ маршаловъ и съ лучшими войсками Европы. Они сдѣлались ветеранами, образованными въ лучшей военной школѣ. Но въ Испаніи Ирландцы состояли большою частью изъ дезертировъ англійской арміи, не выкупивъ измѣны своей воинскими доблестями. Какъ союзники и какъ враги Филиппа V, они равно грабили и опустошали Испанію.

Вотъ краткій очеркъ исторіи О'Ковора. Книга чрезвычайно-любопытная и написанная съ жаромъ.

History of the Conquest of Mexico. By William Prescott. (Исторія Завоеванія Мексики. Уильяма Прескотта).

Прескоттъ уже давно извѣстенъ какъ авторъ многихъ историческихъ сочиненій. Завоеваніе Мексики однимъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ романтической исторіи среднихъ вѣковъ. Не говоря уже объ историческомъ достоинствѣ книги, она, какъ живой рассказъ, выдержитъ сравненіе съ лучшими романами. Конечно, «Завоеваніе Мексики» не столько значительно въ отношеніи важности фактовъ, и по историческимъ взглядамъ своимъ не можетъ равняться съ «Исторіею Фердинанда и Изабеллы», но его прочтеть большее число людей и съ большимъ интересомъ.

Желая короче познакомить читателей съ этимъ сочиненіемъ, представимъ здѣсь краткій его очеркъ. Въ этомъ интереснѣйшемъ событіи, даже и этотъ краткій очеркъ долженъ пробудить желаніе прочесть книгу Прескотта.

На южной оконечности материка Сѣверной-Америки, недалеко отъ Даріенскаго-Перешейка, почти въ равномъ разстояніи отъ Атлантическаго-Океана и Мексиканскаго-Залива, находится живописная долина Мехико. Окружность ея около 67 миль; въ центрѣ—четыре большія озера, занимающія около одной десятой ея поверхности, и имѣющія между собою сообщенія, или отдѣленныя другъ отъ друга узкими перешейками. Центральное, самое большое озеро, Тецкуко, неправильной формы. Южный край его отдѣленъ вершинами отъ озера Хокьякалко, урнаго и длиннаго, вытянутаго по направлению отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Остальные два озера, Халтоинитъ и Калко, отдѣлены плотинами, первое отъ сѣверной оконечности Тецкуко, а второе отъ южной оконечности Хокьякалко. На островѣ, близъ западнаго берега озера Тецкуко, возвышалась, въ началѣ XVI столѣтія, столица Мексики. Три широкія, искусственныя плотины соединяли ее съ берегомъ. Одна шла къ сѣверу, другая на западъ, третья на югъ; эта послѣдняя

раздѣлялась съ половиною на двое, и примыкала концами своими къ берегу по обѣимъ сторонамъ дороги, ведущей къ озеру Хокьякалко. На сѣверо-восточной оконечности озера Тецкуко, стоялъ городъ того же имени. Жители его считались союзниками, но на дѣлѣ были, въ эпоху рассказываемаго намъ происшествія, подланными своихъ вѣгущественныхъ сосѣдей.

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ слѣдовать за остроумными предположеніями Прескотта о происхожденіи мексиканской цивилизаціи. Скажемъ только, что Ацтеки перешли, кажется, сюда съ сѣвера, въ началѣ XIV столѣтія. Городъ Мехико былъ основанъ въ 1325 году. Завоеванія пришельцевъ распространились быстро, и Кортесъ захватилъ уже дѣло съ государствомъ въ 16,000 квадратныхъ миль. Это дѣло было замѣчательно, что самое число завоевателей составляло только малѣйшую часть народонаселенія покоренныхъ земель, не отличаясь отъ подданныхъ ему племенъ большою образцованностью.

Какое состраданіе ни возбуждаетъ въ насъ безвозвратное паденіе храбраго народа; по, читая исторію Прескотта, мы должны сознаться, что Ацтеки были рѣшительно варварское, кровожадное племя. Эту кровожадность поддерживала религія—самая ужасная, какая только встрѣчалась среди дикихъ племенъ. Приношеніе въ жертву людей,—было у нихъ не страшною необходимостью, не средствомъ усмирить развѣтвленное божество, а обыкновенною принадлежностью богослуженія. Незавѣстно навѣрное число жертвъ, ежегодно приносимыхъ идоламъ. Но Испанцы насчитали въ храмѣ Гвиалопокли 136,000 человѣческихъ череповъ; значитъ, въ продолженіе двухъ вѣковъ приносили одному идолу ежегодно по 680 жертвъ!

Съ начала XVI столѣтія ходило между племенами Авагуана предсказаніе, что близко паденіе владычества Ацтековъ. Пронеслись темные слухи о таинственныхъ, неотразимыхъ побѣдѣ-

ми, которые должны были дать им высокое понятие о его силѣ и могуществѣ, но въ то же время запретилъ имъ приближаться къ столицѣ. Это значило показать разомъ свое богатство и безсиліе».

Но еще неизвѣстно, удалось ли бы Кортесу увлечь за собою своихъ товарищей въ опасное предпріятіе — идти въ Мехико. Одно обстоятельство рѣшило дѣло. Въ испанскій лагерь явились послы отъ Тотонаковъ, индійскаго племени, жившаго на сѣверъ отъ Вера - Круза и недавно покореннаго Ацтеками. Они горько жаловались на угнетеніе, просили защиты, обѣщали повиноваться. Кортесъ жадно выслушалъ это извѣстіе. Въ народномъ неудовольствіи онъ увидѣлъ могущественное средство испровергнуть владычество со всею арміею въ Цемпоаллу, главному городу Тотонаковъ; народъ торжественно принять подъ покровительство Испаніи, — то-есть Испанцы свалили мѣлоу и поставили на ихъ мѣстѣ распятіе. На ближайшемъ берегу основана испанская крѣпость или колонія Ла-Вилла - Рика. Нѣсколько посланныхъ отъ Ацтековъ случайно были въ это время въ Цемпоаллѣ и грозили Тотонакамъ гнѣвомъ Монтезумы. Ихъ арестовали и потомъ выгнали изъ города; самую жизнь они были обязаны только заступленію Кортеса. Вскорѣ явилось посольство отъ Монтезумы, кротко изъявившее неудовольствіе его за такой поступокъ и требовавшее объясненія; Кортесъ отвѣчалъ неудовлетворительно и сказалъ въ заключеніе, что прійдетъ въ Мехико объясниться лично.

Такой отвѣтъ, какъ ни былъ учтивъ по своей формѣ, былъ, однако же, явнымъ отрицаніемъ авторитета Монтезумы, прямо объявившаго Кортесу, чтобъ онъ ни приближался къ столицѣ.

Силы Ацтековъ были совершенно неизвѣстны Испанцамъ; предпріятіе во всякомъ случаѣ крайне-опасно: кто могъ ручаться, что отрядъ пойдетъ за предводителемъ? Кортесъ вынудилъ у

шикшеровъ донесеніе, что флотъ не способенъ выступить въ море. Основываясь на этомъ донесеніи, онъ приказалъ преданнѣйшимъ изъ своихъ земляковъ разнести и потопить суда. Армія ничего объ этомъ не знала. Будь эта мѣра принята съ общаго согласія, она и тогда была бы одною изъ самыхъ смѣлыхъ, какія только встрѣчаются въ исторіи. Но опасность, которой Кортесъ шелъ на встрѣчу имѣлъ со всеми, была ничто въ сравненіи съ личною его опасностью, которой подверглась онъ, возбуждая гнѣвъ подчиненныхъ. Испанскія хроникки не рассказываютъ подробностей возмущенія при вѣсти, что возможность отступленія уничтожена самимъ предводителемъ; но они согласны утверждать, что никогда Кортесъ не былъ въ болѣе смѣломъ, но зато и никогда не выказывалъ большей твердости и смелости. Негодование солдатъ скоро утихло, и черезъ нѣсколько часовъ они неотступно просили своего начальника вести ихъ въ Мехико.

16-го августа испанская армія, оставивъ небольшой гарнизонъ въ Вилла-Рикѣ, выступила изъ Цемпоаллы въ Мехико. Войско состояло изъ 15-ти всадниковъ, 400 солдатъ пѣхоты и 1,300 тотонакскихъ воиновъ; при нихъ было семь пушекъ. Нѣсколько дней шли спокойно; Монтезума ужаснулся дерзости и непослушанія Кортеса, и между-тѣмъ, какъ самъ онъ не надѣялся на мужество своихъ подданныхъ, наследственные враги его вступили въ жестокой бой съ пришельцами.

Почти на подорожѣ отъ Цемпоаллы до Мехико находится небольшой гористый участокъ, Тласкала, населенный единственнымъ племенемъ Анагуаковъ, успѣшно-борющихся съ Ацтеками. Тласкаланцы бѣднѣе и грубѣе родственнаго имъ племени Тезоцитланцевъ, но во многихъ отношеніяхъ благороднѣе. Независть ихъ не знаетъ пощады, религіозные обряды ихъ кровавады; но они не злы, пока ихъ не трогаютъ, честны, не вѣруютъ своему слову, храбры и счастли-

вы на войнѣ. На границѣ этой провинціи Кортесъ остановился и послалъ Цемпоалтецъ предложить Тласкаланцамъ союзъ и защиту противъ Монтезумы, врага ихъ. Но Тласкаланцы или не повѣрили его словамъ, или разозлились, что лекарство, вѣроятно, будетъ хуже болѣзни. Съ двуличностью, всецѣлостной характеру, они сказали, что согласны на союзъ съ Испанцами, но въ то же время приняли съ штыря, чтобъ воспротивиться дальнѣйшему ихъ походу. Двѣ арміи Тласкаланцевъ, подъ предводительствомъ именитаго вождя ихъ, Хикотенкатла, одна за другою встрѣтили Кортеса. Мы не можемъ передать здѣсь вполнѣ живаго описанія отчаянной битвы, сартину тласкаланскаго войска, блестящаго золотомъ и драгоценными камнями, его дикаго вожака, ярости, съ которою ринулись они на Испанцевъ, сражая коней и людей ужаснымъ *макатилеме* (*). Завоеватели встрѣчались послѣ большія опасности и несчастія, но никогда не испытывали они такого упорнаго сопротивленія въ чистомъ полѣ. Конница, огнестрѣльное оружіе и дисциплина Европейцевъ дошли наконецъ нестройныя толпы и карей. Тласкаланцы, по настоянію Хикотенкатла, еще разъ покусились атаковать на Испанцевъ върасплохъ, очью; но Кортесъ не дремалъ, и они потерпѣли кровавое пораженіе. Эта сѣбда положила конецъ войнѣ. Тласкаланцы просили мира и пригласили свидѣтелей въ Тласкалу. Съ этого дня, Тласкаланцы сдѣлались преданными союзниками Кортеса.

Здѣсь испанская армія пробывъ недѣлю три и потомъ снова выступила въ походъ съ 6000 отборныхъ тласкаланскихъ воиновъ. Въ Холулѣ, мексиканской Меккѣ, наши всетатели приключеній были приняты очень радушно. Но прозорливые Тласкаланцы уже не разъ предостерегали Кортеса на счетъ вѣроломства Холуланцевъ; те-

перь они донесли ему, что въ городѣ дѣлаются тайныя приготовленія къ уничтоженію его арміи. Это извѣстіе вскорѣ подтвердила жена одного холуланскаго кадика. Кортесъ узнавъ, что на него собираются напасть, когда онъ выступитъ изъ города, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ его кавалерія и пушки не могутъ дѣйствовать. 20,000 Ацтековъ ждали вблизи Холулы минуты, когда надо будетъ подать ей жителямъ помощь. Кортесъ встревожился; казалось, было только одно средство избѣжать гибели — позволить осадить себя въ городѣ. Но онъ еще надѣялся, что ему удастся заманить Индійцевъ къ преждевременному нападенію и поразить ихъ, не подвергаясь большой опасности. Съ этою цѣлью, онъ выпросилъ у Холуланцевъ 2,000 человекъ для переноски багажа, и въ день, назначенный для выступленія арміи, носильщики вступили во дворъ, окруженный храмъ, въ которомъ жили Испанцы. Кортесъ вдругъ обращается къ холуланскимъ кадикамъ и упрекаетъ ихъ въ замышляемой измѣнѣ. Они не успѣли еще опомниться, какъ знакъ поданъ уже солдатамъ. По носильщикамъ сдѣлавъ залпъ, Испанцы съ яростію бросились на ихъ толпу. Услыжавъ объ этомъ убійствѣ, Холуланцы съ яростію выскакиваютъ изъ своей засады и бросаются на храмъ. Но всѣ предосторожности для защиты его были уже взяты Европейцами. Осаждающіе поражены артилеріею, конница тѣснитъ ихъ назадъ, и на отступленіи они встрѣчаютъ Тласкаланцевъ, стоявшихъ лагеремъ внѣ города. Они поражены окончательно.

Нѣсколько дней спустя, Кортесъ оставилъ городъ Холулу и вступилъ въ наследственные владѣнія Ацтековъ. Здѣсь покинули его Тотонакцы. До сихъ поръ они отъ него не отставали и храбро раздѣляли съ нимъ опасности тласкаланскаго похода; но даже надежда на защиту сильнаго пришлеца не могла полатить въ нихъ страха встрѣчи съ оскорбленнымъ Монтезумою. Кортесъ отпустилъ ихъ съ

(*) Родъ двуручнаго меча.

честью, и Испанцы съ Тласкаланцами начали переходить крутую съерру, окружающую долину Мехико. Через два или три дня утомительнаго похода, они увидѣли у ногъ своихъ обѣтованную страну, озаренную яркими лучами тропическаго солнца. Страна была невыразимо - привлекательна: вся страна обработанная и находившаяся въ самомъ изѣтшеснъ состоянн, украшена равнинами подъ и величественными дубовыми и кедровыми лѣсами. Но всему пространству былѣлись города и деревни, выглядывая изъ густой сѣни лѣсовъ или плаваа на глубокой поверхности озеръ. Зрѣлище было такъ неравнотельно и такъ сильно говорило въ пользу могущества Ацтековъ, что слабѣйше духомъ готовѣ были отшатнуться отъ своего предвѣртя; только энергия ихъ бесстрашнаго предводителя могла снова вдохнуть въ нихъ смѣлость.

Испанцы сошли съ горъ и благополучно достигли до Аютотзинко, большаго города у южной оконечности озера Калко. Здѣсь посѣтилъ и привѣтствовалъ ихъ тецлукскнй король, нѣкогда союзникъ и товарищъ мекхиканскаго монарха, теперь сильнѣйшнй изъ его вассаловъ. Онъ провелъ Кортеса по дорогѣ, отдѣляющей озеро Калко отъ Хоквиканко. 8-го ноября Испанцы вышли изъ города Ицтаналавана, гдѣ была послѣдняя лѣвка ихъ, и вступили на восточный рукавъ южной дороги, ведущей въ Мехико. Во время перехода ихъ по плотинѣ, озеро наполнилось людьми, и даже на гребнѣхъ плотины вѣспилось множество зрителей. Ацтеки, гордые своею воинскою славою, вдругъ увидѣли, что горсть врншленовъ осмѣлилась не побояться ихъ могущества. Но Испанцы были не такъ спокойныи духомъ: храбрѣйше изъ нихъ сознавались, что сердце ихъ сжалось, когда затворились ворота холмскаго форта, и они увидѣли себя во власти великаго Монтезумы.

Здѣсь, у воротъ, воздвигнутыхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ южная плотина расходится на двое, армн была встрѣчена

самнмъ Монтезумоу. Онъ былъ въ цвѣтѣ лѣтъ, благообразной наружности. Правильныи черты лица его, кроткое и грустное выражение глазъ, свнкойная осанка, напоминаютъ себю другую жертву испанскаго влстолюбн - Воабдана Эль-Хико, столько похожаго на Монтезуму характеромъ и несчастнми.

Испанцамъ отвели для жнтя длинный рядъ строенн почти въ центрѣ города; это былъ когда-то дворецъ отца Монтезумы, Ахалатла. Здѣсь провели они нѣсколько дней мирно. Монтезума посѣщала ихъ часто; жители доставляли имъ все необходимое.

Но это не могло быть продолжительно. Кортесъ, хотя и не содскнлъ-нѣрво повнлъ характеръ Ацтековъ, однакоже видѣлъ, что присутствн его не можетъ быть для нихъ прнмнмо. Монтезума пророннла нѣсколько словъ, но которыми можно было догадаться о его готовности призвать надъ собою влать Испанн; но если онъ и дѣйствишельно такъ думалъ, было еще очень-рано только, поволать на ему его подданные привести въ исполненн это нѣбрненн. Кортесъ началъ подумывать, какъ бы обезпечнть себя на-счетъ возмущенн туземцевъ. Непрнятная вѣкъ съ берега ускорила дѣло.

Ацтекскнй кащикъ, по имени Куаунопока, напалъ на Вилла - Рнзу и былъ отбитъ только послѣ упорной битвы, въ которой начальннкъ колоннн и нѣсколькю другихъ Испанцевъ потеряли жнзнь. Кортесъ рѣшился возмездоваться этимъ обстоятельствомъ и потребовать, а въ случаѣ необходимости даже и заставить Монтезуму переселиться въ испанскнй кварталъ, то-есть взять его какъ залогъ мирнаго повелння его подданныхъ. Это дерзвое предложение свачала сильно разсерднло Монтезуму. Но грозныи взоры и оружнѣ отважнвшнхъ изъ товарищей Кортеса подкрѣплнли ласковое приглашенн своего начальннка, и Монтезума съ обычною своею робостью и желаннемъ отдалнть споръ или битву, наконецъ согласился. Онъ отправился со

всю свою свитую во дворец Ахакатла, гдѣ и былъ встрѣченъ съ знаками глубочайшаго уваженія. Это событіе совершилось всего только черезъ недѣлю послѣ прибытія Испанцевъ.

Между-тѣмъ, Кваупока былъ лишенъ начальства и приведенъ подъ стражею въ столицу. Здѣсь онъ былъ сужденъ и казненъ; Монтезума торжественно осудилъ его поступокъ. Несчастный каликъ и его соучастники единогласно сложили вину на своего вѣроломнаго государя; Кортесъ, повѣривъ ихъ словамъ, велѣлъ положить на царственного гостя своего оковы. Это былъ порывъ страсти; онъ скоро устыдился своей жестокости и старался загладить ее лестию; но ничто не могло уже возвратитъ мира душъ несчастнаго государя.

Мѣсяца три или четыре послѣ злѣнн въ плѣнъ Монтезумы, все, казалось, благопріятствовало Испанцамъ. Ацтеки продолжали повиноваться своему государю, не смотря на то, что онъ былъ лишень свободы. Монтезуму безъ труда уговорили исполнить свое обѣщаніе и торжественно присягнуть на поданство Испаніи. Какама, королева тецкукскій, протестовала противъ такого уничиженія народной независимости, съсылаясь на принужденіе; его смѣнили и сдѣлали королемъ брата его, пятнадцатилѣтняго мальчика. Одинъ изъ главнѣйшихъ мексиканскихъ храмовъ былъ отданъ Испанцамъ для совершенія ихъ богослуженія; идоловъ удалили, и католическая бѣдня была отслужена въ виду всего народа. Но это слишкомъ-зѣливо задѣло фанатизмъ Ацтековъ. Жрецы ихъ гнались воспаменить ихъ ярость; минута открытой схватки была недалека. Монтезума самъ предостерегъ сванцевъ, что онъ не можетъ защищать ихъ долѣе; что единственная надежда спасенія — уйти немедленно. Кортесъ сдѣлалъ распоряженія къ рѣшительной защитѣ, хотя и не очень вѣрилъ упорному мужеству и мстительности Индійцевъ. Гроза собира-

лась надъ столицей, какъ вдругъ Кортесъ получилъ съ берега извѣстіе о новой неожиданной опасности.

Веласкесъ, своенравный и оскорбленный начальникъ Кортеса, поклялся отмстить ему за его смѣлый поступокъ. Не теряя времени, онъ сварадилъ армию и флотъ; начальство надъ ними вручилъ онъ Панчело де-Нарваезу, человѣку храброму, но аспѣчьчивому и высокомерному. Эта новая армада состояла изъ 18 кораблей, 800 человѣкъ вѣхоты и 80 конницы. 23 апрѣля 1520 года, Нарваезъ прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ Кортесъ потопилъ свой флотъ. Онъ немедленно послалъ въ Вилла-Риуу объявить о давномъ ему полномочіи арестовать Кортеса и потребовать сдачи колоніи. Вилла-Риуу командовалъ ~~Гонсалесъ де-Самора~~ ~~однимъ изъ храбрѣйшихъ, даровитѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ приверженцевъ Кортеса.~~ Онъ сейчасъ же отправилъ посланныхъ Нарваеза въ Мехико за конвоемъ, а самъ, съ горстью своихъ солдатъ, приготовился къ отчаянному отпору.

Такая новость поразила бы всякаго, кромѣ Кортеса. Осажденный среди враждебнаго ему города, онъ вдругъ былъ лишень своей главнѣйшей подпоры — власти, которой до-сихъ-поръ былъ представителемъ. Первымъ дѣломъ его было отправить назадъ посланныхъ Нарваеза съ изъявленіемъ своего дружескаго расположенія, внушивъ имъ, что раздоръ съ Нарваезомъ поведетъ только къ общей гибели. Самъ онъ приготовился къ худшему. Онъ зналъ, что если останется въ Мехико, то рано ли, поздно ли, а будетъ побѣжденъ, потому-что Нарваезъ объявилъ свое рѣшительное намереніе освободить Монтезуму, и весь народъ Ацтековъ, конечно, присоединится къ нему противъ страшнаго *Маллицинца*. Кортесъ рѣшился на отчаянный поступокъ. Онъ очень-хорошо зналъ, что Нарваезъ дѣлится и безпеченъ; что онъ не умѣлъ приобрести нравственнаго вліянія на своихъ солдатъ, которые очень подувывали, какъ бы отрабить

Теночтитланъ, и нисколько не заботились о наказаніи его завоевателей. Онъ звалъ, что совершенная побѣда невозможна, но уже и малѣйшее преимущество передъ соперникомъ открываетъ пути къ интригѣ и возмущенію. Тайный образокъ, ему удастся, думалъ онъ, освободится отъ врага и умножить свою армию его солдатами. Кортесъ уѣхалъ изъ Мехико съ семьдесятю отборными сослуживцами, оставивъ сильный гарнизонъ въ ахакатлскомъ дворцѣ; присоединивъ къ себѣ на пути еще отряда два или три, онъ прибылъ къ берегу съ 266-ю людьми. Смѣлое предпріятіе его увѣчалось такимъ быстрымъ и совершеннымъ успѣхомъ, какого самъ онъ не ожидалъ. Нарваесъ стоялъ съ своимъ войскомъ казнить предосторожностей противъ нечаяннаго нападена. Кортесъ выбралъ темную и бурную ночь, вступилъ въ Цемпоаллу со всѣмъ своимъ отрядомъ, проникъ прямо въ домъ Нарваеса и арестовалъ его со всею свитою. Немногія, слабыя покушенія освободить его были легко уняточены; съ обѣихъ сторонъ пало не болѣе 18-ти человекъ. По утру вся новоприбывшая армія сдалась Кортесу. Одни потеряли бодрость, потерявъ начальника, другіе, конечно, были очень рады предложу поступать подъ команду славнаго Кортеса. Къ-счастью, что все кончилось такъ: еслибъ Нарваесъ одержалъ верхъ и привязалъ начальство въ Мехико, вѣрно ни одинъ Испанецъ не возвратился бы рассказать намъ ужасы печальной ночи.

Едва только успѣлъ Кортесъ устроить дѣла на берегу, какъ изъ Мехико прискакалъ гонецъ съ страшною вѣстью, что непріятельскія дѣйствія начались. На Испанцевъ нападали уже нѣсколько разъ, хотя и не очень жарко; толпа непріятелей быстро возроста, окружая кварталъ Испанцевъ. Опасность была велика; но Кортесъ былъ не тотъ человекъ, чтобъ оставить товарищей безъ помощи. Онъ выѣхалъ изъ Цемпоаллы съ 1,000 людьми

пѣхоты и 100 конницы. 24 іюня онъ прибылъ въ Мехико. Ему безпрепятственно позволили вступить въ городъ; вездѣ замѣчалъ онъ, къ своему ужасу, что туземцы съ мрачною недоумчивостью бѣгутъ съ его дороги. Но обида, нанесенная Ацтекамъ въ его отсутствіе и непримиримое чувство нищеты, далеко превосходили всѣ догадки Кортеса.

Педро де-Альварало, начальствовавшій въ Мехико за отсутствіемъ Кортеса, былъ человекъ храбрый, но неосторожный въ поведеніи, горячаго и отчасти жестокаго нрава. Онъ имѣлъ глупость осквернить храмъ Гвицилопокли убійствомъ, конечно ненужнымъ. Тутъ пало, какъ говорятъ, около 600 Ацтековъ, и въ томъ числѣ многія изъ высшаго званія: слѣдствіемъ было то, что весь народъ всталъ за оружіе. Самъ Альварало могъ разсказать въ свое оправданіе только какую-то невѣроятную сказку о скрытомъ оружіи и замышленномъ нападени. Истинная причина его жестокаго поступка осталась неизвѣстною; развѣ повѣрить нѣкоторымъ испанскимъ историкамъ, которые говорятъ, что цѣлью убійства былъ грабежъ... Эта ужасная вѣсть поразила Кортеса. Онъ молча выслушалъ донесеніе Альварало и отворотился отъ него, сдѣлавъ ему короткій и строгій выговоръ. Но ошибку исправить было невозможно. Наказать виновнаго было бы бесполезно: никакая жертва не могла усмирить ярости Ацтековъ, а храбрость Альварало и вліаніе его на солдатъ были важны для предстоящей борьбы. Оставалось драться на жизнь и смерть; 1,200 Испанцевъ и около 8,000 Тласкаланцевъ должны были выдержать бой съ цѣлымъ народомъ.

Ацтеки легко могли совладѣть съ Альварало и его гарнизономъ; но онъ, кажется, съ намѣреніемъ не дѣлалъ рѣшительнаго приступа, ожидая прибытія Кортеса и надѣясь тогда задушить всѣхъ разомъ. Едва-только узнали, что *Малинтинъ* вступилъ во дворецъ Ахакатла, какъ всѣ улицы города навод-

явились безчисленнымъ множествомъ ратниковъ. На испанскій кварталъ отчаянно напали со всѣхъ сторонъ. Атака продолжалась дней пять или шесть съ ужасною яростью. Къ-счастью, усталый гарнизонъ могъ отдохнуть по ночамъ: суевѣріе Ацтековъ не позволяло имъ нападать ночью. Отъ восхода до заката солнца, осаждающіе не переставали тревожить Испанцевъ металельными оружіемъ; они нападали съ такою яростью, что не разъ кварталъ чуть не былъ взятъ приступомъ. Испанцы держались; тринадцать пушекъ страшно опустошали тучи Ацтековъ; оставшихся въ живыхъ они встрѣчали такъ мужественно, что ни одинъ изъ тѣхъ, которымъ удалось проникнуть за наружныя укрѣпленія, не оставался въ живыхъ. Отчаянныя атаки конницы часто очищали улицы на далекое пространство; этими вылазками всегда предводительствовалъ самъ Кортесъ; цѣлая армія дивилась подвигамъ его въ схваткѣ, и самоотверженію, съ которымъ онъ бросался на выручку товарищей. На третій день осады, увидѣли необходимость вытѣснить непріятеля изъ храма Гвипцилопокли, командовавшаго, по своему положенію, испанскою крѣпостью; триста человекъ бросились на приступъ подъ предводительствомъ самаго Кортеса, не смотря на то, что онъ былъ раненъ. Ацтеки защищались отчаянно, но черезъ три часа храмъ былъ взятъ, и всѣ бывшіе въ немъ Ацтеки перерѣзаны. Чтò значили, впрочемъ, всѣ эти побѣды? Ряды непріятелей наполнялись снова, и мужество ихъ не охлаждало.

Пытались вступить въ переговоры, но безполезно. Ацтеки отвѣчали одно: вся армія должна погибнуть у оскорбленныхъ ею алтарей. Но эти угрозы не столько устрашали Кортеса, сколько очевидно-разумный и спокойный взглядъ непріятелей на свою силу. Мы знаемъ: говорили они: что можемъ побѣдить только послѣ многихъ пораженій и великихъ потерь. Но побѣда рано или поздно будетъ на вашей сторо-

нѣ, и мы готовы заплатить за жизнь каждаго Испанца сотнею нашихъ. Люди, разсуждавшіе такимъ образомъ, были опасные враги, — пораженія не могли уже уронить ихъ духа. Кортесу пришло, однакоже, на мысль, что Монтезума, все еще жившій во дворцѣ Ахакатла, можетъ быть ему полезенъ. Плѣнный государь охотно согласился поговорить въ его пользу; онъ зналъ, что съ уходомъ Испанцевъ возвратится его свобода; побѣда же, одержанная надъ ними безъ его участія, много повредитъ ему во мѣстѣ его воинственныхъ подданныхъ. Поутру на третій день осады, онъ вышелъ на валъ въ царскомъ одѣяніи со всею свитою. Онъ обратился къ осаждающимъ, и сначала они слушали его съ глубокимъ почтеніемъ. Но когда оказалось, что онъ совѣтуетъ примириться съ Испанцами, его прервали съ крикомъ и бранью, пустили въ него тучу стрѣлъ — и Монтезума былъ раненъ. Рана была сама-по себѣ не смертельна; но гордая душа его не могла вынести такого униженія. Онъ умеръ 30 іюня. Испанцы чистосердечно жалѣли о несчастіи своего гостя.

Настоящее положеніе дѣлъ не могло продолжаться. Около трехъ-сотъ Испанцевъ и множество Тласкаланцевъ были убиты или ранены; еще такая недѣля — и они будутъ не въ состояніи держаться въ укрѣпленіи. Слѣстныхъ припасовъ и аммуниціи оставалось немного, а чтò всего хуже, такъ непривыкшіе къ дисциплинѣ солдаты Нарваеза начали выходить изъ повиновенія. Оставалось одно отчаянное средство къ спасенію: прорубиться сквозь непріятелей до Тласкалы. Испанцы рѣшились. Скоро выготовились къ отступленію. Авангардомъ командовалъ Саудоваль; центромъ самъ Кортесъ; аррьергардомъ Альвардо и Веласкезъ де-Леонъ. Отступить положили по западной плотинѣ, кратчайшей изъ трехъ, и ведущей въ городъ Тлапокаль или Табуку.

Въ ночь 1-го іюля 1520 года, столь памятную въ дѣтописяхъ Испаніи по

своихъ ужасанъ, осажденная армія выслушала молебствіе и въ глубокомъ молчаніи выступила изъ ахалкатльскаго дворца. Они безпрепятственно и по видимому ничѣмъ-незащѣченные, прошли черезъ городъ и благополучно вступили на плотину. Плотина была длиною шли двѣ и въ трехъ мѣстахъ прорыта поперекъ. Кортесъ позаботился взять съ собою походный мостъ, и Испанцы безъ труда перешли черезъ первый перекопъ. Но между-тѣмъ подвигалась тревога; большой военный барабанъ Мехиканцевъ завучалъ съ высоты храма Гвигцилопокли; шумъ вѣселъ раздался въ тишинѣ тропической ночи; озеро покрылось безчисленнымъ множествомъ лодокъ, и Ацтеки смѣло начали взбираться на плотину съ обѣихъ сторонъ. Но среди ужасовъ почной схватки Испанцы сохранили все присутствіе духа и мѣрно шли, сражаясь, впередъ; безъ особенной потери достигли они втораго перекопа. Здѣсь началось бѣдствіе. Солдаты съ безпокойствомъ кричали, чтобъ подали мостъ. Но артиллерія, проѣхавъ по мосту, такъ сильно вдавила его въ землю, что небыло никакой возможности освободить его. Эта ужасная вѣсть пошатнула на время даже мужество храбрѣйшихъ ветерановъ: солдаты въ беспорядкѣ бросились въ бродъ; многіе погибли. Легко себѣ представить, какое преимущество имѣли Ацтеки въ лодкахъ надъ людьми, плывущими ради спасенія своей жизни. Только лошади, большая часть которыхъ погибла въ этомъ дѣлѣ, помогли Испанцамъ утвердиться по ту сторону перекопа. Заваливъ воду багажемъ, трупами и всякой всячиной, армія кое-какъ, отражая въ то же время нападеніе, переправилась на другую сторону. Казалось, худшее миновалось, Кортесъ и храбрѣйшіе изъ его сподвижниковъ отбили непріятеля и довольно-скоро успѣли перейти черезъ третій перекопъ. Но скоро замѣтили они, что аррьергардъ не подвигается впередъ. Ацтеки стѣснили его со всѣхъ сторонъ и конечно вържали бы всѣхъ, еслибъ

раженный Альвардо не дѣлалъ нечеловѣчныхъ усилій, чтобъ одушевить солдатъ своихъ. Броситься на выручку ихъ—казалось просто безумствомъ, но Кортесъ не задумался и минуты. Равенный и усталый онъ бросился впередъ съ Салдовалемъ и бывшему при немъ конницею. Онъ доплылъ до мѣста скачки, какъ бѣшеный напалъ на Мехиканцевъ, принудилъ ихъ отступить и далъ большей части вѣхоты возможность спокойно перейти черезъ третій перекопъ. Но непріятель скоро опять соединился; конница потеряла уронъ, пока выходила на твердую землю, и ни одинъ изъ оставшихся не спасся, исключая Альвардо. Онъ едва ли успѣлъ всѣхъ подумавъ переправиться черезъ перекопъ; погубель его казалась неизбежною. Но дошедши до края плотины, онъ сдѣлалъ такой отчаянный скачокъ на другую сторону, что даже яростные преслѣдователи его остановились въ изумленіи. Это мѣсто долго послѣ того называлось «скачкомъ Альвардо». Битва приближалась къ концу. Остатокъ испанской арміи дошелъ до конца плотины, и Ацтеки, потеря которыхъ, должно-быть, была ужасна, не рѣшились продолжать сраженія на твердой землѣ.

Переходъ черезъ такубанскую плетину доказываетъ мужество Испанцевъ лучше самой рѣшительной побѣды въ открытомъ полѣ. Можно было ожидать, что Мехиканцы падутъ духомъ, иди почти-невѣроятное спасеніе Кортеса и его арміи. Но они и безъ того открыто признавали превосходство Испанцевъ, и помня, что единственная надежда на успѣхъ заключается для нихъ въ равнодушномъ перенесеніи поражений. Каждый успѣхъ, какъ ни былъ бы незначителенъ, каждый уронъ, нанесенный непріятелю, чего бы онъ ни стоилъ, даже каждое претерѣваемое ими пораженіе, истощавшее силы Испанцевъ, было причиною лигованія Ацтековъ. Еще нѣсколько мѣсяцевъ битвы, еще немного терпѣнія, и стѣны пришеельца, подобно маноту и

настоящую, останутся только вальми гелани в преданиях Индейцев.

Настоящей побѣды, если только ее можно назвать побѣдою, было достаточно, чтобъ уничтожить мифъ о необходимости Испанцевъ. Это была первая битва, въ которой они не поразили непріятеля: въ первый разъ поле сраженія осталось за Ацтеками. Главное, потеря ихъ была значительна. Около 50 Испанцевъ и 4000 Тласкаланцевъ были убиты, взяты въ плѣнъ, или утонули. Лошадей осталось всего только 13. Артиллерія погибла вся; бросали даже ружья и багажъ, лишь бы перейти перевалы. Годныхъ въ дѣло осталось только 500 Испанцевъ и 2000 Тласкаланцевъ; и тѣ могли надѣяться на спасеніе только если прорубятся съвозъ толпы торжествующаго непріятеля до Тласалы. Правда, гибель больше всего постигла солдатъ Нарваеса, солтальскихъ аррьергардъ; изъ отличныхъ воиновъ палъ одинъ Веласкесъ де-Леонъ, и Кортесъ имѣлъ утѣшеніе снова увидѣть вокругъ себя своихъ старыхъ товарищей, героевъ Табаско и Тласкалы. Но будущность, при всемъ томъ, казалась ужасною, и ночная битва на плотинѣ извѣстна въ испанскихъ хроникахъ подъ именемъ печальной ночи *la triste noche*.

Семь дней Испанцы продолжали тягостный походъ около сѣверной оконечности мексиканскихъ озеръ и черезъ *серру* на сѣверовосточной сторонѣ долины. Они терпѣли усталость и голодъ; асто безпокоилъ ихъ и непріятель, сыная ихъ стрѣлами съ высотъ надъ орогомъ. Впрочемъ, Ацтеки, казалось, е дунали рѣшительно воспротивиться стирадѣ Испанцевъ, и Кортесъ начиналъ надѣяться, что дойдетъ до Тласалы безъ особенныхъ бѣдствій. Другъ онъ жестоко былъ разочарованъ. Восшедши на высоты надъ Отоманскою-Долиною, Испанцы увидѣли, го путь въ загражденъ цѣлымъ намошаселоміемъ опрестней страны. Вся лина, до самаго горизонта сверкала

оружіемъ. «Всѣ мы», говоритъ самъ Кортесъ: «были увѣрены, что насталъ послѣдній день нашей жизни». Извѣстная жестокость Ацтековъ повредила ихъ собственному дѣлу: еслибъ Испанцы могли надѣяться на безонасность среди плѣна, немногіе отважились бы броситься въ сѣчу за Кортесомъ. Но всѣ помнили *жертвенный камень* въ кровномъ храмѣ Гвициллокла и бросились на врага съ отчаянною храбростію. Схватка была жарче обыкновеннаго: Мехиканцы, неудерживаемые уже влали огнестрѣльнымъ оружіемъ, вступили въ рукопашный бой и хотя были отражены нѣсколько разъ сряду, угрожали задавить Испанцевъ своею огромною массою. Шестіе небольшого отряда сквозь нестройную толпу ихъ становилось съ каждымъ шагомъ труднѣе. Только отчаянный атаки кавалеріи давали остальнымъ время снова построиться въ ряды. Наконецъ, измученная пѣхота остановилась; устала конница едва могла выдерживать патискъ непріятеля. Хладнопроеіе и смѣлость Кортеса еще разъ спасли армию. Случай завелъ Испанцевъ въ ту сторону, гдѣ стоялъ главный начальникъ Мехиканцевъ. Во время послѣдней схватки, его знамя видѣлось непосредственно за аррьергардомъ нападающихъ. Кортесъ въ одну минуту сообразилъ возможность удачи. Внезапно бросился онъ въ атаку съ немногими храбрѣйшими приверженцами своими, прорубился сквозь праговъ и собственноручно убилъ начальника ихъ. Индейцы были поражены ужасомъ при видѣ паденія челоуѣка, который былъ только зрителемъ битвы. Атака ихъ приостановилась; Испанцы воспользовались благопріятной минутой, двинулись впередъ и Ацтеки бѣжали въ паническомъ страхѣ. Не смотря на изнуреніе побѣдителей, преслѣдованіе было кровавое и безпощадное. Упорство непріятеля сдѣлало Испанцевъ жестокими; «раны перестали насъ мучить; мы не чувствовали уже ни голода, ни жажды», говоритъ одинъ, лично участвовавшій въ этомъ дѣлѣ. Побѣда была совершенная,

На другой день, Испанцы перешли тласкаланскую границу.

Кортеса беспокоила мысль: не вздумают ли его союзники воспользоваться его безпомощным положением? Но скоро он увѣрился, что прямодушные горцы были неспособны къ такой измѣнѣ. Они смотрѣли на Испанцевъ съ тѣмъ участіемъ, съ какимъ храбрый смотритъ на храброго товарища своихъ побѣдъ и опасностей. Ихъ встрѣтилъ съ знаками горячей дружбы и удивленія. Начальникъ Тласкалы торжественно увѣрилъ Кортеса, что онъ «до смерти останется его вѣрнымъ другомъ». Аптеки прислали предложить Тласкаланцамъ соединиться съ ними противъ пришлецовъ,—имъ отказано наотрѣзъ. Хикотенкатль отважился говорить въ пользу Аптековъ,—его выгнали изъ селѣта.

Кортесъ, много потерпѣвшій, но неупавшій духомъ, былъ увѣренъ теперь, больше нежели когда-нибудь, въ окончательномъ покореніи Мексики. Онъ увидѣлъ, что ошибся на-счетъ національнаго характера своихъ враговъ; онъ видѣлъ, что они не позволяютъ овладѣть столицей горсти пришлецовъ, какое преимущество ни имѣли бы они на полѣ битвы. Но онъ увидѣлъ также, что силы его равны силамъ Мехиканцевъ. У него было теперь вѣрное убѣжище въ самой серединѣ Анагуака, откуда не могли его вытѣснить всѣ силы Аптековъ. Онъ зналъ, что ни одно изъ окрестныхъ племенъ не было чистосердечно имъ предано. Легко, думалъ онъ, выйти изъ горъ Тласкалы и силою или убѣжденіемъ покорить племена Анагуака одно за другимъ. Его армія можетъ сдѣлаться центромъ конфедерации, которая будетъ столько сильна, что можно будетъ вступить въ мекхиканскую долину, покорить столицу и навсегда уничтожить владычество Аптековъ.

Прошло нѣсколько времени, пока зажгли рапы немученныхъ Испан-

цевъ; но уже рано осенью неутомимый Кортесъ вышелъ изъ Тласкалы съ своею арміею и многими союзниками. Первый походъ его былъ противъ Тепеканцевъ, сильнаго племени, вытѣснившаго многихъ Испанцевъ во время ихъ отступленія отъ Мехико. Онъ разбилъ ихъ въ двухъ сраженіяхъ; Тепеканцы, вѣролатно, желая только быть на сторонѣ сильнаго, кто бы онъ ни былъ, скоро покорился. Кортесъ пошелъ дальше, приступомъ взялъ два города на мекхиканской границѣ и разбилъ армію Аптековъ, шедшую къ нимъ на помощь. Холуланцы доспѣшили предложить ему союзъ, и вскорѣ вся страна на востокъ отъ мекхиканской сьерры была покорена испанскимъ оружіемъ. Между тѣмъ, нѣсколько испанскихъ кораблей, приставъ въ Вера-Крузъ, снабдили армію новыми солдатами, оружіемъ, артиллеріею и одеждою. Кортесъ считалъ себя довольно-сильнымъ, чтобы снова начать свое отважное предпріятіе. Изъ Тепеака онъ возвратился въ Тласкалу, чтобы сдѣлать необходимыя приготовленія ко вторичному походу въ мекхиканскую долину. 28-го декабря онъ выступилъ изъ Тласкалы. Армія его состояла изъ 600 Испанцевъ, съ 9-ю пушками и около 40 челоуѣкъ конницы; кромѣ того, при немъ были цѣлыя тласкаланская, холуланская и тепеканская воинства. Онъ спокойно перешелъ сьерру, спустился въ долину и подъ новый годъ сталъ главною киртирою въ городѣ Тецкуко; жители оставили дома при приближеніи непріятеля.

Квинтлагуа, братъ и наследникъ Матезумы, умеръ внезапно; племянникъ его, Гуатемодзинъ, юноша, отличившійся своимъ мужествомъ, дарованіями и непримиримою ненавистью къ Испанцамъ, сдѣлался теперь главою племени Напрасно Кортесъ угрозами и обѣщаніями старался поколебать рѣшимость своего новаго противника. Черезъ недѣлю послѣ прибытія въ Тецкуко, онъ началъ военныя дѣйствія походомъ въ ближайшій городъ Ицтаналанамъ. Ад-

текскій гарнизонъ былъ разбитъ, городъ взятъ приступомъ и вполнину разрушенъ. Но Кортесъ едва не попалъ за эту побѣду: Индійцы, уходя, разрушили плотины, защищавшія городъ отъ озера; вода хлынула въ улицы, и Испанцы едва успѣли спастись. Отсюда Кортесъ огрправилъ Сандовала съ небольшою отрядомъ занять Калко, жители котораго высказали готовность свергнуть мекхиканское иго. Сандовалъ удачно исполнилъ порученіе и возвратился въ Тецкуко. Самъ Кортесъ занимался между-тѣмъ примиреніемъ разныхъ индійскихъ племенъ и приготовленіями къ экспедиціи въ Такубу.

Ранней весною, армія выступила изъ Тецкуко, по сѣверовосточному краю долины и взяла на походъ городъ Халтоманъ, на сѣверной оконечности озера. Отсюда Испанцы двинулись на югъ, по той самой дорогѣ, по которой отступали послѣ битвы на плотинѣ. Наконецъ, одержавъ значительную побѣду, они вступили въ Такубу. Здѣсь они пробыли 6 дней въ виду столицы, и потомъ возвратились въ Тецкуко.

5-го апрѣля 1521 года, Кортесъ снова выступилъ въ походъ, намѣревался въ этотъ разъ обойти всю долину. Въ три недѣли выполнилъ онъ этотъ планъ и возвратился въ Тецкуко.

Теперь все было готово для осады Мехико. Силы Кортеса состояли изъ 300 Испанцевъ; въ томъ числѣ 87 человекъ конницы и 118 мушкетеровъ; при арміи было 18 пушекъ. Кромѣ-того, нѣкто Лопезъ, искусный архитекторъ, построилъ 12 бригаванъ; ихъ возобрали, и Индійцы перенесли ихъ черезъ горы. Потомъ ихъ сложили и пустили на воду при радостныхъ ликанъ. Конечно, эти суда были чень-невелики, но невѣжество Индійцевъ видѣло въ нихъ пловучія крѣпости.

Странный случай прервалъ на вре-
Т. XLII. — Отд. VII.

мя эти приготовленія. Тласкаланскій мачальникъ Хикотенкатль не могъ дольше принуждать себя къ участию въ предпріятіи, которое доставитъ чужеземцамъ власть надъ Анагуакомъ. Онъ внезапно оставилъ Тецкуко и не слушался ни приказовъ, ни убѣдительной возвратиться. Обстоятельство требовало мѣръ рѣшительныхъ; Хикотенкатль былъ схваченъ въ Тласкалѣ, отосланъ подъ стражею въ лагерь, сужденъ, и публично казненъ какъ намѣнникъ. Только крайняя необходимость можетъ извинить такой поступокъ съ вольнымъ Индійцемъ; мы не знаемъ, что побудило Кортеса поступить такъ жестоко, но такъ-какъ онъ не имѣлъ лично ничего противъ Хикотенкатля, и Тласкаланцы по-видимому безропотно признали совершенный надъ нимъ судъ, то мы можемъ заключить, что, вѣроятно, поступокъ индійскаго главы могъ въ этомъ случаѣ имѣть важнѣйшія, нежели намъ кажется, послѣдствія.

Наконецъ, 10-го мая, два отряда, каждый въ 200 Испанцевъ и около 2500 Индійцевъ, — вышли изъ Тецкуко въ Мехико. Однимъ командовалъ Альвардо, другимъ Кривоваль де-Олида. Они безирепятственно обошли сѣверную оконечность озера и заняли свои посты передъ столицею — Альвардо Такубу, Олида Койогуаканъ. Сандовалъ, съ такимъ же отрядомъ, былъ посланъ въ Ицтапалапанъ и занялъ его, хотя не безъ битвы. Такимъ-образомъ, Испанцы овладѣли тремя изъ четырехъ дорогъ, ведущихъ съ твердой земли въ городъ. Самъ Кортесъ принялъ начальство надъ флотиліей; на судахъ было 300 человекъ. Онъ поплылъ вдоль озера, безъ труда разогналъ и потопилъ нѣсколько сотъ ацтекскихъ лодовъ и съ торжествомъ явился передъ Мехико. Приставъ къ холонскому форту, онъ высадивъ часть экипажа и легко выгналъ гарнизонъ. Тогда Сандовалъ получилъ приказаніе идти вдоль берега и занять

1/2

Тепейнакъ, близъ оконечности свѣрвной плотины. Такимъ - образомъ столица была совершенно блокирована.

Нѣсколько дней спустя, Кортесъ сдѣлалъ общій приступъ. Самъ онъ съ своимъ отрядомъ и отрядомъ Олида, двинулся впередъ изъ Холока, пробился сквозь городъ, штурмовалъ храмъ Гвицилипокли и въ порядкѣ возвратился назадъ. Сандоваль и Альварадо въ то же время шли по плотинамъ отъ Такубы и Тепейнака; они завязали дѣло въ предмѣстяхъ, но въ городъ не входили. Такія атаки повторялись нѣсколько разъ и много нанесли вреда столицѣ. Дворцы Ахаяватла и Монтевуны были сожжены до тла. Но мужество осажденных не падало. Товарищи Кортеса уговорили его, противъ его желанія, попробовать еще разъ взять городъ приступомъ.

Въ назначенный день, рано утромъ, центръ арміи двинулся впередъ тремя колоннами изъ Холока. Альварадо и Сандоваль, соединившись въ Такубѣ, пошли по западной плотинѣ. Всѣ легко вошли въ городъ; сопротивленіе Ацтековъ было такъ слабо, что догадливый Кортесъ началъ подозрѣвать хитрость. Опасенія его увеличились еще болѣе, когда онъ узналъ, что авангардъ, въ жару преслѣдованія, забылъ наполнить ровъ, пересѣкавшій улицу, и что, слѣдовательно, отступленіе его, въ случаѣ сильнаго натиска, будетъ сопряжено съ величайшими затрудненіями. Пока Кортесъ старался исправить оплошность авангарда, съ высоты сосѣднаго храма раздался рогъ Гватемодина — сигналъ страшный и для храбрѣйшихъ Испанцевъ. Въ нѣсколько минутъ, шумъ битвы началъ приближаться по пустымъ улицамъ; авангардъ, тѣснимый несчетнымъ множествомъ враговъ, въ беспорядкѣ шелъ назадъ. Кортесъ могъ бы спокойно удалиться, но не въ его духѣ было оставить товарищей безъ помо-

щи. Онъ быстро бросился на неприятеля и отчаянно защищалъ переднюю авангарда черезъ ровъ. Не смотря на то, потеря и беспорядокъ были велики. Кортесъ лично подвергался величайшей опасности, получилъ нѣсколько ранъ и былъ бы взятъ въ плѣнъ, если бы его не выручили нѣсколько Испанцевъ и Тласкаланцевъ, пожертвовавшихъ за него жизнью. Наконецъ, переходъ былъ совершенъ; порядокъ восстановился, и армія отступила къ Холоку. Альварадо и Сандоваль, вступившіе въ городъ осторожно, тоже съ величайшимъ трудомъ могли отступить назадъ. Потери Испанцевъ простирались до ста человекъ, изъ которыхъ 62 были взяты въ плѣнъ живые.

Слѣдствія этого штурма были очевиднѣе благопріятны. Энтузіазмъ Ацтековъ сдѣлался еще жарче; жрецы торжественно объявили обѣщаніе боговъ, что черезъ восемь дней пришельцы будутъ истреблены окончательно. Это предсказаніе и неудача послѣдней битвы такъ сильно подѣйствовали на индійскихъ союзниковъ, что всѣ они, — за исключеніемъ немногихъ храбрѣйшихъ Тласкаланцевъ, — оставили испанскій лагерь и удалились, кто на недалекое разстояніе, а кто домой. Сами Испанцы были поражены ужасомъ и отчаяніемъ, вида, какъ на высотахъ мексиканскихъ храмовъ приносили въ жертву ихъ товарищей. Одинъ Кортесъ не падалъ духомъ. Онъ узналъ, что онъ и одинъ, безъ союзниковъ, имѣя флотъ и пушки и владѣя крѣпкою позиціею на плотинахъ, можетъ держать городъ въ блоkadѣ. Заключившись въ своемъ лагерѣ, онъ терпѣливо ждалъ, пока угаснетъ послѣдній лучъ удачъ Ацтековъ. Восемь роковыхъ дней прошли; пришельцы все еще владѣли озеромъ посредствомъ флотилии и удерживали за собою Холокъ, Такубу и Тепейнакъ. Ацтеки убѣдились, что боги обманули ихъ. Союзники, стыдясь своей робости, возвратились на прежнее мѣсто, и были приняты Кортесомъ ласково.

Кортесъ принялъ теперь другую систему атаки, которую может оправдать только самая крайняя необходимость. Городъ былъ отсюду открытъ для приступа, но нельзя было владеть въ улицы безъ величайшей опасности; оставалось одно только средство: разрушать, подвигаясь впередъ, каждое строеніе, которое могло служить защитой осажденнымъ. Къ этому-то предствурѣшлся, не безъ отвращенія, прибѣгнуть Кортесъ. Вскорѣ послѣ возвращенія союзниковъ въ лагерь, вся армія двинулась изъ Холока и Такубы и утвердилась въ предмѣстіяхъ города. Индійцы, слѣдуя примѣру самого Кортеса, начали срывать дома до основанія и обломками ихъ засыпать рвы. Испанцы съ избранными индійскими ювнами защищали ихъ во время этихъ работъ. Вылазки Ацтековъ были постоянно отражаемы; но союзники много ерѣбли отъ камней и стрѣлъ. Индійцы, наслѣдственные враги Ацтековъ, вердо продолжали свою работу, одушевляемые чувствомъ мщенія. Такъ день-за-днемъ осаждающіе продолжали разрушать городъ и подвигаться впередъ. Лѣто было уже на исходѣ; амый дворець Гватемодзина былъ разрушенъ. Главный храмъ взятъ пригупомъ и сожженъ до основанія храбымъ Альварадо. Испанцы утвердились на главной площади. Семь-восьмью столицы были не что иное, какъ руда углей и развалины; оставшіеся живыхъ жители принуждены были криваться въ тѣсныхъ и разрушенныхъ улицахъ бывшаго сѣверо-восточнаго квартала.

Между-тѣмъ, голодъ и моръ страшно могли истреблять Ацтековъ. Самы испанцы не могли безъ состраданія отрѣчь на ихъ бѣдствіе. Не разъ предлагали Гватемодзину миръ и безопасность. Но онъ былъ непоколебимъ;

сподвижники его были вполне одарены пассивнымъ героизмомъ природныхъ Американцевъ. Истомленные трудомъ и страданіями, они продолжали тревожить осаждающихъ и говорить о мщеніи, которое постигнетъ Испанцевъ, когда оскорбленные боги Анагуава сойдутъ истребить нечестивыхъ враговъ. Нельзя читать разсказа о ихъ патриотическомъ ослѣпленіи, не припоминая страннаго предположенія нѣкоторыхъ этнологовъ, что племена Сѣверной-Америки — еврейскаго происхожденія. Нѣтъ въ исторіи двухъ событій, столько схожихъ по нравственному характеру, какъ осада Иерусалима Титомиъ и Мехико Кортесомъ.

Конецъ войны былъ близокъ. Оставшіеся въ живыхъ Ацтеки принуждены были заключиться наконецъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ, что осаждающіе могли попытаться взять его приступомъ. 14-го августа Кортесъ, послѣ многихъ отсрочекъ и попытокъ вынудить сдачу безъ штурма, неохотно далъ приказаніе идти на приступъ. Испанцы, уже давно пресыщенные мщеніемъ, съ отвращеніемъ вида необходимость убивать беззащитныхъ, щадили и спасали многихъ. Но союзники остались вѣрны мстительному своему характеру—они не пощадил ни одного Ацтека, попавшагося имъ въ руки. Битва, или, лучше сказать, рѣзня, длилась уже два дня, и конечно кончилась бы не прежде, какъ со смертью послѣдняго Ацтека, еслибы не прекратилъ ея случай. Испанская бригантина перехватила непріятельскую лодку; въ ней, въ числѣ прочихъ Индійцевъ, былъ молодой воинъ, въ которомъ сейчасъ узнали самого Гватемодзина. Вѣсть о его плѣнѣ быстро распространилась въ обѣихъ арміяхъ подъ вечеръ втораго дня битвы. Сопротивленіе тотчасъ прекратилось.

Полтру 16-го августа 1521 года, Аптеки сдались. Кортесъ вывелъ свое войско изъ зараженныхъ развалинъ въ Койогуакакъ; остальнымъ Аптекамъ позволили удалиться въ ближайшіе города по сѣверной и западной плотинѣ. Ихъ было не больше тридцати или сорока тысячъ; во время осады погибло

по-меньшей-мѣрѣ 120,000. Черезъ три дня исчезъ и послѣдній изъ несчастныхъ изгнанниковъ; на мѣстѣ гущественнаго Тенохтитлана остался пустынный островъ, покрытый развалинами и трупами. Существованіе Мехиканской-Имперіи кончилось...

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ANTONIO PEREZ et PHILIPPE II, par M. Mignet. (Антоніо Перезъ и Филиппъ II), соч. Миньё.

Сочиненіе чрезвычайно-интересное по наложеннымъ въ немъ событіямъ и важное по значенію своему въ исторической критикѣ. Въ жизни Переза, такъ тѣсно связанной съ важными происшествіями въ Испаніи, были моменты темные, неразгаданные, и тѣмъ болѣе подстрекавшіе тщетное любопытство, что, будучи объяснены, они могли бы пролить новый свѣтъ на характеръ Филиппа II-го и раскрыть тайныя дружины нѣкоторыхъ событій. Во внезапной опалѣ и процессѣ Переза было столько таинственнаго, что историки почти теряли надежду узнать когда-нибудь истину.

Теперь всѣ эти обстоятельства объяснились. Миньё пользовался документами, драгоценными по своей новостности, въ томъ числѣ рукописью, принадлежащую министерству иностранныхъ дѣлъ; въ ней заключаются copia со всѣхъ бумагъ процесса Переза въ Кастиліи, со времени ерваго его заключенія въ темницу до отъезди его и бѣгства. Въ числѣ этихъ документовъ находятся и главнѣйшіе акты процесса, который начался противъ Переза въ Арагоніи. Для наложевія историческихъ происшествій въ Арагоніи послѣ бѣгства Переза, — происшествій, кончившихся настоящею революціею, у Миньё было подъ рукою угое, чрезвычайно-важное собраніе копій сей. Это 17 томовъ актовъ испанскій инквизицій, уступленные Лоранс. XII. — Отд. VII.

томъ королевской бібліотекѣ. Сверхъ того, онъ пользовался перепискою испанскихъ, англійскихъ и французскихъ посланниковъ, находящеюся въ той же бібліотекѣ. Неизданныя письма и рукописи Переза, заключающіяся въ послѣднемъ собраніи, особенно послужили ему богатымъ матеріаломъ.

Пользуясь такими источниками, Миньё могъ пролить много новаго свѣта на темныя мѣста исторіи Переза и Филиппа, и онъ исполнилъ дѣло свое съ искусствомъ и добросовѣстностью.

Книга г-на Миньё заключаетъ въ себѣ почти всю исторію царствованія Филиппа II-го. Гонимаго Переза, отца Антоніо, былъ статс-секретаремъ при Карлѣ V-томъ, и сынъ его какъ-бы по наслѣдству сдѣлался государственнымъ челоѣкомъ. Но поставленный судьбою на столь высокую точку, онъ не умѣлъ на ней удержаться. Счастье, кажется, ослѣпило его, и управляя другими, онъ забылъ, что первое дѣло управлять самимъ - собою. Онъ былъ горячъ, неостороженъ, расточителевъ; необузданный образъ жизни его слишкомъ-рѣзко обозначался среди двора, строгаго по наружности. Высокомѣріе пріобрѣло ему множество враговъ. Тѣмъ не менѣе, онъ, можетъ-быть, удержался бы на своемъ мѣстѣ, сохранивъ благосклонность своего государя: все зависѣло отъ Филиппа. Но онъ осмѣлился перебить дорогу и ему: принцесса Эболи — вотъ истинный предметъ раздора между нимъ и Филиппомъ II. Перезъ былъ

въ любви счастливые Филиппа, но дорого поплатился за эту удачу.

Хуанъ де-Эсковедо, когда-то задушевный другъ Переза и секретарь дона-Хуана-Австрійскаго, зналъ о любовной связи Антонио съ Эболи и грозился донести объ этомъ Филиппу. Перезъ рѣшился погубить его и успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Убѣдивъ Филиппа въ намѣнническихъ намѣреніяхъ Эсковедо, онъ получилъ отъ него предписаніе убить его—и Эсковедо палъ подъ ударами убійцы.

Но друзья и родственники павшаго не могли не догадаться, кто былъ виновникомъ его смерти. Общій голосъ открыто обвинилъ Переза и Эболи. Перезъ, дѣйствовавшій по предписанію короля, думалъ, что онъ внѣ всякой опасности; вышло иначе. Филиппъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отмстить своему сопернику. Перезъ въ свою очередь долженъ былъ пасть жертвою интриги. Его судили, во-первыхъ, за лихоимство. Филиппъ угрозами вынулъ у него всѣ бумаги, которыя могли бы уличить его въ соучастіи, и потомъ обвинилъ въ убійствѣ Эсковедо, совершенномъ по его же приказанію. Но Перезъ, выдавая бумаги, удержалъ важнѣйшія изъ нихъ, которыя могли служить къ его оправданію.

Перезъ, послѣ долгаго заключенія и пытки, бѣжалъ въ Арагонію, и пребываніе его тамъ было причиною революціи, испровергшей древнюю конституцію Арагоніи и уничтожившей ея независимость. Главы 4-я, 5-я и 6-я представляютъ яркую картину этой борьбы, возстанія жителей Сарагоссы 24 мая и 23 сентября 1591 года, освобожденіе Переза, пораженіе Арагонцевъ Кастальцами и паденіе ихъ національныхъ привилегій. Мщеніе Филиппа было ужасно. Онъ извѣстилъ все: собралъ въ Таррагонѣ кортесовъ, чтобы уничтожить фуеросовъ, и все было сдѣлано согласно его волѣ. Инквизиція тоже не осталась безъ дѣла: запылали костры и заалѣли шафоты. Перезъ, виновникъ революціи,

спасся отъ ея послѣдствій. Но счастливое бѣгство не избавило его отъ опасностей. Мщеніе Филиппа преслѣдовало его всюду.

Перезъ былъ принятъ во Франціи и Англіи, сдѣлался другомъ графа Эссемса и участвовалъ во всѣхъ переговорахъ противъ Филиппа до веровскаго мира и смерти своего врага. Несчастіе сдѣлало его предметомъ общей симпатіи; но недостатки, погубившіе его въ Испаніи, повредили ему и за предѣлами ея: онъ умеръ въ бѣдности, всѣми забытый.

Вотъ нѣсколько строкъ изъ сочиненія Минвѣ, которыя ознакомятъ читателя съ Филиппомъ и окружающими его лицами:

• Филиппъ II былъ строгъ и недоверчивъ. Онъ никогда и никому не доверялъ вполне; никто не былъ увѣренъ, что пользуется еще его доверчивостью, даже и тогда, когда онъ высказывалъ ее какъ-можно-яснѣе. (1)
• потерѣ его милости узнавали только въ ту минуту, когда онъ сражалъ человека окончательно. До тѣхъ-поръ ни малѣйшаго знака, ни нетерпѣливости ни охлажденія въ обхожденіи. Оману онъ табулъ, какъ и всѣ прочія дѣла. Это испытали на себѣ многіе изъ его министровъ, между прочими кардиналъ Спинноза въ 1571 году и Антонио Перезъ въ 1579. Не смотря на свою недоверчивость, онъ сдѣлалъ совѣтамъ тѣхъ, которыхъ обладалъ властью. Уже въ 1561 году, Микеле Суріано замѣтилъ, сравнивая его съ отцомъ, что Карлъ V сдѣлалъ во всемъ своему собственному вѣнчанію. а Филиппъ II чужому. Онъ дѣйствительно былъ человекомъ съ умомъ находчивымъ, рѣшительнымъ, малодѣльнымъ. При всемъ властолюбіи своемъ, онъ не зналъ собственно чего держаться, былъ изыскателемъ, и не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чего онъ хочетъ.

• Мелочной способъ управленія, и меньшею мрачнаго характера, заставлялъ его окружать себя людьми, совершенно-различными по своему ду-

ху и образу мыслей, врагами по честолюбію. Онъ управлялъ обширными владѣніями испанской монархіи на бумагахъ. Мелочи и важныя дѣла, — все шло къ нему. Онъ много совѣтовался, долго медлил и рѣшалъ поздно, въ слѣдствіе своей личной нерѣшительности и проволочки, неизбежной потому, что все читалъ, все отмѣчалъ и все приказывалъ самъ. Какъ ни былъ онъ трудолюбивъ и прилеженъ, его не ставало на столько занятій. Одобренныя имъ мѣры всегда опаздывали. Многочисленные совѣты, учрежденные имъ в отпомъ его, разсматривали дѣла каждый по своему управленію и подавали ему свои мнѣнія. Независимо отъ этихъ мнѣній онъ требовалъ, чтобъ министры письменно излагали ему свои мысли. Въ продолженіи слишкомъ двадцати лѣтъ, отъ 1558 до 1579 года, двѣ враждебныя другъ другу партіи постоянно раздѣляли его довѣренность. Этими способомъ онъ думалъ яснѣе проникнуть въ ихъ противорѣчашія мнѣнія, прабѣгать, смотря по наклонности, къ различнымъ талантамъ ихъ предводителей, и соревнованіемъ обезпечить ихъ приверженность.

Главами этихъ двухъ партій долго были герцогъ Альба и Рюй-Гомезъ де-Сильва, князь Эболи, — одинъ высокоумный и рѣшительный, другой ловкій и осмотрительный. Въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ вліяніе ихъ было всего ощутительнѣе, они никогда не смотрѣли на дѣла съ одинаковой точки зрѣнія и никогда не сходились въ своихъ мнѣніяхъ. Кто былъ въ милости у одного, тотъ въ опасѣ у другаго. Филиппъ не былъ влоленъ этимъ совѣстничествомъ, доодившись до вражды: оно успокоило его подозрительный характеръ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ питало и его недвѣпительность равногласіемъ мнѣній вухъ главнѣйшихъ совѣтниковъ его въ дѣлахъ политики. Въ душѣ онъ предпочиталъ Рюй - Гомеза, своего оморавителя; Гомезъ вѣдалъ съ

нимъ въ Англію во время его брака - сочетанія, не оставялъ его съ-тѣхъ-поръ, и служилъ ему такъ, какъ Филиппъ любилъ, чтобъ ему служили, — то-есть съ безграничною преданностью и скромно, — подавалъ совѣты и не давалъ вида, что управляетъ имъ.

Была, однакожъ, минута, когда герцогъ Альба взялъ, по-видимому, верхъ надъ Рюй - Гомезомъ, именно, когда вспыхнуло возстаніе въ Нидерландахъ. Послѣ долгихъ разсужденій, потервъ много времени, Филиппъ рѣшился наконецъ предпочесть планъ, предложенный герцогомъ Альбою, плану Рюй-Гомеза: Онъ послалъ этого искуснаго воина, этого суроваго и страшнаго политика въ возмущенныя провинціи, давъ ему войско для усмиренія ихъ и власть для наказанія и управленія. Но на-силъственные мѣры не удались, и Рюй-Гомезъ, оставшись одинъ при Филиппѣ, смѣнилъ герцога Альбу великимъ командоромъ кастильскимъ, дономъ Лудовикомъ Реквесенсомъ де-Сунигою, дѣйствовавшимъ по духу кротости и умѣренности; ему поручено было привести Нидерланды къ повиновенію тихими мѣрами. Герцогъ Альба потерялъ довѣріе; неудачно исполнивъ данное ему порученіе, и счастливый Рюй - Гомезъ умеръ въ 1573 году, оставивъ свою партію въ большей силѣ, нежели когда-нибудь. Эта партія, къ которой принадлежали Антоніо Перезъ и Хуанъ Эсковедо, оба объявленные своимъ значеніемъ Рюй-Гомезу, и которую донъ-Хуанъ-Австрійскій озарилъ славою своихъ побѣдъ, господствовала въ совѣтахъ короля испанскаго до 1579 года, не исключая, впрочемъ, а только почти совершенно подавивъ другую партію.

Вотъ что сказано объ обѣихъ партіяхъ въ одномъ итальянскомъ манускриптѣ 1577 года, то-есть за годъ до убіенія Эсковедо, — убіенія, которое повлекло за собою распаденіе господствующей партіи, уничтожило ее вско-

рѣ, и произвело переи́мѣну лицъ и управленія въ совѣтахъ и дѣлахъ Испаніи:

• Теперь дворъ состоитъ изъ очень-небольшаго числа людей; на-лицо только члены совѣта и занимающіе придворныя должности; многіе *cavalieri serventi*, являвшіеся служить королю, смѣли испрашивать его милостей, видя, что его величество живетъ постоянно въ уединеніи или за городомъ, пока-зывается рѣдко, рѣдко даетъ аудіенціи, награждаетъ скупю и поздно, — не хотѣли долше оставаться при дворѣ и гнуться подъ тяжестью издержекъ, дѣлаемыхъ безъ пользы и удовольствія. Дворъ очень-открыто раздѣленъ на двѣ партіи: одна — партія архіепископа толедскаго, маркиза де-Лос-Велеза, Антоніо Переза, Маттео Васкеза и де-Совтойо. Она, по-видимому, пользуется болѣею милостію и сильнѣе въ управленіи дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдомству, хотя и не облечена особенною властью. Другая партія — герцога Альбы, пріора Антоніо толедскаго, князя де-Мелито, маркиза д'Агилара и Сайаса. Каждая изъ этихъ партій всѣми силами старается ниспровергнуть другую.

Итальяскій авторъ прибавляетъ о главнѣйшихъ лицахъ этихъ партій:

• Герцога Альбу почитаютъ человекомъ скрытнымъ, лукавымъ, очень-опытнымъ, позавистливымъ и злымъ. • Король очень его ласкаетъ, но мало поручаетъ ему дѣла. Онъ не имѣетъ никакого авторитета, и палъ. На него мало обращаютъ вниманія. Желая скрыть свою неудачу и ничтожность значенія, онъ никогда не удаляется отъ короля.

• Маркизь де-Лос-Велезь, донъ Педро Файардо, майор-домъ королевы, человекъ осторожный, молчаливый. • Вести себя благоразумно и хорошо знаетъ ходъ государственныхъ дѣлъ — вотъ профессія, которую избралъ онъ для себя. Онъ характера скрытнаго, до вкусу королю, который часто поручаетъ ему дѣла.

• Архіепископъ толедскій (донъ-Га-

спаръ де-Квироса) — главагосподствующей партіи. Это человекъ веселого, короткаго нрава, скоръ на слово но намѣренія его благородны, и считаютъ его прекраснѣйшимъ человекомъ. Король очевидно любитъ его, онъ имѣетъ сильное вліяніе на ея власть.

• Антоніо Перезъ, статъ-секретарь и ученикъ Рюй — Гомеза. Онъ очень остороженъ, любезенъ, знаетъ — въ силѣ. Ласковое обращеніе его смягчаетъ и скрываетъ недоброту и скупость короля. Черезъ ея руки проходятъ всѣ дѣла Испаніи и Фландріи, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ управляетъ донъ-Хуанъ, сильно его поддерживающій, — такъ же, какъ архіепископъ толедскій и маркизъ де-Лос-Велезь. Онъ такъ любитъ талантливъ, что долженъ считаться главнѣйшимъ министромъ короля. Онъ худъ, слабъ здоровьемъ, ведетъ беспорядочную жизнь, принимаетъ свои удовольствія и пріимать. Онъ старается, чтобъ ему оказывали вниманіе и дѣлали подарки.

Наконецъ, о донъ-Хуанѣ онъ говоритъ, что онъ прідерживается партіи архіепископа толедскаго и Антоніо Переза.

Перезу было въ это время 36 лѣтъ. Борьба его съ Филиппомъ, о которой мы упоминали выше, продолжалась двѣнадцать лѣтъ. Двѣнадцать лѣтъ сряду Перезъ отрицалъ участие свое въ убійствѣ Эсковедо. Но король не отказывался отъ желанія отпустить его, онъ велѣлъ духовнику его официально посовѣтовать ему во всемъ признаться, намекая на то, что убійство, совершенное по повелѣнію короля, не можетъ не быть оправдано. Въ-продолженіи цѣлаго года старались вырвать у несчастнаго плѣнника это признаніе, но онъ упорствовалъ, не смотря на слабость здоровья, разстроеннаго тогда современными заточеніемъ.

Перезъ, говоритъ Миньё, стоялъ на томъ, что ничего не скажетъ, потому что ничего не знаетъ. Хотѣли, чтобъ онъ признался, и не могли заставить

признаться добровольно. По-этому влились вырвать признаніе силою. Два еге, Родриго Васкезъ и Хуанъ Васкезъ, приказали, 21-го февраля 1590 а, алмазиламъ, приставленнымъ къ язу, посадить его на цѣпи и на- ему на ноги кандалы. Перезъ тительно, но безуспѣшно, просилъ оца, чтобъ тотъ приказалъ снять е о цѣпи, невыносимыя для него по чинивъ слабости его здоровья. 22-го рала Родриго Васкезъ и Хуанъ езъ отпразднелись къ нему въ тюр- и потребовали отъ него еще разъ, бь онъ отвѣчалъ согласно послѣд- у повелѣнію короля. Перезъ снова азлся. Тогда судьи погрозили ему юю; но Перезъ не испугался. кезъ тотчасъ же вышелъ въ сосѣд- о комнату и оставилъ несчастнаго еза съ докторомъ Хуаномъ Гоме- ь, секретаремъ Антонио Марке- ь, в палачомъ Діего-Рюивомъ. Це- ь была подвергнуть ужасной пыт- возмутительныя подробности ко- и Миньё извлекъ изъ самихъ дѣ- лъ бумагъ.

ь ту же минуту судьи объявили что такъ-какъ подоврѣніе остав- ь прежней своей силѣ, то они при- вають подвергнуть его пыткѣ, ь bastarvisъ совзаться въ томъ, ь требуетъ король; если же онъ по- етъ во время пытки жизнь или ребленіе какого-нибудь члена, то ь будетъ виноватъ и самъ будетъ чать за это. Перезъ еще разъ по- илъ прежнія слова свои и протесто- противъ пытки, основываясь на родномъ происхожденіи своемъ и зможности выдержать испытаніе, ь здоровье его разстроено оди- атилѣтнимъ заточеніемъ. Тогда ь велѣли снять съ него цѣпи и ьмы, приказали ему присагнуть и ьить то, чего отъ него требовали. отказался, и палачъ Діего-Рюивъ ь съ него платье; на немъ оста- ь только золотныя панталоны. За ь палачъ удалился, и Перезу снова ьли, чтобъ онъ исполнилъ пове- ь короля, подъ опасеніемъ пытки

веревкою. Перезъ повторилъ, что будетъ говорить то, что уже сказалъ. Тогда немедленно принесли весь приборъ для пытки; палачъ Діего-Рюивъ сложилъ руки Антонио Переза на крестъ, и началъ съ того, что въ первый разъ повернулъ веревку. Перезъ закричалъ: «*Jésus!* Миѣ нѣчего говорить! Миѣ остается только умереть на пыткѣ! Я не скажу ничего и умру!» Эти слова повторялъ онъ нѣсколько разъ. Веревку свернули уже въ четвертый разъ, и судьи снова потребовали, чтобъ онъ сказалъ то, чего отъ него хотѣли. Перезъ отвѣчалъ, среди жестокаго вопля, что ему нѣчего говорить, что ему сломали руку. «*Боже*» говорилъ онъ: «*я лишился руки! Медикамъ это извѣстно!*» Онъ прибавилъ со стономъ: «*О, Господи! Они сломали миѣ руку, клянусь Богомъ! Хуанъ Гомезъ! Вы христіанинъ, вы братъ мой; Боже! Вы убиваете меня; а миѣ нѣчего объявить!*» Судьи снова сказали ему, чтобъ онъ сдѣлалъ требуемое признаніе; онъ же отвѣчалъ только: «*Братъ мой, вы меня убиваете! Хуанъ Гомезъ! Заклинаю васъ равами Спасителя, пусть убьютъ меня разомъ! Они изувѣчаютъ меня... Я скажу все, что хотите! Ради Господа, братъ мой, сжалитесь надо мною!*» Въ ту же минуту онъ потребовалъ, чтобъ его освободили и дали ему платье,—что онъ скажетъ все. Онъ объявилъ это только послѣ восьмага оборота веревки; когда же началъ рассказывать ниже- слѣдующее, палачъ получилъ приказаніе выйти изъ комнаты пытки, и Перезъ остался только съ Хуаномъ Гомезомъ и секретаремъ Антонио Маркезомъ.

Перезъ, жестоко мучимый судьями и побѣжденный болью, призналъ себя виновникомъ смерти Эсковеда, оправдывая такой поступокъ государственными причинами. Онъ вошелъ насчетъ этого въ большія подробности. Ему приказали,—сказано дальше въ судебномъ изложеніи дѣла,—чтобъ онъ указалъ все, что представлялъ королю какъ достаточныя причины къ

убиенію Эсковедо. Онъ отвѣчалъ, что всѣ бумаги у него отняты въ нѣсколько разъ, въ продолженіи его заключенія, что въ числѣ ихъ были многія доказательства того, что онъ говорилъ королю; что нашлось бы и много свидѣтелей, достойныхъ вѣры, которые подтвердили бы его показанія, но что, такъ-какъ Эсковедо умеръ уже двѣнадцать лѣтъ назадъ, этихъ свидѣтелей нѣтъ теперь въ живыхъ; что, впрочемъ, это такое дѣло, въ которомъ поданный ссылается на самого государя.

На другой день послѣ этой ужасной сцены, Діего Мартинезъ, этотъ преданный и до-сихъ-поръ молчаливый майор-домъ Переза, узнавъ, что господинъ его признался во всемъ, счелъ себя уже необязаннымъ молчать. Подробное объявленіе его подтвердило разсказъ одного изъ убійцъ о смерти Эсковедо. Перезъ палъ такъ глубоко, что къ нему не могли уже питать зависти: зависть уступила мѣсто сожалѣнію. Дворъ изумился и ужаснулся, когда подвергли пыткамъ чловѣка такого званія, министра, любимца и покорнаго исполнителя воли короля. Никто уже не почиталъ себя недостойнымъ для жестокихъ поступковъ насильственнаго судопроизводства.

Что касается до Переза, онъ, оставленный судьбами и палачомъ, изувѣченный, истерзанный, впалъ въ горячку и безпокойство духа, жгучее еще болѣе лихорадки. Онъ ясно предвидѣлъ свою участь: смерть послѣ пытки. Онъ зналъ, что Васкезъ сказалъ королю, будучи Перезъ, лишенный бумагъ, не можетъ оправдаться, и что его поведение и отзывы останутся запечатлѣны лукавствомъ. Васкезъ выслушивалъ новыхъ свидѣтелей и велъ всѣ разысканія къ доказательству, что убійство Эсковедо было дѣятельствомъ преступной сдѣлки Переза съ принцессою Эболи, и что Перезъ виновецъ и въ смерти астролога Цедро де-ла-Эры и италійскаго Родриго Моргадо. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, Перезъ больше нежели когда-нибудь думалъ бѣгствомъ спастись отъ ожидающей

его безчестной казни. Но какъ исполнить это намѣреніе? Онъ былъ лишень употребленія обѣихъ рукъ, боленъ, одинокъ, зорко охраняемъ. 27-го февраля онъ просилъ, чтобы къ нему допустили его всегдашнихъ служителей для ухаживанія за больнымъ. Докторъ Торресъ, посѣтившій его въ качествѣ медика, объявилъ, что нашелъ его въ омазовствѣ, если не подать ему помощи. 2-го марта позволили женѣ его, Хуанѣ Коэдло, которая, не смотря на свою беременность, дѣятельно заботилась о мужѣ, выбрать пажу, который ходилъ бы за нимъ въ тюрьмѣ.—впрочемъ съ условіемъ не выходить оттуда и не говорить ни съ кѣмъ. Болѣзнь увеличивалась, и около половины марта Хуан Коэдло просила позволенія ходить за Перезомъ съ дѣтьми, чтобы онъ крайней-мѣрѣ не умеръ безъ помощи. Сначала ей отказали, но она не устала просить, и въ началѣ апрѣля ей позволили наконецъ прійти къ нему. Тогда-то Перезъ ловко облумалъ средства къ побѣгу. Ему, по-видимому, стало еще хуже. Вечеру, въ страстную среду, 20-го апрѣля, часовъ девять, налѣвъ платье и мантію жены, онъ миновалъ стражу и вышелъ изъ тюрьмы. Здѣсь ждалъ его одинъ изъ друзей, а дальше прапорщикъ Жиль де-Меца съ лошадьми, готовыми умчать ихъ въ Аррагонію. Едва слѣдали они нѣсколько шаговъ въ улицѣ и не успѣли еще дойти до Мецы, какъ встрѣтились съ дозорнымъ. Не теряя присутствія духа, другъ Переза остановился и поговорилъ со встрѣтившимся, между-тѣмъ какъ Перезъ молча и почтительно стоялъ за нимъ, какъ слуга. Опасность благополучно миновалась, и Перезъ скоро дошелъ до Мецы, сѣлъ съ нимъ на коней, и съ сопровожденіемъ Генуэзца Хуана Франциско Майорина, проскакалъ не останавливаясь тридцать испанскихъ миль и достигъ наконецъ Аррагоніи, гдѣ ожидала его помощь безпристрастнаго правосудія.

Какъ-только Перезъ прибылъ въ Ар

рагонію, все измѣнилось. Таинственный процессъ двухъ участниковъ въ одномъ преступленіи, изъ которыхъ одинъ давилъ другаго посредствомъ самого суда, покорнаго его власти и внушеніямъ его ненависти, — кончился. Передъ свободнымъ и смѣлымъ судилищемъ Аррагоніи король и подданный были равны. Передъ искупилъ свое участіе въ преступленіи въ Кастиліи потерю королевской милости, богатства, продолжительнымъ заключеніемъ, страданіями пытки. Теперь настала очередь Филиппу искупить въ Аррагоніи и свою вину разоблаченіемъ его участія въ убійствѣ, его вѣроломства, и оправданіемъ противника.

Lettres et instructions de Louis XVIII au comte de Saint-Ariste, précédées d'une notice, et M. de Barante. (Письма и инструкции Лудовика XVIII графу де-При: де-Баранта.)

Франсуа Эммануэль де-Гиньяръ, графъ де-Сен-При, родился въ Греноблѣ 12 марта 1753 года, и умеръ 26 января 1821.

Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ занимался писать мемуары; но не кончилъ ихъ и даже не привелъ въ порядокъ того, что было уже написано. Изъ этихъ-то рукописей Барантъ извлекъ свой историческій очеркъ (politique), исполненный занимательнѣйшихъ подробностей о событіяхъ и людяхъ первой половины прошедшаго столѣтія и двадцати первыхъ лѣтъ XIX вѣ-

• Исторія долгой жизни графа Сен-При (говорить его биографъ) обнимаетъ собою пятьдесятъ послѣднихъ лѣтъ монархіи, революцію, время эмиграціи и жизни внѣ отечества, касаясь начала реставраціи. Графъ съ юней юности стоялъ на такомъ мѣстѣ, что вблизи могъ наблюдать бурю и всю сѣверу великихъ дѣлъ. Скорѣй потому онъ занялъ значительное мѣсто въ дипломатическомъ мірѣ. Былъ министромъ Лудовика XVI наконецъ, онъ пользовался довѣрен-

• ностью Лудовика XVIII: изгнанный государь давалъ ему порученія къ различнымъ дворамъ Европы. Разсказъ о жизни человѣка, столь достойнаго уваженія, умнаго, всегда умѣреннаго и благоразумнаго въ своихъ поступкахъ, заключаетъ въ себѣ истинный историческій интересъ. Онъ не имѣлъ вліянія на событія, но за то тщательно наблюдалъ ихъ. Иногда онъ даже предвидѣлъ ихъ и умѣлъ опцѣнять обстоятельства, когда не появлялся еще плодъ ихъ.

Сен-При предсказалъ Лудовику XVI, 5 октября, судьбу его. «Если завтра отвезутъ васъ въ Парижъ», сказалъ онъ ему: «корона ваша погибла. Удалитесь въ Рамбуль». — Вы подаете совѣтъ, который можетъ стоить вамъ головы, возразилъ Неккеръ. — Что жъ дѣлать! отвѣчалъ Сен-При. И предсказаніе Неккера, вѣроятно, исполнилось бы, какъ исполнилось предсказаніе Сен-При, еслибъ графъ не эмигрировалъ. Онъ возвратился во Францію только во время реставраціи.

Въ 1789 году, Сен-При былъ членомъ королевскаго совѣта. Послѣ взятія Бастиліи, онъ сдѣлался министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Во время своего изгнанія, продолжавшагося болѣе двадцати лѣтъ, Сен-При получалъ отъ Лудовика XVIII письма и инструкции, издавныя его семействомъ. Онъ былъ то министромъ, то посланникомъ брата и наследника своего бывшаго государя. Эти письма и инструкции имѣли бы мало интереса безъ комментаріевъ Баранта. Имъ обязаны они своимъ историческимъ значеніемъ.

• Читалъ ихъ, говоритъ Барантъ: «постигаешь всю скорбь и всѣ неприятности (tous les affronts) изгнанія, слабость надеждъ и ослабленіе, въ которомъ всегда теряется побѣжденная, изгнанная партія. Видна печать рока, тяготѣвшаго надъ государями, отчуждившихся отъ идеи своего времени и отечества, пропитанными своими предразсудками и привычками, осужденными постоянно прибѣ-

• гать къ ложнымъ мѣрамъ, внушен-
• нымъ ложными взглядами, и не из-
• влечь ни пользы, ни даже величiя изъ
• своего благородства въ несчастiи, изъ
• мужества среди страданiй, изъ не-
• преклонности своихъ убѣжденiй. •

Всего поразительнѣе въ этой пере-
пискѣ нѣкоторые ноты, въ которыхъ
высказывается твердая рѣшимость
Людвика XVIII сохранить цѣлость
французскихъ владѣнiй, въ то время,
когда онъ не имѣлъ никакой действитель-
ной власти и когда одного имени
Наполеона было достаточно, чтобъ
уничтожить всѣ опасенiя на-счетъ
вторженiя Австрiйцевъ и раздробленiя
французскихъ земель.

Въ прибавленiи, въ концѣ перепис-
ки, находятся: письмо Вольтера къ гра-
фу Сей-При, мемуаръ графа о Турцин,
отрывки изъ замѣчанiй графа Лалли-
Толланда на письмо графа Мирабо
противъ Сев-При — и многiя письма
Екатерины II, Людвика XVIII, графа
Артуа, герцога Англемскаго, принца
де-Конде, кардинала Мори и Марии-
Жозефины-Луизы савойской, жены
Людвика XVIII.

HISTOIRE DE LA MARINE FRANÇAISE,
par Eugène Sue. (Исторiя фран-
цузскаго флота, Эжена Сю.)

• Исторiя Французскаго Флота • начи-
• нается и оканчивается царствованiемъ
• Людвика XIV. Это всего лѣтъ пять-
• десять, — и потому ее нельзя назвать
• полною. Но достоинство этого отрывка
• изъ исторiи выкупаетъ его неполноту.
• Исторiя рассказана въ формѣ романа,
• — единственной формѣ, какую только
• можетъ принять она, если не хочетъ
• оставаться просто лѣтописью. Дока-
• зательство: Тацитъ, Светонiй, Валь-
• теръ Скоттъ. Многiе, вижу, улыбнутся
• этому сближенiю именъ и кажущейся
• парадоксальности мысли. Но *лѣтописи*
• Тацита — романъ, такъ же какъ романы
• Вальтера Скотта — исторiя. Сама исто-
• рiя — романъ действительный, и только
• въ формѣ романа можно изобразить
• людей, двигателей событiй, людьми —
• а не государями, министрами, и т. д.
• На судьбу народовъ имѣеть влiянiе

личность правителя, а не его званiе.
Иначе всѣ были бы одинаковы...

За явными причинами событiй
кроются еще тайныя. Второстепенная
причина сама есть слѣдствiе, и изъ
нея нельзя изъяснить ничего. Надо
проникнуть въ самую глубину.

Конечно, успѣхъ такого сочиненiя
зависитъ равно отъ средствъ и отъ
прозорливости автора. Онъ долженъ
быть одаренъ тою же способностью
схватывать нравственный смыслъ че-
ловѣка, какъ портретистъ схватываетъ
общность выраженiя лица: Такой та-
лантъ производить на насъ то же впе-
чатлѣнiе, какъ и презоскодный пор-
третъ: отъ роду не выдавъ подлин-
ника, мы вѣримъ въ его сходство, —
онъ только что не говоритъ намъ: «да
это я!» Какъ въ томъ, такъ и въ дру-
гомъ случаѣ, историкъ и живописецъ
не просто копируютъ: они и создаютъ.

Сю говорить: «Трудъ мой похожъ на
• труды флорентинскихъ артистовъ,
• копировавшихъ въ мозаикахъ дѣльныя
• произведенiя итальянской школы;
• изъ маленькихъ камешковъ всѣхъ
• цвѣтовъ, всѣхъ переливовъ, они со-
• ставляли что-то, издали довольно-
• наивно произволившее общiй эффектъ
• картины.»

Не скромность ли предметовала эти
строки? Сдены, изображенныя авто-
ромъ, кажется, ближе къ действитель-
ности, нежели мозаикъ къ живописи.

HISTOIRE DE BERNADOTTE, par M.
Sarrans. (Исторiя Бернадотта, сар-
Саррана.)

Авторъ этой занимательной исторiи
самъ былъ дѣйствующимъ лицомъ въ
императорской драмѣ. Солдатъ и ны-
слитель, онъ жилъ на бивуакахъ.
прежде нежели перешелъ къ жнзны
кабинетной. Известно, что онъ ужъ
давно пишетъ «Исторiю Имперiи», и
судя по изданной имъ теперь «Исторiи
Бернадотта», можно ожидать отъ бу-
дущаго труда его много оригинальнаго
и новаго, потому что онъ смотритъ
на событiя великой эпохи съ своей
особенной точки.

Въ исторіи г. Саррана множество впечательныхъ подробностей о дворянствѣ Сѣверной-Европы. Книга его написана строгимъ, но вѣстѣ съ тѣмъ и пылкимъ слоюзомъ. Въ ней есть тѣло.

Въ г. Сарранѣ, какъ авторѣ, мы находимъ большое достоинство: онъ любуется свою эпоху и сроднился съ нею; она развивается передъ нимъ во всемъ своемъ величій; но онъ не подчиняется ей, а владѣетъ ею. Въ событіяхъ она онъ видитъ невидимаго могущественнаго двигателя — идею.

Histoire complète des états généraux et des assemblées représentatives de France depuis 302 jusqu'en 1626. Par M. A. Boullée. Долгая исторія генеральныхъ штатовъ и представительныхъ собраній во Франціи, съ 1302 по 1626 годъ. Соч. А. Булле).

Это сочиненіе написано въ слѣдствіе задачи Академіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ, объявленной въ 1740 году. Задача состояла въ слѣдующемъ:

• Начертать краткую исторію генеральныхъ штатовъ во Франціи съ 1302 по 1614 годъ. Показать побудительныя причины ихъ созванія, ихъ организаціи, способъ ихъ прерій, объемы ихъ власти. — Определить различіе въ этомъ отношеніи этихъ собраній отъ англійскихъ парламентовъ, и объяснить причины, которыя помѣшали имъ сдѣлаться, подобно парламентамъ, правильнымъ учрежденіемъ въ старой монархіи.

Вотъ въ чемъ состояла задача академіи. Предметъ, безъ всякаго сомнѣнія, долженъ былъ подстрекнуть многихъ. Но самая обширность задачи, побудившая изученія исторіи двухъ ударствъ, была причиною, что первые опыты разрѣшить ее не удалось. Только въ 1842 году, — тогда были представлены только три сочиненія, побудившія академію рочить рѣшеніе еще на два года. Этотъ разъ, результаты были удовлетворительныя. Академія назначила

премію г. Ратери и съ похвалою отозвалась о трудѣ г. Булле. Не худо замѣтить, что въ промежуткѣ времени между двумя конкурсами, вышла въ свѣтъ «Исторія Генеральныхъ Штатовъ» Тибодо, послужившая богатымъ матеріаломъ для конкурентовъ.

Изданная теперь г. Булле исторія нѣсколько измѣнена противъ сочиненія, представленнаго имъ въ академію. Всего болѣе нашли недостаточнымъ въ его трудѣ сравненіе англійскихъ парламентовъ съ генеральными штатами Франціи. Булле, при теперешнемъ изданіи, выкинулъ эту часть. Конечно, лучше было бы постараться исправить ее, — но читатели должны быть признательными въ автору за то, что онъ вознаградилъ это сокращеніе многими достойными вниманія приложеніями.

Во-первыхъ, онъ прибавилъ *введеніе*, котораго вовсе не требовалось по программѣ академіи. Въ немъ онъ излагаетъ различныя предположенія, появившіяся до настоящаго времени о происхожденіи генеральныхъ штатовъ, и указываетъ на сохранившіеся въ нихъ слѣды меровингскихъ собраній.

Во-вторыхъ, *прибавленіе*, служащее продолженіемъ введенію, заключаетъ въ себѣ нѣсколько опредѣленныхъ свѣдѣній о началѣ образованія и правахъ древняго французскаго црства. Точное знаніе условій существованія этого чина должно, по мнѣнію автора, пролить много свѣта на исторію генеральныхъ штатовъ.

Что касается до разсказа г. Булле, онъ одушевленъ и ловокъ. Одно, въ чемъ, можетъ быть, позволительно упрекнуть автора, — недостатокъ соразмѣрности въ излагаемыхъ имъ частяхъ.

За исторіею слѣдуетъ большая глава о составѣ генеральныхъ штатовъ, о способѣ избранія ихъ членовъ, переименованіи и внутреннемъ порядкѣ заведеній, о формѣ прерій. Наконецъ, онъ опредѣляетъ ихъ власть и значеніе въ древней монархіи.

Сверхъ всего этого, приложены еще биографическія замѣтки, въ которыхъ кратко изложена жизнь главнѣйшихъ лицъ разсказа.

Histoire de la Fronde. Par M. le comte de Sainte-Aulaire (Исторія Фронды. Соч. графа де Сент-Олера).

Франція принадлежитъ пальма первенства по части новѣйшихъ историческихъ сочиненій. Народъ, живущій столь-полною политическою жизнью, не могъ не прозавести людей, способныхъ не только понимать, но и сочувствовать всякому социальному положенію. Въ этой настроенности скрывается тайна художническаго таланта историка. Если артистическая восприимчивость духа по счастливому стеченію обстоятельствъ сталкивается съ дѣйствительными коллизіями въ жизни, — художникъ можетъ вполне исполнить свое назначеніе, и чѣмъ шире рамка его собственной жизни, тѣмъ больше пища для его таланта. Люди — двигатели событій; а людей узнають не изъ книгъ, но изъ жизни.

Личность завладѣла нынче исторіей. Златыя времена повѣствованій, въ которыхъ голые факты были связаны пустозвонными фразами, въ которыхъ Иванъ отъ Петра отличался только тѣмъ, что одинъ одержалъ блистательную побѣду, а другой обратился въ постыдное бѣгство, — эти времена миновались — и безвозвратно. Между этими двумя эпохами было переходное время, когда старались обрисовать характеръ событій и цѣлыхъ массъ, не касаясь еще отдѣльных личностей, или по-крайней-мѣрѣ изображая ихъ только какъ олицетворенія идей своего времени, какъ выраженіе духа партій, отдѣла изъ массы народа. Но всякая личность гораздо-больше сама по себѣ личность, нежели отраженіе чужихъ личностей, — и лица историковъ этой переходной школы были въ сущности все-таки безличны.

Но шагъ впередъ былъ сдѣланъ. Вдругъ историческая литература наводнилась сотнями мемуаровъ изъ разныхъ временъ. Это много содѣйство-

вало исправленію взгляда на обработку исторіи. Вѣсть съ тѣмъ, на заглавіи спала отчасти завѣса съ тайны современныхъ событій; двери кабинетовъ растворились, — народъ началъ жить всенародно.

Настала новая эпоха исторіи. Сначала, историкъ былъ просто риторъ. Потомъ отъ него требовалось, чтобы онъ былъ такъ-называемый философъ, то-есть, чтобы онъ рассуждалъ о каузальности событій и выводилъ ихъ одно изъ другаго.

Теперь онъ долженъ быть художникъ, потому-что исторія — искусство, а не просто знаніе, и теоріи не ведутъ тутъ ни къ чему.

Вотъ куда стремится теперь исторія; жизнь сближается съ жизнью древняго форума, разсказаніи жизни сближаются съ Тацитомъ и Светоніемъ. Странно, подумаешь, за что же благоговѣли передъ ними наши предки? Не-уже-ли за то только, что они жили за Богъ-знаетъ сколько столѣтій прежде ихъ? Нечистосердечно, кажется, было это благоговѣніе!

Но обратимся къ книгѣ г. Сент-Олера. Въ способѣ его изложенія соединяются манера г. Тьерри и Миаль. Онъ часто приводитъ собственные слова источниковъ и документовъ, которыми пользовался, — и отъ этого разсказъ выходитъ чрезвычайно-рельефенъ. Личности Лудовика XIII, Лудовика XIV, кардиналовъ Ришельё и Мазарини, Анны-Австрійской и другихъ, выступаютъ въ ясныхъ очеркахъ. Избранный авторомъ періодъ, на который сами Французы смотрятъ какъ на первое проявленіе народнаго духа во Франціи, съ-тѣхъ-поръ незасыхавшаго, — чрезвычайно-интересенъ. Событія при смерти Ришельё особенно замѣчательны. Лудовикъ XIII и кардиналъ приближались къ концу своему съ равною твердостью; Ришельё ноложилъ во что бы то ни стало удерживать власть до конца своей жизни, и думалъ, какъ бы захватить регенство въ свои руки, мимо королевы и герцога орлеанскаго. Губернаторы провинцій

и генералы арміи были или творенія его, или друзья. Во Франціи немного насчитывалось вельможъ, которыхъ онъ могъ бояться; парламентъ былъ покоренъ; дворянство и народъ, казалось, безропотно повиновались существующему порядку дѣлъ. Король согласился на регентство кардинала; но Анна - Австрійская была не такова, чтобъ позволить лишиться себя власти безъ сопротивленія. Она и герцогъ орлеанскій постарались образовать партію на защиту общихъ правъ своихъ.

Королева выбрала себѣ въ совѣтники человѣка, который своими дарованіями, умѣнемъ жить и возвышеннымъ образомъ своихъ мыслей приобрѣлъ всеобщее уваженіе и довѣріе. Де-Ту, съ своей стороны, съ жаромъ привалъ ея сторону и скоро склонилъ къ тому же и герцога бургундскаго, который могъ услужить ей болѣе нежели кто-нибудь: онъ былъ чловѣкъ съ большими способностями и братъ великаго Тюренна. Герцогъ бофортскій, узнавъ, какая бѣда грозитъ королевѣ, также далъ слово защищать ее по мѣрѣ силъ своихъ.

Покаместъ друзья и приверженцы Анны-Австрійской готовились такимъ образомъ вступить за ея права, составила другая партія противъ Ришельё, и — странно, — къ ней присталъ самъ король.

Безусловно предоставивъ дѣла своему министру, Лувизъ безпрестанно находилъ причины жаловаться на него и высказывать свою къ нему ненависть. Ришельё замѣтилъ это нерасположеніе и, презирая званіемъ королевскаго любимца, предоставилъ его другому, мелкому придворному; онъ былъ увѣренъ, что неопытность и бездарность этого человѣка не оскорбятъ этимъ званіемъ. Этотъ чловѣкъ былъ молодой Сен-Маръ; наскучивъ одвообразіемъ своей жизни, онъ какъ-то высказалъ свои чувства такъ ясно, что король упрекнулъ его въ благодарности. Ему было позволено выѣзжать изъ Сен-Жермена только къ

кардиналу; но послѣ выговора короля онъ поскакалъ поздно вечеромъ въ жилище знаменитой Маріонъ де-Лормъ. Рано по-утру онъ возвратился въ Сен-Жермень, чтобъ присутствовать при туалетѣ Лувиза, но, уставъ съ дороги, уснулъ; такая небрежность до того разсердила короля, что онъ письменно пожаловался кардиналу на поведеніе его protégé, и кардиналъ началъ обходиться съ нимъ очень сухо и жестко. Сен-Маръ измѣнился; онъ сдѣлался серьезенъ и внимателенъ къ королю; началъ подумывать о значеніи и важныхъ должностяхъ, просилъ командованія арміею, но кардиналъ отказалъ ему; потомъ просилъ сдѣлать его герцогомъ или паромъ, но и то безъ успѣха. Эти неудачи, и другіе, еще болѣе оскорбительные случаи, задѣли его за живое; онъ поклялся въ смертельной враждѣ къ своему бывшему покровителю, и далъ себѣ слово погубить его. Онъ старался еще болѣе вкратствѣ въ милость къ королю, и усилилъ въ этомъ, какъ не успѣвалъ еще ни одинъ изъ его предшественниковъ. Лувизъ, между-тѣмъ, предостерегалъ Сен-Мара, чтобъ онъ былъ осторожнѣе, говоря, что если кардиналъ потребуетъ его, какъ свою жертву, то онъ, король, не будетъ состоянн спасти его.

Это предостереженіе сдѣлало Сен-Мара только смѣлѣе; однажды, когда король горче обыкновеннаго жаловался на свое порабощеніе, Сен-Маръ отважился замѣтить, что вѣрнѣе и короче всего освободиться отъ тирана, приказавъ убить его при входѣ въ залу совѣта, куда онъ является безъ тѣлохранителей. Король былъ больше озадаченъ, нежели неприятно тронуть этими словами. Онъ началъ оспаривать предложеніе Сен-Мара; но фаворитъ продолжалъ настаивать, надѣясь вырвать у него формальное согласіе на заговоръ. Де-Ту, пріятель Сен-Мара; съ ужасомъ отвергъ мысль объ убійствѣ, сообщенную ему Сен-Маромъ, но одобрилъ усилія его погубить кардинала въ милости короля и подалъ

ему даже совѣты, какъ лучше достигъ этой цѣли. Пользуясь довѣренностью королевы, герцоговъ орлеанскаго и бульйонскаго, и Сен-Мара, де-Ту сдѣлался центромъ интриги, связью, соединявшею различныя партіи. Между-тѣмъ, онъ ни за что не соглашался вступить въ сношенія съ иностранными державами; союзники его, вида его непоколебимость въ этомъ отношеніи, скрытно отъ него искали помощи при испанскомъ дворѣ. Они отправили туда Фонтрала, который легко открылъ доступъ къ герцогу Оливаресу, правившему Испанію такъ же самовластно, какъ Ришельё правилъ Францію. Заключенъ былъ договоръ, по которому его католическое величество обязывался дать герцогу орлеанскому людей и деньги для предполагаемой цѣли. Въ то же время, по первому пункту договора, не должно было предпринимать ничего противъ короля, королевы или въ ущербъ ихъ владѣніи.

Фонтрала, зашивъ этотъ актъ въ свое платье, возвратился во Францію и прибылъ ко двору въ Нарбонну. Много перемѣнъ произошло во время его отсутствія. Ришельё былъ въ опалѣ, а Сен-Маръ болѣе нежели когда-нибудь былъ въ милости у короля. Сверхъ того, здоровье кардинала разстроилось, и думали даже, что близокъ конецъ его. Король такъ мало оказывалъ къ нему вниманія, что не послалъ даже передъ отъѣздомъ освѣдомиться объ его здоровьѣ и отправился съ своимъ любимцемъ изъ Нарбонны въ лагерь близъ Перпиньяна. Кардиналъ Мазарини и другіе не пренебрегали никакимъ средствомъ, чтобъ возвратить Ришельё довѣріе короля, — и безразсудство самого Сен-Мара не мало помогло имъ. Сен-Маръ, безопасный и надменный по натурѣ, думалъ, что успѣхъ его не подлежитъ уже никакому сомнѣнію; онъ ни изъ чего не дѣлалъ тайны, и началъ хвастать тѣмъ, что долженъ бы былъ таить больше всего.

Договоръ съ Испанію сдѣлался извѣстнымъ въ Парижѣ, едва-только

успѣли подписать его въ Мадридѣ. Королева сообщила подробности его де-Ту; встревожившись, онъ поспѣшно оставилъ Парижъ и поскакалъ въ Перпиньянъ; горько упрекалъ въ этомъ Сен-Мара, заклиналъ его разорвать этотъ роковой союзъ, и объявилъ, что уѣдетъ въ Римъ, ибо не хочетъ быть свидѣтелемъ несчастій, которыя предвидитъ.

Ришельё, между-тѣмъ, считалъ себя погибшимъ. Опасаясь оставаться тамъ, гдѣ онъ былъ, онъ рѣшился бѣжать подальше отъ двора и арміи, и сдѣлавъ свое завѣщаніе, отправился, самъ не зная, гдѣ найдетъ пристанище. Наконецъ, въ Гарасконѣ, графъ д'Ала принялъ его подъ свой кровъ. Здѣсь получилъ онъ письма, въ которыхъ его извѣщали, что по ходатайству Мазарини и де-Шавиньи король возвращаетъ ему свою милость. Король, узнавъ о договорѣ съ Испанію, оставилъ армію, возвратился въ Нарбонну, и со слезами на глазахъ подписалъ приказаніе арестовать Сен-Мара, де-Ту и герцога бульйонскаго. Гастонъ, герцогъ орлеанскій, услышавъ, что заговоръ открытъ, и приняты уже мѣры къ взятію его подъ стражу, признался въ своей винѣ, просилъ прощенія и обѣщалъ разсказать всѣ подробности дѣла. Онъ подалъ два объясненія, въ которыхъ пошадилъ только тайны одной Анны-Австрійской. Кардиналъ съ восторгомъ прочелъ эти бумаги: онъ свидѣтельствовалъ о преступности Сен-Мара, и самъ Лудовикъ засвидѣтельствовалъ, что Сен-Маръ имѣлъ преступное намѣреніе убить своего благодѣтеля. Что Сен-Маръ будетъ осужденъ — не подлежало сомнѣнію; но на-счетъ де-Ту дѣло было не такъ ясно. Ришельё, однакожъ, настаивалъ на осужденіе его, основываясь на указѣ Лудовика XI. Обвиненный былъ позванъ къ судилищу въ Лионѣ. Герцогъ бульйонской получилъ условное прощеніе, по ходатайству своего дяди, принца оранскаго и виконта Тюренна. Де-Ту, признавшійся, что

зналъ о договорѣ съ Испанією, но ве олоблялъ его, былъ осужденъ на основаніи упомянутого указа. Онъ и Сен-Маръ были казнены.

Немедленно послѣ казни, Ришльё отправился въ Парижъ, куда и прибылъ съ очень-разстроеннымъ здоровьемъ. Тѣмъ не менѣе онъ не переставалъ уничижать королеву, даже самого короля и нарочно выскивалъ случаи, чтобъ выказать свое непочтене къ королевѣ. Лудовикъ, слабѣвшій съ каждымъ днемъ, не имѣлъ силы ни въ чемъ отказать своему министру; онъ приказалъ даже написать манифестъ, въ которомъ объявлялъ герцога орлеанскаго неспособнымъ, въ случаѣ несовершеннолѣтія наследника, какимы быто нибыло образомъ участвовать въ управленіи государствомъ, и назначалъ регентомъ Ришльё. Аннѣ-Австрійской грозило подобное же униженіе.

Разсказъ о смерти кардинала переданъ собственными словами автора:

«Давно уже изнуренное страданіями тѣло этого необыкновеннаго чловѣка поддерживала только сила духа. Но смерть беретъ наконецъ свое; она застѣгла, но не взумала Ришльё среди его честолюбивыхъ замысловъ. Когда ему объявили, что ему остается жить не болѣе двадцати-четырехъ часовъ, онъ велѣлъ попросить къ себѣ короля и распорядился на -счетъ будущаго управления государствомъ, какъ-будто своими семейными дѣлами. Онъ назначилъ наследникомъ своимъ кардинала Мазарини, рвеніе и способности котораго ему извѣстны, и который, по его мнѣнію, больше нежели кто-нибудь способенъ занять мѣсто, которое онъ скоро покинетъ. Король общалъ во всемъ поспушить согласно послѣднимъ желаніямъ министра, и сдѣлалъ кардинала Мазарини главою совѣта.

«Ришльё какъ слѣдуетъ исполнилъ свои религиозныя обязанности, объявилъ, что у него не было другихъ враговъ, кромѣ враговъ Франціи, и твердымъ голосомъ, съ спокойнымъ выраженіемъ лица поручилъ себя мо-

«литвамъ епископовъ, назидавшихся зрѣлищемъ столь спокойной кончины. Одинъ изъ нихъ, видѣвшій дѣла, можеть-быть, яснѣе, — чувствовалъ со-всѣмъ другое.—Право, сказалъ онъ: такая увѣренность ужасаетъ меня (Profecto nimium me terret magna illa securitas).»

Вѣсть о смерти кардинала обрадовала всѣхъ. Самъ король былъ веселѣе обыкновеннаго. Всѣ ждали переменъ въ системѣ правленія; изгнанники приблизились къ границамъ Франціи, и заключенные въ темницахъ ждали скорого освобожденія; но всѣмъ этимъ надеждамъ суждено было не сбыться. Король, избавившись отъ министра, не хотѣлъ однакожъ разстаться съ его политикою: онъ освободился отъ деспотизма, но не хотѣлъ, чтобъ освободились отъ него и поданные.

Наслѣдниковъ Ришльё, призванныхъ пожать плоды его власти и народной къ нему ненависти, поддерживалъ при дворѣ только домъ Кондэ, по брачнымъ связямъ защищавшій фамилію и память кардинала. Напротивъ того, домъ Вандома, долго терпѣвшій преслѣдованіе, былъ одушевленъ мщеніемъ и желаніемъ вознаградить себя за прошедшее. Къ нему присоединилось много привцевъ и вельможъ, движимыхъ одинаковыми съ нимъ интересами. Такимъ-образомъ, дворъ раздѣлился на двѣ партіи: партію Кондэ и партію недовольныхъ, главою которыхъ были герцогъ Вандомъ и его сыновья. Эта партія становилась все многочисленнѣе и сильнѣе. Многие принцы и дворяне, изгнанные или осужденные, публично явились опять въ Парижѣ. Всѣ они были приверженцами королевы, которая, избавившись отъ главнѣйшаго врага своего и вида болѣзненность короля, открыто приняла мѣры къ обезпеченію своихъ правъ на регентство. Она преимущественно поручила дѣло свое герцогу Бофортскому, второму сыну Вандома. Партія, которой онъ былъ главою, стремилась возстановить древнія постановленія королевства. Цѣлью ихъ поли-

тики было снова захватить въ свои руки должности и мѣста, которыхъ лишили ихъ Ришельё, и возобновить свое вліяніе. Успѣхъ ихъ повлекъ бы за собою уничтоженіе новаго образа правленія и восстановленіе феодалъской независимости.

Отвращеніе Лудовика XIII къ членамъ своей фамиліи было невзглядно. Брата своего, герцога орлеанскаго, ненавидѣлъ онъ больше жены. Кардиналъ Мазарини уговорилъ его, однакожь, передъ смертью дать королевѣ титулъ регентши, а герцога орлеанскаго сдѣлать намѣстникомъ (lieutenant-général) королевства, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ истинная власть осталась въ рукахъ министровъ, образовавшихся въ школахъ Ришельё и напитанныхъ его правилами. Въ слѣдствіе этого, составленъ былъ манифестъ, въ которомъ членами совѣта регентства назначены были: королева, герцогъ орлеанскій, принцъ Кондэ, кардиналъ Мазарини, канцлеръ Сегье, и г-да де-Бутильё и де-Шавиньи. Король объявилъ, что это его неизмѣнная воля, и заставилъ королеву и герцога подписать актъ. Королева не преминула протестовать тайно противъ этой вынужденной подписи; движеніе въ ея пользу было всеобщее, и министры отказались наконецъ отъ всѣхъ правъ, предоставленныхъ имъ манифестомъ. Мазарини готовился уѣхать въ Италію.

Лудовикъ умеръ 14-го мая 1643 года. Тотчасъ послѣ его смерти, герцогъ бофортскій ввелъ королеву-регентшу и молодого короля въ Парижъ. Въѣздъ ихъ походилъ на триумфъ; принцы и вельможи, такъ долго унижаемые кардиналомъ, возстали теперь изъ своего ничтожества и съ гордою радостью смотрѣли на женщину и дитя—своихъ защитниковъ. Черезъ три дня былъ обнародованъ новый манифестъ, которымъ уничтожался первый; полная власть была предоставлена Аннѣ-Австрійской, какъ регентшѣ. Парламентъ единодушно призналъ этотъ манифестъ; члены его были рады, что новое царствованіе начинается обращеніемъ

ихъ политическому значенію. Членовники, изгнанные и лишенные власти указомъ 1641 года, торжественно заняли мѣста свои, и съ жаромъ начали поддерживать образъ мыслей, за который пострадали.

Но королева ненавидѣла прежде правительство не за его тираническія начала; доказательство этому въ томъ, что достигши всего, чего желала, она немедленно предложила Мазарини мѣсто, которое назначилъ ему въ своемъ манифестѣ покойный король. Пожались немного, онъ принялъ званіе предсѣдателя совѣта, и явился къ королевѣ съ прочими министрами, взявшими на себя, вмѣстѣ съ нею, управленіе дѣлами. Эта вѣсть, какъ громъ поразила противную партію.

Дѣйствительно, говорить Севъ-Озеръ ничто не могло быть неожиданнѣе: королева, до сихъ поръ столь гордая, столь непримиримая во враждѣ и столь постоиная въ дружбѣ, избирала образъ правленія, противъ котораго была въ самой упорной оппозиціи; даритъ свое довѣріе людямъ, глубоко ее оскорблѣвшимъ, и отрывается отъ друзей, неоставившихъ ея въ несчастіи, связанныхъ съ нею узами общихъ бѣдствій, только что оказавшихъ ей столь важныя услуги.

Не станемъ здѣсь входить въ подробныя причины такого поступка: ихъ можно, если угодно, изъяснить изъ интересовъ и обязанностей ея новаго положенія. Покровительствуя вслѣдникамъ Ришельё, она несколько не хотѣла возобновить преслѣдованія. Она старалась даже примирить своихъ новыхъ министровъ съ старымиerverженцами; но эти мирныя настрѣнія съ каждымъ днемъ встрѣчали неодолимыя препятствія. Въ такомъ неловкомъ положеніи, Анна совершенно предалась Мазарини; изворотливый умъ его помогалъ ей избѣгать разныхъ затрудненій и въ то же время удалялъ отъ нея старыхъ друзей, наскудѣвшихъ ей жалобами. Бофорты, озадаченные и огорченные утратою

своего значенія, надѣялись еще на герцогиню де-Шеврёвъ, стариннаго, вѣрнаго друга королевы, съ компаньйонку и довѣренную особу. Надѣясь на ея ходатайство, многіе изъ дворянъ этой партіи преждевременно захватили свои старинныя права и вступили во владѣніе землями. Но ходатайство ея подало только поводъ къ явному, рѣшительному отказу со стороны королевы. Кроме того, герцога орлеанскаго убѣдили пристать къ министерской партіи. Обстоятельство, ничтожное само себѣ, дало новую пищу враждѣ между партіями Кондэ и Вандома и было причиною придворной революціи. Это обстоятельство была частная ссора знаменитой герцогини де-Лонгвиль (урожденной Кондэ) съ г-жею де-Монбазонъ. Бофорты пользовались этимъ случаемъ и открыто вызвали партію Кондэ; четырнадцать принцевъ поспѣшили предложить шпаги и пестъ свою на защиту г-жи де-Монбазонъ. Домъ Кондэ, съ своей стороны, тоже собралъ друзей своихъ. Королева взяла сторону послѣднихъ; цѣлый рядъ равныхъ дерзостей и личностей, въ которыхъ придворныя дамы играли главнѣйшія роли, довелъ дѣло до того, что г-жа де-Монбазонъ получила наконецъ приказаніе вовсе оставить дворъ, а прочіе предводители партіи, мужины и женщины, были или поажены въ тюрьму, или принуждены ѣхать.

Такъ, черезъ четыре мѣсяца послѣ смерти Людовика XIII, Анна-Австрійская, достигши неограниченной власти, преслѣдовала бывшихъ друзей своихъ, товарищей ея прошлыхъ несчастій. Она довела ихъ опять до того оложенія, въ которомъ они находились при Ришельё, и прибѣгала противъ нихъ къ насильственнымъ, деспотическимъ мѣрамъ, сдѣланнымъ правленіемъ кардинала столь ненавистнымъ. Графъ де-Сент-Олеръ недопускаетъ, прочеиъ, чтобъ королева принесла свою вѣрныхъ приверженцевъ въ жертву мщенію за г-жу де-Лонгвиль, или безпрекословно повинувся внушенію

кардинала Мазарини. Если и можно предположить, что энергія, съ которою она защищала его въ послѣдствіи, происходила не изъ однихъ политическихъ соображеній, то должно, по крайней мѣрѣ, сознаться, что, при началѣ регентства, кардиналъ не имѣлъ еще на нее столь сильнаго вліянія. «Если» продолжаетъ авторъ: «вмѣсто того, чтобъ объяснять поведеніе Анны-Австрійской изъ дѣтскихъ привычекъ, каприза или кокетства, мы внимательно рассмотримъ ея политическіе интересы, то должны признаться, что поступокъ ея основывался на важнѣйшихъ соображеніяхъ. Герцогъ Бофортскій и его приверженцы довели дѣло до того, что примирить ихъ съ министрами было рѣшительно невозможно. Необходимость требовала, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ оставилъ дворъ, и вопросъ состоялъ не только въ томъ, кого предпечетъ Бофорта или Мазарини, но сохранить ли, или утратить все, что кардиналъ Ришельё сдѣлалъ въ пользу королевской власти? Удержать ли авторитетъ сосредоточеннымъ въ лицѣ монарха, или снова раздѣлить его между немногими принцами, подъ покровительствомъ которыхъ французское дворянство сохранило духъ независимости, остатки феодальныхъ учрежденій, и будетъ передавать ихъ изъ рода въ родъ? Вотъ въ чемъ состояла распря между кардиналомъ Ришельё и французскою аристократіею, — въ этомъ заключался вопросъ и теперь».

«Если кардиналъ Мазарини останется главнымъ правителемъ дѣлъ, и, слѣдя системѣ своего предшественника, будетъ поручать провинціи и важныя коронныя должности только людямъ, зависящимъ отъ него по своему положенію и характеру, королевская власть не испытаетъ никакихъ стѣсненій и будетъ приближаться къ деспотизму; если же, напротивъ, принцы вандомскій и лорренскій восторжествуютъ надъ кардиналомъ и раздѣлятъ между собою и между

«своими друзьями власть правитель-
«ственную и почетныя должности, го-
«сударство начнетъ возвращаться къ
«временамъ феодализма.»

Въ первые годы регентства, безпре-
рывный рядъ завоеваній и побѣдъ,
одержанныхъ Кондэ, Тюренномъ, Гар-
куромъ и Гассиономъ въ Испаніи,
Фландріи, Германіи и Италіи, льстилъ
народной гордости, и всѣ находили въ
этомъ чувствѣ вознагражденіе за утра-
ту свободы. Ярость партій на время
утихла. Мазарини былъ на своемъ мѣ-
стѣ. Онъ старался примирить недово-
льное дворянство щедростію, началь-
ствующія лица ласкою и лестію; онъ
не уставалъ повторять имъ, что «жела-
етъ управлять только сообразуясь съ
совѣтами парламента, и что смотритъ
на нихъ какъ на хранителей короля
во время его малолѣтства.»

Плохое состояніе финансовъ было
причиною переворота въ правитель-
ствѣ. Для пополненія недостающихъ
суммъ отрыли старый указъ 1548 года,
которымъ запрещалось «строить но-
вые дома въ предмѣстіяхъ Парижа,
подъ опасеніемъ разрушенія этихъ до-
могъ, конфискаціи матеріала и денеж-
ной пени». Хотѣли распорядиться на
основаніи точнаго смысла этого указа.
Но съ-тѣхъ-поръ, какъ указъ былъ из-
данъ, прошло уже сто лѣтъ, и запреще-
ніе было совершенно забыто; городъ
значительно увеличился, возникли но-
выя улицы, направленіе которыхъ
было утверждено самимъ правитель-
ствомъ, и съ обывателей собиралась
извѣстная сумма на мостовую. Есте-
ственно, они изумились и ужаснулись,
услышавъ, что старый указъ хотятъ
привести въ исполненіе. Имъ угрожа-
ли разрушить ихъ дома, или взъискать
съ нихъ штрафъ за каждый гуазъ по-
стройки; владѣльцы собрались въ тол-
пу, на помощь комиссарамъ по-
сланы солдаты, — смутеніе и сопре-
тивленіе были естественными слѣд-
ствіями. Мазарини виѣшался въ это
дѣло и вытребовалъ сначала отсроч-
ку этой мѣры, а потомъ уничтоженіе
девяти десятыхъ суммы, требуемой съ

владѣльцевъ. Успѣхъ сопротивленія
далъ смѣлость не уступить и при дру-
гомъ случаѣ.

Недочетъ въ казѣ необходимо за-
ставлялъ прибѣгать къ необыкновен-
нымъ мѣрамъ для пополненія ея. Ко-
гла упомянутый указъ оставили въ
покоѣ, генерал-контролеръ д'Эме-
ри выдумалъ другое, не менѣе насиль-
ственное средство, снова возбужденное
всеобщее негодованіе, и бывшее при-
чиною новыхъ смутеній. Въ особенно-
сти *Chambre des enquétes*, камера
апелляціонныхъ дѣлъ, выказала при
этомъ столь-рѣшительное сопротивле-
ніе, что четыре члена ея были поса-
жены въ темницу и изгнаны. Вѣсть
объ этомъ *conseil d'état* привела въ дви-
женіе и парламентъ; члены его отпра-
вились всѣ вмѣстѣ въ Пале-Руаля и
потребовали освобожденія и возвра-
щенія этихъ четырехъ лицъ. Мазари-
ни, неизмѣннѣй непоколебимой твердо-
сти Ришльё, уступилъ ихъ требова-
нію и возвратилъ трехъ изгнанныхъ.
Только президентъ Барильёнъ оста-
лся въ заключеніи, потому-что коро-
ва не соглашалась на его освобожде-
ніе. Онъ умеръ вскорѣ потомъ, въ одно
время съ президентомъ Галвтомъ,
бывшимъ тоже въ числѣ упомяну-
тыхъ четырехъ лицъ. Это заставило
подозрѣвать, что ихъ отравили: — до
такой степени дошло негодованіе въ
правительство.

Съ этого времени, споры между
парламентскою камерою (*la grande
chambre*) и камерою апелляціонныхъ
дѣлъ (*chambre des enquétes*) были за-
быты. Общій интересъ соединялъ
всѣхъ членовъ парламента воедино, и
всѣ они дышали равною ненавистью
къ тираніи. Мазарини, не смѣя про-
тивостать имъ и не желая подвергнуть
финансовыя мѣры, необходимыя для
покрытія годовыхъ издержекъ, сво-
бодному обсуживанію, обратился къ
засѣданію короля въ парламентѣ (*lit
de justice*), какъ къ послѣднему сред-
ству. Онъ проводилъ молодого короля
въ парламентъ, и девятнадцать ука-
зовъ о государственныхъ доходахъ

были внесены въ протоколъ (enregistré). Члены парламента покорились силѣ обычая, но публика начала разсуждать о злоупотребленіи *lit de justice*. Генераль-контролеръ на слѣдующій годъ былъ опять въ затруднительномъ положеніи и изобрѣлъ опять новое средство доставать деньги, именно, — обложить налогомъ всѣ припасы, ввозимые въ Парижъ. Установленіе этого налога породило долгій и жаркій споръ между парламентомъ и казначействомъ; парламентъ извлекъ изъ него для себя пользу и усилился; сношенія его съ Мазарини по дѣлу о тарифѣ звели его въ управленіе дѣлами. Установленіе тарифа было великимъ и полезнымъ нововведеніемъ. Оно согласовалось съ ходомъ цивилизаціи; противъ него можно было возразить только одно: несправедливо, чтобъ это нововведеніе касалось только Парижа; по это былъ первый шагъ, и мѣру можно было распространить потомъ на всѣ города королевства.

«Къ - несчастью» говорить авторъ: знаніе финансоваго дѣла не равнялось добрымъ намѣреніямъ правительственныхъ лицъ. Указъ о тарифѣ былъ отвергнутъ уперно. Пришлось обратиться снова къ старой методѣ... Плохой успѣхъ предшествовавшихъ преній лишилъ Мазарини бодрости; онъ рѣшился еще разъ сопутствовать королю въ парламентъ и еще разъ схватиться за извѣстное средство — *lit de justice*. Не упустили ничего, чтобъ привести къ повиновенію возмущенные умы; королева послала за генераломъ-адвокатомъ Таловомъ, увѣряла его, что требованія кротки и справедливы, и хотѣла выманить у него положительное обѣщаніе одобрить указы: суровый гражданинъ отвѣчалъ, что онъ исполнитъ свою обязанность.

Король явился съ обычнымъ величїемъ и торжественностью. Канцлеръ, излагая дѣло, основывался на недостаточности годовыхъ доходовъ на продолженіи войны, говоря, что вистательныя побѣды довольно воз-

награждаютъ народъ за его пожертвованія. Въ отвѣтъ ему, президентъ горячо возсталъ противъ войны, и старался доказать, что не видно ни малѣйшаго желанія прекратить ее, — что она только служитъ предлогомъ для тѣхъ, которые употребляютъ во зло авторитетъ короля, съ цѣлью овладѣть и остальнымъ имуществомъ частныхъ лицъ. Генераль-адвокатъ объявилъ, что эти прославляемыя побѣды нисколько не уменьшаютъ бѣдствій народа, что цѣлыя провинціи питаются хлѣбомъ изъ овса и отрубей, и что скоро онѣ будутъ истощены до послѣдней степени. Потомъ онъ говорилъ противъ злоупотребленія и безразсудности такъ называемаго *lit de justice*.

На другой день, парламентъ, созванный для разсужденія о предложенныхъ королемъ указахъ, объявилъ ихъ недействительными. Партія двора пришла въ сильнѣйшее негодованіе; говорили, что это дѣло неслыханное, возмущеніе, — что это значитъ противопоставлять авторитетъ авторитету, власть власти, измѣнять образъ монархіи. Королева, увлеченная страстью, провнесла угрозы. Въ надеждѣ, что парламентъ не осмѣлится явно высказать своей мысли, она потребовала лежнаго и прямого отвѣта на вопросъ: считаетъ ли онъ себя въ правѣ ограничивать власть короля? Согласно ея требованію, начались разсужденія объ этомъ предметѣ и кончились тѣмъ, что парламентъ уступилъ ей кое-что. Графъ де Сент-Олеръ замѣчаетъ при этомъ случаѣ:

«Это разсужденіе, неблагоприятно вызванное королевою, имѣло важныя слѣдствія. Оно сбросило покровъ со словъ и мыслей о правахъ народовъ и королей, которые всего лучше упоминаются среди молчанія. Еслибъ въ отвѣтъ на вопросъ королевы о пределахъ королевской власти парламентъ попросилъ сказать, когда авторитетъ короля во Франціи былъ неограниченъ, этотъ вопросъ, конечно, озадачилъ бы противную партію.

«Дѣйствительно, королевская власть

во Франціи была ограничена то силою вассаловъ, то принцами и главами дворянства, — и всегда установленіями, болѣе или менѣе геролдированными съ состояніемъ общества. Съ теченіемъ времени, пали учрежденія среднихъ вѣковъ, и на развалинахъ прехлаго общественнаго механизма Ришлье создалъ образъ правленія, сосредоточенный въ однихъ рукахъ, и долженъ былъ чѣмъ-нибудь обезпечить публичную свободу въ замѣнъ аристократическихъ привилегій. Принцы и дворянство лишились своего политическаго могущества; его наследовали парламенты, и право ихъ основывалось на ужасѣ, внушаемомъ деспотизмомъ всемъ классамъ общества.

Съ этой точки зрѣнія, притязанія парламента были законны и справедливы; но если судить о нихъ по аналогіи исторической критики—они не могутъ быть оправданы. Но правительственные лица не такъ понимали права свои. Они рылись въ старыхъ актахъ, и какая-нибудь древняя хартія имѣла въ глазахъ ихъ гораздо-больше вѣса, нежели всѣ справедливыя требованія и интересы настоящаго времени. Но когда теоретическія разсужденія обнажили основаніе правительствъ; когда, послѣ тщетныхъ стараній открыть и изложить основные законы, убѣдились, что ихъ во Франціи нѣтъ, всѣ увидѣли необходимость составить ихъ. Переходъ былъ естественъ. Съ этого дня слово «преобразование» было на языкѣ у всѣхъ; каждый желалъ участвовать въ этомъ славномъ и необходимомъ дѣлѣ, и парламентъ увидѣлъ, что бывшіе до-сихъ-поръ гораздо-покорнѣе его, обогнали его на поприщѣ реформы.»

Предѣлы статьи не позволяютъ коснуться здѣсь многихъ интересныхъ частностей, и мы обращаемся къ тому періоду, когда Мазарини уѣхалъ изъ Парижа, чтобъ принять начальство надъ арміею въ Шампаньи. Онъ надѣялся, что побѣда надъ непріителемъ

дастъ ему сильный перевѣсъ и надъ личными его врагами. Но онъ не замѣтилъ, какъ близокъ союзъ новыхъ и старыхъ фронтёровъ. На другой день послѣ его отъѣзда, первымъ президентъ открылъ засѣданіе парламента. Просьба принцессы Кондѣ касательно освобожденія привацовъ Кондѣи Контини, и герцога Лонгвилльскаго, была принята безъ всякаго спора. Друзья уже не разъ ходатайствовали за нихъ съ-тѣхъ-поръ, какъ они были въ заключеніи, — но на просьбы ихъ не обращали вниманія. Теперь рѣшенія нельзя было откладывать дальше. Парламентъ положилъ сдѣлать различіе между законною свободою и самовластиемъ. Анна-Австрійская была въ это время больна; она созвала къ себѣ королевскихъ совѣтниковъ, и объявилъ имъ черезъ хранителя печати, что «принцы крови заключены во волю короля, и что измѣнить ихъ положеніе можетъ только власть, оставившая ихъ свободы; что это дѣло не подлежитъ разсмотрѣнію парламента, и что онъ не долженъ вмешиваться въ подобныя распоряженія правительства. Но парламентъ положилъ сдѣлать королеу представленіе на-счетъ освобожденія принцевъ, и письменно пригласить всѣ парламенты въ королевствѣ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ парижскому.»

Пренія говоритъ авторъ: «продолжались уже дней двѣнадцать и приходили къ концу, когда неожиданное событіе воскресило надежды приверженцевъ Мазарини и готово было измѣнить положеніе дѣла. Счастье улыбулось кардиналу: въ три дня онъ выигралъ Ретель и одержалъ совершенную побѣду надъ Тюренномъ и испанскимъ генераломъ Дон-Эстебаномъ де-Гамарроу. Вся непріятельская пѣхота была побита или взята въ плѣнъ, кавалерія разсыяна и артиллерія съ багажемъ досталась въ руки побѣдителю... Вѣсть о такомъ блестятельномъ, быстромъ, неожиданномъ успѣхѣ поразила старыхъ и новыхъ фронтёровъ; противники ихъ обо-

дрялись, и совѣтникъ Мазаръ осмѣлился сказать, что кардиналъ Мазарини единственная подпора Франціи, что онъ виновникъ побѣды при Ретелѣ, какъ и всѣхъ предшествовавшихъ побѣдъ. Онъ восхвалялъ его шурость, доброту сердца, и заключилъ предложеніемъ поручить принцевъ его охраненію, потому что онъ будетъ заботиться о нихъ съ тѣмъ же рвеніемъ, съ какимъ заботится о благѣ всего государства.

Мазарини немедленно возвратился въ Парижъ; но, въ слѣдствіе приговора, произнесеннаго надъ нимъ парламентомъ, оставилъ городъ. Королева готова была послѣдовать за министромъ, но ее задержали подъ арестомъ въ Пале-Руаяль. Кардиналъ сѣвшилъ въ Гавръ, гдѣ были въ заточеніи принцы; его сопровождали триста всадниковъ подъ предводительствомъ графа де-Паллю; многие пристали къ нему на дорогѣ. Всѣ готовы были идти на встрѣчу опасностямъ, защищая своего патрона, и поклялись раздѣлить съ нимъ судьбу его. Но вѣсти изъ Парижа мало-по-малу умѣрили этотъ жаръ. Узнавъ, что королева подъ стражею въ Пале-Руаяль, и что фрондѣры всемогущи, многіе покинули кардинала на пути. Оставшіеся при немъ не оказывая уже прежней внимательной услужливости, но съ мрачнымъ выраженіемъ лица упрекали его то въ томъ, то въ другомъ. Солдаты, слѣдуя примѣру своихъ начальниковъ, забыли всякое почтеніе къ кардиналу и дисциплину, грабили по дорогамъ, и угрожали оставить знамена.

Но Мазарини не отчаявался и спѣшилъ впередъ, въ Гавръ. Онъ рассчитывалъ, что явится къ принцамъ какъ властелинъ ихъ свободы и неволи, и что если они не захотятъ принять его сторону, онъ стѣснить ихъ еще болѣе и будетъ защищаться въ крѣпости противъ своихъ враговъ. Но нежданное сопротивленіе со стороны аврскаго коменданта де-Бара разгромило этотъ планъ. Когда кардиналъ одѣхалъ съ своимъ отрядомъ къ во-

роташъ, де-Баръ объявилъ, что онъ готовъ выдать плѣнниковъ королевы, которая поручила ему надзоръ за ними, но что не впусетитъ въ крѣпость вооруженныхъ людей безъ приказанія герцогини д'Эгильионъ. Мазарини просилъ и грозилъ, но безъ успѣха: де-Баръ былъ непоколебимъ, и пока камѣсть они сворили, узнали, что черезъ нѣсколько часовъ придутъ герцогъ де-ла-Рошфуко, г. Рио и г. де-Врильеръ, съ предписаніемъ парижскаго парламента освободить плѣнниковъ. Слѣдовательно, не было уже никакого предлога удерживать долѣе принцевъ въ заточеніи. Кардиналъ, желая по-крайней-мѣрѣ воспользо-ваться хоть тѣмъ, что первый принесеть имъ пріятную новость, согласился оставить свою свиту и вошелъ въ замокъ одинъ. Вошедъ къ плѣнникамъ, онъ объявилъ имъ, что они свободны, просилъ забыть прошедшее и оказать ему свое покровительство. Принцъ де-Кондѣ отвѣчалъ, что онъ благодаренъ королевы за то, что она оказываетъ ему справедливость, будетъ ея вѣрнымъ слугою, какъ былъ всегда, и не будетъ питать злобы за прошлое. За обѣдомъ, онъ посадилъ кардинала возлѣ себя, и изъ за его здоровья, и велъ разговоръ о пустыхъ предметахъ. Принцъ Конти и герцогъ де-Лонгвилъ вѣтерпливо ждали конца комплиментовъ; прямо изъ-за стола они сѣли въ экипажъ и послакали въ Парижъ.

Оставшіеся наединѣ съ принцемъ де-Кондѣ, Мазарини всѣми силами старался убѣдить его, что его собственная польза требовала союза съ королевой; онъ повторилъ принцу доводы де-Лене и герцога ла-Рошфуко касательно обоюдной выгоды заключить союзъ противъ фрондѣровъ, партіи, которой республиканскій духъ угрожалъ королевской власти и законному вліянію высшихъ сановниковъ.

Принцъ далъ ему волю говорить, и долго слушалъ его, но отвѣчая ни слова; наконецъ вышелъ, какъ-будто, не замѣчая усердныхъ поклоновъ карди-

нала. Онъ быстро проѣхалъ по улицамъ Гавра, среди радостныхъ кликовъ народа и пушечной пальбы.

Принцы вѣхали въ Парижъ съ триумфомъ. Эти событія еще болѣе услали могущество дома Кондэ. Но въ спорѣ, возникшемъ между дворянствомъ и парламентомъ, принцу удалось вооружить противъ себя обѣ партіи. Онъ вступилъ въ сношенія съ королевою, но она обманула его и прикинулась съ фронтёрами на его погибель. Авторъ чрезвычайно-живо описываетъ опасность, грозившую въ это время принцу, бѣгство его изъ Парижа и возвращеніе туда позже. Но, пропуская эти подробности, свѣдшимъ къ заключенію искусно-написанной исторіи, когда, по настоянію принцессы (Mademoiselle), ворота Парижа отворились для арміи принцевъ, — и фронда кончилась.

Эта безстрашная принцесса говоритъ Сент-Олеръ: • посетила въ Hôtel de ville, въ сопровожденіи г-жи де-Невуръ, де-Шатильонъ, де-Роанъ, и другихъ придворныхъ дамъ. Безчисленная толпа, собравшаяся на Гревской-Площади, привѣтствовала ее при появленіи и обнаружила готовность исполнить всѣ ея приказанія. Принцесса вошла въ залу совѣта, гдѣ были уже маршалъ л'Опиталь, губернаторъ, мэръ Парижа и другіе чиновники. Она обратилась къ собранію и старалась уговорить ихъ впустить въ городъ войско принцевъ. Но, видя, что увѣщанія не ведутъ ни къ чему, она прибѣгла къ дѣйствительнѣйшимъ средствамъ и объявила, что если они будутъ упорствовать въ отказѣ, то живы ихъ въ опасности. Маршалъ л'Опиталь и нѣсколько дру-

гихъ, устрашенные этими угрозами, • подивились наконецъ приказъ начальникамъ милиціи и губернатору Бастиліи повиноваться во всемъ приказаніямъ, которыя они получаютъ отъ герцога орлеанскаго. Принцесса дѣйствовала въ этомъ случаѣ не изъ политическихъ видовъ: опасное положеніе и героизмъ принца воскресили въ ней старинную къ нему любовь. Когда она разсталась съ нимъ у Сент-Антуанскихъ - Воротъ, блѣдный и окровавленный образъ героя постоянно носился передъ ея воображеніемъ; весь остальной день она съ удивительною ловкостью занималась военными распоряженіями, которыя онъ просилъ ее взять на себя. Часовъ въ шесть вечера, принцъ вошелъ въ Парижъ; принцесса успѣшила ему на встрѣчу; онъ былъ уже вовсе не тотъ, что поутру, — веселъ и бодръ. Онъ въ пламенныхъ выраженіяхъ благодарилъ ее за оказанныя услуги. Въ знакъ благодарности, онъ не выказалъ никакой неприязни къ герцогу орлеанскому, явившему его у Сент-Антуанскихъ-Воротъ. Они обнялись, какъ-будто всегда были друзьями, и пошли вмѣстѣ въ Hôtel de ville поблагодарить мэра и прочихъ. Принцъ осматрѣлъ войско, расположенное въ Pré-aux-Cleres, и удалился наконецъ отдохнуть отъ трудовъ въ отель Кондэ.

Замѣчательныя событія этой исторіи такъ между собою перемешаны, что краткій очеркъ нашъ можетъ назваться только рамкою съ картиною Сент-Олера. Кто хочетъ полюбоваться искуснымъ произведеніемъ, тому снѣло совѣтуемъ прочесть всю книгу.

VIII.

С И Т С Ъ.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

ГЕНЕРАЛЪ ДЖАКСОНЪ.

Изъ всѣхъ людей эпохи борьбы за независимость, никто не имѣлъ такого вліянія на судьбу американскихъ штатовъ, какъ генералъ Джексонъ. Не то, чтобъ онъ былъ мудрѣйшій изъ гражданъ, чтобъ онъ глубже понималъ истинные интересы отечества, или распоряженіями своими увеличилъ внутреннее благоденствіе, свободу и покладъ; нѣтъ, онъ немного усилилъ народное благоденствіе, — но онъ любилъ свое отечество больше, нежели кто-нибудь. Кто пожиралъ абсолютный патризмъ, какъ другіе распыляются за абсолютный монархизмъ. Онъ любилъ свое отечество до страсти, потому что выпустилъ изъ вида священныя права другихъ націй, забылъ должное къ нимъ вниманіе и уваженіе, — а въ государственномъ челоуикѣ это ошибка жизни: она ведетъ отечество въ борьбу и на встрѣчу катастрофамъ. Онъ

XLII. — Отд. VIII.

столкнулъ Соединенные-Штаты съ той дороги, на которую поставила ихъ мудрая и отечески-твердая рука Вашингтона, указавъ имъ новый путь, на которомъ, конечно, можно найти необыкновенное величіе, но который зато полонъ бурь и усыпанъ опасностями, угрожающими законному порядку, свободѣ, благу и даже существованію Союза.

Вашингтонъ подобно тѣмъ, которые вмѣстѣ съ нимъ основали американскую независимость, начерталъ федеративную конституцію 1789 года и исполнялъ ее на дѣлѣ: Франклины, Адамсы, Медисоны, Гамильтоны, воспитали сами себя или получили спокойное, холодное воспитаніе — отличительную черту высшей британской цивилизаціи. Они чтли законъ; они не могли установить поземельной аристократіи: въ тринадцати освобожденных провинціяхъ не было ея элементовъ; но еслибъ они и могли сдѣлаться ея приверженцами, едва-ли бы они могли сдѣлаться ими. Они хотѣли аристократіи просвѣщенія, вѣрили, что она утвердится силою самой дѣйствительности. Они думали,

что свободное, добровольное уваженіе и врожденное чувство общаго блага само собою отдасть управленіе государственными дѣлами лучшимъ и способнѣйшимъ людямъ, и что для этого вовсе не нужно, чтобъ они превосходили другихъ матеріальною силою наслѣдственнаго богатства. Сердце ихъ было полно народной симпатіи, и они желали благородной народности; но въ той же степени ненавидѣли угодничество черни. Они чувствовали глубокое отвращеніе къ правленію *толпы*, хотя и допустили почти-всеобщее участіе голосовъ; но я уже сказалъ, какой кругъ дѣйствія назначили они общему голосу. Они были врагами воинственнаго духа, будучи убѣждены, что онъ неизбежно повлечетъ за собою тиранію, — не хотѣли завоеваній, зная, что для народа, состоявшаго тогда всего изъ четырехъ милліоновъ, — земель Западной-Европы будетъ достаточно на цѣлые вѣка. Когда Джефферсонъ деньгами и мирною сдѣлкой приобрѣлъ Луизиану, это необходимое допущеніе къ землямъ союза, — онъ не явился триумфаторомъ, идущимъ въ Капитолій, но потребовалъ только вознагражденія убытковъ (*un bill d'indemnité*).

Джексонъ, военнанный совершенно въ другомъ духѣ, получившій съ дѣтства нѣмые понятія, одаренный железною силою воли, достоинствами и недостатками, бросающимися въ глаза толпы, столько же пламенный и срачный, сколько предшественики его были умѣренные и доступны голому благоразумію, — генералъ Джексонъ не могъ идти въ политикѣ по ихъ слѣдамъ. Скажемъ, какъ достигъ онъ до распоряженія тѣмъ, что они оставили послѣ себя въ наслѣдство, и что онъ сдѣлалъ, получивъ власть въ свои руки.

Андрей Джексонъ родился 15 марта 1767 года, въ Южной-Каролинѣ, въ округѣ, называемомъ Waxsaw Settlement (Ваксауская-Колонія). Отецъ его былъ ирландскій эмигрантъ; онъ прибылъ за два года въ Чарльстонъ, непо-

рѣ умеръ и оставилъ по себѣ вдову и трехъ малолѣтнихъ дѣтей. Мать назначила Андрея въ духовное званіе и отдала его въ училище, гдѣ онъ получилъ нѣкоторыя основанія литературной образованности. Между — тѣмъ, вспыхнула война за независимость. Четырнадцать лѣтъ, молодой Джексонъ отправился въ американскій лагерь съ своими братьями и былъ взятъ въ плѣнъ. Во время его плѣна, какой-то англійскій офицеръ, видя его молодость, началъ обращаться съ нимъ слишкомъ-запросто и приказалъ ему вычистить себѣ сапоги. Джексонъ не захотѣлъ, говоря, что онъ солдатъ, а не лакей. Офицеръ настаивалъ; плѣнникъ тоже, и, если вѣрить рассказамъ, Андрей получилъ за свое упорство сабельный ударъ по рукамъ, немнѣшій, впрочемъ, серьезныхъ послѣдствій. Вскорѣ потомъ онъ былъ освобожденъ. Восемнадцать лѣтъ, онъ отказался отъ духовнаго званія, къ которому все же не былъ расположенъ, и сдѣлался адвокатомъ, что также было деломъ немалымъ. Въ 1788 году, онъ переехалъ въ Тенесси и основался въ Нашвилѣ, гдѣ скоро получилъ званіе генералъ-прокурора. Въ 1796 году, его сдѣлали членомъ конвенціи, составившей конституцію этого штата. Въ 1797, онъ былъ избранъ членомъ сената Соединенныхъ Штатовъ со стороны Тенессы. Въ этой должности онъ оставался только два года и сложилъ ее съ себя добровольно, чтобъ сдѣлаться однимъ изъ высшаго судилца своей провинціи. Но онъ сражаться былъ не для бравадскихихъ дѣлъ и скоро отказался отъ этой должности. Тогда ему было исполнилось три года. Онъ занимался обработкою нѣмалъ земли и развелъ хвощатую буйволу, сохраняя чинъ генерала и имѣнія.

Жизнь генерала Джексона была въ это время похороша на мнѣшкія жилища обитателей пограничныхъ штатовъ Союза. Народонаселеніе этихъ штатовъ состояло изъ безобразнѣйшихъ пионеровъ; это были народъ грубый, суровый, одумоленный дикими привычками. Они были подвержены

частію изъ паденіемъ Индійцевъ, не-
 вытъ священныя тогда еще за Миссиси-
 пи и перрошавшихъ бѣлымъ истре-
 бленія дѣловъ — мѣсть ихъ охоты и
 средствъ къ пропитанію. Сверхъ-того,
 изъ прибрежныхъ штатовъ стекались
 сюда искатели приключеній и бродяги
 всякаго рода, чѣмъ и заставляю всѣхъ
 безъ исключенія носить оружіе. Никто
 не выходилъ безъ книжата и пары пи-
 столетовъ, и всакій былъ готовъ сей-
 часъ же употребить ихъ въ дѣло даже
 и не противъ краснокожихъ или ди-
 кихъ афрей. Въ Тенесси, въ Кентукки
 и другихъ пограничныхъ штатахъ,
 не было ничего обыкновеннѣе дуэли
 изъ трехъ шагахъ на пистолетахъ или
 карабинахъ; эти *встрѣчи* (технической
 терминъ), которыя у насъ называли бы
 рѣзней, повторялись каждый день. Ге-
 неральъ Джексонъ, съ своею кипащею
 яркостью, высокочтенымъ, мрач-
 нымъ и неукротимымъ нравомъ, чело-
 вѣкъ ловкій и нервный, не могъ не от-
 личиться среди жизни, полной при-
 клоченій. Въ Соединенныхъ-Штатахъ
 по-сихъ-поръ рассказываютъ о встрѣ-
 чѣ его съ полковникомъ Бентонъ, въ
 1813 году. Бентонъ изложилъ все дѣло,
 обращаясь къ защитѣ закона и пре-
 лавъ своего противника, какъ убійцу,
 сеобщему поруганію въ письмѣ, ко-
 торое было перепечатано сто разъ. Мы
 е старемъ рассказывать этой сѣватки.
 кажемъ только, что, по числу писто-
 летныхъ выстрѣловъ, ударовъ книжа-
 томъ, ранъ, остервененію, съ которымъ
 кватились объ партіи, т. е. полков-
 никъ и братъ его съ генераломъ и его
 зумя друзьями, — можно утвердительно
 полагать, что въ Европѣ завязалось
 и назъ этого уголовное дѣло, одно изъ
 лучшихъ украшеній какаго-нибудь
 борника *des causes célèbres*. А въ Аме-
 рикѣ, судя, жившій въ томъ саморъ
 мѣ, гдѣ Джексонъ встрѣтился съ
 Бентонъ, преравнодушно закрылъ
 глаза. Людямъ этого званія правосу-
 де дозволяло сердиться такимъ обра-
 зомъ. Таковы были нравы того време-
 ни въ Тенесси, и самъ Бентонъ, когда
 пододалась первая горячность, не со-

хранялъ въ душѣ своей ничего про-
 тивъ генерала; въ-послѣдствіи, онъ
 явился въ сенатъ Соединенныхъ-Шта-
 товъ самымъ неустрашимымъ побор-
 никомъ политики Джексона, сдѣлавъ
 шагося президентомъ. Эти нравы, до-
 стойные каннибаловъ, не мѣшали
 Джексону быть чувствительнымъ. У
 него было много друзей, которыхъ онъ
 любилъ горячо и которыхъ его люби-
 ли не меньше. Онъ былъ женатъ и нѣж-
 но привязанъ къ женѣ своей. Такому
 явленію нечего удивляться въ странѣ
 новой, гдѣ въ одинъ моментъ сосре-
 дотчивается все, что завѣщали другимъ
 странамъ десятки вѣковъ.

Война 1812—1815 годовъ дала Джек-
 сону возможность удовлетворить свою
 страсть къ битвамъ и отвагѣ на другой
 сновѣ. Съ полудюжиной фрегатовъ Со-
 единенные-Штаты осмѣлились всту-
 пить въ борьбу съ первою морскою си-
 лою въ свѣтѣ для спасенія принципа
 свободы морей. Англичане сдѣлали
 Индійцевъ своими союзниками. Племя
 Криковъ неожиданно овладѣло фор-
 томъ Миммсъ, на землѣ Миссисипи, въ
 теперешнемъ штатѣ того же имени.
 Онп, по своему обыкновенію, точъ-въ-
 точъ какъ описываетъ ихъ Куперъ,
 перерѣзали въ фортѣ Уильямъ-Генри
 всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.
 Джексонъ преслѣдовалъ ихъ съ дѣя-
 тельностью и энергіею, до-тѣхъ-поръ
 невиданными. Онъ вполне восторже-
 ствовалъ надъ своими неприятеля-
 ми, уничтожилъ, истребилъ ихъ. Къ
 концу 1814 года, онъ произведенъ въ
 генерал-майоры и назначенъ команди-
 ромъ войскъ, собранныхъ въ Новомъ-
 Орлеанѣ, гдѣ ожидали высадки Англи-
 чанъ. Дѣйствительно, Соединенные-
 Штаты были всего доступнѣе въ этой
 точкѣ, и Англія, конечно, желала овла-
 дѣть одною изъ первыхъ въ мірѣ во-
 енныхъ и торговыхъ позицій. 14-го де-
 кабря, въ-самомъ-дѣлѣ, явился къ ла-
 гунахъ, окружающихъ Новый-Орле-
 анъ, англійскій флотъ съ 9-ю или 10-ю
 тысячами превосходнаго войска, слу-
 жащаго въ Испаніи подъ предводі-
 тельствомъ Веллингтона. Они владѣ-

ли флотиліей американскихъ канонерскихъ лодокъ. 23-го флотъ проникъ въ Миссисипи, въ виду города, пораженнаго ужасомъ. 8-го января завязалось сраженіе. Генераль Джаксонъ, имѣя подь своею командою не болѣе 5000 человекъ смѣлыхъ стрѣлковъ, но неспособныхъ къ маневрамъ, засѣлъ за рвами и валомъ, заваленнымъ, какъ говорятъ, токами хлопчатой бумаги. Англичане встрѣчены самымъ мѣткимъ, убійственнымъ огнемъ и обращены въ совершенное бѣгство. Предпріятіе ихъ не удалось. Съ этой минуты, генераль Джаксонъ сдѣлался изъ искателя приключеній лицомъ значительнымъ и пользовался огромною народностью между чернею, вѣчною поклонницею военной славы.

Въ этой кампаніи онъ показавъ, какъ мало удерживаютъ его законы, если они противорѣчатъ его волѣ и страстямъ. Еще передъ сраженіемъ онъ силою навербовалъ всѣхъ, кто только могъ взяться за оружіе, и прекратилъ пренія палаты представителемъ Луизианы. Послѣ побѣды, когда Англичане очистили Луизиану, за нѣсколько дней до оффиціального объявленія мира, но когда уже всѣ знали, что миръ заключенъ, желая удержать войска подь знаменами, онъ запретилъ военнымъ декретомъ говорить журналамъ чтъ бы то ни было, прямо и не-прямо касающагося арміи. «Луизианскій Курьеръ» напечаталъ статью, не смотря на это запрещеніе; издатель его былъ взятъ и отведенъ въ главную квартиру. Тамъ онъ объявилъ, что авторъ статьи — членъ законодательнаго собранія, Луалье; Луалье тотчасъ же былъ арестованъ. Провинціальный судья Галль вступилъ за свободу Луалье, но его-самого силою удалили изъ города. Черезъ два дня, миръ былъ объявленъ оффиціально, и судья Галль приговорилъ генерала къ тысячѣ долларовъ пеня.

Эти поступки противъ свободы книгопечатанія, противъ народнаго представительства, противъ чиновниковъ, не возмутили народнаго мѣнтя. Съ

верной-Америкѣ какъ-будто надобно холодныя доблести, герои независимости, и для возбужденія въ ней восторга должны были явиться люди другаго рода. Джаксонъ открылъ тайну плѣнять демократію: онъ угадалъ слабую сторону ея — народную гордость! Невозможно было вести себя высокомеріемъ съ индійскими предводителями, съ испанскимъ начальствомъ въ Флоридѣ. Здѣсь открылъ онъ свои идеи на-счетъ вѣншей политики. Пенсакольскій портъ, дѣйствительно превосходный, — рѣдкость въ Мексиканскомъ-Заливѣ, — былъ, по его мнѣнію, съ-руки Соединеннымъ-Штатамъ. Полъ предлогахъ, что Испанцы помогаютъ Англичанамъ и Индійцамъ, онъ овладѣлъ имъ, когда союзъ и не думалъ объявлять Испаніи войну и когда онъ самъ не получалъ позволенія дѣйствовать противъ Флориды. Испанскій губернаторъ возсталъ на такой поступокъ, и Джаксонъ отвѣчалъ ему только: «Мы начнемъ съ вами объясняться, когда пушки мои устрѣлятъ васъ, что я имѣю на это дипломатическое порученіе.»

Три года спустя послѣ мира, заключеннаго въ Гандѣ съ Англіею, Джаксонъ долженъ былъ вести мелочную войну съ Индійцами, жившими въ Флоридѣ и ея окрестностяхъ. Онъ поступалъ съ ними страшно-варварски. Двухъ англійскихъ купцовъ, Амбристера и Арбетнота, арестовали за сношенія ихъ съ Индійцами. Джаксонъ объявилъ ихъ подосланными возмутителями и предалъ военному суду. Судъ осудилъ Амбристера на смерть, но Арбетнота пощадилъ. Генераль, собственною властью своею, велѣлъ казнить и его. Еще болѣе: онъ разсчелъ, что не худо взять Флориду и взял ее, не спрашивая ни у кого, безъ нѣлѣпшаго повода со стороны Испанцевъ. Въ-слѣдствіе этого завоеванія, Испанія, согласившаяся кое-на-какія вознагражденія, уступила Флориду Англо-Американцамъ.

Послѣ этой второй войны, Джаксонъ выступилъ на политическое поприще.

Президентъ Монроэ и его совѣтники не смѣли явно противостать генералу, и вздумали избѣгнуться отъ него, давъ ему порученіе за границу. Думали отправить его во Францію; но увѣряютъ, что когда спросили объ этомъ Джефферсона, то онъ сказалъ, что если президентъ желаетъ раньше трехмѣсяцевъ затѣять войну съ Франціею, то ему стоить только назначить Джаксона посланникомъ въ Парижъ. Джаксону предложили посольство въ Лехву, гдѣ Итурбидъ провозгласилъ себя императоромъ: онъ отвѣчалъ, что не хочетъ имѣть никакого дѣла съ врагомъ. Между тѣмъ, конгрессъ разсматривалъ противозаконные поступки генерала въ послѣднюю флоридскую войну; тутъ началось соперничество его съ Клайемъ, который послѣ мѣстѣ съ нимъ домогался президентства. Клай, отличившійся уже талантами и службою, подтверждалъ рѣшенія, представленныя на разсмотрѣніе въ палату представителей, которой онъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ членомъ; эти рѣшенія имѣли бѣзпошадное осужденіе поступковъ Джаксона во Флоридѣ. «Мы не должны», говорилъ Клай: «оправдывать молчаніемъ нарушенія законовъ солдатами». На другой день, Джаксонъ пріѣхалъ въ Голицу, и Клай успѣшилъ посѣтить его и завѣрить, что, исполняя обязанность охранителя законовъ, онъ попрежнему питаетъ глубокое уваженіе къ побѣдителю Новаго-Орлеана. Генералъ не заплатилъ ему визита и охранялъ въ душѣ своей неприязнь къ Клаю, высказывавшуюся иногда въ ясныхъ сдѣлкахъ, неприличныхъ, чтобы сказать — ненавистныхъ выраженіяхъ. Такъ, однакожъ, должно назвать оступки его со времени избранія президента въ 1844 году; въ эту эпоху генералъ не боялся поддерживать въ своихъ письмахъ грубыя клеветы на замѣнитаго сына Кентукки. Во все родолженіе преній о поведеніи Джаксона во Флоридѣ, онъ не переставалъ яраться противъ членомъ конгресса, собравшаго рѣшенія. Едва удержали

его даже отъ насилія. Рѣшенія эти были однакоже увичтожены, во вниманіе къ побѣдѣ, одержанной имъ въ Новомъ-Орлеанѣ.

Въ 1824 году, надо было избрать президента на мѣсто Монроэ. Огромная часть демократической партіи выбрала Джаксона въ свои кандидаты. Никто не скрывалъ отъ себя, что характеръ его не совсѣмъ приличенъ такому званію; всѣ знали его склонность къ рѣшительнымъ, насильственнымъ мѣрамъ и плохое уваженіе къ законности. Но думали, что трофеи Новаго-Орлеана привлекутъ на свою сторону много голосовъ. Партія всего прежде хочетъ успѣха, а съ генераломъ Джаксономъ успѣхъ казался вѣрнѣе. Сверхъ того, надѣялись, что, будучи чуждъ администраціи, онъ позволитъ руководить собою друзьямъ, тѣмъ, кому онъ будетъ обязанъ своимъ избраніемъ. Четыре кандидата домогались президентства: онъ получилъ наибольшее число голосовъ. Впрочемъ, это число не составляло еще большинства и избраніе было перенесено въ палату представителей; палата избрала Адамса. При слѣдующемъ избраніи, генералъ одержалъ верхъ, и вступилъ въ должность 4-го марта 1829 года.

Въ его управленіе разрѣшено много вопросовъ, и нѣкоторые очень удачно. У него были просвѣщенные друзья: вице-президентъ Кальгоунъ, Ливингстонъ, бывшій министромъ въ Парижѣ, ван-Бюренъ, главнѣйшій его министръ. Самъ онъ, съ ограниченными познаніями и умомъ не очень обширнымъ, соединялъ въ себѣ много здраваго смысла, когда страсти его были спокойны. Въ немъ было качество, драгоцѣнное для правителя: онъ умѣлъ исполнять то, что было рѣшено. Вопросъ объ *internal improvement*, состоявшій въ томъ, что имѣтъ ли федеративное правительство право назначать фонды для публичныхъ работъ, — вопросъ, долго занимавшій общественное мнѣніе, — былъ удачно разрѣшенъ помощію остроумнаго раздѣленія. Вопросъ объ Индійцахъ былъ то-

же разрѣшенъ прискорбнымъ для челоѣчества образомъ, — но это было неизбежно. Таможенный тарифъ возмывалъ умы всѣхъ. Южная-Каролина отважно отменила законы конгресса, — междоусобная война казалась неизбежною. Вице-президентъ Калъгоунъ принялъ сторону своихъ согражданъ, Южно-Каролинцевъ. Это было въ 1832 году. Генералъ Джаксонъ выказалъ при этомъ случаѣ умѣренность, какой отъ него трудно было ожидать. Противники его, Клай и Уэбстеръ, сильно его поддерживали, и буря была усмирена помощью третейскаго суда, предложеннаго Клайемъ и принятаго всѣми, но отъ котораго въ 1842 году далеко отклонились.

Генералъ былъ вторично выбранъ на четыре года, считая съ 4-го марта 1833 года. Въ этотъ разъ, соперникомъ его при избраніи былъ Клай. Въ продолженіи перваго своего президентства, Джаксонъ слушался умныхъ друзей и сдерживалъ самого-себя. Любя опредѣленный образъ дѣйствія, какъ всѣ рѣшительные люди, онъ съ самаго начала высказалъ на-счетъ различныхъ предметовъ эксцентрической мнѣнія безусловныхъ демократовъ, и приправилъ свои посланія — не одною радикальною идеей, неликою по теоріи; и пагубною, если бы она была принята на дѣлу. Такимъ-образомъ, онъ объявилъ себя партизаномъ теоріи, по которой всѣ граждане должны считаться равно-способными къ управленію публичныхъ должностей, и переходить не оставаясь отъ одной къ другой, такъ-что возможно большее число лицъ исполняло бы эти должности поочередно. Не смотря на тайя мнѣнія, распоряженія его, взятая вмѣстѣ, были похвальны. Сдѣланный президентомъ во второй разъ, онъ далъ волю своему темпераменту. Второе президентство его особенно-замѣчательно войною съ Банкомъ Соединенныхъ-Штатовъ и надменною его нотою къ Французскому правительству по случаю долга въ 25 милліоновъ.

Кампанія противъ Банка началась въ 1832 году. Но тогда она не выступала изъ формы, дозволенной закономъ. Джаксонъ былъ предубѣжденъ противъ Банка Соединенныхъ-Штатовъ. Въ арсеналѣ демократическихъ теорій, онъ отыскалъ положеніе, по которому это учрежденіе не могло существовать согласно конституціи. Въ-слѣдствіе этого, онъ уничтожилъ быль о продлженіи на 20 лѣтъ привилегій Банка, утвержденный обѣими палатами. Послѣ втораго избранія онъ сдѣлался заносчивъ и началъ переступать за границы своей власти. Безъ всякаго предлога и не смотря на отказъ министра финансовъ, онъ взялъ изъ Банка Соединенныхъ-Штатовъ государственную казну и вѣрилъ ее истиннымъ банкамъ, немогшимъ представить столько же обезпеченій. Такой поступокъ основывался на личности. Директоръ Банка, Вилдъ, челоѣкъ съ большими способностями и вліяніемъ, сдѣлавшій въ-послѣдствіи важныя ошибки, явно возсталъ противъ вторичнаго избранія Джаксона. Изъ ненависти къ Банку Соединенныхъ-Штатовъ покровительствоваши истиннымъ банкамъ. Выпустили ужасное количество кредитныхъ билетовъ. Отсюда протекли чудовищныя спекуляціи, задушающія по колоссальной мѣрѣ, и скоро настала кризисъ, въ которой рушилось безчисленное множество капиталовъ и состояній, въ которой множество банковъ, и въ томъ числѣ Банкъ Соединенныхъ-Штатовъ, соvrащенный съ истиннаго пути своего, обанкрутились, и даже многія государства не могли выполнить своихъ условій относительно займодавцевъ. Этотъ кризисъ, и теперь еще неокончившійся, долженъ считаться дѣломъ Джаксона, слѣдствіемъ его понятій о кредитѣ и наличности, а еще болѣе слѣдствіемъ необузданности его страстей.

Дѣло о 25-ти милліонахъ снова выказало вѣтхую политикку Джаксона. Она едва не была причиною войны, въ которой Соединенные-Штаты не были

готовы и которой не могли поддержи-

Во время избрѣнїа президентства Джексона, управление его оказалось такимъ, какого можно было ожидать отъ него, основываясь на прошедшемъ. До него, исполнительная власть федерации удерживалась въ границахъ умѣренности; она витала, такъ-сказать, надъ партіями, не мѣшаясь съ ними. Президентъ Джексонъ явился партизаномъ. Онъ безусловно предался интересамъ партіи, даже кружка. Онъ велъ въ управленіе обычай смѣнять должностныхъ людей массами. Такимъ образомъ, въ слѣдствіе переворотовъ при всѣхъ выборахъ, видѣли привѣры сѣрѣшечки отъ должностей всѣхъ—даже фанарщиковъ. Онъ установилъ правиломъ нѣрабочать должностныхъ лицъ и управлялъ по прихоти и пристрастью. До него, управлялъ дѣлами рабодовъ; при немъ—страсть, иногда хорошая, иногда дурная, но стрѣль съ своимъ слѣпымъ выродкомъ, смѣлющаяся закону. И, оставивъ мѣсто президента и возвративъ въ Нашвилъ, въ 1837 году, въ мѣсяцъ лично быть свидѣтелемъ, что совершенно измѣнилъ характеръ властей и вытѣсилъ Союзъ въ революцію, отъ которой не видно вида конца. Мелочья восемь лѣтъ его управленія дали людямъ толчокъ на непредвидѣнное рожденіе страсти, захвативъ въ свои руки бразды правленія, не скоро рѣшились уступить или развѣду; по той же самой причинѣ, по которой труднее бороться отъ пороковъ, нежели отъ доблестей.

Оставивъ столицу и наружное управленіе дѣламъ, Андрей Джексонъ по-прежнему остался предвѣстителемъ; иорданъ болелъ все слушались, которую повиновалась демократическая партия. е. Волющественнѣйшимъ человекомъ федерации, истиннымъ владѣтелемъ жизни и страны. Наслѣдникъ его, Фан-Бюренъ, былъ только его наслѣдникомъ; предвѣстителемъ. Небо парадъ Джексонъ члвкъ-то привлекать, призывающимъ къ себѣ

другихъ людей. Выбѣжимъ ростокъ, величественный; исконный, преданный друзьямъ, страшный врагамъ, открытый со всѣми, онъ властвовалъ надъ людьми, невольно подчинившимися его нравственному вліянію. Въ затруднительныхъ случаяхъ, торжественно отправлялись въ Нашвилъ совѣтоваться съ генераломъ, какъ съ оракуломъ. Не смотря на то, въ 1840 году, избраніа окончились неблагопріятно для его партіи. Американская демократія, наученная общимъ бѣдственнымъ положеніемъ, котораго не могла улучшить Фан-Бюренъ, человекъ даровитый, но окованный жѣзными партіи,—уступила на-минуту голосу опыта и избрала президентомъ генерала Гаррисона. Но счастье скоро возвратилось къ знаменамъ партіи. Въ 1844 году, избраніе совершилъ Джексонъ; онъ затѣялъ тѣхасское дѣло и такимъ-образомъ довершилъ освященіе новой вѣтви политики, согласной съ характеромъ человека, завладѣвшаго Флоридой, потому-что такъ ему было угодно и потому-что онъ былъ силенъ. Это политика наступательная, которая стремится соединить подъ однимъ закономъ весь материкъ Сѣверной-Америки, отъ Панамскато-Перешейка до странъ близъ-лежащихъ полюсу.

Джексонъ умеръ черезъ три мѣсяца послѣ утвержденія въ президентствѣ того, кто теперь долженъ принести на себя отвѣтственность въ этой политикѣ. Онъ оставилъ Соединенные-Штаты совсѣмъ въ другомъ видѣ; нежели каковы они были въ 1829 году, когда онъ достигъ власти. Они, вѣроятно, подвергнутся еще болѣе-разительнымъ перемѣнамъ. Во внутреннемъ управленіи онъ ослабилъ пружины конституціи 1789 года, — пружины вѣтви, которыхъ должны были касаться руки только человека спокойнаго и внимательнаго, а не грубая сила солдата, еда въ ихъ не изломанная. При возбужденной имъ игрѣ демократическихъ страстей; этотъ механизмъ не въ-состояніи уже сдерживать и править вышедшимъ народонаселеніемъ Соединен-

ныхъ-Штатовъ. Имятѣ, онъ устранилъ методу Вашингтона. Начинается новая эпоха, эпоха распространеній, намештвій съ далекою перспективою войны. Въ такомъ случаѣ, генералъ Джексонъ будетъ значить на вѣсахъ судьбы своего отечества и новаго-свѣта. Имя его будетъ на страницахъ всеобщей исторіи. Конечно, чего не дали бы многія знаменитости за страницу въ исторіи! Но что скажетъ о немъ эта страница? Глядя на упадокъ бывшихъ испанскихъ колоній, на роковое отчужденіе ихъ отъ элементовъ цивилизаціи, на смѣлость, дѣятельность и энергію Англо-Американцевъ, невольно вѣрншь, что эта страница раскажетъ, какъ Соединенные-Штаты по пути, указанному имъ Джексономъ, дошли до владычества надъ обширѣйшими, прераспѣйшими странами міра. Мехика будетъ, можетъ-статься, присоединена вся съ Калифорніями; потому, — кто знаетъ? — не дойдетъ ли очередь и до Центральной-Америки, до Панамы, потомъ до Канады, отъ одного океана до другого? Что за предѣсталъ для безсмертія человѣка! Но при этомъ величественномъ развитіи могущества Англо-Американцевъ, если мы будемъ его свидѣтелями, какая участь постигнетъ ихъ свободу? Не позволительно ли ожидать, что военная власть замѣнитъ законъ своимъ произволомъ? Не началъ ли уже Джексонъ готовить свое отечество къ этому переходу? И что станется съ самымъ Союзомъ? Когда онъ увеличится до такой степени, какъ знать, не распадется ли федерація и не образуются ли изъ нея двѣ, три, четыре имперіи, завистливо наблюдающія другъ за другомъ съ мечомъ въ рукахъ? Рабство не распространится ли съ границами Соединенныхъ-Штатовъ?... Будущность, какъ подготовилъ ее, по-видимому, Джексонъ, заключаетъ въ себѣ все это величіе и все это зло. Не то скажетъ исторія о Вашингтонѣ: здѣсь все благородно и чисто, все достойно удивленія и вѣчной признательности потомства...

✱

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ НАРЕНСКИМЪ ДИКАРЯМЪ.

Статья Жоржа Завда.

ПИСЬМА КЪ ДРУГУ.

I.

До-сихъ-поръ, старый другъ, ты унычижалъ меня твоимъ путешественническимъ превосходствомъ, и меду-тѣмъ, какъ я могъ тебѣ говорить только про Венецію или Пальму, ты, неустрашимый Мальгашъ, азъ съонъ чудесныхъ разсказахъ водилъ меня отъ Атласа къ Мысу-Доброй-Надежды и отъ Острова-Святой-Елены къ Острову-Мавракіи. Пора мнѣ было въ свое отечество пуститься на великія страстиванія. Всю молодость томилъ меня его ка-ніе, и на закатѣ дней я чувствовалъ ясно, что слѣдовало либо отказаться отъ любимыхъ мечтаній, либо наконецъ превратить долги и безвольныя стремленія въ серьбаные подвиги.

Вотъ почему, не дальше какъ вчера утромъ, я рѣшился на поѣздку, и воротясь домой въ тотъ же вечеръ, послѣ благополучнѣйшаго странствованія, задумалъ описать тебѣ свои поключенія.

Не желая дѣлать дѣло изъ полноты, и однимъ скачкомъ направился къ дри-нимъ пустынямъ новаго-міра, и, встать въ утро на улаковку твоего изъ пренаго сукна, страусовыхъ перьевъ, ор-шенныхъ въ самыя яркіе цвѣта, и пестраго стекларуса, собралъ селѣство и отправился съ нимъ въ походы, при благоприятной погодѣ. Забылъ, правда, сдѣлать духовное завѣщаніе и торжественно распоститься съ дру-ми. Корабль поднималъ паруса... Тѣ-есть, саниль ожидалъ у подвѣдъ, и, благодаря опытному кормчеху, управ-лявшему рулемъ этого вегикула, мы безпрепятственно достигли Предѣ-стія-Сент-Онорѣ, гдѣ должны были высадиться у краснокожихъ Сѣверной-Америки,

Другими словами, мы были допущены г-номъ Катленомъ къ осмотру пугрежности залы Валентино, въ которой которой должно было происходить наше путешествіе по сорока-восьми индійскимъ племенамъ, на протяжении полторы тысячи миль.

Г-нъ Катленъ—путешественникъ обшарившій, достойный соперничать съ обою, любезный Мальгашъ, въ бодрости, неутомимости, воздержности и обожательности. Но, между-тѣмъ, мы ты посвятилъ себя специально изученію растений съ ихъ прелестными листьями, мотыльками и букашками, къ обратилъ свои наблюденія на предметы, притѣ интересующій живописцевъ и романистовъ,—за изученіе чело-вѣческой формы и пейзажа.

Самшжомъ-справедливо убѣжденный въ быстротѣ и близкомъ уничтоженіи туземцевъ Сѣверной-Америки, признавая важность этихъ народовъ для будущей живописной исторіи, къ Катленъ отправился одинъ, безъ оружей и руководителей, вооружась только астами и наитрою, чтобы приковать къ холоту и снасти отъ забвенія черныя, нравы и костюмы этихъ такъ-называемыхъ дикихъ племенъ, которые върибе слѣдовало бы именовать первобытными людьми. Восемь лѣтъ пролежалъ онъ въ этихъ изысканіяхъ и въ опасностію жизни осмотрѣлъ разныя поселенія народа почти въ полмиліона душъ, черепъ сокращеннаго же на-половину, благодаря отлитію мели, водки, пороху, осей и прогнѣ благодарившія цивилизаціи.

Коллекція его содержитъ въ себѣ, кромѣ оружія, костюмовъ, черепковъ и самыхъ любопытныхъ утварей, шшжомъ пятьсотъ картинъ, которыхъ на часть есть галерея портретовъ съ стурой замѣчательнѣйшихъ мужчинъ и женщинъ различныхъ племенъ, а другая часть—серія пейзажей и сценъ индійской жизни, итрь, лови, пласокъ, жертвоприношеній, сраженій, мистерій и т. д. Г-нъ Катленъ просить снисхожденія публики въ эскизамъ, дѣланнымъ на-скоро,

подъ тысячью опасностей, иногда на какомъ-нибудь челнокѣ, которымъ надо было править одной рукой въ то время, какъ другою рисовать.

Говоря правду, живописецъ отправился безъ таланта, и весьма-нетрудно было бы критиковать цѣлыя индюшкія фигуры. Но ему удалось достичь мало-по-малу результата, какого заслуживаетъ постоянство, добросовѣстность и чувство искусства, возможное даже и при незнаніи практической стороны. Отъ-того всякій артистъ признаетъ въ его картинахъ достоинство наивности, а въ большей части портретовъ отличный даръ сознанія, яркую истинность въ физиономіяхъ, подробности превосходнаго рисунка, проникнутаго вдохновеніемъ или отгадываемъ, наконецъ, индюшкіе прочувствованное и понятое, что не достается никому безъ природнаго дара и чего не замѣнитъ никакая холодно-изученная теорія.

Такимъ-образомъ, я осмотрѣлъ индійскія племена безъ утомленія и опасности; видѣлъ ихъ черты, ощущивалъ ихъ оружія, ихъ трубы, ихъ скальпы; присутствовалъ при ихъ страшныхъ посвященіяхъ, ихъ отважныхъ охотахъ, ихъ ужасающихъ пляскахъ; входилъ въ ихъ вигвамы. Все это очень стоитъ, чтобы добрые обыватели Парижа, уже знающіе поэтически тѣ края, благодаря Шатобриану, Куперу и проч., покинули домашній уголокъ и пошли собственными глазами удостовѣриться въ истинѣ прекрасныхъ описаній и любопытныхъ разсказовъ. Глазами мы узнаемъ еще больше, чѣмъ воображеніемъ, и всякій, преобразивъ своимъ личнымъ чувствомъ равныя впечатлѣнія, получаемыя чрезъ внѣшніе органы, всякій, осмотрѣвъ музей Катлена, можетъ узнать дикую Америку еще лучше, чѣмъ до-сихъ-поръ могъ знать ее при помощи книгъ и мечтательности.

У большей части Индюшечъ г-нъ Катленъ бывалъ принятъ съ древнихъ

тѣснѣйшимъ вѣрѣмъ (*). Онъ выходилъ у насъ прямою и доброю; но иногда едва не дѣлался жертвою нѣкъ предрабсудковъ — того таинственнаго вѣра, объ который сокрушаются все благоразуміе и всѣ предусмотрительность бѣлолицыхъ. Между прочимъ, однажды, выпросивъ позволеніе снять портретъ вождя, онъ съ удовольствіемъ чертилъ прекрасныя линіи его профиля; но одинъ изъ воиновъ, наблюдавшій за нимъ, сказалъ вождю: «Бѣлый тебѣ презираетъ; онъ пишетъ только по добру тебѣ, давая этимъ знать, что онъ принимаетъ тебя за получеловѣка.» Въ тотъ же мигъ, вождь, докинувъ свою пазу, кинулся на того, кто сдѣлалъ такое оскорбительное замѣчаніе, и промежъ ними завязалась неистовый бой. Художникъ, трепеща за развязку борьбы, бѣжалъ и скрылся въ одно изъ укрѣпленій, расположенныхъ въ известномъ разстояніи одно отъ другаго въ Скалистыхъ-Горахъ, и назначенныхъ къ тому, чтобъ покровительствовать Индіанамъ, то-есть наблюдать за ихъ движеніями. Побѣда осталась за вождемъ, и г-нъ Катленъ могъ воротиться доканчивать портретъ. Делить эпидиогистъ убилъ вождя, раскрывшаго ему голову, то художникъ заплатилъ бы своей головою за выраженіе, къ которому подалъ поводъ (**).

(* Катленъ издалъ свое путешествіе по-англійски, — великолѣпное изданіе, снабженное гравюрами съ его картинъ и наиболѣе удивительными фактами и интересными приключеніями.

(**) Надо прибавить, что продолженіе портрета было для него затруднительно. Человѣкъ лица подлинника была похвачена оскорбительна. Вотъ, по этому поводу, любопытныя разсужденія и сужденія понятія, съ которыми путешественнику надлежало бороться въ продолженіе всего его артистическаго странствованія. Онъ всюду слылъ за волшебника; одни принимали его за великаго врача, потому что онъ дѣлалъ фигуры, имѣвшія видъ живыхъ и съ милочными глазами; другіе считали за злаго колдуна, могшаго по

Цивилизаціи; производившая во внутренъ пустыни и истребляющая племена, каждый день пугаетъ своими угрозами тѣхъ изъ индіанскихъ вождей, которые начинаютъ обладать роскошью даровъ предвидѣнія. Эта горестная способность такъ чужда челоуку въ натуральномъ состояніи, что, вообще, когда истисоверамъ удается убедить своихъ сыновъ, сажать и держать скотину, кривошея бываетъ выкопанъ и сѣденыя время чѣмъ пустить ростки, молодые деревья срублены, едва достигнуть вышины Аротина, а скотина вся перебита на большой охотѣ, къ величайшей забавѣ юныхъ воиновъ. Однакожъ, факты быта топятся такъ страшно на нѣкъ глазахъ, что мудрецы многихъ дѣлать поволичій вывряютъ своихъ дѣтей истисоверамъ для обученія, и отыскиваются промежъ собою отъ системы войны, сдѣлавшейся около стоянтія отъ употребленія огнестрѣльнаго оружія губительна, нежели бывала во всѣ предидіе вѣка. Явится ли наша цивилизація на спасеніе этихъ бѣлородныхъ племёнъ, когда она искренно пріймуть ее? Сомнѣваюсь, потому что мы сами еще мало ознакомлены; и

произволу морить людей, которыхъ онъ думаетъ съ собою жить. Кривошея умъ фюрна, что не считаютъ этого опаснымъ для людей, но это волшебника имѣть власть надъ животными; что, такія-образомъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ набралъ много буйволковъ въ свою книгу, ихъ охотничья не стало въ степи, и что дичи скоро совсѣмъ не будетъ, если позволить ему продолжать опустошенія. Индіанцы, находящіеся теперь въ Парижѣ, развѣ съ большаго отвращеніемъ позволяютъ спимать съ себя портреты. Они приписываютъ этому отвсегомаевию смерти одного изъ нихъ, умершаго въ Англіи отъ топки на ралпѣ. Самъ вождь, который просидѣлъ нѣдѣхъ между нами, согласился при мнѣ дать съ себя писать портретъ, но съ условіемъ, что спимуть только его костюмъ и пазу; для успокоенія его надлежало показатъ ему, что черты лица оставались нерисованными.

засовѣтвая промышленная дѣятельность и дѣятельность соперничества и лишь племена съ племенами только по своимъ причинамъ истребленій. Взаимныя охотничьи вторженія на богатѣею частью земли у этихъ сосѣдственныхъ племенъ суть причины войны, все болѣе учащающіяся по мѣрѣ-того, какъ племена сдвигаются тѣснѣе одни съ другими въ-слѣдствіе завоеваній для работы земель. Приписка прибыли гужить другимъ источникомъ истребленія. Индійцы выучились промѣнничать свои шкуры на наши произведенія, и въ-слѣдствіе плѣнъ, сосѣдственное образованными селеніями, губить вышче въ три дѣя больше дѣней и буйволовъ для торговли, нежели прежде убило въ плѣный годъ для своего потребленія. Чѣмъ кончится эта губительная борьба, гдѣ первыя успѣхи дикаря суть воздержность, то-есть обширная система отравленія, употребленіе орудій бійственныхнѣйшихъ, чѣмъ были орудія поваря, и истребленіе дичи, единственнаго средства его пропитанія? Ужасно редвидѣть катастрофу, къ какой они стѣять стремглавъ, и когда подумаешь, то столь-превозносимыя блага Соединенныхъ - Штатовъ и отсутствіе нищеты и негодяйства, дающія съ-виду американскому обществу столько ренушества предъ нашимъ, живдуть только на роковомъ истребленіи ервобытныхъ обитателей, то не стѣешь ли глубоко скорбѣть о чудовищномъ законѣ завоеванія, который отъ начала міра парит надъ судьбою племенъ человѣческихъ?

Въ выборѣ между необходимостью погибнуть отъ нищеты, либо принять нашу недостаточную цивилизацію, многіе индійскіе вожди рѣшались на последнее, и ежедневно вопросъ, трактуемый промежъ главными вождями племенъ, — слѣдующій: оставаться ли подѣ шакомъ, проживая со-дня-на-день коемъ завоеваніями у сосѣдей и дичихъ звѣрей; или дѣлать кирпичи, строить дома, позволять дѣлать грамотѣ, воедѣлывать земли

и заключать мирныя договоры съ окружающими племенами? Молодѣжь естественно наклоняется къ новымъ идеямъ, старики отстаиваютъ прѣжнія, и, признаюсь, я, по своему разумѣнію, нахожу, что поэзія на сторонѣ послѣднихъ. Но до поэзіи ли настоящему времени!

Чтобъ привести одинъ только примѣръ этой борьбы стараго начала съ новымъ, разскажу тебѣ исторію *Му-ху-ши-Кау*, то-есть *Благо-Облака*, вождя индійскаго племени Ювайевъ, обитающаго въ равнинахъ Верхней-Миссури, у подошвы Скалистыхъ Горъ. Отецъ его былъ знаменитый воинъ, неистово воевавшій съ сосѣдями, и однакожъ державшій сторону религіи и цивилизаціи бѣлыхъ. Онъ погибъ жертвою заговора за то, что хотѣлъ наказать нѣкоторыхъ воиновъ своего народа въ предательскомъ погубленіи мирныхъ сосѣдей. *Благо-Облако* не оплакивалъ публично смерти отца съ обыкновенными церемоніями. Онъ затаялъ свою горестъ и поклялся отмстить. Дѣйствительно, въ равное время умертвилъ онъ шестерыхъ убійцъ, и перебилъ бы ихъ всѣхъ, еслибъ утрашенное племя не вздумало избрать его въ вожди. Царское достоинство не насѣдственно у Ювайевъ, и одинъ изъ главнѣйшихъ законовъ, налагаемыхъ на избранника цѣлаго племени, заставляетъ его отрекатися отъ всякой личной мести. *Благо-Облако* долго отказывался; и когда увидѣлъ себя въ необходимости принять предводительство, далъ волю своей горести, праздновалъ торжественныя похороны отцу, заперся на мѣсяцъ въ своемъ шатрѣ, не допуская къ себѣ никого. Этотъ юноша, съ благородными и прекрасными чертами, но характера холоднаго и меланхолическаго, отрекся съ-тѣхъ-поръ отъ ужасныхъ думъ, его волновавшихъ.

Предавшись труднымъ и важнымъ размышленіямъ, онъ зарылъ въ землю *томагаукъ войны*, и вмѣнилъ себѣ въ славу носить имя миролюбиваго вождя. Онъ видѣлъ, какъ его племя убы-

вало со-дня-на-день, какъ оса вдругъ сократила его на-дѣй трети; то-есть отъ шести тысячъ подданныхъ у него осталось только двѣ тысячи. Къ этимъ причинамъ скорби прибыла еще одна, которая намъ показалась бы ребячествомъ, но которая важна въ понятіяхъ Индійца. На одномъ глазу у него выросло бѣльмо, и страхъ потерять зрѣніе, вмѣстѣ съ стыдомъ, какимъ тѣлесный недостатокъ покрываетъ чело воина и вождя, внушилъ ему намѣреніе идти къ бѣлымъ, сколько въ надеждѣ излечиться отъ недуга, столько жъ и для того, чтобъ вознаградить свой недостатокъ обаяніемъ, какое присвоивается людямъ путешествовавшимъ, *людямъ бывалымъ*.

Онъ поручилъ правленіе дядѣ и отправился въ Вашингтонъ, гдѣ излеченіе его признано невозможнымъ, но гдѣ онъ возмнилъ желаніе совершенно цивилизовать свое племя. Дѣло было не легкое. По возвращеніи домой, онъ встрѣтилъ много оппозиціи у своихъ. Часть вождей благопріятствовала его плану, остальные противились. Тогда было принято одно изъ тѣхъ рѣшеній, которому подобнаго не нашлось бы въ нашей новой цивилизаціи, но которое вполне соответствуетъ духу древнихъ обществъ. Положено было, что *Бѣлое-Облако*, сопровождаемый своимъ семействомъ и главными мудрецами и воинами поколѣнія, отправится посѣщать поселенія бѣлолицыхъ (до ту сторону великаго соленого озера *Жеана*), что они будутъ путешествовать сколь-можно-дальше и дольше, и что если, по возвращеніи, засвидѣтельствуютъ совершенное превосходство образованія бѣлолицыхъ надъ краснокожими, если привезутъ много подарковъ, если будутъ въ-состояніи похваляться своимъ опытомъ и упорствовать въ своемъ мнѣніи, тогда племя построятъ дома, станутъ поддерживать миръ съ сосѣдями, начнутъ обрабатывать землю, и дѣтей воспитывать по образу бѣлыхъ. Не думаю, чтобъ племя и самъ вождь имѣли понятіе о широтѣ океана, протяженіи

материка и потребностяхъ жизни у насъ; иначе, они отступились бы отъ такого чудовищнаго предпріятія. Но плененные обѣщаніями католическихъ миссіонеровъ (*), простодушные, довѣрчивые и любопытные, подобно первобытнымъ людямъ, они утвердились договоръ, и *Бѣлое-Облако* пустился въ путь съ своимъ семействомъ, заклинателямъ, витіей и друзьями въ столицу Соединенныхъ-Штатовъ, а оттуда въ Европу, увѣренные, что по возвращеніи они будутъ предметомъ восторженнаго поклоненія и могутъ приобрести безспорное господство. Не безъ причины *Бѣлое-Облако* выбралъ знаменитѣйшія лица племени въ спутники себя: Индійцы, которые никогда не переходили за предѣлы пустыни, не вѣрять чудесамъ цивилизаціи, и все, что имъ говорить про наше благосостояніе и нашу промышленность, считаютъ за несбыточные сказки, имѣющія цѣлью привлечь ихъ и обмануть. Въ 1832 году, *Уи-Джессъ-Джонъ* (*Голова голубиная лица*), одинъ изъ отличнѣйшихъ воиновъ *Ас-сил-ли-бойнесъ* (*варяжскихъ камней*) привезенъ былъ въ Вашингтонъ майоромъ *Сэн-ордономъ*. Онъ отправился одѣтый въ буйволяныя кожи, орлиныя перья и человѣческія волосы. Въ пустыню воротился онъ въ суконныхъ панталонахъ, въ редишотѣ,

(*) Католическіе миссіонеры имѣютъ больше прозелитовъ, нежели протестантскіе; причина тому проста. Реформатская религія слишкомъ-холодна и расудительна для этихъ пламенныхъ изображеній. *Бѣлое-Облако* съ женою принялъ католицизмъ, но на условіи не отправлять этого богослуженія изъ-дѣ. Миссіонеры принуждены бываютъ дѣлать такую уступку и велеть говорить обращеннымъ дикарямъ, что ихъ земляки, не будучи еще довольно-приготовлены къ принятію святаго ученія, принимали бы къ нему языческіе обряды, оскорбительныя для имени Христа; но дѣло въ томъ, что новообращенные не воздыгали бы безъ опасности храма Христа на мѣстѣ *жакетны мантисы*.

бобровой шляпѣ, съ опухаюмъ въ кѣ (*). Но тѣмъ и ограничилось его жество. Съ любопытствомъ осмо- въ его нарядъ, земляки разспросили, объявили его рассказы невѣроят- ни, судили его какъ жеца, и тор- ственно умертвили. Во избѣжаніе добной участи, Бѣлое-Облако взялъ проводники десятирѣхъ достой- ихъ вѣры лицъ, которыхъ, съ прада- ю двухъ дѣтей, составляютъ колонію вадцати Индійцевъ - Юванейвъ те- рь въ Парижѣ, и съ ними-то имѣлъ честь дружески бесѣдовать, какъ скажу тебѣ послѣ.

Продолжаю повѣсть похода новыхъ гонатовъ. Прибывъ въ Вашинг- въ, они встрѣтили затрудненія, ко- рыхъ, конечно, не предвидѣли. Съ ной стороны, нужны были деньги въ ихъ кругосвѣтнаго путешествія, а въ ихъ капиталъ состоялъ только въ ерельяхъ изъ *самуа*, дорогихъ ра- винъ, ходящихъ у нихъ за монету и свныхъ каждымъ воиномъ на шеѣ.

Съ другой стороны, правительство единенныхъ-Штатовъ противилось въ отъѣзду въ Европу. Со-времени чальнаго конца Озаговъ, помер- ихъ у насъ отъ горя и нищеты, по- чительное правительство Индійцевъ, ая худое впечатлѣніе, какое произ- дятъ на нихъ рассказы о подобныхъ навахъ, не даетъ имъ позволенія ѣзжать изъ отечества. Потому, бла- роднымъ авантюристамъ требова- етъ то, что мы на нашемъ прозаиче- омъ языкѣ и въ нашихъ прозаиче- ихъ нравахъ называемъ автрпенѣ- мь. Нашелся одинъ, который при- ль на себя значительныя издержки гешествія, и внесъ за Юванейвъ 0,000 франковъ обезпеченія амери- зскому правительству.

Наши понятія отвергаютъ такое эксплуатированіе чловѣка, и первое движеніе парижской публики было негодованіе, что король съ его дво- ромъ, исполняющіе свои священныя пляски, выставлялись намъ на под- мости за плату по 2 франка съ зри- теля. Ныне сомнѣваются въ знат- номъ савѣ этихъ живыхъ рѣдкостей, предлагаемыхъ нашимъ взорамъ; дру- гіе думаютъ, что ихъ обманываютъ, и что они не разумѣютъ унизительнаго предрасудка, связаннаго у насъ съ по- добной ролью, ибо необходимыя объ- ясненія, бывающія при ихъ представ- леніяхъ, даютъ имъ съ вида нѣкоторое сходство съ представленіемъ дикихъ животныхъ или восковыхъ фигуръ.

Между-тѣмъ, нѣтъ ничего достовѣр- нѣ той добросовѣстности, которая об- наружена при взаимныхъ обязатель- ствахъ этихъ Индійцевъ съ ихъ про- водникомъ; и если мы усилимся отрѣ- шиться отъ нашихъ привычекъ и предрасудковъ, то признаемъ, что мысль, руководящая Бѣлое-Облако и его спутниковъ, совершенно-похожа на ту, какая побуждала древнихъ героевъ, авантюристовъ баснословныхъ вре- менъ (*), путешествовать и учиться на-счетъ народовъ, которые ихъ при- нимали и производили съ ними наив- ный обихъ элементарныхъ свѣдѣній и подарковъ, сообразно нравамъ вре- мени и странъ. Безъ всякаго сомнѣнія, новый Язонъ не чувствуетъ въса на- шихъ предрасудковъ касательно пуб- личной выставки себя, и соотечествен- ники его никогда не поймутъ этихъ предрасудковъ. Онъ прибылъ, пока зываетъ себя, видятъ насъ и видимъ нами. Онъ надѣваетъ свой красивѣй- шій костюмъ, расцвѣчаетъ лицо своею драгоцѣннѣйшею краскою, сидитъ, какъ подобаетъ владыкѣ, между свои- ми гордыми пряспѣшниками, велича- во куритъ трубку, обращаетъ чрезъ

(*). Двойной портретъ этого дикаго дѣла въ двухъ различныхъ костюмахъ одна изъ интереснѣйшихъ страницъ переш Катлена. Подробности его исто- , приведенныя въ пушества г-на Кат- ла, отеня-любопытны.

(*). Баснословныя времена еще дается для этихъ Индійцевъ, неизмѣющихся ис- терія.

уста своего почтеннаго индiа радушную и благородную рѣчь къ удивленной публикѣ, благодарить великаго духа за то, что онъ довелъ его цѣла и невредима къ бѣлымъ, которыхъ онъ любить и уважаетъ, поручаетъ ихъ Небу вмѣстѣ съ самимъ собою и своими; потомъ, по приглашенiю переводчика, передающаго ему желанiе бѣлолицыхъ присутствовать при самомъ уважаемомъ и прекрасномъ изъ торжествъ его народа, велитъ начать военный танецъ, либо еще священническiй танецъ калюмета. Онъ самъ беретъ тамбурина или гремяшку, аккомпанируетъ своимъ звучнымъ и горланымъ голосомъ пѣнiю товарищей. Грозовые войны, миленькiй ребенокъ и степенный, цѣломудренныя женщины скачутъ вокругъ него хороводомъ; иногда, обильный энтузиазмомъ среди священныхъ обрядовъ, напоминающихъ ему славу предковъ и милую родину, самъ онъ встаетъ и выдаетъ въ пляску съ ними. Не смотря на глаза, подернутыя бѣлостью, и на грустную свою улыбку, онъ прекрасенъ, благороденъ, и воспоминае его печальной и мужественной доли привлекаетъ участiе публики, которая вообще добра и скоро переходитъ отъ ужаса къ удивленiю. Натанцовавшись по произволу (ибо никто имъ не приказываетъ, да они и не привли бы никакого требованiя, которое переводчикъ не представилъ бы имъ въ кроткихъ и вѣжливыхъ выраженiяхъ), они подходятъ къ публикѣ и величаво садятся передъ нею. Художники также подходятъ любоваться красотой ихъ формъ и благородствомъ чертъ. Добрыя души, ревнуя подать почтительную мнѣстность, сколько-нибудь прiятную бѣднымъ странникамъ, предлагаютъ имъ маленькiе подарки, которые они берутъ съ достоинствомъ, безъ всякой видной зависти другъ къ другу. Потомъ публика приглашается аплодировать имъ въ благодарность за ихъ обязательность, и аплодиссманы, единственный языкъ, накомъ они могутъ отъ насъ поимать, щедро обсыпаетъ ихъ. Зрители

подаютъ имъ руки. Жестяницы, свистала напуганныя ихъ грозною наружностью и дикимъ выраженiемъ, какое воискал пляска сообщала чертамъ ихъ, обдаряются, глядя на ихъ вайвары, гордо-застѣнчивый вилъ, и на ту смѣсь грусти и доверчивости, которая дѣлаетъ ихъ столь трогательными. Они отвѣчаютъ на привѣты и мощножимаютъ протянутыя имъ руки. Фигляры! да это, которыхъ видаютъ редкую монетку, и которыхъ можно осмистать? Я бы не совѣтовалъ зрителямъ дѣлать подобиный одрыгъ. Вооруженные своими острыми дротиками и страшными томагуками, которыми управляютъ съ такою грацией и силою, и которыми, танцуя, сверкаютъ въ глаза зрителямъ, они, пожалуй, повли бы оскорбленiе и предавали бы намъ, что можно любоваться гривою льва и гладить шерсть тигра, но что не должно шутить съ сынами пустыни, какъ мы иногда жестоко шутимъ съ нашими ближними. Знаютъ ли они, что это право погубается у входа? Навѣрное нѣтъ, а если и знаютъ, что имъ платятъ, то ихъ святая наивность считаетъ плату просто за подарокъ, за смилительство гостепрiимства бѣлолицыхъ. Теперь, вивоватъ ли передъ ними авторпрервръ, что обходится съ ними совершенно ихъ понятiямъ, хотя ихъ понятiя противны нашимъ? Не думаю,—потому что, во-первыхъ, они доверливы, они свободны, ихъ дѣлаютъ участниками выгодъ, которыя одѣ додутъ имъ возможность построить себѣ кирпичныя дома, предметъ ихъ мечты, и населить волами и овцами безграничныя степи, откуда ланц и буйволы удаляются; во-вторыхъ, ихъ контрактъ обязываетъ авторпрервёра доставить имъ назадъ домой, какъ скоро они пожелаютъ отправляться, хоть завтра, хоть сейчасъ въ Америку, если ими овладѣетъ тоска по родинѣ; наконецъ, авторпрервёръ, дозволенiе, полученное авторпрервёромъ, f-помъ Мелоде, отъ своего правительства, именцо основано на его испытанномъ, честномъ характерѣ и на ручательствѣ, какое представляется

того характеру, за отеческою обращеніем съ индійскими путешественниками.

Правда, часто на них находятъ грусть и сильное желаніе возвратиться въ родныя пустыни; но утѣренность, что ничто ихъ не задерживаетъ вопреки ихъ воли, даетъ имъ твердость выдерживать необходимый срокъ. Въ доужные часы, они принижаютъ почителей и велятъ Джефри, смышленому переводчику, находящемуся при нихъ безотлучно, объяснять имъ все, что они видятъ и слышатъ. Ежедневно въ Натанаръ посвящаютъ два часа на чтеніе имъ курсъ начальныхъ основаній исторіи, и онъ утѣрялъ меня, что индійцы слушаютъ его внимательна, терпѣливо съ восторгомъ. Рассказы о великихъ войнахъ восхищаютъ ихъ; они начинаютъ понимать причины этихъ войнъ и результаты; но, признаюсь тебѣ, они еще не такіа философы, чтобъ разумѣли нѣчто ценное и полезное исторіи Наполеона. Для диварей это уже много; но, вѣроятно, это не достаточно для воинственныхъ народовъ, чувствующихъ необходимость оторваться отъ войны.

Итакъ, зрѣлище страшное, очень новое для нашего брата, парижскаго планѣра, и способное восхищать хужожниковъ, можемъ мы теперь видѣть по два раза въ день въ залѣ Валентию. При первомъ взглядѣ, я съ своею стороны ощутилъ самое сильное и самое тягостное впечатлѣніе, какое когда-либо производила на меня картина. Я только-что просмотрѣлъ всѣ живописные предметы, которые составляютъ музей Каллана, — переобмытыя шлемы, которые теперь замѣнены кабанскими тигриями выдѣлами бѣлыхъ, но которые первоначально состояли изъ большаго кремня, вставленнаго въ деревянную дугу; привилегіи и разнообразные черепа, разложенные на столѣ, которыхъ большая часть крайня слѣды скарлатинована, розовыя домыши, астеригительныя наски, карлицы, изображающія срамныя сцены насильственнаго акта.

женицъ, цыганъ, гомерическія лодки, габительныя битвы, — словомъ, всѣ картины и всѣ страшныя драматическія сцены дикой жизни, особенно портреты, которыхъ фантастическія наряды разнообразны до безконечности и протъ водятъ человѣческую фигуру по всевозможнымъ средствамъ съ дикими животными. Когда стукъ греушентъ, раздавшійся словно отъ приближенія стада, увѣдомилъ меня, что пора занять мѣсто, я былъ совершенно настроенъ къ испугу, и когда увидѣлъ во плоти эти расчлененныя фигуры — однихъ въ красной красной цѣти, словно видишь ихъ скверъ пламя, другихъ въ синева-бѣломъ съ пушистыми обводами вертѣтъ гдѣ, третьихъ въ калитчатомъ желтозеленомъ, четвертыхъ, наконецъ, полукарасныхъ, полубѣлыхъ, либо съ полосуами сѣрыи по природному бронзовому фону тѣла, всѣхъ въ одиныхъ перлахъ, въ золотыхъ гривахъ, — эти полукарагъ тѣла, превосходныя модели для статуэра, но испещренныя мажекою и обвѣшанныя ожерельями и металлическими браслетами, — эти ожерелья изъ медвѣжьихъ когтей, которые, кажется, раздраютъ грудь носящихъ ихъ, то эти плаци изъ буйволыихъ и бѣлыхъ волчьихъ шкуръ съ выдѣлыми хвостами, словно люди эти ищутъ хвосты, то эти шиты и аротки, уврачующія человѣческими волосами и зубами, — такъ внаюсь, страхъ охватилъ меня, и я робко раженіе перенесло меня въ бреду каковыхъ ужасныхъ сновъ *Наследствіе мѣ Момкант*. Все другое видѣлось мнѣ когда ливная музика подала сигналъ военного танца. Трое Индійцевъ стѣла на зомь; одинъ ухватилъ въ талибурихъ; убранный кожей и издававшій блуждой и заунывный звукъ; другой держалъ саль дхиву, надолгичную веревку третій молотилъ цимля друкъ-е-дружтну два ауботыя лука дерева иргомъ; горлавыя гомола, напоминающія въ себя жемъ-буало ничего, изъ оловяческаго, подычати глухое и мѣрноговорчливое, и плащъ, роняль, выдѣлающій мнѣ гудящій въ своемъ ужасномъ зборѣ, выдѣла

уста своего почтеннаго вѣтѣ радужную и благородную рѣчь къ удивленной публикѣ, благодарить великаго духа за то, что онъ довелъ его цѣла и невредима къ бѣлымъ, которыхъ онъ любить и уважаетъ, поручаетъ ихъ Небу вмѣстѣ съ самимъ собою и своими; потомъ, по приглашенію переводчика, передающаго ему желаніе бѣлолицыхъ присутствовать при самомъ уважаемомъ и прекрасномъ изъ торжествъ его народа, велитъ начать военный танецъ, либо еще священнической танецъ калюмета. Онъ самъ беретъ тамбурина или гремяшку, аккомпанируетъ своимъ звучнымъ и горланымъ голосомъ пѣнію товарищей. Грозные воины, миленькій ребенокъ и степенныя, цѣломудренныя женщины скачутъ вокругъ него хорОВОДОМЪ; иногда, обильный энтузіазмомъ среди священныхъ обрядовъ, напоминающихъ ему славу предковъ и милую родину, самъ онъ встаетъ и выдаетъ въ пласку съ ними. Не смотря на глаза, подернутый бѣлостью, и на грустную свою улыбку, онъ прекрасенъ, благороденъ, и воспоминавіе его печальной и мужественной доли привлекаетъ участіе публики, которая вообще добра и скоро переходитъ отъ ужаса къ удивленію. Натанцовавшись по произволу (ибо никто изъ не приказываетъ, да они и не привади бы никакого требованія, которое переводчикъ не представилъ бы имъ въ краткихъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ), они подходятъ къ публикѣ и величаво садятся передъ нею. Художники также подходятъ любоваться красотою ихъ формъ и благородствомъ чертъ. Добрыя души, ревнуя подать почтительную милостыню, сколько-нибудь пріятную бѣднымъ странникамъ, предлагаютъ имъ маленькіе подарки, которые они берутъ съ достоинствомъ, безъ всякой видной зависти другъ къ другу. Потомъ публика приглашается аплодировать имъ въ благодарность за ихъ обязательность, и аплодиссманъ, единственный языкъ, накой они могутъ отъ насъ получить, щедро обсыпаетъ ихъ. Зрители

подаютъ имъ руки. Женщины, сначала напуганныя ихъ грозною наружностью и дикимъ выраженіемъ, какое воискал пляска сообщала чертамъ ихъ, обдвряются, глядя на ихъ ваниры, гордо-застигиврыи видъ, и на ту сѣрь грусти и доврчивости, которая дѣлаетъ ихъ столь трогательными. Они отвѣчаютъ на привѣты и мощно пожимаютъ протянутыя имъ руки. Фигляры дѣ это, которыхъ выдаютъ мелкую монетку, и которыхъ можно осмистать? Я бы не содѣлалъ зрителямъ дѣлатъ подобныи одрытъ. Вооруженные своими острыми дротиками и страшными томагучками, которыми управляютъ съ такою граціей и силою, и которыми, танцуя, сверкаютъ въ глаза зрителямъ, они, пожалуй, повали бы оскорбленіе и пркдаали бы намъ, что можно любоваться грозною дѣла и гадать шерсть тигра, да это не должно шутить съ сынами пустыни, какъ мы иногда жестоко шутимъ съ нашими ближними. Знаютъ ли они, что это право покуражится у входа? Навѣрно, нѣтъ, а если и знаютъ, что имъ платятъ, то ихъ святая ванирность считаетъ плату просто за подарокъ, за самѣтельство гостепримства бѣлолицыхъ. Теперь, зивовать ли передъ ними автпренеръ, что обхолится съ ними сообразно ихъ понятіямъ, хотя ихъ пондія противны нашимъ? Не думаю,—потому-что, во-первыхъ, они довольны, они свободны, ихъ дѣлаютъ участивками выгоды, которые однѣ дѣлутъ имъ возможность построятъ себѣ кирпичныя дома, предметъ ихъ мечты, и заселить волами и овцами безграницыя степи, откуда лани и буйволы удаляются; во-вторыхъ, ихъ контрактъ обязываетъ автпренера доставить имъ назадъ домой, какъ скоро они пожелаютъ отправляться, хоть завтра, хоть сейчасъ въ Америку, если ими овладѣетъ тоска по родинѣ; наконецъ, въ-третьихъ, дозволеніе, полученное автпренеромъ, г-номъ Мелоде, отъ своего правительства, именно основано на его испытанномъ, честномъ характерѣ и на ручательствѣ, какою представляется

впередъ, размахивая то дротикомъ, то лукомъ, то топоромъ, то нагайкой, то щитомъ, то султаномъ, то плащомъ, словомъ всѣми дикими и сложными принадлежностями военного костюма. Прочіе послѣдовали за нимъ: тѣ, которые сбросили плащи и обнажили свои вздымающіяся груди и гибкія какъ виѣи руки, были еще ужаснѣе. Казалось, ихъ носило какое-то безумное бѣшенство; хриплые клики, лай, рыканіе, острый свистъ, и тотъ военный крикъ, который испускаетъ Индѣецъ, прикладывая пальцы къ губамъ, и который, далеко повторяясь въ степи, леденитъ ужасомъ заблудившагося путешественника, — прерывали гнѣиве, перепутывались и смѣшивались въ адскій концертъ. Меня обдало холоднымъ потокомъ; мнѣ показалось, что я готовъ присутствовать при настоящей операциіи скальпированья надъ камишъ-либуль побѣжденнымъ врагомъ, или при какой-нибудь другой еще страшнѣйшей мукѣ. Изъ всего, что было у меня передъ глазами, я видѣлъ только ужасныя актѣровъ, и воображеніе мое вставляло ихъ въ истинную ихъ раму, подъ вѣковыя деревья, на блескъ огня, пожиравшаго мясо жертвъ вдали отъ всякой человѣческой помощи; ибо видимые мною были не люди, а стѣшенные демоны, опаснѣе и безжалостнѣе волковъ и медвѣдей, среди которыхъ я съ радостью искалъ бы убійцища. Въстрѣвая парижская публичка, которая забавляется прежде, чѣмъ удивляется, смѣялась вокругъ меня, и смѣхъ этотъ казался мнѣ смѣхомъ духовъ тьмы. Я обомылся лишь тогда, когда пляска прекратилась и когда Индѣйцы, словно чудомъ, снова приняли то добродушное и дружелюбное выраженіе, которое дѣлаетъ ихъ съ-виду людьми лучше насъ. Не смотря на свою веселость, лублинка, молягаю, нѣсколько испытала одинаковыя со мною впечатлѣнія: ибо, по торопливости, съ какою она пожимала руки *скальпранъ*, можно было подумать, что она старалась сдружиться съ предметами страха, но что не желала ничего

лучшаго, какъ удостовѣриться въ своемъ добромъ согласіи съ господанидкими. Я дѣлалъ какъ публика, то есть ободрился до желанія завязать знакомство съ племенемъ, и отважился даже прошикнуть къ нимъ въ домашній бытъ съ монни дѣтми, не слишкомъ опасаясь видѣть ихъ пожраными. Посѣщеніе это составитъ вторую часть моего путешествія и предметъ второго письма.

II.

Я нашелъ *Блго-Облако* въ тѣсной комнаткѣ второго этажа, совершенно-немѣблированной, потому-что Индѣйцы питаютъ еще глубокое презрѣніе къ большей части нашихъ удобствъ, и когда въ первый разъ имъ дали постели, то на утро ихъ нашли подъ кроватями. Ихъ постели суть разостланные на полу мѣха, и вождь, сидя втурецки на своей медвѣжьей шкурѣ, ниѣлъ подлѣ себя жену и дочь, *Мудростъ*, дѣвочку двухъ съ половиною лѣтъ, крещенную, подобно отцу съ матерью, и еще сосущую грудь на обычную родину. Вождь, подобно многимъ обращеннымъ Индѣйцамъ, есть не дальнимъ христіанинъ, т. е. онъ, не смотря на крещеніе, ниѣтъ въ отечествѣ еще трехъ женъ.

Одинъ изъ его сыновей воспитывается въ коллегіи въ Англіи или въ Соединенныхъ-Штатахъ.

Онъ слегка кивнулъ мнѣ головою, и когда я развернулъ передъ нимъ кусокъ краснаго сукна, самый драгоценный даръ, какой можно сдѣлать индѣйскому вождю, онъ удостоилъ меня улыбки и протянулъ мнѣ руку. Жена казалась больше тронута пышностью моего приношенія и испустила восклицаніе; потомъ, тотчасъ же, завернула ребенка въ это сукно, чтобы позвать мнѣ, что она нѣкъ дорожила и принимала его благосклонно. Едва успѣла она взять ожерелье, которое я назначалъ ей, какъ развязала его, разглядывая съ любопытствомъ каждую бусу, и дикій монархъ, будучи не въ силахъ противиться тому же искушенію,

е переставалъ вертѣть въ рукахъ тотъ стекларусъ и рассматривать его, е смотря на важность бесѣды, которая за тѣмъ послѣдовала и въ которой ему угодно было принять участіе.

Я роздалъ всѣмъ Индійцамъ по парку, и каждый надѣлъ его на себя, оказывая имъ тѣмъ свое одобреніе.

Имева мужчинъ суть: *Великій - Хокъ* и *Ступай-впередъ*: это два молодые она одинаково-прекрасные по формѣ, но весьма-различныхъ физионоій, ибо одинъ съ-виду кротокъ и велелъ какъ дитя, а другой имѣетъ страшное выраженіе хитрости и жестокости; даѣе, врачъ-заклинатель, о прозванію *Нонъ-съ-волдырми*; поимъ *Идущій-Дождь*, съ сыномъ, ребенкомъ одиннадцати лѣтъ, прекраснымъ какъ маленькій Аяксъ; наконецъ, *Волчонокъ* и женщины. Расскажу себѣ о каждомъ порознь.

Самый свѣдущій, самый мудрый и самый краснорѣчивый изъ этихъ вельможъ, безъ сомнѣнія *Идущій-Дождь*. удучи витіей племени, оны имѣетъ военный вождь, такъ-сказать военный министръ *Блаю-Облака*, который есть *мирный или сельскій вождь*, е. государь. *Идущій-Дождь* совершилъ тридцать походовъ, и въ шестіи особенно покрылъ себя славою. го, такъ же, какъ и врача, полозрѣютъ въ содѣйствіи умерщвленію отца *Блаю-Облака*. Онъ былъ однимъ изъ наиболее-домогавшихся избравія *Блаю-Облака*, и тѣмъ обезопасилъ себя тѣ его ищевія.

Между ними незамѣтно никакой новинности. Кто, однако, можетъ сказать, икія незримыя драмы происходятъ. уиѣ и донашимъ быту этихъ странниковъ?

Идущій-Дождь—мужчина лѣтъ пятидесяти - шести, очень-высокаго роста, величаво-степенной наружности. онъ никогда не улыбается, обращаясь рѣчью, и тогда-какъ грустная физиономія *Блаю-Облака* дѣлаетъ изъ него изъ великодушія это усиліе, физиономія старика остается холодною и вѣдучивою. Лицо его широко и вы-

разительно, но не представляетъ никакой разницы очертаній съ нашими, кромѣ безпрестаннаго напряганія мускуловъ шеи подъ челюстнымъ угломъ. Эта отличительная черта его племени придаетъ ему видъ сродства съ кошачьей пороодою.

Черта эта исчезаетъ даже почти-совсѣмъ у *врача*, который имѣетъ лицо пріятное и тонкое, по всѣмъ нашимъ понятіямъ о физиономіи. Хотя ему шестьдесятъ лѣтъ, однакожь руки его еще сохраняютъ округлость и красоту, достойную античной статуи, и станъ его стройнѣе всѣхъ. Подвижность его и живость въ пляскѣ свидѣтельствуютъ отличную организацію. Столь-свѣжая старость заставляетъ вѣскольکو жалѣть, что мы не дикіе, и когда между зрителями видишь столько молодыхъ людей подагриковъ, либо ватучнѣлыхъ, то невольно спрашивается себя, кого тутъ показываютъ за предметъ удивленія—парижскихъ ли дикарей, или дикарей Миссури.

Врачъ—большой остроумецъ; онъ и лекаръ, и заклинатель, и фокусникъ, и поэтъ, и гадатель, и невозможно витія. Онъ носитъ ожерелье изъ священныхъ веренъ и человѣческой палець, высушенный въ видѣ медальона, для предохраненія отъ сглаза. Въ одно и то же время онъ пріятный потѣшникъ и очень-серьезный содѣтникъ государя и народа. Въ-продолженіе плаванія, штиль засталъ нашихъ аргонавтовъ на кораблѣ, везшемъ ихъ въ Англію. Врачъ началъ свои заклинанія, къ великому удовольствію бѣлыхъ пассажировъ и къ великому почтиванію Индійцевъ. Черезъ два часа, вѣтеръ, уже три дня упавшій, поднялся, и Индійцы, какъ можно себѣ представить, остались убѣждены въ несомнѣнномъ искусствѣ врача. Впрочемъ, нашихъ медиковъ они очевидно считаютъ колдунами еще больше, нежели своихъ, ибо даютъ имъ себя лечить, когда больны. Кажется, своего они не считаютъ также способнымъ накладывать влаго духа изъ ищевія, потому-что вождь не затрудняется обращаться

съ нимъ, какъ съ мальчикомъ. Нѣсколь-
ко дней назадъ, нашли подъ - вечеръ
нашего колдуна сидящимъ на лѣстни-
цѣ; когда пригласили его идти спать,
онъ потрясъ головою и пробылъ тамъ
до утра, потомъ и весь слѣдующій
день и ночь, и наконецъ цѣлые трое
сутокъ, не раздвѣаясь, ѣвши и пивши
все на лѣстницѣ. Онъ находился подъ
наказаніемъ, невѣдомо за какой про-
ступокъ; но можно по этому составить
себѣ понятіе о неограниченной власти
вождя и о покорности стараго Индѣн-
ца, который самъ знатнаго происхож-
денія и отличный воинъ.

Но, не смотря на любезность врача,
не смотря на великую мудрость *Иду-
щаю-Дождя* и красоту его ребенка,
не смотря на кроткую задумчивость
Бьяло-Облака и скромность ея величе-
ства королевы, лицо, наиболѣе-рас-
положившее насъ къ себѣ, *Волчонокъ*,
благородный воинъ, котораго геркуле-
совская наружность и крупныя, выра-
вительныя черты сначала испугали
меня, но который, воротаясь къ своей
больной женѣ, съ сердцемъ исполнен-
нымъ грусти по недавно-умершемъ ре-
бенкѣ, показался мнѣ кротчайшимъ и
добрѣйшимъ человѣкомъ. Когда онъ
ринулся въ танецъ, верхомъ на лукѣ
(который онъ подхлестывалъ кожа-
нымъ ремнемъ, прикрѣпленнымъ къ
буйволовоу рогу), мои друзья сравни-
ли его съ Диомедомъ. Когда физионо-
мія его снова приняла важное и крот-
кое выраженіе, при привѣтствіяхъ
публики, мы назвали его Юпитеромъ
дѣвственныхъ лѣсовъ; когда же онъ
стеръ яркія краски, странно его укра-
шавшія, и когда намъ рассказали его
исторію, мы увидѣли просто благород-
ное и честное лицо, отличавшееся му-
жествомъ и добротою, и прозвали его
тогда *Великодушнымъ* — ния, которое
шло бы къ нему лучше нежели *Волчо-
нокъ*, ибо ничто въ его мощной и крот-
кой организаціи не выражаетъ ни
хищности, ни коварства. Конечно, онъ
не затрудняется скальпировать не-
пріятеля, — это таковой громкій трофей
побѣды, что индѣйское племя, кажется,

погибнетъ прежде, чѣмъ откажется
отъ этихъ страшныхъ украшеній; ко-
нечно, онъ не думаетъ, что показываетъ
намъ совсѣмъ не отвратительное зрѣ-
лище показывая руку, обильную
отъ плеча до кисти клочками волосъ,
добытыхъ посредствомъ той же опе-
раціи. Это онъ носитъ на себѣ наслѣд-
ство отцовъ, свою знаменитую генеа-
логію и собственную жизнь славы и
сраженій. За неизмѣнимъ исторіи и
монументовъ, Индѣецъ одѣвается та-
кимъ-образомъ въ свидѣтельства та-
кихъ подвиговъ. На медвѣжьей или
буйволовоу шкурѣ, его покрывающей
и носимой шерстью внизъ, жена на-
рисовываетъ его главнѣйшіе подвиги
и дѣянія. Тутъ медвѣдь, прозаванный
его стрѣлою; подлѣ, герой сражающій-
ся съ непріятелями; дальше, его лю-
бимая лошадь. Эти дикіе рисунки вѣс-
ма-замѣчательны; состоя изъ про-
стыхъ линій, подобныхъ тѣмъ, кото-
рыя у насъ дѣти чертятъ на стѣнахъ,
они однако обнаруживаютъ много
очень-взвѣщенное чувство формы и вооб-
ще пропорціи. Сынъ *Идущаю-Дождя*
показываетъ большое расположеніе и
рѣшительную наклонность къ этому ис-
кусству. Лежа на брюхѣ, завернувъ го-
лову въ свою приемышку, какъ дѣлаютъ
Арабы и Индѣйцы, когда хотятъ сосре-
доточиться, онъ чертитъ углемъ на по-
лу фигуры людей, которыхъ сейчасъ
видѣлъ. Мы приносимъ ему граю-
ры; но гдѣ найдетъ онъ модель лучше
самого-себя? Пусть дикій художникъ
отвратитъ взоры отъ насъ и нашихъ
произведеній, и пусть поглядитъ на
себя въ зеркало! Этотъ одиннадцати-
лѣтній мальчикъ — идеалъ граціи и из-
щества, и, подобно всѣмъ существамъ,
необиженнымъ природою, имѣетъ ис-
стиннкъ своего достоинства. Костякъ
его племени, греческій нашлемникъ и
туника изъ кожи, разрѣзанной на ре-
ни, или просто широкій поясъ изъ бѣ-
лой гривы; его цвѣтъ, его вагой бѣлость,
отчетливый и благородный, предель
его положеній и саванитость чертъ,
дѣлаютъ изъ него бронзовымъ отливомъ,
достойный Фидіа.

Но послѣ этихъ невольныхъ отступлений возвратимся къ нашему герою, Волчонку или, лучше-сказать, Великошному. Вотъ самый бесспорный и ный положительный памятникъ его авы и его великаго характера.

Всѣмъ, кому сіе будетъ предъявлено, лется знать, что *Шон-та-й-га*, или *Волчонокъ*, храбрый Иоваецъ, заслуживаетъ имени *храбраго тѣмъ*, что частвовалъ въ многократныхъ походахъ противъ враговъ своего племени. о всѣхъ этихъ походахъ, какъ мнѣ известно, оказалъ онъ величайшее ужество. Особенно же рекомендуютъ о расположенію и довѣренности бѣхъ людей, бѣлыхъ ли то или красныхъ, сострадательность и отвага, мия онъ обнаружилъ въ спасеніи града Омагавовъ отъ рукъ народа, въ которому онъ принадлежитъ. Въ рошлое воскресенье, онъ избавилъ о томагоуна и ножа десять мирныхъ Омагавовъ. Одинъ изъ нихъ, печенный изъ вида, былъ умертвленъ. Въ числѣ этихъ десяти особъ ходились общезвѣстные и облюбимые дожди *Большой - Лосъ*, *Большіе - Глаза* и *Васкаманья*, одна воу (*) и шестеро молодыхъ людей. Отрядъ этотъ дружелюбно встретилъ *Иовайцевъ*, по особому приглашенію со стороны силъ послѣднихъ, рибывъ на десять миль отъ поста, м были замѣчены и переговорили затемъ *Нью-мом-л*, который явлъ, по обычаю Индійцевъ, когда они мирномъ походѣ, отнестн табакъ пакки къ предводителямъ *Иовайцевъ*. Этотъ молодой человекъ поступилъ наивннчически: онъ не вручилъ сылки своимъ вождямъ и далъ сть о приближеніи Омагавовъ одно-

му Индійцу, собиравшемуся на войну. Индеецъ, сопутствуемый двумя братьями своего народа, тотчасъ кинулся рубить посѣтителей, что и исполнилъ бы, еслибъ не былъ удержанъ заступничествомъ *Волчонка*. *Волчонокъ* воспротивился, потому-что, по его словѣмъ (и конечно онъ говоритъ правду), онъ считалъ за постыдное и подлое дѣло разить брата, пригласивъ его посѣтитъ свой народъ. Подобная наивна въ-самомъ-дѣлѣ очень-рѣдка, даже у самыхъ дикихъ Индійцевъ Сѣверной-Америки, и никогда прежде не имѣла себѣ примѣра у *Иовайцевъ*. Я встрѣтилъ *Волчонка* съ *Джеффри*, *Иовайскимъ* переводчикомъ, и двумя другими *Иовайцами*, когда они промѣжиди къ моему агентству *Большаго - Лосъ* съ отрядомъ, вскорѣ послѣ проишествія. Не могу заключить этой ноты, не засвидѣтельствовавъ *Волчонку* искренней признательности за его прекрасный поступокъ, и прошу позволенія рекомендовать его благоклонному вниманію *его дядушки*, президента Соединенныхъ-Штатовъ, и всѣхъ имѣющихъ читать сію записку.

• В. П. Ричардсонъ, агентъ.

• Под-агентство Великой-

Намагавы, 23 октября 1843 года. »

Волчонокъ получилъ почетную медаль отъ обер-интенданта индійскихъ дѣлъ, Гарвѣ, который выражается слѣдующимъ образомъ, рекомендуя *Волчонка* президенту Соединенныхъ-Штатовъ, Джону Тейлеру: «Медаль, жалуемая правительствомъ; въ болшомъ уваженіи у Индійцевъ... и я выдалъ одну такую *Волчонку*. Почувствъ ее, онъ съ большой деликатностью воскликнулъ, что не заслуживаетъ никакой награды, потому-что исполнилъ только свой долгъ; но что считаетъ себя счастливымъ, если его поведение удостоилось одобренія его націи и отца.»

Когда *Волчонокъ*, принятый въ Тьюльерійскій-Дворецъ съ товарищами, прервалъ танецъ, по индійскому обы-

) Сквоу — женщина. Когда рассказывать публикѣ этотъ подвигъ, благородный *Волчонокъ* велѣлъ упомянуть, что ялящаяся съ нимъ теперь дождя была отсутствала отъ племени, а переводчикъ прибавляетъ, что герой спасъ нѣдѣль съ опасностью собственной жизни.

чаю, чтобъ разсказать свои подвиги, то обратился къ Лудовику-Филиппу съ слѣдующими словами: «Дѣдушка! вы слышали отъ меня, что этихъ томагоукомъ я убилъ воина Поуни, одного изъ враговъ моего племени. Остріе моего топора еще покрыто его кровью. Эта нагайка—та самая, которую я употреблялъ на стеганье лошади при этомъ случаѣ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ я между бѣлыми, я убѣждаю, что миръ годится для насъ лучше войны. *Заряжаю томагоукъ въ ваши руки; я не буду больше сражаться.*»

Заключу исторію *Волчонокъ* одной подробностью, почерпнутою, наравнѣ съ предъидущими, изъ весьма-вѣрныхъ и весьма-интересныхъ замѣтокъ г. Ваттемара.

По скромности, Волчонокъ не сказалъ королю, что въ день сраженія, о которомъ онъ упоминалъ, его конь, молодой жеребенокъ, полный силы и огня, увезъ его далеко отъ своихъ, въ средину толпы *Поуниевъ*. Три всадника оборачиваются, но, испуганные страшнымъ видомъ *Волчонокъ*, который устремился на нихъ, испуская свой военный крикъ, двое изъ нихъ бросаютъ оружіе. Воинъ, пренебрегая убійствомъ безоружныхъ непріятелей, удовольствовался тѣмъ, что отпустилъ ихъ до жестокому удару нагайкою, бывшею у него въ лѣвой рукѣ; потомъ, обратясь на вооруженнаго *Поуни*, ловко увернулся отъ дротика, который тотъ въ него пустилъ, и разнесъ ему черепъ ударомъ томагоука; наконецъ, соскочивъ съ лошади, скальпировалъ мертваго. Тотчасъ опять сѣвъ на смышенное животное, которое какъ-будто ждало, чтобъ его господинъ захватилъ трофей своей побѣды, *Волчонокъ* спокойно возвратился къ своимъ, бросивъ крикъ вызова *Поуниамъ*.

Не похоже ли это на эпизодъ изъ *Младой*?

Но нашъ индійскій герой вѣщаетъ, кажется, въ себѣ всю древнюю поэзію своего племени, и между-тѣмъ, какъ любовь играетъ только второстепенную роль въ жизни современнаго Индіица,

Индіецъ въ своей жизни вѣдетъ любовный романъ. Булучи два года въ плѣну у Соуковъ, онъ скоро выучился языку враждебнаго племени и связалъ любовь молоденькой дѣвушки, кроткой и прекрасной, которую похитилъ, бѣжавъ изъ плѣна. Какія опасности, какія тягости и испытанія потерпѣли они во время бѣгства прежде, чѣмъ достигли шатровъ Ювайевъ, можно себѣ вообразить и найти въ нихъ цѣлую поему. Наконецъ, онъ ввелъ молодую супругу, *Парлицу-Орлицу-Войны*, въ свой вигвакъ, и посвятилъ ей исключительно свою вѣжвость, — очень-рѣдкій примѣръ въ ихъ вольныхъ нравахъ. Онъ вѣлъ отъ нея тронъ дѣтей, которыхъ всѣхъ потерялъ, послѣдняго въ Англии, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. При каждомъ изъ этихъ огорченій, чувствованныхъ со всею свойственною Индіицамъ живостью, онъ дѣлалъ себѣ глубокую насѣчку на шею, чтобъ смягчить суровость Маниту и засвидѣтельствовать свою вѣжвость къ нѣлымъ существамъ, его покинувшимъ. По смерти послѣдняго ребенка, онъ двое сутокъ держалъ на рукахъ налевый трупъ, не разставаясь съ нимъ ни на минуту. Онъ слыхалъ, что смертные оставили бѣлолицыхъ трагуютки неуважительно, и мысль, что тѣло его милаго дитяти могло слѣзаться добычею какого-нибудь ученика медицины, была ему невыносима. Это успокоилъ только набальзамировать ребенка и положить въ гробницу изъ кедроваго дерева. Тогда онъ согласился повѣрить слову одного квакера, который, отправляясь въ Америку, взялся доставить трупъ къ его племени, чтобъ онъ покаялся вѣстѣ съ прахомъ предковъ. Съ-тѣхъ-поръ, бѣжавъ подруга *Волчонокъ* не переставала плакать и постылась до того, что впала отъ истощенія въ болѣзнь, заставившую опасаться за ее жизнь. Мы увидѣли ее распростертою на циновкѣ, еще прекрасную, но поблекшую. Благородный воинъ, силъ у ногъ ея (это мѣсто поминаетъ онъ только для выходовъ передъ публику).

расточалъ ей нѣжнѣйшія пощеченія. Онъ глядѣлъ ее по головкѣ, какъ отецъ задѣтъ сына, и спѣшилъ передавать ей всѣ подарки, какіе получалъ, счастливыи, если заставлялъ ее улыбнуться. Полобная нѣжная привязанность къ *сквою*—большая рѣдкость въ Индійцѣ, и напоминаетъ поэму объ Аталѣ и Шакгасѣ. Баронъ Экштейнъ, сказывали мнѣ, пораженный этимъ сходствомъ, разсказалъ *Волчонку* исторію двухъ любовниковъ, и вонизъ, улыбаясь сквозъ грудь, отвѣчалъ ему: «Я радъ, что напоминаю вамъ это. Знаю, что когда слышишь какую-нибудь исторію и потомъ увидишь нѣчто подобное, то бываетъ пріятно. Вы видите насъ въ горѣ и несчастіи, и, однако, я доволенъ, что мое горе вамъ пригодилося, напомнивъ вамъ прекрасную исторію.»

Такъ по-крайней-мѣрѣ разсказывала мнѣ одна особа, присутствовавшая при этой сценѣ. Чтѣ до меня, я также нашелъ нѣсколько поэзиі у изголовья новой Аталы. Я держалъ въ рукѣ цвѣтокъ циклама, который обратилъ на себя ея взоры, и который я поспѣшилъ ей поднести. Она взяла его, сказавъ, что въ *степлахъ* есть такія прострѣанства, что человекъ можетъ идти нѣсколько дней и нѣсколько ночей все посреди этихъ цвѣтѣвъ, и что они достаютъ ему по колѣно. Я устремился волею въ эти природныя степи, благоухающія прелестнымъ цвѣткомъ, который мы здѣсь разводимъ въ теплицахъ, и который даже въ Альпахъ не достигаетъ роста выше шести дюймовъ. Между-тѣмъ, жена дикаря переносилась туда же воспоминаніемъ. Она съ наслажденіемъ обоняла цвѣтокъ, и не отнимала его отъ ноздрей, говоря, что воображаетъ себя на родинѣ.

Не знаю, какимъ случаемъ, вотъ уже во второй разъ запахъ этого прелестнаго цвѣтка увоситъ мои мечты въ лонныя пустыни Америки. Впервые увидѣлъ я его растущій на волѣ и безъ ухода въ одно прекрасное апрѣльское утро, у подошвы Тирольскихъ-Горъ, на скалахъ, окаймляющихъ теченіе

Бренты. Измученный усталостью, я за-спулъ на луку, устѣяномъ цикламами. Мнѣ свилось, будто я въ тѣхъ странахъ, которыя описывала мнѣ вчера молодая дикарка, принимая отъ меня одинъ изъ этихъ цвѣтѣвъ. Во снѣ грезились мнѣ природа еще величественнѣе и плодовоснѣе, нежели та, уже столь плодоносная и столь величественная, гдѣ я тогда находился. Растенія были гигантскихъ размѣровъ, и едва-ли даже не видалъ я цикламовъ вышиною въ локоть, которые, казалося, порхали словно бабочки по высокой степной травѣ. Очень помню, что, пробудившись, я находилъ Альпы малыи, и пренебрегъ бы своимъ мягкимъ изголовьемъ *рапрогсіні* (такъ зовутъ въ тамошнемъ краю цикламы), еслибъ они не благоухали. Ихъ мелкія чашечки пролцвали цѣлыя волны благоговія, будто доказывая мнѣ, что малые и низкіе не суть наименѣе-благопріятствуемые небомъ...

Но вотъ опять я завлекся въ отступленіе, откуда мнѣ трудно будетъ искусно возвратиться къ предмету письма. Привыкнувъ къ подобнымъ уклоненіямъ, ты не осудишь меня, и согласишься быть вдругъ перенесенъ снова къ изголовью *Орлицы*. Бѣдная опечаленная мать имѣетъ новый поводъ къ грусти въ своемъ незнаиіи іовайскаго языка, которому никогда не могла выучиться. Ея мужъ, такъ легко научившійся языку Соуговъ во время плѣва, — единственное существо, съ кѣмъ она можетъ обмѣнивать свои мысли, и онъ, кажется, хочетъ избавить ее отъ такого одиночества души, не покидая ея и бесѣдуя съ ней безпрестанно на языкѣ отцовъ ея.

Чтобъ докончить свою портретную галерею, разскажу тебѣ гуртомъ о трехъ остальныхъ женщинахъ, и буду въ этомъ случаѣ сообразоваться съ понятіями Индійцевъ, которые, кажется, глядятъ на женщину какъ на собирательное существо, лишенное всякой индивидуальности. Она допускаютъ полигамію, подобно жителямъ востока, соразмѣрно состоянію. Бо-

гатый вождь имѣеть столько женъ, сколько можетъ содержать и покупать, потому что у нихъ, какъ у насъ, бракъ—торговая сдѣлка. Только онъ менѣе позоренъ для Индійца, ибо, вмѣсто продажи своей личности и свободы за приданое, онъ самъ, подарками отцу невесты, покупаетъ обладаніе избраннымъ предметомъ. Пара лошадей, нѣсколько фунтовъ пороха и табака, иногда просто платятъ американской работы, составляютъ довольно-щедрую плату за руку женщины. Вступивъ подъ шатерь супруга, она становится его служанкою, какъ была служанкою отца: она обрабатываетъ поле съ мясомъ, складываетъ и распускаетъ шатерь, переноситъ его съ помощью воровыхъ собакъ съ одного станова на другое, варитъ мясо лани и буйвола, наконецъ, кроитъ и украшаетъ одежды господина, не переставая, между-тѣмъ, таскать своего младенца, плотно прицепленатаго къ доскѣ я привѣшеннаго ремнемъ за плечи въ видѣ чмодава. Онѣ живутъ между собою въ добромъ согласіи, и въ племени Ювайевъ ссоръ между ними почти никогда не слышно. Впрочемъ, съ ихъ рѣдкими радорами бываетъ то же, что съ мужскими: они должны раздѣляться кровью, и тогда дерутся ножами, даже томагоками. Мужчины не ревнуютъ ихъ; если жь когда и становятся ревнивы, то стыдятся показывать это при другихъ. Такимъ образомъ, обманутый мужъ наказываетъ жену тѣхонько дома, но ѣсть, охотится и поетъ съ своимъ соперникомъ, не обнаруживая никогда ему ни вражды, ни досады. Ювайскія женщины носятъ свои длинныя волосы прядями, палающими на спинну, и раздѣляютъ ихъ отъ лба къ затылку широкимъ краснымъ проборомъ, который издали кажется ручьемъ крови, происшедшимъ отъ разрыва тѣлпоромъ. Во всемъ уборѣ Индійца, страшное должно мѣшаться съ кокетствомъ. Женщины также расписываютъ себѣ лица красной краскою, и блежда ихъ, состоящая изъ панталонъ

и кожаного платья съ ремешной бахромою, и шерстяного плаща сверху, отличается строжайшей чистотою. Красный или бурый плащъ, окаймленный аркою арабескою, весьма-красивъ. Всушности, онъ просто квадратное одѣяло; но когда онѣ танцуютъ, то плотно обертываютъ его вокругъ тѣла, придерживая руками, которыя остаются закрыты. Окутанныя такимъ образомомъ и прыгая на одномъ мѣстѣ съ неподвижностью, которая не имѣеть ничего непріятнаго, между-тѣмъ, какъ богато-убранный калюметъ воткнутъ у нихъ въ правой рукѣ, онѣ наподиваютъ фигуры атрусскихъ вазъ или іероглифы папирусовъ. Единственный ихъ талантъ—рисовать и вышивать юккасины бусами, а кожаныя платья щетиною дикобраза. Въ этомъ послѣднемъ искусствѣ онѣ превосходны, какъ по вкусу въ рисункахъ, такъ и по удачному сочетанію цвѣтовъ и прочности работы. Физиономіи ихъ кротки и скромны. Материнская нѣжность у нихъ очень-развита; но въ ней онѣ едва-ли превосходятъ мужчинъ столько, сколько наши женщины. Индійскій отецъ такъ же нѣженъ, привязанъ, внимателенъ, страстенъ къ своему дитяти, какъ и мать. Есть въ этихъ дикаряхъ доброе, нельзя не сообразна. Что бы ни говорили, а мы чуть ли не отнимаемъ у нихъ больше добродѣтелей, нежели пороковъ, мѣшаясь въ ихъ воспитаніе.

Имена *свою* столь же страшны и столь же живописны, какъ имена ихъ мужей: *Ходлящійся-Голубь, Летающій-Голубь, Медовница ходящая по тропу другой*, и т. д.

Теперь, когда ты знаешь всѣ эти фигуры, переведу тебѣ ихъ рѣчи: *Великій ораторъ, Идущій-Дождь*, стѣлъ напротивъ меня съ торжественностію, ибо слово есть дѣйствіе торжественнаго у Индійцевъ. Ихъ мечтательный умъ бываетъ въ бездѣйствіи большую часть времени. Языкъ ихъ сжатъ и неполонъ, какъ и идеи. Они не знаютъ боготви и очень-мало знакомы съ бесѣдою. Они обмѣниваютъ нѣ-

одна третихъ словъ, сообщая другу свою волю или свои вѣдѣнія, и когда, въ прошломъ вѣкѣ, ставлади ихъ въ *Гуронь*, очень-модной комической оперѣ, пѣтъ

Messieurs, messieurs, en Huronie,

Chacun parle à son tour,

были рѣшительно правы. Въ важныхъ случаяхъ, каждый предводителю обязаносить рѣчь, и хоть бы она длилась три часа, никогда его никто не ерветъ; да и чтобъ произносить чь, надо пользоваться славой челока даровитаго въ искусствѣ говорить. Чтѣ подумали бы Индѣйцы, есбъ побывали на нашихъ законодательныхъ засѣданіяхъ?

А такъ, *Идущій-Дождь* говорилъ мнѣ слѣдующимъ образомъ:

Я радъ тебя видѣть. Намъ сказывали про тебя; мы признали, что у тебя много друзей, и уважаемъ тебя за это. Ты принесъ намъ подарки, не зная насъ; мы тебѣ благодарны. У насъ бычаи носятъ подарки всѣмъ, съ кѣмъ видѣть мѣдѣтся; мы отнесемъ имъ подарокъ въ нашъ край, такъ же, какъ подарки всѣхъ, кто намъ ихъ шлеть. Мы отложимъ къ сторону тѣ, которые намъ даны въ Америкѣ, которые намъ даны въ Ирландіи, которые намъ даны въ Шотландіи, которые намъ даны въ Англіи, которые намъ даны во Франціи, чтобъ показать нашимъ друзьямъ, какъ мы бы приняты у бѣлосидыхъ. У насъ тѣ дождь, нѣтъ книгъ: эти подарки будутъ нашей исторіей.

Послѣ, онъ безпрестанно дѣлалъ ты съ разстѣпанномъ и отчетливо, высчитывая по пальцамъ стрикоторыя онъ профемалъ, указывая на небо, когда говорилъ о редной нѣ.

Когда въ поблагодаривъ его за комментъ, онъ сдѣлалъ знакъ, что холь еще говорить и продолжалъ имитировать гортанный голосомъ, все хватывая руками:

Благодарю великаго духа, который шлеть намъ очутиться между французами, нашими старинными

друзьями и старинными союзниками. Они намъ кажутся любезнѣе и радостнѣе Англичанъ. Когда я былъ ребенкомъ, отецъ водилъ меня въ поселенія Англичанъ, въ Америкѣ. Они давали намъ много подарковъ, и намъ досталась большая добыча. Отъ-того мы думали, что Англичане лучшіе изъ всѣхъ бѣлолицыхъ. Но послѣ мы очень поняли, что они хотѣли только насъ обмануть и перебить всѣхъ насъ огненной водою. Откуда имъ дать намъ богатство, когда у нихъ, въ своей сторонѣ, есть люди умирающіе съ голода? Съ-тѣхъ-поръ, какъ я все это увидѣлъ, глаза мои открылись, какъ будто впервые взглянулъ на дневной свѣтъ. Въ Англіи намъ было все только несчастіе. Тамъ мы потеряли одного изъ нашихъ братьевъ и одного изъ нашихъ дѣтей. Во Франціи мы благополучны, здоровы и надѣемся выѣхать отсюда всѣ живы, чтобъ возвратиться въ нашу сторону, гдѣ разскажемъ все, что видѣли, и гдѣ наши дѣти передадутъ это своимъ дѣтямъ.

Мы взглянули на *Волченка*. Глаза его налились слезами при воспоминаніи о потерѣ сына, и его лицо, столь ужасное въ танцѣ *скальпа*, выражало глубочайшую скорбь.

Прочіе одобрили рѣчь *Идущаго-Дождя* краткимъ восклицаніемъ, и врать, нечаявъ рѣчь, объявилъ, что онъ съ удовольствіемъ слушалъ сказанное ораторомъ, что подтверждаетъ его слова, и прибавилъ по своему свойству тонкаго политика: Чѣмъ дольше мы здѣсь пробудемъ, тѣмъ больше встрѣтимъ чести и уваженія дома. Намъ нѣсколькимъ разъ писали, чтобъ мы возвратились, обѣщая напередъ вѣрить намъ. Но если мы воротимся равно, то не всѣ будутъ убѣждены, что мы были хорошо приняты, и что участвовали себя счастливыми среди бѣлолицыхъ. Притомъ же, какъ нашъ теперешній планъ и воля нашего вождя, Блага-Облава, прекратить безпрестанныя войны, которыми насъ тревожили, и какъ, въ отсутствіи вождя, намъ не вѣрять и не должно драться,

«то наши вонны привыкають къ миру, и намъ легче будетъ утвердить миръ навсегда.»

Мнѣ хотѣлось потомъ заставить говорить *Бьлов-Облако*, задумчиваго короля, который все вертѣлъ бусу въ пальцахъ, и который въ досужіе часы очень-искусно дѣлаетъ изъ кусковъ дѣрева и тряпокъ куклы на дикій манеръ для своей маленькой дочки. Я зналъ также, что его честолюбіе домогалось собрать приданое этому ребенку изъ сокровища, неоцѣнимаго въ глазахъ его семейства, т. е. изъ шести серебряныхъ столовыхъ приборовъ. Контрастъ такихъ дѣтскихъ желаній дикаря съ кроткой важностью его ордина профиля и величиною костюма, напоминающаго героевъ древности, забавлялъ и интересовалъ меня въ высочайшей степени. Сколько бы серебряныхъ приборовъ далъ я, еслибъ они послужили мнѣ средствомъ проникнуть въ эту душу и послѣдовать невидимый миръ, который каждый носить въ себѣ, и котораго никто не можетъ ясно себѣ представлять такими, каковы онъ у его ближняго! Какъ велика должна быть эта разница у первобытнаго человека, одѣланнаго бездною глубочайшаго невѣжества отъ нашихъ идей и отъ исторіи нашихъ преемственныхъ поколѣній! Какъ объяснить себѣ, что этотъ сидѣвшій передо мною тридцатилѣтній ребенокъ, задумчивый, застѣнчивый и слабый, отвѣтилъ за смерть отца, умертвивъ собственной рукою шестерыхъ убійцъ, и что онъ отрелся отъ этой мести съ такимъ отвращеніемъ? Я недоумѣвалъ, съ какой стороны вѣзаться за него, чтобъ открыть лавейку, хотя бы съ иглоочную скважину, въ таинственную поэмю его судьбы. Наконецъ, я рѣшился спросить его, какой первый долгъ не только вождя племени, но человека, кто бы онъ ни былъ, бѣлолицый или краснокожій?

Я получилъ только уклончивый отвѣтъ, сдѣланный вполголоса, съ потупленными и почти-закрытыми глазами, что служить признакомъ велика-

го достоинства чувства у Индейцевъ. «Мы люди простые» сказала она: «не въ дѣлахъ, не въ словахъ научиться намъ тому, что вы читаете въ вашихъ книгахъ. Отъ-того я попрошу у васъ позволенія не продолжать этой рѣчи.»

Я спросилъ у переводчика, не значило ли это, чтобъ я замолчалъ, и почувствовалъ свою нескромность. Вождь отвѣчалъ, что нѣтъ, и что онъ готовъ начать *другую рѣчь*.

Тогда я его спросилъ, какое величайшее счастье для человека? Отвѣтъ его былъ чисто-личнымъ, но грустнымъ и поэтическимъ. Намекая на бѣльмо, покрывающее одинъ изъ его глазъ, онъ сказалъ: «Величайшее счастье человека — видѣть свѣтъ солнца. Слѣдѣть-порѣ, какъ я потерялъ молодому эрѣвлю, понимаю, что эрѣвлю было у меня драгоценнѣйшее изъ всего, что имѣю. Если я лишусь другаго глаза, мнѣ надо будетъ умереть.»

Я не хотѣлъ заходить дальше, опасаясь больше его опечалить, и разговоръ сталъ общимъ. Молодые люди, сидя на полу, нѣсколько позабавились съ нами.

Великій - Ходокъ, тотъ, чье имѣло лицо тигра и станъ Геракула, принялся играть съ куклою двѣсти летъ; мы подали ему карандашъ, чтобъ онъ нарисовалъ черты по куску дерева, представлявшему лицо. Онъ замечалъ ему подбородокъ, говоря, что такъ какъ этотъ ребенокъ родился немому бѣлыми, то ему нужна борода (*).

Я спросилъ у него, какъ провести время въ вигвамахъ въ дѣжальные дни. Онъ объяснилъ мнѣ, что сперва выпиваютъ рокъ около ангана, чтобъ не дать водѣ затекать туда, потомъ хранишь укрываются, и женщины принимаютъ за работу.

— А мужчины за бодѣлью?

— Мы сидимъ кружкомъ, какъ те перъ, и дѣлаемъ то же, что и дѣла.

(*) Женщины брѣютъ голову и волосы, носятъ бороду. Они оставляютъ на черепѣ только лоскутъ скальпа.

— Разговариваете?

— Мало.

— И не скучаете?

Дикій не повилъ, что я хотѣлъ сказать. Мнѣ должно было напередъ знать, что гдѣ дума и размышленіе не существуютъ, тамъ мечтанье всегда обильно и пріятно. Воображеніе такъ сильно, когда его не оковываетъ разумъ!

«Но удивляйтесь ихъ веселости», говорилъ намъ, выходя вонъ, одинъ путешественникъ, знающій и понимающій Америку. «Я тамъ видалъ сотни примѣровъ цивилизованныхъ людей, которые становились дикими; никогда не встрѣчалось мнѣ примѣра обратнаго. Вольная жизнь безъ заботъ, безъ хлопотъ и труда, возбуждаемая единственно уповительными волненіями охоты и войны, такъ приманчива, что превращаетъ всѣхъ бѣлыхъ, какъ-скоро они взглянуть на нее вблизи и безъ предубѣжденія. И то сказать, вѣдь это жизнь натуральная, а все, что изобрѣтено для удовлетворенія нуждъ, послужило тожко къ тому, чтобъ сдѣлать эти нужды сложнѣе и превратить ихъ въ страданія. Часто берутъ молодыхъ Индійцевъ въ Соединенные Штаты и даютъ имъ наше воспитаніе. Они очень хорошо усваиваютъ его себѣ; смыслъ ихъ быстра и проинципательна; изъ нихъ легко дѣлать адвокатовъ и медиковъ. Но въ то время, какъ имъ приходится выбирать ремесло и надѣть узы нашего общества, если случайно они отправятся посоветоваться и похозяйствоваться съ родными въ вигвамахъ, вдохнуть вольнымъ воздухомъ степи, почувютъ запахъ жаренаго буйвола, или впривѣять слѣдъ мокасина впримѣбнаго племени, то прощай цивилизація со всѣми ея выгодами! Дикарь снова ощущаетъ свои быстрыя ноги, своей рысій глазъ, свое воинственное сердце. Басня о волкѣ и собакѣ повторяется.

Мы покинули этихъ прекрасныхъ Индійцевъ, глубоко растроганные и печальные; потому-что, вступая снова въ страстнѣе и болѣе развитыя цивилизаціи, мы увидѣли на улицѣ жалкія существа, истощившія силу жить, франтовъ въ отвратительно-безобразныхъ платьяхъ,—вычурныхъ, кривляющихся фигуры, одѣвъ притупленные самолюбіемъ, другія искалеченныя жестокостью судьбы. Мы воротились въ свои покои, столь красивые и теплые, гдѣ насъ ожидали подагры, ревматизмы и всѣ немощи старости, которыя презираетъ и которыхъ не вѣдаетъ ногой дикарь подъ своимъ худо-закрытымъ шатромъ; и мнѣ пришло на память наивно-глубокое слово индійскаго оратора: «Они обманули насъ богатствомъ, а у нихъ есть люди, умирающіе съ голода!»

Бѣдные дикари! вы видѣли Англію: не глядите на остальную Европу!

★

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

81) *UNE CONFIDENCE* (ПОВѢРЕННЫЙ), комедія въ одномъ дѣйствіи, въ прозѣ, соч. Шарля Потрона.

Маленькое изброгаію, довольно-легко веденное. Автору улыбнулась прелесть старинны. Вотъ предметъ его пьески, данной на сценѣ Французскаго Театра: Баронесса де-Ланжакъ отправилась на маскерадный балъ тайкомъ отъ мужа, стараго дворянина и заклятаго охотника; на балу она повстрѣчалась съ шеваляе д'Ассени, молодымъ статнымъ кавалеромъ, не робкимъ и сантиментальнымъ до чрезвычайности. Качество это, мало сродное людямъ его состоянія, прельстило баронессу; она увлеклась до того, что измѣнила своему никогнито и позволила кавалеру пріѣхать на другой день посѣтить ее въ собственномъ ее стилѣ.

Шевалье боится всего торопится сдать повѣренныя своего счастья друга своего, маркиза де-Ферьера. Еще Мольеръ замѣчалъ, что при счастливой интригѣ всего тяжеле Французу секретъ :

Voilà de nos Français l'ordinaire défaut:
Dans la possession d'une bonne fortune
Le secret est toujours ce qui les importune.

Маркизъ воспользовался нескромностью пріятеля, и явился въ замокъ подъ его именемъ. Онъ боець, предпримчивъ, отличный эгуизъ, увѣрлетъ, что онъ именно вчерашній приглашенный. Баронесса вѣритъ. Когда бѣдный кавалеръ является, его выпрождаютъ вонъ. Баронъ де-Ланжакъ, по свойственному охотничьему чутью, скоро пронохалъ бальное приключеніе. Онъ готовъ осыпать жену упреками; молодая вдова, тайнѣ влюбленная въ кавалера, беретъ все на себя, и, жертвуя собою для спасенія чести пріятельницы, заставляетъ кавалера повѣрить, что она точно дама изъ великихъ панталъ, и въводитъ его сердце на балъ. Прибытіе маркиза не замедлило еще больше запутать положеніе дѣйствующихъ лицъ. Наконецъ, переходя изъ затрудненія въ затрудненіе, достигаютъ благополучной развязки: прекрасная вдова выходитъ за прекраснаго кавалера; баронъ де-Ланжакъ убѣждаетъ, что жена не отлучалась изъ спальни; старый отецъ, попомощи казнаго пируета на пачкѣ, намекаетъ даже другинѣ, что онъ себя на умѣ, знаетъ чадъ знаетъ; баронесса соглашается, что каскадные балы очень опасны, но отрешается отъ нихъ со здохомъ, себя-драсывая и кривя на проволочку, — съ душкомъ, который наконецъ достигъ вершинъ своихъ желаній, званія порочнаго золотого. Маркизъ де-Ферьеръ издается въ послѣдствіи неодоленнымъ на баронессу вонъ.

82) Лиза Бертъ Мелувилласъ въ юморе (Смись Чувствъ Смѣхъ), обожравши ласкающую кориннаго, томъ г. Бармуша и Верена.

Обыкновенныя обзавидія (envies) ожидаютъ декабря, чтобъ устремить свои забавныя сарказмы на интересы и приобрѣтенія истекающаго года. Бѣдный годъ, подобно дѣлѣмъ навшихъ могуществамъ, трактуется тогда безъ малѣйшаго уваженія и сожалѣнія. Гг. Кармушъ и Варенъ дерзаютъ начесть на 1845 годъ, когда онъ еще въ полной силѣ и мощи; годъ рѣшительно имѣетъ право жаловаться на несправедливость авторовъ, нехотѣвшихъ подождать его кончины для своихъ приговоровъ. Но что дѣлать? гг. Кармушъ и Варенъ не вѣрятъ въ 1845 годъ. А между-тѣмъ, онъ начался вовсе не худо; мало ли чѣмъ потѣшилъ онъ любителей публички: «Смала» и Томъ-Пусть, Виргинія и Юванъ, журналы-чудовища, добѣгъ манвелъ Плесси, — все еженомны, общающіе достойный смуженецъ. Авторы обожрѣнія не пренебрегли ни однимъ изъ пересчитанныхъ нами случаевъ. «Смала» явилась въ ихъ волшебномъ фанартѣ, и эта прекрасная страница военной славы Франціи прилегла ихъ насильственность только своимъ развѣромъ; трагедія «Виргинія» удостоилась полной пародіи, шутки довольно-длинноватой, гдѣ распадаются грубыя нарратуры всѣхъ артистовъ; Томъ-Пусть и Иванды, гораздо-замысловатѣе представлены, заставили посмѣяться публичку; журналы-чудовища испугали еда и кая, въ самомъ дѣлѣ, не джугаться челому и добросовѣстному читателю, который не хочетъ дѣлать себя изъ журнала утравно и жалеть и считаетъ долгомъ прочитывать его до послѣдней строчки! Булгакъ на-светъ манвелъ Плесси недурутъ, хотя вертится на довольно-трудноватомъ изламбурѣ:

On pleure aux Français tous les jours
Une belle sociétaire:
Nous l'appelons Plessy-lei-Tours,
A cause de celui qu'elle vient de nous
faire!...

А между-тѣмъ, манвелъ Плесси съ ея предвѣніемъ (tout) зовес на чѣмъ зѣ-

«не хочѣтъ ничего таиннаго, какииъ
создала природа, даже собаки, даже
человѣка.» А что же несообразнаго,
какъ собака, которая мыслитъ, подобно
Эмилю II-му, для котораго дальнѣйшій
его свойственникъ, cousin à la mode de
Bretagne, мосье Терриѣвъ, написалъ
варочко водевилъ, потѣшавшій публи-
ку все того же театра Variétés.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГІИ Г. СЕРРА, ПРОФЕССОРА НАРІЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — Великое событіе совершается въ наше время; оно сокрыто еще въ полураковъ своего происхожденія, и потому мы не замѣчаемъ его. Это событіе есть взаимное движеніе племенъ, или, точнѣе, столкновеніе ихъ. До-сихъ-поръ, различныя группы рода человѣческаго жили отдѣльно. Правленія и мѣстныхъ учрежденія утверждали между народами безконечныя раздѣленія. Природа, съ своей стороны, также способствовала сохраненію типическихъ характеровъ, отличающихъ племена, раздѣливъ ихъ морями, горами, рѣками. Это уединеніе было необходимо. Различныя отдѣленія рода человѣческаго должны удерживать свои черты и отгѣнки типическіе, пока каждое изъ нихъ не равняется окончательнаго и не достигнетъ своего идеальнаго типа. Въ наше время, условіе это исполнено. Теперь обнаруживается совершенно-противоположное стремленіе: племена ищутъ сблизиться между собою; политическія учрежденія, которыя поддѣрживали невѣжество, и препятствіа матеріальныя не раздѣляютъ ихъ болѣе. Родъ человѣческій въ настоящее время желобомъ шарублѣнной... земли,

которая старается сблизить, сжать свои части, разбросанныя естественными и политическими переворотами. Эта потребность обобщенія нашла въ изобрѣтеніи паровой машины удивительную точку опоры. Древній человекъ искалъ рычага, чтобы перевернуть міръ: новый человекъ открылъ могущественный рычагъ, самъ даже не подозревая того. Этотъ новый двигатель — главное орудіе цивилизаціи, вещественный символъ будущаго единства племенъ.

Система путей сообщенія состоитъ въ наше время изъ трехъ элементовъ: желѣзныя дороги, каналы или рѣки, и море. Рассмотримъ прежде всего вліяніе пара на эти три органа движенія.

Желѣзныя дороги, суля по ихъ современному состоянію, должны достигнуть вскорѣ значительнаго развитія. Пятнадцать лѣтъ, не болѣе, европейскія монархіи стали заботиться о введеніи этихъ искусственныхъ путей сообщенія. И въ какомъ блестящемъ положеніи находятся они теперь! Большая часть этихъ путей, правда, далеко не приведена еще къ окончанію; они въ зародышномъ состояніи; но когда соединятся эти отдѣльныя звѣны, изъ нихъ составится настоящая желѣзная сѣть, которая свяжетъ цѣлыя материкъ. Эта сѣть представляетъ замѣчательную аналогію съ развѣтвленіями нервной системы, представляющей движенію въ животномъ организмѣ. Рельсы, разбросанныя небольшими уединенными узлами, вступятъ постепенно другъ съ другомъ, образуютъ большія звѣны, которыя соединяются съ главными центрами. Теперь, въ наше время, уже есть возможность подмѣтить тайную связь между главными дорогами, проводимыми въ различныхъ государствахъ.

Политико-экономъ не долженъ раздѣлять линій судоходныхъ отъ желѣзныхъ дорогъ. Необходимо, напротивъ, уравнивать объѣмъ системы сообщенія, точно такъ же, какъ природа соблюдаетъ равновѣсіе въ об-

ищеніи и движеніи питательныхъ инокостей въ существахъ органическихъ.

Но желѣзныя дороги, каналы, рѣки сами-по-себѣ ничто, когда они не надѣются еще въ соединеніи съ морскими, навигаціонными путями. Пароходы идутъ дальше вагоновъ, и море становится всегда главнымъ проводникомъ для дальнихъ сношеній. Здѣсь ширное попріще представляется пригодному вліянію пара. Въ наше время, открыты почти всѣ навигаціонныя пути; мореплаватели не знаютъ уже задержекъ, остановокъ, которыя мѣшало прежде направленіе вѣтровъ; можно опредѣлить заранѣе прибытіе парохода, какъ и паровоза. Всѣ части свѣта сообщаются теперь между собою съ помощью той же самой воды, которая прежде раздѣляла ихъ, и море не разрываетъ, а связываетъ материки. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ опрокинули ограду, въ которую включали себя въ теченіи столѣтій Бковъ дѣйстви- пятьдесятъ милліоновъ китайскаго человѣчества. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ, наши географическіе учебники признавали только четыре части свѣта: путешествія предприимчивыхъ мореплавателей успѣли риподнять завѣсу, которая скрывала эту группу таинственныхъ острововъ на дѣйственномъ морѣ; и въ наше время Океанія вапала на картѣ свое наглядное мѣсто.

Эти различные пути сообщенія должны имѣть важное вліяніе на взаимныя отношенія племенъ. Типъ цивилизованнаго человѣка растетъ, постепенно наполняетъ поверхность земнаго шара и связуетъ между собою ея части. Замѣтимъ также, что всѣ великія открытія наводили на тотъ же результатъ. Изобрѣтеніе пороха въ вѣдѣ варварскіе было причиною частыхъ войнъ, а война сближаетъ народы. Компасъ руководилъ предприимчивыхъ мореплавателей и соединилъ всѣ части міра, которыхъ жители не думали никогда встрѣтиться на одной планетѣ. Книгопечатаніе создало переда-

чу мыслей между различными государствами и материками, и утвердило новаго рода сношенія между націями цивилизованными. Паръ довершилъ это единство отношеній, которое предварительно начертали порохъ, компасъ и книгопечатаніе. Въ нравственномъ отношеніи, желѣзныя дороги представляютъ электрическіе проводники, по которымъ мысль одной націи должна передавать сотрясенія, вибраціи другимъ сосѣднимъ народамъ. Въ отношеніи промышленности и торговли, онѣ должны значительно измѣнить настоящую таможенную систему и создать святой союзъ между торговыми народами. Какъ средство обнародованія, эти философическія дороги, по которымъ двигаются люди и идеи, довершаютъ твореніе Гуттенберга и будутъ вспомогательнымъ средствомъ книгопечатанія. Когда европейскія государства покроются сѣтью желѣзныхъ рельсовъ — этихъ свѣтлыхъ лучей образованности, — умственная, интеллектуальная физіономія нашего материка совершенно измѣнится. Назначеніе пара — уничтожить разстоянія и соединить племена.

Какіе результаты будутъ отъ соединенія и смѣшенія племенъ? Это вопросъ естественно-историческій, выведенный изъ факта политической экономіи. Мы постараемся разрѣшить его съ помощью свѣдѣній, которыя открываютъ намъ обѣ эти науки. Возрожденіе пара въ системѣ искусственныхъ путей сообщенія — явленіе еще очень-новое; следовательно, надо имѣть большую смѣлость, чтобъ искать отдаленныхъ результатовъ силы, которая еще не очертила полной орбиты своего движенія; съ другой стороны, не надобно забывать также, что всѣ явленія міровъ промышленнаго и физическаго подчинены законамъ, которые мы имѣемъ возможность раскрыть. «Отличительный характеръ суммы знаній, сведенныхъ въ одну систему, въ одну науку, — есть откровеніе». Откровеніе это не бесплодно; оно помогаетъ намъ располагать настоящимъ, имѣя въ виду бу-

лучше. Когда известна цѣль, къ которой стремился, каждый вѣкъ можетъ соразмѣрять свои силы съ разстояніемъ, отдѣляющимъ его отъ этой цѣли. Съ перваго взгляда, вопросъ о вліяніи пара на движеніе племенъ кажется гипотезою; но вникните въ него, — вы откроете въ зоологіи, въ современномъ ея состояніи основаніе и рѣшеніе этого вопроса. Ученіе о племенахъ еще въ зародышѣ; путешествія способствуютъ его развитію; но и теперь даже оно представляетъ много фактовъ, много матеріаловъ, съ помощью которыхъ можно нарисовать перспективу, отыскиваемую впереди желѣзными дорогами.

Обитаемая поверхность земнаго шара представляетъ множество человѣческихъ племенъ, которыя можно привести къ четыремъ большимъ отдѣленіямъ: племя кавказское — бѣлокожее, съ тонкими, прямыми, маслянистыми волосами; племя монгольское — желтокожее, съ волосами толстыми и прямыми; племя эіопское — чернокожее, съ твердыми, шерстянистыми волосами; племя американское — краснокожее, съ волосами черными, длинными и жесткими. Во всѣхъ мѣстахъ земнаго шара, гдѣ племена эти были въ соприкосновеніи, вотъ что происходило: черные повывались желтымъ, а бѣлые первенствовали надъ всѣми тремя племенами. Межеумки, происшедшіе отъ смѣшенія этихъ трехъ цвѣтовъ, занимали въ обществѣ среднее мѣсто. Изъ этого перваго факта можно уже заключить, что на зоологическихъ характерахъ человѣческихъ племенъ можно основать градацію ихъ силы и образованности.

Существованіе нѣсколькихъ племенъ въ человѣческомъ родѣ — фактъ большой важности; онъ слишкомъ тѣсно связанъ съ нашимъ вопросомъ, и потому мы должны проникнуть его происхожденіе. Въ этомъ отношеніи, исторія намъ ничего не можетъ открыть; исторія молчитъ. Дѣтство, младенчество рода человѣческаго, какъ и всякаго человѣка, покрыто мракомъ

забвенія. Нѣсколько памятниковъ, почетныхъ по ихъ древности, но написанныхъ на языкахъ уже утраченныхъ — вотъ единственные остатки, изъ которыхъ племена могутъ узнать нѣчто о своемъ происхожденіи; но эти памятники принадлежатъ уже временамъ историческимъ; а появленіе различныхъ племенъ, безъ всякаго сомнѣнія, предшествовало учрежденію обществъ; такимъ образомъ, этимъ путемъ мы никогда не успѣемъ поднѣсти тайну природы. Естественная исторія, принимая въ основаніе характеры физическіе, одна только можетъ опредѣлять мѣсто, которое занимаютъ различные племена на лѣстницѣ человѣчества, послѣдовательность между ними, и даже ихъ происхожденіе.

Чтобъ разсѣять мракъ, окружающій колыбель рода человѣческаго, необходимо прежде раздѣлить элементы, его составляющіе. Общее мнѣніе, что бѣлымъ племенемъ началось существованіе человѣчества; но все заставляетъ насъ думать, что ему предшествовали другія племена, которыя выводятъ его отъ себя путемъ перерожденія. Родъ человѣчскій самъ-по-себѣ составляетъ особое царство въ разнообразной цѣпи созданій, и племена соответствующія въ нѣкоторомъ отношеніи породамъ царства животнаго. Всѣ существа, обитатели земнаго шара, постепенно усовершеншались; по-этому очень естественно предполагать, что племена высшія были и самыя древнѣйшія. Въ исторіи періодовъ допотопныхъ, каждый переворотъ на нашей планетѣ совпадалъ съ прогрессомъ въ царствѣ животномъ; точно также замѣненія, слѣдовавшія за великою седмицею Моисея, вывели на различныхъ точкахъ земнаго шара различныя группы людей. Мы можемъ допустить колыбель чернаго племени вблизи экватора; въ Атлантидѣ зачалося красное племя; племя желтое — на югѣ Азіи; а на сѣверѣ, или въ срединѣ Азіи, появились первые слѣды бѣлаго племени. Движенія разрушенія и воспроизведенія, сопри-

ущія каждому созданію, распростра-
нились также и на человѣчество: чер-
ное племя есть остатокъ первобытнаго
іра; оно потеряло прежнюю свою си-
лу и могущество. Племя американское
тоже племя древнее, погибшее въ во-
лахъ океана. Христофоръ Колумбъ на-
шелъ остатки его, которые начали свое
возрожденіе на американской почвѣ.
Можетъ-быть, одинъ и тотъ же ударъ
ромьсла опрокидывалъ материкъ
главнуду, уничтожалъ красное пле-
мя и подымалъ горы Азіи, на кото-
рыхъ появилось бѣлое племя. Этотъ
новый взглядъ разрываетъ узкія цѣпи
этнологій, въ которыя наши историки
хотѣли заключить существованіе
ида человѣческаго; но надобно при-
знать, что въѣкъ, подобно пред-
метамъ, сглаживаетъ разстояніе, и ни-
кой хронометръ не проведетъ насъ
въ періодахъ, гдѣ все еще басно-
овно.

Естественная исторія человѣка дол-
жна быть непременно построена на ха-
рактерахъ анатомическихъ. Г. Серръ,
профессоръ Парижскаго Университе-
положилъ первыя основанія срав-
нительной антропологии: онъ доказалъ,
что органы и отправления понижаютъ
перехода отъ кавказскаго племени
племенамъ низшимъ. Серръ слѣ-
дуетъ очень-замѣчательное наблюденіе,
что у американскаго племени животъ
человѣка низокъ; причина этой уродливо-
сти — обширный объемъ печени, а
большое развитіе этого органа предпо-
лагаетъ необыкновенную прозорли-
вость. Вотъ первый фактъ изъ исторіи
человѣка новаго-свѣта, имѣющей
большое свое въ ихъ организаціи.
Въ Парижскомъ музеумѣ находится че-
ловѣкъ Американца: въ верхней челюсти
сидятъ огромныя клыки, которые
въ живомъ состояніи непременно вы-
ступали изъ-подъ верхней губы.

Сходная черта съ хищными жи-
вотными объясняетъ свирѣпый харак-
теръ Мексиканцевъ. Серръ, на десяти
и двѣнадцати индивидуумахъ африкан-
скаго племени, которыхъ трупы попали
къ нему въ Капъ, открылъ довольно-

замѣтныя сжатіе и расширеніе арте-
рій; непрѣмный результатъ тако-
го явленія — замедленіе въ кровообра-
щеніи. Подобное гидравлическое рас-
положеніе въ извѣстномъ возрастѣ у
человѣка кавказскаго племени дѣлаетъ-
ся необходимымъ условіемъ существова-
нія; въ черномъ же племени, оно со-
ставляетъ непрѣмный законъ приро-
ды. Это обстоятельство можно связать
съ нравственною стороною африканскаго
племени: въ-самомъ-дѣлѣ, медленность
кровообращенія совпадаетъ здѣсь съ
оцѣпенѣлостью, апатією, которыя ха-
рактеризуютъ негра. Чрезвычайная
длина оконечностей, преимущественно
нижнихъ, всегда сопровождается
уродливостью таза, — и вотъ причина
физической слабости чернаго племени.
Всѣ путешественники утверждаютъ,
что негры сложены гораздо-слабѣе
бѣлаго племени. Короткая шея всегда
соединена бываетъ съ длинными ру-
ками; это уничтожаетъ округлость
формъ, которая у насъ составляетъ
красоту женскую. Короткая шея и
длинные руки, кромѣ того, какъ полагаетъ
Серръ — главные причины, почему
негръ такъ недоловъ, неискусенъ и
такъ мало изобрѣтателенъ. По мѣрѣ
того, какъ шея укорачивается, лицо
выдается впередъ; это расположеніе,
совершенно-животное, помогаетъ схва-
тывать пищу. Удлиненіе костей лица
также ведетъ за собою неподатливость
органовъ чувствъ. Спускаясь изъ вы-
шимъ племенамъ человѣческимъ, мы
замѣчаемъ постепенное утолщеніе кре-
бетнаго мозга и череповъ, которое до-
стигаетъ своего максимума у африканскаго
племени. Въ организаціи человѣческаго
существуетъ рѣзкій антагонизмъ меж-
ду лицомъ и мозгомъ; когда лицевыя
кости очень развѣтвляются, дѣйствіе
чувствъ господствуетъ, и въ односторон-
ней вѣтвораціи слабѣетъ интеллекту-
альная способность. Низшія племена
замѣчательнымъ своимъ тономъ обоняні-
емъ: негры и Индійцы новаго-свѣта
по чутью узнаютъ своихъ родичей и
дистингицируютъ различную форму; это
чувство помогаетъ открывать нить вра-

говъ. Вкусъ тоже чрезвычайно развитъ у племени краснаго и чернаго: невозможно представить себѣ, съ какою наслажденіемъ пожираютъ пищу люди этихъ двухъ цвѣтовъ; бѣлое племя, въ сравненіи съ ними, не умѣетъ ѣсть.

Душа у насъ, для проявленія своего, имѣетъ два языка — слово и физиономію; посредствомъ ихъ обнаруживаетъ она всѣ свои ощущенія. Другое встрѣчаемъ мы въ племени эоипскомъ: лицо негра изображаетъ совершенную анатомію; вся игра физиономіи ограничивается у него гримасою грубаго удовольствія матеріальныхъ потребностей; а слово, языкъ, напоминаетъ горловой крикъ обезьяны. Низшія племена стараются еще болѣе приблизиться къ характерамъ животности. Такимъ образомъ, нѣкоторые поколѣнія американскія обдѣлываютъ свой носъ на манеръ орлиаго клюва. Черепъ Мексиканцевъ обыкновенно сверху сжатъ и расширяется по бокамъ; оны придаютъ этой вѣтвннй формѣ еще болѣе рѣзкости. Мексиканецъ усвоилъ себѣ физиономію льва, чтобъ устрашать враговъ. Титу идеальнѣй, который эти народы искали выразить на дѣлахъ, уже заключался, правда, въ зародышномъ состояніи, въ самомъ строеніи органовъ. Намъ невозможно поддѣлаться искусственнымъ образомъ подл животныя характеры.

Всѣ эти факты несомнѣны. Такимъ образомъ, принявъ въ основаніе одну анатомію, мы успѣли опредѣлить условія правотъ и развитія различныхъ племенъ человѣческихъ.

Но естественная исторія пошла далѣе; она не ограничилась наблюденіемъ характеровъ племенъ въ элементарномъ ихъ состояніи: она старалась открыть, какое взаимное дѣйствіе оказываютъ эти племена, сближалась, соединялась между собою. И вотъ результаты ея изслѣдованій. Всѣ племена человѣческія имѣютъ способность соединяться одно съ другимъ; только природа съ своей стороны имѣаетъ нѣкоторыя образомъ сближенію крайно-

стей — экстремовъ (extrêmes). Бракъ негра съ бѣлой женщиной всегда безплоденъ. Напротивъ, бракъ бѣлаго съ черною женщиною очень обыкновененъ, совершается всегда по сочувствію, симпатіи, и бываетъ почти всегда плодороденъ. Природа съ вѣтвеніемъ положила здѣсь матеріальную преграду: она хочетъ возвышенія, а не униженія племенъ. Изъ этого видно, что соединеніе племенъ только въ извѣстныхъ предѣлахъ есть средство къ усовершенствованію рода человѣческаго: племя высшее передаетъ плоду почти-всегда двѣ трети своего достоинства. Это движеніе, эту передачу натуралисты наблюдали внимательно, и открыли, что племя кавказское налагаетъ свой отпечатокъ на другія племена, съ которыми приходитъ въ сопряженіе. Кто не видитъ философскихъ послѣдствій этого факта естественной исторіи? Повсемѣстное нашествіе бѣлаго племени стремится въ наше время сгладить, уничтожить существованіе другихъ племенъ на нашей планетѣ. Преданія древнія представляютъ намъ родовачальниковъ человечества — бѣлаго человѣка, и выводить отъ него, какъ отъ одной вѣтви, всѣ прочія племена. Эти преданія поддерживаютъ только заблужденіе, слѣдствіе доврчивой старинны. Единство племенъ, идеалъ, прототипъ человека не существуетъ въ прошедшемъ; къ нему стремится настоящее человечество.

Итакъ, высшія племена поглощаютъ племена низшія. Этотъ фактъ — безъ исключеній. Все убѣждаетъ насъ, что черное племя было самое многочисленное въ эпоху первобытную. Теперь существованіе его на поверхности земнаго шара подчинено другимъ племенамъ. Въ Америкѣ, красное племя — красугольный камень послѣдующихъ населеній, которыя постепенно являлись на его землѣ. Теперь уже исчезло множество туземцевъ новаго - свѣта: Нини завоевала Оттохтоновъ; пришло племя кавказское и въ свою очередь уничтожило Ни-

ость. Это движение простирается на всю землю. Жители Фан-динновой земли исчезли; не-нихъ теперь остаются тридцать, можетъ-быть, сорокъ человекъ, не больше; Гуанчи тоже не существуютъ; Карамбы уничтожились на островахъ американскихъ; остатки ихъ только встрѣчаются еще на материкѣ. Соединеніе сильныхъ племенъ всегда бываетъ пагубно для племенъ слабыхъ. Для рода человеческого существуетъ особая палеонтологія, которая ограничивается временами историческими: по-дѣръ-того, какъ глублемся во внутрь земли, встрѣаемъ остатки племенъ слабѣйшихъ, сраваитыхъ, которыя уничтожились подъ вліяніемъ сильнѣйшаго племени. Эти остатки соответствуютъ различнымъ возрастамъ рода человеческого. Когда такое возвратное движеніе, т. е. поглоченіе, совершается естественнымъ образомъ, оно помогаетъ прогрессу. Низшія племена, сливаясь съ высшими, оставляютъ въ нихъ новые характеры, задатки будущаго совершенствованія. Жаль только, что иная сила обыкновенно иѣшается въ то дѣло и уничтожаетъ первобытныя племена, не давъ имъ времени слиться съ высшимъ племенемъ. Вопросъ еще—гириніе новаго-свѣта благотворительно для будущихъ поколѣній. Изъ народовъ американскихъ одни уже достигли высшей ступени цивилизаціи, другіе только были тоже обратились къ жизни социальной. Вдругъ явилось бѣе племя. Это событіе остановило процессъ. Кароайцы въ новомъ-свѣтѣ до того, что задумали начинавшее нравственное развитие полудикихъ землицъ, — они уничтожили, стерли съ лица земли народы. И красное племя, которое пережило естественную катастрофу, погибло въ политическомъ переворотѣ. Жестокость Испанцевъ, относительна жителей новаго-свѣта, — по-любовъ противо-человѣчественный: она заключается теперь эта иькогда существовавшая нація своихъ собственныхъ надоміемъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, зародыши цивилизаціи, которые

привадила она своюю желѣзною пятою, были необходимы для усовершенствованія нашего племени? Подобныя явленія повторяются и теперь, въ наше время: Англо-Американцы въ свободныхъ Соединенныхъ-Штатахъ охотятся на краснокожихъ, какъ на дикихъ звѣрей; съ другими племенами обращаются не лучше. Основанію всѣхъ европейскихъ колоній всегда предшествовало совершенное уничтоженіе первыхъ обитателей—туземцевъ; всегда слѣды крови и слезъ сопровождали движеніе кавказскаго человека кругомъ свѣта, котораго первобытныхъ жителей онъ долженъ былъ образовывать. Англійскіе охотники стрѣляютъ дикихъ Новой-Голландіи и кормятъ ими своихъ собакъ... Но всему этому долженъ же быть конецъ! Пора наукъ управлять этими завоеваніями, которыя звѣриная сила употребляла во зло, не привлекая настоящей пользы. Естественная исторія показываетъ, что въ ирѣ не существуетъ ничтожныхъ племенъ, что всѣ они назначены слиться съ нашимъ бѣлымъ племенемъ. Предоставьте же имъ развиваться на свободѣ и не загоняйте ихъ въ пустыни, гдѣ они гибнутъ; и для нихъ и для насъ иѣста довольно подъ солнцемъ. Всѣ племена важны; уничтожить одно изъ нихъ—значитъ вредить другимъ, другіхъ лишать средствъ къ усовершенствованію. Бѣлый человекъ—послѣднее звѣно рода человеческого — долженъ подвести полъ свой типъ всѣмъ прочимъ звѣнямъ; эгонамъ въ этомъ случаѣ содѣствуетъ намъ не стѣснять ихъ насиліемъ; развивая слабыя зародыши, мы воспитываемъ будущіе элементы своего поколѣнія.

Мы разсмотрѣли условія соединенія племенъ; теперь постараемся опредѣлить вліяніе этого соединенія. Слѣдуя путемъ науки, мы дойдемъ до прочнаго грунта, до точныхъ теорій, которыя основываются на положительныхъ фактахъ.

Племя человеческое чистое всегда представляетъ однообразный темпера-

ментъ, который господствуетъ у всѣхъ особей. Въ племени сибиряковъ, напротивъ, замѣчается разнообразіе темпераментовъ и нравственное расположеніе особей, рѣзко-выражающихъ эти темпераменты, всегда напоминаютъ племена, отъ которыхъ вышли они. Этотъ фактъ открываетъ намъ одно вліяніе соединенія племенъ — униженіе проявленій человеческой природы.

Случай привелъ въ Парижъ прешедшую зиму дикихъ. Ученые шѣли здѣсь случай наблюдать въблизи, на свободѣ, первобытное состояніе америнавскаго племени, самаго загадочнаго изъ всѣхъ существующихъ. Г. Серръ, творецъ науки сравнительной антропологии, открылъ замѣчательное явленіе, что корни человеческого усовершенствованія въ этомъ племени заключаются въ женскомъ организмѣ, такъ-что причина одичалости этихъ дикарей есть униженное состояніе женщины. Если это открытіе распространяется на другія племена, то женщина — главный дѣятель въ процессѣ воспроизведенія, представляется намъ формою прогресса. Склонность, побуждающая помы различныя племенъ соединяться между собою — неолѣзное, безотчетное движеніе: жившія племена назначены питать племена высшія, и черты, отличающія ихъ, не истребляются, не сольются; характеры ихъ не уничтожатся; напротивъ, они сохраняются въ кавказскомъ племени и увеличатъ только его разнообразіе.

Принимая въ основаніе эти общіе факты, мы можемъ судить уже о вліяніи соединенія племенъ на общества. Естественная исторія должна открыть намъ первыя черты усовершенствованія природы человеческой; воспользуемся ими, чтобъ парисовать картинку народовъ, дѣйствующихъ въ эту минуту на земномъ шарѣ.

Въ каждомъ племени есть своя таинственная сила, которая опредѣляетъ объемъ и формы его развитія: законы, нравы, учрежденія, вѣра подчинены

своей силѣ; — и вотъ что составляетъ эволюціонную общность. Составъ государствъ выражается всегда естественные характеры народа. Необходимо узнать этотъ составъ, если хотимъ нормальнаго соединенія племенъ. Человѣкъ кавказскій долженъ дѣйствовать на другія племена, и въ тоже время долженъ собразовать свои дѣйствія изъ состояніемъ ихъ развитія. Въ этомъ отношеніи, обитаемая поверхность земнаго шара представляетъ рядъ верховныхъ и низинныхъ группъ, которыя задерживаютъ развитіе ихъ эволюціонныхъ характеровъ. Обратите вниманіе на географическое распространеніе религій поверхности земнаго шара; въ млчайшему удивленію, мы замѣтимъ, что онѣ подчинены вездѣ одному естественному закону. Христіанство никогда не могло ооно распространиться замѣтнымъ образомъ между другими племенами. Этотъ фактъ имѣетъ вначаломъ своимъ физическій составъ человеческого рода. Что такое христіанская религія? — торжество души надъ чувствами, господство духа надъ матеріею, — и организація блага племени совершенно-готова къ воспріятію того ученія. Въ-самомъ-дѣлѣ, обыкновенное развитіе головного мозга, следовательно, перевѣсъ умственныхъ способностей надъ низшими чувствами — отличаетъ кавказскаго человека. Спускаясь къ низшимъ племенамъ, мы замѣчаемъ, что перевѣсъ этотъ уничтожается; развиваются, напротивъ, органы чувствъ, а съ ними имѣетъ увеличивается и эволюціонное сопротивленіе христіанской религіи. Постепенно начинается появляться эстивизмъ или обоготвореніе матеріи, которое составляетъ религію пера Арабы, Турки составляютъ переходъ отъ вѣлонскаго и монгольскаго племени къ бѣлому; у нихъ вѣроисповѣданіе сибиряковъ; мухаммеданство — та же секта христіанская, въ которой только духъ обонхъ этихъ народовъ выражалъ свой чувственный характеръ. И т.д.

в организации племени зависят все существенныя, религиозныя и нравственныя проявленія общества, его составляющих. Вотъ почему образовались племена цивилизацій, которыя остановились на различныхъ степеняхъ. Родъ людскій уничтожить эти неравенства во всеобщемъ прогрессѣ. Препятствія, которыя природа положила соединенію религій, уничтожаются, когда бѣлое племя отразитъ на физическіе характеры на другихъ племенахъ. Единство религій есть непремѣннымъ результатомъ сближенія типа кавказскаго воплощающагося въ другихъ семействахъ человѣческаго рода.

Востановленіе характеровъ, по-видимому, должно ослабить взаимное дѣйствіе племенъ. Когда образованная нація ищетъ, старается вывести изъ дикій или варварскій изъ его жеявшаго состоянія, природа и цивилизація, какъ двѣ силы, взаимно вновѣшиваютъ другъ друга, другъ друга огравивчиваютъ; движенія еще въ; начинается борьба между понятиемъ типа и дѣйствіемъ, которое стремится стереть его; если это ставіе прехолающее, типъ сохраняетъ-напротивъ, когда оно постоянное— стирается; въ какой степени, въ этой пропорціи происходитъ его чтоженіе? — это неизвѣстно; одни еологи утверждаютъ, что измѣняющіяся слѣдующія изъ этой борьбы, нигде не простираются на общую форму гдѣ же предѣлъ, гдѣ граница измѣняющей? Никто не можетъ сказать точно. Мы знаемъ только, о истинна несомнѣнная, что есть тамъ, гдѣ типы сохраняются, есть тамъ также, гдѣ они сглаживаются. томъ отношеніи, племена въ формѣ исторической представляютъ овию съ органическими существа-населенными нашу планету въ всю эпоху, когда образовалась ея живая кора. Мы встречаемъ здѣсь те типы, — которые совершенно остаются, типы, которые переживаютъ перевороты физическіе, и

типы, которые только измѣняются. Итакъ, дѣло возможное—выбить бѣлое племя изъ колеи, предназначенной ему природою и увлечь его въ общее движеніе другого племени. Мы знаемъ еще, что отъ соединенія двухъ племенъ происходятъ новыя типы. Форма каждой націи опредѣляется количествомъ элементовъ, его составляющихъ, и степенью ихъ сродства: чѣмъ чище племя, тѣмъ проще организація его общества, тѣмъ ограниченнѣе его жизнь интеллектуальная и тѣмъ ограниченнѣе его самостоятельное существованіе. Эти зародившія племена слагаются, совершенствуются соединеніемъ съ другими группами рода человѣческаго. Отъ смѣшенія ихъ характеровъ происходитъ безконечное множество среднихъ оттѣнковъ. Нація возвышается, когда принимаетъ въ составъ свой новыя элементы; ея общественная организація пріобрѣтаетъ многосторонность; увеличиваются ея отношенія, растетъ жизнь. Сначала, элементы разрознены; время сливаетъ ихъ, и въ народѣ обнаруживаются тогда новыя отпрыски; воспитаніе окончательно уравниваетъ нравственныя и органическія различія, которыя были препятствіемъ прогрессу. Такимъ образомъ, природа, соединяя до безконечности немногія первобытныя племена, постоянно дѣйствуетъ въ пользу матеріальнаго усовершенствованія общества.

Всѣхъ обитателей нашей планеты можно раздѣлить въ двухъ категоріяхъ: племена прогрессивныя и племена остановившіяся. Въ жизни націй, какъ въ жизни одного человѣка, наступаютъ моменты, когда дѣятельность ихъ истощается; одна устаетъ раньше, другія позже. Степень, на которой нація останавливается, опредѣляетъ ея мѣсто въ исторіи. Племена несовершенныя, но законченныя въ своемъ несовершенствѣ, иногда переживаютъ свое собственное величіе. Будущее ихъ — неподвижность. Одни народы останавливаются на одномъ пунктѣ, другіе идутъ назадъ. Ари-

ка — колыбель народовъ, которые всегда въ одномъ возрастѣ. Азія, Халдея, Ассирія представляютъ печальный метаморфозъ времени: абитатели этихъ странъ были націи цивилизованныя, и теперь возвратились онѣ снова къ дикому состоянію; душа этихъ народовъ перешла въ дикаго звѣря, по выраженію великаго поэта: *anima fera divenuta*. Эти оставшіяся племена умерли для цивилизація. Они уничтожатся съ лица земли безъ посредства націи цивилизованной; но, при счастливомъ соединеніи съ племенами прогрессивными, для нихъ начинается новое движеніе. Южная-Америка представляетъ намъ много племенъ, остановившихся въ своемъ развитіи, и они ожидаютъ благотворнаго вліянія блага человечества, чтобъ выйдти изъ этого безразличія. Въ Азіи, монгольское племя гибнетъ, вянетъ. Уединеніе уничтожило силу этихъ варварскихъ народовъ, которые въ лицѣ Чингис-Хана и Аттилы наводили страхъ на всю Европу. Кто привьетъ эту засохшую вѣтвь къ зеленѣющему стеблю юнаго, живаго племени? кто спасетъ эту угасающую великую цивилизацію?...

Бѣлое племя—послѣднее звѣно въ человеческомъ родѣ и первенствующая часть его. Монголъ, негръ, Американецъ, Малаецъ искали только удовлетворенія матеріальныхъ потребностей; человекъ кавказскій, въ это время, изобрѣлъ землю; земля ему было мало, онъ возвысился до идеи верховнаго начала, творца всѣхъ вещей. Другія безпечныя племена оставались безоружными противъ вліянія климата; Монголъ началъ только борьбу съ природою. Племя кавказское довершило побѣду: оно овладѣло стихіями, овладѣло моремъ. Особенно замѣчательна въ кавказскомъ племени—ужасная воля; другія племена сдаютъ подъ игомъ слѣпой необходимости: бѣлое племя уничтожало всѣ препятствія; ему мало было собственныхъ силъ—оно изъ самой природы взяло еще новыя силы; открытіе параднигопечатаніе помогло ему рас-

ширить его господство. Бѣлый человекъ, приходя въ соприкосновеніе съ другими племенами, постоянно поглотилъ ихъ. Онъ заимствовалъ у негра, Американца, Монгола ихъ температурныя нервозный, желчный, лимфатическій, и пересовдалъ ихъ по своему подобию. Это гигантское племя, вышедшее нѣкогда съ Кавказа, телинычъ Прометея, еще не кончило своего творенія. Бѣлое племя началось въ Азій: настоящее народонаселеніе нашего материка есть результатъ многихъ послѣдовательныхъ переселеній; переселенія эти соединились между собою; кавказское племя идетъ съ востока на западъ; оно оставляетъ на пути рядъ народовъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ; оно станціями развиваетъ свои силы. Въ этомъ общемъ движеніи, группа кельтійская предшествовала группѣ тевтонской, за которою уже шествуетъ группа славянская. И такъ, формация различныхъ народовъ, населяющихъ нашъ материкъ, обозначалась промежутками, отдыхами въ прогрессивномъ ходѣ цивилизація. Каждый изъ этихъ народовъ отложилъ въ свою очередь въ общій типъ свои характеры,—и настоящая физиономія Европы есть результатъ слиянія этихъ характеровъ.

Не всѣ народы двигаются одинаково по одному пути; каждая группа бѣлаго племени стремится къ характерамъ, ей свойственнымъ, но всегда послѣдовательно черезъ нѣсколько переходныхъ состояній достигаетъ определенной формы. Это развитіе племени влечетъ за собою всѣ событія въ исторіи народовъ. Въ одно время, народы возобновляютъ и свои физическіе характеры и основанія общественнаго состоянія. Въ ряду этихъ прогрессовъ, въ переходѣ именно изъ одного возраста въ другой, обнаруживаются великія событія, мѣняющія политическую физиономію цивилизованныхъ народовъ. Это движеніе останавливается, когда нація соединила всѣ свои элементы, и выразила ихъ въ одномъ общемъ типѣ, ей свойствен-

гь. Тогда начинается стояніе обща, нравственное и физическое. Кинское или японское народонаселение представляет подобную неподвижность. Жозефу Сент-Илеръ, во время гешествія своего въ Египетъ, сравнилъ теперешнихъ туземцевъ съ древними обитателями Египта, которые спятъ ны въ гробгахъ; онъ нашелъ, что тѣ же самыя муміи; вся разница въ тѣхъ, что одніе спеленаты, а другіе движутся свободно. Ни одна европейская дѣла не находится еще въ такомъ положеніи: всѣ постоянно возобновляютъ ны формы и стремятся къ новому соціальному, котораго мы еще не знаемъ. Гесеръ, если сравнимъ движенія бѣлаго человѣчества и другихъ племенъ, откроетъ, что оно перешло послѣдовательно черезъ всѣ возрасты, которыми отличалась, на-примѣръ, цивилизація точная. Теократія, касты, іероглифы, отличительныя черты индійской, тайской, древне-египетской, мексиканской цивилизацій, въ Европѣ существовали въ обществахъ среднихъ вѣковъ. Вся разница въ движеніи этихъ племенъ и нашего бѣлаго ограничивается тѣмъ, что народы желтые и черные установились на учрежденіяхъ, которыя мы подчинили себя только временно. Нельзя сравнивать общественныхъ организацій низшихъ и высшихъ родовъ въ законченномъ ихъ состояніи; не надобно сблизять зрѣлость однихъ и младечество другихъ,—тогда открывается намъ множество общихъ характеровъ.

Нѣкоторые философы издавна предсказали этотъ фактъ сближенія племенъ и тверждали, что характеры ихъ должны слиться между собою. Это заблужденіе! На поверхности земнаго шара брошено множество зародышей; каждый развивается по особеннымъ законамъ. Результатъ повиднѣйшаго соизвѣнія этихъ зародышей есть конечно единство человѣческаго рода, единство, которое, однако, не предполагаетъ однообразія. Въ наше время—доказано, что тѣши, смѣшиваясь, не всегда уничтожаются: Эдвардъ во

Франціи, Германіи и Италіи нашелъ остатки древнихъ народовъ, которыхъ физическіе характеры пережили ихъ смерть. Эти естественныя памятники стоятъ рядомъ съ развалинами памятниковъ искусства. Уродливая физіономія Гунновъ, которая пугала своихъ безобразіемъ всю Европу, тоже не утратилась: Эдвардъ нашелъ ее въ Венгріи. Слѣдственно нечего бояться, что характеры новѣйшихъ народовъ такъ быстро изгладятся.

Сверхътого, самая почва опредѣляетъ общую форму жителей:—вогъ еще причина, способствующая сохраненію народныхъ характеровъ. Единство племенъ увеличить только ихъ разнообразіе. Когда племя чисто, одинъ темпераментъ, одни характеры выражаются на всѣхъ особахъ. Всѣ члены монгольскаго племени похожи между собою. Особи же, выходящія изъ массы, на-примѣръ, Чингисъ, Аттила, Тамерланъ, изображаютъ тотъ же типъ монгольскій, только возвышенный въ высшую степень; здѣсь самый сильный, первый человѣкъ—тотъ, кто лучше отражаетъ общій типъ племени. Въ смѣшанномъ племени, напротивъ, характеры особей соответствуютъ различнымъ группамъ или семействамъ.

И такъ, существованіе одной европейской монархіи—мечта; характеры группъ постоянно будутъ поддерживать раздѣленіе государствъ. Каждая группа имѣетъ свое движеніе; каждая группа стремится къ осуществленію своего типа. Такъ-называемый духъ народа есть соединеніе характеровъ физическихъ и нравственныхъ способностей, которыми отличаютъ его отъ другаго народа, и онъ-то составляетъ физіономію его—жизнь. Исторія представляетъ постоянное равновѣсіе между группами бѣлаго племени; то одна, то другая попеременно управляютъ движеніемъ цивилизацій; постоянно ни одна не первенствуетъ.

Монархическое единство замѣняется единствомъ естественнымъ; народы, сблизаясь между собою, составляютъ одно семейство.

И такъ, создавъ человѣческаго рода со-временемъ долженъ сдѣлаться еще многосложнѣе; разнообразіе выразится даже на отдѣльныхъ особахъ. Ни одинъ типъ человѣческой не утратится; всѣ измѣнятся. Стремленіе къ единству, которое сближаетъ разстоянія и племена, не есть слѣбное движеніе; оно не ищетъ разрушенія, уничтоженія группъ, приведенія ихъ къ одной однообразной формѣ; напротивъ, разнообразіе характеровъ будетъ результатомъ этого единства. Такой естественно-историческій аргументъ побуждаетъ насъ къ распространенію водяныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія. Теперь еще совершается формация рода человѣческаго: сближить между собою различныя племена, разбросанныя на поверхности земнаго шара — значитъ собрать, соединить матеріалы для окончательнаго его образованія. Путешествія откроютъ новыя тишы, которыми умножатся тишы теперь существующіе и сдѣлаются разнообразнѣе, соединясь съ ними. Племена идутъ впередъ и физически и морально, повинувшись взаимному благотворному вліянію; посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и новыхъ навигаціонныхъ путей мы достигнемъ этого всеобщаго прогресса, въ которомъ заключаются всѣ другіе прогрессы — усовершенствованія челоѣка и природы...

Вотъ въ какомъ видѣ, въ какомъ духѣ, прошедшую зиму, г-нъ Серръ издегалъ передъ парижской публикой сравнительную антропологию, науку новую, которой онъ самъ положилъ твердыя, прочныя основанія. Мы не сдѣдали по лекціямъ за систематическимъ ея изложеніемъ, потому что этого не дозволяетъ намъ обыкновенно огромный объемъ статей, помѣщаемыхъ въ этомъ отдѣлѣ, но воспользовались только изъ курса знаменитаго профессора рѣшеніе главнѣйшихъ вопросовъ, составляющихъ сущность его науки, какъ-то: происхожденіе рода человѣческаго, мѣсто, которое занимаетъ онъ въ лѣстницѣ созданій орга-

ническихъ, раздѣленіе его на племена, связь характеровъ физическихъ каждаго племени съ его нравственнымъ и интеллектуальнымъ развитіемъ, и значеніе этихъ племенъ въ будущемъ.

Впрочемъ, въ этихъ нѣсколькихъ страницахъ изложены ученіе и вѣрованіе г. Серра, которыя принимаютъ и всѣ современные натуралисты; коротко сказать, эта статья перечень, résumé его пѣлаго годичнаго курса сравнительной антропологии и всей науки въ современномъ ея состояніи.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОТПРАВЛЕНІЕ КРОВЯНЫХЪ ШАРИКОВЪ. Изслѣдованія Эрлла. — Животный организмъ состоитъ изъ твердыхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ частей; въ конечныхъ звѣньяхъ цѣпи мірозданія, въ послѣднихъ членахъ царства животнаго, каковы инфузоріи, полипы и т. п. — жидкія части составляетъ вода, болѣе или менѣе насыщенная органическими частицами; но у животныхъ, которыя занимаютъ высшія ступени въ зоологической лѣстницѣ, которыя приближаются къ челоѣку, мы находимъ значительное разнообразіе въ химическомъ составѣ и физическихъ свойствахъ этихъ жидкихъ частей. Одна, главная изъ нихъ, назначена для поддержанія — питанія организма: эта питающая осидкость есть кровь.

Эта жидкость поддерживаетъ жизнь въ органахъ и доставляетъ имъ матеріалы, изъ которыхъ состоятъ они.

Кровь также есть источникъ всѣхъ другихъ жидкостей, находящихся въ организмѣ животныхъ, каковы слюна, моча, желчь, слезы, и проч.

У всѣхъ животныхъ, близи пододвѣющихся къ челоѣку, — млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, у многихъ даже червей изъ класса кольчатыхъ, кровь ярко-краснаго цвѣта. Но у всѣхъ таиъ-называемыхъ низшихъ животныхъ она представляетъ жидкость водянистую, бесцвѣтную или едва-окрашенную въ желтый, белесый, розовый и лиловый цвѣта, такъ-что съ перваго взгляда трудно даже бываетъ

замѣтны; долгое время считали называли этихъ животныхъ *безкровными*.

Микроскопическій составъ крови изъ предметомъ изученія вѣроятно быхъ физиологовъ; не смотря на то, — сихъ поръ мы имѣемъ самыя ничныя и темныя понятія о явленіи и отраженіи ея элементовъ.

Все физиологи согласны, что кровь состоитъ изъ двухъ раздѣльныхъ элементовъ: *пласма* (*plasma, serum*) и *шапокъ*; шапкою называютъ они прозрачную желтоватую жидкость, въ которой плаваютъ, двигаются кровяные шарики — микроскопическія, твердая тѣла краснаго цвѣта; они нѣсколько приплюснуты, а въ серединѣ представляютъ пятно, окруженное каймою темнаго цвѣта. Внутри они соотвѣтъ, какъ можно замѣтить при сильномъ увеличеніи въ микроскопъ, изъ двухъ отдѣльныхъ частей — ядра и обочки; имѣющей подобіе пузыря. Ядро оболочка сдвинута и образуетъ уголокъ ядра окраины, такъ-что весь овальной шарикъ похожъ на плоскій лужокъ, раздутый по серединѣ; оболочка краснаго цвѣта, а внутренній ероникъ — ядро, безцвѣтное. Значеніе, физиологическое отращиваніе кровяныхъ шариковъ составляетъ вблочно здорѣ между натуралистами; здѣсь здѣланы мнѣнія всѣхъ физиологовъ.

Доллингеръ видитъ въ кровяныхъ шарикахъ элементарныя части органической ткани, изъ которыхъ строятся эти ткани, какъ домы изъ кирпичей.

Шулцъ принималъ сначала мнѣніе Доллингера; но позже этого опытный наблюдатель сталъ утверждать, что овальные шарики своего рода легкія, которыя внутри также наполнены воздухомъ и служатъ для освѣженія, очищенія крови.

Мюллеръ почитаетъ ихъ необходимыми органами для возбужденія нервной дѣятельности.

Дюроше полагаетъ, что это пары лавашечнаго прибора.

Рейхертъ думаетъ, что кровяные

шарики разсѣять итательные элементы.

Генле принимаетъ ихъ за плодучіе желѣзныя.

Мейеръ думаетъ, что это микроскопическія животныя.

Карусъ утверждаетъ, что они представляютъ *скупреніе* постоянныя *эриказмы*, *свойственные* крови.

Мы пройдемъ молчаніемъ множество еще другихъ мнѣній, которыя тоже не проливаютъ никакого свѣта на важный вопросъ значенія кровяныхъ шариковъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ Эрль представлялъ Мюнхенской Академіи Наукъ очень остроумную догадку о физиологическомъ отращиваніи кровяныхъ шариковъ.

Эрль кровяные шарики называетъ кровяными ячейками, и утверждаетъ; наперекоръ всѣмъ современнымъ и стариннымъ физиологамъ, что эти шарики — пузырьки, наполненные внутри шапкою; такимъ образомъ онъ не допускаетъ въ нихъ существованія центрального ядра.

Если взять стеклянную трубку; къ одному концу которой приваивая пузырь, наполненный растворомъ гумми и опустить этотъ приборъ вертикально въ чистую воду, мы найдемъ, что жидкость переходитъ въ трубку изъ пузыря и подымается въ ней на значительную высоту; следовательно, чистая вода проникаетъ въ пузырь черезъ его стѣнки. Переимѣните обстоятельства этого явленія: наполните пузырь чистой водою и погрузите его въ растворъ гумми или сахара, вы замѣтите, что переходъ, переимѣненіе жидкостей, будетъ обратный; чистая вода перейдетъ черезъ стѣнки пузыря въ окружающій его растворъ, и пузырь опустѣетъ.

«Совершенно-подобное явленіе происходитъ» говорить Эрль, «и въ кровяныхъ шарикахъ: всѣмъ извѣстно, что они вдругъ лопаются, когда приходятъ въ соприкосновеніе съ водою, и сокращаются, принимаютъ угловатыя формы, когда соприкасается съ ними жидкость болѣе-плотная, которая въ рас-

И такъ, составъ человѣческаго рода со-временемъ долженъ сдѣлаться еще многосложнѣе; разнообразіе выразится даже на отдѣльныхъ особяхъ. Ни одинъ типъ человѣческой не утратится; всѣ намѣнятся. Стремленіе къ единству, которое сблизитъ разстоянія племена, не есть слѣпое движеніе; оно не ищетъ разрушенія, уничтоженія группъ, приведенія ихъ къ одной однообразной формѣ; напротивъ, разнообразіе характеровъ будетъ результатомъ этого единства. Такой естественно-историческій аргументъ побуждаетъ насъ къ распространенію водныхъ и сухопутныхъ путей сообщенія. Теперь еще совершается формация рода человѣческаго: сблизитъ между собою различныя племена, разбросанныя на поверхности земнаго шара — значитъ собрать, соединить матеріалы для окончательнаго его образованія. Путешествія откроютъ новые типы, которыми умножатся типы теперь существующіе и сдѣлаются разнообразнѣе, соединясь съ ними. Племена идутъ впередъ и физически и морально, повинувась взаимному благотворному вліанію; посредствомъ желѣзныхъ дорогъ и новыхъ навигаціонныхъ путей мы достигнемъ этого всеобщаго прогресса, въ которомъ заключаются всѣ другіе прогрессы — усовершенствованія человѣка и природы...

1. Вотъ въ какомъ видѣ, въ какомъ духѣ, прошедшую зиму, г-нъ Серръ издала черезъ парижской публичной сравнительную антропологию, науку новую, которой онъ самъ положилъ твердыя, прочныя основанія. Мы не отбѣдимъ по лекціямъ за систематическимъ ея изложеніемъ, потому что этого не дозволяетъ намъ обыкновенно огромный объемъ статей, помѣщаемыхъ въ этомъ отдѣлѣ, но взаимодействовали только изъ курса знаменитаго профессора рѣшеніе главнѣйшихъ вопросовъ, составляющихъ сущность его науки, какъ-то: происхожденіе рода человѣческаго, мѣсто, которое занимаетъ онъ въ лѣтнницѣ созданій орга-

ническихъ, раздѣленіе его на племена, связь характеровъ физическихъ каждаго племени съ его нравственнымъ и интеллектуальнымъ развитіемъ, и значеніе этихъ племенъ въ будущемъ.

Впрочемъ, въ этихъ нѣсколькихъ страницахъ изложены ученія и вѣрованія г. Серра, которые принимаютъ и всѣ современные натуралисты; коротко сказать, эта статья перечень, resume его цѣлаго годичнаго курса сравнительной антропологии и всей науки въ современномъ ея состояніи.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ОТПРАВЛЕНІЕ КРОВЯНЫХЪ ШАРИКОВЪ Исламодованія Эрдія. — Животный организмъ состоитъ изъ твердыхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ частей; въ конечныхъ звѣньяхъ цѣпи мірозданія, въ послѣднихъ членахъ царства животнаго, каковы инфузоріи, поливы и т. п. — жидкія части составляетъ вода, болѣе или менѣе насыщенная органическими частицами; но у животныхъ, которыя занимаютъ высшія степеня въ зоологической лѣтнницѣ, которыя приближаются къ человѣку, мы находимъ значительное разнообразіе въ химическомъ составѣ и физическихъ свойствахъ этихъ жидкихъ частей. Одна, главная изъ нихъ, назначена для поддержанія — питанія организма: эта питающая жидкость есть кровь.

Эта жидкость поддерживаетъ жизнь въ органахъ и доставляетъ имъ матеріалы, изъ которыхъ состоитъ она.

Кровь также есть источникъ всѣхъ другихъ жидкостей, находящихся въ организмѣ животныхъ, каковы слюна, моча, желчь, слезы, и проч.

У всѣхъ животныхъ, бываю подпадающихъ къ человѣку, — млекопитающихъ, птицъ, пресмыкающихся, рыбъ, у многихъ даже червей изъ класса кольчатыхъ, кровь ярко-краснаго цвѣта. Но у всѣхъ такъ называемыхъ низшихъ животныхъ она представляетъ жидкость водянистую, бесцвѣтную или едва-окрашенную въ желтый, зеленый, розовый и лиловый цвѣта, такъ-что съ перваго взгляда трудно даже бызаетъ

замѣтны; долгое время считали павеллами этихъ животныхъ безкром-ли.

Микробиологическій составъ крови изъ предметомъ изученія вѣроятно въхъ физиологовъ; не смотря на то, - сихъ - поръ мы имѣемъ самыя начныя и темныя понятія о аналіи и отправленія ея элементовъ.

Всѣ физиологи согласны, что кровь стоитъ изъ двухъ раздѣльныхъ элементовъ: пасоки (plasma, serum) и шариковъ; пасокою называютъ они прозрачную желтоватую жидкость, въ горой плаваютъ, двигаются кровавыя шарикъ—микроскопическія, твердая тѣла краснаго цвѣта; они вѣсколь-продолжны, а въ серединѣ представляють пятно, окруженное каймою дѣ-темнаго цвѣта. Внутри они со-одать, какъ можно замѣтить при силь-мъ увеличеніи въ микроскопъ, изъ ухъ отдѣльныхъ частей — ядра и олочки; имѣющей подобіе пузыря. а оболочка сдвлена и образуетъ углубъ ядра окранны, такъ-что весь овальной шарикъ похожъ на плоскій ужокъ, раздутый по серединѣ; обо-чка краснаго цвѣта, а внутренній еродъ — ядро, безцвѣтнѣ. Значѣ-; физиологическое отправленіе кро-ныхъ шариковъ составляетъ яблоко зора между натуралистами; здѣсь здѣлились мнѣнія всѣхъ физиологовъ.

Доллингеръ видитъ въ кровавыхъ прикахъ элементарныя части органи-скихъ тканей, изъ которыхъ строят-эти ткани, какъ дома изъ кирпичей.

Шульцъ принималъ сначала мнѣніе ллингера; но позже этотъ искусный блюдатель сталъ утверждать, что ованыя шарикъ своего рода легкія, горны внутри также наполнены воз-омъ и служатъ для освѣженія, очн-нія крови.

Мюллеръ почитаетъ ихъ необходи-ми органами для возбужденія нерв-н дѣятельности.

Дютрошѣ полагаютъ, что это пары львиаческаго прибора.

Рейхертъ думаетъ, что кровавые

шарикъ разсодать питательные эле-менты.

Тенле принимаетъ ихъ за пловучія желѣзныя.

Мейеръ думаетъ, что это микроско-пическія животныя.

Карусъ утверждаетъ, что они пред-ставляютъ *аккумулятивныя постоянныя орга-низмы, свойственныя крови.*

Мы пройдемъ молчаніемъ множество еще другихъ мнѣній, которыя тоже не проливаютъ никакого свѣта на важный вопросъ значенія кровавыхъ шариковъ.

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ Эрль представилъ Мюнхенской Академіи Наукъ очень остроумную догадку о физиологическомъ отправленіи крова-ныхъ шариковъ.

Эрль кровавые шарикъ называетъ кровавыми ячейками, и утверждаетъ, наперекоръ вѣншъ современнымъ и стариннымъ физиологамъ, что эти ша-рикъ — пузырьки, наполненные вну-три пасокою; такимъ образомъ онъ не допускаетъ въ нихъ существованія центральнаго ядра.

Если взять стеклянную трубку; къ одному концу которой приваиваѣтъ пузырь, наполненный растворомъ гум-ши и опустить этотъ приборъ верти-кально въ чистую воду, мы найдемъ, что жидкость переходитъ въ трубку изъ пузыря и подымается въ ней на значительную высоту; следовательно, чи-стая вода проникаетъ въ пузырь чрезъ его стѣнки. Переимѣните обстоятель-ства этого явленія: наполните пузырь чистой водою и погрузите его въ ра-створъ гумши или сахара, вы замѣтите, что переходъ, перемѣщеніе жидкостей, будетъ обратный; чистая вода переи-детъ чрезъ стѣнки пузыря въ окру-жающій его растворъ, и пузырь опу-стѣетъ.

«Совершенно-подобное явленіе про-исходить» говоритъ Эрль, «и въ кро-вавыхъ шарикахъ: всѣмъ извѣстно, что они вдругъ лопаются, когда приходятъ въ соприкосновеніе съ водою, и сокра-щаются, принимаютъ угловатыя фор-мы, когда соприкасается съ ними жид-кость болѣе-плотная, которая въ рас-

творѣ содержитъ болѣе твердыхъ частей, нежели жидкости, наполняющая эти шаррики. Эти измѣненія, это уничтоженіе, лопаніе, разрывъ, продолжается Эрдль, явно указываютъ здѣсь на передачу жидкостей, экзосмосъ и эндосмосъ, какъ называютъ Дютроше это явленіе. Передача здѣсь совершается съ быстротою молніи, и между обѣими жидкостями—пасокою, окружающею шаррики, и пасокою, которая наполняетъ шаррики,—утверждается равновѣсіе. Эта дѣятельность кровяныхъ шарриковъ проявляется постоянно въ продолженіи жизни организма, и конечный результатъ ея—постоянное единообразіе въ составѣ крови, которое безпрестанно уничтожается.

Въ-самомъ-дѣлѣ, химія ясно доказываетъ, какъ бы велико ни было еродство между органами, всегда представляють они замѣтное различіе въ химическомъ составѣ и въ качественномъ и количественномъ отношеніяхъ. Уиажнемъ съ своей стороны только на содержаніе извести, которое такъ бываетъ различно въ различныхъ органахъ.

Мы знаемъ еще, что всѣ органы постоянно изнашиваются въ процессахъ жизни и снова воспроизводятся подъ вліяніемъ этой же самой жизни. Ненужныя, выношенныя части растворяются и уносятся лимфатическими и венными сосудами въ общій потокъ кровообращенія. Возьмемъ себѣ для приѣра вену, развѣтвляющуюся на кости; этотъ сосудъ постоянно всасываетъ и уноситъ выносившіяся, бесполезныя части костянаго вещества надкостной плевы и прилежащихъ мускуловъ. Всѣ эти части различныхъ свойствъ, различнаго состава, слѣдственно кровь нашей вены утратитъ первобытное единообразіе и прійметъ въ свой составъ еще три новыя разнородныя жидкости, растворы костянаго вещества, надкостной плевы и мускуловъ. Эти растворы не вмѣютъ времени и мѣста соединиться, смѣшаться единообразно, потому-что ихъ постоянно увлекаетъ съ необыкновенною быстро-

тою кровью, какъ жидкость влечетъ къ одному главному центру—сердцу. Уничтоженіе гармоніи въ составѣ крови было бы результатомъ ея постоянной пластической дѣятельности; да однородность-то ея состава исчезла бы не премѣнно, еслибъ не существовало очистительныхъ, возобновительныхъ органовъ. До-сихъ-поръ дѣйствы были только печень и почки, которые исправляли это назначеніе. Эрдль надѣлаетъ подобнымъ же отпращиваніемъ и кровяные шаррики, которые и поддерживаютъ дѣйствіемъ экзосмоса постоянное равновѣсіе, единообразіе въ составѣ крови.

Все, что мы сказали до-сихъ-коръ, доказываетъ важность открытія Эрда; оно обязываетъ гг. физиологовъ непременно повторить микроскопическія наблюденія надъ кровяными шарриками; а пока, въ ожиданіи этой строгой критики, мы должны смотрѣть на это открытіе какъ на остроумную теорію, гипотезу.

ИСКОНАЕМОЕ ПРЕСМЫКАЮЩЕЕСЯ ЖИВОТНОЕ.—Вотъ еще новое изчезнувшее звѣно изъ цѣпи мірралагіа, — новый матеріалъ палеонтологіи, науки, воздвигнутой въ наше время трудами Кювье, новый наметникъ-свидѣтель катастрофъ, геологическихъ переворотовъ, которые возсодали веру нашей планеты.

Альбертъ Кохъ, нѣмецкій ученый, путешествующій теперь въ Сѣверной-Америкѣ на счетъ ганноверскаго правительства, сдѣлалъ недавно въ Алабамскомъ-Штатѣ (Alabama) очень-интересное открытіе. Почва въ шестидцати миляхъ отъ Мобила, близъ сѣвернаго рѣкъ Алабама и Тембидже, —взвѣяющій родникъ окаменѣлостей; и здѣсь, на глубинѣ тридцати-двухъ, откопалъ нѣмецкій ученый нашелъ въ известняковомъ пластѣ цѣлый скелетъ пресмыкающагося животнаго, которое несколько-непохоже на пресмыкающихся, теперь существующихъ и, которое гигантскими размѣрами превосходитъ всѣхъ первобытныхъ ископаемыхъ животныхъ.

Длина скелета, какъ рассказываетъ Альбертъ Кохъ въ донесеніи своемъ Гёттингенскому Королевскому Обществу Наукъ, — начиная отъ конца морды до хвоста — 11½ футовъ; голова имѣетъ форму длинную, и орбиты глазныя рѣзко выдаются; въ каждой челюсти сидитъ 52 зуба, а именно 40 переднихъ, 4 клыка и 8 коренныхъ; всѣ эти зубы сидятъ очень близко другъ къ другу, такъ-что промежутковъ почти-незамѣтно между ними. Зубы верхней челюсти имѣютъ форму усѣченного конуса, обращеннаго узкою частью къ низу; зубы же нижней челюсти представляютъ форму цилиндрическую; внутри коронака ихъ, т. е. верхняя часть, имѣетъ впадину; такъ-что, когда животное сжимало объ челюсти, верхніе зубы углублялись своими концами до половины въ нижніе зубы, и отверстіе рта прикрывалось непроницаемою преградой. Позвонокъ высотой отъ 14 и до 18 дюймовъ, а діаметръ ихъ—8 и 12 дюймовъ; каждый изъ нихъ вѣситъ отъ 65 до 75 фунтовъ. Ребра внизу вторе шире нежели вверху. Животное имѣло главники, числомъ четыре, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ 21 кости, соединенныхъ съ семью сочлененіями. Вотъ все, что пока извѣстно объ этомъ загадочномъ животномъ, которому еще я имени нѣтъ; но вѣроятно, намъ удастся поговорить еще о немъ, когда г. Кохъ представитъ болѣе-подробное описаніе.

НОВЫЙ ОСТРОВЪ.—Всѣ пѣмецкіе курналы, ученые и литературные, пишутъ очень-замѣчательное явленіе, которое произошло въ окрестностяхъ Дармштадта во время сильной грозы, и которое приписывается обитимъ имѣніемъ этой грозы.

Около пяти часовъ вечера, молнія ударила въ озеро Вогедамское, пахнувшее въ окрестностяхъ Дармштадта, слышался сильный ударъ грома и въ то же время показался посреди озера островокъ около 22 аршинъ шириною.

Подробный осмотръ свидѣтельствуется, что этотъ островокъ находится въ соединеніи со дномъ озера. Остается теперь опредѣлить его геогностическій составъ, чтобъ точно объяснить его загадочное происхожденіе.

ДѢЙСТВІЕ УГОЛЬНОЙ КИСЛОТЫ НА ИЗВЕСТКОВУЮ ВОДУ.—Жизнь минеральная, которая обнаруживается, какъ извѣстно, одною кристаллизациею, представляетъ загадку для натуралистовъ. Дэви, наблюдая въ микроскопѣ различные осадки, образующіеся отъ дѣйствія углекислоты на известковую воду, успѣлъ подмѣтить нѣкоторыя очень-интересныя обстоятельства этой жизни.

Когда угольная кислота быстро осаждаетъ известковую воду, осадокъ этотъ состоитъ изъ мелкихъ частицъ, которыхъ форму нѣтъ возможности опредѣлить съ помощью микроскопа, потому-что онъ въ діаметрѣ не болѣе одной трех-сот-тысячной доли. Напротивъ, когда осажденіе углекислой известки происходитъ медленно и спокойно, тогда, напримѣръ, поставить чашку съ известковой водою подъ стеклянный колпакъ, такъ, чтобъ притокъ воздуха былъ слабый, известковая кора, пленка, которая образуется и плаваетъ на поверхности жидкости, будетъ состоять изъ отдѣльныхъ крупиныхъ зернышекъ, величиною не болѣе одной тысячной въ діаметрѣ, и каждое зернышко, каждая частичка представляетъ отчасти симметрическое расположеніе. Если подвергнуть новому наблюденію, говоритъ Дэви, эту кору известки по прошествіи двадцати-четырехъ часовъ, мы найдемъ, опять новое характеристическое сложеніе: зернышки, шарики перемѣшаны въ ней съ кубическими кристаллами различной величины—отъ одной двѣнадцати-тысячной доли и до одной тысячной доли вершка. Но всего интереснѣе, если примѣшать къ раствору известки другихъ постороннихъ веществъ,—кристаллическое сложеніе известковаго осадка измѣняется: известковыя ча-

сти объясняется въ различныхъ кристаллическихъ формахъ волюнъ развѣ, какъ мы въ растворѣ при бавленіи новаго количества минеральное вещество.

Эти наблюденія Дэви очень-важны, потому-что объясняютъ весьма-правдоподобно удивительное разнообразіе кристаллическихъ формъ углекислой известки, существующихъ въ природѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, очень-вѣроятно предположить, что углекислая известка и на нашей планетѣ могла осаждаться подъ тѣми же обстоятельствами, при которыхъ образовались и разнообразныя осадки этого вещества на днѣ сосуда, гдѣ наблюдали какъ Дэви.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЖЕЛѢЗНОЙ БОЛОТНОЙ РУДЫ. — Всѣмъ извѣстно, что въ различныхъ болотистыхъ и именныхъ мѣстностяхъ Европы встрѣчаются значительныя пласты желѣзной руды повѣннато и даже современнаго намъ образованія. Эта руда состоитъ преимущественно изъ водной окиси желѣза: обыкновенно она бываетъ или распущена въ водѣ болота, озера, ручья, или проникаетъ песчаная почва, и въ этомъ видѣ находятъ ее всегда на извѣстной глубинѣ надъ поверхностью. Судя по обстоятельствамъ историческимъ, эту желѣзную окись именуютъ различно: болотную, озерную, луговую и буровую руду.

Но подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти пласты желѣзной руды образовались въ очень-недавнюю эпоху, потому-что лежатъ часто на камняхъ и щебкахъ послѣ-потопныхъ, и, при томъ часто находятъ въ нихъ искусственные произведенія человеческихъ рукъ, какъ-то: разные инструменты, обломки посуды, и т. п. Наконецъ, въ некоторыхъ мѣстностяхъ Швеціи и Германіи, замѣчаютъ, что руда эта возобновляется, т. е. увеличивается въ новѣе количество, тамъ, гдѣ историческія ея источники.

Луизиана, Силезія, Польша, Померанія, разныя мекленбургскія, райн-

ские окрестности, Голландія, Дания, озеро Швеціи и Норвегія, устья въ Россіи губерній Лифляндская, Курляндская, Олоненная особенно изобилуютъ желѣзной болотной рудой; въ Европѣ ее находятъ въ саваннахъ Сѣверной-Америки и въ Африкѣ, въ пескахъ кордофанскихъ. Она добывается въ большомъ количествѣ для выдѣлы желѣза.

Отличительный характеръ платозъ желѣзной руды составляетъ ихъ постоянное мѣстонахождение близь потоковъ водъ, или въ равнинахъ, гдѣ эти воды текутъ очень-медленно и разливаются болотными ручейками, или озерками, которые питаются этими потоками. Мѣстонахожденія первого рода самыя обыкновенныя; они замѣчаются по всей Германіи, адезъ теченія Одера, Эльбы, Рейсса, Шпрѣ и проч. Озера Швеціи, Норвегіи, Филлиппи и сѣверной части Россіи представляютъ примѣры мѣсторожденій второго рода.

Когда болотная желѣзная руда открыта въ почвѣ, она никогда не находится глубже одного аршина, а тамъ прикрываютъ ее дернъ, верескъ, мохъ, иль и торфъ; самая большаго толщина руднаго пласта — аршинъ и даже пол-аршина.

Озерная желѣзная руда находится часто отдѣльными кусками озереческой формы и концентрическаго положенія, или въ видѣ небольшихъ лоскуткихъ голышей.

Осажденіе желѣзной окиси, т. е. образованіе болотной руды совершается почти-ежедневно на поверхности малаго шара, и въ большихъ размѣрахъ, какъ доказываютъ ея обильныя историческія; не смотря на то, однакожъ, исторія этого явленія еще не объяснена совершенно.

Первое мнѣніе минералоговъ было, что болотная желѣзная руда образуется отъ разложенія желѣзныхъ солей подъ вліяніемъ воздуха и воды, или приносится на дно озера разными источниками, содержащими въ себѣ желѣзо въ растворѣ.

Послѣ того, какъ оцарытія Эренберга показали, какую важную роль играютъ микроскопическіе организмы въ образованіи коры нашей планеты, особенно съ того времени, когда готъ знаменитый микрографъ напалъ въ болотахъ тонкія пленки окры, состоящія изъ желѣзистыхъ черепковъ ивузорій гальйонелла (gaillonella), большая часть минералоговъ предположили, что эти микроскопическія животныя могутъ скопляться и въ большихъ массахъ.

Добръ, французскій ученый, постоянно наблюдалъ всѣдневныя осажденія едвѣной окиси въ Альпаяхъ, въ Вогезахъ-Горахъ. Недавно представлялъ въ Парижской Академіи Наукъ результаты своихъ наблюденій, которые криваютъ новый и очень вѣроятный источникъ образованія болотной руды.

Добръ утверждаетъ, что первоначальный источникъ происхожденія болотной руды—желѣзной окиси, составляютъ всѣ горныя породы, содержа въ себѣ желѣзо въ какой бы то было видѣ, и которыя приведены землистое состояніе; слѣдственно, называютъ такъ-называемую наносную руду. Вся наносная формація заключается въ себѣ множество гніющихъ растений; углекислота, кремниевая кислота, которыя отдѣляются въ процессѣ разрушенія этихъ организмовъ, разлагаютъ, восстанавливаютъ желѣзо изъ его первоначальнаго соединенія, въ видѣ котораго заключалось въ горныхъ породахъ, и соединяясь съ ними и образуютъ новыя минеральныя соли, растворимыя и расплывающіяся въ водѣ.

Большая часть желѣзистыхъ источниковъ, которые, въ свою очередь, были по мнѣнію Добра, главными дѣятели въ образованіи болотной руды: ездѣ, говорить онъ, гдѣ вода этихъ источниковъ течетъ медленно и въ соединеніи съ воздухомъ, она отдѣляется, особенно же въ лѣтнее время, белую грязь черновато-бурую

цѣла, которая состоитъ преимущественно изъ окиси и закиси желѣзной, въ соединеніи съ углекислотою, кремнивою кислотою и водою; часто вмѣстѣ съ ними находится и окись марганца; это вещество пошло сюда, вѣроятно, тѣмъ же путемъ, какъ и желѣзо.

Прохожденіе этого осадка, этой желѣзной грязи есть слѣдствіе отдѣленія угольной кислоты и окисленія закиси желѣза подъ вліяніемъ воздуха; по мнѣнію того, какъ желѣзная грязь высыхаетъ, углекислота отдѣляется болѣе и болѣе и, наконецъ, она вся исчезаетъ.

Если осадокъ этотъ долгое время находится на днѣ источника, къ нему присоединяются, и въ большомъ количествѣ, кремнистыя черешки ивузорій Navicula, Gaillonella, и вотъ откуда мнѣніе Эренберга, что желѣзная болотная руда образуется отъ скопленія этихъ микроскопическихъ животныхъ.

Осажденіе желѣзной окиси изъ раствора углекислой и кремниевой закиси желѣза совершается постепенно по большаго количества итана, гдѣ, какъ мы сказали, потокъ нѣтъ слабъ, медленное теченіе; поновъ этотъ вновь образованный осадокъ просачивается въ почву и составляетъ здѣсь разработываемыя жѣлезорудныя болотной руды.

Разумѣется, большее количество желѣзной окиси отлагается, гдѣ рѣка, или потокъ питаетъ стоячую массу воды, — озеро, напр., болото; меньшее и медленнее количество ея вливается въ море, гдѣ она, вѣроятно, связывается рыхлаю осадкомъ минеральныхъ массъ, постоянно образующихся на днѣ морского.

Химическій составъ болотной руды и осадка желѣзныхъ источниковъ почти одинаковъ: въ обихѣ этихъ минеральныхъ массахъ находится, въ видѣ примѣся, кремнистыя черешки ивузорій; равнина только въ содержаніи оссерной кислоты; въ осадкѣ желѣзныхъ источниковъ замѣчаются только слѣды этой кислоты; въ болотной же рудѣ находится она въ значительномъ

количествъ. Но эта разница только доказываетъ необыкновенное средство желѣзной окиси и фосфорной кислоты, которая образуется отъ разрушенія органическихъ тѣлъ, живущихъ и умирающихъ въ водахъ; естественно, чѣмъ долѣе будетъ оставаться здѣсь желѣзная окись, тѣмъ большее количество присоединится къ ней фосфорной кислоты, и шайшпитъ ея находится уже въ болотной рудѣ.

Это замѣчаніе г. Добре совершенно объясняетъ, почему у насъ въ Олонечной-Губерніи болотная руда заключаетъ въ себѣ фосфорной кислоты болѣе, чѣмъ руда озерная.

Въ заключеніе, г. Добре говоритъ, что природа, вѣроятно, пользуется и другими процессами для образованія болотной желѣзной руды; руда, сопровождающая золотыя россыпи, вѣроятно произошла отъ разложенія желѣзныхъ колчедановъ; только процессъ, здѣсь описанный, — разложеніе желѣзныхъ соединеній, находящихся въ наносной формации, подъ вліяніемъ гніенія растений, самый обыкновенный въ природѣ; этихъ способовъ произошло, вѣроятно, всѣ европейскія жѣсторожденія болотной руды.

ДѢЙСТВІЕ МАГНИТИЗМА НА ВСѢ ТѢЛА. — Эдмондъ Бекерель, молодой физикъ, которому обязаны мы уже многими важными наблюденіями надъ свѣтоносностью, (фосфоризаціею), химическимъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей, преимущественно красныхъ, законами электрохимическихъ разложеній, и проч. и проч., недавно обратилъ свои изслѣдованія на предметъ, которымъ занимался, и довольно-успѣшно, Куломбъ. Эдмондъ Бекерель задалъ себѣ задачу опредѣлить дѣйствіе магнетизма на всѣ тѣла. Куломбъ, какъ ни велика его знаменитость, дѣлалъ свои изслѣдованія уже давно, когда инструменты и вообще способы наблюденія были очень-неудовлетворительны, и потому въ наше время эти изслѣдованія необходимо было подвергнуть строгой критикѣ.

Мы не будемъ описывать здѣсь самаго процесса наблюденій г. Эдмонда Бекереля, а приведемъ только одинъ результатъ ихъ, которые онъ представилъ Парижской Академіи Наукъ:

1) Когда подъ вліяніемъ магнитныхъ качающихся цилиндрическихъ стержней мягкаго желѣза одинаковой длины, но различныхъ діаметровъ, то кубы времени ихъ качаній пропорціональны вѣсу стержней, или квадратамъ ихъ діаметровъ.

Этотъ законъ влечетъ за собою еще слѣдующій:

2) Цилиндрическіе стержни мягкаго желѣза одинаковой длины, но различныхъ діаметровъ, мгновенно намагничиваются, когда находятся подъ вліяніемъ другаго намагниченнаго желѣзнаго стержня, и магнитная сила каждого изъ этихъ стержней, или, что все равно, сумма молекулярныхъ (частичныхъ, атомическихъ) магнитныхъ дѣйствій пропорціональна кубическому корню ихъ вѣса, или кубическому корню квадрата ихъ діаметра. Слѣдовательно, чѣмъ толще элементарныя фибры, изъ которыхъ состоятъ эти стержни, тѣмъ слабѣе на нихъ дѣйствіе магнетизма, и это дѣйствіе обратно пропорціонально двумъ третямъ ихъ вѣса.

3) Если мы въ одно время подвергнемъ дѣйствію магнита нолье и кѣныые цилиндрическіе стержни мягкаго желѣза, то найдемъ, что на первыя магнетизмъ дѣйствуетъ сильнѣе, нежели на вторыя.

4) Когда магнитъ находится въ некоторомъ разстояніи отъ стержня и въ этомъ послѣднемъ магнитная плотность, т. е. количество желѣзныхъ частицъ, измѣняется въ одинаковыхъ объемахъ, тогда, если эта плотность болѣе одной десятой, первоначально дѣйствіе магнита пропорціонально квадрату магнитной плотности стержня. Въ противномъ же случаѣ, если эта плотность гораздо-слабѣе и частицы желѣза значительно удалены, дѣйствіе это пропорціонально только магнитной плотности.

Вторая часть этого закона была выведена Кулономъ.

Эти четыре закона доказываютъ, что существуютъ довольно-простыя отношенія между вѣсомъ, длиною, диаметромъ желѣзныхъ стержней и временами ихъ качаній подъ вліяніемъ магнита и вообще дѣйствіемъ на нихъ магнитовъ.

Чтобъ больше разнообразить опыты, г. Эдмондъ Бекерель бралъ, вмѣсто желѣзныхъ массъ, желѣзные опилки и порошокъ, то-есть, желѣзныи порошокъ, восстановленный изъ окиси дѣйствіемъ водорода, и нашелъ, что магнетизмъ распространяется и вообще дѣйствуетъ здѣсь совершенно-одинаковымъ образомъ, какъ и на большія массы.

Но желѣзо не есть еще единственное тѣло, которое привлекаетъ къ себѣ магнитъ и которому передаетъ онъ свою силу. Два другіе металла, довольно-распространенные въ домашнемъ быту, имѣютъ подобныя же свойства: — никель, который входитъ въ составъ аржантина, и кобальтъ, соли котораго даютъ отличныя голубыя краски. И тотъ и другой были предметами наблюденій Бекереля, и эти наблюденія показали, что оба металла имѣютъ свой собственный магнетизмъ; никель владѣетъ этою способностью въ одинаковой степени съ желѣзомъ; но въ кобальтѣ она обнаруживается не такъ

ясно, потому-что въ немъ очень развита сила сжимательная.

Магнетизмъ—не существенное свойство тѣлъ, потому-что есть случаи, гдѣ онъ уничтожается.

Въ самомъ дѣлѣ, Бекерель нашелъ, что, съ возвышеніемъ температуры, эти тѣла теряютъ способность притягиваться къ магниту. Никель утрачиваетъ магнетизмъ при 400 градусхъ; желѣзо при красно-кальномъ жарѣ; а кобальтъ, когда накалится до-бѣла. Этотъ переходъ, эта потеря происходитъ очень-быстро, внезапно, и первоначальное возвышеніе температуры увеличиваетъ магнетизмъ, который исчезаетъ, когда возвышеніе это достигнетъ своего предѣла.

Магнетизмъ чугуна, стали, углеродныхъ соединеній никеля, кобальта возрастаетъ также съ возвышеніемъ и потому, достигши своего maximum, вдругъ исчезаетъ.

Въ естественномъ магнитѣ, магнетизмъ также увеличивается, если нагрѣвать его, и пропадаетъ прежде красно-кальнаго жара; при температурѣ обыкновенной, онъ равняется 0,48 въ магнитѣ кристаллическомъ, если принимать магнетизмъ желѣза равнымъ 100.

Слѣдующая таблица показываетъ отношенія этихъ магнитическихъ тѣлъ къ температурѣ:

Температура.	Никель.		Желѣзо.			Кобальтъ.	
	Чистый ковальный.	Углеродный.	Чистое ковачное.	Чугунъ.	Сталь.	Чистый ковачный.	Углеродный.
Обыкновенная.	100	62	100	80	—	100 (?)	41
Ниже 400°.	100	100	100	80	—	100	41
При 400°.	0	0	100	80	—	100	41
Краснаго каленя.	0	0	104	109	—	104 (?)	107
Темно-краснаго.	0	0	104	104	104	104	107
Краснаго-вишневаго.	0	0	0	0	0	104	104
Краснаго осѣдательнаго.	0	0	0	0	0	0	0

Для кобальта ковачаго приведены здѣсь числа гипотетическія; Бекерель вращалъ ихъ во амальгамѣ,

При опытахъ своихъ, Бекерель стержни этихъ различныхъ металловъ и ихъ соединеній съ углеродомъ вращалъ

на платиновой проволоки, нагревалъ ихъ, и въ то же время подвергалъ ихъ дѣйствию магнита.

Между металлами, хромъ и марганецъ также представляютъ замѣтные слѣды магнитическаго дѣйствія. Наконецъ, согласно съ извѣстемъ Кулонба, можно открыть это дѣйствіе во всѣхъ тѣлахъ; но чтобъ выразить его математически, въ числахъ, магнитнымъ желѣза необходимо принять равнымъ 1,000,000, тогда для марганца вы получите—1137, для хрома—250, и только 1 — для прочихъ тѣлъ. Но если допустить въ этихъ тѣлахъ присутствіе одной миллиардной части чистаго желѣза, то этого уже достаточно, чтобъ объяснить въ нихъ явленія магнитизма этою примѣсью. Химикамъ предстоитъ разрѣшить наше недоумѣніе; а пока мы будемъ принимать, что желѣзо, никель, кобальтъ и ихъ углестыя соединенія — единственные магнитическія тѣла. Явленія же магнитизма въ прочихъ естественныхъ тѣлахъ зависятъ отъ примѣси желѣза.

ФОРМА СВѢТОСНЫХЪ ВОЛНЪ.

Оптическая теорія, господствующая теперь въ физикѣ, есть теорія волненія, которая принимаетъ свѣтъ за результатъ волнообразнаго движенія матеріи—какой, неизвѣстно. Теорія эта основаніемъ своимъ имѣетъ гипотезу; но какаѣ же ученая теорія не раздѣляется съ нею этого недостатка? Она объясняетъ естественно, безъ особыхъ напѣсковъ, все извѣстныя явленія свѣта, и вотъ ея главное достоинство, вотъ почему всѣ физики настоящаго времени допускаютъ эту теорію.

Какая форма волненій матеріи, которая производитъ свѣтъ?

Если бросить тяжелое тѣло на поверхность какой-нибудь жидкости, напримеръ, воды, это тѣло образуетъ рядъ круглыхъ концентрическихъ волнъ различнаго радіуса. Съ этими волнами физики обыкновенно сравниваютъ сферическое распространеніе свѣта.

Доранъ, французскій инженерный капитанъ, который постоянно изучаетъ явленія гидродинамическія, то есть явленія движенія жидкости, сдѣлалъ недавно очень-замѣчательное наблюденіе надъ волненіями поверхности жидкости, происходящими надъ вліаніемъ вѣтра, и съ ними-то всего ближе онъ думаетъ сравнить свѣтовыя движенія матеріи.

Вотъ-что пишетъ онъ въ частномъ письмѣ къ Араго, который представилъ это письмо Парижской Академіи Наукъ.

...Волны, происходящія надъ вліаніемъ вѣтра, не смотря на свою видную неправильность, распространяются въ опредѣленномъ направленіи и съ опредѣленною скоростью; кривые ихъ уровни, которые опредѣляютъ высоты различныхъ ихъ точекъ надъ спокойною поверхностью, представляютъ рядъ маленькихъ сомкнутыхъ кривыхъ. Эти волны имѣютъ одну замѣчательную особенность, которую я наблюдалъ во многихъ случаяхъ: онѣ могутъ существовать въ опредѣленномъ извѣстномъ мѣстѣ одной поверхности, тогда-какъ кругомъ ихъ царствуетъ совершенное спокойствіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, разсматривая поверхность воды въ бухтахъ и гаваняхъ, вы замѣтите, что отдаленныя ея части, которые отражаютъ свѣтъ, доходящій къ глазу подъ очень-тупымъ угломъ, представляютъ совершенное подобіе бѣлой, матовой скатерти, усыпанной пятнами различной формы и размѣреній. Подойдите ближе къ этимъ пятнамъ—вы найдете, что они образовались въ слѣдствіе неправильнаго отраженія свѣта отъ маленькихъ, едва-замѣтныхъ волнъ.

Свѣтовыя волны представляютъ ту же самую особенность, то-есть, онѣ могутъ также точно существовать въ различныхъ предѣлахъ пространства, тогда-какъ другія мѣста, соединяя съ ними, остаются въ совершенной темнотѣ, какъ это и бываетъ въ явленіи тѣней. Изъ этого слѣ-

судить, что съотношенія волны ближе к точкѣ сравнить съ этими неправильными волнами, нежели съ круговыми...

Мы, съ своей стороны, не видим въѣсь совершенной аналогіи. Въ самомъ дѣлѣ, эти неправильныя волны проходятъ отъ вліанія вѣтшей причины и замѣтны только тамъ, гдѣ особенно яно дѣйствіе этой причины; напротивъ, съотношенія дрожанія земра въ пространствѣ совершаются отъ взаимнаго дѣйствія частицъ этой матеріи другъ на друга.

Но какъ бы то ни было, наблюденіе г. Дорана — фактъ важный въ наукѣ, который воспользуются, вѣроятно, въ послѣдствіе физики; мы пока укажемъ на одно возможное приложеніе его къ теоріи дифракціи свѣта. Эта теорія предполагаетъ, что точно поперечности свѣтоносной волны представляютъ отлѣпные центры частичныхъ, мѣстныхъ сотрясеній; неправильныя жидкія волны происходятъ тоже отъ столкновеній безчисленнаго множества частичныхъ сотрясеній, которые образуются отъ дѣйствія вѣтра на поверхность воды.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

КОВАДЦА ОТКРЫТІЯ, НАЦЮДЕНІЯ И ИЗОВРѢТЕНІЯ.

Англичане вступили съ Китаичанъ въ весьма-прибыльную мѣшовую торговлю: отъ прозрачности Англичанъ ничто не укрывается. Въ Англію же привезено большое количество китайскаго шелка-сырца. Теперь Англичане бросились на новый предметъ торговли, а именно: на китайскую траву, растущую во множествѣ въ Небесой-Шииеріи. Эта трава имѣетъ всѣ качества европейскаго льна, но превосходить его какъ тонкою, такъ и твердостью волоконъ. Въ Лидей уже нѣтъ

этой травы сдѣлано нѣсколько искусствъ матеріи, которая равняется лучшему французскому батисту, но съ тою разницею, что травяной батистъ имѣетъ шелковистый глянецъ.

— Въ Брюсселѣ изобрѣли машину для плетенія кружевъ. Съ этого времени, дорогія кружева, радумѣются, по дешевѣютъ, богатые не будутъ разоряться на покупку этого товара, а бѣдные получатъ возможность щеголять въ кружевахъ. Жаль только, что много бѣднаго народа, который довелъ доставать себѣ хлѣбъ единственно ручными плетеніемъ кружевъ, останется безъ работы.

— Французскій механикъ Мезонъ представилъ Парижской Академіи Наукъ изобрѣтенную имъ машину подлѣ названіемъ trigonomètre, которая безъ помощи вычисленій можетъ разрѣшать самыя трудныя ариметическія и тригонометрическія задачи. Академія, по этому случаю, назначила комиссію для разсмотрѣнія машины.

— Въ эту же академию представили гг. Войе и Массіасъ пробныя оттиски, сдѣланные на литографическихъ камняхъ, со старыхъ драгоценныхъ гравюръ. Это послѣднее изобрѣтеніе весьма-важно въ области искусствъ.

— Уитстонъ, изобрѣтатель электрическаго телеграфа и электрической пушки, почитается въ Англіи гениемъ механики. Онъ изобрѣлъ много весьма-замысловатыхъ инструментовъ и, между прочимъ, снарядъ для измѣренія быстроты молніи. Если блескъ молніи продолжается только $\frac{1}{2000}$ часть секунды, то инструментъ Уитстона ясно это показываетъ.

— Прусскій артиллерійскій генералъ фон-Гельвицъ, недавно умершій, изобрѣлъ много полезнаго по части артиллеріи и инженернаго искусства. Между прочимъ, онъ сдѣлалъ весьма-замысловатый снарядъ для узнанія скорости полета выстрѣленнаго изъ орудія ядра или бомбы. Онъ также выдумалъ самую удовлетворительную пробу пороха, превосходящую всѣ донынѣ извѣстныя пробы, и, наконецъ, изобрѣлъ

ную машину для метанія въ обезжающаго неприятеля большихъ камней, — сварлять, подобный известнымъ въ древности баллистамъ, употреблявшимся за 2,000 лѣтъ предъ симъ. Если металлическая машина Гельвига окажется на практикѣ столь же полезною, какъ въ теоріи, то вооруженіе крѣпостей много отъ-того выиграетъ относительно сбереженія пороха и прочихъ артиллерійскихъ снарядовъ. Вѣроятно, сочиненія, оставшіяся послѣ кончины генерала Гельвига, будутъ напечатаны и, конечно, подобно сочиненіямъ генерала фон-Клаузевица, принесутъ много пользы военнымъ наукамъ.

— Капитанъ Пиготъ, въ Лондонѣ, изобрѣлъ безопасное отъ воды пальто, въ которомъ нельзя утонуть въ самой глубокой рѣкѣ: вода въ этомъ случаѣ доходитъ только до груди человѣка. Можно надѣяться, что мода на такіа пальто очень-скоро распространится по всей Европѣ.

— Фортепьянный фабрикантъ Мерсье, въ Парижѣ, сдѣлалъ весьма-важное улучшение въ устройствѣ фортепьяна, которое позволяетъ каждую музыкальную пьесу играть на этомъ инструментѣ въ другомъ тонѣ противъ написаннаго въ нотахъ. Это дѣлается посредствомъ особаго сваряда, передвигающаго клавиши слѣва направо и наоборотъ. На-примѣръ, если пьеса написана въ *C*, но ее надобно сыграть однимъ тономъ выше, то клавиша *C* должна ударять по струнѣ *D*, и т. д. Этотъ новый механизмъ въ фортепьяно устроенъ какъ для виртуозовъ, знающихъ отлично музыку, такъ и для обыкновенныхъ дилеттантовъ.

— Сельскій экономъ Амедѣ Иртепу, въ Орлеанѣ, изобрѣлъ новую машину для покрытія пахатныхъ полей навозомъ и для посѣва на нихъ хлѣбнаго зерна. Эта замысловатая машина, запряженная парю лошадей или быковъ и съ помощью одного работника, можетъ то же сдѣлать въ одно данное время, что обыкновеннымъ образомъ производится 16 лошадьми и 60 рабочими.

— Баронъ фон-Гамель, шталмейстеръ вюртембергскаго короля, сдѣлалъ механическую лошадь, которая, подобно живому наезднику коню, дѣлаетъ всѣ лошадинныя обороты и движенія, считаетъ, становится на дыбы, производитъ лансады и каприолы. Ученникъ, прошедшій всю наездническую школу на этой лошади, сдѣла можетъ послѣ того сѣсть на самаго неукротиваго коня. Что это не шутъ, въ томъ свидѣтельствуеетъ официальная шуттартская газета *der Schwäbische Mercur*.

— Берлинскій врачъ, докторъ Забольдъ, находившійся долгое время въ плѣну у Японцевъ, пишетъ о японской медицинѣ слѣдующее: «Японскіе медики, большею частію изъ сословія монаховъ буддаическаго секты, почитаютъ за великій грѣхъ приставлять къ тѣлу большого плѣвника; это строго запрещено религіозными законами Будды. Странно, что въ японской медицинѣ употребляется известная мапробіотика знаменитаго врача Гуселли (Makrobiotik), переведенная съ немецкаго на японскій языкъ. Японскіе врачи почти во всѣхъ болѣзняхъ употребляютъ пунктуру, т. е. весьма-легко накалываютъ кожу иглою, чрезъ что возбуждается дѣятельность организма.»

— Французскій астрономъ Перри Вильевъ (Perry Villeleuve) выдалъ въ Парижѣ брошюру, въ которой совершенно опровергаетъ нашу планетную систему. По его расчисленію, наша земля отдалена отъ солнца только на 523 лѣ, а само солнце имѣетъ въ поперечникѣ не болѣе 4,880 лѣ; колоссальная планета Юпитеръ будто-бы имѣетъ въ поперечникѣ только 477 лѣ и менше земной планеты въ 217 разъ. Вильевъ почитаетъ земной шаръ мичайшею изъ всѣхъ планетъ, даже луна кажется ему болѣе всѣхъ прочихъ. По его теоріи, земля имѣетъ одно только суточное движеніе; она вертится, какъ колесо, около своей оси и проходитъ пространство, равное своему экватору, а такъ-какъ экваторъ имѣетъ въ окружности 9,000 лѣ, то землѣ

писывается въ 365 дней около солнца и писанъ въ 528,000 нѣмецкихъ миль. По системѣ Вильнёва, планеты въ 65 разъ менѣе величиною, нежели предполагаютъ всѣ европейскіе астрономы; онѣ въ 65 разъ ближе находятся къ землѣ, и движеніе самой земли въ 65 разъ медленнѣе противъ нынѣшняго расчета астрономовъ. Говорятъ, что Перри Вильнёвъ пользуется въ Парижѣ славой ученаго и глубокомысленнаго астронома.

— Французъ Кулабъеъ показываетъ въ Берлинѣ солнечный микроскопъ, увеличивающій предметы въ 300,000 разъ. Инфузоріи кажутся тамъ въ нѣсколько футовъ длиною, паразитныя кошки (невидимыя для простаго глаза), живущія на тѣлѣ разныхъ насѣкомыхъ, кажутся величиною съ кулакъ; глазъ обыкновенной мухи съ его тысячу фасетными гранями представляется кругомъ въ 30 футовъ. Въ этотъ удивительный микроскопъ можно яственно рассмотреть круговращеніе соковъ въ каждой мельчайшей травкѣ, обращеніе крови въ человѣческомъ волосѣ, строеніе и составъ драгоценныхъ камней.

— Въ древней Помпѣе отрыли новый некрополисъ, кладбище, находящееся въ Солдатской-Улицѣ. Владѣлецъ этого куска земли нѣкто Берлуччи, не смотря на разныя тамъ выкопанныя римскія древности, велѣлъ опять засыпать землею нѣсколько уже открытыхъ гробницъ!

— Въ Апуліи нашли недавно въ землѣ древнюю золотую діадему съ принадлежащими къ ней ожерельемъ и браслетами, украшенными эмалью разноцвѣтными листьями, цвѣтами и бабочками. Все это самой превосходной тонкой работы.

— Въ книгопечатаніи сдѣлано недавно довольно-значительное открытіе, т. е. печатаніе полнотипажей масляными красками. По нововобрѣтенному способу, можно отпечатать въ книгѣ 200 экземпляровъ полнотипажей шестнадцатую колерами вдругъ. Проба такъихъ многоцвѣтныхъ рисунковъ находится въ Т. XLII. — Отд. VIII.

дится въ напечатанной въ Лейпцигѣ книгѣ подъ заглавіемъ «Мануфактурная промышленность Саксоніи».

— Мы нѣсколько разъ говорили о нововобрѣтенномъ въ Сент-Этьенѣ стеклѣ, называемомъ селиконъ, которое можно ковать, какъ желѣзо. Селиконъ цвѣтомъ бѣлъ, блестящъ и прозраченъ, какъ кристаллъ; но онъ притягиваетъ къ себѣ также матовый и другіе цвѣта. Ни воздухъ и никакія химическія кислоты на него вовсе не дѣйствуютъ; притомъ же, онъ крѣпокъ, какъ сталь. Судя по дешезинѣ селикона, можно навѣрное предположить, что этотъ металл-стекло войдетъ скоро во всеобщее употребленіе, какъ для украшенія комнатъ, такъ для мебели и домашней посуды.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Недавно въ Лондонѣ на Площади-Трафальгарской (Trafalgar-Square) поставили конную статую короля Георга IV, работы знаменитаго ваятеля Шентри (Chantry). Король представленъ въ особомъ костюмѣ: родъ пальто, составляющее нѣчто среднее между новѣйшимъ костюмомъ и древнею одеждою Римлянъ. Такъ-какъ довольно-негнѣпо представлять людей новаго времени въ древнихъ костюмахъ, то англійскіе скульпторы рѣшились драпировать статуи знаменитыхъ людей въ шинели и мундиры новаго покроя; но это выходитъ весьма-безобразно, особенно въ рукахъ Англичанъ. Итакъ, покойному Шентри надобно отдать полную справедливость, что онъ очень-хорошо умѣлъ соединить древній костюмъ съ новымъ и выдумалъ для своихъ статуй среднюю, довольно-живописную одежду. Самъ король Георгъ IV заказалъ Шентри изваять свою статую, которая предназначалась для Боксгемскаго-Дворца. Статуя съ 1838 года стояла въ мастерской художника, ибо англійское правительство не рѣшалось сначала въ выборѣ приличнаго для нея мѣста.

— Извѣстная мраморная статуя Лор-

да Байрона, работы знаменитаго Торвальдсена, хранилась нѣсколько лѣтъ закупоренною въ деревянномъ ящикѣ въ лондонской таможенѣ, потому-что духовенство Вестминстерскаго Аббатства рѣшительно запретило помѣстить статую извѣстнаго грѣшника и атеиста Байрона внутри церкви вестминстерской, гдѣ, какъ извѣстно, почитается прахъ великихъ людей Англіи. Нынѣ эта статуя поставится въ библиотекѣ Кембриджскаго Университета. Поэтъ представленъ въ натуральную величину сидящимъ на развалинѣ античнаго храма; лѣвая нога его покоится на обломкѣ колонны. Байронъ представленъ во фракѣ, прикрытомъ богатою драпировкою маатіи; онъ держитъ въ лѣвой рукѣ книгу съ надписью: «Childe Harold», а въ правой грифель, приложенный ко рту.

— Въ «Revue de Paris» напечатано слѣдующее объявленіе о конкурсѣ, съ просьбою, чтобъ всѣ газеты перепечатали его во всеобщее свѣдѣніе:

«Предлагается премія въ 1,000 фун. стерл. тому изъ живописцевъ, кто напишетъ масляными красками лучшую картину, представляющую: *Крещеніе Спасителя въ Иорданѣ*, сообразно съ текстомъ Евангелія Матея III, 13 — 17; Марка I, 9—11; Луки III, 21 — 23, и наконецъ со стихами Мильтона, изъ его поэмы: *Возвращенный Рай* (томъ I, стихи 79—86):

I saw

The prophet do him reverence, on him
rising
'Out of the water, heaven above the
clouds

Unfold her crystal doors, etc.

я тамъ же, стихъ 288:

As I rose of the laving stream.

Картина не должна быть менѣ 12-ти футовъ вышины, 10 ширины, и не болѣе 15-ти вышины и 12-ти ширины. Два главныя лица должны быть, по крайней-мѣрѣ, въ естественный ростъ. Минуту событія избрать предъ погруженіемъ Иисуса, когда Іоаннъ произноситъ слова крещенія, или минуту по совершеніи крещенія, когда

Иисусъ и Іоаннъ стоятъ въ водѣ до двухъ-пятыхъ своего роста. На окончаніе картины и на доставленіе въ Лондонъ (по адресу, который будетъ сообщенъ въ свое время) опредѣляются отъ нижеписаннаго числа два года. Рама картины не должна быть шире двухъ дюймовъ. Всѣ приславныя картины въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ будутъ выставлены въ Лондонѣ. Въ это время сами состязавшіеся живописцы должны быть судьями, а большинствомъ голосовъ выберется изъ всѣхъ только пять картинъ. Изъ этихъ пяти картинъ выберутъ лучшую нижеподписавшіеся. Всѣ живописцы, которые предпріимутъ эту работу, должны сообщить свои имена и адреса къ одному изъ нижеподписавшихся, не позже 1-го января 1846 года. Назначившіе премію готовы представить въ Лондонѣ и Эдинбургѣ достаточное ручательство. Въ этомъ конкурсѣ могутъ участвовать живописцы всѣхъ націй. 1,000 фунт. стерл. будутъ выданы еще до закрытія выставки тому художнику, котораго картина будетъ признана лучшею изъ всѣхъ. Но съ этой минуты, картина дѣлается уже собственностью нижеподписавшихся. Переписка и пересылка производится на счетъ самихъ живописцевъ.

M. Thomas Belle. Don Alkali Works;
South Shields.

M. Charles Hill Roe. Hermitage, Aston
Road; Birmingham.

5 апрѣля 1845 года.»

— Извѣстно, что Торвальдсенъ завѣщаль всѣ свои геніальныя работы городу Копенгагену съ тѣмъ условіемъ, чтобъ тамъ построено былъ для его статуй особый музей, въ которомъ должна также помѣститься и его гробница. Этотъ музей уже строится во вкусъ древнихъ помпейскихъ владій, въ два этажа; въ среднѣй дворъ выложенный мозаикою, а вокругъ двора устроены отдѣльныя кабинеты для статуй Торвальдсена. Потолки въ кабинетахъ расписываются альереско. Положеніе этого музея довольно-важно.

годно, ибо находящийся въ сосѣдствѣ его дворецъ Христиансбургъ дагь своею колоссальностью эту нерачную постройку.

— Въ Берлинѣ баталическій живописецъ г. Рехлинъ написалъ превосходную картину: эпизодъ народной иппогской битвы, а именно бой при шовѣ (Wachow), глѣ донской казаий полкъ, подъ предводительствомъ графа Орлова-Денисова, бросился въ атаку на французскихъ и саксонскихъ кирасировъ. Посрединѣ картины представленъ графъ Орловъ-Денисовъ на бѣломъ конѣ, распоряжающій атакою; надъ нимъ видна деревня Госса; на первомъ планѣ картины 9-й французскій кирасирскій полкъ, направо саксонскіе кирасиры въ жаркой схваткѣ съ храбрыми Донцами. Вдали, на третьемъ планѣ, видѣнъ Императоръ Александръ съ своею свитою. Впередѣ картины представлены подбитыя орудія, убитые и раненные воины. Тонъ и манера живописца во вкусѣ Ораса Вернѣ. Говорятъ, что эта картина писана по заказу семейства графа Орлова-Денисова и, слѣдовательно, будетъ достояніемъ Россіи.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Извѣстный престарѣлый поэтъ Лудовикъ Тибъ живетъ въ Сансуси и часто бываетъ въ семейномъ кругѣ короля прусскаго. Маститый поэтъ занимается теперь постановкою на потсдамскомъ театрѣ пьесы Шекспира «Гейнрихъ V-й».

— Въ Оффенѣ недавно давали съ большимъ успѣхомъ драму «Вѣчный Жидъ», передѣланную изъ романа Сю актѣромъ Шриттомъ. Эту пьесу скоро будутъ давать на театрахъ Лейпцига и Гамбурга.

— Англійская королевская фамилія отличается особенными музыкальными талантами. Королева Викторія превосходно играетъ на фортепьяно и обладаетъ пріятнымъ голосомъ (меззо-

сопрано). Герцогиня кентская, мать королевы, — настоящая виртуозка на фортепьяно. У принцессы Августы замѣчательный талантъ къ сочиненію пѣсень и арій. Король Георгъ IV и превосходно игралъ на виолончели и пѣлъ отлично теноро-басомъ. Герцогъ кембриджскій, дядя королевы, превосходно играетъ на скрипкѣ. Король Вильгельмъ IV-й игралъ хорошо на флейтѣ. Королева Аделаида очень любить церковную музыку.

— Фелисіенъ Давидъ, путешествуя по Германіи, окончилъ новую музыкальную пьесу *Моисей на Горѣ Синайской*. Эта ораторія будетъ разыграна въ первый разъ въ Вѣнѣ. Зимой онъ возвратится въ Парижъ, чтобъ писать музыку къ новой оперѣ на либретто Скриба. Эта музыка заказана ему дирекціею Большой Парижской Оперы.

— Извѣстная ораторія этого Давида, «Пустыня», была недавно причиною одного интереснаго процесса въ Версали. Тамъ назначено было дать концертъ въ пользу бѣдныхъ, и билеты уже были распроданы, какъ вдругъ пріѣхалъ въ Версаль г. Колленъ, сочинитель текста къ означенной ораторіи, и подалъ просьбу мэрю города, чтобъ запретить ораторію и выдать ему 500 франковъ гонорара изъ кассы концерта. Мэръ, согласно съ законами, долженъ былъ запретить концертъ, но уже, къ несчастію, билеты были всѣ разобраны и публика собралась въ залу. Чтò тутъ было дѣлать? Но Французъ не теряетъ присутствія духа въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ. Учредители концерта подвинулись на хитрость и съиграли ораторію безъ текста, т. е. пѣвцы и хоры, вѣсто словъ, пѣли однѣ только ноты, что очень поправилось публикѣ для разнообразія. Интермеццо же ораторіи, вѣсто стиховъ, прочитали прозою, и дѣло было въ шляпѣ. Г. Колленъ не получилъ ни одного сантима изъ кассы концерта.

— Турецкій султанъ приказалъ устроить во внутреннихъ садахъ серадя оперный театръ, на которомъ дадутъ

ся уже итальянскія оперы, подъ управленіемъ Донизетти, брата извѣстнаго композитора. Оперы очень нравятся молодому султану и особенно его султаншамъ, которыя никогниго сквозь рѣшетки слушаютъ музыку и пѣніе.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Въ Бельгіи готовятъ превосходную вкусомъ ветчину, названную jambon de Bastogne, слѣдующимъ образомъ: свинные окорока должно сперва положить на шесть педлъ въ разсолъ изъ соли и селитры, къ которой примѣшивается извѣстное количество лаврового листа, тмина, можжевеловыхъ ягодъ, и, если угодно, немного чеснока. Если же послѣ этой операціи хотятъ окорокъ приготовить для стола, то его должно сперва закопать въ землю на цѣлые сутки, а потомъ уже испечь или сварить также съ примѣсью означенныхъ травъ. Если окорокъ мягокъ и рыхлъ, то надобно изъ него вынуть кости, а мясо положить подъ прессъ.

— Лучшее средство для мѣтки бѣлыя — киповаръ (Zinnober), разведенная въ водѣ съ желѣзнымъ купоросомъ. Киповаръ и купоросъ должно истолочь въ порошокъ, и эту смѣсь, смочивъ нѣсколькими каплями воды, растереть на каменной плиткѣ, какъ масляную краску. Потомъ взять рисовальную кисть, и, обмакнувъ ее въ краску, мѣтить бѣлье. Когда краска на бѣльѣ высохнетъ, ее уже ничѣмъ нельзя будетъ смыть.

— Въ прошедшую зиму, на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ Англіи нагрѣвались пассажирскіе вагоны печами, топленными антрацитомъ. Въ каждой печи находился небольшой котелъ съ кипяткомъ, который посредствомъ мѣдныхъ трубочекъ проводился подъ скамейки, гдѣ сидятъ пассажиры. Такимъ образомъ, согрѣтая вода распространяла во всемъ вагонѣ пріятную теплоту.

— Нѣкоторые химики утверждаютъ, что чистая рѣчная вода имѣетъ

большую разницу во вкусѣ, когда она налита въ сосуды изъ тонкаго стекла или толстаго хрустала; въ послѣднемъ она кажется гораздо-пріятнѣе для питья. Также замѣчается большая разница между водою, налитую въ стеклянный и каменный сосуды. Совѣтуютъ для храненія чистой холоднои воды употреблять каменные сосуды, слѣдующимъ образомъ (порѣзнаго) камня, который служитъ худымъ проводникомъ теплу. Лучшее всего держать холодную воду въ стеклянныхъ бутылкахъ, обложенныхъ пробочнымъ деревомъ. Вода, сохраняемая въ нихъ, бываетъ постоянно-холодна и пріятна на вкусъ.

— Для испытанія виноградныхъ винъ, на-примѣръ: португейна, мадеры, хереса, есть ли въ нихъ подмѣсъ спирта или французской водки, слѣдуетъ поступать такимъ-образомъ. Надобно испытуемое вино налить въ широкую чашку и близко надъ нимъ держать маленькую лампу съ нѣсколькими горѣлками. Если въ вино подмѣшанъ спиртъ, то оно вспыхнетъ при умѣренномъ жарѣ лампы; если же въ немъ заключается только его натуральнй алкоголь, то вино загорится отъ лампы не ранѣе, какъ во время своего кипѣнія.

— Парижская полиція тщательно убираетъ съ рынковъ испорченное и протухлое мясо отъ дѣтскихъ жарокъ и велитъ опять вывозить за городъ. Но ловкіе промышленники нашли средство этого испорченного провіанта опять пускать въ продажу слѣдующимъ-образомъ. Они посредствомъ угля отнимаютъ весь дурной запахъ отъ мяса, потомъ, отдавъ отъ него осмазомъ и желатиной, превращаютъ его въ consomé и въ такомъ видѣ провозятъ опять въ городъ. Но каково-то тѣмъ, которые питаются бульонами, свареннымъ изъ этой мясной метаморфозы!

МЕЛОЧИ.

Въ Берлинѣ недавно издана статистика прусской монархіи. Авторъ утверждаетъ, что древніе Пруссакіи гово-

рили особый языкъ, который нынче почти вымеръ. Этотъ языкъ принадлежалъ къ нарѣчію литовскому, которое, по свидѣтельству В. фон-Гумбольдта и другихъ ученыхъ, было въ что среднее между языками славянскими и греческими, но съ первымъ онъ состоялъ въ наибольшемъ родстве. Не смотря на то, остатки древняго языка Пруссакъ и доселѣ еще существуютъ: имъ говоритъ простой народъ живущій въ окрестностяхъ Кёнигсберга и Гумбюлена. Этотъ литовскій (litthauisch) языкъ простаго народа не только разговорный, но даже и письменный, ибо въ тѣхъ краяхъ преподается онъ въ пародныхъ школахъ. Въ Кёнигсбергѣ и Гумбюенѣ находятся семинарии для образованія учителей литовскаго языка. Слово Пруссы (Preusse) производитъ одинъ ученый кёнигсбергскій историкъ, Фогтъ, отъ слова Но-Русси (No-Russi), и самъ знаменитый прагскій филологъ Шафарикъ подтверждаетъ, что древніе Пруссы называли себя Prussi. Это слово находится даже у древняго историка Птолемея, который говоритъ о народѣ Phrugundioni, слѣдовательно — Phrusi, или Phugi, а gund слово древнее скандинавское и значитъ народъ. Итакъ, птолемея слово пругундионъ значило не что иное, какъ прусскій народъ. По свидѣтельству германскаго статистика, въ Пруссіи находится Славянъ говорящихъ по-польски 2,223,000, Славянъ-Чеховъ 37,000, Славянъ-Вендовъ 195,000.

— Во-Франціи только шестая часть всего народонаселенія живетъ въ довольствѣ, имѣя независимое состояніе, и изъ этого числа въ сколько тысячъ человекъ обладаютъ милліонами. Вообще, среднимъ числомъ приходится на каждаго Француза годоваго дохода по 198 фр.; 7,500,000 человекъ получаютъ ежегодно только 91 фр. Такое же число людей получаетъ въ годъ по 120 фр. Изъ 15,000,000 человекъ 7,500,000 живутъ мелочною промышленностью и работаютъ въ потъ лица день и ночь, чтобъ нажить себѣ трудовую копейку.

— Въ Лондонѣ торгуютъ всѣмъ, чѣмъ угодно, даже продаютъ древности, привезенныя изъ Мемфиса и Египта. Недавно тамъ былъ аукціонъ египетскими мушкетъ, древнему оружію Персовъ и пр. Одинъ археологъ купилъ саркофагъ, покрытый иероглифами, за 61 ф. стерлинговъ.

— Въ послѣднія пять лѣтъ привезено было въ Лондонъ съ твердой земли Европы и преимущественно изъ Италіи 60,000 картинъ знаменитыхъ живописцевъ старой италіанской, испанской и нидерландской школы; итакъ, ежегодно привозилось по 10,000 картинъ старыхъ знаменитостей, Рафаэлей, Тиціановъ, Альбановъ и Мурильйо. Ничего нѣтъ легче, какъ обманывать дилеттантовъ старыми картинами!

— Фанатическіе любители цвѣтовъ платятъ перѣдко тысячи франковъ за какой-нибудь рѣдкій, необыкновенный цвѣтокъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, назначена была большая премія за то, кому удастся выростить зеленія розы. Американецъ Джонъ Брайсъ прислалъ недавно изъ Бостона въ Парижъ кустъ rosa indica, на которомъ красовались прекрасныя зеленія розы — и, говорятъ, получилъ отъ Общества Парижскихъ Любителей Садоводства означенную премію. До этого времени, однакожъ, никому не удалось произвести синія даіи, георгинны. Англійскіе любители георгинъ обѣщали заплатить 5,000 фунтовъ стерл. за синюю даію.

— Робеспьеръ былъ между-прочимъ очень сантиментальный поэтъ. Недавно въ Пируженѣ отысканы написанныя собственною рукою Робеспьера стихи, адресованныя имъ къ какой-то дамѣ, жившей въ Аррасѣ:

- «Crois-moi, jeune et belle Ophélie,
 «Quoique en dise le monde et malgré ton
 miroir
 «Contente d'être belle et de n'en rien sa-
 voir,
 «Garde toujours la modestie,
 «Sur le pouvoir de tes appas

«Demeure toujours alarmée:
«Tu n'en seras que mieux aîcée
«Si tu crains de ne l'être pas.»

— Въ Парижѣ какой-то ловкій продавецъ напечаталъ нѣсколько гравюръ съ загадками (rebuses), и объявилъ въ газетахъ, что если кто изъ его покупателей отгадаетъ всѣ загадки, помѣщенные въ картинахъ, тому онъ обязывается заплатить премію въ 1,000 франковъ. За отгадку первыхъ четырехъ rebuses онъ уже отложилъ 500 франковъ у нѣвнаго парижскаго нотариуса. Каждая картина съ загадкою стодитъ 1 франкъ, и въ нѣсколько дней было раскуплено до трехъ тысячъ экземпляровъ этихъ гравюръ. Къ упомянутому нотариусу хотя явились уже нѣсколько десятковъ людей, съ увѣреніемъ, что они разгадали ребюсы и требовали отъ него общачные 500 франковъ, но нотариусъ отвѣчалъ всѣмъ, что они ничего не разгадали, и, слѣдовательно, имъ принадлежитъ награда. Между тѣмъ, продавецъ не можетъ отбиться отъ покупателей ребюсовъ, и франки сотнями сыплются каждый день въ карманъ его.

— Въ Лондонѣ паходятся три разряда книгопродавцевъ. Одни торгуютъ старыми рѣдкими книгами (букенями), другіе новыми, а третьи—книгами уже подержанными. Въ магазинахъ первыхъ можно найти чрезвычайно-рѣдкія старопечатныя изданія. Вторые, называемые Booksellers, съ кислыми гримасами встрѣчаютъ тѣхъ, кто смотритъ книги и ничего не покупать. Третій разрядъ книгопродавцевъ называется Stallkeepers, а лавки ихъ — Bookstalls. Въ нихъ продаютъ уже читанныя и крѣпко-подержанныя книги съ значительною уступкою въ цѣнѣ. Большая часть лондонскихъ книжныхъ магазиновъ помѣщены въ улицѣ Paternoster; изъ богатѣйшихъ книгопродавцевъ считается тамъ Сторъ, который съ 1815 года нажилъ барыша отъ изданія сочиненій Вальтера Скотта 160,000 ф. стерлинговъ.

— Въ древнемъ рыцарскомъ замкѣ, Штольценфельсѣ, на Рейнѣ, гдѣ гости-

ла недавно королева Викторія, были и впрочемъ угощаемы коронованныя особы. За 610 лѣтъ предъ симъ, а именно: въ 1235 году, гостила тутъ прекрасная Изабелла, сестра англійскаго короля Генриха III и невѣста императора Фридриха II гогенштауфенскаго. Въ 1346 году гостилъ въ Штольценфельсѣ король англійскій Эдуардъ III Богемскій, король Іоаннъ и императоръ Карлъ IV.

— Доходы французскаго короля Людовика-Филиппа простираются до 18 миллионновъ франковъ; расходы же— слѣдующіе: 4,856,767 франковъ на жалованье и содержаніе 2561 придворнаго служителя; 4,527,262 франка употребляются на содержаніе королевской недвижимой собственности: дворцовъ, замковъ, парковъ, садовъ, лѣсовъ, а также на покупку и обновленіе дворцовыхъ мебели, и проч. Королевская кухня, отопленіе, освѣщеніе, лошади, экипажи и разныя путевыя издержки обходятся въ годъ 3,680,903 франка. На подарки, вспоможенія, пенсія, благотворительныя вклады, на содержаніе принцевъ и принцессъ расходуется до 17,841,172 франка. Король, слѣдственно, употребляетъ собственныхъ своихъ денегъ до 23 миллионновъ франковъ въ годъ. Сверхъ-того, онъ употребилъ слишкомъ 23 милліона на основаніе Исторической Галереи въ Версали, на возобновленіе Галереи Франциска I и парадныхъ комнатъ въ Фонтенблѣ, на замокъ и паркъ въ Сен-Клу, на основаніе Галереи Людовика-Филиппа, въ Тюльери. Эти 23 милліона франка обратятся въ пользу самой Франціи, ибо по закону король только пользуется пожизненно доходомъ съ короннымъ имѣніемъ. Изъ упомянутыхъ 2561 придворнаго служителя король одѣваетъ на свой счетъ 1729 человекъ. Въ извѣстныхъ времена года раздастъ онъ имъ 28,556 штукъ разнаго рода платья.

— Парижъ и Лондонъ хотятъ имѣть непременно какія-нибудь диковинныя для удовлетворенія своего ненасытнаго любопытства. Но откуда же идутъ

къ нимъ исполнены и карлики, дикіе звѣри и дикіе люди?—назъ Америки. Въ Соединенныхъ-Штатахъ есть нѣсколь-ко коммерческихъ домовъ, которые, вѣсть съ другими колониальными то-варями, кофе, сахаромъ, перцомъ, про-мышляютъ и равными диковинками, высылаютъ въ Европу по заказу кар-ликовъ, исполнновъ, дикихъ звѣрей и проч. Въ Нью-Йоркѣ есть торговый домъ г. Титуса и комп., который поку-паетъ львовъ, тигровъ, крокодиловъ, вѣтій-удавовъ, для высылки ихъ въ Европу. Если ему понадобится до-стать африканскихъ и азіатскихъ ди-ковиннокъ, онъ отправляетъ своихъ прикащиковъ въ Азію и Африку и т. п. Знаменитые укротители дикихъ звѣрей Фан-Амбургъ и Картеръ учи-лись сперва своему опасному искусству въ звѣринцахъ г. Титуса и уже, благо-годаря ему, нажили себѣ славу. Также

карлика Том-Томба отъискалъ въ Аме-рику поманутый коммерческій домъ Типіуса и выслалъ его въ Европу. Короче, Американцы промышляютъ всѣмъ, чтобъ только нажить деньги.

— Одинъ Англичанинъ въ припадкѣ сплина бросился недавно въ пылающій кратеръ Везувія. Изверженіе такъ бы-ло сильно, что въ ту же минуту вы-бросило изъ жерла тѣло которое, вѣ-сть съ лавою, утѣло съ горы и со-вершенно сгорѣло. Этотъ чудакъ за нѣсколько часовъ предъ своею кон-чиною посѣтилъ на горѣ живущаго тамъ пустынника и нависалъ въ па-мятной книгѣ для путешественни-ковъ слѣдующее. «Проводникъ мой вовсе не былъ причиною моей смерти, потому-что я самовольно кинулся въ кратеръ Везувія, чтобъ скорѣе пре-кратить свою несчастную жизнь.»

М О Д Ы.

Самые убійственные мѣсяцы для моды—августъ и сентябрь. Въ августѣ донашиваются лѣтніе костюмы, а въ сентябрѣ, въ ожиданіи новыхъ верх-нихъ, носятъ прошлогодіе, а новые фасоны для платьевъ появляются толь-ко въ ноябрѣ; слѣдовательно, намъ остается говорить о прошедшемъ и предполагать будущее.

Прошедшее уже извѣстно нашимъ читателямъ; поговоримъ о будущемъ.

Шляпки, какъ намъ кажется, будутъ носить очень-маленькія, потому-что въ Парижѣ нынѣшнее лѣто носили та-кія небольшія шляпки, называемыя Ра-пелас, что онѣ походили болѣе на то-ки, нежели на шляпки, и фасонъ ихъ принятъ былъ съ восторгомъ всѣ-ми дамами. Вотъ его подробности. Поля очень-маленькія и открытыя; они идуть кругомъ всей тульи; разумѣется,

позади они дѣлаются еще меньше и немного загнуты; слѣдовательно, коф-точка ужъ тутъ не нужна. Тулья до-вольно-низенькая съ широкимъ до-нышкомъ, но не выпуклымъ. Уборка на шляпкахъ самая простая: если вы хотите приколотъ перья, то прика-львайте не очень-низко, чтобъ перо не спускалось ниже полей, и безъ никакихъ бантовъ, даже позади тульи, исключая перьевъ, которыя должно пришить съ одного бока тульи на другой. Все равно, если вы захотите, вѣсто перьевъ, приколотъ цвѣты: ихъ точно также надо приколотъ съ одного бока тульи на другой; въ такомъ случаѣ надо, чтобъ цвѣты были слѣлавы гир-ляндой; но лентъ не нужно: ленты нака-льваются на эти шляпки только тогда, когда нѣтъ ни перьевъ, ни цвѣтовъ.

Платья, вѣроятно, останутся одинаковой ширины и длины, и, разумеется, такъ же, какъ и теперь, если платье съ фалбалою или съ широкими бѣ, то юбку надо дѣлать уже.

Трудно придумать, какіе лифы и рукава будутъ въ модѣ зимой; теперь ихъ носить по прежнему: лифы закрытые; они или доходятъ до самаго горла, или напередѣ очень - вырѣзаны. Отвороты и борты на лифахъ встрѣчаются довольно-часто.

Рукава дѣлаются гладкіе съ кисейнымъ рукавомъ; но красивѣе, или, лучше сказать, разнообразнѣе, когда рукава дѣлаются короткіе, выше локтя; а изъ-подъ нихъ спускается бѣлый кисейный или тюлевый сборчатый рукавъ.

Шарфы, по-прежнему, въ большой модѣ; кружевной ли, вышитый ли, полосатый ли—лишь бы только это былъ шарфъ; но когда къ нему придѣлать сзади маленькій капишонъ, тогда этотъ шарфъ превращается въ мантилью и называется *mantelet à capuchon*. Такую мантилью мы видѣли въ вѣшнѣмъ Англійскомъ-Магазинѣ. Она сдѣлана изъ пунцоваго кашемира и обшита довольно-широкимъ чернымъ бархатомъ. Эти мантильи, вѣроятно, съ каж-

дымъ зимѣ будутъ болѣе и болѣе нравиться дамамъ, особенно, если капишоны будутъ дѣлаться двойные, чтобы можно было надѣвать на голову; тогда это сдѣлается просто необходимою для спектаклей и баловъ, и уничтожить эти такъ-называемые капоры, или капишоны, которые надѣвались на голову только при разъѣздахъ и дѣлались съ большою изысканностью, а между-тѣмъ были очень-некрасивы. Мы увѣрены, что каждая дама замѣчала, что къ ней болѣе идетъ простой капишонъ, нежели эта вышняя шапка, — а все-таки надѣвала ее!

Прическа — самая простая. Коса зачесывается довольно-низко, или зашептается, или просто завертывается въ двѣ петли. Передніе волосы спускаются довольно-низко, но не ниже уха, или упадаютъ на плечи большими локонами.

Пляжки считаются принадлежностью для каждаго платья, гдѣ есть кушакъ. Ихъ дѣлаютъ изъ перламута, коралловъ и т. д., но небольшія.

Вуали на шляпкахъ замѣтно начинаютъ исчезать.

Ботинки носить большею частію одинакаго цвѣта съ платьемъ; ихъ дѣлаютъ съ маленькими каблучками.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

БАРОНЪ ВОЗИО.

Однѣмъ изъ представителей искусства времени имперіи и реставраціи, глава ваятелей этихъ двухъ эпохъ, баронъ Возио, скончался внезапно въ ночь съ 28 на 29 іюля этого года.

Франсуа-Жозефъ-Жильбертъ Возио родился въ Монако, 19-го марта 1769 года. Въ продолженіи долгой жизни своей, онъ былъ современникомъ трехъ поколѣній скульпторовъ, болѣе или менѣе изысканныхъ, манерныхъ въ своихъ произведеніяхъ; Возио, безспорно, одаренный талантомъ самобытнымъ, оставался постоянно вѣрноп самоду-себѣ; его не увлекали ни системы, ни моды — соблазнительныя болѣе по своей граціи, нежели мощныя силою выраженія, способности болѣе къ отдѣлкѣ отдѣльныхъ фигуръ, нежели къ группировкѣ монументальныхъ массъ.

Трудясь на поприщѣ исторической скульптуры, отличаясь особенно бюстами, Возио производилъ и предметы мѣологическіе. Но онъ чувствовалъ и воспринималъ древнее искусство по-своему, не придерживаясь преданій школы, и постигалъ древность тѣмъ лучше, чѣмъ свободнѣе подражалъ ей. Самый выборъ большей части его сюжетовъ выказываетъ его антипатію къ сухому очерку, къ жесткости, къ изысканной наготѣ, къ преувеличенію формъ, которое нынѣ считаютъ цвѣтомъ греческаго искусства.

Всего замѣчательнѣе, что Возио почти съ перваго шага сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ во всю свою жизнь. Въ немъ не видно слѣдовъ ни чьей школы: грацію, простоту, чистоту очерковъ, изящество, — всѣ эти существенныя принадлежности своего рѣца изучилъ онъ въ лагерѣ и на дорогѣ.

Съ самой ранней молодости, Возио выказывалъ мало способности и охоты

къ классическому ученію. За урокомъ онъ вырѣзывалъ изъ дерева статуи. Въ маленькихъ мадоннахъ его можно уже было видѣть зародышъ таланта.

Когда учитель, или отецъ, выговаривали ему за его лѣность, онъ отвѣчалъ, плача: «Я хочу быть скульпторомъ!» Эта вѣчная фраза до того надоѣла его отцу, что однажды онъ сказалъ ему: «такъ будь же скульпторомъ, — только чтобъ я не слышалъ больше о тебѣ ни слова!»

Отецъ посердился нѣсколько недѣль, но примирился наконецъ съ мыслию имѣть сына-артиста. Понявъ, что можно быть порядочнымъ отцомъ семейства и позволять дѣтямъ своимъ предаваться изученію изящныхъ искусствъ, онъ отдалъ сына своего въ ученіе къ одному рѣщнику на деревѣ, который, къ радости (или къ досадѣ своей) скоро увидѣлъ, что ученикъ превзошелъ учителя. Менѣе нежели въ годъ, Возио сдѣлался артистомъ. Иначе и быть не могло: Возио былъ рожденъ скульпторомъ. Принцъ Монако, узнавъ его дарованіе, увезъ его съ собою въ Парижъ и отдалъ въ ученіе къ скульптору Пажу, къ бывшему тогда въ большой славі. Пажу былъ артистъ ловкій и плодовитый; но онъ былъ лишенъ истиннаго чувства прекраснаго. Произведенія его запечатлѣны посредственностію.

Возио не долго оставался у Пажу. Онъ инстинктивно чувствовалъ противорѣчіе манерности своего учителя съ простотою и величіемъ. Однажды онъ вѣрно, но слишкомъ строго, критиковалъ въ присутствіи посѣтителей одно изъ произведеній своего учителя. Пажу всталъ его на дѣлѣ, возбѣдился, пожаловался принцу и отослалъ отъ себя ученика. Возио лишился учителя и покровителя. Нѣсколько времени онъ дѣлалъ немощныя усилія, чтобъ жить въ Парижѣ, гдѣ надѣялся приобрести славу. Онъ искалъ работы и не находилъ ея.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Нужда, можетъ-быть, голодъ, застави-

ди его покинуть отечество. Возвратиться въ Италію къ своимъ родителямъ, онъ не смѣлъ, — и записался рядовымъ въ ирландскій полкъ, изъ котораго скоро дезертировалъ, чтобъ вступить въ другой; дослужившись до офицерскаго чина и накучивъ солдатскою жизнью, Бовіо, мучимый страстью къ искусству, въ послѣдній разъ исчезъ, не простившись ни съ кѣмъ, изъ полка, и отправился въ Италію. Здѣсь онъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, велъ кочующую жизнь Жиль-Блаза-артиста: бродилъ изъ города въ городъ, ища работы и не всегда находя ее, изучалъ творенія образцовыхъ художниковъ, копировалъ для продажи барельефы. Мужественно переносилъ онъ крутые переходы отъ неожиданнаго довольства къ крайней нищетѣ, волновавшіе жизнь его. Его умъ, дарованіе и привлекательная наружность приобрѣтали ему покровителей; но какая-нибудь шалость лишала его этого покровительства на другой же день; нерѣдко бывали этому причиной и политическія движенія или военныя событія, тревожившія въ то время Италію. Наконецъ, отдохнувъ отъ приключеній за изученіемъ древняго искусства въ Римѣ и Неаполѣ, онъ возвратился въ Парижъ въ началѣ имперіи.

Нѣсколько времени жилъ онъ здѣсь въ невѣстности, перебивался кое-какъ, пока, наконецъ, соотечественникъ его, скульпторъ Бартолини, знавшій его еще въ Италіи, представилъ его, какъ молодого талантливаго артиста, директору Наполеоновскаго Музея, Дениу. Баронъ Денонъ былъ тогда въ Парижѣ тѣмъ же, что теперь г. Калѣ, то есть великій раздаватель работъ, злой или добрый гений художниковъ. Денонъ погребовалъ образчики его искусства, и Бовіо сейчасъ же широкимъ широкимъ барельефомъ, представляющимъ ледочивка. Денонъ остался очень доволенъ этою работою, и тотчасъ же заказалъ Бовіо три барельефа для колонны на Валломской-Пло-

щади. — Эти барельефы положили основаніе славы Бовіо.

Тогда еще се всѣмъ жаромъ держались системы подражанія антику, введенной въ искусство Давидомъ. Генераловъ, гренадеровъ и кирасировъ выливали въ какую-то древяную форму, въ условныхъ позахъ. Молодой Бовіо съ перваго шага отступилъ съ общій тропинки; онъ изобразилъ генераловъ и гренадеровъ такими, какіе они были на-самомъ-дѣлѣ, и украсилъ колонну фигурами полными истины въ своихъ позахъ, разнообразными по выраженію. Сначала, это удивило, но, какъ все истинно-прекрасное, скоро понравилось.

Баронъ Денонъ былъ въ восхищеніи, что открылъ такого артиста, — хоть и съ чужою помощію. Съ этой минуты, онъ сдѣлался покровителемъ его и поручилъ ему даже сдѣлать его бюстъ. Задача была трудна и опасна: всѣ золотые сны о богатствѣ и славіи могли разлетѣться дымомъ: Денонъ былъ старъ и страшно-дуренъ собою. Уже многіе артисты напрасно старались найти хоть что-нибудь изящное въ этой головѣ. Но дѣлать было нечего; Бовіо принялся за работу и былъ счастливей своихъ предшественниковъ: бюстъ вышелъ изъ-подъ его руки почти-прекраснымъ; онъ умѣлъ придать лицу Денова благородство и величіе, — и между-тѣмъ, бюстъ былъ очень-схожъ. Директоръ Наполеоновскаго Музея пришелъ до такой степени въ восторгъ отъ работы Бовіо, что порѣшилъ изъ императрицы Жозефинѣ и сказалъ ей, что наконецъ нашелъ артиста, достойнаго воспроизвести черты ея величества. Императрица пожелала испытать его; Бовіо работалъ съ жаромъ и такъ удачно, что Наполеонъ велѣлъ разбить или принять всѣ прочіе бюсты Жозефины, и оставилъ только бюстъ работы Бовіо.

Теперь слава и богатство были для него обезпечены. Онъ былъ не только искуснымъ художникъ: природа дала ему привлекательную, умильную физиономію, веселый и легкій характеръ Итальянца. Скоро онъ сдѣлался люб-

ннѣхъ скульпторовъ при императорскомъ дворѣ.

Безчисленное множество произведеній Бозіо относится къ царствованію Наполеона; замѣчательнѣйшія изъ нихъ: барельефы на вапняцкой колоннѣ, бюсты барона Денона, бюсты императрицы Жозефины, бюсты короля и королевы вестфальскихъ, и статуя королевы Гортензій. Въ этомъ послѣднемъ произведеніи онъ выказалъ столько же художественной ловкости, какъ въ бюстѣ Денона. Трудности были почти-одинаковы; королева была дурна собою и очень - взохотно вѣрила въ эту горькую истину. При всемъ томъ голова статуи поправилась всѣмъ и — была похожа на подлинникъ.

Позже, онъ изобразилъ императрицу Марію-Луизу, князя Талейрана и герцогиню Ровіго. Маршалы, министры, камергеры оспаривали другъ у друга честь видѣть черты свои воспроизведенными въ мраморѣ рѣзцомъ Бозіо.

Самъ Наполеонъ увѣнчалъ славу его, просидѣвъ передъ нимъ нѣсколько минутъ неподвижно. Эта честь была до тѣхъ-поръ только удѣломъ Кановы. Не смотря на то, что императоръ былъ безпокойнѣйшимъ изъ всѣхъ моделей, Бозіо удалось схватить въ мраморѣ большую часть красоты его внѣшней головы.

Многочисленныя работы Бозіо по части портретной скульптуры не позволили ему заниматься и другими отраслями своего искусства. На выставкѣ 1808 года явился его *Амуръ, бросающій стрѣлы*; это произведеніе имѣло успѣхъ чрезвычайный. Императрица со всѣмъ дворомъ своимъ посѣтила ввечеру галерею музея, чтобъ полюбоваться его амуромъ при свѣтѣ факеловъ. Это названіе находится теперь въ Санктпетербургѣ. Нѣсколько времени спустя, Бозіо сдѣлалъ мраморную статую Жозефины. Онъ началъ - было и конную статую императора, которую хотѣли поставить на Іенскомъ-Мосту; маленькая модель ея существуетъ еще и те-

перь. При началѣ реставраціи, онъ окончилъ *Геркулеса, низвергающаго Ахелла*. Это произведеніе было на выставкѣ 1814 года. Лудовикъ XVIII восхищался имъ и купилъ его для Тюльерійскаго-Сада, гдѣ оно и поставлено близъ дворца въ респандъ къ Лаконову.

Бозіо не забылъ вниманія, оказаннаго ему императоромъ, и не боялся громко высказывать свою признательность. Можетъ-быть, именно за это и полюбилъ его Лудовикъ. Когда какой-нибудь завистливый царедворецъ упрекалъ Бозіо въ этой признательности, король говаривалъ: «Бозіо помнитъ оказанныя ему благодѣянія; если это преступленіе, такъ по-крайнѣйшѣ вы должны согласиться, что очень-рѣдкое.»

Лудовикъ XVIII сдѣлалъ его членомъ Академіи Изящныхъ Искусствъ, и поручалъ ему, одну за другою, важныя работы: свой бюстъ, мраморную статую принца ангенскаго, бронзовую конную статую Лудовика XIV, часть украшеній на триумфальной аркѣ Карусельной-Площади, фигуры на монументѣ, воздвигнутомъ въ память Малерба, изображающія Францію и Вѣрность, и наконецъ статую Монтиона.

Эти произведенія, свидѣтельствующія о силѣ его таланта, доставили Бозіо деньги и славу. Для него воскресилъ званіе перваго королевскаго скульптора, и дали ему 4000 франковъ пенсій. Позже, когда онъ окончилъ колесницу на карусельной триумфальной аркѣ, въ самый день открытія ея, Карлъ X, присутствовавшій при церемоніи, далъ ему титулъ барона.

Въ 1816 году, Бозіо выставилъ своего *Гіацинта*, который теперь въ Луксамбургѣ, и *Аристела*, бога садовъ, укращающаго луврскую колоннаду. Мраморная *Нимфа*, которую видѣли на выставкѣ 1837 года, была выставлена въ 1820 году сдѣланною изъ алебаstra.

Лучшее, можетъ-быть, произведеніе Бозіо есть статуя *Генриха IV-ю ребенка*. Въ этой статуй, заказанной для спальни Генриха IV въ замкѣ По, соединяются всѣ отличительныя черты

таланта Бозіо. Артистъ имѣлъ подъ рукою только старинную дрянную гравиру, изображавшую Генриха десяти лѣтъ. По ней Бозіо создалъ твореніе, возбудившее удивленіе всѣхъ. Лудовикъ XVIII пришелъ въ совершенный восторгъ; передъ отправкою ея въ По, онъ велѣлъ вылить изъ серебра модель ея и любовался ею передъ своею жончиною. Бозіо получилъ позволеніе вылить изъ бронзы еще двѣнадцать такихъ моделей. Ихъ раскупили государи и богачи Европы.

Городъ Парижъ заказалъ Бозіо монументъ въ память Лудовика XVIII. Модель въ маломъ видѣ была уже готова; но июльская революція прекратила работу.

Знаменитый артистъ сначала досадовалъ на событіе, лишившее его 4000 франковъ пенсіи и оскорбившее чувство признательности его къ Бурбонамъ. Послѣ революціи, онъ окончилъ прекрасную группу Лудовика XVI и Амела, указывающую на небо. Но артистъ не долго сердился на революцію: въ Луи-Филиппъ онъ нашелъ новаго покровителя искусства, и миръ былъ скрѣпленъ бюстомъ королевы Амаліи.

Послѣ 1830 года, Бозіо слѣлалъ монументъ въ память Демидова, отосланный въ Россію на родину покойнаго и колоссальную бронзовую статую Наполеона, поставленную на булонской колоннѣ.

Послѣ статуи «Нимфы», Бозіо бросилъ рѣзецъ и приваялся за кисть. Онъ написалъ нѣсколько картинъ, въ которыхъ, впрочемъ, нѣтъ ничего особенна-примѣчательнаго.

Въ 1840 году, онъ снова взялся за рѣзецъ и произвелъ *Римлянку* (*Copitiane Romaine*). Многие въ пухъ разбрали это произведеніе, но люди знающіе удивлялись ему.

Въ галереѣ Версальскаго - Музея стоитъ его памятникъ, составленный изъ пяти фигуръ; онъ изображаетъ Францію, Исторію, Живопись, Ваяніе и Архитектуру.

Бозіо заключилъ свое художниче-

ское поприще твореніемъ, дышащимъ юностью и свѣжестью. Его *Индіанка* доказываетъ, что и на склонѣ лѣтъ онъ не утратилъ огня молодости. 76-ти лѣтъ онъ былъ тѣмъ же великимъ артистомъ, котораго уважали Наполеонъ, Лудовикъ XVIII и Карлъ X.

★

**ВОЕННО-УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ,
ПОДЪЕДОМСТВЕННЫЯ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ
ВЫСОЧЕСТВУ ГЛАВНОМУ НАЧАЛЬНИКУ,
ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II-Й.**

Права воспитанія суть верныя основанія, и рѣдуготовляющія насъ быть гражданами.

*Наказъ Коммисіи о составленіи проекта
Новаго Уложенія.*

Съ воцареніемъ Екатерины II-й, войска наши предводимы уже были офицерами, большая часть которыхъ воспитывалась или въ Сухопутномъ Корпусѣ, или въ одной изъ школъ, учрежденныхъ Петромъ-Великимъ въ 1712 году.

Мапштейнъ, въ своемъ сочиненіи «*Mémoires politiques et militaires sur la Russie*», говоритъ: «Знатки, видѣвшіе русское войско, признаются, что пѣхота его принадлежитъ къ числу лучшихъ въ Европѣ. Россія имѣетъ столько хорошихъ военачальниковъ, что немногія европейскія державы могутъ похвалиться не только числомъ, но даже и нѣсколькими подобными.»

Такой отзывъ вполне могъ бы удовлетворить нашей народной гордости, еслибъ показанія иностранцевъ о Россіи заслуживали болѣе довѣрія. Къ сожалѣнію, мы не всегда можемъ вѣрять на слово тому, что писали во время онъ и что пишутъ теперь о насъ въ

Европѣ. Одни черезъ-чуръ насъ превозносятъ, другіе на-позвалъ ругаютъ, и какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ — мало искренности. Повѣрить же отзывъ Манштейна не трудно; надобно только ознакомиться съ устройствомъ тогдашнихъ военно-учебныхъ заведеній, изъ питомцевъ которыхъ образовались герои Кунерсдорфа, Кагула, Очакова, Рымника и Измаила. Устройство это вполне сообразовалось и съ требованіями времени и съ степенью образованія войскъ. Во всякомъ случаѣ, съ достовѣрностью можно сказать, что просвѣщеніе стало проглядывать въ рядахъ нашей арміи только со времени Анны Иоанновны; въ вѣкъ же Екатерины, оно обратилось, для русскихъ офицеровъ, въ необходимую потребность.

Послѣ кончины Императора Петра III, за исключеніемъ Артиллерійской и Инженерной Школы, существовалъ всего одинъ кадетскій корпусъ, что теперь Первый-Кадетскій, подъ названіемъ *Сухопутнаго Шляхетнаго Кадетскаго*. Онъ основанъ въ самомъ началѣ царствованія Анны Иоанновны (1731 года) и помѣщался, какъ и теперь помѣщается, на Васильскомъ-Островѣ, въ домѣ, принадлежавшемъ князю Меншикову, любимцу Петра-Великаго. Но одного корпуса было уже недостаточно для приготовленія въ русскую армію свѣдущихъ офицеровъ, а потому Императрица и не замедлила обратить вниманіе на проектъ, который былъ составленъ еще въ царствованіе Елизаветы Петровны бывшимъ тогда генерал-фельдцейхмейстеромъ, графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ, — о переобразованіи Артиллерійской и Инженерной Школы въ Шляхетный Кадетскій Корпусъ. Проектъ этотъ, поднесенный императрицѣ въ первый годъ ея царствованія генерал-фельдцейхмейстеромъ, Александромъ Никитичемъ Вильбоа, содержалъ въ себѣ уставъ, штатъ и табель, по которымъ на содержаніе новаго Кадетскаго Корпуса положено было 32,799 рублей. Въ эту

сумму включены были прежде-положенные на содержаніе Артиллерійской и Инженерной Школы, 10,971 рубль, а остальные 21,828 рублей генерал-фельдцейхмейстеръ нашелъ возможнымъ дополнять изъ артиллерійской экономической суммы.

Въ концѣ августа 1762 года, государыня отправилась со всѣмъ дворомъ въ Москву, гдѣ 22 сентября того же года совершенъ былъ обрядъ коронованія. Но среди великолѣпныхъ празднествъ и увеселеній, которыя послѣдовали за этимъ торжественнымъ днемъ, Императрица не забыла о поднесенномъ ей генерал-фельдцейхмейстеромъ проектѣ. 25 октября 1762 года, въ присутствіи своемъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, она высочайше утвердила этотъ проектъ, подписавъ на немъ собственноручно: *Быть по сему, и на первые два года помочь дѣлать генерал-фельдцейхмейстеру по двадцати тысячъ на годъ* (*).

Такимъ-образомъ, съ 1762 года, Артиллерійская и Инженерная Школа стала уже именоваться *Артиллерійскимъ и Инженернымъ Шляхетнымъ Кадетскимъ Корпусомъ*, что теперь Второй-Кадетскій. Въ немъ положено было содержать 146 кадетъ изъ дворянскихъ дѣтей: три части изъ природныхъ Русскихъ, а четвертая изъ Ляндцевъ, Эстляндцевъ и иностранцевъ. Впрочемъ, иностранцы, до опредѣленія въ корпусъ, должны были обязаться па вѣчное Россіи подданство. Всѣ кадеты составляли одну роту, въ которой полагалось 40 бомбардировъ (они же назывались и гренадерами). Корпусъ оставался на Петербургской-Сторонѣ, въ прежнемъ деревянномъ строеніи Артиллерійской и Инженерной Школы.

Обучать кадетъ положено было: арифметикѣ, геометріи, алгебрѣ, механикѣ и гидравликѣ, артиллеріи и сейсверверочному искусству, фортификаціи, гражданской архитектурѣ, физикѣ

(*). «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», томъ XVI, № 11,606.

кѣ, химіи, исторіи, географіи, нѣмецкому и французскому языкамъ, рисованію, военной экзерциціи, фехтованію и танцованію. Преподаваніе гидравлики полагали особенно-нужнымъ для инженера, потому-что ему, какъ сказано въ проектѣ, часто случается дѣлать плотныя, шлюзы и разныя машины для выливанія воды. Основательное знаніе гражданской архитектуры считалось также необходимою для инженеровъ на томъ основаніи, что имъ поручалось строеніе не только казенныхъ зданій въ крѣпостяхъ, но и частныхъ домовъ. Химія же преподавалась исключительно артиллеристамъ, ибо, сказано въ проектѣ, *вся артиллерія состоитъ изъ металла и дѣйствуетъ къкимъ химическимъ составомъ, который мы порохомъ называемъ; о семъ толкуеть химія.*

Учителѣи повелѣвалось опредѣлять въ корпусъ только такихъ, которые могли представить о себѣ одобрительныя аттестаты. Въ противномъ случаѣ, они подвергались при корпусѣ особому испытанію (*). Для преподаванія же артиллеріи и фортификаціи, желательно было выбрать изъ артиллеристовъ или инженеровъ двухъ свѣдущихъ капитановъ.

Любопытво взглянуть, въ какомъ видѣ и объемѣ преподавались послѣдніи двѣ науки въ этомъ вновь-преобразованномъ заведеніи, исключительно-предназначенномъ для приготовленія свѣдущихъ артиллеристовъ и инжене-

(*) Въ приписанныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, на основаніи Высочайше-утвержденнаго въ 1836 году Положенія о службѣ до учебной части при военно-учебныхъ заведеніяхъ сухопутнаго вѣдомства, испытаніе преподавателямъ состоитъ въ конкурсѣ и представленіи сочиненія по предмету той науки, которую кандидатъ преподавать намѣренъ. Конкурсъ для преподавателей, желающихъ поступить въ Санкт-петербургскіе столычные кадетскіе корпусы, назначается обыкновенно въ Штабѣ Его Императорскаго Высочества главнаго начальника, въ присутствіи инспекторовъ классовъ и старшихъ учителей.

ровъ. Артиллерія, на-примѣръ, раздѣлялась на двѣ части: первая трактовала о томъ, какъ дѣлать машины, дѣйствующія огнемъ, и составъ, который огонь производить; вторая, какъ употреблять эти машины. Слѣдовательно, въ первую часть входило изученіе свойствъ металла, какія обстоятельства при растопленіи его бывають, и что, при дѣланіи печей, на то употребляемыхъ, примѣчать надлежитъ. Въ этой же части объяснялось дѣланіе пороха, изъ какихъ матерій онъ составляется, отъ-чего сила его прибавлена или уменьшена быть можетъ, и наконецъ, какое и при какихъ обстоятельствахъ онъ дѣйствіе имѣеть. Во второй части объясняли употребленіе артиллерійскихъ орудій, на-примѣръ, какъ дѣйствовать пушкою и что при томъ наблюдать надлежитъ; потомъ изъясняли свойство кривой линіи, которую описываетъ бомба въ своемъ параболическомъ полетѣ; дѣйствіе сопротивленія воздуха на движущееся въ немъ твердое тѣло, а въ заключеніе всего этого, показывали способы, какъ бомбу, на данное разстояніе, изъ мортиры бросать. Вотъ все, что входило тогда въ преподаваніе артиллеріи. Фортификація же вообще раздѣлялась на три части: какъ крѣпости укрѣплять, какъ атаковать ихъ и какъ оборонять отъ непріятеля. На основаніи этого подраздѣленія, первая часть, заключавшая въ себѣ остростіе крѣпостей, объясняла, какъ разбивать крѣпости на поля, какъ укрѣплять фундаменты и вводить каменную стѣну, какъ закладывать *утерени, сутерени*, и проч. Вторая объясняла правила, какъ мѣсто окружить, какъ расположить и укрѣпить лагери, открыть и вести траншею, идти сапою и спускаться въ ровъ. Наконецъ, послѣдняя часть фортификаціи трактовала о томъ, какія осторожности наблюдаются при оборонѣ крѣпости, какъ дѣлаются *фугасы, фурпели, контр-апроши* и *абшипы*, въ какомъ случаѣ употребляютъ *вылазки*, и какія берутся *мѣры* для открытія *непріятельскихъ подконовъ.*

Нѣтъ сомнѣнія, что подобное рас-
предѣленіе преподаванія двухъ глав-
ныхъ предметовъ въ заведеніи, кото-
рое тогда, по всей справедливости,
могло считаться *спеціальнымъ*, должно
намъ казаться не совсѣмъ-удовлетвори-
тельнымъ; но въ то время оно вполне
удовлетворило требованіямъ обихъ
наукъ, особливо артиллерійской, кото-
рая такъ недавно еще, изъ разряда
ремесла, перешла въ разрядъ пред-
метовъ учебныхъ. Кто сколько-нибудь
знакомъ съ учебниками, по которымъ
преподавалась артиллерія семьдесятъ
лѣтъ назадъ въ Россіи, тотъ лег-
ко пойметъ, что въ половинѣ прошед-
шаго вѣка трудно было составить про-
грамму для преподаванія этой науки
удовлетворительнѣе той, которую мы
здесь представили. Михайло Дани-
ловъ, на вопросъ объ основаніи артил-
леріи, заданный ему его пріятелемъ,
отвѣтилъ, въ 1762 году, цѣлою книгою,
которую и напечаталъ при Импера-
торскомъ Московскомъ Университе-
тѣ (**). Въ предисловіи авторъ, между
прочимъ, говоритъ: «Желáющему ар-
тиллеристомъ быть, надлежитъ знать,
« какъ слѣдуетъ орудіе, и употреблять
« оное съ пользою. А сіе знаніе и упот-
« ребленіе съ пользою, раздѣляю я на
« двое, то-есть, на теорію и практику
« артиллерійскую; къ теоріи отношу я
« ариметику, геометрію и механику,
« а къ практикѣ военную лаборато-
« рію. — Вотъ какъ рассуждалъ у насъ
« объ артиллеріи въ шестидесятыхъ го-
« дахъ минувшаго вѣка — люди, славив-
шіеся своею ученостію! Не имѣя рѣ-
шительно никакого понятія объ уст-
ройствѣ артиллеріи, какъ особаго рода
войска, о соединеніи ея съ другими
войсками и объ употребленіи ея про-
тивъ непріятеля въ полѣ, — словомъ, о
тактическомъ назначеніи артиллеріи,
наши доморощенные пушкаріи, со вре-

менъ еще Петра-Великаго, составили
между собою какую-то особую касту,
твердо вѣруя въ предрассудки прежня-
го времени и упорно противясь всяко-
му новому изобрѣтенію, сколько бы
оно полезно ни было. Между-тѣмъ,
какъ въ Пруссіи, въ такъ-называемыхъ
полковыхъ коллегіяхъ, существовав-
шихъ еще прежде учрежденія въ Бер-
линѣ, Бреславлѣ и Кёнигсбергѣ ар-
тиллерійскихъ академій, начинали
уже включать въ число предметовъ
преподаванія ученіе объ употребленіи
артиллеріи противъ непріятеля, наши
воспитанники Артиллерійской Школы
продолжали заниматься артиллерій-
скими искусствами, какъ ремесломъ.

Экзаменъ въ наукахъ положено бы-
ло производить ежегодно, въ присут-
ствіи артиллерійскаго и инженернаго
генералитета, тѣми штаб-офицерами,
которыхъ назначить самъ генералъ-
фельдцейхмейстеръ. Воспитанники,
удостаиваемые къ выпуску, имѣли
право на производство изъ сержан-
товъ и унтер-офицеровъ въ подпору-
чики, а изъ капраловъ и надетъ — въ
припорѣжники или штык-юнкеры. Не-
равныя же и слабыя понятіяи,
*чтобы не издерживать на ихъ содержа-
ніе напрасно кошта*, предположено бы-
ло выпускать унтер-офицерами и да-
же, по усмотрѣнію, рядовыми.

Изъ прежней Ариметической и
другихъ наукъ Школы, которая еще
въ 1735 году основана была при Ар-
тиллерійской Школѣ, учредилась при
корпусѣ Школа Художествъ. Въ ней
повелѣно было содержать 150 дѣтей
кавалеріи и другихъ артиллерій-
скихъ и инженерныхъ служителей,
изъ коихъ 100 должны были готовитъ-
ся для замѣщенія унтер-офицерскихъ
вакансій, а 50 въ мастеровые и худож-
ники. Первыхъ положено было учить:
арифметикѣ, геометріи, артиллеріи,
фортификаціи, рисованію и военной
экзерциціи, а послѣднихъ, сверхъ
арифметики и геометріи, мастерствамъ,
къ коимъ они готовились: фейервероч-
ному, пороховому, слѣсарному, чекан-
ному и другимъ. Для поощренія же

(**) Начальное знаніе теоріи и практикы
въ артиллеріи, съ приобщеніемъ гидроста-
тическихъ правилъ съ задачами, собранное
капитаномъ артиллеріи М. Даниловымъ,
1762 года.

воспитанниковъ Школы Художествъ, дозволялось отличѣйшихъ изъ нихъ производить въ обер-офицеры, съ назначеніемъ ихъ въ артиллерійскій или инженерный гарнизоны, или въ такія мѣста, гдѣ служба сопряжена съ маукою.

Штаб-офицеры и обер-офицеры, какъ въ Кадетскій Корпусъ, такъ и въ Школу Художествъ, назначены были изъ артиллеріи и инженернаго вѣдомства, и большею частію такіе, которые не только нравственностью, но и познаниями своими могли служить образцами воспитанникамъ. Вообще же, по штату, въ корпусѣ положены были: 1 подполковникъ (*), 1 майоръ, 1 капитанъ (**), 2 поручика, 2 подпоручика, 2 штык-юнкера и 1 адъютантъ, а въ Школѣ Художествъ: 1 поручикъ и 1 штык-юнкеръ. Унтер-офицеры и капралы, сверхъ содержанія, получали и жалованье, отъ 18 до 20 рублей въ годъ.

Окончательное преобразование школы въ Кадетскій Корпусъ послѣдовало не ранѣе января 1763 года. Въ это время, въ оба заведенія опредѣлены были новые учителя; но пріемъ воспитанниковъ, какъ въ Кадетскій Корпусъ, такъ и въ Школу Художествъ, на время прекратился. Кадеты же, поступившіе въ корпусъ прежде 1763 года, соединены были въ одну роту, въ которой состояло четыре сержанта, одинъ капралъ, одинъ фурьеръ, восемь капраловъ, 26 бомбардировъ и 44 кадета. Общаго стола еще не было, но, вмѣсто прежняго жалованья (*), выдавались столовые деньги: кадетамъ по девяти, а школьникамъ по три съ половиною копейки въ день, что

(*) Командиръ корпуса.

(**) Командиръ роты.

(*) Ученики прежнихъ обѣихъ школъ, артиллерійской и инженерной, до соединенія ихъ въ одно заведеніе, получали жалованье: въ классѣ артиллеріи и фортификаціи по 36 руб. въ годъ, въ классѣ геометріи и тригонометріи по 24 руб., а въ классѣ арифметики по 18 рублей.

продолжалось до 1764 года. Наконецъ, и самую контору школы переименовали въ Канцелярію Артиллерійскаго и Инженернаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса. Въ ней, по-прежнему, присутствовали подполковникъ и майоръ; она завѣдывала всею хозяйственною частію корпуса, однако, мимо генерал-фельдцейхмейстера, не сносилась ни съ какими присутственными мѣстами и не заключала контрактовъ.

Въ 1765 году, по распоряженію генерал-фельдцейхмейстера Вильбоэ, корпусная типографія начала печатаніе книгъ; даны были также въ это время корпусу два трех-фунтовые единорога, чтобъ, въ свободное отъ классовъ время, обучать кадетъ стрѣльбѣ изъ орудій и артиллерійскимъ приѣмамъ.

Въ 1763 году, совѣмъ не было выпуска изъ корпуса; въ слѣдующемъ же 1764, отправлено, по Высочайшему повелѣнію, двѣнадцать небогатыхъ кадетъ на перчинскіе серебряные заводы, для обученія ихъ горному и плавильному мастерствамъ. Но съ 1765 года, со времени вступленія въ должность генерал-фельдцейхмейстера, графа, въ послѣдствіи князя, Григорія Григорьевича Орлова, начались уже ежегодные выпуски въ офицеры: въ артиллерію и инженерный корпусъ юнкерами и прапорщиками, а въ армію подпоручиками. Притомъ, съ 1770 года, графу Орлову подавались отъ корпуса каждую треть списки о всѣхъ кадетахъ, съ означеніемъ лѣтъ ихъ, поведенія и успѣховъ въ наукахъ. Руководствуясь этими списками, графъ представлялъ кадетъ въ офицеры, по мѣрѣ поступавшихъ къ нему изъ арміи и другихъ мѣстъ требованій.

Пока школа переобразовывалась въ Артиллерійскій и Инженерный Корпусъ, въ Сухопутномъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, что теперь Первый-Кадетскій, послѣдовали слѣдующія измѣненія. Въ 1763 году, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, получивъ увольненіе отъ занимаемой имъ должности главнаго директора, отправился за

границу; вместо его вступилъ генерал-майоръ (въ-последствіи, генерал-фельд-маршалъ) князь Николай Васильевичъ Рѣпинъ, внукъ знаменитаго сподвижника Петра-Великаго и сынъ генерал-фельдцейхмейстера, князя Н. В. Рѣпина, который, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, главнымъ начальствовалъ надъ всѣми тогдашними сухопутными военно-учебными заведеніями. Но князь П. В. Рѣпинъ оставался только нѣсколько мѣсяцевъ главнымъ директоромъ: Императрица, осенью того же года, отправила его въ Варшаву, возложивъ на него весьма важную, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, порученіе—избраніе въ польскіе короли, послѣ смерти Августа III, литовскаго стольника, графа Станислава Понятовскаго. За отсутствіемъ князя, временное управленіе корпусомъ поручено было генерал-майору Филоффову.

Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, болѣе другихъ сановниковъ прославилъ себя на поприщѣ общенациональнаго воспитанія—Иванъ Ивановичъ Бецкій (*). Это былъ вельможа

(*) Дѣйствительный тайный совѣтникъ. Хотя показанія о мѣстѣ воспитанія его различны, однако есть основательныя причины думать, что онъ получилъ образованіе въ Копенгагенскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. По-крайней-мѣрѣ, въ одномъ изъ изсужденій своихъ о физическомъ воспитаніи, И. И. Бецкій часто вспоминаетъ о томъ, какъ онъ, будучи кадетомъ въ Копенгагенскомъ Корпусѣ, ходилъ въ казачь, стоялъ на часахъ въ несчастное время, и проч. Бецкій скончался въ Петербургѣ 31 августа 1798 года, въ званіи Дѣйствительнаго камергера, главнаго директора надъ строеніями императорскихъ омовъ и садовъ, президента Академіи художествъ, главнаго попечителя Воспитательнаго Дома, попечителя Общества воспитанія Благородныхъ Дѣвицъ и члена Общества Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса. Въ 1772 году, съ дозволенія Императрицы, Правительствующій Сенатъ поднесъ ему золотую медаль, съ надписью: *за любовь къ отечеству*; поднесъ эту медаль, генерал-прокуроръ, князь Вяземскій,

просвѣщенный и согрѣтый любовью къ государственной пользѣ. Имя его останется незабвеннымъ въ памяти всякаго благомыслящаго Русскаго.

Возвратясь въ послѣдніе годы царствованія императора Петра-Великаго изъ-за границы, гдѣ онъ получилъ блестящее образованіе, И. И. Бецкій, вступилъ на службу по Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и около двадцати лѣтъ употребляемъ былъ курьеромъ къ разнымъ европейскимъ дворамъ. Но, по вступленіи на престолъ императрицы Екатерины II, открылось болѣе-обширное поприще для его дѣятельности, главнымъ предметомъ которой избралъ онъ заботы о преобразованіи и усовершенствованіи общенациональнаго воспитанія въ Россіи. Въ мартѣ 1765 года, исполняя волю государыни, Бецкій представилъ ей, въ видѣ доклада, главнѣйшія основанія о воспитаніи юношества обоего пола. Въ-последствіи, основанія эти послужили Бецкому руководствомъ къ составленію уставовъ для всѣхъ вообще учебныхъ заведеній, тогда учреждавшихся, а между прочимъ и для Сухопутнаго Корпуса.

Въ 1765 году, императрица, именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 7-го марта (*), приняла Сухопутный Корпусъ подъ непосредственное свое вѣдѣніе. Этимъ же указомъ повелѣла она управлять корпусомъ генерал-поручи-

между прочимъ, сказалъ: «Сенатъ, получивъ Высочайшее Ея Императорскаго Величества позволеніе и изъявъ свою благодарность сею вручаемой вамъ медалью, означающею любовь вашу къ отечеству, надѣется побудить прочихъ согражданъ своихъ къ ревнованію объ общемъ благѣ.» Кроме плановъ и уставовъ почти для всѣхъ тогдашнихъ воспитательныхъ и учебныхъ заведеній въ Россіи, написанныхъ Бецкимъ, ему принадлежитъ также сочиненіе, подъ заглавіемъ: *Полная Система Публичнаго и Privateннаго Воспитанія обоего пола и различныхъ сословій, 1789—1791 г.*, въ тип. Шпора.

(*) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», томъ XVII, № 12349.

зу Бецкому, то-есть, принимать всѣ словесные по управленію корпусомъ указы государыни и приводить ихъ въ исполненіе. Вскорѣ послѣ сего Бецкій, по Высочайшей волѣ, занялся составленіемъ новаго устава и штата для вѣрнѣшаго его ближайшему надзору ввведенія. Уставъ этотъ утвержденъ именнымъ указомъ, даннымъ Сенату 11-го септября 1766 года. Особенно любопытнѣе разсужденіе, послужившее руководствомъ къ составленію устава; оно напечатано цѣлкомъ въ „Полномъ Собраніи Законовъ Россійской Имперіи“ (*). Волѣвъ за этимъ разсужденіемъ, И. И. Бецкій весьма - подробно опредѣляетъ качества и обязанности воспитанниковъ, поситившихъ себя воспитанію кадетъ. Такъ, на-примѣръ, разсуждая о генерал-директорѣ, онъ говоритъ, что въ эту должность надобно избирать заслуженнаго война, который отличался бы человѣколюбіемъ, протостію и обходительностью, но, гдѣ нужно, умѣлъ бы быть и строгимъ. Во всемъ дѣлахъ надлежитъ ему быть разсудительнымъ, въ мнѣніяхъ безпристрастнымъ, въ рѣшеніи не медлительнымъ, но прежде оная всякое дѣло разобрать и узнать, и какъ скоро дастъ посылки, должно исполнено быть въ точности. Въ такомъ же духѣ разсуждаетъ Бецкій и о корпусныхъ штаб-офицерахъ и обер-офицерахъ: всѣ они должны быть люди образованные, учтивые и ласковые, а главное — ознакомившіеся съ военскими дѣломъ опытами нѣсколькихъ кампаній. Прямая обязанность этихъ офицеровъ, во-первыхъ, довести кадетъ до совершеннаго познанія, порядка и порядковъ, а во-вторыхъ, ласково и добродѣтельно склонить воспитанниковъ къ тому, чтобъ они сами избирали для себя полезныя занятія и презъ то отаращались бы отъ праздноствія. Въ заключеніе, И. И. Бецкій представляетъ цѣлымъ трактатъ о означенномъ, устроенномъ и правленномъ воспитаніи кадетъ, при которомъ приложены разныя наставленія и прихв-

чанія, заимствованныя имъ большею частью у Вегенія, Монтаня, Пуссендорфа, Локка, Сент-Эвремона, Монтескью, Савинеса и многихъ другихъ писателей.

По утвержденіи устава, корпусъ именованъ былъ *Императорскимъ Сухопутнымъ Шляхетнымъ Кадетскимъ*, и порученъ управленію особаго совѣта, котораго члены назывались самою императрицею. Во время собраній совѣта, которые обыкновенно бывали въ первыхъ числахъ маіаго мѣсяца, у дверей его залы становили на часы двухъ кадетъ.

По новому уставу, число кадетъ осталось то же самое, какое было и прежде, но, вмѣсто прежнихъ шести ротъ, учреждены пять возрастовъ: первый отъ пяти и шести до девяти лѣтъ, второй отъ девяти до двѣнадцати, третій отъ двѣнадцати до пятнадцати, четвертый отъ пятнадцати до восемнадцати, пятый отъ восемнадцати до двадцати-одного. Прежде принимались молодые люди въ корпусъ во всякое время, когда только были вакансіи; по новому же уставу положено было принимать въ кадеты не иначе, какъ чрезъ каждые три года и не старѣе шести лѣтъ отъ роду. Слѣдовательно, воспитанникъ, поступившій въ корпусъ шести лѣтъ, могъ выйти изъ него не прежде, какъ чрезъ пятнадцать лѣтъ, потому-что онъ долженъ былъ пробыть въ каждомъ возрастѣ по-крайней-мѣрѣ три года. Въ слѣдствіе этого требовалось отъ родителей письменное объявленіе въ томъ, что они отдають дѣтей своихъ въ корпусъ не меньше какъ на пятнадцать лѣтъ, и что, по истеченіи срока, они не будутъ требовать ихъ обратно. Кромѣ этого, каждый кандидатъ, при опредѣленіи въ корпусъ, долженъ былъ представить свидѣтельства о крещеніи и дворянскомъ происхожденіи. Кадеты першаго возраста были подчинены женскому надзору, который состоялъ изъ одной управительницы и десяти воспитательницъ. Онѣ обязаны были надзирать за порученными имъ дѣтьми и

(*) Томъ XVII, № 12741.

не отлучаться отъ нихъ ни днемъ, ни ночью. Воспитанники же четырехъ остальныхъ возрастовъ состояли подъ надзоромъ военныхъ офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ. Кадетъ, достигнувъ до четвертаго возраста, имѣлъ право избирать для себя гражданскую службу, но не иначе, какъ по уважительнымъ причинамъ, какъ-то: по склонности, состоянію здоровья, и т. п. Но, при переходѣ въ пятый возрастъ, кадеты этимъ правомъ уже не пользовались и должны были до самаго выпуска продолжать тотъ курсъ наукъ, который избирали они при переходѣ въ четвертый возрастъ. Воспитанникамъ двухъ старшихъ возрастовъ, кромѣ собраній, которыя давались въ самомъ корпусѣ и на которыя они всегда были приглашаемы, дозволялось, въ большіе праздники и *ремондальные дни*, являться по вѣсколку человекъ ко двору, въ сопровожденіи директора корпуса, офицеровъ или профессоровъ. Вообще, скакну въ устаѣхъ, пятый возрастъ *долженствуетъ* быть жатвою побѣннаго въ предыдущіе четыре, а потому воспитанники этого возраста должны побольше просвѣщаться собственнымъ умомъ разсудкомъ и обдумывать зашше обязанности того назначенія, которое готовится имъ по выходѣ ихъ въ корпусъ. Но увольненіе кадетъ соора было вовсе прекращено, на томъ пованіи, что *частое съ людьми безъ збору обхожденіе весьма вредительно, наипаче во время воспитанія такою пошества, которое *долженствуетъ* неостанно *взирать* на подаваемые ему цимры и образцы добродѣтели.* Для плавія же кадетъ съ самими ближними родственниками, назначены бы, въ самомъ корпусѣ, особые часы, воскреснымъ днямъ, но не иначе, въ въ присутствіи корпуснаго нацства.

Посвятивъ всю свою жизнь на улучшение общественнаго воспитанія, Бей не могъ не понимать, что приобретіе сокровищъ знанія зависитъ бо-е всего отъ улучшения способствъ,

которыя они приобретаются, а потому онъ, въ своемъ уставѣ, обратилъ особое вниманіе на то, чтобъ приспособить преподаваніе наукъ къ понятіямъ воспитанниковъ каждаго возраста. Такъ, на-примѣръ, въ младшемъ возрастѣ, кромѣ Закона Божія, не преподавалась ни одна наука. Дѣтей этого возраста учили только иностраннымъ языкамъ, рисованію, танцованію, а въ послѣднемъ годѣ—*писать цифири.*

Во *второмъ* возрастѣ начинали слегка знакомить воспитанниковъ съ первыми началами географіи, хронологіи, исторіи, ариметики, геометріи и славянскаго языка. Сверхъ-того, преподавали имъ *учтивство и доли благопристойности.*

Въ *третьемъ* возрастѣ, кромѣ помннутыхъ наукъ, преподававшихся уже въ большемъ объемѣ, прибавлены были еще слѣдующія: основаніе воинской и гражданской архитектуры и бухгалтерія.

Въ *четвертомъ* возрастѣ оканчивался курсъ всѣхъ наукъ, начатыхъ въ трехъ младшихъ возрастахъ; сверхъ-того, преподавались еще: 1) упражненіе истиннаго христіанна и честнаго человека; 2) права (естественное, народное и государственное); 3) политическая экономія; 4) физика; 5) астрономія; 6) географія вообще; 7) навигация или свѣдѣніе о морскомъ искусствѣ; 8) естественная исторія; 9) фортификація и артиллерія; 10) химія и 11) *красовѣчіе и энтомоція.*

Наконецъ, въ *пятомъ* возрастѣ: 1) окончаніе наукъ четвертаго возраста; 2) Законъ Божій, яко *первое всему основаніе*, и 3) всѣ части воинскаго искусства, съ теоретическими и практическими доказательствами, посредствомъ примѣрныхъ осадъ, оборонъ, сраженій и проч.

Кадеты, окончившіе полный курсъ воспитанія въ корпусѣ, поступали на службу, смотря по ихъ поведенію и успѣхамъ въ наукахъ, прапорщиками, подпоручиками и даже поручиками. Экзамены производились генерал-ди-

ректоромъ: *первому и второму* возвращать каждые четыре мѣсяца, а *третьему* два раза въ годъ. Въ старшихъ же возрастахъ производились экзамены одинъ разъ въ годъ, въ присутствіи генерал-директора и всѣхъ членовъ совѣта. Воспитанники, отличившіеся на экзаменѣ, получали медали: въ *пятомъ* возрастѣ золотыя, а въ *четвертомъ*—серебряныя. Удостоенные такой награды носили на кафтанахъ разной величины золотыя и серебряныя нашивки, состояшія изъ лавровата вѣнка, съ корпуснымъ гербомъ внутри (*). Раздача медалей производилась съ приличною важностію, въ присутствіи знатнѣйшихъ особъ обоего пола и при собраніи всѣхъ чиновниковъ и кадетъ корпуса. Раздавалъ медали старшій изъ членовъ совѣта отъ имени императрицы. Кромѣ этого лестнаго поощренія, молодые люди, выпущенные изъ корпуса и получившіе въ старшемъ возрастѣ золотую медаль, съ согласія ближайшихъ своихъ родственниковъ имѣли право путешествовать три года въ чужихъ краяхъ, на счетъ казны корпуса. Совѣтъ обязанъ былъ опредѣлить для сего предмета особую сумму.

Въ 1767 году, января 20, послѣдовалъ и штатъ корпуса, увеличившій сумму на годовое его содержаніе до 165,000 рублей.

(*) Императрица Анна Иоанновна, основательница Кадетской Академіи или Сухопутный Шляхетный Кадетскій Корпусъ, пожаловала ему и гербъ, на коемъ изображены: вѣнокъ изъ лавра и пальмы, а внутри его меркуріевъ жезлъ и рыцарскій мечъ, положенные одинъ на другой крестообразно. Меркуріевъ жезлъ—символъ просвѣщенія; лавръ—эмблема торжества, славы; пальма—побѣды и одолженія. Два меча, сложенные крестообразно, составляли нѣкогда гербъ ордена ливонскихъ рыцарей; такой же крестъ составляетъ и гербъ корпуса: изъ меча, поднятаго остриемъ вверхъ и жезла; что все вмѣстѣ знаменуетъ войну и просвѣщеніе. Замѣтимъ еще, что въ царствованіе Анны Иоанновны кадетскіе классы назывались *Рыцарскою Академією*.

Представивъ отчетъ о двухъ уставахъ, написанныхъ для существовавшихъ въ шестидесятыхъ годахъ минушаго вѣка кадетскихъ сухопутныхъ корпусовъ, приступивъ къ краткому обзору тѣхъ измѣненій, болѣе или менѣе примѣчательныхъ, которыя послѣдовали въ обояхъ корпусахъ: въ Шляхетномъ Сухопутномъ—со дня утвержденія устава, составленнаго Бецкимъ, а въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ, со времени окончательнаго его преобразованія по проекту Шувалова.

Въ 1771 году, по высочайшему повелѣнію, графъ Орловъ предислалъ Мордвинову, произведенному въ это время въ генерал-майоры, принять Артиллерійскій и Инженерный Шляхетный Корпусъ въ свое командованіе. Изъ дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Втораго Кадетскаго Корпуса, видно, что самъ Мордвиновъ получилъ образованіе въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ и, почти съ первыхъ лѣтъ своей службы, употребляемъ былъ при воспитаніи юношества. Еще въ 1769 году, въ чинѣ инженер-прапорщика, онъ былъ опредѣленъ въ Инженерную Школу въ помощь командиру; потомъ, въ 1757, самъ былъ командированъ Инженерной, а наконецъ Артиллерійской и Инженерной Школы. По волѣ императрицы, съ производствомъ въ генерал-майоры, онъ принялъ и Кадетскій Корпусъ въ свое командованіе.

Время управленія Мордвинова корпусомъ богато многими полезными улучшеніями. Въ 1771 году, по его представленію, графъ Орловъ разрѣшилъ опредѣлять въ корпусъ до сорока сверх-комплектныхъ кадетъ, преимущественно дѣтей небогатыхъ родителей; дѣти эти, до поступленія въ компанскіе, должны были платитъ только за пищу и одежду. Корпусная типографія, бывшая съ нѣкотораго времени въ бездѣйствіи, снова привнесена въ надлежащее устройство и съ 1773 года отдана на откупъ, на выгол-

въ для корпуса условіяхъ (*). На-
поръ за преподаваніемъ въ классахъ,
Горвиновъ поручилъ корпусному
одполковнику и учителю артиллеріи,
Бельяшеву-Вольпцеву, который съ
этого времени назывался *директоромъ*
надъ классами. Наконецъ, для руковод-
ства какъ директору надъ классами,
такъ и другимъ чинамъ корпуса, Мор-
виновъ составилъ подробную ин-
струкцію, которая оставалась неиз-
менно во все время его управленія
заведеніемъ, что продолжалось до 1782
года.

Въ октябрѣ 1772 года (**), дозволено
Ейшительному тайному совѣтнику
епкому содержать на собствен-
номъ своемъ иждивеніи при Сухопут-
номъ Корпусѣ четырехъ воспитанни-
ковъ (***) . Въ этомъ же году, по докла-
ду Бецкаго (****), высочайше повелѣ-
но принимать въ Сухопутный Кор-
пусъ, чрезъ каждые три года, вмѣстѣ
съ кадетами, отъ четырнадцати до
двѣнадцати иѣщанскихъ дѣтей, чтобъ
образовать изъ нихъ для корпуса вос-
питателей и учителей. Докладъ этотъ,
какъ и всѣ другіе доклады Бецкаго,
записанъ умно и дѣльно. Представляя,

(*) Типографщикъ Клеенъ, взявшій ти-
пографію на откупъ, обязался печатать
для корпуса книги, съ уступ-
кою 30 процентовъ противъ цѣны въ ти-
пографіи Академіи Наукъ; сверхъ того,
платилъ Корпусу сначала 150, потомъ 200,
наконецъ 250 рублей въ годъ. Въ 1784
году, корпусная типографія, по ветхости
станковъ и литеръ, была совсѣмъ уни-
вожена.

(**) «Полное Собраніе Законовъ Россій-
ской Имперіи», томъ XIX, № 13867.

(***) Кромѣ этихъ воспитанниковъ, Иванъ
вановичъ содержалъ, на собственномъ
ишемъ иждивеніи, при Смольномъ-Мона-
стырѣ и при Академіи Художествъ иѣ-
олько воспитанниковъ и воспитанницъ,
прочіе продолженіе этого содержанія
въ будущее время вносимъ значительныхъ
суммъ въ Ломбарды! (*Исторія царствованія*
Государыни Императрицы Екатерины
I, соч. Лаврента, часть II.)

(****) «Полное Собраніе Законовъ Рос-
сійской Имперіи», томъ XIX, № 13895.

съ какою-либо трудовъ заведенія приобрѣ-
тають себя достойныхъ воспитателей,
Иванъ Ивановичъ говоритъ, что боль-
шею частію принимаютъ такихъ, ко-
торыхъ вовсе не знаютъ, а потому ча-
сто принуждены бываютъ перемѣнять
ихъ, что для воспитанія бесполезно,
для начальниковъ прискорбно, а для са-
мыхъ воспитанниковъ крайне-вредно.
Иѣщанскія же дѣти, которыя окон-
чаютъ курсъ наукъ въ корпусѣ, обяза-
ны будутъ этому заведенію всѣмъ сво-
имъ благополучіемъ, а слѣдовательно
необходимо возмизють къ нему и
привязанность: Отъ совѣта и генерал-
директора зависѣть будетъ только до-
ставить этимъ дѣтямъ тѣ необходимыя
знанія, которыя потребны для шрено-
дателя, ибо, сказано въ докладѣ,
*если овлаять, чтобъ кадеты знали мно-
го, то кадежисты неусыпно старались*
о знаніи тѣхъ, кои ихъ обучать должны.
Императрица, утвердивъ докладъ, по-
велѣла на содержаніе иѣщанскихъ
дѣтей при Сухопутномъ-Корпусѣ от-
пустить единовременно сто тысячъ
рублей.

Въ февралѣ 1773 года, вмѣсто дѣй-
ствительнаго тайнаго совѣтника Бе-
цкаго, генерал-директоромъ Сухопутна-
го Корпуса назначенъ былъ генерал-
поручикъ Пурпуръ. Въ одиннадцати-
лѣтнее управленіе его корпусомъ, не
последовало, какъ намъ извѣстно, ни
одного важнаго распоряженія, не толь-
ко по части учебной, но даже и хозяй-
ственной. Можно сказать, что Бецкій
положилъ этому заведенію столь-проч-
ное основаніе, что оно долгое время
могло существовать безъ всякихъ из-
мѣненій. Преемникамъ Ивана Ивано-
вича оставалось только продолжать на-
чатое имъ твореніе. Но зато Артилле-
рійскій и Инженерный Корпусъ, какъ
мы сейчасъ увидимъ, нуждался еще
во многихъ улучшеніяхъ, а потому и
подвергался, во все время царство-
ванія Екатерины, разнымъ преобра-
зованіямъ.

Въ 1775 году, императрица повелѣ-
ла основать при Артиллерійскомъ и
Инженерномъ Корпусѣ *Греческую Гимн*

назію, которая, въ послѣдствіи, извѣстна была подъ названіемъ *Корпуса Чужестранныхъ Единовѣрцевъ*. На поступленіе въ это заведеніе шли право только тѣ малолѣтныя Греки, отъ двѣнадцати до шестнадцати-лѣтняго возраста, которые родились въ границѣ имперіи. Родители, для отправленія дѣтей своихъ, на-счетъ казны, въ Петербургъ, должны были относиться къ русскимъ консуламъ, имѣвшимъ пребываніе въ ближайшемъ отъ нихъ разстояніи. Молодые Албанцы и другіе Греки, воспитывавшіеся въ Греческой-Гимназіи, получали образованіе на-равнѣ съ русскимъ дворянствомъ, которое готовило себя для государственной службы въ корпусѣхъ кадетскихъ, но преимущественно были обучаемы языкамъ: русскому, итальянскому и другимъ. Воспитанники, окончившіе полный курсъ наукъ въ Гимназіи, могли поступать, по собственному ихъ произволу, или офицерами въ армейскіе полки, или переводчиками въ коллегии, или даже возвращаться въ свое отечество, безъ всякаго возмездія за дарованное имъ воспитаніе. Издержки на содержаніе Гимназіи простирались ежегодно до 41, 613 рублей.

По смерти Мордвинова, Артиллерійскій и Инженерный Корпусъ поступилъ подъ начальство, съ 22-го февраля 1783 года, артиллеріи генерал-майора Петра Ивановича Меллиссино. Назначеніе это было истиннымъ благодѣяніемъ для корпуса, который, по недавнему своему преобразованію, нуждался еще, какъ мы уже замѣтили, во многихъ улучшеніяхъ. Петръ Ивановичъ сдѣлалъ для него все, что могъ: въ короткое время, по всѣмъ частямъ управленія, онъ успѣлъ сравнять его съ Императорскимъ Шляхетнымъ Кадетскимъ Корпусомъ, что, по всей справедливости, должно считать заслугою немаловажною, потому что Сухобутный Корпусъ, въ то время, едва ли не былъ лучшимъ военно-учебнымъ заведеніемъ въ цѣлой Европѣ. Вмѣстѣ съ Кадетскимъ Корпусомъ, генералъ Мел-

лиссино принялъ въ свое вѣдѣніе и Греческую Гимназію.

Послѣ смерти князя (*) Орлова, послѣдовавшей въ апрѣлѣ 1783, должность генерал-фельдцейхмейстера занялъ генерал-аншефъ баронъ Меллеръ-Закомельскій, почему и Артиллерійскій и Инженерный Кадетскій Корпусъ поступилъ подъ главное его начальство. Но Меллиссино ходилъ съ представленіемъ къ новому генерал-фельдцейхмейстеру только о пронаводствѣ или переводѣ корпусныхъ офицеровъ и о выпускѣ изъ кадетъ въ артиллерію и инженерный корпусъ: во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, онъ свесился мимо его съ Военною Коллегіею и другими мѣстами, и даже прямо подавалъ отъ себя доклады императрицѣ и получалъ на свое имя высочайшіе указы. Такъ, на-примѣръ, составивъ планъ о новомъ преобразованіи вѣрснаго ему заведенія, Меллиссино препроводилъ этотъ планъ, по повелѣнію императрицы, прямо отъ себя на разсмотрѣніе Комиссіи объ устройствѣ народныхъ училищъ. Получивъ мнѣніе этой Комиссіи, императрица, указомъ отъ 21-го февраля 1783 года (**), повелѣла генералу же Меллиссино составить и новый штатъ для Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса.

По этому новому штату, высочайше-утвержденному 22-го мая 1783 года, (***) на годовое содержаніе корпуса назначено было 104, 566 руб. 62½ коп. Кроме того, на построеніе манежа, на покупку верховыхъ лошадей, мастерскихъ инструментовъ и проч. императрица пожаловала Корпусу единовременно 11, 600 рублей.—Число воспитанниковъ увеличилось до 393. Къ предметамъ преподаванія, опредѣлен-

(*) Григорій Григорьевичъ Орловъ введенъ былъ въ княжеское достоинство Римской-Имперіи въ 1773 году.

(**) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», томъ XXII, № 15934.

(***) «Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи», томъ XXII, № 15938.

ныхъ по штату 1762 года, были при-
даны: тактика и естественная ис-
торія, а изъ гимнастическихъ упраж-
неній — верховая ѣзда. Нѣкоторыя
науки положено было преподавать,
сверхъ русскаго языка, и на иностран-
ныхъ: тактику на нѣмецкомъ и фран-
цузскомъ, артиллерію и фортификацію
на нѣмецкомъ, естественную исторію
на французскомъ. Вообще же, въ обра-
зѣ преподаванія, повелѣно было слѣдо-
вать порядку, высочайше-утвержден-
ному для народныхъ училищъ (*).
То же касается до общаго плана
спитанія, составленнаго самимъ Мел-
симо, то хотя этотъ планъ и не былъ
высочайше-утвержденъ, однако пове-
но было времени привести его въ
полненіе, чтобъ на самомъ опытѣ
остовѣрится въ его пользѣ.

По этому плану, между прочимъ,
рѣшено было принимать въ кор-
пусъ двѣ трети родовыхъ дворянъ и
одну треть штаб-офицерскихъ и обер-
офицерскихъ дѣтей. Сверхъ кадетъ до-
пускалось посѣщать классы, по усом-
бленію директора, и другимъ благо-
дѣшнымъ дѣтямъ, которыхъ, по окон-
ченіи курса ученія и выдержаніи эк-
мена, дозволялось равнымъ съ ка-
дами правами.

Корпусъ раздѣлился на три возра-
да. Въ первыхъ двухъ преподавались
предметы, установленные для нор-
альныхъ училищъ. Воспитанники
третьяго возраста должны были
выдѣлять себя преимущественно на
ученіе артиллеріи, фортификаціи и
ематикъ. При частныхъ взаим-
ныхъ присутствіяхъ директоръ и кор-
пусные штаб-офицеры, а при пуб-
личныхъ — члены Военной Коллегіи,
артиллерійскіе и инженерные генера-
лы полковники, и члены Комиссіи
однакъ Училищъ. Выпускать по-

ложено было дозволять офицерами
изъ артиллеріи и изъ инженеровъ; дру-
гихъ же въ армію подпоручиками и
прапорщиками. Въ самомъ корпусѣ
директоръ могъ награждать кадетъ
производствомъ въ чины отъ капитана
до сержанта. Въ память монаршихъ
милостей, дарованныхъ корпусу но-
выми штатами, день его утвержденія
(22 мая) праздновался ежегодно благо-
дарственнымъ молебствомъ.

Въ 1785 году, предъ высту-
пленіемъ кадетъ въ лагерь (23 іюня), были освя-
щены три пожалованныя Артиллерій-
скому и Инженерному Корпусу знамена
— одно бѣлое и два голубыя, обшитыя
съ трехъ сторонъ золотомъ бахрамомъ,
а вдоль арапка золотомъ тесьмою. Въ это
же время розданы были въ первый
разъ медали, положенныя по уставу
отличнѣйшимъ кадетамъ. Медали эти
были серебряныя, вызолоченныя; на
лицевой сторонѣ находилась вензель
императрицы, а на оборотѣ надпись:
«за прилежность и благопріятіе»; ихъ
носили въ петлицѣ на серебряной вы-
золоченной цѣпочкѣ. Воспитанники,
награждаемые этими медалями, поль-
зовались въ корпусѣ разными привиле-
гійствами: они отпускались въ празд-
ничные дни со двора, не нѣтъ, подоб-
но другимъ кадетамъ, надобности въ
особенномъ свидѣтельствѣ о поведеніи
и прилежаніи; имъ позволялось въ сво-
бодное время быть безъ приглашенія
въ собранія у директора и штаб-
офицеровъ корпуса; другіе кадеты
должны были, при встрѣчкѣ съ ни-
ми, отдавать имъ честь и снимать
шляпы; они обѣдали за особеннымъ
столомъ, и проч. Наконецъ, при вы-
пускѣ изъ корпуса, награжденіе ме-
далью вносилось въ формулярный сви-
сокъ. Въ послѣдствіи, въ 1789 году,
уставъ этой медали былъ начертанъ
особою книжкою, медь заглавіемъ:
*О преимуществѣхъ въ полученіи медалей за
прилежаніе и доброе поведеніе.* Въ би-
бліотекѣ Втораго Кадетскаго Корпуса
хранятся нѣсколько экземпляровъ этой
книжки и при нихъ одна медаль.

Съ особеннымъ торжествомъ произе-

Порядокъ этотъ изложенъ довольно по-
дробно въ «Руководствѣ Учителямъ 1-го
класса Народныхъ Училищъ»; о
же упоминается во многихъ мѣстахъ
«Устава Учебныхъ Заведеній», по-
мощъ 4-го января 1804 года.

ходила раздача медалей въ 1787 году. Артиллерійскій и Инженерный Корпусъ, при этомъ случаѣ, удостоился поощренія Августѣйшихъ възковъ Монархини, юныхъ Великихъ Князей Александра Павловича и Константина Павловича. Вотъ описаніе этого торжества, помѣщенное тогда въ «Санктпетербургскихъ Академическихъ Вѣдомостяхъ»: «Сего августа 19 числа, въ четыре часа по-полудни, Ихъ Императорскія Высочества, Государя Великія Князя Александръ Павловичъ и Константина Павловичъ, благоволили удостоить Всемилостивѣйшимъ своимъ поощреніемъ лагерь Артиллерійскаго и Инженернаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, въ которомъ, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ, данъ былъ послѣдній смотръ и опера производились разныя военныя эволюціи, а потомъ, въ построенномъ каррѣ, отличившимся успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ, сержанту Петру Ставицкому и направиу Петру Стахіеву, во исполненіе Высочайшаго Монаршаго учрежденія, въ награжденіе даны медали, которыя, по прошенію директора, Сами Ихъ Императорскія Высочества вручить имъ удостоили, при производствѣ пушечной пальбы, играни на трубахъ и литаврахъ, и тѣмъ изъявивъ милостивое корпусу вниманіе, въ шестомъ часу отбыть позволили.»

Около этого же времени, по распоряженію генерала Меллисино, въ корпусѣ стали принимать, сверхъ положеннаго по штату числа кадетъ, еще сенокштныхъ, которые платили въ годъ по 200 рублей. Число ихъ иногда простиралось до ста и болѣе. За нѣкоторыхъ платила сама императрица изъ Кабинета.

По смерти генерал-фельдцейхмейстера барона Меллера-Закомельскаго, послѣдовавшей въ концѣ 1790 года, Артиллерійскій и Инженерный Кадетскій Корпусъ поступилъ подъ главное начальство генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврическаго, какъ президента Государственной Военной

Коллегіи. Указомъ 1791 года, перемѣло выступленіемъ кадетъ изъ лагеря, великолѣпный князь Тавриды дѣлалъ нмъ смотръ, который кончился чудеснымъ праздникомъ. Старыки разсказываютъ, что тогдашніе воспитанники корпуса долго вспоминали съ восхищеніемъ объ этомъ праздникѣ.

Возвышеніе цѣвъ на жизненныя и другія потребности и ветхость болѣе части корпуснаго строенія заставили генерала Меллисино просить у императрицы новыхъ милостей. Въ докладѣ, поданномъ 14 августа 1791 года, чрезъ князя Безбородко, оныя изложили потребности корпуса и просили объ ассигнованіи суммы на постройку новаго каменнаго зданія и объ уравниваніи Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса содержаніемъ съ Сухопутнымъ, который въ это время получалъ уже по 200,000 рублей въ годъ. Въ слѣдствіе этого доклада, императрица повелѣла составить, соображаясь съ удобностями корпуса, новое для него положеніе, не вводя однако никакихъ измѣненій, которыя болѣе ередны, нежели полныя для юности, приотомляемаго и образумленнаго для военнаго ремесла. По этому новому положенію, высочайше-утвержденному 12 іюня 1792 года, число офицеровъ и воспитанниковъ, а также раздѣленіе корпуса на роты и предметы преподаванія, остались противъ прежнихъ штатовъ неизмѣненны. Но суммы на жалованье учителямъ, на обмундированіе и столовое содержаніе кадетъ — значительно увеличались.

Артиллерійскій и Инженерный Корпусъ, какъ мы уже замѣтили, проиъ своего директора, генерала Меллисино, не имѣлъ съ 1783 года другаго начальства, которое входило бы въ какія-либо по корпусу распоряженія. Но въ 1793 году, когда въ должность генерал-фельдцейхмейстера назначенъ былъ графъ (въ послѣдствіи князь) Платонъ Александровичъ Зубовъ, корпусъ, на основаніи устава 1761 года, поступилъ снова въ непосредственное вѣдѣніе генерал-фельдцейхмейстера

ему подавались каждую третью формулярные списки о кадетях, съ означеніемъ ихъ усѣиховъ въ наукахъ, каковой мѣсяцъ вѣдомости о числѣ людей о денежныхъ суммахъ; онъ самъ означалъ время экзамена, выступленія кадетъ въ лагерь, и проч. Мало его директоръ не дѣлалъ уже ни куа-представленій, не опредѣлялъ самъ адеть въ морскую и даже не произволилъ ихъ въ унтер-офицеры.

Особенное вниманіе обратилъ графъ Рубовъ на жалкое состояніе корпуснаго гроепія, большая часть котораго, бывъ перестроена почти за двадцать лѣтъ въ старомъ лѣсу, пострадала притомъ весьма-много отъ двухъ недавнихъ наводненій. Особенно же ветхи были кадетскіе классы: подпертые со всѣхъ сторонъ столбами, они угрожали совершенному разрушеніемъ. Послѣ школьныхъ предположеній о переводѣ корпуса на Васильевскій-Островъ, а Выборгскую-Сторону, или въ конюгардейскія казармы, наконецъ погѣдовало высочайшее повелѣніе о постройкѣ новаго зданія на прежнемъ мѣстѣ корпуса. 22-го мая 1795 года, вложили классный фасъ. Въ этомъ же году, Корпусъ-Чужестранныхъ-Иноподданій перевели въ домъ Морскаго-Кадетскаго-Корпуса. Въ 1796 году, новыя классы были уже готовы. Въ началѣ октября открыто въ нихъ преподаваніе. Меллissenъ приготовилъ по этому случаю новыя распоряженія по части учебной, какъ вдругъ не стало Императрицы, основательницы и благотѣльницы Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса. Она скончалась 6-го ноября 1796 года, ровно черезъ мѣсяцъ послѣ открытія классовъ въ новомъ зданіи.

Изъ представленнаго нами краткаго озора послѣдовательнаго преобразованія Артиллерійской и Инженерной-Школы въ Кадетскій Корпусъ видно, что благоволеніе Императрицы къ этому заведенію не прекращалось до самой ея кончины; но и въ исторіи Сухопутнаго Корпуса послѣдніе годы

XLII. — Отд. VIII.

царствованія Екатерины замѣчательны по многимъ отношеніямъ.

Въ іюні 1784 года, вмѣсто генерал-поручика Пурпура, генерал-директоромъ Императорскаго Сухопутнаго Корпуса назначенъ былъ генерал-поручикъ Де-Бальменъ, оставшійся въ этой должности весьма-недолго. Его мѣсто, въ ноябрѣ 1787 года, занялъ генерал-поручикъ и генерал-адъютантъ императрицы, графъ Фридрихъ (Friedrich) Евстафьевичъ Ангальтъ, сынъ Вильгельма-Густава, послѣднаго принца Ангальт-Дессаускаго и внука знаменитаго полководца князя Леопольда. Назначеніе это вполне соответствовало душевнымъ склонностямъ графа Ангальта. Чуждый всякаго честолюбія, которое стремится единственно къ почестямъ и власти, графъ посвятилъ большую часть пребыванія своего въ Россіи на скромное служеніе корпусу. Отдаленный отъ отечества, онъ сроднился, такъ-сказать, съ юными питомцами, внутренними его надзору, какъ съ самыми близкими родными, и особенно заботился объ усовершенствованіи ихъ нравственности. Въ библиотекѣ Перваго Кадетскаго Корпуса и теперь еще хранится небольшая книжка, напечатанная въ 1790 году, которая лучше всего можетъ свидѣтельствовать о вѣжной попечительности графа Ангальта къ молодымъ людямъ, воспитывавшимся тогда въ Сухопутномъ Корпусѣ. Въ предисловіи, написанномъ на французскомъ языкѣ самимъ графомъ, между-прочимъ сказано, что книжка эта посвящается кадетамъ, *моимъ добрымъ дѣтямъ* (*à mes bons enfans*); но прежде, нежели мы познакомимся съ ея содержаніемъ, скажемъ, что послужило къ ея изданію. Графъ Ангальтъ, желая какъ-можно-болѣе дѣйствовать на развитіе нравственной стороны кадетъ, не только доставлялъ имъ случай читать разныя полезныя книги, но и приказалъ написать поучительнѣйшими наръченіями большую стѣну, которая окружаетъ корпусный садъ. Наръченія эти, какъ на рускомъ, такъ и на иностран-

ных языкахъ, промѣ краткой хронологіи, важнѣйшихъ открытій и происшествій историческихъ, заключали въ себѣ болѣею частью послоницы и неучительныя наставленія для молодыхъ людей, готовившихся вступать на военное еще для нихъ поприще жизни,—въ родѣ слѣдующихъ, помѣщенныхъ нами, для прилѣпа, на выдержку:

«Кто говоритъ что хочетъ, тотъ услышитъ чего не хочетъ.»

«Слово не стрѣла, а пуше убиваетъ.»

«Мало говоря, больше услышишь.»

«Красивая рѣчь похвальна, а хорошая мысль еще лучше, но не худое чувствовавіе превосходитъ и то и другое.»

«S'occuper, c'est savoir jouer.»

«Si la colère vous prend, la raison vous quitte.»

«Partagez les fatigues, partagez les dangers avec vos soldats, et faites les (leur?) appercevoir à chaque instant, que vous pensez à leur bien-être et que vous les aimez bien sincèrement.»

«Ce n'est pas obéir que d'obéir lentement.»

«Seyd fröhlich in Hoffnung, geduldig in Trübsal.»

«Schliesse nicht, was mir hell ist, ist auch andern hell; schliesse nicht, was mir dunkel ist, ist auch andern dunkel.»

«Die Erziehung macht den Menschen.»

Въ 1790 году, всѣ эти изрѣченія, по приказанію графа Ангальта, были собраны и напечатаны особомъ книжкою, подъ заглавіемъ: «La Muraille Parlante ou tableau de ce qu'on a écrit et dessiné sur la muraille du jardin du Corps Impérial des cadets gentilshommes. St-Pétersbourg, 1790.»

Въ предисловіи, написанномъ, какъ мы уже сказали, самимъ графомъ, между прочимъ, сказано, что, по выходѣ изъ корпуса, каждый воспитанникъ получилъ эту книжку, для того, чтобъ она напомнила ему о его дѣтствѣ, проведенномъ въ корпусѣ, и о томъ, какия средства употребляло начальство корпусное, чтобъ забавлять и просвѣщать своихъ питомцевъ. Въ концѣ предисловія рекомендована на французскомъ же языкѣ небольшая поучи-

тельная сказка «fable orientale» подъ заглавіемъ «Сонъ». Вообще, эта книжка не столько замѣчательна своимъ содержаниемъ, сколько тѣмъ, что на каждой ея страницѣ признается и тѣмъ же почетельность графа Ангальта изъ надгробія, которое образовалось надъ его надгробіемъ. Но и въ признательности воспитанниковъ Сухопутнаго Корпуса къ графу Ангальту мы не можемъ сомнѣваться; признательное свидѣтельство этой признательности сохранилось въ лѣтописяхъ нашей литературы. Озеровъ, получивъ воспитаніе въ Сухопутномъ Корпусѣ, нѣкоторое время служилъ адъютантомъ при графѣ Ангальтѣ. Въ маѣ 1794 года, когда графъ умеръ, Озеровъ написалъ на французскомъ языкѣ стихи (*), замѣчательные въ литературномъ отношеніи, какъ одно изъ первыхъ произведеній извѣстнаго у насъ поэта, а въ исторіи корпуса, какъ выраженіе любви и признательности кадетъ къ одному изъ лучшихъ своихъ начальниковъ, имя котораго и въ наше время воспитанники Перваго Кадетскаго Корпуса произносятъ съ особеннымъ уваженіемъ. Стихотвореніе Озерова, съ подстрочнымъ переводомъ, было напечатано въ одной изъ книжекъ журнала, который, по Высочайшему соизволенію, издается нынѣ для чтенія воспитанникамъ военно-учебныхъ заведеній. Вотъ какъ въ этомъ стихотвореніи выразилъ поэтъ горестъ кадета по случаю кончины графа Ангальта:

Il s'écrie, en pleurant: pourquoi destin
à servir
M'enlevez vous, hélas! un aussi tendre
père?
La bienfaisance était la vertu de son
cœur,
Et dans notre bien-être il mettait son
bonheur.
Quoil sa vie, aux bienfaits constamment
consacrés,
Dut-elle pour la mort ne pas être re-
créés?..

(*) «Vers sur la mort du comte Anhalt, dédiés à M. les cadets.»

Cesse, dit une voix, d'accuser les destins;
 Tu ne peux pénétrer dans les décrets
 divins;
 Adore tous ces coups qui te semblent
 sinistres,
 La nature et la mort de Dieu sont les
 ministres;
 Ne n'agissent jamais que par sa volonté,
 Et le Dieu qui régit est le Dieu de bonté.
 Anhalt de ses vertus et de sa bienfai-
 sance,
 Goûte enfin pour toujours la juste ré-
 compense.
 N'offense plus le ciel par tes cris, par
 tes pleurs;
 Sois soumis au destin et calme tes dou-
 leurs —
 Vous, qu' Anhalt adopta, chérissiez sa
 mémoire,
 Et qu'en vos actions on lise encore sa
 gloire!

Послѣ смерти графа Ангальта, гене-
 ал-директоромъ Сухопутнаго Корпуса
 назначенъ былъ генерал-поручикъ,
 въ послѣдствіи генерал-фельдмаршалъ
 князь Смоленскій, Михаилъ Пларіо-
 вичъ Голенищевъ-Кутузовъ. Но кон-
 чина государыни, послѣдовавшая вско-
 рѣ послѣ назначенія Михаила Пларіо-
 вича директоромъ корпуса, не
 позволила ему, въ царствованіе импе-
 ратрицы Екатерины II-й, привести въ
 исполненіе тѣхъ предначертаній, ко-
 торыя составилъ онъ для улучшенія
 вѣрнаго ему заведенія

Обозрѣвъ въ этой небольшой статьѣ
 учрежденіе Артиллерійскаго и Инже-
 нернаго Кадетскаго Корпуса, что нынѣ
 Второй Кадетскій, и преобразова-
 ніе по новому уставу Императорскаго
 Пехотнаго Кадетскаго Корпуса, что
 нынѣ Первый Кадетскій, мы сдѣлаемъ
 нѣкую изъ повѣствованія нашего
 вѣдъ, въ справедливости котораго
 вѣдены какъ-нельзя-болѣе.

Въ прежнихъ военно-учебныхъ за-
 веденіяхъ, существовавшихъ при Им-
 ператрицахъ Аннѣ Ивановнѣ и Ели-
 зветѣ Петровнѣ, на нравственное об-
 разованіе кадетъ вочти не было обра-
 таемо никакого вниманія. Тогда ду-
 мали единственно о томъ, чтобъ изъ
 цѣла образоватъ сдѣдущаго офице-

ра, а потому можно сказать, что тог-
 дашніе кадеты не воспитывались, а
 только учились въ военно-учебныхъ за-
 веденіяхъ. Со вступленіемъ же на пре-
 столъ Императрицы Екатерины II-й,
 явился М. М. Беккій, замѣчательный
 дѣятель на поприщѣ общественнаго
 образованія уже тѣмъ, что онъ первый
 въ Россіи обратилъ вниманіе на разви-
 тіе не только воспитанія нравственна-
 го, но даже и физическаго, во всѣхъ
 учебныхъ заведеніяхъ, тогда суще-
 ствовавшихъ. Графъ Ангальтъ въ Кор-
 пусѣ Сухопутномъ, а Мордвиновъ и
 Меллисио въ Артиллерійскомъ и Ин-
 женерномъ, послѣдовали благодѣтель-
 ному примѣру Бекаго, и заведе-
 нія наши, благодаря этимъ замѣча-
 тельнымъ людямъ, достигли, въ цар-
 ствованіе Императрицы, до цѣлуща-
 го состоянія. Много молодыхъ дво-
 рякъ, образовавшихся въ нѣдрахъ
 военно-учебныхъ заведеній, обратили
 на себя въ послѣдствіи, своею полез-
 ною и честною службою, справедливое
 вниманіе государыни. Во все время
 продолжительной войны съ Турками,
 заключенной кучук-кайнарджискимъ
 миромъ, не только многіе штаб-офи-
 церы и обер-офицеры въ дѣйствовав-
 шей тогда арміи были изъ кадетъ, но
 и большая часть старшихъ генераловъ
 арміи обязана была своимъ образо-
 ваніемъ одному изъ кадетскихъ кор-
 пусовъ. Самъ главнокомандующій, Ру-
 мянцовъ, былъ цѣлогда воспитанни-
 комъ Сухопутнаго Корпуса. Притомъ,
 сухопутные кадетскіе корпуса достав-
 лали сдѣдущихъ офицеровъ и флоту.
 Въ 1788 и 1789 годахъ, во время не-
 ожидаанной войны съ Швеціею, значи-
 тельное число воспитанниковъ обонхъ
 заведеній было выпущено на флотъ,
 болшею частію на гребную флоталію,
 которая дѣйствовала съ такимъ бле-
 стяцимъ успѣхомъ въ Финскомъ и
 Ботническомъ Заливахъ, подъ предво-
 дительствомъ Балла, графа Литта, Слн-
 зова и извѣстнаго принца Нассау-Зиг-
 гена. Ръ этихъ же годахъ, генералъ
 Меллисио сформировалъ три артил-
 лерійскія баталіона, при пособіи од-

нихъ только офицеровъ Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса, обучилъ эти батальоны артиллерійской экзерциціи, снабдилъ ихъ выпущенными изъ корпуса офицерами и отправилъ въ дѣйствовавшую тогда финляндскую армію.

Въ дѣлахъ, хранящихся въ архивѣ Перваго Кадетскаго Корпуса, сохранилась небольшая рѣчь, которую говорилъ кадетамъ графъ Ангальтъ, при отправленіи ихъ въ 1788 году на флотъ. Въ этой рѣчи такъ много неподдѣльнаго чувства и любви графа къ своимъ питомцамъ, что мы не можемъ не выписать ея цѣликомъ; вотъ она: «Прощайте, дѣти мои, прощайте, милые дѣти! Во время мира живите, какъ добрые кадеты, во время войны — какъ храбрые воины. Приблизьтесь ко мнѣ, пріймите въ послѣдній разъ отеческій мой поцалуй... Еще нѣсколько словъ: помните, друзья мои, прошу васъ, помните всегда, что наиболѣе надлежитъ страшиться и убѣгать четырехъ непріятелей. Безъ сомнѣнія понимаете, что говорю о непріятеляхъ нравственныхъ; а увѣренъ, что противу непріятелей политическихъ вы выставите грудь съ отважностію и неустрашимостію. Непрѣтели же нравственные, могущіе встрѣтиться на пути вашей жизни, суть: *снотвореніе, азартныя игры, ласкосты и гнуснѣйшіи и отвратительнѣйшіи изъ всѣхъ пороковъ, рождающіи стыдъ и безпорядокъ между родными и въ обществѣ благородныхъ людей — ложь.* Сверхъ сего, не забывайте никогда, прошу васъ, не забывайте признательности, каковою должны вы Императрицѣ. Благоговѣйте ко храму вашего воспитанія. Да будутъ первыми побужденіемъ и первымъ началомъ всѣхъ вашихъ поступковъ: *честность и доброе имя.* Прощайте. Сама Императрица перѣдко удостоивала оба кадетскіе корпуса своимъ посѣщеніемъ и назначала не разъ въ обонхъ заведеніяхъ разныя торжества. Особенно замѣчательно *празднество беднымъ*, которое приказала

государыня назначить въ Суховутномъ Корпусѣ, въ день своего рожденія, 9 мая 1775 года. Воспитанники двухъ старшихъ возрастовъ, съ позволенія Императрицы, пригласили къ себѣ около ста нищихъ и цѣлый день угощали ихъ въ стѣнахъ своего заведенія. Между этими нищими нашелся какой-то старикъ, который служилъ въ семеновскомъ полку при Петрѣ-Первомъ и былъ во многихъ походахъ съ великимъ государемъ. Воспитанники, заслушавшись его разказовъ о прежнихъ битвахъ, стали просить своего директора — позволить ивалиду навсегда остаться въ корпусѣ. Директоръ согласился, и старикъ служакъ, вмѣсто богатыря, умеръ среди воиновъ друзей своихъ...

Въ одно изъ своихъ посѣщеній, государыня почтила Императорскій Суховутный Корпусъ названіемъ *разсадника великихъ людей*, — названіемъ справедливымъ, если вспомнить дѣла Румянцева, Ренина, Прозоровскаго, Долгорукаго, Каменскаго, Штофельна, Веймарна, Обрѣзкова, Меллиссино, Н. А. Голевищева-Кутузова и многихъ другихъ, изъ которыхъ нѣкоторые получили образованіе въ Суховутномъ Корпусѣ еще во время Маниха. Но и списокъ бывшихъ кадетъ нынѣшняго Втораго Кадетскаго Корпуса, не бѣдетъ замѣчательными именами. Кромя героя двѣнадцатаго года, М. И. Голевищева-Кутузова, въ этомъ заведеніи, въ одно царствованіе Императрицы Екатерины II, воспиталось много молодыхъ дворянъ, сдѣлавшихся извѣстными въ послѣдствіи, какъ на-примѣръ, Верещагинъ (*), какъ Сергій Голицынъ, оба брата Румянцева, Николай и Сергій Корсаковы, Меллеръ-Закомельскій, графъ Букгедевъ, графъ Аракчеевъ и другіе. А сколько современныхъ намъ сыновъ-ковъ, которые, получивъ образованіе

(*) Генерал-маіоръ и учитель математики Государей Великихъ Князей Алексѣя и Константина Павловичей.

въ послѣдніе годы царствованія Императрицы въ одномъ изъ кадетскихъ орпусовъ, занимаютъ въ наше время живѣйшія мѣста въ государствѣ! Но мы не станемъ говорить о нихъ, потому-что помнимъ замѣчательныя слова Дарвинна: «исторія не любитъ мнѣвать живыхъ».

Въ архивѣ Второго Кадетскаго Корпуса хранится письмо Державина къ І. И. Меллисино. Оно написано назимъ поэтомъ по случаю посѣщенія въ Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса, въ мартѣ 1792 года. Вотъ какъ, между прочимъ, относится пѣвецъ Фелицы о заведеніи, которымъ тогда начальствовала генералъ Меллисино: «По истинѣ я почти не видалъ никогда толь пріятнаго поворнища для сердца и разума и особенно любя отечество. Вы ему приугоглядаете достойныхъ сыновъ для споспѣшествованія къ его благоденствію и для его защиты. Я, кажется, видѣлъ и Спарту и Аѳины. У меня и теперь въ головѣ порядокъ вездѣ предуготовительный, исполненіе вездѣ съ пристойностію и расторопностію. Хотя я недостойный цѣнитель дѣлъ похвалы достойныхъ, и не мое дѣло, однако отъ чистаго сердца справедливость непремѣннымъ образомъ должна вездѣ наружу изливаться. Я ничего не могу другаго говорить, какъ превозносить васъ, сотрудниковъ вашихъ и самое толь любезное вами управляемое юношество, на которое и благоволеніе Монаршее и ваше попеченіе не тщетно простираются. Это такой разсадникъ, на который не даромъ падаютъ сѣмена, и проч.»

Письмо это хотя и не даетъ опредѣлительнаго понятія о состояніи Артиллерійскаго и Инженернаго Кадетскаго Корпуса въ царствованіе Екатерины, можетъ однако служить для насъ свѣдѣтельствомъ по-крайней-мѣрѣ того, что Петръ Ивановичъ Меллисино, за усерпные свои труды объ устройствѣ вѣреннаго ему заведенія, имѣлъ утѣшеніе пользоваться уваженіемъ одного изъ замѣчательныхъ людей вѣка Ека-

терины. Кромѣ Державина, Петръ Ивановичъ пользовался особеннымъ благоволеніемъ князя Потемкина. Свѣтлѣйшій обратилъ на него милостивое вниманіе Императрицы.

Форма кадетъ въ Артиллерійскомъ и Инженерномъ Корпусѣ, по положенію 1762 года, была слѣдующая: кафтанъ алый суконный; воротникъ, лацканы и обшлага черныя триповые, съ золотымъ галуномъ; пуговицы мѣдныя; на одномъ плечѣ эполетъ шелковый съ золотомъ; шляпа полушубковая, обшитая золотымъ поументомъ и связанная золотыми шнурками; султанъ красный, съ бѣлою верхушкою. Въ послѣдствіи, по именному высочайшему указу, данному на имя генерала Меллисино 19 марта 1786 года, повелѣно было кадетскіе мундиры строить безъ поумента, а шляпы, вмѣсто золотого галуна, обшивать черною бархатною лентою; эполеты же дѣлать съ мѣдными бляхами. Во время пребыванія въ лагерѣ, кадеты, вмѣсто кафтановъ, носили колеты; въ ненастную же погоду, во время стоянія на часахъ, надѣвали они красныя суконныя плащи безъ рукавовъ. Достойно замѣчанія, что, по положенію 1784 года, опредѣленіе формы всѣдневнаго платья предоставлено было директору, а потому кадеты, съ сего времени, стали являться въ классы въ сѣрыхъ суконныхъ фракахъ и въ красныхъ суконныхъ же жилетахъ. Воротники на фракахъ были черныя полушубковые.

Корпусные офицеры, въ строю и въ праздничные дни, носили красныя артиллерійскіе мундиры; въ будни же дежурили, съ знаками на груди, въ такихъ же фракахъ, какіе носили и кадеты.

Форму кадетъ Сухопутнаго Корпуса составляли: въ первомъ возрастѣ камзолъ и штаны суконныя кофейныя; во второмъ голубые; въ третьемъ сѣрые; въ четвертомъ же и пятомъ возрастахъ — кафтанъ зеленый, а прочее платье лосиное или палевое. Дѣтомъ воспитанники младшихъ трехъ возрастовъ носили камзолъ и штаны бѣлые

капюшаные, а двухъ старшихъ — левый колетъ съ красными облагами. Шапки были черныя, шъховыя, но безъ герба.

Офицеры носили такую же форму, кака была и при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ: мундиръ свѣтлозеленый; епанчи синія съ воротниками, которые могли въ ненастную погоду накидываться на голову; епанечныя полы застегивались свади, на пуговицу, пришитую противъ поясницы; аксельбантъ же и золотыя на мундирѣ нашивки, предоставленные корпуснымъ офицерамъ Императоромъ Петромъ III, были отмѣнены. Шляпы офицеры носили безъ плюмажа, съ бѣлыми перомъ, а шарфы и темляки золотыя.

Какъ офицеры, такъ и кадеты, въ обоихъ заведеніяхъ, при парадныхъ мундирахъ, носили волосы напудренные и косу, обвитую черною шелковою лентою, съ волоснымъ на концѣ бантовъ.

II. Глазовъ.

САМОЕ РОМАНТИЧЕСКОЕ ПРИЗНАЧЕНІЕ ВЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Повесть Библюфила Жакоба.

I. Предмѣстіе-Сен-Мари.

Этому прошло уже тридцать-пять лѣтъ... Я въялъ кабриолетъ на Площади Нобьды и приказалъ ѣхать въ улицу Вакъ въ Предмѣстіе-Сен-Мари. Предмѣстіе это, недавно очищенное подъ площадь монастыря сестеръ милосердія, будучи конфисковано и продано, какъ общественная собственность, измѣнилось съ виду и преобразовалось въ свѣтскія зданія; тогда оно было отдѣльно, тихо и пусто, не такъ, какъ нынѣ, когда его соединили съ Улицею Гренель, издумали сдѣлать также улицую, въ крайнему прискорбію его мирныхъ жителей. Я полагаю, что они и теперь тѣ же, какіе были въ то время,

о которомъ говорю, исключая умершихъ. Въ числѣ этихъ умершихъ былъ и мой пріятель, котораго я побѣдилъ навѣстить въ тотъ вечеръ.

Пріятель мой, экс-бенедиктинецъ Сен-Жерменскаго-Предмѣстья, назывался допъ-Рибьеръ. Ему было почти восемьдесятъ лѣтъ, и, не смотря на такую старость, онъ не оставилъ своихъ историческихъ и библиографическихъ занятій, даже не ослабѣвалъ въ нихъ; напротивъ, онъ предавался имъ съ жаромъ и дѣятельностью, въ чемъ я ему завидовалъ. Большую часть жизни онъ провелъ въ собраніи сочиненій о макабровой пляскѣ и игральныхъ картахъ — о двухъ нестойкихъ предметахъ ученыхъ разсужденій. Я также нѣсколько занимался этими предметами и не былъ согласенъ съ мнѣніемъ моего друга о началѣ пляски мертвецовъ и игры въ тарковыя карты. Средство сблизить двухъ знатоковъ, хотя бы только мнимыхъ! Мы имѣли частыя свиданія и продолжительныя разсужденія, которыя нѣсколько не согласили нашихъ противоположныхъ системъ; между-тѣмъ, эти ученые споры явились намъ обременіемъ, потому-что часто сопровождался досадою и нетерпѣніемъ; мы безпрестанно заводили ихъ съ новымъ оружіемъ и съ новымъ ожесточеніемъ.

Извозчикъ, который везъ меня, былъ изъ чистаго поколѣнія биржевыхъ извозчиковъ, поколѣнія любовытнаго, болтливаго, веселаго, но гнѣвливаго; однакожъ, онъ напрасно старался завести со мной разговоръ во время дороги: я не слушалъ его и почти не отвѣчалъ ему. Я перебиралъ весь запасъ твердыхъ основаній, какія пріискалъ въ пользу происхожденія картъ изъ игры въ *тапи*, или въ древнія кости, и радовался, что поколеблю убѣжденія лона-Рибьера. Кучеръ, маленькій горбунчикъ, плащъ котораго прикасался къ переднику кабриолета и презрительная гриваса, казалась, насмѣхалась надъ пѣшеходами, — съ злостію смотрѣлъ на мою нѣмую важность и разговаривалъ съ своею лошадыю, за не-

иногда другого, съ кѣмъ бы можно было поговорить. Черезъ нѣсколько минутъ, она посмотрѣла на меня искоса и измѣривъ пресмысленно взглядомъ, какъ-бы хотѣла сказать: «Доумишь ли ты той чести, чтобъ говорить съ тобой?»

Пробило девять часовъ, когда мы вѣхали въ Предмѣстье-Сен-Мари, гдѣ, жетъ, все спало, — тамъ оно было тихо и тихо! Тогда еще не было ни фонарей и на вымощеной дорогѣ юрты были глубокія колея телеги, въ которыхъ возили материалы означеннаго строенія. Кабриолетъ могъ ломаться при каждомъ изъ толчковъ, торыиъ онъ подвергался на этой ользеной и вязкой насыпи. Извозчикъ воевъ зубы ворчалъ на меня, какъ виновника опасности; которой авергалъсь его лошади и экипажъ, горюю пробирался вдоль стѣны, окошко обнесены сады знатныхъ отъ Улицы-св.-Доминика. Я, съ своей стороны, боялся одного, чтобъ не опозать къ дову-Рибьеру и старался разогнать только, сдѣлится ли огонь въ нѣ его библиотеки: по всему предострою огонь могъ быть только въ номъ этомъ окнѣ.

— Спасибо! сказалъ мнѣ извозчикъ, гда я некажъ подожжи и хотѣлъ йти. — Если моя Фабилла не потелла ногъ, а колеса не разлетѣлись въ ебезгн, то это не ваша вина.

— Да, отвѣчалъ я разсѣянно: — доро-вехороша; видно, что тутъ не бѣтъ императорскіе экипажи; но я ско-къ тебѣ буду и поѣду туда же, куда взялъ тебя.

Онъ-Рибьеръ, который уже не ждалъ на и готовъ былъ лечь въ постель, инялъ меня не очень-ласково; онъ возгниво сказалъ, что еслибъ я при-ль десятю минутами позже, то его рта были бы заперты, лампа пога-на и ключница уснула бы. Онъ об-халъ новыя питаты и доказатель-ва, которые прискалъ я въ подкрѣ-евіе своего мнѣнія о происхожденіи ртъ, и почувствовалъ себя побѣж-ными, если не вполне, то по-край-

ней-мѣрѣ вполонину. Я вытерпѣлъ первые шорымы его влаго юмора, не показавъ, что обращаю на него вни-маніе, и вытщилъ изъ кармана длин-ную вапнску, куда внесены были вапн-ски назъ читаннаго мною, съ собствен-ными иешни замѣчаніями. Я доказы-валъ моему ученому и упрямому анта-гонисту, что такіа или кости древнихъ представляли числительныа значеніа и фигуры боговъ, богинь и животныхъ, что эти значеніа и фигуры перенесены на таблички (*tabulae sigillatae*) и слу-жили для игры не столь шумной, какъ игра въ кости; что фигурныа таблички очень походили на наши карты и что игра въ гуса, которая естественно от-сюда происходитъ, въ началѣ пред-ставляла большаю частію тѣ пред-меты, какіе находятся въ тароковыхъ картахъ.

Доу-Рибьеръ, слушавшій меня съ угрюмыми видомъ, не позволила про-должать мнѣ доказательства, заключающія въ себѣ довольно-твердыа доводы, подкрѣжденныа многими выписками изъ древнихъ писателей и ихъ уче-ныхъ толковниковъ; онъ прервалъ меня съ живостью, ударилъ кулакомъ по сто-лу, не заботясь о томъ, что бумаги раз-летѣлись по всей комнатѣ, и сказалъ, что я имѣю поверхностное познаніе въ греческомъ языкѣ, слишкомъ при-страстнася къ обсужденію вопроса съ своей точки зрѣнія, между-тѣмъ, какъ кости были кости, а карты так-же карты. Съ своей стороны, онъ ссы-лался на Менандра, Аристофана и Плав-та, чтобъ ниспровергнуть наведенія, какія, по моему мнѣнію, должно из-влекать изъ нѣкоторыхъ строгъ-стихъ комиковъ. Потомъ онъ съ большою энергіею и упрямствомъ началъ снова доказывать, что карты иобрѣтены въ царствованіе Карла VII, безъ всякихъ предшествоующихъ аналогій. Я хотѣлъ возражать и различать карты соб-ственно такъ-называемыа, отъ картъ тароковыхъ, но мой противникъ, чтобъ однимъ разомъ поставить въ-тупикъ мои умозаключенія, оставилъ споръ, извиняясь жестокою головою болью,

но въ-самомъ-дѣлѣ боюсь окончанія спора. Онъ пригласилъ меня на слѣдующей недѣлѣ, чтобъ выслушать мое рѣшеніе, и имѣть честь, сказалъ онъ, слышать момъ романтическія мечты о игрѣ въ карты.

— Боже мой! вскричалъ я, подойдя и открывъ окно:—не пожаръ ли это?

— Пожаръ! повторилъ донъ-Рибьеръ, замѣтивъ, что я и садъ, находившіеся передъ его домомъ, ярко освѣщены, и началъ бѣгать взадъ и впередъ съ безтолковыми и несомнительными криками:

— Ахъ! книги мои, книги!

— Ваша бібліотека совершенно-безопасна, быстро сказалъ я, изумившись отъ перекличекъ, какія слышны были не вдалекѣ, и при видѣ факеловъ, носившихся подъ деревьями. — Это не пожаръ; безъ-сомнѣнія, кого-нибудь ищутъ...

— И безъ-сомнѣнія, нашли этого кого-нибудь, потому-что свѣтъ удалается и исчезаетъ.

— Какъ! Не-уже-ли васъ не поразили тѣ отношенія, какія находятся между таліями и картами? сказалъ я, дѣлая тѣ, что Раблэ называетъ прекрасными выходыми *ex чернилъ* ики и вдругъ обращаясь къ главному предмету моего посѣщенія.

— Вы, должно быть, слѣпы, или слишкомъ предубѣждены и не видите, что карты родились отъ безумія Карла VI...

— Фи! для чести картъ, перестаньте защищать этотъ очевидный парадоксъ.

— Вы умѣете при спорахъ обезкураживать и тѣмъ заставлять противниковъ уступать вамъ. Добрый вечеръ!

— А вы имѣете способность превращать общіе вопросы въ личные; но, почтенный отецъ мой, вы напрасно будете терять слова и не убѣдите меня, что удивительныя соединенія въ игрѣ...

— Э! молодой человекъ, не думаете ли вы убѣдить меня, что я невѣжда?

— Этого я никакъ не думалъ, кланусь Богомъ; я хочу только предста-

вить вамъ результатъ того, что я читалъ...

— А я, если вамъ угодно, ничего не хочу слышать. Для меня довольно знать истиннаго отца Менетрьера и отца Даниэля, которые были истинно иезуиты и въ познаніяхъ равнялись съ самыми знаменитѣйшими изъ общества Сен-Мора.

— Отступимъ храбро; въ нынѣшній вечеръ вы не хотите признать себя побѣжденнымъ. Я оставляю васъ, чтобъ не слышать картъ.

Донъ-Рибьеръ не отвѣтилъ на эту шутку и на мое дружеское прощанье; онъ досадовалъ на то, что я хотѣлъ взять верхъ надъ нимъ въ нашей археологической стычкѣ, и хотѣлъ поскорѣе остаться одинъ съ своими книгами, чтобъ спросить ихъ объ оружіи противъ моей побѣдоносной системы. Онъ не проводилъ меня до снѣгъ, говоря на прощанье:

— *Libros volvite semper atque semper* (читайте книги постоянно).

Его старая ключница услала вѣстичку послѣ моего прихода, никто мнѣ не посѣтилъ на лестницѣ, на которой я могъ слышать себѣ мою не одну разъ.

— Ничего! весело сказала я самъ себѣ:—карты выдуманы Греками, и я открылъ ихъ происхождение.

Не безъ труда могъ я выйти ворота и выйти изъ дома на улицу. Ночь была безлуная и безвѣдная, и потому такъ темна, что я сначала не видавъ кабріолета, стоявшаго у противоположной стѣны; я вскричалъ вавощку, который не нашелъ лучшаго средства провести время, какъ соснуть, и прежде, чѣмъ онъ совершенно проснулся, я сѣлъ рядомъ съ нимъ.

— Какъ, чортъ возьми! ты не застѣтилъ своихъ фонарей? спросилъ я вавощку, который звѣздясь возмѣщаль мнѣ свое пробужденіе.

Раздался выстрѣлъ такъ близко, что, казалось, онъ былъ направленъ въ меня, и я ощупывалъ себя, чтобъ утѣряться, не равенъ ли. Спусти нѣсколько времени, я услышалъ стукъ оружія

увѣрился, что онъ происходитъ въ аду, отдѣлявшемся отъ меня низенькою стѣнкой. При глубокой тишинѣ, арствовавшей въ Предѣстѣи-Сен Марин и въ сосѣднихъ дачахъ, выстрѣлъ въ пистолета или изъ ружья былъ гораздо громче; за нимъ на томъ же мѣстѣ послышалось нѣсколько голосовъ.

— Уфъ! что они? принимаютъ насъ а волковъ, что прямо въ насъ стрѣляютъ? вскричалъ извозчикъ.

— Вѣрно ловятъ воровъ, возразилъ я, прислушиваясь къ голосамъ въ саду.—Можетъ-быть, самоубійство...

— Ну, ну, Филиппа, не бойся, красавица! Никто не умеръ, по-крайней-мѣрѣ изъ насъ. Право, подумаетъ, что дѣсь разбойничій притонъ, а не панжская уличка. Ахъ, ты, Боже мой! вѣрены ли вы, что эта пуля была не для васъ?

Я не слушалъ болтовни извозчика; рескъ сучьевъ и шумъ листьевъ прилекли мое вниманіе къ стѣнкѣ; на ней оказалась человѣческая голова, а по-омъ и цѣлая фигура, которая, казаясь, двигалась изъ темноты и ползла по верху стѣны. Безъ движенія, не произнося ни одного слова, съ изумленіемъ смотрѣлъ я на это странное явленіе, рассмотреть которое препятствовало мнѣ темнота и которое сначала представлялось мнѣ бѣгствомъ злодѣя.

Этотъ человѣкъ, у котораго было на плечахъ что-то, завернутое въ бѣлое, вскалъ на стѣнѣ впадая, чтобъ удобнѣе спуститься. Онъ тотчасъ нашель въ и началъ спускаться, схватясь одной рукой за верхушку стѣны, вышиною не болѣе девяти футовъ. Я слышалъ, какъ его платье скользнуло по камнямъ, какъ онъ прыгнулъ, сопровождаемый обломками камней, которые стащилъ за собою. За тѣмъ я не видѣлъ его и думалъ, что онъ уже далеко, какъ вдругъ онъ показавшись на подножкѣ кабріолета и усиливаясь поднять передникъ, чтобъ броситься въ экипажъ.

— Эй, любезный, не трудись! вскричалъ извозчикъ, который, не могши за-

ставить его оставить подножку, сильно толкалъ его.

— Два наполеондора тебѣ! борю-талъ незнакомецъ, упорствуя въ намѣреніи войти въ кабріолетъ.

— Никакіе наполеондоры не помогутъ! возразилъ извозчикъ, раздосадованный настойчивостью. — Прому прочь... разъ, два!..

— Ради Бога, свези меня!.. отбѣчалъ съ отчаяніемъ незнакомецъ, который еще не замѣтилъ меня.

— Вы видите, сказалъ я съ учтивостью и виѣстѣ съ благосклонностью, причины которыхъ и самъ объяснить не могу:—вы видите, сударь, что этотъ кабріолетъ занятъ: онъ мой.

Незнакомецъ совсѣмъ не ожидалъ услышать кого-либо другаго, кромѣ извозчика, отскочилъ назадъ и едва не упалъ. Въ эту минуту, онъ очутился противъ меня, и я могъ рассмотреть его черты, которые хотя и были возмущены, но мнѣ показались благородными и привлекательными. Его дикіе глаза, на которыхъ блистали слезы, выражали неопредѣленную доврчивость и просьбу. Хотя я видѣлъ, что онъ лѣтъ чрезъ стѣну какъ воръ; хотя замѣшательство его и смущеніе еще были видны; хотя нельзя было не замѣтить какого-то страннаго и несчастнаго характера по его физиономіи, блѣдности, по морщинистымъ бровямъ, по длиннымъ чернымъ растрепаннымъ волосамъ, по черной бородѣ, которая окружала его сухое истомленное лицо отъ одного уха до другаго, но я не только не подумалъ, что онъ преслѣдуемъ за преступленіе, но, напротивъ, чувствовалъ, что по истинноту или по симпатіи совершенно расположенъ къ нему, не спрашивая о его положеніи въ настоящіхъ столь двусмысленныхъ обстоятельствахъ.

— Ахъ, сударь, умоляю васъ, уступите мнѣ кабріолетъ! сказалъ онъ съ горячностью, тономъ просительнымъ и виѣстѣ повелительнымъ.

— Но, милостивый государь! отбѣчалъ я, уже готовый согласиться.

— Необходимо, сударь! возразилъ

незнакомецъ, усиливши настойчивость. — Вы спасете мнѣ жизнь!

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ я вставая, чтобы сойти, и покоряясь нравственной неволѣ.

— Ого, да вы очень-добры! ворчалъ извожикъ, подлѣ котораго садился незнакомецъ на мѣсто, которое я машинально оставилъ. — Да не вы ли меня наняли? прибавилъ онъ, обращаясь къ свѣтлинскому мена, который взялъ возжи изъ его рукъ: — я ѣзжу вотъ уже два часа.

— Я сказалъ тебѣ, что дамъ два наполеондора! отвѣчалъ незнакомецъ, овладѣвшій управленіемъ экипажа: — у меня нѣтъ больше.

— Пришлите экипажъ назадъ! кричалъ я вслѣдъ уѣзжавшимъ: — я пожду здѣсь.

II. Предостереженіе.

Кабриолетъ выѣхалъ изъ предмѣстія, и я нацѣлился идти въ улицу Банъ, на берегъ ручья; шумъ колесъ и топотъ лошадей скоро смѣшался съ шумомъ и топотомъ другихъ колесъ и лошадей. Вся эта сцена произошла такъ внезапно и такъ скоро, что я не имѣлъ времени подумать о затруднительномъ положеніи, въ которомъ остался одинъ въ такомъ пустомъ предмѣстіи, гдѣ затаилъ чертъ-человѣкъ казалъ приступить стѣну и убѣжалъ отъ нея. Свѣтъ и голоса въ саду, отъ котораго отдѣляла меня эта стѣна, снова начали приближаться, и по первымъ словамъ, достигшимъ до моего слуха, я догадался, что кого-то преслѣдуютъ.

— Увѣрены ли вы, что его нѣтъ въ саду? сказалъ тотъ, кто по твердому и повелительному тону казался господиномъ, разговаривающимъ съ своимъ слугами.

— Мы осмотрѣли каждый кустикъ, отвѣчалъ другой съ робостью виноватаго слуга.

— Я думалъ, что выстрѣлъ барона настѣгъ его, сказалъ третій, который хотѣлъ похвалить стрѣлка.

— Точно, мнѣ кажется, Шерръ

правъ, прибавилъ слуга: — когда раздался выстрѣлъ, то, казалось, онъ упалъ на откидъ лѣвомъ.

— Къ-несчастію, мой карабинъ заряженъ былъ только дробью, отвѣчалъ господинъ.

— Ахъ, понимали ли вы его, этого разбойника? вскричало трещающимъ голосомъ новое лицо, которое отаралось догнать другихъ.

— Нѣтъ, онъ убѣжалъ, неизвестно какъ и куда, отвѣчалъ тотъ, кто заговорилъ первымъ.

— Ахъ, онъ убѣжалъ! ворчалъ тотъ, который, казалось, былъ старше всѣхъ. — А если онъ скрылся въ отель?

— Богу угодно, чтобы онъ убѣжалъ! А можно бы предать его въ руки правосудія и открыть его сообщничество. Прошло то время, когда воровали и покровительствовали ворами. А вѣдь они ничего не украли?

— Они не дошли до моего кабинета: замѣкъ моего бюро цѣлъ.

— Домъ осмотримъ, когда прійдетъ комиссаръ съ жандармами.

— Вотъ гдѣ онъ ушелъ! вскричалъ вдругъ слуга: — вотъ измятые кусты и переломанныя вѣтви.

— Онъ вѣзъ на дерево, прибавилъ другой слуга: — и отсюда прыгнулъ въ Предмѣстіе-Сен-Мари.

— Пойдемъ въ предмѣстіе, сказалъ господинъ, показывая дорогу слугамъ. — Заперта ли калитка?

— Она отворена! вскричалъ первый слуга, подошедши къ калиткѣ, ведущей въ предмѣстіе.

— Отворена! повторилъ господинъ. — значить, ею вошли воры!.. Батюшка, воротитесь въ отель; не ходите за нами; вы замедляете наши поиски; кроме того, вамъ нужно успокоиться отъ страха. Возвратитесь къ моей сестрѣ и отдохните тамъ.

Молодой человекъ, уволнивъ такимъ образомъ своего отца, который могъ сдѣлать препятствіе и затрудненіе въ случаѣ борьбы съ злодѣями, самъ удостоившись, что калитка была отворена, и вышелъ въ нее въ предмѣстіе съ тремя огромными лакеями въ

интересъ, съ факелами и съ кухонными ножами. Я еще оставался недвижимъ на прежнихъ мѣстѣ, мало понимая изъ того, что слышалъ, и въ-тихомолку упрекая себя за то, что пособилъ убивать вору или убійцѣ; между-тѣмъ, во мнѣ было истиннѣйшее предубѣжденіе; это предубѣжденіе боролось съ фактами и опровергало возможную виновность лица, которому я такъ снисходительно уступилъ мой кабріолетъ; въ этомъ человѣкѣ, котораго я не нашъ и противъ котораго все соединилось въ одну обвинительную тяжесть, такъ готовъ былъ судить съ лучшей горюности, что поклялся бы въ его невинности, еслибы у него не было извѣстнаго бремени обвинителя, которое оходило на украденное; онъ, казаясь, такъ заботился отвести его въ безопасное мѣсто...

— Воръ! воръ! закричали слуги, увидавъ меня подлѣ стѣны въ такомъ положеніи, какъ-бы я поставленъ былъ на наблюденіи за знаками моихъ содѣяніевъ, или для полученія своей ли изъ добычи.

— Всего одинъ! сказалъ господинъ, осилъ на меня и схватилъ за воротъ.

— За какого дьявола вы меня примаете? сказалъ я, оглушенный такимъ шумнымъ нападеніемъ.

— Я принимаю тебя за того, кто ты самомъ-дѣлѣ, за плута! Ты отвѣчь за другихъ! Ни съ мѣста, или я юю тебя!

— Милостивый государь! посмотрите на меня, сказалъ я съ такимъ видомъ ономъ, который долженъ былъ развить всѣ подозрѣнія: — и вы будете идиться своей ошибки.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, державшій меня за воротъ: — смотря на васъ, не подумаешь...

— Васъ можно извинить, потому-что не знаете меня; но вы узнаете, что

— Вы объяснитесь съ полицейскимъ комиссаромъ, а я васъ задержу.

— Это шутка.

— Цѣтъ, дѣло совершенно-серьез-

ное. Вы видите честный видъ, на это я согласенъ; но и воръ можетъ въ совершенствѣ принять видъ честнаго человека... Впрочемъ, я отъ всего сердца желаю, чтобы васъ не нашли виновнымъ.

— Виновнымъ! Какъ? Вы все еще остаетесь при этой смѣшной мысли?

— Не пускайте его, господинъ-баронъ! кричали слуги, угрожая мнѣ ножами.

— Не бойтесь, сказала я спокойно: — я не уйду до-тѣхъ-поръ, пока не дождусь своего кабріолета.

Слова эти, произнесенныя тихо и просто, болѣе всѣхъ моихъ доказательствъ подѣйствовали на духъ барона; онъ пересталъ удерживать меня силою, и, осмотрѣвъ меня съ ногъ до головы, понялъ, что онъ очень ошибся на мой счетъ. По такъ-какъ слуги все еще почитали меня за того, который вошелъ въ отель, безъ-сомнѣнія, съ намѣреніемъ обокрасть, то ихъ господинъ считалъ справедливымъ, чтобы полицейскій комиссаръ допросилъ меня на мѣстѣ.

— Я совершенно желаю, чтобы вы не были воромъ, сказалъ онъ, наблюдая, не измѣнюсь ли я въ лицѣ.

— Благодарю васъ за мнѣніе обо мнѣ, не столь худое, какъ прежде, отвѣчалъ я весело.

— Вы, можетъ-быть, сообщникъ того человѣка, котораго я преслѣдовалъ и по которому выстрѣлилъ...

— Такъ вы не убили его?

— Вѣроятно. Но я замѣчаю, сударь, что вы не знаете всего, что здѣсь было?

— О! рѣшительно не знаю.

— Однакожь, вы были въ предмѣстіи, когда этотъ человѣкъ убивалъ чрезъ стѣну, или въ эту калитку...

— Вы говорите, что онъ ничего не укралъ? прервалъ я, рѣшившись не говорить о томъ, что видѣлъ.

— Правда, но украдено ничего; но украли бы, еслибъ мы не возвратились за часъ до окончанія спектакля.

— Увѣрены ли вы, что приходили въ вашими мнѣніемъ?

— Зачѣмъ же входить въ домъ съ подаѣльнымъ ключомъ или по веревочной лѣстницѣ?

— Вы предлагаете мнѣ тонкій вопросъ... Если васъ обокрали, если преступленію сдѣлано...

— А, видно, вы защищаете воровъ! Я не пушу васъ, покуда прійдетъ комиссаръ.

— Я и не прошу у васъ позволенія идти, покуда не прійдетъ мой кабріолетъ.

— Какой кабріолетъ?

— Ахъ, Боже мой! Кабріолетъ, какъ и всѣ биржевые кабріолеты. Я пріѣзжалъ вотъ въ этотъ домъ, и думалъ найти экипажъ у воротъ, который долженъ былъ за мной пріѣхать. Вѣрно, онъ не замедлитъ...

— Вотъ въ этотъ домъ, говорите вы, пріѣзжали на вечеръ? Значитъ, вы были тамъ, когда воръ, или одинъ изъ воровъ, убѣжалъ. Вотъ слѣды его бѣгства...

— Онъ отломилъ эти куски штукатурки, спускался со стѣны, сказалъ слуга, хотѣвшій собрать обличительные знаки.

— Онъ раненъ, сказалъ другой слуга: — вотъ капли крови.

— Раненъ! повторилъ я, укрѣпляясь въ наѣреніи скрыть мою тайну, кто бы ни былъ тотъ, кого она касалась.— Если онъ дѣйствительно злодѣй, то довольно наказанъ.

— Э! я не такъ жалостливъ къ злодѣямъ и хочу отыскать его, чтобъ отправить на висѣлицу...

— Ужъ теперь не вѣшаютъ, милостивый государь, отвѣчалъ я холодно.

— Но, возразилъ молодой человѣкъ, краснѣя отъ косвеннаго урока, который далъ я его жестокости: — такъ какъ вы были вѣсь, то видѣли... должны видѣть...

— Я не видѣлъ я тѣни вора, отвѣчалъ я, будучи увѣренъ, что защищаю невиннаго.

— Какъ! Будто можно было ему спрыгнуть со стѣны, обломить эту штукатурку, и чтобъ вы этого не примѣтили?

— Можеть-быть, я былъ тогда развлеченъ, или, лучше, я не видѣлъ въ этомъ ничего необыкновеннаго.

— Это удивительно, очень-удивительно! сказала сухо молодой человѣкъ и снова осмотрѣлъ меня съ недоувѣрчивостью.

— Карты или кости итѣаютъ вамъ спать? вскричалъ я дону-Рибьеру, котораго крики и свѣтъ привлекли къ окну и который чрезъ это далъ мнѣ предлогъ не отвѣчать на вопросы довольно-затруднительные, которые предлагалъ мнѣ упрямый допросчикъ.

— Какъ! это вы, другъ мой? отвѣчалъ бенедиктинецъ, которому слабое вѣрніе препятствовало узнать меня. — Чтѣ же вы тутъ дѣлаете? Я думалъ, что вы уже далеко, потому-что довольно времени...

— Потому-что десять минутъ... Или, я обдумывалъ неопровержимое доказательство въ пользу талій, этихъ подлинныхъ рисованныхъ или фигурныхъ таблицъ, tabulae sigillatae, отъ которыхъ произошла игра въ карты...

— Да чтѣ же случилось? Вы говорите о ворѣ, о воровствѣ, о лѣстницѣ...

— Меня хотѣтъ остановить и вести въ тюрьму, какъ сообщника этихъ воображаемыхъ воровъ.

— Васъ, мой любезный господинъ Жакобъ! сказалъ донъ-Рибьеръ смѣясь: — не нужно ли, чтобъ я пришелъ защитить васъ?

— Это бесполезно, сударь, возразилъ молодой человѣкъ, смѣшавшись и досадуя на свою ошибку. — Теперь я винжаю, съ кѣмъ имѣю дѣло. Но я бы замѣтилъ слѣдствія своей ошибки, еслибъ этому господину не угодно было продолжать ее... для забавы... Не такъ ли, г. Жакобъ?

— Такъ точно, къ вашимъ услугамъ, сказалъ я, кланаясь съ нѣсколько-саркастической улыбкой. — Я прійду завтра, мой другъ, вскричалъ я дону-Рибьеру, замѣтивъ, что мой кабріолетъ показався при взѣздѣ въ предмѣстіе: — прошу васъ найти у авторовъ время Карла VI хоть одно слово объ изобрѣтснн карточной игры.

— Милостивый государь, сказалъ утѣво баронъ, вспомнишь, наконецъ, мое имя: — я много слышалъ о васъ въ Италиі, когда былъ преектомъ Монтеноттскаго-Департамента.

— Господишь Сент-Аллеэ? прервалъ я, давая знакъ моему кучеру, чтобъ онъ остановился дальше.

— Точно такъ, сударь; я былъ въ своемъ преекстствѣ во время вашего путешествія по Италиі; но батюшка мой жилъ въ Римѣ и нигдѣ не хотѣлъ видѣть васъ у себя. О! онъ не забылъ васъ...

— И я помню ласки, какими графъ Сент-Аллеэ осыпалъ меня въ Римѣ. Давно ли вы получили о немъ извѣстіе? вдорюль ли онъ?

— Но онъ уже не въ Римѣ съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ службу; онъ здѣсь.

— Непремѣнно постараюсь увидѣть-ся съ нимъ. Какъ же я не слышалъ о эго возвращеніи?

— Вотъ уже два года мы живемъ совершенно по-затворнически, не принимаемъ никого... Мое удаленіе отъ службы и смерть моего зятя пронесли много перемѣнъ въ домѣ батюшки.

— Какъ! ваша милая сестричка вышла замужъ и уже овдовѣла?

— Овдовѣла, спустя шесть мѣсяцевъ послѣ брака. Я былъ еще преектомъ, когда вы кончили путешествіе по Италиі.

— Вашъ батюшка и почтенный г-нъ Серу-д'Ажикуръ желали, чтобъ я пожилъ съ ними въ Римѣ, и ниѣ очень хотѣлось, но меня увѣдомили изъ Паррижа, что домъ, въ которомъ я квартировалъ и въ которомъ оставался мои книги, при планировкѣ, назначенъ къ сломкѣ, и я принужденъ былъ воспользоваться помощью своей библіотекѣ. Извините мое отступленіе... Такъ воровство случилось у графа Сент-Аллеэ?

— Воровство, или убійство, присовокупилъ онъ, отвѣда меня въ сторону. — Оставивъ службу, я узналъ, сколько нажилъ себѣ враговъ своимъ строгимъ управленіемъ. Я нигдѣ дѣло съ франкмасонами! Понимаете, сударь, продолжалъ баронъ Сент-Аллеэ: — я полагаю,

я думаю, что тѣ, что хотѣли сдѣлать въ этотъ вечеръ, болѣе относятся ко мнѣ.

— Совѣтую вамъ не разглашать о томъ, что случилось, прервалъ я, прощаясь съ нимъ. — Это будетъ гораздо-благоразумнѣе. Если вамъ угодно, мы поговоримъ послѣ. Завтра я буду нигдѣ честь представиться вашему батюшкѣ.

Я сѣлъ въ кабриолетъ, приказавъ извозчику вести меня домой, въ Марэ, и прижался въ уголъ, настрѣвался притвориться спящимъ, чтобъ набѣжать распросовъ моего сосѣда, а онъ, будучи гораздо-болѣе-обыкновеннаго расположенъ говорить, весьма досадовалъ на мое молчаніе.

— Вы неспрашиваете меня объ исполненіи вашего порученія? сказалъ онъ съ хитростію.

— Надѣюсь, тебѣ хорошо заплатили? отвѣчалъ я съ разсѣяннымъ видомъ. — Вотъ все, о чемъ я спрашиваю.

— Заплатили хорошо! вскричалъ онъ, показывая двѣ золотыя монеты, которыя держалъ въ рукѣ. — Большие ничего!

— Такъ заплатить хоть-бы маршалу Франціи, сказалъ я, вполне-занятый этими чрезвычайными и таинственными случасіемъ.

— Это значить хорошо заплатить, возразилъ извозчикъ, безкорыстно играя деньгами: — по-чести, это стоило не больше пяти франковъ! Однакожь, нельзя же было отказаться... неучтиво. Два наполеондора! Это прекрасно... зато, чтобъ отвезти изъ Предмѣстія-Сен-Мари до начала Улицы-де-Пуатьеръ!

Я не замкнулъ ушей такъ, какъ заказаніе, какое безъ сознанія давалъ неспрошенный извозчикъ, старавшійся о томъ, чтобъ его спросили, и чтобъ дать волю своему языку. Такъ онъ отвѣзъ незнакомца ко въѣзду въ Улицу-де-Пуатьеръ, и отвѣзъ такъ скоро, что ему дали двѣ золотыя монеты; я сознаю, что только воръ могъ допустить такую роскошь въ благородствѣ. Я подумалъ о себѣ и рѣшился ни о чемъ не спрашивать извозчика, который дивился моему беззаботности и не могъ иначе изъ-

дсить ее, какъ предволагая мое знакомство съ лицомъ, воспользовавшимся моимъ кабріолетомъ. Я хотѣлъ отвлечь его вниманіе и любопытство отъ происшествія, въ которомъ случай доставилъ ему такую же роль, какъ и мнѣ. Меня побудила въ тому какъ-бы крайность, и я говорилъ самъ себѣ, что незнакомецъ, который заклиналъ меня спасти ему жизнь, безъ-сомнѣнія, болѣе несчастенъ, нежели виновенъ; признаюсь, желая сдѣлать его какъ-можно-интереснѣе въ своихъ глазахъ, я пожертвовалъ ему добродѣтели дочери графа Сент-Аллена и сдѣлалъ его любовникомъ этой дамы, которую часто видалъ въ Римѣ до ея замужства.

Но мой трудъ ослабить и отклонить подозрѣнія извозчика только болѣе увеличилъ и усмилалъ ихъ: осторожность моя уколола его нескромность и по недостатку другихъ примѣтъ, онъ толковалъ на свой манеръ обстоятельства, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Я притворился, будто слышу и не слушаю непрерывнаго монолога; наконецъ надобно же мнѣ было показать, будто просымаюсь, чтобъ не дадутся въ его предположенія, компрометировавшихъ меня.

— Бьюсь объ закладъ, сударь, что вы знаете его, этого человѣка, сказалъ онъ, наклонивъ свою голову къ моему, чтобъ увѣриться, дѣйствительно ли я слышу:—сущая правда, что вы его знаете, не такъ ли? потому - что иначе вы не были бы такимъ... добрымъ малымъ, чтобъ позволили занять свое мѣсто.

— Я сдѣлалъ это случайно, возразилъ я, стараясь рассказывать сказку, какую могло придумать мое воображеніе:—но если ты по несчастію расскажешь о томъ, что мы знаемъ, то мы тогдашъ попадемъ въ тюрьму.

— Въ тюрьму! вскричалъ извощикъ съ изумленіемъ и недоумѣнностью.— Э! да что же мы знаемъ?

— Да, любовникъ, въ тюрьму; потому-что лицо, вышедшее изъ огней господи Прензардьеръ...

— И кѣмъ вы угнали свое мѣ-

сто въ моемъ кабріолетѣ, кто показывалъ, что вы... добрый малый.

— Это... сказалъ я медленно, выбравъ имя, которое бы могло оправдать мою выдумку:— это министръ полиціи. Понимаешь ты теперь, почему я позволилъ занять свое мѣсто въ кабріолетѣ?

— Понимаю, понимаю. Боже ты мой! легко сказать, министръ полиціи сидѣлъ тутъ нѣдѣй часа, молдиъ меня, какъ вы сидите!

— Понимаешь ли, что намъ должно хранить тайну... государственную?

— Не бойтесь, тайна его и гослюки Прензардьеръ въ добрыхъ рукахъ!

Я добѣхалъ до дома и освободился отъ труда вести-протать долге этого добраго человѣка, который пересталъ опровергать мою велемудрую ложь. По-рекомендовалъ ему снова быть строгимъ, и пожелалъ ему удачи, я положилъ ему въ руку экую и шесть ливровъ и оставилъ его, когда онъ при свѣтѣ кабріолетныхъ фонарей рассматривалъ монеты, свидѣтельствовавшія о посредственности моего конелька.

—Ну, вотъ! ворчалъ онъ:— и видно, что не министръ!

II. Сладствіе.

Всю ночь я былъ сильно занятъ происшествіемъ въ Преддѣльяхъ Сен-Мари и напрасно старался изъяснить себѣ узнанные мною факты, случая ихъ съ тѣми, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Я не упрекалъ себя за то, что такъ поступилъ, и за покровительство, оказанное незнакомцу, намѣренія котораго, при безпристрастномъ судѣ е промешествіи, непредоставались совершенно-чистыми, ни даже двусмысленными. Въ-самомъ-дѣлѣ, человѣкъ, перелѣзавшій черезъ стѣну, чтобъ убѣжать изъ дома, въ который вошелъ неизвестно съ какою намѣреніемъ, доходилъ столько же на вора, сколько и на любовника, и я обвинялъ свое изображение въ излишней поспѣшности увлечься романтическимъ интересомъ происшествія, защищать и оправдывать чужака, на-перекоръ очамъ-по-

заговорителнымъ обетомъ галетамъ, и наконецъ сдѣлался причиною затруднительнаго положенія, въ которомъ я долженъ былъ предъ графомъ Сент-Аллезомъ. Я былъ вполнѣ увѣренъ, что едва сомнѣвался въ нескромности звоника послѣ того страха, какой я ввелъ на него министромъ полиціи.

Я рѣшился идти къ графу Сент-Аллезу не для того, чтобъ совѣтаться въ роли, какую сыгралъ въ необдуманномъ,—я слишкомъ стыдился показывать себя сообщникомъ злодѣя,—но для того, чтобъ узнать вѣрнѣе, что случилось вчера. Я даже забылъ о добромъ отпѣльберѣ, который ожидалъ меня, окруженный своими книгами, чтобъ окончить нашъ великій ученый споръ о происхожденія карточной игры.

Когда я пришелъ въ отель графа Сент-Аллеза, тамъ все было въ безобразіи. Ворота заперты засовомъ, хоть я стучалъ изъ всѣхъ силъ, но онъ не отворили бы ихъ, еслибъ служившій вчера въ Предмѣстьи-Мари, при моемъ разговорѣ съ сыномъ его господина, не узналъ меня по тосу. Онъ просилъ меня подождать скоро возвратился, получивъ приказаніе вести меня. Едва я вошелъ на порѣ, какъ вслѣдъ за мною снова зарыли ворота, и я расклаталъ въ требованіи, чтобъ меня впустили, представивъ себя арестованнымъ. Тутъ составили протоколъ и рапортъ о вчерашнемъ происшествіи. Исходивъ весь дворъ, погребъ, анбаръ, полицейскій комиссаръ съ своимъ причтомъ и двумя жандармами допрашивали лакея, камердинеровъ, кучера, сторожей, паровъ и горничныхъ дѣвушекъ. Я наизлѣ и трясся, какъ преступникъ, и взгляда агента правосудія. Я хотѣлъ уйти назадъ, но уже было поздно: мнѣ доложили, назвали по имени и положили допросить меня.

— Вы кетати пришли, сказалъ мнѣ живо комиссаръ: — я нѣмѣлъ нужду вашихъ объясненій...

— Я ничего не знаю, господинъ-комиссаръ, отвѣчала я, покраснѣвъ и поту-

ливъ глаза въ землю:—совершенно ничего.

— Я сейчасъ буду къ вашимъ услугамъ, сударь; мнѣ нужно допросить дѣвушку.

Я увидѣлъ лицо, на которое указывалъ офицеръ, и съ перваго взгляда подумалъ, что она не бодрѣ меня. Это была субретка, какихъ представляютъ въ комедіяхъ: красива, хорошо одѣжена, одѣта изящно и почти роскошно; съ кистрою и легкою физиономіей, съ скромнымъ и иногда плутовскимъ видомъ, съ рѣзкимъ голосомъ и съ свободою въ движеніяхъ. Щеки ея раскраснѣлись, когда она подошла въ комиссару, и на вопросы, какіе она ей дѣлала, отвѣчала энилась.

— Скажи мнѣ, что ты дѣлала, когда г. гравъ съ сыномъ и дочерью отирались въ театрѣ?

— Сначала я уложила дѣти, и когда оно уснуло, пошла въ садъ...

— Потомъ возвратилась ли ты въ комнату, въ которой спали дѣти? видѣла ли ты его спящимъ?

— Да, сударь; перелъ спящъ оно очень кричало...но, казалось, совершенно успокоилось.

— Въ которомъ часу ты оставила его въ другой разъ?

— Это было часовъ въ десять... и въ саду... была уже совсѣмъ ночь...

— Такъ, въ часахъ вы не ошибаетесь, потому-что госпожа твоя, возвратившись въ десять часовъ, нашла тебя спящею въ комнатѣ противъ ея комнаты... это такъ и въ моемъ протоколѣ.

— Можеть-быть, сударь. Я спала такъ крѣпко, что ничего не видала и не слышала.

— Даже и крику, и выстрѣла изъ ружья, который сдѣлалъ г. баронъ въ того человѣка, что убѣжалъ?

— Хотя бы весь домъ умчалъ, я бы не услышала бы: такъ крѣпко спала.

— Это необыкновенный сонъ, вѣрчалъ комиссаръ, взявъ головою. — Я сдѣлаю тебѣ еще вопросъ и сразу отвѣчать отирательно.

— Отирасъ... повстарила дѣвушка, не-

торая не поняла этого выраженія и предполагала въ немъ значеніе угрозы.

— Сторожъ и камердинеръ г. барона показываютъ, будто они видѣли, что ты на улицѣ разговаривала съ человѣкомъ съ черною бородою; они даже утверждаютъ, что ты впустила этого человѣка въ отель, когда господъ не было?

— Нѣтъ, сударь, клянусь вамъ! отвѣчала она трогательно: — есть злые завистники, которые хотятъ лишитъ меня мѣста.

Полицейскій комиссаръ не требовалъ отвѣта болѣе удовлетворительнаго: можетъ быть, онъ не замѣтилъ замѣтительства дѣвушки, или отнесъ его къ выраженію уваженія и страха, которые производило одно его присутствіе. Потому онъ просилъ меня объяснить ему то, что я знаю о вчерашнемъ происшествіи. Но я твердо укрѣпилась въ системѣ полного отрицанія и продолжалъ ее, хотя это и было для меня трудно; такимъ образомъ, я приняла на себя жалкую роль лжеца, которую называю въ своихъ глазахъ однимъ справедливымъ и честнымъ намѣреніемъ:

— Дѣйствительно, я ничего не знаю объ этомъ дѣлѣ. Я пріѣхалъ посѣтить моего друга, г. Ривьера, который живетъ въ Предмѣстьи-Сен-Мари; это было уже въ девять часовъ; я пробылъ у него не болѣе получаса и когда вышелъ и хотѣлъ сѣсть въ кабріолетъ ..

— Слѣдовательно, кабріолетъ ожидалъ васъ у воротъ того дома, въ которомъ вы были?

— Нѣтъ, не у воротъ, сказала я, сбавившись отъ этого непредвидѣннаго вопроса: — онъ долженъ былъ пріѣхать за мной...

— Если онъ былъ въ Предмѣстьи-Сен-Мари во время бѣгства злодѣя, то певощикъ видѣлъ...

— Позвольте сказать вамъ, что онъ ничего не видалъ, потому что прібылъ съ своимъ экипажемъ, когда я уже говорилъ о происшествіи съ г. барономъ Сент-Алезомъ, который вышелъ изъ сада черезъ калитку.

— Въ самомъ дѣлѣ, ваше объясненіе согласно съ объясненіемъ господина барона, сказалъ комиссаръ, сътрисъ своимъ протоколомъ. — Нужды нѣтъ, я прикажу отыскать певощика: онъ можетъ доставить нѣкоторыя свѣдѣнія...

Такимъ образомъ, ложь моя должна была неизбежно открыться, и я попытался предупредить бѣду, говоря, что мнѣ приходило въ голову. Это значило зайти слишкомъ далеко въ домысливотской преданности незнакомцу, подвергаться аресту и обвиненію въ участіи. Я еще надѣялся спасти невѣстнаго, не подвергаясь стыду признаться во лжи. — Господинъ комиссаръ, сказалъ я, съ вѣтерпѣннѣмъ оканчивая тагостный для меня разговоръ: — извините меня, я могу располагать только нѣсколькими минутами, а господинъ графъ непремѣнно хочетъ меня видѣть...

Я торопился уйти отъ комиссара, бросивъ взглядъ на горничную, которую подозрѣвалъ въ знакомствѣ съ своимъ незнакомцемъ; она показала, что угадываетъ мой взглядъ, но въ слѣдъ очередь дала почувствовать, что хочетъ спросить меня и попросить моего совѣта. По моему виду и по помнѣ отвѣтамъ она заключала, что и я, подобно ей, не говорю всего, что знаю. Она вошла за мной, чтобъ проводить меня къ господамъ. Какимъ съ любовитствомъ толпились около полицейскаго комиссара.

— Итакъ, милая, сказала я провожавшей меня дѣвушкѣ: — вчера здѣсь случилась покража?

— Ахъ, сударь, какое несчастіе! отвѣчала она, поднявъ глаза и руки къ небу.

— Я не буду поносить, пока не отыщутъ вора и я, можетъ быть, усѣю...

— Хорошо, еслибъ его отыскали: иначе госпожа умретъ съ тоски.

— А графъ? онъ, должно быть, еще болѣе горюетъ о потерѣ. На сколько у него украли?

Горничная посмотрѣла на меня съ удивленіемъ и не отвѣчала... Въ это время, баронъ Сент-Алезъ вышелъ

въ комнату, куда мнѣ вдобро было ити, и взялся проводить меня къ своему отцу. Сначала, онъ принималъ меня довольно-холодно, хотя и учтиво, сказавъ нѣсколько словъ въ благодарность за мое усердіе. Это, — сказала я, — показываетъ участіе, принимаемое мной въ его семействѣ, и что за участіе мое онъ свидѣтельствуетъ совершенную признательность. Это было сказано важно, почти торжественно. Я подумалъ, что сынъ такъ не скупъ, какъ и отецъ, и что пропажа денегъ была для нихъ величайшимъ несчастіемъ, какое только можно испытать. Отвѣтъ заключалъ въ себѣ выжженіе того участія, на которое онъ любилъ меня, и я пошелъ за нимъ опустивъ голову. Я былъ въ отчаяніи: я открылъ зоровство, помогъ вору идти съ добычей, и самое молчаніе мое въ эту минуту было столь же тяжко, какъ и угроженія совѣсти.

— Батюшка, я веду къ вамъ стариннаго друга, который принимаетъ живое участіе въ нашей печали, сказалъ мнѣ посредникъ.

Старый графъ, который отъ горести думался, сидя предъ своимъ бюро и лопивъ голову на руку, поднялъ глаза, узналъ меня и со слезами подошелъ обнять. Въ Римѣ два мѣсяца я былъ усерднымъ и хорошо принятымъ застольнымъ собесѣдникомъ графа Сент-Аллеза; я подружился съ нимъ одинаковости нашихъ вкусовъ къ живописи и по любви къ знаменито-антикварію, сэру д'Ажикуру; впрочемъ, я не считалъ его такимъ себѣ утомъ, чтобъ радость свиданія лила слезы изъ глазъ его. Эти слезы, горькая возмутила меня, я вочелъ свидѣнъ воспоминавшаго о кражѣ, которая приводила его въ отчаяніе.

— Въ какихъ несчастныхъ обстоятельствахъ вы видите меня! сказала я, рыдая.

— Въ — самомъ — дѣлѣ!.. отвѣчалъ я, мененный тѣмъ, что казалось мнѣ моею скупостью.

— Тому пять лѣтъ, какъ вы видѣли въ Римѣ счастливымъ и довольнымъ. ХЛII. — Отд. VIII.

нѣтъ своей участію; надобно было желать только продолженія такого благополучія, которому всѣ завидовали. А теперь, какъ вы находите меня?

— Признаюсь, это несчастіе... отвѣчалъ я: — почти не стоить слезъ; а много у васъ украли?

— Ахъ! господишъ Жакобъ! украли все мое счастье, все мое утѣшеніе, всю мою будущасть!

Я ничего не понималъ изъ этой сцены слезъ и вздоховъ. Полагая, что эта покража совершенно разорила графа Сент-Аллеза, я хотѣлъ высказать мою тайну, какъ вдругъ чьи-то рыданія заставили меня оглянуться въ ту сторону, съ которой они были слышны. Я увидѣлъ молодую женщину, одѣтую въ траурное платье; она рыдала, закрывъ лицо. Баронъ Сент-Алезъ не плакалъ, но его лицо, мрачное и суровое, выражало тяжкую горестъ. Я былъ растроганъ зрѣлищемъ этой горести, которая была такъ велика, что не могла произойти отъ причины незначительной и обыкновенной.

— Вотъ моя дочь, моя бѣдная дочь! сказалъ графъ, не поднимая головы и не переставая плакать. — Вы видѣли ее до замужства, не правда ли? О! вы, безъ сомнѣнія, не были послѣ того въ Римѣ...

— Батюшка, удалите тагостныя воспоминавшаго! вскричалъ баронъ: — довольно и настоящаго несчастія...

— Я имѣлъ двѣ только радости въ мірѣ, продолжалъ графъ, слѣдуя за своей идеей: — сына, блестящимъ образомъ вступившаго на правительственное поприще; за свои заслуги онъ долженъ былъ ожидать высшихъ должностей...

— Что сдѣлано, то сдѣлано, прервалъ баронъ, которому не нравился этотъ разговоръ: — не будемъ говорить объ этомъ.

— Дочь моя, вышедшая по своей волѣ, слѣдуя, какъ говорила она, своему сердцу, родила мнѣ внука...

— И его украли у меня! сказала въ изступленіи молодая женщина, ломая руки и металась въ конвульсіяхъ.

— Какъ?.. не-уже-ли?.. возразилъ я, понимая наконецъ истину. — Этого вора... этого человѣка...

— Развѣ вамъ не говорили этого? отвѣчалъ баронъ Сент-Алезъ. — Украли дитя моей сестры!..

Это было для меня громовымъ ударомъ; я хотѣлъ бы провалиться сквозь землю; меня грызла совѣсть; холодный потъ выступилъ на лицѣ моемъ; ноги тряслись; зрѣніе омрачилось; я не дышалъ болѣе. Это ужасное несчастье, похищеніе дитяти у матери, я могъ предотвратить, — и не сдѣлалъ этого! Напротивъ, я прикрылъ преступленіе, покровительствовалъ, помогалъ ему!

— Понимаете ли вы теперь наше отчаяніе? сказала графъ, сжимая мою руку.

— О! это ужасно, отвѣчалъ я съ тоской, которая душила меня:—ужасно!

— Зачѣмъ украли онцъ это дитя? вскричала несчастная мать, которая по-видимому успокоилась, и выпрямившись какъ-бы отъ электрическаго удара, устремила на меня большіе глаза, наполненные слезами, какъ-будто спрашивая меня о своемъ сынѣ.

— Я вамъ говорю уже, прервалъ баронъ: — что это мои враги, заговорщики, франмасоны!

— Какъ вы думаете, что они сдѣлаютъ съ нимъ, съ этимъ дитятей? прибавила женщина, почти обезумѣвшая съ печалю.

— Бога ради, ободритесь, потерпите! сказалъ я, не будучи въ состояніи выдержать провѣительныхъ взглядовъ, которыми она меня преслѣдовала.

— Терпѣніе, бодрость, когда украли у меня сына! О, чудовища! она не знаетъ, что такое мать.

— Вашего сына возвратятъ вамъ, сударыня. Да! возвратятъ невремѣнно!

— Что они съ нимъ сдѣлаютъ? что хотятъ сдѣлать? Бѣдная сирота! отецъ твой не могъ защитить тебя... А мать!.. О! я рѣшительно виновата! это будетъ вѣчно мучить меня, будетъ всегдашнюю пропаю для меня ракою!.. Я оставила дитя и наказана за это... Вы, батюшка, желали того; вы виноваты,

вы увелили меня отъ колыбели моего сына!.. Мать вѣтреная, безчувственная! я радучилась съ милымъ дитятей, чтобъ искать удовольствій! Никогда не прощу себѣ этого... Я какъ-бы предчувствовала горе, во время спектакля была расслѣнна, чувствовала, что глаза мои мокры безъ причины... Безъ причины! Сердце матери угадываетъ, оно слышитъ таинственный голосъ, который говоритъ ей безпреставно о сынѣ... Я говорила вамъ, батюшка, помните? еслибъ я послушалась голоса, влекшаго меня, я могла-бы раньше, чтобъ охранить дитя свое... Но открыли ли похитителя? Пошли ли на его слѣдъ? возвратятъ ли мнѣ сына? Что, если они убьютъ его!

Она испустила раздрающіе крики и унала, ударяя руками въ грудь. Такое ужасное отчаяніе продолжалось съ той минуты, въ которую она узнала о похищеніи; но теперь она была ужъ такъ слаба и истомлена печалю, что крики и конвульсіи по временамъ прекращались. Ея братъ, который, по-видимому, былъ очень къ ней привязанъ, не смотря на важность и сузость пріобрѣтенныя имъ при отпращеніи общественныхъ должностей, сказалъ ей нѣсколько обнадѣживающихъ словъ съ нѣжностію вложилъ ее на руки и вынесъ изъ кабинета, гдѣ присутствіе посторонняго еще болѣе усиливало печаль ея.

Графъ Сент-Алезъ посадилъ меня и въ словахъ, исполненныхъ благосклонности, выразилъ удовольствіе, какое чувствуетъ отъ свиданія со мною. Мгновенное отсутствіе его дочерей нѣсколько уменьшало его скорбь, и, забывъ о столь недавнемъ событіи, онъ разговаривалъ со мною о происшествіяхъ въ его семействѣ, повторилъ я не зналъ: онъ рассказывалъ мнѣ, какъ его единственная дочь вышла замужъ, не смотря на сопротивленіе его сына.

IV. Открытіе.

Молодой человѣкъ, по имени Луи Белевъ, урожденный ауссоненскій, сирота безъ состоянія, славившійся за необыкновен-

на (Сен-Жюста, прибывъ въ Римъ подъ предлогомъ усовершенствованія себя въ музыкѣ, а въ-самомъ-дѣлѣ затѣявъ, чтобъ завести тайную связь съ франмасонами или съ французскими и даже нидерландскими республиканцами. Истинной цѣли его путешествія не подозревали, и потому въ Римѣ его принимали съ тѣмъ обязательнымъ гостеприимствомъ, какое посылалъ имъ тамъ Французъ оказывающъ своимъ соотечественникамъ. Въ салонахъ, гдѣ занимался музыкою, онъ встрѣтилъ мажель Сент-Аллеа, былъ замѣченъ ею, и тотчасъ завязалась между ними одна изъ тѣхъ любовныхъ интригъ, которыми покровительствуютъ романтическіе обычай даже въ самомъ честномъ обществѣ. Отецъ узнавъ объ этомъ послѣ всѣхъ, но тогда было уже не время принуждать любовниковъ разлучиться, отказывая другъ отъ друга. Напротиво баронъ Сент-Аллеа, собравъ точныя свѣдѣнія о молодомъ артистѣ и недовѣря политическимъ цѣлямъ сына или военнаго Сен-Жюста, сильно воюетъ противъ брака, къ которому не было никакого благовиднаго повода, ни по состоянію, ни по происхожденію, ни по положенію въ обществѣ. Еслибъ въ это время баронъ Сент-Аллеа былъ имѣлъ съ отцомъ, еслибъ онъ могъ дѣйствовать прямо противъ Луи Белена, то, можетъ-быть, успѣлъ бы препятствовать этому соединенію, которое отвергали столько же его предубѣжденія, сколько и возраженія, основанныя на важныхъ и правдоподобныхъ побужденіяхъ; но онъ жилъ въ Савонѣ, главномъ городѣ Монтеноттскаго - Департамента, котораго онъ былъ пресектомъ, и не получалъ во время дозволенія на отъѣздъ изъ преректуры. Когда онъ прибывъ въ Римъ, сестра его лишь наказуя была обвѣнана, и онъ немедленно отправился назадъ съ сердцемъ, исполненнымъ печальствъ изъ зату, съ живою досадою на отца, котораго обманывъ въ обезпеченіи изъ швецъ бракомъ, изъ недостаточнымъ.

Вашимъ-образомъ, братъ и сестра

разсорились; но супруги, любовь которыхъ день-отъ-дня усиливалась, утѣшили бы графа Сент-Аллеа въ ссорѣ съ сыномъ, если бъ его денежное состояніе не было вдругъ разрушено тѣмъ же происшествіемъ, котораго нельзя было ожидать. Луи Беленъ и послѣ женаты бы продолжалъ сношенія съ тайными обществами Франціи и Италіи; эти сношенія, которыхъ нельзя было кончить скоро, сдѣлались для него тягостными, и онъ искалъ случая уклониться отъ нихъ, оставивъ франмасонство, служившее покровомъ для республиканскихъ заговоровъ, которыми постоянно вѣшала полиція и которые побуждаемы были счастливою вѣдью императора. Нѣсколько разъ онъ обвѣнчалъ своей супругѣ замѣреніе не участвовать въ предпріятіяхъ заговорщиковъ, но дѣлать ничего, что могло бы возмутить ихъ супружеское счастье, ибо этой доброй женщиной нечаянно попался письма и бумаги, открытія ей, какую опасную роль игралъ еще супругъ ея, служба оффиціальнымъ, хотя и безкорыстнымъ посредникомъ для прежнихъ сообщниковъ. Особенно она боялась вліянія вѣстнаго Винадески, молодого генуэзскаго дворянина, который былъ лучшимъ другомъ Луи Белена и имѣлъ надъ нимъ такую власть, что достаточно было одного слова этого Итальянца, чтобъ увлечь Белена въ республиканскія заблужденія его молодости; но Винадески, изгнанный изъ отечества, не могъ возвратиться въ него, потому-что полиція строго преслѣдовала его вполне-извѣстныя вѣнія и пристрастия. Госпожа Беленъ сдѣлалась береженною и приближенію родовъ возбуждало отпа и дѣла, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ ея разрѣшенія. Между тѣмъ, Луи Беленъ впасть въ печальную грусть, проводилъ большую часть времени въ своемъ кабинетѣ, писалъ письма, получалъ множество писемъ, смеялъ бумаги и отправлялся къ Италіи.

Этотъ кошотный отъѣздъ, предлогомъ къ которому представлена была необходимость быть на музыкальныхъ

праздникахъ, какіе давали по случаю прибытія Наполеона въ столицу Ломбардіи, привелъ въ отчаяніе господа Беленъ; она хотѣла отправиться вмѣстѣ съ супругомъ, но приближеніе времени родовъ и трудность дальняго пути среди вины послужили препятствіями, которыми Луи Беленъ могъ склонить своего супругу не выѣзжать съ нимъ изъ Рима. Во время этого отсутствія, она жила у отца. Прошло уже десять дней, и она не получала извѣстія о мужѣ. Безпокойство ея усилилось. Она уже упросила графа Сент-Аллеза отправиться съ нею въ Миланъ, какъ вдругъ братъ ея письмомъ изъ Савоны извѣстилъ ее о несчастіи, поразившемъ все семейство. Въ Миланѣ открытъ заговоръ на жизнь императора въ то время, когда онъ хотѣлъ возвращаться туда. Къ открытію послужило письмо Луи Белена къ женѣ; оно было распечатано на почтѣ и содержало въ себѣ описаніе того ужаснаго заговора, какой составили французскіе и итальянскіе франмасоны, чтобъ установить республику въ обѣихъ странахъ. Тотчасъ отданъ былъ приказъ арестовать, посадить въ тюрьму и судить всѣхъ франмасоновъ и тѣхъ, кого подозрѣвали въ сообщничествѣ съ ними, ибо извѣстно было, что одинъ франмасонъ поклялся убить Наполеона во время праздниковъ, готовившихся въ Миланѣ и Венеціи. Луи Беленъ былъ арестованъ одинъ изъ первыхъ въ Савонѣ съ главными савонскими франмасонской ложи въ этомъ городѣ.

Госпожа Беленъ, пораженная этимъ извѣстіемъ, отправилась одна въ Савону, не смотря на то, что римская полиція не дала ей паспорта и присматривала за графомъ Сент-Аллезомъ. Подозрѣнія простирались на всѣхъ, кто былъ въ близкихъ или дальнихъ связяхъ съ обвиненными. Госпожа Беленъ, преодолевъ затрудненія и опасности, прибыла наконецъ въ Савону, но уже не застала тамъ брата: его отрѣшили отъ должности, какъ-смеро узнали о связи его фамиліи съ Луи Беленомъ. Госпожа Беленъ не имѣла дру-

гой подпоры въ трудныхъ и безрестанныхъ перепадахъ, кромя иѣжкости къ своему супругу; большая и убитая печалью, она собрала остатокъ своихъ силъ, но не получила позволенія видѣть несчастнаго арестанта, котораго допросили, судили и осудили военнымъ судомъ. Госпожа Беленъ, принужденная пролежать три недѣли въ постели, наконецъ, испытатъ всѣ мученія неизвѣстности и тоски, узнала, что несчастное дитя, которое она произвела на свѣтъ, не будетъ имѣть отца: прошесть слухъ, что десять человекъ обвиненныхъ разстрѣляны въ тюрьмѣ.

— Разстрѣляны! вскричалъ я, прерывая простой и трогательный рассказъ графа Сент-Аллеза.

— Или казнены другимъ образомъ, сказалъ графъ вздыхая.—Только совершенно-извѣстно, что мой зять умеръ.

— Ахъ, графъ! сказала я съ жаромъ: — нельзя повѣрить, чтобъ императоръ...

— Я не обвиняю императора, вскричалъ графъ Сент-Алезъ, увидѣвъ, что сынъ его вошелъ въ кабинетъ, и при немъ не объяснялся уже съ прежнею свободою: — я люблю, почитаю императора и его постановленія, не такъ ли, Леонъ?

— Вы еще разговариваете объ этомъ плачевномъ событіи? сказала баронъ съ горестью, которая неизбѣжно возвращалась къ нему, когда говорилъ объ этомъ предметѣ. — Конечно, мы любимъ, почитаемъ его величество; однакожь я ему приписываю несраведливую мою отставку.

— И вы думаете, сказалъ я съ удивленіемъ: — что при нынѣшнихъ законахъ человекъ можетъ быть лишень жизни внутри тюрьмы?..

— Чтѣ за дѣло, какъ бы ни избавить отъ такихъ опасныхъ враговъ, лишь бы избавиться; для подобныхъ преступниковъ нѣтъ законовъ.

— Нѣтъ законовъ! повторилъ я, тронутый такими жестокими правдами: — милостивый государь, законы изда ны для всѣхъ...

— Не будетъ говорить о политикѣ,

прервалъ сухо бывшій савонскій префектъ. — Хотя я болѣе и не участвую въ администраціи, однакожь не чувствую никакой симпатіи къ утопистамъ... Посмотрите на дѣло такъ, какъ оно было: Дум Белевъ осуждены на смерть и умеръ въ своемъ арестѣ. Я еще благодарю судей за то, что они избавили его семейство отъ стыда видѣть смерть арестанта на площади.

— Значить, онъ былъ главой заговора? спросилъ я объ этомъ человекѣ съ любовиствомъ, которое было во мнѣ возбуждено и которое не легко было удержатъ.

— Не знаю, главой ли, или только членомъ, отвѣчалъ баронъ, котораго этотъ разговоръ выводилъ изъ терпѣнія. Изъ процесса ничего не объявлено; извѣстно только, что послѣднее слово... Конечно, я не могъ оставаться префектомъ въ Савоні; но вѣсто того, чтобъ отставлять меня отъ службы, какъ это сдѣлали, можно бы перевести въ другое префекство.

— Кажется, можно было бы простить осужденныхъ, сказалъ графъ: — съ тѣмъ условіемъ, чтобъ они открыли покаяннагося убить императора.

— И между ними не нашлось ни труса, ни измѣнника? спросилъ я вѣжливо.

— Измѣнника! труса! повторилъ экспрессивнѣе, пожима плечами. — Боже мой! вѣтъ ли говорить о политикѣ?

— Они отвергли всѣхъ, покушающихся милость за такую цѣну, продолжалъ графъ Сент-Аллези: — и... моя дочь сдѣлалась вдовою. Мнѣ дали знать, что я не могу долѣе оставаться въ Итали, и я возвратился во Францію съ сыномъ, который напрасно старался о своемъ перемѣщеніи, и съ несчастною дочерью, которая умереть теперь отъ отчаянія.

— Итакъ, вы знаете наши обстоятельства, сказалъ баронъ, прозямая это съ увѣренностію человека, который не думаетъ встрѣтить противорѣчіе: — не-уже-ли вы не согласитесь, что дѣла украли враги мои?

— Ваши враги? франмасоны? вскричалъ я съ недоумѣніемъ.

— Что до меня, я сначала подозрѣвалъ, сказалъ отецъ: — этого Генуэзца, этого Бинадески, который былъ причиною всѣхъ нашихъ несчастій.

— Надѣйтесь, графъ, сказалъ я, сжимая его руку: — невозможно, чтобъ вы не нашли этого дятла. И вы, сударь, прибавилъ я, обращаясь къ барону: — искренно желаю увидѣть васъ снова префектомъ.

Я вышелъ изъ отеля, не обдумавъ плана дѣйствій, какия надобно было предпринять, чтобъ поправить зло, въ которомъ я почти участвовалъ. Происшествія, рассказанныя графомъ Сент-Аллезомъ, не давали мнѣ ключа къ отысканію дятла, сына осужденнаго преступника. Мнѣ даже казалось невозможнымъ связать ихъ удовлетворительно и логически, — такъ, по-видимому, они были странны. Воображеніе мое, всегда готовое найти необыкновенныя причины для самыхъ простыхъ дѣйствій, отыскало два или три романа, которые нисколько не подходили на Бинадески графа и франмасонъ его сына. Похититель дятла, безъ сомнѣнія, воръ-спекулянтъ, который, не успѣвъ опорожнить жѣлѣзный сундукъ графа Сент-Аллеза, захватилъ его послѣдника, чтобъ получить выкупъ. А между-тѣмъ этотъ воръ, сколько я могъ его припомнить, имѣлъ видъ весьма-честный, по-крайней-мѣрѣ, по бородѣ; даже больше: онъ плакалъ, какъ рассказывалъ мнѣ извозчикъ.

Я прошелъ шаговъ сто по улицѣ Бельмассъ, не замѣчая, что ошибся въ дорогѣ, — такъ занимало меня это дѣло, за которымъ честь побуждала меня слѣдовать. Я рѣшился дать полицейскому комиссару объясненія обстоятельствъ вчерашняго происшествія, и между-тѣмъ очутился въ концѣ Университетской-Улицы. Я посмотрѣлъ на надписи улицъ, и глаза мои встрѣтили улицу де-Шуатъё, названіе которой слылось въ моемъ умѣ въ воспоминаніи о похитителѣ дятла. Въ началѣ этой улицы, вышелъ онъ, когда кабриолетъ вывезъ его изъ Предмѣ-

стин-Сен-Мари! Я старался припомнить всё слова кучера, и не вспоминал ничего, что могло бы указать мне путь. Впрочем, незнакомец не сбегал того, чтобы показать дорогу к своему жилищу, ибо, деля известиями своей адрес, он в некотором образе объявлял бы и свое имя. Такого-образом, я отчаялся открыть следы этого человека.

Однакожь, пошедши в улицу де-Буатэ, я прешел ее с одного конца до другого, рассматривая всё дома, всё окна, чтоб найти в них какое-нибудь откровение. Эти дома, которые были похожи на темные корридоры, в которые, тогда, как и теперь, населены были бедными рабочими классом; не вдохнули в меня никакой светлой идеи, могшей навести меня на следы похитителя. В окнах я видел только прехоты женщин, развешенных на веревках выше; в воротах — саночникам ребятишек, играющим и громко шутившим; в лавках — фигуры продавцов, занятых своим торговлею. Я подходил ко многим из ребятишек, входил в большую часть этих корридоров, возмнил даже на несколько темных лестниц, по ступенькам с толстыми перилами, и ни один дворник не оставил и не спросил меня; они поняли только убедили меня в безопасности поисков.

Я хотел уже идти далее и зайти в отель министра полиции, как глаза мои устремились на одно закрытое окно во втором этаже плохого с видом дома, который должен быть меблирован подобно отелям, потому-что старая мадиза, прибыв в воротах, указала в меблированных комнатах и кабинетах. В окны, обратившись на себя мое внимание, видна была детская сорочка из тонкого полотна, сохнувшая на солнце вместе с маленькими белыми чулками, очевидно не принадлежавшими тем парижанкам, которые я видел бегущими по тротуару босыми ногами.

Сердце мое билось; я встал подо-

во вору в темный и темный корридор, который оканчивался лестницей в меблированной отеле. Я прошол, небудучи замечен, мимо замечательных стелов комнаты дворника, который в эту минуту занят был приготовлением кофе с молоком для завтрака; и сосредоточил все способности зрения и слуха в созерцании молока, готового вскипеть. Волею не волею первого этажа, я уже не боялся оставаться со стороны неподвижного или скучного дворника; но ель, вышла, без сомнения, шипящее море из огня и будучи совершенно уверен в безопасности своего завтрака, услышал шум моих шагов, вынул из комнаты и, стоя внизу лестницы, вскричал мне, сдвигая из своей руки рулора:

— Вас ждут, сударь, уже с добрым часом: ударте три раза в дверь и два раза в окно направо.

Я открыл рот, чтоб ответить и спросить об имени того, кто меня ожидал; но разбудив предупредил неразумный язык, который вызвал бы дворника из заблуждения, и некорно благодарю, которое проворчал и тихо, удовлетворило его и заставило возвратиться в конуру без всякой недобрости. Я сходил по ступенькам и дошел до второго этажа, где увидел вдруг четыре двери с четырьмя различными номерами. В которую дверь постучать? У каждой двери было окно с резью человека и служило указателем входа в каждое отделение. Я колебался между дверями; подошли одна на другую; указание, которое услужливо давал дворник, может-быть, относилось не к той комнате, в которую мне хотелось войти, а в дом было шесть этажей и множество жильцов. Я облокотился на перила и слушал. Вдруг в соседней комнате раздался плачевный голос ребенка и голос взрослого, сначала низкий и ласковый, потом угрожающий и сердитый, который беспрестанно мигался с воплем и вадущаемыми криком, как-бы ста-

авшился заставить молчать. Я приложил ухо къ двери, которая, по-видимому, должна была быть тою, куда удобно постучать, и услышалъ въ комнатѣ голоса. Истинникъ привелъ меня къ дѣл: я нашелъ похитителя нитяи.

— Маленька! я хочу видѣть маменьку! кричалъ бѣдный малютка. — Ответьте мѣня къ маменькѣ! Гдѣ маменька? гдѣ дѣдушка?

— Милое дитя, отвѣчалъ ласковый почти умоляющій голосъ: — я дамъ объ всего, чего ты хочешь, сабли, ружья, барабаны, только не кричи!

— Буду кричать до-тѣхъ-порѣ, пока не отвезутъ меня къ маменькѣ! Я васъ, ударъ, любилъ, а теперь совсѣмъ не люблю, совсѣмъ, совсѣмъ!

— Эй упрямейтъ, такъ вотъ кто не озвонитъ тебѣ кричать: императоръ, вторыи собираетъ въ армію капризныхъ дѣтей и дѣлаетъ ихъ солдатами. Выпущитъ, вонъ кто-то идетъ по лѣтницѣ; я пойду отворою...

Въ эту минуту, я слегка ударилъ рижды пальцами въ дверь и два раза въ окно. Дитя перестало кричать.

V: Довѣренность.

Я такъ хорошо подражалъ условленному знаку, что дверь отперла безъ опасенія, съ увѣренностію увидѣть ожидаемое лицо; прежде, чѣмъ достигли, что это былъ не тотъ, кого ждалъ, я бросился изъ всѣхъ силъ въ твердь, которую отворили въ-половину и готчасъ затворили, какъ-скоро я вошелъ въ маленькую темную комнату, гдѣ схватился съ сильнымъ противникомъ, намѣревавшимся сорвать мѣня нитяи, и во всякомъ случаѣ не пустить къ дѣтяи. Я узналъ вчерашняго моего незнакомаго; но онъ не узналъ меня и хотѣлъ залупитъ въ свѣдѣхъ жилистыхъ рукахъ, спрашивая о причинѣ нарушенія спокойствія въ его квартирѣ.

— Вый! сказалъ онъ въ сильномъ неистовствѣ. — Что вамъ надо? Если вы шпіонъ, то не выйдете отсюда живымъ.

— Тихо! тихо! отвѣчалъ я, чувствуя, что изнемогаю: — пустите меня. Если я позову на помощъ и прикажу васъ арестовать...

— Арестовать, несчастный! ты!.. вскричалъ онъ, не забываясь объ осторожности и скрытности. — Меня никогда не арестуютъ.

— Да Боже мой! я и не хочу, чтобъ васъ арестовали, отвѣчалъ я, опасаясь отчаянныхъ ударовъ.

— Въ такомъ случаѣ, бѣги и скройся отъ моего мщенія!.. Да нѣтъ, ты будешь рассказывать... Если ты тронешься съ мѣста, ты умрешь!

— Хорошо вы платите мнѣ за то, что я для васъ вчера сдѣлалъ! Я бы долженъ былъ остановить васъ и выдать...

— Какъ! это вы, сударь? прервалъ онъ, понизивъ голосъ, съ сильнымъ движеніемъ, которое я замѣтилъ по сотрясенію его руки.

— А! наконецъ вы узнали меня? Я не имѣю намѣренія сдѣлать вамъ зло, сокрани меня Богъ! хотя вы и приехали меня довольно-грубо; и пришелъ просить у васъ дѣтяи, которое вы похитили у его матери.

— Имшенъ неба, сударь, оставьте у меня это дитя; но отнимайте единственнаго блага, которое осталось для меня на свѣтѣ!

Дитя молчало: шумъ борьбы и перемѣны, который оно слышало не видя дѣйствующихъ, оледенилъ его. Темнота передней, въ которой я былъ остановленъ сильнымъ противникомъ, препятствовала мнѣ слѣдить по его лицу за впечатлѣніями, какія производилъ въ душѣ его нашъ разговоръ; одна-кожъ, мнѣ казалось, что онъ проливалъ слезы, что въ немъ происходила сильная борьба. Онъ опустилъ меня, но замѣчалъ всѣ мои движенія.

— Вы оказали мнѣ такую услугу, которой я не забуду никогда, пока будетъ въ мнѣ капля крови, сказалъ онъ отрывисто: — но у меня нѣтъ средствъ доказать вамъ мою благодарность; я бѣденъ...

— Хотя бъ вы были богаты, ваши

деньги не могли бы заставить меня участвовать въ воровствѣ самомъ низкомъ и самомъ преступномъ, въ похищеніи дитяти!.. Вы не отвѣчаете? Зачѣмъ украли вы это дитя?

— Потому-что оно мое, отвѣчалъ онъ съ твердостью и вѣстѣ съ благородствомъ.

— Ваше! повторилъ я съ удивленіемъ, не смѣя вывѣдывать фамильныя тайны, которыя Сент-Аллеэ скрылъ для не зналъ.—Заклинаю васъ, отдайте мнѣ это дитя, которое зоветъ свою несчастную мать...

— Не-уже-ли вы сожалеете болѣе о матери, чѣмъ обь отцѣ?

— Отецъ умеръ, сказалъ я важно, желая тѣмъ показать, что никакая сказка не обманетъ меня.

— Жертвы императорскаго деспотизма умерли для міра, а на-самонадѣлѣ онъ два года томялся въ тюрьмѣ, сказалъ онъ съ горечью. — Поэтому-то, и теперь мнѣ нельзя жить съ женою и сыномъ.

— Не обманывайте меня, сударь! Г. Сент-Аллеэ рассказалъ мнѣ все; я знаю, что его зять погибъ...

—Его зять я! вскричалъ онъ съ гордостью.—Знаю, что графъ Сент-Аллеэ и его сынъ распустили слухъ о моей смерти и такимъ-образомъ освободились отъ воспоминанія, которое тяготитъ ихъ; но Адель, но жена моя!..

— Возможно ли? не-уже-ли вы Луи Беленъ, который замѣшанъ въ заговорѣ на жизнь его величества и осужденъ на смерть?

— Осужденъ, но не лишентъ жизни. Вы, сударь, мнѣ кажетесь человѣкомъ чувствительнымъ, и я хочу оправдаться предъ вами.

Луи Беленъ ввелъ меня въ комнату, въ которой полунагой ребенокъ сидѣлъ на постели среди игрушекъ всякаго рода, которыми загромождена была постель, съ нетерпѣніемъ ожидая конца разговора, который слушалъ не понимая; появленіе новаго лица навело на него страхъ, и онъ устремилъ на насъ неподвижные глаза, между-тѣмъ, какъ отецъ его просилъ меня прѣстѣть

въ дальнѣмъ углу пустой и бѣдной комнаты. Нѣсколько минутъ мы смотрѣли другъ на друга и были одинаково довольны этимъ первымъ испытаніемъ, которое утвердило насъ во взаимномъ доброжелательствѣ.

Въ чертахъ Луи Белена выражались благородство и гордость характера: черная окаястая борода скрывала нижнюю часть блѣднаго лица, не только не придавая ему жестокости, но еще увеличивая его привычную скорбь.

— Кажется, сначала надобно въ нѣсколькихъ словахъ объяснить мое поведеніе, сказалъ онъ. — Я буду говорить тихо, чтобъ не услышало это бѣдное дитя... Графъ Сент-Аллеэ, по своей слабости, и его сынъ, по своей злости, были виновниками моего несчастія. Они вамъ рассказывали, что хотѣли: я не буду обличать ихъ во лжи. Вѣрно только то, что они недостойно погнули меня, пожертвовали мною; особенно баронъ Сент-Аллеэ, который постоянно меня ненавидѣлъ... — Малое дитя! прервалъ онъ, смотря на него съ любовью:—я вчера увидѣлъ тебя въ первый разъ!

— Я тутъ ничего не понимаю!.. Васъ почитаютъ умершимъ, а вы живы! Вы, отецъ этого дитяти, прибѣгли къ несправедливому, совершенно незначительному похищенію... Ну, если нѣтъ его умереть съ отчаянія!

— Вы приводите меня въ ужасъ, заставляете постигнуть всю важность моего поступка... которымъ можно извинить однимъ несчастіемъ. Я очень понимаю, что бѣдная мать страдаетъ!.. Въ это время, я забываю всю ея вину, забываю, что она пожертвовала мной.

— Какъ вы ошибаетесь! Во время вашего процесса она не оставила Савоны, она испытала всѣ средства, чтобъ увидѣть, защитить васъ; и когда, наконецъ, истомленная печалью слегла въ постель...

— Какъ? Адель не имѣла мнѣ подобно прочимъ? вскричалъ онъ съ иѣжностью.—И я отналъ у нея камага сына!

— Когда она выдворовѣла, произведенн на свѣтъ это дитя, которое вы у нея отняли, она узнала, что у сына нѣтъ уже отца!

— Ложь, гнусная ложь! Это выдумалъ баронъ Сент-Алезъ, несчастный! Я действительно былъ замѣшанъ въ заговоръ противъ его величества; но я былъ невиненъ и ни въ чемъ не упрекалъ бы себя, еслибъ не зналъ ужасной тайны, которую вѣрилъ мнѣ мой другъ. Тайное общество итальянскихъ республиканцевъ, благородныхъ по сердцу, но безразсудныхъ по уму, составилось для сверженія нга, тяготѣваго надъ Италіею; одинъ изъ нихъ, выбравшій по жребію, поклялся убить императора во время его путешествія въ Миланъ. Этотъ парубійца былъ лучший другъ мой! Богъ знаетъ все, что я сдѣлалъ, чтобъ отклонить его отъ этого преступленія, которому онъ, такъ жертва, обрекъ себя. Я хотѣлъ спасти императора, не лишаясь друга. Мнѣ одолженъ живію императоръ... Но я не могъ доказать свою невинность, не открывъ, не убивъ двадцати участниковъ и сообщниковъ убійства, которому помѣшалъ. Итакъ, я молчалъ и военнымъ судомъ осужденъ на смерть. Полагали, что я признаюсь: но я не сдѣлалъ этого, говоря, что не участвовалъ въ заговорѣ и что совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня. Доносы, на меня сдѣланные, были очень-слабы, почему я и не подвергся участи осужденныхъ виѣстѣ со мною, большею частию итальянцевъ, которыхъ разстрѣляли въ тюрьмѣ. Я остался государственнымъ арестантомъ, осужденный на отлученіе отъ общества...

— А другъ вашъ, который вовлекъ васъ въ эту бездну, не имѣлъ столько великодушія, чтобъ подвергнуться той же участи?

— Онъ сѣлъ на корабль, который разбился у береговъ Африки: онъ попалъ къ Арабамъ, уведенъ ими и пятнадцать мѣсяцевъ оставался плѣнникомъ, не получая никакого извѣстія ни изъ Франціи, ни изъ Ита-

ліи. Получивъ свободу, онъ возвратился во Францію подъ вымышленнымъ именемъ и тотчасъ озаботился о своемъ освобожденіи; съ помощію денегъ онъ успѣлъ вывести меня изъ Анконской-Крѣпости, въ которую меня перевезли; я нашелъ его въ Парижѣ; мнѣ хотѣлось увидѣть, обнять его до отъѣзда въ Англію... Я прибылъ къ нему, чтобъ принять его послѣдній вздохъ: печаль возобновила въ немъ неизлечимую органическую болѣзнь, причиненную лишеніями и мученіями во время плѣна въ Тангерѣ... Три дня назадъ, въ этой комнатѣ, на этой постели...

— Ваша дружба заслуживала другой награды... Но нынче, присовокупилъ я, занятый опаснымъ положеніемъ, въ какомъ находился этотъ благородный молодой человекъ:— вы можете располагать тайною вашего друга...

— Ахъ! отвѣчалъ онъ со вздохомъ:— теперь эта тайна никому не интересна: ужъ нѣтъ головъ, которыя могли бы пасть!

— Не раскрывайтесь передо мною вполовину; помогите мнѣ служить вамъ лучше... Каждую минуту вы подвергаетесь опасности быть арестованнымъ, особенно, если полиція открыла слѣды похитителя этого дитяти...

— А вы пришли сюда шпиономъ, чтобъ задержать меня? спросилъ Луи Беленъ, возвращаясь къ прежней недобѣрчивости.

— Я пришелъ говорить съ вами откровенно, чтобъ отыскать дитя и возвратить матери. Если вамъ угодно, я исполню порученіе—возвращу и васъ вашей несчастной супругѣ.

— Я никогда не увижу ея! вскричалъ онъ съ усиліемъ:— она отказалась отъ меня, оставила, забыла меня...

— Не буду усиливаться доказывать вамъ противное. Начнемъ съ самаго важнаго: нельзя терять ни одной минуты; похищеніе этого дитяти заставить полицію принять дѣятельныя мѣры къ отысканію его... Можетъ-быть, есть уже описаніе вашихъ примѣтъ,

можеть-быть, знаютъ ужё ваше мѣстопробываніе... Извозчикъ, который довезъ васъ вчера до этой улицы, заставитъ открыть васъ... Васъ посалятъ въ тюрьму и, узнавъ, что вы тотъ же...

— Черезъ часъ я буду далеко отъ Парижа... съ этимъ ребенкомъ... Я жду паспорта и экипажа.

— Съ этимъ ребенкомъ? возразилъ я. — Не-уже-ли вы еще упорствуете въ этомъ намѣреніи, недостойномъ честиаго человека? Но, можеть-быть, не пройдетъ часа, можеть-быть, этотъ домъ уже окружень...

Въ эту минуту такъ же, какъ я, легкою ударили три раза въ дверь и два раза въ стекло; Луи Беленъ вздрогнулъ, схватился за рукоятку пистолета, который я замѣтилъ подъ его платьемъ, застегнутымъ до подбородка, и остановился, бросивъ испытующій взглядъ въ мою сторону; потомъ потихоньку всталъ, далъ мнѣ знакъ не сходить съ мѣста, подавая испуганное дитя и вышелъ въ переднюю, гдѣ и началъ тако переговаривать съ лицомъ, которое было ему знакомо и подавало условный знакъ. Этотъ человекъ отправился назадъ, и я не выдалъ его, а Луи Беленъ возвратился въ комнату съ разстроеннымъ видомъ; онъ положилъ на столъ большой мѣшокъ золота, который принесли ему.

— Я не могу вѣхать; у меня нѣтъ паспорта! вскричалъ онъ съ грустію: — выйдите, откройте какой-то заговоръ, потому-что постоянно выдумываютъ что-нибудь, чтобъ императоръ былъ въ духѣ. Невозможно достать паспортъ!

— Лучше оставайтесь здѣсь; можеть-быть, удастся снискать!

— А куда я пойду? возразилъ онъ съ нетерпѣніемъ, ходя большими шагами по комнатѣ, останавливаясь, по-временамъ; предъ дѣтатей, которое открыто глаза и не смѣло поднять ихъ: — куда пойду съ этимъ ребенкомъ?..

— Не затрудняйтесь въ выборѣ...

На-примѣръ, вы можете отправиться по мнѣ... въ Марэ...

— Къ вамъ... съ моней дѣтатей?... Вы франмасонъ? прибавилъ онъ съ масонскимъ знакомъ.

— Я вашъ старинный, отвѣчалъ я, не пропуская знака, который долженъ былъ подтвердить мои слова. — Ложа Девяти-Сестръ.

— Ложа ученыхъ и аристовъ; это мой... Вѣрнѣе ваяъ, сказалъ онъ, подавая руку: — я пойду, куда вамъ угодно.

— Отвѣчайте мнѣ откровенно на послѣдніе вопросы. Ложа Девяти-Сестръ, въ которой президентомъ добрый Нугаретъ, никогда не вышнивалась въ политику. Вы не имѣете сношенія съ заговорщиками?

— Нѣтъ, убѣрлю васъ честью. Уже четыре года, послѣ моего путешествія по Итали, я не принадлежу ни къ какимъ тайнымъ обществамъ; мой другъ... Винадески, — я не буду скрывать передъ вами, вовесть меня въ заговоръ, котораго онъ былъ душою; но я отсталъ отъ заговорщиковъ со времени женитбы и совершенно не знаю о ихъ намѣреніяхъ.

— Тѣмъ лучше! Еслибъ вы вступили въ свѣтъ, принадлежа къ заговорщикамъ и тайнымъ обществамъ, я не могъ бы сдѣлать вамъ добра, а себѣ причинилъ бы много зла... У васъ есть бумаги... вашего друга?

— Бумаги, повторилъ онъ, смѣшавшись отъ этого непредвидѣннаго вопроса: — кто вамъ сказалъ объ этомъ? Эти бумаги... У меня нѣтъ ихъ.

— Онъ у васъ, я вижу это. Если въ этихъ бумагахъ упоминаются лица еще живыя, бумаги надобно сжечь.

— Я сжечь всё, въ которыхъ были собственныя имена, свѣдѣнія, опасныя для кого-нибудь и сохранилъ только тѣ, которыя касаются одного Винадески, исторіи его жизни, республиканскихъ мыслей, желаній, надеждъ...

— Это-то мнѣ и нужно... вѣрѣе ихъ мнѣ, или, лучше, отдайте ихъ мнѣ... У меня есть особыя виды; и, кинуть вамъ, я буду беречь вашу честь столько

те, сколько мы сами... Въ вещных руках эти бумаги возлюбилъ безнадёжно. Въ мѣста оныя слышатъ всё.

Спустя десять минутъ послѣ этого разговора, Луи Белозъ, и в робкохъ въ въ сѣняхъ и отправившись въ мою квартиру.

Луи Белозъ и дитя его и вѣсть въ оны, а самъ возвратился въ тотъ же вечеръ, въ которомъ мы пріѣхали, и рѣшилъ ввести себя въ министерство олимпіи, которое занималъ Фушэ, гербъ французскій; почти безвѣстно со времени Директоріи. Дорогой успѣлъ и рѣшить бумаги, которые хотѣлъ потребовать въ дѣло; и убѣдился, что въ нихъ нѣтъ ничего, прѣдвѣстнаго или извѣстнаго. Мысль и чувствованія выражены съ тонкостью въ видѣ общаго мнѣнія; итальянскій языкъ, въ праскорѣчныхъ перолахъ, придаетъ имъ литературный интересъ, къ торжеству а не могъ быть нечувствительный; но матеріальнымъ подробностямъ и актамъ были наполнены пропусканы и ставлены въ пользу: прѣдвѣстное, гучное и историческое выраженіе чачо замѣняло имя, данныя; обстоятельство, необходимыми для того, чтобы знать, дополнить важныя открытія: надежды хотѣлъ вывести на сцену погостъ своихъ сообщниковъ въ неопредѣленной и тѣмной общности. инакъ; оныя наименованія умерла; и глаза мои очолаемо сѣданы и чтеніи имени Арены, Серакии, Абид-Лебрена и другихъ, которые, добивъ енту, предааны были игобнуду дѣлу республики.

VI. Воскресеніи.

Я зналъ Фушэ, когда оныя были прѣдсѣдатель исторіи уораторіалцовъ. Его инакъ и культурный характера не звали мнѣ войти съ нимъ въ связь, тѣ и и уважалъ его за разнообразную ученость, за тонкій и блестящій. Не смотря на мою непритворную по держать себя въ отдаленіи и въ опрѣдѣленномъ положеніи; оныя всевыказывала уваженіе и почти прѣ-

страстіе ко мнѣ, на которыхъ, прѣдвѣстное, я не успѣлъ очолаемо. Я научилъ его полюбить книги. говорилъ оны; а я почиталъ себя вѣдѣющимъ, что нельзя обмануть мнѣ въ томъ, чтобы я научился отъ него читать и обманывать, чего никто не дѣлалъ лучше его. Не большаю двухъ или трехъ разъ встрѣчалъ я его послѣ великихъ историческаго и библіографическаго общества у оратора Ораторіи, и оныя прѣдвѣстнаго мнѣ съ усердіемъ и уваженіемъ, которыми завладѣвали вой, большаго общественыя оныя свиданіи. Оныя не успѣла случая оказавъ мнѣ услугу и доверчиве полагался на мою скромность, безвѣстнаго потому, что не боялся, чтобы я измѣнилъ слово. Въ то время я считалъ Фушэ такими, какими почитали его биографы, т. е. способнымъ на все, лишь-бы удовлетворить своимъ страстямъ, имѣть въ своихъ рукахъ силу и богатство. Въ этомъ оны полагалъ всю свою вѣру, и не щадилъ ни нравственности, ни религіи, ни общества, ни отечества, ни чувствъ человѣческихъ; тогда оныя заставлялъ его молчать и въ явномъ. Честолюбіи, возвышающаго души благородныя и заставляющаго въ похотѣтъ искать наслажденій благородной гордости, не было въ Фушэ: оны смотрѣлъ на силу, какъ на самое лучшее средство дѣлать золото и употребилъ его по-всѣму. Оны былъ на самой высокой ступени любви къ интригамъ и ласкалъ свою суетность, обманываясь миръ, даже императора; дѣлалъ тѣмъ же хитростей и интригъ, съ помощью которыхъ сталъ необходимымъ для правительства во время терроріи, директоріи, консулатскій и имперіи: соперникъ Каррье и Коазо-д'Эрбуа, оны назывался другомъ и ангеломъ-хранителемъ Наполеона. Шуга своего повелителя, оны снискалъ вѣрную его привѣтливость: сначала, оны окружилъ его тѣнями заговоровъ, прѣдвѣстнаго убійствъ, мнѣжными опасностями, и въ видѣльному занять былъ единственно спасеніемъ его жизни и охраненіемъ его короны...

Предверникъ, которому я отдалъ билетъ, прося тѣмъ аудіенціи у герцога отрантскаго, возвратился съ приказаніемъ вестн меня: приказаніе, безъ сомнѣнія, дано было въ слѣдствіе очень-уважительныхъ по мнѣ, потому-что было возвышено мнѣ съ поллономъ до земли. Каково же было мое изумленіе и огорченіе, когда я увидѣлъ въ кабинетѣ министра извозчика, который вчера возилъ меня въ Предистіе-Сен-Мари! Герцогъ отрантскій въ этотъ день былъ въ припадкѣ веселости: онъ катался по камаше, умирая со смѣха, забывъ о министерской важности; а извозчикъ, стоя передъ нимъ съ раскрасившимся лицомъ и пристыженными видомъ, грызъ зубами край своей шляпы, чтобъ придать себѣ твердости. Не долго я надѣлся, что этотъ прохлятый человѣкъ не узнаетъ меня: лишь-только я вошелъ, онъ сдѣлалъ жестъ и восклицаніе, выразившіе его радость, что встрѣтилъ меня предъ лицомъ министра.

— Вы пришли очень-встать, мой любезный ученый, сказалъ Фуншѣ, все еще смѣясь, идя ко мнѣ на встрѣчу съ протянутою рукою.

— Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство, за то, что вы удостоили меня аудіенціи безъ письма, отвѣчалъ я, не зная того, что тутъ происходило.

— Вотъ этому плуту я также безъ письма далъ аудіенцію, сказалъ онъ, смѣясь еще сильнѣе.

— Я выйду, если ваше превосходительство не можете выслушать меня, пробормоталъ я, обидѣвшись сравненіемъ съ этимъ болтуномъ, который сталъ поперегъ моихъ плановъ.

— Оставайтесь, прошу васъ, господинъ Жакобъ, вы нужны намъ. Ваше здоровье, кажется, хорошо? а ваши труды?

— Подвигаются впередъ, по обыкновенію, иногда не оканчиваясь, и мое послѣднее произведеніе...

— Эй, ты, бездѣльникъ! прервалъ Фуншѣ, обращаясь къ извозчику, остолбенѣвшему отъ сдѣланнаго мнѣ при-

на: — тотъ ли это господинъ, котораго ты вчера возилъ въ кабриолетѣ? его ли ты называешь *Беофиломъ Жакобомъ*?

— Точно такъ... ваше превосходительство... отвѣчалъ извозчикъ хриплымъ голосомъ, который выходилъ изъ тяжело-дышащей груди, подобно голосу чревоушателя.

— Почему ты знаешь меня? быстро возразилъ я для краткости. — Откуда ты выкопалъ мое имя?

— Да по-ужь-то нашъ дворникъ не знаетъ его? Тутъ нѣтъ ничего обиднаго; я спросилъ, кто этотъ маленький старичокъ, свѣжій какъ лукъ, живой какъ угорь, который...

— Увѣрились ли вы? прервалъ Фуншѣ, котораго отаратительная и блѣдная фигура не выражала ни гнѣва, ни чувства, и который продолжалъ смѣяться такъ добродушно, что я не могъ не подражать ему изъ учтивости.

— Увѣрился ли въ томъ, что я живъ какъ угорь? возразилъ я, принимая это юмористическое предисловіе.

— Нѣтъ, въ томъ, что вы видѣли вчера меня, какъ я смускался со стѣны въ Предистіи-Сен-Мари, уходя съ честнаго свиданія...

— Съ господомъ де-ла-Шенвардьеръ прибавилъ я, кивнувъ головою утвердительно.

— Все это очень-забавно, сказалъ Фуншѣ, принявъ важный видъ и смотря на меня съ нахмуренными бровями: — и мнѣ теперь любопытно знать, какъ можно употребить во зло простоту этого человѣка до такой степени...

— Ваше превосходительство, я мыдумалъ, что это были вы, сказалъ я, подошедъ къ нему такъ близко, чтобъ болтливый извозчикъ не могъ слышать. — Я старался запереть ротъ этому болтуну, и вы видите, какъ успѣлъ въ этомъ!

— Вѣрю! онъ очень-мало сохранилъ тайну; когда его привели къ полицейскому комиссару, какъ сказали мнѣ, по дѣлу о похищеніи дитяти у графа Сент-Аллеза, онъ не хотѣлъ дать никакаго объясненія; говорилъ, что дѣло

асается одного имени, и что онъ будетъ говорить только мнѣ. Я не зналъ, го вы, господни? Жакобъ, такой искусный мистификаторъ; вы искусствѣнаго Матона.

— Честь мнѣю доложить вашему превосходительству, что я никакго не отъѣлъ мистифицировать, но такую ложь очель средствами къ открытію тайны, касающейся государственной безопасности...

— Заговоръ?.. Скотъ, глупецъ! привилъ онъ громко, выгоняя извощика, жидавшаго себѣ другихъ комплиментовъ:— если ты вздумашь говорить о министрѣ полиціи, будто видѣлъ, что въ перелѣзалъ чрезъ стѣну, подобно обоннику или ночному вору, я застаю тебя ковчить жизнь въ Шарантонѣ.

Я не сходилъ съ своего мѣста, и кога мы остались одни, тотчасъ же пригупилъ къ дѣлу, давъ волю своему воображенію. Голая истина обыкновенно чель-веловка и непроворна въ сравненіи съ тѣми пресыщенными интригами, которые хотять имѣть крылья, тобъ подняться и проникнуть тайны. Ю-этому я принялъ видъ и осанку пошляка.

— Насъ здѣсь только двое, другъ мой, сказалъ Фушѣ съ старинной фамильярностію товарища:— вы знаете итальянскій заговоръ?

— Большой, возразилъ я жеманясь:— то конекъ заговора Арены, Серакки и Фабио-Лебрена.

— Вотъ хвостъ, который такъ долго вьется за головою! Я думалъ, что тотъ хвостъ отрубленъ былъ въ процесѣ миланскихъ и савонскихъ франкасовъ. Мы разстрѣляли съ дюжиною республиканцевъ, но не отыскали головы того, кто долженъ былъ убить императора въ Миланѣ...

— Объ этомъ-то я и хочу извѣстить наше превосходительство.

— А! браво! это счастье для насъ, другъ мой; вы приобрѣтете признательность императора. Убийца схваченъ?

— Нѣтъ, онъ умеръ.

— Умеръ? повторилъ Фушѣ, огор-

ченный и обманутый въ своихъ надеждахъ этимъ неожиданнымъ отвѣтомъ.

— Такъ что же вамъ угодно, тобъ мы сдѣлали съ умершимъ заговорщикомъ?

— А его бумаги? онъ не погребены съ нимъ.

— Да! это другое дѣло. А скажите, эти бумаги совершенно-ясныя, самыя нужныя? Этого только и не достасть во всѣхъ моихъ заговорахъ. Заговорщиками, которыхъ допрашиваютъ болѣе, чѣмъ нужно, наполнены тюрьмы; но не могутъ найти бумагъ, подлинныхъ писемъ, доказательствъ неопровержимыхъ. Если эти бумаги высказываютъ хоть что-нибудь, я дамъ имъ много мѣса.

— Мнѣ кажутся онъ очень-любопытными. Это мемуары итальянскаго республиканца, который поклялся убить императора...

— Его имя?

— Теперь я могу сказать, потому-что онъ уже не существуетъ: это Бинадески...

— Бинадески! Такое имя есть въ моихъ спискахъ заговорщиковъ. Вотъ, сказалъ онъ, раскрывая реестръ именъ, расположенный по алфавиту:— но противъ этого имени нѣтъ никакой отмѣтки... Онъ хорошо сдѣлалъ, что умеръ.

— Сказавъ вамъ имя заговорщика, я долженъ оправдать передъ вами хорошаго молодого человѣка, который не принадлежалъ къ заговорщикамъ и который, однакожъ, осужденъ на смерть, вмѣсто Бинадески.

— Если онъ осужденъ на смерть и приговоръ исполненъ, то что же можно для него сдѣлать?.. По посмотримъ эти бумаги...

— Я получилъ ихъ отъ него: онъ покажетъ вамъ его величїность и выстѣладутъ знать, какой ужасной опасности забѣгъ императоръ.

— Прекрасно! Это именно тѣ бумаги, которыхъ мнѣ не доставало. Я прикажу сдѣлать...

— Позвольте, ваше превосходительство, сказалъ я, не отдавая ему бумагъ:— позвольте мнѣ рассказать вамъ дѣло въ

перотныхъ словъ. Въ Италіи я зналъ французскаго музыканта Луи Белена...

— Котораго изъ 1807 г. осудили въ Савойѣ, прервалъ Фурне, возобновивъ дѣла съ своимъ рескриптомъ: — заключили въ Анконскую-Крѣпость, по случаю перешныя нападены, и который... прощамъ Господи! съ мѣсяца нападѣ убѣжалъ. Это плохая для него рекомендація!

— Дѣйствительно, ваше превосходительство, арестанта не нашли въ крѣпости. Но вотъ что будетъ рекомендовать его лучше. Его арестовали, судили какъ заговорщика, на мѣстѣ и вѣсто друга его, Бинадески, который успѣлъ бѣжать; между-тѣмъ, онъ могъ сказать одно слово, чтобъ оправдаться и переимѣнить свое познание на заключеніе на почетную награду...

— Хорошо! почему же онъ не сказалъ этого слова?

— Онъ пожертвовалъ собою своему другу и не сдѣлалъ ницѣвника: онъ спасъ императора...

— Написать безъименное письмо, чтобъ императоръ не возвращался въ Миланъ, гдѣ его жизнь будетъ въ опасности?..

— Точно такъ, отбѣчалъ я на-удачу. — Это письмо спасло императора и разрушило заговоръ.

— Еслибъ онъ тогда пришелъ ко мнѣ, я далъ бы ему тысячу вѣно за то, чтобъ онъ сказалъ имена заговорщиковъ.

— Онъ не могъ тогда этого сдѣлать; да онъ и не зналъ ихъ именъ, исключая именъ своего друга, которому не хотѣлъ измѣнить.

— Это прекрасно, но глупо. Наконецъ, что же онъ проситъ за эти бумаги? Я вижу, онъ послалъ васъ, чтобъ продать литературное наслѣдство отъ Бинадески: выборъ посланника мнѣ безконечно-пріятенъ.

— Ваше превосходительство, я поручился выторговать вознагражденіе за двѣ величайшія несправедливости...

— За двѣ? Осудили двухъ ложныхъ Бинадески и вы защищаете въ одинъ разъ двухъ виновныхъ? Вотъ какъ дорого старыя неподобныя бумаги!

— Невозможно видѣть человѣка, который переиждаетъ стѣну сада ерцеля Сент-Аллеа; это былъ тотъ несчастный изгнанныкъ, который передъ отбѣгомъ изъ Франціи хотѣлъ взглянуть на жену и сына...

— Какъ! онъ въ Парижѣ? Моя волѣта такъ худо дѣйствуетъ! Мнѣ, право, стыдно.

— Я постарался увидѣть его до отбѣзда и выпросилъ у него эти бумаги...

— Такъ онъ у васъ? сказалъ Фурне, вставая и безъ церемоніи объяснилъ меня, чтобъ вынуть бумаги изъ моего кармана.

— Ваше превосходительство, адмиралъ васъ! вскричалъ я, боясь, что скоро лишусь зацѣпа моего торга: — окажите правосудіе дѣлу, котораго я требую по справедливости; прощенье Луи Белену и мѣсто пріемника прощенья иди префектское бывшему савойскому префекту, барону Сент-Аллеау!

— Барону Сент-Аллеау?.. повторилъ министръ, разсматривая бумагу: — это безнадобныя вещи!

— Баронъ Сент-Аллеа, шуринъ Луи Белена, зналъ въ немилость, пріобщилъ я, наблюдалъ знаменитое герцога охранителя, который не выкусталъ ни одного слова на мою защитительную рѣчь, читая рукопись Бинадески.

— Этого Бинадески была замѣчательная дѣловка!.. Императоръ считаетъ, что я выдумалъ это, если не покажетъ ему бумагу...

— Императоръ не имѣетъ владѣннаго, который былъ бы преданъ ему бѣдѣ барона Сент-Аллеа, допущеннаго изъ своей ревности до того, что онъ не работаетъ е милости своему зацѣпу...

— Это Брута въ имперіи!.. Да, нѣтъ досадно, что Бинадески умеръ; это былъ одинъ изъ самыхъ великихъ заговорщиковъ. Какой жалкій человѣкъ!..

— Но увѣрены ли вы, что онъ умеръ?

— Ваше превосходительство, самъ онъ былъ живъ, я готовъ не отдать бы отдать вамъ эти бумаги.

— Я начинаю вѣрить, что онъ дѣйствительно умеръ, сказалъ Фурне по-

звонилъ. — Я отправаюсь въ Тришери. Вашъ адресъ, Жакобъ?

— Ваше превосходительство, достаточно ли просвѣщена ваша вѣра? сказала я, подавая карточку. — Вы во многихъ обстоятельствахъ удостоивали меня своей благосклонности и желанія быть мнѣ полезнымъ...

— Карету! сказала онъ вошедшему слугѣ. — Господина Жакобъ, сказалъ онъ, подавъ мнѣ руку: — мой вѣра, говоря вашимъ торжественнымъ языкомъ, теперь просвѣщена столько, сколько ато возможно. Не забудьте, что я всегда вашъ.

Я остался довольно-грустенъ отъ результата моего путешествія, не получивъ никакого положительнаго общаго. Между-тѣмъ, я думалъ возвратиться домой съ доброю вѣстью!

Я явился къ графу Сент-Аллезу подѣ тѣмъ предлогомъ, чтобъ извѣстить о розыскахъ полиціи. Графъ также пріѣхалъ изъ полицейской префектуры и пошелъ къ своей дочери, чтобъ снова погрузиться въ отчаяніе отъ извѣстія, что ничего не открыто. Я, съ своей стороны, думалъ, что сдѣланы попытки къ отысканію дитяти и его похитителя и просилъ, чтобъ меня ввели къ госпожѣ Белевъ, которая стояла въ своей комнатѣ. Никѣ дитяти, подозрѣваемую мною въ званіи дѣла, о которой ея допрашивали, приказано было ввести меня; она встала впереди меня весьма-разстроенная, съ глазами полными слезъ; передъ комнатою госпожи Белевъ она на одну минуту обратилась ко мнѣ.

— Что, сударь? не возвратятъ ваше-го дитяти? сказала она тихо: — я знаю, что ему не дѣлають зла, но мать...

— Я не понимаю тебя, милая, возвратилъ я, краснѣя отъ нечаяннаго разговора: — ты мнѣ говоришь...

— Да, сударь; въ помини этому господину похитить дитя; я видѣла, что вы пріѣхали въ кабріолетѣ въ предме-стія...

— Я, милая? вскричалъ я, смѣшая-щисъ отъ таково общаенія, котораго не могъ ожидать.

— О, сударь! я знаю хорошо видѣла, когда ходила отворить калитку сада. Тотъ господинъ, котораго я ждала, слѣдовалъ за вами почти...

— Изъяснись, милая; влились ты, что ты ошибаешься. Значитъ, ты не могла покинуться?..

— Я, сударь! я никогда не утѣшусь. Тотъ господинъ никакъ не видѣла совершен-но-честнаго человѣка; вчера онъ не уликѣ подошелъ ко мнѣ и предложилъ большую сумму денегъ, — и, признаюсь, я никакъ глупость взяла, — за то, чтобъ посмотреть на сына госпожи моей. Онъ назвалъ себя живописцемъ и хотѣлъ написать портретъ дитяти.

— И ты приняла его, когда не было госпожи Белевъ? Онъ вошелъ чрезъ садовую калитку?

— Я оставила его на одну минуту съ спавшимъ дитятей... Онъ со слезами обнялъ его, смотрѣлъ на него... Чрезъ нѣсколько времени возвратился экипажъ, и когда я услышала, что графъ кричитъ «воры!», тогда господинъ унесъ дитя...

— Безъ-сомнѣнія, ты, моя милая, упрекаешь себя за это; но я надѣюсь, что все устроится... Мнѣ приходится на мысль, что этотъ человекъ унесъ дитя потому, что его преслѣдовали; онъ лишился бы жизни; ты говоришь, что онъ никакъ честный видѣ?..

— Столь же честный, какъ вашъ, сударь, но онъ гораздо-моложе; прекра-сная фигура, борода...

— Хорошо! быть-можетъ, онъ самъ очень сожалѣетъ, очень беспокоится; онъ проситъ только о томъ, чтобъ дали ему случай возвратитъ дитя. Надобно же доставить ему этотъ случай. По этому я желаю, чтобъ ты нынѣ-вечеромъ отворила садовую калитку, для того, чтобъ онъ возвратился, если онъ долженъ возвратиться. Особенно не надобно присматривать за нимъ, потому-что эти ты все испортишь; нарочно надобно оставить отвореннымъ окно, колыбель...

— Колыбель? Она на томъ же мѣстѣ. Какое было бы счастье, еслибъ она

бѣдное дитя нашлось въ его колы-
бели!

Я вошелъ къ госпожѣ Белевъ, по-
далъ ей нѣкоторое утѣшеніе и неопре-
дѣленную надежду; я не щадилъ ниче-
го, чтобъ успокоить ее на-счетъ уча-
сти дитяти: ея братъ имѣлъ неблаго-
разуміе напугать ее личными врагами,
дѣлавъ оныя могъ видѣть между фран-
масонами и итальянскими патриотами;
она была увѣрена, что несчастное ди-
тя сдѣлалось жертвою политическаго
мщенія. Я сказалъ, что путешественни-
ки встрѣтили похитителя съ дитятей,
который ласково держалъ его. По дру-
гому извѣстію, этотъ человѣкъ разма-
тривалъ дитя при свѣтѣ фонаря и, раз-
смотрѣвъ, вскричалъ: « милый малют-
ка! я такъ люблю тебя, что не отниму
тебя у матери ». Наконецъ, чтобъ со-
кратить длинное объясненіе, я придумалъ
третьяго свидѣтеля, который буд-
то-бы слышалъ слѣдующія слова: « ка-
кая радость для отца обнимать въ пер-
вый разъ своего сына! »

— Боже мой! сказала она съ живо-
стію, молча и со вниманіемъ выслу-
шавъ меня: — слова эти не относятся
къ моему сыну. Вотъ уже болѣе двухъ
лѣтъ, какъ я лишилась мужа.

— Я знаю, что господинъ Луи Белевъ
осужденъ военнымъ судомъ, и что раз-
несся слухъ о его смерти...

— Онъ умеръ! умеръ, сударь! сказа-
ла она, заглававъ при этомъ воспомина-
ніемъ. — Это вѣрно!

— Мнѣ хотѣлось бы, однако, чтобъ
вы усомнились, и я почелъ бы себя
счастливымъ, еслибъ поколебалъ вашу
мучительную увѣренность и подалъ
вамъ надежду. Впрочемъ, я недавно ви-
дѣлъ ученаго Итальянца изъ Савоны...

— Чтѣ вы сказали? вскричала она съ
невъразимымъ движеніемъ физионо-
міи.

— Къ-несчастію, ничего точнаго; но
я слышалъ, въ Генуѣ полагають, что
вашъ мужъ живъ...

— Живъ! живъ! говорила она, пора-
женная этою мыслью. — Еслибъ это бы-
ла правда! о, еслибъ это было возмо-
жно!

— Вашъ мужъ не былъ виновенъ, и
невинность имѣеть такую власть надъ
судьями...

— И, однакожъ, они осудили его.

— Правда; но если они не исполнили
приговора? если они только заключили
его тайно въ государственную тюрьму?

— Не говорите этого: вы сведете не-
яна съ ума! Мужъ мой тамъ, въ землѣ ..
А мое дитя?.. О! нѣтъ, это уже слиш-
комъ!

Я ушелъ, чтобъ дать развиться въ
сея умѣ сомнѣнію, какое подалъ я ей
довольно-искусно, и общался прійти,
когда получу благопріятнѣйшія вѣсти.
Я возвратился домой: депеша мини-
стра полиціи ожидала меня. Съ тре-
петомъ сорвалъ я печать: это было про-
щеніе Луи Белеву и назначеніе баро-
на Сент-Аллеза государственнымъ со-
вѣтникомъ. Кромѣ того, былъ еще вде-
ленный пакетъ, въ которомъ находи-
лась книжка, напечатанная на вел-
исовой бумагѣ, переплетенная полъ
видѣ кожи весьма-непріятнаго цвѣта,
съ надписью: « *Библиофилу Жакобу,
рѣдкость для любителя, книжка, пере-
вѣдетная съ человѣчьей кожи* ». Это бы-
ла конституція 1791 года!

Я поспѣшилъ сообщить эти пріят-
ныя новости Луи Белеву, который на-
чиналъ беспокоиться моимъ долгимъ
отсутствіемъ. Впрочемъ, и дитя не да-
вало ему покоя: оно требовало своей
матери и такъ громко кричало, что
возмущало бы сосѣдей, еслибъ моя Ои-
ванда была не такъ уединенна и не
такъ тиха. Я имѣлъ счастье внушить
этому дитяти такое уваженіе, что при
появленіи моемъ оно замолчало и оста-
лось неподвижнымъ, какъ-бы перешло
въ отель Улицы-де-Шутъё: ребенокъ
принялъ меня за императора послѣ то-
го, чтѣ сказалъ ему отецъ, громъ молни-
гивомъ, и я былъ въ его глазахъ
страшнѣе Крокитона. Много труда
стояло Луи Белеву понять мои намѣре-
нія и согласиться на планъ, какой я при-
думалъ. Но когда я рассказалъ ему свой
разговоръ съ его женою, когда дока-
залъ, что она увѣрена въ его смерти,
онъ растрогался и еще болѣе прокли-

зала своего шурина. Я не успѣлъ оправдать того, который способствовалъ или не осужденію, то по-крайней-мѣрѣ пожизненному заключенію его въ тюрьму и огласилъ его въ семействѣ мершимъ. Однакожъ, я уменьшилъ итѣъ Луи Белена, изобразивъ ему, съ какимъ жаромъ баронъ Сент-Аллеэъ зялся отъискивать дитя своей сестры; итѣъ приписавъ этому братскому жару выстрѣлъ изъ ружья, который былъ направленъ въ него и изъ котораго только нѣсколько дробинъ попало въ его лѣвую руку.

Въ восемь часовъ вечера, мы пригруппили къ развязкѣ этого страннаго происшествія. Луи Беленъ объявилъ, то онъ совершенно положился на меня и будетъ слушаться моихъ приказаній, какъ рекрутъ. Дитя не кричало, благодаря моему присутствію, которое основно производило свое дѣйствіе. Сбѣжавъ до Университетской-Улицы, мы вышли изъ фіакара. Я проводилъ отца съ сыномъ въ Предмѣстье-Сен-Мари, чтобъ увѣриться, помогла ли итѣъ горничная исполнить планъ мой. Калитка была въ-половину отворена. Я поворилъ дитяти, чтобъ оно было умнымъ, ободрялъ Луи Белена помогать итѣъ и дѣлать то, что нужно. Затѣмъ итѣъ быстро ушелъ, чтобъ войти въ отель лавными воротами. Когда я вошелъ, молчаніе, царствовавшее въ отелѣ, доазывало, что я пришелъ во-время, и не было итѣъ причины переимѣнять роль мою. Надобно было предоставить слушаю докончить это трудное предпріятіе.

Графъ Сент-Аллеэъ, сынъ его и дочь были вмѣстѣ; они грустно разговаривали о своихъ страхахъ и надеждахъ. Мой приходъ помогъ послѣднимъ. Разомъ съ трехъ сторонъ спрашивали меня, что я узналъ и о чемъ пришелъ извѣстить. Возвращеніе дитяти могло обнаружиться каждую минуту; не было времени сбѣгать вступленіе.

— Графъ, сказалъ я торопливо: — я получилъ письмо изъ Италіи; меня извѣщаютъ, что зять вашъ, Луи Беленъ,

который былъ заключенъ въ Анконскую-Крѣпость, убѣжалъ...

— Мой зять! вскричалъ графъ, упавъ на спинку кресла.

— Мой мужъ! вскричала внѣ себя госпожа Беленъ, рыдая и едва дыша.

Баронъ Сент-Аллеэъ не сбѣдалъ никакого восклицанія; но онъ наморщилъ брови и заскрипѣлъ зубами.

— Это еще не все, прибавилъ я, вынимая письмо: — Луи Беленъ прощенъ, и важныя открытія, какія онъ сбѣдалъ, списали ему почти благоволеніе императора. Вотъ единственная награда, которой просилъ онъ!

— Назначеніе меня государственнымъ совѣтникомъ! вскричалъ баронъ Сент-Аллеэъ, не мѣря глазамъ своимъ.

Въ эту минуту послышался крикъ дитяти; сердце матери не могло не узнать его; госпожа Беленъ отвѣтила на этотъ крикъ сильнѣйшимъ крикомъ; она бросилась, подобно львицѣ, которая сбѣжитъ защищать дѣтей своихъ, подбѣжала прямо къ колыбели своего сына, взяла его на руки...

— Сынъ мой! сынъ мой! сынъ мой! кричала она, какъ сумасшедшая.

Глаза ея, наполненные слезами, устрежились въ глубину комнаты: она увидѣла своего мужа. У нея достало еще силъ, чтобъ сбѣгать шага три впередъ, но потомъ она упала въ обморокъ. Луи Беленъ принялъ на свою грудь мать и сына.

Я самъ пошелъ запереть садовую калитку, чтобъ скрыть и успокоить душевное волненіе. Тамъ увидѣлъ я дова-Рибьера, который прохладился у себя передъ окномъ.

— Добрый вечеръ, другъ мой! вскричалъ я, растроганный видѣнію спекою. — Мы лишены самыхъ пріятныхъ наслажденій, — мы, библиофилы, которые не имѣемъ ни женъ, ни дѣтей.

— Что это? возразилъ онъ съ изумленіемъ и не пожимая меня. — То, что вы говорите, не касается происхожденія варточныхъ игръ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА КАРАМЗИНУ.

Въ послѣднее время, въ одномъ изъ отдаленныхъ отъ столицы провинціальныхъ городовъ—въ Симбирскѣ, совершилось событіе, имѣющее право на вниманіе и интересъ всей Россіи. Мы говоримъ объ открытіи памятника покойному историографу Россійской Имперіи, Н. М. Карамзину. Первая мысль этого памятника и первая жертвованія на него принадлежатъ симбирскому дворянству, подвигнутому желаніемъ — въ талантъ и литературныхъ заслугахъ почитать память симбирскаго дворянина, именемъ котораго, по справедливости, Симбирская-Губернія имѣетъ особенное право гордиться. Это замѣчательное событіе совершилось 23 августа нынѣшняго года. Въ десять часовъ утра, въ кафедральномъ соборѣ, симбирскимъ епископомъ была совершена литургія, а за нею — панихида по усопшемъ историографѣ. Изъ храма отправилась духовная процессія къ мѣсту памятника, въ сопровожденіи присутствовавшего при богослуженіи дворянства и чиновничества. Когда пала завѣса, скрывавшая бюстъ Карамзина и два барельефа, изображающіе двѣ важныя эпохи его жизни, преосвященный окропилъ памятникъ святою водою. Потомъ провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Августѣйшему Дому, а за тѣмъ вѣчная память историографу и многолѣтіе симбирскому дворянству и всѣмъ, почитающимъ память великаго писателя. Въ заключеніе, преосвященный Θεодотій произнесъ краткое, но весьма-краснорѣчивое слово.

По окончаніи духовной процессіи, началось свѣтское торжество въ залѣ гимназіи, передъ которой поставленъ

памятникъ. Нарочито для этого торжества пріѣхавшій изъ Москвы, бывшій профессоръ и литераторъ, М. П. Погодинъ, произнесъ похвальное слово въ память Карамзина. Къ-сожалѣнію мы ничего не можемъ сказать объ этомъ памятникѣ современнаго краснорѣчія, потому-что не читали его, но увѣряютъ, что рѣчь привела къ удивленію и восторгу симбирское дворянство. Затѣмъ, почетный почетитель гимназій, иногда романтической поэтъ, г. Овновшннъ, вспоминая старину, прочелъ свое стихотвореніе, замѣчательное не столько съ поэтической стороны, сколько по чувству, которое въ немъ выразилось, и по случаю, на которое оно было изготовлено. Вотъ оно:

Онъ здѣсь! Онъ вѣчно нашъ! Изображенъ
Клинъ
Отнынѣ передать въ позднѣйшия времена
И даръ Царя и даждь пріятельнаго Россіи
Къ трудамъ Карамзина.
Какъ древо Продотъ, средѣ шумящихъ
игръ Эдама,
Рассказомъ сладостнымъ народы увлекла,
И юный Оукландъ, впередъ на старыя
вѣданы,
Рыдалъ и трепеталъ;
Такъ русскій юноша, теперь идущій мимо,
Взглянувъ на этотъ ликъ, сіяющій въ нѣдѣ,
Любовь къ отечеству, сей огонь неугасимый,
Возвзвучаетъ въ груди.
Въ немъ вдругъ пробудится нежданная сила
Высокихъ подвиговъ, тѣмъ вѣнчанъ
книжнѣ,
И, какъ птенецъ орла, свои разширилъ
крыла,
Онъ къ солнцу возлетитъ!
А ты, на чьихъ брегахъ замокнулъ звукъ
булата,
Два царства падшія омывшая волной,
Ты, мирно льющая обиліе и злато,
Лякуй: онъ вѣстуетъ твой!
Да, Волга, онъ твой сигналъ! Когда
пламенный
Насъ спроситъ: это кто?—Мы гордо скажемъ: тотъ,
Кому приѣтливо внималъ Благословенный
Средь царственныхъ заботъ!
Кто время Грознаго, безстрастный и свободный,

Тѣнья темныя потомству передалъ;
Первые намъ раскрылъ языкъ просто-
народный,

Русь міру указалъ!
То щедро взысканный, мечталъ и дной
въ закатѣ

Славѣ родины, когда языкъ ибѣвалъ!
Где кѣмъ Монархъ скорбѣлъ и въ слѣ-
ланной утратѣ

Съ Россіей спротѣлъ!
И здѣсь! Овъ вѣчно нашъ! Изображеніе
Клѣт

тыми передать въ позднѣйши времена
даръ Царя и дань признательной Россіи
къ перу Карамзина.

Во время открытія памятника, кры-
ши, окна домовъ, балконы и вся пло-
щадь были наполнены ликующими
мѣстами, которые до поздней ночи
звѣчали около памятника.

Въ тотъ же день, отъ дворянства и
иноземцевъ данъ былъ обѣдъ съ мно-
гочисленными гостями, которые со-
провождались приличными обетова-
тельными рѣчами. Рѣчи эти не отличаются
собственными краснорѣчіемъ, по непри-
личію нашей къ восточному красно-
рѣчію, въ которомъ такіе мастера Ан-
гличане. Но насъ выводитъ изъ этого
труднительнаго положенія волшеб-
ное русское слово: ура! Оно нерѣдко
уже избавляетъ насъ отъ необходи-
мости быть краснорѣчивыми: скажите
несколько общихъ мѣстъ и, вида, что
мы готовы заговориться, крикните ура!
— хорошо подхватить это слово себе-
любивки, и рѣчь произведетъ впечат-
лѣніе. У всякаго народа свое красно-
рѣчіе. Такъ и сдѣлалъ г. Погодинъ,
въ рѣчь на тостъ, который пили за его
своими: « ура », которымъ онъ заклю-
чилъ свою рѣчь, было истинно кстати.
Онъ не довольствуясь этимъ, г. Пого-
динъ еще сказалъ сію краткую, но ис-
ключительную энергію рѣчь:

« Въ нашихъ бокалахъ, мм. гг., еще
много вина. Позвольте предложить
намъ тостъ, въ которомъ заключаютъ
всѣ предидущіе: за здравіе и бла-
годенствіе Россіи! Да цвѣтетъ она
долго, долго, выражусь словами Ка-
рамзина, если на землѣ нѣтъ ничего

« безсмертнаго, кромѣ души человѣче-
ской! »

Вообще, въ этомъ торжествѣ самый
важный и великій фактъ есть тотъ, что
Карамзину воздвигнуть памятникъ въ
родномъ ему городѣ. Такое чествова-
ніе заслуженныхъ мужей таланта и
слова, по смерти ихъ, дѣлаетъ великую
честь и странѣ и времени, какъ вѣр-
ный признакъ распространенія и уко-
рениенія социальнаго и человѣчествен-
наго образованія. Это чествованіе да-
же способствуетъ еще большому уси-
ленію общественнаго образованія: про-
столюдинъ безграмотный, глядя на
памятникъ, сооруженный мужу тала-
нта и слова, безъ собственнаго вѣдома
и сознанія, приучается чтить науку и
подвиги таланта и слова. Талантъ, съ
своей стороны, получаетъ новое ува-
женіе къ самому себѣ и своему назна-
ченію, новыя силы на благородное
стремленіе къ возвышенной дѣди.
Честь и слава просвѣщенному пар-
ствозанію, которое осуществило об-
щественную признательность къ Ло-
моносову, Державину, Карамзину и
Крылову, воздвигнувъ имъ достойные
памятники!...

Можно спорить о томъ, поэтъ или
не поэтъ былъ Карамзинъ, для дѣловъ
или только для своего времени писавъ
онъ; но нельзя спорить о томъ, что Ка-
рамзинъ былъ вѣкоторымъ образомъ
творецъ русской литературы, что
его даровитое перо положило прочное
основаніе не кабинетной (основанной
Ломоносовымъ), а живой, евѣтски-об-
щественной литературѣ въ Россіи, что
оно, это перо, вызвало, приготовило и
образовало публику, которой до Ка-
рамзина не было; что талантъ его
имѣлъ огромное вліаніе на самыя пра-
вы и гуманное образованіе общества,
и что, наконецъ, Карамзинъ положилъ
прочное основаніе русской исторіи,
какъ наукѣ, уже не исключительно ка-
бинетной, но общественной, неказалъ
и первый образецъ возможно-основа-
тельнаго и ученаго въ его время из-
ученія историческихъ источниковъ, и
художественнаго ихъ изложенія въ

стройномъ повѣствованіи. Даже и тогда, когда новый талантъ дастъ намъ исторію Россіи, которая затмитъ собою «Исторію Карамзина», — даже и тогда заслуга этого человѣка передъ русскою исторіею не перестанетъ быть столько великою, какою была она во время появленія въ свѣтъ *Исторіи Государства Россійскаго*. Такие подвиги очень и очень стоѣтъ вѣковѣчнаго памятникъ...

Карамзинъ, при жизни своей, какъ и по смерти, имѣлъ и фанатическихъ почитателей и ожесточенныхъ порицателей своего таланта: это служитъ лучшимъ доказательствомъ его важнаго значенія въ русской литературѣ. Труды его раздѣляются на два разряда: беллетристическіе (стихи, повѣсти, журнальныя статьи, переводы) и историческіе (нѣсколько историческихъ статей и *Исторія Государства Россійскаго*). Тѣ и другія были предметомъ и неумѣренныхъ похвалъ и неумѣренныхъ нападеній. Беллетристическими своими произведеніями Карамзинъ возбудилъ къ себѣ и удивленіе и негодованіе преимущественно какъ преобразователь языка. Но съ этой стороны, побѣда скоро склонилась на его сторону, и скоро видѣлъ онъ однихъ друзей своего таланта, не видя его недруговъ. *Исторія Государства Россійскаго*, при жизни его, была истиннымъ его триумфомъ; но послѣ смерти, именно съ 1829 года, начались сильныя и ожесточенныя споры за нее и противъ нея. Какъ поразительный примѣръ тѣхъ и другихъ, приведемъ въ свидѣтеліи словъ нашихъ два голоса двухъ человѣкъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго ни по таланту, ни по литературной значительности, но принадлежащихъ къ карамзинской эпохѣ и образовавшихся подъ вліяніемъ ея духа. Знаменитый поэтъ нашъ, Жуковский, сказалъ, между прочимъ, въ одномъ своемъ стихотвореніи, напечатанномъ въ 1832 году:

Лежитъ вѣнецъ на мраморѣ могилы;
Ей молится Россія вѣрный сынъ,

И будитъ въ немъ для дѣлъ прекрасныхъ силы

Святое имя: Карамзинъ.

Г. Гречъ, имя котораго въ нашей литературѣ гораздо-извѣстнѣе, нежели его сочиненія, вотъ что сказалъ объ исторіи Карамзина:

«Кончивъ изданіе *Вѣстника Европы* (съ 1803 года), Карамзинъ, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, не печаталъ ничего, и занимался только своею исторіею. Она удовлетворяла многими требованіямъ (я говорю только въ отношеніи къ языку), но — воля ваша! — прежде онъ писалъ лучше. И повѣсти его, и *Письма Русскаго Путешественника*, и статьи *Вѣстника Европы* написаны слогомъ приятнымъ, естественнымъ, не отвергающимъ прикрасъ, но и не гонявшимся за красотами. Я нѣсколько разъ читалъ его *Исторію Государства Россійскаго*; занимаясь сочиненіемъ грамматики, разложилъ большую часть его періодовъ, наблюдалъ почти всѣ обороты; находилъ многое хорошаго, прекраснаго, правдиваго, классическаго, но сожалѣлъ по *Будной Лизѣ!* Въ слогѣ его исторіи видна принужденность, стараніе быть краснорѣчивымъ, насильственное округленіе періодовъ; все искусственно, все разбито, и не то, что прежде. Позволь воскликнуть съ Пушкинымъ:

«И бабушка! затѣла пустое:

«Окончи лучше имя Нильо Бюатра!»

Все это напечатано въ альманахѣ *Новоюдинскъ*, изданномъ г. Кукольникимъ въ 1839 году, въ статьѣ *Воспоминанія Юности*, стр. 222. Впрочемъ, мы приведемъ здѣсь мнѣніе г. Греча не для того, чтобы оспаривать его, а какъ фактъ, показывающій, какъ раздѣлены были мнѣнія о Карамзинѣ даже между его почитателями. А такой фактъ всего лучше доказываетъ важное и великое значеніе Карамзина въ русской литературѣ: о писателяхъ обыкновенныхъ не спорятъ; только

галантъ и заслуга пользуются завидною привилегіею возбуждать энтузіазмъ, похвалы, вражду, брань и споры...

II.

ПИСЬМО УЧРЕДИТЕЛЯ ТОВАРИЩЕСТВА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ВЪ РОССИИ ПРОСТОЙ И ВЫГОДНОЙ ОБДѢЛКИ ПРЯДИЛЬНЫХЪ РАСТЕНИЙ КЪ РЕДАКТОРУ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ».

Милостивый государь.

Теперь уже всѣмъ извѣстно, чрезъ отзывы газетъ и журналовъ, объ учрежденномъ мною товариществѣ для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений. Это предпріятіе, сверхъ покровительства, которыми оно удостоено отъ Императорскаго Великаго Экономическаго Общества и лестнаго за него ходатайства Его Императорскаго Высочества Принца, президента общества, уже заслужило и всеобщее одобреніе. Однѣ только «Отечественныя Записки», въ библиограммѣ девятаго номера, отозвались нѣкоторыми сомнѣніями и будто-бы неполнымъ признаніемъ полезности дѣла.

Сожалѣю, что рецензія вышла въ свѣтъ прежде, нежели вы получили составленный товариществомъ правила. Тогда бы г. рецензентъ, безъ всякаго сомнѣнія, измѣнилъ во многомъ свой взглядъ.

Увѣренный въ вашемъ безпристрастїи, сообщаю мои оправданія, въ полной надеждѣ, что вы, столько же для успѣха полезнаго дѣла, сколько и по справедливости, не откажете мнѣ въ напечатаніи этого письма въ слѣдующемъ же номерѣ вашего журнала.

Буду отиѣчать по порядку, выпишывая, гдѣ будетъ можно, полнѣйшія слова рецензента.

1) «Всякое усовершенствованіе, разсчитываемое въ маломъ размѣрѣ, не всегда приноситъ тѣ же, пропорціонально, выгоды, когда оно расширяется въ обширнѣйшемъ размѣрѣ».

Иногда это совершенная правда, но она не идетъ къ настоящему дѣлу. Если бѣ товарищество, по опыту, сдѣланному надъ нѣсколькими пудами, обѣщало тотъ же результатъ въ обдѣлкѣ нѣсколькихъ сотъ пудовъ за одинъ разъ, какъ то могло бы дѣлаться на фабрикахъ при помощи машинъ, то подобное предположеніе не заслуживало бы полного довѣрія. Но способъ предлагается крестьянамъ; для сдѣланнаго разсчета выгоды земледѣльца взять въ основаніе конопляникъ хозяйственный; а отъ такого конопляника получается крестьянномъ пеньки не болѣе шести пудовъ, изъ которыхъ два пуда должны еще идти на веревки. Остальные четыре пуда въ годъ на семейство не есть такое количество, котораго бы оно не могло обдѣлать съ раченіемъ. Кто знаетъ съ крестьянскимъ бытомъ, тотъ знаетъ, что крестьянина прачеть и бережетъ каждый лоскутъ, каждый хлопокъ. Чтѣ касается пражки, то изъ большаго количества матеріала выйдетъ, сравнительно, болѣе, нежели изъ малаго, потому что такой же невыпрядующійся хлопокъ останется отъ фунта, какой и отъ пуда (1). Притомъ,

(1) Такъ-какъ здѣсь идетъ дѣло о разсчетѣ выгоды, разсчетѣ математическомъ, то мы никакъ не можемъ допускать неточностей, выраженной фигуральныхъ; и потому никакъ не можемъ согласиться, что такой же невыпрядующійся хлопокъ останется отъ фунта, какой и отъ пуда; все, чтѣ можно допустить, — это то, что при производствѣ въ болѣемъ видѣ, потеря будетъ меньше. Вѣдь хлопокъ остается не потому, что его нельзя прачеть въ маломъ видѣ, а потому, что онъ недешъ на хорошую пражку. Для пряденія льна закужель, матеріалъ этотъ тщательно чешется, и при пряденіи не бываетъ никакой потери, не смотря на то, что на кужель навязывается нѣсколько золотниковъ. Редакція О. З.

цифры въ расчетѣ до того противъ образцовъ уменьшены, что результатъ выведенъ половинный въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ онъ можетъ быть при всѣхъ счастливыхъ обстоятельствахъ. Любопытные могутъ это повѣрить, введя въ тѣ же графы полныя цифры изъ опытовъ.

2) «Найдеть ли улучшенное въ качествѣ и увеличенное въ массѣ произведеніе достаточное число потребителей?»

Потребитель хозяйственныхъ своихъ произведеній есть самъ хозяинъ. Если, получая отъ одного изъ прядильныхъ растений болѣе, нежели прежде, онъ не будетъ нуждаться въ другомъ, то прекратить посѣвъ ленужнаго и, выигравъ въ трудѣ и времени, получить лишнюю землю подъ хлѣбъ. Объ этомъ очень ясно сказано въ разбрасываемой рецензентомъ статьѣ (2).

(2) Замѣчанія, изложенныя во 2, 3 и 4 пунктахъ, имѣютъ цѣлю доказать, что при предлагаемомъ способѣ крестьянинъ будетъ самъ потребителемъ улучшенныхъ своихъ произведеній; но г. Великопольскій не только не поколебалъ убѣжденія рецензента, — убѣжденнаго, основаннаго на фактъ въ томъ, съ какимъ немощнымъ трудомъ, съ какимъ непреодолимымъ упорствомъ крестьяне наши принимаютъ всякія улучшенія. Напротивъ, словами г. Великопольскаго подтверждается замѣчаніе рецензента: «Это сдѣластье нужды или снуждѣнны, а всегда, можетъ-быть, и привычки». Совершенно-справедливо! Обратите же сначала эти причины — и тогда улучшеніе придется безъ всякаго затрудненія. Вы желаете, чтобъ крестьянинъ носилъ бѣлье болѣе-тонкое; мы на это скажемъ: позаботьтесь сначала пробудить въ немъ идею разумнаго порядка, чувство опрятности, — позаботьтесь сначала, чтобъ онъ грубое свое бѣлье перемѣнилъ почаще, чтобъ онъ почувствовалъ нужду хоть въ простынѣ и головной подушкѣ, не валяясь на соломѣ или на голѣй доскѣ, не покрываясь изорваннымъ тулупомъ, не задымался отъ дыма въ курной избѣ, и наконецъ, не раздѣляя своего жилища съ теленкомъ, овцою или свиньею. Если всѣ эти условія жизни нашего крестьянина не измѣнятся, то мож-

3) «Крестьянинъ, который, привыкнувши или необходимостію принужденъ носить восьми-копечный холстъ, ищетъ ли средства и охоту покупать холстъ по тридцати коп. за аршинъ?»

Странное было бы изобрѣтеніе заставить крестьянина покупать холстъ. Напротивъ, товарищество доставляетъ ему возможность имѣть этого холста дома, безъ издержекъ, изъ матеріала, который онъ, въ послѣднее время, бросалъ или продавалъ за ничто. Крестьянинъ, при новомъ способѣ, не только что не купитъ, но еще и продастъ холста желающимъ: обстоятельству совершенно-противоположное дѣяло, какой сдѣлаемъ г-нъ рецензентомъ.

4) «Есть средства простыя, доступныя крестьянину, очищать пшеничное зерно отъ разнаго сора и превращать его въ муку довольно-чистую: отъ-чю

но ли ожидать, чтобъ онъ началъ носить лучшее бѣлье?»

Г. Великопольскій говоритъ, что потребитель хозяйственныхъ своихъ произведеній есть самъ хозяинъ; сдѣлаваемо все ушѣхъ предлагаемого способа основанъ не на томъ предположеніи, что крестьянинъ получитъ болѣе чистой денежной прибыли, а все-таки на томъ, что онъ будетъ носить лучшее бѣлье. Возможность этого предположенія болѣе нежели сомнительна послѣ вышеприведенныхъ доказательствъ. Рецензентъ остается въ томъ убѣжденіи, что лишь денежная выручка можетъ умочь крестьянина принять новый способъ. Въ этомъ смыслѣ, — не ждалъ, впрочемъ, — въ чемъ состоитъ новый способъ, рецензентъ понимаетъ отзывъ директора Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, г. Байкова, который говоритъ: «если бы (предлагаемый способъ обдѣлки пеньки) сдѣлался повсемѣстнымъ, то могъ бы представить соперничества, къ пользѣ русскаго хозяйства, не только «заграничной выдѣлкѣ пеньки, но и хлопчатобумажному производству». Ясно ли очевидно, что дѣло о торговлѣ, и притомъ вышней, а не о потребленіи произведеній самими хозяевами, — съ тѣмъ совершенно согласенъ и рецензентъ. Г. Великопольскій говоритъ, что крестьяне будутъ имѣть то, чю прежде не имѣли

же крестьяне южных губерний того не дѣлаютъ и вѣдаютъ такой пшеничный хлѣбъ, который на видъ хуже ржаного?.

Вѣроятно отъ-того же, отъ-чего крестьяне сѣверныхъ губерній употребляютъ въ пищу неочищенный ржаной хлѣбъ, иногда нарочно даже, въ сурожамъ, дѣлая его пополамъ съ мякиною. Такимъ-образомъ, они вводятъ въ хлѣбъ болѣе сѣлаго вещества. Это счастливѣе нужды или скудости, а иногда, можетъ-быть, и привычки. Приводя такіе вредные для здоровья обычаи, весьма, кажется, было бы кстати объявить желаніе, чтобъ дана была возможность имъ искорениться.

Привѣсивъ указанный рецензентомъ примѣръ къ предѣльнымъ растеніямъ, спросимъ: почему крестьяне наши не стараются пряхъ и ткать изъ льна томъ же, нежели они то дѣлаютъ? Тамъ отвѣтять: потому-что они домогаются и тѣмъ, что послать. За-

— все это безъ издержекъ. Бѣльшій трудъ — чего-нибудь также сдѣлать; а 20 к. сер. съ души развѣ не издержки? — Притомъ, если обдѣлка, не предлагаемому товариществомъ способомъ, не стоитъ ничего, то почему же она сама продаетъ образцы пеньки, льна и носковъ по полтора рубля серебромъ за фунтъ? (См. *Правила и Условія, предварительно объявляемая Товариществомъ*; ст. VI.) Положимъ, что тутъ включена и пересылка; но она не можетъ стоить дороже 50 к. с. за фунтъ; все же за фунтъ льна приходится 1 р. сер., а за пудъ 40 р. сер.? Вотъ еслибъ гг. учредители доказали, что приобреташіе ихъ способъ могутъ продавать свою пеньку или ленъ не только по 40 р. сер., но даже по 40 р. асс., то мы вполне поручились бы за успѣхъ ихъ способа...

Г. Великопольскій говоритъ: «весьма, кажется, было бы кстати объявить желаніе, чтобы дана была возможность искорениться вреднымъ обычаямъ.» Рецензентъ смѣетъ думать, что онъ, если не болѣе, то никакъ не менѣе всякаго чело-вѣка, любящаго своихъ собратій, желаетъ этого. Но желать могутъ многіе, понимать — немногіе, дѣлать — дашъ мѣко-торые. Ред.

чѣшъ же бы, кажется, предлагать имъ еще новое? Пусть они и носятъ, что привыкли; но, по способу товарищества, изъ льна получится холста болѣе, изъ носковъ лучше и болѣе. Забудьте это слово: болѣе. Изъ пеньки же крестьяне будутъ имѣть то, чего прежде не имѣли. Все это безъ издержекъ. Кому же изъ нихъ такое дѣло невыгодно? Какой крестьянинъ, если вы ему хорошо все объясните, отъ него откажется? Потому-то, когда я представлялъ въ Императорское Вольное Экономическое Общество образцы, а представлялъ образцы крестьянскіе. И теперь, когда будетъ мною открыта контора и выставатся въ ней образцы, прошу каждаго не упускать того изъ виду.

5) *Разсчетъ, основанный на душахъ, есть самый неутѣрный, потому-что онъ не экономическій.*

Надобно опредѣлить прежде, какой разсчетъ считать экономическимъ. Всякій хозяйственный посѣвъ расчисляется по числу потребителей въ хозяйствѣ; другими словами: по числу требующихъ пищи и одежды; а это число опредѣляется душами, даже не работниками, потому-что въ тѣхъ семействахъ, гдѣ много душъ, а мало работниковъ, взрослые трудятся почти сверхъ силъ, принанимаютъ на послѣдніе крохи и засѣваютъ по размѣру все-таки числа душъ. Слѣдовательно, разсчетъ по душамъ, въ нашемъ дѣлѣ, есть самый вѣрный (3).

(3) Г. Великопольскій утверждаетъ, что разсчетъ по душамъ, въ его дѣлѣ, есть самый вѣрный. Не будемъ входить здѣсь въ экономическія основанія подобнаго разсчета; это завело бы насъ слишкомъ далеко; да и стоитъ ли того 2 коп. сер. съ души?... Разберемъ только послѣдніе слова г. Великопольскаго. «Всякій хозяйственный посѣвъ» говоритъ онъ «расчисляется по числу потребителей въ хозяйствѣ, другими словами по числу требующихъ пищи и одежды.» Счастливы, стократъ счастливы были бы наши села и деревни, если бы это было такъ воздѣ

6) Здесь слѣдует у рецензента анекдотъ о управителяхъ-взяточникахъ, собиравшихъ съ крестьянъ по десяти коп. съ души, для того, чтобы не вводить помѣстныхъ улучшеній, и объ управителя честномъ, непокусившемся на взятки и введшемъ улучшенія.

Цѣль анекдота не совсѣмъ понятна. Если онъ помѣщенъ въ осторожность помѣщикамъ, которыхъ благія къ пользѣ ихъ крестьянъ распоряженія могутъ такимъ образомъ оставаться безъ дѣйствія, то подобное предостереженіе имѣетъ самую благонамѣренную цѣль (4). Но многими можетъ такое прекрасное намѣреніе рецензента быть истолковано совершенно-иначе, и приведенный имъ примѣръ десяти-

и всегда! Не отправлялся бы тогда нижегородскій или саратовскій крестьянинъ тлнуть лямкою суда до Рыбинска; не оставилъ бы своей деревни и своей родной нивы владимірскій крестьянинъ для того, чтобы зашибить копейку на какой-нибудь московской фабрикѣ, для содержанія себя и своего семейства; не отправлялся бы крестьянинъ на зиму въ столицу съ послѣднею лошадиною, чтобы кой-какъ прокормить себя и свое животное; не разсѣивалась бы по трактирамъ, кабакамъ и мелочнымъ лавкамъ половина Ярославской-Губерніи; не уходилъ бы съ косяю за плечами казакъ Полтавской-Губерніи на заработки въ дальнія степи довскія или крымскія; не было бы въ языкъ нашего народа этого многозначительнаго термина: «надобно же какъ-нибудь кормиться»; не покупала бы губернія Владимірская или Ярославская хлѣба рязанскаго или тамбовскаго, и пр., и пр.— Какъ эти очевидные факты согласить съ сказаннымъ положеніемъ г. Великопольскаго, которымъ онъ хочетъ доказать, что расчетъ по душамъ есть самый вѣрный? Не пускаясь въ дальнія разсужденія, всякій согласится, что есть же разница между селеніями, гдѣ приходится по 6 десятинъ на душу, съ тѣми, гдѣ нѣтъ и 3 или даже 2-хъ; а это бываетъ сплошь да-рядомъ. *Ред.*

(4) Г. Великопольскій совершенно-правъ: цѣль анекдота, который взятъ изъ дѣйствительнаго событія, — самая благонамѣренная. *Ред.*

копеечной съ души взятки, быть при-нѣненъ къ предлагаемой товариществу, расчисленной по душамъ, платѣ двѣ коп. серебромъ за приоб-рѣтеніе способа. Ничего ни отъ кого не требуя, и не имѣя права что-либо требовать, а всего ожидая отъ доброй воли и собственнаго расчета изждаго, при томъ, за двѣ копейки доставляя до четырехъ руб. выгоды, товарищество приняло за основаніе расчисленія платы количество ревизскихъ душъ, какъ средство уравнять взносъ. Не знаю, должно ли оно въ томъ даже и ограждать себя отъ ложныхъ толкованій.

7) *Послѣднія замѣчанія и разсужденія рецензента касаются предмета посторонняго главному дѣлу товарищества. (5) приобрѣтеннаго мною новаго машиннаго способа совокупной обдѣлки и бѣленія прядильныхъ растений. Въ этомъ способѣ есть въ виду возможность обдѣлывать прядильныя растенія безъ употребительной ихъ вымочки.*

Товарищество объявило въ своихъ правилахъ, что оно покупаетъ ни за что еще въ этомъ машинномъ способѣ не ручается.

Рецензентъ говоритъ: «стало-быть это покаместъ надежда?»

И я говорю: надежда.

«Замѣтимъ» — продолжаетъ рецензентъ — что если, при помощи предидущей машины, можно обдѣлывать

(5) Рецензентъ сдѣлалъ замѣчанія о приобрѣтенномъ товариществомъ новымъ машинномъ способѣ совокупной обдѣлки и бѣленія прядильныхъ растений. Г. Великопольскій по этому случаю говоритъ: «замѣчанія и разсужденія рецензента касаются предмета, посторонняго главному дѣлу товарищества.» Рецензентъ этого не зналъ и не могъ даже предполагать, ибо въ брошюрѣ ясно сказано, что «Товарищество уступитъ подписчикамъ безденежно, имѣетъ съ основнымъ способомъ, право пользоваться и этимъ добавочнымъ изобрѣтеніемъ.» Для подписчиковъ, въ крайней-мѣрѣ, это не можетъ быть дѣломъ постороннимъ. Впрочемъ, *rien de jamais.* — *Ред.*

«прилипыя растенія безъ предвари-
тельно мятья, то мы рѣшительно
недоумѣваемъ: что же будетъ дѣлать
эта предвидимая машина.»

Г. Рецензентъ отрицаетъ, кажется, въ изобрѣтателѣ, механикѣ ех-профессо, всякое знаніе науки, въ которой, какъ сказано въ статьѣ, онъ сдѣлалъ себя уже извѣстнымъ многими заслугами (6).

Да проститъ же опъ намъ нѣкоторыя опроверженія. Приятный слогъ его рецензіи и занимательный рассказъ анекдота, показывають въ немъ искуснаго литератора (7); по литературѣ и механикѣ съ технологіею предметы равныя, если не совершенно-противоположныя. На основаніи этого мы надѣемся на его свисходительность и справедливое сознаніе въ своей ошибкѣ.

При обдѣлкѣ прилипыя растенія употребляется два мятья. Одно, *первоначальное или земледѣльческое*, производимое самими крестьянами, состоитъ въ отмятіи, или, вѣрнѣе, въ отломленіи отъ волокна деревянистой кострики, по разрушеніи крѣпкой ея связи съ воловьимъ посредствомъ вымочки. Другое, *мутья окончательное, или предъ-издѣльное*, производимое уже передъ обращеніемъ волокна въ пряжу. Оно служитъ къ размельченію и размягченію волокна. Недавно сдѣлала у насъ много шума великая мядица Гарнье; во Франціи извѣстна мядица Декостера. И та, и другая имѣють предметомъ второе

мутья (8). Слѣдовательно, изобрѣтенная нашимъ механикомъ машина должна, по его обѣщанію, дать въ одинъ приемъ оба результата. Извѣстно, что этой пѣли уже достигала машина иностранца Христиани; но отсутствіе вымочки оставило на волокнѣ намедисто-смолянистое вещество, которое, бывъ

(8) Жаль, что г. Великопольскій не объявилъ, какъ именно производится *второе* рода мутья, — и отъ-того мы рѣшительно не понимаемъ въ чемъ оно состоитъ. Мы, хотя и не ех-профессо, знаемъ однако, что мутья бываетъ только одно, именно — состоящее въ отдѣленіи волокна отъ кострики. Размельченіе же и размягченіе волокна производится не мутьемъ, а чесаніемъ на гребняхъ или шеткахъ, или иногда, какъ дѣлають наши крестьяне, толченіемъ въ ступахъ. Недоумѣваемъ, какое же тутъ мутья второго рода?.. Ссылаемся на всѣхъ хозяевъ-практиковъ. Мядицы Декостера мы не видали; но машины Гарнье знаемъ не по наслышкѣ: мы видѣли ихъ собственными глазами и притомъ въ дѣлѣ. Позвольте рассказать въ чемъ онѣ состоятъ. Это собственно двѣ машины: одна состоитъ изъ двухъ рядовъ бородачатыхъ цилиндровъ (чугунныхъ или, пожалуй, и деревянныхъ), между которыми проускаются стебли вымоченнаго льна, которые такимъ-образомъ ломаются. Вторая машина состоитъ изъ желѣзныхъ полосъ, въ горизонтальномъ положеніи вращающихся на оси; эти полосы бьютъ по льну, изломанному первою машиною, и отдѣляютъ кострику отъ волокна. Эта вторая машина есть собственно *трепальная*, а вовсе не мядица. Но, чтобъ машины Гарнье, какъ утверждаетъ г. Великопольскій, имѣли предметомъ несуществующее, въ природѣ мутья второго рода, и служили къ размельченію и умягченію волокна, этого не говорить ни самъ Гарнье и никто не скажетъ, кто видѣлъ его машины въ дѣлѣ. Еще болѣе: вторая машина Гарнье треплетъ скоро, но не совсѣмъ-чисто, такъ, что послѣ нея надобно лѣнъ дотрепывать обыкновенными ручными трепалами, что значительно уменьшаетъ выгоды машины. — Довольно ли доказательства, что литература не всегда въ разладѣ съ технологіею и механикою?... Ред.

(6) Въ изобрѣтателѣ, механикѣ ех-профессо, рецензентъ ничего не отрицалъ и не отрицаетъ, хотя и можно отрицать извѣстность человѣка, котораго имя не объявлено, равно какъ не объявлено и то, что онъ сдѣлалъ. Ред.

(7) Рецензенту остается благодарить г. Великопольскаго за такой лестный отзывъ, и замѣтить съ своей стороны, что онъ не видитъ противоположности въ литературѣ и механикѣ съ технологіею; что онъ, какъ смѣетъ думать, сейчасъ и докажетъ въ нижеслѣдующемъ примѣчаніи:

незащитно въ облачномъ матеріалѣ, въ послѣдствіи испарялось отъ дѣйствія солнца и оставило на полотнѣ скважины. Вслѣдствіе того способъ Христиани оставленъ.

Нашему изобрѣтателю это должно быть известно болѣе, чѣмъ намъ. Явно, что онъ предвидѣть возможность произвестъ одновременно отложеніе клея съ первымъ и вторымъ мѣтѣмъ. Способъ, посредствомъ котораго онъ надѣется того достигнуть, составляетъ его тайну. Я согласенъ, и самъ о томъ писалъ въ рукописи, бывшей на разсмотрѣніи у многихъ экономистовъ, что разложеніе камедисто-смолянистаго вещества невозможно безъ химическаго дѣйствія; но теплотворъ, воздухъ, вода и подобныя простыя агенты, также дѣйствуютъ химически. Не они ли разлагаютъ это вещество во время земледѣльской выночки и разотки? Развъ вліяніе этихъ агентовъ не можетъ быть ускорено, усилено и приведено къ единовременному дѣйствію съ машиною? Наука, ничего не дѣлая сверхъ-естественнаго, въ то же время производитъ столько чудесъ, что заранѣе ничего отрицать не должно; иначе не было бы ни тушинскаго водю греческаго огня, ни саморисованія Дагерра, ни даже найденной въ механикѣ силы рычага. Скажу болѣе: подобное изобрѣтеніе было уже сдѣлано голстинскимъ поселяниномъ Туманомъ; но изобрѣтатель умеръ, и съ нимъ умерло изобрѣтеніе, *никто въ то время не сумелъ.*

Надѣюсь, что послѣ этого объясненія г. рецензентъ отмѣнитъ строгій свой приговоръ, что люди, предлагающіе (а слѣдовательно и предлагающіе) способы мять пеньки и льна безъ моченія или разстилки, не знали повидимому самыхъ простыхъ истинъ (9).

(9) Разсужденія г. Великопольскаго нисколько не поколебали сомнѣній рецензента на счетъ возможности мять льна безъ предварительнаго моченія или разстилки. Децезентъ немощно скептикъ: къ этому

Оцѣнивъ важность изобрѣтенія, если оно удастся, и не имѣя повода доверять соображеніямъ извѣстнаго своими заслугами механика, я приобрѣлъ способъ заранѣе, съ тѣмъ, чтобы передать его безденежно подписчикамъ на основной способъ товарищества, если предпріятіе получитъ справедливыя успѣхъ. Условившись въ покупкѣ изобрѣтенія, я долженъ буду вылатить за него значительную сумму, и если я упомянулъ уже объ этой машинѣ въ моихъ общаніяхъ, то это столько же для того, чтобы слѣдующимъ важнымъ предвидимое изобрѣтеніе, сколько и съ цѣлю показать все мое желаніе и все мое стараніе быть полезнымъ. Я объявилъ, что машина еще не кончена, что я за нее до времени не ручаюсь; самъ изобрѣтатель не говоритъ о своемъ успѣхѣ утвердительно; слѣдовательно, никто не вводится въ обманъ. Не удастся—никто ничего не потеряетъ; а удастся—Россія получить важный подарокъ, и тогда будетъ вполне оцѣнена моя услуга.

Повторю, что предпріятіе товарищества не находится ни въ какой зависимости отъ достиженія, или недостиженія механикомъ своей цѣли. Пер-

привели его лѣта, опытность, обращеніе съ людьми. Къ сожалѣнію, онъ не правъ въ оцѣнѣ важности изобрѣтенія прежде нежели оно удастся. О греческомъ огнѣ онъ не беретъ судить, равно и о изобрѣтеніи Тумана, потому что никто не знаетъ въ чемъ они состояли. Противъ саморисованія Дагерра никто не спорилъ, потому что гораздо прежде Дагерра извѣстны были законы камер-обскуры и измѣняемость въ цвѣтахъ, производимая солнечными лучами. О вѣроятности будущаго можно судить только по связи съ извѣстными прошедшимъ, уже совершившимся. Чтѣ не противорѣчатъ дознаннымъ истинамъ, то можетъ случиться. Такъ учить логика. Но, не смотря на то, есть люди, которые и теперь отыскиваютъ квадратуру круга и занимаются устройствомъ машинъ вѣчнаго движенія, хотя математически доказана невозможность того и другаго открытія. Ред.

вое имѣетъ предметомъ распространенеіе способа простаго, крестьянскаго; второе — сложную машину; первое — дѣйствительность, изслѣдованная в одобренная; второе — предположеніе ученаго человѣка; первое — богатый фактъ, второе — богатая надежда (10).

8) «Что касается до вреднаго вліянія мочки пеньки или льна на здоровье, то вредъ этотъ, по новѣйшимъ наблюденіямъ, вовсе не такъ важенъ, какъ о немъ думаютъ нѣкоторые».

Вредъ, не столь важный, какъ думаютъ, все-таки вредъ и по словамъ самага рецензента. Этого было бы достаточно для оправданія разбираемой статьи, въ которой не опредѣляется степени вреда. Но да позволено будетъ

(10) Богатый фактъ, богатая надежда! Такъ-какъ г. Великопольскій признаетъ въ рецензентѣ способность занимательно разсказывать анекдоты, то онъ, увлекшись такою похвалою, позволяетъ себѣ разсказать еще слѣдующій анекдотъ. Лѣтъ 10 или 12 тому назадъ, одинъ свеклосахарный заводчикъ объявлялъ объ открытомъ имъ способѣ вымочки свекловицы, обѣщая несметныя выгоды сахароварамъ. Если не богатая, то сладкая надежда увлекла многихъ. Агрономическое общество, къ которому принадлежалъ изобрѣтатель, поднесло ему адресъ и золотую медаль. Возсталъ только одинъ скептикъ, но его не послушали, начали ломать прессы и заводить чаны. Но тѣмъ же дѣло кончилось? Обѣщанныя выгоды вовсе не осуществились и остались не въ накладъ лишь тѣ, которые продолжали работать прессами. Спустия нѣсколько лѣтъ, Парижское Общество Поощренія Народной Промышленности предложило премію за лучший способъ вымочки свекловицы; явились многіе соискатели и въ томъ числѣ знаменитый Домбаль, — кажется, авторитетъ достаточный! Но общество не присудило и ему преміи, хотя и признало, что предположенный Домбальемъ способъ былъ удовлетворительнѣе, нежели способы другихъ соискателей. Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ долгомъ замѣтить, что этотъ анекдотъ имѣетъ цѣлю доказать, что скептицизмъ бываетъ принадлежностію не одного человѣка, но цѣлыхъ обществъ, и наоборотъ.

при этомъ случаѣ замѣтить, что вы водъ господина рецензента изъ наблюденій, совершенно противенъ наблюденіямъ. *Жиранденъ*, въ своей химіи (Rouen, 1839, page 557), дѣйствительно сказалъ, что распространяемыя вымочкою испаренія не такъ зловонны, какъ полагаютъ; но въ послѣднее время *Париже*, *Гольмъ де-Клобри*, *Лабарракъ* и *Шоалле*, въ своихъ свидѣтельствѣхъ, данныхъ по случаю изобрѣтенія Рушона, говорятъ утвердительно, что вымочка прядильныхъ растений заражаетъ воду. Это подтверждается и недавнимъ, въ которой-то изъ нашихъ газетъ помѣщеннымъ извѣстіемъ, что цѣлое стадо начало внезапно отъ чего гибнуть, и болѣзнь прекратилась только съ того времени, когда перенѣшли для воденія вѣсто, въ которомъ передъ тѣмъ вымачивались ленъ или пенька (11).

(11) Рецензентъ не чуждъ того убѣжденія, что чистая, прозрачная вода лучше всякой нечистой или мутной, въ которой хорошо только ловить рыбу. Впрочемъ, мы не знаемъ, о какомъ *Жиранденъ* говоритъ авторъ письма. Намъ известна записка доктора *Александра Жиранде*, помѣщенная въ «*Annales d'hygiène publique*». Впрочемъ, изъясненія *Жиранде* привели къ тѣмъ же почти результатамъ, которыхъ достигъ *Поран-Дюшатле*. Надѣмся, что это классическое имя въ наукѣ общественной гигиены — достаточный авторитетъ. Этотъ великій подвижникъ науки, слѣдуя въ-теченіе двухъ лѣтъ ровно пятьдесятъ опытовъ надъ водою, въ которой была мочена пенька или, лучше, конопля, самъ пилъ эту воду, давалъ ее своей жемѣ и своему ребенку, възадорамывавшему отъ перемежающейся лихорадки, — и пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Что пѣвчія птица и куриной породы могутъ употреблять такую воду безвредно, и притомъ долгое время.

2) Что эта вода ни мало не вредитъ угучненію или откормкѣ молодыхъ животныхъ.

3) Что мочка пеньки не имѣетъ вреднаго вліянія на человѣка и животныхъ (6-й, 7-й и 8-й опыты).

Опытъ съ настойкою листьевъ и стебля

Прося васъ и неизвѣстнаго мнѣ господина рецензента принять засвидѣтельствованіе моего истиннаго почтенія, имѣю честь быть, и пр.

Иванъ Великопольскій.

зеленой конопля, мочка которой распространяетъ противный запахъ, привели къ слѣдующимъ результатамъ:

1) Что въ некоторыхъ травоядныхъ не могутъ пить такой воды, въ сильной степени насыщенной коноплею.

2) Что куры могутъ пить эту настойку.

3) Что эта настойка не вредна ни человеку, ни четвероногимъ, ни птицамъ (elle, c. à d. la macération des feuilles et des tiges de chanvre vert, n'est pas nuisible à l'espèce humaine qu'aux animaux et aux oiseaux). Тѣ же дѣйствія оказываетъ вода, въ которой мочили пенку, на лягушекъ, пиявокъ и рыбъ. Въ-отношеніи къ послѣднимъ, болѣе оказываетъ дѣйствіе только чрезвычайно-сильная настойка пенки; но для рыбы гораздо-вреднѣе настой изъ новыхъ и старыхъ листьевъ, и

4) Что мнѣніе тѣхъ, которые думаютъ, что рыба питается водою, въ которой мочена пенка, небезосновательно; наконецъ,

5) Газы и испаренія отъ моченой пенки не оказываютъ вреднаго вліянія на здоровье животныхъ.

Довольно ли этихъ доказательствъ въ защиту мнѣнія рецензента? Если нѣтъ, то онъ проситъ прочесть въ подлинникъ изслѣдованія Поран-Дюшатель, въ его «*Publique*» (Paris. 1836. Т. II, p. 479—558).

Въ заключеніе да позволено намъ будетъ обратиться къ началу письма г. Великопольскаго, именно къ тому мѣсту, гдѣ онъ упрекаетъ «*Отечественныя Записки*», будто-бы онѣ отозвались въ некоторымъ сомнѣніями «и будто-бы не полнымъ признаніемъ полезности дѣла». Въ «*Отеч. Зап.*» (книж. 9, 1845 г., Библ. Хрон., стр. 16), сказано было: «мы не знаемъ въ чемъ состоитъ предлагаемый способъ (который составляетъ пока тайну учредителя), а потому и не можемъ многого сказать о вычисленной пользѣ». Смыслъ думать, что мы поступили осторожно, логически, желая добра учредителямъ и приобретате-

III.

СОВѢТЪ МОСКВИТАНИНУ.

Что дѣлается въ современной русской литературѣ? спроситъ читатель. — Ничего особеннаго, — отвѣтитъ мы. О библиографическихъ новостяхъ мы отдали читателямъ нашихъ полныхъ отчетъ въ отдѣлѣ Библиографической Хроники; а изъ другихъ, замѣчательно только развѣ похваленіе новой *дешевой* книжки *Москвитанина*. Книж-

лать. О томъ, что намъ извѣстно положительно, мы говорили и говоримъ съ большою подробностью и болѣе рѣшительно, чему служатъ доказательствомъ и прежняя наша статья и настоящія примѣчанія. Г. Великопольскій ссылается на отзывы другихъ журналовъ и газетъ: вслѣдствіе можетъ имѣть свое сужденіе... Впрочемъ, сколько намъ извѣстно, газеты и журналы, которыхъ голосъ въ этомъ дѣлѣ наиболѣе можетъ быть достоинъ вниманія, сдѣлали слѣдующее: *Коммерческая Газета* перепечатала только объявленіе учредителя (см. № 110 и 111, 1845 г.); *Земледѣльческая Газета* — до сихъ поръ молчать; *Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ* — молчать; *Журналъ Сельскаго Искусства* и *Овцеводства* — молчать; а эти изданія посвящены исключительно интересамъ земледѣлія и отечественной промышленности. Послѣ этого мы не страшились укора за то, что не можемъ сказать ничего о разсчитываемыхъ изъяскахъ; личные наши выды въ-отношеніи къ львиному дѣлу состоятъ лишь въ желаніи, чтобъ за двину хорошихъ полотняныхъ рубашекъ платитъ не 400 или 500 р. ас., какъ теперь мы платимъ, а рублей 200 или 250. Кажется, подобныя желанія весьма-законны?.. Если принадлежатъ учредителямъ способъ точно таковъ, какъ о немъ говорится въ объявленіи, то мы, для пользы общей, имеемъ скорѣйшаго его обнародованія, хотя, относительно способамъ къ тому, не можемъ во многомъ согласиться съ учредителями, и многое могли бы сказать противъ «*Правилъ и условій предварительнаго объявленія въ Россіи простой и выгодной обработки прядильныхъ растений, при-обрѣтателямъ способа*».

ка одна, но въ двухъ номерахъ: 7 и 8. Мы не обратили бы на это никакого вниманія, если бь самъ «Москвитянинъ» не явился къ намъ съ привѣтствіемъ. Извѣщая о выходѣ книжки піэтистическихъ стихотвореній какого-то англійскаго дьякона, между прочимъ, переведшаго стихами какое-то стихотвореніе г. Хомякова, «Москвитянинъ» замѣчаетъ въ выноскѣ:

«Отечественныя Записки терпятъ не могутъ духа гг. Хомякова и Языкова, и ругаются ихъ во всякомъ номерѣ. Ругательство ихъ для образованныхъ и благонамѣренныхъ замѣняютъ хвалу. Но есть еще толпа... для толпы мы помѣщаемъ это свидѣтельство, съ какой точки зрѣнія иностранцы смотрятъ на сочиненія г. Хомякова, Англичане, проклятые имъ, какъ безпрестанно твердятъ Отечественныя Записки. Точно такъ въ Московскомъ Вѣстникѣ, 1828 г., помѣщено было свидѣтельство Гёте о критикѣ г. Шевырева, вопреки возмущенія тогдашнихъ мародѣровъ русской словесности. Одни отзывы стоятъ другихъ» (стр. 112).

Отеч. Записки имѣютъ честь отвѣтить на это *Москвитянину*, что онъ никогда и не думалъ не терпѣть духа гг. Хомякова и Языкова, и еще менѣе думать когда-нибудь ругать ихъ. Отеч. Записки и не имѣютъ и не берутъ на себя права ругать кого-нибудь; онѣ ограничиваются только законнымъ правомъ высказывать свое мнѣніе о сочиненіяхъ кого бы то ни было. Что сочиненія гг. Хомякова и Языкова, особенно перваго, не нравятся Отеч. Запискамъ, — это должно быть прискорбно и *Москвитянину* и реченнымъ стихотворцамъ: мы понимаемъ ихъ горе, но изъ уваженія къ правдѣ не можемъ помочь ему. А что какой-то Англичанинъ перевелъ на свой языкъ пьесу г. Хомякова, — это ровно ничего не говоритъ въ пользу новизны и таланта этого русскаго стихотворца: вѣдь и сочиненія г. Булгарина (да еще почти всѣ) переведены, да еще не на одинъ, а на нѣсколько европейскихъ языковъ; но г. Булгаринъ тщетно ссылался на это обстоятельство въ доказательство

высокаго достоинства своихъ сочиненій: переводы не спасли ихъ отъ забвенія... Вообще, странно доказывать чей-нибудь талантъ тѣмъ, что знакомый иностранецъ перевелъ какое-нибудь его произведеніе: само произведеніе должно отвѣчать за талантъ. Однакожъ, у насъ обыкновенно тутъ-то и прибѣгаютъ къ подобнымъ уловкамъ, когда въ сочиненіяхъ уже не обрѣтается и признаковъ таланта. Такии же образомъ, если Гёте, изъ вѣжливости, сказалъ ласковое слово о статьѣ г. Шевырева, въ которой онъ расхвалилъ междуцѣлствіе ко второй части *Фауста*, — это тоже ровно ничего не говоритъ въ пользу критическаго таланта г. Шевырева.

Отвѣтивъ *Москвитянину* sine ira et studio, отъ всей души даемъ ему добрый совѣтъ — не сердиться и не браниться изъ пустяковъ...

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫВОДЫ СРАВНИТЕЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ (*). — Вопросъ о различіи между племенами челоукаго рода, входящій въ составъ

(*) Въ прошломъ мѣсяцѣ, въ отдѣлѣ Слѣдъ («Ученныя Извѣстія» стр. 28—38) напечатаны мы выводы изъ сѣбульскихъ лекцій сравнительной антропологии г. Сера, профессора Парижскаго Университета, — выводы, которые могутъ дать понятіе о томъ, въ какомъ духѣ преподается эта наука въ означенномъ университетѣ. Такъ-какъ отдѣлъ «Ученныхъ Извѣстій» назначенъ нами только для простой передачи того, что дѣлаетъ новаго современная наука въ той или другой сферѣ челоукаго вѣдѣнія, то, воздерживаясь отъ всякаго разбирательства истинности или ложности новѣйшихъ мнѣній, открытій, предположеній, — мы только докладываемъ ихъ читателю, не принимая на себя за нихъ никакой отвѣтственности и

науки, называемой сравнительной антропологією, съ давняго времени возбуждалъ вниманіе ученыхъ. Уже въ Геродотѣ, въ Аристотелѣ встрѣчаются слѣды классификацій племенъ, по сравненію съ которыми древніе фивіонисты старались опредѣлить характеръ отдѣльныхъ лицъ. Изъ новѣйшихъ обыкновенно называютъ: Блуменбаха, Палласа, Кампера, Клапрота, Виреля, хотя собственно не было ни одного анатомиста, ни одного фивіолога, который бы, углубляясь въ свою науку, не былъ неволью приведенъ къ вопросу о различіи человѣческихъ племенъ.

Причина этого понятна; сверхъ ученаго значенія этого вопроса, отъ разрѣшенія котораго зависятъ важнѣйшія положенія анатоміи, физиологіи, лингвистики, и проч., такой вопросъ тѣсно связанъ съ самыми существенными предметами общественной жизни. Отъ точки зрѣнія, съ которой можно смотрѣть на него, зависятъ тысячи другихъ вопросовъ по части народнаго здравія, судебной медицины и самой терапіи; такъ, на-прим., лишь по недостатку вѣрныхъ наблюденій сравнительной антропологіи мы находимся еще въ такомъ невѣдѣніи о существѣ эпидемическихъ и эндемическихъ болѣзней, что, при появленіи какой-либо новой болѣзни, наука не въ состояніи рѣшить: заразительная ли она, или нѣтъ, какъ то случилось при появленіи козеры. Наука невѣстна лишь нѣсколько данныхъ, которыя показываютъ, сколь важную роль играетъ та или другая организація при распространеніи повальныхъ болѣзней; она знаетъ, что многія болѣзни, какъ, на-примѣръ, оспа, гораздо-опаснѣе для негровъ, нежели для людей блага

часто даже вовсе не раздѣляя ихъ. Хотя для ученой критики въ нашемъ журналѣ назначены другіе отдѣлы, однакожь, важность вопросовъ, задѣтыхъ г-нъ Серромъ въ его лекціяхъ, обязываетъ насъ сказать здѣсь и наше собственное мнѣніе о томъ же самомъ предметѣ.

племени; что негры гораздо-скорѣе подвергаются дѣйствию чумы, нежели Европейцы; что, напротивъ, Европейцы скорѣе заражаются желтою горячкою, нежели жители Египта; что даже, по изслѣдованіямъ Балъма, Испанцы болѣе склонны къ заразѣ, нежели Французы. Эти опытные наблюденія ведутъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) что очень-часто распространяющаяся болѣзнь — есть лишь слѣдствіе особаго органическаго предрасположенія отдѣльныхъ лицъ, и когда такіе лица много, то ее можно легко нечестъ ва прилпчивую; 2) что наука можетъ уже видѣть, сколь многого не достаетъ въ тѣхъ понятіяхъ, которыя выводятся изъ наблюденій надъ физическимъ образованіемъ того или другаго племени, и 3) что этотъ предметъ — одинъ изъ важнѣйшихъ въ общественномъ бытѣ.

Очевидно, какъ могутъ быть гибельны ошибка, неопаніе, даже недоузніе науки, когда общество, въ минуту бѣдствія, требуетъ отъ нея указаній, на которыхъ можно было бы основать ту или другую мѣру для народнои безопасности.

Такъ въ общественной жизни всякое дѣйствіе связывается съ другимъ, и кабинетныя изслѣдованія ученаго, но-видимому, суетныя и безплодныя, получаютъ смыслъ и важность въ практическихъ примѣненіяхъ, при первомъ взглядѣ весьма-отдаленныхъ отъ теоретическихъ, чисто-ученыхъ изысканій. Такъ наблюденія Дженнера спасли насъ отъ болѣзни, которая до него считалась необходимою, роковою; такъ бистурій Мальингіа показалъ путь для предохраненія и черныхъ нашихъ собратій отъ той же болѣзни; такъ въ наше время горячіе споры, открытія и заблужденія анатомистовъ подвинули хирургию на ту степень совершенства, которой даже не могли вообразить за нѣсколько лѣтъ до насъ.

Случалось не разъ въ историческомъ колѣбѣ наукъ, что нѣкоторые лица, съ лучшими намѣреніями, считали изслѣдованія такого рода болѣе или менѣе

опасным; этому оужденію подвергалось разсѣченіе труповъ, донынѣ лишь секретно допускаемое въ Англіи, и безъ котораго медицина не сдѣлала бы ни шага; то же думали и о геологіи, то же и о сравнительной антропологии.

Мы осмѣлились не раздѣлять подобныхъ опасеній безусловно. Безъсомнѣнія, человекъ можетъ всякое дѣло обратить себѣ въ соблазнъ; нечистое желаніе и неправильный умъ найдутъ потворство своимъ нечистымъ мыслямъ во всякой книгѣ, во всякомъ предметѣ; но едва-ли въ этомъ виновата наука; ибо наука, искренно и цѣломудренно отыскивая истину, всегда въ послѣднихъ выводахъ совпадаетъ съ тѣми понятіями, которыя мы можемъ почерпнуть изъ краткихъ и выразительныхъ рѣчей, находимыхъ въ предавіяхъ, возбуждающихъ наше безпрекословное благоговѣніе. Въ этомъ отношеніи полезны самыя заблужденія, ибо заблужденія никогда не удовлетворяютъ души человеческой, а даютъ ей поводъ къ новымъ изслѣдованіямъ, которыя рано или поздно доходятъ до истины, и торжество ея дѣйствуетъ тѣмъ спасительнѣе на нравы и понятія, что она, претерпѣвъ борьбу съ заблужденіями, признается побѣдительницею даже самими заблудшими. Доказательствомъ тому можетъ служить геологія: не было науки, для которой существовало бы такое множество теорій, самыхъ нелѣпыхъ, самыхъ смѣлыхъ, чтобъ не сказать болѣе; и чѣмъ же дошлось — новѣйшая геологія пришла къ тѣмъ самымъ понятіямъ, которыя находятся въ Книгѣ Бытія, и теперь вы не найдете ни одного геолога, который бы основалъ свою теорію на какомъ-либо другомъ началѣ. А между-тѣмъ, на пути, мимоходомъ, эта наука открыла тѣ неисчерпаемые рудники минераловъ, безъ которыхъ не можетъ обойтись никто, и отклонила опасенія, волнованшія иѣкогда государственныхъ людей, открывая каждый день новыя мѣсторожденія каменнаго угля, а этотъ

уголь въ наше время сдѣлался важнѣе металловъ, ибо движетъ всю огромную, равнообразную и сложную жизнь Европы; безъ него жизнь Европы сдѣлалась бы невозможностью...

Въ сравнительной зоологіи и антропологии повторяется то же явленіе; недавно, не болѣе пятнадцати лѣтъ назадъ, знаменитый естествоиспытатель Ламаркъ, рассматривая физическую организацію животныхъ, утверждая сдѣдующую, болѣе, нежели странную мысль: онъ находилъ соотвѣтствіе между видимою постепенностью порождъ животныхъ и исторической ихъ постепенностью. По мнѣнію Ламарка, животное, принужденное своимъ образомъ жизни приобрести ту или другую привычку, передавало сдѣдствія этой привычки своему потомству; такимъ образомъ, гусь и лебедь, говоритъ Ламаркъ, отнюдь не были годявыми птицами, и шея у нихъ была короткая; но предки нынѣшнихъ гусей и лебедей ходили на воду за червями, сперва къ низкую воду; чтобъ лучше ступать въ болотѣ, они должны были растагивать пальцы, а чтобъ доставать червей, должны были вытягивать шею; ихъ потомки дѣлали то же; такимъ-образомъ, у каждаго поколѣвія мало-по-малу вытягивалась шея, а отъ растаженія лополь увеличивалась между ними перепонка — и вышли гуси и лебеди такіе, какъ нынѣ существуютъ. Ламаркъ не останавливался на этомъ; онъ шелъ далѣе по дѣйствицѣ существъ, и наконецъ дошелъ почти до мысли Даламбера, который не смуть утверждалъ, что человекъ происходитъ отъ обезьяны, и что если у насъ носъ длиннѣе, то отъ-того только, что у этой обезьяны былъ — *насморкъ!*

Все это намъ кажется болѣе, нежели сдѣшию, болѣе нежели чепухою, и мы должны взглянуть въ печатную зоологію Ламарка 1830 года, чтобъ увѣрится, что дѣйствительно умный человекъ могъ написать такую глупость. Но не такъ было пятнадцать лѣтъ назадъ, не болѣе! Теорія Ламарка имѣла и защитниковъ и противниковъ, какъ вся-

как другая; тогда натуралисты совѣмъ не шути спорили о томъ, какимъ-образомъ утка не вытянула своей шеи до гусиной, не смотря на свою привычку опускать голову въ воду, — а осталась короткошею.

Но такъ важно всякое, даже ложное усиліе науки, что величость Ламарка не прошла даромъ: она дала толчокъ особой наукѣ, которая для зоологін такъ же важна, какъ географія растеній для ботаники; споры, возраженія привели къ новымъ наслѣдованіямъ, вывели на справку показанія древнихъ писателей сравнительно съ показаніями новѣйшихъ путешественниковъ, и плодомъ этого движенія были весьма-важныя открытія, которыми нынче руководствуется сельское хозяйство въ своей главнѣйшей отрасли — скотоводствѣ; особенно сдѣлались важны эти изысканія для колонистовъ, привозящихъ изъ Европы домашнихъ животныхъ, и вообще для всѣхъ, кто имѣетъ нужду натурализовать какую-нибудь новую породу животныхъ, какъ-то: овецъ, собакъ и проч.

Но справкамъ оказалось, что животными дѣйствительно *перерождаются*, но только не такъ, какъ предполагалъ Ламаркъ. Такъ, на-прим.: въ Гвиней всѣ собаки и куры дѣлаются столь же черными, какъ и самые Гвинейцы; всѣ были въ окрестностяхъ Рима дѣлаются сѣрыми, а въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ Италіи — красноватыми; свиньи и бараны въ Италіи — постоянно черные, въ Англіи — постоянно бѣлые; въ Корсики собаки всѣхъ шерстей перерождаются въ пестрыхъ; рѣкъ По жители приписываютъ желтую шерсть своимъ стадамъ, что напоминаетъ подобное утвержденіе Витрувіа о нѣкоторыхъ рѣкахъ въ Беодіи; на Антильскихъ-Островахъ тщетно старались удержатъ шерсть на овцахъ: шерсть спадаетъ, а на мѣсто ея вырастаетъ щетина; то же замѣчено и въ другихъ теплыхъ климатахъ. Бараны въ Гвиней, говоритъ англійскій путешественникъ Смитъ: «такъ мало похожи на европейскіе, что только по бѣлянію можно до-

гадаться, что это за животныя; здѣсь на бараніихъ — волосы, на человекѣ — шерсть»; наоборотъ, европейскія собаки и лошади, привозимыя въ Индію, въ горы, скоро покрываются шерстью, похожими на знаменитый индійскій козий пухъ. Замѣчено, что собаки, — животное, которое всего чаще путешествуетъ и надъ которымъ, слѣдственно, можно было сдѣлать болѣе наблюдений, — перерождаются почти въ каждомъ климатѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, европейская собака дѣлается похожею на лисицу, и четвертое поколѣніе уже теряетъ способность лаять, уши дѣлаются длинными и острыми, хвосты тонкими и голыми. Эти примѣры перерожденія животныхъ безчисленны, особенно, если къ нимъ прибавить перерожденія, производимыя искусствомъ человека; такъ, на-примѣръ, въ Англіи случайное уродство овецъ, которыми воспользовался ея хозяинъ, произвело породу коротконогихъ овецъ, которая теперь высоко цѣнится, ибо такая овца не можетъ перескочить даже чрезъ низкую загороду (*). Альбиносъ между животными, какъ, на-примѣръ, кроликъ, бѣлая мышь также нынѣ образуютъ цѣлыя породы, хотя прежде экземпляры альбиносовъ были весьма-рѣдки.

Всѣ эти наблюденія доказали зависимость физическаго образованія и наружной формы животныхъ отъ мѣстности, климата, пищи и многихъ другихъ обстоятельствъ, когда они дѣйствуютъ на нѣсколько поколѣній постепенно, а равно утвердили возможность одной и той же породы животныхъ образоватъ нѣсколько отличій (*varietés*), часто весьма удаляющихся отъ формы первоначальной породы. На этихъ наблюденіяхъ основана вся теорія новскихъ заводовъ, шершесовыхъ стадъ и т. п.

(*) Читатели «Отеч. Записокъ», вѣроятно, помнятъ статью о породахъ быковъ, заведенныхъ знаменитымъ Ботолемъ, — быковъ съ короткими рогами, быковъ безъ роговъ и проч. т. п.

Исследованія такого рода, естественно, привели къ вопросу о племенахъ человѣческихъ. Различіе негра отъ человѣка камбаснаго племени съ перваго взгляда кажется такъ разительно, что до-сихъ-порѣ многіе антропологи находятся въ недоумѣніи о томъ, какъ согласить подобное различіе. Но, кажется, это недоумѣніе происходитъ лишь отъ неполноты наблюденій; оно легко можетъ быть разрѣшено наукою, если только вспомнить, что въ одномъ и томъ же племени появляются экземпляры такихъ отличій, которыя гораздо-болѣе удаляются отъ типа того племени, нежели негръ отъ Европейца; таково, на-примѣръ, цѣлое семейство, покрытое иглами, котораго родоначальникъ существовалъ еще въ 1730 году и котораго потомки (уже въ четвертомъ колѣнѣ) постоянно объѣзжаютъ Европу (*); въ Англіи нѣсколько поколѣній семейства Кольбурновъ имѣютъ лишніе пальцы: знаменитый нѣмецкій хирургъ Руге принадлежалъ къ такому семейству; между-тѣмъ, родоначальники этихъ семействъ принадлежали исключительно къ кавказскому племени, у котораго нѣтъ ни иглъ, ни лишнихъ пальцевъ... Замѣчено также, что нѣтъ племени, котораго главнѣйшія отличія не появлялись бы въ другомъ, весьма отъ него отдаленномъ; такъ, на-примѣръ, рыжеватость есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ отличій кавказскаго племени; но Шарльвуа находилъ его у Эскимосцевъ, Валлисъ у Отантянъ, Лопезъ у негровъ. Это столь же естественно, какъ существованіе между нами людей съ курчавыми волосами, весьма-смуглыхъ, съ африканскимъ обличіемъ; окружите этихъ людей тѣми же климатическими и другими условіями, каковыя подчинены негры — и чрезъ нѣсколько поколѣній такое семейство обратится въ настоящихъ негровъ. Бла-

женбахъ сохранилъ въ своемъ музеемъ черепъ Литовца, у котораго образованіе кости было совершенно такое, какъ у негра. Изъ этого наука, по однимъ физическимъ доводамъ, можетъ заключить, что всѣ извѣстныя формы племенъ возможны въ каждомъ племени, и что одного удаления какого-либо семейства отъ другихъ семействъ достаточно для образованія особой формы физической и даже особаго языка, какъ это замѣчается у всѣхъ народовъ, раздѣленныхъ непроходимыми пространствами, напр., у дикихъ Американцевъ, у Финновъ, и т. д.

Но есть доказательство еще-болѣе важное, почерпаемое изъ духовнаго устройства человѣка. Въ животныхъ различіе физической организаціи тѣсно связано съ различіемъ и въ характерахъ. Углубленіе, производимое тѣмъ или другимъ мускуломъ на кости льва, соотвѣтствуетъ привычкамъ его и образу жизни; каждая косточка антилопы свидѣтельствуетъ о ея боязливости и быстротѣ ея бѣга. Человѣкъ же, на-противъ, проведетъ ли онъ нѣсколько поколѣній въ дремотѣ, поджавъ ноги, или, какъ американскій ловецъ, проживетъ нѣсколько столѣтій въ непрерывномъ движеніи, — человѣкъ остается человѣкомъ, и нѣтъ въ его организаціи ничего такого, что могло бы препятствовать его развитію посредствомъ воспитанія; нѣтъ и слѣдовъ того, что онъ назначенъ всегда сидѣть, поджавъ ноги, или всегда гоняться за дикими козами.

Напротивъ, тождество его нравственныхъ принадлежностей, постоянный, повсемѣстно-одинаковый семейственный бытъ, наклонность къ взаимному вспоможенію, чувство человѣческаго достоинства, чувство собственности, въ какихъ бы видахъ оно ни было, согласіе въ важнѣйшихъ нравственныхъ началахъ, и наконецъ, драгоценный даръ слова, который упрочиваетъ существованіе всѣхъ этихъ соприлицъ, принадлежащихъ человѣку, — всѣ эти обстоятельства явно доказываютъ, что гдѣ бы ни

(*) Дѣтъ десять назадъ, одинъ изъ потомковъ этого семейства былъ въ Петербургѣ.

находились люди, какъ бы они ни были унижены своимъ внутреннимъ состояніемъ или наружною формою, — всѣ они были предназначены къ одинаковой жизни, какъ потомки одною и тою же человѣка.

«Когда», говоритъ Фридрихъ Шлегель: «человѣкъ разъ удаленъ отъ дѣла, — тогда уже нельзя назначить предѣловъ, до которыхъ можетъ достигнуть его униженіе... Это указаніе объясняетъ намъ, какимъ образомъ человѣкъ могъ пасть не только до негра, живущаго еще многія хорошія качества, но даже до чудовищнаго Патагонца, до Пескверан почти безумнаго, и до ново-зеландскаго людоеда. Слѣдственно, вопреки Руссо и его послѣдователямъ, не въ этихъ несчастныхъ должно искать естественнаго начала для человѣчества, — ибо они въ состояніи испорченномъ и искаженномъ.»

Такия слова утѣшительныя теоріи Ламарка. Указывая на этихъ жалкихъ нашихъ собратій по человѣчеству, они свиряютъ гордость, часто возбуждаемую видомъ нашего просвѣщенія, и, напоминая о единствѣ происхожденія, напоминаютъ о единствѣ паденія, — но они же свидѣтельствуютъ и о высокомъ значеніи человѣка!

СТАТИСТИКА ИРЛАНДІИ ПО ПОСЛѢДНЕЙ РЕВИЗИИ. — Въ Ирландіи теперь считается 8,175,124 жителя, которые занимаютъ 1,528,839 домовъ; изъ этихъ 8,175,124 душъ 2,385,000 совершенные нищіе; а изъ 1,528,839 домовъ 1,024,275 полуразвалившихся грязныхъ жилищъ, настоящихъ землянокъ, состоящихъ изъ одной комнаты, гдѣ помѣщаются люди вмѣстѣ со скотомъ и въ которыхъ дверь служитъ и окошкомъ и трубою; въ такихъ жилищахъ расположено 625,356 семействъ. 7,000,000 всего народонаселенія ирландцевъ принадлежатъ къ земледѣльческому классу, который въ западныхъ и южныхъ провинціяхъ получаетъ подешовой платы за работу отъ 4 до 10 пенсовъ; а въ сѣверныхъ провинціяхъ отъ 8 пен-

совъ до 1 шиллинга. Среднній челонокъ, ежегодная плата за работу ирландскому земледѣльцу 2 шиллинга; въ Англіи же земледѣльцы въ недѣлю зарабатываютъ отъ 8 до 19 шиллинговъ. Изъ всего ирландскаго народонаселенія 3,761,066 душъ не умѣютъ ни читать, ни писать. Ирландія занимаетъ 20,000,000 десятинъ земли, изъ которыхъ 14,000,000 десятинъ составляютъ землю обработанную.

Годовый доходъ со всей собственности въ Ирландіи составляетъ 21,800,000 фунтовъ стерлинговъ; сюда можно прибавить еще отъ 10 до 11,000,000, которые расходятся въ годичныхъ дивидендахъ акціонерныхъ компаній. Различныхъ производителей произвѣсится по желѣзнымъ дорогамъ изъ Ирландіи въ Англію слишкомъ на 11,000,000, и продукты эти состоятъ большею частью изъ сырыхъ матеріаловъ. Точная цѣна привоза неизвѣстна. Господствующая вѣра въ Ирландіи — римско-католическая. Въ ревизіи вѣроисповѣданій, сдѣланной Смитомъ еще въ 1801 году, показаны число исповѣдующихъ католицизмъ, протестантизмъ и диссидентство (раскольничество) и также фонды, назначаемыя этими сектами для духовнаго образованія.

Вотъ эти данныя:

Вѣроисповѣд.	Число.	Фонды.
Католиковъ	6,427,712	8,928 + ст.
Протестантовъ епископск...	752,064	806,784 —
Пресвитеріанъ.	642,356	35,080 —
Другихъ диссидентствъ.	121,808	» » —

Въ декабрѣ 1843 года, войска въ Ирландіи считалось 21,210 человекъ, морской силы — 2,350, и полиція 9,043. На содержаніе войска полагаются 802,441 фунтъ стерлинговъ; на содержаніе флота — 108,400 фунтовъ и на полицію — 512,505 фунтовъ; служба гражданская стоитъ 2,137,253 фунта. Доходъ государственный Ирландіи составляетъ 4,500,000 фунтовъ; такимъ образомъ, маломъ, остающійся за всѣми расходами, недостаточенъ для

уплачиванія процентовъ части народнаго долга, которая падаетъ на Ирландію по акту присоединенія ея къ Англіи.

Сколько выводовъ открываютъ эти чертвыя цифры!..

КРАСНОЕ-МОРЕ.—Много филологическихъ и историческихъ объясненій и толкованій этого замысловатаго названія, и ни одно изъ нихъ не выдерживаетъ строгой критики.

Геродотъ и семьдесятъ толковниковъ первые пустили въ ходъ названіе Краснаго - Моря, вѣроятно, по причинѣ краснаго цвѣта, краснаго отлива его воды; кажется, это самое естественное толкованіе, которое можно придумать, и которое, однакожь, было очень-спорнымъ пунктомъ въ ученюмъ мірѣ.

Недавно Монтанъ представилъ Парижской Академіи Наукъ свои изслѣдованія надъ водорослемъ, почти микроскопическимъ (*trichodesmium erythraeum*), который живетъ въ водахъ Краснаго-Моря; эти изслѣдованія совершенно-удовлетворительно объясняютъ происхожденіе его названія. Вотъ торжество естественныхъ наукъ! вотъ доказательство превосходства естественнo-историческихъ познаній. Остроумныя филологическія и историческія изысканія столькихъ ученыхъ не могли открыть того, на что наведено простое наблюденіе ничтожнаго водоросля.

Красный цвѣтъ, красный отливъ поверхности моря есть причина его страннаго названія.

Вотъ какъ описываетъ эту поверхность Эвеноръ Дюпонъ въ письмѣ къ Монтану, которому передалъ онъ же имя изслѣдованія и водоросли, собранныя на этой поверхности:

... 8 июля (1843 года). Пароходъ нашъ *Аталанта*, принадлежащій Индійской-Компаніи, входилъ въ Красное-Море черезъ проливъ Баб-эль-Мандебъ... Утромъ 15 июля разбудило меня жгучее арабійское солнце, которое свѣтилось во всемъ своемъ блескѣ на безоблачномъ горизонтѣ. Я оперся машинально на окно каюты, чтобъ подышать

свѣжимъ утреннимъ воздухомъ; къ величайшему удивленію своему, я замѣтилъ, что поверхность моря была краснаго цвѣта; я выбѣжалъ на палубу: то же самое явленіе представилось глазамъ моимъ на всемъ видимомъ пространствѣ морской поверхности.

Верхній слой воды совершенно утратилъ свою прозрачность; его застилала оболочка красно-кирпичнаго цвѣта, точно какъ-будто онъ былъ засыпанъ шафраномъ.

Мнѣ первому пришла мысль, что эта оболочка состояла изъ морскихъ растений, чему, однакожь, не вѣрилъ никто изъ бывшихъ со мною на палубѣ.

Я велѣлъ матросу зачерпнуть ведро воды вмѣстѣ съ красною оболочкою и положилъ ложку этого загадочнаго вещества въ стеклянку съ водою, чтобъ лучше сохранить его. На другой день, я замѣтилъ, оно слѣдалось темно-фіолетовымъ; а вода приняла розовый цвѣтъ; опасаясь совершеннаго разложенія, я профильтровалъ воду, и на бумажной тряпкѣ, служившей мнѣ цѣдилкою, собралъ это вещество, которое препровождаю къ вамъ для изслѣдованія, какъ причину необыкновеннаго цвѣта Краснаго-Моря.

На другой день, 16 июля, около 12 часовъ утра, красный цвѣтъ пропалъ, и поверхность моря приняла обыкновенный синеватый отливъ. Итакъ, красный цвѣтъ Краснаго-Моря есть явленіе временное, непостоянное. Вотъ почему, можетъ-быть, многіе ученые считали его за басню и искали другаго объясненія названію Краснаго-Моря.

Изслѣдованія Монтаня показываютъ, что вещество, собранное Эвеноромъ Дюпономъ, точно растительнаго происхожденія и состоитъ изъ микроскопическихъ водорослей, принадлежащихъ къ роду *trichodesmium*.

Водоросли составляютъ послѣднія, конечныя ступени царства растительнаго; они принадлежатъ къ классу такъ называемыхъ тайнобрачныхъ растений: вая, травянистая часть, которая со-

отвѣтствуетъ стеблю и листьямъ, и крапинки, сидящія на ваѣ, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмянъ, развиваются эти растенія, представляютъ ихъ двѣ главныя, существенныя части. Иногда вѣвъ водорослей бываютъ длиною нѣсколько сажень и пропорціонально-значительной ширины; иногда же они бываютъ тоньше нити, тоньше волоса, микроскопическоя величины.

Trichodesmium принадлежитъ именно къ микроскопическимъ водорослямъ: нашего, тонкія, длинныя, переповчатыя, вѣтвистыя, зеленаго цвѣта, если мы станемъ ихъ разсматривать отдѣльно; но *trichodesmium*, растеніе социальное: оно никогда не встрѣчается одиночно, всегда вѣветъ собираются они во множествѣ, и тогда оно свой нормальный зеленый цвѣтъ перемѣняетъ на красный.

УБОРКА ХЛѢБА ВЪ ДОЖДЛИВОЕ ВРЕМЯ. — Излишекъ — всегда и во всемъ зло; дождь — благодѣтель земледѣльцевъ, но только въ опредѣленномъ количествѣ и въ извѣстное время возростающаго хлѣба; сильныя и несвоевременныя дожди, подобно засухѣ, портятъ, уничтожаютъ часто самыя обильныя урожан и иногда за нѣсколько дней до уборки. Эти избытки, изношенныя фразы, мы думаемъ, извѣстны многимъ нашимъ хозяевамъ изъ горькаго опыта...

Въ прошедшемъ мѣсяцѣ, г. Ируа представилъ Парижской Академіи Наукъ новый способъ уборки хлѣба, когда лѣто бываетъ холодное и дождливое и вообще не благоприятствуетъ жатвѣ; способъ этотъ не сопряженъ съ особенными издержками, а даетъ полезныя результаты; поэтому не лишнимъ считаемъ познакомиться съ нимъ нашихъ сельскихъ хозяевъ.

«Когда сырое, дождливое, холодное лѣто», пишетъ г. Ируа въ своей запискѣ Парижской Академіи Наукъ, «не даетъ совершенно созрѣть хлѣбному зерну и, главное, не даетъ хорошенько снопу высохнуть, самое лучшее, — сколько могъ я заключить

«изъ долговременныхъ опытовъ, — срѣзывать одни колосья, оставляя солому на корнѣ, собирать ихъ въ мѣшки и подвергать ихъ въ этихъ мѣшкахъ температурѣ отъ 40 до 50 градусовъ, въ особыхъ для того устроенныхъ печахъ, въ продолженіи 15, много 20 минутъ.»

Этотъ способъ представляетъ значительныя выгоды: во-первыхъ, соломба беретъ гораздо-меньше времени и меньше людей; во-вторыхъ, зерно получается высшей доброты и сберегается отъ крысъ, которыя обыкновенно живутъ въ соломѣ. Самая же работа срѣзыванія колосьевъ, какъ утверждаетъ г. Ируа, производится гораздо-легче жатвы и можетъ быть поручена женщинамъ и дѣтямъ.

КОЗЕЛЬ-ГЕРМАФРОДИТЬ. — Вопросъ о гермафродитизмѣ составляетъ очень-спорный пунктъ между натуралистами. Натуралисты здѣсь раздѣлились точно такъ же, какъ и во многихъ другихъ мало-ислѣдованныхъ статьяхъ естественной исторіи. Одни принимаютъ безусловно, другіе отрицаютъ также безусловно существованіе гермафродитовъ; крайности всегда, но крайней-мѣрѣ большею частью, ведутъ къ лжи; середина открываетъ истину. Трудно, даже невозможно допустить существованіе организмовъ, которые соединяли бы въ себѣ оба пола и въ анатомическомъ и физиологическомъ отношеніи, то-есть были бы въ одно время и мужичиною и женщиною, самцомъ и самкою; но нельзя до нѣкоторой степени отрицать возможности уродства въ органахъ дѣторожденія, когда мы такъ часто встрѣчаемъ въ другихъ органахъ также значительныя отступленія отъ нормальнаго ихъ развитія. Это-то уродство и составляетъ гермафродитизмъ, возведенный до такой позвѣ въ греческихъ мифахъ.

Аристотель, въ «Исторіи Животныхъ» (книга III, глава XX), описываетъ козла, находившагося въ Лемносѣ, который отдѣлялъ изъ сосцовъ молоко и въ достаточномъ количествѣ, такъ-что ивъ

него дѣлали маленькіе сыры. Козель этотъ, впрочемъ, имѣлъ всѣ принадлежности своего пола и отъ него родился другой козель, который отдѣлялъ также молоко. Вся Греція толковала объ этомъ чудѣ; оракулы и жрецы предсказывали необыкновенное плодородіе.

Теперь, въ звѣринцѣ Парижскаго Музеума Естественной Исторіи находится второй экземпляръ лемноскаго козла. Вотъ какъ описываетъ его Ивандоръ - Жоффруа Сент-Илеръ, въ донесеніи своемъ Парижской Академіи Наукъ, которая поручила ему изслѣдовать это необыкновенное тетралогическое явленіе:

«Этотъ козель принадлежитъ къ безрогой породѣ; онъ значительнаго роста; весь складъ его и характеристическій запахъ свидѣлствуютъ, что онъ мужескаго пола; дѣтородные органы представляютъ и расположеніе и величину нормальную; вообще животное имѣетъ всѣ характеры самца; прежние хозяева его утверждаютъ, что до поступленія въ звѣринецъ, употребляли его часто при случкахъ.

Этотъ козель имѣетъ двойное большее вымя совершенно-раздѣленное, и объ половинки его висятъ какъ у козы; правая половина болѣе развита, нежели лѣвая; онъ не даетъ постоянно одинаковаго количества молока; оно измѣняется отъ полштофа и до стакана.

Молоко этого козла и видомъ и вкусомъ похоже на козье, только немногосоловейе.

Впрочемъ, оба эти козла — парижскій и лемносскій, не представляютъ еще единственныхъ примѣровъ въ животномъ царствѣ: подобныя тетралогическія явленія встрѣчаются у собакъ, кошекъ и быковъ.

Отдѣленіе молока изъ сосцовъ замѣчается и въ человѣческомъ родѣ у особей мужескаго пола. Аристотель еще упоминаетъ о такомъ уродствѣ. Гумбольдтъ, во время своего путешествія по экваторіальнымъ странамъ, имѣлъ случай видѣть и наблюдать мужчину,

который грудью кормилъ своихъ дѣтей въ теченіи пяти мѣсяцевъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ГОРНАГО ХРУСТАЛА, ГИДРОФАНА И КОРНАЛИНА.— Химія самый лучшій пробный камень для геологическихъ теорій; химія опровергла безусловную, исключительную дѣятельность воды въ процессахъ образованія коры земной; химія доказала участіе огня въ этомъ образованіи; припомнимъ себѣ опыты Джемса Галя, Уатта, Бертье и Мичерлиха надъ искусственнымъ воспроизведеніемъ нѣкоторыхъ плутологическихъ породъ помощью огня и превращеніемъ кристаллическихъ минераловъ въ стеклянныя массы и обратно, посредствомъ того же дѣятеля.

Вотъ еще новая услуга, которую химія оказываетъ минералогіи, этой нераздѣльной вѣтви геологіи.

Г. Эбельменъ избралъ себѣ постояннымъ предметомъ изученія — дѣйствіе минеральныхъ кислотъ на алкоголь; такимъ образомъ удалось получить ему нѣсколько разнородныхъ эфирныхъ соединеній съ борною, кремнистою и прочими кислотами. Подобныя открытія замѣчательны въ одномъ только ученномъ отношеніи, и, слѣдственно, могутъ интересовать однихъ только ученыхъ; по-этому, мы ни слова не говорили о нихъ до-сихъ-поръ, хотя Эбельменъ обнаружилъ ихъ еще въ концѣ прошедшаго года.

Но вотъ недавно сообщаетъ онъ Парижской Академіи Наукъ очень-интересныя наблюденія надъ кремнистыми соединеніями ээира.

«Если мы подвергнемъ пишеть онъ: эти жидкія соединенія продолжительному дѣйствію влажной атмосферы, то замѣтимъ, что они начинаютъ сгущаться и переходить постепенно въ твердую, прозрачную массу. Полный переходъ, совершенное осажденіе замѣчается по истеченіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, не прежде; и этотъ значительный промежутокъ времени необходимъ для сгущенія почти шести

граммовъ (113, 138 золотника) жидкости.

Осадокъ, полученный такимъ образомъ, имѣеть всѣ свойства горнаго хрустала: онъ твердъ, чертитъ, хотя слабо, стекло, очень-плотенъ; блеститъ, изломъ, прозрачность такіе же точно, какъ и у самаго чистаго горнаго хрустала. Этотъ продуктъ, какъ свидѣтельствуя анализы, есть водная соль кремнія (кремнеземъ водный); только кремнеземъ самый здѣсь кислорода содержитъ въ себѣ вдвое больше, нежели вода; формула его, следовательно $(\text{SiO})_2 \text{HO}$; Si означаетъ кремній или силицій; O — кислородъ, H — водородъ.

Чтобъ этотъ искусственный минералъ не трескался, воздухъ влажный непременно долженъ проходить къ нему черезъ узкое отверстіе. Въ теченіи процесса, говоритъ Эблменъ: жидкость нашла живыхъ спиртомъ; однакоъ этотъ ощущителемъ былъ долгое время и послѣ образованія осадка; это легко доказываетъ, что органическое вещество не все здѣсь отдѣляется отъ кремнезема.

Возя мы прибавили первоначально къ кремнистому осадку нѣсколько хлористаго силиція и подвергнемъ его потомъ дѣйствію влажнаго воздуха, то получимъ, вмѣсто прозрачнаго горнаго хрустала, опаловидную массу, которая представляетъ всѣ наружные характеры *идрофана* и въ водѣ точно также принимаетъ свою прежнюю прозрачность. Такимъ-образомъ, можемъ мы искусственно получать эту рѣдкую породу кварца, которая такъ занимала древнихъ минералоговъ своими странными свойствами, именно своимъ переходомъ въ водѣ изъ опаловидной массы въ прозрачную.

Впрочемъ, присутствія малѣйшей частицы посторонняго вещества достаточно, чтобъ возмутить, уничтожить прозрачность осадка кремнистаго осадка; такъ капля креозота придаетъ ему наружные характеры кораллина или халцедона.

Какъ ясно, какъ осязасмо объясня-

ють эти наблюденія загадочный процессъ минерализаціи органическихъ веществъ, которыя, несомнѣнно теперь, служили матеріалами для міра неорганическаго!..

★

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВѢЙШІЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ И ОТКРЫТІЯ.

Оружейникъ Іоганъ Лозцил, въ Солотурѣ, изобрѣлъ новое устройства обыкновенное вѣхетное ружье, которое, однакожъ, бьетъ въ даль гораздо-дальше всѣхъ известныхъ доселѣ ружей, — именно, на разстояніи 500 шаговъ оно можетъ пробить пулею дубовую доску въ четыре съ половиною дюйма толщиною, а на разстояніи 2,000 шаговъ дважды пробило двух-дюймовую доску; вмѣстѣ съ тѣмъ, пуля ударилась еще въ находившіяся на доскою каменъ, и совершенно сплюснулась отъ сильнаго удара.

— Скоро у каждаго гастронома будетъ своя собственная банка для разведенія и воспитанія устрицъ въ самомъ прудѣ; если ему угодно будетъ завтракать, стоять только отправиться къ пруду и наловить тамъ устрицъ. Въ послѣднемъ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ ученый натуралистъ Карбонель объявилъ, что онъ открылъ тайну *дѣлать устрицъ*. Шутки въ сторону натуралистъ беретъ творить устрицъ вездѣ и въ какое время угодно. Дайте ему большую чашу, наполненную водою, и онъ въ ней тотчасъ произведетъ устричную банку. Онъ даже предлагалъ свои услуги въ-присутствіи самихъ академиковъ, и хотѣлъ произвести изъ ничего живыхъ устрицъ; но господа ученые не согласились на его вызовъ, потому вѣроятнѣе, что быльшъ покушать искусственныхъ устрицъ, которыя очень могли бы и не сварить-

ся въ нѣхъ желудкахъ. Они отложили опытъ до другаго времени и вросли на первый случай г. Карбонеля сдѣлать свой опытъ въ прудѣ Тюльерійскаго-Сада.

— До изобрѣтенія гипсографіи и глифографіи (*gypsographie* и *glyphographie*), деревянные политипажи вставлялись въ типографскій наборъ и такимъ-образомъ печатались въ одно время съ текстомъ, но этотъ образъ печатанія оказался неудобнымъ и медленнымъ. Англичанинъ Дирксъ изобрѣлъ новый способъ, который скоро будетъ усовершенствованъ и пополненъ. Онъ беретъ стекло и оклеиваетъ его по краямъ бумажною полоскою, натираетъ поверхность его чистымъ скипидаромъ и потомъ обливаетъ тонкимъ слоемъ растопленнаго воска, въ толщину тонкаго бумажнаго листа, такъ, чтобъ слой воска былъ прозраченъ. Такимъ-образомъ подготовленную стеклянную дощечку онъ кладетъ на рисунокъ или гравюру сверху восчанымъ слоемъ, и дѣлаетъ на стеклѣ копию съ рисунка грабштихомъ изъ слоеной кости, или иглою съ печатной гравюры. Вырѣзанный на воскѣ рисунокъ кладется потомъ въ гальванопластическій аппаратъ, и въ короткое время выходитъ изъ него отличная металлическая доска, превосходящая всякій стереотипъ. При этомъ способѣ вовсе не нужно опять копировать доску и переводить рисунокъ на обратную сторону.

— Англійскій механикъ Джейльста приспособилъ механизмъ атмосферической желѣзной дороги къ пересылкѣ писемъ и посылокъ. Онъ предлагаетъ отъ одной почтовой станицы до другой положить въ землю чугунныя трубы съ поршнями внутри. Изъ трубъ должно вытягивать воздухъ посредствомъ воздушныхъ насосовъ, и поршень, получивъ отъ этого сильное движеніе впередъ, тянетъ за собою нѣсколько легкихъ тележекъ, нагруженныхъ письмами и посылками. Такимъ-образомъ, почтовая корреспонденція можетъ проходить 300 англійскихъ миль въ часъ.

— Въ Юрибергѣ какой-то химикъ изобрѣлъ новое средство дѣлать шелкъ, шерсть, бумажную пряжу и полотно разложеніемъ атмосфернаго воздуха по особой, ему одному извѣстной, методѣ. Пока онъ не наберетъ 100 акціонеровъ, которые заплатили бы ему каждый по 68 прусскихъ талеровъ, долѣхъ-поръ не откроетъ публикѣ своего секрета.

— Нѣкоторые американскія газеты увѣряютъ, что буквое дерево (*die Buche*) — самое вѣрное средство для защиты отъ удара молніи. Американскіе дикіе Индійцы во время грозы прячутся всегда подъ вѣтви бука, и въ Америкѣ никогда еще не случилось, чтобъ молнія ударила въ букъ, хотя нерѣдко разбиваетъ вмѣстѣ съ нимъ растущія породы другихъ деревьевъ.

— Гаукинсъ, въ Дублинѣ, дѣлаетъ золотыя перья, концы и раскѣпъ которыхъ аппликируется составомъ изъ родія, вридія, осмія и палладіума. Такимъ перомъ можно писать сряду тридцать лѣтъ, оно никогда не испортится. Каждое перо съ серебряною палочкою стѣитъ одинъ фунтъ стерлинговъ.

— Скоро дамы будутъ смотрѣться въ такія зеркала, которыя до сего времени вовсе не были извѣстны прекрасному полу. Англійскій химикъ Драйтонъ нашелъ новый способъ покрывать зеркальныя стекла всѣхъ размѣровъ весьма-тонкимъ слоемъ серебра, которое придаетъ зеркалу гораздо-лучшую и чистѣйшую наружность, чѣмъ обыкновенная ртутная амальгама.

— У извѣстнаго вѣнскаго фортепьяниста, Видъчека, находится новоизобрѣтенный Жирардомъ въ Парижѣ музыкальный инструментъ, называемый тремофонъ (*tremolophon*). Это не что иное, какъ двойное фортепьяно съ двумя клавиатурами. Первая клавиатура производитъ обыкновенные звуки фортепьяно, а другая издаетъ дрожашіе, заунывные звуки (*tremolando*); особенно же способна она для игранія пьесъ въ тонахъ *cantabile* и *adagio*. Искусный музыкантъ на отнхъ двухъ клавиату-

рахъ можетъ производить удивительные эффекты.

— Въ Гонфлёрѣ недавно изобрѣтена новая машина для дѣланія всякаго рода бочекъ, боченковъ, кадокъ, ушатовъ и подобной посуды. Пять бочаровъ могутъ въ день, посредствомъ такой машины, сдѣлать сто большихъ винныхъ бочекъ, чрезъ что хозяинъ такого заведенія отъ одной заработной платы людямъ можетъ выиграть отъ 65 до 80 процентовъ. Бочарная машина раздѣляется на четыре отдѣла: первая выпиливаетъ изъ дерева нужныя доски для бочекъ, вторая рѣжетъ ихъ въ надлежащую длину, дѣлаетъ снизу и сверху фальцы, сгибаетъ; третья собираетъ и прилаживаетъ доски около дна бочки, а четвертая окончательно отдѣлываетъ бочку.

— Бартоломѣ Тимонье, портной въ городѣ Амьеннѣ (Департ. Роны), изобрѣлъ швальную машину, которая въ минуту производитъ двѣсти швовъ иглою, широкихъ или узкихъ, смотря по надобности. Эта машина замѣняетъ собою работу нѣсколькихъ чело-вѣкъ, и, не смотря на всѣ изгибы и складки сукна, шьетъ какъ самый лучший портной, въ строчку или черезъ край, толстое и тонкое сукно, никогда не ломая иглы. Въ одномъ только она неуклюжа: не можетъ обшивать пель:

ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Въ Германіи съ нѣкотораго времени начали употреблять для истребленія мухъ особаго рода бумагу, которая уничтожаетъ этихъ назойливыхъ гораздо-скорѣе, чѣмъ грибы мухоморы и прочія ядовитыя вещества. Неудобно въ первомъ случаѣ только то, что мухи, околѣвая, производятъ много изъ себя изверженія. Для приготовленія мухонстребительной бумаги надобно взять одну часть мышьяковоки-слуго кали или натрона, двѣ части бѣлаго сахара и двадцать частей воды. Въ этотъ растворъ должно погружать листы обыкновенной бумаги и послѣ

высушить ихъ. Гдѣ много мухъ, такъ надобно поставить тарелку, положить въ ней доскутокъ такой бумаги и сырыскнуть ее нѣсколькими каплями воды.

— Сбереженіе обыкновеннаго клея на долгое время въ видѣ студени или желѣ, можно производить слѣдующимъ образомъ. Лучшій клейстеръ для наклеиванія этикетовъ на винныхъ бутылкахъ и для прочаго, надобно дѣлать изъ обыкновеннаго столярнаго клея, размоченнаго въ крѣпкомъ уксу-сѣ, потомъ сварить его и во время кипѣнія подбавить немного лучшей шпенной муки, чтобъ клей стусился. Этотъ клей должно потомъ слить въ широкогорлую бутылъ, которую закупорить шлифованною стеклянною пробкою. Клей въ видѣ студени можно долгое время сохранять въ такихъ бутылкахъ. Когда нужно употребить его въ дѣло, то надобно тонкимъ шпатель-лемъ вынуть клей изъ бутылки, подогрѣть его на свѣчѣ, чтобъ онъ распустился, и потомъ уже намазывать бу-магу.

— Въ Германіи считается по сіе время 1,072 общества умѣренности, въ которыхъ записаны членами 1,075,000 чело-вѣкъ. Дѣдннадцать газетъ и журналовъ издаются исключительно въ духѣ этихъ обществъ. Изъ этого числа 550 обществъ находятся въ Пруссіи, 336 въ Ганноверѣ, 186 въ другихъ государ-ствахъ Германіи.

— Въ Англіи обрабатывается вышче въ 260 разъ болѣе бумажной пражки, чѣмъ обрабатывалось за сто лѣтъ предъ симъ, а именно 400,000,000 фунтовъ, на 34,000,000 ф. ст. Этою фабрикаціею занимаются 1,400,000 чело-вѣкъ, не считая другихъ промышленниковъ и торговцовъ бумагою. Жители 280 городовъ и деревень, лежащихъ вокругъ Манчестера, исключительно занимаются обдѣлкою и вяжею хлопчатой бумаги.

— Для распознаванія ножей и другихъ металлическихъ приборовъ, сдѣланы ли они изъ чистой стали, или изъ желѣза, надобно нѣсколько капель ку-

пероснаго масла развести въ водѣ и потомъ капнуть на лезвіе пробнаго ножа. Если ножъ стальной, то на немъ останется отъ сѣрной кислоты черное пятно, а если желѣзный, то это пятно приметъ бѣловато-сѣрый цвѣтъ.

— Чтобы поправить замороженныя курныя яйца и сдѣлать ихъ снова годными въ пищу, надобно поступать слѣдующимъ образомъ: налить въ большую чашку чистой колодезной воды и развести ее поваренною солью. Въ этотъ рассолъ должно положить яйца, которыя чрезъ два или три дня будутъ такъ же вкусны, какъ свѣжія.

— Г. Форней, сельскій хозяинъ въ Шотландіи, изобрѣлъ новое средство вырощать на поляхъ кормовыя травы въ нѣсколько дней, гораздо-скорѣе, чѣмъ растетъ обыкновенная трава на открытомъ воздухѣ. Въ началѣ мая онъ открылъ соломоу и сухимъ валежникомъ дугъ въ три акра, истративъ на каждый акръ 80 фунтовъ соломы. Чрезъ пять недѣль послѣ того, онъ получилъ съ поля 5,000 фунтовъ самой превосходной травы, болѣе, чѣмъ съ обыкновеннаго поля такой же величины, но непокрытаго соломою.

— Одинъ сельскій хозяинъ, живущій въ Берлинѣ, приготовляетъ изъ картофеля превосходное пиво, ни мало не уступающее во вкусѣ извѣстному баварскому. Притомъ же, картофельное пиво обходится вполонину дешевле, нежели приготовляемое обыкновеннымъ образомъ. Такъ-какъ въ Германіи, благодаря распространенію общества воздержанія отъ крѣпкихъ напитковъ, со всякимъ годомъ уменьшается число винокуренныхъ заводовъ, то полагаютъ, что вмѣсто ихъ прибыльно будетъ учреждать тамъ картофельныя пивоварни.

МЕЛОЧИ:

Нѣсколько англійскихъ спекулянтовъ подали намъ проектъ углубленія русла рѣки Тибра и совершеннаго очищенія ея отъ глубокаго ила, принимая эту работу на свой счетъ безъ

всякаго вознагражденія со стороны римскаго правительства, но съ условіемъ, чтобы всѣ древности, которыя найдутся въ Тибрѣ, поступили въ полное владѣніе спекулянтовъ. Доселѣ еще неизвѣстно рѣшеніе папы.

— Кардиналъ Фешъ, для Наполеона, былъ самымъ страстнымъ собирателемъ картинъ, и часто покупалъ ихъ оптомъ, гдѣ случалось. Служителямъ его приказано было скупать на рынкахъ всякую даже плохую картину за четыре паоли (шестнадцать серебряныхъ грошей). Всю такую живописную дрянь кардиналъ отдавалъ исправлять и ресторировать нѣсколькимъ художникамъ, получавшимъ отъ него постоянное жалованье. Послѣ смерти кардинала Феша, нашли въ его домѣ нѣсколько огромныхъ подваловъ, наполненныхъ всякаго сорта картинами, числомъ до 18,000 штукъ.

— Французскія газеты разсказываютъ, что одинъ богатый парижскій книгопродавецъ предлагалъ Жоржу Завду 60,000 франковъ за позволеніе напечатать вновь всѣ ея романы съ иллюстраціями. Но знаменитая писательница не приняла этого предложенія, потому-что сынъ ея, Морисъ Дюдеванъ, будетъ иллюстрировать всѣ ея романы, когда окончатъ курсъ писани у знаменитаго художника Делакруа.

— Братья Бланкъ, содержатели игорнаго дома въ Гомбургѣ, подарили г. де-Бальзака за 30,000 франковъ написать романъ, въ которомъ главное дѣйствіе происходитъ за игорнымъ зеленымъ столомъ Гомбурга. Разумѣется, сочинитель долженъ представить азартную игру *rouge et noir* съ самой завлекательной стороны и вывести результатъ, что ова осчастливила самыхъ бѣдныхъ людей.

— Дуссѣ д'Арманонъ, молодой туристъ, имѣетъ альбомъ, конечно самый интересный въ Европѣ. Въ немъ вписаны автографы знаменитыхъ лицъ всѣхъ пяти частей свѣта. Въ этотъ историческій памятникъ вписали собственноручно свои имена: сфинетскій

паша Мехмед-Али, султанъ лагорскій и королева мадагаскарская. Всѣ дипломаты Бароны, ученые, литературныя и охотничьи знаменитости также внесли свою лепту въ эту книжечку. Въснѣ увѣковѣчилъ себя въ ней двумя стихами, Баламъшъ мудрою сентенціею, Жоржъ Зандъ молитвою, Викторъ Гюго датскимъ стихомъ, адресованнымъ прелестной женѣ живописца Біарра, Эженъ Сю социальной прозою. Особенно замѣчательны въ альбомѣ слѣдующія слова: «Мой девизъ: любовь и полька» подписала: Элиза, королева Помарэ (извѣстная въ Парижѣ танцовщица на балахъ Мабилля). Подлѣ этого: «Голова, въ которой родился Младъ, теперь не что иное, какъ вымянка. *Шатопріанъ*».

— Въ Парижѣ недавно умерла принцесса, происходившая отъ царской крови мексиканскія Иккозъ, Фатима-Наллира-Маголи-Безил-Кипата. Эта замечательная отрасль мексиканскихъ владыкъ жила въ Парижѣ сорокъ лѣтъ счастливо и спокойно, имѣя только 1,000 франковъ годового дохода.

— Однажды индійскій раджа выдувала море средство лавина: чугунный прессъ съ сильными давленіемъ. Каждый преступникъ онъ приказываетъ класть подъ прессъ и сдавливать его тѣло въ толщину листа политурной бумаги, или подобно сухому растенію въ гербаріумѣ. Послѣ этой операціи вытѣчь дѣломъ тѣло каменнаго, которое потомъ передается въ античный музей раджи для храненія. Очевидны утраты, что раджа въ музеумѣ садитъ имѣетъ въскользко сотъ копеченъ тѣлъ Индійцевъ, развѣшанныхъ въ симметрическомъ порядкѣ, но стѣнахъ огромныхъ залъ.

— На островѣ Борнео живетъ особый народъ, у котораго женщины имѣютъ самое сильное вліяніе на общественныя нравы и рѣшительно владычествуютъ надъ мужчинами. Прекрасный полъ на Борнео болѣе всего любитъ струбленныя непрятезскія голшны. Эти страшные трофеи варварства — необходимымъ принадлежності

каждою холостяго человѣка, который хочетъ жениться. Молодой человѣкъ, не имѣющій въ своемъ домѣ извѣстнаго числа отрубанныхъ человѣческихъ головъ, не можетъ присвататься ни къ одной борнейской дѣвцѣ; всякая невіста съ презрѣніемъ отвергнетъ руку такого жениха. Желающій вступить въ бракъ долженъ явиться сперва къ старшинѣ своей деревни, который спрашиваетъ, много ли у него неприятелискихъ головъ. Если женихъ не имѣетъ законами-положеннаго числа, то долженъ отправиться на большую дорогу, убить двухъ или трехъ человѣкъ, отрубить имъ головы и пополнить такимъ образомъ свой домашній музей. Тогда онъ уже можетъ смѣло предстать на глаза своей невістѣ и высылать предъ ней изъ мѣшка головы убитыхъ имъ жертвъ. Дѣвушка, подучивъ такой подорожъ, не можетъ уже отказать въ рукѣ жениху и соглашается на бракъ. Обрядъ свѣчанія состоитъ въ томъ, что женихъ опрыскиваетъ кровью убитаго пѣтуха, а невісту кровью курицы. Послѣ этой церемоніи имъ суиругаютъ шипакого узе развода.

— Въ Америкѣ, изъ сока растенія аурали приготовляется самый сильный ядъ, который туземцы смѣшиваютъ съ смѣлянкой. Одно зернышко аурали, положенное въ разрѣзъ лошади, можетъ умертвить ее въ пять минутъ. Если ядъ этотъ только что приготовленъ въ свѣжень ядѣ, то дѣйствуетъ еще сильнѣе и скорѣе на организмъ всякаго животнаго.

— Въ городѣ Цинцинати (въ Америкѣ) есть богатое сословіе гражданъ, называемыхъ «свиною аристократіею» (Pork aristocracy), которое занимается единственно откармливаніемъ тучныхъ свиней, бьетъ ихъ, солитъ, коптитъ и отправляетъ ежегодно въ Европу до 200,000 штукъ. Благодаря такой промышленности, свиинъ въ Цинцинати занимаютъ самое почетное мѣсто между всеми домашними животными, слѣгаютъ на свободѣ по улицамъ города, никому собственно не принадлежатъ,

но каждый гражданин имеет право откармливать и потом в видъ ветчины пускать в продажу. Если свиньи слишком расклемаются, то городской советъ отправляет их на бойню, а потом свиные туши грузятся на корабли и посылаются в Европу. Уличные мальчишки и бѣдные жители Цинцинати ѣдятъ обыкновенно верхомъ на большихъ свиньяхъ и даже запрягаютъ ихъ въ тележки для возки провизии.

— Въ Англии, число чиновниковъ, получающихъ отъ правительства жалованье, простирается до 23,600 человекъ; во Франціи, напротивъ, чиновники съдѣляютъ четвертую часть всего государственнаго дохода, и число ихъ въ 15 разъ превышаетъ число англійскихъ. Начиная со времени имперіи, число чиновниковъ увеличивается съ каждымъ годомъ во Франціи. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, оно утроилось, особенно съ 1830 года. Въ 1844 году считалось 376,487 чиновниковъ, которые отѣли казны 93 милліона франковъ. Одно министерство внутреннихъ дѣлъ имеетъ цѣлую армию чиновниковъ — 114,600 человекъ, слѣдовательно, болѣе чѣмъ солдаты въ наполеоновой арміи при Ватермъ. Въ Парижѣ проживаютъ 3,060 чиновниковъ, получающихъ вмѣстѣ жалованья до 9,962,800 франковъ. Изъ этого огромнаго числа служащихъ можно заключить, какое сильное вліяніе имѣютъ министры на выборы парламентскіе, потому что во всей Франціи считается не болѣе 200,000 свободныхъ избирателей, и, напротивъ, 812,000 такихъ людей, которыхъ средства къ существованію находятся въ рукахъ министровъ, префектовъ, подпрефектовъ и прочихъ правительственныхъ лицъ.

— Въ датскихъ историческихъ легендахъ упоминается о вѣноторѣ Олауѣ Ваггерсѣ, жившемъ въ Оденсе, который былъ однимъ изъ богатѣйшихъ гражданъ Дании. Даже король Фридрихъ II часто ваничалъ у него деньги. Однажды его величество пріѣхалъ въ домъ Ваггерса, и хваливъ во-

дѣлъ затопить передъ королею каминъ коррицею. «Это очень дорогое топливо», сказала королева. — За то королю захотѣть, отбѣчала Ваггерсъ: — если ваше величество удостоите меня въ другой разъ своимъ посѣщеніемъ, то я велю затопить каминъ топливомъ, которое еще лучше пахнетъ. Король въ другой разъ пріѣхалъ къ Ваггерсу, который опять велѣлъ затопить каминъ, но уже не коррицею, а вѣсселии короля на нѣсколько милліоновъ талеровъ. Фридрихъ II, зайдя къ нему, что весь долгъ его вылетѣлъ изъ трубы, сказалъ съ улыбкою: «Этотъ запахъ мнѣ еще болѣе нравится, и за то дарю тебѣ огромный дѣлъ въ Тольденшундѣ». До сих поръ, жители Оденсе ходятъ по праздникамъ гулять въ Тольденшундской дѣлѣ, гдѣ стоитъ пролетная вилла, принадлежащая потомкамъ богача Олауа Ваггерса.

— Лошадь, бывшая подъ Наполеономъ при Ватерлоо, называлась *Анація*. Этотъ конь, сѣрой масти, имѣлъ весьма-красивыя формы, была силосъ, иукротивъ; и только четырехъ лѣтъ отъ роду. Наполеонъ, при концѣ битвы, видя, что вспомогательный корпусъ генерала Груна не идетъ къ нему на помощь, пришелъ въ отчаянное отчаяніе и бросился на своей Анаціи въ средину непріятельскаго шара, чтобъ по-крайней-мѣрѣ умереть съ честью на полѣ битвы. Въ этой ужасной обалтѣ лежалъ на землѣ съ оторванным ногою наполеоновскій гренадеръ Петръ В**, изъ Вира. Анація перескочила черезъ его тѣло. Раненный, заштывъ Наполеонъ, закричалъ: «vive l'Empereur!» и упалъ въ обморокъ. Черезъ четыре мѣсяца послѣ того, Наполеонъ уже былъ въ заключеніи на Островѣ-Св.-Елены, а гренадеръ Петръ съ деревенскою сдѣланна дѣрвѣянная гудочка. Въ 1830 году, вѣннннтая лошадь Анація была продана изъ дворцоваго тальерійской конюшни одному гражданину въ Вирѣ, который купилъ ее съ обязательствомъ хоронить и хонить до смерти. Однажды безвоній гудочникъ, проходя въ головѣ какого-

то свадебного поезда съ своею скрипкою, встрѣтилъ на дорогѣ Акацію. Старый нивалль заплакалъ, закричалъ: «vive l'Empereur!» бросился на шею лошади и расцаловалъ ее. Хозяинъ Акаціи позволилъ иногда ниваллю Петру ѣздить на ней во время свадебныхъ поѣздовъ. Въ 1832 году, гудочникъ Петръ ѣхалъ верхомъ на Акаціи въ головѣ свадебной процессіи и игралъ на скрипкѣ разныя веселыя пьесы. Конь Наполеона, вспрыгнувъ на одинъ холмъ, зацѣпилъ копытами о камень, упалъ и сломилъ себѣ переднюю ногу; гудочникъ при этомъ случаѣ упалъ съ коня и переломилъ себѣ здоровую ногу. Тутъ же конь и всадникъ испустили послѣдній вздохъ на мѣстѣ.

— Много писали про исторію открытія и перваго употребленія кофе; но между всѣми такими сказаніями, особенно интересна одна турецкая легенда о кофе. Турецкіе писатели увѣряютъ, что употребленіе кофе на востокѣ извѣстно было уже въ 1258 году. Въ то время, дервишъ Хаджи Омаръ былъ выгнанъ за какое-то преступленіе изъ монастыря въ Моккѣ и удаленъ пустынноикомъ на сосѣдную гору. Тамъ, чтобъ утолить голодъ, онъ собиралъ ягоды съ кустовъ, извѣстныхъ въ Турціи подъ названіемъ Каһва. Пустынникъ нашелъ ягоды весьма вкусными и питательными, истолокъ ихъ на камнѣ и развелъ сокъ водою. Этотъ напитокъ не только питалъ его исключительно въ теченіи нѣсколькихъ дней, но даже очень былъ полезенъ для его здоровья. Другіе дервиши моккескаго монастыря пошамъ посѣтить въ пустынь прежняго своего собрата, и очень удивились, что онъ не только не умеръ тамъ отъ голода, но еще поздоровѣлъ. Отшельникъ открылъ имъ секретъ своего новаго напитка, кахвы, который и посѣтители нашли весьма вкуснымъ. Монахи рассказали объ этомъ чудномъ открытіи настоятелю своего монастыря, который также захотѣлъ отгѣдать чудотворнаго напитка и приказалъ опять возвратиться въ монастырь Хаджи Омару. Губернаторъ

моккескій, услышавъ о вкусномъ напиткѣ, воспользовался также открытіемъ Омара: всѣ кустарники кахвы, растущіе въ окрестностяхъ его напашалка, извѣлъ въ казенное вѣдомство, и обратилъ этотъ товаръ въ монополию. Хаджи Омаръ умеръ въ 1282 году и за такое чрезвычайное открытіе объявленъ былъ улемани святымъ; въ честь его въ Моккѣ построена мечеть.

— Турки очень любятъ бой и травлю животныхъ, но не быковъ, медвѣдей и собакъ, а наѣдомыхъ. Одинъ монахъ въ Константинополѣ забавлялъ своихъ французскихъ гостей слѣдующею шуткою. Подъ стеклянный колпакъ посадили двѣнадцать самыхъ большихъ и ядовитыхъ пауковъ и послѣ того пустили къ нимъ на травлю одного скорпіона. Нѣсколько времени оба враждебныя партіи наблюдали одна другую, потомъ скорпіонъ зацѣлъ слюска паука. Это было сигналомъ къ началу сраженія, и пауки старались общими силами вырвать глаза у скорпіона, а скорпіонъ прижалъ въ такое раздраженіе, что своими клешнями, какъ ножницами, отрѣзалъ всѣ ноги у пауковъ; потомъ, свернувшись въ кольцо своей хвостъ, выпустилъ изъ него убійственный ядъ. По прошествіи двухъ минутъ, скорпіонъ остался побѣдителемъ, уничтоживъ всѣхъ пауковъ. Когда же подвѣли стеклянный колпакъ, то оказалось, что и самъ скорпіонъ издохъ; слѣдовательно, пауки отравили въ свою очередь скорпіона своимъ ядомъ.

— Въ Америкѣ, одинъ врачъ прошевелъ надъ человѣкомъ оныхъ, который ѣздики обыкновенно дѣлаютъ надъ мышами и птицами. Онъ посадилъ меланхолика подъ большой воздушный колоколь, изъ котораго потомъ вытянулъ весь воздухъ. Меланхоликъ, лишенный воздуха, умеръ отъ удушья; но врачъ, стараясь оживить его, пустилъ подъ колоколь кислорода, и меланхоликъ опять очнулся. Все это, конечно, не новость и извѣстно каждому учившемуся ѣздику; но вотъ что замѣчательно — темно-

раментъ большаго совершенно перемѣнился отъ этого опыта: изъ желатина онъ сдѣлался сангвиникомъ, вельсчавкомъ, забавникомъ; опытъ вложилъ въ него, тамъ-сказать, новую душу.

— Въ Брюгѣ на выставкѣ художественныхъ произведеній удостоился первой золотой медали молодой живописецъ Фелю. Когда президентъ выставки позвалъ Фелю для выдачи ему награды, то онъ вступилъ въ залу вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Кому же изъ васъ слѣдуетъ медаль? спросилъ президентъ.—Моему брату, но онъ безъ рукъ и, слѣдовательно, не можетъ принять награды. И такъ, безрукій Фелю написалъ лучший пейзажъ на всей выставкѣ—ногами.

— По новому положенію, всѣ профессора прусскихъ университетовъ должны имѣть форменную одежду: богословскаго факультета — черныя мантии, юридическаго — красныя, математическаго — пунцовыя, философскаго — фіолетовыя, и т. д. Ректоры и деканы носятъ бархатныя мантии, ординарные профессора — такъ-называемыя лютеровскіе талары, отороченныя цвѣтною матерією по факультетамъ, и экстраординарные профессора такіе же талары, но безъ оторочки.

— На боннскомъ праздникѣ въ честь Бетховена, Листъ предложилъ слѣдующій тостъ: «Пью за здоровье одного изъ студентовъ Боннскаго - Университета, который сдѣлалъ свою карьеру лучше всѣхъ изъ своихъ собратій — за принца Альберта!» — Извѣстно, что супругъ королевы Викторія учился въ Боннскомъ - Университетѣ пансіонеромъ и жилъ тогда у профессора Бишофа. Викторія съ принцемъ Альбертомъ сдѣлала визитъ почтенному профессору и приказала снять рисунокъ комнаты, въ которой жилъ и учился супругъ ея.

— Извѣстно, что кардиналъ Ришельё былъ похороненъ въ часовнѣ Сорбонны. Въ ираморномъ саркофагѣ и нынѣ лежитъ его тѣло, но безъ головы, которую во время революціи отру-

били отъ трупа террористы и потащили на пику. Никто Армё былъ тогда свидетелемъ этой сцены и не терзалъ головы Ришельё изъ вида; наконецъ, ему удалось купить эту историческую вещь, которая и по-сию-пору сохраняется въ семействѣ г-на Армё. Швейцарское правительство требуетъ у его потомковъ выдачи головы кардинала, но наследники не хотятъ возаратить ее Сорбоннѣ. По этому случаю завязалась между правительствомъ и наследниками Армё тяжба, рѣшеніе которой еще неизвѣстно.

— Въ Карлсбадѣ живетъ ифкто Нейбергъ, страстный охтникъ до рѣдкихъ музыкальныхъ инструментовъ, которые онъ собираетъ уже ифсколько лѣтъ, платя за нихъ огромныя суммы. Нейбергъ самъ превосходно дѣлаетъ скрипки и виолончели, на-манеръ извѣстныхъ мастеровъ Амати и Страдивариуса. Скрипки Нейберга высоко цѣнятся всѣми европейскими виртуозами; но мастеръ-дилеттантъ не пролазитъ ихъ ни за какою цѣну, а даритъ только своимъ друзьямъ.

— Недавно умеръ въ Парижѣ пятидесяти лѣтъ отъ рода Англичанинъ, который жилъ тамъ ифсколько лѣтъ подъ именами: Монтегю, сэра Чарльса, сэра Эдуарда Дѣгласа. Говорятъ, что покойный былъ побочный сынъ англійскаго графа, любимаго короля Георга III. Сэръ Дѣгласъ былъ женатъ на прелестной женщинѣ, которая въ послѣдствіи убѣжала отъ своего мужа съ англійскимъ офицеромъ. Потомъ Дѣгласъ вступилъ во второй бракъ съ вдовою лорда К***; но и эта женщина развелась съ нимъ скоро послѣ свадьбы. Когда врачъ началъ осматривать тѣло покойнаго Дѣгласа, то нашли, что онъ былъ не мужчиною, а женщиною, и притомъ дѣвица въ полномъ смыслѣ слова.

— Въ Инспрукѣ живетъ семидесятилѣтній старикъ Нейгаузъ, ослѣпшій съ пятилѣтнаго возраста. Онъ совершенно замѣнилъ потерянное чувствіе зрѣнія чувствомъ осязанія и почитается первымъ рѣзчикомъ и медальеромъ во-

всемъ Тиролю. Въ тирольскомъ музее сохраняется рѣзной деревянный бюстъ австрійскаго императора Фердинанда, сдѣланный руками этого гениальнаго художника съ известнаго бюста, изваяннаго однимъ знаменитѣйшимъ вѣснимъ скульпторомъ. Нейгаузъ, ощущая руками какое-нибудь лицо, тотчасъ сдѣлаетъ съ него весьма похожую копию изъ дерева. Онъ вырѣзалъ уже изъ дерева 350 распятій разной величины, статуу святаго Непомука и до 100 головъ Мадонны. Слѣпецъ Нейгаузъ, кромѣ рѣзнаго искусства, занимается еще поэзіею и музыкою. Онъ сочинилъ прекрасную кантату на свою слѣпоту и самъ положилъ стихи на музыку.

— Въ берлинскомъ рабочемъ домѣ содержится замѣчательная женщина, которая во время оной была первою примадонною на театрахъ Італіи и Германіи, красавица собою и вышла замужъ за французскаго полковника. Во время своей славы и красоты, она ужасно мотала деньги и разорила своего мужа. Промотавшись до нитки и потерявъ голосъ, она пошла въ службу къ Бахусу. Берлинская полиція недавно подняла ее на улицѣ и препроводила для исправленія въ рабочій домъ.

— Въ Парижѣ известнае карточнае игрови и шулеры употребляютъ слѣдующее средство для очищенія картмановъ. У каждаго фальшиваго игрока есть свой помощникъ, который обыкновенно стоитъ за стуломъ шулера и наблюдаетъ игру прочихъ. Для подавія такому игроку сигнала употребляютъ четыре буквы: I. L. R. V. соотвѣтственно четыремъ мастямъ колоды, а именно: I. Pique, L. Trefle, R. Coeur, V. Carreau. Если помощникъ хочетъ подать знакъ игроку, съ какою ему должно ходить карты, то онъ старается начать разговоръ словомъ, начинающимся одной изъ помннутыхъ буквъ, и дѣло въ шляпѣ. Шулеръ разумѣетъ этотъ намекъ, и играетъ какъ ему было сказано.

— Модная парижская забава состоитъ нынѣ въ спусканіи изъ оконъ домовъ мыльныхъ пузырей на проходящій по улицамъ народъ. Нѣкоторые забавники, посредствомъ химическихъ средствъ, довели свои мыльные пузыри до такого красиваго разнообразія и величины, что они походятъ на маленькіе летающіе аэростаты. Эти фантастическія игрушки очень нравятся парижскимъ баблуньямъ и званкамъ, т. е. фланёркамъ.

М О Д Ы.

а) ЖЕНЩИНА.

Говоря ежемѣсячно о модныхъ новостяхъ, мы давно ничего не говорили о чепцахъ, — а это вещь не маловажная при дамскомъ туалетѣ, или, лучше сказать, самая важная, потому что у женщины, только что вышедшей замужъ, все вниманіе обращено на чепчики, и очень-попятно: это для нея имѣетъ всю прелесть новости. Бывъ дѣвницей, она никогда не носила чепцовъ, а гдѣ же можно болѣе видѣть новостей, какъ не у молодыхъ, только что вышедшихъ замужъ женщинъ? Имъ-то и посвящаемъ мы слѣдующія извѣстія:

Утренніе чепчики, батистовые или кисейные, непременно должны быть вышиты. Напередѣ они вышиваются въ три ряда гирляндюю, и между гирляндюю кладется въ-гладь кружево; донышко же чепчика должно быть также вышито, но надобно, чтобъ гирлянды лежали не прямо, а вкось. На кофточкѣ и завязкахъ вышивается одна только гирлянда и обшивается кружевомъ. Очень-красивъ чепчикъ, когда перѣдъ и лопасти его скроены вмѣстѣ, донышко же пришивается какъ обыкновенно у всѣхъ чепцовъ. Такіе чепчики очень-часто подбиваются розовой или голубой тافتюй, но лучше, когда вмѣсто тافتы употребляется кренъ; отъ этого чепчики кажутся гораздо-легче и прозрачнѣе.

Парадные чепчики дѣлаются всѣ изъ кружевъ. На кружевное донышко пришивается въ два ряда широкое кружево, которое покрываетъ темя. Ма-

ленькая гирлянда обхватываетъ донышко. Этотъ фасонъ чепчика очень-красивъ съ локонами; для гладкой же прически мы видѣли удивительную кружевную наколку; но тутъ надобно, чтобъ кружево было самое тонкое, иначе это не будетъ имѣть эффекта.

Самое широкое кружево кладется складкою на середину головы; надъ ушами оно перехватывается золотыми застѣжками или петлей изъ цвѣтнаго бархата; концы кружева спускаются до самой щем; но еще условіе: изъ простаго кружева этихъ наколокъ нельзя дѣлать, — надобно, чтобъ рисунокъ былъ кругомъ всей наколки. Можно, вмѣсто кружева, дѣлать эту наколку изъ тонкаго вышитаго тюля.

Воротнички носить съ каждаго дня все менѣе и менѣе, такъ-же послѣдніе воротнички дѣлаются немного шире вершина и называются воротнички à la Томъ-Пусть. Фасонъ очень-простъ. Возьмите прямой кусокъ кисеи, немного шире вершка, вышейте такъ, чтобъ можно было продернуть въ него одинакой ширины ленту; воротничкъ кругомъ обшейте узкимъ кружевомъ; у самаго горла сдѣлайте бантъ, и вотъ вамъ самый модный воротничкъ.

Причесокъ новыхъ еще не видно, но вообще передніе волосы не спускаются низко къ шеѣ; напротивъ, ихъ на лбу спускаютъ до самыхъ бровей, и къ ушамъ поднимаютъ. Косы зачесываются и низко и высоко, кому какъ нравится. Булки дѣлаются очень-густыя и длинныя.

Шарфы по-прежнему въ большомъ употребленіи. Косынки очень-красивы изъ бѣлаго кашемира съ бѣлой бахрамой.

Маленькіе каблукы дѣлаются даже на башмакахъ. Мы, кажется, совершенно возвращаемся къ модамъ нашихъ бабушекъ: башмаки носимъ почти-такіе же; платья—также ширяны немновѣрной, отъ девяти до десяти полотницъ, но только безъ фижмъ; мантильи и кашшоны такіе же; не достаетъ только переиѣнить прически.

Платки носовые вышиваются очень-широко и обшиваются кружевомъ.

в) МУЖСКИЯ.

Что касается до мужскихъ модъ, въ нихъ нѣтъ значительныхъ измѣненій. Кромѣ недавно-вошедшихъ въ употребленіе шляпъ съ маленькими полями, съ расширяющеюся вверхъ тульею и съ выпуклымъ дномъ, все, кажется, по-прежнему: круглые фраки для утреннихъ визитовъ, фраки съ широкими фалдами и совершенно-мягкіе, рендоты съ широкими воротниками и отворотами, однобортные жилеты очень-открытые и безъ шали, брюки довольно-широкіе и покойные (большею частію безъ штрипокъ),—все это было въ модѣ еще лѣтомъ. Но за то множество новостей въ самыхъ матеріяхъ, изъ которыхъ дѣлаются эти костюмы: сукна,

байки, кашмиры, кашемиры, бархаты, пиже, атласы—все это варьируется на тысячи манеръ, какъ относительно доброты, такъ и еще болѣе въ отношеніи къ цѣтѣ, оттѣнкамъ, узорамъ и т. п. На дняхъ, въ магазинѣ знаменитаго здѣшняго портнаго, г. Оливье (на Невскомъ-Проспектѣ, противъ Александринскаго-Театра, въ домѣ Бутримовой), мы видѣли богатое собраніе всѣхъ этихъ вещей, привезенныхъ имъ изъ Парижа и Лондона. Г. Оливье только-что возвратился изъ поѣздки своей во Францію и Англію, закупилъ тамъ товаровъ на нѣсколько десятковъ тысячъ, и, привезши ихъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ новѣйшими часовами фраковъ, жилетовъ, брюкъ, пальто и пр., превратилъ мастерскую свою совершенно въ депо всѣхъ предметовъ мужскихъ модъ ешѣнеблагорадія. Въ магазинѣ его, по цѣлымъ днямъ толпятся теперь петербургскіе щеголи, засыпая его заказами, которые онъ едва успѣваетъ исполнять; а что онъ исполняетъ ихъ всегда добросовѣстно, — это извѣстно всѣмъ, кому доводилось имѣть съ нимъ дѣло. Совѣтуемъ охотникамъ до модныхъ новостей зайти въ магазинъ г-на Оливье и полюбоваться привезенными имъ товарами. Описывать же ихъ было бы невозможно: такъ ихъ много и такъ они разнообразны.

— и т. д.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ВТОРАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

	Стр.
а) СТИХОТВОРЕНІЯ:	
Майкову. А. Н. Струговщико- ва	1
Старушкѣ. Н. Н.—ва	171
Двулицый Янусъ (отрывокъ изъ «Дневника въ Римѣ»). А. Май- кова	231
Пѣснь Пажа. А. Фета	386
б) Проза:	
Королева Марго. Романъ Алек- сандра Дюма, въ шести ча- стяхъ. Часть пятая и шестая (последняя)	✓ 3
Старое Зеркало. Повѣсть Ста- дного	✓ 173
Ошибка. Драматическій анекдотъ А. Нестроева	✓ 234
Теверино. Повѣсть Жоржа Зан- да	✓ 272

II. НАУКИ.

Алтай. Естественная исторія его, копи и жители. Статья Катрѣ- жа по поводу сочиненія г. Пет- ра Чихачева: «Voyage Scienti- fique dans l'Altaï oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine»	1
Консульство и Имперія. Соч. Тье- ра. <i>Статьи пятая и шестая.</i> (Трибуналь: Внутреннее управ- леніе. Обезопасеніе и испра- вленіе дорогъ. Возрожденіе тор- говли. Матеріальные результа- ты революціи относительно зем- ледѣлія, промышленности, наро- донаселенія. Расужденія о гра- жданскомъ кодексѣ въ государ- ственномъ совѣтѣ. Дворъ пера- го консула. Консульская гвар- дія. Сестры первого консула. Фоксъ и де-Калоннъ въ Парижѣ. Оппозиціи противъ первого кон- сула. Поступки генераловъ Дан-	

на, Ожеро и Морд. Открытіе
засѣданія X года. Оппозиція
противъ гражданского кодекса.
Гибѣвъ первого консула. Мысль
Камбасереса объ истолкованіи
38 статьи Конституціи. *Кон-
сульта* въ Лионѣ. Экспедиція въ
Сен-Доминго. Амьенскіе перего-
воры. Бонапарте — президентъ
Итальянской - Республики. —
Консульство по жизни: Исключе-
ніе безпокойныхъ членовъ зако-
нодательнаго сословія и трибу-
ната. Окончаніе амьенскаго кон-
гресса. Подписаніе мира. Эк-
страординарное засѣданіе X го-
да. Утвержденіе конкордата и
органическихъ статей. — Оффи-
ціальное принятіе кардинала
Капрары, какъ легата *a latere*.
Торжественное *Te Deum. Deus
Christianisme* (*le Genie du Chri-
stianisme*). Возвращеніе эмигран-
товъ. Мысли первого консула
объ организаціи общества. Про-
екты объ учрежденіи почетнаго
легіона и о народномъ просвѣ-
щеніи. Мысль о національномъ
возмездіи первому консулу. Лов-
кая выдумка Камбасереса. Все-
общее увлеченіе. Консульство
по жизни. Наполеонъ Бона-
парте. Высшая степень его
нравственнаго могущества. —
Секуляризаціи: Мнѣнія евро-
пейскихъ кабинетовъ при извѣ-
стіи о пожизненномъ консуль-
ствѣ. Германскія дѣла. Состоя-
ніе Германіи по люневильско-
му трактату. Секуляризаціи ду-
ховныхъ владѣній. Германская
конституція. Партіи: протес-
тантская и католическая; Прус-
сія и Австрія; ихъ различія.

Стр. IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

притязанія. Пространство и цѣнность территорій, подлежащихъ раздѣлу. Отчаяніе мелкихъ дворовъ отъ честолюбія сильныхъ. Вмѣшательство перваго консула въ дѣло секуляризаціи. Посредничество Россіи. *Conclusum* сейма. Характеръ этой трудной негодіаціи.— *Разрывъ амьенскаго мира?* Усілія перваго консула къ восстановленію колониальнаго величія Франціи. Духъ старинной торговли. Сен-Доминго. Восстаніе негровъ. Гуссенъ-Дувертюръ. Экспедиція на Сен-Доминго. Укрощеніе черныхъ. Нерасположеніе Англіи къ Франціи. Вмѣшательство перваго консула въ дѣла Швейцаріи. Ошибка британскаго министерства. Распубликованіе рапорта полковника Себастіани о состояніи Востока. Достопамятный разговоръ перваго консула съ лордомъ Унтуортомъ. Состояніе Французской-Республики. Рѣчь англійскаго короля. Сцена съ лордомъ Унтуортомъ. Приготовленія къ войнѣ. (Разрывъ амьенскаго мира) 1 и 107

✓ Космосъ. Опытъ физическаго міроописанія. Соч. Александра Гумбольдта. *Статья первая.* (Предварительный взглядъ на различные способы наслаждаться природою и наукообразное изученіе мировыхъ законовъ.— Границы и наукообразное изученіе физическаго міроописанія) 87

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію *за июль и августъ 1845 года* 1 и 17
Событія въ отечествѣ за тѣ же мѣсяцы того же года 15 и 21

Сибирское Золото и способы его добыванія. *Статьи первая и вторая.* О составѣ, формированіи и стѣпности золотонскагельныхъ партій, командиремыхъ частными золотопромышленниками на поискъ золота по Нитской и Удереіской Системамъ.— Дѣйствія поисковыхъ партій по предмету отысканія песчанаго золота въ Восточной-Сибири, въ Затунгускомъ - Краѣ, по тѣмъ же системамъ). Н. Богородина ✓ 1 и 19

V. КРИТИКА.

Сто Русскихъ Литераторовъ. Паданіе книгопродавца А. Смирдина. Томъ третій. *Бенедиктовъ. Бышцевъ. Гречъ. Марковъ. Михайловскій - Данилевскій. Матлевъ. Ободовскій. Скобелевъ. Ушаковъ. Хмьльницкій* 1

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

- 1) *Русскія книги, вышедшія въ августъ и сентябрь 1845 года.*
- Соція, послѣдняя изъ княженъ Слудскихъ, Іозефинъ О* (Библиотека Романовъ и пр.). 1
- Избранныя мѣста изъ поэмъ Владиміръ соч. Стагнеліуса, и Фритгюф-Сага, соч. Тегнера. 2
- Эюлейка, Варвары Лизо...бъ 6
- Англійская Индія въ 1843 году, Э. Варрѣна 7
- Записки о Природѣ и пр. П. Ювскаго —
- Практическая Медицина, К. Лебедева —
- Краткое начертаніе Топографической Анатоміи, Зегера, тетр. 3. 9
- Руководство къ Всеобщей Исторіи, Ф. Лоренца; ч. I, изд. 2-е. 10
- Французско-Русскій Словарь техническихъ названій, г. Рѣваго. —
- Краткая Бухгалтерія, П. Комдрѣтцова —

	Стр.		Стр.
Атласъ промышленности Московско-Губерніи	10	Іоаннъ Гусъ, С. Палаузова	43
Правоученіе въ лицахъ	12	Исслѣдованіе о Мѣстничествѣ. Д. В.	44
Французскіе, Нѣмецкіе и Русскіе Разговоры.	—	Учебная Книга Римскаго Права, Л. Камбска	45
Французской Азбука	13	Рѣчь о ломбардскомъ стилѣ архитектуры, И. Боровкова	—
Учебный Французскій Словарь, Я. Герда	—	Міръ Допотопный, А. Г.	46
Практическія Упражненія въ переводахъ, Я. Лангена	—	Частная Фармакологія, М. Вейсберга	47
Руководство къ Математической Географіи, Дистервега	—	Физика, Н. Щеглова	—
Наставленія о Шелководствѣ, Н. Райко	14	Начальныя Основанія Алгебры, Мейера и Шокё	48
Расчеты по 5 и 6 процентовъ, М. Поднебеснаго.	—	Практика для Пиротехниковъ, Нота	50
Бесѣды Петербургскаго Жителя въ Удѣльномъ Земледѣльч. Училищѣ, Б. Волжина	—	Труды Общества Русскихъ Врачей въ Санктпетербургѣ, ч. IV. Альпака	—
О Предпріятіи Товарищества для распространенія выгодной выдѣлки прядильныхъ растений	16	Истребленіе сорныхъ травъ, Ф. Франке	52
Омирова Ватраіомахія, перел. г. Телегинымъ	18	Реестръ русскихъ книгъ и пр. И. Глазунова	53
Сказка о Царевичѣ Емельянѣ, его же	—	Библиотека для Воспитанія, отд. I, ч. IV.	—
Сочиненія штабс-капитана Телегина	—	Первонач. Руков. къ этимологіи греческаго языка, Б. Ордынскаго	54
Собраніе любимыхъ русскихъ пѣсень, изд. 2-е	19	Учебная Географическая Карта всей Россійской Имперіи, г. Алексѣева	—
Не люблю не слушай	—	Собраніе разсказовъ, анекдотовъ и пр. для переводовъ; изд. 4-е	55
Новый карманный французско-русскій словарь, Е. Ольдекопа; изд. 3-е, второе тисненіе	20	Краткая Всеобщая Географія, К. Р.	—
Записки Русскаго путешественника, А. Глаголева; изд. 2-е	22	Русская Азбука, А. Вороновой	—
Сводъ Постановленій о воспитаніи дѣтей, сост. И. Пушкиревымъ, изд. 3-е	—	Этимологическій Букварь, Я. Герда	—
Стихотворенія А. Струговщикова, кн. I	25	Елена, или добродѣтельное дитя.	—
На Соль Грядущій, гр. Соллогуба; т. II; изд. 2-е	29	Сельское Чтеніе, изд. кн. Олосскимъ и А. Заблоцкимъ; кн. 3-я	—
Романы Вальтера Скотта, т. III (Антикварій)	30	Русское Чтеніе, С. Глипки; вып. 3 и 4.	59
Сочиненія Державина; изд. Д. Штукина	31	Борьба Язычества и Христіанства, П. Морозова	—
Краткія Поученія свѣщ. Р. Пуяткина	42	Ученіе о жизни, И. Зацепина; ч. 2. Башня Веселуха, Ф. Ф. Э.	63
О существѣ, характерѣ и необходимости религіи, соч. Вольфа	43	Прощаніе. Стихотвореніе	—
		Репетиція на станціи, водевилъ	64
		Остроты и Анекдоты М. Сафира	—
		Одѣявшій Любоникъ, Польде-Кока	—

2) Книги, издаваемыя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:	
Idei Memoriales etc., а В. Wojciechowasky	23
Die Reichelsche Münzsammlung, ч. 5-я	—
Verzeichniss einer Münzsammlung.	—
Deutsches Lesebuch	24

VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

1) Англійская Литература: Сивилла, или двѣ націи, соч. д'Иррави.—Исторія принца Карла Стюарта, извѣстнаго подь именемъ «молодаго претендента»; съ описаніемъ возмущенія, бывшаго въ 1745 году, К. Ж. Клозе.—Жизнь лорда Гилла, соч. Э. Сиднея.—Правила и мнѣнія герцога Веллингтона, извлеченныя изъ его сочиненій и рѣчей въ продолженіи болѣе нежели пятидесятилѣтней государственной жизни, Г. Френсиса.—Военная Исторія Ирландцевъ, М. О'Коннера.—Исторія Завоеванія Мексики, Уильяма Прескотта.	1
--	---

2) Французская Литература: Антонио Перезъ и Филиппъ II, соч. Мишель.—Письма и инструкція Лудовика XVIII-го графу Сен-При, изд. Барантомъ.—Исторія Французскаго Флота, соч. Э. Сю.—Исторія Бернадота, соч. Саррана.—Полная исторія генеральныхъ штатовъ и представительныхъ собраній во Франціи съ 1302 по 1626 годъ; соч. А. Булле.—Исторія Фронды, соч. графа де-Сент-Олера	21
--	----

VIII. СМѢСЬ.

Біографія знаменитыхъ современниковъ:	
Генераль Джаксонъ	1
Баронъ Бозіо	57
Путешествіе въ парижскимъ декоративъ. Статья Жоржа Занда.	8
Военно-учебныя заведенія, подвѣдомственные Его Императорскому Высочеству, Главному Начальнику,—въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й. П. Н. Глѣбова	60

Самое романтическое приключеніе въ моей жизни. Повесть Бивали-офила Жакова.	78
---	----

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ.	
Французскій Театръ въ Парижѣ: Une Confidence, ком.—Les Sept Merveilles du Monde, обзорѣніе.— Le Premier Souper de Louis XV, вод.— Emile II, вод.	25

Ученыя Извѣстія.	
Публичныя лекціи сравнительной антропологій, г. Серра, профессора Парижскаго-Университета	28
Физиологическое отравленіе кровяныхъ шариковъ	38
Ископаемое пресмыкающееся животное	40
Новый островъ	41
Дѣйствіе угольной кислоты на известковую воду	—
Происхожденіе желѣзной болотной руды	42
Дѣйствіе магнетизма на всѣ тѣла.	44
Форма свѣтлосныхъ волнъ.	46
Выводы сравнительной антропологій.	117
Статистика Ирландіи по послѣдней ревизіи	122
Красное-Море	123
Уборка хлѣба въ дождливое время.	124
Козель-гермафродитъ	—
Происхожденіе горнаго хрустала, гидрофана и корнalina	125

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.	
Открытіе памятника Карамзину	106
Письмо учредителя Товарищества для распространенія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений къ редактору «Отеч. Записокъ». И. Великопольскаго	109
Советъ «Москвитяину».	116

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.	
Новѣйшія открытія, изобрѣтенія и наблюденія	47 и 126
Художественныя извѣстія	—
Театральныя и музыкальныя извѣстія	51
Хозяйственныя замѣтки.	52 и 125
Мелочи	52 и 129
Моды (съ двумя парижскими картинками).	—

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА БИБЛИОТЕКЪ
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

Я. А. ЖСАРОВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостинномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
COLLECTION INTEGRALE et universelle des orateurs sacrés du premier et du second ordre, et Collection choisie de la plupart des orateurs du 3-e ordre. Tomes 1 à 12 in 4 à 2 colon. Paris. 1844-45. L'ouvrage aura 50 vol. au prix de	1 70	DES CAUSES DES MIGRATIONS DE DIVERS ANIMAUX, et particulièrement des oiseaux et des poissons, par Marcel de Serres. Un vol. 8. Paris. 1845	2 85
HISTOIRE Chronologique et dogmatique des conciles de la Chrétiénté, depuis le concile de Jerusalem, tenu par les apôtres l'an 50, jusqu'au dernier concile par Roisselet de Sauclières. Tome 1 et 2 in 8. Paris. 1845.	4 30	LEÇONS SUR LES PHÉNOMÈNES PHYSIQUES ET CHIMIQUES des corps vivants, professées à Pise en 1844, par Matteucci. Un vol. in 8. Paris. 1845.	1
DES TRIBUNAUX DE COMMERCE, des commerçans et des actes de commerce, par Nougier. 3 vol. in 8. Paris 1845.	6 85	MAISON RUSTIQUE DES DAMES, par M-me Millet. 2 vol. in 12. Paris. 1845.	2
PRÉCIS HISTORIQUE SUR LES CODES FRANÇAIS, accompagné de notes bibliographiques, françaises et étrangères, sur la généralité des codes etc. par Seruzier. Un vol. 8. Paris. 1845.	1	TRAITÉ DE JARDINAGE en pleine terre, en orangerie, en serre froide ou chassiss, par Adanson. Un vol. 12. Paris. 1845.	1
LES CARACTÈRES DE THEOPHRASTE, trad. du Grec, avec les caractères ou les moeurs de ce siècle par Labruyère. 1-e édition complète avec notes et remarques, publiée par le Baron de Walckenaer. Un fort vol. 8. Paris. 1845.	2 15	L'HOMŒOPATHIE appliquée aux maladies des femmes, par Dulac. Brochure. 1845	25
HISTOIRE DE L'ÉCONOMIE POLITIQUE, depuis les anciens jusqu'à nos jours, 3-e édition, par Blanqui. 2 vol. 12. Paris. 1845	1 70	ÉTUDES D'OCULISTIQUES, par Guépin, Un vol. 8. Paris. 1845.	1
DE L'AIR, considéré sous le rapport de la salubrité, par Bobierre, in 18. Paris. 1845.	20	TRAITÉ DE LA SYPHILIS, par Hunter, trad. de l'anglais par Richelot et annoté par Ricord. Un gros vol. 8. avec 9 pl. Paris. 1845.	2 57
		DES FALSIFICATIONS des substances alimentaires et des moyens chimiques de les reconnaître, par M. M. Garnier et Harel. Un vol. 12. Paris. 1844	1 25
		COURS DE GEOMETRIE DESCRIPTIVE, 2-e partie. Des courbes et des surfaces courbes, etc. et en particulier des sections coniques et des surfaces du second ordre, par Th. Olivier. Un vol. in 4. avec 96 plan. Paris. 1845	5 70

P. K.		P. K.
	MÉMOIRES SUR LE SERVICE D'ARTILLERIE , spécialement sur le meilleur mode de chargement des bouches à feu, par le général Baron de Corda. Un vol. in 8. Paris. 1843	
2 15	RECHERCHES SUR LES EQUIPAGES de ponts militaires en Europe, et Essai sur tout ce qui a rapport à l'amélioration de ce service, par Birago, trad. de l'allemand. Un vol. in 8. avec pl. Paris. 1844.	
2 15	RECUEIL SUR LES RECONNAISSANCES MILITAIRES , d'après les auteurs les plus estimés, formant un traité complet sur la matière par Corréard. Un vol. 8. avec atlas folio. Paris. 1845.	
4 30	DES CHEMINS DE FER en France et des différents principes appliqués à leur tracé, à leur construction et à leur exploitation, par Lobet. Un gros vol. 12. avec planches. Paris. 1845.	
1 40	RECHERCHES SUR LE MOUVEMENT UNIFORMÉ DES EAUX dans les tuyaux de conduite et dans les canaux découverts, en ayant égard aux différences de vitesse des filets, par Sonnet. Un vol. in 4. Paris. 1845	
1 15	LES DEUX FOUS . Histoire du tems de François I. par Jacob. Un vol. gr. in 8. orné de 12 grav. Paris. 1845.	
2 80	OEUVRES CHOISIES DE GAVARNI , revues, corrigées et nouvellement classées par l'auteur, publiées dans le format du Diable à Paris. le vol. à 2p. 80k.	
	LE MECANICIEN - CONSTRUCTEUR , ou Atlas et description des organes des machines par	
	Leblanc. 25 planches avec le texte in 4. Paris. 1845.	2
	ENRICHISSEMENT DE LA LANGUE FRANÇAISE . Dictionnaire de mots nouveaux, par Richard et Radonvilliers. 2 vol. 8. Paris. 1845.	3
	LA FRANCE AU TEMS DES CROISADES , ou recherches sur les moeurs et coutumes des français au 12 et 13 siècles, par le Vicomte de Vaublanc. 2 vol. in 8. Paris. 1845.	4 50
	INTRODUCTION A L'HISTOIRE DU BUDDHISME INDIEN , par Burnouf, tome 1- ^r in 4. Paris. 1845.	8 50
	ANTONIO PEREZ ET PHILIPPE II , par Mignet. Un vol in 8. Paris. 1845.. . . .	1 70
	VOYAGE SCIENTIFIQUE dans l'Altaï oriental et les parties adjacentes de la frontière de Chine, fait par ordre de S. M. l'Empereur de Russie, par Tchihatcheff. Un vol. in 4. avec un atlas in folio. Paris. 1845	43
	LA TRANSILVANIE ET SES HABITANS , par DeGerando. Tome 1- ^r in 8. Paris. 1845.	2 25
	ANNUAIRE-HISTORIQUE et Biographique de Souverains, des chefs et membres des maisons princières, familles nobles ou distinguées. 2 gros vol. gr. in 8. Cartoné, doré sur tranche. Paris. 1844—45	42
	ZAMBOLA l'Indien , ou Londres à Vol d'Oiseau, par Arago. 4 vol. in 8. Paris. 1845	8
	VOYAGE ATOUR DE MONJARDIN , par Alph. Karr. tome 2. Bruxelles. 1845.	60

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

У М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ-Проспектѣ, противъ Малой-Морской,
въ домѣ Паскаля № 11.

Школы для фортепьяно.

	Серебромъ	Р.	К.
ВЕРТИН. Н. Méthode complète et progressive de piano. Vollständige Pianoforte-Schule.	12	85	
— La même en trois suites, chaque à	4	58	
СТАМЕР. J. V. Neue praktische Piano-Schule. Neue Ausgabe.	1	72	
— Conseils à mes élèves. Nouvelle méthode complète de piano, suivie de 42 morceaux élémentaires et de 24 Etudes peciales nouvelles et progressives.	5	15	
КРАМЕРА. Фортепьянная Школа или полная практическая метода учения на фортепьяно. Новое издание.	2	85	
ЧЕРНИ. Лучшій фортепьянный учитель или новѣйшая школа нынѣшней игры на фортепьяно. Переводъ съ нѣмецкаго.	2	.	
ДУВЕРНОУ. A B C du pianiste. Nouvelle méthode élémentaire pour le piano. in 8°.	2	.	
ГЮНТЕНА. Школа для фортепьяно на русскомъ и французскомъ языкахъ. Новѣйшее издание.	4	.	
— Эта самая въ двухъ частяхъ. Часть 1-я 2 р. 50 к.; Часть 2-я 2 р.	4	50	
НЮНТЕН. F. Méthode de piano. op. 60. Nouvelle édition, revue augmentée de morceaux progressifs et d'Exercices nouveaux avec la traduction russe	4	.	
HERZ. H. Méthode complète de piano. Vollständige Clavierschule op. 100	10	29	
KALKBRENNER. F. Méthode de piano. Pianoforte-Schule.	6	85	

Танцы для фортепьяно.

BECKEL. Amazonen-Galop. Nouvelle Edition.	50	
BERNARD. M. Contredanses francaises d'après l'Elisir d'amore.	60	
— Paulinen-Walzer, d'après l'air de Balfe.	60	
BURGMÜLLER. F. Polka cotillon, dansée au théâtre Alexandra.	75	
CANTHAL. A. Polka militaire.	40	
DOHNLER. Th. La Carlotta Elisa. Deux Polkas, каждая по	50	
GUNG' L. Joh. Catharinen-Polka. op. 1.	30	
— Mädchen-Träume. Walzer. op. 3.	75	
— Ein Sträuschen. Walzer. op. 5.	75	
— Vive la danse! Walzer. op. 7.	75	
— Proteus polka. op. 8.	30	
— Faschingstreiche. Galop. op. 9.	40	
— Heiter auch in ernster Zeit. Walzer. op. 10.	75	
GUNG' L. Jos. Ton-Mährchen. Walzer. op. 17.	75	
— Erlanger Jubiläums-Walzer. op. 32.	85	
— Paulinen-Polka. op. 37.	43	
— Mein erster Walzer in Berlin. op. 39.	85	
— Une fleur de danse. Galop. op. 40.	43	
— Gazellen-Polka. op. 41.	30	
HAUSER. M. Sophien-Polka.	30	
KAZINSKY. V. Loisa-Polka.	50	
LAVITSKY. F. Bedford-Walzer. op. 108	58	
— Die Orientalen. Walzer. op. 109.	85	

LADITZKY. Themis-Festklänge. Walzer. op. 110.	85
— Gruss an Prag. 3 Polkas. op. 111.	70
— Militair-Galop. op. 112.	43
— Steinhof-Quadrille. op. 113.	57
— Burlington-Walzer. op. 114.	85
OSSIPOFF. V. Souvenir des artistes de l'opéra italien à St.-Petersbourg. Contredanses francaises.	60
STRAUSS. J. Ferdinand-Quadrille. op. 151.	60
— Frohsinns-Salven. Walzer. op. 163.	85
— Aurora-Festklänge. Walzer. op. 164.	85
— Fest-Quadrille. op. 165.	60
— Rosen ohne Dornen. Walzer. op. 166.	85
— J. Wiener-Früchteln. Walzer. op. 167.	85
— Willkommen Rufe. Walzer. op. 168.	85
— Masken-Lieder. Walzer. op. 170.	85
— Eunomien-Taenze. op. 171.	85
— Odeon-Tänze. op. 172.	85
— Marianka-Polka. op. 173.	30

Для пѣнія русскаго.

АЛИБЕВА. Цвѣтокъ. Романсъ.	40
БАХМЕТОВА. Цыганенокъ. Романсъ.	40
ДЕРФЕЛЬТА. И я узналъ печаль разлуки. Романсъ.	40
ГУРИЛЕВА. Матушка голубушка. Пѣсня.	40
— Воспоминаніе. Романсъ.	40
ТОЛСТОЙ. Русалка. Романсъ.	40
ВАРЛАМОВА. Тяжело, не стало силы. Романсъ.	40
— Звѣздочка ясная. Романсъ.	40
К*** Н. П. Т. Жалоба. Романсъ.	40
БЕРНАРДА. Ольга дочь изгнанника. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ: — Романсъ для сопрана: «Ах ты доля моя доля».	60
— Каватина для басса: «Когда-то все мнѣ улыбалось».	60
— Хоръ дѣвѣцъ для одного голоса: «Что не въ садѣ яблочко».	40

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.* получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.* пользуются означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодой этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла перваго октября десятая тетрадь Музыкальнаго Журнала «*НУВЕЛИСТЪ*», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Laskowsky*, Mazurka (inédite).—*Döhler*, Barcarolle—*Siering*, Chant sans paroles—*Czerny*, Chanson de printemps — *Wolff*, La Mélanie, Valse — *Бахметова*, Моему идеалу, Романсъ (inédite). — *Masini*, Romance nouvelle. — Музыкально-Литературное Прибавленіе № 10.

Годовая подписка 10 руб. сер. Съ перевылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ.

Здѣсь же на-дняхъ получены изъ Италіи превосходныя струны для скрипки, віолончеля, гитары и проч.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

УЧЕБНЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА БИБЛІОТЕКЪ
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

М. А. ИСАКОВИ.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
UVRES COMPLÈTES DE ST. CYRILLE, trad. du grec sur l'edition du P. Touttée, avec les notes historiques et critiques, par A Faivre, 2 vol. in 8. Paris. 1844	3 40	par L. Peisse. 3 vol. in 12. Paris. 1845.	2 85
ISTOIRE GÉNÉRALE DE LA REFORMATION, par Morisson, trad. de l'anglais par Burnier. Un vol 8. Paris. 1845.	1 10	MANUEL DES SALLES D'ASILE, par Cochin. 3 édit. Un gros vol. in 8. Paris. 1845	1 70
U MARIAGE. Examen comparatif des principes qui le régissent. Suivant le code civil français, le droit romain, le droit canonique et les législations des états modernes, par Duchesne. Un vol. in 8. Paris 1845.	2 30	DISCOURS, rapports et travaux inédits sur le concordat de 1801, et sur diverses questions de droit public concernant la liberté des cultes, par Portalis. Un vol. in 8. Paris. 1845	2 30
REGLES INTERNATIONALES et diplomatie de la mer, par Ortolant. 2 vol. 8. Paris. 1845	4	DE L'ADMINISTRATION DE LA FRANCE, ou Essai sur les abus de la centralisation, par Bechard. 2 vol. in 8. Paris. 1845.	4
TRAITÉ GÉNÉRAL DU DROIT ADMINISTRATIF expliqué, ou exposé de la doctrine et de la jurisprudence concernant l'exercice de l'autorité etc., par Dufour. 4 forts vol. 8. Paris. 1845	9	ELEMENS DE L'ECONOMIE POLITIQUE, par Garnier. Un vol. in 12. Paris. 1845.	1
DE LA COMPÉTANCE et de la procédure des tribunaux de commerce. — Traité de la juridiction commerciale, par Orillard. Un vol. in 8. Paris. 1845.	2 30	L'ASSOCIATION DOUANIÈRE ALLEMANDE, par Richelot. Un vol. 8. Paris. 1845	2 15
MANUEL DE L'INGENIEUR CIVIL, ou traité sur l'application directe des sciences aux arts et manufactures. 2 vol. in 18, avec atlas. Paris. 1845.	3	DICTIONNAIRE DU CONTENTIEUX commercial, etc. avec un supplément, contenant la législation et la jurisprudence jusqu'en 1845, par MM. Deville-neuve et Massé. Un gros vol. gr. in 8. Paris. 1845.	5 70
ELEMENS DE LA PHILOSOPHIE de l'Esprit humain, par Dugald Stewart. Trad. de l'anglais, revue, corrigée et complétée,		ELEMENS DE PHYSIQUE expérimentale et de météorologie, par Pouillet. 4-e édit. 2 gros vol. in 8. Paris. 1844.	4 60
		PRODRONUS systematis naturalis regni vegetabilis, par Decandolle. Tome 9-me. in 8. Paris. 1845.	4 55
		NOUVEAU GUIDE FORESTIER, ou traité sur la culture et l'amélioration des bois et forêts, par Breton. Un vol. in 18. Paris. 1845.	85

MANUEL PRATIQUE DE PHRÉNOLOGIE, ou physiologie du cerveau d'après les doctrines de Gall, de Spurtzheim, de Combe et des autres phrénologistes, par Fossati. Un vol. 12. Paris. 1845 1 70

MANUEL pratique des maladies des nouveau-nés et des enfants à la mamelle, par Bouchut. Un vol. 12. Paris. 1845 1 30

HYGIÈNE OCULAIRE, ou conseils aux personnes dont les yeux sont faibles et d'une grande sensibilité, etc., par Reveillé-Parise. Un vol. in 12. Paris. 1845. 43

COURS DE CHIMIE, à l'usage des élèves de l'école spéciale militaire de St. Cyr, par Colin 4e édition. Un gros vol. 8. Paris. 1845 2 30

THÉORIE DES COURBES et des surfaces du second ordre, ou traité complet d'application de l'algèbre à la géométrie, par Boucharlat. 3e édit. Un vol. in 8. Paris. 1845 2 57

REFLEXIONS sur les principes fondamentaux de la théorie des nombres, par Poincot. Un vol. in 4 Paris. 1845 2 30

MOYEN D'INFLAMMER LA POU-DRE sous l'eau à toutes les profondeurs, sans feu, par le seul contact de l'eau, par Serullas. in 8 brochure. Paris. 1845. 50

TABLES BALISTIQUES générales pour le tir élevé, par Otto. Trad. de l'allemand, par Rieffel. Un vol. 8. Paris. 1845 2 15

THÉORIE MATHÉMATIQUE du tir à ricochet, suivie de tables pour les application de ce-tir, par Otto. Trad. de l'allemand, par Rieffel. Un vol. 8. avec plan. Paris. 1845 1 70

DICTIONNAIRE DE L'ARCHITECTURE du moyen-âge, contenant tous les termes techniques, pour faire ou comprendre les descriptions des monuments,

par Bertz. Un vol. in 8 érudité par plus de 280 vignettes sur bois. Paris. 1845 2 3

SCÈNES, PAYSAGES, MŒURS ET COSTUMES DU CAUCASE, dessinés d'après nature, par le prince G. Gagarine. Dedié à sa Majesté NICOLAS Ier Empereur de toutes les Russies. Livrais Ire de 6 planches in folio, coloriées. Paris. 1845. La collection aura 48 livrais. à 4 23

PHYSIONOMIES des principaux personnages du Juif Errant, dessinés par H. Leloir. 12 pl. in folio, coloriées. Paris. 1845. -Cart. 5

LES MYSTÈRES DE PARIS. Recueil des Scènes les plus intéressantes, dessin par J. David. 10 pl. in folio, coloriées. Paris. 1845. Cart. 10

VERSAILLES ANCIEN ET MODERNE, par le comte A. de Laborde. Un vol gr. 8 de 516 pages orné de plus de 800 gravures. Paris. 7

L'UNIVERS PITTORESQUE. L'Inde, par Dubois de Jancigny et X. Raymond. Un vol. in 8 à 2 colon. orné de 48 planches. Paris. 1845. 1 70

ФРАНЦУЗСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ ТЕХНИЧЕСКИХ НАЗВАНІЙ, употребляемыхъ въ артиллеріи и въ наукахъ, искусствахъ и ремеслахъ, до нея относящихся. Составленный полковникомъ Рѣвскимъ. Въ одной книгѣ. 1845 2 50

LE JUIF ERRANT. — Recueil des Scènes les plus intéressantes inspirées de l'ouvrage, 6 planches in folio, coloriées. Paris. 1845. Cart. 8 50

LES JUIFS DANS LE MOYEN-ÂGE. Essai Historique sur leur état civil, commercial et littéraire, par Depping. Un vol. in 8. Paris. 1845 1 15

Печатать позволено, 27 августа 1845. Старшій цензоръ Рочевъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

У М. БЕРНАРДА,

На Певскомъ-Проспектѣ, противъ Малой - Морской,
въ домѣ Паскаля № 11.

Новыя пьесы для скрипки.

Серебрянъ Р. К.

АЛТОТ. F. Grande fantaisie sur l'hymne: Боже Царя храни! pour violon avec acc. de piano. op. 11.	2	.
— Concerto pour le violon avec acc. de gr. Orchestre. op. 18 . . .	6	85
— Idem avec acc. de piano. op. 18	2	85
— Grande fantaisie sur des motifs de Robert le diable avec acc. de piano op. 19.	2	.
BAZZINI. A. Le départ, le retour. Deux morceaux de Salon avec acc. de piano. op. 12.	1	72
— Grand Allegro de concert avec acc. de piano. op. 15.	2	85
DANCLA. Ch. 5-e Air varié avec acc. de piano.	1	72
DAVID. F. Andante et scherzo capriccioso avec acc. d'Orchestre. op. 16.	4	.
— Idem avec acc. de piano. op. 16.	1	72
— 3-me Concerto pour le violon avec acc. d'Orchestre. op. 17.	6	29
— Idem avec acc. de piano op. 17.	3	15
— Variations de Concert sur un thème original avec acc. d'Orchestre. op. 18.	3	85
— Idem avec acc. de piano. op. 18.	1	72
GERKE. O. Premier Concerto avec acc. d'Orchestre. op. 28	6	.
— Idem avec acc. de piano. op. 28.	3	43
GHYS. F. 6-me Air-varié avec acc. de piano. op. 26.	1	29
IANSA. L. Souvenir d'Amitié. Adagio et Ronde avec acc. d'Orchestre. op. 69.	3	43
— Idem avec acc. de piano op. 69.	1	43
LOUIS. N. L'amitié. Fantaisie brillante pour deux violons avec acc. de piano op. 140.	1	72
MENDELSSOHN-BARTHOLDY. F. Grand Concerto pour le violon avec acc. d'Orchestre. op. 64.	6	85
— Idem avec acc. de piano. op. 64.	3	43
ПАНОВКА. H. Fantaisie de Concert pour le violon avec piano sur des motifs du « Desert » de Felicien David. op. 55.	1	72
PRUME. F. Grande Polonaise brillante avec acc. d'Orchestre. op. 5.	5	15
— Idem avec acc. de piano. op. 5.	2	29
— Air militaire varié avec acc. de piano. op. 6.	1	72
SACHSE. R. Introduction et Variations sur un thème de la fille du Régiment de Donizetti avec acc. d'Orchestre. op. 5.	3	43
— Idem avec acc. de piano. op. 5.	1	72
SERVAIS et GHYS. Variations brillantes et concertantes pour violon et Violoncelle sur l'air « God save the King ». op. 38.	2	.
VIEUXTEMPS. H. Six Etudes de Concert avec acc. de piano. op. 16.	2	58

Новыя пьесы для одного фортепьяно.

ALKAN. C. V. le Desir, Impromptu.	60
BERNARD. M. Chant du malheureux. Nocturne.	50
BERTINI. H. Fantaisie sur la fille du regiment de Donizetti. op. 128	1	15
— Fantaisie sur les martyrs de Donizetti. op. 129	1	15
BURGMÜLLER. F. Fantaisie et Valse sur Lambert Simnel de Monpou. op. 86.	1	15
— Cagliostro, valse populaire. op. 87.	85
— Première Mazurka en forme de rondo.	1	.

	P.	R.
BURGMÜLLER F. Valse dramatique sur Richard en Palestine d'Adam.	1	15
— Les yeux bleus, grande valse brillante.	1	85
CHOPIN. F. Berceuse. op. 57.	2	58
— Grande Sonate. op. 58.		
CZERNY. Ch. Musée de la jeunesse pianiste. Collection de huit morceaux faciles et brillants. od. 750 № 1 à 8 chaque à	1	58
DAVID. F. Brises d'Orient. Six cahiers de mélodies № 1 à 6 chaque à	1	15
— Pensée. Mélodie.	1	30
DÖHLER. Th. Andante sur une romance de Dom Sebastien. op. 54.	1	43
— Deuxième ballade. op. 55.	1	15
— Douze romances sans paroles. op. 57. Cah. 1 à 4.	6	30
— Deux polkas favorites. Carlotta et Elisa.	1	
FESCA. A. Fantaisie sur l'opéra Marade Netzer. op. 41.	1	
HELLER. St. Scènes pastorales. op. 50. Liv. 1, 2.	1	85
HENSELT. A. Chanson de printemps. op. 15.	1	
— Das ferne Land. Romance transcrite.	1	43
HERZ. H. Fantaisie et variations sur la Sirène d'Auber. op. 140.	1	72
— Les ramiérs. Deux Valses de Lanner, variées. op. 142.	1	75
— Les plaisirs de l'Allemagne. Valses de Strauss variées. op. 144.	1	43
HÜNTEN. F. Variations brillantes sur la Polka nationale. op. 135.	1	15
— Fantaisie arabe sur l'air Kradoudja. op. 136.	1	15
KULLAK. Th. Carnaval de Venise de Paganini et Ernst avec 18 meta- morphoses.	1	43
— Grande fantaisie de caprice. op. 19.	2	
LECARPENTIER. A. Les hirondelles de David, variées. op. 101.	1	
MAYER. Ch. Air italien, varié op. 76.	1	15
— La gentille. Valse favorite	1	50
MEYER. (Leopold), Machmudier, air guerrier des Turques. op. 22.	1	15
— Bajazeth, Air national des Turques. op. 23.	1	15
— Marche triomphale d'Isly. op. 30.	1	29
— Carnaval de Venise. op. 31.	1	15
— Fantaisie sur l'opéra Elisire d'amore. op. 32.	1	72
— Fantaisie orientale sur deux thèmes arabes. op. 38.	1	72
— Fantaisie sur les hirondelles de David. op. 41.	1	43
ROSKELLEN. H. Fantaisie brillante sur la Juive d'Halevy. op. 71.	1	43
— Marche de la caravane de l'ode-symphonie de David. Rondo arabe. op. 72	1	72
— Fantaisie élégante sur les Puritains de Bellini. op. 73.	1	43
THALBERG. S. Grand caprice sur l'apothéose de Berlioz. op. 58.	2	
— Barcarolle. op. 60.	1	43
WILLMERS. R. le Papillon, Impromptu.	1	15

Выписывающие нотъ на суммѣ не менѣе *трехъ руб. сер.* получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающие на *пятнадцать руб. сер.* пользуются означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодой этой пользуются только особы, которые обратятся съ своими требованіями *непосредственно* въ магазинъ *М. Бернгарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла перваго сентября десятая тетрадь Музыкальнаго Журнала «НУВЕЛИСТЪ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Rosellen*, Fantaisie élégante sur les Puritains. op. 73. — *Mayer*, Nocturne — *David*, Marche de la caravane de l'ode-symphonie - le Desert. — *Mazurka à la Polka* — *Варламовъ*. Звѣздочка ясная, Романсъ. — *Masini*, Romance. — Музыкально-Литературное Прибавленіе № 9.

Годовая подписка 10 руб. сер. Съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ.

Здѣсь же на-дняхъ получены изъ Италіи превосходныя струны для скрипки, виолончели, гитары и проч.

ОБЪ ИЗДАНИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ВЪ 1846-МЪ ГОДУ.

=

Съ 1845 годомъ оканчивается *седьмой* годъ изданія «Отечественныхъ Записокъ», — и редакція въ шестой разъ должна начать объявленіе свое — благодарностью, полною, глубокою благодарностью публикѣ за вниманіе къ ея журналу. Успѣхъ «Отечественныхъ Записокъ», какъ извѣстно, возрасталъ съ каждымъ годомъ и наконецъ нынче достигъ до такой степени, какой едва-ли достигалъ успѣхъ какого-нибудь другаго русскаго журнала. Въ прошломъ году число желавшихъ читать «Отечественныя Записки» было такъ велико, что въ первые три мѣсяца разобраны были всѣ экземпляры, и редакція принуждена была приступить ко второму изданію первыхъ трехъ книжекъ. Этотъ опытъ заставилъ ее въ нынѣшнемъ году печатать «Отечественныя Записки» въ несравненно-большемъ числѣ экземпляровъ, нежели въ какомъ печатались онѣ прошлаго года, — и это число теперь оказывается недостаточнымъ: въ редакціи *нѣтъ уже ни одного экземпляра* «Отечественныхъ Записокъ» 1845-го года, и поступающія до сихъ-поръ требованія на этотъ журналъ, не смотря на все желаніе редакціи удовлетворить ихъ, — должны остаться неудовлетворенными. Въ будущемъ году она постарается принять мѣры къ избѣжанію подобнаго отказа — неприятнаго ни для нея-самой, ни для читателей; но вмѣстѣ съ тѣмъ просить желающихъ имѣть ея журналъ въ 1846-мъ году объявлять свои требованія заблаговременно, чтобъ она имѣла возможность до наступленія новаго года

распорядиться касательно печатанія потребнаго числа экземпляровъ. Требования эти должны быть адресованы именно *только въ тѣ мѣста*, которыя назначены ниже, въ «Условіяхъ Подписки».

Въ вышедшихъ до-сихъ-поръ девяти книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ» читатели видѣли *четыре* романа: г. Панаева (въ двухъ частяхъ), Шарля Бернара (въ трехъ частяхъ), Жоржа Занда (въ двухъ частяхъ), и Александра Дюма (въ шести частяхъ), которые, слѣдственно, составили бы *тринадцать* томовъ, еслибъ изданы были отдѣльно въ обыкновенномъ форматѣ; сверхъ-того, повѣсти и рассказы: г-жи Жуковой, гг. Побѣдоносцева, Гоборилина (псевдонимъ) и Сто-Одного (псевдонимъ), Альфреда Леру, Жоржа Занда, Фабра д'Оливѣ, Леона Гозлана и Поля Мюссѣ.

Въ отдѣлѣ Наукъ, въ нѣсколькихъ статьяхъ, представлены были цѣлыя многотомныя творенія, имѣющія интересъ современной новости, напр. «Консульство и Имперія», соч. Тьера, «Англійская Индія въ 1843-мъ году», Эдуарда Варрена, и послѣднія статьи «Реформація», сокращенныя изъ обширнаго сочиненія Ранке. Сверхъ-того, образованная публика, вѣроятно, обратила вниманіе на «Письма объ изученіи природы» г-на Искандера (псевдонимъ), который, подъ этимъ скромнымъ названіемъ, представляетъ краткій очеркъ исторіи философіи съ современной точки зрѣнія: письма эти будутъ продолжаемы и въ 1846-мъ году. Далѣе, вѣроятно, съ любопытствомъ прочтены были статьи: извѣстнаго нашего археолога Д. И. Языкова «Коронованіе Императрицы Екатерины I-й», — М. С. Волкова «Животный Магнетизмъ», — г. Кутузова «Воспоминаніе о генерал-фельдмаршалѣ графѣ Румянцовѣ-Задунайскомъ», — «И. А. Крыловъ», и «Алтай, естественная исторія его, копи и жители». Къ этому же отдѣлу могутъ быть отнесены обширныя статьи, помѣщаемыя въ отдѣлѣ Иностранной Литературы и сокращаемыя изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій, какъ напр.: «Матеріалы для исторіи первыхъ поселеній въ Соединенныхъ-Штатахъ», «Политическая жизнь Германіи передъ революціей», соч. Пертеса, «Народы Южнаго-Моря и Христіанство», «Теодоръ Нейгофъ, король Корсики» и «Завоеваніе Мехики», соч. Прескотта. Сюда же принадлежитъ и множество мелкихъ статей, печатаемыхъ въ отдѣлѣ Смѣся, подъ именемъ «Ученыхъ Извѣстій» и содержащихъ въ се-

бъ свѣдѣнія о новѣйшихъ открытіяхъ преимущественно по части наукъ естественныхъ. — Отдѣлъ «Біографіи Знаменитыхъ Современниковъ» въ Сибѣи, по-прежнему, продолжалъ доставлять матеріалы для современной исторіи—ученой, литературной и политической: въ девяти книжкахъ нынѣшняго года напечатаны біографіи Теодора Гука, Талейрана, Берцеліуса, Круга, Мартинеса де-ла-Розы, лорда Брума, Тончи, Беранже, Шлегеля, Эспартеро и генерала Джаксона.

Въ отдѣлъ Сельскаго Хозяйства и Промышленности помѣщено обширное сочиненіе: «Почва; происхожденіе ея, улучшеніе физическое и химическое; удобреніе и унавоживаніе: унавоживаніе сѣмень», и сверхъ-того, статьи г. Майера о лѣсоводствѣ, г. Владимірскаго — хозяйственные опыты и наблюденія, и г. Бороздина: «Сибирское Золото и способы его добыванія».

Въ отдѣлъ Критики и Библиографической Хроники, по-прежнему, помѣщались цѣлые трактаты по поводу замѣчательнѣйшихъ изъ новыхъ русскихъ книгъ и подробные разборы книгъ не столь-замѣчательныхъ. До-сихъ-поръ разсмотрѣно нами до 350 книгъ, появившихся въ Россіи въ 1845 году. И въ этомъ году, какъ и въ шести прежнихъ, редакція осталась вѣрна своимъ убѣжденіямъ, своему направленію. Эта неизмѣнность убѣжденій и единство направленія, особенно въ статьяхъ Критики и Библиографической Хроники, не смотря на то, что статьи эти пишутся разными лицами, можетъ служить доказательствомъ, что редакція обоснована твердо, и что журналъ получилъ свой характеръ не случайно, но въ слѣдствіе хорошо-обдуманнаго плана и долговременныхъ приготовленій.

Относительно будущаго года повторимъ то же, что говорили всегда, приступая къ новому годовому изданію: хуже не будетъ, а лучше—можетъ быть. Читатели видѣли, что это «можетъ быть» всегда превращалось въ дѣйствительность. Такъ, надѣемся, будетъ и въ 1846 году. Можемъ обвѣщать только ту же дѣятельность, тотъ же трудъ и усердіе, которыхъ представителями могутъ служить *сорокъ-два тома «Отечественныхъ Записокъ»*, изданные съ 1839 года.

Такъ-какъ духъ, направленіе и цѣль журнала останутся прежніи, то и весь журналъ будетъ издаваться по пре-

жней, уже известной программъ (*). По-прежнему также общаемъ мы въ каждой книжкѣ *отъ 20 до 25 листовъ* того же формата, въ которомъ нынѣ издаются «Отечественныя Записки». Эти листы, какъ известно, равняются 40—50 *листамъ* обыкновенной печати; но, по-прежнему, не отрекаемся отъ права въ случаѣ надобности увеличивать и это число листовъ, какъ увеличивали до-сихъ-поръ.

(*) I. *Словесность. Проза и Стихотворенія.*—Статьи этого отдела суть — или сочиненія русскихъ литераторовъ, или переводы изъ лучшихъ иностранныхъ писателей: романы, повѣсти, драмы, статьи о нравахъ и другія прозаическія сочиненія. Въ каждой книжкѣ будутъ, по крайней-мѣрѣ, двѣ статьи въ этомъ родѣ, а иногда и болѣе.—Въ этомъ же отдалѣ будутъ помещены *иногда* и стихотворенія.

II. *Науки и Художества.* Статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, какъ то: философіи, исторіи, географіи, статистикѣ, наукамъ политическимъ, военнымъ, медицинскимъ, и проч. Статьи по части теоріи словесности и исторіи художествъ. Извѣстія о новѣйшихъ произведеніяхъ искусствъ въ Россіи и Европѣ.

III. *Современная Хроника Россіи.* Обзоръ нынѣшняго состоянія разныхъ частей государственнаго управленія, извлеченный изъ обнародованныхъ отъ правительства постановленій, отчетовъ и извѣстій, помещаемыхъ въ оффиціальныхъ журналахъ.

IV. *Домоводство, Сельское Хозяйство и Промышленность* вообще. Нынѣшнее состояніе сельскаго хозяйства, фабричныхъ производствъ и способы къ развитію и усовершенствованію этихъ источниковъ государственнаго богатства Россіи.

V. *Критика.* Статьи по поводу важнѣйшихъ сочиненій, появляющихся на русскомъ и иностранныхъ языкахъ и заслуживающихъ вообще вниманіе, или важныхъ по содержанію своему и по вліянію на ходъ русской литературы, равно какъ на успѣхи просвѣщенія вообще.

VI. *Библиографическая Хроника.* Отчеты о вновь-выходящихъ русскихъ книгахъ. Въ этихъ краткихъ отчетахъ показано будетъ, по крайней-мѣрѣ, содержаніе каждой разсматриваемой книги, которое можетъ служить основаніемъ сужденію, о ней произнесенному. Такому разсматриванію подвергнутся всѣ новыя русскія книги, какія только появятся въ книжныхъ лавкахъ.—Библиографическія и журнальныя извѣстія.

VII. *Иностранная Литература.* Обзоръ новѣйшихъ произведеній германской, англійской, французской и другихъ литературъ. Обзоръ иностранныхъ журналовъ, съ указаніемъ на замѣчательнѣйшія статьи ихъ.

VIII. *Смѣсь.* Біографіи знаменитыхъ современниковъ. — Новости ученыхъ, или засѣданія ученыхъ обществъ въ Россіи и чужихъ краяхъ.

Тѣхъ читателей, которые какъ-то замѣтили намъ, что статьи въ отдѣлѣ Домоводства, Сельскаго Хозяйства и Промышленности преимущественно относятся къ двумъ послѣднимъ предметамъ, а домоводство, или *домостроительство*, оставляется какъ-бы въ забвеніи,—имѣемъ честь извѣстить, что съ будущаго года этотъ отдѣлъ сдѣлается гораздо-разнообразнѣе, что статьи по означеннымъ двумъ предметамъ будутъ многочисленнѣе, и что Домостроительство принимаетъ въ исключительное свое завѣдываніе знаменитый докторъ *Пуфъ*, пріобрѣтшій себѣ, въ-продолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, громкую извѣстность умными, живыми и дѣльными статьями своими. Дѣйствительно, талантливый авторъ, скрывающійся подь именемъ «доктора Пуфа, профессора всѣхъ наукъ и многихъ другихъ», обладаетъ неподражаемымъ даромъ—говоря о предметахъ повидимому незначительныхъ, часто ничтожныхъ, высказывать подь юмористическою формою глубокія истинны, которыя пригодятся всякому въ быту семейномъ и общественномъ. Мы увѣрены, что даже тѣ изъ читателей нашихъ, которые равнодушны къ хозяйству и промышленности вообще, обратятъ вниманіе на статьи почтеннаго доктора, отличающіяся, сверхъ-того, и литературнымъ достоинствомъ.

Парижскія картинки модъ, прилагавшіяся къ «Отечественнымъ Запискамъ» въ нынѣшнемъ году, снискали себѣ всеобщее одобреніе; насъ увѣряли даже, будто нѣкоторымъ эти картинки такъ понравились, что къ концу года они намѣреваются переплестъ ихъ отдѣльно и такимъ-образомъ составить альбомъ изящнѣйшихъ гравюръ. Картинки эти, доставлявшіяся намъ въ нынѣшнемъ году г-мъ Оберомъ, издателемъ парижскаго моднаго журнала «*Les Modes Parisiennes*» и нарочно отпечатываемыя въ Парижѣ

—Путешествія.— Историческіе матеріалы.— Юмористическія статьи.— Разказы.— Журнальныя и литературныя замѣтки.— Театральная летопись.— Разныя извѣстія, заключающія въ себѣ мелкія статьи о предметахъ, заслуживающихъ всеобщее вниманіе, но по содержанію своему, равно какъ и по объему и цѣлѣ немогущія быть причисленными ни къ одному изъ означенныхъ отдѣловъ.

IX. Моды. Извѣстія о всѣхъ новостяхъ модъ и модныхъ обычаяхъ, съ двѣнадцатю *парижскими картинками*, прилагаемыми *совершенно* къ книжкамъ журнала.

въ форматъ нашего журнала, вполне заслуживаютъ такой чести, потому-что, въ-самомъ-дѣль, какъ по выбору моды, такъ по отличной гравировкѣ и отдѣлкѣ превосходятъ все, что являлось до-сихъ-поръ въ этомъ родѣ. *Точно такія же картинки будутъ прилагаемы въ каждой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ»* и 1846 года. Мы уже заключили вновь условіе съ г-мъ Оберомъ на будущій годъ и надеемся получать картинки такъ же исправно, какъ получали въ нынѣшнемъ году.

Семилѣтнимъ опытомъ доказанная аккуратность изданія книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», никогда неопаздававшихъ ни однимъ днемъ, достаточно можетъ ручаться читателямъ, что и въ 1846 году этотъ журналъ будетъ съ такою же точностью являться въ назначенные ему сроки, т. е. въ первое число каждаго мѣсяца, какъ являлся до-сихъ-поръ.

Прежнія распоряженія редакціи касательно приѣма подписки и разсылки журнала, сдѣланныя въ прежніе годы, какъ-то: учрежденіе Конторъ въ Петербургъ (*) и Москвѣ, для приѣма подписки, отправленіе книжекъ въ заклеенныхъ пакетахъ съ бандеролями, означеніе на пакетахъ числа, въ которое отправлена книжка изъ Петербурга, и печатныя карты, на которыхъ получающій книжку внѣ Петербурга долженъ расписываться въ почтовой конторѣ,—остаются и на будущій годъ. По-прежнему, мы просимъ иногородныхъ читателей обращаться съ своими требованіями не къ книгопродавцамъ, но или прямо въ редакцію, надписывая такъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ*, или въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта, или въ одну изъ Конторъ редакціи, въ Петербургъ и Москвѣ (см. ниже «Условія Подписки»). Только требованія, такимъ-образомъ адресованныя, будутъ исполняться немедленно, и только

(*) Нелишнимъ считаемъ обратить вниманіе читателей на то, что Санктпетербургская Контора Отечественныхъ Записокъ перемѣняетъ свою квартиру: съ 15-го сентября сего года она будетъ находиться на *Невскомъ-Проспектѣ, въ домѣ Ролова, противъ Думы*, при вновь-открытомъ книжномъ магазинѣ и. А. РАТЬКОВА, куда и просимъ адресовать требованія на журналъ, строго придерживаясь означеннаго здѣсь адреса.

за исполненіе такъ-адресованныхъ требованій редакція можетъ вполне поручиться ()*.

Мѣры, принятыя нами къ отвращенію безпорядковъ и неисправности въ пересылкѣ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ», оказались успѣшными, при содѣйствіи почтоваго начальства. Жалобъ на неисправное полученіе журнала въ нынѣшнемъ году почти не было. Надѣмся, что въ будущемъ году эти жалобы и совсѣмъ уничтожатся. Однакожь, всѣ предосторожности, принятыя нами въ прежнее время, остаются и на будущій годъ, — т. е. каждая книжка «Отечественныхъ Записокъ» будетъ доставляться, тотчасъ по отпечатаніи, изъ Санктпетербургской Конторы въ Газетную Экспедицію *въ конвертъ, заклеенномъ на-глухо со всѣхъ сторонъ, и обклеенномъ бандеролемъ*, къ которому приложится печать Санктпетербургскаго Почтамта (**). На всякомъ пакетѣ будетъ выставлено печатнымъ штепелемъ то число мѣсяца, когда книжка сдана въ Газетную Экспедицію. Въ этомъ видѣ всѣ иногородные подписчики должны получать адресованныя на ихъ имя книжки «Отечественныхъ Записокъ» изъ почтовыхъ конторъ, которыя, съ своей стороны, для удостовѣренія, будутъ возвращать въ Газетную Экспедицію посланныя имъ при книжкахъ печатныя карты, съ росписками получателей каждой книжки. Въ случаѣ какой-либо неисправности въ полученіи экземпляровъ, на которыя принята подписка *въ одной изъ Конторъ Отечественныхъ Записокъ*, или *въ Газетной Экспедиціи*, редакція покорнѣйше проситъ обращаться прямо къ ней: всякая справедливая жалоба будетъ доведена ею до свѣдѣнія почтоваго начальства.

(*) Гг. книгопродавцы, желающіе принимать подписку на «Отечественныя Записки», симъ извѣщаются, что они могутъ обращаться съ своими требованіями къ управляющимъ Конторамъ Отечественныхъ Записокъ, но не иначе получать требуемые ими экземпляры, какъ *еяся наличныя деньги*. Въ кредитъ же «Отечественныя Записки» отпускаемы никому не будутъ.

(**) Чѣмъ исправнѣе, полнѣе и чѣтче будетъ написанъ въ требованіи адресъ желающаго получать «Отечественныя Записки», тѣмъ исправнѣе можно надѣяться получать ихъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Цѣна за годовое изданіе «Отечественныхъ Записокъ», съ двѣнадцатую парижскими картинками модъ, пятнадцать рублей серебромъ безъ пересылки; за пересылку же, или доставку на домъ, прилагается, сверхъ-того, полтора рубля серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ *исключительно* :

Въ Санктпетербургѣ: — въ Конторѣ Редакціи Отечественныхъ Записокъ, находящейся на Невскомъ-Проспектѣ, въ домъ Рогова, противъ Думы.

Въ Москвѣ: — въ Конторахъ Редакціи Отечественныхъ Записокъ: на Страстномъ-Бульварѣ, въ домъ Университетской Типографіи, и на Никольской, подлѣ Казанскаго Собора, подъ №№ 4 и 5, при книжныхъ магазинахъ И. В. Базунова и О. А. Свѣшникова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями, надписывая такъ: *Въ Редакцію Отечественныхъ Записокъ, въ Санктпетербургъ*, — или въ Газетную Экспедицію Санктпетербургскаго Почтамта.

О выходѣ каждой книги «Отечественныхъ Записокъ» будетъ объявлено въ газетахъ обѣихъ столицъ, и подписчики будутъ имѣть все право требовать вышедшіе нумера журнала отъ тѣхъ мѣстъ и лицъ, у которыхъ они подписались.

Редакція повторяетъ свою просьбу къ желающимъ подписаться на ея журналъ, чтобъ они объявляли свои требованія заблаговременно, для избѣжанія непріятности, которую въ нынѣшнемъ году испытали нѣкоторые, опоздавшіе подписаться. Это необходимо также и для своевременнаго полученія модныхъ картинокъ, выписываемыхъ редакціею изъ Парижа заблаговременно.

Редакторъ и издатель **А. КРАЕВСКІЙ.**

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 30 августа 1845 г.
Цензоры: *И. Ивановскій* и *А. Мехлинъ.*

